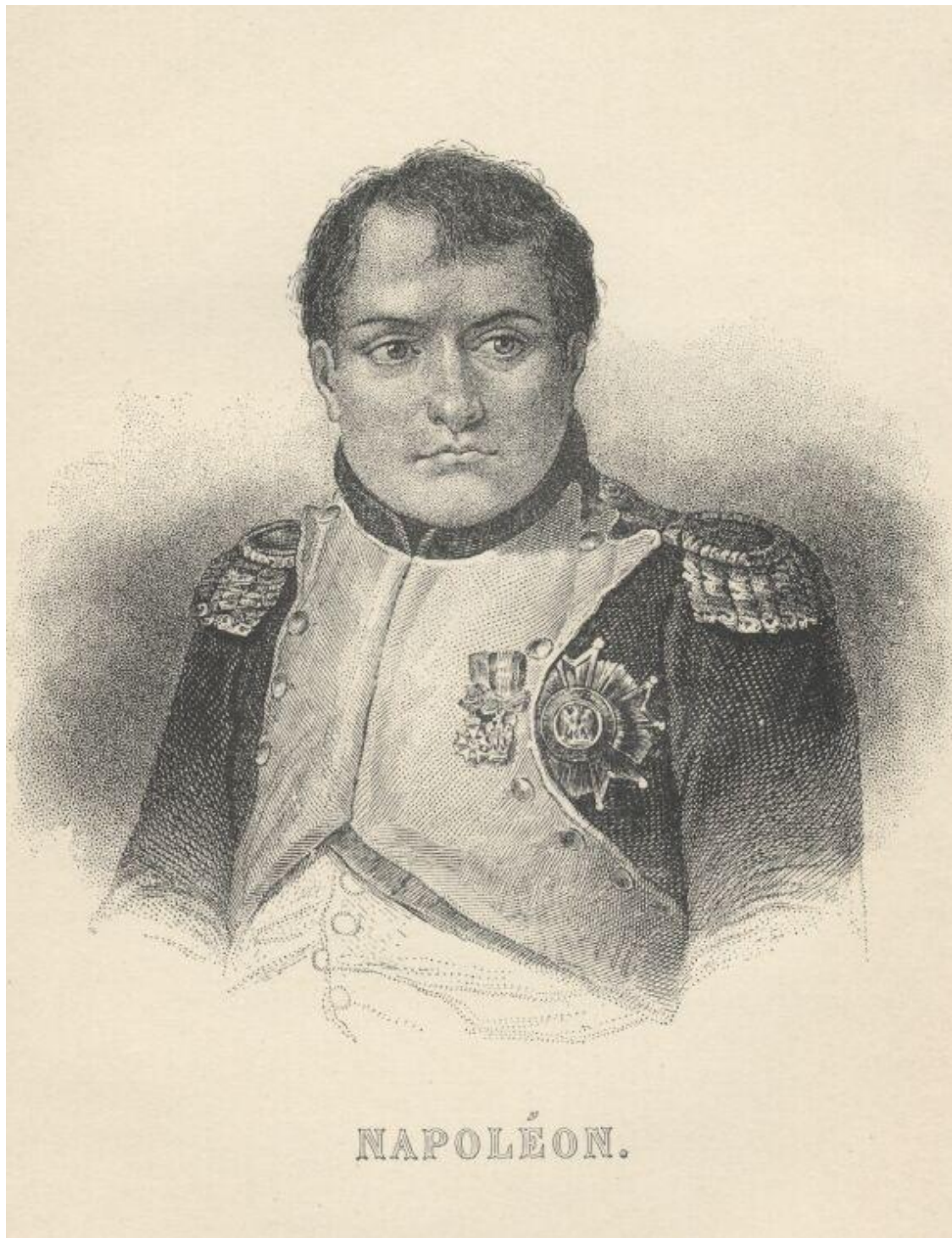

Мемуары Наполеона Бонапарта — Полный текст

Луи Антуан Фовле де Бурьен

Электронная книга Мемуаров Наполеона Бонапарта проекта "Гутенберг" — Полная

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Мемуары Наполеона Бонапарта — Полностью

Автор: Луи Антуан Фовле де Бурьен

Редактор: Рамси Уэстон Фиппс

Дата выхода: 8 сентября 2004 г. [Электронная книга № 3567]

Последнее обновление: 8 января 2021 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсер Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МЕМУАРЫ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА" — ЗАВЕРШЕНО ***

Выбор формата

Текущий формат лучше всего подходит для большинства **ноутбуков** и **компьютеров**, и он хорошо генерирует файлы **.mobi** и **.epub**. Изображения более высокого качества в этом файле не уменьшаются в размере, чтобы соответствовать маленьким экранам планшетов и смартфонов — часть изображений большего размера может сбиться сбоку. Другой формат доступен при нажатии на следующую строку:

*Файл с изображениями, которые автоматически адаптируются под любой размер экрана; это лучший выбор для небольших экранов **планшетов** и **смартфонов**.*

MEMOIRS
of
NAPOLEON
BONAPARTE
✻
BOURRIENNE
I

MEMOIRS
of
NAPOLEON
BONAPARTE
✻
BOURRIENNE
II

MEMOIRS
of
NAPOLEON
BONAPARTE
✻
BOURRIENNE
III

MEMOIRS
of
NAPOLEON
BONAPARTE
✻
BOURRIENNE
IV

SCRIBNERS

SCRIBNERS

SCRIBNERS

SCRIBNERS

MEMOIRS
OF
NAPOLEON BONAPARTE

МЕМУАРЫ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА,

Полные

ЛУИ АНТУАН ФОВЛЕ ДЕ БУРЬЕН

Его Личный секретарь

Под редакцией Р. У. Фиппса, полковника Королевской артиллерии, покойного

1891

MEMOIRS
OF
NAPOLEON BONAPARTE

BY
LOUIS ANTOINE FAUVELET DE BOURRIENNE
HIS PRIVATE SECRETARY

TO WHICH ARE ADDED AN ACCOUNT OF THE IMPORTANT EVENTS OF THE HUNDRED
DAYS, OF NAPOLEON'S SURRENDER TO THE ENGLISH, AND OF HIS
RESIDENCE AND DEATH AT ST. HELENA, WITH ANECDOTES
AND ILLUSTRATIVE EXTRACTS FROM ALL THE
MOST AUTHENTIC SOURCES

EDITED BY R. W. PHIPPS
COLONEL, LATE ROYAL ARTILLERY

New and Revised Edition
WITH NUMEROUS ILLUSTRATIONS

VOL. I

NEW YORK
CHARLES SCRIBNER'S SONS
1891

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1836 ГОДА.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1885 ГОДА.

ВВЕДЕНИЕ АВТОРА.

ПРИМЕЧАНИЕ.

ТОМ I. — 1769-1800

- ГЛАВА 1 **1769-1783.** Подлинная дата рождения Бонапарта—Его семья разорена иезуитами—Его пристрастие к военным забавам—Фиктивная осада Бриенского колледжа—Жена привратника и Наполеон—Моя близость с Бонапартом в колледже—Его любовь к математике и нелюбовь к латыни—Он защищает Паоли и обвиняет своего отца—Его высмеивают товарищи—Невежество монахов—Раздача призов в Бриенне—Мадам де Монтессон и герцог Орлеанский—Отчет м. Кералио о Бонапарте—Он покидает Бриенн.
- ГЛАВА II. **1784-1794.** Бонапарт поступает в Военный колледж Парижа—Он призывает меня избрать профессию военного —Его отчет о состоянии Военной школы Парижа—Он получает офицерский чин—Я отправляюсь в Вену—Возвращаюсь в Париж, где снова встречаюсь с Бонапартом—Его необычные планы по сбору денег—Людовик XVI в красной шапочке на голове— 10 августа—Мой отъезд в Штутгарт—Бонапарт отправляется на Корсику—Мое имя внесено в список эмигрантов—Бонапарт при осаде Тулона—Суп де Бокер—Миссия Наполеона в Генуе — Его арест — Его автографическое обоснование — первая связь Дюрока с Бонапартом.
- ГЛАВА III. **1794-1795гг.** Предложение отправить Бонапарта в Вандею—Он вычеркнут из списка генеральных офицеров—Саличетти—Женитьба Жозефа на мадемуазель Клари—Желание Бонапарта отправиться в Турцию—Записка с объяснением плана предполагаемой экспедиции—Характеристика мадам Буррьен Бонапарта и отчет об аресте ее мужа—Конституция III года— 13—е Вандемье—Бонапарт назначен заместителем командующего внутренней армией—Панегирик Бонапарту Барраса и его последствия-Рукопись острова Святой Елены.
- ГЛАВА IV. **1795-1797.** По возвращении в Париж я встречаюсь с Бонапартом —Его беседа с Жозефиной —Женитьба Бонапарта и отъезд из Парижа через десять дней после этого— Портрет и характер Жозефины—Неприязнь Бонапарта к национальной собственности—Письмо Жозефине—Письмо генерала Колли и ответ Бонапарта—Бонапарт отказывается служить с Келлерманом— Письма Мармона—Приказ Бонапарта мне вступить в армию—Мой отъезд из Санса в Италию—Восстание венецианских государств.
- ГЛАВА **1797 г..** Подписание предварительных условий мира—Падение Венеции—Мое

- V прибытие и прием в Леобене—Бонапарт желает добиться успеха—Директория выступает против него—Он желает наступать на Вену—Движение армии Мрачного и Мышиного—Недовольство Бонапарта—Прибытие в Милан—Мы поселяемся в Монтебелло—Решение Наполеона относительно Дандоло и Мельци.
- ГЛАВА VI. **1797**год. Переписка Наполеона—Освобождение французских пленных в Ольмюце—Переговоры с Австрией—Недовольство Бонапарта—Письмо с жалобой от Бонапарта в Исполнительную директорию—Записка о делах Венеции и Клуба Клиши, написанная Бонапартом и распространенная в армии—Перехваченное письмо императора Франциска.
- ГЛАВА VII. **1797**год. Необоснованные сообщения—Карно—Капитуляция Мантуи—Генерал Кларк—Директория уступает Бонапарту—Бертье—Прибытие Эжена Богарне в Милан—Граф Деланне д'Антрэг—Его беседа с Бонапартом—Изъятие его бумаг—Копия одной из них, описывающей разговор между ним и графом де Монгайяром—Император Франциск—Принц де Конде и генерал Пишегрю.
- ГЛАВА VIII. **1797**год. Внутренние роялисты — Намерение Бонапарта выступить маршем на Париж с 25 000 человек —Его враждебность к эмигрантам и Клубу Клиши—Его выбор между двумя партиями Директории—приказ дня Ожеро против слова "месяц"—Бонапарт желает стать одним из пяти директоров—Он поддерживает большинство членов Директории—Ла Валлет, Ожеро и Бернадот отправлены в Париж—Интересная переписка, касающаяся 18 Фруктидора.
- ГЛАВА IX. **1797**год. Радость Бонапарта по поводу результатов 18-го фруктидора.—Его письмо Ожеро—Его переписка с Директорией и предложение об отставке—Объяснение Директории—Ботто—Генерал Кларк—Письмо мадам Баччокки Бонапарту—Письмо с автографом императора Франциска Бонапарту—Прибытие графа Кобенцеля—Записка с автографом Бонапарта об условиях мира.
- ГЛАВА X. **1797**ГОД. Влияние 18—го Фруктидора на переговоры—Подозрения Бонапарта в отношении Ботто—Его жалобы на то, что данные Буррьена не были стерты—Беседа Буррьена с маркизом Галло—Ботто пишет из Парижа Бонапарту со стороны Агентов Директории, нанятых для наблюдения за Бонапартом—Влияние погоды на заключение мира—Замечательное наблюдение за Бонапартом—Заключение мирного договора—Директория недовольна условиями мира—Пристрастие Бонапарта к представительному правительству—Мнение о Бонапарте.
- ГЛАВА XI. **1797** Влияние 18 Фруктидора на мир—Знамя армии Италии—Почести, оказанные памяти генерала Гоша и Вергилия в Мантуе—Замечательное письмо—Проезжая через Швейцарию, Бонапарт посещает поле Морат—Прибытие в Раштадт—Письмо Директории, призывающее Бонапарта в Париж—Интриги против Жозефины—Торжественная церемония приема Бонапарта Директорией—Театры—Скромность Бонапарта—Покушение—Мнение Бонапарта о парижанах —Его избрание в Национальный институт—Письмо Камю—Проекты—Размышления.
- ГЛАВА XII. **1798**год. Отъезд Бонапарта из Парижа—Его возвращение—Планируемая египетская экспедиция—М. де Талейран—Генерал Дезэ—Экспедиция против Мальты—Деньги, взятые в Берне—Идеи Бонапарта относительно Востока—Монж—Невмешательство Директории—Браки Мармона и Ла Валетт—План Бонапарта по колонизации Египта—Его лагерная библиотека—Орфографические ошибки—Запас вин—Прибытие Бонапарта в Тулон—Падение мадам Бонапарт с балкона—Казнь старика—Симон.
- ГЛАВА **1798**год. Отплытие эскадры—Прибытие на Мальту—Доломье—Генерал Барге

- XIII. д'Илье—Атака на западную часть острова—Замечание Каффарелли—Освобождение турецких пленников—Преследование Нельсоном французского флота—Разговоры на борту—Как Бонапарт проводил свое время—Вопросы капитанам—Обсуждаемые предложения—Утренняя музыка—Прокламация—Адмирал Брюи—Английский флот избежал опасной высадки—Бонапарт и его судьба—Взятие Александрии—Ранение Клебера—Вступление Бонапарта в Александрию.
- ГЛАВА XIV. **1798**год. Мираж—Стычки с арабами—Ошибка дивизии генерала Десо—Убожество богатого шейха—Битва под окном генерала—Флотилия на Ниле—Ее бедствия и опасность—Битва при Шебрейсе—Поражение мамлюков—Прием, оказанный мне Бонапартом—Письмо Луи Бонапарту—Успех французской армии—Триумфальный въезд в Каир—Гражданская и военная организация Каира—Письмо Бонапарта своему брату Жозефу—План колонизации.
- ГЛАВА XV. **1798**год. Учреждение дивана в каждой египетской провинции—Дезэ в Верхнем Египте—Ибрагим—бей разбит Бонапартом при Салехье—Сулковский ранен—Катастрофа при Абукире—Недовольство и ропот в армии—Уныние главнокомандующего—Его план в отношении Египта—Обдуманый поход на Англию—Осуждение Директории Бонапартом—Перехваченная переписка.
- ГЛАВА XVI. **1798**год. Египетский институт—Праздник рождения Магомета—Благоразумное уважение Бонапарта к магометанской религии—Его турецкая одежда—Джеззар, паша Акко—Мысли о кампании в Германии—Отсутствие новостей из Франции—Бонапарт и мадам Фурэ—Египетский предсказатель месье Бертолле и шейх Эль Бекри—Авианосец "Марлбрук"—Восстание в Каире—Смерть генерала Дююи—Смерть Сулковского—Восстание подавлено—Ночные казни—Уничтожение племени арабов—Конвой с больными и ранеными—Резня французов на Сицилии—планируемая экспедиция в Сирию—Письмо Типпу Саибу.
- ГЛАВА XVII. **1798-1799**. Отъезд Бонапарта в Суэц—Пересечение пустыни—Переправа через Красное море—Фонтан Моисея—Кенобиты горы Синай—Опасность повторного перехода через Красное море—Возвращение Наполеона в Каир—Деньги, взятые займы в Генуе—Новые планы в отношении Сирии—Недовольство Оттоманской Порты—План вторжения в Азию—Гигантские планы—Разрешение генерала Бертье вернуться во Францию—Его романтическая любовь и обожаемый портрет—Он отказывается от разрешения вернуться домой—Луи Бонапарт покидает Египет—Первая кашемировая шаль во Франции—Перехвачена переписка—Отъезд в Сирию—Фонтаны Мессудиша—Ревность Бонапарта—Недовольство войск—Взятие Эль-Ариша—Аспект Сирии—Рамлех—Иерусалим.
- ГЛАВА XVIII. **1799 г..** Прибытие в Яффо—Осада—Богарне и Круазье—Четыре тысячи пленных—Нехватка провизии—Военные советы—Ужасная необходимость—Резня—Чума—Ланн и горцы—Варварство Джеззара—Прибытие в Сен—Жан д'Акр и безуспешные атаки—Сэр Сидни Смит—Смерть Каффарелли—Ранение Дюрока—Поспешное купание—Восстания в Египте.
- ГЛАВА XIX. **1799**год. Осада Акко привлекла внимание к именам в бюллетенях—Гигантский проект—Друзы—Гора Кармель—Раненые и инфицированные—Приказ идти пешим маршем—Потеря нашей пушки—Наблудянин стреляет в Бонапарта—Возвращение в Яффо—Бонапарт посещает чумной госпиталь—Зелье, которое дают больным—Заявление Бонапарта на острове Святой Елены.
- ГЛАВА **1799**год. Мюрат и Моарад Бей на озерах Натрон—Отъезд Бонапарта к пирамидам—Внезапное появление арабского гонца—Известие о высадке турок в

- XX. Абукире—Бонапарт выступает против них —Они немедленно атакованы и уничтожены в битве при Абукире—Обмен сообщениями с англичанами— Внезапное решение вернуться в Европу—Экипировка двух фрегатов— Притворство Бонапарта—Его притворное путешествие в Дельту— Великодушное поведение Ланузи—Уловка Бонапарта—Его плохое обращение с генералом Клебером.
- ГЛАВА XXI **1799.** Наш отъезд из Египта —Ночная посадка—М. Парсеваль Грандмезон—По курсу—Неблагоприятный ветер—Страх перед англичанами— Благоприятная погода—Игра в шахматы—Мы высаживаемся в Аяччо— Мнимые родственники Бонапарта—Семейные владения—Нехватка денег— Битва при Нови—Смерть Жубера—Дальновидные планы—Покупка лодки—Отплытие с Корсики— Английская эскадра—Наш побег— Дороги Фрежюса—Наша высадка во Франции— Чума или австрийцы—Радость народа—Санитарные законы—Ложно обвиненный Бонапарт.
- ГЛАВА XXII. **1799**год. Эффект, произведенный возвращением Бонапарта—Его оправдание— Грустное письмо моей жене—Предполагаемый ужин Бонапарта в Сансе— Луи Бонапарт и Жозефина—Он меняет намеченный маршрут— Печальное положение провинций—Необходимость перемен— Честолюбивые взгляды Бонапарта— Влияние аплодисментов публики— Прибытие в Париж—Его прием Жозефины—Их примирение— Визит Бонапарта к Директории—Его презрительное обращение с Сийесом.
- ГЛАВА XXIII **1799 ГОДА.** Моро и Бернадотт—Мнение Бонапарта о Бернадотте—Ложный отчет— Корона Швеции и Конституция III года.— Интриги братьев Бонапарта—Сердитый разговор между Бонапартом и Бернадоттом—Версия Бонапарта—Версия Жозефины— Неожиданный визит—Клуб "Манеж"—Саличетти и Жозеф Бонапарт — Бонапарт приглашает себя на завтрак с Бернадоттом—Загородная экскурсия— Бернадотт обедает с Бонапартом—Заговор и конспирация —Поведение Люсьена— Ужин, данный Бонапарту королевским двором. Совет пятисот —Желание Бонапарта быть избранным членом Директории—Его примирение с Сийесом— Предложение, сделанное Директорией Бонапарту —Баррас ложно обвиняет его.
- ГЛАВА XXIV. **1799 г..** Камбасерес и Лебрен—Гойе обмануты—Мой ночной визит в Баррас — Командование армией передано Бонапарту—Утро 18 Брюмера—Встреча генералов в доме Бонапарта— Твердость Бернадотта—Интерес Жозефины к мадам Гойе— Разочарование директоров—Смотр в садах Тюильри—Речь Бонапарта— Провозглашение древних— Моро, тюремщик Люксембургского дворца—Мой разговор с Ла Валлеттом— Бонапарт в церкви Св. Облако.
- ГЛАВА XXV. **1799**год. Два совета—Письмо Барраса—Бонапарт в Совете Пятисот—Ложные сообщения—Шумное заседание—Речь Люсьена- Он подает в отставку с поста председателя Совета Пятисот—Его уносят гренадеры—Он обращается к войскам с речью—Драматическая сцена —Мюрат и его солдаты изгоняют Пятьсот—Совет тридцати—Консульская комиссия—Декрет—Возвращение в Париж—Беседа с Бонапартом и Жозефиной о Гойе и Бернадотте—Директора Гойе и Мулен заключены в тюрьму.
- ГЛАВА XXVI. **1799**год. Всеобщее одобрение 18 Брюмера—Бедственное положение казны— Щедрость г-на Колло—Неблагодарность Бонапарта—Освобождение Гойе— Конституция VIII года.—Сенат, трибунал и Государственный совет—Требуются замечания о характере кандидатов— Любовь Бонапарта к честности и таланту— Влияние на него привычки—Его ненависть к трибунату—Временные уступки— Первое консульское министерство—Посредственность Ла Плас—

Проскрипционные списки— Отчет Камбасереса—М. Моро де Вормс—Характер Сийеса— Бонапарт в Люксембурге—Распределение дня и визитов— Оппозиция Лебрена—Пение Бонапарта—Его мальчишеские выходки— Присвоение титулов "Мадам" и "Монсеньор"— Деятели революции и сторонники бурбонов—Опасения Бонапарта— Конфиденциальные заметки о кандидатах в президенты и ассамблеях.

ГЛАВА XXVII. **1799-1800.** Трудности нового правительства—Положение в Европе—Стремление Бонапарта к миру—Министр иностранных дел Месье де Талейран— Переговоры с Англией и Австрией —Их провал—Взгляды Бонапарта на Восток—Его жертвы политике—Генерал Бонапарт донес Первому консулу—Письмо Клебера Директории— Отчеты о египетской экспедиции, опубликованные в *Moniteur*— Воззвание к армии Востока—Благосклонность и немилость определенных лиц учтены.

ГЛАВА XXVIII. **1800 ГОД.** Великие и простые люди—Портрет Бонапарта—Разное выражение его лица—Его судорожное пожатие плечами—Предчувствие своей полноты— Пристрастие к ванне—Его умеренность—Его предполагаемая способность обходиться без сна—Хорошие и плохие новости—Бритье и чтение журналов— Утренние деловые переговоры—Завтрак—Кофе с нюхательным табаком— Представление Бонапарта о своем собственном положении—Его дурное мнение о человечестве —Его неприязнь к "тет-а-тет"—Его ненависть к революционерам — Дамы в белом—Анекдоты — Знаки доброты Бонапарта и его шуточные комплименты — Его приступы дурного настроения—Звон колоколов— Сады Мальмезона—Его мнение о медицине—Его память— Его поэтическая нечувствительность— Недостаток галантности—Карты и беседы— Фрак и черный галстук - Выплаты Бонапарта —Его религиозные идеи— Его упрямство.

ГЛАВА XXIX. **1800.** Законы Бонапарта—Отмена праздника 21 января —Визиты официальных лиц—Тампл—Людовик XVI. и сэр Сидни Смит—Казнокрадство во время Директории—Привлеченный заем—Скромный бюджет —Консул и член Института—Деятели Республики—Миссии Дюрока—Король Пруссии—Император Александр—Генерал Латур-Фуа—Сакс—Произвольный указ—Компания игроков за Египет—Необычные идеи в отношении литературной собственности— Подготовительное консульство—Дневники—Сабли и мушкеты чести—Первый консул и его товарищ—Бюст Брута— Статуи в галерее Тюильри—Секции Государственного совета—Костюмы государственных чиновников —Маскарады-Опера—балы-Возвращение изгнанников.

ГЛАВА XXX. **1800.** Бонапарт и Павел I.—Лорд Уитворт—Прибытие барона Спренгпортена в Париж—Восхищение Поля Бонапартом—Их тесная связь и переписка— Королевский вызов—Генерал Мак—Дорога в Мальмезон—Попытки покушения— Смерть Вашингтона—Национальный траур—Честолюбивый расчет—Месье де Фонтанель, искусный оратор —Праздник в Храме Марса—Женитьба Мюрата на Каролине Бонапарт—Жемчуга мадам Бонапарт.

ГЛАВА XXXI. **1800 ГОД.** Полиция против полиции—Ложная информация—Ловкость Фуше— Полицейские агенты обмануты—Деньги неправильно использованы— Бесполезность политической полиции— Мнение Бонапарта—Общие соображения—Мое назначение в префектуру полиции.

ГЛАВА XXXII. **1800 ГОД.** Успешное проведение вечеринок—Меры предосторожности—Переезд из Люксембурга в Тюильри—Наемный экипаж-кареты и белые лошади консула— Королевский обычай и надпись—Смотр—Уважение Бонапарта к штандартам— Талейран в кабинете Бонапарта— Отвращение Бонапарта к шапке свободы даже

на картине—Государственная кровать—Наш кабинет.

ГЛАВА
XXXIII. **1800.** Тюильри—Королевская семья в перспективе—Замечательное наблюдение—Презентации—Принятие прерогативы милосердия—М. Поражение — Месье де Фротте—Аудиенция Жоржа Кадудалю у Бонапарта—Предосторожность Раппа и доверие Бонапарта—Достоинство Франции— Снотворные Тэнди и Блэкуэлл выданы сенатом Гамбурга— Взнос в египетском стиле—Бесценный счет—Пятнадцать тысяч франков в ящике секретера—Долги Жозефины—Вечерние прогулки с Бонапартом.

ГЛАВА
XXXIV. **1800.** Война и памятники —Влияние воспоминаний о Египте— Первые улучшения в Париже—Мальмезон слишком мал—Сент. Взятое облако —Мост искусств—Дело, предписанное мне Бонапартом— Денежное вознаграждение—Визит первого консула в Притани— Его экзамен учеников—Консульские пенсии—Трагическая смерть Мяцинского—Введение вакцинации—Отзыв членов Учредительного собрания—Добровольцы "канарейки"—Тронше и Таргет—Освобождение австрийских пленных—Лонгшаны и духовная музыка.

ГЛАВА
XXXV **1800.** Мемориал Святой Елены—Первое письмо Людовика XVIII Бонапарту — Жозефина, Гортензия и Сен—Жерменское предместье- мадам Бонапарт и гадалка—Второе письмо Людовика XVIII —Ответ Бонапарта—Беседа об отзыве Людовика XVIII.—Мир и война—Битва при пинсе—Генуя и Мелас— Реализация военных планов Бонапарта—Ироническое письмо Бертье—Отъезд из Парижа—Инструкции Люсьену и Камбасересу—Жозеф Бонапарт назначен государственным советником— Беседа в путешествии —Александра и Цезаря судит Бонапарт.

ТОМ II. — 1800-1805 гг.

ГЛАВА
I. **1800.** Доверие Бонапарта к армии — "Прекрасная Франция"—Монастырь бернадинцев—Переход Мон—Сен—Бернар—Прибытие в монастырь— Солдатам раздали прохладительные напитки—Мон—Альбаредо—Артиллерия спешила—Форт Бард—Удачная смелость—Бонапарт и Мелас—Шпион—Мнение Бонапарта о месье Неккере—Капитуляция Генуи—Перехваченная депеша—Ланн в Монтебелло—Буде сменил Дезэ—Хладнокровие первого консула к месье Колло—Разговор и воспоминания— Битва при Маренго —генерал Келлерман—Ужин, присланный из монастыря дель Боско—Подробности смерти Десо, принца Лихтенштейнского—Возвращение в Милан—Савари и Рапп.

ГЛАВА
II. **1800ГОД.** Приостановление военных действий—Письмо консулам—Вторая оккупация Милана—Бонапарт и Массена—Публичные возгласы и голос Жозефины—Случайные воспоминания—Организация Пьемонта—Почетные сабли—Награды Рейнской армии—Мнимая резервная армия—Генерал Зак—Годовщина 14 июля—Памятник Дезэ—Дезэ и Фуа—Речь Бонапарта в Храме Марса— Прибытие консульской гвардии—Останки маршала Тюренна— Успешная речь Люсьена—Письмо Люсьена Жозефу Бонапарт— Возвращение первого консула в Париж—Дорожные происшествия— Трудности с приобретением длительной славы—Убийство Клебера— Обстановка террасы, на которой был зарезан Клебер—Отвратительные слухи —Прибытие курьера—Ночная сцена —Огорчение Бонапарта при просмотре депеш из Египта.

ГЛАВА
III. **1800 ГОД.** Желание Бонапарта вести переговоры с Англией и Австрией— Письмо эмигранта—Бытовые подробности—Колокол—Заговор Черакки, Арены, Харреля и

других—Визит Бонапарта в оперу —Аресты—Рариэль назначен комендантом Венсена—Молочная сестра герцога Энгийенского—3-й Нивуаз —Первое представление "Сотворения мира" Гайдна—Адская машина—Поздравительные адреса- Произвольные осуждения—М. Тиссо вычеркнут из списка изгнанных—М. Трюге—Ненависть Бонапарта к якобинцам объяснена— Настоящие преступники обнаружены—Оправдание Фуше—Казнь Святого регента и Карбона—Цезарь, Кромвель и Бонапарт—Разговор между Бонапартом и Фуше—Притворный гнев— Лицемерие Фуше—Отставка Люсьена—Его посольство в Испании—Война между Испанией и Португалией—Ужин у Фуше—Предательство Жозефа Бонапарта— Уловка с первым консулом—Трехдневная прохлада— Примирение.

ГЛАВА IV. **1800-1801** Австрия, подкупленная Англией—г-н де Сен-Жюльен в Париже—Миссия Дюрока—Разрыв перемирия—Капитуляция трех гарнизонов— г-н Отто в Лондоне— Битва при Гогенлиндене—Мадам Моро и мадам Юло— жестокое обращение Бонапарта с последним—Конгресс в Люневиле—Генерал Кларк—М. Марет—Мир между Францией и Австрией—Финансовые спекуляции Жозефа Бонапарта— Совет Месье де Талейрана—Регулирование работы почты-Камбасерес— Важность хороших обедов в делах правительства—Пароходы и интриганы—Смерть Павла I.— Новые идеи о восстановлении Польши—Дюрок в Санкт—Петербурге—Взятка отвергнута— Смерть Аберкромби.

ГЛАВА V. **1801-1802.** Эксперимент королевской семьи—Луи де Бурбон и Мария Луиза из Испании—Создание королевства Этрурия—Граф Ливорно в Париже—Данные ему развлечения—Мнение Бонапарта о короле Этрурии—Его отъезд во Флоренцию и плохой прием там— Переговоры с папой римским—Мнение Бонапарта о религии— Богослужение в Нотр—Дам—Поведение людей в церкви—Безбожие Консульского двора—Замечание Ожеро о Богослужении-Первая месса в Сен—Клу—Месса в апартаментах Бонапарта -Талейран освобожден от своих духовных обетов - Мое назначение в Государственный совет.

ГЛАВА VI. **1802 ГОД.** Последняя глава о Египте—Адмирал Гантеом—Способ понравиться Бонапарту— Лесть генерала Мену и его награда—Даву—Бонапарт сожалеет о передаче командования Мену, который терпит поражение от Аберкромби— Переговоры Отто в Лондоне—Предварительные условия мира.

ГЛАВА VII. **1802 ГОД.** Самая славная эпоха для Франции—Стремление первого консула к миру—Мальта передана и сохранена—Бонапарт и английские журналы— Письмо мистера Аддингтона первому консулу—Бонапарт преследует Пелтье—Экспедиция Леклерка в Сан-Доминго—Туссен Лувертьюр— Смерть Леклерка—Рошамбо, его преемник, покидает Сан-Доминго— Первые симптомы болезни Бонапарта— Интриги Жозефины с целью женитьбы на Гортензии—Опровергнута ложь.

ГЛАВА VIII. **1802-1803.** Президент Цизальпинской республики Бонапарт—Встреча делегации в Лионе—Мальта и англичане—Мое бессмертие—Праздник, устроенный мадам Мюрат—Вычеркивание из списка эмигрантов—Реституция собственности— Генерал Себастьяни—Лорд Уитворт—Первые симптомы болезни Наполеона— Корвизар—Влияние физических страданий на характер Наполеона—Статьи для Moniteur—Генерал Андреосси— Каламбур М. Талейрана—Жером Бонапарт— Расточительность братьев Бонапарта—М. Колло и контракт с военно-морским флотом.

ГЛАВА IX. **1802 год.** Пресловутая ложь в бюллетенях —М. Дублет—Учреждение ордена Почетного легиона—Противодействие этому в Совете и других органах государственной власти—Сторонники наследственной системы— Вопрос о

пожизненном консульстве.

- ГЛАВА X. **1802 ГОД.** Генерал Бернадотт умирляет Вандею и подавляет мятеж в Туре—Несправедливость Бонапарта по отношению к нему—Преднамеренная сцена—Совет, данный Бернадотту, и разочарованный Бонапарт—Резиденция первого консула в Сен-Клу—Его репетиции Империи—Его презрение к человечеству—Мистер Фокс и Бонапарт—Информация о планах покушения—Военный обед, устроенный Бонапартом—Моро не на вечеринке—Влияние "Консультаций сената" на пожизненное консульство—Путешествие в Пломбьер—Предыдущая сцена между Люсьеном и Жозефиной—Театральные представления в Нейи и Мальмезоне—Потеря часов и вознаграждение за честность—Канова в Сен-Клу—Нежелание Бонапарта выступить в роли модели.
- ГЛАВА XI. **1802 ГОД.** Принцип Бонапарта в отношении смены министров—Фуше—Его влияние на Первого консула—Увольнение Фуше—Департаменты полиции и юстиции объединились под руководством Ренье—Сожаление мадам Бонапарт по поводу увольнения Фуше—Семейные сцены—Беременность мадам Луи Бонапарт—Ложные и позорные донесения Жозефине—Законность и незаконнорожденный сын—Редерер, которого упрекает Жозефина—Ее визит к Рюэлю—Долгая беседа с ней—Заявление на острове Святой Елены о крупном политическом мошенничестве.
- ГЛАВА XII. **1802 ГОД.** Гражданин Феш создал кардинала Феша—Искусство и промышленность—Выставка в Лувре—Вид Парижа в 1802 году—Венера Медичи и Паллада Веллетрийская—Признаки всеобщего процветания—Рост фондов—Безответственные министры—Бурбоны—Военное правительство—Раздражающая фамильярность Ланна—План его опалы—Возмущение Ланна—Его посольство в Португалии—Задержка отправки—Гнев Бонапарта—Я ухожу с поста—Дюрок—Я завтракаю с Бонапартом—Заступничество Дюрока—Временное примирение.
- ГЛАВА XIII. **1802-1803.** Конкордат и орден Почетного легиона—Государственный совет и трибунал—Дискуссия о слове "подданные"—Предложение Шенье-Шабо де л'Алье трибуналу—Явное доказательство национальной признательности—Двуличие и своеволие Бонапарта—Ответ "Сенату-консулу"—С народом советовались—Консульский декрет—Больше или меньше всего—Речь г-на де Ванблана—Ответ Бонапарта—Обращение трибунала—Надежды и предсказания не оправдались.
- ГЛАВА XIV. **1802-1803.** Отъезд в Мальмезон—Неожиданный вопрос относительно бурбонов—Различие между двумя оппозиционными партиями—Новые интриги Люсьена—Изъят памфлет Камиллы Жордан—Брань против свободы печати—Пересмотр Конституции—Новый Сенат-консулат—Депутация от Сената—Аудиенция Дипломатического корпуса—Меланхолия Жозефины—Недовольные—Тайные встречи—Фуше и полицейские агенты—Кодекс Наполеона—Регулярное присутствие Бонапарта в Государственном совете—Его знание человечества и науки управления—Наполеон первый суверенный акт короля—Его визит в Сенат—Консульская процессия—Вежливый этикет—Сенат и Государственный совет—Жалобы на Люсьена—Собрание глухонемых—Учреждение сенаторских должностей.
- ГЛАВА XV. **1802 ГОДА.** Опыание великих людей—Неудачное рвение—г—жи Маре, Шампани и Савари—Реальные заслуги г-на де Талейрана—Отсрочка исполнения приказов—Фуше и революция—Роялистский комитет—Хартия, впервые задуманная во время консульства—Миссия в Кобленце—Влияние роялистов на Жозефину—Статуя и пьедестал—Роман мадам де Жанлис о мадам де Лавальер—

Орден Почетного легиона и гвоздики—Влияние Сен—Жерменского предместья—
Необдуманный шаг, предпринятый Бонапарт—Возмущение Людовика XVIII—
Благоразумный совет аббата Андре—Письмо Людовика XVIII. Бонапарту—Совет в
Нейи—Доставленное письмо—Безразличие Бонапарта и удовлетворение
роялистов.

ГЛАВА XVI **1802 ГОДА.** На следующий день после моего позора—Возобновление моих
обязанностей—Напускное уважение Бонапарта ко мне—Предложение
помощника—мсье де Меневаль—Мой второй разрыв с Бонапартом—Отчет герцога
де Ровиго об этом—Письмо мсье де Барба Марбуа—Истинные причины моего
разрыва с Первым консулом—Постскриптум к письму мсье де Барба Марбуа—
Черный кабинет —Проверка писем в консульстве— Я удаляюсь в Сен—Клу—
Сообщения мсье де Меневаль—Недельный конфликт между дружбой и
гордостью—Мое официальное увольнение—Мелкая месть —Моя просьба посетить
Англию —Односложный ответ—Ложное подозрение—Захоронение моих бумаг—
Сообщение от Дюрока—Мое письмо Первому консулу—Признанная правда.

ГЛАВА XVII. **1803 год.** Предчувствия Первого консула относительно продолжительности мира—
Беспокойство Англии по поводу процветания Франции—Истинное желание
Бонапарта войны—Скопление иностранцев в Париже—Недобросовестность
Англии—Бонапарт и лорд Уитворт—Взаимное положение Франции и Англии—
Поездка Бонапарта в приморские департаменты— Завтрак в Компьене—Отец
Бертон—Раздражение, вызванное присутствием Буке—Невменяемость и смерть
отца Бертона—Рапп приказал послать за мной—Приказ отменен.

ГЛАВА XVIII. **1803 ГОД.** Масштабные работы —Французские и римские солдаты—Маршрут
путешествия Бонапарта к побережью—Двенадцать часов верхом— Дискуссии в
Совете—Оппозиция Трюге—Мнение Бонапарта по обсуждаемому вопросу—Два
раздела мира—Европа как провинция—Ревность Бонапарта к достоинству
Франции—Англичанин на верфи Бреста—Публичная аудиенция в Тюильри—
Высказывания первого консула об Англии —Его желание заслужить хорошее
мнение английского народа—Бал в Мальмезоне— Реплики о танцах Гортензии —
Исключительный мотив для подачи мяча.

ГЛАВА XIX. **1803.** Мистер Питт—Мотив его ухода с должности—Ошибка английского
правительства—Притворное уважение к бурбонам—Нарушение Амьенского
мирного договора—Взаимные обвинения—Мальта—Отъезд лорда Уитворта—Рим
и Карфаген—Тайное удовлетворение Бонапарта— Послание Сенату,
Законодательному органу и Трибунату— Отказ короля Англии от титула короля
Франции— Жалобы английского правительства—Французские агенты в британских
портах —Взгляды Франции на Турцию—Замечание, сделанное Бонапартом
Законодательному органу Тело —Его ложная интерпретация—Завоевание
Ганновера— Карикатура на герцога Кембриджского—Король Англии и курфюрст
Ганновера—Первое обращение к духовенству—Использование слова "месье" —
Республиканские недели и месяцы.

ГЛАВА XX. **1803**Представление принца Боргезе Бонапарту—Отъезд в Бельгию Возрождение
королевского обычая—"Амьенские лебеди"—Изменение формулы в
правительственных актах—Труппа исполнителей в свите Бонапарта—Возрождение
старых обычаев—Разделение института на четыре класса—Наука и литература—
Ненависть Бонапарта к литераторам —Дюси—Бернарден де Сен-Пьер—Шенье и
Лемерсье— Объяснение отвращения Бонапарта к литературе—Лаланд и его
словарь—Образование в руках правительства—М. де Рокелор, архиепископ

Бонапарта. Малины.

- ГЛАВА XXI. **1804 ГОД.** Тампль—Интриги Европы—Прелюдия к континентальной системе—Бомбардировка Гранвиля—Мой разговор с первым консулом о планируемом вторжении в Англию—Фош Борель—Моро и Пишегрю—Маневры Фуше—Аббат Давид и Лажоле—Визит Фуше в Сен—Клу—Ренье перехитрил Фуше—Моя беседа с первым консулом—Его возмущение сообщениями о Гортензии—Опровержение этой клеветы—Братья Фоше—Их казнь Прием у первого консула — Мой разговор с Дюроком—Заговор Жоржа, Моро и Пишегрю—Моро против реставрации Бурбонов—Попытка самоубийства Буве де Лозье—Арест Моро—Заявление г-на де Полиньяка и де Ривьера —Попустительство полиции-Арест г-на Карбоне и его племянника.
- ГЛАВА XXII. **1804 ГОД.** События 1804 года—Смерть герцога Энгийского—Аргументы Наполеона на острове Святой Елены—Сравнение дат—Возможность того, что я спас жизнь герцогу Энгийскому—Совет, данный герцогу Энгийскому—Сэр Чарльз Стюарт—Задержка австрийского кабинета министров—Пишегрю и таинственное существо—М. Массиас—Историки острова Святой Елены—Угрозы Бонапарта эмигрантам и г-ну Кобенцелю— Необычное приключение секретаря Даву—квартирмейстера- вандейского разбойника.
- ГЛАВА XXIII. **1804 ГОД.** Миссия генерала Орденера—Арест герцога Энгийского—Ужасная ночная сцена-Рассказ Харреля о смерти принца—Приказ о копании могилы—Молочная сестра герцога Энгийского-Чтение приговора—Фонарь—Генерал Савари—Верный пес и полиция—Мой визит в Мальмезон—Горе Жозефины—Портрет герцога Энгийского и прядь волос —Волнение Савари— Отставка г-на де Шатобриана—Связь г-на де Шатобриана с Бонапартом — Мадам Баччокки и месье де Фонтанес—кардинал Феш —Посвящение второго издания "Genie du Christianisme" —Визит месье де Шатобриана к первому консулу утром в день смерти герцога Энгийского—Последствия смерти герцога Энгийского—Изменение общественного мнения в провинциях—Дворянство Замков—Влияние смерти герцога Энгийского на иностранные дворы— Замечательные слова мистера Питта-Людовика XVIII. возвращает королю Испании знаки отличия в виде Золотого руна.
- ГЛАВА XXIV. **1804 г..** Предательство Пишегрю —Его арест—Его поведение по отношению к своему старому адъютанту— Отчет о семье Пишегрю и его образовании в Бриенне— Разрешение навестить г-на Карбоне—Заклученные в Тампле—Абсурдное применение слова "разбойник"—Моро и отношение к нему общественного мнения—Твердость Пишегрю—Пишегрю задушен в тюрьме—Общественное мнение того времени-Сообщение о смерти Пишегрю.
- ГЛАВА XXV. **1804 г..** Арест Жорж, дочери торговца фруктами с улицы Монтань—Сент. Женестьева—Визит Луи Бонапарта в Тампль— Генерал Лористон—Арест Вильнева и Барко—Вильнев ранен—Моро во время его заключения—Подготовка к выходу из Тампля—Заметная перемена в Жорже—Обращения и поздравления—Забыта речь Первого консула—Секретные переговоры с Сенатом—Официальное предложение о возведении Бонапарта на трон Империи—Заседание Государственного совета—Вмешательство Бонапарта—Индивидуальные голоса—Семь против двадцати— Его подданные и его народ—Уместность титула императора—Переписка между Бонапартом и Сенатом— Камбасерес впервые назвал Бонапарта "Сир" —Первое письмо, подписанное Наполеоном в качестве императора—Торжественная церемония в Тюильри—Обращение Наполеона к императорской гвардии—

Органический "Сенат-консулат"—Возрождение старых формул и титулов—Республиканство Люсьена—Испанская принцесса—Тайный брак Люсьена—Влияние Бонапарта на немецких принцев—Интриги Англии—Дрейк в Мюнхене—Проект свержения правительства Бонапарта—Циркуляр министра иностранных дел членам дипломатического корпуса—Ответы на этот циркуляр.

ГЛАВА XXVI. **1804 ГОД.** Суд над Моро, Жоржем и другими—Общественный интерес, вызванный Моро—Предъявление обвинений заключенным—Письмо Моро Бонапарту—Насилие председателя Суда по отношению к заключенным—Лайоле и Роллан—Экспертизы, направленные на привлечение Моро к уголовной ответственности—Замечательные наблюдения—Речь, написанная месье Гаратом—Мнение Бонапарта о красноречии Гарата—Генерал Лекурб и сын Моро—Уважение, проявленное к Моро военными—Различные чувства, вызванные Жоржем и Моро—Торио и "Туи-руа"—Ответы Жоржа на допросы—Он отказывается от предложения о помиловании—Костер Сен—Виктор—Наполеон и актриса—Капитан Райт—М. де Ривьер и медаль графа д'Артуа—Благородная борьба между М. де Полиньяком—Приговор заключенным—Замечание Бонапарта—Помилования и казни.

ГЛАВА XXVII. **1804.** Клавир и Гемарт—Единственное предложение Корвизара-М. Десмезон—Проект воздействия на судей—Визит в Тюильри—Присутствующий Рапп—Долгая беседа с императором—Его мнение о суде над Моро—Английские убийцы и мистер Фокс—Жалобы на английское правительство—Бонапарт и Лакуи—Нежное поведение—Арест Пишегрю—Метод, использованный Первым консулом, чтобы обнаружить его присутствие в Париже—Характер Моро—Меры Бонапарта в отношении него—Лористон отправлен в Тампль—Молчание в отношении герцога Энгиенского—Мнение Наполеона о Моро и Жорже—Восхищение им. Жорж—Предложения о приеме на работу и увольнении—Перечисление прежних неприятностей—Аудиенция у императрицы—Печальные предчувствия—То, что Бонапарт сказал о себе—Знаки доброты.

ГЛАВА XXVIII. **1804 ГОД.** Любопытные разоблачения Фуше—Замечательные слова Бонапарта о протесте Людовика XVIII—Секретный документ, помещенный в Moniteur—Заявление Бонапарта Ренье—Фуше назначен министром полиции—Ошибка Ренье в отношении заговора Жоржа—Незаслуженная похвала, оказанная Фуше—Указание на возвращение бурбонов—Различия в словах и поведении Бонапарта—Железная корона—Празднование 14 июля—Церковные праздники и потеря времени—Грандиозный церемониал в доме инвалидов—Воспоминания о 18 июля Брюмер—Новая присяга ордена Почетного легиона—Всеобщий энтузиазм—Отъезд в Булонь—Визиты к Жозефине в Сен—Клу и Мальмезоне—Жозефина и мадам де Ремюза—Помилование, дарованное императором—Годовщина 14 июля—Отъезд в Булонский лагерь—Общая ошибка относительно планов Наполеона—Башня Цезаря—Раздача крестов Почетного легиона—Военный трон—Шарлатанство Бонапарта—Бесстрашие двух английских моряков—Премии десятилетия и Политехническая школа—Встреча императора и императрицы—Первые переговоры со Святым морем—префект Арраса и граф Луи де Нарбонн—Перемены во французском министерстве.

ГЛАВА XXIX. **1804 ГОД.** Англия, обманутая Наполеоном—Адмиралы Миссисси и Вильнев—Командование передано Лористону—Мнение Наполеона о мадам де Сталь—Ее письма Наполеону—Ее энтузиазм, превратившийся в ненависть—Мнение Бонапарта о власти Церкви—Прибытие Папы в Фонтенбло—Первая беседа Наполеона с Пием VII.—Папа и император на равных началах—Почести,

оказанные Папе —Его апартаменты в Тюильри—Его посещение императорской типографии—Отеческий упрек —Эффект, произведенный в Англии присутствием Папы в Париже —Подготовка к коронации Наполеона—Голосование за наследование по наследству—Созыв Законодательного органа—Президенты кантонов—Анекдот, рассказанный актером Мишо—Сравнения—Влияние коронации на торговлю Парижа—Знаки отличия Наполеона и знаки отличия Карла Великого—Папский мул—Анекдот нотариуса Рагидо— Распределение орлов на Марсовом поле —Замечательное совпадение.

ГЛАВА XXX. **1805 г.** Мое назначение полномочным министром в Гамбурге—Моя беседа с Бонапартом в Мальмезоне—Планы Бонапарта в отношении Италии— Его желание вновь посетить Бриенну—Инструкции для моей резиденции в Гамбурге— Возрождение европейского общества—План Бонапарта стать старейшим монархом в Европе—Миссия Амедея Жобера—Поручение императора императрице—Мой разговор с мадам Бонапарт.

ГЛАВА XXXI. **1805** Наполеон и Вольтер—Требования Святого Престола—Охлаждение между папой и императором—Отъезд Наполеона в Италию—Последняя встреча папы и императора в Турине—Алессандрия—Поле Маренго—Последний дож Генуи— Прибытие Бонапарта в Милан—Присоединение Генуи к Французской империи— Ошибка в Мемориале Святой Елены— Бонапарт и мадам Грассини—Симптомы недовольства со стороны Австрии и России—Отъезд Наполеона из Милана— Памятник в память о битве при Маренго —Прибытие Наполеона в Париж и отъезд в Булонь — Неудачный результат военно—морского сражения—Мой визит в загородную резиденцию Фуше—Сийес, Баррас, Бурбоны и Бонапарт—Замечания относительно Жозефины.

ГЛАВА XXXII. **1805 ГОД.** Капитуляция Сублингена—Подготовка к войне— Полезная коммерческая информация—Мои инструкции—Проверка эмигрантов и журналов— Брошюра Коцебу—Предложения российского императора Моро—Портрет Густава Адольфа кисти одного из его министров—Доносы Фуше—Дуэли в Гамбурге —Месье де Гимель — Гамбургский корреспондент—Письмо Бернадотта.

ГЛАВА XXXIII. **1805 г..** Союзный договор между Англией и Россией — Уверенность в приближающейся войне—М. Форшман, российский министр—Миссия Дюрока в Берлин—Новый проект короля Швеции—Секретная миссия на Балтику— Враждебность против Франции—Срыв обмена между Гамбургом и Парижем— Разгром первой австрийской армии—Взятие Ульма—Недовольство императора замечанием солдата—Трафальгарская битва—Положение Дюрока при прусском дворе—Вооружение в России—Клевета на Наполеона в гамбургском "Корреспонденте"—Смущение синдика и бургомистра Гамбурга—Поведение правительства Шведский и английский министры осудили российского министра.

ГЛАВА XXXIV. **1805 г.** Трудности моего положения в Гамбурге —Тяжелый труд и ответственность — Надзор за эмигрантами—Министры иностранных дел—Журналы—Посылка из Страсбурга—Бонапарт любил рассказывать Джулио, импровизированное пересказывание истории, сочиненной императором.

ТОМ III. — 1805-1814

ГЛАВА **1805ГОД.** Отмена республиканского календаря—Военные приготовления в Австрии—План реорганизации Национальной гвардии—Наполеон в Страсбурге—

- I. Генерал Мак—Прокламация—Разведывательная миссия капитана Бернарда—Притворный гнев и настоящее удовлетворение императора —Информация о Рагузе, переданная Бернардом —Быстрое и заслуженное повышение —Отставка генерала Бернарда в Соединенные Штаты Америки.
- ГЛАВА II. **1805 ГОД.** Стремительность побед Наполеона—Мюрат при Вертингене—Завоевание герцогства Ней—Французская армия перед Ульмом—Принц Лихтенштейн в имперской ставке—Его интервью с Наполеоном, описанное Раппом—Капитуляция Ульма, подписанная Бертье и Маком—Наполеон до и после победы—Его обращение к пленным генералам— Прокламация императора—Десять тысяч пленных, взятых Мюратом— Битва при Кальдиеро в Италии—Письмо Дюрока—Попытки затормозить продвижение императора—Бесплодная миссия месье де Жюле— Первая французская операция орлы, захваченные русскими —Смелое приключение Ланна и Мюрата—Французы входят в Вену—Миссия Савари к императору Александру.
- ГЛАВА III. **1805 ГОД.** Мои обязанности в Гамбурге—Король Швеции в Штральзунде— Мой бюллетень с описанием положения русских армий—Отзыв Дюрока из Берлина—Генерал Дюмурье—Вербовка англичан в Ганновере—Дочь г—на де Марбофа и Наполеона—Предательство короля Неаполя—Солнце Аустерлица—Отчет князя Долгорукого Раппа о битве при Аустерлице—Картина Жерара- Женильба Эжена.
- ГЛАВА IV. **1805 ГОД.** Обесценивание банковских бумаг—Увар—Его большая осмотрительность— Мнение Бонапарта о богачах—Тюремное заключение Увара—Его партнерство с королем Испании—Его связь с Валенбергом и Депре— Возвращение Бонапарта в Париж после венской кампании—Поспешное увольнение месье Барба Марбуа.
- ГЛАВА V. **1805-1806.** Декларация Людовика XVIII.—Дюмурье смотрел—Новости о шпионе—Замечательная черта мужества и присутствия духа—Необходимость бдительности в Гамбурге—Король Швеции—Его бюллетени—Доктор Галль —Пруссия жаждет Гамбурга—Проекты в отношении Голландии—Переговоры о мире—Мистер Фокс во главе британского кабинета министров—Планируемое убийство Наполеона—Предложения, сделанные через лорда Ярмута —Предлагаемая защита ганзейских городов—Их государственное устройство— Возвышение императорской семьи—Ни мира, ни войны— Миссия Себастьяни в Константинополь—Лорд Лодердейл в Париже и провал переговоров—Разграбление Австрии—Пенсии эмигрантам—Интриги Дюмурье—Принц Мекленбург-Шверинский— Луазо.
- ГЛАВА VI. **1806 ГОД.** Угрозы Пруссии—Предложение вернуть Ганновер Англии—Наглый ультиматум—Начало военных действий между Францией и Пруссией—Битва при Ауэрштадте—Смерть герцога Брауншвейгского—Бернадотт в Гамбурге—Давонет и Бернадотт—Шведы в Любеке—Майор Амиель— Услуга, оказанная английскому посланнику в Гамбурге—Мое назначение министром короля Неаполя—Новое регулирование германской почты-Конфедерация Севера—Устройство ганзейских городов—Оккупация Гамбурга от имени императора—Указ Берлина —Военные губернаторы Гамбурга — Брюн, Мишо и Бернадотт.
- ГЛАВА VII. **1806 ГОД.** Указ императора России—Миссия Дюрока в Веймар— Поражение взглядов Наполеона—Победы французских армий—Письма Мюрата—Ложное сообщение о Мюрате—Сходство между Моро и месье Билланом—Великодушное поведение Наполеона—Его беседа с мадам Хацфельд в Берлине—Письмо Бонапарта Жозефине— Блюхер мой пленник—Его характер—Его уверенность в будущей судьбе Германии—Принц Павел Вюртембергский взят в плен—Его

желание поступить на французскую службу—Выдающиеся эмигранты в Альтоне—Депутация Сената императору в Берлин, немецким принцам в Альтона—Фош—Буэле и графу де Гимелю.

- ГЛАВА VIII. **1806 ГОД.** Тревога в Гамбурге—Французы в Бергдорфе—Благоприятные приказы Бернадотта—Поборы в Пруссии—Ложные одобрения—Поборы голландцев—Забота Наполеона о своих раненых войсках—Миссия Дюрока к королю Пруссии—Отклонение требований императора—Мои переговоры в Гамбурге—Неудовольствие короля Швеции—М. Нетцель и М. Веттератедт.
- ГЛАВА IX. **1806 г.** Континентальная система —Всеобщее возмущение, вызванное ею—Продажа лицензий французским правительством—Таможенная система в Гамбурге—Мое письмо императору—Причина разрыва с Россией—Визит ко мне Бернадотта—Суд военного трибунала за покупку сахарной булки—Даву и капитан "докладчик"—Влияние континентальной системы на падение Наполеона.
- ГЛАВА X. **1806-1807 ГОДЫ.** Новая система войны—зимовье—императорский указ о необходимости встретиться с шедшим к россиянам—бедствие в Ганзейский городов—заказать на 50 000 плащи—захват российского зерна и древесины—Мурата вход в Варшаве—восстановление Польша—Дюрок случайность—М. де Талейран-это повозка остановилась грязи—Наполеона власть поднять дух своего войска—его режим диктофона— герцог Мекленбург-Шверин—его визитов в Гамбург—герцог Веймарский—Его письмо и подарок—путешествие наследный принц Дании в Париж—тесто, английский шпион—так клерки—Луи Бонапарт и Берлинский декрет—создание Королевство Саксония— почитание Германии за саксонским королем—императором неопределенность соблюдая Польша—праздники и комментарии в Варшаве—французское правительство на императора глава кварталы—министерских портфелей отправили в Варшаву.—Военные приготовления в январе—отличие нашей ситуации смелых походах Вены и Пруссии—Новости полученных и отправленных—проведение Кабинета Австрия похож на Кабинет Берлин—Битва при Прейсиш-Эйлау—несправедливое обвинение Бернадот—смерть генерала д'Hautpoulт—молебен пели русские—Гардан миссии в Персию
- глава XI. **1807** злоупотребление военной силой—защитой дипломатического права—Маршал Брюн —армейского снабжения—английское сукно и кожа—арест по обвинению в клевете—отправление от м. Талейран—страница наполеоновской славы— интервью между двумя императорами в Тильзите,—Силезия восстановлено к королеве Пруссии—неблагоприятная ситуация в Пруссии—невозможность восстановления Польши в 1807—основу Вестфальского королевства—Герцогства Варшавского и короля Саксонии.
- ГЛАВА XII. **1807 ГОД.** Эффект, произведенный в Альтоне Тильзитским мирным договором—Герцог Мекленбургский-Уход Шверина из Гамбурга—Английская эскадра при звуковой бомбардировке Копенгагена—Вероломство Англии—Замечание Бонапарта М. Лемерсье—Пруссия стерта с карты-Возвращение Наполеона в Париж—Подавление трибуната—Конфискация английских товаров—Девять миллионов, полученных Францией—М. Коленкур посол в России—Отвращение Англии к вмешательству России—Дела Португалии—Жюно назначен командующим армией— Отъезд принца—регента в Бразилию—Кодекс Наполеона— Введение французских законов в Германии—Снисходительность гамбургских присяжных-Украденный плащ и синдик Дорманн.
- ГЛАВА **1807-1808.** Неспокойное состояние Испании—Годой, принц Мира—Взаимные

- XIII. обвинения короля Испании и его сына—Ложное обещание Наполеона—Недовольство, вызванное присутствием французских войск—Отречение Карла IV.—Принц мира взят в плен—Мюрат в Мадриде—Важные новости, переданные коммерческим письмом—Амбиции Мюрата—Его защита Годоя— Карл IV отрицает свое добровольное отречение—Корона Испании, предназначенная Жозефу—Общее неодобрение поведения Наполеона— Дело Бурбонов, по—видимому, проиграно—Людовик XVIII. после своего отъезда из Франции— Как Граф Прованский в Кобленце — Он ищет убежища в Турине и Вероне—Смерть Людовика XVII—Людовик XVIII. отказался от убежища в Австрии, Саксонии и Пруссии—Его резиденция в Миттане и Варшаве—Александр и Людовик XVIII—Отъезд короля из Милана и прибытие в Ярмут—Решение короля Англии—М. Пророчество Лемерсье Бонапарту—Запросы Фуше относительно графа де Рехтерена—Записка от Жозефины—Новые требования к ганзейским городам —Приказ набрать 3000 моряков в Гамбурге.
- ГЛАВА XIV. **1808 ГОД.** Отъезд принца Понте-Корво—Предсказание и суеверие —Остановка писем, адресованных испанским войскам—Ла Романа и Романильо—Неразборчивые уведомления—Стремление немецких принцев присоединиться к Рейнской конфедерации—Нападение на меня из—за Гюэ—преемника Бернадотта в Гамбурге—Поборы и тираническое поведение генерала Дюпа—Беспорядки в Гамбурге—Тарелки, разбитые в приступе ярости—Мое письмо Бернадотту—Его ответ—Возвращение Бернадотта в Гамбург и отъезд Дюпа в Любек-Благородное поведение генерала Дюпа бочонок с надписью "адъютант".
- ГЛАВА XV. **1808 ГОД.** Обнародование Торгового кодекса—Завоевания по статусу-консульство— Три события за один день—Воспоминания—Применение линии Вольтера—Создание имперской знати—Восстановление университета—Расширение королевства Италия за счет Рима—Отъезд кардинала Капраны из Парижа—Интервью в Эрфурте.
- ГЛАВА XVI. **1808 ГОД.** Испанские войска в Гамбурге—Сиеста Романа—Его отъезд в Фюн—Празднование дня рождения Наполеона—Дезертирство Романа— Английские агенты и голландские войска—Средство связи между Англией и Континентом—Задержка курьеров из России— Тревога и жалобы—Жители Гамбурга—Монтескье и министр великого герцога Тосканы—Приглашения через шесть месяцев—Путешествие Наполеона в Италию—Удочерение дочери Эжена-Люсьена и принца Астурийского—М. Беседа Огюста де Сталь с Наполеоном.
- ГЛАВА XVII. **1808 год.** Республика Батавия—Корона Голландии, предложенная Людовику—Предложение и отказ от короны Испании—Попытка Наполеона овладеть Брабантом—Наполеон до и после Эрфурта— Замечательное письмо Людовику—Людовика вызвали в Париж—Его честность и мужество-Его смелый язык—Возвращение Людовика в Голландию и его письмо Наполеону—Резкое письмо Наполеона Людовику—Драка в Амстердаме—Недовольство Наполеона и последнее письмо его брату— Отречение Людовика в пользу своего сына—Присоединение Голландии к Французской империи—Протест Людовика против этой меры—Письмо М. Отто - Луи.
- ГЛАВА XVIII. **1809ГОД.** Требования о контингентах от некоторых малых государств Германии— М. Меттерних—Позиция России по отношению к Франции—Союз Австрии и России—Возвращение англичан в Испанию—Сульт король Португалии и Мюрат преемник императора—Первый набор ландвера в Австрии—Агенты гамбургского "Корреспондента"— Декларация принца Карла—Поход Наполеона в Германию—

Его прокламация—Уход Бернадотта в армию—Неприязнь Наполеона к Бернадотту—План кампании принца Карла—Англичане в Куксхафене—Бесплодность заговоров Англии —Наполеон ранен—Предсказание Наполеона сбылось—Майор Шилль—Гамбург угрожал и спас—Шилль в Любеке—Его смерть и уничтожение его отряда—Шиллю подражает герцог Брауншвейгский-Элс— Уход англичан из Куксхафена.

ГЛАВА XIX. **1809 ГОД.** Замок Дирнштайн—Ричард Львиное сердце и маршал Ланн — Император у ворот Вены—Эрцгерцогиня Мария Луиза— Возможность переписки с Англией—Контрабанда в Гамбурге—Коричневый сахар и песок-Катафалки, наполненные сахаром и кофе—Эмбарго на публикацию новостей—Надзор за "Гамбургским корреспондентом"— Фестиваль Святого Наполеона—Церковное преклонение—Путешествие короля Вестфалии по своим штатам—Попытка получить ссуду—Подарок Джерома мне—Возвращенный подарок— Необоснованные подозрения Бонапарта.

ГЛАВА XX. **1809ГОД.** Посещение Ваграмского поля.—Маршал Макдональд—Объединение Папской области с Империей—Битва при Талавере—Сэр Артур Уэлсли— Английская экспедиция в Голландию—Попытка покушения на императора в Шенбрунне—Штапс допрошен Наполеоном—Предлагаемое и отклоненное помилование—Фанатизм и патриотизм—Допрос Штапса Корвизаром—Второй допрос—Тирада против иллюминатов—Обвинение судов Берлина и Веймара—Твердость и покорность Штапса—Подробности, касающиеся его смерти— Влияние попытки покушения на Шаги по заключению мира — М. де Шампаньи.

ГЛАВА XXI. **1809 ГОД.** Королевская принцесса Дании—Разрушение Германской империи— Визит Наполеона ко дворам Баварии и Вюртемберга—Его возвращение во Францию—Первое упоминание о разводе—Известие о браке Наполеона с Марией Луизой—Ссора Наполеона с Людовиком—Поездка императора и императрицы в Голландию—Отказ ганзейских городов платить французским войскам—Указ о сожжении английских товаров— М. де Верженн—План обращения неизбежного зла во благо—Падение биржи Санкт-Петербурга

ГЛАВА XXII. **1809-1810.** Бернадотт избран королевским принцем Швеции—Предложения графа Вреде Бернадотту—Трехдневный визит Бернадотта в Гамбург— Подробности битвы при Ваграме—Секретный приказ дня—Последнее общение шведского королевского принца с Наполеоном— Мой совет Бернадотту относительно континентальной системы.

Глава XXIII. **1810 г.** Отъезд Бернадотта из Гамбурга—Герцог Гольштейн-Августенбургский— Прибытие наследного принца в Швецию— Недоразумения между ним и Наполеоном—Письмо Бернадотта императору—Заговор с целью похищения шведского королевского принца— Вторжение в шведскую Померанию— Принудительный союз Швеции с Англией и Россией—Попытки Наполеона вторгнуться в Швецию —Объяснительные письма Бернадотта императору— Королевская принцесса Швеции —Мой отзыв в Париж—Союз ганзейских городов с Францией— Недовольство России—Чрезвычайное требование, предъявленное к Швеции. я от Бонапарта—Верность моих старых друзей —Дюрока и Раппа—Визит в Мальмезон и беседа с Жозефиной.

ГЛАВА XXIV. **1811 г.** Арест Ла Сали —Мой визит к нему—Его заключение в Венсенне— Последующая история Ла Сали—Его второе путешествие во Францию— Взрывной порох—Заговор, составленный против меня принцем Экмюльским — Дружественные услуги герцога де Ровиго—Полицейские жучки — Савари, министр

полиции.

- ГЛАВА XXV. **1811 М.** Чернищев—Притворство Наполеона—Наполеон и Александр—Предусмотрительность Жозефины в отношении дел Испании—Мои визиты в Мальмезон—Горе Жозефины—Слезы и туалет—Обширные территории Империи—Список лиц, приговоренных к смерти и изгнанию в Пьемонте—Наблюдение Альфиери за испанцами—Успех в Испании—Проверка Массены в Португалии—Деньги, расточаемые англичанами—Бертран отправлен в Иллирию, а Мармон — в Португалию—Положение французской армии—Сбор войск кортесы—Европа принесена в жертву континентальной системе—Беседа с Мюратом на Елисейских полях—Новые титулы и старые имена—Нелюбовь Наполеона к литераторам—Оды и т.д. О браке Наполеона—Шатобриан и Лемерейер—Смерть Шенье—Шатобриан избрал своего преемника —Его речь прочитана Наполеоном—Бонапарт сравнивается с Нероном— Подавление "Мерсера"—Месье де Шатобриану приказано покинуть Париж—Г—н Лемерсье и Эсменар представлены императору—Рождение короля Франции Рим-Франция в 1811 году.
- ГЛАВА XXVI. **1811** Мое возвращение в Гамбург—Учрежденный там правительственный комитет— История графа де Шабана—Недопонимание Наполеона с папой римским—Кардинал Феш—Созыв Собора—Заявление, требуемое от епископов—Испания в 1811 году—Неизбежность войны с Россией—Лористон заменяет Коленкура в Санкт—Петербурге—Пренебрежение войной в Испании—Войска всех наций в распоряжении Бонапарта—Набор Национальной гвардии—Договоры с Пруссией и Австрией—Возобновление капитуляции со Швейцарией—Интриги с Чернышевым—Нападения моих врагов—Мемориал императору— Ожье де ла Соссе и таинственная шкатулка—Переезд папы в Фонтенбло—Анекдот Его Святейшества и месье Денона—Отъезд Наполеона и Марии Луизы в Дрезден—Положение дел в Испании и Португалии—Отчет Раппа о поездке императора в Данциг— Взаимное желание войны со стороны Наполеона и Александра —Швеция и Турция - Тщетная попытка Наполеона разорвать союз Швеции с Россией.
- ГЛАВА XXVII. **1812 ГОД.** Изменчивость планов и мнений Бонапарта—Статьи для "Монитор", продиктованные Первым консулом—Протокол Шатийонского конгресса—Беседы с Даву в Гамбурге— Обещание вице—королевства Польши—Надежда и разочарование поляков—Влияние иллюзии на Бонапарта—Французы в Москве—Катастрофы отступления—Заговор Малле—Сведения о деле, сообщенные Наполеону в Смоленске—Обстоятельства, подробно описанные Раппом—Реальные мотивы возвращения Наполеона в Париж—Мюрат, Ней и Эжен—Способность итальянцев переносить холод—Усилия Наполеона возместить свои потери—Дезертирство генерала Йорка—Созыв Тайного совета—Война разрешена—Колебания папы Римского—Бесполезные переговоры с Веной—Мария Луиза назначена регентом.
- ГЛАВА XXVIII. **1813 ГОД.** Беспорядки в Гамбурге и Любеке—Попытка самоубийства М. Коннинга—Эвакуация Гамбурга—Недовольство поведением генерала Сен—Сира—Кабинеты министров Вены и Тюильри—Первое появление казаков—Полковник Теттенборн приглашен занять Гамбург—Сердечный прием русских—Грабежи—Набор войск—Благодарственные отзывы Теттенборну—Новая армия Наполеона—Смерть генерала Морана—Замечания Наполеона о Вандаме—Бонапарт и Густав Адольф—Соединение корпуса Даву и Вандамм— Повторная оккупация Гамбурга французами—Генерал Хогендорф назначен губернатором Гамбурга—Поборы и возмутительные контрибуции, взимаемые с Гамбурга и Любека -Заложники.

- ГЛАВА XXIX. **1813 ГОД.** Второй визит Наполеона в Дрезден—Битва при Банцене—Конгресс в Праге—Наполеон поступил опрометчиво—Битва при Виттории—Генерал Моро сорвал конференцию в Праге—Дезертирство Жомини—Битвы при Дрездене и Лейпциге—Отчет о смерти Дюрока—Прерванный разговор возобновился год спустя—Подробности, касающиеся Понятовского—Его необычайного мужества и смерти — Его памятника в Лейпциге и могилы в Варшавском соборе.
- ГЛАВА XXX. **1813 г.** Численность союзных войск против Наполеона —Их продвижение к Рейну—Рекрутирование 280 000 человек—Ужасное положение французов под Майнцем—Декларация союзников во Франкфурте— Дипломатические корреспонденты—Герцога де Бассано сменил герцог Виченца —Условия союзников приняты неопределенно—Коленкур отправлен в штаб союзников—Манифест союзных держав французскому народу.—Дар в 30 000 000 долларов из личной казны императора—Желание отозвать м. де Талейрана—Единственное число совет относительно Веллингтона—Французская армия отозвана из Испании—Жозеф отрекся от престола—Абсурдное обвинение против месье Лейна—Перерыв в заседании Законодательного органа—Речь Наполеона перед Законодательным органом—Замечания Наполеона, переданные Камбасересом.
- ГЛАВА XXXI. **1813 ГОД.** Флаг армии Италии и орлы 1813 года—Вступление союзников в Швейцарию—Вызов к министру полиции— Мой отказ принять миссию в Швейцарию—Интервью с месье де Талейраном и герцогом де Висенсом—Предложение герцогства и Большой кордон ордена Почетного легиона—Окончательный отказ—Послание герцога де Висенса мне в 1815 году—Начало осады Гамбурга—Мост длиной в две лиги—Казни в Любеке—Нехватка провизии в Гамбурге—Изгнание жителей—Мужчины избиение бастинадо и женщин кнутом — Гостеприимство жителей Альтоны.
- ГЛАВА XXXII. **1813-1814 ГОДЫ.** Принц Евгений и дела Италии—Итальянская армия на границах Австрии—Сожаление Эжена о дезертирстве баварцев—Лицемерие и вероломство Мюрата—Его договор с Австрией—Военные действия, за которыми последовало объявление войны—Мюрат покинут французскими генералами—Прокламация из Парижа—Успех Мюрата—Гигантский план Наполеона—Наполеон посоветовал присоединиться к якобинцам—Его отказ—Вооружение Национальной гвардии—Прощание императора с офицерами—Шатийонский конгресс—Отказ от перемирия—Наполеон характер, проявленный в его переговорах— Открытие Конгресса—Дискуссии—Прекращение Конференций.
- ГЛАВА XXXIII. **1814** Любопытный разговор между генералом Ренье и императором Александром—Наполеон дает отпор пруссакам—Русские в Фонтенбло—Битва при Бриенне—Очерк французской кампании— Ужин после битвы при Шам Обер—Сведения о прибытии герцога Ангулемского и графа д'Артуа во Францию—Битва воронов и орлов—Битва при Краонне—Отъезд папы римского и испанских принцев—Захват конвоя—Макдональд в ставке императора—Перевернутый шифр.
- ГЛАВА XXXIV. **1814 ГОД.** Люди революции и люди империи—Регентский совет—Отъезд императрицы из Парижа—Мармон и Мортье— Бегство Жозефа—Встреча в отеле Мармона—Капитуляция Парижа— Беседа Мармона с императором в Фонтенбло—Полковники Фабвье и Дени—Кавалькада роялистов—Встреча в отеле графа де Морфонтена—М. де Шатобриан и его памфлет— Депутация к императору Александру—Въезд союзных государей в Париж—Александр поселился у м. Талейрана гостиница Коленкура— Проведенные там встречи—Декларация императора Александра— Мое назначение генеральным почтмейстером—Состав

Временного правительства—Ошибка в отношении поведения императора Австрии—Поручение Коленкура от Наполеона—Его беседа с императором Александром—Обращение Александра к депутации Сената—Г—ну де Коленкуру приказано покинуть столицу.

ГЛАВА XXXV. **1814**ГОД. Положение Бонапарта во время событий 30 и 31 марта—Его прибытие в Фонтенбло—План нападения на Париж— Прибытие войск в Фонтенбло— Обращение императора к гвардии—Решение сената о конфискации имущества— Письма Мармону— Переписка между Мармоном и Шварценбергом—Макдональд проинформирован об оккупации Парижа—Разговор между императором и Макдональдом в Фонтенбло—Письмо Бернонвиля— Отречение от престола при условии регентства—Желание Наполеона отозвать свой акт отречения— Макдональд Ней и Коленкур отправлен в Париж, Мармон освобожден от своего обещания принцем Шварценбергом.

ГЛАВА XXXVI. **1814 ГОД.** Неожиданные поступления на почте-Прибытие уполномоченных Наполеона к г—ну де Талейрану—Совещание маршалов с Александром— Тревожные новости из Эссона—Храбрость Мармона—Белая кокарда и трехцветная кокарда- Успешная военная хитрость—Три правительства во Франции—Герцог де Кадор, посланный Марией Луизой императору Австрии—Воззвание Марии Луизы к французскому народу—Беседа императора Австрии с герцогом де Кадором— Заверения императора в дружбе с Наполеоном—М. Меттерних и М. Стадиони— Отъезд Марии Луизы в Орлеан—Визит Блюхера ко мне—Аудиенция короля Пруссии—Прием Его Величеством Бертье, Кларка и меня—Бернадотта в Париже — Крест Полярной звезды, подаренный мне Бернадотом.

ТОМ IV. — 1814-1821

ГЛАВА I. **1814**ГОД. Неизменная решимость союзников по отношению к Наполеону— Фонтенбло включен в пределы, подлежащие оккупации союзниками— Отъезд Александра из Парижа—Наполеон проинформирован о необходимости своего безоговорочного отречения—Макдональд и Ней снова отправлены в Париж— Предполагаемая попытка Наполеона отравиться—Прощальная беседа Макдональда с Наполеоном—Сабля Мурад—бея— Подписание акта о безоговорочном отречении—Спокойствие Парижа во время смены правительства— Указ императора России относительно Почты—Религиозная церемония на площади Людовика XV.—Прибытие императора России в Париж. Граф д'Артуа — Его въезд в Париж — Прибытие императора Австрии—Необычное собрание монархов во Франции—Визит императора Австрии к Марии Луизе—Ее беседа с императором Александром —Ее отъезд в Вену.

ГЛАВА II. **1814 ГОД.** Италия и Эжен—Осада Данцига-Капитуляция завершена, но не ратифицирована-Рапп взят в плен и отправлен в Киев—Отказ Даву верить разведданным из Парижа—Планируемое убийство одного из французских принцев—Отъезд Даву и генерала Хогендорфа из Гамбурга—Дело при Манбрейе— Прибытие представителей союзных держав в Фонтенбло—Предпочтение, оказанное Наполеоном полковнику Кэмпбеллу—Обращение Бонапарта к генералу Колеру—Его прощание со своими войсками—Первый день путешествия Наполеона—Императорскую гвардию сменили казаки — Интервью с Ожеро— Первые белые кокарды—Чучело Наполеона повешено в Оргоне—Его побег под видом курьера—Сцена в гостинице Ла Калад— Прибытие в Экс—Принцесса

Полина—Наполеон отправляется на Эльбу—Его жизнь на Эльбе.

- ГЛАВА III. **1814 ГОД.** Изменения, вызванные временем—Переписка между Временным правительством и Хартвеллом—Прием Людовика XVIII в Лондоне—Его прибытие в Кале—Обращение Бертье к королю в Компьене—Мое представление его Величеству в Сент-Уане—Въезд Людовика XVIII в Париж—Неожиданное увольнение с должности—Отъезд М. де Талейрана на Венский конгресс—Признаки волнения—Невозможность увидеть М. де Блакаса—Эбби Флериэль—Письма без ответа—Мое письмо М. де Талейрану в Вену.
- ГЛАВА IV. **1814-1815.** Побег с Эльбы —Его высадка близ Канн—Поход на Париж.
- ГЛАВА V. **1815 ГОД.** Послание из Тюильри—Моя беседа с королем—Мое назначение на должность префекта полиции—Совет в Тюильри—Приказ об арестах—Побег Фуше—Даву не тронули—Разговор с месье де Блакасом—Перехваченное письмо и потерянное время—Очевидное взаимопонимание между Мюратом и Наполеоном—Планы, разработанные на Эльбе—Мой отъезд из Парижа—Почтмейстер Фин—Мое прибытие в Лилль—Людовик XVIII. задержанный на час у ворот—Его величество вынужден покинуть Францию—Мой отъезд в Гамбург—Герцог де Берри в Брюсселе.
- ГЛАВА VI. **1815 ГОД.** Послание мадам де Буррьен 20 марта —Ночной въезд Наполеона в Париж—Генерал Бектон, посланный Коленкуроем моей семье—Воспоминание о старых преследованиях—Генерал Дризен—Разгадка загадки—Печати, наложенные на мои вещи—Бесполезные поиски —Преследование женщин—Мадам де Сталь и мадам де Рекамье—Париж в течение Ста дней—Федераты и патриотические песни—Декларация полномочных представителей в Вене.
- ГЛАВА VII. **1815.**—[Редактором издания 1836 года]—Наполеон в Париже—Политические маневры—Встреча на Майском поле—Наполеон, либералы и умеренные конституционалисты—Его любовь к произволу власти сильна, как никогда — Париж во время Столетнего похода—Подготовка к его последней кампании—Император покидает Париж, чтобы присоединиться к армии—Положение в Брюсселе—Обращение Наполеона к бельгийцам—Реальная численность французской и союзной армий—Обращение императора к французской армии.
- ГЛАВА VIII. **1815 ГОД.** —[Как и предыдущая, эта глава впервые появилась в издании 1836 года и не принадлежит перу М. де Буррьена.]—БИТВЫ ПРИ ЛИНЬИ И КАТР—БРА.
- ГЛАВА IX. **1815 г.** БИТВА При ВАТЕРЛОО.
- ГЛАВА X. **1815 г.** Интервью с Лаваллеттом—Судебные разбирательства во французских палатах—Второе отречение Наполеона—Он удаляется в Рошфор, ведет переговоры с капитаном Мейтлендом и, наконец, садится на "Беллерофонт".
- ГЛАВА XI. **1815 ГОД.** Мой отъезд из Гамбурга—Король в Сен—Дени—Фуше назначен министром полиции—Задержка с въездом короля в Париж—Последствия этой задержки—Назначение Фуше герцогом Веллингтоном —Невозможность возобновить мою работу после—Высказывания Фуше по отношению к бурбонам—Его знаменитый постскриптум—Характер Фуше—Дискуссия о двух кокардах—Проявления общественной радости, подавленные Фуше—Состав нового министерства—Любезное внимание Блюхера—Англичане в Сен—Клу—Блюхер в кабинете Наполеона —Мой пленник становится моим защитником—Блюхер и собака трактирщика—Брачный контракт моей дочери—Строгий этикет—Мое назначение

президентом Коллегии выборщиков Йонны—Моя беседа с Фуше—Моя аудиенция у короля—Его Величество ознакомился с моим разговором с Фуше—Немилость герцога Отранто—Карно, обманутый Бонапартом—Мое избрание депутатом—Мой коллега месье Раудо—Мое возвращение в Париж—Сожаление, вызванное жертвой Нея—Благородное поведение Макдональда—Поездка с Раппом в Лесной массив. Булонь—Беседа Раппа с Бонапартом в 1815 году—Герцог Беррийский и Рапп—Мое назначение на пост государственного министра—Мое имя начертано рукой Людовика XVIII.- Заключение.

ГЛАВА
XII. СТОЛЕТИЕ.

ГЛАВА **1815-1821.**—[Эта глава, подготовленная редактором издания 1836 года, основана XIII на "Мемориале" и работах О'Мира и Антоммарчи.]— Путешествие на остров Святой Елены—Личные качества императора—Прибытие в Джеймс—Таун—Временная резиденция Наполеона в Брайарсе—Переезд в Лонгвуд—Тамошний распорядок дня—Кампания в Италии—Прибытие сэра Хадсона Лоу—Неприятные отношения между императором и новым губернатором—Посетители на острове Святой Елены—Интервью капитана Бэзила Холла с Наполеоном—Анекдоты о император—Отъезд Лас Касеса и О'Мира—Приезды из Европы—Физические привычки императора—Доктор Антоммарчи—Туалет императора—Создание нового епископства—Энергия императора в обращении с лопатой—Его усиливающаяся болезнь—Последние дни Наполеона—Его смерть—Лежание на государственной службе—Военные похороны—Отчет Маршана о последних минутах императора—Последние завещания Наполеона—Часы Риволи.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ТОМ I.

- I. НАПОЛЕОН I. (Первый портрет)
- II. ЛЕТИЦИЯ РАМОЛИНО
- III. ИМПЕРАТРИЦА ЖОЗЕФИНА (Первый портрет)
- IV. ЭЖЕН БОГАРНЕ
- V. ГЕНЕРАЛ КЛЕБЕР
- VI. МАРШАЛ ЛАНН
- VII. ТАЛЕЙРАН
- VIII. ГЕНЕРАЛ ДЮРОК
- IX. МЮРАТ, КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

ТОМ II.

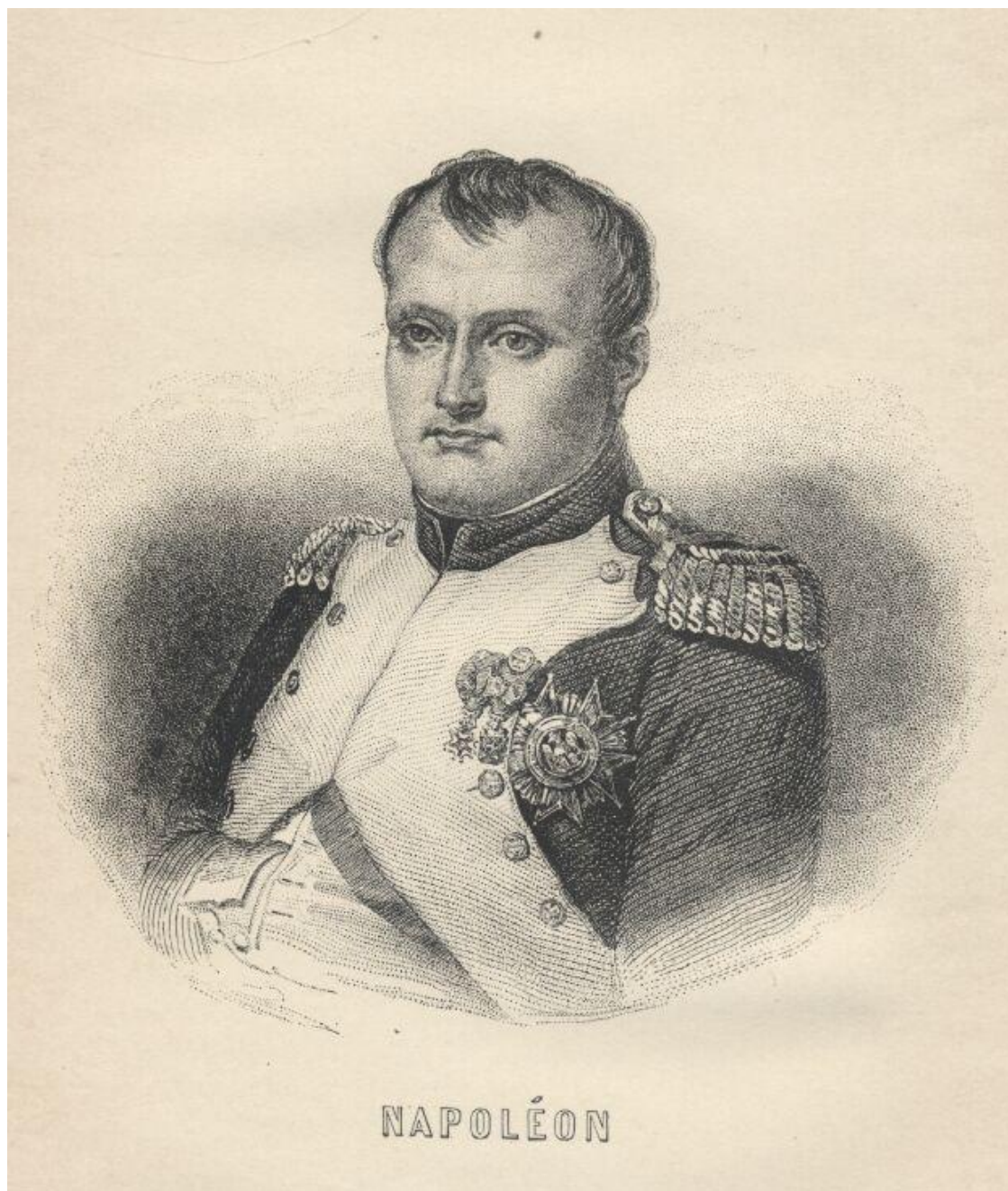
- I. ИМПЕРАТРИЦА ЖОЗЕФИНА (Второй портрет)
- II. ГЕНЕРАЛ ДЕЗЭ
- III. ГЕНЕРАЛ МОРО
- IV. ГОРТЕНЗИЯ БОГАРНЕ
- Против ГЕРЦОГ Энгенский
- VI. ГЕНЕРАЛ Пишегрю

ТОМ III.

- I. НАПОЛЕОН (Второй портрет)
- II. МАРШАЛ НЕЙ (Первый портрет)
- III. КОЛЕНКУР, ГЕРЦОГ ВИЧЕНЦЫ
- IV. МАРШАЛ ДАВУ
- Против АТАКА КИРАСИР При ЭЙЛАУ
- VI. ГЕНЕРАЛ ЖЮНО
- VII. МАРШАЛ СУЛЬТ
- VIII. ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ЛУИЗА (Первый портрет)
- IX. ГЕНЕРАЛ ЛАССАЛЬ
- X. МАРШАЛ МАССЕНА
- XI. ЦВЕТНАЯ КАРТА ЕВРОПЫ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩАЯ ВЛАДЫЧЕСТВО НАПОЛЕОНА

ТОМ IV.

- I. ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ЛУИЗА (Второй портрет)
- II. МАРШАЛ МАКДОНАЛЬД
- III. ФАКСИМИЛЕ ОТРЕЧЕНИЯ ИМПЕРАТОРА В 1814 ГОДУ
- IV. НАПОЛЕОН I. (Третий портрет)
- Против МАРШАЛА СЮШЕ
- VI. ГЕРЦОГ ВЕЛЛИНГТОН
- VIII. МАРШАЛ БЛЮХЕР
- IX. МАРШАЛ ГУВОН СЕН-СИР
- X. МАРШАЛ НЕЙ (Второй портрет)
- XI. КОРОЛЬ РИМА
- XII. ГЕНЕРАЛ БЕССЬЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1836 ГОДА.

Представляя публике настоящее издание Мемуаров г-на де Буррьена, мы, как редакторы, обязаны сказать несколько слов по этому вопросу. Соглашаясь, однако, с Хорасом Уолполом в том, что редактору не следует долго останавливаться на достоинствах своего автора, мы лишь слегка коснемся этой части вопроса. Мы тем более готовы воздержаться, что большой успех в Англии предыдущих изданий этих Мемуаров и высокая репутация, которую они приобрели на Европейском континенте и во всех частях цивилизованного мира, куда когда-либо доходила слава Бонапарта, в достаточной степени подтверждают заслуги г-на де Буррьена как биографа. Эти достоинства, как нам кажется, заключаются главным образом в страстном желании быть беспристрастным, указывать как на недостатки, так и на достоинства самого замечательного человека; и в особой изобразительной силе изложения фактов и анекдотов. Обладая этой счастливой способностью, Буррьен сделал бы интересной жизнь почти любого активного человека; но тема, которую ему позволили затронуть самые благоприятные обстоятельства, была полна событий и самых экстраординарных фактов. Герой его рассказа был таким существом, каких мир порождает лишь в самых редких случаях, и полного аналога которому, вероятно, никогда не существовало; ибо между Наполеоном и Александром, Цезарем и Карлом Великим существуют большие различия; и современная история не предоставит более точных параллелей, поскольку Густав Адольф, Фридрих Великий, Кромвель, Вашингтон или Боливар имеют лишь небольшое сходство с Бонапартом ни по характеру, ни по богатству, ни по степени предприимчивости. В течение четырнадцати лет, не говоря уже о его проектах на Востоке, история Бонапарта была историей всей Европы!

Благодаря обильным материалам, которыми он располагал, г-н де Буррьенн создал произведение, которое по глубокому интересу, волнению и занимательности едва ли может сравниться ни с одним из многочисленных и превосходных мемуаров, которыми по праву славится французская литература.

Месье де Буррьен показывает нам героя Маренго и Аустерлица в ночной рубашке и тапочках - с помощью "приметы пера" он в сотнях случаев представляет перед нами настоящего мужчину со всеми его личными привычками и особенностями манер, характера и разговора.

Дружба между Бонапартом и Буррьеном началась в детстве, в бриенской школе, и их безоговорочная близость продолжалась на протяжении самого блестящего периода карьеры Наполеона. Мы сказали достаточно, мотивы написания этой работы и его компетентность в решении поставленной задачи лучше всего объясняются собственными словами М. де Буррьена, которые читатель найдет во Вводной главе.

Г-н де Буррьен мало что говорит о Наполеоне после его первого отречения и ухода на Эльбу в 1814 году: мы попытались заполнить образовавшуюся таким образом пропасть, проследив за его героем на протяжении оставшихся семи лет его жизни, до "последних сцен", которыми завершилась его "странная, богатая событиями история", — до его смертного одра и чужой могилы на острове Святой Елены. Таким образом, работе будет придана завершенность, которой она раньше не обладала, и которая, мы надеемся, вместе с другими дополнениями и улучшениями, о которых уже упоминалось, обеспечит ей место в каждой хорошо подобранной библиотеке как одному из наиболее удовлетворительных произведений о жизни Наполеона.

ЛОНДОН, 1836 год.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1885 ГОДА.

Мемуары о временах Наполеона можно разделить на два класса — мемуары маршалов и офицеров, хорошим примером которых является книга Суше, в основном посвященные военным действиям, и мемуары лиц, занятых в администрации и при дворе, дающие нам не только материалы для истории, но и ценные подробности личной и закулисной жизни великого императора и его ближайшего окружения. Из этого последнего класса Мемуары Буррьена относятся к числу наиболее важных.

Долгое время бывший близким другом Наполеона как в школе, так и с конца итальянских кампаний 1797 по 1802 год, работавший с ним в одной комнате, пользовавшийся одним кошельком, доверенное лицо большинства его планов и, как его секретарь, через его руки проходила большая часть всей официальной и частной переписки того времени, Буррьен занимал бесценное положение в плане хранения и записи материалов для истории. Мемуары его преемника Меневаля - это скорее мемуары уважаемого личного секретаря; и все же, какими бы ценными и интересными они ни были, им недостает той особенности положения, которая отличает мемуары Буррьена, который был одновременно секретарем, министром и другом. Рассказы таких людей, как Мио де Мелито, Редерер и др., являются наиболее ценными, но эти авторы не были в том тесном контакте с Наполеоном, которым пользовался Буррьен. Положение Буррьена было просто уникальным, и мы можем только сожалеть, что он не занимал его до конца Империи. Таким образом, естественно, что его мемуары должны были в значительной степени использоваться историками, и для правильного понимания истории того времени их должны прочитать все студенты. Они действительно интересны каждому. Но они также требуют, чтобы их читали с большой осторожностью. Когда мы встречаемся с похвалами в адрес Наполеона, мы, как правило, можем в это поверить, ибо, как говорит Тьер (*Consulat.*, ii. 279), Буррьена с этой стороны не следует подозревать, поскольку, хотя он был всем обязан Наполеону, он, казалось, не помнил об этом. Но очень часто в отрывках, в которых вина возлагается на Наполеона, Буррьен говорит отчасти с естественной горечью бывшего и отвергнутого друга, а отчасти со странным смешанным чувством, которое даже братья Наполеона проявляют в своих мемуарах, гордостью за замечательные способности, проявленные человеком, с которым он был в союзе, и завистью к тому, что его затмил человек, которого он в юности считал ниже себя. Иногда мы также можем даже заподозрить похвалу. Таким образом, когда Буррьен защищает Наполеона за то, что он, как он утверждает, дал яд больным в Яффо, возникает сомнение, действительно ли его целью было защищать то, что большинству англичан наших дней, с воспоминаниями о деяниях и решениях Индийского мятежа, покажется актом, заслуживающим прощения, если не одобрения; или же он больше стремился возложить совершение этого акта на Наполеона в то время, когда общественное мнение громко обвиняло его. То же самое можно сказать и о его защите от резни узников Яффы.

Луи Антуан Фовле де Буррьен родился в 1769 году, то есть в тот же год, что и Наполеон Бонапарт, и он был другом и компаньоном будущего императора в военной школе Бриенн-ле-Шато до 1784 года, когда Наполеон, один из шестидесяти учеников, содержавшихся за счет государства, был переведен в Военную школу Парижа. Дружбы снова встретились в 1792 и в 1795 годах, когда Наполеон слонялся по Парижу и когда Буррьен считал смутные мечты своего старого школьного товарища всего лишь глупостью. В 1796 году, как только Наполеон закрепил свое положение во главе итальянской армии, стремясь, как всегда, окружить себя

известными лицами, он послал за Буррьеном в качестве своего секретаря. Буррьен был назначен в 1792 году секретарем Дипломатической миссии в Штутгарте и, вероятно, поступил мудро, не подчинившись полученному ему приказу вернуться, избежав таким образом опасностей Революции. Он вернулся в Париж только в 1795 году, став, таким образом, эмигрантом. Он присоединился к Наполеону в 1797 году, после того как австрийцы были выбиты из Италии, и сразу же занял должность секретаря, которую занимал так долго. У него было достаточно такта, чтобы не допускать фамильярности в обращении с надменным молодым генералом на публике, и он был достаточно неуютим, чтобы угодить даже никогда не отдыхающему Наполеону. Талантов у Буррьена было в избытке; более того, он осторожно намекал, что в школе, если бы кого-нибудь попросили предсказать величие любому ученику, именно Буррьена, а не Наполеона, выбрали бы в качестве будущей звезды. Он отправился со своим генералом в Египет и вернулся с ним во Францию. Пока Наполеон официально въезжал в Тюильри, Буррьен готовил кабинет, который ему все еще предстояло делить с консулом. В этом кабинете — нашем кабинете, как он осторожно называет его, — он работал с Первым консулом до 1802 года.

Все это время ведущая пара жила в условиях равенства и дружбы, достойных обоих. Секретарь не просил и не получал никакой зарплаты: когда ему требовались деньги, он просто опускал их в кассу Первого консула. По мере того как вся государственная власть постепенно переходила в руки консула, труд секретаря становился все тяжелее. Его преемник сломался под более легким грузом и должен был получить помощь; но, возможно, благодаря всепоглощающему интересу к работе и большому влиянию, оказываемому его должностью, Буррьен остался на своем месте и, по всей видимости, мог бы, если бы не он сам, остаться в памяти как спутник Наполеона на протяжении всей его жизни. У него были враги, и один из них — [Буле де ла Мерт.] — не постеснялся описать свое удовлетворение по поводу опалы доверенного секретаря. Любой человек, пользующийся поддержкой или даже занимающий должность при Наполеоне, был верным признаком клеветы для всех претендентов на место; и все же Буррьен мог бы выдержать любую временную бурю, вызванную необоснованными сообщениями, так же успешно, как Меневаль, который последовал за ним. Но руки Буррьена не были чисты в денежных делах, и это было непростительным грехом для любого, кто желал быть по-настоящему близким с Наполеоном. Он был вовлечен в дела Дома Кулонов, которые потерпели крах, как будет видно из примечаний, во время его опалы; и в октябре 1802 года его призвали передать свой пост Меневалю, который сохранял его до тех пор, пока не был признан недействительным после русской кампании.

Как уже было сказано, Буррьен, естественно, стал бы объектом многих обвинений, но убедительным доказательством его неправомерного поведения — по крайней мере, для любого, кто знаком с возражениями Наполеона и его неприязнью к переменам в должности, будь то из-за его твердой веры в эффективность тренировок или столь же сильной неприязни к новым лицам вокруг него, — является то, что он больше никогда не работал рядом со своим старым товарищем; более того, он действительно никогда больше не видел императора ни на одной частной беседе, за исключением официального приема военно-морского флота в 1805 году, перед отъездом на свой пост в Гамбурге, который он занимал до 1810 года. Мы знаем, что Джозефина и несколько его бывших компаньонов настаивали на его повторном приеме на работу. Сам Савари говорит, что он пытался его защищать; но Наполеон был неумолим к тем, кто, по его собственному выражению, принес жертву золотому тельцу.

Отправленный, как мы уже говорили, в Гамбург в 1805 году в качестве полномочного министра при герцоге Брауншвейгском, герцоге Мекленбург-Шверинском и в ганзейские

города, Бурьен знал, как сделать свой пост важным. Он находился в одном из крупнейших центров торговли, который так сильно пострадал от континентальной системы императора, и ему было поручено следить за немецкой прессой. Насколько хорошо он выполнил этот долг, мы узнаем от Меттерниха, который пишет в 1805 году: "Я послал статью редакторам газет в Берлине и г-ну де Хоферу в Гамбург. Я не знаю, было ли это принято, поскольку месье Бурьен до сих пор пользуется столь суровым авторитетом в отношении этих журналов, что их всегда передают ему до того, как они появятся, чтобы он мог стереть или изменить статьи, которые ему не нравятся".

Его положение в Гамбурге давало ему большие возможности как для финансовых, так и для политических интриг. В своих Мемуарах, как отмечает Меневаль, он или его редактор не стыдятся хвастаться благодарностью Людовика XVIII. в Сент-Уане за услуги, оказанные, когда он был министром Наполеона в Гамбурге. Он был отозван в 1810 году, когда ганзейские города были объединены, или, если использовать тогдашнюю фразу, вновь присоединены к Империи. Затем он слонялся по Парижу, поддерживая хорошие отношения с некоторыми министрами — например, с Савари, не самым авторитетным из них. В 1814 году его можно было застать в кабинете Лаваллетта, начальника почты, скрывающего, по словам его врагов, свой восторг от поступавших плохих новостей преувеличенными выражениями преданности. Его обвиняют в тесной и подозрительной связи с Талейраном, и странно, что, когда Талейран стал главой Временного правительства в 1814 году, именно Бурьен должен был быть поставлен во главе всех постов. Принятый Людовиком XVIII самым лестным образом, он был поражен не меньше бедняги Беньо в 1815 году, обнаружив, что 13 мая его внезапно выгнали с должности, однако у него было время снабдить Манбрей почтовых лошадей для таинственной экспедиции, которая, как говорят, была известна по крайней мере Талейрану и, несомненно, предназначалась для ограбления королевы Вестфалии и, вероятно, для убийства Наполеона.

В необычайной суматохе перед бегством бурбонов из Парижа в 1814 году Бурьенна на несколько дней назначили префектом полиции, о его пребывании на этом посту свидетельствует неудачная попытка арестовать Фуше, единственным результатом которой стало то, что коварный министр попал в объятия бонапартистов.

Он бежал вместе с королем и был освобожден от амнистии, объявленной Наполеоном. По возвращении из Гента он был назначен государственным министром без портфеля, а также стал одним из членов Совета. Финансовый крах вынудил его покинуть Францию, но в конце концов он умер в сумасшедшем доме в Кане.

Когда Мемуары впервые появились в 1829 году, они произвели большую сенсацию. До этого в большинстве произведений к Наполеону относились либо как к демону, либо как к полубогу. Реальные факты этого дела не соответствовали вкусам ни его врагов, ни его поклонников. В то время как монархи Европы спорили между собой о разделе добычи, которую следовало получить от Франции, и о нестабильности на Континенте, появился необычайно умный и беспринципный человек, который, попеременно подкупая и свергая великие монархии, вскоре стал хозяином материка. Его поклонники не желали признавать, какую роль в его успехе сыграла зависть его врагов к доле добычи друг у друга, и они с удовольствием наделяли его всеми замечательными качествами, которыми только может обладать человек. Его враги были достаточно готовы признать его военные таланты, но они хотели приписать первый успех его не очень глубокой политики поразительному двуличию, которое, по-видимому, считалось ими более порочным, чем то, которым обладал император-парвеню, и которое с моральной точки зрения было далеко от государственного управления, столь допустимого в древней монархии. Но для самого Наполеона, его семьи и двора

буквально не было предела поистине чудесным изобретениям его врагов. Он мог бы побывать в любой столице Континента, но было некоторое утешение в том, что он сам был чудовищем зла, а его Двор - всего лишь ареной одной долгой оргии.

В Мемуарах было достаточно материала против императора, чтобы его оппонентам было удобно читать их, хотя от очень многих старых наветов в них удалось избавиться. Они действительно содержали самое близкое приближение к истине, которое когда-либо появлялось. Меттерних, который, должно быть, был хорошим знатоком, поскольку никто лучше его не был знаком с тем, что он сам называет "эпохой Наполеона", говорит о мемуарах: "Если вы хотите почитать что-нибудь интересное и забавное, возьмите "Мемуары Буррьена". Это единственные подлинные мемуары Наполеона, которые до сих пор появились. Стиль не блестящий, но это только делает их заслуживающими доверия". Действительно, сам Меттерних в своих Мемуарах часто во многом следует примеру Буррьена: среди множества формальных нападок он время от времени впадает в наполовину произвольную и косвенную похвалу своему великому антагонисту, особенно там, где он сравнивает людей, с которыми ему приходилось иметь дело впоследствии, со своим прежним быстрым и талантливым собеседником. Некоторым даже среди бонапартистов Буррьен был не так уж неприятен. Люсьен Бонапарт, отмечая, что время, когда Буррьен обращался с Наполеоном как равный с равным, длилось для секретаря недостаточно долго, говорит, что в своих Мемуарах он взял небольшую мст, подобно тому, как любовник после разрыва со своей любовницей раскрывает все ее недостатки. Но Люсьен считает, что Буррьен дает нам достаточно хорошее представление о молодом артиллерийском офицере, о великом полководце и о первом консуле. Об императоре, говорит Люсьен, он слишком долго находился в отставке, чтобы быть в состоянии судить столь же хорошо. Но Люсьен не был честным представителем бонапартистов; на самом деле он никогда по-настоящему хорошо не думал о своем брате или о его действиях с тех пор, как Люсьен, бывший "Брут" Бонапарт, перестал быть советником консула. Для самого Люсьена было хорошо сколотить состояние на подарках коррумпированного двора и стать принцем и герцогиней от папы римского, но он был слишком искренним республиканцем, чтобы не осуждать имперскую систему. Настоящие бонапартисты, естественно и неизбежно, пришли в ярость от этих Мемуаров. Они не были правдой, они не были работой Буррьена, сам Буррьен был предателем, похитителем рукописей, его память была такой же плохой, как и его принципы, он даже не имел права на букву "де" перед своим именем. Если Мемуары вообще можно было простить, то только потому, что на самом деле его доля составляла всего несколько банкнот, вырванных у него крупными денежными предложениями в то время, когда его преследовали кредиторы и когда его мозг уже был поражен.

Бонапартистская атака на мемуары была представлена в полной форме в двух томах "Буррьен и ошибки, волонтеры и вовлеченные" (Париж, Хайделофф, 1830), отредактированных графом д'Ором, начальником египетской экспедиции, и содержащих сообщения Жозефа Бонапарта, Гурго, Стейна и др.

—[В примечаниях к настоящему изданию эти тома обозначаются краткими "Ошибками".]—

Частью системы атаки было поставить под сомнение подлинность Мемуаров, и это было тем более легко, что Буррьен, потеряв свое состояние, умер в 1834 году в состоянии слабоумия. Но этому плану систематически не следуют, и сами упреки, адресованные автору Мемуаров, часто показывают, что считалось, что они действительно были написаны Буррьеном. В них, несомненно, много недостатков. Редактор (говорят, Виллемарест), вероятно, сыграл большую роль в этой работе, а Буррьен, должно быть, забыл или неуместно перенес многие даты и события. В такой работе, предпринятой спустя столько лет после этих событий,

неизбежно было допущено много ошибок и многие утверждения должны были быть, по крайней мере, спорными. Но при ближайшем рассмотрении произведение выдерживает атаку таким образом, что это было бы невозможно, если бы оно действительно не было написано человеком, занимающим особое положение, которое занимает Буррьен. Он, несомненно, не преувеличивал свою позицию: он действительно, говорит Люсьен Бонапарт, обращался как равный с равным с Наполеоном на протяжении части своей карьеры, и он, безусловно, был самым близким другом и доверенным лицом, которые когда-либо были у Наполеона в его жизни.

Где он терпит неудачу или где бонапартистский пыл наиболее показателен, так это в отчете о египетской экспедиции. Может показаться странным, что даже через тридцать лет он забыл такие детали, как способ вывоза больных; но подобные вопросы были не в его компетенции; и было бы легко сопоставить аналогичные упущения в других работах, таких как отчеты о Крыме и, тем более, о полуострове. Нас больше всего интересуют его личные отношения с Наполеоном, и именно в них его рассказ получает наибольшее подтверждение.

Возможно, будет интересно узнать, что говорили о Мемуарах другие авторы. Мы цитировали Меттерниха и Люсьена Бонапарта; давайте послушаем Меневаль, его преемника, который остался верен своему учителю до конца: "Нельзя полностью доверять утверждениям, содержащимся в мемуарах, опубликованных под именем человека, который их не сочинял. Известно, что редактор этих мемуаров предложил г-ну де Буррьену, который тогда укрылся в Гольштейне от своих кредиторов, сумму, предположительно, в тридцать тысяч франков, чтобы получить его подпись на них с некоторыми примечаниями и дополнениями. Г-н де Буррьен уже был поражен болезнью, от которой он умер несколько лет спустя в доме сенте в Кане. Многие литераторы сотрудничали в подготовке его мемуаров. В 1825 году я встретил М. де Буррьена в Париже. Он сказал мне, что ему было предложено написать статью против императора. "Несмотря на вред, который он мне причинил, - сказал он, - я бы никогда так не поступил. "Пусть скорее отсохнет моя рука". Если бы г-н де Буррьен сам готовил свои мемуары, он не заявил бы, что, будучи императорским министром в Гамбурге, он работал с агентами графа де Лилля (Людовика XVIII) над подготовкой прокламаций в пользу этого принца и что в 1814 году он принял благодарность короля Людовика XVIII за это; он не сказал бы, что Наполеон признался ему в 1805 году, что у него никогда не возникало мысли об экспедиции в Англию и что план высадки, приготовления к ней и т. Д. не были известны. то, чему он придал такую огласку, было всего лишь ловушкой для развлечения дураков. Император хорошо знал, что никогда не существовало плана, более серьезно продуманного или более позитивно согласованного. Г-н де Буррьен не стал бы говорить ни о своих частных беседах с Наполеоном, ни о якобы доверенных ему секретах, в то время как на самом деле Наполеон больше не принимал его после 20 октября 1802 года. Когда император в 1805 году, забыв о его недостатках, назначил его полномочным министром в Гамбурге, он даровал ему обычную аудиенцию, но к этой милости он не добавил возвращения своей прежней дружбы. И до, и после этого он постоянно отказывался принимать его и не переписывался с ним". (Меневаль, ii. 378-79). А в другом отрывке Меневаль говорит: "Кроме того, было бы неправильно рассматривать эти Мемуары как произведение человека, чье имя они носят. Горькое негодование, которое г-н де Буррьен питал из-за своего позора, ослабление его способностей и бедность, до которой он был доведен, сделали его доступным для сделанных ему денежных предложений. Он согласился присвоить авторитетность своего имени Мемуарам, в составлении которых он участвовал лишь посредством неполных, путаных и часто неточных заметок - материалов, для приведения которых в порядок был нанят редактор". И Меневаль (iii. 29-30) продолжает цитировать то, что он сам написал в "Военном обозревателе", в котором он делает во многом те же

утверждения, и особенно возражает против отчета о беседах с императором после 1802 года, за исключением всегда одной аудиенции при отъезде в Гамбург. Меневаль также говорит, что Наполеон, когда хотел получить разведданные из Гамбурга, не переписывался с Буррьеном, а поручил ему, Меновалю, спросить Буррьена о том, что ему нужно. Но он подтверждает слова Буррьена по поводу усилий, предпринятых, в частности, Жозефиной, для его повторного назначения.

Таковы утверждения бонапартистов в чистом виде; и читатель, как уже было сказано, может сам судить, насколько хороша атака. Бурьенн или его редактор, вполне возможно, перепутали даты своих интервью, но по многим пунктам он не сильно заблуждается. Его рассказ о разговоре Жозефины после смерти герцога Энгийенского можно сравнить с тем, что мы знаем от мадам де Ремюза, которая, кстати, пришла бы в ужас, если бы узнала, что он считает ее похожей по характеру на императрицу Жозефину.

Теперь мы переходим к взглядам Савари, герцога де Ровиго, который, по общему признанию, оставался в хороших отношениях с Буррьеном после его опалы, хотя дружба Савари была не совсем тем, чем большинство людей могли бы гордиться. "У Буррьена была потрясающая память; он говорил и писал на нескольких языках, и его перо бегало так быстро, как только можно говорить. Это были не единственные преимущества, которыми он обладал. Он знал рутину государственных дел и публичное право. Его активность и преданность делу сделали его незаменимым для Первого консула. Я знал качества, которые завоевали ему безграничное доверие его начальника, но я не могу с такой же уверенностью говорить о недостатках, из-за которых он потерял его. У Буррьена было много врагов как из-за его характера, так и из-за его положения" (Савари, i. 418-19).

Мармону следовало бы быть беспристрастным критиком Мемуаров. Он говорит: "Бурьен ... обладал очень большими способностями, но он является ярким примером великой истины о том, что наши страсти всегда являются плохими советчиками. Вдохновляя нас неумеренным рвением достичь определенной цели, они часто заставляют нас упускать ее. Бурьенн отличался неумеренной любовью к деньгам. С его талантами и положением рядом с Бонапартом на первой заре величия, с доверием и настоящей доброжелательностью, которые испытывал к нему Бонапарт, за несколько лет он приобрел бы все в виде состояния и общественного положения. Но его горячее нетерпение подорвало его карьеру в тот момент, когда она могла бы развиться и вырасти" (Мармон, i. 64). Критика кажется справедливой. Что касается Мемуаров, Мармон говорит (ii. 224): "В целом, эти мемуары отличаются большой правдивостью и огромным интересом, пока в них рассказывается о том, что автор видел и слышал; но когда он говорит о других, его работа представляет собой всего лишь набор необоснованных предположений и ложных фактов, выдвинутых для специальных целей".

Граф Александр де Пюймегр, прибывший в Гамбург вскоре после того, как Бурьен покинул его в 1810 году, говорит (стр. 135) о той части Мемуаров, которая относится к Гамбургу: "Я должен признать, что в целом его утверждения вполне обоснованны. Этот бывший соратник Наполеона только забыл упомянуть о том мнении, которое сложилось о нем в этом городе.

- Правда в том, что считалось, что он заработал там много денег.

Таким образом, мы можем считать Буррьена умным, способным человеком, который достиг бы самых высоких почестей при Империи, если бы его недальновидная погоня за прибылью не выгнала его с поста и не помешала ему когда-либо вернуть его при Наполеоне.

В настоящем издании перевод был тщательно сопоставлен с оригинальным французским текстом. Там, где в оригинальном тексте приводится информация, которая теперь стала

просто делом истории, и где Буррьенн просто цитирует документы, достаточно известные в наши дни, обладание которыми является частью обвинений его противников, было использовано для облегчения массы мемуаров. Это было сделано особенно там, где речь шла о том, чего сам автор не видел и не слышал, о той части Мемуаров, которая представляет наименьшую ценность и о которой только что было процитировано мнение Мармона. Но в личной и более ценной части Мемуаров, где мы располагаем фактическими сведениями о самом секретаре, первоначальный текст был либо полностью сохранен, либо восстановлены несколько ранее пропущенных отрывков. Были добавлены иллюстративные примечания из Мемуаров преемницы Буррьена, Меневалю, мадам де Ремюза, работ полковника Юнга о "Бонапарте и его временах", о "Люсьене Бонапарте" и др. и других книг. Внимание также уделялось нападкам "ошибочников", и там, где эта критика была чем-то большим, чем простое выражение несогласия, ее смысл был зафиксирован с, по возможности, некоторым анализом доказательств. Таким образом, читатель будет иметь перед собой материалы для того, чтобы самому решить, насколько утверждения Буррьена согласуются с фактами и рассказами других авторов.

В настоящее время Мемуарам мадам де Ремюза уделяется слишком много внимания. Она, как и мадам Жюно, была женой человека, на которого не снизошел полный поток императорских милостей, и, как подобает женщине, она видела и думала только о придворной жизни великого человека, который никогда не был менее велик, чем при своем Дворе. Она в равной степени удивлена и возмущена тем, что император, вернувшись сразу после долгих часов работы со своими министрами и секретарем, не смог найти ласковых слов для придворных дам, и что, что ужасно в глазах француженки, когда любовница бросилась в его объятия, он первым делом подумал о том, какие политические знания он мог бы получить от нее. Буррьен, с другой стороны, показывает нам другую и действительно важную сторону характера Наполеона. Он рассказывает нам о долгих часах, проведенных в Кабинете министров, о неустанной деятельности консула, о мечтах Наполеона, отнюдь не постыдных и часто реализуемых, о великих трудах как в мирное, так и в военное время. Он свидетель, и тем более ценный, что делает это поневоле, удивительных способностей человека, который был если не величайшим, то, по крайней мере, наиболее полно наделен всеми замечательными качествами ума и тела, которые когда-либо видел мир.

R. W. P.

ВВЕДЕНИЕ АВТОРА.

Торговля прославленным именем могла сама по себе породить множество публикаций под названиями "исторические мемуары", "секретные мемуары" и других рапсодий, появившихся в отношении Наполеона. Изучая их, трудно определить, что больше всего поражает - наглость авторов или простота некоторых читателей. И все же эти грубые и плохо переваренные сборники, наполненные абсурдными анекдотами, сфабрикованными речами, вымышленными преступлениями или добродетелями и обезображенные многочисленными анахронизмами, вместо того чтобы быть преданными справедливому презрению и

скорейшему забвению, были привлечены к сведению спекулянтов и нашли ревностных сторонников и восторженных апологетов.

—[Это введение было перепечатано как имеющее отношение к характеру произведения, но очень часто отсылает к событиям дня на момент его первого появления.]—

Некоторое время я тешил себя мыслью заметить одну за другой многочисленные ошибки, написанные о Наполеоне; но я отказался от задачи, которая была бы слишком трудоемкой для меня и очень утомительной для читателя. Поэтому я буду исправлять только те, которые входят в план моей работы и которые связаны с теми фактами, на более точное знание которых, чем может претендовать любой другой человек, я могу претендовать. Есть люди, которые воображают, что ничто из содеянного Наполеоном никогда не будет забыто; но разве нельзя ожидать, что медленное, но неизбежное влияние времени будет действовать и по отношению к нему? Результатом этого влияния является то, что важнейшее событие эпохи вскоре почти незаметно и почти игнорируемое растворяется в огромной массе исторических фактов. Время в своем развитии уменьшает вероятность, а также интерес к такому событию, поскольку оно постепенно стирает самые долговечные памятники.

Я придаю лишь относительное значение тому, что собираюсь представить общественности. Я приведу подлинные документы. Если бы все люди, которые приближались к Наполеону в любое время и в любом месте, откровенно, бесстрастно записывали то, что они видели и слышали, будущий историк был бы богат материалами. Я желаю, чтобы тот, кто возьмется за трудную задачу написания истории Наполеона, нашел в моих заметках информацию, полезную для совершенствования его работы. Там он, по крайней мере, найдет истину. У меня нет амбиций желать, чтобы то, что я заявляю, принималось как абсолютный авторитет; но я надеюсь, что с этим всегда будут считаться.

Я никогда раньше не публиковал ничего, посвященного Наполеону. Та недоброжелательность, которая пристает к людям, имеющим несчастье несколько выделиться из толпы, приписала мне несколько работ о Бонапарте, поскольку говорить плохое всегда выгоднее, чем хорошее, потому что говорить плохое всегда выгоднее, среди прочих, "Секреты воспоминаний о человеке, который не уходит из жизни", часть М. Б.----, и "Секреты воспоминаний о Наполеоне Бонапарте", часть М. де Б. --- и "Точная история Наполеона". Инициал моего имени послужил распространению этой ошибки. Невероятное невежество, пронизывающее эти мемуары, абсурд и немыслимая глупость, которыми они изобилуют, не позволяют человеку чести и здравого смысла допустить, чтобы ему приписывали такие жалкие рапсодии. Я заявлял в 1816 году и в более поздние периоды во французских и иностранных журналах, что я не приложил руки к этим публикациям, и я здесь официально повторяю это заявление.

Но мне могут сказать: почему мы должны доверять вам больше, чем тем, кто писал до вас?

Мой ответ будет простым. Я вхожу в списки одним из последних, я прочитал все, что опубликовали мои предшественники, уверенный, что все, что я утверждаю, верно. Я не заинтересован в обмане, не боюсь позора, не ожидаю награды. Я не хочу ни затуманить, ни приукрашивать его славу. Каким бы великим ни был Наполеон, разве он не был также обязан отдать дань слабости человеческой природы? Я говорю о Наполеоне таким, каким я его видел, знал, часто восхищался им, а иногда и обвинял его. Я излагаю то, что я видел, слышал, писал и думал в то время, при каждом произошедшем обстоятельстве. Я не позволял себе ни увлекаться иллюзиями воображения, ни поддаваться влиянию дружбы или ненависти. Я не приведу ни одной мысли, которая не пришла бы мне в голову в самый момент события, породившего ее. Сколько там было сделок и документов, над которыми я мог бы

только сокрушаться!—сколько мер, противоречащих моим взглядам, моим принципам и моему характеру!— в то время как самые благие намерения были неспособны преодолеть трудности, которые самая сильная и решительная воля делала почти непреодолимыми.

Я также хочу, чтобы будущий историк сравнил то, что я говорю, с тем, что рассказывали или могут рассказать другие. Но ему необходимо будет учитывать даты, обстоятельства, разницу в положении, смену темперамента и возраста, поскольку возраст оказывает большое влияние на мужчин. В пятьдесят мы думаем и действуем не так, как в двадцать пять. Проявляя эту осторожность, он сможет открыть правду и сформировать мнение для потомков.

Читатель не должен ожидать, что найдет в этих Мемуарах непрерывный ряд всех событий, которыми была отмечена великая карьера Наполеона, или подробности всех тех сражений, описанием которых с пользой и умением занимались так много выдающихся людей. Я мало что скажу о том, чего я не видел и не слышал и что не подтверждается официальными документами.

Возможно, мне удастся подтвердить истины, в которых сомневались, и исправить допущенные ошибки. Если я иногда и расхожусь с наблюдениями и заявлениями Наполеона на острове Святой Елены, я далек от предположения, что те, кто взял на себя обязательство быть средством коммуникации между ним и общественностью, исказили то, что он сказал. Я твердо убежден, что ни одного из писателей острова Святой Елены нельзя обвинить в малейшем обмане; бескорыстное рвение и благородство характера являются несомненными залогами их правдивости. Мне кажется совершенно несомненным, что Наполеон изложил, продиктовал или исправил все, что они опубликовали. Их честь неоспорима; никто не может сомневаться в этом. Следовательно, следует верить в то, что они написали то, что он сообщил; но нельзя с такой же уверенностью поверить, что то, что он сообщил, было не чем иным, как правдой. Кажется, он часто рассказывал как о факте то, что на самом деле было всего лишь идеей, — идеей, тоже зародившейся на острове Святой Елены, порождении несчастья, и перенесенной его воображением в Европу во времена его процветания. Нельзя забывать его любимую фразу, которая каждую минуту была у него на устах— "Что скажет история, что подумают потомки?" Эта страсть оставить после себя знаменитое имя принадлежит к структуре человеческого разума; и при Наполеоне ее влияние было чрезмерным. Во время своей первой итальянской кампании он так писал генералу Кларку: "Этого честолюбия и занятия высоких постов было недостаточно для его удовлетворения и счастья, которые он рано оценил во мнении Европы и в уважении потомков". Он часто замечал мне, что для него мнение потомков было истинным бессмертием души.

Легко понять, что Наполеон хотел придать документам, с которыми, как он знал, ознакомятся историки, благоприятную окраску, и направить суждение потомков о его действиях в соответствии со своими собственными взглядами: Но только беспристрастное сравнение периодов, должностей и возраста позволит принять обоснованное решение. Примерно к сорока годам физическое строение Наполеона претерпело значительные изменения; и можно предположить, что эти изменения повлияли на его моральные качества. Особенно важно не упускать из виду преждевременное ухудшение его здоровья, которое, возможно, не позволяло ему всегда сохранять живость памяти, в остальном соответствующую его возрасту. Состояние нашей организации часто изменяет наши воспоминания, наши чувства, нашу манеру смотреть на объекты и впечатления, которые мы получаем. Это будет принято во внимание здравомыслящими людьми; и для них я пишу.

То, что, по словам г-на де Лас Касаса, Наполеон сказал в мае 1816 года о способе написания своей истории, подтверждает высказанное мной мнение. Это доказывает, что все факты и наблюдения, которые он сообщал или диктовал, должны были служить материалами. Из Мемориала мы узнаем, что месье де Лас Касас писал ежедневно и что рукопись перечитывал Наполеон, который часто вносил исправления собственной рукой. Идея ведения дневника ему очень понравилась. Он воображал, что это будет произведение, другого примера которого мир не мог бы себе позволить. Но есть отрывки, в которых нарушен порядок событий; в других искажаются факты и делаются ошибочные утверждения, как я понимаю, не совсем произвольно.

Я уделил особое внимание всему, что было опубликовано благородными участниками императорского плена. Ничто, однако, не могло заставить меня изменить ни слова в этих Мемуарах, потому что ничто не могло лишить меня уверенности в правдивости того, что я лично слышал и видел. Будет обнаружено, что Наполеон в своих частных беседах часто подтверждает то, что я утверждаю; но иногда мы расходимся во мнениях, и публике приходится судить между нами. Однако здесь я должен сделать одно наблюдение.

Когда Наполеон диктовал или пересказывал своим друзьям на острове Святой Елены факты, о которых они сообщали, он был вне мира, — он сыграл свою роль. Фортуна, которая, по его представлениям, даровала ему всю его силу и величие, отозвала все свои дары еще до того, как он сошел в могилу. Его правящая страсть заставляла его думать, что благодаря его славе он прояснил определенные факты, которые могли оказаться неблагоприятным сопровождением, если бы они сопровождали его до потомства. Это была его постоянная идея. Но разве нет каких-то оснований подозревать в верности того, кто пишет или диктует свою собственную историю? Почему он не мог навязать себя нескольким людям на острове Святой Елены, когда он был в состоянии навязать себя Франции и Европе в отношении многих действий, которые исходили от него за долгое время его власти? Жизнь Наполеона была бы написана очень неверно, если бы автор принял за истину все его бюллетени и прокламации, а также все заявления, сделанные им на острове Святой Елены. Такая история часто противоречила бы фактам; и таковой является только та, которая может быть озаглавлена "История Наполеона, написанная им самим".

Я сказал так много, потому что мне хотелось бы, чтобы принципы, которыми я руководствовался при написании этих мемуаров, были понятны. Я понимаю, что они понравятся не каждому читателю; это успех, на который я не могу претендовать. Некоторые заслуги, однако, могут быть мне предоставлены из-за труда, которому я подвергся. Это не было ни незначительным, ни приятным событием. Я взял за правило читать все, что было написано о Наполеоне, и мне пришлось расшифровывать многие документы с его автографами, хотя я уже не так хорошо разбираюсь в его каракулях, как раньше. Я говорю "расшифровать", потому что настоящий шифр часто гораздо легче понять, чем почерк Наполеона. Мои собственные заметки, которые часто были сделаны очень поспешно рукой, которой я писал в юности, тоже иногда сильно смущали меня.

Моя долгая и интимная связь с Бонапартом с детства, мои близкие отношения с ним в бытность генералом, консулом и императором позволили мне увидеть и оценить все, что было спроектировано и все, что было сделано за этот значительный и знаменательный период времени. Я не только имел возможность присутствовать при замысле и исполнении необычайных деяний одного из самых способных людей, когда-либо созданных природой, но, несмотря на почти непрестанную преданность делу, я нашел средства использовать те немногие минуты досуга, которые Бонапарт оставлял в моем распоряжении, для составления заметок, сбора документов и занесения в историю фактов, истину в отношении которых

иначе было бы трудно установить; и, в частности, для сбора тех идей, часто глубоких, блестящих и поразительных, но всегда примечательных, которые Бонапарт выражал с безграничной откровенностью доверительной близости.

Осознание того, что я обладаю большим количеством важной информации, привело ко множеству расспросов, и где бы я ни проживал после ухода из общественной жизни, большая часть моего времени уходила на ответы на вопросы. Желание познакомиться с мельчайшими подробностями жизни человека, созданного по беспрецедентному образцу, вполне естественно; и те, кто слышал мои ответы, всегда говорили: "Вам следует опубликовать свои мемуары!"

Я, конечно, всегда имел в виду публикацию своих мемуаров; но в то же время я был твердо намерен не публиковать их до тех пор, пока не наступит период, когда я смогу рассказать правду, и только правду. Пока Наполеон находился у власти, я считал правильным сопротивляться настоятельным просьбам, обращенным ко мне по этому поводу некоторыми высокопоставленными лицами. Тогда истина иногда казалась бы лестью, а иногда, возможно, была бы небезопасна. Впоследствии, когда ход событий перенес Бонапарта на далекий остров посреди океана, молчание было навязано мне другими соображениями - соображениями приличия и чувства.

После смерти Бонапарта на острове Святой Елены причины иного характера задержали выполнение моего плана. Спокойствие уединенного убежища было необходимо для подготовки и приведения в порядок обильных материалов, имевшихся в моем распоряжении. Я также счел необходимым прочитать большое количество работ, чтобы исправить важные ошибки, приписать которые авторам побудило отсутствие подлинных документов. Это столь желанное убежище было найдено. Мне посчастливилось быть представленным через друга герцогине де Бранкас, и эта дама пригласила меня провести некоторое время в одном из ее поместий в Эно. Принятый с самым приятным гостеприимством, я наслаждался там спокойствием, которое одно могло сделать публикацию этих томов практически осуществимой.

FAUVELET DE BOURRIENNE

ПРИМЕЧАНИЕ.

Редактор издания 1836 года добавил к Мемуарам несколько глав, взятых из других произведений того времени или основанных на них, чтобы составить более полную историю того периода. Эти материалы в основном были сохранены, но с исправлениями, которые были сделаны необходимыми в более поздних публикациях. Теперь добавлена глава, в которой дается краткий отчет о роли, сыгранной главными историческими персонажами во время Столетнего юбилея, и еще одна в конце, включающая перенос тела Наполеона с острова Святой Елены во Францию.

Есть надежда, что в этом издании были внесены два особых улучшения. Большое внимание было уделено правильному указанию имен, дат и цифр — моментам, которыми в большинстве переводов пренебрегают, хотя в некоторых редких случаях, таких как Davoust, было соблюдено обычное, но не совсем правильное написание, чтобы удовлетворить массового читателя. Количество ссылок на другие работы, которые приведены в примечаниях, как полагают, будет полезно любому, кто желает продолжить изучение истории Наполеона, и может уберечь их от многих ошибок, которые слишком часто совершаются. У нынешнего редактора было большое преимущество в том, что его работой поделился мистер Ричард Бентли, который применил свои знания об этом периоде и который нашел, как это может сделать только занятой человек, время, чтобы детально вникнуть в каждую свежую деталь с тем рвением, которое вскоре овладевает любым, кто долгое время занимается этим заманчивым занятием - специальным изучением исторического периода.

Январь 1885 г. R. W. P.

МЕМОУАРЫ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА.

ТОМ I. — 1769-1800

LETIZIA RAMOLINI
MOTHER OF NAPOLEON

JOSÉPHINE.
EMPRESS OF FRANCE

BEAUHARNAIS.

VICEROY OF ITALY

KLÉBER.

LANNES
DUC DE MONTEBELLO

TALLEYRAND.

DUROC
DUC DE FRIOUL

MURAT.
(KING OF NAPLES)

ГЛАВА 1

1769-1783.

Подлинная дата рождения Бонапарта—Его семью разорили иезуиты—Его пристрастие к военным забавам—Фиктивная осада Бриенского колледжа—Жена привратника и Наполеон—Моя близость с Бонапартом в колледже—Его любовь к математике и нелюбовь к латыни—Он защищает Паоли и обвиняет своего отца—Его высмеивают товарищи—Невежество монахов—Раздача призов в Бриенне—Мадам де Монтессон и герцог Орлеанский—Отчет м. Кералио о Бонапарте—Он покидает Бриенн.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ родился в Аяччо, на Корсике, 15 августа 1769 года; первоначальная орфография его имени была Буонапарте, но он исключил букву "и" во время своей первой кампании в Италии. Его мотивы для этого заключались всего лишь в том, чтобы привести написание в соответствие с произношением и сократить свою подпись. Он подписал контракт с Буонапарте даже после знаменитой 13-й Вандемии.

Утверждалось, что он родился в 1768 году и что он представлялся на год моложе, чем был на самом деле. Это неправда. Он всегда говорил мне, что 9 августа - его день рождения, и, поскольку я родился 9 июля 1769 года, наша близость по возрасту способствовала укреплению нашего союза и дружбы, когда мы оба учились в Военном колледже Бриенна.

Ложное и абсурдное обвинение Бонапарта в искажении своего возраста решительно опровергается записью в реестре М. Бертон, заместителя директора Бриенского колледжа, в которой указано, что М. Наполеон де Бонапарт, уроженец города Аяччо на Корсике 15 августа 1769 года, покинул Королевский военный колледж Бриенна 17 октября 1784 года.

Истории о его низком происхождении также лишены оснований. Его семья была бедной, и он получил образование за государственный счет, чем воспользовались многие почтенные семьи. В памятной записке, адресованной его отцом, Шарлем Бонапарте, военному министру, говорится, что его состояние сократилось из-за провала какого-то предприятия, в котором он участвовал, и из-за несправедливости иезуитов, которые лишили его наследства. Целью этого мемориала было добиться для Наполеона, которому тогда было четырнадцать лет, звания младшего лейтенанта и добиться зачисления Люсьена учеником Военного училища. Министр написал на обратной стороне мемориала: "Дайте обычный ответ, если будет вакансия", а на полях следующие слова— "Этому джентльмену сообщили, что его просьба неприемлема до тех пор, пока его второй сын остается в школе Бриенна. Два брата не могут быть одновременно направлены в военные училища". Когда Наполеону было пятнадцать, его отправили в Париж, пока он не достигнет необходимого возраста для поступления в армию. Люсьена не приняли в Бриенский колледж, по крайней мере, до тех пор, пока его брат не окончил Военное училище в Париже.

Бонапарт, несомненно, был человеком из хорошей семьи. Я видел подлинный отчет о его генеалогии, который он получил из Тосканы. Много говорилось о гражданских разногласиях, которые вынудили его семью покинуть Италию и укрыться на Корсике. На эту тему я ничего не скажу.

О юности Бонапарта рассказывалось много и по-разному.

—[Следующая интересная черта детства Наполеона почерпнута из "Воспоминаний герцогини д'Арбран": "Однажды одна из его сестер обвинила его в том, что он съел полную

корзину винограда, инжира и лимонов из сада его дяди каноника. Никто, кроме тех, кто был знаком с семьей Бонапарт, не может составить ни малейшего представления о чудовищности этого преступления. Есть фрукты, принадлежащие дяде Каноника, было бесконечно большим преступлением, чем есть виноград и инжир, на которые мог претендовать кто-либо другой. Было проведено расследование. Наполеон отрицал этот факт и был высечен. Ему сказали, что если он попросит прощения, то должен быть прощен. Он заявил, что невиновен, но ему не поверили. Если я правильно помню, его мать в то время была в гостях у г-на де Марбефа или у какого-то другого друга. Результатом упрямства Наполеона стало то, что его целых три дня держали на хлебе и сыре, и этот сыр не был "брокколи". Однако он не плакал: он был скучным, но не угрюмым. Наконец, на четвертый день его наказания маленькая подруга Марианны Бонапарт вернулась из деревни и, услышав о позоре Наполеона, призналась, что они с Марианной съели этот фрукт. Теперь настала очередь Марианны понести наказание. Когда Наполеона спросили, почему он не обвинил свою сестру, он ответил, что, хотя и подозревал, что она виновна, все же из уважения к ее маленькой подруге, которая не участвовала во лжи, он ничего не сказал. Ему было тогда всего семь лет" (т. i, стр. 9, изд. 1883).] —

Его описывали в терминах восторженной похвалы и преувеличенного осуждения. Так всегда бывает с людьми, которые благодаря таланту или благоприятным обстоятельствам возвышаются над своими собратьями. Сам Бонапарт смеялся над всеми историями, которые были придуманы с целью приукрасить или очернить его характер в молодости. Анонимная публикация, озаглавленная "История Наполеона Бонапарта", от его рождения до последнего отречения, содержит, пожалуй, самую большую коллекцию ложных и нелепых подробностей о его детстве. Среди прочего, утверждается, что он укрепил сад, чтобы защититься от нападений своих товарищей, которые несколькими строками ниже описываются как относящиеся к нему с уважением. Я помню обстоятельства, которые, вероятно, послужили поводом к фальсификации, вставленной в только что упомянутую работу; они были следующими.

Зимой 1783-84 годов, столь памятной обильными снегопадами, Наполеон был в большом замешательстве от тех уединенных прогулок и развлечений на свежем воздухе, которые раньше доставляли ему большое удовольствие. У него не было другого выхода, кроме как пообщаться со своими товарищами и для разминки пройти с ними взад и вперед по просторному залу. Наполеон, уставший от этой монотонной прогулки, сказал своим товарищам, что, по его мнению, они могли бы гораздо лучше развлекаться со снегом в большом дворе, если бы взяли лопаты и делали роговые сооружения, копали траншеи, возводили брустверы, кавалеров и т.д. "После этого, - сказал он, - мы можем разделить на части, организовать осаду, и я возьмусь руководить атаками". Предложение, которое было воспринято с энтузиазмом, было немедленно приведено в исполнение. Эта маленькая фиктивная война продолжалась в течение двух недель и не прекращалась до тех пор, пока некоторое количество гравия и мелких камней не смешалось со снегом, из которого мы делали наши пули, и многие бойцы, как осаждающие, так и осажденные, не были серьезно ранены. Я хорошо помню, что я был одним из самых пострадавших от такого рода картечи.

Почти нет необходимости опровергать историю о подъеме на воздушном шаре. Теперь очень хорошо известно, что героем этого стремительного приключения был не молодой Бонапарт, как утверждалось, а один из его товарищей, Дюдон де Шамбон, который был несколько эксцентричен. Этому его последующее поведение дало достаточные доказательства.

Разум Бонапарта был устремлен к объектам совершенно иного рода. Он обратил свое внимание на политическую науку. Во время некоторых своих каникул он наслаждался обществом Эбби Рейнал, которая беседовала с ним о правительстве, законодательстве, коммерческих отношениях и т.д.

В праздничные дни, когда жители Бриенны допускались на наши увеселения, были установлены посты для поддержания порядка. Никому не разрешалось входить внутрь здания без карточки, подписанной директором или заместителем директора. Звание офицера или младшего офицерского состава присваивалось в соответствии с заслугами, и однажды Бонапарт получил в свое распоряжение пост, когда произошло следующее небольшое приключение, которое служит примером решительности его характера.

Жена школьного привратника,

—[Эта женщина по имени Хот впоследствии была помещена в Мальмезон вместе со своим мужем. Они оба умерли в качестве консьержей Мальмезона. Это показывает, что у Наполеона была память.—Бурьен.]—

которая была очень хорошо известна, потому что раньше продавала ученикам молоко, фрукты и т.д., Однажды в день Святого Людовика явилась за допуском на представление "Исправленной смерти Цезаря", в котором я должен был исполнить роль Брута. Поскольку женщины не было билета, и она настояла на том, чтобы ее пропустили без него, возникла некоторая суматоха. Сержант поста доложил об этом офицеру Наполеону Бонапарту, который властным тоном воскликнул: "Отошлите эту женщину, которая является сюда со своей лагерной наглостью". Это было в 1782 году.

Нам с Бонапартом было восемь лет, когда началась наша дружба. Она быстро стала очень интимной, поскольку между нами возникла определенная сердечная симпатия. Я наслаждался этой дружбой и близостью до 1784 года, когда его перевели из военного колледжа в Бриенне в Париж. Я был одним из тех его товарищей по юности, которые лучше всего приспособились к его суровому характеру. Его природная сдержанность, склонность размышлять о завоевании Корсики и впечатления, полученные им в детстве от несчастий его страны и его семьи, побудили его уйти в отставку и сделали его общее поведение, хотя и только внешне, несколько неприятным. Наше равенство в возрасте свело нас вместе на уроках математики и художественной литературы. Его горячее желание приобретать знания было замечательным с самого начала учебы. Когда он впервые пришел в колледж, он говорил только на корсиканском диалекте и на сьере Дюпюи,

—[Впоследствии он занял должность библиотекаря при Наполеоне в Мальмезоне.]—

который был заместителем директора школы до отца Бертоне, давал ему инструкции по французскому языку. В этом он добился таких быстрых успехов, что за короткое время освоил первые зачатки латыни. Но к этой учебе он испытывал такое отвращение, что в пятнадцать лет его не выпустили из четвертого класса. Там я очень быстро расстался с ним, но мне так и не удалось опередить его на уроке математики, где он, несомненно, был самым умным парнем в колледже. Иногда я помогал ему с его латинскими темами и версиями в обмен на помощь, которую он оказывал мне в решении задач, в которых он проявлял такую степень готовности и легкости, что это меня совершенно удивляло.

Находясь в Бриенне, Бонапарт отличался смуглым цветом лица (который впоследствии несколько изменился из-за климата Франции), своим пронзительным и изучающим взглядом, а также стилем общения как со своими хозяевами, так и с товарищами. Его

разговор почти всегда носил оттенок дурного настроения, и он, конечно, был не очень дружелюбен. Я объясняю это несчастьями, выпавшими на долю его семьи, и впечатлениями, произведенными на него завоеванием его страны.

Ученики по очереди были приглашены на обед к отцу Бертону, директору школы. Однажды, когда настала очередь Бонапарта насладиться этим баловством, некоторые из профессоров, сидевших за столом, намеренно сделали несколько неуважительных замечаний в адрес Паоли, восторженным поклонником которого, как они знали, был молодой корсиканец. "Паоли, - заметил Бонапарт, - был великим человеком; он любил свою страну; и я никогда не прощу моего отца, который был его адъютантом, за то, что он согласился на союз Корсики с Францией. Ему следовало последовать примеру Паоли и пасть вместе с ним.

—[Герцогиня д'Абрантес, говоря о личных характеристиках Бонапарта в юности и возмужании, говорит: "Саверия сказала мне, что Наполеон никогда не был красивым мальчиком, каким, например, был Жозеф: его голова всегда казалась слишком большой для его тела, недостаток, общий для семьи Бонапартов. Когда Наполеон вырос, особое очарование его лица заключалось в глазах, особенно в мягком выражении, которое они принимали в моменты доброты. Его гнев, конечно, был ужасен, и хотя я не трус, я никогда не мог смотреть на него в приступах ярости без содрогания. Хотя его улыбка была очаровательной, все же на выражение его рта, когда он был полон презрения или гнева, едва ли можно было смотреть без ужаса. Но этот лоб, который, казалось, был создан для того, чтобы носить короны целого мира; эти руки, которыми могли бы гордиться самые кокетливые женщины, и белая кожа которых обтягивала железные мускулы; короче говоря, от всей той личной красоты, которая отличала Наполеона в молодости, в мальчике не было заметно и следа. Саверия говорила правду, когда сказала, что из всех детей синьоры Летиции император был тем, от кого меньше всего можно было ожидать будущего величия" (том i, стр. 10, изд. 1883)]—

Вообще говоря, Бонапарт не очень нравился своим товарищам в Бриенне. Он не общался с ними и редко принимал участие в их развлечениях. Недавнее подчинение его страны Франции всегда вызывало в его сознании болезненное чувство, которое отдалило его от школьных товарищей. Я, однако, был почти его постоянным спутником. Во время игр он обычно уединялся в библиотеке, где с глубоким интересом читал исторические труды, особенно Полибия и Плутарха. Он также любил Арриана, но не очень любил Квинта Гурция. Я часто уходил поиграть со своими товарищами и оставлял его одного в библиотеке.

Характер молодого корсиканца не улучшили поддразнивания, которым он часто подвергался со стороны своих товарищей, которые любили высмеивать его из-за его христианского имени Наполеон и его страны. Он часто говорил мне: "Я причиню этим французам столько вреда, сколько смогу", а когда я пытался успокоить его, он говорил: "Но ты не смеешься надо мной, я тебе нравлюсь".

Отец Патро, наш профессор математики, был очень привязан к Бонапарту. Он по праву гордился им как учеником. Другие профессора, на занятиях которых он не выделялся, обращали на него мало внимания. У него не было вкуса к изучению языков, светской литературы или искусств. Поскольку не было никаких признаков того, что он когда-либо станет ученым, педанты истеблишмента были склонны считать его глупцом. Однако его незаурядный интеллект был достаточно заметен даже сквозь скрытность, под которой он скрывался. Если бы монахи, которым было доверено руководство учреждением, поняли организацию его ума, если бы они наняли более способных профессоров математики, или если бы у нас было какое-либо побуждение к изучению химии, естественной философии, астрономии и т.д., я убежден, что Бонапарт занимался бы этими науками со всем гением и

духом исследования, которые он проявил на своем поприще, более блестящем, это правда, но менее полезном для человечества. К сожалению, монахи этого не понимали и были слишком бедны, чтобы платить хорошим мастерам. Однако после того, как Бонапарт покинул колледж, они сочли необходимым нанять двух профессоров из Парижа, иначе колледж превратился бы в ничто. Эти два новых профессора, г-н Дюрфор и г-н Деспонтс, завершили мое образование, и я сожалел, что они не пришли раньше. Таким образом, часто повторяющееся утверждение о том, что Бонапарт получил тщательное образование в Бриенне, не соответствует действительности. Монахи были неспособны дать ему это; и, со своей стороны, я должен признаться, что обширная информация сегодняшнего дня представляет для меня болезненный контраст с ограниченным курсом образования, который я получил в Военном колледже. Остается только удивляться, что истеблишмент произвел на свет одного-единственного способного человека.

Хотя у Бонапарта не было причин быть довольным обращением, которому он подвергался со стороны своих товарищей, все же он был выше того, чтобы жаловаться на это; и когда ему приходилось наблюдать за выполнением любого долга, который они нарушали, он скорее отправлялся в тюрьму, чем доносил на преступников.

Однажды я был его сообщником в невыполнении обязанности, которую нам поручили контролировать. Он уговорил меня сопровождать его в тюрьму, где мы пробыли три дня. Мы несколько раз подвергались подобному наказанию, но с меньшей суровостью.

В 1783 году герцог Орлеанский и мадам де Монтессон посетили Бриенну, и в течение месяца великолепный замок графа де Бриенна представлял собой Версаль в миниатюре. Череду блестящих развлечений, устроенных августейшим путешественникам, заставила их почти забыть о королевском великолепии, которое они оставили позади.

Принц и мадам де Монтессон выразили желание председательствовать на раздаче призов нашего колледжа. Мы с Бонапартом получили призы по математике, которая, как я уже отмечал, была той областью изучения, которой он уделял свое внимание и в которой преуспел. Когда меня вызвали в седьмой раз, мадам де Монтессон сказала моей матери, которая приехала из Санса, чтобы присутствовать на раздаче: "Прошу вас, мадам, на этот раз коронуйте своего сына; у меня устали руки".

В военных училищах был инспектор, в обязанности которого входило составлять ежегодный отчет о каждом ученике, независимо от того, обучался ли он за государственный счет или за счет своей семьи. Я скопировал из отчета 1784 года примечание, которое, вероятно, было тайно получено из Военного министерства. Я хотел приобрести рукопись, но ее купил Луи Бонапарт. Я не делал копии записки, относящейся ко мне, потому что, естественно, чувствовал бы себя неуверенно, используя ее как-либо. Однако это помогло бы показать, как время и обстоятельства часто нивелировали различия, возникающие в школе или колледже. Судя по отчетам инспектора военных училищ, из всех учеников Бриенна в 1784 году юный Бонапарт не был тем, кто в наибольшей степени способствовал предсказанию будущего величия и славы.

Записка, на которую я только что ссылался и которая была написана месье де Керралио, тогдашним инспектором военных училищ, описывает Бонапарта в следующих выражениях:

ИНСПЕКЦИЯ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ

1784.

ОТЧЕТ, СДЕЛАННЫЙ ДЛЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА М. ДЕ КЕРАЛИО.

М. де Бонапарт (Наполеон), родился 15 августа 1769 г., рост 4 фута 10 дюймов, 10 линий, учится в четвертом классе, имеет хорошее телосложение, отличное здоровье, характер послушный, честный, благодарный, ведет себя очень регулярно; всегда отличался пристрастием к математике. Он очень сносно знает историю и географию. Он не силен в изучении орнамента или латыни, по которой учится всего в четвертом классе. Он будет отличным моряком. Он заслуживает того, чтобы его перевели в Парижское военное училище.

Отец Бертон, однако, был против переезда Бонапарта в Париж, потому что он не прошел четвертый курс латыни, а правила требовали, чтобы он был в третьем. Заместитель директора сообщил мне, что из Бриенского колледжа в Парижский был отправлен отчет, касающийся Наполеона, в котором он описывался как властный и упрямый человек.

—[Наполеон оставался в Бриенне более пяти лет, с апреля 1779 года до конца 1784 года. В 1783 году шевалье Кералио, младший инспектор военных училищ, выбрал его для прохождения на следующий год обучения в военном училище в Париже, куда ежегодно направлялись по три лучших ученика из каждого из двенадцати провинциальных военных училищ Франции. Любопытно, но и удовлетворительно узнать, какого мнения в то время придерживались о нем те, кто был наиболее компетентен в суждениях. Его старый учитель Ле Гий, профессор истории в Париже, хвастался, что в списке различных ученых он предсказал дальнейшую карьеру своего ученика. Фактически, к имени Бонапарта добавлено следующее примечание: "Корсиканец по рождению и характеру — он совершит что-то великое, если обстоятельства будут благоприятствовать ему". Менге был его преподавателем геометрии, который также был высокого мнения о нем. М. Бауэр, его немецкий учитель, был единственным, кто ничего в нем не увидел, и был удивлен, когда ему сказали, что он сдает экзамен на артиллерию. Хэзлитт.]—

Я хорошо знал Бонапарта; и я думаю, что отчет г-на де Кералио о нем был чрезвычайно справедлив, за исключением, возможно, того, что он мог бы сказать, что он был очень хорош в своих успехах в истории и географии и очень отстал в латыни; но, конечно, ничто не указывало на вероятность того, что он был превосходным моряком. Сам он никогда не думал о военно-морском флоте.

—[Бурьен, конечно, неправ, утверждая, что Бонапарт не думал о военно-морском флоте. В письме 1784 года военному министру его отец говорит о Наполеоне, что "следуя совету графа де Марбефа, он направил свои исследования на военно-морской флот; и он преуспел настолько хорошо, что г-н де Кералио предназначил его для парижской школы, а затем для департамента Тулон. Уход на пенсию бывшего профессора (Кералио) изменил судьбу моего сына". Только после провала его намерения поступить на флот его отец 15 июля 1784 года подал прошение о разрешении ему поступить в артиллерию; Наполеон испытывал ужас перед пехотой, где, по его словам, они ничего не делали. Именно благодаря успеху этого заявления ему было разрешено поступить в школу Частей (Iung, том i. стр. 91-103). Как ни странно, в последующие годы, 30 августа 1792 года, только что добившись восстановления в звании капитана после своего отсутствия, он подал заявление о переходе в морскую артиллерию. "Заявление было признано просто абсурдным и было подано с пометкой "S. R." ("без ответа")" (Iung, том ii. стр. 201)]—

В результате доклада М. де Кералио Бонапарт был переведен в Военный колледж Парижа вместе с М. Монтарби де Дампьер, де Кастр, де Комменж и де Ложье де Белькур, которые, как и он, получили образование за государственный счет, и все, по крайней мере, о них благожелательно отзывались.

Что могло побудить сэра Вальтера Скотта сказать, что Бонапарт был гордостью колледжа, что наш магистр математики чрезвычайно любил его и что другие профессора различных наук имели равные основания быть довольными им? То, что я изложил выше, вместе с отчетом М. де Кералио, свидетельствует о его отсталости почти во всех областях образования, кроме математики. Также, как утверждает сэр Уолтер, не его преждевременные успехи в математике послужили причиной его переезда в Париж. Он достиг соответствующего возраста, и отзыв о нем был благоприятным, поэтому он вполне естественно был включен в число пяти человек, избранных в 1784 году.

В биографическом отчете о Бонапарте я прочитал следующий анекдот: Когда ему было четырнадцать лет, он случайно оказался на вечеринке, где кто-то произнес хвалебную речь Тюренну; и дама из компании заметила, что он, безусловно, великий человек, но что он нравился бы ей больше, если бы он не сжег Пфальц. "Что это значит, - ответил Бонапарт, - если это было необходимо для той цели, которую он имел в виду?"

Это либо анахронизм, либо простая выдумка. В 1783 году Бонапарту было четырнадцать. Он был тогда в Бриенне, где, конечно, не бывал в обществе, и меньше всего в обществе дам.

ГЛАВА II.

1784-1794.

Бонапарт поступает в Военный колледж Парижа — Он призывает меня стать военным — Его отчет о состоянии Военного училища Парижа — Он получает офицерский чин — Я отправляюсь в Вену — Возвращаюсь в Париж, где снова встречаюсь с Бонапартом — Его необычные планы по сбору денег — Людовик XVI в красной шапочке на голове — 10 августа — Мой отъезд в Штутгарт — Бонапарт отправляется на Корсику — Мое имя внесено в список эмигрантов — Бонапарт при осаде Тулона — Суп де Бокер — Миссия Наполеона в Генуя — Его арест — Его автографическое обоснование — первая связь Дюрока с Бонапартом.

Бонапарту было пятнадцать лет и два месяца, когда он поступил в Военный колледж Парижа.

— [Мадам Жюно рассказывает некоторые интересные подробности, связанные с первым пребыванием Наполеона в Париже: "Первой заботой моей матери, - говорит она, - по прибытии в Париж было справиться о Наполеоне Бонапарте. В то время он учился в военном училище в Париже, покинув Бриенну в сентябре прошлого года.

"Мой дядя Деметриус встретил его сразу после того, как он вышел из кареты, которая доставила его в город; "И действительно, - сказал мой дядя, - у него был вид новенького. Я встретил его в "Палмс Ройял", где он разинул рот и с удивлением смотрел на все, что видел. Он был бы отличным объектом для шуток, если бы у него действительно было что-нибудь стоящее!" Мой дядя пригласил его отобедать у себя дома; потому что, хотя мой дядя был холостяком, он не выбирал обедать у "traiteur" (название "ресторатор" тогда еще не было введено). Он сказал моей матери, что Наполеон был очень угрюм. "Боюсь, - добавил он, - что у этого молодого человека самомнения больше, чем подобает его положению. Обедая со мной, он начал яростно критиковать роскошь молодых людей военного училища. Немного погодя он перевел разговор на Манию и нынешнее образование молодых маниотов, проводя сравнение между ним и древней

спартанской системой образования. Свои наблюдения по этому поводу он сказал мне, что намеревался воплотить в мемориале, который будет представлен военному министру. Все это, будьте уверены, навлечет на него неудовольствие его товарищей; и будет удачей, если он избежит того, чтобы его проткнули насквозь". Несколько дней спустя моя мать увидела Наполеона, и тогда его раздражительность достигла апогея. Он едва ли вынес бы какие-либо замечания, даже если бы они были сделаны в его пользу, и я убежден, что именно этой неконтролируемой раздражительности он был обязан репутацией человека с дурным характером в детстве и спленетическим в юности. Мой отец, который был знаком почти со всеми руководителями военного училища, добился для него разрешения иногда выезжать на отдых. Однажды из-за несчастного случая (растяжения связок, если я правильно помню) Наполеон провел в нашем доме целую неделю. По сей день, когда я прохожу по набережной Конти, я не могу удержаться и смотрю на "мансарду" в левом углу дома на третьем этаже. Это были покои Наполеона, когда он нанес нам визит, и это была аккуратная маленькая комната. Мой брат обычно занимал соседнюю с ней. Двое молодых людей были почти одного возраста: у моего брата, возможно, было преимущество в год или пятнадцать месяцев. Моя мать советовала ему заручиться дружбой юного Бонапарта, но мой брат жаловался, как неприятно встречать лишь холодную вежливость там, где он ожидал привязанности. Это отталкивание со стороны Наполеона было почти оскорбительным и, должно быть, остро ощущалось моим братом, который отличался не только мягкостью своего характера, любезностью и изяществом манер, но и за обществом которого ухаживали в самых выдающихся кругах Парижа благодаря его достижениям. Он заметил в Бонапарте своего рода язвительность и горькую иронию, причину которых долго пытался разгадать. "Я полагаю, — сказал Альбер однажды моей матери, — что бедный молодой человек остро ощущает свое зависимое положение". ("Мемуары герцогини д'Абрантес", том i, стр. 18, изд. 1883).] -

Я сопровождал его в карете до Ножан-сюр-Сен, откуда должна была отправиться дилижанс. Мы расстались с сожалением и больше не встречались до 1792 года. В течение этих восьми лет мы поддерживали активную переписку; но я так мало ожидал высокого предназначения, которое после его возвышения, как было подтверждено, ясно проявили замечательные качества его детства, что я не сохранил ни одного из писем, которые он написал мне в тот период, а порвал их, как только на них был получен ответ.

—[Я помню, однако, что в письме, которое я получил от него примерно через год после его приезда в Париж, он убеждал меня сдержать свое обещание поступить вместе с ним в армию. Как и он, я прошел обучение, необходимое для артиллерийской службы, и в 1787 году я отправился на три месяца в Мец, чтобы объединить практику с теорией. Странный Указ, который, как я полагаю, был издан в 1778 году г-ном де Сегюром, требовал, чтобы человек обладал четырьмя четвертями дворянства, прежде чем он сможет получить право служить своему королю и стране в качестве военного офицера. Моя мать отправилась в Париж, прихватив с собой патент своего мужа, который умер через шесть недель после моего рождения. Она доказала это в 1640 году Людовику XIII. восстановил патентными письмами титулы некоего Фовле де Виллемона, который в 1586 году сохранил несколько провинций Бургундии в подчинении власти короля, рискуя своей жизнью и потерей своего имущества; и что его семья занимала первые места в магистратуре с четырнадцатого века. Все было в порядке, но было замечено, что дворянские грамоты не были зарегистрированы парламентом, и, чтобы исправить это небольшое упущение, была затребована сумма в двенадцать тысяч франков. На этом моя мать отказалась платить, и на этом дело остановилось.]—

По прибытии в Военную школу Парижа Бонапарт обнаружил, что это учебное заведение находится в столь блестящем и дорогостоящем состоянии, что немедленно обратился с мемориалом по этому поводу к заместителю директора Бертону из Бриенна.

—[Второй мемуар, подготовленный им с той же целью, предназначался военному министру, но отец Бертон мудро посоветовал молодому кадету хранить молчание (Iung, том i, стр. 122). Хотя Наполеон верил в необходимость показухи и великолепия в общественной жизни, он оставался верен этим принципам. Расточая богатство своим министрам и маршалам, "В личной жизни, - сказал бе, - будьте экономны и даже скуповаты; на публике будьте великолепны" (Меневаль, том i, стр. 146).] —

Он показал, что план образования действительно пагубен и далек от того, чтобы быть рассчитанным на достижение цели, которую должно иметь в виду каждое мудрое правительство. Результатом этой системы, по его словам, было внушение ученикам, которые все были сыновьями бедных джентльменов, любви к показухе или, скорее, чувства тщеславия и самодостаточности; так что вместо того, чтобы счастливо вернуться в лоно своих семей, они, вероятно, будут стыдиться своих родителей и презирать свои скромные дома. Вместо многочисленной прислуги, которая их окружала, обедов из двух блюд, лошадей и конюхов он предложил, чтобы они сами оказывали себе небольшие необходимые услуги, такие как чистка одежды и ботинок; чтобы они ели хлеб грубого помола, испеченный для солдат, и т.д. Умеренность и активность, добавил он, придадут им сил, позволят переносить суровость различных времен года и климатических условий, переносить тяготы войны и внушать уважение и послушание солдатам, находящимся под их командованием. Так рассуждал Наполеон в возрасте шестнадцати лет, и время показало, что он никогда не отступал от этих принципов. Основание военной школы в Фонтенбло является решающим доказательством этого.

Поскольку Наполеон был активным наблюдателем за всем, что происходило вокруг него, и высказывал свое мнение открыто и решительно, он недолго оставался в Парижской военной школе. Его начальство, стремившееся избавиться от него, ускорило срок его экзаменов, и он получил первое вакантное звание младшего лейтенанта в артиллерийском полку.

Я покинул Бриенну в 1787 году; и поскольку я не мог поступить в артиллерию, я отправился в следующем году в Вену с рекомендательным письмом к господину де Монморену, прося о приеме на работу во французское посольство при Австрийском дворе.

Я пробыл два месяца в Вене, где имел честь дважды видеть императора Иосифа. Впечатление, произведенное на меня его любезным приемом, его достойными и элегантными манерами и изящной беседой, никогда не изгладится из моей памяти. После того как г-н де Ноай посвятил меня в первые шаги дипломатии, он посоветовал мне поступить в один из немецких университетов для изучения права наций и иностранных языков. Соответственно, я отправился в Лейпциг примерно в то время, когда разразилась Французская революция.

Я провел некоторое время в Лейпциге, где занялся изучением международного права, а также немецкого и английского языков. Впоследствии я путешествовал по Пруссии и Польше и провел часть зимы 1791 и 1792 годов в Варшаве, где я был весьма любезно принят принцессой Тишиквез, племянницей Станислава Августа, последнего короля Польши, и сестрой принца Понятовского. Принцесса была очень хорошо информирована и была большой поклонницей французской литературы: по ее приглашению я провел несколько вечеров в обществе короля в кругу, достаточно маленьком, чтобы приблизиться к чему-то вроде интимности. Я помню, что его величество часто просил меня почитать "Монитер";

речи, которые он слушал с величайшим удовольствием, были речами жирондистов. Княгиня Тишицвеж пожелала напечатать в Варшаве за свой счет выполненный мной перевод "Меншенхасса и Рое" Коцебу, которому я дал название "L'Inconnu".

—[Пьеса, известная на английской сцене как "Незнакомец".]—

Я прибыл в Вену 26 марта 1792 года, когда мне сообщили о серьезной болезни императора Леопольда II, который скончался на следующий день. В частных компаниях и в общественных местах я слышал смутные подозрения, высказываемые о том, что он был отравлен; но публика, которая была допущена во дворец, чтобы увидеть, как тело лежит в парадном виде, вскоре убедились в лживости этих слухов. Я дважды ходил посмотреть на это скорбное зрелище и никогда не слышал ни слова, которое могло бы подтвердить гнусные подозрения, хотя просторный зал, в котором были выставлены останки императора, постоянно был заполнен людьми.

В апреле 1792 года я вернулся в Париж, где снова встретился с Бонапартом,

—[Согласно весьма сомнительным источникам, Бонапарт провел пять или шесть недель в Лондоне в 1791 или 1792 году и "поселился в доме на Джордж-стрит, Стрэнд. Его главным занятием, по-видимому, были пешие прогулки по улицам Лондона — отсюда его изумительное знание великой столицы, которое обычно поражало любого знатного англичанина, не знавшего об этом визите. Время от времени он выпивал чашку шоколада в "Нортумберленде", занимаясь чтением и сохраняя вызывающую молчаливость по отношению к джентльменам в зале; хотя его манеры были суровыми, он вел себя как джентльмен ". История его визита, вероятно, столь же апокрифична, как и история о том, как он предложил свои услуги английскому правительству, когда английские войска блокировали побережье Корсики.]—

и наша студенческая близость полностью возобновилась. Я был не очень обеспечен, а на нем тяжело висели невзгоды; его ресурсы часто подводили его. Мы проводили время, как два двадцатитрехлетних парня, у которых мало денег и еще меньше занятий. Бонапарт всегда был беднее меня. Каждый день мы задумывали тот или иной новый проект. Мы искали какую-нибудь выгодную спекуляцию. Одно время он хотел, чтобы я вместе с ним арендовал несколько домов, затем строил на улице Монтолон, чтобы впоследствии сдавать их в аренду. Требования арендодателей показали нам экстравагантными — все провалилось.

В то же время он искал работу в Военном министерстве, а я - в министерстве иностранных дел. На данный момент мне повезло больше из них двоих.

Пока мы проводили время несколько бродячим образом,

—[Это было перед 20 июня, когда во время наших частых экскурсий по Парижу мы отправились в Сен-Сир повидаться с его сестрой Марианной (Элизой). Мы вернулись, чтобы поужинать вдвоем в Трианоне.—Бурьен.]—

наступило 20 июня. Мы встретились по предварительной договоренности у ресторатора на улице Сент-Оноре, недалеко от Пале-Рояля, чтобы совершить одну из наших ежедневных прогулок. Выйдя на улицу, мы увидели приближающуюся со стороны рынка толпу, которую Бонапарт насчитал в пять или шесть тысяч человек. Все они были в лохмотьях, нелепо вооружены всевозможным оружием и поспешно направлялись к Тюильри, выкрикивая всевозможные грубые оскорбления. Это было собрание всего самого мерзкого и подлого, что было в парижских кварталах. "Давайте последуем за толпой", - сказал Бонапарт. Мы опередили их и заняли свою позицию на террасе на берегу реки. Именно там он стал свидетелем разыгравшихся скандальных сцен, и было бы трудно описать удивление и

негодование, которые они вызвали в нем. Когда король появился в окнах, выходящих в сад, в красной шапочке, которую кто-то из толпы надел ему на голову, он больше не мог сдерживать своего негодования. "Че коглионе!" - громко воскликнул он. "Зачем они впустили весь этот сброд! Они должны уничтожить четыреста или пятьсот из них из пушек; остальные тогда двинутся в путь достаточно быстро".

Когда мы сели ужинать, за который, как обычно, заплатил я, поскольку был богаче из них двоих, он не говорил ни о чем, кроме сцены, свидетелями которой мы были. Он с большим здравым смыслом обсуждал причины и последствия этого неудержимого восстания. Он предвидел и проницательно развил все, что за этим последует. Он не ошибся. Вскоре наступило 10 августа. Я тогда находился в Штутгарте, где был назначен секретарем Дипломатической миссии.

На острове Святой Елены Бонапарт сказал: "Получив известие о нападении на Тюильри 10 августа, я поспешил к Фовле, брату Бурьена, который тогда держал мебельный склад в Карусели". Отчасти это правильно. Мой брат был связан с так называемым "национальным предприятием Франции", где лица, намеревавшиеся покинуть Францию, получали денежный аванс под залог любых вещей, которыми они хотели распорядиться и которые немедленно продавались для них. Некоторое время назад Бонапарт таким образом заложил свои часы.

После рокового 10 августа Бонапарт отправился на Корсику и не возвращался до 1793 года. Сэр Вальтер Скотт говорит, что с тех пор он больше никогда не видел Корсику. Это ошибка, как будет показано, когда я буду говорить о его возвращении из Египта.

—[Сэр Уолтер, по-видимому, черпал информацию о жизни Наполеона только из тех пасквилей и вульгарных историй, которые потакали духу клеветы и национальной ненависти. Его работа написана с чрезмерной небрежностью, что в сочетании с многочисленными ошибками показывает, с каким уважением он, должно быть, относился к своим читателям. Похоже, его целью было сделать это противоположностью своим романам, где все заимствовано из истории. Меня заверили, что маршал Макдональд предложил представить Скотта некоторым генералам, которые могли бы предоставить ему наиболее точную информацию о военных событиях, славу которых они разделили, сэр Уолтер ответил: "Благодарю вас, но я буду черпать информацию из непрофессиональных отчетов". — Бурьен.]—

Будучи назначен секретарем дипломатической миссии в Штутгарте, я отправился туда 2 августа и больше не видел своего пылкого молодого друга до 1795 года. Он сказал мне, что мой отъезд ускорил его отъезд на Корсику. Мы расстались, как можно предположить, со слабой надеждой когда-нибудь встретиться снова.

Указом от 28 марта 1793 года всем французским агентам за границей было приказано вернуться во Францию в течение трех месяцев под страхом того, что их будут считать эмигрантами. То, чему я был свидетелем перед моим отъездом в Штутгарт, возбуждение, в котором я оставил общественное мнение, и хорошо известные последствия событий такого рода заставили меня опасаться, что я буду вынужден стать либо соучастником, либо жертвой катастрофических сцен, которые происходили дома. Из-за моего неповиновения закону мое имя было внесено в список эмигрантов.

В биографической публикации обо мне было сказано, что "для Бурьена было столь же замечательно, сколь и удачно, что по возвращении его имя вычеркнули из списка эмигрантов департамента Йонна, в который оно было внесено во время его первого путешествия в Германию. Это обстоятельство было истолковано по-разному, и не все они одинаково благоприятны для господина де Бурьена".

Я не понимаю, какие благоприятные толкования могут быть даны утверждению, насквозь ложному. Генерал Бонапарт неоднократно ходатайствовал о вычеркивании моего имени, начиная с апреля месяца 1797 года, когда я воссоединился с ним в Леобене, и заканчивая периодом подписания Кампо-Формийского мирного договора; но безуспешно. Он просил своего брата Луи, Бертье, Бернадотта и других, когда отправит их в Директорию, потребовать моего удаления; но тщетно. Он пожаловался Ботто на такое невнимание к его пожеланиям, когда тот приехал в Пассериано после 18-го Фруктидора. Ботто, который был секретарем Барраса, был поражен тем, что я не был удален, и он дал прекрасные обещания о том, что он сделает. По возвращении во Францию он написал Бонапарту: "Бурьен стерт". Но это было неправдой. Я был удален только в ноябре 1797 года по неоднократным просьбам генерала Бонапарта.

Именно во время моего отсутствия во Франции Бонапарт в звании "командира батальона" провел свою первую кампанию и внес существенный вклад в возвращение Тулона. Об этом периоде его жизни я ничего не знаю лично, и поэтому не буду говорить об этом как очевидец. Я просто перескажу некоторые факты, которые заполняют промежуток между 1793 и 1795 годами и которые я почерпнул из бумаг, которые он сам передал мне. Среди этих бумаг есть небольшое произведение, озаглавленное "Суп Бокера", экземпляры которого он скупил за значительные средства и уничтожил по прибытии в консульство. Эта небольшая брошюра содержит принципы, совершенно противоположные тем, которые он хотел видеть утвержденными в 1800 году, в период, когда экстравагантные идеи свободы больше не были в моде, и когда Бонапарт ввел систему, полностью противоположную тем республиканским принципам, которые исповедовал "Суп де Бокер".

—[Это не диалог между Маратом и федералистом, как говорит сэр Уолтер, а беседа между военным офицером, уроженцем Низма, уроженцем Марселя и фабрикантом из Монпелье. Последний, хотя и принимает участие в разговоре, говорит мало. "Супер де Бокер" полностью приведен во французском издании этих мемуаров, том i. стр. 319-347; и у Юнга, том ii. стр. 354, со следующими замечаниями: "Первое издание "Супера де Бокера" было выпущено за счет Государственной казны в августе 1798 года. Сабен Турналь, его редактор, также затем редактировал "Авиньонский курьер". Второе издание появилось только двадцать восемь лет спустя, в 1821 году, которому предшествовало введение Фредерика Ройу (Париж: Брассер Айн, печатник, Террей, издатель, in octavo). Эта брошюра не произвела никакой сенсации в то время, когда она появилась. Только когда Наполеон стал командующим итальянской армией, месье Лубе, секретарь и корректор прессы месье Турналя, придал рукописи некоторую ценность и показал ее нескольким лицам. Позже Луи Бонапарт заказал несколько копий у М. Ореля. Брошюра, датированная 29 декабря 1793 года, представляет собой диалог между офицером армии, гражданином Низма, фабрикантом из Монпелье и гражданином Марселя. Марсель в то время находился в состоянии восстания против Конвента. Его войска захватили Авиньон, но были вытеснены армией Картезны, которая собиралась атаковать сам Марсель." В диалоге офицер дает превосходнейший военный совет представителю Марселя относительно невозможности их сопротивления старым солдатам Карто. Марсельский гражданин спорит, но слабо, и встревожен заявлениями офицера; в то время как его угроза вызвать испанцев настраивает других ораторов против него. Даже полковник Юнг говорит (том ii, стр. 372): "В этих кратких суждениях чувствуется решение мастера и военного человека..... Эти замечательные качества впоследствии поразили членов Конвента, которые высоко ценили Бонапарта, разрешили ему опубликовать книгу за государственный счет и дали ему много обещаний". Ланфри, том i, стр. 201, говорит об этих брошюрах: "Достаточно общие идеи, выраженные в стиле, замечательном только своими "итальянизмами", но становящиеся необычайно твердыми и точными каждый раз, когда автор

выражает свои военные взгляды. При кажущейся грубости мы обнаруживаем в нем редкую осмотрительность, не оставляющую писателю никакой опоры, даже если события изменятся".] —

Следует отметить, что во всем, что дошло до нас со острова Святой Елены, ни слова не сказано об этом юношеском произведении. Его характер в достаточной степени объясняет это молчание. Во всех произведениях Бонапарта потомки, вероятно, проследят скорее глубокого политика, чем восторженного революционера.

Некоторые документы, касающиеся отстранения от должности и ареста Бонапарта по приказу представителей Альбитте и Саличетти, помогают представить в истинном свете обстоятельства, которые до сих пор были представлены в ложном свете. Я войду в некоторые подробности этого события, потому что я видел, как утверждалось, что это обстоятельство жизни Бонапарта было извращено и представлено в ложном свете каждым человеком, который до сих пор писал о нем; и автор, который делает это замечание, сам описывает это дело неправильно и расплывчато. Другие объясняют неудачу Бонапарта дискуссией военных о войне и его связью с Робеспьером младшим.

—[Сейчас будет видно, что все это ошибочно, и что сэр Уолтер совершает еще одну ошибку, когда говорит, что связь Бонапарта с Робеспьером имела для него фатальные последствия, и что его оправдание состояло в признании того, что его друзья сильно отличались от тех, кем он их представлял. Бурьен.]—

Более того, было сказано, что Альбитте и Саличетти объяснили Комитету общественной безопасности невозможность возобновления ими военных действий без помощи талантов генерала Бонапарта. Это простая лесть. Факты таковы:

13 июля 1794 года (25-е мессидора II года) представители народа при итальянской армии приказали генералу Бонапарту отправиться в Геную, где совместно с французским "поверенным в делах" провести переговоры по некоторым вопросам с генуэзским правительством. Эта миссия вместе с перечнем секретных инструкций, предписывающих ему осмотреть крепости Генуи и соседней страны, показывают доверие, которое Бонапарт, которому тогда было всего двадцать пять лет, внушал людям, глубоко заинтересованным в осмотрительном выборе своих агентов.

Бонапарт отправился в Геную и выполнил свою миссию. Наступило 9 Термидора, и депутаты, которых называли террористами, были заменены Альбитте и Саличетти. В царившем тогда беспорядке они либо не знали о приказах, отданных генералу Бонапарту, либо лица, завидовавшие растущей славе молодого генерала артиллерии, внушили Альбитте и Саличетти пагубные для него подозрения. Как бы то ни было, два представителя составили резолюцию, предписывавшую арестовать генерала Бонапарта, отстранить его от должности и предать суду Комитета общественной безопасности; и, каким бы экстраординарным это ни казалось, эта резолюция была основана на том самом путешествии в Геную, которое Бонапарт совершил по указанию народных представителей.

—[Мадам Жюно проливает некоторый свет на это преследование Бонапарта со стороны Саличетти. "Одним из мотивов (я не хочу сказать, единственным) враждебности, проявленной Саличетти к Бонапарту в деле Лоано, - замечает эта дама, - было то, что когда-то они были поклонниками одной и той же дамы. Я не уверен, было ли это на Корсике или в Париже, но я точно знаю, что Бонапарт, несмотря на свою молодость, или, возможно, я бы скорее сказал из-за своей молодости, был любимым любовником. По мнению моего брата, который был секретарем

Саличетти, Бонапарт был обязан своей жизнью обстоятельству, которое не очень хорошо известно. Дело в том, что Саличетти получил письмо от Бонапарта, содержание которого, по-видимому, произвело на него глубокое впечатление. Бумаги Бонапарта были переданы в руки Саличетти, который, внимательно прочитав их, отложил в сторону с явным недовольством. Затем он снова взял их и перечитал во второй раз. Саличетти отказался от помощи моего брата в проверке бумаг и после второго осмотра, который, вероятно, был таким же неудовлетворительным, как и первый, сел с очень рассеянным видом. По-видимому, он видел среди бумаг какой-то документ, который касался его самого. Другим любопытным фактом является то, что человек, который заботился о бумагах после того, как они были опечатаны, был младшим клерком, полностью находившимся под контролем Саличетти; и моему брату, в чьи обязанности входило хранить бумаги, было приказано не прикасаться к ним. Он часто говорил мне об этом обстоятельстве, и я упоминаю его здесь как одно из важных для истории того времени. Ничто, имеющее отношение к такому человеку, как Наполеон, не может считаться бесполезным или тривиальным.

"Каков, в конце концов, был результат этого странного дела, которое могло стоить Бонапарту головы? — ибо, если бы он был доставлен в Париж и предстал перед судом Комитета общественного спасения, нет никаких сомнений в том, что друг Робеспьера младшего был бы осужден Бийо-Варенном и Колло д'Эрбуа. Результатом стало оправдание обвиняемого. Этот результат тем более необычен, что, по-видимому, в то время Саличетти испытывал страх перед молодым генералом. Бонапарту даже был сделан комплимент в указе, которым он был временно восстановлен на свободе. Как утверждается, это освобождение было предоставлено на основании того, что генерал Бонапарт может быть полезен Республике. Это было предвидение; но впоследствии, когда были приняты меры, которые сделали Бонапарта больше не объектом страха, его имя было вычеркнуто из списка генеральских офицеров, и любопытно, что Камбасерес, которому суждено было стать его коллегой по консульству, был одним из лиц, подписавших акт об исключении" (Мемуары герцогини д'Абрантес, т. i, стр. 69, изд. 1843).—

Бонапарт сказал на острове Святой Елены, что он был на короткое время заключен в тюрьму по приказу представителя Лапорта; но приказ о его аресте подписали Альбитте, Саличетти и Лапорт.

—[Альбитте и Лапорт были представителями, направленными Конвентом в альпийскую армию, а Саличетти — в итальянскую армию.]—

Лапорт, вероятно, не был самым влиятельным из троих, поскольку Бонапарт адресовал свой протест не ему. Он провел две недели под арестом.

Если бы это произошло тремя неделями раньше и если бы Бонапарт предстал перед судом Комитета общественного спасения до 9 Термидора, есть большая вероятность, что его карьере пришел бы конец; и мы увидели бы, как на эшафоте в возрасте двадцати пяти лет погиб человек, которому в течение двадцати пяти последующих лет было суждено удивлять мир своими обширными концепциями, своими гигантскими проектами, своим великим военным гением, своей необычайной удачей, своими ошибками, поражениями и последними неудачами.

Стоит отметить, что в только что упомянутой посттермидорианской резолюции нет упоминания о связи Бонапарта с Робеспьером младшим. Суровость, с которой с ним обошлись, тем более удивительна, что предполагаемой причиной этого была его миссия в Геную. Было ли против него выдвинуто какое-либо другое обвинение, или клевета

восторжествовала над услугами, которые он оказал своей стране? Я часто беседовал с ним на тему этого приключения, и он неизменно уверял меня, что ему не в чем себя упрекнуть и что его защита, которую я приведу ниже, содержала чистое выражение его чувств и точную правду.

В следующей записке, которую он адресовал Альбитте и Саличетти, он не упоминает Лапорта. Копия, которой я располагаю, написана рукой Жюно с исправлениями, сделанными рукой генерала. В нем представлены все характерные черты письма Наполеона: его короткие предложения, его резкий, а не лаконичный стиль, иногда его возвышенные идеи и всегда его незамысловатый здравый смысл.

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ АЛЬБИТТЕ И САЛИЧЕТТИ:

Вы отстранили меня от исполнения обязанностей, арестовали и объявили меня подозреваемым.

Таким образом, я опозорен до того, как меня осудят, или даже осудят до того, как меня выслушают.

В революционном государстве есть два класса: подозреваемые и патриоты.

Когда пробуждаются первые, по отношению к ним принимаются общие меры безопасности.

Угнетение второго сорта является ударом по общественной свободе. Судья не может вынести приговор до получения самых полных доказательств и последовательности фактов. Это не оставляет ничего для произвольного решения.

Объявить патриота подозреваемым — значит лишить его всего, что он ценит больше всего, - доверия и почитания.

К какому классу я отношусь?

Разве я не был всегда привержен ее принципам с самого начала Революции?

Разве я не боролся всегда либо с внутренними врагами, либо с внешними?

Я пожертвовал своим домом, отказался от своей собственности и потерял все ради Республики?

С тех пор я с некоторыми отличиями служил в Тулоне и заслужил часть лавров итальянской армии при взятии Саорджо, Онейля и Танаро.

При раскрытии заговора Робеспьера я вел себя как человек, привыкший руководствоваться только принципами.

Следовательно, мои претензии на звание патриота не могут быть оспорены.

Почему же тогда меня объявили подозреваемым, не выслушав, и арестовали через восемь дней после того, как я узнал о смерти тирана.

Мне объявлено о подозрении, и мои бумаги опечатаны.

Следовало бы пойти по обратному пути. Сначала мои бумаги должны были быть опечатаны; затем меня должны были вызвать для объяснений; и, наконец, объявить подозреваемым, если для принятия такого решения были основания.

Желательно, чтобы я отправился в Париж с приказом, объявляющим меня подозреваемым. Естественно, предполагается, что представители не составляли этот указ, не имея точной информации, и обо мне будут судить с пристрастием, которого заслуживает человек такого класса.

Хотя я патриот, невинный и оклеветанный человек, все же, какие бы меры ни были приняты Комитетом, я не могу жаловаться.

Если трое мужчин заявят, что я совершил преступление, я не могу жаловаться на присяжных, которые меня осудят.

Саличетти, вы знаете меня; и я спрашиваю, заметили ли вы в моем поведении за последние пять лет что-либо, что могло бы дать основание для подозрений?

Альбитта, ты не знаешь меня; но ты не получила никаких доказательств против меня; ты не слышала меня, и ты знаешь, как искусно иногда работает язык клеветы.

Должен ли я тогда быть причислен к врагам моей страны и должны ли патриоты безрассудно пожертвовать генералом, который не был бесполезен Республике? Должны ли представители довести правительство до необходимости быть несправедливыми и невежливыми?

Услышь меня; уничтожь гнет, который меня подавляет, и верни мне уважение патриотов.

Через час, если мои враги захотят забрать мою жизнь, пусть они заберут ее. Я часто приводил доказательства того, как мало я ее ценю. Ничто, кроме мысли о том, что я еще могу быть полезен своей стране, не заставляет меня мужественно нести бремя существования.

Похоже, что эта защита, замечательная своей энергичной простотой, произвела впечатление на Альбитте и Саличетти. Были начаты расследования, более точные и, вероятно, более благоприятные для генерала; и 3-го Фруктидора (20 августа 1794 г.) представители народа составили указ, в котором говорилось, что после тщательного изучения бумаг генерала Бонапарта и приказов, которые он получил относительно своей миссии в Генуе, они не увидели ничего, что оправдывало бы какие-либо подозрения в его поведении; и что, более того, принимая во внимание преимущество, которое могло бы принести Республике военные таланты упомянутого генерала Бонапарта, было решено временно освободить его.

—[Что касается ареста Бонапарта (который длился тринадцать дней), см. "Бурьен и его ошибки", том i, стр. 16-28, и *lung*, том ii, стр. 443-457. Оба, в противовес Бурьену, приписывают арест его связи с младшим Робеспьером. Очевидно, Альбитте и Саличетти не были знакомы ни с секретным планом кампании, подготовленным младшим Робеспьером и Бонапартом, ни с реальными инструкциями, данными для миссии в Геную. Ревность между представителями штаба альпийской армии и представителями итальянской армии, в которой состоял Наполеон, также сыграла свою роль в этом деле. Янг считает Саличетти действующим защитником Бонапартов; но Наполеон, похоже, не рассматривал его в этом свете; см. Письмо, приведенное в "Туно", том i, стр. 106, где в 1795 году он ставит себе в заслугу то, что не вернул ему причиненное зло; см. Также тот же том, стр. 89. Саличетти в конце концов стал министром полиции при Жозефе, короле Неаполя, в 1806 году; но когда он подал заявление о возвращении во Францию, Наполеон сказал Матье Дюма: "Пусть он знает, что я недостаточно силен, чтобы защитить семью". негодяи, которые голосовали за смерть Людовика XVI из презрения и негодования общественности" (Дюма, том iii, стр. 318). В то же время Наполеон назвал саличетти хуже, чем лаццарони.]—

Впоследствии Саличетти стал другом и доверенным лицом молодого Бонапарта, но после его возвышения их близость прекратилась.

Что следует думать о мотивах ареста и временного освобождения Бонапарта, когда была признана его невиновность и совершенная ошибка? Важность военных талантов генерала, хотя и не упоминается о невозможности обойтись без них, является предлогом для восстановления его свободы, которой он был несправедливо лишен.

Не в Тулоне, как было указано, Бонапарт принял Дюрока в артиллерию и сделал его своим "адъютантом".

—[Мишель Дюрок (1773-1813) сначала был всего лишь адъютантом Наполеона, ему несколько раз поручали специальные дипломатические миссии (например, в Берлин и т.д.). При образовании Империи он стал великим маршалом Дворца и герцогом де Фриуль. Он всегда оставался в тесной связи с Наполеоном, пока тот не был убит в 1813 году. Поскольку он часто упоминается в современных мемуарах под своим сокращенным титулом "Маршал", его иногда ошибочно включали в число маршалов империи — военного звания, которого он так и не получил.]—

Знакомство завязалось в более поздний период, в Италии. Холодный характер Дюрока и неискушенный ум подходили Наполеону, доверием которого он пользовался до самой своей смерти и который поручал ему миссии, возможно, превышающие его способности. На острове Святой Елены Бонапарт часто заявлял, что он очень привязан к Дюроку. Я верю, что это правда; но я знаю, что ответной привязанности не было. Неблагодарность принцев вошла в поговорку. Не может ли случиться так, что придворные тоже иногда бывают неблагодарными? — (Справедливо по отношению к Дюроку добавить, что это обвинение, по-видимому, не подтверждается впечатлениями тех, кто более способен, чем Буррьен, судить в этом вопросе.)

ГЛАВА III.

1794-1795.

Предложение отправить Бонапарта в Вандею—Он вычеркнут из списка генеральных офицеров—Саличетти—Женитьба Жозефа на мадемуазель Клари—Желание Бонапарта отправиться в Турцию—Записка с объяснением плана предполагаемой экспедиции—Характеристика мадам Буррьен Бонапарта и отчет об аресте ее мужа—Конституция III года— 13—е Вандемье—Бонапарт назначен заместителем командующего внутренней армией—Панегирик Бонапарту Барраса и его последствия-Рукопись острова Святой Елены.

Генерал Бонапарт вернулся в Париж, куда я также прибыл из Германии вскоре после него. Наша близость возобновилась, и он рассказал мне обо всем, что произошло во время кампании на юге. Он часто упоминал о преследованиях, которым подвергался, и передал мне пачку бумаг, упомянутую в предыдущей главе, желая, чтобы я передал их содержание моим друзьям. По его словам, ему очень хотелось покончить с предположением, что он способен предать свою страну и под предлогом поездки в Геную стать ШПИОНОМ в

интересах Франции. Он любил рассказывать о своих военных достижениях в Тулоне и в Италии. Он говорил о своих первых успехах с тем чувством удовольствия, которое они, естественно, должны были вызывать в нем.

Правительство хотело отправить его в Вандею в звании бригадного генерала пехоты. Бонапарт отклонил это предложение по двум причинам. Он считал место действия недостойным его талантов и расценивал свой предполагаемый перевод из артиллерии в пехоту как своего рода оскорбление. Последнее было его самым веским возражением и единственным, на котором он настаивал официально. Вследствие его отказа принять предложенное ему назначение Комитет общественной безопасности постановил, что он должен быть вычеркнут из списка генеральских чинов.

—[Это утверждение относительно предполагаемого перевода Бонапарта в пехоту, его неподчинения приказу и последующего увольнения подвергается яростным нападкам в "Ошибках", том i, глава iv. Это, однако, верно в некоторых моментах; но истинные истины о жизни Бонапарта в это время кажутся настолько малоизвестными, что, возможно, было бы неплохо объяснить все это в целом. 27 марта 1795 года Бонапарту, уже отстраненному от службы на юге, было приказано проследовать в западную армию, чтобы командовать ее артиллерией в звании бригадного генерала. Он доехал до Парижа, а затем задержался там, частично из-за медицинской справки. Находясь в Париже, он подал заявление, как говорит Буррьен, о поездке в Турцию для организации ее артиллерии. Его заявление, вместо того чтобы быть проигнорированным, как говорит Буррьен, было благосклонно принято: два члена "Комитета Сен-Паблик" поместили на полях самые благоприятные отзывы о нем; один, Жан Дебри, даже сказал, что он был слишком выдающимся офицером, чтобы его отправляли на такое расстояние в такое время. Бонапарт был далек от того, чтобы на него смотрели так, как считал его в то время полусумасшедший Буррьен, и 21 августа 1795 года был назначен одним из четырех генералов, прикрепленных в качестве военных советников к Комитету по подготовке военных операций, причем его собственный департамент был самым важным. Сам он в то время говорил Жозефу, что прикреплен к топографическому бюро Комитета Сен-Паблик для руководства действиями армий в местечке Карно. По-видимому, именно это знаменательное назначение мадам Жюно, ошибочно датируя его, называет "ничем особенным" (Junot, том i, стр. 143). Поэтому вместо него на посту командующего артиллерией Роша был назначен другой офицер, и этот факт был использован в документах Erreurs (стр. 31), чтобы отрицать, что он был уволен, — Но была произведена общая переклассификация генералов. Генералы-артиллеристы превзошли свои полномочия, и 13 июня Бонапарту, как младшему по возрасту, было приказано присоединиться к армии Гоша в Бресте, чтобы командовать пехотной бригадой. Все его попытки добиться отмены приказа потерпели неудачу, и поскольку он ему не подчинился, 15 сентября 1795 года он был вычеркнут из списка занятых генеральских офицеров, приказ "Комитета общественного спасения" был подписан Камбасересом, Бербером, Мерленом и Буасси. Однако его заявление о поездке в Турцию все еще оставалось в силе; и любопытно, что в тот самый день, когда он был вычеркнут из списка, комиссия, заменившая военного министра, рекомендовала "Комитету Сен-Паблик" отправить его и двух его адъютантов, Жюно и Ливра, с другими офицерами под его началом в Константинополь. Уже 29 сентября, двенадцать дней спустя, этот вопрос рассматривался, и единственный вопрос заключался в каких-либо возражениях департамента против других выбранных им офицеров, и этот вопрос только что решался. Но 13-го вандемьера (5 октября 1795 г.), или, скорее, накануне вечером, всего через девятнадцать дней после своего смещения, он был назначен заместителем Барраса, перед ним открылась карьера во Франции, и о Турции больше не думали.

Тьер (том iv, стр. 326) и большинство авторов, современных и других, говорят, что Обри отдал приказ об исключении его из списка. Обри, сам бригадный генерал артиллерии, не принадлежал к "Комитету общественного спасения" в то время, когда Бонапарт был смещен с юга; и он покинул

Комитет в начале августа, то есть до того, как был отдан приказ об уничтожении Бонапарта. Однако Обри был членом Комитета в июне 1795 года и подписал приказ, который, вероятно, исходил от него, о переводе Бонапарта в пехоту. Будет видно, что в обычном военном смысле этого термина Наполеон находился в Париже без работы только с 15 сентября по 4 или 6 октября 1796 года; все остальное время в Париже у него было командование, которое он не хотел принимать. Бедственное положение, в котором, как говорят, находился Наполеон в финансовых вопросах, вероятно, разделяло большинство офицеров того времени; см. "Ошибки", том i, стр. 32. Этот период полностью описан в Iung, томе ii, стр. 476, и томе iii, стр. 1-93.]—

Глубоко огорченный этим неожиданным ударом, Бонапарт удалился в частную жизнь и обнаружил, что обречен на бездействие, весьма несовместимое с его пылким характером. Он поселился на улице Мейль, в отеле недалеко от площади Победы, и мы возобновили ту жизнь, которую вели в 1792 году, до его отъезда на Корсику. Не без борьбы он решил терпеливо ожидать устранения предрассудков, которые лелеяли против него люди, стоявшие у власти; и он надеялся, что в условиях происходящих постоянных перемен эти люди могут быть заменены другими, более благоприятствующими ему. Он часто обедал и проводил вечер со мной и моим старшим братом; и благодаря его приятной беседе и манерам часы проходили очень приятно. Я навещал его почти каждое утро и встречал у него на квартире нескольких известных в то время людей; среди прочих Саличетти, с которым он обычно вел очень оживленные беседы и который часто добивался личной беседы с ним. Однажды Саличетти заплатил ему три тысячи франков ассигнациями в качестве платы за его экипаж, которым его вынудили распорядиться стесненные обстоятельства.

— [О бедности Наполеона в то время мадам Жюно говорит: "По возвращении Бонапарта в Париж после несчастий, в которых он обвинял Саличетти, он находился в очень стесненных обстоятельствах. Его семья, изгнанная с Корсики, нашла убежище в Марселе; и теперь они не могли сделать для него того, что сделали бы, будь они в стране, откуда черпали свои денежные средства. Время от времени он получал денежные переводы, и я подозреваю, что они поступали от его замечательного брата Жозефа, который тогда недавно женился на мадемуазель Клари; но при всей его бережливости этих средств было недостаточно. Поэтому Бонапарт был в полном отчаянии. Жюно часто говорил о тех шести месяцах, которые они провели вместе в Париже в то время. Когда они совершали вечернюю прогулку по бульвару, который раньше был пристанищем молодых людей, верхом на прекрасных лошадях и демонстрируя всю роскошь, которую им было позволено демонстрировать в то время, Бонапарт бранил судьбу и выражал свое презрение к денди с бакенбардами и их "orielles de chiene", которые, проезжая мимо, в экстазе восхваляли манеру пения мадам Сцио. И именно таким существам, как эти, - говорил он, - Фортуна дарует свои благосклонности. Боже мой! как презренна человеческая природа!" (Мемуары герцогини д'Абрантес, том i, стр. 80, изд. 1883.)]—

Я легко мог догадаться, что наш юный друг либо был, либо хотел быть вовлеченным в какую-то политическую интригу; и более того, я подозревал, что Саличетти взял с него клятву не разглашать вынашиваемых планов.

Он стал задумчивым, меланхоличным и встревоженным и всегда с нетерпением ждал ежедневного визита Саличетти.

—[Саличетти был замешан в восстании 20 мая 1795 года, 1—го прериаля III года, и был вынужден улететь в Венецию.]—

Иногда, отвлекаясь от политических дел, он завидовал счастью своего брата Жозефа, который как раз тогда женился на мадемуазель Клари, дочери богатого и уважаемого марсельского купца. Он часто говорил: "Этот Джозеф - удачливый мошенник".

Между тем время шло, и ни один из его проектов не увенчался успехом — ни к одной из его заявок не прислушались. Он был раздосадован несправедливостью, с которой к нему относились, и терзался желанием заняться каким-нибудь активным делом. Ему была невыносима мысль о том, чтобы остаться погребенным в толпе. Он решил покинуть Францию; и любимая идея, от которой он никогда впоследствии не отказывался, что Восток - прекрасное поле для славы, внушила ему желание отправиться в Константинополь и поступить на службу к великому сеньору. Какие романтические планы, какие грандиозные проекты он задумал! Он спросил меня, поеду ли я с ним? Я ответила отрицательно. Я смотрел на него как на полусумасшедшего молодого человека, которого беспокойная деятельность ума подтолкнула к экстравагантным предприятиям и отчаянным решениям в сочетании с раздражающим обращением, которому он подвергся, и, возможно, можно добавить, его нехваткой денег. Он не винил меня за мой отказ сопровождать его; и он сказал мне, что Жюно, Мармон и некоторые другие молодые офицеры, которых он знал в Тулоне, были бы не прочь последовать его примеру.

Он составил записку, которая начиналась словами "Записка для ...", она не была адресована никому и представляла собой всего лишь план. Через несколько дней он написал другое, которое, однако, не слишком существенно отличалось от первого и которое он адресовал Оберу и Кони. Я сделал ему точную копию, и она регулярно пересылалась. Это было следующее: —

ПРИМЕЧАНИЕ.

В момент, когда императрица России укрепила свой союз с императором Германии (Австрии), в интересах Франции сделать все, что в ее силах, для увеличения военной мощи Турции.

Эта держава обладает многочисленным и храбрым ополчением, но очень отстала в научной части военного искусства.

Организация и обслуживание артиллерии, которые в нашей современной тактике так сильно облегчают исход сражений и от которых почти исключительно зависят атака и оборона крепостей, являются особенно теми пунктами, в которых Франция превосходит других и в которых турки наиболее слабы.

Они несколько раз обращались к нам за офицерами-артиллеристами, и мы прислали им нескольких; но присланные таким образом офицеры не были достаточно сильны ни численностью, ни талантом, чтобы добиться какого-либо важного результата.

Генерал Бонапарт, который с юности служил в артиллерии, которой ему было доверено командовать при осаде Тулона и в двух кампаниях в Италии, предлагает свои услуги для поездки в Турцию с миссией от (Франции) Правительство.

Он предлагает взять с собой шесть или семь офицеров разного звания, которые в совокупности могут оказаться совершенными мастерами военного искусства.

Он получит удовлетворение от того, что будет полезен своей стране на этом новом поприще, если ему удастся сделать турецкую мощь более грозной, завершив оборону их главных крепостей и построив новые.

Эта записка показывает ошибочность часто повторяемого утверждения о том, что он предлагал поступить на службу к туркам против Австрии. Он ничего не упоминает об этом; и эти две страны не были в состоянии войны.

—[Шотландский биограф заставляет Бонапарта сказать, что было бы странно, если бы королем Иерусалима стал маленький корсиканец. Я никогда не слышал от него ничего, что подтверждало бы вероятность такого замечания, и, конечно, в его записке нет ничего, что подтверждало бы вывод о том, что он это сделал. — Бурьен.]—

На эту ноту ответа не последовало. Турция осталась без помощи, а Бонапарт - без оккупации. Я должен признаться, что о провале этого проекта, по крайней мере, я не сожалел. Я бы с сожалением увидел, что молодой человек, подающий большие надежды и к которому я питал искреннюю дружбу, обрек себя на столь неопределенную судьбу. Наполеон меньше, чем кто-либо другой, спровоцировал благоприятствовавшие ему события; никто в большей степени не уступал обстоятельствам, из которых он так умело извлекал преимущества. Однако, если бы клерк Военного министерства написал на записке "Согласен", это маленькое слово, вероятно, изменило бы судьбу Европы.

Бонапарт оставался в Париже, строя планы удовлетворения своего честолюбия и стремления прославиться в мире; но препятствия мешали всем его попыткам.

Женщины лучше разбираются в людях, чем мужчины. Мадам де Бурьен, зная о существовавшей между нами близости, сохранила некоторые заметки, которые она сделала о Бонапарте и обстоятельствах, которые показались ей наиболее примечательными во время ее ранней связи с ним. Моя жена была о нем не такого благоприятного мнения, как я; теплая дружба, которую я питал к нему, вероятно, не позволяла мне видеть его недостатки. Я привожу заметки мадам де Бурьен, слово в слово:

На следующий день после нашего второго возвращения из Германии, это было в мае 1795 года, мы встретились с Бонапартом в Пале-Рояле, возле магазина, который держал человек по имени Жирарден. Бонапарт обнял Бурьена как друга, которого он любил и был рад видеть. В тот вечер мы отправились во Французский театр. Спектакль состоял из трагедии; и "Закваски, о любви к плену". Во время последней пьесы публика сотрясалась от смеха. Роль Дасньера была представлена Батистом младшим, и она никогда не была сыграна лучше. Взрывы смеха были такими громкими и частыми, что актеру несколько раз приходилось останавливаться посреди своей роли. Один только Бонапарт (и это показалось мне очень необычным) был молчалив и холодно нечувствителен к юмору, который так неудержимо привлекал всех остальных. В тот период я заметил, что характер у него был сдержанный и часто мрачный. Его улыбка была лицемерной и часто неуместной; и я вспоминаю, что через несколько дней после нашего возвращения он подарил нам один из тех образцов дикого веселья, которые мне очень не понравились и которые настроили меня против него. Он рассказывал нам, что, находясь под Тулоном, где он командовал артиллерией, одного из его офицеров посетила жена, на которой он был женат совсем недолго и которую нежно любил. Несколько дней спустя был отдан приказ о новой атаке на город, в которой должен был участвовать этот офицер. Его жена пришла к генералу Бонапарту и со слезами умоляла его в этот день обойтись без услуг ее мужа. Генерал был неумолим, как он сам рассказывал нам, с какой-то дикой экзальтацией. Настал момент для атаки, и офицер, хотя и был очень храбрым человеком, как уверял нас сам Бонапарт, почувствовал предчувствие приближающейся

смерти. Он побледнел и задрожал. Он стоял рядом с генералом, и в перерыве, когда стрельба из города была очень интенсивной, Бонапарт крикнул ему: "Осторожно, приближается снаряд!" Офицер, вместо того чтобы отойти в сторону, наклонился и был буквально разрублен надвое. Бонапарт громко смеялся, описывая событие с ужасающей подробностью. В то время мы видели его почти каждый день. Он часто приходил к нам обедать. Поскольку хлеба было мало, и иногда в секции выдавали всего две унции на душу населения в день, было принято просить своих гостей приносить свой хлеб, поскольку его нельзя было достать за деньги. Бонапарт и его брат Луи (мягкий, приятный молодой человек, который был адъютантом генерала) обычно приносили с собой свой обычный хлеб, черный, смешанный с отрубями. Я с сожалением заметила, что весь этот плохой хлеб достался бедному адъютанту, потому что мы снабдили генерала более вкусным хлебом, который тайно готовился кондитером из муки, которую нам удалось контрабандой вывезти из Санса, где у моего мужа было несколько ферм. Если бы на нас донесли, это дело могло стоить нам голов.

Мы провели в Париже шесть недель и часто ходили с Бонапартом в театры и на прекрасные концерты Гарата на улице Сен-Марк. Это были первые блестящие развлечения, которые состоялись после смерти Робеспьера. В поведении Бонапарта всегда было что-то оригинальное, потому что он часто ускользал от нас, не сказав ни слова; и когда мы предполагали, что он покинул театр, мы внезапно обнаруживали его на втором или третьем ярусе, сидящим в одиночестве в ложе и выглядящим довольно угрюмым.

Перед нашим отъездом в Санс, где проживает семья моего мужа и который был выбран для моего первого жилья, мы присмотрели более приятные апартаменты, чем те, что были у нас на улице Грень-Сен-Лазар, которыми мы пользовались лишь временно. Бонапарт часто помогал нам в наших исследованиях. Наконец мы поднялись на второй этаж красивого нового дома № 19 по улице Марэ. Бонапарт, пожелавший остановиться в Париже, отправился посмотреть на дом напротив нашего. У него были мысли забрать его себе, своему дяде Фешу (впоследствии кардиналу Фешу) и джентльмену по имени Патро, бывшему одним из его учителей в Военной школе. Однажды он сказал: "С этим домом, моими друзьями в нем и кабриолетом я буду самым счастливым человеком на свете".

Вскоре после этого мы уехали из города в Сенс. Дом он не занял, готовились другие, великие дела. В промежуток между нашим отъездом и роковым днем Вандемьера он и его школьный товарищ обменялись несколькими письмами. В этих письмах были самые любезные и нежные описания. Они были украдены. По нашему возвращению, в ноябре того же года, все изменилось. Друг по колледжу теперь был важной персоной. Он получил командование Парижем в обмен на свое участие в событиях Вандемьера. Вместо маленького домика на улице Марэ он поселился в роскошном отеле на улице Капуцинок; скромный кабриолет превратился в великолепный экипаж, и сам человек был уже не тот. Но друзей его юности по-прежнему принимали, когда они совершали свои утренние звонки. Их приглашали на торжественные приемы, на которых иногда присутствовали дамы; и, среди прочих, прекрасная мадам Тальен и ее подруга, любезная мадам де Богарне, на которых Бонапарт начал обращать внимание. Он мало заботился о своих друзьях и перестал обращаться к ним в стиле фамиллярного равенства.

После 13-го Вандемьера г-н де Бурьен видел Бонапарта только на расстоянии. В феврале 1796 года мой муж был арестован в семь часов утра группой людей, вооруженных мушкетами, по обвинению в том, что он вернувшийся эмигрант. Его оторвали от жены и шестимесячного ребенка, у него едва хватало времени, чтобы одеться самому. Я последовал за ним. Они отвели его на гауптвахту Отдела, а оттуда я не знаю, куда; и, наконец, вечером они поместили его в карцер префектуры полиции, который, по-моему, теперь называется

центрального бюро. Там он провел две ночи и день среди людей самого низкого пошиба, некоторые из которых были даже злоумышленниками. Я и его друзья бегали повсюду, пытаясь найти кого-нибудь, кто мог бы спасти его, и, среди прочих, к Бонапарту обратились с просьбой. Его было очень трудно увидеть. В сопровождении одного из друзей моего мужа я прождала коменданта Парижа до полуночи, но он не вернулся домой. На следующее утро я вернулась рано и нашла его. Я рассказала о том, что случилось с моим мужем, жизнь которого тогда была поставлена на карту. Казалось, он очень мало сочувствовал положению своего друга, но, тем не менее, был полон решимости написать Мерлину, министру юстиции. Я отнес письмо по указанному адресу и встретил министра, когда он спускался по лестнице, направляясь в Справочную. Он был в парадном костюме, на нем был костюм Генриха IV. шляпа, увенчанная множеством перьев, платье, составлявшее разительный контраст с его фигурой. Он вскрыл письмо; и то ли дело было в том, что он так же мало заботился о генерале, как и о причине ареста г-на де Буррьена, но он ответил, что это дело больше не в его руках и что теперь оно находится в ведении государственных распорядителей законов. Затем министр сел в свой экипаж, и писательницу препроводили в несколько кабинетов в его отеле. Она прошла через них с разбитым сердцем, поскольку не встретила никого, кроме суровых мужчин, которые сказали ей, что заключенный заслуживает смерти. От них она узнала, что на следующий день он предстанет перед мировым судьей своего участка, который решит, есть ли основания для привлечения его к уголовной ответственности. Фактически, это разбирательство состоялось на следующий день. Его доставили в дом мирового судьи участка Бонди на улице Гранж-сю-Бель, которого звали Лемер. Выражение его лица было мягким, и хотя манеры его были холодными, в нем не было ни капли суровости и свирепости, свойственных правительственным агентам того времени. Его рассмотрение обвинения было долгим, и он несколько раз качал головой. Наступил момент принятия решения, и все, казалось, указывало на то, что окончание будет заключаться в предъявлении обвинений заключенному. В семь часов он пожелал, чтобы меня позвали. Я поспешил к нему и стал свидетелем душераздирающей сцены. У Буррьена началось кровотечение, которое продолжалось с двух часов дня и прервало осмотр. Мировой судья, выглядевший печальным, сидел, подперев голову рукой. Я бросился к его ногам и умолял о милосердии. Жена и две дочери судьи посетили это печальное зрелище и помогли мне смягчить его. Он был достойным и чувствующим человеком, хорошим мужем и родителем, и было очевидно, что он боролся между состраданием и долгом. Он продолжал ссылаться на законы по этому вопросу и после долгих размышлений сказал мне: "Завтра декада, и в этот день не может быть никакого судебного разбирательства. Найдите, мадам, двух ответственных лиц, которые ответят за появление вашего мужа, и я разрешу ему отправиться с вами домой в сопровождении двух опекунов". На следующий день были найдены два друга, одним из которых был г-н Десмезон, советник суда, который внес залог за г-на де Буррьена. Он оставался под этой опекой шесть месяцев, пока закон не обязал лиц, внесенных в роковой список, удалиться на расстояние десяти лье от Парижа. Один из стражей был соломенным человеком, другой - рыцарем Людовика Святого. Первого оставили в прихожей; второй каждый вечер играл с нами в карты. Семья месье де Буррьена всегда испытывала самую теплую благодарность к мировому судье и его семье. Этот достойный человек спас жизнь господину де Буррьену, который, вернувшись из Египта и имея возможность оказать ему какую-нибудь услугу, поспешил к нему домой; но доброго судьи там уже не было!

Письма, упомянутые в повествовании, в это время были украдены у меня сотрудниками полиции.

Теперь всем не терпелось поухаживать за человеком, который выделился из толпы благодаря роли, которую он сыграл в чрезвычайном кризисе, и о котором говорили как о

будущем генерале армии Италии. Ожидалось, что он будет удовлетворен, как это было на самом деле, восстановлением некоторых писем, которые содержали выражение его прежних очень скромных пожеланий, призывали вспомнить о его неприятном положении, его ограниченных амбициях, его притворном отвращении к государственной службе и, наконец, демонстрировали его близкие отношения с теми, кого без колебаний называли эмигрантами, которые впоследствии стали жертвами конфискации и смертной казни.

Приближалось 13-е число Вандемьера (5 октября 1795 года). Национальный конвент с трудом принял новую конституцию, названную в честь эпохи ее зарождения "Конституцией ТРЕТЬЕГО года". Она была принята 22 августа 1795 года. Предусмотрительные законодатели не забыли и самих себя. Они предусмотрели, что две трети их состава должны войти в состав нового законодательного органа. Партия, выступавшая против Съезда, напротив, надеялась, что в результате всеобщих выборов ее мнение будет поддержано большинством голосов. Это мнение было направлено против сохранения власти в руках людей, которые уже так сильно злоупотребляли ею.

Того же мнения придерживалась и значительная часть наиболее влиятельных слоев Парижа, как в отношении владения имуществом, так и в отношении талантов. Эти Секции заявили, что, принимая новую конституцию, они отвергли декрет от 30 августа, который требовал переизбрания двух третей членов Конвента, следовательно, оказались под угрозой тому, что было им дороже всего — его власти; — и соответственно прибегли к мерам защиты. Было выдвинуто заявление, в котором говорилось, что Конвент в случае нападения переместится в Шалон-сюр-Марн; и командиры вооруженных сил были призваны защищать этот орган.

5 октября, день, когда секции Парижа атаковали Конвент, безусловно, должен быть отмечен в замечательной судьбе Бонапарта.

С событиями того дня были связаны, как причина и следствие, многие крупные политические потрясения Европы. Пролившаяся кровь взрастила семена честолюбия молодого генерала. Следует признать, что в истории прошлых эпох мало периодов, полных таких экстраординарных событий, как годы, включающие период с 1795 по 1815 год. Человек, чье имя в какой-то мере служит напоминанием обо всех этих великих событиях, имел право считать себя бессмертным.

Живя на пенсии в Sens с июля месяца, я узнал о том, что вызвало восстание Секций, только из public report и журналов. Поэтому я не могу сказать, какую роль мог играть Бонапарт в интригах, предшествовавших тому дню. Официально он был охарактеризован только как второстепенное действующее лицо в этой сцене. В отчете об этом деле, который был опубликован, сообщается, что в тот самый день Баррас был главнокомандующим Внутренней армией, а Бонапарт - вторым по старшинству. Бонапарт составил этот отчет. Вся рукопись была написана его рукой и демонстрирует все особенности его стиля и орфографии. Он прислал мне копию.

Те, кто читал бюллетень 13-го Вандемьера, не могут не заметить, с какой осторожностью Бонапарт бросил упрек в пролитии первой крови людям, которых он называет мятежниками. Он придавал большое значение представлению своих противников как агрессоров. Несомненно, он долго сожалел о том дне. Он часто говорил мне, что отдал бы годы своей жизни, чтобы стереть это со страницы своей истории. Он был убежден, что жители Парижа ужасно раздражены против него, и он был бы рад, если бы Баррас никогда не произносил той Речи в Конвенте, частью которой, комплиментарной самому себе, он в то время был так доволен. Баррас сказал: "Именно его умелым и быстрым действиям мы обязаны защитой этого собрания, вокруг которого он с таким мастерством разместил войска". Это совершенно

верно, но не всегда приятно, когда говорят всю правду. Находясь за пределами Парижа и совершенно незнакомый с этим делом, я не знаю, насколько он был обязан своим успехом случаю или своим собственным усилиям в той роли, которую ему поручило жалкое правительство, которое тогда угнетало Францию. Он представлял себя лишь второстепенным действующим лицом в этой кровавой сцене, в которой Баррас сделал его своим помощником. Как уже упоминалось, он прислал мне отчет о сделке, полностью написанный его собственной рукой и отличающийся всеми особенностями стиля и орфографии.

—[Жозеф Бонапарт в примечании к этому списку пэров намекает, что отчет о 13—й Вандемии никогда не отправлялся в Сенс, но был извлечен Буррьеном вместе с другими документами из кабинета Наполеона (Erreurs, том i, стр. 239).]-

"13-го, - говорит Бонапарт, - в пять часов утра представитель народа Баррас был назначен главнокомандующим Внутренней армией, а генерал Бонапарт был назначен заместителем командующего.

"Артиллерия для несения службы на границе все еще находилась в лагере Саблон, охраняемом всего 150 солдатами; остальная часть находилась в Марли с 200 солдатами. Склад в Медоне остался без защиты. У Фейяна было всего несколько четырехфунтовых орудий без артиллеристов и всего 80 000 патронов. Склады с продовольствием были разбросаны по всему Парижу. На многих участках барабаны били в такт оружию; у Участка Французского театра были передовые посты вплоть до Нового моста, который он забаррикадировал.

Генерал Баррас приказал артиллерии немедленно перебраться из лагеря Саблон в Тюильри, отобрал артиллеристов из батальонов 89-го полка и из жандармерии и разместил их во Дворце; отправил в Медон 200 человек полицейского легиона, которых он привел из Версаля, 50 кавалеристов и две роты ветеранов; он приказал перевезти имущество, находившееся в Марли, в Медон; приказал доставить туда патроны и основал там мастерскую для изготовления новых. Он обеспечил средства к существованию армии и Конвента на многие дни, независимо от складов, находившихся в Секциях.

"Генерал Вердье, командовавший Национальным дворцом, проявил большое хладнокровие; от него требовалось не допустить ни единого выстрела до последней крайности. Тем временем со всех сторон до него дошли донесения, извещавшие его о том, что Части были собраны с оружием в руках и сформировали свои колонны. Соответственно, он выстроил свои войска для защиты Конвента, а его артиллерия была готова дать отпор мятежникам. Его пушка была установлена у Фейянов, чтобы обстреливать улицу Оноре. Восьмифунтовые орудия были нацелены на каждый проход, и на случай какой-либо неудачи у генерала Вердье были пушки в резерве, чтобы вести огонь во фланг колонне, которая должна была прорваться. Он оставил в Карусели три гаубицы (восьмифунтовые пушки) для обстрела домов, из которых по Съезду могли вести огонь. В четыре часа колонны повстанцев выступили со всех улиц, чтобы объединить свои силы. Необходимо было воспользоваться этим критическим моментом, чтобы атаковать повстанцев, даже если бы это были регулярные войска. Но кровь, которая вот-вот должна была пролиться, была французской; поэтому этим заблудшим людям, уже повинным в мятеже, предстояло обогреть свои руки кровью своих соотечественников, нанеся первый удар.

"Без четверти пять повстанцы построились. Атака была начата ими со всех сторон. Они были повсюду разбиты. Пролилась французская кровь: преступление, равно как и позор, пали в этот день на Секции.

"Среди убитых повсюду можно было узнать эмигрантов, землевладельцев и дворян; заключенные состояли по большей части из "шуанов" Шаретта.

Тем не менее секции не считали себя побежденными: они укрылись в церкви Святого Роха, в театре Республики и во Дворце Равенства; и повсюду было слышно, как они яростно призывали жителей взяться за оружие. Чтобы уберечь от крови, которая могла бы пролиться на следующий день, необходимо было не давать им времени сплотиться, а энергично следовать за ними, хотя и не подвергаясь новым опасностям. Генерал приказал Моншуази, командовавшему резервом на площади Резолью, сформировать колонну из двух двенадцатифунтовых пушек, пройти по бульвару, обогнуть Вандомскую площадь, соединиться с пикетом, размещенным у штаба, и возвращаться в том же порядке колонны.

"Генерал Брюн с двумя гаубицами развернут на улицах Сен-Никез и Сент-Оноре. Генерал Карто послал двести человек и четырехфунтовую артиллерию своей дивизии по улице Сен-Тома-дю-Лувр, чтобы выйти на площадь Дворца Равенства. Генерал Бонапарт, под которым была убита его лошадь, отправился к Фейянам.

Колонны пришли в движение, Сен-Рок и театр Республики были взяты штурмом, когда мятежники оставили их и отступили в верхнюю часть улицы де ла Лой и забаррикадировались со всех сторон. Туда были высланы патрули, и ночью было произведено несколько пушечных выстрелов, чтобы помешать им возвести оборонительные сооружения, что и было успешно выполнено.

На рассвете генерал, узнав, что несколько студентов со стороны реки Сент-Женевьев идут с двумя пушками на помощь мятежникам, послал в погоню за ними отряд драгун, которые захватили пушку и отвели их в Тюильри. Ослабленные части, однако, все еще держали оборону. Они забаррикадировали часть Гренеля и разместили свои пушки на главных улицах. В девять часов генерал Беруйе поспешил выстроить свою дивизию в боевой порядок на Вандомской площади, прошел маршем с двумя восьмифунтовыми пушками к улице Старых Огюстенов и направил их в направлении участка Ле Пеллетье. Генерал Вашэ с корпусом "тирайеров" шел справа от него, готовый наступать на площадь Победы. Генерал Брюн направился к Перрону и установил две гаубицы в верхнем конце улицы Вивьен. Генерал Дювижье со своей колонной из шестисот человек и двумя двенадцатифунтовыми пушками продвинулся к улицам Сен-Рок и Монмартр. Части потеряли мужество, опасаясь, что их отступление будет отрезано, и при виде наших солдат покинули пост, забыв о чести французского имени, которое они должны были поддерживать. Участок Брута все еще вызывал некоторое беспокойство. Там была арестована жена представителя. Генералу Дювижье было приказано проследовать по бульвару до улицы Пуассоньер. Генерал Беруйе занял позицию на площади Виктуар, а генерал Бонапарт занял Пон-о-Менаж.

Отряд Брута был окружен, и войска двинулись к Гревской площади, куда хлынула толпа с острова Сен-Луи, из Французского театра и из Дворца. Повсюду патриоты вновь обрели мужество, в то время как кинжалы эмигрантов, вооруженных против нас, исчезли. Народ повсеместно признал свою ошибку.

"На следующий день две секции Les Pelletier и Французского театра были разоружены".

Результат этой мелкой гражданской войны выдвинул Бонапарта вперед; но партия, которую он победил в тот период, так и не простила ему прошлого, а те, кого он поддерживал, боялись его в будущем. Пять лет спустя его обнаружат возрождающим принципы, с которыми он боролся 5 октября 1795 года. Получив назначение по ходатайству Барраса генерал-лейтенантом армии внутренних дел, он разместил свою штаб-квартиру на улице Нев-де-Капуцинок. Таким образом, утверждение в "Рукописи Святой Елены" о том, что после 13 Брюмера он оставался безработным в Париже, очевидно, ошибочно. Будучи настолько далек от этого, он был постоянно занят политикой нации и своей собственной судьбой. Бонапарт находился в постоянном, почти ежедневном общении со всеми, кто находился тогда у власти, и знал, как извлечь выгоду из всего, что он видел или слышал.

Чтобы не возвращаться к этой "Рукописи Святой Елены", которая в период своего появления привлекла больше внимания, чем заслуживала, и которую очень часто приписывали Бонапарту, я скажу здесь несколько слов о ней. Я вкратце повторю то, что сказал в записке, когда мое мнение было спрошено по высшему разряду министром Людовика XVIII.

Ни один читатель, хорошо знакомый с общественными делами, не может быть обманут притворной подлинностью этой брошюры. Что в ней содержится? Факты, извращенные и нагроможденные друг на друга без какого-либо метода и изложенные в неясном, наигранном и смехотворно нравоучительном стиле. Помимо того, что в нем фигурирует, но что там плохо помещено, невозможно не отметить упущение того, что обязательно должно было бы там быть, будь автором Наполеон. Она полна абсурдных и незначительных сплетен, мыслей, которых у Наполеона никогда не было, выражений, неизвестных ему, и аффектации, далекой от его характера. При некоторых возвышенных идеях в нем можно увидеть более одного стиля и двусмысленный дух. Предполагаемые совпадения ставятся рядом с непростительными анахронизмами и самыми абсурдными откровениями. В нем нет ни его мыслей, ни его стиля, ни его действий, ни его жизни. Некоторые истины замаскированы невообразимой массой лжи. Иногда встречаются некоторые формы выражения, используемые Бонапартом, но они представлены неуклюже и часто с дурным вкусом.

Сообщалось, что брошюра была написана месье Бертраном, бывшим офицером армии Вислы и родственником графа де Симеона, пэра Франции.

—['Manuscrit de Sainte Helene d'une maniere inconnue', London. Murray; Bruxelles, De Mat, 20 Avril 1817. Эта работа заслуживает отдельного упоминания. Меттерних (том I, стр. 312-13) говорит: "В то время, когда она появилась, рукопись Святой Елены произвела большое впечатление на Европу. Этот памфлет обычно рассматривался как предшественник мемуаров, которые, как считалось, Наполеон писал в своем изгнании. Вскоре распространился слух, что работа была задумана и выполнена мадам де Сталь. Мадам де Сталь, со своей стороны, приписала это Бенжамену Константу, с которым в то время ее разлучали какие-то разногласия." Впоследствии стало известно, что автором был маркиз Луллен де Шатовье, человек из общества, которого никто не подозревал в умении держать перо: так говорит Жомини (примечание к тому I, стр. 8). "Следует отметить, что в ходе этой работы [своей "Жизни Наполеона"] автор использовал около пятидесяти страниц так называемого "Манускрипта Святой Елены". Далекий от желания совершить плагиат, он считает, что должен отдать дань уважения умной и оригинальной работе, нескольким ложным точкам зрения, с которыми, однако, он боролся. Ему было бы легко переписать эти страницы в других выражениях, но они показались ему настолько подходящими к характеру Наполеона, что он предпочел сохранить их". В завещании Наполеона встречается (см. Конец этой работы): "Я отрекаюсь от "Рукописи Святой Елены" и других работ под названием "Максимы, предложения и т.д.", которые они были рады публиковать в течение последних шести лет. Это не те правила,

которыми я руководствовался в жизни: эту рукопись не следует путать с "Мемориалом Святой Елены".]—

ГЛАВА IV.

1795-1797

По возвращении в Париж я встречаюсь с Бонапартом —Его беседа с Жозефиной —Женитьба Бонапарта и отъезд из Парижа десять дней спустя— Портрет и характер Жозефины—Неприязнь Бонапарта к национальной собственности—Письмо Жозефине—Письмо генерала Колли и ответ Бонапарта—Бонапарт отказывается служить с Келлерманом— Письма Мармона—Приказ Бонапарта мне вступить в армию—Мой отъезд из Санса в Италию—Восстание венецианских государств.

После 13-го Вандемьера я вернулся в Париж из Сенса. За то короткое время, что я там пробыл, я видел Бонапарта реже, чем раньше. У меня, однако, не было причин приписывать это чему-либо, кроме давления общественных дел, которыми он был сейчас занят. Когда я все-таки встречался с ним, чаще всего это происходило за завтраком или ужином. Однажды он обратил мое внимание на молодую леди, которая сидела напротив него, и спросил, что я о ней думаю. То, как я ответил на его вопрос, по-видимому, доставило ему большое удовольствие. Затем он много рассказывал мне о ней, ее семье и ее приятных качествах; он сказал мне, что ему, вероятно, следует жениться на ней, поскольку он убежден, что этот союз сделает его счастливым. Я также понял из его разговора, что его брак с молодой вдовой, вероятно, помог бы ему достичь целей своих амбиций. Его постоянно растущее влияние на нее уже привело его к контакту с самыми влиятельными людьми той эпохи. Он оставался в Париже всего десять дней после своей женитьбы, которая состоялась 9 марта 1796 года. Это был союз, в котором царил большая гармония, несмотря на случайные небольшие разногласия. Насколько мне известно, Бонапарт никогда не раздражал свою жену. Мадам Бонапарт обладала личным обаянием и многими хорошими качествами.

—["Эжену было не более четырнадцати лет, когда он отважился представиться генералу Бонапарту с целью выпросить шпагу своего отца, которой, как он знал, генерал завладел. Выражение лица, осанка и откровенные манеры Эжена понравились Бонапарту, и он немедленно оказал ему услугу, которой тот добивался. Как только меч оказался в руках мальчика, он разрыдался и поцеловал его. Это чувство привязанности к памяти своего отца и естественная манера, в которой оно проявлялось, усилили интерес Бонапарта к его молодому посетителю. Мадам де Богарне, узнав о добром приеме, оказанном генералом ее сыну, сочла своим долгом зайти и поблагодарить его. Бонапарт был очень доволен Жозефиной во время этой первой беседы и нанес ей ответный визит. Завязавшееся таким образом знакомство быстро привело к их браку". —Constant]— —[Сам Бонапарт на острове Святой Елены говорит, что впервые встретил Жозефину у Барраса (см. "Бонапарт Юнга", том iii, стр. 116).]— —["Ни одной из его жен никогда не было повода жаловаться на личные манеры Наполеона" (Меттерних, т. 1, стр. 279).]— —[Мадам де Ремюза, которая, перефразируя высказывание Тьера о самом Буррьене, является

заслуживающим доверия свидетелем, ибо, если она полученные от Наполеона блага ее не тяготили, говорит: "Однако Наполеон питал некоторую привязанность к своей первой жене; и, на самом деле, если его когда-либо и трогали, то, без сомнения, только к ней и через нее" (том i, стр. 113). - Бонапарт был молод, когда впервые познакомился с мадам де Богарне. В кругу, где он с ней познакомился, она пользовалась большим превосходством благодаря имени, которое носила, и чрезвычайной элегантности своих манер. . . . Женившись на мадам де Богарне, Бонапарт полагал, что связывает себя узами брака с очень знатной дамой; таким образом, это было еще одно завоевание" (стр. 114). Но, говоря о жалобах Жозефины Наполеону на его любовные похождения, мадам де Ремюза говорит: "Ее муж иногда отвечал ей вспышками ярости, о которых я не осмеливаюсь подробно рассказывать, до того момента, когда его новое увлечение внезапно прошло, и он почувствовал, что его нежность к жене снова возродилась. Затем он был тронут ее страданиями, заменил свои оскорбления ласками, которые были едва ли более сдержанными, чем его жестокость, и, поскольку она была нежной и непреклонной, она снова обрела чувство безопасности" (стр. 206).] — [Мио де Мелито, который был последователем Жозефа Бонапарта, говорит: "Ни одна женщина не соединяла столько доброты с таким природным изяществом и не делала больше добра с большим удовольствием, чем она. Она оказала мне честь своей дружбой, и воспоминание о благожелательности, которую она проявляла ко мне до последнего момента своего слишком короткого существования, никогда не изгладится из моего сердца" (том i, стр. 101-2).] — — [Меневаль, преемник Буррьена на посту секретаря Наполеона и оставшийся преданным императору до конца, говорит о Жозефине (том i, стр. 227): "Жозефина была неотразимо привлекательна. Ее красота не была обычной, но в ней была "La grace, plus belle encore que la beaute", по словам доброго Лафонтена. Она обладала мягкой самоотдачей, гибкими и элегантными движениями и грациозной беспечностью креолок. (Читатель должен помнить, что термин "креолка" не подразумевает никакой примеси черной крови, а лишь то, что человек из европейской семьи родился в Вест-Индии.)—У нее всегда был такой же характер. Она была нежной и доброй".]—

Я убежден, что все, кто был с ней знаком, должны были чувствовать себя обязанными отзываться о ней хорошо; действительно, мало кому она когда-либо давала повод для жалоб. Во времена своего могущества она не потеряла ни одного из своих друзей, потому что никого из них не забыла. Доброжелательность была для нее естественной, но она не всегда проявляла благоразумие в ее проявлениях. Поэтому ее покровительство часто распространялось на людей, которые этого не заслуживали. Ее вкус к великолепию и расходам был чрезмерным. Эта склонность к роскоши превратилась в привычку, которой, казалось, постоянно потакали без какой-либо мотивации. Каких только сцен я не наблюдал, когда наступал момент оплаты счетов торговцев! Она всегда утаивала половину их требований, и открытие этого навлекло на нее новые упреки. Сколько слез она пролила, от которых можно было бы легко избавиться!

Когда фортуна возложила ей на голову корону, она сказала мне, что событие, каким бы экстраординарным оно ни было, было предсказано: несомненно, она верила гадалкам. Я часто выражал ей свое удивление тем, что она лелеет такую веру, и она охотно смеялась над собственной доверчивостью; но, несмотря на это, никогда не отказывалась от нее: это событие придало важность пророчеству; но предвидение пророчицы, которое, как говорили, является старым регрессом, не менее вызывало сомнения.

Незадолго до 13-го Вандемьера, в тот день, который открыл для Бонапарта его грандиозную карьеру, он направил письмо мне в Санс, в котором после некоторых из своих обычно дружелюбных выражений он сказал: "Присмотришь небольшой клочок земли в твоей

прекрасной долине Йонны. Я куплю его, как только смогу наскрести денег. Я хочу уйти в отставку там; но помните, что я не буду иметь ничего общего с национальным достоянием".

Бонапарт покинул Париж 21 марта 1796 года, когда я все еще была со своими опекунами. Едва он присоединился к французской армии, как генерал Колли, в то время командовавший пьемонтской армией, передал ему следующее письмо, которое, вместе с его ответом, я считаю достаточно интересным, чтобы заслуживать сохранения:

ГЕНЕРАЛ — Я полагаю, что вам неизвестно об аресте одного из моих офицеров по имени Мулен, знаменосца перемирия, который уже несколько дней содержится под стражей в Мурсеко вопреки законам военного времени и несмотря на немедленное требование генерала графа Виталья о его освобождении. То, что он французский эмигрант, не может отнять у него права флага перемирия, и я снова заявляю о нем в этом качестве. Вежливость и великодушие, которые я всегда испытывал от генералов вашей страны, побуждают меня надеяться, что я не напрасно подам это прошение; и я с сожалением должен упомянуть, что ваш командир бригады Бартелеми, который приказал несправедливо арестовать мой флаг перемирия, вчера по воле случая попал в мои руки, и с этим офицером поступят так же, как с месье Муленом.

Я искренне желаю, чтобы ничто не могло изменить благородного и гуманного поведения, которое две нации до сих пор привыкли соблюдать по отношению друг к другу. Имею честь и т.д.,

(Подпись) КОЛЛИ.

CEVA. 17 Апреля 1796 года.

Бонапарт ответил следующим образом:

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ — эмигрант - это отцеубийца, которого ни один персонаж не может сделать священным. Чувство чести и уважение, причитающиеся французскому народу, были забыты, когда месье Мулен был отправлен с флагом перемирия. Вы знаете законы войны, и поэтому я не ставлю в заслугу репрессии, которой вы угрожаете командиру бригады Бартелеми. Если, вопреки законам войны, вы разрешите такой акт варварства, все взятые у вас пленные будут немедленно привлечены к ответственности за это с самой прискорбной местью, ибо я питаю к офицерам вашей нации то уважение, которое подобает храбрым солдатам.

Исполнительная директория, которой были переданы эти письма, одобрила арест господина Мулена, но распорядилась, чтобы он находился под надежной охраной и не привлекался к суду из-за репутации, которой он был наделен.

Примерно в середине 1796 года Директория предложила назначить генерала Келлермана, командовавшего альпийской армией, заместителем командующего армией Италии.

24 мая 1796 года Бонапарт написал Карно об этом плане, который был далек от того, чтобы его устраивать. Он сказал: "Мне безразлично, буду ли я работать здесь или где-либо еще: служить стране и заслужить от потомков страницу в нашей истории - вот все мои амбиции. Если ты присоединишься к нам с Келлерманом в командовании в Италии, ты все испортишь. У генерала Келлермана больше опыта, чем у меня, и он лучше меня знает, как вести войну; но и то, и другое вместе мы сделаем плохо. Я не стану добровольно служить с человеком, который считает себя первым генералом в Европе".

Опубликованы несколько писем Бонапарта к его жене. Я не могу отрицать их подлинность, да у меня и нет такого желания. Я, однако, приведу один пример, который, как мне кажется, немного отличается от остальных. Оно менее примечательно преувеличенными выражениями любви и исключительно амбициозным и аффектированным стилем, чем большая часть переписки, на которую здесь ссылаются. Бонапарт объявляет Жозефине о победе при Арколе.

ВЕРОНА, 29-е, полдень.

Наконец-то, моя обожаемая Жозефина, я снова живу. Смерть больше не стоит передо мной, и слава и почести все еще в моей груди. Враг разбит под Арколой. Завтра мы исправим ошибку Вобуа, который оставил Риволи. Через восемь дней Мантуя будет нашей, и тогда твой муж заключит тебя в объятия и даст тебе тысячу доказательств своей горячей любви. Я отправлюсь в Милан, как только смогу: я немного устала. Я получила письма от Эжена и Гортензии. Я в восторге от детей. Я отправлю вам их письма, как только присоединюсь к своим домочадцам, которые сейчас несколько рассеяны.

Мы взяли в плен пять тысяч человек и убили по меньшей мере шесть тысяч врагов. Прощай, моя обожаемая Жозефина. Думай обо мне почаще. Когда ты перестанешь любить своего Ахилла, когда твое сердце охладит к нему, ты будешь очень жестокой, очень несправедливой. Но я уверен, что ты всегда будешь моей верной любовницей, как и я всегда останусь твоей нежной возлюбленной ("tendre amie"). Только смерть может разорвать союз, который образовали симпатия, любовь и сентиментальность. Сообщите мне новости о вашем здоровье. Тысячу и тысячу поцелуев.

Я не могу время от времени не выдвигать себя на передний план в ходе этих Мемуаров. Я обязан ответить, хотя и косвенно, на некоторые обвинения, которые в различных случаях выдвигались против меня. Некоторые из документов, которые я собираюсь вставить, относятся, возможно, не столько к истории главнокомандующего итальянской армией, сколько к истории его секретаря; но я должен признаться, что хочу показать, что я не был посторонним и не преследовал, как безвестный интриган, судьбу. На меня гораздо больше повлияла дружба, чем честолюбие, когда я принял участие в сцене, где восходящая слава будущего императора уже проливали свет на всех, кто был связан с его судьбой. Из следующих писем будет видно, с каким доверием мне тогда оказали честь; но эти письма, продиктованные дружбой, а не написанные для истории, говорят также о наших военных достижениях; и все, что напоминает о событиях того героического периода, должно быть по-прежнему интересно многим.

ШТАБ-КВАРТИРА В МИЛАНЕ,

20-е периальное, четвертый год (8 июня 1796 г.).

Главнокомандующий приказал мне, мой дорогой Бурьен, сообщить вам о том удовольствии, которое он испытал, услышав о вас, и о своем горячем желании, чтобы вы присоединились к нам. Тогда отправляйся, мой дорогой Бурьен, и приезжай поскорее. Вы можете быть уверены в получении причитающихся вам свидетельств любви от всех, кто вас знает; и мы очень сожалеем, что вас не было с нами, чтобы разделить наш успех. Кампания, которую мы только что завершили, войдет в историю. Имея менее 30 000 человек, находясь в состоянии почти полной нищеты, приятно иметь в течение менее чем двух месяцев разбитую восемь раз армию численностью от 65 до 70 000 человек, вынудившую короля Сардинии заключить унижительный мир и изгнавшую австрийцев из Италии. Последняя победа, о которой вы, несомненно, слышали, переход Минчо, положила конец нашим трудам. Теперь нам остается осада Мантуи и Миланского замка; но эти препятствия не задержат нас надолго. Прощайте, мой дорогой Бурьен, я повторяю просьбу

генерала Бонапарта о том, чтобы вы прибыли сюда, и свидетельство его желания вас видеть. Получить и т.д.,

(Подпись) МАРМОН. Начальник бригады (артиллерии) и адъютант главнокомандующего.

Я был вынужден остаться в Сенсе, требуя вычеркнуть меня из списка эмигрантов, который я, однако, получил только в 1797 году, и положить конец выдвинутому против меня обвинению в подделке свидетельства о проживании. Тем временем я посвятил себя учебе и предпочел отдых лагерной агитации. По этим причинам я тогда не принял его дружеского приглашения, несмотря на то, что мне очень хотелось увидеть моего молодого друга по колледжу в разгар его поразительных триумфов. Десять месяцев спустя я получил еще одно письмо от Мармона, в следующих выражениях:

ШТАБ - КВАРТИРА В ГОРИЦИИ

2-й зародыш, год V. (22 марта 1797 г.).

Главнокомандующий, мой дорогой Бурьен, приказал мне передать вам его пожелание вашего скорейшего прибытия сюда. Мы все это время с нетерпением желали увидеть вас и с большим удовольствием ожидаем момента, когда мы встретимся. Я присоединяюсь к генералу, мой дорогой Бурьен, и призываю вас, не теряя времени, вступить в армию. Вы увеличите дружную семью, которая будет рада принять вас в свое лоно. Прилагаю приказ, написанный генералом, который послужит вам паспортом. Воспользуйтесь почтовым отправлением и прибудьте как можно скорее. Мы находимся на пороге проникновения в Германию. Язык уже меняется, и через четыре дня мы больше не услышим итальянского. Принц Чарльз потерпел сокрушительное поражение, и мы преследуем его. Если эта кампания увенчается успехом, мы сможем подписать в Вене мир, который так необходим Европе. Прощайте, мой дорогой Бурьен: примите во внимание усердие того, кто к вам очень привязан.

(Подпись) МАРМОН.

БОНАПАРТ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИЕЙ.

Штаб-квартира, Гориция, 2-й Жерминаль, год V.

Гражданину Буррьену надлежит явиться ко мне по получении настоящего приказа.

(Подпись) БОНАПАРТ.

Гнусная манера, с которой я тогда подвергался преследованиям, я не знаю, почему, со стороны правительства, уважающего мое свидетельство о проживании, сделала мое пребывание во Франции не очень приятным. Мне даже угрожали предстать перед судом за предъявление свидетельства о проживании, которое, как утверждалось, было подписано девятью лжесвидетелями. Поэтому на этот раз я без колебаний решил отправиться в армию. Приказ генерала Бонапарта, который я зарегистрировал в муниципалитете Санса, требовал получения паспорта, в котором в противном случае мне, вероятно, было бы отказано. Я

всегда испытывал сильное чувство благодарности за его поведение по отношению ко мне в этот раз.

Несмотря на спешку, с которой я покинул Сенс, необходимые формальности и предосторожности задержали меня на несколько дней, и в тот момент, когда я собирался уезжать, я получил следующее письмо:

ШТАБ-КВАРТИРА, ЮДЕНБУРГ,

19-е зародышевое число, год V (8 апреля 1797).

Главнокомандующий снова приказывает мне, мой дорогой Бурьен, настоятельно просить вас срочно прибыть к нему. Мы находимся в эпицентре успеха и триумфов. Немецкая кампания начинается еще более блестяще, чем итальянская. Таким образом, вы можете судить, какие перспективы она нам сулит. Приезжайте, моя дорогая Бурьен, немедленно, уступите нашим просьбам, разделите наши страдания и радости, и вы увеличите наши удовольствия.

Я приказал курьеру проехать через Сенс, чтобы он доставил вам это письмо и привез мне ваш ответ.

(Подпись) МАРМОН.

К приведенному выше письму был присоединен такой приказ:

Гражданину Фовле де Буррьену приказано покинуть Санс и немедленно отправиться по почте в штаб итальянской армии.

(Подпись) БОНАПАРТ.

Я прибыл на венецианскую территорию в тот момент, когда вот-вот должно было вспыхнуть восстание против французов. Тысячи крестьян были подстрекаемы к восстанию под предлогом умиротворения волнений в Бергамо и Брешии. Я проезжал через Верону 16 апреля, накануне подписания предварительных соглашений Леобена и веронского восстания. Пасхальное воскресенье было днем, который служители Иисуса Христа выбрали для проповеди "о том, что убивать якобинцев законно и даже достойно уважения". Смерть французам!—Смерть якобинцам! так они называли всех французов, таковы были их призывные крики. В то время я не имел ни малейшего представления о таком положении вещей, поскольку покинул Сенс только 11 апреля.

После двухчасовой остановки в Вероне я продолжил свой путь, не подозревая о резне, которая угрожала этому городу. Однако примерно в лиге от города я был остановлен направлявшимся туда отрядом повстанцев, состоявшим, по моим оценкам, примерно из двух тысяч человек. Они только хотели, чтобы я крикнул "Да здравствует Святой Марко", приказ, который я быстро выполнил и прошел дальше. Что было бы со мной, если бы я был в Вероне в понедельник? В тот день звонили в колокола, а французов резали в госпиталях. Каждый, кого встречали на улицах, был предан смерти. Священники возглавляли убийц, и таким образом было принесено в жертву более четырехсот французов. Форты выстояли против венецианцев, хотя они атаковали их с яростью; но вернуть город удалось только через десять дней. В самый день восстания в Вероне несколько французов были убиты между этим городом и Виченцей, через которую я накануне проехал без опасности; и едва я проехал через Падую, как узнал, что там были убиты другие. Таким образом, убийства распространялись так же быстро, как и почта.

Я скажу несколько слов о восстании венецианских государств, которое из-за разницы политических взглядов рассматривалось в весьма противоречивом свете.

Приближались последние дни Венеции, и шторм назревал уже больше года. Примерно в начале апреля 1797 года появились угрожающие симптомы всеобщего восстания. Ссора началась, когда австрийцы вошли в Пескьеру, и некоторым предлогом послужил также прием, оказанный месье, впоследствии Людовику XVIII. Было ясно, что Венеция провела военные приготовления во время осады Мантуи в 1796 году. Интересы аристократии перевесили политические соображения в нашу пользу. 7 июня 1796 года генерал Бонапарт написал Исполнительной директории следующее письмо:

Сенат Венеции недавно направил сюда двух судей своего Совета, чтобы окончательно выяснить, как обстоят дела. Я повторил свои жалобы. Я поговорил с ними о приеме, оказанном месье. Если вы планируете выманить у Венеции пять или шесть миллионов, я специально подготовил для вас такого рода разрыв. Если ваши намерения более решительны, я думаю, что эту почву для ссоры следует сохранить. Дайте мне знать, что вы намерены делать, и дождитесь благоприятного момента, которым я воспользуюсь в зависимости от обстоятельств, ибо нам не следует иметь дело со всем миром сразу.

Директория ответила, что момент неподходящий; что сначала необходимо взять Мантую и хорошенько поколотить Вурмсера. Однако ближе к концу 1796 года Директория начала больше доверять искренности заявлений Венеции о нейтралитете. Поэтому было решено довольствоваться получением денег и припасов для армии и воздерживаться от нарушения нейтралитета. У Директории тогда не было в запасе, подобно Бонапарту, идеи заставить расчленение Венеции послужить компенсацией за те австрийские владения, которые могла бы сохранить Французская Республика.

В 1797 году наступил ожидаемый благоприятный момент. Прозвучал похоронный звон по Венеции, и 30 апреля Бонапарт написал Директории следующее письмо: "Я убежден, что единственный курс, который можно сейчас предпринять, - это уничтожить это свирепое и кровожадное правительство". 3 мая, в письме из Пальма-Нуова, он пишет: "Я не вижу ничего, что можно было бы сделать, кроме как стереть имя Венеции с лица земного шара".

К концу марта 1797 года правительство Венеции находилось в отчаянном положении. Оттолини, подеста Бергамо, орудие тирании в руках государственных инквизиторов, затем преследовал жителей Бергамо и Брешии, которые после взятия Мантуи пожелали отделиться от Венеции. Он составил для отправки в Сенат длинный отчет о планах отделения, основанный на информации, предоставленной ему римским адвокатом по имени Марселин Серпини; который притворился, что собрал факты, сообщенные им в беседе с офицерами французской армии. План патриотической партии состоял в том, чтобы объединить венецианские территории на материке с Ломбардией и образовать из них единую республику. Поведение Оттолини привело в ярость партию, враждебную Венеции, и усилило преобладающее недовольство. Замаскировав своего камердинера под крестьянина, он отправил его в Венецию с отчетом, который он составил о сообщениях Серпини, и другой информацией; но этот отчет так и не дошел до инквизиторов. Камердинер был арестован, его депеши отобраны, а Оттолини бежал из Бергамо. Это положило начало всеобщему восстанию венецианских государств. Фактически, только сила обстоятельств вызвала восстание этих территорий против их старого островного правительства. Генерал Ла Хоз,

командовавший Ломбардским легионом, был активным защитником революции, которая, безусловно, происходила скорее из прогресса господствующих принципов свободы, чем из нечестной политики Венецианского сената. Бонапарт, действительно, в своих депешах Директории заявлял, что Сенат спровоцировал восстание; но это было не совсем верно, и он не мог полностью поверить своему собственному утверждению.

В ожидании колебаний венецианского сената Вена призывала население своих государств на материке восстать против французов. Венецианское правительство всегда проявляло крайнее отвращение к Французской революции, которая была жестоко осуждена в Венеции. Ненависть к французам постоянно возбуждалась и поощрялась, а религиозный фанатизм воспламенил многих влиятельных людей в стране. С конца 1796 года венецианский сенат тайно продолжал свои вооружения, и все поведение этого правительства свидетельствовало о намерениях, которые были названы вероломными, но единственной целью которых было победить намерения еще более вероломные. Сенат был непримиримым врагом Французской Республики. Волнение было доведено до такой степени, что во многих местах люди жаловались, что им не разрешают вооружаться против французов. Австрийские генералы усердно распространяли самые зловеющие сообщения об армиях Сомбре-и-Мааса и Рейна, а также о положении французских войск в Тироле. Эти обманы, напечатанные в бюллетенях, были хорошо рассчитаны, чтобы побудить итальянцев, и особенно венецианцев, массово восстать для истребления французов, когда победоносная армия проникнет в Наследственные государства.

Преследование эрцгерцога Карла в сердце Австрии укрепило надежды венецианского сената на то, что будет легко уничтожить слабые остатки французской армии, поскольку войска были разбросаны по венецианским штатам на материке. Везде, где преобладал Сенат, тайно разжигалось восстание; везде, где преобладало влияние патриотов, предпринимались энергичные усилия по объединению венецианской земли с Ломбардской республикой.

Бонапарт умело воспользовался беспорядками и последовавшей за ними резней, чтобы вести себя по отношению к сенату тоном оскорбленного завоевателя. Он опубликовал заявление о том, что венецианское правительство было самым вероломным, какое только можно вообразить. Слабость и жестокое лицемерие сената способствовали осуществлению задуманного им плана заключения мира для Франции за счет Венецианской республики. Вернувшись из Леобена завоевателем и умиротворителем, он без всяких церемоний вступил во владение Венецией, сменил установившееся правительство и, став хозяином всей венецианской территории, обнаружил, что в ходе переговоров на Кампо Формио может распорядиться ею по своему усмотрению в качестве компенсации за уступки, которые были потребованы от Австрии. После 19 мая он написал Директории, что одной из целей его договора с Венецией было не навлекать на нас позора из-за нарушения предварительных условий, касающихся венецианской территории, и, в то же время, находить предлоги и способствовать их исполнению.

На Кампо Формио была решена судьба этой республики. Она исчезла из числа государств без усилий и шума. Тишина его падения поразила воображение, согретое историческими воспоминаниями о блестящих страницах его морской славы. Однако его сила, которая была незаметно подорвана, существовала уже не иначе, как в престиже этих воспоминаний. Какое сопротивление она могла оказать человеку, которому суждено изменить облик всей Европы?

ГЛАВА V

1797.

Подписание предварительных условий мира—Падение Венеции—Мое прибытие и прием в Леобене—Бонапарт желает добиться успеха— Директория выступает против него—Он желает наступать на Вену—Движение армии Мрачного и Мышиного-Недовольство Бонапарта- Прибытие в Милан—Мы поселяемся в Монтебелло—Решение Наполеона относительно Дандоло и Мельци.

Я присоединился к Бонапарту в Леобене 19 апреля, на следующий день после подписания предварительных условий мира. Эти предварительные переговоры ни в коей мере не напоминали окончательный мирный договор в Кампо-Формио. Все еще незавершенное падение Венецианского государства в то время не представляло доступной добычи для раздела. Все было устроено позже. Горе маленьким государствам, которые вступают в непосредственный контакт с двумя колоссальными империями, ведущими войну!

На этом закончилась моя связь с Бонапартом как с товарищем и равным, и начались те отношения с ним, в которых я внезапно увидел его великим, могущественным и окруженным почтением и славой. Я больше не обращался к нему так, как привык. Я слишком хорошо понимал его личную значимость. Его положение устанавливало слишком большую социальную дистанцию между ним и мной, чтобы я не чувствовал необходимости соответствующим образом выстраивать свое поведение. Я с удовольствием и без сожаления пожертвовал стилем дружеского общения и другими маленькими привилегиями. Когда я вошел в салон, где он был окружен офицерами, составлявшими его блестящий штаб, он сказал громким голосом: "Я рад наконец—то видеть вас" - "Te voila donc, enfin", но как только мы остались одни, он дал мне понять, что доволен моей сдержанностью, и поблагодарил меня за это. Меня немедленно поставили во главе его кабинета. В тот же вечер я поговорил с ним о восстании на венецианских территориях, об опасностях, которые угрожали французам, и о тех, которых я избежал, и т.д. "Тебе на это наплевать", - сказал он;

— (Он "наставлял" меня в этой фамильярной манере до своего возвращения в Милан.)—

"эти негодяи заплатят за это. Их республика пережила свое время, и с ней покончено". Однако эта республика все еще существовала, была богатой и могущественной. Эти слова напомнили мне о том, что я читал в произведении некоего Габриэля Науда, написанном во времена правления Людовика XIII. кардиналу де Багену: "Видите ли вы Константинополь, который льстит себе тем, что является резиденцией двойной империи, и Венецию, которая гордится своей тысячелетней стабильностью? Их день настанет".

В первом разговоре, который состоялся у Бонапарта со мной, мне показалось, что я понял, что он был не очень доволен предварительными переговорами. Он хотел бы продвинуться со своей армией к Вене. Он не скрывал этого от меня. Прежде чем предложить мир принцу Карлу, он написал Директории, что намерен добиваться успеха, но что для достижения этой цели он рассчитывает на сотрудничество армий Самбр-и-Мааса и Рейна. Директория ответила, что он не должен рассчитывать на отвлекающий маневр в Германии и что армии

Самбре-и-Мааса и Рейна не должны переходить эту реку. Столь неожиданное решение, декларация, столь противоречащая тому, чего он постоянно добивался, вынудили его прекратить свои триумфы и отказаться от своего любимого проекта водрузить знамя республики на крепостных валах Вены или, по крайней мере, обложить контрибуциями пригороды этой столицы.

Закон от 23 августа 1794 года запрещал использование любых других имен, кроме тех, что указаны в метрической книге. Я хотел соответствовать этому закону, который очень глупо вмешивался в старые привычки. Мой старший брат был жив, и поэтому я назвал себя Фовле-младшим. Это раздражало генерала Бонапарта. "Такая смена имени - абсолютная бессмыслица", сказал он. "Я знаю вас двадцать лет под фамилией Буррьен. Подпишите, как вас по-прежнему зовут, и посмотрите, что сделают адвокаты со своими законами".

20 апреля, когда Бонапарт возвращался в Италию, он был вынужден остановиться на острове Тальяменто, пока мимо проходил поток, вызванный сильным штормом. На правом берегу реки появился курьер. Он добрался до острова. Бонапарт прочел в депешах Директории, что армии Самбре-и-Мааса и Рейна пришли в движение; что они готовились переправиться через Рейн и начали военные действия в тот самый день, когда были подписаны предварительные соглашения. Эта информация поступила через семь дней после того, как Директория написала, что "он не должен рассчитывать на сотрудничество армий Германии". Невозможно описать досаду генерала при чтении этих депеш. Он подписал предварительные условия только потому, что правительство представило сотрудничество рейнских армий как неосуществимое в тот момент, и вскоре после этого ему сообщили, что сотрудничество вот-вот состоится! Волнение его было так велико, что на мгновение ему пришла в голову мысль переправиться на левый берег Тальяменто и прервать переговоры под тем или иным предлогом. Некоторое время он настаивал на этой резолюции, которой, однако, успешно воспротивились Бертье и некоторые другие генералы. Он воскликнул: "Какая разница была бы в предварительных выступлениях, если бы они действительно были!"

Его огорчение, я бы даже сказал, отчаяние возросло, когда через несколько дней после его вступления в Венецианские государства он получил письмо от Моро, датированное 23 апреля, в котором этот генерал сообщал ему, что, с блестящим успехом форсировав Рейн 20-го и взяв четыре тысячи пленных, он вскоре присоединится к нему. Кто, в самом деле, может сказать, что произошло бы, если бы не нерешительная и недоверчивая политика Директории, которая всегда поощряла низкие интриги и участвовала в зависти, возбуждаемой славой молодого завоевателя? Поскольку Директория боялась его честолюбия, они пожертвовали славой нашего оружия и честью нации; ибо не подлежит сомнению, что, если бы переход Рейна, которого так настоятельно требовал Бонапарт, состоялся несколькими днями раньше, он был бы в состоянии, не подвергаясь никакому риску, властно диктовать условия мира на месте; или, если Австрия была бы упряма, отправиться в Вену и подписать его там. Все еще занятый этой идеей, он написал Директории 8 мая: "Поскольку я получил сведения о форсировании Рейна Гошем и Моро, я очень сожалею, что это не произошло пятнадцатью днями раньше; или, по крайней мере, что Моро не сказал, что он был в состоянии осуществить это". (Ему сообщили обратное.) Что после этого станет с несправедливым упреком в адрес Бонапарта в том, что он из-за ревности к Моро лишил Францию преимуществ, которые обеспечила бы ей длительная кампания? Бонапарт был слишком предан славе Франции, чтобы принести ее в жертву ревности к славе какого-либо отдельного человека.

Путешествуя по Венецианским штатам, чтобы вернуться в Милан, он часто говорил мне о Венеции. Он всегда уверял меня, что изначально не имел никакого отношения к восстаниям,

которые сотрясали эту страну; что здравый смысл покажет, что, поскольку его проектом было продвижение в бассейн Дуная, он не был заинтересован в том, чтобы восстания тревожили его тыл, а его коммуникации прерывались: "Такая идея, - сказал он, - была бы абсурдной и никогда не могла бы прийти в голову человеку, которому даже его враги не могут отказать в определенной степени такта". Он признал, что не был раздосадован тем, что все обернулось так, как оно обернулось, потому что он уже воспользовался этими обстоятельствами в предварительных переговорах и надеялся извлечь из них еще больше пользы при заключении окончательного мира. "Когда я приеду в Милан, - сказал он, - я займусь Венецией". Поэтому для меня совершенно очевидно, что в действительности главнокомандующий не имел никакого отношения к венецианским восстаниям; что впоследствии он не был ими недоволен; и что еще позже он извлек из них большую выгоду.

Мы прибыли в Милан 5 мая через Lawbook, Thrust, Пальма-Нову, Падую, Верону и Мантую. Вскоре Бонапарт поселился в Монтебелло, очень красивом замке, расположенном в трех лье от Милана, с видом на богатые и великолепные равнины Ломбардии. В Монтебелло начались переговоры об окончательном мире, которые завершились в Пассериано. Маркиз де Галло, австрийский полномочный представитель, проживал в полумиле от Монтебелло.

Во время своей резиденции в Монтебелло главнокомандующий совершил экскурсию на озеро Комо и в Аго Магуайр. Он посетил острова Борромео один за другим, а по возвращении занялся организацией городов Венеции, Генуи и Милана. Он искал людей и не нашел. "Боже милостивый, - сказал он, - какие редкие люди! В Италии восемнадцать миллионов, и я с трудом нашел двоих, Дандоло и Мельци".

Он оценил их по достоинству. Дандоло был одним из тех людей, которые в те революционные времена оказали величайшую честь Италии. После того как он стал членом большого совета Цизальпинской республики, он выполнял функции генерального прокурора в Далмации. Стоит только упомянуть имя Дандоло далматинцам, чтобы узнать от благодарных жителей, насколько справедливым и энергичным было его правление. Услуги Мельци известны. Он был канцлером и хранителем печатей итальянской монархии и получил титул герцога Лоди.

—[Франческо, граф де Мельци д'Эриль (1753-1816), вице—президент Итальянской Республики в 1802 году; канцлер Королевства Италия в 1805 году; герцог Лотский в 1807 году.]—

У тех, кто повидал мир, правдивость упрека Наполеона не вызывает особого удивления. В стране, которая, согласно биографиям и газетам, изобилует выдающимися людьми, женщина большого таланта — (мадам Ролан.) — сказала: "Что меня больше всего удивило, поскольку возвышение моего мужа дало мне возможность познакомиться со многими людьми, особенно с теми, кто занят в важных делах, - это существующая всеобщая посредственность. Это превосходит все, что может вообразить воображение, и это наблюдается во всех званиях, от клерка до министра. Без этого опыта я никогда бы не поверил, что мой вид настолько презренен".

Кто не помнит замечание Оксеншерна своему сыну, который трепетал, отправляясь таким молодым на конгресс в Мюнстере: "Иди, сын мой. Ты увидишь, что за люди управляют миром".

ГЛАВА VI.

1797.

Переписка Наполеона—Освобождение французских пленных в Ольмюце— Переговоры с Австрией—Недовольство Бонапарта—Жалобное письмо Бонапарта Исполнительной директории—Записка о делах Венеции и Клуба Клиши, написанная Бонапартом и распространенная в армии—Перехваченное письмо императора Франциска.

В то время, когда предварительные действия при Леобене приостановили военные действия, Наполеон не стремился немедленно отвечать на все письма. Ему захотелось поступить не совсем так, как поступил кардинал Дюбуа, когда бросил в огонь полученные им письма, сказав: "Вот! мои корреспонденты получили ответы", но что-то в том же роде. Чтобы убедиться, что люди пишут слишком много и теряют драгоценное время на пустяковые и бесполезные ответы, он велел мне вскрывать только те письма, которые приходят с чрезвычайными курьерами, а все остальное оставлять на три недели в корзине. По истечении этого времени не было необходимости отвечать на четыре пятых этих сообщений. Некоторые из них сами по себе были ответами; некоторые представляли собой подтверждения полученных писем; другие содержали просьбы об уже оказанных услугах, но о которых не было получено никаких сведений. Многие из них были заполнены жалобами на провизию, жалованье или одежду, и по всем этим пунктам были отданы приказы еще до написания писем. Некоторые генералы требовали подкрепления, денег, продвижения по службе и т.д. Не вскрывая их писем, Бонапарт был избавлен от неприятной обязанности отказывать. Когда главнокомандующий сравнил очень небольшое количество писем, на которые необходимо было ответить, с большим количеством, на которое отвечало только время, он от души рассмеялся своей причудливой идее. Не будет ли такой способ действий предпочтительнее, чем заставлять вскрывать письма любого, кто может быть нанят, и отвечать на них циркулярным письмом, к которому необходимо только приложить дату?

В ходе переговоров, последовавших за Леобенским мирным договором, Директория приказала генералу Бонапарту потребовать освобождения г-жи де Лафайет, Латур-Марбур и Бюро де Пюзи, содержащихся в Ольмюце с 1792 года в качестве государственных узников. Главнокомандующий выполнил это поручение с таким же удовольствием, как и усердием, но он часто сталкивался с трудностями, которые казались непреодолимыми. Было совершенно неверно заявлено, что эти заключенные получили свободу в соответствии с одной из статей предварительных условий Леобена. Я много писал по этому вопросу под диктовку генерала Бонапарта и присоединился к нему только на следующий день после подписания этих предварительных документов. Только в конце мая 1797 года было потребовано освобождения этих пленников, и они получили свою свободу только в конце августа. В договоре, публичном или секретном, не было статьи, в которой говорилось бы о них. Бонапарт потребовал увеличения числа заключенных не по собственному предложению, а по приказу Директории. Чтобы объяснить, почему они не отправились во Францию сразу после освобождения из Ольмюца, необходимо вспомнить, что события 18 Фруктидора произошли между периодом, когда были предприняты первые шаги по обеспечению их

свободы, и датой их освобождения. Потребовалось все могущество и сила характера Бонапарта, чтобы он смог добиться успеха в достижении своей цели по истечении трех месяцев.

Мы прибыли в июле месяце, и переговоры были утомительно долгими. Постоянно происходившее замешательство невозможно было приписать чему-либо, кроме хитрой политики Австрии: другие дела занимали Бонапарта. Новости из Парижа поглотили все его внимание. Он с крайним неудовольствием наблюдал за тем, как влиятельные ораторы соборов и памфлеты, написанные в том же духе, что и они, критиковали его, его армию, его победы, дела Венеции и национальную славу. Он был весьма возмущен подозрениями, которые пытались вызвать в отношении его поведения и скрытых взглядов.

Следующие выдержки, приписываемые перу Дюмуре или Ривароля, являются образцами некоторых комментариев того времени:

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ В "СЕВЕРНОМ ЗРИТЕЛЕ" за 1797 год.

Генерал Бонапарт, без всякого противоречия, является самым блестящим воином, когда-либо стоявшим во главе армий Французской Республики. Его слава несовместима с демократическим равенством, а услуги, которые он оказал, слишком велики, чтобы их можно было вознаградить иначе, как ненавистью и неблагодарностью. Он очень молод, и, следовательно, ему предстоит долгая карьера обвинений и преследований.

.....Каким бы ни было кульминационное событие его военной карьеры, Бонапарт по-прежнему остается великим человеком. Всей своей славой он обязан только себе, потому что он один развил в себе характер и гениальность, которых никто другой не показал в качестве примера.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА От 18 АПРЕЛЯ 1797 года в "СЕВЕРНОМ ЗРИТЕЛЕ".

Взгляните, например, на эту несчастную войну. Неуверенный в Шампани, он становится дерзким при Дюмуре, необузданным при разбойниках, сражавшихся с вандейцами, методичным при Пишегрю, вульгарным при Журдане, искусным при Моро, опрометчивым при Бонапарте. Каждый генерал наложил печать своего гения на свою карьеру и отдал жизнь или смерть своей армии. С самого начала своей карьеры Бонапарт развил в себе пылкий характер, раздражаемый препятствиями, и быстроту, которая предвосхищает любые намерения врага. Он наносит все более тяжелые удары. Он бросает свою армию на врага, как несдержанный поток. Он сам по себе действие, и он такой во всем. Посмотрите, как он сражается, ведет переговоры, издает указы, наказывает - все это дело мгновения. Он идет на компромисс с Туринским, как и с Римом. Он вторгается в Модену, сжигая Бинаско. Он никогда не колеблется; разрубить гордиев узел - это всегда его метод.

Бонапарт не мог вынести, когда осуждали его поведение, и, придя в ярость, видя, как обесцениваются его кампании, принижается его слава и слава его армии,

—[Необычайная глупость оппозиции Директории, бросившей Бонапарта на сторону Директории, будет видна при чтении речи Дюмолара, на которую так часто ссылается Буррьен (Тьер, т. v., стр. 110-111), и при попытках Матье Дюма развеять впечатление, что оппозиция пренебрегла удачливым генералом. (См. Дюма, том iii, стр. 80; см. также Ланфри, том i, стр. 257-299).]—

поскольку в Клубе Клиши против него завязались интриги, он написал Директории следующее письмо:—

ПРЕЗИДЕНТУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРИИ.

Я только что получил, граждане Директора, копию ходатайства Дюмолара (23 июня 1797 г.). Очевидно, что это ходатайство, опубликованное по распоряжению Ассамблеи, направлено против меня. После того как я пять раз заключал мир и нанес смертельный удар коалиции, я получил право если не на гражданские победы, то, по крайней мере, на спокойную жизнь под защитой первых должностных лиц Республики. В настоящее время я нахожу, что со мной плохо обращаются, преследуют и порочат всеми позорными средствами, которые их политика использует для содействия преследованию. Я был бы равнодушен ко всему, кроме того вида поношения, которым первые лица республики пытаются меня ошеломить. После того как я своим последним поступком заслужил благосклонность своей страны, я не обязан выслушивать обвинения в столь же абсурдной, сколь и жестокой форме. Я не ожидал, что манифест, подписанный эмигрантами, оплаченный Англией, заслужит больше доверия Совета пятисот, чем свидетельство восьмидесяти тысяч человек — чем мое! Что? мы были убиты предателями — погибло более четырехсот человек; и первые должностные лица республики считают преступлением то, что они хоть на мгновение поверили этому заявлению. Более четырехсот французов протащили по улицам. Они были убиты на глазах у губернатора форта. Они были пронзены тысячей ударов стилетами, подобными тем, что я послал вам, и представители французского народа добились того, чтобы это было напечатано, что если они хоть на мгновение поверили в этот факт, то их можно простить. Я хорошо знаю, что есть общества, где говорят: "Значит, эта кровь настолько чиста?"

Если бы только низкие люди, мертвые для чувства патриотизма и национальной славы, говорили обо мне так, я бы не жаловался. Я бы не обратил на это внимания, но я имею право жаловаться на унижение, которому первые должностные лица Республики подвергают тех, кто возвеличил французское имя и вознес его на столь высокую ступень славы. Граждане директора, я повторяю свое требование о моем увольнении; я хочу жить в спокойствии, если кинжалы Клиши позволят мне жить. Вы наняли меня для переговоров. Я не очень гожусь для того, чтобы руководить ими.

Примерно в то же время он составил следующую записку о делах Венеции, которая была напечатана без указания имени автора и распространена по всей армии:

ПРИМЕЧАНИЕ.

Бонапарт, остановившийся перед воротами Турина, Пармы, Рима и Вены, предлагающий мир, когда он был уверен, что не добьется ничего, кроме новых триумфов, — Бонапарт, каждое действие которого демонстрирует уважение к религии, морали и старости; который, вместо того чтобы навалить бесчестие на венецианцев и унижить их республику до основания, осыпал ее добрыми делами и проявлял такую большую заботу о ее славе, — тот ли это Бонапарт, которого обвиняют в уничтожении древнего правительства Венеции и демократизации Генуи и даже в том, что он уничтожил древнее правительство Венеции? вмешиваться в дела благоразумных и достойных людей швейцарских кантонов? Бонапарт миновал Тальяменто и вступил в Германию, когда в Венецианских государствах вспыхнули восстания; следовательно, эти восстания были направлены против проекта Бонапарта; тогда, конечно, он не мог им способствовать. Когда он был в сердце Германии, венецианцы вырезали более четырехсот французских солдат, изгнали их из Вероны, убили несчастного Лоджье и представляли собой зрелище вооруженного отряда фанатиков. Он вернулся в Италию; и по его прибытии, когда ветры утихли в присутствии Нептуна, вся Италия, которая была в смятении, которая была вооружена, была восстановлена к порядку.

Однако депутаты от Бонапарта разработали различные статьи, соответствующие положению страны, и для того, чтобы предотвратить не революцию в правительстве, поскольку правительство перестало функционировать и умерло естественной смертью, а кризис, и спасти город от потрясений, анархии и грабежей. Бонапарт пощадил подразделение своей армии, чтобы спасти

Венецию от разграбления и резни. Все батальоны были на улицах Венеции, нарушители спокойствия были подавлены, и грабежи прекратились. Собственность и торговля были сохранены, когда генерал Барани д'Илье вошел в Венецию со своей дивизией. Бонапарт, как обычно, не пролил крови и был защитником Венеции. Пока французские войска оставались, они вели себя мирно и вмешивались только для того, чтобы поддержать временное правительство.

Бонапарт не мог сказать депутатам Венеции, которые пришли просить его защиты и помощи против населения, желавшего их ограбить: "Я не могу вмешиваться в ваши дела". Он не мог этого сказать, поскольку Венеция и все ее территории действительно были театром военных действий; и, находясь в тылу итальянской армии, Венецианская республика действительно находилась под юрисдикцией этой армии. Права войны наделяют генерала полномочиями высшей полиции над странами, которые являются очагом войны. Как сказал великий Фридрих, "Там, где идет война, нейтралов не бывает". Невежественные адвокаты и болтуны спрашивали в Клубе Клиши, почему мы оккупируем территорию Венеции. Этим декламаторам следовало бы научиться воевать, и они знали бы, что реки Адидже, Brenta и Тальяменто, где мы сражаемся уже два года, находятся в пределах Венецианских государств. Но, джентльмены из Клиши, мы без труда поймем, что вы имеете в виду. Вы упрекаете итальянскую армию в том, что она преодолела все трудности, подчинила всю Италию— дважды перешла Альпы, двинулась маршем на Вену и вынудила Австрию признать Республику, которую вы, люди Клиши, хотели уничтожить. Я ясно вижу, что вы обвиняете Бонапарта в установлении мира. Но я знаю вас и говорю от имени восьмидесяти тысяч солдат. Прошли те времена, когда низкопробные защитники и жалкие ораторы могли побудить солдат к восстанию. Однако, если вы принудите их, солдаты итальянской армии вскоре появятся у Барьера Клиши вместе со своим генералом. Но горе вам, если они это сделают!

Бонапарт, прибыв в Пальма-Нову, издал манифест 2 мая 1797 года. Прибыв в Местре, где он разместил свои войска, правительство направило к нему трех депутатов с декретом Большого совета, причем Бонапарт не просил об этом и не думал о каких-либо изменениях в правительстве этой страны: губернатор Венеции был стариком девяноста девяти лет от роду, прикованным болезнью к своей квартире. Все чувствовали необходимость обновить это правительство, существовавшее двенадцать столетий, и упростить его механизм, чтобы сохранить его независимость, честь и прославление. Необходимо было обдумать, во-первых, способ обновления правительства; во-вторых, способы искупления резни французов, беззаконие которой признавали все.

Бонапарт, приняв депутацию в Местре, сказал им, что для получения сатисфакции, поскольку убийство его братьев совершается по оружию, он желает, чтобы Великий Совет арестовал инквизиторов. Впоследствии он заключил с ними перемирие и назначил Милан местом проведения конференции. Депутаты прибыли в Милан в ... Начались переговоры по восстановлению согласия между правительствами. Однако анархия со всеми ее ужасами охватила Венецию. Десять тысяч славонцев угрожали разграбить магазины. Бонапарт согласился с предложением депутатов, которые обещали подтвердить убытки, понесенные в результате грабежа.

Бонапарт также обратился к дожу с манифестом, который появился во всех государственных газетах. В нем содержалось пятнадцать статей жалобы, за которыми последовал указ, предписывающий французскому министру покинуть Венецию, венецианским агентам покинуть Ломбардию, а Льву Святого Марка быть снесенным на всех континентальных территориях Венеции.

Главнокомандующий теперь открыто проявил свое решение идти маршем на Париж; и это решение, которое было хорошо известно в армии, вскоре было доведено до сведения Вены. В этот период письмо от императора Франциска II. его брату, великому герцогу Тосканскому, было перехвачено Бонапартом. Я перевел письмо, которое доказало ему, что Франциск II. был знаком с его проектом. Он также с удовольствием воспринял заверения, которые император дал его брату в своем миролюбии, а также колебания императорских решений и неуверенность в отношении судьбы итальянских принцев, которые, как император легко понял, зависели от Бонапарта. Письмо императора было следующего содержания:

МОЙ ДОРОГОЙ БРАТ— я точно получил твое третье письмо, содержащее описание твоего несчастливого и деликатного положения. Вы можете быть уверены, что я понимаю это так же ясно, как и вы сами; и мне жаль вас тем больше, что, по правде говоря, я не знаю, какой совет дать вам. Вы, как и я, стали жертвой прежнего бездействия итальянских князей, которым следовало бы немедленно выступить всеми своими объединенными силами, пока я еще владел Мантуей. Если проект Бонапарта, как я узнал, заключается в создании республик в Италии, то это, скорее всего, закончится распространением республиканизма по всей стране. Я уже начал переговоры о мире, и предварительные условия утверждены. Если французы будут соблюдать их так же строго, как я делаю и буду делать, тогда ваше положение улучшится; но французы уже начинают пренебрегать ими. Основная проблема, которую еще предстоит решить, заключается в том, одобряет ли французская директория действия Бонапарта и не склонен ли последний, как явствует из некоторых документов, распространяемых через его армию, к восстанию против своей страны, что также представляется вероятным, исходя из его сурового поведения по отношению к Швейцарии, несмотря на заверения Директории, что ему было приказано оставить страну нетронутой. Если это будет так, то могут возникнуть новые и неисчислимы трудности. При таких обстоятельствах я в настоящее время ничего не могу посоветовать, ибо что касается меня самого, то только время и обстоятельства момента могут указать, как мне следует действовать.

Здесь нет ничего нового. У нас все хорошо, но жара необыкновенная. Всегда сохраняй ко мне свою дружбу и любовь. Передай мои комплименты своей жене и верь мне всегда

Твой лучший друг и Брат,

ФРАНЦИСК.

ХЕТЦЕНДОРФ, 20 июля 1797 года.

ГЛАВА VII.

1797.

Необоснованные сообщения—Карно—Капитуляция Мантуи—Генерал Кларк— Директория уступает Бонапарту—Бертье—Прибытие Эжена Богарне в Милан—Граф Деланне д'Антрэг—Его беседа с Бонапартом—Изъятие его бумаг—Копия одной из них с описанием беседы между ним и

графом де Монгайяром—Император Франциск—Принц де Конде и генерал Пишегрю.

В то время как Бонапарт высказывал свое мнение о своих кампаниях и несправедливости, с которой они подвергались критике, обычно считалось, что Карно диктовал ему из кабинета в Люксембурге все планы своих операций, и что Бертье был его правой рукой, без которого, несмотря на планы Карно, которые часто были просто романами, он был бы в большом затруднении. Это двойное искажение было очень распространено в течение некоторого времени; и, несмотря на то, что оно противоречило подтвержденным фактам, оно вызвало большое доверие, особенно за границей. Однако у этого мнения не было оснований: давайте воздадим кесарю должное Кесарю. Бонапарт был творцом в военном искусстве, а не подражателем. То, что ни один человек не превосходил его в этом искусстве, неоспоримо. В начале славной кампании в Италии Директория, конечно, разослала ему инструкции; но он всегда следовал своим собственным планам и постоянно писал в ответ, что все будет потеряно, если действия, задуманные вдали от места боевых действий, будут выполняться вслепую. Он также предложил уйти в отставку. Наконец Директория осознала невозможность предписывать военные операции в соответствии с мнением людей в Париже; и когда я стал секретарем Главнокомандующего, я увидел депешу Директории, датированную маем 1796 года, в которой весь план кампании предоставлялся на его усмотрение; и, несомненно, не было ни одной операции или движения, которые не были бы инициированы им. Карно был вынужден уступить его твердости. Когда Директория ближе к концу 1796 года почувствовала склонность вести переговоры о мире, генерал Кларк, назначенный для заключения перемирия, был уполномочен, на случай, если Мантуя не будет взята до завершения переговоров, предложить оставить блокаду в существующем положении. Если бы такое условие было принято, то, несомненно, было бы оговорено, что императору Австрии должно быть разрешено изо дня в день обеспечивать гарнизон и жителей города продовольствием. Бонапарт, убежденный, что перемирие без Мантуи никоим образом не приведет к миру, искренне возражал против такого условия. Он добился своего; Мантуя капитулировала, и результат хорошо известен. И все же он не был слеп к опасностям войны; готовя во время блокады штурм Мантуи, он написал Директории следующее: "Успех такого смелого удара полностью зависит от собаки или гуся". Это был вопрос неожиданности.

Бонапарт был чрезвычайно чувствителен к доходившим до него слухам о Карно и Бертье. Однажды он сказал мне: "Что это за вопиющая глупость? Очень хорошо сказать генералу: "Отправляйся в Италию, выигрывай сражения и подпиши мир в Вене", но выполнить это не так-то просто. Я никогда не придавал никакого значения планам, которые мне присылал Справочник. Слишком много обстоятельств возникает на месте, чтобы их изменять. Передвижение одного корпуса вражеской армии может расстроить весь план, разработанный у камина. Только дураки могут верить в подобную чушь! Что касается Бертье, то с тех пор, как вы были со мной, вы видите, кто он такой — он болван. И все же именно он делает все это; именно он собирает большую часть славы итальянской армии". Я сказал ему, что это ошибочное мнение не может длиться долго; что каждому человеку будут предоставлены его заслуги и что, по крайней мере, потомки будут судить справедливо. Это замечание, казалось, понравилось ему.

Бертье был человеком, полным чести, мужества и порядочности, и чрезвычайно регулярным в исполнении своих обязанностей. Привязанность Бонапарта к нему проистекала скорее из привычки, чем симпатии. Бертье не уступал приветливо и резко отказывал. Его резкие, эгоистичные и небрежные манеры, однако, не создали ему много врагов, но в то же время и

не завели ему много друзей. Вследствие нашего частого общения он приобрел дружескую привычку обращаться ко мне во втором лице единственного числа; но он никогда не писал мне в таком стиле. Он был прекрасно знаком с расположением всех корпусов и мог назвать их командиров и соответствующие силы. Днем и ночью он всегда был под рукой и четко выполнял все второстепенные приказы, вытекавшие из распоряжений главнокомандующего. На самом деле он был превосходным начальником штаба армии; но это вся похвала, которую можно воздать, и действительно, большего он и не желал. Он так всецело доверял Бонапарту и смотрел на него с таким восхищением, что никогда бы не осмелился воспротивиться его планам или дать какой-либо совет. Талант Бертье был очень ограничен и носил особый характер; его характер отличался крайней слабостью. Дружба Бонапарта с ним и частое упоминание его имени в бюллетенях и официальных депешах неоправданно подняли его репутацию. Бонапарт, высказывая Директории свое мнение о генералах, служащих в его армии, сказал: "У Бертье есть таланты, активность, мужество, характер — все говорит в его пользу". Это было в 1796 году. Затем он сделал из него орла; на острове Святой Елены он назвал его гусем. Ему не следовало ни поднимать его так высоко, ни опускать так низко.

Бертье не заслуживал ни того, ни другого. Бонапарт был человеком привычек; он был очень привязан ко всем окружавшим его людям и не любил новых лиц. Бертье любил его. Он хорошо выполнял его приказы, и это позволило ему проявить свою небольшую долю таланта.

Примерно в это же время молодой Богарне приехал в Милан. Ему было семнадцать лет. После ухода Бонапарта он жил в Париже со своей матерью. По прибытии он немедленно поступил на службу в качестве "адъютанта" главнокомандующего, который испытывал к нему привязанность, оправданную его хорошими качествами.

Граф Делоне д'Антрэг, хорошо известный во времена Французской революции, занимал дипломатический пост в Венеции, когда этому городу угрожали французы. Сознывая, что его считают организатором всех тогдашних махинаций против Франции, и особенно против итальянской армии, он попытался бежать; но город был окружен, и он был схвачен вместе со всеми своими бумагами. Откровенные манеры графа понравились Бонапарту, который относился к нему снисходительно. Его документы были восстановлены, за исключением трех, касающихся политических тем. Впоследствии он бежал в Швейцарию и неблагодарно изображал себя угнетенным Бонапартом. Его ложные заявления побудили многих писателей представить его героической жертвой. Он был убит своим собственным слугой в 1802 году.

У меня сохранилась копия одной из его самых интересных работ. О нем много говорили, и Фош-Борель, я полагаю, отрицал его подлинность и правдивость содержания. Способ, которым она попала в руки главнокомандующего, значение, придаваемое ей д'Антрэгом, различия, которые я заметил между рукописью, которую я скопировал, и версиями, которые я впоследствии прочитал, и уверенность в ее подлинности, поскольку я сам переписал ее с почерка графа, который в моем присутствии поручился за достоверность фактов, изложенных в ней, — все эти обстоятельства побуждают меня включить ее сюда и заставляют меня сомневаться в том, что она была, как утверждал Фош-Борель, выдумкой.

Эта рукопись озаглавлена "Моя беседа с графом де Монгайяром 4 декабря 1796 года, с шести часов пополудни до полуночи, в присутствии аббата Дюмонтеля".

[На моем экземпляре написаны слова: "Выдержки из этого разговора, сделанные мной, с оригинала". Я опустил то, что считал неважным, и переписал только самые интересные отрывки. Монгайяр рассказал о своем побеге, о своем бегстве в Англию, о своем

возвращении во Францию, о своем втором отъезде и, наконец, о своем прибытии в Бейль в августе 1795 года.]

Принц де Конде вскоре после этого, по его словам, вызвал меня в Мюльхайм и, зная о моих связях во Франции, предложил мне связаться с генералом Пишегрю, штаб-квартира которого находилась в Альткирхе, где он тогда находился в окружении четырех представителей Конвента.

Я немедленно отправился в Невшатель, взяв с собой четыреста или пятьсот луидоров. Я обратил свой взор на Фоша-Бореля, королевского печатника в Невшателе, а также на ваш и мой, как на инструмент для создания первой увертюры, и я выбрал в качестве его коллеги месье Курана, уроженца Невшателя. Я убедил их взяться за это дело: снабдил инструкциями и паспортами. Они были иностранцами, поэтому я снабдил их всеми необходимыми документами, позволяющими им путешествовать по Франции в качестве иностранных торговцев и покупателей национальной собственности. Я отправился к Бейлу, чтобы дожидаться от них новостей.

13 августа Фош и Куран отправились в штаб-квартиру в Альткирхе. Они оставались там восемь дней, так и не найдя возможности поговорить с Пишегрю, который был окружен представителями и генералами. Пишегрю наблюдал за ними, и, постоянно видя их, куда бы он ни пошел, он предположил, что им есть что ему сказать, и громко крикнул, проходя мимо них: "Я еду в Хунинген". Фош ухитрился преградить ему дорогу в конце коридора. Пишегрю заметил его, не сводя с него глаз, и, хотя шел проливной дождь, он сказал вслух: "Я собираюсь отобедать в замке мадам Саломон". Этот замок находился в трех лье от Хунингена, и мадам Саломон была любовницей Пишегрю.

Фош отправился прямо в замок и попросил разрешения поговорить с генералом Пишегрю. Он сказал генералу, что, находясь во владении некоторыми рукописями Ж.-Ж. Руссо, он хотел бы опубликовать их и посвятить ему. "Очень хорошо", — сказал Пишегрю, — "но сначала я хотел бы их прочесть, потому что Руссо исповедовал принципы свободы, с которыми я не согласен и с которыми я не хотел бы связывать свое имя". — "Но, — сказал Фош, — я должен поговорить с вами еще кое о чем". - "О чем это и от чьего имени?" - "От имени принца де Конде". - "Тогда замолчите и следуйте за мной".

Он провел Фоша одного в уединенный кабинет и сказал ему: "Объяснитесь; что желает сообщить мне монсеньор принц де Конде?" Фош смутился и пробормотал что-то неразборчивое. - Успокойтесь. - сказал Пишегрю. - Мои чувства те же, что и у принца де Конде. Чего он хочет от меня? Фош, ободренный этими словами, ответил: "Принц желает присоединиться к вам. Он рассчитывает на вас и желает соединиться с вами".

"Это расплывчатые и ничего не значащие слова", - заметил Пишегрю. "Все это ничего не значит. Возвращайтесь, попросите письменных инструкций и возвращайтесь через три дня в мою штаб-квартиру в Альткирхе. Вы застанете меня одного ровно в шесть часов вечера".

Фош немедленно отбыл, прибыл в Бейль и сообщил мне обо всем, что произошло. Я провел ночь за написанием письма генералу Пишегрю. (Принц де Конде, облеченный всеми полномочиями Людовика XVIII, за исключением предоставления "белого кордона", в записке, написанной его собственной рукой, передал мне все свои полномочия, чтобы я мог вести переговоры с генералом Пишегрю).

Поэтому я написал генералу, изложив с самого начала все, что было рассчитано на то, чтобы пробудить в нем то благородное чувство гордости, которое является инстинктом великих умов; и после того, как указал ему на огромное благо, которое было в его силах совершить, я рассказал о благодарности короля и о пользе, которую он принесет своей стране, восстановив королевскую власть. Я сказал ему, что его величество назначит его маршалом Франции и губернатором Эльзаса, поскольку никто не мог бы лучше управлять провинцией, чем тот, кто так доблестно защищал ее. Я добавил, что он получит "кордон-Руж", замок Шамбор с его парком и двенадцать пушек, отобранных у австрийцев, миллион наличными, 200 000 ливров в год и отель в Париже; что город Арбор, родина Пишегрю, будет носить его имя и будет освобожден от всех налогов на двадцать

пять лет; что ему будет назначена пенсия в размере 200 000 ливров с половиной наследства его жене и 50 000 ливров его наследникам навсегда, до исчезновения его семьи. Таковы были предложения, сделанные от имени короля генералу Пишегрю. (Затем последовали льготы, которые были предоставлены офицерам и солдатам, амнистия народу и т.д.). Я добавил, что принц де Куд желал, чтобы он провозгласил короля в своих лагерях, сдал ему город Хунинген и присоединился к нему с целью похода на Париж.

Пишегрю, с большим вниманием прочитав мое письмо, сказал Фошу: "Все это очень хорошо; но кто такой этот господин де Монгайяр, который говорит о том, что он уполномочен таким образом? Я не знаю ни его, ни его подписи. Он автор?" — "Да", - ответил Фош. "Но, - сказал Пишегрю, - прежде чем вести какие-либо переговоры со своей стороны, я должен быть уверен, что принц де Конде, с почерком которого я хорошо знаком, одобряет все, что было написано от его имени месье де Монгайяром. Возвращайтесь прямо к господину де Монгайяру и скажите ему, чтобы он передал мой ответ принцу.

Фош немедленно удалился, оставив господина Курана с Пишегрю. Он прибыл в Бейль в девять часов вечера. Я отправился прямо в Мальхайм, штаб-квартиру принца де Конде, и прибыл туда в половине первого. Принц был в постели, но я разбудил его. Он усадил меня у своей кровати, и наше совещание началось.

После того как принц был проинформирован о положении дел, все, что оставалось, - это убедить его написать генералу Пишегрю, чтобы подтвердить правдивость того, что было заявлено от его имени. Это дело, казавшееся таким простым и не вызывавшим возражений, заняло всю ночь. Принц, самый храбрый человек, на какой только способен, не унаследовал от великого Конде ничего, кроме его неустрашимой отваги. В других отношениях он самый ничтожный из людей; не обладает ни умом, ни решительностью характера; окружен людьми посредственными и даже низменными; и хотя он хорошо их знает, он позволяет им управлять собой.

С моей стороны потребовалось девять часов напряженных усилий, чтобы заставить его написать генералу Пишегрю письмо из восьми строк. 1. Он не хотел, чтобы оно было написано его рукой. 2d. Он возражал против датировки его именем 3d. Он не хотел называть его генералом, чтобы тот не признал республику, присвоив этот титул. 4. Ему не хотелось ни адресовать письмо, ни ставить на нем свою печать.

Наконец он согласился на все и написал Пишегрю, что может полностью доверять письмам графа де Монгайяра. Когда все это было улажено после больших трудностей, принц снова заколебался, посылать ли письмо; но в конце концов он уступил. Я отправился в Бейль и отправил Фоша в Альткирх, к генералу Пишегрю.

Генерал, прочитав письмо из восьми строк и узнав почерк и подпись, немедленно вернул его Фошу, сказав: "Я видел подпись: для меня этого достаточно. Слово принца - это обещание, которым должен быть доволен каждый француз. Возьмите обратно свое письмо". Затем он спросил, чего желает принц. Фош объяснил, что желает — 1. Чтобы Пишегрю провозгласил короля перед своими войсками и поднял Белый флаг. 2. Чтобы он передал Хунинген принцу. Пишегрю возразил против этого. "Я никогда не приму участия в подобном заговоре, - сказал он. - У меня нет желания создавать третий том о Лафайете и Дюмуре. Я знаю свои ресурсы; они столь же надежны, сколь и огромны. Их корни не только в моей армии, но и в Париже, в Конвенте, в департаментах и в армиях тех генералов, моих коллег, которые думают так же, как я. Я ничего не хочу делать наполовину. Нынешнему положению вещей должен быть положен полный конец. Франция не может продолжать существование Республики. У нее должен быть король, и этим королем должен быть Людовик XVIII. Но мы не должны начинать контрреволюцию, пока не будем уверены в ее осуществлении. "Уверенно и справедливо" - вот мой девиз. План принца ни к чему не ведет. Через четыре дня он будет изгнан из Хунингена, а через пятнадцать я погибну. Моя армия состоит как из хороших, так и из плохих людей. Мы должны различать их и смелым ударом заверить первых в невозможности отступления и в том, что их единственная безопасность

закljučается в успехе. С этой целью я предлагаю перейти Рейн в любом месте и в любое время, которые сочтут необходимыми. В авангарде я выделяю тех офицеров, на которых я могу положиться и которые придерживаются моего образа мыслей. Я отделию плохих и поставлю их в ситуации, когда они не смогут причинить вреда, и их положение будет таким, чтобы помешать им объединиться. После этого, как только я окажусь на другом берегу Рейна, я провозглашу короля и подниму белый флаг. Затем к нам присоединятся корпус Конде и армия императора. Я немедленно переправлюсь через Рейн и вернусь во Францию. Крепости будут сданы и будут удерживаться имперскими войсками от имени короля. Присоединившись к армии Конде, я немедленно выступаю. Все мои средства теперь используются со всех сторон. Мы идем на Париж и через две недели будем там. Но вам необходимо знать, что вы должны угостить французского солдата вином и дать ему в руку корону, если хотите, чтобы он воскликнул: "Да здравствует король!" В первый момент ни в чем не должно быть недостатка. Моя армия должна получать хорошее жалованье вплоть до четвертого или пятого похода по французской территории. Пойди и расскажи все это принцу, покажи мой почерк и верни мне его ответ".

Во время этих совещаний Пишегрю был окружен четырьмя представителями народа, во главе которых стоял Мерлен де Тионвиль, самый наглый и свирепый из инквизиторов. Эти люди, получив приказ Комитета, заставили Пишегрю перейти Рейн и пойти осаждать Мангейм, где у Мерлина было взаимопонимание с жителями. Таким образом, если, с одной стороны, Комитет своими приказами заставил Пишегрю пожелать ускорить выполнение своего плана, то, с другой стороны, ему нельзя было терять ни минуты, ибо медлить с выполнением приказов четырех представителей значило навлечь на себя подозрения. Таким образом, все соображения требовали от принца принятия решения, и принятия безотлагательного. Здравый смысл требовал от него также сделать еще кое-что, а именно непредвзято изучить, что за человек был Пишегрю, обдумать природу принесенной им жертвы и каковы были его предложения. Европа признала его таланты, и он поставил принца в условия, позволяющие судить о его добросовестности. Кроме того, его поведение и его план давали новые доказательства его искренности. Перейдя Рейн и оказавшись между армиями Конде и Вурмзера, он сделал дезертирство невозможным; и, если его попытка не увенчалась успехом, его собственные действия вынудили его стать эмигрантом. Он оставил во власти своих свирепых врагов свою жену, своего отца, своих детей. Все свидетельствовало о его честности; таланты, которые он проявил, были залогом его гениальности, его гениальность - залогом его ресурсов; а жертвы, на которые ему пришлось бы пойти в случае неудачи, доказывали, что он был уверен в успехе.

Каким глупым самомнением было считать, что кто-то способен командовать армией Пишегрю лучше, чем сам Пишегрю! - Притворяться, что он лучше знаком с пограничными провинциями, чем Пишегрю, который командовал ими и разместил в них своих друзей в качестве комендантов городов! Это самомнение, однако, погубило монархию в это время, как и во многих других. Принц де Конде, ознакомившись с планом, полностью отверг его. Чтобы сделать его успешным, необходимо было привлечь к нему австрийцев. Пишегрю требовал этого, но принц Конде не хотел слышать об этом ни слова, желая присвоить себе славу осуществления контрреволюции. Он ответил Пишегрю несколькими замечаниями и завершил свой ответ возвращением к своему первоначальному плану — что Пишегрю должен провозгласить короля, не переходя Рейна, и оставить Хунинген; что тогда армия Конде сама по себе, без помощи австрийцев, присоединится к нему. В этом случае он мог бы пообещать 100 000 крон в луидорах, которые у него были в Бейле, и 1 400 000 ливров, которые у него были в виде хороших векселей, подлежащих оплате по предъявлению.

Никакие доводы или мольбы не возымели никакого действия на принца де Конде. Мысль о том, чтобы сообщить о своем плане Вурмзеру и разделить с ним его славу, сделала его слепым и глухим ко всем соображениям. Однако было необходимо доложить Пишегрю о наблюдениях

принца де Конде, и Куранту было поручено это сделать.

Этот документ показался мне настолько интересным, что, пока Бонапарт спал, я переписал его. Несмотря на последовательные и неоднократные опровержения его истинности, я считаю его совершенно правильным.

Наполеон заказал гравировку планов своих самых знаменитых сражений и заплатил за них вперед. Работа была выполнена недостаточно быстро для него. Он рассердился и однажды сказал своему географу Баклеру д'Альбе, который ему очень нравился: "Ах! поторопите себя и думайте, что все это - дело лишь одного момента. Если вы будете продолжать откладывать, вы ничего не продадите; вскоре все будет забыто!"

Сейчас был июль, и переговоры велись с опозданием, которое свидетельствовало о том, что обе стороны кое-что держали в резерве. Бонапарт в это время был совсем не расположен подписывать мир, который он всегда надеялся заключить в Вене после кампании в Германии при поддержке армий на Рейне и Самбре-и-Маасе. Меньшинство Директории рекомендовало заключить мир на основе предварительных условий, но большинство желало более почетных и выгодных условий; в то время как Австрия, полагаясь на разразившиеся во Франции беспорядки, не спешила с заключением договора. В этих обстоятельствах Бонапарт составил письмо для отправки австрийскому императору, в котором он излагал умеренность Франции, но заявлял, что из-за многочисленных задержек почти всякая надежда на мир исчезла. Он посоветовал императору не полагаться на трудности, возникающие во Франции, и выразил сомнение, что, если война продолжится и император добьется успеха в следующей кампании, он добьется более выгодного мира, чем тот, который был сейчас в его распоряжении. Это письмо так и не было отправлено императору, но было передано в качестве проекта предполагаемой депеши Директории. Император Франциск, однако, написал письмо с автографом главнокомандующему итальянской армией, на которое я обращаю внимание, когда перейду к периоду его получения: несомненно, что Бонапарт в то время желал войны. Он знал, что венский кабинет играет с ним, и что австрийские министры ожидали некоторых политических потрясений в Париже, которые, как они надеялись, будут благоприятны для бурбонов. Поэтому он попросил подкрепления. Его армия состояла из 35 900 человек, и он хотел, чтобы она была увеличена до 60 000 пехотинцев и 10 000 кавалеристов, готовых к выступлению в поле.

Генерал Дезэ, воспользовавшись предварительными боями при Леобене, прибыл в конце июля, чтобы посетить место триумфов итальянской армии. Его беседы с Бонапартом о Рейнской армии были далеки от того, чтобы вселить в него уверенность в его военном положении в Италии или заверить в поддержке со стороны этой армии в случае начала боевых действий за горами. Именно в этот период началась их близость. Бонапарт питал к Дезэ величайшее уважение и самую искреннюю дружбу.

—[Дезэ, недовольный ходом дел в Германии, вышел из состава рейнской армии, к которой он принадлежал, чтобы присоединиться к армии Наполеона. Он был отправлен в Италию для организации части египетской экспедиции, начинающейся с Чивита-Веккии. Он взял с собой двух своих адъютантов, Раппа и Савари (впоследствии герцога де Ровиго), которые после его смерти получили один и тот же пост вместе с Бонапартом.]—

Когда Дезэ был назначен временным командующим силами, называемыми армией Англии, во время отсутствия генерала Бонапарта, последний написал Директории, что они не могли бы выбрать более выдающегося офицера, чем Дезэ; этим чувством он никогда не противоречил. Ранняя смерть Десо сама по себе могла разрушить их союз, который, я не сомневаюсь, в конечном итоге оказал бы большое влияние на политическую и военную карьеру генерала Бонапарта.

Всему миру известна роль, которую главнокомандующий итальянской армией сыграл в знаменитом кризисе 18 Фруктидора; его прокламация, его обращения к армии и его знаменитый приказ дня. Бонапарт подробно остановился на этом вопросе на острове Святой Елены; и теперь я перейду к изложению того, что я знал в то время относительно этого памятного события, которое готовилось в июне месяце.

ГЛАВА VIII.

1797.

Внутренние роялисты — Намерение Бонапарта выступить маршем на Париж с 25 000 человек — Его враждебность к эмигрантам и Клубу Клиши — Его выбор между двумя партиями Директории — Приказ дня Ожеро против слова "месье" — Бонапарт желает стать одним из пяти директоров — Он поддерживает большинство членов Директории — Ла Валлет, Ожеро и Бернадот отправлены в Париж — Интересная переписка, касающаяся 18 Фруктидора.

Бонапарт давно наблюдал за борьбой, которая шла между сторонниками королевской власти и Республики. Ему говорили, что повсюду растет роялизм. Все генералы, вернувшиеся из Парижа в армию, жаловались на замеченный ими дух реакции. Его частные корреспонденты постоянно призывали Бонапарта принять ту или иную сторону или действовать самостоятельно. Его раздражала дерзость врагов Республики, и он ясно видел, что большинство советов питало к нему явную неприязнь. Ораторы Клуба Клиши не упускали возможности уязвить его самолюбие в речах и памфлетах. Они не жалели оскорблений, принижали его успех и резко осуждали его поведение в Италии, особенно в отношении Венеции. Таким образом, его услуги были вознаграждены ненавистью или неблагодарностью. Примерно в это же время он получил брошюру, в которой упоминались суждения, вынесенные ему немецкими журналами, и в особенности "Северным зрителем", которую он всегда заставлял меня переводить.

Бонапарт был тронут за живое сравнением между ним и Моро, а также желанием представить его безрассудным ("ученые с Моро, ученые с Бонапартом"). В термине "разбойники", применяемом к генералам, сражавшимся в Вандее, он думал, что распознал руку партии, на которую собирался напасть и свергнуть. Он устал от того, что военную систему Моро называли "ученой". Но что огорчало его еще больше, так это то, что в советах нации заседали французы, которые были клеветниками и врагами национальной славы.

Он призвал Директорию арестовать эмигрантов, уничтожить влияние иностранцев, отозвать армии, запретить продажу журналов в Англию, таких как "Будничная", "Мемориал" и "The", которые он обвинил в том, что они более кровожадны, чем когда-либо был Марат. В случае, если не будет возможности положить конец убийствам и влиянию Людовика XVIII, он предложил уйти в отставку.

Его решение перейти Альпы с 25 000 человек и пройти маршем мимо Лиона и Парижа было известно в столице, и возникли дискуссии относительно последствий этого перехода еще одного Рубикона. 17 августа 1797 года Карно написал ему: "Люди приписывают вам тысячи абсурдных проектов. Они не могут поверить, что человек, совершивший столько великих подвигов, может довольствоваться жизнью частного лица". Это замечание относилось к повторной просьбе Бонапарта разрешить ему уйти со службы в связи с состоянием его здоровья, которое, по его словам, не позволяло ему садиться на лошадь, и к необходимости, на которой он постоянно настаивал, двухлетнего отдыха.

Главнокомандующий справедливо считал, что запоздалость переговоров и трудности, которые постоянно возникали, были основаны на ожидании события, которое изменило бы правительство Франции и сделало бы шансы Австрии на мир более благоприятными. Он по-прежнему настоятельно рекомендовал арестовать эмигрантов, прекратить издание роялистских журналов, которые, по его словам, продавались в Англию и Австрию, ликвидировать Клуб Клиши. Этот клуб проходил в резиденции Жерара Дезодьера на улице Клиши. Обри был одним из самых горячих ее сторонников, и он был признанным врагом революционного дела, которое в тот период отстаивал Бонапарт. Поведение Обри в то время, а также та роль, которую он сыграл в провоцировании отставки Бонапарта в 1795 году, внушили генералу непримиримую ненависть к нему.

Бонапарт презирал Директорию, которую обвинял в слабости, нерешительности, малодушии, расточительных расходах, многих ошибках и упорстве в системе, унижающей национальную славу.

— [Директория заслужила эти обвинения. Следующие наброски двух их официальных заседаний представляют собой разительный контраст:

"В то время, когда Директория впервые была установлена в Люксембургском дворце (27 октября 1795 г.) - говорит М. Байоль, - в нем практически не было ни одного предмета мебели. В маленькой комнате, вокруг маленького сломанного столика, одна из ножек которого от старости подломилась, на этот стол они положили кипу почтовой бумаги и письменный стол "каламет", который, к счастью, они предусмотрительно захватили с собой из Комитета общественного спасения, сидели на четырех стульях с тростниковыми днищами, перед какими-то плохо освещенными бревнами, все это позаимствовано у привратника Дюпона; кто поверит, что именно в таком плачевном состоянии члены нового правительства, изучив все трудности, более того, позвольте мне добавить, что они, несмотря на все ужасы своего положения, решили противостоять всем препятствиям и что они либо спасут Францию от пропасти, в которую она была погружена, либо погибнут в этой попытке.? Они составили на листе почтовой бумаги акт, которым они объявили себя образованными, и немедленно направили его в Законодательные органы".

А граф де Ла Валлетт в письме к г-ну Кювилье Флери пишет: "Я видел наших пятерых королей, одетых в мантии Франциска I, его шляпу, панталоны и кружева: лицо Ла Ревильера было похоже на пробку на двух булавах, с черными и сальными волосами Клодиона. Г-н де Талейран, в панталонах цвета винных отбросов, сидел на складном стуле у ног директора Барраса при дворе Малого Люксембургского дворца и был торжественно представлен своим суверенам как настоящий король. посол от великого герцога Тосканского, в то время как французы ели обед его

хозяина, от супа до сыра. По правую руку от него пятьдесят музыкантов и певцов Оперы - Лейн, Лейс, Реньо и актрисы, не все умершие от старости, - исполняли патриотическую кантату на музыку Мехула. Напротив них, на другом возвышении, стояли двести молодых и красивых женщин с обнаженными руками и грудью, все в экстазе от величия нашей Пентархии и счастья Республики. На них также были облегающие панталоны телесного цвета с кольцами на пальцах ног. Это было зрелище, которое больше никто никогда не увидит. Через две недели после этого великолепного праздника тысячи семей оплакивали своих изгнанных отцов, сорок восемь департаментов были лишены своих представителей, а сорок редакторов газет были вынуждены отправиться пить воды Эльбы, Синамари или Огайо! Было бы любопытным исследованием попытаться выяснить, чем на самом деле были в то время Республика и Свобода ".]

Он знал, что партия Клиши требовала его увольнения и ареста. Ему дали понять, что Дюмолар был одним из самых решительных противников него и что, наконец, партия роялистов была на грани победы.

Прежде чем принять решение в пользу той или иной партии, Бонапарт сначала подумал о себе. Он не предполагал, что достиг еще достаточно, чтобы рискнуть самому завладеть той властью, которую, несомненно, он мог бы легко получить. Поэтому он удовлетворился вступлением в партию, которая на данный момент была поддержана общественным мнением. Я знаю, что он был полон решимости выступить на Париж с 25 000 человек, если бы дела приняли неблагоприятный оборот для Республики, которую он предпочитал королевской власти. Он осторожно разработал свой план. Защищать Директорию, по его мнению, означало защищать свое собственное будущее состояние; иными словами, это была защита власти, у которой, казалось, не было другой цели, кроме как сохранить за ним место до его возвращения.

Восстания в Париже вызвали реакцию в армии. Использование слова "месье" вызвало ссоры и даже кровопролитие. Генерал Ожеро, в дивизии которого проходили эти состязания, опубликовал приказ дня, в котором говорилось, что каждый человек в его дивизии, который употребит слово "месье" устно или письменно, под каким бы то ни было предлогом, должен быть лишен своего звания и объявлен неспособным служить в республиканских армиях. Этот приказ был зачитан начальником каждой роты.

Бонапарт рассматривал установление мира как завершение своей военной карьеры. Покой и бездеятельность были для него невыносимы. Он стремился принимать участие в гражданских делах Республики и желал стать одним из пяти директоров, убежденный, что, добившись этой цели, он быстро останется один. Исполнение этого желания предотвратило бы египетскую экспедицию и гораздо раньше возложило бы императорскую корону на его голову. От его имени в Париже велись интриги с целью добиться для него законного освобождения по возрасту. Он надеялся, хотя ему было всего двадцать восемь лет, заменить одного из двух директоров, которые должны были покинуть свой пост.

—[Директорам должно было пройти сорок лет, прежде чем их можно было назначить.]—

Его братья и их друзья приложили огромные усилия для успеха проекта, который, однако, не был предложен официально, потому что он слишком противоречил господствующим представлениям того времени и казался слишком преждевременным нарушением конституции III года, которая, тем не менее, была нарушена другим способом несколько месяцев спустя.

Члены Директории отнюдь не стремились иметь Бонапарта своим коллегой. Они лицемерили, и он делал то же самое. Обе стороны расточали взаимные заверения в дружбе, в то время как они искренне ненавидели друг друга. Каталог, однако, обращается за поддержкой Бонапарта, которой он предоставлен, но его последующее поведение однозначно доказывает, что ремонт Конституции год III. был лишь предлогом. Тем временем он действительно защищал ее, потому что, способствуя триумфу противоположной партии, он не мог надеяться сохранить то влияние, которое он оказывал на Директорию. Я хорошо знаю, что в случае победы партии Клиши он был полон решимости перейти со своей армией Альпы и собрать всех друзей Республики в Лионе, чтобы оттуда двинуться на Париж.

В Мемориале Святой Елены утверждается, со ссылкой на 18-го Фруктидора, "что торжество большинство советов было его желание и надеюсь, мы склонны полагать, с такой факт, а именно: что за кризис конкурса между двумя фракциями в секретной резолюции был составлен на трех членов Директории, прося у него три миллиона, чтобы поддержать атаку на советы, и что Наполеон, под различными предложениями, не посылать деньги, хотя он мог бы легко сделали это."

Это не очень понятно. Не было никакого секретного решения членов, подавших заявку на получение трех миллионов. Это был Бонапарт, предложивший деньги, которые, однако, он не отправил; это он отправил Ожеро; и это он желал триумфа Директорского большинства. Память плохо послужила ему на острове Святой Елены, как будет видно из некоторых писем, которые я сейчас представлю читателю. Совершенно очевидно, что он действительно предложил деньги Директории, то есть трем ее членам.

—[Баррас, Ла Ревельер-Лепо и Ребелл, три режиссера, которые совершили "государственный переворот" 18-го Фруктидора против своих коллег Карно и Бартоломи. (См. "Французскую революцию" Тьера, т. v., стр. 114,139 и 163.)]—

Бонапарт так решительно сформировал свое решение, что 17 июля, желая сделать Ожеро своим доверенным лицом, послал за ним в Виченцу чрезвычайного курьера.

Бонапарт добавляет, что, когда Ботто, доверенный агент Барраса, приехал в Пассериано после 18 Фруктидора, он заявил ему, что, как только Ла Валлет ознакомит его с реальным положением вещей, деньги должны быть переданы. Неточность этих утверждений будет видна в переписке, относящейся к данному событию. Искжая таким образом истину, единственной целью Наполеона могло быть заявить о своей склонности к принципам, которые он принял и энергично поддерживал с 1800 года, но которым до этого он с не меньшей энергией противостоял.

Он твердо решил поддержать большинство Директории и выступить против фракции роялистов; к последней, которая начинала приобретать значение, прислушались бы, если бы она предложила ему власть. Примерно в конце июля он отправил своего "адъютанта" Ла Валетта в Париж. Ла Валетт был человеком здравомыслящим и образованным, с приятными манерами, покладистым характером и умеренными взглядами. Он был решительно предан Бонапарту. Вместе со своими инструкциями он получил личный шифр, позволяющий ему переписываться с главнокомандующим.

Ожеро отправился вслед за Ла Валлеттом 27 июля. Бонапарт официально написал Директории, что Ожеро "попросил разрешения отправиться в Париж по своим частным делам".

Но правда в том, что Ожеро был послан специально для поддержки революции, которая готовилась против партии Клиши и меньшинства Директории.

Бонапарт остановил свой выбор на Ожеро, потому что знал его непоколебимые республиканские принципы, его смелость и недостаток политического таланта. Он считал, что тот вполне способен способствовать беспорядкам, которыми его собственное присутствие в итальянской армии не позволяло ему руководить лично; и, кроме того, Ожеро не был честлюбивым соперником, способным повернуть события в свою пользу. Наполеон сказал на острове Святой Елены, что он отправил адреса итальянской армии через Ожеро, потому что тот был решительным сторонником мнений того времени. Это была истинная причина, по которой я выбрала его.

Впоследствии Бернадотт был отправлен с тем же поручением. Бонапарт послал его под предлогом, что он хотел передать Директории четыре флага, которые из двадцати одного, взятого в битве при Риволи, были по ошибке оставлены в Пескьере. Бернадотт, однако, не принимал большого участия в этом деле. Он всегда был благоразумен.

Кризис 18-го Фруктидора, который на три года задержал угасание пентархии, представляет собой одно из самых замечательных событий за ее короткое существование. Будет видно, как Режиссеры справились с этим затруднением. Я присоединяю переписку, касающуюся этого замечательного эпизода нашей Революции, вычеркивая только те ее части, которые не имеют отношения к теме. В нем представлены несколько вариаций рассказов, данных Наполеоном на острове Святой Елены своим благородным товарищам по несчастью.

Ожеро так выразился 18-го Фруктидора (4 сентября 1797 г.):

Наконец, генерал, моя миссия выполнена, и обещания итальянской армии выполнены. Страх быть ожидаемым заставил принять поспешные меры.

В полночь я разослал приказ всем войскам выступить в указанные пункты. Еще до наступления дня все мосты и основные места были укреплены пушками. На рассвете залы советов были окружены, охрана советов дружелюбно смешалась с нашими войсками, а члены, список которых я посылаю вам, были арестованы и доставлены в Храм. Больше число сбежало, и их преследуют. Карно исчез".

— [В 1824 году Людовик XVIII. разослал дворянские грамоты тем членам двух советов, которые были, как это было названо, "плодоносящими". — Bourrienne]—

Париж спокоен, и все поражены событием, которое обещало быть ужасным, но прошло как праздник.

Стойкие патриоты предместий провозглашают безопасность Республики, и черные воротнички опускаются. Теперь мудрая энергия Директории и патриотов двух советов должны сделать остальное. Место проведения заседаний изменено, и первые операции обещают быть успешными. Это событие - большой шаг к миру, который ваша задача, наконец, обеспечить нам.

24-го Фруктидора (10 сентября 1797 г.) Ожеро пишет:

Мой "адъютант" де Верин ознакомит вас с событиями 18-го. Он также должен доставить вам несколько депеш из Директории, где ощущается большое беспокойство из-за отсутствия от вас вестей. Не меньшее беспокойство испытываете, увидев в Париже одного из ваших "адъютантов" (Ла Валлетта), чье поведение вызывает недовольство и недоверие патриотов, по отношению к которым он вел себя очень плохо.

Новость об отзыве генерала Кларка дойдет до вас к этому времени, и я подозреваю, что она вас удивила. Среди тысячи и одного мотива, побудившего правительство пойти на этот шаг, можно назвать его переписку с Карно, которая была доведена до моего сведения и в которой он обращался с генералами итальянской армии как с разбойниками.

Моро отправил Директории письмо, которое проливает новый свет на измену Пишегрю. Такую низость трудно себе представить.

Правительство упорствует в сохранении принятых им спасительных мер. Я надеюсь, что попытки остатков фракций возобновить свои заговоры окажутся тщетными. Патриоты по-прежнему будут едины.

Поскольку в Париж были вызваны свежие войска, а мое присутствие во главе которых правительство считает необходимым, я не буду иметь удовольствия увидеть вас так скоро, как надеялся. Это побудило меня послать за моими лошадьми и экипажами, которые я оставил в Милане.

Бернадотт написал Бонапарту 24 Фруктидора следующее:—

Арестованные депутаты доставляются в Рошфор, откуда их отправят на остров Мадагаскар. В Париже спокойно. Люди сначала отнеслись к аресту депутатов с безразличием. Чувство любопытства вскоре вывело их на улицы; за ним последовал энтузиазм, и крики "Да здравствует Республика", которых давно не было слышно, теперь раздавались на каждой улице. Соседние департаменты выразили свое недовольство. Говорят, что департамент Алье выразил протест; но это хорошая цифра. Восемь тысяч человек маршируют в окрестности Парижа. Часть уже находится в пределах города по приказу генерала Лемуана. В настоящее время правительство имеет возможность поднять общественный дух; но все чувствуют, что Директорию необходимо окружать испытанными и энергичными республиканцами. К сожалению, множество людей, не обладающих талантом и ресурсами, уже полагают, что произошедшее было сделано только для продвижения их интересов. Необходимо время, чтобы все исправить. Армии восстановили согласованность. Солдат внутренних войск уважают или, по крайней мере, боятся. Эмигранты бегут, а священники, не являющиеся юристами, прячутся. Ничто не могло произойти более удачно для укрепления Республики.

26 Фруктидора Бонапарт написал Директории следующее:

Настоящим вы получите обращение к армии в связи с событиями 18-го числа. Я отправил 45-ю полубригаду под командованием генерала Бона в Лион вместе с пятьюдесятью кавалеристами; также генерала Ланна с 20-м полком легкой пехоты и 9-м линейным полком в Марсель. Я распространил прилагаемое воззвание в южных департаментах. Я собираюсь подготовить воззвание к жителям Лиона, как только получу некоторую информацию о том, что там могло произойти.

Если я обнаружу, что там хоть малейшее волнение, я отправлюсь туда с предельной скоростью. Поверьте, что здесь находятся сто тысяч человек, которых одних достаточно, чтобы обеспечить уважение мер, принятых вами для обеспечения свободы на прочной основе. Какая польза от того, что мы одерживаем победы, если нас не уважают в нашей стране? Говоря о Париже, можно спародировать то, что Кассий сказал о Риме: "Какой смысл называть ее королевой на берегах Сены, когда она рабыня золота Питта?"

После 18-го Фруктидора Ожеро пожелал получить награду за свою долю в победе и за услугу, которую он оказал. Он хотел быть директором. Однако ему достался лишь срок пребывания в статусе кандидата; достаточная честь для того, кто в тот день был всего лишь инструментом.

ГЛАВА IX.

1797.

Радость Бонапарта по поводу результатов 18-го Фруктидора.—Его письмо Ожеро—Его переписка с Директорией и предложение об отставке—Объяснение Директории—Ботто—Генерал Кларк—Письмо мадам Баччокки Бонапарту—Письмо с автографом императора Франциска Бонапарту—Прибытие графа Кобенцеля—Записка с автографом Бонапарта об условиях мира.

Бонапарт был в восторге, когда услышал о счастливом исходе 18-го Фруктидора. Его результатом стал роспуск Законодательного органа и падение партии Клиши, которая в течение нескольких месяцев нарушала его спокойствие. Клиши возражали против права Жозефа Бонапарта быть заместителем Лиамона в Совете Пятисот.

—[В то время он был послом в Риме, а не заместителем. Когда он стал членом собора после своего возвращения из Рима, он не встретил сопротивления (Буррьен и его ошибки, том i, стр. 240).]—

Победа его брата устранила это затруднение; но главнокомандующий вскоре понял, что правящая партия злоупотребила своей властью и снова поставила под угрозу безопасность Республики, восстановив Революционное правительство. Директора были встревожены его недовольством и оскорблены его порицанием. У них возникла странная идея противопоставить Бонапарту Ожеро, о слепом рвении которого они получили множество доказательств. Директория назначила Ожеро командующим армией Германии. Ожеро, чье крайнее тщеславие было печально известно, считал себя в состоянии конкурировать с Бонапартом. На чем он основывал свое высокомерие, так это на том, что с многочисленным отрядом он арестовал несколько безоружных представителей и сорвал эполеты с плеч коменданта гвардии советов. Директория и он сам наполнили штаб-квартиру в Пассериано шпионами и интриганами.

Бонапарт, который был осведомлен обо всем, что происходило, посмеялся над Директорией и подал в отставку, чтобы его можно было уговорить продолжить командование.

Следующие послетермидорианские письма докажут, что суждение генерала по этому вопросу было правильным.

2-го вендемьера VI года (23 сентября 1797 г.) он написал Ожеро, сообщив о прибытии своего "адъютанта" следующим образом:

Вся армия приветствует мудрость и энергию, которые вы проявили в это важное время, и участвует в успехе страны с энтузиазмом и энергией, которые характеризуют наших солдат.

Остается только надеяться, однако, что правительство не будет играть в see saw и, таким образом, перейдет на сторону противника. Только мудрость и умеренные взгляды могут обеспечить счастье страны на надежном фундаменте. Что касается меня, то это самое горячее желание моего сердца. Я прошу вас иногда сообщать мне, что вы делаете в Париже.

4-го вандемьера Бонапарт написал Директории письмо в следующих выражениях:

Позавчера в армию прибыл офицер из Парижа. Он сообщил, что покинул Париж 25-го, когда там царило беспокойство по поводу чувств, с которыми я относился к событиям 18-го, у него было что-то вроде циркуляра от генерала Ожеро ко всем дивизионным генералам; и он привез аккредитивное письмо от военного министра генеральному комиссару, уполномочивающее его взять столько денег, сколько ему может потребоваться на дорогу.

Из этих обстоятельств очевидно, что правительство действует по отношению ко мне примерно так же, как поступили с Пишегрю после Вандемьера (ЧЕТВЕРТЫЙ год).

Я прошу вас принять мою отставку и назначить на мое место другого. Никакая сила на земле не заставит меня продолжать службу после этого шокирующего проявления неблагодарности со стороны правительства, которого я был очень далек от ожиданий. Мое здоровье, которое значительно подорвано, настоятельно требует отдыха и безмятежности.

Состояние моего ума также требует, чтобы я снова смешался с массой граждан. Великая власть долгое время была доверена моим рукам. Я использовал ее во всех случаях на благо моей страны; тем хуже для тех, кто не верит в добродетель и, возможно, подозревал мою. Мое воздаяние - в моей собственной совести и во мнении потомков.

Теперь, когда в стране спокойно и она свободна от угрожавших ей опасностей, я могу без каких-либо неудобств покинуть пост, на который меня поставили.

Будьте уверены, что в минуту опасности я оказался бы в первых рядах защитников свободы и конституции ТРЕТЬЕГО года.

Директория, судя по отчету Ботто о своей миссии, что ему не удалось полностью отвести подозрения от Бонапарта, написала следующее письмо 30-го вандемьера:

Директория сама была обеспокоена впечатлением, произведенным на вас письмом к генеральному казначею, в котором участвовал "адъютант". Состав этого письма очень удивил правительство, которое никогда не назначало и не признавало такого агента: это, по меньшей мере, служебная ошибка. Но это не должно изменять того мнения, которого вы в противном случае должны придерживаться о том, как Директория думает о вас и ценит вас. Похоже, что 18-й Фруктидор был искажен в письмах, которые были отправлены в армию Италии. Вы хорошо сделали, что перехватили их, и, возможно, было бы правильно передать наиболее примечательные из них министру полиции. — (Какую неблагоприятную задачу предлагать завоевателю Италии.)

В ваших замечаниях о слишком сильной склонности общественного мнения к военному управлению Директория признает столь же просвещенного и горячего друга Республики.

Нет ничего мудрее максимы "цедант арма тога" для поддержания республик. Проявлять столько беспокойства по столь важному поводу - не самая славная черта в жизни генерала, поставленного во главе победоносной армии.

Директория послала генерала Кларка

—[Х. Дж. Дж. Кларк, впоследствии военный министр при Наполеоне в 1807-1814 годах, служил при Бурбонах в 1816 году, когда был произведен в маршалы Франции. Он был создан герцогом де Фельтре в 1819 году.]—

выступать за мир в качестве второго полномочного представителя. Бонапарт часто говорил мне, что с момента своего прибытия у него не было сомнений в том, что генералу Кларку была поручена секретная миссия шпионить за ним и даже арестовать его, если представится возможность сделать это без опасности. То, что у него были подозрения такого рода, несомненно; но я должен признать, что мне никогда никакими способами не удавалось обнаружить их основания; ибо за все время моего общения с Кларком он не задал мне ни единого вопроса, и я никогда не слышал из его уст ни единого слова, которое отдавало бы подобным характером. Если факт в том, что он был шпионом, он, безусловно, хорошо сыграл свою роль. Во всех частях его переписки, которые были перехвачены, никогда не было найдено ни малейшего подтверждения этому подозрению. Как бы то ни было, Бонапарт терпеть его не мог; он не ознакомил его с происходящим, и его влияние свело эту миссию на нет. Главнокомандующий сосредоточил все дела переговоров в своем кабинете; и что касается того, что происходило, Кларк продолжал оставаться простым шифром до 18 Фруктидора, когда его отозвали. Бонапарт мало ценил таланты Кларка. Однако справедливости ради следует сказать, что он не держал на него зла за поведение, в котором, как он подозревал, тот был виновен в Италии. "Я прощаю его, потому что я один имею право быть оскорбленным".

У него даже хватило великодушия проявить интерес к его официальному положению. Эти приятные черты характера не были редкостью для Бонапарта.

Бонапарту пришлось столкнуться с таким количеством неприятных противоречий, как со стороны участников мирных переговоров, так и со стороны событий в Париже, что он часто проявлял изрядную долю раздражения и отвращения. Это душевное состояние усилилось при воспоминании о том огорчении, которое причинил ему брак сестры, и которое, к сожалению, было оживлено письмом, которое он получил от нее в этот момент. Его возбуждение было так велико, что он бросил его с выражением гнева на лице. В нескольких публикациях ошибочно сообщалось, что "Баччокки женился на Марии-Анне-Элизе Бонапарт 5 мая 1797 года. Брат невесты в то время вел предварительные переговоры о заключении мира с Австрией".

Фактически, предварительные соглашения были подписаны в апреле месяце, и именно об окончательном мире мы вели переговоры в мае. Но из прилагаемого письма читатель узнает, что Кристина обратилась к своему брату с просьбой стать крестным отцом ее третьего ребенка. Трое детей за три месяца - это довольно быстрая работа.

АЯЧЧО, 14-е число Термидора, год V (1 августа 1797).

ГЕНЕРАЛ— Разрешите мне писать вам и называть вас братом. Мой первенец родился в то время, когда вы были сильно разгневаны на нас. Я верю, что вскоре она сможет приласкать тебя и таким образом заставить забыть о боли, которую причинил тебе мой брак. Мой второй ребенок родился мертвым. Вынужден покинуть Париж по вашему приказу,

— [Наполеон написал в августе 1796 года Карно с просьбой, чтобы Люсьену было приказано покинуть Париж; см. Июнь, том iii. стр. 223.] —

У меня случился выкидыш в Германии. Через месяц я надеюсь подарить вам племянника.

Благоприятное время и другие обстоятельства склоняют меня надеяться, что моим следующим ребенком будет мальчик, и я обещаю вам, что сделаю из него солдата; но я хочу, чтобы он носил

вашу фамилию и чтобы вы были его крестным отцом. Я надеюсь, вы не откажете в просьбе вашей сестры.

Отправите ли вы с этой целью свою доверенность Бачочки или тому, кого сочтете нужным? Я буду с нетерпением ожидать вашего согласия. То, что мы бедны, пусть не заставляет тебя презирать нас; в конце концов, ты наш брат, мои единственные дети называют тебя дядей, и все мы любим тебя больше, чем милости судьбы. Возможно, однажды мне удастся убедить тебя в любви, которую я испытываю к тебе. — Твоя любящая сестра,

КРИСТИНА БОНАПАРТ.

— [Мадам Бачочки называлась Марианной в Сен—Сире, Кристиной во время своих путешествий и Элизой при консульстве. — Бурьен.]—

P.S. — Не преминьте передать меня вашей жене, с которой я очень желаю познакомиться. В Париже мне сказали, что я очень похожа на нее. Если вы вспомните мои черты, то сможете судить. С. В.

Это письмо написано рукой Люсьена Бонапарта.

— [Жозеф Бонапарт в своих Записях говорит: "Ложно, что мадам Бонапарт когда-либо называла себя Кристиной; ложно, что она когда-либо писала письмо, копию которого здесь приводит господин де Буррьен". Следует отметить, что Буррьен говорит, что это было написано ее братом Люсьеном. Это ошибка. Письмо, очевидно, от Кристин Буайе, жены Люсьена Бонапарта, брак с которой вызвал такое неудовольствие Наполеона. (См. *Erreurs*, том i, стр. 240, и "Люсьен" Юнга, том i, стр. 161).]—

Генерал Бонапарт пробыл около месяца в Пассериано, когда получил от австрийского императора следующее письмо с автографом:

ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛУ БОНАПОРТУ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ АРМИЕЙ ИТАЛИИ.

ГОСПОДИН ГЕНЕРАЛ БОНАПАРТ, Когда я думал, что наделил своих полномочных представителей всеми полномочиями прекратить важные переговоры, которые им были поручены, я узнал, с такой же болью, как и с удивлением, что вследствие постоянного отклонения от предварительных условий восстановление спокойствия, известиями о котором я хочу порадовать сердца моих подданных и о котором половина Европы истово молится, становится день ото дня все более неопределенным.

Верный выполнению своих обязательств, я готов выполнить то, о чем было условлено в Леобене, и требую от вас лишь ответного исполнения столь священного долга. Это то, что уже было заявлено от моего имени, и то, о чем я сам сейчас заявляю без колебаний. Если, возможно, выполнение некоторых предварительных статей сейчас невозможно вследствие событий, которые произошли с тех пор и в которых я не принимал участия, возможно, потребуется заменить их другими, одинаково соответствующими интересам и достоинству двух наций. Только к такому я приложу руку. Откровенное объяснение, продиктованное теми же чувствами, которые управляют мной, - единственный способ привести к столь благотворному результату. Чтобы ускорить этот результат, насколько это в моих силах, и немедленно положить конец состоянию неопределенности, в котором мы остаемся и которое уже длится слишком долго, я решил направить к месту нынешних переговоров графа де Кобентцеля, человека, пользующегося моим самым неограниченным доверием, проинструктированного относительно моих намерений и наделенного моими самыми широкими полномочиями. Я уполномочил его получать и принимать каждое предложение, направленное на примирение двух сторон, которое может соответствовать

принципам справедливости и взаимной пригодности, и заключать соответствующим образом.

После этого нового заверения в духе примирения, который одушевляет меня, я не сомневаюсь, что вы поймете, что мир находится в ваших собственных руках и что от вашей решимости будет зависеть счастье или несчастье многих тысяч людей. Если я ошибаюсь в средствах, которые, по моему мнению, лучше всего подходят для прекращения бедствий, которые долгое время опустошали Европу, я, по крайней мере, буду иметь утешение в мысли, что я сделал все, что от меня зависело. В тех последствиях, которые могут возникнуть, меня никогда нельзя упрекнуть.

Я был особенно решительно настроен на тот курс, который я сейчас избрал, исходя из мнения, которого я придерживаюсь о вашем честном характере, и из личного уважения, которое я питаю к вам, в чем я очень рад, господин генерал Бонапарт, заверить вас здесь.

(Подпись) ФРЭНСИС.

На самом деле, переговоры серьезно сдвинулись с мертвой точки только после прибытия графа де Кобентцеля. Бонапарт с самого начала ясно понимал, что Галло и Меервельд не были наделены достаточными полномочиями. Он также достаточно ясно видел, что если бы сентябрь был потрачен впустую в ходе неудовлетворительных переговоров, каким был предшествующий ему месяц, то в октябре было бы трудно нанести удар по австрийскому дому на стороне Каринтии. Австрийский кабинет с удовлетворением воспринял приближение плохой погоды и еще решительнее настаивал на своем ультиматуме Венеции, которым был Адидже.

Перед 18-м Фруктидором император Австрии надеялся, что движение, которое готовилось в Париже, пойдет во вред Франции и на пользу европейскому делу. Австрийские полномочные представители, в результате, выдвинули свои претензии и послали ноты и ультиматум, которые придавали происходящему скорее вид пустяковых, чем серьезных переговоров. Первоначальные идеи Бонапарта, которые у меня есть под рукой, были следующими:

1. Император хочет получить Италию до реки Адда.
2. Король Сардинии до самой Адды.
3. Генуэзская республика должна иметь границу Тортоны до реки По (Тортона подлежит сносу), а также имперские владения.
(Кони должен быть передан Франции или снесен.)
4. Великий герцог Тосканский должен быть восстановлен.
5. Герцог Пармский должен быть восстановлен.

ГЛАВА X.

1797.

Влияние 18—го Фруктидора на переговоры—Подозрения Бонапарта в отношении Ботто-Его жалобы на то, что запись Буррьена не удалена—Разговор Буррьена с маркизом Галло— Ботто пишет из Парижа Бонапарту со стороны Агентов Директории, нанятых для наблюдения за Бонапартом—Влияние погоды на заключение мира—Замечательное наблюдение за Бонапартом—Заключение договора—Директория недовольна условиями мира—Пристрастие Бонапарта к представительному правительству—Мнение о Бонапарте .

После 18-го Фруктидора Бонапарт стал более могущественным, Австрия - менее надменной и самоуверенной. Венеция была единственной точкой, где возникали настоящие трудности. Австрия хотела получить линию Адидже с Венецией в обмен на Майнц и границу по Рейну до тех пор, пока эта река не войдет в Голландию. Директория хотела иметь последнюю границу и присоединить Мантую к Итальянской Республике, не отказываясь при этом от всей линии Адидже и Венеции. Трудности казались настолько непримиримыми, что примерно через месяц после заключения мира Директория написала генералу Бонапарту, что возобновление военных действий предпочтительнее состояния неопределенности, которое волновало и разоряло Францию. Поэтому Директория объявила, что обе рейнские армии должны выступить в поход. Из уже приведенной переписки Фруктидориана явствует, что большинство членов Директории тогда рассматривали мир, подобный тому, который впоследствии заключил Бонапарт, как позорный.

Но Бонапарт с того момента, как вспыхнуло венецианское восстание, понял, что Венецию можно использовать для умиротворения. Бонапарт, который был убежден, что для того, чтобы довести дело до конца, Венеция и территория за Адидже должны перейти под скипетр Габсбургов, написал Директории, что он не может начать операции с выгодой для себя до конца марта 1798 года; но что, если возражения против передачи Венеции австрийскому императору будут упорствовать, военные действия, несомненно, возобновятся в октябре месяце, поскольку император не откажется от Венеции. В этом случае необходимо было бы быть готовым на Рейне к наступлению в Германии, поскольку итальянская армия, если бы и могла выступить против эрцгерцога Карла, была недостаточно сильна для каких-либо операций большого масштаба. В тот период заключение мира, конечно, было очень сомнительным; даже серьезно рассматривался вопрос о том, в какой форме следует уведомить о разрыве.

Ближе к концу сентября Ботто, секретарь Барраса, прибыл в Пассериано. Он был отправлен Директорией. Бонапарт сразу заподозрил, что он новый шпион, прибывший с секретным заданием следить за ним. Поэтому его приняли и обращались с ним прохладно; но Бонапарту никогда не приходило в голову, как утверждает сэр Вальтер Скотт, отдать приказ о его расстреле. Этот автор также ошибается, когда говорит, что Ботто был послан к Пассериано, чтобы упрекнуть Бонапарта в невыполнении своего обещания послать деньги Директории.

Вскоре Бонапарт предоставил Ботто возможность оценить дух, царивший в штаб-квартире. Он внезапно подал в отставку, принять которую уже несколько раз призывал Директорию. За столом в присутствии Ботто он обвинил правительство в ужасной неблагодарности. Он громко и страстно, без всякой сдержанности изложил все, на что жаловался, перед двадцатью или тридцатью людьми.

Возмущенный тем, что его неоднократные требования вычеркнуть мое имя из списка эмигрантов были проигнорированы, и что, несмотря на его заявления, переданные в Париж генералом Бернадотом, Луи Бонапартом и другими, я все еще был включен в этот роковой

список, он однажды за обедом обратился к месье Ботто с апострофом в присутствии сорока человек, среди которых были дипломаты Галло, Кобенцель и Меервельд. Разговор зашел о Справочнике. "Да, действительно, - воскликнул Бонапарт громким голосом, - у меня есть веские основания жаловаться; и, чтобы перейти от большого к малому, взгляните, прошу вас, на дело Буррьена. Он пользуется моим самым безграничным доверием. Только ему, по моему приказу, доверены все детали переговоров. Вы это хорошо знаете; и все же ваш Справочник не вычеркнет его из списка. Одним словом, это не только немыслимое, но и чрезвычайно глупое занятие, ибо он владеет всеми моими секретами; он знает мой ультиматум и мог бы одним словом получить солидное состояние и посмеяться над вашим упрямством. Спросите мсье де Галло, неправда ли это".

Ботто хотел было как-то оправдаться, но общий ропот, последовавший за этой странной вспышкой, заставил его замолчать.

Маркиз де Галло беседовал со мной всего за три дня до этого в парке Пассериано на тему моей позиции по отношению к Франции, о решимости Директории не стирать мое имя и о риске, которому я при этом подвергался. "У нас нет желания, - продолжал он, - возобновлять войну; мы искренне желаем мира, но он должен быть почетным. Венецианская Республика представляет большую территорию для раздела, которого было бы достаточно для обеих сторон. Предлагаемые в настоящее время уступки, однако, не являются удовлетворительными. Мы хотим знать ультиматум Бонапарта; и я уполномочен предложить поместье в Богемии с титулом и резиденцией и годовым доходом в 90 000 флоринов".

Я поспешно перебил г-на де Галло и заверил его, что и моя совесть, и мой долг вынуждают меня отклонить его предложение, и тем самым сразу положил конец разговору.

Я позаботился о том, чтобы ознакомить с этой историей главнокомандующего, и он не был удивлен моим ответом. Однако из всего, что сказал г-н де Галло, и особенно из сделанного им предложения, он был твердо убежден, что Австрия полна решимости избежать войны и стремится к миру.

После того, как я удалился отдыхать, месье Ботто зашел ко мне в спальню и с притворным удивлением спросил, правда ли, что мое имя все еще числится в списке эмигрантов. Когда я ответил утвердительно, он попросил меня составить записку по этому вопросу. Я отказался это сделать, сказав ему, что двадцать банкнот того типа, которые он требовал, уже существуют; что я не буду предпринимать дальнейших шагов; и что отныне я буду ожидать решения в состоянии совершенного бездействия.

Генерал Бонапарт считал совершенно необъяснимым, что Директория выразила недовольство его точкой зрения на события 18 Фруктидора, поскольку без его помощи они, несомненно, были бы преодолены. Он написал депешу, в которой повторил, что его здоровье и настроение подорваны, что ему необходимо несколько лет отдохнуть, что он больше не может выносить усталости от верховой езды, но что процветание и свобода его страны всегда будут в его самых горячих интересах. Во всем этом не было ни единого слова правды. Директория думала так же и отказалась принять его отставку в самых лестных выражениях.

Ботто предложил ему от имени Директории произвести революцию в Италии. Генерал поинтересовался, будет ли включена в план вся Италия. Революционная комиссия, однако, была доверена Ботто настолько неопределенно, что он мог только колебаться и дать неопределенный ответ. Бонапарт желал получить более точные приказы. За это время был заключен мир, и мысль об этом опасном и экстравагантном предприятии больше не

волновала. Ботто вскоре после своего возвращения в Париж написал письмо генералу Бонапарту, в котором жаловался, что последние минуты, проведенные им в Пассериано, глубоко ранили его сердце. Он сказал, что жестокие подозрения преследовали его даже у ворот Директории. Эти жестокие подозрения, однако, были рассеяны чувствами восхищения и привязанности, которые, как он обнаружил, Директория питала к личности Бонапарта.

Эти заверения, которые были именно тем, чего ожидал Бонапарт, не помогли ни уменьшить презрение, которое он питал к главам правительства, ни изменить его убежденность в их зависти и недоверии к нему. На их предполагаемую привязанность он ничего не ответил. Ботто заверил героя Италии в "республиканской покорности" Директории и коснулся упреков, брошенных им Бонапартом, и его требований, которые не были удовлетворены. Он сказал:

"Три армии - Северная, Рейнская и Самбр-и-Маасская - должны сформировать только одну - армию Германии.—Ожеро? Но вы сами послали его. Вина Директории лежит на вас! Бернадотт?— он ушел, чтобы присоединиться к вам. Како?— его отозвали. Двенадцать тысяч человек для вашей армии? — они в походе. Договор с Сардинией? —он ратифицирован. Бурьен?— он стерт. Революция в Италии? —это отложено. Тогда посоветуйте Справочнику: повторяю, им нужна информация, и они обращаются за ней к вам".

Утверждение обо мне было ложным. В течение шести месяцев Бонапарт требовал моего удаления, но не мог его получить. Я был вычеркнут из списка только 11 ноября 1797 года.

Незадолго до окончания переговоров Бонапарт, испытывая отвращение к оппозиции и трудностям, которыми он был окружен, снова и снова повторял предложение о своей отставке и свое желание назначить преемника. Что усиливало его беспокойство, так это мысль, которую он лелеял, что Директория проникла в его тайну и приписала его могущественное согласие на 18-м Фруктидоре истинной причине — его личным взглядам на честолубие. Несмотря на лицемерные заверения в благодарности, данные ему в письменном виде, и хотя Директория знала, что его услуги были незаменимы, были наняты шпионы, которые следили за его передвижениями и пытались через окружающих его людей выяснить его взгляды. Некоторые из друзей генерала написали ему из Парижа, и я, со своей стороны, не переставал повторять ему, что мир, власть по установлению которого была в его собственных руках, сделали бы его гораздо более популярным, чем возобновление военных действий, предпринятых со всеми шансами на успех и обратный ход. Подписание мира в соответствии с его собственными идеями и в противовес идеям Директории, то, как он просто остановился в Раштадте и уклонился от возвращения на Конгресс, и, наконец, его решение эмигрировать с армией, чтобы предпринять новые предприятия, проистекало в большей степени, чем принято считать, из представления правящих о том, что ему не доверяли и что замышлялось его разорение. Он часто вспоминал, что Ла Валлетт написал ему о своем разговоре с Лакуи; и все, что он видел и слышал, подтверждало впечатление, которое у него сложилось по этому поводу.

Раннее начало непогоды укрепило его в решимости. 13 октября, на рассвете, открыв окно, я увидел горы, покрытые снегом. Предыдущая ночь была великолепна, и осень до тех пор обещала быть погожей и поздней. Я, как всегда, в семь часов утра отправился в покои генерала. Я разбудил его и рассказал о том, что видел. Сначала он притворился, что не верит мне, затем вскочил с кровати, подбежал к окну и, убедившись в внезапной перемене, спокойно сказал: "Что? до середины октября! Что это за страна! Что ж, мы должны заключить мир!" Пока он торопливо одевался, я, как обычно, читал ему дневники. Он почти не обращал на них внимания.

Запершись со мной в своем кабинете, он с величайшей тщательностью просмотрел все отчеты из разных частей своей армии. "Здесь, - сказал он, - почти 80 000 боеспособных людей. Я кормлю, я плачу им, но в день битвы я могу вывести на поле боя только 60 000 человек. Я завоюю его, но впоследствии мои силы сократятся на 20 000 человек — убитыми, ранеными и пленными. Тогда как противостоять всем австрийским силам, которые выступят на защиту Вены? Пройдет месяц, прежде чем рейнские армии смогут поддержать меня, если они будут в состоянии; а через две недели все дороги и проходы будут занесены глубоким снегом. Решено — я заключу мир. Венеция оплатит расходы на войну и границу по Рейну: пусть Директория и юристы говорят, что им нравится".

Он написал Директории в следующих словах: "Вершины холмов покрыты снегом; я не могу из-за согласованных условий возобновления военных действий начать раньше, чем через двадцать пять дней, и к тому времени нас завалит снегом".

Четырнадцать лет спустя еще одной ранней зимой, в более суровом климате, было суждено роковым образом повлиять на его судьбу. Если бы он только тогда проявил такую же предусмотрительность!

Хорошо известно, что по Кампо-Формийскому мирному договору две воюющие державы заключили мир за счет Венецианской республики, которая изначально не имела никакого отношения к ссоре и вмешалась лишь позднее, вероятно, против своей воли и под давлением неизбежных обстоятельств. Но каков же был результат этого великого политического разграбления? Часть венецианской территории была передана Цизальпинской республике; сейчас она находится во владении Австрии.

Другая значительная часть, а также сама столица, достались Австрии в качестве компенсации за бельгийские провинции и Ломбардию, которые она уступила Франции. Австрия теперь отвоевала Ломбард и те дополнения, которые тогда были к нему сделаны, а Бельгия находится во владении Оранского дома. Франция получила Корфу и некоторые Ионические острова; теперь они принадлежат Англии.

—[Впоследствии она передаст его Греции. Бельгия свободна.]—

Ромул никогда не думал, что основывает Рим для готов и священников. Александр не предвидел, что его египетский город будет принадлежать туркам; Константин также не разграбил Рим в пользу Магомета II. Зачем тогда сражаться за несколько жалких деревень?

Таким образом, мы славно завоевывали Австрию и Англию. Древнее государство было бесшумно свергнуто, и его провинции, после того как они были разделены между различными пограничными государствами, теперь все находятся под властью Австрии. У нас нет ни пяди земли во всех прекрасных странах, которые мы завоевали и которые послужили компенсацией за огромные приобретения Дома Габсбургов в Италии. Таким образом, этот дом возвысился в результате войны, которая сама по себе была самой катастрофической. Но Австрия часто находила другие средства расширения своего владычества, кроме военных триумфов, как записано в знаменитом отрывке Матиаса Корвина:

"Белла герунт алли, феликсу Аустрия нубе;
Нам нужен Марс аллис, а тебе - царственная Венера".

["Рад, что Австрия победила благодаря шелковой цепочке Гименя
Что выигрывают другие государства в результате сомнительной битвы,

И в то время как свирепый Марс обогащает более ничтожные земли, получает владение из рук прекрасной Венеры".]

Директория была далека от удовлетворения Кампо-Формийским мирным договором и с трудом удержалась от соблазна не ратифицировать его. За две недели до подписания Директора написали генералу Бонапарту, что они не согласятся отдать императору Венецию, Фриуль, Падую и "твердую землю" с границей по реке Адидже. "Это, - сказали они, - означало бы не заключение мира, а прекращение войны. На нас будут смотреть как на побежденную сторону, независимо от позора оставления Венеции, которую сам Бонапарт считал столь достойной свободы. Франция не должна и никогда не пожелает, чтобы Италия была передана Австрии. Директория предпочла бы шансы на войну изменению хоть одного слова в своем ультиматуме, который и без того слишком благоприятен для Австрии".

Все это было сказано напрасно. Бонапарт без колебаний пренебрег его инструкциями. Говорили, что австрийский император предложил очень значительную сумму денег и даже целое княжество, чтобы получить выгодные условия. Я так и не смог найти ни малейшего основания для этого сообщения, которое относится к тому времени, когда малейшее обстоятельство не могло ускользнуть от моего внимания. Характер Бонапарта был слишком высок, чтобы он мог пожертвовать своей славой завоевателя и миротворца даже ради величайшей личной выгоды. Это было так хорошо известно, и он был так глубоко уважаем австрийскими полномочными представителями, что я осмелюсь сказать, что никто из них не был бы способен сделать ему ни малейшей попытки сделать столь унижительное предложение. Кроме того, это побудило бы его прекратить все контакты с полномочными представителями. Возможно, то, что я только что рассказал о месье де Галло, прольет некоторый свет на это гнусное обвинение. Но давайте отбросим эту историю вместе с остальными, и среди них историю с фарфоровым подносом, который, как говорили, был разбит и брошен в голову господину де Кобенцелю. Я, конечно, ничего не знаю ни о какой подобной сцене; наши манеры в Пассериано были не так уж плохи!

Были вручены обычные в таких случаях подарки, и император Австрии также воспользовался этой возможностью, чтобы преподнести генералу Бонапарту шесть великолепных белых лошадей.

Бонапарт вернулся в Милан через Грац, Лайбах, Торч, Местре, Верону и Мантую.

В этот период Наполеон все еще находился под влиянием импульса эпохи. Он не думал ни о чем, кроме представительных правительств. Он часто говорил мне: "Я бы хотел, чтобы эпоха представительных правительств началась с моего времени". Его поведение в Италии и его прокламации должны придать, и фактически придают, вес этому изложению его мнения. Но нет сомнения, что эта идея была больше связана с возвышенными амбициями, чем с искренним желанием принести пользу человечеству; ибо в более поздний период он произнес такую фразу: "Я хотел бы быть главой древнейшей из династий Европы". Какая разница между Бонапартом, автором "Бокерского супа", усмирителем роялизма в Тулоне; автором "возражения Альбиту и Саличетти", удачливым победителем 13—й Вандемии, зачинщиком и сторонником Фруктидорской революции и основателем Итальянских республик, плодов его бессмертных побед, - и Бонапартом, первым консулом в 1800 году, пожизненным консулом в 1802 году и, прежде всего, Наполеоном, императором Франции в 1804 году. В 1804 году и король Италии в 1805 году!

ГЛАВА XI.

1797

Влияние 18 Фруктидора на мир—Знамя армии Италии—Почести, оказанные памяти генерала Гоша и Вергилия в Мантуе—Замечательное письмо—Проезжая через Швейцарию, Бонапарт посещает поле Морат—Прибытие в Раштадт—Письмо Директории, призывающее Бонапарта в Париж—Интриги против Жозефины—Торжественная церемония приема Бонапарта Директорией—Театры—Скромность Бонапарта—Убийство— Мнение Бонапарта о парижанах—Его избрание в парламент Национальный институт—Письмо Камю—Проекты—Размышления.

День 18-го Фруктидора, без всякого сомнения, в основном способствовал заключению мира на Кампо Формио. С одной стороны, Директория, до сих пор не очень миролюбиво настроенная, после совершения "государственного переворота", наконец, увидела необходимость умиротворить недовольных, даровав мир Франции. С другой стороны, Венский кабинет министров, видя полный провал всех роялистских заговоров во внутренних районах страны, счел, что настало время заключить с Французской Республикой договор, который, несмотря на все поражения, которые потерпела Австрия, все еще оставлял ей преобладающее влияние над Италией.

Кроме того, итальянская кампания, столь богатая на славные ратные подвиги, принесла не только славу. За этими завоеваниями последовало нечто более важное. Общественные дела приняли несколько необычный характер, и огромное моральное влияние, вызванное победами и установлением мира, начало распространяться по всей Франции.

Республиканизм уже не был таким кровавым и ожесточенным, каким был несколько лет назад. Бонапарт, ведя переговоры с принцами и их министрами на равных, но все же со всем тем превосходством, на которое давали ему право победа и его гений, постепенно приучил иностранные дворы быть знакомыми с республиканской Францией, а Республику перестать рассматривать все государства, управляемые королями, как неизбежных врагов.

В этих обстоятельствах отъезд главнокомандующего и его ожидаемый визит в Париж привлекли всеобщее внимание. Слабая директория была готова смириться с присутствием завоевателя Италии в столице.

Именно с целью исполнения обязанностей главы французской миссии на Раштадтском конгрессе Бонапарт покинул Милан 17 ноября. Но перед своим отъездом он отправил в Директорию один из тех памятников, надписи на которых обычно можно считать сказочными, но которые в данном случае были не чем иным, как правдой. Этот памятник был "знаменем армии Италии", и на генерала Жубера была возложена почетная обязанность вручить его членам исполнительного правительства.

На одной стороне флага были слова "Армии Италии, благодарной страны". Другой содержал перечисление проведенных сражений и занятых мест и представлял в нижеследующих надписях простое, но поразительное изложение истории итальянской кампании.

150 000 ПЛЕННЫХ; 170 ШТАНДАРТОВ; 550 ЕДИНИЦ ОСАДНОЙ АРТИЛЛЕРИИ; 600 ЕДИНИЦ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ; ПЯТЬ ПОНТОННЫХ ЭКИПАЖЕЙ; ДЕВЯТЬ 64-ПУШЕЧНЫХ КОРАБЛЕЙ; ДВЕНАДЦАТЬ 32-ПУШЕЧНЫХ ФРЕГАТОВ; 12 КОРВЕТОВ; 18 ГАЛЕР; ПЕРЕМИРИЕ С КОРОЛЕМ САРДИНИИ; КОНВЕНЦИЯ С ГЕНУЕЙ; ПЕРЕМИРИЕ С ГЕРЦОГОМ ПАРМСКИМ; ПЕРЕМИРИЕ С КОРОЛЕМ НЕАПОЛЯ; ПЕРЕМИРИЕ С ПАПОЙ РИМСКИМ; ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ ЛЕОБЕНА; КОНВЕНЦИЯ МОНТЕБЕЛЛО С ГЕНУЭЗСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ; МИРНЫЙ ДОГОВОР С ИМПЕРАТОРОМ ГЕРМАНИИ В КАМПО-ФОРМИО.

СВОБОДА, ДАННАЯ ЖИТЕЛЯМ БОЛОНЬИ, ФЕРРАРЫ, МОДЕНЬ, МАССА-КАРРАРЫ, РОМАНЬИ, ЛОМБАРДИИ, БРЕШИИ, БЕРГАМО, МАНТУИ, КРЕМОНЫ. ЧАСТЬ ВЕРОНЦЕВ, КЬЯВЕНЬ, БОРМИО, ВАЛЬТЕЛИНЕ, ГЕНУЭЗЦЕВ, ИМПЕРСКИХ ФЕОДАЛОВ, ЖИТЕЛЕЙ ДЕПАРТАМЕНТОВ КОРСИРА, ЭГЕЙСКОГО МОРЯ И ИТАКИ.

ОТПРАВИЛ В ПАРИЖ ВСЕ ШЕДЕВРЫ МИКЕЛАНДЖЕЛО, ГВЕРЧИНО, ТИЦИАНА, ПОЛЯ ВЕРОНЕЗЕ, КОРРЕДЖО, АЛЬБАНЫ, КАРРАЧЧИ, РАФАЭЛЯ И ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

Таким образом, на флаге, предназначенном для украшения зала публичных заседаний Директории, были отражены военные подвиги кампании в Италии, ее политические результаты и завоевание памятников искусства.

Большинство итальянских городов смотрели на своего завоевателя как на освободителя — такова была магия слова "свобода", которое гремело от Альп до Апеннин. По пути в Мантую генерал поселился во дворце древних герцогов. Бонапарт пообещал властям Мантуи, что их департамент будет одним из самых обширных; убедил их в необходимости безотлагательной организации местного ополчения и приведения в исполнение планов математика Мари относительно судоходства по Минчо из Мантуи в Пескьеру.

Он остановился на два дня в Мантуе, и следующий день после его прибытия был посвящен военным похоронам в честь только что умершего генерала Гоша. Его следующей целью было ускорить возведение памятника, который воздвигался в память о Вергилии. Таким образом, в один день он воздал честь Франции и Италии, современной и древней славе, военным лаврам и лаврам поэзии.

Человек, который впервые увидел Бонапарта при этом событии, так описал его в письме, которое он написал в Париж: "С живым интересом и чрезвычайным вниманием я наблюдал за этим необыкновенным человеком, совершившим такие великие подвиги, и в ком есть что-то, что, кажется, указывает на то, что его карьера еще не закончена. Я нашел его очень похожим на свои портреты — маленький, худощавый, бледный, с выражением усталости, но не слабого здоровья, как о нем писали. Мне кажется, что он слушал скорее рассеянно, чем с интересом, и что он был больше занят тем, о чем думал, чем тем, что ему говорили. В его лице читается большой ум, наряду с которым можно отметить атмосферу привычной медитации, которая ничего не выдает из того, что происходит внутри. В этой думающей голове, в этом смелом уме невозможно не верить, что зарождаются какие-то смелые замыслы, которые окажут влияние на судьбы Европы".

В частности, из последней фразы этого письма можно заподозрить, что оно было написано после того, как Бонапарт заставил бояться своего имени всю Европу; но на самом деле оно появилось в журнале в декабре 1797 года, незадолго до его прибытия в Париж.

Существует своего рода аналогия между знаменитыми людьми и знаменитыми местами; поэтому было небезынтересным зрелищем наблюдать, как Бонапарт обозревает поле Морат,

где в 1476 году Карл Смелый, герцог Бургундии, отважный, как и он сам, пал со своей могущественной армией под действием доблести гельветов. Бонапарт провел ночь в Модоне, где, как и во всех местах, через которые он проезжал, ему оказывались величайшие почести. Утром, когда его карета сломалась, мы продолжили наше путешествие пешком, сопровождаемые лишь несколькими офицерами и эскортом местных драгун. Бонапарт остановился возле склепа и пожелал, чтобы ему показали место, где произошла битва при Морате. Ему указали на равнину перед часовней. Присутствовал офицер, служивший во Франции, и объяснил ему, как швейцарцы, спустившись с соседних гор, получили возможность под прикрытием леса повернуть бургундскую армию и обратить ее в бегство. "Какова была численность этой армии?" — спросил Бонапарт. — "Шестьдесят тысяч человек". - "Шестьдесят тысяч человек!" он воскликнул: "Они должны были полностью покрыть эти горы!" — "Французы теперь сражаются лучше", - сказал Ланн, который был одним из офицеров его свиты. "В то время, - заметил Бонапарт, перебивая его, - бургундцы не были французами".

Путешествие Бонапарта по Швейцарии было небесполезным, и его присутствие успокоило не одно беспокойство. Он продолжил свое путешествие в Раштадт через Экс в Савойе, Берне и Бейле. Прибыв в Берн ночью, мы миновали двойную вереницу хорошо освещенных экипажей, заполненных красивыми женщинами, и все они восклицали: "Да здравствует Бонапарт! — да здравствует Умиротворитель!" Чтобы иметь правильное представление об этом неподдельном энтузиазме, необходимо его увидеть.

Положение в обществе, к которому его привели его заслуги, не позволяло обращаться к нему во втором лице единственного числа в фамильярной манере, которую иногда использовали его старые школьные товарищи из Бриенна. Я подумал, что это очень естественно.

Месье де Комингс, один из тех, кто учился с ним в военной школе в Париже и кто эмигрировал, был в Бейле. Узнав о нашем прибытии, он представился без церемоний, с большой непристойностью и с полным пренебрежением к уважению, подобающему человеку, который добился такой славы. Генерал Бонапарт, оскорбленный таким поведением, отказался принять его снова и с большой теплотой высказался мне по поводу этого визита. Все мои попытки устранить его неудовольствие были тщетны, это впечатление всегда сохранялось, и он никогда не делал для месье де Коминга того, чего вполне могли бы гарантировать его средства и старые узы детства.

По прибытии в Раштадт

—[Там проходила конференция по формальному миру с Германской империей. Леобенский мир был единственным, заключенным с Австрией.]—

Бонапарт нашел письмо Директории, вызывавшее его в Париж. Он с готовностью откликнулся на это приглашение, которое увело его из места, где он мог играть лишь незначительную роль, и которое он решил вскоре покинуть и никогда больше не возвращать. Через некоторое время после своего прибытия в Париж, на том основании, что его присутствие было необходимо для выполнения различных поручений и общего ведения дел, он потребовал, чтобы часть его домочадцев, которых он оставил в Раштадте, была уполномочена вернуться.

Как вообще можно говорить, что Директория "держала генерала Бонапарта подальше от великих интересов, которые обсуждались в Раштадте"? Совсем наоборот! Директория была бы рада его возвращению туда, поскольку тогда они были бы избавлены от его присутствия в Париже; но ничто не было так неприятно Бонапарту, как долгие и, казалось бы,

нескончаемые переговоры. Такая утомительная работа не соответствовала его характеру, и он испытывал достаточное отвращение к подобным процедурам в Кампо-Формио.

По прибытии в Раштадт я вскоре обнаружил, что генерал Бонапарт намерен пробыть там совсем недолго. Поэтому я выразил ему свое решительное желание остаться в Германии. Тогда я не знал, что приказ о моем исключении из списка эмигрантов был отдан 11 ноября, поскольку указ поступил в комиссариат исполнительной дирекции в Осере только 17 ноября, в день нашего отъезда из Милана.

Глупый предлог о трудностях, из-за которого мое удаление, несмотря на неоднократные просьбы победоносного генерала, было так надолго отложено, заставил меня опасаться возобновления при слабой и ревливой пентархии ужасных сцен 1796 года. Бонапарт сказал мне в порыве негодования: "Пойдем, перейди Рейн; они не посмеют схватить тебя, находясь рядом со мной. Я отвечаю за вашу безопасность". По прибытии в Париж я обнаружил, что мое удаление имело место. Только в этот период ходатайства генерала Бонапарта в мою пользу с запозданием увенчались успехом. Сотен, министр общей полиции, уведомил об этом факте Бонапарта; но в его письме была указана причина для моего удаления, совсем иная, чем указано в указе. Министр сказал, что правительство не хотело оставлять среди имен предателей своей страны имя гражданина, который был связан с личностью завоевателя Италии; в то время как в самом указе в качестве мотива для исключения моего имени из списка указывалось, что я никогда не эмигрировал.

Кажется, на острове Святой Елены Бонапарт сказал, что вернулся из Италии не более чем с 300 000 франками; но я утверждаю, что в то время в его распоряжении было нечто большее, чем 3 000 000 франков.

—[Жозеф говорит, что Наполеон, когда он отправлялся в ссылку в Египет, оставил ему все свое состояние, и что оно было гораздо ближе к 300 000 франков, чем к 3 000 000. (См. Ошибки, том i. стр. 243, 259)]—

Как мог он, имея 300 000 франков, обеспечить капитальный ремонт, украшение и меблировку своего дома на улице Шантерен? Как он мог содержать заведение, которое он создал, имея всего 15 000 франков дохода и вознаграждение, соответствующее его рангу? Экскурсия, которую он совершил вдоль побережья, о которой я еще не говорил, сама по себе стоила около 12 000 франков золотом, которые он перевел мне, чтобы покрыть расходы на путешествие; и я не думаю, что эта сумма когда-либо была ему возвращена. Кроме того, что это значило для какой-либо цели, которую он мог иметь, скрывая свое состояние, независимо от того, привез ли он с собой из Италии 3 000 000 или 300 000 франков? Никто не обвинит его в казнокрадстве. Он был непреклонным администратором. Его всегда раздражало обнаружение мошенничества, и он преследовал виновных со всей силой своего характера. Он хотел быть независимым, и он хорошо знал, что никто не может быть независимым без состояния. Он часто говорил мне: "Я не капуцин, только не я". Но после того, как ему разрешили всего 300 000 франков по прибытии из богатой Италии, где удача никогда не покидала его, было напечатано, что у него было 20 000 000 (некоторые даже удвоили сумму) по возвращении из Египта, очень бедной страны, где денег не хватает и где неудачи следовали сразу за его победами. Все эти сообщения ложны. О том, что он привез из Италии, только что было сказано, и когда мы приедем в Египет, станет ясно, какие сокровища он увез из страны фараонов.

Братья Бонапарта, желая получить полную власть над его разумом, усиленно старались уменьшить влияние, которым Жозефина обладала благодаря любви своего мужа. Они пытались возбудить его ревность и воспользовались ее пребыванием в Милане после

нашего отъезда, которое было санкционировано самим Бонапартом. Моя близость и с мужем, и с женой, к счастью, предоставила мне возможность предотвратить или уменьшить количество неприятностей. Если бы Жозефина была еще жива, она признала бы за мной эту заслугу. Я никогда не выступал против нее, кроме одного раза, да и то неохотно. Это было по поводу замужества ее дочери Гортензии. Жозефина еще ни разу не заговаривала со мной на эту тему. Бонапарт хотел выдать свою падчерицу за Дюрока, а его братья стремились способствовать этому браку, потому что хотели разлучить Жозефину с Гортензией, к которой Бонапарт испытывал самую нежную привязанность. Жозефина, с другой стороны, хотела, чтобы Гортензия вышла замуж за Луи Бонапарта. Ее мотивы, как легко догадаться, состояли в том, чтобы заручиться поддержкой в семье, где она не испытывала ничего, кроме вражды, и она добилась своего.

—[До замужества с Луи Гортензия питала привязанность к Дюроку, который в то время был красивым мужчиной лет тридцати и большим фаворитом Бонапарта. Однако безразличие, с которым Дюрок отнесся к женитьбе Луи Бонапарта, в достаточной степени доказывает, что отношение, которое он внушал Гортензии, не вызвало особого энтузиазма. Несомненно, что Дюрок мог бы стать мужем мадемуазель де Богарне, если бы согласился на условия, на которых Первый консул предложил ему руку своей падчерицы. Но Дюрок надеялся на что-то лучшее, и его обычная осмотрительность покинула его в тот момент, когда он легко мог бы предвидеть перспективу, рассчитанную на удовлетворение даже более высоких амбиций, чем его собственные. Он отклонил предложенный брак; и союз Гортензии и Людовика, который мадам Бонапарт пыталась осуществить, чтобы снискать расположение своих зятьев, был немедленно утвержден ("Мемуары Констан").

В намеке на предполагаемую неприязнь братьев Наполеона к Жозефине в Заметках Жозефа Бонапарта о Бурьене встречается следующее наблюдение:

"Никто из братьев Наполеона, - говорит он, - не был рядом с ним со времени его отъезда в Италию, за исключением Людовика, которого нельзя заподозрить в интригах против Жозефины, на дочери которой он женился. Эта клевета беспочвенна" (Erreurs, том i, стр. 244)]—

По прибытии Бонапарта из Раштадта в Люксембургском дворце были сделаны самые пышные приготовления к приему Бонапарта. Большой двор дворца был элегантно украшен, а в его дальнем конце, рядом с дворцом, был возведен большой амфитеатр для размещения официальных лиц. Любопытство, как и во всех подобных случаях, привлекло множество людей, и двор был заполнен. Напротив главного вестибюля стоял алтарь страны, окруженный статуями Свободы, равенства и мира. Когда Бонапарт вошел, все головы были непокрыты. В витринах было полно молодых и красивых женщин. Но, несмотря на эту грандиозную подготовку, церемония отличалась ледяной холодностью. Казалось, каждый присутствовал здесь только для того, чтобы полюбоваться зрелищем, и преобладающим выражением было любопытство, а не радость или благодарность. Однако будет справедливо сказать, что общему безразличию способствовало прискорбное событие. Правое крыло дворца не было занято, но там велись большие приготовления, и офицеру было приказано не допустить никого наверх. Однако один из клерков Директории ухитрился взобраться на строительные леса, но едва успел поставить ногу на первую доску, как она накренилась, и неосторожный человек со всего роста рухнул во двор. Этот несчастный случай вызвал всеобщий ступор. Дамы падали в обморок, а витрины были почти пусты.

Однако Директория продемонстрировала все республиканское величие, которым они так расточали себя в подобных случаях. Выступлений было далеко не мало. Талейран, который в то время был министром иностранных дел, представляя Бонапарта Директории, произнес длинную речь, в ходе которой он намекнул, что личное величие генерала не должно вызывать беспокойства даже в зарождающейся Республике. "Я далек от того, чтобы опасаться чего-либо из-за его честолюбия, но я верю, что однажды мы будем вынуждены уговорить его отказаться от удовольствий прилежного уединения. Вся Франция будет свободной, но, возможно, он никогда этого не сделает; такова его судьба".

Талейрана слушали с нетерпением, так не терпелось каждому услышать Бонапарта. Затем завоеватель Италии встал и произнес скромным, но твердым голосом короткую поздравительную речь по поводу улучшения положения нации.

Баррас, в то время президент Директории, ответил Бонапарту с такой пространностью, что это всех утомило; и как только он закончил говорить, он бросился в объятия генерала, которому не очень понравились такие напускные проявления, и заключил его в тогдашние так называемые братские объятия. Остальные члены Директории, следуя примеру президента, окружили Бонапарта и заключили его в объятия; каждый в меру своих способностей разыгрывал свою роль в сентиментальной комедии.

Шенье сочинил по этому случаю гимн, который Мехул положил на музыку. Через несколько дней после этого была поставлена опера под названием "Падение Карфагена", которая была задумана как намек на ожидаемые подвиги завоевателя Италии, недавно назначенного командующим "Армией Англии". Все поэты были заняты восхвалением его; и Лебрен, в душе которого было мало пиндаровского огня, сочинил следующий отрывок, который, конечно, немногого стоит:

"Heros, cher a la paix, aux arts, a la victoire—
Il conquiert en deux ans mille siecles de gloire."

Оба совета не были расположены отставать от Директории в проявлении радости. Через несколько дней в честь генерала был дан банкет в галерее Лувра, которая недавно пополнилась шедеврами живописи, завоеванными в Италии.

В это время Бонапарт проявлял большую скромность во всех своих операциях в Париже. Администраторы департамента Сены послали к нему депутацию, чтобы узнать, в какой час и день он разрешит им принять его, и он сам доставил свой ответ в департамент в сопровождении генерала Бертье. Было также отмечено, что мировой судья округа, где проживал генерал, нанес ему визит 6 декабря, вечером в день своего прибытия, а на следующее утро нанес ответный визит. Эти знаки внимания, какими бы незначительными они ни казались, не остались без воздействия на умы парижан.

Вследствие побед генерала Бонапарта, заключенного им мира и блестящего приема, которому он был удостоен, дело Вандемьера было в некоторой степени забыто. Всем не терпелось увидеть молодого героя, чья карьера началась с такой "роскоши". Он жил очень уединенно, но часто ходил в театр. Он пожелал, чтобы я однажды пошел и попросил представить две лучшие пьесы того времени, в которых играли Эллевью, мадам Сент-Обен, Филлис и другие выдающиеся исполнители. Его послание состояло в том, что он хотел бы получить эти две пьесы только в одну ночь, если это было возможно. Управляющий сказал мне, что нет ничего невозможного из того, чего желал завоеватель Италии, поскольку он давным-давно вычеркнул это слово из словаря. Бонапарт от души рассмеялся над ответом

управляющего. Когда мы пошли в театр, он, как обычно, сел в глубине ложи, позади мадам Бонапарт, усадив меня рядом с ней. Однако яма и ящики вскоре обнаружили, что он в доме, и громко позвали его. Несколько раз проявлялось искреннее желание увидеть его, но все напрасно, потому что он так и не появился.

Несколько дней спустя, находясь в Театре искусств на втором представлении "Горация Кокла", хотя он сидел в задней части ложи во втором ярусе, зрители обнаружили, что он был в зале. Немедленно со всех сторон раздались одобрителыне возгласы; но он старался держаться как можно незаметнее и сказал человеку в соседней ложе: "Если бы я знал, что ложи так открыты, я бы не пришел".

Во время пребывания Бонапарта в Париже женщина прислала гонца предупредить его, что на его жизнь будет совершено покушение и что для этой цели будет использован яд. Бонапарт приказал арестовать носителя этой информации, который в сопровождении мирового судьи отправился в дом этой женщины, где ее нашли распростертой на полу и залитую ее кровью. Люди, чей заговор она подслушала, обнаружив, что она раскрыла их тайну, убили ее. Бедная женщина была ужасно искалечена: ей перерезали горло; и, не удовлетворившись этим, убийцы также изрезали ее тело острыми предметами.

В ночь на 10-е число Нивоза улица Шантерен, на которой у Бонапарта был небольшой дом (№ 6), получила, согласно постановлению департамента, название улицы Победы. Крики "Да здравствует Бонапарт!" и щедро возносимые ему благовония, однако, не отвлекли его от прежних привычек. Недавно завоеватель и правитель Италии, а теперь при людях, которых он не уважал и которые видели в нем грозного соперника, он однажды сказал мне: "Жители Парижа ничего не помнят. Если бы я оставался здесь долго, ничего не делая, я был бы потерян. В этом великом Вавилоне одна репутация вытесняет другую. Пусть меня увидят в театре всего три раза, и я больше не буду привлекать к себе внимания; поэтому я буду ходить туда, но редко". Когда он уходил, то занимал ложу, затененную занавесками. Директор оперы хотел устроить специальное представление в его честь, но он отклонил это предложение. Когда я заметил, что ему, должно быть, приятно видеть, как его сограждане с таким рвением бегут за ним, он ответил: "Ба! люди толпились бы так же быстро, чтобы увидеть меня, если бы я шел на эшафот".

—[Аналогичное замечание, сделанное Вильгельму III. о своем одалживании в Бриксхэме вызвал комментарий: "Как евреи, которые в один день кричали "Осанна!", а на следующий - "Распни Его! распни Его!"]—

28 декабря Бонапарт был назначен членом Института по классу наук и искусств.

—[Наполеон, похоже, действительно считал это назначение большой честью. Он любил использовать этот титул в своих прокламациях, и до последнего денежное содержание, связанное с назначением, фигурировало в имперских счетах. Он заменил Карно, изгнанного директора.]—

Он проявил глубокое чувство оказанной ему чести и написал следующее письмо Камю, президенту класса:

ГРАЖДАНИН ПРЕЗИДЕНТ— избирательное право выдающихся людей, составляющих институт, оказывает мне высокую честь. Я совершенно уверен, что, прежде чем я смогу стать им равным, я должен долго быть их ученым. Если бы существовал какой-либо более выразительный способ выразить мое уважение к вам, я был бы рад им воспользоваться. Настоящие победы — единственные, которые не оставляют после себя сожалений, — это те, которые совершаются по

невежеству. Самым почетным, а также и самым полезным занятием для наций является содействие распространению человеческих знаний. Отныне истинная сила Французской Республики должна состоять в том, чтобы не допускать существования ни одной новой идеи, не сделав ее частью своей собственности. **БОНАПАРТ.**

Теперь генерал возобновил, хотя и безуспешно, попытку, которую он предпринял до 18 Фруктидора, получить разрешение на достижение возраста, необходимого для того, чтобы стать директором. Понимая, что время еще не благоприятствует для такой цели, он сказал мне 29 января 1798 года: "Буррьен, я не хочу оставаться здесь; мне нечего делать. Они не желают ничего слушать. Я вижу, что если я задержусь здесь, то скоро потеряю себя. Здесь все изнашивается; моя слава уже исчезла. Эта маленькая Европа не дает мне достаточно этого. Я должен искать это на Востоке, у источника славы. Однако сначала я хочу совершить экскурсию вдоль побережья, чтобы собственными наблюдениями убедиться в том, что можно предпринять. Я возьму тебя, Ланнес, и Сулковски с собой. Если успех высадки на Англию окажется сомнительным, а я подозреваю, что так и будет, армия Англии станет армией Востока, и я отправлюсь в Египет".

Этот и другие разговоры дают правильное представление о его характере. Он всегда рассматривал войну и завоевания как самый благородный и неисчерпаемый источник той славы, которая была постоянным объектом его вожделения. Ему претила мысль о том, чтобы томиться от безделья в Париже, в то время как в далеких краях для него росли свежие лавры. Его воображение в предвкушении начертало его имя на тех гигантских памятниках, которые, быть может, единственные из всех творений человека обладают характером вечности. Уже провозглашенный самым прославленным из ныне живущих полководцев, он стремился стереть соперничающие имена древности своими собственными. Если Цезарь участвовал в пятидесяти битвах, он жаждал сразиться в сотне — если Александр покинул Македонию, чтобы проникнуть в Храм Амона, он хотел покинуть Париж, чтобы отправиться к истокам Нила. Пока ему предстояло, таким образом, мчаться наперегонки со славой, события во Франции, по его мнению, развивались бы так, чтобы сделать его возвращение необходимым и своевременным. Его место было бы готово для него, и он не должен был бы заявлять свои права на него забытым или неизвестным человеком.

ГЛАВА XII.

1798.

Отъезд Бонапарта из Парижа—Его возвращение—Планируемая египетская экспедиция—М. де Талейран—Генерал Дезэ—Экспедиция против Мальты—Деньги, взятые в Берне—Идеи Бонапарта относительно Востока—Монж—Отсутствие влияния Директории—Браки Мармона и Ла Валетт—План Бонапарта по колонизации Египта—Его лагерная библиотека—Орфографические ошибки—Запас вин—Прибытие Бонапарта в Тулон—Падение мадам Бонапарт с балкона—Казнь старика—Симон.

Бонапарт выехал из Парижа на север 10 февраля 1798 года, но он не получал приказа, хотя я видел, что это везде так указано, отправиться туда - "с целью подготовки операций, связанных с предполагаемым вторжением в Англию". Он не занимался таким делом, для которого нескольких дней, конечно, было бы недостаточно. Его путешествие к побережью было не чем иным, как быстрой экскурсией, и единственной его целью было дать ему возможность составить мнение по главному вопросу. Он также не отсутствовал несколько недель, поскольку путешествие заняло всего одну. В его карете нас было четверо — он сам, Ланнес, Сулковски и я. Усач был нашим курьером. Бонапарт был немало удивлен, прочитав в "Монитер" от 10 февраля статью, придававшую его маленькой экскурсии большее значение, чем она того заслуживала.

"Генерал Бонапарт, - сообщал "Монитер", - отбыл в Дюнкерк с несколькими офицерами флота и инженерами. Они отправились посетить побережье и подготовить предварительные операции для высадки [на Англию]. Можно заявить, что он не вернется в Раштадт и что приближается закрытие сессии Конгресса там".

Теперь перейдем к фактам. Бонапарт посетил Этабль, Амблетез, Булонь, Кале, Дюнкерк, Фурн, Нивпорт, Остенде и остров Вальхерен. Он собирал в разных портах всю необходимую информацию с тем умом и тактом, которыми он так в высшей степени отличался. Он расспрашивал моряков, контрабандистов и рыбаков и внимательно выслушивал полученные ответы.

Мы вернулись в Париж через Антверпен, Брюссель, Лилль и Сен-Кантен. Цель нашего путешествия была достигнута, когда мы достигли первого из этих городов. "Ну, генерал, - сказал я, - что вы думаете о нашем путешествии? Вы довольны? Что касается меня, то, признаюсь, я не питаю больших надежд на то, что я видел и слышал". Бонапарт немедленно ответил: "Это слишком большой шанс. Я не стану рисковать. Я бы не стал так играть с судьбой моей любимой Франции". Услышав это, я уже вообразил себя в Каире!

По возвращении в Париж Бонапарт, не теряя времени, начал военные и научные приготовления к предполагаемой экспедиции на берега Нила, в отношении которой появились такие неверные заявления. Это давно занимало его мысли, о чем свидетельствуют следующие факты.

В августе 1797 года он писал, "что недалек тот момент, когда мы увидим, что для эффективного уничтожения могущества Англии необходимо напасть на Египет". В том же месяце он написал Талейрану, который только что сменил Шарля де Лакруа на посту министра иностранных дел, "что было бы необходимо напасть на Египет, который не принадлежал Великому синьору". Талейран ответил, "что его идеи относительно Египта, безусловно, грандиозны и что их полезность не может не быть полностью оценена". В заключение он сказал, что подробно напишет ему на эту тему.

История будет столь же благосклонно отзываться о месье де Талейране, сколь плохо отзывались о нем его современники. Когда государственный деятель на протяжении своей великой, долгой и трудной карьеры приобретает и сохраняет множество верных друзей и провоцирует лишь небольшое количество врагов, следует признать, что его характер благороден, а талант глубок, и что его политическое поведение было мудрым и умеренным. Невозможно знать месье де Талейрана, не восхищаясь им. Все, кто обладает этим преимуществом, без сомнения, судят о нем так же, как и я.

В ноябре месяце того же года Бонапарт послал Пуссельга под предлогом инспекции портов Леванта, чтобы нанести завершающий удар задуманной экспедиции против Мальты.

Генерал Десо, которого Бонапарт посвятил во все свои планы во время их встречи в Италии после предварительных переговоров при Леобене, написал ему из Аффенбурга по возвращении в Германию, что он с большим интересом рассматривает флот Корфу. "Если когда-нибудь, - сказал он, - оно будет задействовано в грандиозных предприятиях, о которых, как я слышал, вы говорили, умоляю вас, не забывайте меня". Бонапарт был далек от того, чтобы забыть его.

Директория сначала не одобрила экспедицию против Мальты, которую Бонапарт предложил задолго до подписания Кампо-Формийского мирного договора. Экспедиция была признана невозможной, поскольку Мальта соблюдала строгий нейтралитет и несколько раз даже помогала нашим кораблям и морякам. Таким образом, у нас не было предлога для начала войны с ней. Говорилось также, что законодательный корпус, конечно, не отнесся бы благосклонно к такой мере. Это мнение, которое, однако, продержалось недолго, рассердило Бонапарта. Это было одно из разочарований, заставивших его грубо поприветствовать Ботто, агента Барраса, в начале октября 1797 года.

В ходе оживленного разговора он сказал Ботто, пожимая плечами: "Боже мой! Мальта продается!" Через некоторое время после этого ему самому сказали, что "приобретению Мальты придавалось большое значение и что он не должен допустить, чтобы это привело к побегу". В конце сентября 1797 года Талейран, тогдашний министр иностранных дел, написал ему, что Директория уполномочила его отдать необходимые приказы адмиралу Брюйсу для захвата Мальты. Он отправил Бонапарту несколько писем на остров, потому что Бонапарт сказал, что необходимо подготовить общественное мнение к этому событию.

Бонапарт день и ночь трудился над осуществлением своих проектов. Я никогда не видел его таким активным. Он ознакомился со способностями соответствующих генералов и силами всех армейских корпусов. Приказы и инструкции сменяли друг друга с необычайной быстротой. Если ему нужен был приказ Директории, он бежал в Люксембург, чтобы получить его на подпись одному из Директоров. Мерлен де Дуэ, как правило, оказывал ему эту услугу, поскольку был самым постоянным на своем посту. Лагард, генеральный секретарь, не подписала никакого документа, касающегося этой экспедиции, поскольку Бонапарт не хотел, чтобы его информировали об этом деле. Он перевел в Тулон деньги, взятые в Берне, которые Директория предоставила в его распоряжение. Их сумма превысила 3 000 000 франков. В те времена беспорядка и небрежности финансами управляли очень плохо. Доходы были предвосхищены и растрочены впустую, так что казначейство никогда не располагало такой крупной суммой, как только что упомянутая.

Было решено, что Бонапарт должен предпринять экспедицию необычного характера на Восток. Должен признаться, что две вещи ободряли меня в этот весьма тягостный период: моя дружба и восхищение талантами завоевателя Италии и приятная надежда побывать в тех древних краях, исторические и религиозные описания которых привлекали внимание моей юности.

Именно в Пассериано, видя приближающееся прекращение своих трудов в Европе, он впервые начал обращать серьезное внимание на Восток. Во время своих долгих вечерних прогулок по тамошнему великолепному парку он с удовольствием беседовал о знаменитых событиях этой части света и о многих знаменитых империях, которыми она когда-то обладала. Он любил повторять: "Европа - это кротовья нора. Там никогда не было великих империй и революций, за исключением Востока, где насчитывается 600 000 000 человек". Он

считал эту часть мира колыбелью всех религиозных, всех метафизических излишеств. Эта тема была не менее интересной, чем неисчерпаемой, и он ежедневно затрагивал ее в беседах с генералами, с которыми был близок, с Монжем и со мной.

Монж полностью разделял мнение главнокомандующего по этому вопросу, и энтузиазм Бонапарта усилил его научный пыл. Короче говоря, все единодушно придерживались одного мнения. Директория не принимала участия в возобновлении проекта этой памятной экспедиции, результат которой не соответствовал грандиозным замыслам, в которых она была задумана. Директория также не имела никакого реального контроля над отъездом или возвращением Бонапарта. Это был всего лишь пассивный инструмент исполнения желаний генерала, которые она преобразовывала в декреты, как того требовал закон. Ему было приказано совершить завоевание Египта не больше, чем он был проинструктирован относительно плана его осуществления. Бонапарт организовал восточную армию, собрал деньги и собрал корабли; и именно ему пришла в голову счастливая идея присоединиться к экспедиции людей, выдающихся в науке и искусстве, чьи труды прославили в настоящем и прошлом страну, само название которой никогда не произносится без волнующих великих воспоминаний.

Приказы Бонапарта молниеносно разлетелись от Тулона до Чивита-Веккии. С поразительной точностью он приказал некоторым силам собраться перед Мальтой, а другим - перед Александрией. Все эти приказы он продиктовал мне в своем кабинете.

При том положении, в котором Франция находилась по отношению к Европе после Кампо-Формийского мирного договора, Директория, далекая от того, чтобы настаивать или даже способствовать этой экспедиции, должна была воспротивиться ей. Победа на реке Адидже была бы гораздо лучше для Франции, чем победа на Ниле. Исходя из всего, что я видел, я придерживаюсь мнения, что желание избавиться от честолюбивого и подающего надежды человека, популярность которого возбуждала зависть, восторжествовало над очевидной опасностью удаления на неопределенный срок превосходной армии и возможной потерей французского флота. Что касается Бонапарта, то он был твердо уверен, что ему ничего не оставалось, как выбирать между этим рискованным предприятием и своей неминуемой гибелью. Египет, по его мнению, был подходящим местом для поддержания своей репутации и придания новой славы своему имени.

12 апреля 1798 года он был назначен главнокомандующим восточной армией.

Примерно в это же время Мармон был женат на мадемуазель Перрего, а адъютант Бонапарта Ла Валлетта - на мадемуазель Богарне.

—[Сэр Вальтер Скотт сообщает нам, что Жозефина, став императрицей, добилась брака своей племянницы с Ла Валлеттом. Это еще один вымышленный эпизод из его исторического романа.—Бурьен.]—

Незадолго до нашего отъезда я спросил Бонапарта, как долго он намерен оставаться в Египте. Он ответил: "Несколько месяцев или шесть лет: все зависит от обстоятельств. Я колонизирую страну. Я привезу им художников и ремесленников всех мастей; женщин, актеров и т.д. Сейчас нам всего двадцать девять, а тогда будет тридцать пять. Это еще не старость. Эти шесть лет позволят мне, если все пойдет хорошо, добраться до Индии. Объяви, что ты едешь в Брест. Скажи это даже своей семье ". Я повиновался, чтобы доказать свою осмотрительность и настоящую привязанность к нему.

Бонапарт пожелал создать походную библиотеку из изданий кабинета министров и дал мне список книг, которые я должен был приобрести. Этот список составлен им самим и выглядит следующим образом:

ЛАГЕРНАЯ БИБЛИОТЕКА.

1. ИСКУССТВО И НАУКА.—Миры Фонтенеля, 1 том. Письма немецкой принцессе, 2 тома. Курсы нормальной школы, 6 томов. Помощник артиллериста, 1 том. Трактат об укреплениях, 3 тома. Трактат о фейерверках, 1 том.
2. ГЕОГРАФИЯ И ПУТЕШЕСТВИЯ.—География Баркляя, 12 томов. Путешествия Кука, 3 тома. Путешествия Ла Гарпа, 24 тома.
3. ИСТОРИЯ. —Плутарх, 12 томов. Turenne, 2 vols. Condé, 4 vols. Villars, 4 vols. Люксембург, 2 тома. Duguesclin, 2 vols. Саксен, 3 тома. Мемуары маршалов Франции, 20 томов. Президент Эно, 4 тома. Хронология, 2 тома. Мальборо, 4 тома. Prince Eugène, 6 vols. Философская история Индии, 12 томов. Германия, 2 тома. Карл XII., 1 том. Очерк нравов народов, 6 томов. Петр Великий, 1 том. Полибий, 6 томов. Юстин, 2 тома. Арриан, 3 тома. Тацит, 2 тома. Тит Ливий, Фукидид, 2 тома. Vertot, 4 vols. Денина, 8 томов. Фридрих II, 8 томов.
4. ПОЭЗИЯ.—Осайян, 1 том. Тассо, 6 томов. Ариосто, 6 томов. Гомер, 6 томов. Вергилий, 4 тома. "Генриада", 1 том. "Телемах", 2 тома. Les Jardin, 1 vol. Шедевры французского театра, 20 томов. Избранная легкая поэзия, 10 томов. La Fontaine.
5. РОМАНТИКА.—Вольтер, 4 тома. Элоиза, 4 тома. Вертер, 1 том. Мармонтель, 4 тома. Английские романы, 40 томов. Le Sage, 10 vols. Прево, 10 томов.
6. ПОЛИТИКА И МОРАЛЬ.—Ветхий Завет. Новый Завет. Коран. Веды. Мифология. Монтескье. Дух Лоис.

Следует отметить, что он классифицировал книги о религиозных символах веры народов под рубрикой "политика".

Копия с автографом приведенного выше списка содержит некоторые из тех орфографических ошибок, которые так часто совершал Бонапарт. Объясняются ли эти промахи ограниченным курсом обучения, который он получил в Бриенне, его торопливым письмом, стремительным течением мыслей или тем малым значением, которое он придавал этому необходимому условию вежливого воспитания, я не знаю. Зная так хорошо авторов и генералов, чьи имена фигурируют в приведенном выше списке, любопытно, что он написал "Дюсеклинга" вместо Дюгесклена, а "Океан" вместо Оссиана. Последняя ошибка немало озадачила бы меня, если бы я не знал о его пристрастии к каледонскому барду.

Перед своим отъездом Бонапарт припас значительный запас бургундского. Его доставил человек по имени Джеймс из Дижона. Могу заметить, что в этот раз у нас была возможность убедиться, что хорошее бургундское, хорошо расфасованное по полкам и помещенное в герметично закупоренные бочки, не теряет своих качеств во время морского путешествия. Несколько ящиков этого бургундского дважды пересекли пустыню Суэцкого перешейка на спинах верблюдов. Немного мы привезли с собой во Фрежюс, и оно было таким же вкусным, как и при отъезде. Джеймс отправился с нами в Египет.

В течение оставшегося времени нашего пребывания в Париже не произошло ничего заслуживающего упоминания, за исключением разговора между Бонапартом и мной за

несколько дней до нашего отъезда в Тулон. Он поехал со мной в Люксембург, чтобы подписать официальные бумаги, связанные с его экспедицией. Он был очень молчалив. Когда мы проходили по улице Святой Анны, я спросил его, просто чтобы прервать долгую паузу, по-прежнему ли он полон решимости покинуть Францию. Он ответил: "Да, я все перепробовал. Я им не нужен (вероятно, имеется в виду должность Директора). Я должен свергнуть их и провозгласить себя королем; но пока этого недостаточно. Знать никогда на это не согласится. Я попробовал свои силы. Время еще не пришло. Я должен быть один. Но я снова ослеплю их". Я ответил: "Хорошо, мы поедem в Египет", - и сменил тему разговора.

—[Люсьен и бонапартисты, конечно, отрицают, что Наполеон хотел стать директором или захватить власть в то время; см. Люсьен, том 1. стр. 154. Тьер (т. v., стр. 257) придерживается той же точки зрения. Ланфри (том i, стр. 363) считает, что Директория наконец вынудила Наполеона начать, и он приписывает историю, рассказанную Десо Матье Дюма, или, скорее, жене этого офицера, о том, что существовал заговор с целью свержения Директории, но когда все было готово, Наполеон решил, что время еще не пришло. Ланфри, однако, скорее расширяет то, что говорит Дюма; см. Дюма, том iii. стр. 167. Смотрите также весьма примечательный разговор Наполеона с Мио де Мелито незадолго до отъезда из Италии в Раштадт: "Я больше не могу подчиняться. Я вкусил удовольствия командования и не могу от него отказаться. Мое решение принято. Если я не смогу быть хозяином, я покину Францию". (Мио, том i, стр. 184).] —

Ссора с Бернадотом в Вене задержала наш отъезд на две недели и могла оказать самое пагубное влияние на судьбу эскадры, поскольку Нельсон, несомненно, ждал бы нас между Мальтой и Сицилией, если бы прибыл туда раньше нас".

—[Сэр Вальтер Скотт, не имея на то никаких оснований, заявляет, что в момент своего отъезда Бонапарт, казалось, был склонен отказаться от командования столь сомнительной и опасной экспедицией, и что с этой целью он попытался воспользоваться тем, что произошло в Вене. Это должно быть отнесено к разряду выдумок, наряду с таинственным визитом Барраса для сообщения о смене места назначения, а также об остракизме и почетном изгнании, которым Директория хотела подвергнуть Бонапарта.Бурьен.]—

Неправда, что он когда-либо вынашивал идею отказаться от экспедиции из-за дела Бернадотта. Следующее письмо Брюйсу, датированное 28 апреля 1798 года, доказывает обратное:

Некоторые беспорядки, возникшие в Вене, делают необходимым мое присутствие в Париже на несколько дней. Это не повлияет ни на какие приготовления к экспедиции. С этим курьером я отправил приказ войскам в Марселе сесть на корабль и проследовать в Тулон. Вечером 30-го я отправлю вам курьера с приказом сесть на корабль и проследовать с эскадрой и конвоем в Геную, где я присоединюсь к вам.

Задержка, вызванная этим новым событием, как я полагаю, позволила вам завершить все приготовления.

Мы выехали из Парижа 3 мая 1798 года. За десять дней до отъезда Бонапарта в Египет из Храма сбежал заключенный (сэр Сидни Смит), которому было суждено внести существенный вклад в его неудачи. Побег, столь незначительный сам по себе, впоследствии привел к провалу самых гигантских проектов и смелых концепций. Этот побег был чреват будущими событиями; ложный приказ министра полиции предотвратил революцию на Востоке!

Мы были в Тулоне 8-го числа. По движениям англичан Бонапарт понял, что нельзя терять ни минуты; но неблагоприятные ветры задержали нас на десять дней, которые он потратил на рассмотрение мельчайших деталей, связанных с флотом.

Бонапарт, чье внимание было постоянно занято его армией, обратился к солдатам с речью, которую я написал под его диктовку и которая в то время появилась в государственных газетах. За этим обращением последовали возгласы "Бессмертная республика во веки веков!" и пение национальных гимнов.

Те, кто знал мадам Бонапарт, знают, что мало кто из женщин был более любезен и обворожителен. Бонапарт страстно любил ее и, чтобы как можно дольше наслаждаться ее обществом, привез с собой в Тулон. Ничто не могло быть более трогательным, чем их расставание. Покинув Тулон, Жозефина отправилась на воды Пломбьера. Я вспоминаю, что во время своего пребывания в Пломбьере она подверглась большой опасности из-за серьезного несчастного случая. Однажды, когда она сидела на балконе отеля со своим номером, балкон внезапно обвалился, и все находившиеся на нем люди упали на улицу. Мадам Бонапарт была сильно ранена, но серьезных последствий не последовало.

Едва Бонапарт прибыл в Тулон, как услышал, что закон о смертной казни эмигрантов соблюдается со страшной строгостью и что совсем недавно был застрелен старик, которому перевалило за восемьдесят. Возмущенный этим варварством, он гневным тоном продиктовал мне следующее письмо:

ШТАБ-КВАРТИРА В ТУЛОНЕ,

27-е Флореаля VI года (16 мая 1798 г.).

БОНАПАРТ, ЧЛЕН НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА, В СОСТАВ ВОЕННЫХ КОМИССАРОВ ДЕВЯТОЙ ДИВИЗИИ, УЧРЕЖДЕННОЙ ЗАКОНОМ 19 ФРУКТИДОРА.

Граждане, с глубоким сожалением я узнал, что старик в возрасте от семидесяти до восьмидесяти лет и несколько несчастных женщин, находящихся в состоянии беременности или окруженных детьми нежного возраста, были расстреляны по обвинению в эмиграции.

Неужели солдаты свободы стали палачами? Может ли милосердие, которое они проявляли даже в ярости битвы, угаснуть в их сердцах?

Закон 19 Фруктидора был мерой общественной безопасности. Его целью было добраться до заговорщиков, а не до женщин и пожилых мужчин.

Поэтому я призываю вас, граждане, всякий раз, когда закон привлечет к вашим трибуналам женщин или стариков, заявляйте, что на поле боя вы уважали женщин и стариков ваших врагов.

Офицер, который подписывает приговор человеку, неспособному носить оружие, - трус.

(Подпись) БОНАПАРТ.

Это письмо спасло жизнь несчастному человеку, который подпадал под описание лиц, на которых ссылался Бонапарт. Тон этой записки показывает, какое представление он уже имел о своей власти. Он взял на себя смелость, несомненно, из самых благородных побуждений, уступить ему дорогу, чтобы истолковать и воспрепятствовать исполнению закона, жестокого, это правда, но который даже в те времена слабости, беспорядка и анархии все еще оставался законом. По крайней мере, в этом случае сила его имени была использована

благородно. Письмо доставило большое удовлетворение армии, предназначенной для похода.

Человек по имени Саймон, который последовал за своим хозяином в эмиграцию и боялся применения закона, услышал, что мне нужен слуга. Он пришел ко мне и признал свое положение. Он мне подошел, и я нанял его. Затем он сказал мне, что опасается, что его арестуют, когда он будет идти в порт на посадку. Бонапарт, которому я упомянул об этом обстоятельстве и который только что представил поразительное доказательство своего отвращения к этим актам варварства, сказал мне добрым тоном: "Передай ему мой портфель, и пусть он останется с тобой". Слова "Бонапарт, главнокомандующий Восточной армией" были начертаны большими золотыми буквами на зеленом сафьяне. Я не знаю, было ли это из-за портфеля или из-за его связи с нами, которая спасла Саймона от ареста; но он прошел мимо, не прерываемый. Я сделал ему выговор за то, что он насмешливо улыбнулся дурному настроению лиц, назначенных его арестовывать. Он верно служил мне и даже иногда был полезен Бонапарту.

ГЛАВА XIII.

1798.

Отправление эскадры—Прибытие на Мальту—Доломье—Генерал Барге д'Илье—Атака на западную часть острова—Замечание Каффарелли—Освобождение турецких пленников—Преследование Нельсоном французского флота—Разговоры на борту—Как Бонапарт проводил свое время—Вопросы капитанам—Обсужденные предложения—Утренняя музыка—Прокламация—Адмирал Брюи—Английский флот избежал опасной высадки—Бонапарт и его судьба—Взятие Александрии—Ранение Клебера—Вступление Бонапарта в Александрию.

Эскадра вышла в море 19 мая. "Ориент", который из-за тяжелого груза набрал слишком много воды, коснулся земли; но его сняли без особых трудностей.

Мы прибыли с Мальты 10 июня. Мы потеряли два дня в ожидании нескольких конвоев, которые присоединились к нам на Мальте.

Интриги по всей Европе не привели к тому, что порты этого острова были открыты для нас немедленно по нашем прибытии. Бонапарт выразил большое неудовольствие лицами, присланными из Европы для организации мероприятий с этой целью. Однако у одного из них, г-на Доломье, были причины раскаться в своей миссии, из-за которой сицилийцы плохо обращались с ним. Г-н Пуссельг сделал все, что мог, для обождения, но ему это не полностью удалось. Произошло некоторое недоразумение, и, как следствие, несколько выстрелов были заменены. Бонапарт был очень доволен службой генерала Бараге д'Илье в Италии. Он не мог не похвалить его военное и политическое поведение в Венеции, когда всего за год до этого он по его приказу овладел этим городом. Генерал Бараге д'Илье присоединился к нам со своей дивизией, которая вошла в состав конвоя, отплывшего из

Генуи. Главнокомандующий приказал ему высадиться и атаковать западную часть острова. Он выполнил этот приказ с такой же осмотрительностью и способностями, и в высшей степени к удовлетворению главнокомандующего. Поскольку каждый человек, посвященный в тайну, знал, что все это было простой формой, эти враждебные демонстрации не вызвали неприятных последствий. Мы хотели спасти честь рыцарей — вот и все; ибо никто из тех, кто видел Мальту, не может себе представить, что остров, окруженный такими грозными и совершенными укреплениями, сдался бы за два дня флоту, преследуемому врагом. Непрístupная Мальтийская крепость настолько защищена от "главного удара", что генерал Каффарелли, осмотрев ее укрепления, сказал главнокомандующему в моем присутствии: "Честное слово, генерал, это удача: в городе есть кто-то, кто откроет нам ворота".

Сравнивая наблюдение генерала Каффарелли с тем, что было ранее высказано относительно проекта экспедиции в Египет и на Мальту, можно составить представление о ценности утверждения Бонапарта на острове Святой Елены:

"Захват Мальты произошел не благодаря частным интригам, а благодаря проницательности главнокомандующего. Я захватил Мальту, когда был в Мантуе!"

Однако не менее верно и то, что я написал под его диктовку массу инструкций для частных интриг. Наполеон также сказал другому благородному товарищу по изгнанию на острове Святой Елены: "Мальта, безусловно, обладала огромными физическими средствами сопротивления, но не моральными. Рыцари не совершили ничего бесчестного, никто не обязан совершать невозможное. Нет, но они были проданы; захват Мальты был обеспечен еще до того, как мы покинули Тулон.

Главнокомандующий проследовал в ту часть порта, где содержались турки, взятые в плен рыцарями.

Отвратительные галеры были освобождены от своих обитателей: те же принципы, которые несколько дней спустя легли в основу обращения Бонапарта к египтянам, руководили им в этом разумном и гуманном поступке.

Он несколько раз прогулялся по садам гроттмейстера. Они были в прекрасном порядке и изобиловали великолепными апельсиновыми деревьями. Мы угощались их фруктами, которые в сильную жару стали особенно вкусными.

19 июня, уладив управление и оборону острова, генерал покинул Мальту, о которой он и не подозревал, что отдал ее англичанам, которые очень плохо отплатили за это обязательство. Многие рыцари последовали за Бонапартом и получили гражданские и военные назначения.

Ночью 22 июня английская эскадра была почти вплотную к нам. Она прошла примерно в шести лье от французского флота. Нельсон, узнавший о захвате Мальты в Мессине в тот день, когда мы покинули остров, отплыл прямо в Александрию, не направляясь на север. Он считал этот город местом нашего назначения. Выбрав кратчайший курс, поставив все паруса и не встретив никакого конвоя, он прибыл в Александрию 28 июня, на три дня раньше французского флота, который, тем не менее, отплыл раньше него от берегов Мальты. Французская эскадра взяла курс на Кандию, которую мы заметили 25 июня, а затем повернула к югу, благоприятствуемая этезианскими ветрами, которые регулярно преобладают в это время года. Французский флот достиг Александрии только 30 июня.

Находясь на борту "Ориента", он получал удовольствие от частых бесед с Монжем и Бертолле. Предметами, на которые они обычно разговаривали, были химия, математика и религия. Генерал Каффарелли, чья беседа, подкрепленная знаниями, была одновременно

энергичной, остроумной и оживленной, был одним из тех, с кем он охотнее всего беседовал. Какую бы дружбу он ни питал к Бертолле, было легко понять, что он предпочитал Монжа, и что он был склонен к этому предпочтению, потому что Монж, наделенный пылким воображением, не обладая в точности религиозными принципами, имел своего рода предрасположенность к религиозным идеям, которые гармонизировали с представлениями Бонапарта. На эту тему Бертолле иногда спланивал своего неразлучного друга Монжа. Кроме того, Бертолле с его холодным воображением был постоянно предан анализу и абстракциям, склонялся к материализму - мнению, которым генерал всегда был сильно недоволен.

Бонапарт иногда беседовал с адмиралом Брюйсом. Его целью всегда было получить информацию о различных маневрах, и ничто так не удивляло адмирала, как проницательность его вопросов. Я вспоминаю, что однажды Бонапарт спросил Брюйса, каким образом были утилизированы гамаки при подготовке к бою, и тот, получив ответ, заявил, что в случае чего он прикажет каждому выбросить свой багаж за борт.

Большую часть времени он проводил в своей каюте, лежа на кровати, которая, раскачиваясь на чем-то вроде колесиков, облегчала тяжесть морской болезни, от которой он часто страдал, когда корабль качало.

Я почти всегда был с ним в его каюте, где читал ему некоторые из любимых произведений, которые он отобрал для своей лагерной библиотеки. Он также часто часами беседовал с капитанами судов, которые он приветствовал. Он никогда не упускал случая спросить, откуда они прибыли? каков был их пункт назначения? какие корабли они встретили? каким курсом они плыли? Удовлетворив таким образом свое любопытство, он позволил им продолжить плавание, взяв с них обещание никому не говорить о том, что они видели французскую эскадру.

Пока мы были в море, он редко вставал раньше десяти часов утра. "Восток" имел вид густонаселенного города, из которого женщины были исключены; и в этом плавучем городе проживало 2000 человек, среди которых было множество выдающихся мужчин. Бонапарт каждый день приглашал к себе на обед нескольких человек, помимо Брюи, Бертье, полковников и своих обычных домочадцев, которые всегда присутствовали за столом главнокомандующего. В хорошую погоду он поднимался на шканцы, которые по своей протяженности представляли собой грандиозную набережную.

Я вспоминаю, как однажды, прогуливаясь с ним по шканцам, когда мы были в водах Сицилии, мне показалось, что я вижу вершины Альп, красиво освещенные лучами заходящего солнца. Бонапарт много смеялся и подшучивал надо мной по этому поводу. Он позвонил адмиралу Брюйсу, который взял свою подзорную трубу и вскоре подтвердил мою догадку. Альпы!

При упоминании адмиралом этого слова мне кажется, что я все еще вижу Бонапарта. Он долго стоял неподвижно; затем, внезапно выйдя из транса, воскликнул: "Нет! Я не могу смотреть на землю Италии без волнения! Вот Восток, и я иду туда; меня манит рискованное предприятие. Эти горы возвышаются над равнинами, где мне так часто выпадала удача вести французов к победе. С ними мы снова победим".

Одним из величайших удовольствий Бонапарта во время путешествия было после обеда назначить трех-четырех человек поддержать предложение и столько же - выступить против него. Этим он преследовал определенную цель. Эти дискуссии давали ему возможность изучить умы тех, кого он был заинтересован в том, чтобы хорошо знать, чтобы впоследствии он мог доверить каждому функции, к которым он обладал наибольшими способностями: тем,

кто был близок с Бонапартом, не покажется странным, что в этих интеллектуальных состязаниях он отдавал предпочтение тем, кто со способностями поддерживал абсурдное предложение, перед теми, кто отстаивал доводы разума; и не превосходство ума определяло его суждения, ибо он действительно предпочитал человека, который хорошо аргументировал в пользу абсурда, человеку, который столь же хорошо аргументировал в пользу абсурда. разумное предложение. Он всегда перечислял темы, которые следовало обсудить, и чаще всего они касались вопросов религии, различных форм правления и военного искусства. Однажды он спросил, обитаемы ли планеты; в другой раз - каков возраст мира; затем он предложил рассмотреть вероятность разрушения нашего земного шара водой или огнем; в другой раз - истинность или ошибочность предчувствий и толкование снов. Я помню, что обстоятельством, послужившим поводом к последнему предложению, был намек на Джозефа, о котором он случайно заговорил, как и почти обо всем, что было связано со страной, в которую мы направлялись и которой управлял этот способный администратор. Ни одна страна, попавшая под наблюдение Бонапарта, не вызвала у него в памяти исторических воспоминаний. Когда он проезжал мимо острова Кандия, его воображение было возбуждено, и он с восторгом рассказывал о древнем Крите и Колоссе, чья сказочная слава превзошла все человеческие достижения. Он много говорил о падении Восточной империи, которая так мало походила на то, что сохранила история об этих прекрасных странах, так часто политых человеческой кровью. Остроумные мифологические сюжеты также приходили ему на ум и придавали его языку нечто поэтическое и, я бы сказал, вдохновенный характер. Вид царства Миноса навел его на размышления о законах, наиболее подходящих для управления народами; а место рождения Юпитера подсказало ему необходимость религии для массы человечества. Эта оживленная беседа продолжалась до тех пор, пока попутный северный ветер, пригнавший облака в долину Нила, не заставил нас потерять из виду остров Кандия.

Музыканты на борту "Востока" иногда играли серенады, но только между палубами, поскольку Бонапарт еще недостаточно любил музыку, чтобы желать слушать ее в своей каюте. Можно сказать, что его вкус к этому искусству возрастал прямо пропорционально его могуществу; то же самое было и с его пристрастием к охоте, о котором он не подавал никаких признаков до своего вознесения на престол империи; как будто он хотел доказать, что обладает в себе не только гением суверенности, позволяющим командовать людьми, но и инстинктом к тем аристократическим удовольствиям, наслаждение которыми человечество считает одним из атрибутов королей.

Едва ли возможно, чтобы во время длительного плавания на переполненном судне не произошли какие-то несчастные случаи - чтобы некоторые люди не упали за борт. Несчастные случаи такого рода часто происходили на борту "Ориента". В тех случаях не было ничего более замечательного, чем великая человечность человека, который с тех пор так расточительно проливал кровь своих собратьев на поле битвы и который был готов пролить ее реками даже в Египте, куда мы направлялись. Когда человек упал в море, главнокомандующий был в состоянии возбуждения, пока его не спасли. Он немедленно отвел корабль в дрейф и проявлял величайшее беспокойство, пока несчастный не был найден. Он приказал мне вознаградить тех, кто рискнул своей жизнью, выполняя эту службу. Среди них был моряк, который понес наказание за какую-то провинность. Он не только освободил его от наказания, но и дал ему немного денег. Я вспоминаю, что однажды темной ночью мы услышали шум, похожий на тот, который издает человек, падающий в море. Бонапарт немедленно перевел корабль в дрейф до тех пор, пока предполагаемая жертва не была спасена от неминуемой смерти. Люди бросились со всех сторон и, наконец, подобрали - что? — четверть быка, упавшую с крюка, на который она была подвешена. Как вел себя

Бонапарт? Он приказал мне вознаградить моряков, проявивших себя в этом случае, еще более щедро, чем обычно, сказав: "Это мог быть моряк, и эти храбрые ребята проявили столько же активности и отваги, сколько если бы это было так".

По прошествии тридцати лет все эти события так же свежи в моих воспоминаниях, как если бы они происходили в настоящий момент. Таким образом Бонапарт использовал свое время на борту "Востока" во время путешествия, и именно в это время он продиктовал мне следующее заявление:

ШТАБ-КВАРТИРА НА БОРТУ "ОРИЕНТА",

4-й мессидор, год VI.

БОНАПАРТ, ЧЛЕН НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ.

СОЛДАТЫ — Вы собираетесь предпринять завоевание, последствия которого для цивилизации и торговли неисчислимы. Удар, который вы собираетесь нанести Англии, будет самым прицельным и наиболее ощутимым, какой она только может получить, пока не настанет время, когда вы сможете нанести ей смертельный удар.

Мы должны совершить несколько утомительных маршей; мы должны принять участие в нескольких сражениях; мы добьемся успеха во всем, за что беремся. Судьба на нашей стороне. Мамлюкские беи, которые поддерживают исключительно английскую торговлю, чьи поборы угнетают наших купцов и которые тиранят несчастных жителей Нила, через несколько дней после нашего прибытия больше не будут существовать.

Люди, среди которых мы собираемся жить, — магометане. Первый догмат их веры таков: "Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — его пророк". Не противоречьте им. Ведите себя с ними так, как вы вели себя с евреями — с итальянцами. Проявляйте уважение к их муфтиям и их имамам, как вы относились к раввинам и епископам. Проявите к церемониям, предписанным Кораном, и к мечетям ту же терпимость, которую вы проявляли к синагогам, к религии Моисея и Иисуса Христа.

Римские легионы защищали все религии. Вы найдете здесь обычаи, отличные от европейских. Вы должны приспособиться к ним. Люди, среди которых нам предстоит общаться, отличаются от нас в обращении с женщинами; но во всех странах тот, кто насилует, является чудовищем. Грабеж обогащает лишь небольшое число людей; он бесчестит нас; он уничтожает наши ресурсы; он превращает во врагов людей, которых мы заинтересованы иметь в друзьях.

Первый город, в который мы приедем, был построен Александром. На каждом шагу мы будем встречаться с великими воспоминаниями, достойными подражания французов.

БОНАПАРТ.

Во время плавания, особенно между Мальтой и Александрией, я часто беседовал с храбрым и неудачливым адмиралом Брюйсом. Сведения, которые мы время от времени получали, усиливали его беспокойство. Мне посчастливилось заручиться доверием этого достойного человека. Он горько жаловался на несовершенство подготовки флота к выходу в море; на перегруженное состояние линейных кораблей и фрегатов, и особенно "Востока"; на большое количество транспортов; на плохое оснащение всех кораблей и слабость их экипажей. Он уверял меня, что требовалось немалое мужество, чтобы принять командование флотом, столь плохо оснащенным; и он часто заявлял, что в случае нашего столкновения с врагом он не может отвечать за последствия. Загруженность судов, огромное количество гражданского и военного багажа, который каждый человек привез с собой и хотел бы сберечь, сделали бы невозможными надлежащие маневры. В случае атаки, добавил Брюэйс, даже меньшей

эскадрилей, замешательство и беспорядок среди такого большого числа людей привели бы к неизбежной катастрофе. Наконец, если бы англичане появились только с десятью судами, адмирал не смог бы гарантировать удачный результат. Он считал победу невозможной, и даже если бы она была одержана, что стало бы с экспедицией? "Дай бог, - сказал он со вздохом, - чтобы мы прошли мимо англичан, не встретив их!" Он, по-видимому, предвидел то, что произошло с ним впоследствии, но не в открытом море, а в ситуации, которую считал гораздо более благоприятной для своей защиты.

Утром 1 июля экспедиция прибыла к берегам Африки, и колонна Септимия Севера указала нам город Александрию. Наше положение и настроение ума едва ли позволяли нам задуматься о том, что вдалеке мы видели город Птолемея и Цезарей с его двойным портом, фаросом и гигантскими памятниками его древнего величия. Наше воображение не доходило до такой степени.

Адмирал Брюи отправил вперед фрегат "Юнона" за месье Магаллоном, французским консулом. Было около четырех часов, когда он прибыл, и море было очень беспокойным. Он сообщил главнокомандующему, что Нельсон был у Александрии 28-го, и что он немедленно отправил бриг для получения разведанных от английского агента. По возвращении брига Нельсон немедленно повернул со своей эскадрой на северо-восток. Если бы не задержка, вызванная нашим конвоем из Чивита-Веккьи, мы были бы на этом побережье одновременно с Нельсоном.

Оказалось, что Нельсон предполагал, что мы уже были в Александрии, когда он прибыл туда. У него были основания так предполагать, поскольку мы покинули Мальту 19 июня, в то время как он отплыл из Мессины только 21-го. Не найдя нас там, где он ожидал, и будучи убежден, что мы должны были бы прибыть туда, если бы местом нашего назначения была Александрия; он отплыл в Александретту в Сирии, куда, как он предполагал, мы отправились для высадки. Эта ошибка спасла экспедицию во второй раз.

Бонапарт, услышав подробности, сообщенные французским консулом, решил немедленно высадиться. Адмирал Брюи описал трудности и опасности высадки — силу волны, удаленность от берега, — тоже берега, окаймленного скалистыми рифами, приближающуюся ночь и наше совершенное незнание мест, подходящих для высадки. Поэтому адмирал настаивал на необходимости подождать до следующего утра, то есть отложить высадку на двенадцать часов. Он заметил, что Нельсон не сможет вернуться из Сирии в течение нескольких дней. Бонапарт выслушал эти заявления с нетерпением и дурным настроением. Он безапелляционно ответил: "Адмирал, мы не можем терять времени. Удача дает мне всего три дня; если я не воспользуюсь ими, мы пропали". Он во многом полагался на удачу; эта химерическая идея постоянно влияла на его решения.

Бонапарт командовал как военно-морскими, так и военными силами, и адмирал был вынужден уступить его желаниям.

Я подтверждаю эти факты, которые происходили в моем присутствии и ни одна часть которых не могла ускользнуть от моего наблюдения. Совершенно неверно, что именно из-за появления паруса, который, как утверждается, был замечен, но которого, со своей стороны, я ничего не видел, Бонапарт воскликнул: "Фортуна, ты покинула меня? Я прошу только пять дней!" Ничего подобного не произошло.

Был час ночи 2 июля, когда мы высадились на египетской земле, в Марабу, в трех лигах к западу от Александрии. Нам пришлось сожалеть о потере нескольких жизней, но у нас были все основания ожидать, что наши потери были бы больше.

В три часа того же утра главнокомандующий выступил на Александрию с дивизиями Клебера, Бона и Мену. Арабы-бедуины, которые продолжали окружать наш правый фланг и тыл, подобрали отставших.

Подойдя на расстояние пушечного выстрела к Александрии, мы взобрались на крепостные валы, и вскоре доблесть французов восторжествовала над всеми препятствиями.

Первая кровь, которую я увидел на войне, была кровью генерала Клебера. Пуля попала ему в голову не при штурме стен, а когда он возглавлял атаку. Он подошел к Колонне Помпея, где собрались многие члены штаба и откуда главнокомандующий наблюдал за атакой. Тогда я впервые заговорил с Клебером, и с того дня началась наша дружба. Мне посчастливилось внести свой вклад в помощь, в которой он нуждался и которую, учитывая наше положение, было не так-то легко получить.

Было предпринято усилие представить взятие Александрии, которая сдалась через несколько часов, как блестящий подвиг. Сам главнокомандующий писал, что город был взят после нескольких пушечных залпов; стены, плохо укрепленные, вскоре были взяты штурмом. Александрия не была предана на разграбление, как утверждалось и часто повторялось. Это было бы крайне неполитичным способом начать завоевание Египта, в котором не было сильных сторон, требующих устрашения великим примером.

Бонапарт вместе с некоторыми другими вошел в город по узкой улочке, на которой едва могли пройти два человека в ряд; я был с ним. Мы были остановлены несколькими мушкетными выстрелами, произведенными из низкого окна мужчиной и женщиной. Они повторили стрельбу несколько раз. Проводники, шедшие впереди своего генерала, продолжали вести сильный огонь по окну. Мужчина и женщина упали замертво, и мы благополучно проследовали дальше, потому что это место сдалось.

Бонапарт использовал шесть дней, в течение которых он оставался в Александрии, для наведения порядка в городе и провинции с той активностью и выдающимся талантом, которыми я никогда не мог в достаточной степени восхищаться, и для руководства маршем армии через провинцию Бохихир. Он послал Десо с 4500 пехотинцами и 60 кавалеристами в Беду, по дороге в Даманхур. Этот генерал был первым, кто испытал лишения и страдание, которые вскоре пришлось вынести всей армии. Его великий ум, его привязанность к Бонапарту, казалось, на мгновение готовы были уступить возникшим препятствиям. 15 июля он написал из Бохихира следующее: "Умоляю вас, не позволяйте нам дольше оставаться на этой позиции. Мои люди обескуражены и ропщут. Заставьте нас без промедления наступать или отступать. Деревни состоят всего лишь из хижин, у них абсолютно нет ресурсов".

На этих огромных равнинах, выжженных вертикальными лучами палящего солнца, вода, столь обычная повсюду, становится объектом соперничества. Колодцы и источники, эти тайные сокровища пустыни, тщательно скрываются от путешественников; и часто после наших самых изнурительных переходов не удавалось найти ничего, что могло бы утолить острую жажду, кроме небольшого количества солоноватой воды самого отвратительного вида.

—[Некоторое представление о страданиях, перенесенных французскими войсками по этому поводу, можно составить из следующего описания Мемуаров Наполеона, продиктованных на острове Святой Елены:

"Когда евреи, блуждавшие по пустыне, жаловались и сердито просили у Моисея египетский лук и мясные котелки, французские солдаты постоянно сожалели о роскоши Италии. Напрасно их уверяли, что эта страна самая плодородная в мире, что она даже превосходит Ломбардию; как

можно было убедить их в этом, когда они не могли достать ни хлеба, ни вина? Мы расположились лагерем на огромном количестве пшеницы, но в округе не было ни мельницы, ни печи. Бисквиты, привезенные из Александрии, давно иссякли; солдатам пришлось даже растолочь пшеницу между двумя камнями и испечь лепешку из золы. Многие поджаривали пшеницу на сковороде, после чего отваривали ее. Это был лучший способ использовать зерно; но, в конце концов, это был не хлеб. Опасения солдат возрастали с каждым днем и достигли такой степени, что многие из них говорили, что большого города спокойствия не существует; и что место, носящее это название, было, как и Даманхур, огромным скоплением простых хижин, лишенных всего, что могло бы сделать жизнь комфортной. Они довели себя до такого меланхолического состояния духа, что два драгуна бросились, полностью одетые, в Нил, где и утонули. Тем не менее верно, что, хотя там не было ни хлеба, ни вина, ресурсы, которые были получены в виде пшеницы, чечевицы, мяса, а иногда и голубей, обеспечивали армию каким-либо продовольствием. Но зло заключалось в брожении умов. Офицеры жаловались громче, чем солдаты, потому что сравнение было для них пропорционально более невыгодным. В Египте они не нашли ни жилья, ни хорошего стола, ни роскоши Италии. Главнокомандующий, желая подать пример, попытался расположиться бивуаком в центре армии и в наименее удобных местах. Ни у кого не было ни палатки, ни провизии; обед Наполеона и его штаба состоял из блюда из чечевицы. Солдаты проводили вечера в политических беседах, спорах и жалобах. "С какой целью мы прибыли сюда?" - спросили некоторые из них. "Директория перенесла нас". "Каффарелли, - сказали другие, - является агентом, которого использовали, чтобы обмануть главнокомандующего". Многие из них, заметив, что везде, где были остатки древности, их тщательно обыскивали, излили свою злобу в нападках на ученых, которые, по их словам, выдвинули идею экспедиции с целью проведения этих поисков. Шутки сыпались на них градом, даже в их присутствии. Мужчины называли осла ученым и сказали о Каффарелли Дюфальге, имея в виду его деревянную ногу: "Он смеется над всеми этими неприятностями; он одной ногой стоит во Франции".]

ГЛАВА XIV.

1798.

Мираж—Стычки с арабами—Ошибка дивизии генерала Десо—Нищета богатого шейха—Битва под окном генерала—Флотилия на Ниле—Ее бедствия и опасность—Битва при Шебрейсе—Поражение мамлюков—Прием, оказанный мне Бонапартом—Письмо Луи Бонапарту—Успех французской армии—Триумфальный въезд в Каир—Гражданская и военная организация Каира—Письмо Бонапарта своему брату Жозефу—План колонизации.

7 июля генерал Бонапарт выехал из Александрии в Даманур. На бескрайних равнинах Бохахира мираж каждое мгновение представлял взору широкие водные просторы, в то время как по мере продвижения мы не находили ничего, кроме бесплодной земли, испещренной глубокими трещинами. Деревни, которые на расстоянии кажутся окруженными водой, при ближайшем рассмотрении обнаруживаются расположенными на высотах, в основном искусственных, благодаря которым они возвышаются над разливами Нила. Эта иллюзия

постоянно повторяется; и она тем более коварна, что представляет глазу совершенное изображение воды в то время, когда нехватка этого предмета наиболее ощутима. Этот мираж на равнине Пелузий настолько велик, что вскоре после восхода солнца невозможно различить ни одного объекта. То же явление наблюдалось и в других странах. Квинт Курций говорит, что в пустынях Согдианы туман, поднимающийся с земли, заслоняет свет, и окружающая местность кажется безбрежным морем. Причина этой странной иллюзии теперь полностью объяснена; и из наблюдений ученого Монжа явствует, что мираж можно встретить почти в каждой стране, расположенной между тропиками, где местные условия схожи.

Арабы преследовали армию без перерыва. Те немногие колодцы, которые встречались в пустыне, были либо засыпаны, либо вода стала непригодной для использования. Невыносимая жажда, которой страдали войска даже во время этого первого марша, была лишь плохо утолена солоноватой и нездоровой водой. Армия пересекла пустыню со скоростью молнии, едва пригубив каплю воды. Страдания солдат часто выражались обескураживающим ропотом.

В первую же ночь произошла ошибка, которая могла оказаться фатальной. Мы продвигались в темноте, со слабым эскортом, почти спя на лошадях, когда внезапно на нас обрушились два последовательных ружейных залпа. Мы поднялись и произвели рекогносцировку и, к нашему великому удовлетворению, обнаружили, что единственной неприятностью была легкая рана, полученная одним из наших проводников. Нашими противниками были подразделения генерала Дезэ, которые, составляя авангард армии, приняли нас за отряд противника и открыли по нам огонь. Было быстро установлено, что небольшой передовой отряд штаба не слышал крика "Qui vive?" с передовых постов Дезэ.

По прибытии в Даманхур наша штаб-квартира разместилась в резиденции шейха. Дом был заново побелен и снаружи выглядел вполне прилично, но внутри был невообразимо убог. Вся домашняя утварь была сломана, а единственными сиденьями служили несколько грязных рваных циновок. Бонапарт знал, что шейх богат, и, несколько завоевав его доверие, спросил его через переводчика, почему, находясь в стесненных обстоятельствах, он таким образом лишает себя всякого комфорта. "Несколько лет назад, - ответил шейх, - я отремонтировал и обставил свой дом. Когда об этом стало известно в Каире, с меня потребовали денег, потому что, как говорили, мои расходы доказывали, что я богат. Я отказался платить деньги, и в результате со мной жестоко обращались, и в конце концов меня заставили их заплатить. С тех пор я позволяю себе только самое необходимое для жизни и не собираюсь покупать мебель для своего дома". Старик хромал из-за перенесенного лечения. Горе тому, кого в этой стране заподозрят в компетентности — сотня шпионов всегда готова донести на него. Видимость бедности - единственная защита от хищничества власти и алчности варварства.

Небольшой отряд конных арабов напал на наш штаб. Бонапарт, стоявший у окна дома шейха, возмущенный такой наглостью, повернулся к одному из своих адъютантов, случайно оказавшемуся на дежурстве, и сказал: "Круазье, возьми нескольких проводников и прогони этих парней!" В одно мгновение Круазье оказался на равнине с пятнадцатью проводниками. Завязалась небольшая стычка, и мы наблюдали за ней из окна. В движении и атаке Круазье и его отряда была какая-то нерешительность, которую главнокомандующий не мог понять. "Вперед, я говорю! В атаку! - крикнул он из окна, как будто его могли услышать. Наши всадники, казалось, отступили, когда арабы возобновили атаку; и после небольшого сражения, продолжавшегося с терпимым духом, арабы отступили без потерь и не подвергаясь преследованиям при отступлении. Бонапарт больше не мог сдерживать свой

гнев, и когда Круазье вернулся, он столкнулся с таким суровым приемом, что бедняга удалился, глубоко оскорбленный и огорченный. Бонапарт хотел, чтобы я последовал за ним и сказал что-нибудь в утешение, но все было напрасно. "Я этого не переживу", - сказал он. "Я пожертвую своей жизнью при первом удобном случае. Я не хочу жить с позором. Слово "трус" сорвалось с губ генерала. Бедняга Круазье погиб в Сен-Жан-д'Акре.

10 июля наш штаб был основан в Рахмахани, где они оставались в течение 11 и 12 июля. В этом месте начинается канал, который был прорыт Александром для подачи воды в его новый город и для облегчения торговых сношений между Европой и Востоком.

Флотилия под командованием храброго начальника дивизии Перри только что прибыла из Розетты. Перри находился на борту шебекского "Серфа".

—[Бонапарт очень доверял ему. По приказу генерала он командовал военно—морскими силами в Адриатике в 1797 году.— Бурьен]-

Бонапарт поместил на борт "Серфа" и других судов флотилии тех лиц, которые, не будучи военными, не могли быть полезны в боевых действиях и чьи лошади служили для перевозки некоторых войск.

В ночь на 14 июля главнокомандующий направил свой марш на юг, вдоль левого берега Нила. Флотилия плыла вверх по реке параллельно левому крылу армии. Но сила ветра, который в это время года регулярно дует со Средиземного моря в долину файл, унесла флотилию далеко вперед армии и расстроила план их взаимной защиты и поддержки друг друга. Флотилия, оставшаяся таким образом без защиты, столкнулась с семью турецкими канонерскими лодками, шедшими из Каира, и оказалась одновременно под их огнем и огнем мамлюков, феллахов и арабов, выстроившихся вдоль обоих берегов реки. У них были небольшие ружья, установленные на верблюдах.

"Перри" бросил якорь, и бой начался в девять часов 14 июля и продолжался до половины первого.

В то же время главнокомандующий встретил и атаковал корпус численностью около 4000 мамлюков. Его целью, как он впоследствии сказал, было повернуть корпус влево от деревни Шебрейсс и загнать его к Нилу.

Около одиннадцати утра Перри сказал мне, что турки причиняют нам больше вреда, чем мы им; что наши боеприпасы скоро иссякнут; что армия находится далеко в глубине страны и что, если она не двинется влево, у нас не будет никакой надежды. Несколько судов уже были взяты на абордаж турками, которые на наших глазах вырезали экипажи и с варварской свирепостью показывали нам головы убитых людей.

Перри, подвергаясь значительному риску, отправил нескольких человек сообщить главнокомандующему об отчаянном положении флотилии. Канонада, которую Бонапарт слышал с утра, и взрыв турецкой канонерской лодки, которая была подорвана артиллерией "шебека", заставили его опасаться, что наше положение действительно опасно. Поэтому он предпринял движение влево, в направлении Нила и Шебрейссы, разбил мамлюков и вынудил их отступить к Каиру. При виде французских войск командующий турецкой флотилией снялся с якоря и поплыл вверх по Нилу. Оба берега реки были эвакуированы, и флотилия избежала уничтожения, которое незадолго до этого казалось неизбежным. Некоторые авторы утверждали, что турецкая флотилия была уничтожена в этом сражении.

Правда в том, что турки нанесли нам значительный урон, в то время как сами пострадали мало. У нас было двадцать человек убитыми и несколько ранеными. Во время акции было произведено более 1500 пушечных выстрелов.

Генерал Бертье в своем рассказе о египетской экспедиции перечисляет людей, которые, хотя и не состояли на военной службе, помогали Перри в этом неравном и опасном сражении. Он упоминает Монжа, Бертолле, Андреосси, казначея, Жюно и Буррьена, секретаря главнокомандующего. Также было заявлено, что генерал-комиссар Сюси был серьезно ранен, храбро защищая канонерскую лодку, груженную провизией; но это неверно.

У нас не было связи с армией до 23 июля. 22-го числа мы увидели Пирамиды, и нам сообщили, что мы находимся всего примерно в десяти лигах от Гизы, где они расположены. Канонада, которую мы слышали и которая усиливалась по мере того, как стихал северный ветер, возвестила о серьезном сражении; и в тот же день мы увидели берега Нила, усеянные горами тел, которые волны ежеминутно смывали в море. Это ужасное зрелище, тишина окрестных деревень, которые до сих пор были вооружены против нас, и прекращение стрельбы с берегов реки заставили нас с достаточной уверенностью заключить, что произошла битва, смертельная для мамлюков. Страдания, которые мы перенесли по пути из Рахмахии в Гизу, неописуемы. Одиннадцать дней мы питались дынями и водой, не считая того, что на мгновение подверглись ружейному обстрелу арабов и феллахов. К счастью, мы отделались лишь несколькими убитыми и ранеными. Подъем уровня Нила только начинался. Мелководье реки недалеко от Каира вынудило нас покинуть шебек и пересечь на борт джерма. Мы добрались до Гизы в три часа дня 23 июля.

Когда я отдал честь генералу, которого не видел двенадцать дней, он обратился ко мне так: "Итак, вы здесь, не так ли? Знаете ли вы, что вы все были причиной того, что я не стал следить за битвой при Шебрейссе? Именно для того, чтобы спасти вас, Монжа, Бертолле и остальных на борту флотилии, я ускорил движение моей левой руки по Нилу до того, как моя правая рука повернула к Шебрейсу. Если бы не это, ни один мамлюк не сбежал бы".

"Я благодарю вас от себя лично, - ответил я, - но по совести говоря, могли бы вы бросить нас, забрав наших лошадей и заставив подняться на борт "шебека", хотели мы того или нет?" Он рассмеялся, а затем сказал мне, как он сожалеет о ранении Сюси и смерти многих полезных людей, чьи места никак не могли быть заполнены.

Он заставил меня написать письмо его брату Луи, в котором сообщил ему, что одержал полную победу над мамлюками при Эмбабе, напротив Булака, и что потери противника составили 2000 человек убитыми и ранеными, 40 орудий и большое количество лошадей.

Оккупация Каира стала непосредственным следствием победы при Эмбабехе. Бонапарт обосновал свою штаб-квартиру в доме Эльфи-бея, на большой площади Эзбекия.

Марш французской армии к Каиру сопровождался непрерывной чередой сражений и побед. Мы выиграли битвы при Рахмахии, Шебрейсе и Пирамидах. Мамлюки потерпели поражение, и их вождь, Мурад Бей, был вынужден бежать в Верхний Египет. Бонапарт не нашел препятствий для своего вступления в столицу Египта после всего лишь двадцатидневной кампании.

Пожалуй, ни один завоеватель никогда не наслаждался победой так сильно, как Бонапарт, и все же никто не был менее склонен злоупотреблять его триумфами.

Мы вошли в Каир 24 июля, и главнокомандующий немедленно обратил свое внимание на гражданскую и военную организацию страны. Только те, кто видел его в расцвете юности, могут составить представление о его необычайном уме и активности. Ничто не ускользало от его наблюдения. Египет уже давно был объектом его изучения, и за несколько недель он так хорошо познакомился с этой страной, как будто прожил в ней десять лет. Он отдавал приказы о соблюдении строжайшей дисциплины, и эти приказы пунктуально выполнялись.

Мечети, гражданские и религиозные учреждения, гаремы, женщины, обычаи страны — все неукоснительно соблюдалось. Через несколько дней после того, как французы вошли в Каир, их беспрепятственно впустили в магазины, и их видели, как они общались с жителями, курили трубки, помогали им в их занятиях и играли с их детьми.

На следующий день после своего прибытия в Каир Бонапарт направил своему брату Жозефу следующее письмо, которое было перехвачено и распечатано. В его подлинности сомневались, но я видел, как Наполеон написал его, и он прочитал его мне перед отправкой.

КАИР,

7-е число. Термидор (25 июля 1798 г.)

Вы увидите в государственных газетах сводки о сражениях и завоевании Египта, которые были достаточно спорными, чтобы добавить еще один венок к лаврам этой армии. Египет богаче любой страны в мире монетами, рисом, овощами и скотом. Но народ находится в состоянии крайнего варварства. Мы не можем раздобыть денег даже для оплаты войск. Я, может быть, через два месяца буду во Франции.

Наймите загородный дом, который будет готов к моему приезду, либо под Парижем, либо в Бургундии, где я собираюсь провести зиму.

[Примечание Бонапарта с автографом, после перечисления войск и военных припасов, которые он хотел отправить, заканчивалось следующим списком:

1—я труппа актеров; 2—я труппа танцовщиц; 3—я несколько торговцев марионетками, по крайней мере, три или четыре; 9-я сотня француженок; 5-я жены всех мужчин, служащих в корпусе; 6-я двадцать хирургов, тридцать аптекарей и десять врачей; 7-я несколько основателей; 8-я несколько винокурен и торговцев спиртными напитками; 9-я пятьдесят садовников со своими семьями и семенами всех сортов. овощей; 10-го, каждая партия должна принести с собой: 200 000 пинт бренди; 11-го - 30 000 эллов синей и алой ткани; 12-го - запас мыла и масла.-Бурьен.]

(Подпись) БОНАПАРТ

Это сообщение брату о его отъезде подтверждается запиской, которую он отправил несколько дней спустя, с перечислением припасов и людей, которых он хотел отправить в Египет. Его записка убедительнее любых аргументов доказывает, что Бонапарт искренне желал сохранить свое завоевание и превратить его во французскую колонию. Следует иметь в виду, что упомянутая здесь записка, а также процитированное выше письмо были написаны задолго до уничтожения флота.

ГЛАВА XV.

1798.

Учреждение дивана в каждой египетской провинции—Дезэ в Верхнем Египте—Ибрагим—бей разбит Бонапартом при Салехье—Сулковский ранен—Катастрофа при Абукире—Недовольство и ропот в армии—Уныние главнокомандующего—Его план в отношении Египта —Обдуманый поход на Англию—Осуждение Директории Бонапартом—Перехваченная переписка.

Из деталей, которые я уже привел относительно планов Бонапарта по колонизации Египта, будет видно, что энергия его ума побудила его принять упреждающие меры для достижения целей, которые так и не были реализованы. В течение короткого промежутка времени, когда он вкладывал шпагу в ножны, он планировал создание временных правительств в городах и провинциях, оккупированных французскими войсками, и ловко ухитрялся служить интересам своей армии, не нарушая интересов страны. После того, как он пробыл в Каире четыре дня, в течение которых он занимался изучением всего и консультировался со всеми, от кого мог получить полезную информацию, он издал следующий приказ:

ШТАБ-КВАРТИРА, КАИР,

9-й Термидор VI года.

БОНАПАРТ, ЧЛЕН НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ, ПРИКАЗЫВАЕТ:

Статья 1. В каждой провинции Египта должен быть диван, состоящий из семи человек, обязанностью которого будет следить за интересами провинции; сообщать мне о любых жалобах, которые могут быть поданы; предотвращать военные действия между различными деревнями; задерживать и наказывать преступников (для чего они могут обратиться за помощью к французскому коменданту); и использовать любую возможность для просвещения народа.

Статья 2. В каждой провинции должен быть ага янычар, поддерживающий постоянную связь с французским комендантом. С ним должен быть отряд из шестидесяти вооруженных туземцев, которых он может брать с собой, куда ему заблагорассудится, для поддержания хорошего порядка, субординации и спокойствия.

Статья 3. В каждой провинции должен быть интендант, в обязанности которого будет входить взимание мири, феддама и других взносов, которые ранее принадлежали мамлюкам, но которые теперь принадлежат Французской Республике. Интенданты должны иметь столько агентов, сколько может потребоваться.

Статья 4. Указанный интендант должен иметь французского агента для переписки с Финансовым департаментом и выполнения всех распоряжений, которые он может получить.

(Подпись) БОНАПАРТ.

В то время как Бонапарт, таким образом, активно принимал меры по организации страны, — [Гораздо более тщательно и активно, чем те, которые были предприняты английским правительством в 1882-3-4 годах]—

Генерал Десо вступил в Верхний Египет в погоне за Мурад-беем. Мы узнали, что Ибрагим, который после Мурада был самым влиятельным из беев, направился в Сирию через Бельбейс и Салехию. Главнокомандующий немедленно принял решение лично выступить против этого грозного врага и покинул Каир примерно через пятнадцать дней после того, как

вступил в него. Нет необходимости описывать хорошо известное сражение, в котором Бонапарт отбросил Ибрагима к Эль-Аришу; кроме того, я не вдаюсь в подробности сражений, моя главная цель - зафиксировать события, свидетелем которых я был лично.

В битве при Салехье Бонапарт думал, что потерял одного из своих "адъютантов", Сулковского, к которому он был очень привязан и который был с нами на протяжении всей кампании в Италии. На поле битвы ни один предмет сожаления не может надолго овладеть умом; и все же по возвращении в Каир Бонапарт часто говорил со мной о Сулковском с непритворной скорбью.

"Я не могу в достаточной степени, - сказал он однажды, - восхищаться благородством духа и решительной отвагой бедняги Сулковского". Он часто говорил, что Сулковский был бы ценным помощником тому, кто взялся бы за возрождение Польши. К счастью, этот храбрый офицер не был убит в том случае, хотя и был серьезно ранен. Однако вскоре после этого он был убит.

Разгром французской эскадры на дорогах Абукира произошел во время отсутствия главнокомандующего. Это событие произошло 1 августа. Подробности общеизвестны, но есть одно обстоятельство, на которое я не могу удержаться, чтобы не упомянуть, и которое в то время вызвало глубокий интерес. Таково было героическое мужество сына Касабланки, капитана "Востока". Касабланка был среди раненых, и когда судно было взорвано, его сын, десятилетний мальчик, предпочел погибнуть вместе с ним, а не спастись самому, когда один из моряков обеспечил ему возможность к бегству. Я сказал "адъютанту", посланному генералом Клебером, который командовал Александрией, что главнокомандующий находится недалеко от Салехье. Он немедленно отправился туда, а Бонапарт поспешил обратно в Каир, преодолев расстояние примерно в тридцать три лиги.

Несмотря на любые утверждения об обратном, факт остается фактом: как только французские войска ступили на территорию Египта, они были полны недовольства и страстно желали вернуться домой.

—["Erreurs" возражает против такого описания жалоб армии, но Савари (том i, стр. 66, 67 и том i, стр. 89) полностью подтверждает это, приводя доводы в пользу того, что армия была не однородным формированием, а смешанными силами, собранными из Рима, Флоренции, Милана, Венеции, Генуи и Марсея; см. Также Тьер, том v., стр. 283. Но этот факт не единичен. В качестве яркого примера того, как во времена Империи солдаты в 1809 году в Испании фактически угрожали Наполеону в его собственном присутствии, см. Де Гонневиля (том i, стр. 190-193): "Солдаты дивизии Лаписса громко вынашивали самые зловещие замыслы против личности императора, подстрекая друг друга выстрелить в него и обвиняя в трусости за то, что они этого не сделали". Он слышал все это так же ясно, как и мы, и, казалось, его это несколько не волновало, но "отправил дивизию в хорошие места, а не в тюрьму". когда люди были полны такого же энтузиазма, как раньше, когда они бунтовали". В 1796 году д'Антрэг, шпион Бурбонов, сообщает: "Как правило, французский солдат ворчит и недоволен. Он обвиняет Бонапарта в том, что он вор и негодяй. Но завтра тот же самый солдат будет слепо повиноваться ему" ("Бонапарт Юнга", том iii, стр. 152).] -

Иллюзия экспедиции исчезла, и осталась только ее реальность. Какого горького ропота я только не слышал от Мюрата, Ланна, Бертье, Бессьера и других! Их жалобы были, действительно, часто настолько необоснованны, что почти приравнялись к подстрекательству к мятежу. Это сильно раздражало Бонапарта и вызвало у него суровые упреки и резкие высказывания.

—[Наполеон рассказал на острове Святой Елены, что в порыве раздражения он бросился к группе недовольных генералов и сказал одному из них, который отличался высоким ростом: "Вы придерживались крамольных выражений; но будьте осторожны, я не выполняю свой долг. Хотя в тебе пять футов десять дюймов роста, это не спасет тебя от пули". —Бурьен.] —

Когда пришло известие о потере флота, недовольство возросло. Все, кто нажил состояния при Наполеоне, теперь начали опасаться, что они никогда ими не воспользуются. Все обратили свои мысли к Парижу и его развлечениям и были совершенно обескуражены мыслью о разлуке со своими домами и друзьями на время, окончание которого невозможно было предвидеть.

Катастрофа при Абукире обрушилась на главнокомандующего подобно удару грома. Несмотря на всю свою энергию и силу духа, он был глубоко опечален обрушившимися на него бедствиями. К болезненным чувствам, вызванным жалобами и унынием его товарищей по оружию, теперь добавилось непоправимое несчастье - сожжение нашего флота. Он одним взглядом оценил роковые последствия этого события. Теперь мы были отрезаны от всякого сообщения с Францией и от всякой надежды вернуться туда, за исключением унижительной капитуляции перед неумолимым и ненавистным врагом. Бонапарт потерял все шансы сохранить свои завоевания, и для него это было действительно горьким размышлением. И в какое время с ним случилось это несчастье? В тот самый момент, когда он собирался обратиться за помощью к метрополии.

Из того, что генерал Бонапарт сообщил мне ранее, до 1 августа, следует, что его целью было, после того как он овладел Египтом, вернуться в Тулон с флотом; затем отправить войска и провиант любого рода в Египет; и затем объединить с флотом все силы, которые могли быть предоставлены не только Францией, но и ее союзниками, с целью нападения на Англию. Несомненно, что перед своим отъездом в Египет он представил Директории записку, касающуюся его планов. Он всегда считал нападение на Англию возможным, хотя и с фатальным результатом, до тех пор, пока мы будем уступать в военно-морской силе; но он надеялся различными маневрами обеспечить превосходство в одном пункте.

Его намерением было вернуться во Францию. Воспользовавшись уходом английского флота в Средиземное море, тревогой, вызванной его египетской экспедицией, паникой, которая могла быть вызвана его внезапным появлением в Булони, и его приготовлениями против Англии, он надеялся вынудить эту державу вывести свои военно-морские силы из Средиземного моря и предотвратить отправку войск в Египет. Этот проект часто крутился у него в голове. Он подумал бы, что было бы великолепно датировать приказ дня по руинам Мемфиса, а тремя месяцами позже - приказ из Лондона. Потеря флота превратила все эти смелые концепции в простые романтические видения.

Оставаясь со мной наедине, он давал волю своим эмоциям. Я заметил ему, что катастрофа, несомненно, была большой, но что она была бы бесконечно более непоправимой, если бы Нельсон встретился с нами на Мальте, или если бы он подождал нас за двадцать четыре часа до Александрии, или в открытом море. "Любое из этих событий, - сказал я, - которые были бы не только возможными, но и вероятными, лишило бы нас всех ресурсов. Мы здесь в блокаде, но у нас есть провизия и деньги. Давайте тогда терпеливо подождем, что Директория сделает для нас". — "Директория! - гневно воскликнул он. - Директория состоит из кучки негодяев! они завидуют и ненавидят меня и с радостью позволили бы мне погибнуть здесь. Кроме того, вы видите, как недовольна вся армия: ни один человек не хочет остаться".

Приятные иллюзии, которые мы лелеяли в начале экспедиции, развеялись задолго до нашего прибытия в Каир. Египет больше не был империей Птолемеев, покрытой

густонаселенными и богатыми городами; теперь он представлял собой одну неизменную сцену опустошения и нищеты. Вместо того чтобы получить помощь от жителей, которых мы разорили, ради освобождения их от ига беев, мы обнаружили, что все против нас: мамлюки, арабы и феллахи. Ни один француз не был спокоен за свою жизнь, если случайно удалялся на полмили от какого-либо населенного пункта или корпуса, к которому он принадлежал. Враждебность, царившая против нас, и недовольство армии ясно проявились в многочисленных письмах, которые были написаны во Францию в то время и перехвачены.

Мрачные размышления, которые поначалу одолевали Бонапарта, быстро рассеялись; и вскоре к нему вернулись сила духа и присутствие духа, которые были на мгновение поколеблены ошеломляющими новостями из Абукира. Он, однако, иногда повторял тоном, который трудно было бы описать: "Несчастный Брюи, что ты наделал!"

Я уже отмечал, что в некоторых случайных замечаниях, ускользнувших от внимания Наполеона на острове Святой Елены, он пытался возложить всю вину за случившееся на адмирала Брюи. Лица, которые полны решимости сделать Бонапарта исключением из человеческой природы, несправедливо упрекали адмирала в потере флота.

ГЛАВА XVI.

1798.

Египетский институт—Праздник рождения Магомета—Благоразумное уважение Бонапарта к магометанской религии—Его турецкая одежда—Джеззар, паша Акко—Мысли о кампании в Германии—Отсутствие новостей из Франции—Бонапарт и мадам Фурэ—Египетская гадалка месье Бертолле и шейх Эль Бекри-Авиаляния "Марлбрук"—Восстание в Каире—Смерть генерала Дюпюи—Смерть Сулковского—Восстание подавлено—Ночная казни—Уничтожение племени арабов—Конвой с больными и ранеными—Резня французов на Сицилии—планируемая экспедиция в Сирию—Письмо Типпу Саибу.

Потеря флота убедила генерала Бонапарта в необходимости быстрой и эффективной организации Египта, где все указывало на то, что нам придется остаться на значительное время, за исключением случая принудительной эвакуации, которую генерал отнюдь не предвидел и не опасался. Расстояние между Ибрагим-беем и Мурад-беем теперь немного успокоило его. Война, укрепления, налогообложение, правительство, организация диванов, торговля, искусство и наука - все это занимало его внимание. Были немедленно разосланы приказы и инструкции, направленные если не на то, чтобы исправить поражение, то, по крайней мере, на предотвращение первой опасности, которая могла возникнуть из-за этого. 21 августа Бонапарт основал в Каире институт искусств и наук, членом которого он впоследствии назначил меня в кабинете г-на де Сюси, который был вынужден вернуться во Францию из-за ранения, полученного им на борту флотилии на Ниле.

—[Институт Египта состоял из членов Французского института, а также из деятелей науки и искусства комиссии, которые не принадлежали к этому органу. Они собрали и пополнили свое число несколькими офицерами артиллерии и штаба, а также другими людьми, занимавшимися науками и литературой.

Институт был основан в одном из дворцов бея. Из Франции было привезено большое количество машин, физических, химических и астрономических инструментов. Они были распределены по разным комнатам, которые также были последовательно заполнены всеми диковинками страны, будь то животного, растительного или минерального царства.

Дворцовый сад превратился в ботанический сад. При штабе была создана химическая лаборатория; Бертолле проводил там эксперименты несколько раз в неделю, которые посещал Наполеон и большое количество офицеров ("Мемуары Наполеона")]—

Основывая этот институт, Бонапарт хотел показать пример своих представлений о цивилизации. Протоколы заседаний этого ученого органа, которые были напечатаны, свидетельствуют о его полезности и о широких взглядах Наполеона. Целями Института были продвижение и распространение информации в Египте, а также изучение и публикация всех фактов, относящихся к естественной истории, торговле и древностям этой древней страны.

18-го Бонапарт присутствовал на церемонии открытия дамбы Каирского канала, в который поступает вода Нила, когда она достигает высоты, обстреливаемой Мекиями.

Через два дня после этого состоялся юбилейный фестиваль в честь рождения Магомета. При этом присутствовал и Наполеон в компании шейха Эль-Бекри, который по его просьбе дал ему двух молодых мамлюков, Ибрагима и Рустана.

—[Главкомандующий отправился отмечать праздник Пророка в дом шейха Эль-Бекри. Церемония началась с чтения своего рода литании, повествующей о жизни Магомета от его рождения до смерти. Около сотни шейхов, сидя в кругу на коврах, скрестив ноги, декламировали все стихи, яростно раскачиваясь взад-вперед и вообще.

После этого был подан грандиозный обед, на котором гости сидели на коврах, скрестив ноги. В зале было двадцать столов, и за каждым столом сидело по пять-шесть человек. Комната главкомандующего и шейха Эль-Бекри находилась посередине; небольшая плита из драгоценного дерева, украшенная мозаикой, находилась на высоте восемнадцати дюймов над полом и была уставлена большим количеством блюд подряд. Это были рисовые пиллау, особый вид жаркого, первые блюда и выпечка, все очень приправленные специями. Шейхи перебирали все пальцами. Соответственно, во время ужина трижды приносили воду для мытья рук. В качестве питья подавались крыжовенная вода, лимонад и другие виды шербетов, а к десерту - обилие варенья и кондитерских изделий. В целом, ужин не был неприятным; странным нам показался только способ его употребления.

Вечером весь город был иллюминирован. После ужина группа отправилась на площадь Эль-Бекри, освещение которой цветными лампами было очень красивым. Присутствовало огромное количество людей. Все они были расставлены по порядку, рядами от двадцати до ста человек, которые, стоя близко друг к другу, читали молитвы и литании Пророка, движения которых все усиливались, пока, наконец, они не стали судорожными, и некоторые из самых усердных упали в обморок ("Мемуары Наполеона").]— [Рустан или Рустан, мамлюк, всегда был с Наполеоном со времени возвращения из Египта до 1814 года, когда он покинул своего господина. Он спал у двери "Наполеона" или рядом с ней. См. Ремюза, том i, стр. 209, забавное описание тревоги Жозефины и стремительного бегства мадам де Ремюза при мысли о том, что этот человек может быть встречен и убит этим человеком во время одной из ночных атак Жозефины на частную жизнь ее мужа, когда он уединяется со своей любовницей.]—

Утверждалось, что Бонапарт, находясь в Египте, принимал участие в религиозных церемониях и богослужении мусульман; но нельзя сказать, что он отмечал праздники разлива Нила и годовщину со дня рождения Пророка. Турки пригласили его на них просто как зрителя; и присутствие их нового хозяина было приятно народу. Но он никогда не совершал глупости, приказывая устраивать какие-либо торжества. Он не выучил и не повторял ни одной молитвы из Корана, как утверждали многие люди; он также не проповедовал фатализм, полигамию или какое-либо другое учение Корана. Бонапарт занимался чем-то большим, чем обсуждением с имамами теологии детей Исмаила. Церемонии, на которых политика вынуждала его присутствовать, были для него и для всех, кто его сопровождал, просто предметом любопытства. Нога его никогда не ступала в мечеть; и только в одном случае, о котором я упомяну позже, он облачился в магометанский костюм. Он посещал праздники, на которые его приглашали зеленые тюрбаны. Его религиозная терпимость была естественным следствием его философского склада ума.

—[Из этого сэр Вальтер Скотт делает вывод, что он без колебаний присоединился к мусульманам во внешних церемониях их религии. Он украшает свой роман нелепым фарсом о погребальной камере великой пирамиды и речами, обращенными к генералу, а также к муфтиям и имамам; и он добавляет, что Бонапарт был на грани принятия исламизма. Все, что говорит сэр Уолтер по этому поводу, является верхом абсурда и даже не заслуживает серьезного опровержения. Бонапарт никогда не заходил в мечеть, кроме как из любопытства (см. противоречие в предыдущем параграфе. Д.У.), и он ни на минуту не давал никаких оснований предполагать, что он верит в миссию Магомета. — Буррьен.]—

Несомненно, Бонапарт проявил, как и был обязан сделать, уважение к религии страны; и он считал необходимым действовать скорее как мусульманин, чем как католик. Мудрый завоеватель поддерживает свои победы, защищая и даже возвышая религию покоренного народа. Принцип Бонапарта состоял, как он сам часто говорил мне, в том, чтобы смотреть на религии как на дело рук людей, но повсюду уважать их как мощный механизм управления. Однако я не зайду так далеко, чтобы сказать, что он не изменил бы своей религии, если бы ценой этой перемены было завоевание Востока. Все, что он говорил о Магомете, исламизме и Коране великим людям страны, он смеялся над собой. Он испытывал удовлетворение от того, что все его прекрасные высказывания на тему религии были переведены на арабский язык поэзией и повторялись из уст в уста. Это, конечно, привело к примирению людей.

Я признаю, что Бонапарт часто беседовал с представителями мусульманской религии на тему своего обращения, но только ради развлечения. Жрецы Корана, которые, вероятно, были бы рады обратить нас в свою веру, предложили нам самые широкие уступки. Но эти разговоры были затеяны просто для развлечения, и никогда нельзя было предположить, что они приведут к какому-либо серьезному результату. Если Бонапарт говорил как мусульманин, то это было просто в его характере военного и политического лидера в мусульманской стране. Это было необходимо для его успеха, безопасности его армии и, следовательно, для его славы. В любой стране он составил бы прокламации и выступил с речами по тому же принципу. В Индии он был бы за Али, в Тибете - за Далай-ламу, а в Китае - за Конфуция.

—[По поводу своего предполагаемого обращения в магометанство Бонапарт высказался на острове Святой Елены следующим образом:

"Я никогда не следовал ни одному из догматов этой религии. Я никогда не молился в мечетях. Я никогда не воздерживался от вина, не был обрезан и никогда не исповедовал это. Я просто сказал, что мы были друзьями мусульман и что я уважал Магомета, их пророка, что было правдой; я уважаю его и сейчас. Я хотел заставить имамов возносить молитвы в мечетях за меня, чтобы люди уважали меня еще больше, чем на самом деле, и повиновались мне с большей готовностью.

Имамы ответили, что существует большое препятствие, потому что их Пророк в Коране внушил им, что они не должны повиноваться, уважать или придерживаться веры с неверными, и что я принадлежу к этой деноминации. Затем я пожелал, чтобы они провели консультацию и посмотрели, что необходимо сделать, чтобы стать мусульманином, поскольку некоторые из их догматов не могли быть применены нами на практике. Что касается обрезания, то Бог сделал нас непригодными для этого. Что касается употребления вина, то мы были бедными холодными людьми, жителями севера, которые не могли существовать без него. Они посоветовались соответствующим образом и примерно через три недели издали фетхам, в котором говорилось, что обрезание может быть опущено, поскольку это всего лишь профессия; что касается употребления вина, его могут пить мусульмане, но те, кто его выпьет, попадут не в рай, а в ад. Я ответил, что так не годится; что у нас нет необходимости становиться мусульманами, чтобы попасть в ад, что есть много способов попасть туда, не приезжая в Египет, и попросил их провести еще одну консультацию. После раздумий и совместной борьбы в течение, я думаю, трех месяцев они, наконец, решили, что мужчина может стать мусульманином и не делать обрезания и не воздерживаться от вина; но что пропорционально выпитому вину должны быть совершены некоторые добрые дела. Затем я сказал им, что все мы мусульмане и друзья Пророка, в что они действительно верили, поскольку французские солдаты никогда не ходили в церковь и с ними не было священников. Вы должны знать, что во время Революции во французской армии не было никакой религии. Мену, - продолжал Наполеон, - действительно обратился в магометанство, и это было причиной, по которой я оставил его здесь". —(Голоса с острова Святой Елены.)]

Главнокомандующему было сшито турецкое платье, которое он однажды надел просто в шутку. Однажды он попросил меня пойти завтракать, не дожидаясь его, и что он последует за мной. Примерно через четверть часа он появился в своем новом костюме. Как только его узнали, его встретили громким взрывом смеха. Он сел очень спокойно, но почувствовал себя так неловко в своем тюрбане и восточном одеянии, что быстро сбросил их, и у него никогда не возникало соблазна повторить маскарад.

Примерно в конце августа Бонапарт пожелал начать переговоры с пашой Акко по прозвищу Мясник. Он предложил Джеззару свою дружбу, добился ее взамен и дал ему самые утешительные заверения в безопасности своих владений. Он пообещал поддержать его против Великого сеньора в тот самый момент, когда тот заверял египтян, что поддержит Великого сеньора против беев. Но Джеззар, уверенный в своих силах и в защите англичан, которые предвосхитили Бонапарта, был глух ко всем увертюрам и не захотел даже принять Бовуазена, которого прислали к нему 22 августа. Второй посланник был обезглавлен в Акко. Занятия Бонапарта и необходимость закрепиться более прочно в Египте на некоторое время задержали вторжение в этот пашалык, который, помимо того, что был опасным соседом, вызывал месть своим варварством.

С того момента, как он получил сообщения о катастрофе при Абукире, до восстания в Каире 22 октября, Бонапарт иногда чувствовал, что время сильно зависит от него. Хотя он уделял внимание всему, все же для его необычайно активного ума не находилось достаточного занятия. Когда жара была не слишком сильной, он выезжал верхом; и по возвращении, если он не находил ни депеш для прочтения (что случалось часто), ни приказов для отправки, ни писем для ответа, он немедленно погружался в задумчивость и иногда вел очень странный разговор. Однажды, после долгой паузы, он сказал мне:

"Вы знаете, о чем я думаю?" — "Честное слово, это было бы очень трудно; вы думаете о таких необыкновенных вещах". — "Я не знаю, - продолжал он, - увижу ли я когда-нибудь снова

Францию; но если увижу, то мое единственное желание — совершить славную кампанию в Германии, на равнинах Баварии; выиграть там великое сражение и отомстить Франции за поражение при Хохштадте. После этого я бы уехал на пенсию в деревню и жил спокойно".

Затем он пустился в длинную диссертацию о предпочтении, которое он отдал бы Германии как театру военных действий; о прекрасном характере народа, процветании и богатстве страны, а также о ее способности содержать армию. Его беседы иногда были очень долгими, но всегда полны интереса.

—[Еще в 1794 году Наполеон предположил, что Австрия всегда должна подвергаться нападению со стороны Германии, а не Италии. "Это Германия должна быть разгромлена; сделав это, Италия и Испания падут сами по себе. Нападению должна подвергнуться Германия, а не Испания или Италия. Если мы добьемся большого успеха, никогда не следует использовать его для проникновения в Италию, в то время как Германия, не ослабленная, представляет собой грозный фронт" ("Бонапарт Юнга", том ii. стр. 936), Он всегда был против безумных планов, которые погубили так много французских армий в Италии и которые Директория пыталась навязать ему, о походе на Рим и Неаполь после каждого успеха на севере.]—

В эти промежутки досуга Бонапарт имел обыкновение рано ложиться спать. Я читал ему каждый вечер. Когда я читал стихи, он засыпал; но когда он попросил "Жизнь Кромвеля", я рассчитывал, что засижусь допоздна. В течение дня он обычно читал и делал заметки. Он часто выражал сожаление по поводу отсутствия новостей из Франции, поскольку переписка была невозможна из-за многочисленных английских и турецких крейсеров. Многие письма были перехвачены и скандально опубликованы. Не соблюдались даже семейные тайны и сообщения самого конфиденциального характера.

Примерно в середине сентября этого года (1798) Бонапарт приказал привести в дом Эльфи-бея полдюжины азиатских женщин, красоту которых, как он слышал, высоко превозносили. Но их некрасивая тучность не понравилась ему, и они были немедленно уволены. Через несколько дней он страстно влюбился в мадам Фурье, жену лейтенанта пехоты. Она была очень хорошенькой, и ее очарование усиливалось тем, что в Египте редко встретишь женщину, которая была рассчитана на то, чтобы радовать глаз европейца. Бонапарт арендовал для нее дом, примыкающий к дворцу Эльфи-бея, который мы заняли. Он часто заказывал там ужин, и я обычно приходила туда с ним в семь часов и уходила от него в девять.

Эта связь вскоре стала общей темой сплетен в штабе. Из чувства деликатности по отношению к М. Во-вторых, главнокомандующий дал ему задание в Директории. Он сел на корабль в Александрии, и корабль был захвачен англичанами, которые, будучи проинформированы о цели его миссии, оказались достаточно злонамеренными, чтобы отправить его обратно в Египет, вместо того чтобы держать в плену. Бонапарт хотел иметь ребенка от мадам Фурье, но это желание не было реализовано.

Знаменитый прорицатель был рекомендован Бонапарту жителями Каира, которые конфиденциально ручались за точность, с которой он мог предсказывать будущие события. За ним послали, и когда он прибыл, я, Венчер и шейх были с генералом. Пророк пожелал сначала испытать свое мастерство на Бонапарте, который, однако, предложил сначала предсказать мне судьбу, на что я без колебаний согласился. Чтобы дать представление о его пророческом мастерстве, я должен упомянуть, что с момента моего прибытия в Каир я был в очень слабом состоянии. Переправа через Нил и плохая пища, которой мы питались в течение двенадцати дней, сильно истощили меня, так что я был ужасно бледен и исхудал.

Осмотрев мои руки, пощупав пульс, лоб и затылок, гадалка пожал плечами и меланхоличным тоном сказал Венчеру, что не считает нужным сообщать мне о моей судьбе. Я дал ему понять, что он может говорить все, что ему заблагорассудится, поскольку мне это было безразлично. После значительных колебаний с его стороны и давления на меня он объявил мне, что Египетская земля примет меня через два месяца.

Я поблагодарил его, и он был отпущен. Когда мы остались одни, генерал сказал мне: "Ну, что ты об этом думаешь?" Я заметил, что гадалка не подвергала себя большому риску, предсказывая мою смерть, что было весьма вероятным обстоятельством в том состоянии, в котором я находился; "но, - добавил я, - если я доставлю вина, которые заказал во Франции, вы скоро увидите, как я снова приду в себя".

Искусство оказывать влияние на человечество во все времена было важной частью искусства управления; и это была не та часть науки управления, с которой Бонапарт был менее всего знаком. Он не упускал случая продемонстрировать египтянам превосходство Франции в искусствах и науках; но случалось, и не раз, что простой инстинкт египтян сводил на нет его усилия на этом пути. Через несколько дней после визита мнимой гадалки он пожелал, если можно так выразиться, противопоставить фокусника фокуснику. С этой целью он пригласил главных шейхов присутствовать при некоторых химических экспериментах, проведенных М. Бертолле. Генерал ожидал, что их изумление сильно позабавит, но чудеса превращения жидкостей, электрические колебания и гальванизм не вызвали у них никаких признаков удивления. Они наблюдали за действиями нашего талантливого химика с самым невозмутимым безразличием. Когда они закончили, шейх Эль Бекри попросил переводчика передать г-ну Бертолле, что все это очень хорошо; "но, - сказал он, - спросите его, может ли он сделать так, чтобы я был в Марокко и здесь в один и тот же момент?" г-н Бертолле ответил отрицательно, пожав плечами. "О! тогда, - сказал шейх, - он не наполовину колдун".

Наша музыка не произвела на них большего эффекта. Они равнодушно слушали все арии, которые им играли, за исключением "Марлбрука". Когда это прозвучало, они оживились и все пришли в движение, как будто были готовы танцевать.

Приказ о наблюдении за глашатаями мечетей, который был отдан по нашем прибытии в Каир, в течение нескольких недель игнорировался. В определенные часы ночи эти глашатаи обращаются с молитвами к Пророку. Поскольку это было просто повторение одной и той же церемонии снова и снова, вскоре на нее никто не обратил внимания. Турки, заметив эту небрежность, заменили свои молитвы и гимны криками о восстании, и по этому своего рода словесному телеграфу повстанческое возбуждение было передано на северные и южные оконечности Египта. Таким образом и с помощью тайных эмиссаров, которые ускользали от нашей слабой полиции и распространяли настоящие или поддельные фирманы султана, дезавуирующие соглашение между Францией и Портой и провоцирующие войну, план революции был организован по всей стране.

Сигнал к исполнению этого плана был дан с минаретов ночью 20 октября, а утром 21-го в штаб-квартире было объявлено, что в городе Каире началось открытое восстание. Главнокомандующего не было, как уже говорилось, на острове Раеудда: он не слышал стрельбы из сигнальных орудий. Он поднялся, когда пришли новости; было тогда пять часов. Ему сообщили, что все магазины закрыты и что французы подверглись нападению. Через мгновение после этого он услышал о смерти генерала Дюпюи, коменданта гарнизона, который был убит копьем на улице. Бонапарт немедленно вскочил на коня и в сопровождении всего тридцати проводников посетил все угрожаемые пункты, восстановил доверие и с большим присутствием духа принял меры к обороне.

Он оставил меня в штабе только с одним часовым; но он был точно проинформирован о положении повстанцев; и я был так уверен в его активности и дальновидности, что не испытывал никаких опасений и ждал его возвращения с совершенным спокойствием. Это спокойствие не было нарушено даже тогда, когда я увидел, как отряд повстанцев напал на дом месье Эстева, нашего главного казначея, который находился на противоположной стороне площади Эзбекье. Месье Эстев, к счастью, смог противостоять нападению, пока ему на помощь не подошли войска из Булака.

Посетив все посты и приняв все меры предосторожности, Бонапарт вернулся в штаб. Застав меня все еще наедине с часовым, он спросил меня, улыбаясь: "Не испугался ли я?" — "Вовсе нет, генерал, уверяю вас", - ответил я.

— Было около половины девятого утра, когда Бонапарт вернулся в штаб, и во время завтрака ему сообщили, что несколько арабов-бедуинов верхом на лошадях пытаются силой вторгнуться в Каир. Он приказал своему адъютанту Сулковскому сесть на лошадь, взять с собой пятнадцать проводников и отправиться туда, где нападавших было больше всего. Это был Баб-эль-Насер, или врата победы. Круазье заметил главнокомандующему, что Сулковский едва оправился от ран при Салехье, и предложил занять его место. У него были на это свои мотивы. Бонапарт согласился, но Сулковский уже отправился в путь. Через час один из пятнадцати проводников вернулся, весь в крови, и сообщил, что Сулковский и остальные члены его отряда были изрезаны на куски. Это была быстрая работа, потому что мы все еще сидели за столом, когда поступили печальные новости.

Минометы были установлены на горе Мокатам, которая возвышается над Каиром. Население, изгнанное войсками со всех главных улиц, собралось на площади перед Большой мечетью и на примыкающих к ней улочках, которые они забаррикадировали. Артиллерийский обстрел высот продолжался с удвоенной силой в течение двух дней.

Около двенадцати главных руководителей Каира были арестованы и заключены в квартиру при штаб-квартире. Они со спокойной покорностью ожидали смерти, которой, как они знали, заслуживали; но Бонапарт просто удерживал их в качестве заложников. Ага, состоявший на службе у Бонапарта, был удивлен, что им не был вынесен смертный приговор; и он сказал, пожимая плечами и делая жест, явно призванный вызвать суровость: "Вы видите, они этого ожидают".

На третий день восстание прекратилось, и спокойствие восстановилось. В цитадель были доставлены многочисленные заключенные. В соответствии с приказом, который я писал каждый вечер, двенадцать человек были казнены каждую ночь. Затем тела положили в мешки и бросили в Нил. В этих ночных казнях участвовало много женщин.

Мне неизвестно, чтобы число жертв достигало тридцати человек в день, как Бонапарт заверил генерала Ренье в письме, которое он написал ему через шесть дней после восстановления спокойствия. "Каждую ночь, - сказал он, - мы отрубаем по тридцать голов. Надеюсь, это будет наглядный пример". Я придерживаюсь мнения, что в данном случае он преувеличил масштабы своей справедливой мести.

Через некоторое время после восстания в Каире необходимость обеспечения нашей собственной безопасности вынудила нас совершить ужасный акт жестокости. Племя арабов в окрестностях Каира напало врасплох и перебило группу французов. Главнокомандующий приказал своему адъютанту Круазье прибыть на место, окружить племя, разрушить хижины, убить всех мужчин и увести остальное население в Каир. Приказ состоял в том, чтобы обезглавить жертвы и привезти их головы в мешках в Каир для показа народу. Эжен Богарне

сопровождал Круазье, который с радостью отправился в эту ужасную экспедицию в надежде стереть все воспоминания о деле Даманура.

На следующий день группа вернулась. Многие бедные арабские женщины родили в дороге, а дети умерли от голода, жары и переутомления. Около четырех часов дня на площадь Эзбекье прибыло стадо ослов, нагруженных мешками. Мешки были открыты, и головы выкатили перед собравшимся населением. Я не могу описать ужас, который я испытал, но, тем не менее, я должен признать, что эта бойня на значительное время обеспечила спокойствие и даже существование маленьких караванов, которые были вынуждены путешествовать во всех направлениях для службы армии.

Незадолго до гибели флота главнокомандующий задумал посетить Суэц, чтобы осмотреть следы древнего канала, соединявшего Нил с Аравийским заливом, а также пересечь последний. Восстание в Каире привело к тому, что этот проект был отложен до декабря месяца.

Перед своим отъездом в Суэц Бонапарт предоставил комиссару Сюси разрешение вернуться во Францию. Он получил ранение в правую руку, находясь на борту шебекского "Серфа". Я разговаривал с ним на палубе, когда он получил это ранение. Сначала казалось, что это несерьезно, но некоторое время спустя он не мог пользоваться своей рукой. Генерал Бонапарт отправил судно с больными и ранеными, которые считались неизлечимыми, числом около восьмидесяти. Все завидовали их судьбе и стремились уйти вместе с ними, но привилегия была предоставлена очень немногим. Однако у тех, кто был разочарован, не было причин для сожаления. Мы никогда не знаем, чего желаем. Капитан Маренго, высадившийся в Аугусте на Сицилии, полагая, что это дружественная страна, был обязан соблюдать карантин в течение двадцати двух дней, и о прибытии судна было сообщено суду, находившемуся в Палермо. 25 января 1799 года все находившиеся на борту французского судна были убиты, за исключением двадцати одного человека, которых спас неаполитанский фрегат и доставил в Мессинг, где они были задержаны.

Прежде чем он принял решение атаковать турецкий передовой отряд в долинах Сирии, Бонапарт разработал план вторжения в британскую Индию из Персии. Через своих агентов он выяснил, что персидский шах за заранее выплаченную денежную сумму согласится на создание военных складов в определенных пунктах своей территории. Бонапарт часто говорил мне, что если бы после покорения Египта он мог оставить в этой стране 15 000 человек и иметь под рукой 30 000 солдат, он бы двинулся маршем к Евфрату. Он часто говорил о пустынях, которые предстояло пересечь, чтобы добраться до Персии.

Сколько раз я видел его распростертым на земле, изучающим прекрасные карты, которые он принес с собой, и иногда он заставлял меня лечь в ту же позу, чтобы проследить мне его предполагаемый маршрут. Это напомнило ему о триумфах его любимого героя Александра, с которым он так сильно хотел связать свое имя; но в то же время он чувствовал, что эти проекты несовместимы с нашими ресурсами, слабостью правительства и недовольством, которое уже проявляла армия. Лишения и невзгоды неотделимы от всех этих удаленных операций.

Эта любимая идея все еще занимала его ум за две недели до того, как был определен его отъезд в Сирию, и 25 января 1799 года он написал Типпу Саибу следующее:—

Вы, конечно, уже проинформированы о моем прибытии на берега Красного моря с многочисленной и непобедимой армией. Горя желанием избавить вас от железного ига Англии, я спешу попросить вас прислать мне посредством Маскате или Мокко отчет о политической ситуации, в которой вы находитесь. Я также хотел бы, чтобы вы послали в Суэц или Большой Каир какого-нибудь способного человека, пользующегося вашим доверием, с которым я мог бы посоветоваться.

—[Как часто утверждалось, это неправда, что Типпу Саиб написал генералу Бонапарту. Он не смог ответить на письмо, написанное 23 января, из-за большой трудности связи, значительного расстояния и короткого промежутка времени, прошедшего между 25 января и падением Майсурской империи, которое произошло 20 апреля следующего года. Письмо Типпу Саибу начиналось словами "Гражданин султан!" — Бурьен]—

ГЛАВА XVII.

1798-1799.

Отъезд Бонапарта в Суэц —Пересечение пустыни—Переход через Красное море—Фонтан Моисея—Кенобиты горы Синай—Опасность повторного перехода через Красное море—Возвращение Наполеона в Каир—Деньги, взятые займы в Генуе—Новые планы в отношении Сирии—Недовольство Османской Порты—План вторжения в Азию—Гигантские планы—Разрешение генерала Бертье вернуться во Францию—Его романтическая любовь и обожаемый портрет—Он отказывается от разрешения вернуться домой—Луи Бонапарт покидает Египет—Первая кашемировая шаль во Франции—Перехваченная корреспонденция—Отъезд в Сирию—Фонтаны Мессудиша—Ревность Бонапарта—Недовольство войск—Взятие Эль-Ариша—Аспект Сирии—Рамлех—Иерусалим.

24 декабря мы отправились в Суэц, куда прибыли 26-го. 25-го мы разбили лагерь в пустыне за несколько лиг до Ад-Герота. Днем стояла очень сильная жара, но около одиннадцати вечера холод стал настолько сильным, что находился в точном обратном соотношении с дневной температурой. Эта пустыня, по которой проходят караваны из Суэца, из Тора и стран, расположенных на севере Аравии, усеяна костями людей и животных, которые на протяжении веков погибали, пересекая ее. Поскольку дров раздобыть было негде, мы собрали некоторое количество этих костей в качестве топлива. Самого Монжа убедили принести в жертву несколько любопытных черепов животных, которые он подобрал по дороге и передал в берлинскую резиденцию главнокомандующего. Но как только мы разожгли костры, невыносимый сток вынудил нас свернуть лагерь и продвигаться дальше, так как мы не могли раздобыть воды для тушения пожаров.

27-го Бонапарт занялся инспекцией города и порта Суэц и отдал приказы о некоторых военно-морских работах. Он опасался — того, что действительно произошло после его отъезда из Египта, — прибытия части английских войск из Ост-Индии, в которую он намеревался вторгнуться. Эти полки внесли свой вклад в потерю его завоеваний.

—[Сэр Дэвид Бэрд с отрядом численностью около 7000 человек, присланным из Индии, высадился в Коссейре в июле 1801 года.]—

Утром 28-го мы пересекли Красное море посуху, чтобы отправиться к Колодцам Моисея, которые находятся почти в миллиметре от восточного побережья и немного к юго-востоку от Суэца. Аравийский залив заканчивается примерно в 5000 метрах к северу от этого города. Рядом с портом Красное море имеет ширину не более 1500 метров, и его всегда можно перейти вброд при низкой воде. Караваны из Тора и горы Синай всегда проходят в этой части,

—[Я ничего не буду говорить о кенобитах горы Синай, поскольку не имел чести видеть их. Не видел я и реестра, содержащего имена Али, Салах-Эддина, Ибрагима или Абрахама, в который, как говорят, Бонапарт вписал свое имя. Я заметил на расстоянии несколько высоких холмов, которые, как говорили, были горой Синай. Я беседовал через переводчика с несколькими арабскими вождями Тора и его окрестностей. Им сообщили о нашей поездке к Колодцам и о том, что они могут там поблагодарить французского генерала за защиту, предоставленную их караванам и их торговле с Египтом. 19 декабря, перед своим отъездом из Суэца, Бонапарт подписал нечто вроде гарантии, или освобождения от пошлин, для монастыря на горе Синай. Это было даровано из уважения к Моисею и еврейскому народу, а также потому, что монастырь на горе Синай является средоточием знаний и цивилизации среди варварства пустынь. Бурьен.]—

либо при поездке в Египет, либо при возвращении из Египта. Это сокращает их путешествие почти на мириаметр. Во время прилива вода в Суэце поднимается на пять-шесть футов, а когда дует свежий ветер, она часто поднимается до девяти-десяти футов.

Мы провели несколько часов, сидя у самого большого из источников, называемых Колодцами Моисея, расположенного на восточном берегу Аравийского залива. Мы варили кофе на воде из этих источников, которая, однако, придавала ему такой солоноватый привкус, что его едва ли можно было пить.

Хотя вода из восьми маленьких источников, образующих Колодцы Моисея, не такая соленая, как во многих колодцах, вырытых в других частях пустынь, она, тем не менее, чрезвычайно солоноватая и не утоляет жажду так хорошо, как пресная вода.

Той же ночью Бонапарт вернулся в Суэц. Когда мы достигли берега, было очень темно. Начинался прилив, и вода была довольно высокой. Мы немного отклонились от пути, которым шли утром; мы переправились слишком низко; мы были сбиты с толку, но мы не заблудились в болотах, как было сказано. Таковых не было. Я где-то читал, хотя и не видел этого факта и не слышал, чтобы он упоминался в то время, что приближающийся прилив стал бы могилой главнокомандующего, если бы один из проводников не спас его, взвалив на плечи. Если бы такая опасность существовала, все, у кого не было подобных средств спасения, должны были погибнуть.

Это выдумка. Генерал Каффарелли был единственным человеком, который действительно находился в опасности, поскольку его деревянная нога мешала ему твердо сидеть на лошади в воде; но несколько человек пришли ему на помощь и поддержали его.

—[Бонапарт, как и другие, избежал реальной опасности, которой подверглись он и его эскорт. На острове Святой Елены он сказал: "Воспользовавшись отливом, я пересек Красное море без обуви. На обратном пути меня застала ночь, и я заблудился в разгар прилива. Я подвергался величайшей опасности. Я чуть не погиб таким же образом, как фараон. Это, несомненно, дало бы всем христианским проповедникам великолепное испытание против меня". — Бурьен.] —

По возвращении в Каир главнокомандующий пожелал осмотреть участок канала, который в древние времена соединял Красное море и Нил у Бельбейса. Месье Лепер, который был членом Египетского института, а сейчас является генеральным инспектором мостов и шоссейных дорог, выполнил на месте прекрасный план, с которым могут с уверенностью ознакомиться те, кто желает составить точное представление об этом древнем сообщении и уровне двух морей.

—[Поскольку это точно установлено в ходе работ по строительству Суэцкого канала.]—

По прибытии в столицу Бонапарт снова посвятил все свои мысли делам армии, которыми он не занимался во время своего короткого отсутствия. Доходов Египта было далеко не достаточно для покрытия военных расходов. Чтобы покрыть свои собственные расходы, Бонапарт привлек несколько значительных займов в Генуе через посредство месье Джеймса. Связь Джеймса с семьей Бонапартов восходит к этому периоду.

—[Жозеф Бонапарт говорит, что отцы Наполеона и месье Джеймса давно знали друг друга и что Наполеон познакомился с Джеймсом в Отене. ('Erreurs', tome i, p. 296).]—

Начиная с августа месяца внимание генерала Бонапарта было постоянно приковано к Сирии. Период возможной высадки противника в Египте к настоящему времени миновал и мог возобновиться только в июле месяце следующего года. Бонапарт был полностью убежден, что высадка состоится, и он не обманулся. Османская Порта действительно была убеждена, что завоевание Египта не в ее интересах. Она предпочла терпеть мятежника, которого надеялась однажды усмирить, поддержке власти, которая под благовидным предлогом приведения к повиновению ее мятежных беев лишила ее одной из лучших провинций и угрожала остальной империи.

По возвращении в Каир у главнокомандующего больше не было никаких сомнений относительно курса, который намеревалась избрать Порта. Многочисленный класс лиц, считавших, что Османская Порта дала согласие на нашу оккупацию Египта, внезапно перестал быть обманутым. Затем был задан вопрос, как мы могли без этого согласия предпринять такое предприятие? Было сказано, что ничто не могло бы оправдать безрассудство такой экспедиции, если бы она привела к разрыву между Францией, Османской империей и ее союзниками. Однако до конца года Бонапарт не опасался ничего, кроме экспедиции из Газы и Эль-Ариша, которыми войска Джебзара уже овладели. Эта оккупация была справедливо расценена как решительный акт враждебности; таким образом, война была практически объявлена. "Мы должны принять упреждающие меры, - думал Наполеон, - мы должны уничтожить этот передовой отряд Османской империи, разрушить укрепления Яффы и Акко, опустошить страну, уничтожить все ее ресурсы, чтобы сделать невозможным переход армии через пустыню". Так была спланирована экспедиция против Сирии.

Генерал Бертье после неоднократных просьб получил разрешение вернуться во Францию. Фрегат "Куражез", который должен был доставить его домой, снаряжался в Александрии; он получил необходимые инструкции и должен был покинуть Каир 29 января, за десять дней до отъезда Бонапарта в Сирию. Бонапарту было жаль расставаться с ним, но он не мог вынести, что старый друг, хорошо служивший ему во всех его кампаниях, умирает у него на глазах жертвой ностальгии и романтической любви. Кроме того, Бертье уже некоторое время был далек от активного исполнения своих обязанностей. Его страсть, доходившая почти до безумия, подорвала слабые способности, которыми наделила его природа. Некоторые

писатели причисляют его к разряду сентиментальных любовников: как бы то ни было, уважение, которое Бертье оказывал портрету предмета своего обожания, чаще возбуждало наше веселье, чем чувствительность.

Однажды я отправился с приказом Бонапарта к начальнику его штаба, которого застал на коленях перед портретом мадам Висконти, висевшим напротив двери. Я дотронулась до него, чтобы дать ему знать, что я рядом. Он немного поворчал, но не рассердился.

Приближался момент, когда двум друзьям предстояло расстаться, возможно, навсегда. Бонапарт был искренне огорчен этой разлукой, и начальник его штаба был проинформирован об этом факте. В тот момент, когда предполагалось, что Бертье находится на пути в Александрию, он явился к главнокомандующему. "Значит, вы решительно направляетесь в Азию?" — спросил он. "Вы знаете, - ответил генерал, - что все готово, и я отправляюсь в путь через несколько дней". "Что ж, я вас не оставлю. Я добровольно отказываюсь от всякой мысли о возвращении во Францию. Я не смог бы оставить вас в тот момент, когда вы столкнетесь с новыми опасностями. Вот мои инструкции и мой паспорт". Бонапарт, весьма довольный этим решением, обнял Бертье, и прохладца, вызванная его просьбой вернуться домой, сменилась искренним примирением.

Луи Бонапарт, страдавший от последствий путешествия, все еще находился в Александрии. Главнокомандующий, уступая миролюбивым взглядам своего младшего брата, который тоже начинал проявлять некоторые симптомы ностальгии, согласился на его возвращение домой. Однако он не мог уехать до 11 марта 1799 года. Я очень сильно переживал отсутствие Людовика.

По возвращении во Францию Людовик проезжал через Санс, где обедал с мадам де Бурьен, которой подарил красивую шаль, подаренную мне генералом Бертье. Я полагаю, это был первый кашемир, который когда-либо видели во Франции. Луи был очень удивлен, когда мадам де Бурьен показала ему египетскую корреспонденцию, которая была изъята англичанами и отпечатана в Лондоне. Он нашел в коллекции несколько писем, адресованных ему самому, и, по его словам, были и другие, которые, вероятно, нарушат покой более чем одной семьи после возвращения армии.

11 февраля 1799 года мы начали наш поход в Сирию примерно с 12 000 человек. Ошибочно утверждалось, что армия насчитывала всего 6000 человек: почти столько же было потеряно в ходе кампании. Однако в тот самый момент, когда мы были на пути в Сирию с 12 000 человек, едва ли столько же осталось в Египте, Директория опубликовала, что, "согласно полученной информации", у нас было 60 000 пехотинцев и 10 000 кавалеристов; что численность армии удвоилась в результате сражений; и что с момента нашего прибытия в Египет мы потеряли всего 300 человек. Можно ли писать историю на основе таких документов?

Около четырех часов пополудни мы прибыли в Мессудию, или "Счастлирое место". Здесь мы стали свидетелями своеобразного явления, которое было нам не на шутку приятно. Мессудия - это место, расположенное на побережье Средиземного моря, окруженное небольшими дюнами с очень мелким песком, который легко проникает под обильные зимние дожди. Дождь остается в песке, так что, если проделать пальцами отверстия глубиной в четыре-пять дюймов у подножия этих маленьких холмиков, вода сразу же вытекает. Эта вода действительно была довольно густой, но вкус у нее был приятный; и она стала бы прозрачной, если бы мы могли уделить ей время, чтобы дать ей отстояться и осесть содержащимся в ней частицам песка.

Это было любопытное зрелище - наблюдать, как мы все лежим ниц, роём колодцы в миниатюре и проявляем смехотворный эгоизм в наших попытках заполучить самый обильный источник. Это было очень важное открытие для нас. Мы нашли эти песчаные колодцы на краю пустыни, и это в немалой степени способствовало возрождению мужества наших солдат; кроме того, когда люди, как это было в случае с нами, подвергаются всякого рода лишениям, малейшая полученная выгода вселяет надежду на новое преимущество. Мы приближались к границам Сирии и наслаждались предвкушением, удовольствием, которое нам предстояло испытать, ступая по земле, которая своим разнообразием зелени и растительности будет напоминать нам нашу родную землю. В Мессудии мы также имели преимущество купаться в море, которое находилось не более чем в пятидесяти шагах от нашего неожиданного источника воды.

Однажды, находясь недалеко от источников Мессудии, по дороге в Эль-Ариш, я увидел Бонапарта, прогуливающегося наедине с Жюно, что у него часто было в привычке. Я стоял немного поодаль, и мои глаза, сам не знаю почему, были прикованы к нему во время их разговора. Лицо генерала, которое всегда было бледным, без моего ведома стало бледнее обычного. В чертах его лица было что-то судорожное, во взгляде - дикость, и он несколько раз ударил себя рукой по голове. Побеседовав с Жюно около четверти часа, он оставил его и подошел ко мне. Я никогда не видел, чтобы он выказывал такое недовольство или казался настолько находящимся под влиянием какого-то предубеждения. Я подошел к нему, и как только мы встретились, он воскликнул резким и сердитым тоном: "Итак! Я понял, что не могу на вас положиться.— Эти женщины!—Джозефина! —если бы ты любила меня, ты бы раньше рассказала мне все, что я слышал от Жюно — он настоящий друг — Жозефине!—а я в 600 лье от нее — ты должна была сказать мне.—Что она таким образом обманула меня!— Горе им!—Я уничтожу всю расу щеголей и щенков!—Что касается ее — разведусь! — да, разведусь! публичный развод!—Я должен написать!—Я все знаю!—Это твоя вина — ты должен был сказать мне!"

Эти энергичные и прерывистые восклицания, его встревоженное выражение лица и изменившийся голос слишком хорошо рассказали мне о предмете его разговора с Жюно. Я понял, что Жюно был вовлечен в преступную неосторожность; и что, если Жозефина и совершила какие-то ошибки, он жестоко преувеличил их. Мое положение было крайне щекотливым. Однако мне посчастливилось сохранить самообладание, и как только эта первая вспышка сменилась некоторым спокойствием, я ответил, что мне ничего не известно о слухах, которые Жюно мог сообщить ему; что даже если бы такие слухи, часто являющиеся порождением клеветы, достигли моих ушей, и если бы я счел своим долгом сообщить ему о них, я, конечно, не выбрал бы для этой цели момент, когда он находился в 600 лье от Франции. Я также не скрывал, каким предосудительным казалось мне поведение Жюно и каким неблагородным я считал столь опрометчивое обвинение женщины, которая не присутствовала при этом, чтобы оправдываться или защищаться; что не было большим доказательством привязанности добавлять домашнее беспокойство к тревоге, и без того достаточно большой, которую вызывало у него положение его братьев по оружию в начале опасного предприятия.

Несмотря на эти замечания, которые, однако, он выслушал с некоторым спокойствием, слово "развод" все еще срывалось с его губ; и необходимо отдавать себе отчет в степени раздражения, которому он был подвержен, когда что-либо серьезно его раздражало, чтобы составить представление о том, каким был Бонапарт во время этой болезненной сцены. Однако я стоял на своем. Я повторил то, что сказал. Я умолял его подумать о том, с какой легкостью фабриковались и распространялись небылицы, и что сплетни, подобные той,

которую ему передали, были всего лишь развлечением праздных людей и заслуживали презрения сильных умов. Я говорил о его славе. "О моей славе!" - воскликнул он. "Не знаю, чего бы я только не отдал, если бы то, что сказал мне Жюно, оказалось неправдой; я так сильно люблю Жозефину! Если она действительно виновна, развод должен разлучить нас навсегда. Я не собираюсь становиться посмешищем для всех идиотов в Париже. Я напишу Джозефу, он добьется объявления о разводе".

Хотя его возбуждение продолжалось долго, случались промежутки, когда он был менее возбужден. Я воспользовался одним из таких моментов сравнительного спокойствия, чтобы побороть идею развода, которая, казалось, овладела его разумом. Я особо подчеркнул ему, что было бы неосмотрительно писать его брату со ссылкой на сообщение, которое, вероятно, было ложным. "Письмо могло быть перехвачено; это выдало бы чувство раздражения, которое им было продиктовано. Что касается развода, то пришло бы время подумать об этом позже, но обдуманно".

Эти последние слова произвели на него действие, на которое я не смел надеяться так быстро. Он успокоился, выслушал меня так, словно внезапно почувствовал справедливость моих замечаний, оставил эту тему и больше к ней не возвращался; за исключением того, что примерно две недели спустя, когда мы были в Сен-Жан-д'Акре, он выразил крайнее недовольство Жюно и пожаловался на обиду, которую тот причинил ему своими неосторожными разоблачениями, которые он начал рассматривать как злонамеренные измышления. Впоследствии я понял, что он так и не простил Жюно эту неосмотрительность; и я могу заявить почти с уверенностью, что это было одной из причин, по которой Жюно не был произведен в маршалы Франции, как многие из его товарищей, которых Бонапарт любил меньше. Можно предположить, что Жозефина, которой Бонапарт впоследствии сообщил о разговоре Жюно, не была особенно заинтересована в его благосклонности. Он умер сумасшедшим 27 июля 1813 года.

—[Каким бы нескромным ни проявил себя Жюно в этом случае, вмешавшись в столь деликатное дело, совершенно очевидно, что его подозрения были высказаны не кому иному, как самому Бонапарту. Мадам Жюно, говоря о плохо скрываемой вражде между ее мужем и мадам Бонапарт, говорит, что он ни словом не обмолвился даже ей о предмете своего разговора с главнокомандующим в Египте. Однако к свидетельству Жюно, несмотря на одобрение, оказанное ему родственниками Бонапарта, следует относиться с осторожностью, как показывает следующий отрывок из "Воспоминаний герцогини д'Абрантес", том i., стр. 250, демонстрирующий чувство раздражения между сторонами:

"Жюно сопровождал мадам Бонапарт, когда она отправилась присоединиться к главнокомандующему в Италии. Я удивлен, что господин де Буррьенн не упомянул об этом обстоятельстве в своих Мемуарах. Он, должно быть, знал это, поскольку был хорошо знаком со всем, что касалось Джозефины, и знал много фактов, представляющих большой интерес в ее жизни в этот период и впоследствии. Как случилось, что он также не упоминает мадемуазель Луизу, которую можно было бы назвать "мадемуазель компаньонка", а не "камеристкой"? В начале путешествия в Италию она была такой любимицей Жозефины, что одевалась как ее хозяйка, ела за одним столом с ней и во всех отношениях была ее другом и наперсницей.

"Путешествие было долгим, слишком долгим для Жюно, хотя он был очень влюблен в мадемуазель Луизу. Но ему не терпелось вступить в армию, поскольку для него его генерал всегда была самой дорогой из любовниц. Жюно часто рассказывал мне, и только мне, о неприятностях, которые он испытал в этом путешествии. Он мог бы добавить к своим обстоятельным деталям, касающимся Жозефины, разговор, который, как сообщается, состоялся у него с Бонапартом в Египте; но он никогда не обмолвился ни словом на эту тему, поскольку его характер всегда был

благородным и великодушным. Путешествие в Италию не произвело того эффекта, который обычно возникает в результате подобных инцидентов в обычной жизни, а именно более тесной дружбы и интимности между сторонами. Напротив, мадам Бонапарт с этого момента стала проявлять некоторую неприязнь к Жюно и с особой теплотой жаловалась на недостаток уважения, которое он проявил к ней, занимаясь любовью с ее "камеристкой" у нее на глазах".

Согласно "Ошибкам" (том i. стр. 4, 50), Жюно тогда не было в Сирии. 10 февраля Наполеон был в Мессудии. Жюно прибыл из Египта в Газу только 25 февраля. Мадам д'Абрантес (ii. 32) считает этот разговор апокрифическим. "Это (ее собственный анекдот) не выдуманный эпизод, подобный тому, например, когда человека заставляют выступать в Мессудии, которого там никогда не было".] —

Наша маленькая армия продолжила свой марш на Эль-Ариш, куда мы прибыли 17 февраля. Усталость, испытанная в пустыне, и нехватка воды вызвали бурный ропот среди солдат во время их перехода через перешеек. Когда мимо них проезжал какой-нибудь всадник, они старательно выражали свое недовольство. Преимущество, которым обладали всадники, вызвало у них сарказм. Я никогда не слышал стихов, которые, как говорят, они повторяли, но они позволяли себе самые яростные высказывания в адрес Республики, людей науки и тех, кого они считали авторами экспедиции. Тем не менее эти храбрые ребята, у которых не вызывало удивления, что такие большие лишения вызывают жалобы, часто компенсировали горечь своих упреков любезностями.

Много раз во время перехода через перешеек я видел, как солдаты, изнывая от жажды и не в силах дождаться часа раздачи воды, прокалывали кожаные бутылки, в которых она содержалась; и это поведение, столь пагубное для всех, вызвало многочисленные ссоры.

Эль-Ариш сдался 17 февраля. Ошибочно утверждалось, что гарнизон этого незначительного места, который был отпущен на свободу при условии, что он больше не будет служить против нас, впоследствии был обнаружен среди осажденных в Яффе. Также было заявлено, что именно из-за того, что люди, составлявшие гарнизон Эль-Ариша, не двинулись в Багдад, согласно капитуляции, мы расстреляли их в Яффе. Сейчас мы увидим ложность этих утверждений.

28 февраля мы впервые увидели зеленые и плодородные равнины Сирии, которые во многих отношениях напоминали нам климат и почву Европы. Теперь у нас шел дождь, и иногда даже слишком сильный. Чувства, вызванные видом долин и гор, заставили нас в какой-то степени забыть о тяготах и огорчениях экспедиции, цель и конец которой мало кто мог предвидеть. В жизни бывают ситуации, когда малейшее приятное ощущение облегчает все наши беды.

1 марта мы ночевали в Рамле, в маленьком монастыре, занимаемом двумя монахами, которые уделяли нам величайшее внимание. Они отдали нам церковь под больницу. Эти добрые отцы не преминули рассказать нам, что именно через это место семья Иисуса Христа перешла в Египет, и показали нам источники, у которых они утоляли свою жажду.

—[Рамле, древняя Аримафея, расположена у подножия горной цепи, восточная оконечность которой омывается Персидским заливом, а западная - Средиземным морем. Бурьен.]—

Чистая и прохладная вода этих колодцев привела нас в восторг.

Мы были не более чем в шести лигах от Иерусалима.

Я спросил генерала, не намерен ли он направить свой марш через этот город, столь прославленный во многих отношениях. Он ответил: "О нет! Иерусалим не входит в сферу моей деятельности. Я не хочу, чтобы меня раздражали альпинисты на сложных дорогах. И, кроме того, с другой стороны горы на меня нападут полчища кавалерии. Я не претендую на судьбу Кассия.

Поэтому мы не вошли в Иерусалим, который не был потревожен войной. Все, что мы сделали, это направили письменное заявление лицам, стоящим у власти в Иерусалиме, заверив их, что у нас нет никаких замыслов против этой страны и мы лишь желаем им сохранять мир. На это сообщение не было получено никакого ответа, и больше по этому вопросу ничего не передавалось.

—[Говоря о Бонапарте, сэр Вальтер Скотт говорит, что, по его мнению, этот маленький артиллерийский офицер мечтал стать королем Иерусалима. То, что я только что сказал, доказывает, что он никогда не думал о таких вещах. У "маленького офицера артиллерии" в голове была гораздо более великолепная мечта. Бурьен.]—

Мы нашли в Рамле от двух до трех сотен христиан в плачевном состоянии рабства, нищеты и уныния. Беседуя с ними, я не мог не восхититься тем, насколько надежда на будущие награды может утешать людей в нынешних бедах. Но от многих из них я узнал, что они не жили в гармонии друг с другом. Чувства ненависти и ревности распространены среди этих людей не меньше, чем среди более образованных жителей богатых и густонаселенных городов.

ГЛАВА XVIII

1799.

Прибытие в Яффо—Осада—Богарне и Круазье—Четыре тысячи пленных—Нехватка провизии—Военные советы—Ужасная необходимость—Резня—Чума—Ланн и горцы— Варварство Джеззара—Прибытие в Сен—Жан д'Акр и безуспешные атаки—Сэр Сидни Смит—Смерть Каффарелли—Ранение Дюрока— Поспешное купание—Восстания в Египте.

По прибытии в Яффу, где уже стояло несколько войск, первым человеком, которого я встретил, был генерал-адъютант Грезье, с которым я был хорошо знаком. Я пожелал ему доброго дня и протянул руку. "Боже милостивый! что вы делаете?" - сказал он, отталкивая меня резким жестом. "У вас, наверное, чума. Здесь люди не прикасаются друг к другу!" Я упомянул об этом обстоятельстве Бонапарту, который сказал: "Если он боится чумы, то умрет от нее". Вскоре после этого, в Сен-Жан-д'Акре, на него напала эта болезнь, и вскоре он скончался.

4 марта мы начали осаду Яффы. Это ничтожное местечко, которое в заключение было помпезно названо древней Иоппией, продержалось только до 6 марта, когда было взято штурмом и отдано на разграбление. Резня была ужасной. Генерал Бонапарт послал своих адъютантов Богарне и Круазье, чтобы они, насколько это возможно, успокоили ярость

солдат и доложили ему о происходящем. Они узнали, что значительная часть гарнизона удалилась в какие-то обширные здания, своего рода караван-сарай, которые образовывали большой закрытый двор. Богарне и Круазье, отличившиеся тем, что носили на руках шарф "адъютант", направились к этому месту. Арнауты и албанцы, из которых почти полностью состояли эти беженцы, кричали из окон, что они готовы сдаться при условии, что их избавят от резни, на которую был обречен город; в противном случае они угрожали открыть огонь по "адъютантам" и защищаться до последней крайности. Оба офицера сочли, что им следует согласиться с этим предложением, несмотря на смертный приговор, который был вынесен всему гарнизону вследствие взятия города штурмом. Они привели их в наш лагерь двумя подразделениями, одно из которых состояло примерно из 2500 человек, другое - примерно из 1600.

Я прогуливался с генералом Бонапартом перед его палаткой, когда он увидел приближающуюся массу людей, и еще до того, как он увидел своих "адъютантов", он сказал мне тоном глубокой печали: "Что они хотят, чтобы я сделал с этими людьми? У меня есть для них еда? — корабли, чтобы переправить их в Египет или Францию? Почему, во имя дьявола, они так со мной поступили?" После их прибытия и объяснений, которых потребовал и выслушал с гневом главнокомандующий, Эжен и Круазье получили строжайший выговор за свое поведение. Но дело было сделано. Там было четыре тысячи человек. Необходимо было решить их судьбу. Два адъютанта заметили, что они оказались одни среди многочисленных врагов и что он приказал им прекратить резню. "Да, несомненно, - ответил главнокомандующий с большой теплотой, - в отношении женщин, детей и стариков - всех мирных жителей; но не в отношении вооруженных солдат. Твоим долгом было скорее умереть, чем привести ко мне этих несчастных созданий. Что ты хочешь, чтобы я с ними сделал? Эти слова были произнесены самым сердитым тоном.

Затем пленным приказали сесть, и их без всякого порядка поставили перед палатками со связанными за спиной руками. На их лицах была написана мрачная решимость. Мы дали им немного печенья и хлеба, выжатых из и без того скудных армейских запасов.

В первый день их прибытия в палатке главнокомандующего был проведен военный совет, чтобы определить, какого курса следует придерживаться по отношению к ним. Совет долго совещался, так и не придя ни к какому решению.

Вечером следующего дня поступили ежедневные донесения дивизионных генералов. Они не говорили ни о чем, кроме нехватки пайков, жалоб солдат — об их ропоте и недовольстве при виде того, как их хлеб отдают врагам, которые были отстранены от мести, поскольку в Яффо был вынесен смертный приговор в соответствии с законами войны. Все эти сообщения были тревожными, и особенно сообщение генерала Бона, в котором не было сделано никаких резервов. Он говорил ни о чем ином, как о страхе перед восстанием, которое было бы оправдано серьезным характером дела.

Совет собрался снова. Были вызваны все дивизионные генералы, и в течение нескольких часов они вместе обсуждали, по отдельным вопросам, какие меры можно было бы принять, с самым искренним желанием найти и привести в исполнение меры, которые спасли бы жизни этих несчастных заключенных.

(1.) Следует ли их отправить в Египет? Можно ли это сделать?

Для этого было бы необходимо отправить с ними многочисленный эскорт, что слишком сильно ослабило бы нашу маленькую армию в стране противника. Кроме того, как можно было поддержать их и эскорт до прибытия в Каир, не имея провизии, которую можно было бы

дать им в дорогу, и их маршрут пролегал через враждебную территорию, которую мы исчерпали, которая не представляла свежих ресурсов и через которую нам, возможно, придется возвращаться.

(2.) Должны ли они быть погружены на борт?

Где были корабли?—Где их можно было найти? Все наши телескопы, направленные в море, не смогли обнаружить ни одного дружественного паруса. Я утверждаю, что Бонапарт расценил бы такое событие как настоящую милость судьбы. Это была, и — я рад это сказать, - единственная идея, единственная надежда, которая заставляла его в течение трех дней противостоять ропоту своей армии. Но тщетно искали помощи с моря. Она не пришла.

(3.) Должны ли заключенные быть отпущены на свободу?

Затем они немедленно двинулись бы к Сен-Жан-д'Акру, чтобы подкрепить пашу, или же, бросившись в горы Наблус, сильно потревожили бы наш тыл и правый фланг и нанесли бы нам смертельный удар в награду за жизнь, которую мы им дали. В этом не могло быть никаких сомнений. Что такое христианская собака для турка? В глазах Пророка это было бы даже религиозным и достойным поступком.

(4.) Могут ли они быть объединены, разоружены вместе с нашими солдатами в строю?

Здесь снова во всей своей силе встал вопрос о продовольствии. Затем мы рассмотрели опасность иметь таких товарищей во время марша по вражеской стране. Что может произойти в случае сражения перед Сен-Жан-д'Акром? Можем ли мы хотя бы сказать, что может произойти во время марша? И, наконец, что нужно делать с ними, когда они окажутся под крепостными стенами этого города, если мы сможем доставить их туда? Те же затруднения, связанные с вопросами снабжения и безопасности, тогда повторились бы с еще большей силой.

Наступил третий день, но, как ни старались, прийти к какому-либо заключению, благоприятному для спасения этих несчастных, не удалось. Ропот в лагере становился все громче — зло продолжало увеличиваться — лекарство казалось невозможным — опасность была реальной и неотвратимой. Приказ о расстреле заключенных был отдан и приведен в исполнение 10 марта. Как уже говорилось, мы не отделяли египтян от других заключенных. Египтян не было.

Многим из несчастных, составлявших меньшее подразделение, по которому стреляли недалеко от берега, на некотором расстоянии от другой колонны, удалось доплыть до нескольких скалистых рифов, недоступных для мушкетного выстрела. Солдаты положили свои мушкеты на песок и, чтобы побудить пленников вернуться, использовали египетские знаки примирения, бывшие в ходу в этой стране. Они вернулись, но, приблизившись, были убиты и исчезли среди волн.

Я ограничусь этими подробностями этого акта ужасной необходимости, очевидцем которого я был. Другие, которые, как и я, видели это, к счастью, избавили меня от рассказа о кровавом результате. Эта ужасная сцена, когда я думаю о ней, до сих пор заставляет меня содрогаться, как и в тот день, когда я ее увидел; и я хотел бы, чтобы у меня была возможность забыть ее, а не быть вынужденным описывать. Все ужасы, которые воображение может вообразить относительно того кровавого дня, не соответствовали бы реальности.

Я рассказал правду, всю правду. Я присутствовал на всех дискуссиях, на всех конференциях, на всех обсуждениях. У меня не было, как можно предположить, права совещательного

голоса; но я обязан заявить, что положение армии, нехватка продовольствия, наша небольшая численность посреди страны, где каждый человек был врагом, побудили бы меня проголосовать "за" предложение, которое было приведено в исполнение, если бы я мог подать голос. Необходимо было быть на месте, чтобы понять ужасную необходимость, которая существовала.

Война, к сожалению, представляет слишком много случаев, когда закон, неизменный во все века и общий для всех наций, требует, чтобы частные интересы были принесены в жертву великим общим интересам и чтобы даже о человечности было забыто. Было ли это ужасное положение тем, в которое был поставлен Бонапарт, судить потомкам. Что касается меня, то я совершенно убежден, что он не мог поступить иначе, как уступить суровой необходимости дела. Им руководил совет, чье мнение было единодушным в пользу казни. По правде говоря, я должен был бы сказать, что он сдался только в последней крайности и был, возможно, одним из тех, кто наблюдал за резней с глубочайшей болью.

После осады Яффы чума начала проявлять себя с несколько большей вирулентностью. Во время кампании в Сирии мы потеряли от семисот до восьмисот человек из-за этой заразы.

—[Сэр Вальтер Скотт говорит, что Небеса наслали на нас эту чуму, чтобы отомстить за резню в Яффо]—

Во время нашего марша на Сен-Жан-д'Акр, который начался 14 марта, армия не добилась ни блестящих побед, ни столкнулась с многочисленными препятствиями, о которых говорится в некоторых работах. Не произошло ничего важного, кроме поспешной перестрелки генерала Ланна, который, несмотря на противоположные приказы Бонапарта, упорно преследовал отряд горцев в ущельях Наблуса. Вернувшись, он обнаружил, что горцы в большом количестве устроили засаду среди скал, изгибы которых были им хорошо знакомы, откуда они вели огонь по нашим войскам, положение которых делало их неспособными защищаться. Во время этого глупого и бесполезного предприятия, особенно когда велась оживленная стрельба, Бонапарт проявлял большое нетерпение, и, надо признаться, его гнев был вполне естественным. Наблудиане остановились у входа в горные ущелья. Бонапарт горько упрекал Ланна за то, что тот бесполезно подставил себя и "без всякой цели пожертвовал несколькими храбрецами". Ланн извинился, сказав, что горцы бросили ему вызов, и он хотел бы наказать этот сброд. "Мы не в том состоянии, чтобы разыгрывать из себя хвастунов", - ответил Наполеон.

Через четыре дня мы прибыли в Сен-Жан-д'Акр, где узнали, что Джеззар отрубил голову нашему посланнику Майи-де-Шато-Рено и бросил его тело в море в мешке. Этот жестокий паша был виновен во множестве подобных казней. Волны часто выбрасывали мертвые тела к берегу, и мы натыкались на них во время купания.

Подробности осады Акко хорошо известны. Хотя эта маленькая крепость была окружена стеной, с мощными башнями по бокам и, кроме того, имела широкий и глубокий ров, защищенный валами, она, по-видимому, не могла устоять против французской доблести и мастерства нашего инженерного корпуса и артиллерии; но легкость и быстрота, с которыми была взята Яффа, заставили нас в некоторой степени не обращать внимания на сравнительную силу двух мест и разницу в их соответствующем положении. В Яффо у нас было достаточно артиллерии, в Сен-Жан-д'Акре ее не было. В Яффо нам пришлось иметь дело только с гарнизоном, предоставленным самому себе; в Сен-Жан-д'Акре нам противостоял гарнизон, усиленный людьми и запасами провизии, поддержанный английским флотом и при содействии европейской науки. Сэр Сидни Смит, без сомнения, был человеком, причинившим нам самый большой вред.

—[Сэр Сидни Смит был единственным англичанином, кроме герцога Веллингтона, который победил Наполеона в военных операциях. Третий противостоявший ему англичанин, сэр Джон Мур, был вынужден поспешно отступить из—за слабости своих войск]—

Много говорилось о его контактах с главнокомандующим. Упреки, которые последний бросал ему за попытки соблазнить солдат и офицеров армии заманчивыми предложениями, были тем более странными, даже если они были вполне обоснованными, поскольку эти средства часто используются военачальниками на войне.

—[Одно время французский генерал был настолько встревожен ими, что попытался положить им конец; чего он добился, прекратив всякое общение с англичанами и объявив в порядке дня, что их командир сумасшедший. Это, во что поверили в армии, так взбесило сэра Сиднея Смита, что в гневе он послал вызов Наполеону. Последний ответил, что у него слишком много важных дел, чтобы утруждать себя таким пустяком. Если бы это действительно был великий Мальборо, это могло бы заслуживать его внимания. И все же, если английский моряк был абсолютно настроен сражаться, он посылал ему "браво" из армии и показывал им небольшой участок нейтральной территории, где сумасшедший коммодор мог бы высадиться, и в полной мере удовлетворял его чувство юмора. (Редактор издания 1836 года.)]—

Что касается посадки французских военнопленных на борт судна, на котором свирепствовала чума, то сама невероятность этого обстоятельства, но особенно печально известные факты дела опровергают это гнусное обвинение. Я внимательно наблюдал за поведением сэра Сиднея Смита в то время и заметил в нем рыцарский дух, который иногда толкал его на незначительные эксцентричные выходки; но я утверждаю, что его поведение по отношению к французам было поведением доблестного врага. Я видел много писем, в которых авторы сообщали ему, что они "очень хорошо понимали хорошее обращение, которому подверглись французы, когда попали в его руки". Пусть любой изучит поведение сэра Сиднея до капитуляции Эль-Ариша и после ее разрыва, и тогда он сможет судить о его характере.

—[Наполеон, находясь на острове Святой Елены, говоря об осаде Акко, сказал: —Сидней Смит - храбрый офицер. Он проявил значительные способности в заключении договора об эвакуации Египта французами. Он воспользовался недовольством, которое, как он обнаружил, преобладало среди французских войск из-за столь долгого отсутствия во Франции, и другими обстоятельствами. Он проявил большую честь, немедленно отправив Клеберу сообщение об отказе лорда Кейта ратифицировать мирный договор, который спас французскую армию; если бы он держал это в секрете еще семь или восемь дней, Каир был бы сдан туркам, а французская армия неизбежно была бы вынуждена капитулировать перед англичанами. Он также проявил большую человечность и честь во всех своих действиях по отношению к французам, которые были в его руках. Он высадился в Гавре из-за какого-то "пари", которое он заключил, по мнению одних, чтобы пойти в театр; другие говорили, что это было из-за шпионажа; как бы то ни было, он был арестован и заключен в Тампль как шпион; и одно время его хотели судить и казнить. Вскоре после моего возвращения из Италии он написал мне из своей тюрьмы с просьбой заступиться за него; но при тех обстоятельствах, при которых он был взят, я ничего не мог для него сделать. Он активен, умен, интригующ и неутомим; но я считаю, что он "меццо пазо".

"Главной причиной неудачи в Акко было то, что он забрал весь мой ударный состав, который

находился на борту нескольких небольших судов. Если бы не это, я бы взял Акко вопреки ему. Он вел себя очень храбро, и его хорошо поддерживал Филлипо, талантливый француз, который учился у меня на инженера. Был там и майор Дуглас, который вел себя очень галантно. Приобретение пятисот или шестисот моряков в качестве артиллеристов было большим преимуществом для турок, чей боевой дух они подняли и которым показали, как защищать крепость. Но он совершил большую ошибку, совершив вылазку, которая стоила жизни двум или трем сотням храбрых парней без всякой возможности успеха. Ибо он не мог добиться успеха против такого количества французов, которые были перед Акрой. Я бы поставил на то, что он потерял из-за них половину своей команды. Он распространил Прокламации среди моих солдат, что, безусловно, потрясло некоторых из них, и я в результате опубликовал приказ, в котором заявил, что он сумасшедший, и запретил всякое общение с ним. Через несколько дней после этого он послал с помощью флага перемирия лейтенанта или мичмана с письмом, содержащим вызов мне встретиться с ним в указанном им месте, чтобы драться на дуэли. Я рассмеялся над этим и послал ему ответный намек, что, когда он выведет Мальборо на бой со мной, я встречу с ним. Несмотря на это, мне нравится характер этого человека ". (Голоса со острова Святой Елены, том 4, стр. 208).] —

Все наши маневры, наши действия и атаки были совершены с тем легкомыслием и беспечностью, которые внушает чрезмерная самоуверенность. Клебер, прогуливаясь со мной однажды по линиям нашего лагеря, часто выражал свое удивление и недовольство. "Окопы, - сказал он, - не доходят мне до колен". Артиллерия для осады была необходима по необходимости: мы начали с полевой артиллерии. Это ободрило осажденных, которые почувствовали слабость наших ресурсов. Артиллерия осаждающих, состоявшая всего из трех двадцатичетырехфунтовых орудий и шести восемнадцатифунтовых пушек, не была подтянута до конца апреля, а до этого были проведены три штурма с очень серьезными потерями. 4 мая у нас начал заканчиваться порох. Это жестокое событие вынудило нас ослабить огонь. Мы также хотели получить дробь; и приказом дня была установлена цена за все ядра, в зависимости от их калибра, которые могли быть подобраны после выстрела из крепости или с двух линейных кораблей, "Тигра" и "Тезея", которые стояли по обе стороны гавани. Эти два судна нарушали сообщение между лагерем и траншеями; но хотя они производили много шума, вреда причиняли мало. Пуля, выпущенная одним из них, убила офицера в тот вечер, когда была снята осада.

У врага в стенах было несколько отличных стрелков, в основном албанцев. Они клали камни один на другой на стенах, просунули свое огнестрельное оружие в щели и, таким образом, находясь в полном укрытии, стреляли с разрушительной точностью.

9 апреля генерал Каффарелли, так хорошо известный своим мужеством и талантами, проходил по траншее, уперев руку в бедро, чтобы сохранить равновесие, которое нарушала его деревянная нога; только локоть его был приподнят над траншеей. Его предупредили, что вражеский выстрел, произведенный совсем рядом с нами, не задел ни малейшего предмета. Он не обратил внимания ни на одно наблюдение такого рода, и через несколько мгновений его локтевой сустав был раздроблен. Ампутация руки была признана необходимой. Генерал пережил операцию восемнадцать дней. Бонапарт регулярно дважды в день заходил в свою палатку. По его приказу, в дополнение к моей дружбе с Каффарелли, я почти никогда не расставался с ним. Незадолго до смерти он сказал мне: "Мой дорогой Бурьен, будь так добр, прочти мне предисловие Вольтера к "Духу Луи"". Когда я вернулся в палатку главнокомандующего, он спросил: "Как дела у Каффарелли?" Я ответил: "Он близок к концу; но он попросил меня прочесть ему предисловие Вольтера к "Духу Луи", он только что заснул". Бонапарт сказал: "Ба! пожелать услышать это предисловие? как странно!" Он пошел

навестить Каффарелли, но тот все еще спал. В тот вечер я вернулся к нему и испустил его последний вздох. Он умер с предельным спокойствием. О его смерти одинаково сожалели солдаты и люди науки, которые сопровождали нас. Это было справедливое сожаление по отношению к этому выдающемуся человеку, в котором очень обширная информация сочеталась с большим мужеством и дружелюбным нравом.

10 мая, когда начался штурм, Бонапарт рано утром направился к окопам.

—[Сэр Сидни Смит в своем официальном отчете о штурме 8 мая говорит, что было отчетливо видно, как Наполеон руководил операцией.]—

Круазье, о котором упоминалось при нашем прибытии в Даманур и при взятии Яффы, тщетно искал смерти с начала осады. Жизнь стала для него невыносимой после несчастного случая в Яффо. Он, как обычно, сопровождал своего генерала в окопы. Полагая, что окончание осады, которое, как предполагалось, было близко, на неопределенный срок отсрочит смерть, которой он добивался, он установил батарею. В этой ситуации его высокая фигура бесполезно провоцировала все выстрелы противника. "Круазье, спускайся, я приказываю тебе; тебе здесь нечего делать", - крикнул Бонапарт громким и повелительным тоном.

Круазье ничего не ответил. Мгновение спустя пуля прошла сквозь его правую ногу. Ампутация не считалась обязательной. В день нашего отъезда его положили на носилки, которые несли поочередно шестнадцать человек, по восемь за раз. Я проводил его между Газой и Эль-Аришем, где он умер от столбняка. Его скромную могилу будут посещать нечасто.

Осада Сен-Жан-д'Акра длилась шестьдесят дней. За это время было проведено восемь штурмов и двенадцать вылазок. В ходе штурма 8 мая более 200 человек проникли в город. Уже раздавались крики о победе; но поскольку турки предприняли обратный ход, к бреши подошли не без некоторого колебания, и вошедшие люди не получили поддержки. Улицы были забаррикадированы. Крики, завывания женщин, которые бегали по улицам, подбрасывая, по обычаю страны, пыль в воздух, возбудили жителей мужского пола к отчаянному сопротивлению, которое сделало бесполезным это короткое занятие города горсткой мужчин, которые, оставшись без помощи, отступили к пролomu. Многие, кто не смог добраться до него, погибли в городе.

Во время этого штурма Дюрок, находившийся в траншее, был ранен в правое бедро осколком снаряда, выпущенного по укреплениям. К счастью, в результате этого несчастного случая плоть отделилась только от кости, которая осталась нетронутой. У него была общая палатка с несколькими другими "адъютантами"; но для лучшего размещения я предоставил ему свою и почти никогда не покидал ее. Однажды, войдя в его палатку около полудня, я застал его в глубоком сне. Чрезмерная жара вынудила его сбросить все одеяния, и часть его раны была открыта. Я заметил скорпиона, который вскарабкался по ножке раскладушки и подобрался совсем близко к ране. Я успел как раз вовремя, чтобы сбросить его на землю. Внезапное движение моей руки разбудило Дюрока.

Мы часто купались в море. Иногда англичане, возможно, после двойной порции грога, стреляли в наши головы, которые показывались над водой. Я не знаю, был ли какой-либо несчастный случай вызван их канонадой; но поскольку мы были вне досягаемости их орудий, мы почти не обращали внимания на стрельбу. Для нас это было предметом развлечения.

Если бы наша атака на Сен-Жан-д'Акр была менее стремительной и если бы осада велась в соответствии с правилами ведения войны, крепость не продержалась бы три дня; одного штурма, подобного штурму 8 мая, было бы достаточно. Если бы в том положении, в котором

мы находились в тот день, когда впервые увидели крепостные валы Акко, мы менее придирчиво оценили крепость; если бы мы также приняли во внимание активное сотрудничество Англии и Османской Порты, нашу абсолютную нехватку артиллерии достаточного калибра, нехватку пороха и трудности с добычей продовольствия, мы, конечно, не предприняли бы осаду; и это было бы, безусловно, самым мудрым ходом.

Ближе к концу осады главнокомандующий получил сведения о нескольких незначительных восстаниях в северном Египте. Ангел возбудил их, и небесный посланник, снизошедший до того, чтобы принять имя, был назван Махди, или Эль Мохди. Однако эта религиозная экстравагантность длилась недолго, и вскоре спокойствие было восстановлено. Все, что удалось сделать фанатику Махди, окутавшему себя тайной, - это напасть на наш тыл с помощью каких-то бродяг, чьи иллюзии были рассеяны несколькими мушкетными выстрелами.

ГЛАВА XIX.

1799.

Осада Акко привлекла внимание к именам в бюллетенях—Гигантский проект—Друзы—Гора Кармель—Раненые и инфицированные— Приказ идти пешим маршем—Потеря нашей пушки— Наблюзанин стреляет в Бонапарта— Возвращение в Яффо— Бонапарт посещает чумной госпиталь— Зелье, которое дают больным—Заявление Бонапарта на острове Святой Елены.

Осада Сен-Жан-д'Акра была снята 20 мая. Это стоило нам потери почти в 3000 человек убитыми, умершими от чумы или ранеными. Большое количество было смертельно ранено. В этих достоверных документах, бюллетенях, потери французов составили 500 убитых и 1000 раненых, а у противника - более 15 000.

Наши бюллетени могут послужить любопытным материалом для истории, но их ценность, безусловно, не будет зависеть от признания их подробностей. Бонапарт придавал этим документам величайшее значение; обычно он составлял их сам или исправлял, когда они были написаны другой рукой, если композиция ему не нравилась.

Следует признаться, что в то время ничто так не льстило самолюбию, как упоминание в бюллетене. Бонапарт хорошо понимал это; он знал, что включение имени в бюллетень было оказанием большой чести и что его исключение было серьезным разочарованием. Генерал Бертье, которому я выразил сильное желание осмотреть осадные сооружения, провел меня по ним; но, несмотря на свое обещание хранить тайну, он сообщил об этом главнокомандующему, который пожелал, чтобы я не приближался к сооружениям. "Зачем вы туда пошли?" - спросил меня Бонапарт с некоторой суровостью. "Это не ваше дело". Я ответил, что Бертье сказал мне, что штурм в этот день не будет; и он считает, что вылазки не будет, поскольку гарнизон предпринял ее накануне вечером. "Какое это имеет значение?

Мог быть и другой. Те, кому нечего делать в таких местах, всегда становятся первыми жертвами. Пусть каждый занимается своим делом. Раненый или убитый, я бы даже не заметил вас в бюллетене. Над тобой могли бы посмеяться, и это справедливо.

Бонапарт, не испытывавший в то время неудач, постоянно переходивший от триумфа к триумфу, уверенно предвосхищал взятие Сен-Жан-д'Акра. В своих письмах генералам в Египте он назначил 25 апреля для завершения этого мероприятия. Он считал, что грандиозный штурм башни не мог быть предпринят раньше этого дня; однако он состоялся на двадцать четыре часа раньше. 19 апреля он написал Дезэ: "Я рассчитываю овладеть Акко через шесть дней". 2 мая он сообщил Жюно: "Прибыли наши 18-и 24-фунтовые орудия. Мы надеемся войти в Акко через несколько дней. Огонь их артиллерии полностью потушен". Были напечатаны письма, датированные 30 Флореаля (19 мая), в которых он объявляет Дугуа и Пуссиелке, что они могут рассчитывать на то, что он будет в Акко 6 Флореаля (25 апреля). Очевидно, была допущена какая-то ошибка. "Малейшие обстоятельства порождают величайшие события", - сказал Наполеон, согласно Мемориалу Святой Елены. "Если бы Сен-Жан д'Акр пал, я изменил бы лицо мира". И снова: "Судьба Востока лежала в этом маленьком городке". Эта идея не из тех, которые впервые пришли ему в голову на острове Святой Елены; он часто повторял те же самые слова в Сен-Жан д'Акре. На берегу Птолемея его волновали гигантские проекты, как, несомненно, и сожаление о том, что он не привел их в исполнение на острове Святой Елены.

Почти каждый вечер мы с Бонапартом прогуливались вместе на небольшом расстоянии от берега моря. На следующий день после неудачного штурма 8 мая Бонапарт, огорченный тем, что напрасно пролилась кровь стольких храбрецов, сказал мне: "Бурьен, я вижу, что это несчастное место стоило мне многих людей и потрачено впустую много времени. Но ситуация зашла слишком далеко, чтобы не предпринять последнюю попытку. Если я добьюсь успеха, как я ожидаю, я найду в городе сокровища паши и оружие для 300 000 человек. Я подниму и вооружу народ Сирии, который испытывает отвращение к жестокости Джеззара и который, как вы знаете, молится о его уничтожении при каждом нападении. Затем я выступлю на Дамаск и Алеппо. Продвигаясь вглубь страны, недовольные соберутся вокруг моего знамени и пополнят мою армию. Я объявлю народу об отмене рабства и тиранических правительств пашей. Я прибуду в Константинополь с большими массами солдат. Я свергну турецкую империю и основаю на Востоке новую и великую империю, которая закрепит мое место в летописях потомков. Возможно, я вернусь в Париж через Адрианополь или Вену, после того как уничтожу австрийский дом ". После того, как я сделал несколько замечаний, которые, естественно, наводили на мысль об этих грандиозных проектах, он ответил: "Что? разве ты не видишь, что друзья только и ждут падения Акко, чтобы поднять восстание? Разве ключи от Дамаска мне уже не были предложены? Я остаюсь только до тех пор, пока не падут эти стены, потому что до тех пор я не смогу извлечь никакой выгоды из этого большого города. С помощью операции, которую я обдумываю, я лишу беев всякой помощи и обеспечу завоевание Египта. Я назначу Дезэ главнокомандующим; но если я не добьюсь успеха в последнем штурме, который собираюсь предпринять, я немедленно отправлюсь в путь. Время поджигает — я буду в Каире не раньше середины июня; тогда ветры будут благоприятствовать кораблям, идущим в Египет с севера. Константинополь отправит войска в Александрию и Розетту. Я должен быть там. Что касается армии, которая прибудет позже по суше, я не боюсь ее в этом году. Я уничтожу все, вплоть до входа в пустыню. Я сделаю невозможным проход армии в течение двух лет. Войска не могут существовать среди руин".

Как только я вернулся в свою палатку, я решил записать этот разговор, который тогда был еще совсем свеж в моей памяти, и, осмелюсь сказать, что каждое слово, которое я записал, верно. Я могу добавить, что во время осады наш лагерь постоянно был полон жителей, которые взывали к Небесам, чтобы они благоволили нашему оружию, и горячо молились при каждом штурме о нашем успехе, многие из них стояли на коленях, обратив лица к городу. Жители Дамаска тоже предложили ключи Бонапарту. Таким образом, все способствовало тому, что он был уверен в своем любимом плане.

Войска покинули Сен-Жан-д'Акр 20 мая, воспользовавшись ночью, чтобы избежать вылазки осажденных и скрыть отступление армии, которой пришлось пройти три лиги вдоль берега, подвергаясь обстрелу английских судов, стоявших на рейдах горы Кармель. Вывоз раненых и больных начался 18 и 19 мая.

Затем Бонапарт выступил с прокламацией, которая от начала до конца противоречит истине. Она была опубликована во многих работах. Время года для высадки вражеских войск там очень ловко вынесено на передний план; все остальное - обманчивое преувеличение. Следует заметить, что прокламации, которые Бонапарт считал рассчитанными на то, чтобы ослепить всегда слишком доверчивую публику, были усилениями, часто смешными и непонятными на месте, и которые вызывали только смех людей здравого смысла. Во всей переписке Бонапарта прослеживается попытка замаскировать его неудачи и навязать их общественности и даже его собственным генералам. Например, 15 февраля он написал генералу Дугуа, коменданту Каира: "Я привезу вам много пленных и флагов!" Можно было бы почти сказать, что во время своего пребывания на Востоке он решил таким образом отдать дань уважения стране сказок.

—[Пленные и флаги были отправлены. Турецкие флаги были доверены Бертье адъютанту-коменданту Бойе, который проводил конвой с больными и ранеными в Египет. Сидни Смит признает потерю турками некоторых флагов. Турецкие пленные использовались в качестве носителей носилок для раненых, и по большей части их доставляли в Египет. (Ошибки, том i. стр. 47 и 160)]—

Так закончилась эта катастрофическая экспедиция. Я где-то читал, что во время этого бессмертного похода два героя Мурат и Мурад часто сталкивались лицом к лицу. Есть лишь небольшая трудность: Мурад бей никогда не бывал в Сирии.

Мы двинулись вдоль побережья и миновали гору Кармил. Часть раненых несли на носилках, остальных - на лошадях, мулах и верблюдах. Недалеко от горы Кармель нам сообщили, что трое солдат, заболевших чумой, которых оставили в монастыре (служившем госпиталем) и слишком самонадеянно предоставили великодушию турок, были варварски преданы смерти.

Самая невыносимая жажда, полное отсутствие воды, невыносимая жара и утомительный марш по раскаленным песчаным холмам совершенно обескуражили людей и заставили все великодушные чувства уступить место чувствам величайшего эгоизма и самого возмутительного безразличия. Я видел офицеров с ампутированными конечностями, сброшенных с носилок, которым было приказано вывезти их таким образом и которые сами дали деньги на вознаграждение носильщикам. Я видел ампутированных, раненых, инфицированных или тех, у кого только подозревалось заражение, покинутых и предоставленных самим себе. Марш освещался факелами, зажженными с целью поджога маленьких городков, деревень и хуторков, лежавших на пути следования, и богатых урожаев,

которыми тогда была покрыта земля. Вся страна была объята пламенем. Те, кому было приказано руководить этой разрушительной работой, казалось, стремились распространить опустошение повсюду, как будто они могли таким образом отомстить за свои неудачи и найти в таком ужасном хаосе облегчение своих страданий. Нас постоянно окружали грабители, поджигатели и умирающие, которые, растянувшись на обочинах дороги, слабым голосом умоляли о помощи, говоря: "Я не заражен — я только ранен"; и, чтобы убедить тех, к кому они обращались, они бередили свои старые раны или наносили себе новые. По-прежнему никто не обращал на них внимания. "С ним все кончено", - таково было замечание, обращенное к несчастным существам по очереди, в то время как каждое устремлялось вперед. Солнце, которое сияло в безоблачном небе во всей своей яркости, часто затемнялось нашими пожарами. Справа от нас лежало море; слева и позади нас - пустыня, созданная нами самими; впереди были лишения и страдание, которые ожидали нас. Таково было наше истинное положение.

Мы прибыли в Тентуру 20 мая, когда стояла невыносимая жара, вызвавшая всеобщее уныние. Нам не на чем было спать, кроме выжженного и жгучего песка; справа от нас лежало враждебное море; наши потери в раненых и больными были уже значительны с тех пор, как мы покинули Акко; и в будущем не было ничего утешительного. Поистине удручающее положение, в которое были ввергнуты остатки армии, названной триумфальной, произвело, как и следовало ожидать, соответствующее впечатление на ум главнокомандующего. Едва он прибыл в Тентуру, как приказал разбить свою палатку. Затем он позвал меня и, думая о бедствиях нашего положения, продиктовал приказ, чтобы все шли пешком; и чтобы все лошади, мулы и верблюды были переданы раненым, больным и инфицированным, которых увезли и которые все еще подавали признаки жизни. "Отнесите это Бертье", - сказал он, и приказ был немедленно отправлен. Едва я вернулся в палатку, как вошел старший Вигонь, конюх главнокомандующего, и, приложив руку к фуражке, спросил: "Генерал, какую лошадь вы оставляете для себя?" В состоянии возбуждения, в котором находился Бонапарт, этот вопрос так сильно разозлил его, что, подняв хлыст, он сильно ударил человека по голове, сказав страшным голосом: "Все должны идти пешком, негодяй — я первый — Разве ты не знаешь приказа? Проваливай!"

Теперь каждый, расставаясь со своей лошадью, стремился не отдавать ее какому-нибудь несчастному, предположительно страдающему от чумы. Были приложены большие усилия, чтобы установить природу заболеваний больных; и не было никаких трудностей с размещением раненых с ампутированными конечностями. Что касается меня, то у меня была отличная лошадь, мул и два верблюда, от которых я отказался с величайшим удовольствием; но, признаюсь, я приказал своему слуге сделать все возможное, чтобы не допустить зараженного человека к моей лошади. Мне вернули его за очень короткое время. То же самое произошло со многими другими. Причину можно легко предположить.

Остатки нашей тяжелой артиллерии были потеряны в движущихся песках Тентуры из-за нехватки лошадей, а то небольшое количество, которое осталось, было использовано для более необходимых работ. Солдаты, казалось, забыли о своих собственных страданиях, погрузившись в скорбь из-за потери своих бронзовых пушек, которые часто были орудиями их триумфов и которые заставляли трепетать Европу.

Мы остановились в Кесарии 22 мая и шли всю следующую ночь. На рассвете человек, спрятавшийся в кустарнике слева от дороги (море было в двух шагах от нас справа), выстрелил из мушкета почти рядом с головой главнокомандующего, который спал на своей лошади. Я был рядом с ним. Обыскивая лес, наблусианца схватили без труда и приказали расстрелять на месте. Четверо проводников подтолкнули его к морю, приставив свои

карабины к его спине; приблизившись к кромке воды, они нажали на спусковые крючки, но все четыре мушкета перестали стрелять: обстоятельство, которое объяснялось большой влажностью ночи. Наблусианин бросился в воду и, плывя с большой ловкостью и быстротой, добрался до гряды скал так далеко, что ни один выстрел из всего отряда, стрелявшего на ходу, не долетел до него. Бонапарт, продолжавший свой марш, просил меня дожидаться Клебера, дивизия которого составляла арьергард, и сказать ему, чтобы он не забывал о наблусианце. Я полагаю, в конце концов его застрелили.

Мы вернулись в Яффо 24 мая и останавливались там 25, 26, 27 и 28 числа. Этот город недавно был ареной ужасной сделки, продиктованной необходимостью, и ему снова было суждено стать свидетелем применения того же ужасного закона. Здесь у меня есть болезненный долг, который я должен выполнить — я его выполняю. Я расскажу то, что я знаю, что я видел.

Я видел следующий отрывок в одной работе: "Бонапарт, прибыв в Яффо, приказал трижды перевезти зараженных: один морем в Дамиемту, а также по суше; второй в Газу; и третий в Эль-Ариш!" Так много слов, так много ошибок!

Несколько палаток были разбиты на возвышенности рядом с садами к востоку от Яффы. Был отдан прямой приказ подорвать укрепления и взорвать их; и 27 мая, по поданному сигналу, город был в одно мгновение обнажен. Час спустя главнокомандующий покинул свою палатку и отправился в город в сопровождении Бертье, нескольких врачей и хирургов и своего обычного персонала. Я также был одним из участников отряда. Состоялось долгое и печальное обсуждение вопроса, который теперь возник относительно людей, неизлечимо заболевших чумой или находившихся при смерти. После обсуждения самого серьезного и добросовестного характера было решено с помощью зелья ускорить на несколько мгновений смерть, которая была неизбежна и которая в противном случае была бы болезненной и жестокой.

Бонапарт быстро осмотрел разрушенные укрепления города и вернулся в госпиталь, где находились люди с ампутированными конечностями, многие раненые, многие страдали офтальмией, чьи стенания были огорчительными, а некоторые заразились чумой. Кровати пациентов с последним описанием находились справа при входе в первую палату. Я шел рядом с генералом и утверждаю, что никогда не видел, чтобы он прикасался к кому-либо из инфицированных. И почему он должен был это сделать? Они были на последней стадии болезни. Ни один из них не сказал ему ни слова, и Бонапарт хорошо знал, что у него нет защиты от чумы. Неужели здесь снова улыбнется Удача? По правде говоря, она мало благоволила к нему в последние несколько месяцев, когда он полагался на ее благосклонность. Я спрашиваю, почему он должен был подвергнуть себя неминуемой гибели и оставить свою армию посреди пустыни, созданной нашими опустошениями, в опустошенном городе, без помощи и без надежды когда-либо ее получить? Правильно ли поступил бы он, поступив так, — он, который, очевидно, был так необходим своей армии; он, от которого зависели в тот момент жизни всех, кто пережил последнюю катастрофу, и кто доказал свою привязанность к нему своими страданиями, лишениями и непоколебимым мужеством, и кто сделал все, что он мог требовать от людей, и чье единственное доверие было к нему?

Бонапарт быстро прошелся по комнатам, постукивая хлыстом по желтому голенищу своего сапога, который держал в руке. Проходя мимо торопливыми шагами, он повторял эти слова: "Укрепления разрушены. В Сен-Жан-д'Акре фортуна была против меня. Я должен вернуться в Египет, чтобы защитить его от врага, который скоро будет там: через несколько часов турки будут здесь. Пусть все, у кого хватит сил, поднимутся и пойдут с нами. Их перевезут на

носилках и лошадях". В больнице было едва ли шестьдесят случаев чумы; и все сообщения о большем количестве преувеличены. Совершенная тишина, полное уныние и общее оцепенение пациентов возвещали об их приближающемся конце. Увезти их в том состоянии, в котором они находились, очевидно, означало бы не что иное, как заразить остальную часть армии чумой. Правда, после моего возвращения в Европу я узнал, что некоторые люди безнаказанно прикасались к зараженным; более того, другие заходили так далеко, что прививали себе чуму, чтобы научиться лечить тех, кого она могла поразить. Конечно, уберечься от этого было особой защитой Небес; но чтобы в какой-то степени скрыть абсурдность такой истории, добавляется, что они знали, как избежать опасности, и что любой другой, кто отважился на это, не приняв мер предосторожности, встретил смерть за свою безрассудность. В этом, собственно, и заключается вся суть вопроса. Либо эти привилегированные лица приняли необходимые меры предосторожности; и в таком случае их хваленый героизм - всего лишь трюк жонглера; либо они прикоснулись к зараженным, не соблюдая мер предосторожности, и привили себе чуму, таким образом добровольно встретив смерть, и тогда история действительно хороша.

Утверждалось, что зараженные были доверены главному армейскому аптекарю Руайеру, который, умерев в Египте три года спустя, унес секрет с собой в могилу. Но если немного поразмыслить, станет очевидно, что оставить Руайе одного в Яффо означало бы обречь на верную смерть; и что смерть быструю и жестокую, человека, который был чрезвычайно полезен армии и который в то время находился в полном здравии. Следует помнить, что при нем нельзя было оставить ни одного охранника и что турки наступали нам на пятки. Бонапарт действительно сказал, проходя по палатам госпиталя, что турки будут в Яффе через несколько часов. С таким убеждением оставил бы он главного аптекаря в том городе?

Приходилось прибегать к предположениям, подтверждающим веру, противоположную тому, что я утверждаю. Например, говорится, что инфицированные пациенты были погружены на военные корабли. Таких кораблей не было. Где они сошли на берег, кто их принял; что с ними сделали? О них никто не говорит. Другие, не сомневаясь в том, что зараженные люди умерли в Яффо, говорят, что арьергард под командованием Клебера по приказу Бонапарта отложил свой отъезд на три дня и двинулся в путь только тогда, когда смерть положила конец страданиям этих несчастных, не стесненных никакими жертвами. Все это неверно. Арьергарда не осталось — это было невозможно сделать. Делается вид, что забывают, что крепостные валы были разрушены, что город был таким же открытым и беззащитным, как любая деревня, так что этот небольшой арьергард был бы оставлен на верное уничтожение. Сами даты говорят против этих предположений. Несомненно, как видно из официального отчета, мы прибыли в Яффо 24 мая и оставались там 25, 26 и 27-го. Мы покинули его 28-го. Таким образом, арьергард, который, по словам этих авторов, ушел 29-го, не остался, даже согласно их собственной гипотезе, через три дня после армии, чтобы увидеть, как умирают больные. На самом деле он улетел 29 мая, на следующий день после нас. Вот те самые слова генерал-майора (Бертье) в его официальном отчете, написанные под присмотром и под диктовку главнокомандующего: -

Армия прибыла в Яффу, 5-й прериал (24 мая), и оставалась там 6, 7 и 8-й (25-27 мая). Это время было потрачено на наказание деревни, которая плохо себя вела. Укрепления Яффы были взорваны. Все железные орудия этого места были сброшены в море. Раненых вывозили морем и по суше. Кораблей было всего несколько, и, чтобы дать время завершить эвакуацию по суше, отправление армии пришлось отложить до 9-го (28 мая). Дивизия Клебера составляла арьергард и покинула Яффу только 10-го (29 мая).

Официальный отчет о том, что произошло в Яффо, был составлен Бертье под наблюдением Бонапарта. Это было опубликовано; но следует отметить, что там не упоминается ни слова об инфицированных, ни о посещении больницы, ни о безнаказанном прикосновении к больным чумой. Ни в одном официальном отчете об этом ничего не говорится. Почему такое молчание? Бонапарт был не из тех, кто скрывает факт, который дал бы ему столь превосходный и допустимый повод для разговоров о своем состоянии. Если зараженные были удалены, почему бы не упомянуть об этом? Зачем молчать о столь важном событии? Но следовало бы сознаться, что необходимость прибегнуть к столь болезненной мере была неизбежным следствием этой неудачной экспедиции. Должно быть, были затронуты очень неприятные подробности, и было сочтено более целесообразным умолчать об этом предмете.

Но что сказал по этому поводу сам Наполеон на острове Святой Елены? Его заявление там было следующего содержания: "Я приказал проконсультироваться относительно того, что лучше всего сделать. В составленном отчете говорилось, что семь или восемь человек (вопрос не в количестве) были настолько опасно больны, что не могли прожить больше двадцати четырех часов и, кроме того, заразили бы чумой остальную армию. Считалось, что было бы актом милосердия отсрочить их смерть на несколько часов".

Затем следует басня о 500 бойцах арьергарда, которые, как утверждается, видели, как они умирали! Я не сомневаюсь, что история об отравлении была выдумкой Дена. Он был болтуном, который плохо понимал историю и еще хуже ее повторял. Я не думаю, что было бы преступлением давать опиум инфицированным. Напротив, это было бы повиновением велениям разума. Где тот человек, который в такой ситуации не предпочел бы быструю смерть длительным пыткам, причиняемым варварами? Если бы мой ребенок, а я верю, что люблю его так же сильно, как любой отец любит его, был в таком состоянии, мой совет был бы таким же; если бы я сам был среди инфицированных, я бы потребовал, чтобы с ним обращались подобным образом.

Таковы были рассуждения на острове Святой Елены, и таково было мнение, которого он и все остальные придерживались по поводу случая двадцатилетней давности в Яффо.

Наша маленькая армия прибыла в Каир 14 июня после мучительного и изматывающего двадцатипятидневного марша. Жара во время перехода по пустыне между Эль-Аришем и Бельбейсом превышала тридцать три градуса. Когда колбу термометра опустили в песок, ртуть поднялась до сорока пяти градусов. Обманчивый мираж был еще более досадным, чем на равнинах Бохахире. Несмотря на наш опыт, чрезмерная жажда, дополненная совершенной иллюзией, заставила нас гнать наших усталых лошадей к озерам, которые исчезали при нашем приближении, не оставляя после себя ничего, кроме соли и засушливого песка. Через два дня мой плащ был полностью покрыт солью, оставшейся на нем после испарения влаги, удерживавшей его в растворе. Наши лошади, которые жадно бежали к солоноватым источникам пустыни, в большом количестве погибли, проехав примерно четверть лиги от того места, где они напились вредной жидкости.

Бонапарт опубликовал перед своим вступлением в столицу Египта один из тех лживых бюллетеней, которые вводят в заблуждение только дураков. "Я приведу с собой, - сказал он, - много пленных и знамена. Я сравнял с землей дворец Джеззара и крепостные валы Акко — камня на камне не осталось от них. Все жители покинули город морем. Джеззар тяжело ранен".

Признаюсь, я испытал болезненное ощущение, когда писал под его диктовку эти официальные слова, каждое из которых было навязанным. Взмолвленный всем, чему я только что был свидетелем, мне было трудно удержаться от этого замечания; но его постоянным ответом было: "Мой дорогой друг, вы простофиля: вы не разбираетесь в этом деле". Подписывая бюллетень, он заметил, что еще наполнит мир восхищением и вдохновит историков и поэтов.

Наше возвращение в Каир было приписано восстаниям, вспыхнувшим во время неудачной экспедиции в Сирию. Нет ничего более неправильного. Термин "восстание" не может быть должным образом применен к глупым предприятиям ангела Эль-Махди в Бохахире или к менее важным беспорядкам в Чаркье. Неудачи, пережитые перед Сен-Жан-д'Акром, страх или, скорее, благоразумное ожидание вражеской высадки, были достаточными и единственными мотивами для нашего возвращения в Египет. Что еще мы могли сделать в Сирии, кроме как терять людей и время, которых генерал не жалел?

ГЛАВА XX.

1799.

Мюрат и Моарад Бей на озерах Натрон — Отправление Бонапарта к Пирамидам — Внезапное появление арабского гонца — Известие о высадке турок в Абукире — Бонапарт выступает против них — Они немедленно атакованы и уничтожены в битве при Абукире — Обмен сообщениями с англичанами — Внезапное решение вернуться в Европу — Экипировка двух фрегатов — Притворство Бонапарта — Его притворное путешествие в Дельту — Великодушное поведение Ланузи — Уловка Бонапарта — Его плохое обращение с генералом Клебером.

Едва нога Бонапарта ступила в Каир, как ему сообщили, что храбрый и неутомимый Мурад-бей спускается со стороны Фаюма, чтобы соединиться с подкреплениями, которые уже некоторое время собирались в Бохахире. По всей вероятности, это движение Мурад-бея было результатом полученных им известий о планах, составленных в Константинополе, и о высадке десанта, которая произошла вскоре после этого на дорогах Абукира. Местом встречи Мурад выбрал Натронные озера. К этим озерам и был отправлен Мурат. Как только бей заметил присутствие Мурата, он решил отступить и направиться через пустыню к Гизе и великим пирамидам. Я, конечно, никогда не слышал, пока не вернулся во Францию, что Мурад поднимался на вершину великой пирамиды с целью скоротать время, созерцая Каир!

Наполеон сказал на острове Святой Елены, что Мюрат мог бы захватить Мурад-бея, если бы последний оставался на Натронных озерах еще двадцать четыре часа. Дело в том, что, как только бей услышал о прибытии Мурата, он уехал. Арабские шпионы были гораздо более полезны нашим врагам, чем нам; на самом деле у нас не было ни одного друга в Египте. Мурад бей, получив информацию от арабов, которые выполняли для него роль курьеров, что

генерал Дезэ направляет против него колонну с юга Египта, что главнокомандующий также собирается последовать по его стопам вдоль границы Гизы и что озера Натрон и Бохахир заняты превосходящими его силами, отступил в Фаюм.

Бонапарт придавал большое значение уничтожению Мурада, которого он считал самым храбрым, самым активным и самым опасным из своих врагов в Египте. Поскольку все источники сходились в том, что Мурад, поддерживаемый арабами, скрывался на окраине пустыни в провинции Гиза, Бонапарт направился к Пирамидам, чтобы там направить различные отряды против этого способного и опасного партизана. Он действительно считал его настолько грозным, что написал Мюрату, говоря, что хотел бы, чтобы фортуна предоставила ему честь положить конец завоеванию Египта уничтожением этого противника.

14 июля Бонапарт уехал из Каира к Пирамидам. Он намеревался потратить три или четыре дня на изучение руин древнего некрополя в Мемфисе, но внезапно ему пришлось изменить свой план. Это путешествие к Пирамидам, вызванное ходом войны, дало возможность придумать маленький кусочек романтики. Некоторые изобретательные люди рассказывали, что Бонапарт давал аудиенции муфтию и улемам и что, войдя в одну из великих пирамид, он воскликнул: "Слава Аллаху! Только Бог есть Бог, и Магомет - его пророк!" Теперь факт в том, что Бонапарт даже не входил в великую пирамиду. У него никогда и в мыслях не было входить туда. — Я, конечно, сопровождал бы его, если бы он это сделал, потому что я ни на минуту не отходил от него в пустыне. Он заставил какого-то человека войти в одну из великих Пирамид, пока сам оставался снаружи, и по возвращении получил от них отчет о том, что они видели. Другими словами, они сообщили ему, что там ничего не видно!

Вечером 15 июля, во время прогулки, мы заметили на дороге, ведущей из Александрии, араба, который во всю прыть приближался к нам. Он привез главнокомандующему депешу от генерала Мармона, которому было поручено командование Александрией и который вел себя так хорошо, особенно во время ужасных разрушений, вызванных чумой, что заслужил безоговорочное одобрение Бонапарта. Турки высадились 11 июля в Абукире под эскортом и защитой английских военных кораблей. Известие о высадке от пятнадцати до шестнадцати тысяч человек не удивило Бонапарта, который уже некоторое время ожидал этого. Однако это было не так с генералами, наиболее благосклонными к нему, чьи опасения, по причинам, о которых можно догадываться, он пытался успокоить. Он даже написал Мармону, который, находясь в наиболее уязвимом положении, имел больше причин быть бдительным, в следующих выражениях:

Армия, которая должна была появиться перед Александрией и которая покинула Константинополь 1-го числа Рамадана, была уничтожена под стенами Акко. Однако, если этот сумасшедший англичанин (Смит) посадил на корабль остатки этой армии, чтобы доставить их в Абукир, я не верю, что там может быть больше 2000 человек.

Он написал генералу Дугуа, командовавшему Каиром, следующее письмо:

Английский командующий, вызвавший Дамьетту, - безумец. Объединенная армия, о которой они говорят, была уничтожена перед Акко, куда она прибыла за две недели до того, как мы

покинули это место.

Как только он прибыл в Каир, в письме, которое он отправил Дезэ, он сказал:

Теперь настало время, когда высадка стала практически возможной. Я не буду терять времени на подготовку. Однако есть вероятность, что в этом году ничего подобного не произойдет.

На каком еще языке он мог говорить, когда после снятия осады Акко объявил, что уничтожил те 15 000 человек, которые два месяца спустя высадились в Абукире?

Как только Бонапарт ознакомился с содержанием письма Мармона, он удалился в свою палатку и до трех часов ночи диктовал мне свои приказы об отходе войск и о маршрутах, которые, по его мнению, должны были следовать во время его отсутствия войска, которые должны были оставаться во внутренних районах. В этот момент я наблюдал в нем развитие того энергичного склада ума, который возбуждался перед препятствиями до тех пор, пока он их не преодолевал, — той быстроты мысли, которая предвидела все. Он был само действие и ни на секунду не колебался. 16 июля, в четыре часа утра, он был верхом на лошади, а армия в полном строю. Я не могу не отдать должное присутствию духа, быстроте принятия решений и быстроте исполнения, которые в этот период его жизни никогда не покидали его в важных случаях.

Мы достигли Уардана, к северу от Гизы, вечером 16-го; 19-го мы прибыли в Рамалианию, а 23-го - в Александрию, где были сделаны все приготовления к этому памяtnому сражению, которое, хотя и не возместило огромных потерь и фатальных последствий одноименного морского конфликта, навсегда останется в памяти французов одним из самых блестящих достижений их оружия.

—[Поскольку г-н де Буррьенн не приводит подробностей сражения, следующий отрывок из Мемуаров герцога де Ровиго, том i, стр. 167, восполнит недостаток:

"Генерал Бонапарт покинул Каир в предельной спешке, чтобы встать во главе войск, которым он приказал покинуть места расквартирования и двинуться к побережью.

"Пока генерал делал эти приготовления и лично прибыл из Каира, войска на борту турецкого флота совершили высадку и овладели фортом Абукир и редут, расположенным за одноименной деревней, который должен был быть приведен в состояние обороны шесть месяцев назад, но был полностью заброшен.

"Турки почти уничтожили слабые гарнизоны, занимавшие эти два военных пункта, когда генерал Мармон (командовавший в Александрии) пришел им на помощь. Этот генерал, увидев, что два поста находятся во власти турок, вернулся, чтобы запереться в Александрии, где он, вероятно, был бы блокирован турецкой армией, если бы не прибытие генерала Бонапарта со своими войсками, который был очень разгневан, когда увидел, что форт и редут были взяты; но он не винил Мармона за отступление в Александрию с войсками, имевшимися в его распоряжении.

"Генерал Бонапарт прибыл в полночь со своими проводниками и оставшейся частью своей армии и приказал атаковать турок на следующее утро. В этом сражении, как и в предыдущих, атака, столкновение и разгром были мгновенными событиями и результатом единого движения наших войск. Вся турецкая армия бросилась в море, чтобы вернуть себе свои корабли, оставив на них все, что они привезли на берег.

"В то время как это событие происходило на берегу моря, паша покинул поле битвы с корпусом численностью около 3000 человек, чтобы броситься в форт Абукир. Вскоре они почувствовали крайнюю жажду, которая вынудила их по прошествии нескольких дней безоговорочно сдаться

генералу Мену, которого оставили завершать операции, связанные с недавно разбитой турецкой армией".]

После сражения, которое произошло 25 июля, Бонапарт поднял флаг перемирия на борту английского адмиральского корабля. Наше общение было полно вежливости, какой и следовало ожидать в общении людей двух цивилизованных наций. Английский адмирал передал флагу перемирия несколько подарков в обмен на те, что мы прислали, а также экземпляр французской франкфуртской газеты от 10 июня 1799 года. В течение десяти месяцев мы не получали никаких известий из Франции. Бонапарт просматривал этот дневник с рвением, которое легко можно себе представить.

—[Французы, вернувшись из Сен-Жан-д'Акра, были в полном неведении обо всем, что происходило в Европе в течение нескольких месяцев. Наполеон, желая получить разведданные, поднял флаг перемирия на борт турецкого адмиральского корабля под предлогом передачи денег за пленных, взятых в Абукире, не сомневаясь, что посланник будет остановлен сэром Сидни Смитом, который тщательно препятствовал всякому прямому общению между французами и турками. Соответственно, французский флаг перемирия получил указание от сэра Сиднея подняться на борт своего корабля. С ним обошлись самым любезным образом; и английский командующий, убедившись, среди прочего, что бедствия Италии были совершенно неизвестны Наполеону, позволил себе злорадное удовольствие прислать ему подшивку газет. Наполеон провел всю ночь в своей палатке, просматривая бумаги; и он пришел к решению немедленно отправиться в Европу, чтобы исправить бедствия Франции; и, если возможно, спасти ее от разрушения (Мемориал Святой Елены)].

"Боже мой! - сказал он мне, - мои предчувствия подтвердились: глупцы потеряли Италию. Все плоды наших побед пропали! Я должен покинуть Египет!"

Он послал за Бертье, которому сообщил новость, добавив, что дела во Франции идут очень плохо, что он хочет вернуться домой, что он (Бертье) должен поехать вместе с ним, и что в настоящее время только он, Гантеом и я посвящены в тайну. Он посоветовал Бертье быть благоразумным, не выказывать никаких признаков радости, ничего не покупать и не продавать и в заключение заверил его, что зависит от него. "Я могу ответить, - сказал он, - за себя и за Буррьена". Бертье обещал хранить тайну и сдержал свое слово. Он был сыт по горло Египтом и так страстно желал вернуться во Францию, что не было особых причин опасаться, что он разочарует себя какой-нибудь неосторожностью.

Прибыл Гантеом, и Бонапарт отдал ему приказ снабдить два фрегата, "Мюиرون" и "Каррер", и два небольших судна, "Реванш" и "Форчун", двухмесячным запасом провизии для четырехсот-пятисот человек. Он потребовал сохранить в тайне цель этих приготовлений и пожелал, чтобы он действовал с такой осмотрительностью, чтобы английские крейсера не могли знать о происходящем. Впоследствии он договорился с Гантеумом о курсе, который тот хотел пройти. Ни одна деталь не ускользнула от его внимания.

Бонапарт очень тщательно скрывал свои приготовления, но все же какие-то смутные слухи поползли за границу. Генерал Дюга, комендант Каира, которого он только что покинул с целью отплытия, написал ему 18 августа следующего содержания:

Я только что слышал, что в Институте сообщили, что вы собираетесь вернуться во Францию, взяв с собой Монжа, Бертолле, Бертье, Ланна и Мюрата. Эта новость молниеносно распространилась по городу, и я несколько не удивлюсь, если она произведет неблагоприятный эффект, которого, однако, я надеюсь, вы избежите.

Бонапарт отплыл через пять дней после получения письма Дюгуа и, как можно предположить, не ответил на него.

18 августа он написал каирскому дивану следующее:

Завтра я отправляюсь в Менуф, откуда намереваюсь совершить различные экскурсии по Дельте, чтобы лично стать свидетелем совершаемых там актов угнетения и познакомиться с местным населением.

Он сказал армии лишь половину правды:

Новости из Европы (сказал он) заставили меня отправиться во Францию. Я оставляю командование армией генералу Клеберу. Армия получит от меня известие немедленно. В настоящее время я больше ничего не могу сказать. Мне очень больно покидать войска, к которым я так сильно привязан. Но мое отсутствие будет лишь временным, и генерал, которого я оставляю командовать, пользуется доверием правительства так же, как и моим.

Теперь я показал истинную причину отъезда генерала Бонапарта в Европу. Это обстоятельство, само по себе совершенно естественное, было предметом самых нелепых предположений тех, кто всегда желает приписать экстраординарные причины простым событиям. Нет никакой правды в утверждении о том, что он планировал свой отъезд до битвы при Абукире. Такая мысль никогда не приходила ему в голову. Он совершенно не думал о своем отъезде во Францию, ни когда совершал путешествие к Пирамидам, ни даже когда получил известие о высадке англо-турецких войск.

В конце декабря 1798 года Бонапарт так писал Директории: "У нас нет никаких известий из Франции. С июня месяца не прибыло ни одного курьера".

Некоторые авторы утверждали, что мы получали новости из Туниса, Алжира или Марокко; но это не противоречит положительному факту. К тому времени я проработал у Бонапарта более двух лет, и за это время ни по одному поводу не пришло ни одной депеши, содержание которой было бы мне неизвестно. Как же тогда новость, о которой идет речь, могла ускользнуть от меня?

—[Подробности по вопросу о переписке Наполеона с Францией во время его пребывания в Египте можно найти в работе полковника Юнга "Люсьен Бонапарт" (Париж. Шарпантье, 1882), том i. стр. 251-274. Представляется наиболее вероятным, что Наполеон время от времени общался со своей семьей и некоторыми директорами через Тунис и Триполи. В его интересах было бы не сообщать своей армии или, возможно, даже Бурьену о бедствиях в Италии, пока он не убедится, что они наверняка узнают о них от англичан. Это объясняет его притворное невежество до столь позднего срока. 11 апреля Баррас получил депешу, в которой Наполеон заявлял о своем намерении

вернуться во Францию, если новости, принесенные Гамеленом, подтвердятся. 26 мая 1799 года трое директоров, Баррас, Ребелл и Ла Ревельер-Лепо, написали Наполеону, что адмиралу Брюи было приказано использовать все средства для возвращения своей армии. 15 июля Наполеон, по-видимому, получил это и другие письма. 20 июля он предупреждает адмирала Гантоома, чтобы тот был готов выступить. 11 сентября Руководство официально одобрило отзыв армии из Египта. Таким образом, к тому времени, когда Наполеон высадился во Франции (8 октября), о его предполагаемом возвращении было давно известно и одобрено большинством Руководителей, и, наконец, Директория официально отдала приказ. Самое большее, он ожидал приказа. Нельзя сказать, что он покинул свой пост. Лантри (том i, стр. 411) отмечает, что существование и получение письма от Жозефа, отрицаемого Буррьеном, доказано Мио (комиссаром, братом Мио де Мелито) и самим Жозефом. Талейран благодарит французского консула в Триполи за то, что он прислал новости из Египта и сообщил Бонапарту о том, что происходит в Европе. См. также Рагуза (Мармон), том i, стр. 441, запись от 24 декабря 1798 года: "Я нашел араба, в котором я уверен, и который завтра отправится в Дерне Это средство можно использовать для отправки письма в Триполи, поскольку туда часто ходят лодки".]

Почти все те, кто пытается отвести от Бонапарта упрек в дезертирстве, цитируют письмо Директории, датированное 26 мая 1799 года. Это письмо, безусловно, могло быть написано, но оно так и не дошло до адресата. Зачем тогда его нужно было регистрировать?

Обстоятельства, о которых я говорил выше, определили решимость Бонапарта и заставили его смотреть на Египет как на истощенное поле славы, которое ему давно пора было покинуть, чтобы сыграть другую роль во Франции. Покидая Европу, Бонапарт почувствовал, что его репутация пошатнулась. Он хотел сделать что-нибудь, чтобы возвысить свою славу и привлечь к себе внимание всего мира. Эта цель была им в значительной степени достигнута, ибо, несмотря на серьезные бедствия, французский флаг развевался над порогами Нила и руинами Мемфиса, а битвы при Пирамидах и Абукире в немалой степени были рассчитаны на то, чтобы поразить воображение. Каир и Александрия тоже были нашими. Обнаружив, что слава его оружия больше не поддерживает слабую власть Директории, он захотел посмотреть, не сможет ли он разделить ее или присвоить себе.

Много говорилось о письмах и секретных сообщениях Директории, но Бонапарту это было не нужно. Он мог делать все, что ему заблагорассудится: не было никакой силы, способной остановить его; таков был характер его приготовлений к отъезду из Франции. Он следовал только велению собственной воли, и, вероятно, если бы флот не был уничтожен, он покинул бы Египет гораздо раньше. Хотеть и делать было для него одним и тем же. Свобода действий, которой он пользовался, была результатом его устного соглашения с Директорией, чьи инструкции и планы, по его мнению, не должны были препятствовать его деятельности.

Бонапарт покинул Александрию 5 августа, а 10-го прибыл в Каир. Сначала он распространил отчет о поездке в Верхний Египет. Это казалось тем более разумным, что он действительно вынашивал этот план перед тем, как отправиться к Пирамидам, и этот факт был известен армии и жителям Каира. До этого времени наша тайна тщательно хранилась. Однако генерал Ланусс, комендант Менуфа, куда мы прибыли 20 августа, подозревал об этом. "Вы отправляетесь во Францию", - сказал он мне. Мой отрицательный ответ подтвердил его подозрения. Это почти убедило меня в том, что главнокомандующий был первым, кто сделал это заявление. Генерал Ланусс, хотя и завидовал нашей удаче, не жаловался. Он искренне пожелал нам удачного плавания, но ни с кем не обмолвился ни словом по этому поводу.

21 августа мы достигли колодцев Биркетта. Арабы сделали воду непригодной для употребления, но главнокомандующий решил утолить жажду и с этой целью выжал сок из нескольких лимонов в стакан с водой; но он не мог проглотить его, не зажав нос и не выказав сильного чувства отвращения.

На следующий день мы добрались до Александрии, где генерал сообщил всем, кто сопровождал его из Каира, что их пунктом назначения является Франция. При этом объявлении радость отразилась на каждом лице.

Генерал Клебер, под командование которого Бонапарт передал армию, был приглашен прибыть из Дамьетты в Розетту для совещания с главнокомандующим по делам чрезвычайной важности. Бонапарт, назначая встречу, на которую он никогда не собирался приходить, надеялся избежать нежелательной вольности в виде упреков Клебера. Впоследствии он написал ему все, что хотел сказать; и причина, по которой он не явился на встречу, заключалась в том, что его страх быть замеченным английскими крейсерами вынудил его отплыть на три дня раньше, чем он намеревался. Но когда он писал, Бонапарт прекрасно знал, что будет в море до того, как Клебер получит его письмо. Клебер в своем письме Директории горько жаловался на этот обман. Необычная судьба, постигшая это письмо, скоро станет очевидной.

ГЛАВА XXI

1799.

Наш отъезд из Египта—Ночная посадка—М. Парсеваль Грандмезон—По курсу—Неблагоприятный ветер—Страх перед англичанами—Благоприятная погода—Игра в шахматы—Мы высаживаемся в Аяччо—Мнимые родственники Бонапарта—Семейные владения—Нехватка денег—Битва при Нови—Смерть Жубера—Дальновидные планы—Покупка лодки—Отплытие с Корсики—Английская эскадра—Наш побег—Дороги Фрежюса—Наша высадка во Франции—Чума или австрийцы—Радость народа—Санитарные законы—Ложно обвиненный Бонапарт.

Теперь нам предстояло вернуться в нашу страну — снова пересечь море, для нас столь чреватое опасностями, — Цезарь и его состояние снова должны были сесть на корабль. Но Цезарь сейчас продвигался на Восток не для того, чтобы присоединить Египет к завоеваниям Республики. Он прокручивал в уме грандиозные планы, не смущаясь мыслью поставить все на карту в свою пользу правительству, за которое он боролся. Надежда завоевать самую знаменитую страну Востока больше не будоражила воображение, как при нашем отъезде из Франции. Наша последняя призрачная мечта развеялась перед стенами Сен-Жан-д'Акр, и мы оставили на раскаленных песках Египта большую часть наших товарищей по оружию. Непостижимая судьба, казалось, подталкивала нас вперед, и мы были обязаны повиноваться ее указам.

23 августа мы поднялись на борт двух фрегатов "Мюирон"

—[Назван в честь адъютанта Бонапарта, убитого во время итальянской кампании]—

и "Каррер". Нас было от четырех до пяти сотен. Такова была наша эскадра и такова грозная армия, с помощью которой Бонапарт решил, как он писал в каирский "Диван", "уничтожить всех своих врагов". Это хвастовство могло показаться навязчивым тем, кто не видел реального положения вещей; но что мы должны были думать об этом? Что сам Бонапарт думал на следующий день.

Ночь была темная, когда мы погрузились на фрегаты, стоявшие на значительном расстоянии от александрийского порта; но при слабом свете звезд мы заметили корвет, который, по-видимому, наблюдал за нашей тихой ночной посадкой.

—[Лошадей эскорта оставили бегать на берегу, и в Александрии царила полная тишина, когда передовые посты города были встревожены бешеным галопом лошадей, которые, повинувшись естественному инстинкту, возвращались в Александрию через пустыню. Пикет бросился к оружию, увидев оседланных и взнузданных лошадей, которые, как вскоре выяснилось, принадлежали полку проводников. Сначала они подумали, что с каким-то отрядом, преследовавшим арабов, случилось несчастье. С этими лошадьми прибыли также те генералы, которые сели на корабль вместе с генералом Бонапартом; так что Александрия на какое-то время была в значительной тревоге. Кавалерии было приказано со всей поспешностью двигаться в том направлении, откуда пришли лошади, и каждый предавался самым мрачным предположениям, когда кавалерия вернулась в город с турецким грумом, который возвращал лошадь генерала Бонапарта в Александрию (Мемуары герцога де Ровиго, том i, стр. 182).]—

На следующее утро, как раз когда мы собирались отплыть, мы увидели идущую из порта Александрии лодку, на борту которой находился меусе Парсеваль Грандмезон. Этот превосходный человек, которого все мы любили, не был включен в число лиц, чье возвращение во Францию было решено главнокомандующим. В своем стремлении поскорее убраться отсюда Бонапарт и слышать не хотел о том, чтобы взять его на борт. Легко понять, насколько настойчивы были просьбы Парсеваля; но он подал бы в суд напрасно, если бы Гантеом, Монж, Бертолле и я не вступились за него. С некоторым трудом мы преодолели сопротивление Бонапарта, и наш коллега из Египетского института поднялся на борт после того, как ветер наполнил наши паруса.

Ошибочно утверждалось, что адмирал Гантеом полностью контролировал фрегаты, как будто кто-то мог командовать в присутствии Бонапарта. Напротив, Бонапарт заявил адмиралу в моем присутствии, что он не пойдет обычным курсом и не выйдет в открытое море.

"Держитесь поближе к побережью Средиземного моря, - сказал он, - со стороны Африки, пока не окажетесь к югу от Сардинии. У меня здесь горстка храбрых парней и несколько артиллерийских орудий; если появятся англичане, я сойду на берег и со своим отрядом доберусь по суше до Орана, Туниса или какого-нибудь другого порта, откуда мы, возможно, найдем возможность вернуться домой ". Таково было его бесповоротное решение.

В течение двадцати одного дня неблагоприятные ветры, дувшие с запада или северо-запада, постоянно гнали нас к побережью Сирии или в направлении Александрии. Одно время даже предлагалось, чтобы мы снова зашли в порт; но Бонапарт заявил, что скорее отважится на любую опасность, чем сделает это. В течение дня мы лавировали на некотором расстоянии к северу, а вечером повернули в сторону Африки, пока не оказались в пределах видимости

побережья. Наконец, после не менее чем двадцати одного дня нетерпения и разочарований, благоприятный восточный ветер пронес нас мимо той оконечности Африки, на которой раньше стоял Карфаген, и вскоре мы обогнули Сардинию. Мы держались очень близко к западному побережью этого острова, где Бонапарт решил высадиться на случай нашего столкновения с английской эскадрой. Оттуда он планировал добраться до Корсики и там дожидаться благоприятной возможности вернуться во Францию.

Все способствовало тому, чтобы сделать наше путешествие скучным и монотонным; и, кроме того, мы были не совсем без беспокойства относительно шагов, которые могла предпринять Директория, поскольку было ясно, что публикация перехваченной корреспонденции должна была привести к множеству неприятных разоблачений. Бонапарт часто выходил на палубу, чтобы проследить за выполнением своих приказов. Самый маленький парус, появившийся в поле зрения, вызывал у него тревогу.

Страх попасть в руки англичан никогда не покидал его. Это было то, чего он боялся больше всего, и все же в последующий период он доверился великодушию своих врагов.

Однако, несмотря на нашу вполне обоснованную тревогу, были моменты, когда мы пытались развлечься или, выражаясь общепринятым языком, убить время. Карты служили нам источником развлечения, и даже это легкомысленное развлечение способствовало развитию характера Бонапарта. Вообще-то он не любил карт, но если и играл, то винг-э-ун был его любимой игрой, потому что она быстрее многих других и, короче говоря, давала ему возможность жульничать. Например, он просил карту; если она оказывалась плохой, он ничего не говорил, а клал ее на стол и ждал, пока крупье вытянет свою. Если дилер предъявлял хорошую карту, то Бонапарт отбрасывал свою руку, не показывая ее, и отказывался от своей ставки. Если же, напротив, карта дилера давала ему больше двадцати одной, Бонапарт также отбрасывал свои карты в сторону, не показывая их, и требовал выплаты своей ставки. Его очень забавляли эти маленькие хитрости, особенно когда они разыгрывались незамеченными; и, признаюсь, даже тогда мы были достаточно придворными, чтобы потакать ему и подмигивать его мошенничеству. Я должен, однако, упомянуть, что он никогда не присваивал себе плоды этой маленькой нечестности, поскольку в конце игры он отказался от всего своего выигрыша, и они были разделены поровну. Выгода, как легко можно предположить, не была его целью; но он всегда ожидал, что фортуна подарит ему туза или десятку в нужный момент с такой же уверенностью, с какой он ожидал хорошей погоды в день битвы. Если он и был разочарован, то хотел, чтобы никто об этом не узнал.

Бонапарт тоже играл в шахматы, но очень редко, потому что он был всего лишь третьеразрядным игроком и не любил проигрывать в этой игре, которая, не знаю почему, как говорят, имеет сходство с великой игрой в войну. В этой последней игре Бонапарт, конечно, не боялся противника. Это напоминает мне, что, когда мы покидали Пассериано, он объявил о своем намерении пройти через Мантую. Ему сказали, что комендант этого города, по моему, генерал Бовуар, был великим шахматистом, и он выразил желание сыграть с ним партию. Генерал Бовуар попросил его указать какую-либо конкретную пешку, с которой ему будет поставлен мат; добавив, что если пешка будет взята, он, Бонапарт, должен быть объявлен победителем. Бонапарт указал на последнюю пешку слева от своего противника. На ней была поставлена отметка, и оказалось, что на самом деле ему поставили мат этой самой пешкой. Бонапарту это не очень понравилось. Ему нравилось играть со мной, потому что, хотя я был гораздо лучшим игроком, чем он, я не всегда мог победить его. Как только исход игры был решен в его пользу, он отказался от дальнейшей игры, предпочитая почивать на лаврах.

Попутный ветер, который постоянно преобладал в течение первых двадцати дней нашего плавания, все еще продолжался, пока мы держались побережья Сардинии; но после того, как мы миновали этот остров, ветер снова сильно подул с запада, и 1 октября мы были вынуждены войти в залив Аяччо. На следующий день мы снова вышли в море, но обнаружили, что выйти из залива невозможно. Поэтому нам пришлось зайти в порт и высадиться в Аяччо. Неблагоприятный ветер вынудил нас оставаться там до 7 октября. Легко представить, как сильно эта задержка раздражала Бонапарта. Иногда он выражал свое нетерпение, как будто мог заставить повиноваться стихии так же, как и людей. Он терял время, а время было для него всем.

Было одно обстоятельство, которое, казалось, раздражало его не меньше, чем любая из его более серьезных неприятностей. "Что будет со мной, - сказал он, - если англичане, которые курсируют здесь поблизости, узнают, что я высадился на Корсике? Я буду вынужден остаться здесь. Этого я никогда не смог бы вынести. На меня обрушился поток родственников ". Его великолепная репутация, безусловно, значительно увеличила численность его семьи. Он был завален визитами, поздравлениями и просьбами. Весь город был в смятении. Каждый из его жителей хотел признать его своим двоюродным братом; и, судя по огромному количеству его мнимых крестников, можно было предположить, что он держал в купели для крещения четвертую часть детей Аяччо.

Бонапарт часто гулял с нами по окрестностям Аяччо; и когда при всей полноте своего могущества он не пересчитывал свои короны с большим удовольствием, чем выказывал, указывая нам на маленькие владения своих предков.

Пока мы были в Аяччо, М. Феш дал Бонапарту французские деньги в обмен на некоторое количество турецких монет, общей стоимостью 17 000 франков. Эта сумма была всем, что генерал привез с собой из Египта. Я упоминаю этот факт, потому что он был несправедливо оклеветан в письмах, написанных после его отъезда и которые были перехвачены и опубликованы англичанами. Я должен также добавить, что, поскольку он никогда бы для своего личного пользования не обратился к армейскому денежному сундуку, содержимого которого, действительно, никогда не хватало и наполовину для покрытия необходимых расходов, он несколько раз обращался в Геную через г-на Джеймса и из средств, которыми он располагал в доме Клари, - 16 000, 25 000 и до 33 000 франков. Я могу засвидетельствовать, что в Египте я никогда не видел, чтобы он прикасался к каким-либо деньгам сверх своего жалованья; и то, что он покинул страну беднее, чем въехал, - это факт, который нельзя отрицать. В его заметках о Египте указано, что за один год было получено 12 600 000 франков. В эту сумму были включены по меньшей мере 2 000 000 взносов, которые были собраны за счет многих обезглавливаний. Бонапарт пробыл в Египте четырнадцать месяцев, и говорят, что он увез с собой 20 000 000 долларов. Некоторым людям клевета может быть очень приятна, но они должны, по крайней мере, придать ей правдоподобную окраску. Дело в том, что у Бонапарта едва хватало средств, чтобы прокормиться в Аяччо и покрыть наши командировочные расходы в Париж.

По прибытии в Аяччо мы узнали о смерти Жубера и поражении в битве при Нови, которая произошла 15 августа. Бонапарта терзала тревога; он находился в состоянии полной неуверенности в будущем. С того момента, как мы покинули Александрию, и до нашего прибытия на Корсику он часто говорил о том, что ему следует делать во время карантина, который, как он предполагал, ему придется соблюдать по прибытии в Тулон, порт, в котором он решил высадиться.

Уже тогда он лелеял некоторые иллюзии относительно положения дел; и он часто говорил мне: "Если бы не этот проклятый карантин, я бы поспешил на берег и встал во главе итальянской армии. Еще не все кончено, и я уверен, что нет ни одного генерала, который отказал бы мне в командовании. Весть о одержанной мной победе достигла бы Парижа сразу же после битвы при Абукире; это действительно было бы превосходно".

На Корсике его язык был совсем другим. Когда ему сообщили о наших неудачах и он увидел весь размах зла, он на мгновение был ошеломлен. Затем его грандиозные проекты уступили место рассмотрению вопросов второстепенной важности, и он задумался о своем заключении в Лазаретто Тулона. Он говорил о Директории, об интригах и о том, что скажут о нем. Он считал своими врагами тех, кто завидовал ему, и тех, кто не мог примириться с его славой и влиянием его имени. Среди всех этих тревог Бонапарт был внешне спокоен, хотя и был угрюм и задумчив.

Предусмотрев все возможные опасности, он приобрел в Аяччо большой катер, который предназначался для буксировки "Мюироном", и на нем работали двенадцать лучших матросов, каких только мог предоставить остров. Он решил, что в случае неизбежной опасности прыгнет в эту лодку и сойдет на берег. Эта предосторожность почти оправдала себя.

—[Сэр Вальтер Скотт в начале своей книги "Жизнь Наполеона" говорит, что Бонапарт не видел своего родного города после 1793 года. Вероятно, чтобы не противоречить самому себе, шотландский историк отмечает, что Бонапарт был недалеко от Аяччо по возвращении из Египта. Он провел там восемь дней. Бурьен.]—

После выхода из залива Аяччо плавание в течение одного дня проходило благополучно и без помех; но на второй день, как раз на закате, в поле зрения появилась английская эскадра из четырнадцати парусников. Англичане, имея преимущество в освещении наших лиц, видели нас лучше, чем мы могли видеть их. Они узнали в наших двух фрегатах венецианскую постройку; но, к счастью для нас, наступила ночь, так как мы были недалеко друг от друга. Мы долгое время видели сигналы англичан и слышали грохот орудий все левее и левее от нас, и мы подумали, что крейсера намеревались перехватить нас на юго-востоке. При таких обстоятельствах у Бонапарта были основания благодарить судьбу; ибо совершенно очевидно, что если бы англичане заподозрили, что два наших фрегата приближаются с Востока и направляются во Францию, они закрыли бы нас от суши, пройдя между нами и ней, что для них было очень легко. Вероятно, они приняли нас за конвой с провизией, идущий из Тулона в Геную; и именно этой ошибке и темноте мы были обязаны тем, что спаслись бегством, не повлекшим за собой ничего худшего, чем испуг.

—[Здесь Бурьен говорит в примечании: "Откуда сэр Вальтер Скотт узнал, что нас никто не видел и не узнал? Нас не узнали, но определенно видели", это подтверждается показаниями герцога де Ровиго, который в своих воспоминаниях говорит: "Я встречал офицеров английского военно-морского флота, которые уверяли меня, что два фрегата были замечены, но адмирал счел их принадлежащими его эскадре, поскольку они направлялись к нему; и поскольку он знал, что у нас был только один фрегат в Средиземном море и один в гавани Тулона, он был далек от предположения, что на борту фрегатов, которые он заметил, мог быть генерал Бонапарт". (Савари, том I, стр. 226).]—

Остаток ночи на борту "Мюирона" царило крайнее возбуждение. Гантеом пребывал в состоянии особой тревоги, которую невозможно описать и свидетелем которой было больно быть: он был совершенно вне себя, ибо катастрофа казалась неизбежной. Он предложил вернуться на Корсику. "Нет, нет!" - властно возразил Бонапарт. "Нет! Поднять все паруса! Каждый человек на своем посту! На северо-запад! На северо-запад!" Этот приказ спас нас; и я могу утверждать, что посреди почти всеобщей тревоги Бонапарт был занят исключительно отдачей приказов. Быстрота его суждений, казалось, возрастала перед лицом опасности. Воспоминание о той ночи никогда не изгладится из моей памяти. Часы тянулись; и никто из нас не мог предположить, какие новые опасности подстерегут завтрашнее солнце.

Однако решение Бонапарта было принято: его приказы были отданы, приготовления сделаны. Вечером он решил броситься в баркас; он уже определился с людьми, которым предстояло разделить его судьбу, и уже назвал мне бумаги, которые, по его мнению, было наиболее важно спасти. К счастью, наши страхи были напрасны, а наши приготовления бесполезны. С первыми лучами солнца мы обнаружили английский флот, плывущий на северо-восток, и приблизились к желанному побережью Франции.

8 октября, в восемь утра, мы выехали на дороги Фрежюса. Ночью моряки не узнали берег, и мы не знали, где находимся. Сначала были некоторые сомнения, стоит ли нам продвигаться вперед. Нас ни в коем случае не ожидали, и мы не знали, как реагировать на сигналы, которые были изменены за время нашего отсутствия. Береговые батареи даже открыли по нам огонь из нескольких пушек; но наше смелое появление на рейде, толпа на палубах двух фрегатов и наши признаки радости быстро рассеяли все сомнения в том, что мы друзья. Мы были в порту и приближались к месту высадки, когда распространился слух, что Бонапарт находится на борту одного из фрегатов. В одно мгновение море покрылось лодками. Тщетно мы умоляли их держаться на расстоянии; нас вынесло на берег, и когда мы рассказали толпе, как мужчинам, так и женщинам, которые теснились вокруг нас, о том, какой опасности они подвергаются, все они воскликнули: "Мы предпочитаем чуму австрийцам!"

Каковы были наши чувства, когда мы снова ступили на землю Франции, я не стану пытаться описать. Наше спасение от угрожавших нам опасностей казалось почти чудесным. Мы потеряли двадцать дней в начале нашего путешествия, а в конце его едва не были захвачены английской эскадрой. С каким упоением вдыхали мы при таких обстоятельствах благоуханный воздух Прованса! Такова была наша радость, что мы едва ли обращали внимание на обескураживающие новости, которые поступали со всех сторон. В первый момент нашего прибытия, повинаясь спонтанному порыву, мы все со слезами на глазах повторили прекрасные строки, которые Вольтер вложил в уста сицилийского изгнанника.

Бонапарта упрекали в нарушении санитарных законов; но после того, что я уже сказал относительно его намерений, я полагаю, что не может оставаться никаких сомнений в ложности этого обвинения. Вся вина должна лежать на жителях Фрежюса, которые в данном случае сочли закон необходимости более властным, чем санитарные законы. И все же, если учесть, что четыреста или пятьсот человек и некоторое количество имущества были высажены из Александрии, где летом свирепствовала чума, то почти чудо, что Франция, да и вся Европа, избежала этого бедствия.

ГЛАВА XXII.

1799.

Эффект, произведенный возвращением Бонапарта—Его оправдание— Грустное письмо моей жене—Предполагаемый ужин Бонапарта в Сансе— Луи Бонапарт и Жозефина—Он меняет намеченный маршрут— Печальное положение провинций—Необходимость перемен— Честолюбивые взгляды Бонапарта—Влияние аплодисментов публики— Прибытие в Париж—Его прием Жозефины—Их примирение— Визит Бонапарта к Директории—Его презрительное обращение с Сийесом.

Эффект, произведенный во Франции и по всей Европе одним лишь известием о возвращении Бонапарта, хорошо известен. Я пока не буду говорить об обширной череде последствий, которые повлекло за собой это событие. Я должен, однако, отметить некоторые обвинения, которые были выдвинуты против него с момента нашей высадки до 9 ноября. Его упрекали в том, что он покинул Египет, и утверждали, что его отъезд был результатом долгого обдумывания. Но я, который постоянно был с ним, могу с уверенностью утверждать, что его возвращение во Францию было просто следствием внезапного решения. Следующий факт сам по себе является достаточным доказательством этого.

Когда мы были в Каире, за несколько дней до того, как узнали о высадке англо-турецкого флота, и в тот момент, когда мы собирались разбить лагерь у Пирамид, Бонапарт отправил курьера во Францию. Я воспользовался этой возможностью, чтобы написать своей жене. Я почти попрощался с ней навеки. Мое письмо дышало выражением такой скорби, какой я раньше не проявлял. Я сказал, среди прочего, что мы не знаем, когда и как нам удастся вернуться во Францию. Если бы Бонапарт тогда лелеял какую-либо мысль о скором возвращении, я должен был бы это знать, и в этом случае я, конечно, не стал бы огорчать свою семью унылым письмом, когда у меня не было возможности написать семь месяцев назад.

Через два дня после получения моего письма мою жену разбудили очень рано, чтобы сообщить о нашем прибытии во Францию. Курьер, доставивший это известие, доставил второе письмо от меня, написанное мной на борту корабля и датированное адресом Фрежюса. В этом письме я упомянул, что Бонапарт будет проезжать через Санс и обедать с моей матерью.

Выполняя мои указания, мадам де Бурьен отправилась в Париж в пять часов утра. Миновав первую почтовую станцию, она встретила автобус с четырьмя путешественниками, среди которых она узнала Луи Бонапарта, направлявшегося на встречу с генералом по Лионской дороге. Увидев мадам де Бурьен, Луи попросил фореитора остановиться и спросил ее, не получала ли она известий от меня. Она сообщила ему, что мы должны проехать через Санс, где генерал пожелал отобедать с моей матерью, которая сделала все возможное для его приема. Затем Луи продолжил свое путешествие. Около девяти часов моя жена встретила еще один Берлин, в котором находились мадам Бонапарт и ее дочь. Поскольку они спали, а оба экипажа ехали очень быстро, мадам де Бурьен не остановила их. Жозефина последовала по маршруту, выбранному Людовиком. Обе разминулись с генералом, который

передумал в Лионе и проследовал через Бурбонне. Он прибыл на пятнадцать часов позже моей жены, и те, кто поехал бургундской дорогой, бесполезно направились в Лион.

Полный решимости как можно скорее отправиться в Париж, Бонапарт покинул Фрежюс во второй половине дня нашей высадки. Он сам отправил курьера в Сан, чтобы сообщить моей матери о своем намерении навестить ее; и только добравшись до Лиона, он решил отправиться по бурбонской дороге. Причина, по которой он это сделал, вскоре будет выяснена. На всем протяжении пути, в Эксе, в Лионе, в каждом городе и деревне, его встречали, как и во Фрежюсе, самыми бурными проявлениями радости.

—[Из Фрежюса в Экс нас любезно сопровождала толпа мужчин с факелами рядом с повозкой генерала, не столько для того, чтобы показать свой энтузиазм, сколько для обеспечения нашей безопасности (Бурьен) Эти разбойники стали настолько плохими во Франции, что одно время солдат зачисляли в имперские войска всех степеней, получив от остряков любопытно предвосхищающее название "имперские армии".]—

Только те, кто был свидетелем его триумфального путешествия, могут составить о нем хоть какое-то представление; и не требовалось особой проницательности, чтобы предвидеть нечто подобное 18 Брюмера.

Провинции, охваченные анархией и гражданской войной, постоянно находились под угрозой иностранного вторжения. Почти весь юг представлял собой печальное зрелище одной огромной арены враждующих группировок. Нация стонала под гнетом тиранических законов; систематически устанавливался деспотизм; закон о заложниках наносил удар по личной свободе, а принудительные займы угрожали собственности каждого человека. Большинство граждан выступили против пентархии, лишённой власти, справедливости и морали, которая превратилась в игру фракций и интриг. Беспорядки были всеобщими; но в провинциях злоупотребления ощущались более остро, чем где-либо еще. В больших городах оказалось легче ускользнуть от рук деспотизма и угнетения.

Перемены, которых так искренне желали, не могли не осуществиться и не быть восприняты с восторгом. Большинство французского народа страстно желало избавиться от ситуации, в которой они тогда находились. Существовали две опасности, с которыми предстояло справиться — анархия и бурбоны. Все чувствовали настоятельную и незаменимую необходимость сосредоточения государственной власти в одних руках; в то же время поддерживая институты, которых требовал дух эпохи и которые Франция, приобретя столь дорогой ценой, теперь была близка к потере. Страна искала человека, способного вернуть ей спокойствие, но пока такого человека не было. Появился солдат удачи, овеянный славой; он водрузил знамя Франции на Капитолии и Пирамидах. Весь мир признал его выдающийся талант; его характер, его мужество и его победы возвысили его до самого высокого ранга. Его великие дела, его доблестные поступки, его речи и прокламации с тех пор, как он достиг высокого положения, не оставляли сомнений в его желании обеспечить счастье и свободу Франции, его приемной стране. В тот критический момент необходимость временной диктатуры, которая иногда обеспечивает безопасность государства, изгнала все размышления о последствиях такой власти, и никто, казалось, не считал славу несовместимой с личной свободой. Поэтому все взоры были устремлены на генерала, чье прошлое поведение гарантировало ему способность защищать Республику за границей и свободу дома, — на генерала, которого его льстецы и даже некоторые из его искренних друзей называли "героем либеральных идей", титул, к которому он стремился.

Поэтому, с любой точки зрения, его, естественно, выбрали вождем великодушной нации, доверившей ему свою судьбу, а не шайкой подлых и фанатичных лицемеров, которые под предлогом республиканизма и свободы довели Францию до самого ужасного рабства.

К числу планов, которые Бонапарт непрестанно прокручивал в уме, несомненно, можно отнести проект по установлению главы французского правительства; но было бы ошибкой предполагать, что по возвращении из Египта у него сложился какой-либо четкий план. В его честолюбивых устремлениях было что-то смутное; и он, если можно так выразиться, любил строить те воображаемые сооружения, которые называются воздушными замками. Ход событий соответствовал его желаниям, и поистине можно сказать, что вся французская нация расчистила для Бонапарта дорогу, ведущую к власти. Несомненно, единодушные аплодисменты и всеобщая радость, сопровождавшие его на протяжении более чем 200 лье, должны были побудить его рассматривать как национальную миссию этот шаг, который поначалу был продиктован просто желанием вмешаться в дела Республики.

Этот спонтанный взрыв народных чувств, неупорядоченный и неоплаченный, громко провозгласил недовольство людей и их надежду на то, что человек победы станет их избавителем. Всеобщий энтузиазм, вызванный возвращением завоевателя Египта, восхитил его до такой степени, которую я не могу выразить словами, и был, как он часто уверял меня, мощным стимулом, побуждавшим его к достижению цели, к которой, казалось, вели его пожелания Франции.

Люди всех классов и мнений были желанны и ожидали 18 Брюмера. Многие роялисты даже верили, что перемены окажутся благоприятными для короля. Мы так готовы убедить себя в реальности того, чего мы желаем.

Как только возникло подозрение, что Бонапарт примет предложенную ему власть, был поднят шум по поводу заговора против Республики, и были предприняты меры для ее сохранения. Но необходимость и даже, следует признать, общее настроение народа возложили выполнение этих мер на того, кто должен был ниспровергнуть Республику. По возвращении в Париж Бонапарт говорил и действовал как человек, почувствовавший свою власть; его не интересовали ни лесть, ни обеды, ни балы — его ум воспарил выше.

Мы прибыли в Париж 24-го вендемера (16 октября). Он еще ничего не знал о том, что происходит, потому что не видел ни своей жены, ни братьев, которые искали его на бургундской дороге. Известие о нашей высадке во Фрежюсе достигло Парижа телеграфным сообщением. Мадам Бонапарт, которая ужинала с месье Гойе, когда ему, как президенту Директории, было передано это сообщение, немедленно отправилась на встречу со своим мужем, хорошо понимая, как важно, чтобы его братья не предвосхитили ее первую встречу с ним.

Следует помнить неосторожные сообщения Жюно у фонтанов Мессудии, но после первого приступа ревливой ярости все следы этого чувства, по-видимому, исчезли. Однако Бонапарта все еще терзали тайные подозрения, и тягостное впечатление, произведенное Жюно, либо не совсем изгладилось, либо возродилось после нашего прибытия в Париж. Мы добрались до столицы до возвращения Жозефины. Воспоминания о прошлом, недоброжелательные отзывы его братьев,

—[Жозеф Бонапарт замечает по этому поводу, что Наполеон встретил Жозефину в Париже до того, как туда прибыли его братья (сравните д'Абрантеса, том 1, стр. 260-262 и Ремюза, том I, стр. 147-148.)]—

а преувеличение фактов разозлило Наполеона до крайности, и он принял Жозефину с нарочитой холодностью и с видом самого жестокого безразличия. Он не общался с ней в течение трех дней, в течение которых часто говорил мне о подозрениях, которые его воображение превращало в уверенность; и угрозы развода срывались с его губ с не меньшей горячностью, чем когда мы были на границе Сирии. Я взял на себя обязанности посредника, которые до этого с успехом исполнял. Я объяснил ему, какой опасности может подвергнуться огласка и скандал, связанные с таким делом, и что момент, когда его грандиозные замыслы, возможно, воплотятся в жизнь, не самый подходящий для того, чтобы развлекать Францию и Европу подробностями обвинения в супружеской измене. Я рассказала ему о Гортензии и Евгении, к которым он был очень привязан. Размышления, подкрепленные его горячей привязанностью к Жозефине, привели к полному примирению. После этих трех дней супружеского непонимания их счастье больше никогда не нарушалось по подобной причине.

—[Говоря о неожиданном прибытии Бонапарта и встрече между ним и Жозефиной, мадам Жюно говорит: "10 октября Жозефина отправилась навстречу своему мужу, но не знала точно, какой дорогой он пойдет. Она подумала, что, скорее всего, он приедет через Бургундию, и поэтому они с Людовиком отправились в Лион.

"Мадам Бонапарт была жертвой серьезной и вполне обоснованной клеветы. Была ли она виновна или просто проявила неосторожность, семья Бонапартов решительно обвинила ее, желая, чтобы Наполеон добился развода. Старший месье де Коленкур поделился с нами своими опасениями по этому поводу; но всякий раз, когда поднималась эта тема, моя мать меняла разговор, потому что, зная чувства семьи Бонапартов, она не могла ответить, не подтвердив их или не прибегнув ко лжи. Более того, она знала истинность многих обстоятельств, в которых г-н де Коленкур, казалось, сомневался и о которых ее положение по отношению к Бонапарту не позволяло ей сообщить ему.

"Мадам Бонапарт совершила большую ошибку, пренебрегши на данном этапе примирением со своей свекровью, которая могла бы защитить ее от тех, кто стремился к ее разорению и осуществил это девять лет спустя; ибо развод в 1809 году был осуществлен совместными усилиями всех членов семьи Бонапарт при содействии некоторых самых доверенных слуг Наполеона, с которыми Жозефина, будь она мадам Бонапарт или императрица, не сделала ничего, чтобы подружиться.

"Бонапарт, прибыв в Париж, обнаружил, что его дом опустел; но его мать, сестры и свояченицы и, короче говоря, все члены его семьи, за исключением Луи, который сопровождал мадам Бонапарт в Лион, немедленно приехали к нему. Впечатление, произведенное на него одиночеством его дома и покинутостью хозяйки, было глубоким и ужасным, и девять лет спустя, когда узы между ним и Жозефиной были разорваны навсегда, он показал, что они не изгладились. Не найдя ее со своей семьей, он сделал вывод, что она чувствовала себя недостойной их присутствия и боялась встретиться с человеком, которому причинила зло. Он считал ее поездку в Лион простым предложением.

"Господин де Буррьен говорит, что в течение нескольких дней после возвращения Жозефины Бонапарт обращался с ней крайне холодно. Поскольку он был очевидцем, почему он не изложил всю правду и не сказал, что по ее возвращении Бонапарт отказался ее видеть и вообще не встречался с ней? Именно искренним просьбам своих детей она была обязана возвращением не любви мужа, ибо та давно угасла, а той нежности, приобретенной по привычке, и тому близкому общению, благодаря которому она до сих пор сохраняла звание супруги величайшего человека

своего времени. Бонапарт был в тот период очень привязан к Эжену Богарне, который, надо отдать ему справедливость, был очаровательным юношей. Он меньше знал Гортензию, но ее молодость и мягкий нрав, а также покровительство, которого она, как его приемная дочь, умоляла его не лишать ее, оказались могущественными защитниками и преодолели его сопротивление.

"В этих деликатных переговорах хорошей политикой было не привлекать к игре никаких других лиц, каким бы ни было их влияние на Бонапарта, и мадам Бонапарт, следовательно, не прибегала ни к Баррасу, ни к Буррьену, ни к Бертье. Было целесообразно, чтобы те, кто ходатайствовал за нее, имели возможность сказать что-то без возможности ответа. Теперь Бонапарт не мог сколько-нибудь пристойно объяснить таким детям, как Эжен или Гортензия, особенности поведения их матери. Поэтому он был вынужден молчать, и у него не было аргументов, чтобы сдержать слезы двух невинных созданий, лежащих у его ног и восклицающих: "Не бросайте нашу мать, у нее разобьется сердце! и должна ли несправедливость отнять у нас, бедных сирот, чьего естественного защитника эшафот уже лишил нас, поддержку того, кого Провидение послало ему на смену!"

"Сцена, как впоследствии заявил Бонапарт, была долгой и мучительной, и двое детей наконец представили свою мать и заключили ее в его объятия. Несчастливая женщина ждала его решения у двери маленькой задней лестницы, вытянувшись почти во весь рост на ступеньках, испытывая острейшие душевные муки.

"Какими бы ни были ошибки его жены, Бонапарт, казалось, полностью забыл о них, и примирение было полным. Из всех членов семьи мадам Леклерк была больше всего раздосадована помилованием, которое Наполеон даровал своей жене. Мать Бонапарта тоже была очень недовольна, но ничего не сказала. Мадам Жозеф Бонапарт, которая всегда была очень любезна, не принимала участия в этих семейных ссорах; поэтому она легко могла определить, какую роль принять, когда фортуна улыбалась Жозефине. Что касается мадам Баччокки, то она дала волю своему дурному настроению и презрению; следствием этого было то, что ее невестка терпеть ее не могла. Кристина, которая была прекрасным созданием, последовала примеру мадам Жозеф, а Каролина была так молода, что ее мнение не могло иметь никакого значения в подобном деле. Что касается братьев Бонапарта, то они находились в открытой войне с Жозефиной".] —

На следующий день после своего прибытия Бонапарт посетил Директоров.

—[Режиссерами в то время были Баррас, Сийес, Мулен, Гойе, и Роже Дюко.]—

Интервью было холодным. 24 октября он сказал мне: "Вчера я обедал у Гойера; Сийес присутствовал, и я притворился, что не вижу его. Я заметил, как сильно он был взбешен этим проявлением неуважения". — "Но вы уверены, что он настроен против вас?" - спросил я. "Я еще ничего не знаю; но он интриган, и он мне не нравится". Уже в то время у Бонапарта были мысли о том, чтобы добиться избрания членом Директории в кабинете Сийеса.

ГЛАВА XXIII

1799.

Моро и Бернадотт—Мнение Бонапарта о Бернадотте—Ложный отчет—Корона Швеции и Конституция III года.— Интриги братьев Бонапарта—Сердитый разговор Бонапарта и Бернадотта—Версия Бонапарта—Версия Жозефины— Неожиданный визит—Клуб "Манеж"—Саличетти и Жозеф Бонапарт —Бонапарт приглашает себя на завтрак с Бернадотом—Загородная экскурсия—Бернадотт обедает с Бонапартом—Заговор и конспирация —Поведение Люсьена—Ужин, данный Бонапарту советом пятисот —Желание Бонапарта быть избранным членом Директории—Его примирение с Сийесом—Предложение, сделанное Директорией Бонапарту —Баррас ложно обвиняет его.

Чтобы пролить ясный свет на ход великих событий, которые будут развиваться в настоящее время, необходимо кратко изложить, какие интриги вынашивались и какие честолюбивые надежды возникали, пока мы были в Египте. Находясь в Египте, Бонапарт был полностью лишен каких-либо средств узнать, что происходит во Франции; и во время нашего быстрого путешествия из Фрежюса в Париж у нас не было возможности собрать много информации. И все же было очень важно, чтобы мы знали реальное положение дел и чувства тех, кого Бонапарт считал среди своих соперников по славе, и кого он мог теперь встретить среди своих соперников по честолюбию.

Военная репутация Моро была очень высока, а твердость Бернадотта казалась непреклонной. Вообще говоря, Бонапарт мог бы причислить к своим преданным сторонникам спутников своей славы в Италии, а также тех, кого он впоследствии назвал "своими египтянами". Но храбрые люди отличились в Рейнской армии; и если они не скрывали своего восхищения завоевателем Италии, то, по крайней мере, чувствовали себя более лично заинтересованными в восхищении, которое они расточали тому, кто исправил катастрофу при Шерере. Кроме того, следует иметь в виду, что в армии почти без исключения преобладал республиканский дух и что Директория, по-видимому, была правительством, специально созданным для того, чтобы оказывать покровительство интриганам. Все это создавало трудности на нашем пути и делало совершенно необходимым, чтобы мы знали свою почву под ногами. Правда, по прибытии нас встретили с максимальным народным энтузиазмом, но этого было недостаточно. Мы хотели более твердых выборов.

Во время египетской кампании Бернадот, ревностный республиканец, был военным министром,

—[Бернадотт был военным министром со 2 июля 1799 года по 14 сентября 1799 года, когда, как он сам написал Директории, они "приняли" отставку, которую он не предлагал.]—

но он передал портфель Дюбуа-Крансе за три недели до возвращения Бонапарта во Францию. Некоторые сторонники старого министра пытались добиться его отзыва, и в интересах Бонапарта было очень важно, чтобы он предотвратил успех этого замысла. Я вспоминаю, что на второй день нашего прибытия Бонапарт сказал мне: "Я многому научился, но посмотрим, что будет дальше. Бернадотт - необычный человек. Когда он был военным министром, Ожеро, Саличетти и некоторые другие сообщили ему, что Конституция в опасности и что необходимо избавиться от Сийеса, Барраса и Фуше, которые стояли во главе заговора. Что сделал Бернадотт? Ничего. Он попросил доказательств. Их не удалось

предъявить. Он попросил полномочий. Кто мог их предоставить? Никто. Ему следовало бы принять их, но он не решился на это. Он колебался. Он сказал, что не может участвовать в схемах, которые были ему предложены. Он только пообещал молчать при условии, что они будут отвергнуты. Бернадотт - не помощь; он - препятствие. Я слышал из достоверных источников, что множество влиятельных лиц желали наделить его обширной властью для общественного блага, но он был упрям и ничего не хотел слушать".

После короткого молчания, во время которого Бонапарт потер лоб правой рукой, он продолжил:

"Я думаю, что против меня будут Бернадотт и Моро. Но я не боюсь Моро. Он лишен энергии. Я знаю, что он предпочел бы военную власть политической. Обещание командования армией привлекло бы его к себе. Но в жилах Бернадотта течет мавританская кровь. Он смел и предприимчив. Он в союзе с моими братьями.

—[Жозеф Бонапарт и Бернадотт были женаты на сестрах. Marie-Julie and Eugénie Bernardine-Desirée Clary. Чувство Буррьена к Бернадотту делает этот отрывок сомнительным. Следует отметить, что в том же разговоре он заставляет Наполеона охарактеризовать Бернадота как не отваживающегося действовать без полномочий и предприимчивого. Суровый республиканец, ставший принцем Монте-Карло и королем Швеции, в некотором смысле совместимый с его верностью Конституции III года, хорош. Ланфри объясняет отказ Бернадотта присоединиться скорее соперничеством, чем принципиальностью (Ланфри, том i, стр. 440). Но в любом случае Наполеон не боялся Бернадотта и вскоре пригрозил застрелить его; см. Люсьен, том ii. стр. 107.]—

"Я ему не нравлюсь, и я почти уверен, что он будет выступать против меня. Если он станет амбициозным, то отважится на что угодно. И все же, вы помните, как вяло он вел себя 18 Фруктидора, когда я отправил его во второй Ожеро. Этого дьявола не соблазнить. Он бескорыстен и умен. Но, в конце концов, мы только что прибыли и не знаем, что может случиться.

Сообщалось, что Бернадотт посоветовал отдать Бонапарта под трибунал по двойному обвинению в том, что он бросил свою армию и нарушил законы о карантине. Это сообщение дошло до ушей Бонапарта; но он отказался в это поверить, и он был прав. Бернадотт считал себя связанным Конституцией, которую он поклялся защищать. Отсюда и противодействие, которое он проявил мерам 18 Брюмера. Но он не питал личной неприязни к Бонапарту, пока был в неведении о его амбициозных планах. Экстраординарный и сложный характер последующих событий никоим образом не сделал его обладание короной Швеции несовместимым с его верностью Конституции III года.

В наш первый приезд в Париж, хотя я почти постоянно находился с генералом, все же, поскольку наш распорядок занятий еще не был установлен, мне время от времени удавалось урвать час-другой от дел. Это свободное время я провел в обществе своей семьи и нескольких друзей, а также собирая информацию о том, что произошло за время нашего отсутствия, для чего я просматривал старые газеты и брошюры. Я не был удивлен, узнав, что братья Бонапарта, то есть Жозеф и Люсьен, были вовлечены во множество интриг. Мне сказали, что Сийес на мгновение задумался о том, чтобы назначить герцога Брауншвейгского главой правительства; что Баррас был бы не прочь поддержать возвращение бурбонов; и что только Мулен, Роже Дюко и Гойе верили или делали вид, что верят, в возможность сохранения существующей формы правления. Из того, что я слышал в то время, у меня есть веские основания полагать, что Жозеф и Люсьен прилагали

всевозможные усилия, чтобы вовлечь Бернадотта в партию своего брата, и в надежде достичь этой цели они помогли назначить его военным министром. Однако я не могу ручаться за правдивость этого. Мне сказали, что Бернадотт сначала подчинился влиянию двух братьев Бонапарта, но их настойчивое вмешательство в интересах своего клиента побудило его избавиться от них, свободно приступить к исполнению своих обязанностей и открыть глаза Директории на то, чего Республика могла опасаться из-за предприимчивого характера Бонапарта. Несомненно, то, что я должен рассказать о поведении Бернадотта по отношению к Бонапарту, рассчитано на то, чтобы подтвердить эти утверждения.

Все генералы, находившиеся в Париже, за исключением Бернадотта, посетили Бонапарта в течение первых трех дней, последовавших за его прибытием. Отсутствие Бернадотта было тем более примечательным, что он служил под началом Бонапарта в Италии. Только по прошествии двух недель, и то только по неоднократным просьбам Жозефа и мадам Жозеф Бонапарт (его невестки), он решился навестить своего старого главнокомандующего. Я не присутствовал при их беседе, поскольку был в тот момент занят в маленьком кабинете на улице Шантерен. Но вскоре я обнаружил, что их беседа была долгой и теплой, потому что, как только она закончилась, Бонапарт вошел в кабинет чрезвычайно взволнованный и сказал мне: "Буррьен, как, по-вашему, вел себя Бернадотт? Вы проехали со мной Францию — вы были свидетелем энтузиазма, вызванного моим возвращением, — вы сами сказали мне, что увидели в этом энтузиазме желание французского народа выйти из катастрофического положения, в которое его поставили наши неудачи. Хорошо! вы бы поверили в это? Бернадотт хвастается, с нелепым преувеличением, блестящим и победоносным положением Франции! Он говорит о поражении русских, оккупации Генуи, о бесчисленных армиях, которые поднимаются повсюду. Короче говоря, я не знаю, какую чушь он вбил себе в голову." — "Что все это может значить?" - спросил я. "Он говорил о Египте?" — "Ах, да! Теперь вы напомнили мне. Он действительно упрекнул меня в том, что я не привел с собой армию! "Но, - заметил я, - разве вы только что не сказали мне, что вы полностью наводнены войсками; что все ваши границы в безопасности, что продолжаются огромные призывы и что у вас будет 200 000 пехотинцев?" — Если это правда, то зачем вам несколько тысяч человек, которые могут обеспечить сохранение Египта? - Он не смог ничего ответить на это. Но он в восторге от чести быть военным министром, и он смело сказал мне, что считает египетскую армию потерянной, более того. Он делал намеки. Он говорил о врагах за границей и врагах дома; и, произнося эти последние слова, он многозначительно посмотрел на меня. Я тоже бросил на него взгляд! Но подожди немного. Груша скоро созреет! Вы знаете грацию и обращение Жозефины. Она присутствовала. От нее не ускользнул пристальный взгляд Бернадотта, и она ловко перевела разговор. Бернадотт понял по моему лицу, что с меня хватит, и удалился. Но не позволяйте мне больше прерывать вас. Я возвращаюсь, чтобы поговорить с Джозефиной.

Должен признаться, что эта странная история вызвала у меня сильное нетерпение поскорее оказаться наедине с мадам Бонапарт, ибо я хотел услышать ее рассказ об этой сцене. В тот же вечер представилась возможность. Я повторил ей то, что услышал от генерала, и все, что она мне рассказала, подтвердило мою точность. Она добавила, что Бернадотт, по-видимому, прилагал все усилия, чтобы представить генералу лестную картину процветания Франции; и она следующим образом передала мне ту часть разговора, которая была специально рассчитана на то, чтобы разозлить Бонапарта: "Я не отчаиваюсь в безопасности Республики, которая, я уверена, сможет сдержать ее врагов как за границей, так и дома". Когда Бернадотт произносил эти последние слова, - продолжала Жозефина, - его взгляд заставил меня содрогнуться. Еще одно слово, и Бонапарт не смог бы больше командовать собой! Это правда, - добавила она, - что в некоторой степени это была его собственная вина, поскольку

именно он перевел разговор на политику; а Бернадотт, описывая процветающее состояние Франции, всего лишь отвечал генералу, который нарисовал совершенно противоположную картину положения вещей. Вы знаете, мой дорогой Бурьен, что Бонапарт не всегда бывает очень благоразумен. Боюсь, он слишком много говорил Бернадотту о необходимости перемен в правительстве." Джозефина все еще не оправилась от волнения, в которое повергла ее эта жестокая сцена. После того, как я попрощался с ней, я записал то, что она мне рассказала.

Несколько дней спустя, когда Бонапарт, Жозефина, Гортензия, Эжен и я были вместе в гостиной, неожиданно вошел Бернадот. Его появление после того, что произошло, было рассчитано на то, чтобы удивить нас. Его сопровождал человек, которого он попросил разрешения представить Бонапарту. Я забыл его имя, но, по-моему, он был генеральным секретарем, пока Бернадот занимал свой пост. Бонапарт не выказал ни малейшего удивления. Он принял Бернадотта с совершенной непринужденностью, и вскоре они разговорились. Бонапарт, который, казалось, обрел уверенность в присутствии тех, кто был рядом с ним, много говорил о волнении, царившем среди республиканцев, и в очень решительных выражениях высказался против "Манежного клуба".

—[Клуб "Манеж", последнее прибежище якобинцев, образовался в 1799 году и закрылся семь или восемь месяцев спустя. Жозеф Бонапарт (*Erreurs, time, i*, стр. 251) отрицает, что он или Люсьен, о котором идет речь, были членами этого клуба, и он оспаривает, что этот разговор когда-либо имел место. Люсьен (том *i*, стр. 219) относится к этому клубу как к противоположности своей партии.]—

Я поддержал его, заметив, что мсье Моро де Вормс из моего департамента, который был членом этого клуба, сам жаловался мне на насилие, царившее в нем. "Но, генерал, - сказал Бернадотт, - ваши братья были его самыми активными зачинщиками. И все же, - добавил он твердым тоном, - вы обвиняете меня в том, что я поддерживал этот клуб, и я отвергаю это обвинение. Оно не может быть иначе, как ложным. Придя на работу, я обнаружил, что все в величайшем беспорядке. У меня не было времени подумать о каком-либо клубе, в который меня не звали мои обязанности. Вы хорошо знаете, что ваш друг Саличетти и что ваш брат, пользующийся вашим доверием, оба являются ведущими людьми в клубе "Манеж". Указаниям не знаю кого следует приписать насилие, на которое вы жалуетесь". При этих словах, и особенно при тоне, которым Бернадотт произнес "Я не знаю, кто", Бонапарт больше не мог сдерживаться. "Ну, генерал, - яростно воскликнул он, - говорю вам прямо, я предпочел бы жить в диком лесу, чем в обществе, которое не обеспечивает никакой безопасности". Затем Бернадотт сказал с большим достоинством: "Боже милостивый! Генерал, о какой безопасности вы мечтаете?" По теплоте, проявленной Бонапартом, я ясно понял, что разговор скоро перейдет в спор, и шепотом попросил мадам Бонапарт сменить тему разговора, что она немедленно и сделала, обратившись с вопросом к кому-то из присутствующих. Бернадотт, заметив замысел мадам Бонапарт, сдержал свою горячность. Тема разговора была изменена, и она стала общей. Вскоре Бернадотт взял свою шляпу и ушел.

Однажды утром, когда я вошел в комнату Бонапарта — это было, по-моему, дня через три-четыре после второго визита Бернадотта, - он сказал:

"Ну, Бурьен, держу пари, вы не догадаетесь, с кем я собираюсь позавтракать сегодня утром?" — "В самом деле, генерал, я —" — "С Бернадотом; и лучшая шутка в том, что я пригласил себя

сам. Вы бы увидели, к чему все это привело, если бы были с нами вчера вечером во Французском театре. Вы знаете, что сегодня мы собираемся навестить Жозефа в Мортфонте. Итак, вчера вечером, когда мы выходили из театра, я оказался бок о бок с Бернадоттом и не знал, о чем говорить, я спросил его, будет ли он сегодня в нашей компании? Он ответил утвердительно, и когда мы проходили мимо его дома на улице Цизальпинской.

—[Жозеф Бонапарт подчеркивает тот факт, что Наполеон не прошел бы мимо этого дома, который находился далеко от театра (Ошибки, том i, стр. 251).]—

Я сказал ему без всяких церемоний, что буду рад прийти и выпить с ним чашечку кофе утром. Он казался довольным. Что вы думаете об этом, Бурьен?" — "Что ж, генерал, я надеюсь, у вас есть основания быть им довольным". — "Не бойтесь, не бойтесь. Я знаю, что делаю. Это скомпрометирует его в отношениях с Гойером. Помни, ты всегда должен встречать своих врагов смело, иначе они думают, что их боятся, и это придает им уверенности".

Бонапарт сел в карету вместе с Жозефиной, которая всегда была готова, когда ей нужно было куда-нибудь поехать с ним, потому что он не любил ждать. Сначала они отправились позавтракать к Бернадоту, а оттуда к Мортфонте. По возвращении Бонапарт очень мало рассказал мне о том, что произошло в течение дня, и я видел, что он был не в лучшем расположении духа. Впоследствии я узнал, что Бонапарт много беседовал с Бернадоттом и что он прилагал все усилия, чтобы быть приятным, что он очень хорошо умел делать, когда хотел! но, несмотря на весь свой разговорный талант и на то, что его поддерживало присутствие трех его братьев и Рено де Сен-Жан д'Анжели, он не мог противостоять республиканской твердости Бернадотта. Однако число его сторонников с каждым днем увеличивалось, ибо не у всех был бескомпромиссный дух Бернадотта; и вскоре станет ясно, что Моро сам взял на себя заботу о Директорах, которые были взяты в плен 18 Брюмера.

Проницательность Бернадотта сделала его одним из первых, кто ясно разглядел замыслы Бонапарта. Он был твердо убежден в своей решимости свергнуть конституцию и самому захватить власть. Он видел Директорию разделенной на две партии: одна была одурачена обещаниями и заверениями Бонапарта, а другая потворствовала ему в осуществлении его планов. В этих обстоятельствах Бернадотт предложил свои услуги всем лицам, связанным с правительством, которые, как и он сам, были против перемен, которых он имел все основания опасаться. Но Бонапарт был не из тех, кого можно превзойти в хитрости или активности, и с каждой минутой ряды его приверженцев пополнялись.

16 Брюмера я обедал на улице Виктуар. Присутствовал Бернадотт и, кажется, генерал Журден. Пока великий заговор спешил к своему завершению, мы с мадам Бонапарт придумали небольшой заговор более невинного рода. Мы никого не посвятили в наш секрет, и наше 16 Брюмера увенчалось полным успехом. Мы договорились быть начеку, чтобы предотвратить любой новый обмен гневными словами. Все получилось в соответствии с нашими желаниями. Разговор за обедом затих; но мы боялись не скуки. Речь зашла о войне, и в этой обширной области превосходство Бонапарта над его собеседниками было неоспоримо.

Когда мы удалились в гостиные, туда хлынуло множество вечерних посетителей, и беседа стала оживленной и даже веселой. Бонапарт был в приподнятом настроении. Он сказал кому-то, улыбаясь и указывая на Бернадотта: "Вы не знаете, что вон тот генерал - шуан". — "Шуан?" - повторил Бернадотт, также шутливым тоном. - Ах! Генерал, вы противоречите сами себе. Только на днях вы обвинили меня в том, что я поддерживаю насилие друзей Республики, а теперь обвиняете меня в защите шуанов.

—["Шуанами", названными так из-за использования ими крика совы—визгуна (chathouan) в качестве сигнала, были восставшие крестьяне Бретани и Мэна.]-

"Ты должен, по крайней мере, быть последовательным". Несколько мгновений спустя, воспользовавшись замешательством, вызванным толпой посетителей, Бернадотт ускользнул.

В знак уважения к Бонапарту Совет пятисот назначил Люсьена своим президентом. Это событие доказало, насколько важным было это назначение для Наполеона. Вплоть до 19 Брюмера, и особенно в тот день, Люсьен проявлял такую активность, ум, храбрость и присутствие духа, которые редко можно встретить объединенными в одном человеке. Я без колебаний заявляю, что выдвижению Люсьена и его усилиям следует приписать успех 19 Брюмера.

Генерал разработал план поведения, от которого он ни разу не отступал в течение двадцати трех дней, прошедших между его прибытием в Париж и 18 Брюмера. Он отказывался почти от всех частных приглашений, чтобы избежать нескромных вопросов, неприемлемых предложений и ответов, которые могли бы его скомпрометировать.

Не без колебаний он согласился на проект, начатый Люсьеном, которому всевозможными маневрами удалось убедить большое количество своих коллег присутствовать на грандиозном обеде по подписке, который должен был быть дан в честь Бонапарта Советом древних.

Беспорядок, который неизбежно царил в группе численностью свыше 250 человек, одушевленной разнообразием мнений и настроений; тревога и недоверие, возникающие в умах тех, кто не участвовал в грандиозном заговоре, сделали эту встречу одной из самых неприятных, которые я когда-либо видел. Это была сплошная сдержанность и тупость. Выражение лица Бонапарта в достаточной степени выдавало его неудовлетворенность; кроме того, успех его планов требовал его присутствия в другом месте. Почти сразу после ужина он встал, сказав Бертье и мне: "Я устал, давайте уйдем". Он обошел разные столики, адресуя компании комплименты и незначительные замечания, и удалился, оставив за столом тех, кто его пригласил.

Этот короткий политический кризис не был отмечен ничем более грандиозным, достойным или благородным, чем предыдущие революционные волнения. Все эти заговоры были настолько отвратительны и сопровождались таким количеством обмана, лжи и вероломства, что ради чести человеческой природы желательно прикрыть их завесой.

Мысли генерала Бонапарта сначала были заняты идеей, которая возникла у него еще во время пребывания в Италии, а именно: быть избранным Директором. Никто еще не осмеливался обвинить его в том, что он дезертир из армии Востока. Единственной трудностью было получить разрешение по возрасту. А разве его нельзя было получить? Как только он поселился в своем скромном жилище на улице Виктуар, его заверили, что после ухода Ребелла на пенсию большинство избирательных прав перешло бы к нему, будь он во Франции, и если бы основной закон не требовал достижения возраста сорока лет; но что даже самые горячие его сторонники не были расположены нарушать еще молодую Конституцию ТРЕТЬЕГО года.

Бонапарт вскоре понял, что никакие усилия не приведут к успеху в преодолении этой трудности, и он с легкостью решил полностью занять должность, из которой он номинально имел бы лишь пятую часть, если бы был членом Директории.

Как только его намерения стали очевидны, он обнаружил, что окружен всеми теми, кто узнал в нем человека, которого они так долго искали. Эти люди, способные и влиятельные в своих кругах, пытались превратить в дружбу вражду, существовавшую между Сийесом и Бонапартом. Это чувство гнева было усилено замечанием, сделанным Сийесом и доведенным до сведения Бонапарта. Он сказал после обеда, на котором Бонапарт обошелся с ним так неуважительно: "Вы видите, как этот маленький наглец ведет себя с членом правительства, которому следовало бы приказать его РАССТРЕЛЯТЬ?"

Но все изменилось, когда умелые посредники указали Бонапарту на преимущество объединения с Сийесом с целью свержения Конституции, которая ему не нравилась. Его заверили, что напрасно было бы думать о его замене и что было бы лучше льстить ему надеждой помочь ниспровергнуть конституцию и установить новую. Однажды кто-то сказал Бонапарту при моих глазах: "Ищите поддержки среди партии, называющей друзей Республики якобинцами, и будьте уверены, что Сийес стоит во главе этой партии".

25 Вандемьера (17 октября) Директория вызвала генерала Бонапарта на закрытое заседание. "Они предложили мне выбрать любую армию, которой я буду командовать", - сказал он мне на следующее утро. "Я бы не отказался, но я попросил дать мне немного времени для восстановления моего здоровья; и, чтобы избежать любых других смущающих предложений, я отказался. Я больше не буду ходить на их заседания". (После этого он посетил только один.) "Я полон решимости присоединиться к партии Сийеса. Она включает в себя большее разнообразие мнений, чем у распутного Барраса. Он повсюду заявляет, что является автором моего состояния. Он никогда не согласится играть низшую роль, а я никогда не прогнусь перед таким человеком. Он лелеет безумные амбиции стать опорой Республики. Что бы он сделал со мной? Сийес, напротив, не имеет политических амбиций".

Как только Сийес начал сближаться с Бонапартом, последний узнал от него, что Баррас сказал: ""Маленький капрал" сколотил состояние в Италии и не хочет возвращаться обратно". Бонапарт обратился к Директории с единственной целью опровергнуть это утверждение. Он жаловался директорам на ложь, смело утверждал, что состояния, которым он, как предполагалось, обладал, на самом деле не существовало, и что даже если он и сколотил свое состояние, то, во всяком случае, не за счет Республики. "Вы знаете, — сказал он мне, - что рудники Гидрии дали большую часть того, чем я владею". - "Возможно ли, - сказал я, - что Баррас мог так сказать, когда вы так хорошо знаете обо всех хищениях, в которых он был повинен после вашего возвращения?"

Бонапарт доверил тайну своих планов очень немногим людям — только тем, в чьей помощи он нуждался. Остальные механически следовали за своими лидерами и импульсу, который был им дан; они пассивно ожидали исполнения обещаний, которые они получили и верой в которые они поклялись самим себе.

ГЛАВА XXIV.

Камбасерес и Лебрен—Гойе обмануты—Мой ночной визит в Баррас —Командование армией передано Бонапарту—Утро 18 Брюмера—Встреча генералов в доме Бонапарта— Твердость Бернадотта—Интерес Жозефины к мадам Гойе— Разочарование директоров—Смотр в садах Тюильри—Речь Бонапарта—Воззвание древних— Моро, тюремщик Люксембургского дворца— Мой разговор с Ла Валлеттом— Бонапарт в церкви Св. Облако.

Роли великой драмы, которая вскоре должна была разыгаться, были хорошо распределены. В течение трех дней, предшествовавших 18 Брюмера, каждый был на своем посту. Люсьен с равной активностью и умом раскрыл заговор в обоих советах; Сийес руководил Директорией; Реаль,

—[Пьер Франсуа Реаль (1757-1834); общественный обвинитель в революционном уголовном трибунале; при Наполеоне стал государственным советником и графом и занимался делами "высшей полиции".]—

по указанию Фуше,

—[Жозеф Фуше (1754-1820); сторонник традиций; член крайней якобинской партии; министр полиции при Директории в августе 1799 года; оставлен Наполеоном в этом министерстве до 1802 года, а затем с 1804 по 1810 год; стал герцогом Отранским в 1809 году; опозорен в 1810 году и отправлен в 1813 году губернатором Иллирийских провинций; министр полиции во время "Столетия"; Президент временного правительства в 1815 году; и на короткое время министр полиции при второй реставрации.]—

вел переговоры с департаментами и ловко сумел, не компрометируя Фуше, разорить тех, от кого этот министр получил свою власть. Нельзя было терять времени, и 14 Брюмера Фуше сказал мне: "Скажи своему генералу, чтобы поторопился; если он будет медлить, он погиб".

17-го Реньо де Сен-Жан д'Анжели сообщил Бонапарту, что предложения, сделанные Камбасересу и Лебрену, были восприняты не очень решительно. "Я не потерплю никаких поблажек", - с жаром ответил Бонапарт. "Пусть они не льстят себе мыслью, что я нуждаюсь в них. Они должны решить сегодня; завтра будет слишком поздно. Теперь я чувствую в себе достаточно сил, чтобы выстоять в одиночку".

Cambacérès

—[Камбасерес (Ж. Ж. Режи де) (1763-1824) сторонник традиций; министр юстиции при директории в 1799 году; второй консул с 25 декабря 1799 года; архканцлер империи в 1804 году; герцог Пармский с 1806 года; министр юстиции в "Столетний период": принимал большое участие во всех юридических и административных проектах Консульства и Империи.]—

и Лебрен

—[Шарль Франсуа Лебрен (1757-1824). Депутат Национального собрания и член Совета пятисот; Третий консул с 25 декабря 1799 года; главный казначей империи с 1804 года; герцог де Плезанс с 1806 года; генерал-губернатор Голландии с 1806 года; вице-губернатор Голландии с 1810 по 1813 год; в основном занимается финансовыми мерами]—

мы были почти совершенно незнакомы с интригами, предшествовавшими 18 Брюмера. Бонапарт положил глаз на министра юстиции, чтобы тот стал одним из его коллег, когда у него будет возможность назвать их имена, потому что его предыдущее поведение свидетельствовало о том, что он является сторонником Революции. К нему Бонапарт добавил Лебрена, чтобы уравновесить первый выбор. Лебрен отличался благородным поведением и умеренными принципами. Выбрав этих двух человек, Бонапарт надеялся угодить всем; кроме того, ни один из них не мог противостоять его твердой решимости и честлюбивым взглядам.

Какими мелкими интригами было отмечено 17 Брюмера! В тот день я обедал с Бонапартом; и после обеда он сказал: "Я обещал пообедать завтра с Гойе, но, как вы легко можете догадаться, я не намерен идти. Однако я очень сожалею о его упрямстве. Чтобы восстановить его доверие, Джозефина собирается пригласить его завтра позавтракать с нами. Он не сможет ничего заподозрить. Я видел Барраса сегодня утром и оставил его очень встревоженным. Он попросил меня вернуться и навестить его сегодня вечером. Я обещал это сделать, но не поеду. Завтра все будет кончено. У нас мало времени; он ожидает меня сегодня в одиннадцать часов вечера. Поэтому вы возьмете мою карету, поедете туда, пришлете мое имя, а затем войдете сами. Скажите ему, что сильная головная боль приковывает меня к постели, но что я обязательно буду с ним завтра. Скажите ему, чтобы он не тревожился, потому что скоро все снова наладится. Уклоняйся от его вопросов, насколько это возможно; не задерживайся надолго и приходи ко мне по возвращении".

Ровно в одиннадцать часов я прибыл в резиденцию Барраса в карете генерала Бонапарта. Одиночество и тишина царили во всех комнатах, через которые я проходил в кабинет Барраса. Доложили о Бонапарте, и когда Баррас увидел, что я вошел вместо него, он выказал величайшее изумление и казался сильно подавленным. Легко было заметить, что он считал себя потерянным человеком. Я выполнил свое поручение и пробыл совсем недолго. Я встал, чтобы уйти, и он сказал, провожая меня: "Я вижу, что Бонапарт обманывает меня: он больше не придет. Он все уладил; и все же он всем обязан мне". Я повторил, что он непременно придет завтра, но он покачал головой таким образом, который ясно показывал, что он мне не верит. Когда я рассказал Бонапарту о своем визите, он, казалось, был очень доволен. Он сказал мне, что Жозеф собирался вечером навестить Бернадотта и попросить его прийти завтра. Я ответил, что, насколько мне известно, от него не будет никакой пользы. "Я тоже так думаю", - сказал он, - "но он больше не может причинить мне вреда, и этого достаточно. Что ж, спокойной ночи, будь здесь в семь утра". Тогда был час дня.

Я был у него незадолго до семи часов утра 18 Брюмера и по прибытии застал в сборе большое количество генералов и офицеров. Я вошел в комнату Бонапарта и обнаружил, что он уже встал, что было для него довольно необычно. В этот момент он был спокоен, как перед битвой. Через несколько минут прибыли Жозеф и Бернадотт. Жозеф не застал его дома накануне вечером и позвонил ему утром. Я был удивлен, увидев Бернадотта в штатском, подошел к нему и тихо сказал: "Генерал, все здесь, кроме вас и меня, в форме". — "Почему я должен быть в форме?" - спросил он. Произнеся эти слова, Бонапарт, пораженный тем же удивлением, что и я, резко остановился, разговаривая с несколькими людьми вокруг него, и, быстро повернувшись к Бернадотту, сказал: "Как это? вы не в форме!" — "Я никогда не бываю в то утро, когда я не на дежурстве", — ответил Бернадотт. — "Вы скоро заступите на дежурство". - "Я не слышал об этом ни слова: я должен был получить приказ раньше".

Затем Бонапарт повел Бернадотта в соседнюю комнату. Их разговор был недолгим, поскольку времени было в обрез.

С другой стороны, под влиянием главных заговорщиков утром 18 Брюмера было решено перевести законодательный корпус в Сен-Клу, и командование армией было передано Бонапарту.

Все это время Баррас, без сомнения, ждал Бонапарта, а мадам Бонапарт ждала Гойе к завтраку. У Бонапарта были собраны все генералы, которые были ему преданы. Я никогда раньше не видел такого большого количества людей на улице Виктуар. Все они, за исключением Бернадотта, были в полной военной форме; и, кроме того, там находилось с полдюжины человек, посвященных в тайны того времени. Маленькая гостиница завоевателя Италии была слишком мала для такого скопления людей, и во дворе стояло несколько человек. Бонапарт был знаком с декретом Совета древних и только ждал, когда его доведут до него, прежде чем сесть на лошадь. Этот декрет был принят на Совете Древних тем, что можно назвать ложным большинством, поскольку члены Совета были созваны в разное время, и это было так подстроено, что шестьдесят или восемьдесят из них, которых Люсьен и его друзья не смогли расположить к себе, не получили уведомления вовремя.

Как только прибыло сообщение от Совета древних, Бонапарт попросил всех офицеров, находящихся в его доме, следовать за ним. На это объявление несколько человек, которые были в неведении о том, что происходит, не последовали — по крайней мере, я видел, как две группы по отдельности покидали отель. Бернадотт сказал мне: "Я останусь с тобой". Я заметил, что в его поведении было много подозрительности. Бонапарт, прежде чем спуститься по лестнице, ведущей из маленькой круглой столовой во внутренний двор, быстро вернулся и пригласил Бернадотта следовать за ним. Он не захотел, и тогда Бонапарт, торопливо уходя, сказал мне: "Гойе не приехал — тем хуже для него", - и вскочил на своего коня. Едва он ушел, как Бернадотт покинул меня. Мы с Жозефиной остались одни, и она поделилась со мной своим беспокойством. Я заверил ее, что все было так хорошо подготовлено, что успех неизбежен. Она проявила большой интерес к Гойе из-за своей дружбы к его жене. Она спросила меня, хорошо ли я знаком с Гойе. "Вы знаете, сударыня, - ответил я, - что мы пробыли в Париже всего двадцать дней и что за это время я выходил ночевать только на улицу Мартель. Я несколько раз видел господина Гойе, когда он приезжал навестить генерала, и говорил с ним о положении наших дел в Швейцарии, Голландии, Франции и других политических вопросах, но я никогда не обменивался с ним ни словом о том, что сейчас происходит. Вот и все, на чем закончилось мое знакомство с ним".

- Я сожалею об этом, - продолжала Жозефина, - потому что я должна была попросить вас написать ему и умолять его не поднимать шума, а подражать Сийесу и Роже, которые добровольно уйдут в отставку, и не присоединяться к Баррасу, который, вероятно, в этот самый момент вынужден это сделать. Бонапарт сказал мне, что если Гойе добровольно уйдет в отставку, он сделает все для него. "Я полагаю, что Жозефина напрямую общалась с президентом Директории через подругу мадам Гойе.

Гойе и Мулен, больше не зависевшие от Сийеса и Роже Дюко, ждали, пока их коллега Баррас в зале Директории примет какие-то меры в связи с указом о переносе Советов в Сен-Клу. Но они были разочарованы, потому что Баррас, у которого открылись глаза после моего визита предыдущей ночью, не присоединился к ним. Он был невидим для своих коллег с того момента, как Брьюи и месье де Талейран сообщили ему о реальности того, что он уже подозревал, и настояли на его отставке.

18 Брюмера большое количество вооруженных сил, насчитывавших около 10 000 человек, было собрано в садах Тюильри и подвергнуто смотру Бонапарта в сопровождении генералов Бернонвиля, Моро и Макдональда. Бонапарт зачитал им декрет, только что изданный

комиссией инспекторов Совета древних, по которому законодательный корпус был переведен в Сен-Клу; и по которому ему самому было поручено исполнение этого декрета и назначен командующим всеми вооруженными силами в Париже, а затем обратился с речью к войскам.

Пока Бонапарт обращался с речью к солдатам, Совет старейшин опубликовал обращение к французскому народу, в котором было объявлено, что место нахождения законодательного органа было изменено, чтобы подавить фракции, целью которых было контролировать национальное представительство.

Пока все это происходило за границей, я был в доме генерала на улице Виктуар, который я не покидал в течение целого дня. Мадам Бонапарт и я не были лишены беспокойства в отсутствие Бонапарта. От Жозефины я узнал, что жену Жозефа посетил генерал-адъютант Рапатель, которого Бонапарт и Моро послали привезти ее мужа в Тюильри. Джозефа в то время не было дома, и поэтому сообщение было бесполезным. Это обстоятельство, однако, пробудило надежды, которые мы едва осмеливались лелеять. Таким образом, Моро был согласен с Бонапартом, поскольку Рапатель был послан от имени обоих генералов. Этот союз, в котором так долго отчаивались, казалось, предвещал благоприятный исход. Это был один из удачных ходов Бонапарта. Моро, который был рабом военной дисциплины, рассматривал своего успешного соперника только как вождя, назначенного Советом древних. Он получал приказы и подчинялся им. Бонапарт назначил его командующим гвардией Люксембурга, где директора находились в заключении. Он принял командование, и никакие обстоятельства не могли бы более эффективно способствовать осуществлению взглядов Бонапарта и торжеству его честолюбия.

Наконец Бонапарт, которого мы с нетерпением ожидали, вернулся. У него почти все шло хорошо, потому что он имел дело только с солдатами. Вечером он сказал мне: "Я уверен, что комитет инспекторов холла в этот самый момент занят решением того, что должно быть сделано в Сен-Клу завтра. Лучше позволить им самим решать этот вопрос, поскольку это льстит их тщеславию. Я буду подчиняться приказам, которые я сам согласовал". То, о чем говорил Бонапарт, было подготовлено почти за два или три дня до этого. Инспекторский комитет находился под влиянием главных заговорщиков.

Вечером этого тревожного дня, которому суждено было смениться бурным завтра, Бонапарт, довольный тем, что одержал верх над Моро, рассказал мне об утреннем визите Бернадотта. "Я видел, — сказал он, — что вы были так же сильно удивлены поведением Бернадотта, как и я. Генерал без формы! С таким же успехом он мог прийти в тапочках. Знаете, что произошло, когда я отвел его в сторону? Я рассказал ему все; я подумал, что так будет лучше всего. Я заверил его, что его Директорию ненавидят, а его Конституция изношена; что необходимо свергнуть их всех и придать новый импульс правительству. - Иди, надевай форму, - сказал я. - Я не могу долго ждать тебя. Ты найдешь меня в Тюильри, с остальными нашими товарищами. Не полагайтесь на Моро, Бернонвиля или генералов вашей партии. Когда вы узнаете их лучше, вы обнаружите, что они много обещают, но мало выполняют. Не доверяй им". Затем Бернадотт сказал, что не будет принимать участия в том, что он назвал восстанием. Восстание! Бурьен, ты только подумай об этом! Собирище идиотов, которые с утра до ночи только и делают, что спорят в своих конурах! Но все было напрасно. Я не мог сдвинуть с места Бернадотта. Он - железный прут. Я попросил его дать мне слово, что он ничего не предпримет против меня; как вы думаете, каков был его ответ?" — "Несомненно, что—то неприятное". - "Неприятное! это слишком мягкое слово. Он сказал: "Я буду хранить спокойствие как гражданин; но если Директория прикажет мне действовать, я выступлю против всех нарушителей спокойствия". Но сейчас я могу смеяться над всем этим. Мои меры

приняты, и он не будет командовать. Однако я успокоил его относительно того, что произойдет. Я польстил ему картиной частной жизни, деревенских удовольствий и прелестей Мальмезона и оставил его с головой, полной пасторальных мечтаний. Одним словом, я очень доволен своей дневной работой. Спокойной ночи, Бурьен; посмотрим, что получится завтра.

19-го числа я отправился в Сен-Клу со своим другом Ла Валлеттом. Когда мы проезжали площадь Людовика XV, ныне Людовика XVI, он спросил меня, что делает Наполеон и каково мое мнение о предстоящих событиях? Не вдаваясь ни в какие подробности, я ответил: "Друг мой, либо мы заночуем завтра в Люксембурге, либо нам придет конец". Кто мог сказать, что из двух вещей произойдет! Успех узаконил смелое предприятие, которое малейшая случайность могла превратить в преступление.

Заседание Древних под председательством Лемерсье началось в час дня. Состоялось горячее обсуждение положения дел, отставки членов Директории и немедленных выборов других. Во время дебатов царили большой накал и возбуждение. Бонапарту ежеминутно сообщали о том, что происходит, и он решил войти в зал и принять участие в обсуждении. Он вошел поспешно и сердито, что не вызвало у меня благоприятного предчувствия относительно того, что он собирался сказать. Мы прошли по узкому проходу в центр зала; наши спины были повернуты к двери. Президент сидел справа от Бонапарта. Он не мог видеть его лица. Я был рядом с генералом, справа от него. Бертье был слева от него.

Все речи, которые впоследствии были выданы за произнесенные Бонапартом по этому поводу, отличаются друг от друга; и это вполне возможно, поскольку он не произносил ни одной перед Древними, если только его сбивчивый разговор с Президентом, который был в равной степени лишен достоинства и смысла, нельзя назвать речью. Он говорил о своих "братьях по оружию" и "откровенности солдата". Вопросы Президента быстро следовали один за другим; они были ясны; но невозможно представить себе что-либо более запутанное или хуже сформулированное, чем двусмысленные и сбивчивые ответы Бонапарта. Он без конца говорил о "вулканах; тайных волнениях, победах, попорченной конституции"! Он обвинил в этом 18-й Фруктидор, первым организатором и самым влиятельным сторонником которого он был. Он притворялся, что ничего не знает, пока Совет Древних не призвал его на помощь своей стране. Затем последовало "Цезарь—Кромвель—тиран!", и он несколько раз повторил: "Мне больше нечего вам сказать!" хотя на самом деле он ничего не сказал. Он утверждал, что был призван принять верховную власть по возвращении из Италии по желанию нации, а впоследствии и своих товарищей по оружию. Далее следовали слова "свобода—равенство!", хотя было очевидно, что он приехал в Сен-Клу не ради того или другого. Не успел он произнести эти слова, как представитель Древних, по имени, кажется, Линглет, перебив его, воскликнул: "Вы забываете о Конституции!" Его лицо сразу же просветлело; но ничего нельзя было различить, кроме: "18-й Фруктидор — 30-й Прериал-лицемеры-интриганы — я раскрою все! — Я откажусь от своей власти, когда опасность, угрожающая Республике, минует!"

Бонапарт, полагая, что все его утверждения признаны доказанными, проявил некоторую самоуверенность и обвинил двух директоров Барраса и Мулена в том, что они предложили поставить его во главе партии, целью которой было противодействие всем людям, исповедующим либеральные идеи.

При этих словах, ложь которых была отвратительной, в зале поднялся сильный шум. Был громко созван генеральный комитет, чтобы заслушать разоблачения. "Нет, нет! - восклицали

другие. - никакого генерального комитета! заговорщики разоблачены: это правильно, что Франция должна знать все!"

Затем от Бонапарта потребовали подробностей предъявленного им обвинения Баррасу и Мулену и предложений, которые были ему сделаны: "Вы больше не должны ничего скрывать".

Смущенный этими перерывами и расспросами, Бонапарт считал, что он совершенно заблудился. Вместо того чтобы дать объяснение тому, что он сказал, он начал выдвигать новые обвинения; и против кого? Совет пятисот, который, по его словам, желал "эшафотов, революционных комитетов и полного ниспровержения всего".

Поднялся яростный ропот, и его речь становилась все более и более бессвязной. В один момент он обратился к представителям народа, которые были совершенно ошеломлены, в другой - к военным во дворе, которые не могли его слышать. Затем, совершив необъяснимый переход, он заговорил о "ударах молнии войны!" и добавил, что ему "сопутствовали Бог войны и Бог удачи".

Председатель с большим спокойствием сказал ему, что он не видит ничего, абсолютно ничего, над чем Совет мог бы размышлять; что во всем, что он сказал, есть расплывчатость. - Объяснитесь; раскройте заговор, к которому, по вашим словам, вас принуждали присоединиться.

Бонапарт снова повторил то же самое. Но только те, кто присутствовал, могут составить какое-либо представление о его поведении. В том, что он пробормотал, не было ни малейшей связи. Бонапарт тогда не был оратором. Вполне можно предположить, что он был более привычен к грохоту войны, чем к дискуссиям трибунов. Перед боями он чувствовал себя как дома, а не перед президентским креслом.

Понимая, какой дурной эффект произвела эта несвязная болтовня на собрание, а также смущение Бонапарта, я сказал тихим голосом, мягко потянув его за полу сюртука: "Отойдите, генерал; вы не понимаете, что говорите". Я сделал знак Бертье, стоявшему слева от него, поддержать меня в уговорах покинуть зал; и вдруг, пробормотав еще несколько слов, он обернулся, воскликнув: "Пусть те, кто любит меня, следуют за мной!" Часовые у дверей не оказали никакого сопротивления его прохождению. Человек, шедший перед ним, тихо отодвинул гобелен, скрывавший дверь, и генерал Бонапарт вскочил на своего коня, стоявшего во дворе. Трудно сказать, что произошло бы, если бы, увидев удаляющегося генерала, президент сказал: "Гренадеры, никого не пропускайте!" Я убежден, что вместо того, чтобы ночевать на следующий день в Люксембурге, он бы закончил свою карьеру на площади Революции.

ГЛАВА XXV.

1799.

Два совета—Письмо Барраса—Бонапарт в Совете Пятисот—Ложные сообщения—Шумное заседание—Речь Люсьена— Он подает в отставку с поста председателя Совета Пятисот—Его уносят гренадеры—Он обращается к войскам с речью—Драматическая сцена —Мюрат и его солдаты изгоняют Пятисот—Совет тридцати—Консульская комиссия—Декрет—Возвращение в Париж—Беседа с Бонапартом и Жозефиной о Гойе и Бернадотте—Директора Гойе и Мулен заключены в тюрьму.

Сцена, произошедшая на заседании Совета Древних, сильно отличалась от той, что происходила снаружи. Едва Бонапарт добрался до внутреннего двора и сел на коня, как со всех сторон раздались крики "Да здравствует Бонапарт!". Но это был всего лишь солнечный луч между двумя бурями. Ему еще предстояло отважиться на Совет Пятисот, который был гораздо более взволнован, чем Совет Древних. Все создавало ужасную неопределенность; но отступать было слишком поздно. Мы и так уже поставили слишком много. Игра была отчаянной, и нужно было рисковать всем. Через несколько часов все решится.

Наши опасения были небезосновательны. На Совете Пятисот волнение было в самом разгаре. Самая серьезная тревога отразилась на его заседаниях. Было решено объявить Директории об учреждении Советов и запросить Совет Древних об их причинах для принятия решения о внеочередном созыве. Но Директории больше не существовало. Сийес и Роже Дюко присоединились к партии Бонапарта. Гойе и Мулен были пленниками в Люксембурге и находились под стражей генерала Моро; и в тот самый момент, когда Совет Пятисот составлял послание Директории, Совет Древних передал им следующее письмо, полученное от Барраса. Это письмо, адресованное Совету древних, было немедленно прочитано Люсьеном Бонапартом, который был президентом Совета Пятисот.

ГРАЖДАНИН ПРЕЗИДЕНТ — занявшись государственными делами исключительно из любви к свободе, я согласился занять пост первого судьи штата только для того, чтобы иметь возможность защищать его в опасности; защищать от врагов патриотов, идущих на компромисс ради его дела; и обеспечить защитникам их страны такое внимание к их интересам, на которое никто не был рассчитан больше, чем гражданин, долгое время являвшийся свидетелем их героических добродетелей и всегда чутко реагирующий на их нужды.

Слава, сопровождающая возвращение прославленного воина, которому я имел честь открыть путь к славе, поразительные знаки доверия, оказанные ему законодательным органом, и декрет Национального собрания убеждают меня в том, что, на какой бы пост он ни был отныне призван, опасность свободе будет предотвращена, а интересы армии обеспечены.

Я радостно возвращаюсь в ранг частного лица: счастлив после стольких бурь уйти в отставку невредимым и даже более славным, чем когда-либо, за судьбу Республики, которая была, частично, вверена моим заботам.

(Подпись) БАРАС.

Это письмо вызвало большую сенсацию в Совете Пятисот. Было назначено второе чтение, и возник вопрос, была ли отставка законной или явилась результатом сговора и влияния агентов Бонапарта; верить ли Баррасу, заявившему, что опасность свободы предотвращена,

или указу о смещении законодательного корпуса, который был принят и приведен в исполнение под предлогом существования неминуемой опасности? В этот момент появился Бонапарт в сопровождении отряда гренадеров, которые остались у входа в зал.

Я не сопровождал его на Совет Пятисот. Он велел мне отправить экспресс, чтобы развеять опасения Джозефины и заверить ее, что все пройдет хорошо. Прошло некоторое время, прежде чем я снова присоединился к нему.

Однако, не высказываясь так уверенно, как если бы я сам был очевидцем этой сцены, я без колебаний заявляю, что все, что было сказано о нападениях и кинжалах, является чистой выдумкой. Я полагаюсь на то, что было сказано мне в ту самую ночь людьми, заслуживающими доверия, и которые были свидетелями всего, что произошло.

Что касается того, что происходило на заседании, отчеты, данные как в то время, так и после, варьировались в зависимости от мнений. Некоторые утверждали, что появление военных вызвало единодушные крики негодования. Со всех концов зала раздалось: "Святилище законов нарушено. Долой тирана! — долой Кромвеля! — долой диктатора!" Бонапарт пробормотал несколько слов, как он это делал перед Советом Древних, но его голос тут же утонул в криках "Да здравствует Республика!". "Vive la Constitution!" "Объявите диктатора вне закона!" Затем гренадеры, как говорят, бросились вперед, восклицая: "Давайте спасем нашего генерала!", после чего возмущение достигло апогея, и раздались крики, еще более яростные, чем когда-либо; что Бонапарт, упав без чувств в объятия гренадер, сказал: "Они хотят убить меня!" Все, что касается восклицаний и угроз, я считаю правильным; но я ставлю в один ряд с историей о кинжалах утверждение о том, что члены Пятисот были снабжены огнестрельным оружием и гренадеры ворвались в зал; потому что Бонапарт ни словом не обмолвился мне ни о чем подобном ни по дороге домой, ни когда я был с ним в его комнате. Он также ничего не сказал на эту тему своей жене, которая была чрезвычайно взволнована различными сообщениями, которые доходили до нее.

После того, как Бонапарт покинул Совет Пятисот, обсуждения продолжались с большим ожесточением. Возбуждение, вызванное появлением Бонапарта, ничуть не улеглось, когда были выдвинуты предложения самого яростного характера. Президент Люсьен сделал все, что было в его силах, чтобы восстановить спокойствие. Как только он смог сделать так, чтобы его услышали, он сказал: "Сцена, которая только что произошла в Совете, доказывает, каковы чувства всех; чувства, которые, я заявляю, принадлежат и мне. Было, однако, естественно полагать, что у генерала не было никакой другой цели, кроме как дать отчет о положении дел и о чем-то интересном для публики. Но я думаю, никто из вас не может предположить, что он способен на проекты, враждебные свободе".

Каждое предложение речи Люсьена прерывалось криками: "Бонапарт запятнал свою славу! Он позорит Республику!"

Люсьен — [Следующий младший брат Наполеона, президент Совета Пятисот в 1799 году; министр внутренних дел с 1 декабря 1799 по 1841 год; посол в Испании с 1801 по декабрь 1801 года; с позором покинул Францию в 1804 году; удалился в Папскую область; Заключенный на Мальте и в Англии с 1810 по 1814 год; создан папой в 1814 году принцем де Канино и герцогом де Музиньяно; впервые женился в 1794 году на Кристине Буайе, которая умерла в 1800 году; женился во-вторых, в 1802 или 1803 году, на мадам Джонбертон. О его участии в 18 Брюмера Наполеон сказал ему в 1807 году: "Я хорошо знаю, что вы были полезны мне 18 Брюмера, но мне не так ясно, что вы спасли меня тогда" (Люсьен Юнга, том iii. стр.89).]—

предпринял новые усилия, чтобы быть услышанным, и пожелал, чтобы ему разрешили выступить перед ассамблеей в качестве члена Совета, и с этой целью передал президентство Часалу. Он просил, чтобы генерала снова представили и выслушали спокойно. Но этому предложению яростно воспротивились. Раздались возгласы "Бонапарт вне закона! объявите его вне закона!" - пронеслось по собранию, и это был единственный ответ Президенту. Люсьен, вновь занявший президентское кресло, покинул его во второй раз, чтобы не быть вынужденным ставить вопрос о признании своего брата вне закона. Не обращая внимания на недовольство собрания, он взошел на трибуну, сложил с себя президентские полномочия, отказался от депутатского поста и сбросил мантию.

Как только Люсьен покинул Совет, вошел я. Бонапарт, который был хорошо осведомлен обо всем, что происходило,

—[Люсьен отчетливо заявляет, что он сам, действуя в рамках своего права президента, потребовал сопровождения гренадеров Советов, как только увидел, что его уходу могут воспротивиться. Тогда первый въезд солдат с Наполеоном был бы незаконным. Второе, отозвать Люсьена, было номинально законным (см. "Люсьен" Юнга, том i, стр. 318-322)]—

послал солдат на помощь своему брату; они увели его из зала Совета, и Бонапарт счел немаловажным иметь при себе председателя собрания, которое он считал мятежным. Люсьен был восстановлен в должности, но теперь он должен был исполнять свои обязанности не в президентском кресле, а верхом на лошади и во главе отряда войск, готовых предпринять все, что угодно. Воодушевленный опасностью, которой подвергались и он сам, и его брат, он произнес верхом на лошади следующие слова, которые никогда нельзя слишком часто вспоминать, как свидетельство того, что тогда осмелился сказать человек, который никогда не был ничем иным, как отражением славы своего брата:

ГРАЖДАНЕ! СОЛДАТЫ! Председатель Совета Пятисот заявляет вам, что большинство членов этого Совета в данный момент находится в ужасе из-за нескольких представителей народа, вооруженных стилетами, которые окружают трибуну, угрожая своим коллегам смертью и поддерживая самые жестокие дискуссии.

Я заявляю вам, что эти разбойники, которые, несомненно, состоят на жалованье у Англии, подняли восстание против Совета Древних и осмелились говорить о объявлении вне закона генерала, на которого возложено исполнение его указа, как будто слово "вне закона" все еще должно рассматриваться как смертный приговор людям, наиболее любимым своей страной.

Я заявляю вам, что эти безумцы поставили себя вне закона, покушаясь на свободу Совета. От имени этого народа, который столько лет был объектом терроризма, я возлагаю на вас обязанность спасти большинство его представителей; чтобы, избавленные от шпилек штыками, они могли обдумать судьбу Республики.

Генерал, и вы, солдаты, и вы, граждане, вы не признаете в качестве законодателей Франции никого, кроме тех, кто сплотится вокруг меня. Что касается тех, кто остается в оранжерее, пусть силой изгонят их. Они не представители народа, а представители кинжала. Пусть это будет их титулом, и пусть он следует за ними повсюду; и всякий раз, когда они осмеливаются показаться людям, пусть каждый палец указывает на них, а каждый язык называет их заслуженным титулом представителей кинжала!

Vive la Republique!

Несмотря на крики "Да здравствует Бонапарт!", следовавшие за этой речью, войска все еще колебались. Было очевидно, что они не были полностью готовы повернуть свои мечи против национальных представителей. Затем Люсьен обнажил шпагу, воскликнув: "Клянусь, я пронзу своего собственного брата в сердце, если он когда-либо попытается посягнуть на свободу французов". Это драматическое действие имело полный успех; колебания исчезли, и по сигналу, поданному Бонапартом, Мюрат во главе своих гренадер ворвался в зал и изгнал представителей. Все подчинилось доводам штыков и, таким образом, прекратили использование вооруженных сил в тот памятный день.

В десять часов вечера во дворце Сен-Клу, где произошло столько бурных сцен, было совершенно спокойно. Все помощники шерифа все еще были там, расхаживая по залу, коридорам и судам. У большинства из них был встревоженный вид; другие делали вид, что предвидели это событие и казались удовлетворенными им; но все хотели вернуться в Париж, чего они не могли сделать, пока новый приказ не отменил приказ о переносе Соборов в Сен-Клу.

В одиннадцать часов Бонапарт, который весь день ничего не ел, но в минуты сильного волнения был почти нечувствителен к физическим нуждам, сказал мне: "Мы должны пойти и написать, Бурьен; я намерен сегодня же вечером обратиться с воззванием к жителям Парижа. Завтра утром обо мне будут говорить во всей столице. Затем он продиктовал мне следующее заявление, которое доказывает, не меньше, чем некоторые из его репортажей из Египта, насколько Бонапарт преуспел в искусстве исказить правду в своих интересах:

К НАРОДУ.

19 Брюмера, 11 часов вечера

Французы!—По возвращении во Францию я обнаружил, что среди всех властей царит раскол. Они согласились только в одном пункте: Конституция наполовину разрушена и неспособна защитить свободу!

Каждая партия по очереди приходила ко мне, делилась своими планами, делилась секретами и просила моей поддержки. Я отказался быть лидером партии.

Совет древних обратился ко мне. Я откликнулся на их призыв. План всеобщего восстановления был разработан людьми, которых нация привыкла считать защитниками свободы, равенства и собственности. Этот план требовал спокойного и свободного обсуждения, без всякого влияния и страха. Поэтому древние решили перенести законодательные органы в Сен-Клу. Они предоставили в мое распоряжение силы, необходимые для обеспечения их независимости. Я был обязан из чувства долга перед моими согражданами, перед солдатами, погибающими в наших армиях, и перед национальной славой, приобретенной ценой стольких кровей, принять командование.

Советы собрались в Сен-Клу. Республиканские войска гарантировали им безопасность снаружи, но ассасины сеяли ужас внутри. Многие члены Совета Пятисот, вооруженные стилетами и пистолетами, распространяют вокруг себя угрозы смерти.

Планы, которые должны были быть разработаны, были отложены. Большинство членов Совета оказалось неэффективным; самые смелые ораторы пришли в замешательство, и бесполезность внесения какого-либо спасительного предложения была совершенно очевидна.

Полный негодования и горя, я отправился в Совет Древних. Я умолял их привести в исполнение свои благородные замыслы. Я обратил их внимание на пороки нации, которые были их мотивами для замысла этих планов. Они согласились предоставить мне новые доказательства своей единой доброй воли, и я предстал перед Советом Пятисот один, безоружный, с непокрытой головой, точно так же, как Древние принимали и приветствовали меня. Моей целью было вернуть большинству право на волеизъявление и закрепить за ним его власть.

Стилеты, угрожавшие депутатам, были немедленно подняты против их избавителя. Двадцать убийц бросились на меня и нацелились мне в грудь. Гренадеры законодательного корпуса, которых я оставил у дверей зала, выбежали вперед и встали между мной и убийцами. У одного из этих храбрых гренадеров (Тома) была проткнута одежда стилетом. Они унесли меня.

—[У Тома была просто оторвана небольшая часть пальто депутатом, который схватил его за воротник. Это составляло все покушения на убийство 19 Брюмера. — Бурьен] —

В тот же момент в адрес защитника закона раздались крики "Объявите его вне закона!". Это был ужасный крик убийц против власти, предназначенной для их подавления.

Они столпились вокруг президента, выкрикивая угрозы. С оружием в руках они приказали ему объявить "вне закона". Мне сообщили об этом. Я приказал спасти его от их ярости, и шесть гренадеров законодательного корпуса вывели его. Сразу после этого несколько гренадеров законодательного органа ворвались в зал и очистили его.

Запуганные фракции разошлись и разбежались. Большинство, освобожденное от нападков, свободно и мирно вернулось в зал; выслушало предложения, внесенные в целях общественной безопасности, обсудило их и выработало спасительную резолюцию, которая станет новым и временным законом Республики.

Французы, вы, несомненно, признаете в этом поведении рвение солдата свободы, гражданина, преданного Республике. Консервативные, опекунские и либеральные идеи возобновили свою власть после рассеяния фракций, которые господствовали в Советах и которые, сделавшись самыми одиозными из людей, не перестали быть самыми презренными.

(Подпись) БОНАПАРТ, генерал и т.д.

День прошел в уничтожении правительства; необходимо было посвятить ночь формированию нового. Талейран, Редерер и Сийес были в Сен-Клу. Совет древних собрался, и Люсьен занялся поиском нескольких членов из Пятисот, на которых он мог положиться. Ему удалось собрать вместе только тридцать человек, которые вместе со своим Президентом представляли многочисленное собрание, частью которого они были. Этот призрачный представитель был необходим, поскольку Бонапарт, несмотря на нарушение им всех законов накануне, хотел создать видимость того, что он действовал законно. Совет древних, однако, уже решил, что должна быть назначена временная исполнительная комиссия в составе трех членов, и собирался назвать членов комиссии — мера, которая должна была исходить от Пятисот человек, — когда Люсьен пришел сообщить Бонапарту, что его палата "интрузабле" в сборе.

Эта палата, называвшая себя Советом Пятисот, хотя теперь этот Совет был всего лишь Советом Тридцати, поспешно приняла декрет, первая статья которого гласила следующее:

Директория больше не существует; и лица, названные ниже, больше не являются членами национального представительства из-за эксцессов и незаконных действий, которые они постоянно совершали, и, в частности, большая их часть, на сегодняшнем утреннем заседании.

Затем следуют имена шестидесяти одного исключенного участника.

Другими статьями того же декрета Совет учредил временную комиссию, подобную той, которую предлагали назначить Древние, постановил, что указанная комиссия должна состоять из трех членов, которые должны принять титул консулов; и назначил консулами

Сийеса, Роже Дюко и Бонапарта. Другие положения ночного указа Сен-Клу имели своей целью лишь приведение в исполнение уже описанных. Это ночное заседание было очень спокойным, и действительно, было бы странно, если бы было иначе, поскольку можно было не опасаться никакого сопротивления со стороны членов Пятисот, которые были готовы согласиться с Люсьеном. Все заранее знали, что им придется делать. Все было закончено к трем часам утра, и дворец Сен-Клу, в котором со вчерашнего вечера царило такое волнение, утром вновь обрел свою обычную тишину и производил впечатление необъятного уединения.

Вся эта суэта, краткие записки, которые я должен был написать многим друзьям, и разговоры, в которых я был вынужден принимать участие, помешали мне поужинать раньше часу ночи. Только после этого Бонапарт, отправившийся принимать присягу консула перед Пятью сотнями, предоставил мне возможность немного подкрепиться с адмиралом Брюи и некоторыми другими офицерами.

В три часа ночи я сопровождал Бонапарта в его карете в Париж. Он был чрезвычайно утомлен после стольких испытаний. Перед ним открылось новое будущее. Он был полностью погружен в свои мысли и не произнес ни единого слова во время путешествия. Но когда он прибыл в свой дом на улице Виктуар, то, едва войдя в свою комнату и пожелав доброго утра Жозефине, которая была в постели и пребывала в состоянии величайшего беспокойства из-за его отсутствия, сказал при ней: "Буррьен, я наговорил много нелепостей?" — "Не так уж плохо, генерал" — "Мне больше нравится разговаривать с солдатами, чем с юристами. Эти ребята привели меня в замешательство. Я не привык к публичным собраниям, но это придет со временем".

Затем мы все трое разговорились. Мадам Бонапарт успокоилась, и к Бонапарту вернулась его обычная самоуверенность. События того дня, естественно, стали темой нашего разговора. Жозефина, которая была очень привязана к семье Гойе, доброжелательным тоном упомянула имя этого Режиссера. "Чего бы ты хотела, моя дорогая?" - спросил ее Бонапарт. "Это не моя вина. Он порядочный человек, но простак. Он не понимает меня! — Возможно, мне следовало бы отправить его в тюрьму. Он написал против меня в Совет Древних; но у меня есть его письмо, и они ничего об этом не знают. Бедняга! он ждал меня вчера к обеду. И этот человек считает себя государственным деятелем! — Не говорите больше о нем".

Во время нашей беседы также упоминалось имя Бернадотта. - Вы видели его, Буррьен? - спросил я. сказал мне Бонапарт. — "Нет, генерал". — "Я тоже. Я не слышал, чтобы о нем говорили. Вы могли бы себе это представить? Сегодня я получил информацию о многих интригах, в которых он замешан. Вы не поверите? он не желал ничего меньшего, чем быть назначенным моим коллегой по руководству. Он говорил о том, чтобы вскочить на коня и выступить в поход с войсками, которые могли бы быть переданы под его командование. По его словам, он хотел сохранить Конституцию; более того; я уверен, что у него хватило наглости добавить, что, если бы потребовалось объявить меня вне закона, правительство могло бы обратиться к нему, и он нашел бы солдат, способных привести указ в исполнение". — "Все это, генерал, должно дать вам представление о том, насколько непреклонны его принципы". — "Да, я хорошо знаю об этом; в этом что-то есть: он честен. Если бы не его упрямство, мои братья привели бы его сюда. Они его родственники. Его жена, невестка Джозефа, имеет над ним власть. Что касается меня, разве я, спрашиваю вас, не сделал ему достаточных авансов? Вы были свидетелем этого. Моро, у которого репутация военного выше, чем у него, сразу подошел ко мне. Однако я раскаиваюсь в том, что уговаривал Бернадотта. Я подумываю о том, чтобы отделить его от всего его окружения так, чтобы никто

не смог придаться к происходящему. Я не могу отомстить никаким другим способом. Он нравится Джозефу. Я должна настроить всех против себя. Эти семейные соображения - безумие! Спокойной ночи, Бурьен.— Кстати, завтра мы будем ночевать в Люксембурге".

Затем я покинул генерала, которого отныне буду называть Первым консулом, после того как постоянно оставался с ним в течение почти двадцати четырех часов, за исключением того времени, когда он был на Совете Пятисот. В пять часов утра я вернулся в свою квартиру на улице Мартель.

Несомненно, что если бы Гойе пришел на завтрак утром 18 Брюмера по приглашению мадам Бонапарт, он был бы одним из членов правительства. Но Гойе сыграл роль сурового республиканца. Он поместил себя, согласно расхожему выражению того времени, верхом на Конституции III года; и когда его конь печально споткнулся, он упал вместе с ней.

Это было исключительное обстоятельство, которое помешало двум директорам Гойе и Мулену защитить свою любимую Конституцию. Именно из уважения к Конституции они допустили ее гибель, потому что были бы вынуждены нарушить статью, которая не позволяла менее чем трем директорам совещаться вместе. Так, король Кастилии был сожжен заживо, потому что в его апартаментах не оказалось людей такого ранга, которым этикет позволял бы прикасаться к особе монарха.

ГЛАВА XXVI.

1799.

Всеобщее одобрение 18 Брюмера—Бедственное положение казны— Щедрость г-на Колло— Неблагодарность Бонапарта—Освобождение Гойе—Конституция VIII года.—Сенат, трибунат и Государственный совет—Требуются замечания о характере кандидатов— Любовь Бонапарта к честности и таланту—Влияние на него привычки—Его ненависть к трибунату—Временные уступки— Первое консульское министерство—Посредственность Ла Плас—Проскрипционные списки— Отчет Камбасереса—М. Моро де Вормс—Характер Сийеса— Бонапарт в Люксембурге—Распределение дня и визитов— Оппозиция Лебрена—Пение Бонапарта—Его мальчишеские выходки— Присвоение титулов "Мадам" и "Монсеньор"— Деятели революции и сторонники бурбонов— Опасения Бонапарта— Конфиденциальные заметки о кандидатах в президенты и ассамблеях.

Нельзя отрицать, что Франция почти единодушно приветствовала вступление Бонапарта в должность консула как благословение Провидения. Я не говорю сейчас о скрытых последствиях этого события; я говорю только о самом факте и его первых результатах, таких как отмена закона о заложниках и принудительный заем в сто миллионов. Несомненно, законность действий 18 Брюмера может быть оспорена; но кто осмелится сказать, что непосредственный результат того дня не следует рассматривать как великое благословение для Франции? Тот, кто отрицает это, может не иметь ни малейшего представления о

плачевном состоянии каждой ветви власти в ту прискорбную эпоху. Несколько человек винили 18 Брюмера; но никто не сожалел о Директории, за исключением, возможно, самих пяти директоров. Но мы больше не будем говорить о Директорском правительстве. Что за администрация! В каком состоянии были финансы Франции! Кто бы в это поверил? на второй день консульства, когда Бонапарт пожелал отправить курьера к генералу Шампанье, главнокомандующему итальянской армией, в казне не оказалось 1200 франков, которые можно было бы передать курьеру!

Можно предположить, что в первые минуты нового правительства понадобились бы деньги. Г-н Колло, служивший под началом Бонапарта в Италии и чье поведение и администрация заслуживали только похвалы, был одним из первых, кто пришел на помощь консулу. В данном случае господин Колло был столь же ревностен, сколь и бескорыстен. Он дал консулу 500 000 франков золотом, за что был скверно вознагражден. Впоследствии Бонапарт вел себя с г-ном Колло так, словно стремился наказать его за то, что он был богат. Эта сумма, которая в то время так хорошо выглядела в консульской казне, долгое время не возвращалась, да и то без процентов. Действительно, это был не единственный случай, когда у г-на Колло были основания жаловаться на Бонапарта, который никогда не был склонен признавать его важные заслуги или даже отдавать должное его поведению.

Утром 20 Брюмера Бонапарт послал своего брата Луи сообщить директору Гойе, что тот свободен. Такая поспешность с освобождением Гойе была неспроста, поскольку Бонапарту не терпелось обосноваться в Люксембурге, и мы отправились туда в тот же вечер.

Все должно было быть создано. При Бонапарте была почти вся армия, и на солдат он мог положиться. Но военной силы ему было уже недостаточно. Желая обладать огромной гражданской властью, установленной правовыми формами, он немедленно приступил к созданию Сената и трибуната, Государственного совета и нового законодательного органа и, наконец, новой Конституции.

—[Конституция VIII года. был представлен 18 декабря 1799 года (22 Фримара, VIII год) и принят народом 7 февраля 1800 года (18 Плювиоза, VIII год). Он учредил Консульское правительство, состоящее из Бонапарта, первого консула, назначенного на десять лет; Камбасереса, Второго консула, также на десять лет; и Лебрена, Третьего консула, назначенного на пять лет. Он учредил консервативный сенат, законодательный орган из 800 членов, и трибунал, состоящий из 100 членов. Учреждение Государственного совета состоялось 29 декабря 1799 года. Учреждение нового законодательного органа и трибуната было назначено на 1 января 1800 г. —Буррьен. Ланфри (том i, стр. 329) видит предвестие этой Конституции в Конституции, предложенной Наполеоном в 1797 году для Цизальпинской республики.]—

Поскольку у Бонапарта не было времени познакомиться с людьми, которые должны были его окружать, он запросил у самых выдающихся людей того времени, хорошо знакомых с Францией и Революцией, справки о лицах, достойных и способных войти в Сенат, трибунал и Государственный совет. Из того, как были составлены все эти заметки, было очевидно, что их авторы старались привести свои рекомендации в соответствие с тем, что они считали взглядами Бонапарта, и что они воображали, что он разделял мнения, которые были в то время популярны. Соответственно, они указали в качестве оснований для предпочтения конкретных кандидатов их патриотизм, их республиканство и то, что они имели места в предыдущих ассамблеях.

Из всех качеств, больше всего повлиявших на выбор Первого консула, была непреклонная честность; и будет справедливо сказать, что в этом отношении он редко обманывался. Он искренне искал таланты, и хотя ему не нравились люди Революции, он был убежден, что не сможет обойтись без них. Он питал крайнее отвращение к посредственности и обычно отвергал человека с таким характером, когда ему рекомендовали его; но если он давно знал такого человека, то поддавался влиянию привычки, ничего так не страшась, как перемен или, как он привык говорить сам, новых лиц.

—[Наполеон любил только людей с сильными страстями и большой слабостью; по этим недостаткам он судил о самых противоположных качествах в людях (Меттерних, том iii. стр.589)]—

Затем Бонапарт приступил к организации покладистого сената, безмолвного законодательного органа и Трибуната, который должен был создавать видимость независимости с помощью нескольких прекрасных речей и высокопарных фраз. Он легко назначал сенаторов, но с трибуналом дело обстояло иначе. Он долго колебался, прежде чем остановиться на кандидатах в этот орган, которые внушали ему предвкушаемый страх. Однако, придя к власти, он не осмелился противопоставить себя требованиям момента и на какое-то время согласился ввести в заблуждение честолюбивых простофиль, которые поддерживали вокруг него шумиху о прекрасных чувствах свободы. Он видел, что обстоятельства еще не благоприятствовали отказу в части Конституции этой третьей части власти, предназначенной, по-видимому, для защиты интересов народа в законодательном органе. Но, уступая необходимости, одна мысль о Трибунате приводила его в крайнее беспокойство; и, одним словом, Бонапарт не мог выносить публичных обсуждений своих проектов.

—[Трибунал в соответствии с настоящей Конституцией VIII года. это был единственный орган, которому разрешалось публично обсуждать предлагаемые законы, законодательный орган просто молча выслушивал ораторов, присланных Государственным советом и Трибуналами для изложения причин за или против предложений, а затем молча голосовал. Его ораторы постоянно обижались на Наполеона. Сначала он был очищен в начале 1802 года Сенатом, назначившим членов для ротации, затем сокращен со 100 до 50 членов позже в 1802 году и упразднен в 1807 году; его исчезновение было расценено Наполеоном как его последний разрыв с революцией.]—

Бонапарт сформировал первое консульское министерство следующим образом: Бертье был военным министром; Годен, ранее работавший в администрации почтового отделения, был назначен министром финансов; Камбасерес остался министром юстиции; Форфе был морским министром; Ла Плас - министром внутренних дел; Фуше - министром полиции; и Рейнхард - министром иностранных дел.

Рейнхарда и Ла Плейс вскоре заменили: первого - способным М. Талейраном, второго - Люсьеном Бонапартом.

—[Когда я оставил службу Первого консула, Талейран все еще возглавлял Иностранный департамент. Я часто присутствовал на совещаниях этого великого государственного деятеля с Наполеоном и могу заявить, что никогда не видел, чтобы он тешил свои честолюбивые мечты; напротив, он всегда старался заставить его осознать свои истинные интересы.Бурьен.]—

Можно сказать, что Люсьен просто проходил через министерство по пути в прибыльное посольство в Испании. Что касается Ла-Пласа, то Бонапарт всегда был высокого мнения о его талантах. Его назначение в Министерство внутренних дел было комплиментом науке, но прошло совсем немного времени, прежде чем Первый консул раскаялся в своем выборе. Ла-Плейс, столь удачно созданный для науки, проявил самую немыслимую посредственность в управлении. Он был некомпетентен в самых незначительных вопросах; как будто его ум, сформированный для того, чтобы охватывать систему мира и интерпретировать законы Ньютона и Кеплера, не мог опуститься до уровня деталей или применить себя к обязанностям отдела, который ему был доверен, на короткое, но все же, по отношению к нему, слишком долгое время.

26 Брюмера (17 ноября 1799 г.) консулы издали указ, в котором заявили, что в соответствии со статьей III. в соответствии с законом от 19 числа того же месяца, который особо вменял им в обязанность восстановление общественного спокойствия, они постановили, что тридцать восемь человек, которые были названы поименно, должны покинуть континентальную территорию Республики и с этой целью направиться в Рошфор, чтобы впоследствии быть доставленными в департамент Французская Гвиана и содержаться под стражей. Они также постановили, что двадцать три других человека, которые были названы по имени, должны проследовать в коммуну Рошель в департаменте нижняя Шаранта, чтобы впоследствии быть задержаны в той части этого департамента, которая будет указана министром общей полиции. Мне посчастливилось уберечь моего друга М. Моро де Вормса, депутата от Юна, от участия в указе изгнанников. Это произвело пагубный эффект. Оно носило характер беспричинной суровости, совершенно несовместимой с заверениями в мягкости и умеренности, данными в Сен-Клу 19 Брюмера. Впоследствии Камбасерес выступил с докладом, в котором утверждал, что для поддержания спокойствия нет необходимости подвергать запрещенных лиц изгнанию, считая достаточным поместить их под надзор вышестоящей полиции. Получив сообщение, консулы издали указ, в котором они предписали всем лицам, подпадающим под запрет, удалиться соответственно в различные коммуны, которые должны быть определены министром юстиции, и оставаться там до дальнейших распоряжений.

В период издания этих декретов Сийес все еще был одним из консулов, наряду с Бонапартом и Роже Дюко; и хотя Бонапарт с первого момента обладал всей полнотой государственной власти, между ними, тем не менее, соблюдалось своего рода кажущееся равенство. Только 25 декабря Бонапарт принял титул первого консула, после чего Камбасерес и Лебрэн присоединились к нему в этой должности. Он обратил на них свой взор еще до 18 Брюмера, и у него не было причин упрекать их в том, что они сильно затрудняли его быстрое продвижение к императорскому трону.

Я уже говорил, что мне посчастливилось вызволить господина Моро де Вормса из списка запрещенных. Через несколько дней после этого Сийес вошел в кабинет Бонапарта и сказал ему: "Что ж, этот господин Моро де Вормс, которого господин Бурьен убедил вас спасти от изгнания, действует очень тонко! Я же говорил тебе, как это будет! Я получил из Сена, его родины, письмо, в котором сообщается, что Моро находится в этом городе, где он собрал народ на рыночной площади и разразился самыми яростными речами против 18 Брюмера", — "Можете ли вы положиться на своего агента", — спросил Бонапарт. — "Совершенно. Я могу поручиться за правдивость его сообщения". Бонапарт показал мне бюллетень агента Сийеса и горько упрекнул меня. "Что бы вы сказали, генерал, — заметил я, — если бы я представил вам этого самого господина Моро де Вормса, который выступает в Сансе с речью против 18 Брюмера, в течение часа?" — "Я призываю вас сделать это". — "Я взял на себя

ответственность за него, и я знаю, что делаю. Он жесток в своей политике, но он человек чести, incapable нарушить свое слово". — "Что ж, посмотрим. Иди и найди его". Я был совершенно уверен в том, что выполню свое обещание, потому что не прошло и часа, как я увидел господина Моро де Вормса. Он скрывался с 19 Брюмера и не покидал Париж. Не было ничего проще, чем найти его, и через три четверти часа он был в Люксембургском дворце. Я представил его Бонапарту, который долго беседовал с ним о 18 Брюмера. Когда господин Моро ушел, Бонапарт сказал мне: "Вы правы. Этот дурак Сийес изобретателен, как Кассандра. Это доказывает, что не следует слишком охотно верить сообщениям негодяев, которых мы вынуждены нанимать в полицию ". Впоследствии он добавил: "Бурьен, Моро - славный парень; я им доволен; я что-нибудь для него сделаю". Вскоре г-н Моро ощутил на себе влияние хорошего мнения консула. Несколько дней спустя, создавая совет по присуждению премий, он, по моему простому предложению, назначил мсье Моро одним из членов с жалованьем в 10 000 франков. От каких чрезвычайных обстоятельств часто зависит судьба людей! Что касается Сийеса, то в общении, конечно, не очень частом, которое у меня с ним было, он оказался намного ниже той репутации, которой он тогда пользовался".

—[Г-н де Талейран, который так способен оценивать людей и чьи замечательные высказывания вполне заслуживают того, чтобы занять место в истории, долгое время придерживался аналогичного мнения о Сийесе. Однажды, когда Камбасерес беседовал со Вторым консулом о Сийесе, тот сказал ему. "Сийес, однако, очень глубокий человек". — "Глубокий?" сказал Талейран. "Да, он такой, пустота, совершенная пустота, как вы бы сказали". — Бурьен.] —

Он слепо доверял множеству агентов, которых посылал во все концы Франции. Когда в других случаях случалось, что я доказывал ему столь же достаточными доказательствами, как в случае с мсье Моро, ложность полученных им донесений, он отвечал с поистине смехотворной уверенностью: "Я могу положиться на своих людей". У Сийеса на лице было написано: "Дай мне денег!" Я вспоминаю, что однажды я упомянул об этом выражении на встревоженном лице Сийеса Первому консулу. "Вы правы, - заметил он мне, улыбаясь, - когда речь заходит о деньгах, Сийес вполне прозаичный человек. Он распространяет свою идеологию повсюду направо и налево и, таким образом, становится легко управляемым. Он с готовностью отказывается от своих конституционных мечтаний за кругленькую сумму, и это очень удобно ".

—[На самом деле, всем известно, что Сийес отказался сложить с себя консульские полномочия, если только он не получит взамен прекрасную ферму, расположенную в Версальском парке и приносящую около 15 000 ливров дохода в год. Добрый аббат утешал себя тем, что больше не составляет и трети республиканского суверенитета, чувствуя себя как дома в древних владениях королей Франции.— Бурьен.]—

Бонапарт занял в "Маленьком Люксембурге" апартаменты на первом этаже, которые находятся справа при входе с улицы Вожирар. Его кабинет находился рядом с частной лестницей, которая вела на второй этаж, где жила Джозефина. Моя квартира была выше.

После завтрака, который подавался в десять часов, Бонапарт несколько минут беседовал со своими обычными гостями, то есть со своими "адъютантами", лицами, которых он приглашал, и со мной, который никогда не отходил от него. Его также очень часто навещали Деферман, Реньо (из города Сен-Жан-д'Анжели), Буле (де ла Мерт), Монж и Бербер, которые вместе с его братьями Жозефом и Люсьеном были теми, кого он больше всего рад был

видеть; он фамильярно беседовал с ними. Камбасерес обычно приходил в середине дня и оставался у него некоторое время, часто целый час. Лебрен навещал его, но редко. Несмотря на его возвышение, его характер остался неизменным; и Бонапарт считал его слишком умеренным, потому что он всегда выступал против его честолюбивых взглядов и планов узурпации власти. Когда Бонапарт вставал из-за стола после завтрака, редко случалось, чтобы он, пожелав Жозефине и ее дочери Гортензии доброго дня, не добавлял: "Пойдем, Бурьен, пойдем, не мешай нам работать".

После утренних аудиенций я оставался с Бонапартом весь день, либо читая ему, либо записывая под его диктовку. Три или четыре раза в неделю он посещал Совет. По пути в зал заседаний ему приходилось пересекать внутренний двор Малого Люксембурга и подниматься по парадной лестнице. Это всегда раздражало его, тем более что погода в то время была очень плохой. Это раздражение продолжалось до 25 декабря, и он с большим удовлетворением увидел, что избавился от него. Покинув Совет, он обычно входил в свой кабинет с пением, и одному Богу известно, как отвратительно он пел! Он проверил все работы, которые приказал выполнить, подписал документы, растянулся в кресле и прочитал письма предыдущего дня и утренние публикации. Когда не было Совета, он оставался в своем кабинете, беседовал со мной, всегда пел и, по обычаю, резал подлокотник своего кресла, иногда придавая себе вид большого мальчика. Затем, внезапно встрепенувшись, он описывал план возведения памятника или диктовал какие-нибудь из тех экстраординарных постановок, которые поражали и приводили в ужас мир. Он часто снова становился тем же человеком, который под стенами Сен-Жан-д'Акра мечтал об империи, достойной его честолюбивых замыслов.

В пять часов был подан ужин. Когда с ним было покончено, Первый консул поднялся наверх, в апартаменты Жозефины, где он обычно принимал министров. Ему всегда было приятно видеть среди собравшихся министра иностранных дел, тем более что портфель министра иностранных дел был доверен г-ну де Талейрану. В полночь, а часто и раньше, он подавал сигнал к отходу ко сну, торопливо произнося: "Здравствуйтесь, наш гость".

Именно в Люксембургском дворце, в салонах которого очаровательная Жозефина так хорошо оказывала почести, слово "мадам" снова вошло в обиход. Это первое возвращение к старой французской вежливости поразило некоторых впечатлительных республиканцев; но вскоре дела в Тюильри пошли дальше благодаря введению обращения "Votre Altesse" на государственных церемониях и обращению "Монсеньор" в семейном кругу.

Если, с одной стороны, Бонапарту не нравились люди Революции, то, с другой стороны, он еще больше боялся сторонников бурбонов. При одном упоминании имени этих принцев он испытывал своего рода внутреннюю тревогу и часто говорил о необходимости воздвигнуть между Францией и ними железную стену. К этому чувству, без сомнения, следует отнести определенные номинации и дух некоторых рекомендаций, содержащихся в примечаниях, которыми он был снабжен относительно характеров кандидатов и которые для удобства пользования были расположены в алфавитном порядке. Некоторые из только что упомянутых заметок были написаны рукой Реньо де Сен-Жан д'Анжели, а некоторые - Люсьена Бонапарта.

—[Среди них было следующее, озаглавленное "Общие замечания": "При выборе людей, бывших членами Учредительного собрания, необходимо остерегаться орлеанской партии, которая не совсем химера и может рано или поздно оказаться опасной.

"Нет никаких сомнений в том, что сторонники этой семьи тайно интригуют; и среди многих других

доказательств этого факта следующее является поразительным: журнал под названием "Аристарх", который нескрываяемо поддерживает роялизм, ведет человек по имени Войдель, один из самых горячих патриотов Революции. В течение нескольких месяцев он был председателем комиссии по расследованию, которая привела к аресту и повешению маркиза де Фавраса и доставила столько беспокойства Суду. В Учредительном собрании не было никого, кто был бы более ненавистен Двору, чем Войдель, как из-за его жестокости, так и из-за его связи с герцогом Орлеанским, чьим защитником он был. Когда герцог Орлеанский был арестован, Войдель, несмотря на ярость революционных трибуналов, набрался смелости защитить его и обвесил все стены Парижа плакатами с извинениями за герцога и двух его сыновей. Этот человек, пишущий сейчас в пользу роялизма, не может иметь никакой другой цели, кроме как возвести на трон члена орлеанской семьи". — Буррьен.] —

В начале правления Первого консула, хотя он всегда сверялся с собранными им записями, он все же с вниманием относился к рекомендациям людей, с которыми был хорошо знаком; но для них было небезопасно рекомендовать мошенника или дурака. Люди, которых он больше всего не любил, были теми, кого он называл болтунами, которые постоянно болтают обо всем и ни о чем. Он часто говорил: "Я хочу больше головы и меньше языка". Что он думал о цареубийцах, будет видно дальше, но поначалу, чем больше человек придавал значения Революции, тем больше он считал ее гарантией от возвращения прежнего порядка вещей. Кроме того, Бонапарт был не тем человеком, который стал бы обращать внимание на какие-либо соображения, когда дело касалось его политики.

Как я уже говорил несколькими страницами ранее, взяв правительство в свои руки, Бонапарт так мало знал о Революции и людях, занятых на гражданской службе, что ему было совершенно необходимо собирать информацию о людях и вещах со всех сторон. Но когда противоречивые страсти момента стали более спокойными, а дух партии - более благоразумным, и когда благодаря его суровым расследованиям был наведен порядок там, где до сих пор царила необузданная неразбериха, он постепенно стал более щепетильным в предоставлении мест, будь то за счет вновь созданных офисов или в результате тех изменений, которые часто происходили в различных департаментах. Затем он сказал мне: "Буррьен, я передаю твой отдел тебе. Назначай, кого хочешь, но помни, что ты несешь ответственность передо мной".

Какой получился бы список, содержащий имена всех префектов, супрефектов, генеральных распорядителей и других гражданских должностных лиц, которым я дал места! Я не сохранил никаких записей об их именах; и в самом деле, какая польза была бы от этого? Я не мог лично знать всех удачливых кандидатов, но я полагался на рекомендации, в которых я был уверен.

Мне не на что жаловаться на тех, кому я оказал услугу; хотя это правда, что с тех пор, как я расстался с Бонапартом, я видел, как многие из них переходили на противоположную сторону улицы, по которой я шел, и благодаря этому деликатному вниманию избавили меня от необходимости приподнимать шляпу.

ГЛАВА XXVII.

1799-1800.

Трудности нового правительства—Положение в Европе—Стремление Бонапарта к миру—Министр иностранных дел Месье де Талейран— Переговоры с Англией и Австрией — Их провал—Взгляды Бонапарта на Восток—Его жертвы политике—Генерал Бонапарт донес Первому консулу—Письмо Клебера Директории— Отчеты о египетской экспедиции, опубликованные в *Moniteur*— Воззвание к армии Востока—Благосклонность и немилость определенных лиц учтены.

Когда новое правительство восходит на руинах того, которое было свергнуто, его лучший шанс заручиться благосклонностью нации, если эта нация находится в состоянии войны, - это поддерживать перспективу мира; ибо мир всегда дорог народу. Бонапарт хорошо понимал это; и если в глубине души он желал иного, он знал, как важно делать вид, что желаешь мира. Соответственно, сразу же после своего назначения в Люксембург он уведомил все иностранные державы о своем вступлении в Консульство и с той же целью направил письма всем дипломатическим агентам французского правительства за границей.

На следующий день после того, как он избавился от двух своих первых коллег, Сийеса и Роже Дюко, он приготовился начать переговоры с лондонским кабинетом министров. В то время мы воевали почти со всей Европой. Мы также потеряли Италию. Императором Германии правили его министры, которые, в свою очередь, управлялись Англией. Нелегко было в равной степени управлять организацией Консульского управления и не менее важными делами за границей; и для интересов Первого консула было очень важно сообщить иностранным державам, в то же время гарантируя себя от возвращения бурбонов, что система, которую он предлагал принять, была системой порядка и возрождения, непохожей ни на демагогическое насилие Конвента, ни на идиотскую выдумку Директории. Для достижения этой цели Бонапарт поручил г-ну де Талейрану, новому министру иностранных дел, сделать первые дружеские предложения английскому кабинету министров: последовала переписка, которая была опубликована в то время и которая показала одновременно примирительную политику Бонапарта и высокомерную политику Англии.

Состоявшийся обмен нотами не привел к немедленному результату. Однако Первый консул частично достиг своей цели: если британское правительство не вступит в переговоры о мире, то, по крайней мере, есть основания предполагать, что к последующим предложениям консульского правительства можно будет прислушаться. Переписка, во всяком случае, предоставила Бонапарту возможность заявить о своих принципах, и, прежде всего, она позволила ему убедиться, что возвращение бурбонов во Францию (упомянутое в официальном ответе лорда Гренвилла) не будет неременным условием восстановления мира между двумя державами.

С тех пор как г-н де Талейран стал министром иностранных дел, дела этого ведомства развивались с большой активностью. Для Бонапарта было важным преимуществом найти среди республиканцев дворянина старого режима. Выбор месье де Талейрана был в некотором роде актом вежливости по отношению к иностранным дворам. Европейская дипломатия проявила деликатное внимание, представив своим членам с целью общения с ними человека, чей ранг был, по крайней мере, равен их собственному, и который повсеместно отличался отточенной элегантностью манер в сочетании с солидными хорошими качествами и настоящими талантами.

Бонапарт и его министр пытались начать переговоры не только с Англией; консульский кабинет также предложил мир Австрийскому дому, но не в то же время. Целью этого предложения было посеять раздор между двумя державами. Однажды, рассказывая мне о своем искреннем желании добиться мира, Бонапарт сказал: "Видите ли, Бурьен, у меня есть два больших врага, с которыми мне нужно справиться. Я заключу мир с тем, с кем мне легче всего иметь дело. Это позволит мне немедленно напасть на другого. Я откровенно признаюсь, что больше всего я хотел бы быть в мире с Англией. Тогда не было бы ничего проще, чем сокрушить Австрию. У нее нет денег, кроме тех, что она получает через Англию".

Долгое время все переговоры оказывались безуспешными. Ни одна из европейских держав не желала признавать новое правительство, главой которого был Бонапарт; и для заключения Амьенского мира потребовалась битва при Маренго.

Хотя дела нового правительства давали Бонапарту много занятий, он все же находил время обратить внимание на Восток — в ту страну деспотизма, откуда, судя по его последующему поведению, можно предположить, он почерпнул свои первые принципы правления. Став главой государства, он хотел обратить Египет, который он завоевал как полководец, в пользу своей политики в качестве консула. Если Бонапарт одержал победу над чувством неприязни, передав командование армией Клеберу, то это произошло потому, что он знал, что Клебер более, чем кто-либо другой, способен осуществить сформированные им планы; а Бонапарт был не тем человеком, чтобы приносить интересы политики в жертву личной обиде. Совершенно верно, что тогда он применил на практике очаровательную фразу Мольера — "Я прощаю вас, но вы заплатите мне за это!"

По отношению ко всем, кого он оставил в Египте, Бонапарт оказался в весьма необычном положении. Став главой правительства, он был не только хранителем всех сообщений, направляемых Директории; письма, отправленные по одному адресу, доставлялись по другому, и первый консул получал жалобы на генерала, который так внезапно покинул Египет. Почти во всех письмах, которые нам доставляли, он был объектом серьезных обвинений. По некоторым данным, он не признавался в своем отъезде до самого дня отплытия; и он обманул всех с помощью ложных и лицемерных заявлений. Другие обсуждали его поведение во время пребывания в Египте: армию, которая одержала победу под его командованием, он бросил, когда ее численность сократилась до двух третей от первоначальной и она стала жертвой всех ужасов болезней и нужды. Следует признать, что эти жалобы и обвинения были слишком обоснованы, и никогда нельзя перестать удивляться цепи счастливых обстоятельств, которые так быстро вознесли Бонапарта на консульский пост. В естественном порядке вещей и во исполнение плана, который он сам составил, он должен был высадиться в Тулоне, где, несомненно, соблюдались бы карантинные законы; вместо этого страх перед англичанами и неуверенность лоцманов заставили его отправиться во Фрежюс, где карантинные законы нарушались теми самыми лицами, которые были наиболее заинтересованы в их соблюдении. Предположим, что Бонапарт был вынужден ввести карантин в Тулоне. Что бы за этим последовало? Выдвинутые против него обвинения попали бы в руки Директории, и он, вероятно, был бы отстранен от должности и предан суду.

Среди писем, которые попали в руки Бонапарта по причине внезапной смены правительства, была официальная депеша (от 4-го вендемыера VIII года) генерала Клебера из Каира в адрес Исполнительной директории, в которой этот генерал в очень жестких выражениях говорил о внезапном уходе Бонапарта и о состоянии, в котором была оставлена армия в Египте. Генерал Клебер далее обвинил его в том, что своим бегством он избежал трудностей, которые, таким образом, переложил на плечи своего преемника, а также в том, что он

оставил армию "без единого су в сундуке", с просроченным жалованьем и очень небольшим запасом боеприпасов или одежды.

Другие письма из Египта были не менее обвинительными, чем у Клебера; и не подлежит сомнению, что обвинения столь точного характера, выдвинутые генералом, который теперь стал главнокомандующим, против своего предшественника, имели бы большой вес, особенно учитывая, что они подкреплялись аналогичными жалобами из других кругов. Судебный процесс был бы неизбежен; и тогда не было бы ни 18 Брюмера, ни консульства, ни Империи, ни завоевания Европы — но также, можно добавить, не было бы и острова Святой Елены. Ни одно из этих событий не произошло бы, если бы английская эскадра, появившаяся у берегов Корсики, не вынудила "Мюиرون" идти на риск и пристать к первой попавшейся земле.

Египетская экспедиция занимала слишком важное место в жизни Бонапарта, чтобы он мог пренебрегать частым воскрешением в общественном сознании воспоминаний о его завоеваниях на Востоке. Не следует забывать, что глава Республики был первым из ее генералов. В то время как Моро получил командование рейнскими армиями, в то время как Массена в награду за победу при Цюрихе был назначен главнокомандующим в Италии, и в то время как Брюн стоял во главе армии Батавии, Бонапарт, душа которого была в лагерях, утешал себя за свое временное бездействие ретроспективным взглядом на свои прошлые триумфы. Он не желал, чтобы Слава хоть на мгновение перестала сопровождать его имя. Соответственно, как только он встал во главе правительства, он распорядился, чтобы отчеты о его египетской экспедиции время от времени публиковались в "Монитер". Он часто выражал свое удовлетворение тем, что обвинительная переписка и, прежде всего, письмо Клебера попали в его собственные руки. Бонапарт так прекрасно владел собой, что сразу же после прочтения этого письма продиктовал мне следующее воззвание, адресованное восточной армии:

СОЛДАТЫ!—Консулы Французской Республики часто обращают свое внимание на армию Востока. Франция признает все влияние ваших завоеваний на восстановление ее торговли и мировой цивилизации.

Взоры всей Европы устремлены на вас, и в мыслях я часто бываю с вами.

В какую бы ситуацию ни поставили вас шансы войны, докажите, что вы по—прежнему солдаты Риволи и Абукира - вы будете непобедимы.

Проявите к Клеберу безграничное доверие, которое вы оказали мне. Он этого заслуживает.

Солдаты, подумайте о том дне, когда вы вернетесь победителями на священную территорию Франции. Это будет славный день для всей нации.

Ничто не может более убедительно показать характер Бонапарта, чем вышеупомянутый намек на Клебера, после того как он увидел, как Клебер говорил о нем Директории. Можно ли было когда-нибудь представить, что корреспонденция армии, которой он адресовал это воззвание, изобиловала обвинениями в его адрес? Хотя большинство этих обвинений были строго справедливы, все же справедливо будет заявить, что письма из Египта содержали некоторую клевету. В ответ на вполне обоснованную часть обвинений Бонапарт сказал мало; но он, казалось, глубоко ощущал ложь, которая была выдвинута против него, одна из которых заключалась в том, что он вывез миллионы из Египта. Я не могу представить, что могло послужить поводом для этого ложного и наглого утверждения. Бонапарт не только не

коснулся армейского сундука, но даже не получил всего своего жалованья. До того, как он сам сформировал правительство, правительство было его должником.

Хотя Бонапарт хорошо знал все, чего можно было ожидать от египетской экспедиции, тем не менее к тем, кто хвалил это дело, он относился благосклонно. Переписка, попавшая в его руки, имела для него первостепенное значение, поскольку позволяла ему выяснить мнение о нем конкретных людей.

Это был источник благосклонности и позора, которые те, кто не был посвящен в тайну, не могли объяснить. Это служит объяснением того, почему многие посредственные люди были возведены в высшие звания и почести, в то время как другие люди реальных заслуг впали в немилость или были совершенно заброшены.

ГЛАВА XXVIII.

1800.

Великие и простые люди — Портрет Бонапарта—Разное выражение его лица—Его судорожное пожатие плечами—Предчувствие собственной полноты—Пристрастие к ваннам—Его умеренность—Его предполагаемая способность обходиться без сна—Хорошие и плохие новости—Бритье и чтение журналов—Утренние деловые переговоры—Завтрак—Кофе и нюхательный табак—Представление Бонапарта о своем собственном положении—Его дурное мнение о человечестве —Его неприязнь к "тет-а-тет"—Его ненависть к революционерам —Дамы в белом—Анекдоты — Знаки доброты Бонапарта и его шуточные комплименты — Его приступы дурного настроения—Звон колоколов— Сады Мальмезона—Его мнение о медицине—Его память— Его поэтическая нечувствительность— Недостаток галантности—Карты и беседы— Фрак и черный галстук - Выплаты Бонапарта —Его религиозные идеи— Его упрямство.

Изучая историю выдающихся личностей прошлых эпох, как часто мы сожалеем о том, что историку следовало изобразить героя, а не человека! Мы хотим знать даже самые тривиальные привычки тех, кого великие таланты и обширная репутация возвысили над их ближними. Является ли это следствием простого любопытства, или, скорее, это не произвольное чувство тщеславия, которое побуждает нас утешаться превосходством великих людей, размышляя об их ошибках, их слабостях, их нелепости; короче говоря, обо всех чертах сходства между ними и обычными людьми? Для удовлетворения тех, кого интересуют подробности такого рода, я попытаюсь здесь нарисовать Бонапарта таким, каким я его видел, лично и в мыслях, описать, каковы были его вкусы и привычки, и даже его прихоти и капризы.

Бонапарт был сейчас в расцвете сил, ему было около тридцати. Личность Бонапарта послужила моделью для самых искусных живописцев и скульпторов; многие способные французские художники успешно изобразили его черты, и все же можно сказать, что не

существует его совершенно достоверного портрета. Его изящной формы голова, великолепный лоб, бледное лицо и его обычный задумчивый взгляд были перенесены на холст; но многогранность его выражения была недоступна для подражания. Вся разнообразная работа его ума мгновенно отразилась на его лице, и взгляд его менялся от кроткого к суровому, от сердитого к добродушному почти с быстротой молнии. Действительно, можно сказать, что он по-особому относился к каждой мысли, которая возникала у него в голове.

У Бонапарта были красивые руки, и он ими очень гордился; разговаривая, он часто смотрел на них с самодовольством. Он также воображал, что у него прекрасные зубы, но его претензия на это преимущество была не так обоснована, как его тщеславие по поводу своих рук.

Прогуливаясь в одиночку или в компании с кем-либо, в своих покоях или в садах, он имел привычку немного сутулиться и скрещивать руки за спиной. Он часто непроизвольно пожимал правым плечом, что сопровождалось движением губ слева направо. Эта привычка всегда была особенно примечательна, когда его ум был поглощен рассмотрением какого-либо глубокого предмета. Часто во время прогулок он диктовал мне свои самые важные заметки. Он мог переносить сильную усталость не только верхом, но и пешком; иногда он шел пять или шесть часов кряду, не осознавая этого.

Прогуливаясь с любым человеком, к которому он относился фамильярно, он брался за руку своего спутника и опирался на нее.

Он часто говорил мне: "Ты видишь, Бурьен, какой я умеренный и худощавый; но, несмотря на это, я не могу отделаться от мысли, что в сорок лет я стану большим любителем поесть и очень растолстею. Я предвижу, что мое телосложение претерпит изменения. Я много занимаюсь физическими упражнениями, но все же я уверен, что мое предчувствие сбудется". Эта мысль вызвала у него сильное беспокойство, и поскольку я не заметил ничего, что, казалось бы, подтверждало его опасения, я не упустил возможности заверить его, что они беспочвенны. Но он не захотел слушать меня, и все время, пока я был рядом, его преследовало это предчувствие, которое, в конце концов, подтвердилось слишком хорошо.

Свое пристрастие к ванне он ошибочно принимал за необходимость. Обычно он оставался в ванне два часа, в течение которых я обычно читал ему выдержки из дневников и брошюр того времени, потому что ему не терпелось услышать и узнать все, что происходило. Находясь в ванне, он постоянно включал теплую воду, чтобы повысить температуру, так что иногда меня окутывал такой густой пар, что я не мог видеть, чтобы читать, и был вынужден открывать дверь.

Бонапарт был чрезвычайно умеренным человеком и питал отвращение ко всем излишествах. Он знал абсурдные истории, которые ходили о нем, и иногда они его раздражали. Снова и снова повторялось, что он был подвержен приступам эпилепсии; но за те одиннадцать лет, что я почти постоянно находился с ним, я ни разу не заметил ни одного симптома, который хотя бы в малейшей степени указывал бы на это заболевание. Его здоровье было хорошим, а телосложение крепким. Если его враги в качестве упрека приписывали ему серьезную периодическую болезнь, то его льстецы, вероятно, полагая, что сон несовместим с величием, проявляли такое же пренебрежение к правде, говоря о его ночных бдениях. Бонапарт заставлял других наблюдать, но сам спал, и спал хорошо. Он приказал мне звонить ему каждое утро в семь. Поэтому я первым вошел в его комнату; но очень часто, когда я будил его, он поворачивался и говорил: "Ах, Бурьен! дай мне еще немного полежать". Когда не было никаких неотложных дел, я больше не беспокоил его до

восьми часов. Обычно он спал семь часов из двадцати четырех, не считая короткого сна днем.

Среди личных инструкций, которые дал мне Бонапарт, одно было очень любопытным. "Ночью, - сказал он, - входите в мою комнату как можно реже. Не буди меня, когда тебе нужно сообщить какие-нибудь хорошие новости: с этим некуда спешить. Но когда ты принесешь плохие новости, немедленно разбуди меня, ибо тогда нельзя терять ни минуты".

Это было мудрое постановление, и Бонапарт нашел в нем свое преимущество.

Как только он встал, его "камердинер" побрил его и причесал. Пока он брился, я читал ему газеты, всегда начиная с "Монитор". Он почти ни на что не обращал внимания, кроме немецких и английских газет. "Опустите все это, - говорил он, когда я просматривал французские газеты. - Я и так это знаю. Они говорят только то, что, по их мнению, доставит мне удовольствие". Я часто удивлялся, что его камердинер не перебивал его, пока я читал; потому что всякий раз, когда он слышал что-нибудь интересное, он быстро поворачивался ко мне.

Когда Бонапарт закончил свой туалет, который он проделал с большим вниманием, поскольку отличался скрупулезной опрятностью, мы спустились в его кабинет. Там он подписал распоряжения по важным ходатайствам, которые были проанализированы мной накануне вечером. В дни приемов и парадов он был особенно аккуратен в подписании этих приказов, потому что я обычно напоминал ему, что он, скорее всего, увидит большинство просителей и что они попросят у него ответов. Чтобы избавить его от этого раздражения, я часто заранее сообщал им о том, что было предоставлено или в чем отказано, и каково было решение Первого консула. Затем он внимательно просмотрел письма, которые я вскрыл и положил ему на стол, расставив их по степени важности. Он велел мне отвечать на них от его имени; иногда он сам писал ответы, но не часто.

В десять часов вошел метрдотель и объявил завтрак, сказав: "Генерал подан". Мы пошли завтракать, и трапеза была чрезвычайно простой. Он почти каждое утро ел курицу, заправленную маслом и луком. Кажется, тогда это блюдо называлось "пуле по-провансальски", но с тех пор наши рестораторы присвоили ему более амбициозное название "пуле по-маренго".

Бонапарт пил мало вина, всегда либо кларет, либо бургундское, причем предпочитал последнее. После завтрака, так же как и после ужина, он выпивал чашку крепкого кофе.

—[Мсье Брийя де Саварен, память о котором дорога всем гурманам, установил в качестве гастрономического принципа, что "тот, кто не пьет кофе после каждого приема пищи, несомненно, человек без вкуса". — Бурьен.]—

Я никогда не видел, чтобы он что-нибудь ел в перерывах между приемами пищи, и не могу представить, что могло послужить поводом для утверждения, что он особенно любил кофе. Когда он работал допоздна, то заказывал не кофе, а шоколад, чашечку которого он заставлял меня взять с собой. Но это случалось только тогда, когда наше дело затягивалось до двух или трех часов ночи.

Все, что было сказано о неумеренном употреблении Бонапартом нюхательного табака, имеет под собой не больше оснований, чем его притворное пристрастие к кофе. Это правда, что в ранний период своей жизни он начал нюхать табак, но очень редко и всегда из коробочки; и

если он и имел какое-то сходство с Фридрихом Великим, то не тем, что набивал нюхательным табаком жилетные карманы, поскольку, я должен еще раз заметить, он доводил свои представления о личной опрятности до чрезмерной степени.

У Бонапарта были две главные страсти - слава и война. Никогда он не был так весел, как в лагере, и никогда так угрюм, как в мирное время. Планы строительства общественных памятников также радовали его воображение и заполняли пустоту, вызванную отсутствием активных занятий. Он знал, что памятники составляют часть истории народов, о цивилизации которых они свидетельствуют на протяжении веков после того, как те, кто их создал, исчезли с лица земли, и что они также часто являются ложным свидетельством отдаленным потомкам о реальности просто сказочных завоеваний. Бонапарт, однако, ошибся в способе достижения цели, которую он имел в виду. Его шифры, его трофеи, а впоследствии и его орлы великолепно украсили памятники его правления. Но зачем ему понадобилось ставить фальшивые инициалы на вещах, к которым ни он, ни его правление не имели никакого отношения, как, например, к старому Лувру? Неужели он вообразил, что буква "Н", которая повсюду бросалась в глаза, обладала неким очарованием, способным опровергнуть исторические свидетельства или изменить ход времени?

—[При Людовике XVIII. вернувшись в Тюильри в 1814 году, он обнаружил, что Бонапарт был отличным арендатором и что он оставил все в очень хорошем состоянии.]—

Как бы то ни было, Бонапарт хорошо знал, что изобразительное искусство влечет за собой непреходящую славу великих деяний и освящает память о принцах, которые защищают и поощряют их. Он не раз говорил мне: "Громкая репутация - это громкий шум; чем больше ее поднимают, тем дальше это слышно. Законы, учреждения, памятники, нации - все рушится; но шум продолжается и звучит в последующие века". Это была одна из его любимых идей. "Моя власть, - говорил он в другое время, - зависит от моей славы, а моя слава - от моих побед. Моя власть рухнула бы, если бы я не поддерживал ее новой славой и новыми победами. Завоевание сделало меня тем, кто я есть, и только завоевание может поддержать меня". Это было тогда и, вероятно, всегда оставалось его преобладающей идеей, которая побуждала его постоянно сеять семена войны по Европе. Он думал, что если останется неподвижным, то упадет, и его мучило желание постоянно продвигаться вперед. Не совершить чего-то великого и решительного, по его мнению, означало ничего не делать. "Новорожденное правительство, - сказал он мне, - должно ослеплять и изумлять. Когда оно перестает это делать, оно падает". Тщетно было искать покоя у человека, который был самым беспокойством.

Его чувства к Франции теперь сильно отличались от тех, какими я их представлял в его юности. Он долго с негодованием лелеял воспоминания о завоевании Корсики, которую когда-то считал своей страной. Но это воспоминание было стерто, и можно было бы сказать, что теперь он горячо любил Францию. Его воображение воспламеняла сама мысль о том, что он увидит ее великой, счастливой и могущественной, которая, как первая нация в мире, диктует законы остальным. Он воображал, что его имя неразрывно связано с Францией и будет звучать в ушах потомков. Во всех своих действиях он терял из виду настоящий момент и думал только о будущем; поэтому во всех местах, где он прокладывал путь к славе, мнение Франции всегда присутствовало в его мыслях. Как Александр при Арбеле радовался не столько победе над Дарием, сколько тому, что за него проголосовали афиняне, так и Бонапарта при Маренго преследовала мысль о том, что скажут во Франции. Перед началом сражения Бонапарт мало думал о том, что ему следует делать в случае успеха, но очень много о том, что ему следует делать в случае разворота фортуны. Я упоминаю об этом как о факте, свидетелем которого я часто был, и предоставляю его братьям по оружию решать, всегда ли

его расчеты были верны. В его силах было многое сделать, ибо он рисковал всем и ничего не жалел. Его непомерное честолюбие подтолкнуло его к достижению власти; а власть, когда ею обладали, только усиливала его честолюбие. Бонапарт был полностью убежден в том, что мелочи часто решают величайшие события; поэтому он скорее наблюдал, чем провоцировал благоприятную возможность, и когда подходящий момент приблизился, он внезапно воспользовался им. Любопытно, что среди всех тревог войны и правительства страх перед бурбонами постоянно преследовал его, и Сен-Жерменское предместье всегда было для него угрожающим призраком.

Он не уважал человечество, которого, по сути, презирал все больше и больше по мере того, как знакомился с ними. В нем это неблагоприятное мнение о человеческой природе оправдывалось многими вопиющими примерами низости, и он часто повторял: "Есть два рычага, которыми можно двигать людьми, — интерес и страх". В самом деле, какое уважение мог питать Бонапарт к претендентам на сокровищницу оперы? В эту сокровищницу игорные дома вносили значительные суммы, часть которых шла на покрытие расходов этого великолепного театра. Остальное распределялось в виде тайных пожертвований, которые выплачивались по распоряжениям, подписанным Дюроком. Часто видели, как люди самых разных характеров подходили к маленькой двери на улице Рамо. Дама, которая некоторое время была фавориткой главнокомандующего в Египте и чей муж был злонамеренно выслан англичанами обратно, была частой посетительницей казначейства. По одному случаю там собирались выдающийся ученый и актер, знаменитый оратор и музыкант; по другому — казначей должен был произвести выплаты священнику, куртизанке и кардиналу.

Одним из величайших несчастий Бонапарта было то, что он не верил в дружбу и не чувствовал необходимости любить. Как часто я слышал, как он говорил: "Дружба — это всего лишь название; я никого не люблю. Я даже не люблю своих братьев. Возможно, Жозеф, немного, по привычке и потому, что он старше меня; и Дюрок, я его тоже люблю. Но почему? Потому что его характер мне нравится. Он суров и решителен; и я действительно верю, что этот парень никогда не проронил ни слезинки. Что касается меня, то я очень хорошо знаю, что у меня нет настоящих друзей. Пока я остаюсь тем, кто я есть, у меня может быть столько мнимых друзей, сколько мне заблагорассудится. Оставь чувствительность женщинам; это их дело. Но люди должны быть тверды сердцем и целеустремленны, иначе они не должны иметь ничего общего с войной или правительством".

В своих общественных отношениях Бонапарт отличался дурным нравом, но его приступы дурного настроения рассеивались, как облако, и проявлялись в словах. Его грубые высказывания и горькие проклятия часто были преднамеренными. Когда он собирался сделать кому-либо выговор, ему нравилось, чтобы при этом присутствовал свидетель. Затем он говорил самые резкие вещи и наносил удары, которые мало кто мог выдержать. Но он никогда не поддавался этим неистовым вспышкам ярости, пока не получил несомненных доказательств неправомерного поведения тех, против кого они были направлены. В сценах подобного рода я часто наблюдал, что присутствие третьего лица, казалось, придавало ему уверенности. Следовательно, в беседе "тет-а-тет" любой, кто знал его характер и мог сохранять достаточное хладнокровие и твердость, был уверен, что возьмет над ним верх. Он сказал своим друзьям на острове Святой Елены, что в таких случаях он допускал третьего человека только для того, чтобы удар разнесся дальше. Это не было его настоящим мотивом, иначе лучшим способом было бы разыграть сцену на публике. У него были и другие причины. Я заметил, что он не любил "тет-а-тет"; и когда он ожидал кого-нибудь, он заранее говорил мне: "Буррьен, ты можешь остаться"; а когда объявлялся кто-нибудь, кого он не ожидал, как министра или генерала, если я вставал, чтобы уйти, он говорил полушепотом: "Оставайся на

месте". Конечно, это было сделано не для того, чтобы о том, что он сказал, стало известно за границей; ибо ни в моем характере, ни в моей обязанности не входило сплетничать о том, что я услышал. Кроме того, можно предположить, что те немногие, кто был допущен в качестве свидетелей на совещания Наполеона, были осведомлены о последствиях нескромных разоблачений при правительстве, которое было ознакомлено со всем, что было сказано и сделано.

Бонапарт питал глубокую неприязнь к кровожадным людям Революции, и особенно к цареубийцам. Он чувствовал, как тягостное бремя, обязанность лицемерить по отношению к ним. Он говорил со мной об ужасе по отношению ко всем тем, кого он называл убийцами Людовика XVI, и его раздражала необходимость нанимать их и относиться к ним с видимым уважением. Сколько раз он не говорил Камбасересу, ущипнув его за ухо, чтобы своей обычной фамильярностью смягчить горечь замечания: "Мой дорогой друг, ваше дело ясно; если когда-нибудь бурбоны вернутся, вы будете повешены!" Тогда натянутая улыбка разглаживала мертвенно-бледное лицо Камбасереса, и обычно это был единственный ответ Второго консула, который, однако, однажды сказал при мне: "Ну, ну, хватит шуток".

Единственное, что доставляло Бонапарту огромное удовольствие во время пребывания за городом, - это видеть высокую, стройную женщину, одетую в белое, прогуливающуюся по аллее с тенистыми деревьями. Он терпеть не мог цветные платья, особенно темные. К толстым женщинам он испытывал непреодолимую антипатию и не мог вынести вида беременной женщины; поэтому редко случалось, чтобы женщину в таком положении приглашали на его вечеринки. Он обладал всеми необходимыми качествами для того, чтобы быть тем, кого в обществе называют приятным человеком, за исключением желания быть таковым. Его манеры были скорее внушительными, чем приятными, и те, кто не знал его хорошо, испытывали в его присутствии невольное чувство благоговения. В гостиной, где Жозефина оказывала почести с таким изяществом и приветливостью, царили веселье и непринужденность, и никто не чувствовал присутствия начальника; но при появлении Бонапарта все изменилось, и все взгляды были устремлены на него, чтобы прочесть на его лице настроение, намеревался ли он быть молчаливым или разговорчивым, скучным или веселым.

Он часто много говорил, а иногда и чересчур много; но никто не мог рассказать историю в более приятной и интересной форме. Его разговор редко касался веселых или юмористических тем и никогда - тривиальных вопросов. Он так любил поспорить, что в пылу дискуссии было легко вытянуть из него секреты, которые он больше всего хотел скрыть. Иногда, в узком кругу, он развлекал себя рассказами о предчувствиях и видениях. Для этого он всегда выбирал вечерние сумерки и готовил своих слушателей к грядущему каким-нибудь торжественным замечанием. В одном случае такого рода он сказал очень серьезным тоном: "Когда смерть настигает человека, которого мы любим и который находится далеко от нас, предчувствие почти всегда указывает на это событие, и умирающий человек является нам в момент своего распада". Затем он немедленно рассказал следующий анекдот: "Дворянин при дворе Людовика XIV. находился в галерее Версаля в то время, когда король зачитывал своим придворным сводку о битве при Фридлингене, выигранной Вилларом. Внезапно джентльмен увидел в дальнем конце галереи призрак своего сына, служившего под началом Виллара. Он воскликнул: "Моего сына больше нет!" - и в следующее мгновение король причислил его к мертвым".

В путешествиях Бонапарт был особенно разговорчив. В пылкой беседе, которая всегда отличалась оригинальностью и интересными идеями, он иногда намекал на свои будущие взгляды или, по крайней мере, говорил вещи, рассчитанные на то, чтобы раскрыть то, что он

хотел скрыть. Я взял на себя смелость упомянуть ему об этой неосмотрительности, и он отнюдь не обиделся, а признал свою ошибку, добавив, что не осознавал, что зашел так далеко. Он откровенно признал эту неосторожность, когда был на острове Святой Елены.

Когда он был в хорошем настроении, его обычные знаки доброты заключались в легком похлопывании по голове или легком ущипке за ухо. В своих самых дружеских беседах с теми, кого он посвящал в свою близость, он говорил: "Ты дурак", "простофиля", "дурочка", "болван". Эти и несколько других слов подобного значения позволяли ему разнообразить свой список комплиментов; но он никогда не употреблял их сердито, и тон, которым они были произнесены, достаточно ясно указывал на то, что они были сделаны по доброте душевной.

У Бонапарта было много необычных привычек и вкусов. Всякий раз, когда он испытывал какое-либо раздражение или когда какая-нибудь неприятная мысль занимала его ум, он напевал что-то, совсем не похожее на мелодию, потому что его голос был очень немusыкальным. В то же время он садился за письменный стол и так сильно раскачивался в кресле, что я часто боялся, как бы он не упал.

Затем он вымещал свое дурное настроение на правом подлокотнике своего кресла, уродуя его перочинным ножом, который, казалось, хранил только для этой цели. Я всегда заботился о том, чтобы держать для него наготове хорошие ручки; поскольку расшифровывать его почерк входило в мои обязанности, я был очень заинтересован в том, чтобы сделать его разборчивым.

Звук колоколов всегда вызывал у Бонапарта приятные ощущения, которые я никогда не мог объяснить. Когда мы были в Мальмезоне и прогуливались по аллее, ведущей к равнине Рюэль, сколько раз колокол деревенской церкви прерывал наши самые серьезные разговоры!

Он останавливался, чтобы шум наших шагов не заглушил ни малейшей части этого восхитительного звука. Он был почти зол на меня за то, что я не испытала тех впечатлений, которые испытал он. Звук этих колокольчиков производил на него такое сильное впечатление, что его голос прерывался, когда он говорил: "Ах! это напоминает мне о первых годах, которые я провел в Бриенне! Тогда я был счастлив!" Когда смолкал звон колоколов, он возвращался к своим размышлениям, устремлялся в будущее, надевал корону на голову и свергал королей.

Нигде, кроме как на поле битвы, я не видел Бонапарта более счастливым, чем в садах Мальмезона. Когда открылось Консульство, мы обычно ходили туда каждую субботу вечером и оставались там все воскресенье, а иногда и понедельник. Бонапарт обычно проводил значительную часть своего времени в прогулках и наблюдении за усовершенствованиями, которые он заказал. Сначала он совершал экскурсии по окрестностям, но донесения полиции поколебали его природную уверенность и дали ему повод опасаться попыток скрытых сторонников-роялистов.

В течение первых четырех или пяти дней, которые Бонапарт провел в Мальмезоне, он развлекался после завтрака подсчетом доходов от этого владения. По его подсчетам, это составляло 8000 франков. "Это неплохо!" - сказал он. "Но для того, чтобы жить здесь, потребовался бы доход в 30 000 ливров!" Я не мог удержаться от улыбки, видя, что он всерьез занят такими подсчетами.

Бонапарт не верил в медицину. Он говорил о ней как об искусстве, основанном исключительно на предположениях, и его мнение по этому вопросу было пылким и неопровержимым. Его энергичный ум отвергал все доказательства, кроме наглядных.

У него была плохая память на имена собственные, слова или даты, но он прекрасно запоминал факты и места. Я помню, что по дороге из Парижа в Тулон он указал мне десять мест, предназначенных для великих сражений, и никогда их не забывал. Это были воспоминания о его первых юношеских путешествиях.

Бонапарт был нечувствителен к очарованию поэтической гармонии. У него не хватало слуха даже для того, чтобы почувствовать ритм поэзии, и он никогда не мог произнести ни одного стиха, не нарушая размер; и все же великие идеи поэзии очаровывали его. Он абсолютно боготворил Корнеля; и однажды, став свидетелем представления "Цинны", он сказал мне: "Если бы такой человек, как Корнель, жил в мое время, я бы назначил его своим премьер-министром. Больше всего я восхищаюсь не его поэзией, а его мощным пониманием, его обширным знанием человеческого сердца и его глубокой политикой!" На острове Святой Елены он сказал, что сделал бы Корнеля принцем; но в то время, когда он говорил мне о Корнеле, у него и в мыслях не было создавать ни принцев, ни королей.

Галантность по отношению к женщинам ни в коем случае не была чертой характера Бонапарта. Он редко говорил женщинам что-либо приятное и часто отпускал в их адрес самые грубые и необычные замечания. Одной из них он говорил: "Боже, какие у тебя красные локти!" Другому: "Какой у тебя уродливый головной убор!" В другой раз он сказал бы: "Твое платье не самое чистое..... Ты когда-нибудь меняешь свое платье? Я видел тебя в этом двадцать раз!" Он не проявлял милосердия к любому, кто вызывал его недовольство по этим пунктам. Он часто давал Жозефине указания относительно ее туалета, и изысканный вкус, которым она отличалась, возможно, способствовал тому, что он стал придирчивее к костюмам других дам. Сначала он превыше всего ценил элегантность; позже он восхищался роскошью и великолепием, но всегда требовал скромности. Он часто выражал свое неодобрение платьям с глубоким вырезом, которые были так в моде в начале консульства.

Бонапарт не любил карты, и это было большой удачей для тех, кого приглашали на его вечеринки; ибо, когда он садился за карточный стол, как иногда считал себя обязанным, ничто не могло сравниться со скукой гостиней Люксембургского дворца или Тюильри. Когда, напротив, он прогуливался среди компании, все были довольны, потому что он обычно разговаривал со всеми, хотя предпочитал беседовать с людьми науки, особенно с теми, кто был с ним в Египте; как, например, с Монжем и Бертолле. Ему также нравилось беседовать с Шапталем и Ласепедом и с Лемерсье, автором "Агамемнона".

Бонапарт выглядел менее привлекательно в гостиней, чем во главе своих войск. Военная форма шла ему гораздо лучше, чем самое красивое платье любого другого вида. Его первые попытки надеть фрак оказались неудачными. Мне сообщили, что, когда он надел его в первый раз, он не снял свой черный галстук. Ему заметили это несоответствие, и он ответил: "Тем лучше; это придает мне вид военного, и в этом нет ничего плохого". Что касается меня, то я не видел черного галстука и не слышал этого ответа.

Первый консул очень пунктуально оплачивал свои личные счета, но он всегда запаздывал со счетами подрядчиков, которые заключали сделки с министрами о поставках товаров для государственной службы. Он откладывал эти выплаты под всевозможными предлогами и перетасовками. Отсюда возникла огромная задолженность по расходам и необходимость назначения ликвидационной комиссии. По его мнению, термины подрядчик и мошенник были синонимами. Все, что он уклонялся от уплаты им, он рассматривал как справедливое

возмещение себе; и все суммы, которые были сняты с их счетов, он рассматривал как сумму, вычтенную в результате кражи. Чем меньше министр платил из своего бюджета, тем больше Бонапарт был им доволен; и только этой разрушительной системой экономии можно объяснить кредит, которым Декре так долго пользовался за счет французского военно-морского флота.

Представления Бонапарта о религии были очень расплывчатыми. "Мой разум, - сказал он, - заставляет меня не доверять многим вещам; но впечатления моего детства и ранней юности повергают меня в неуверенность". Он очень любил говорить о религии. В Италии, в Египте, на борту "Востока" и "Мюирона" я знал, что он принимал участие в очень оживленных беседах на эту тему.

Он с готовностью отказался от всего, что было доказано против религии как дела рук людей и времени, но он и слышать не хотел о материализме. Я вспоминаю, что в одну прекрасную ночь, когда он был на палубе с несколькими людьми, которые спорили в пользу материализма, Бонапарт поднял руку к небу и, указывая на звезды, сказал: "Вы можете говорить сколько угодно, джентльмены, но кто все это создал?" Сохранение имени в памяти человека было для него бессмертием души. Он был совершенно терпим ко всем разновидностям религиозных верований.

Среди необычных привычек Бонапарта была привычка садиться за любой стол, который оказывался подходящей для него высоты. Он часто садился на меня, положив левую руку на мое правое плечо и покачивая левой ногой, которая не доставала до земли; и пока он диктовал мне, он так тряс стол, что я едва мог писать.

Бонапарт очень не любил пересматривать любое решение, даже когда оно признавалось несправедливым. Как в малом, так и в великом он проявлял свое отвращение к ретроградству. Пример этого произошел в деле генерала Латур-Фуа. Первый консул чувствовал, как сильно он обидел этого генерала, но ему хотелось, чтобы прошло некоторое время, прежде чем он исправит свою ошибку. Его сердце и его поведение расходились во мнениях, но его чувства были преодолены тем, что он считал политической необходимостью. Бонапарт никогда не говорил: "Я поступил неправильно", - его обычным замечанием было: "Я начинаю думать, что здесь что-то не так".

Несмотря на такого рода чувства, которые были более достойны мрачного философа, чем главы правительства, Бонапарт не был ни злобным, ни мстительным. Я, конечно, не могу защитить его от всех упреков, которые он навлек на себя в силу непререкаемого закона войны и жестокой необходимости; но я могу сказать, что его часто обвиняли несправедливо. Никто, кроме тех, кто ослеплен яростью, не назовет его Нероном или Калигулой. Я думаю, что признал его недостатки с достаточной откровенностью, чтобы заслужить доверие, когда я говорю о его похвалах; и я заявляю, что вне поля битвы у Бонапарта было доброе и чувствующее сердце. Он очень любил детей - черта, которая редко отличает плохого человека. В личной жизни назвать его дружелюбным было бы не слишком сильным словом, и он был очень снисходителен к слабостям человеческой натуры. Противоположное мнение слишком прочно укоренилось в некоторых умах, чтобы я мог надеяться искоренить его. Боюсь, у меня найдутся противоречия, но я обращаюсь к тем, кто ищет истину. Чтобы судить беспристрастно, мы должны принимать во внимание влияние, которое время и обстоятельства оказывают на людей, и различать различные характеры члена Коллегии, генерала, консула и императора.

ГЛАВА XXIX.

1800.

Законы Бонапарта—Подавление праздника 21 января—Визиты официальных лиц—Храм—Людовик XVI. и сэр Сидни Смит—Казнокрадство во время Директории—Привлеченный заем—Скромный бюджет —Консул и член Института—Деятель Республики—Миссии Дюрока—Король Пруссии—Император Александр—Генерал Латур-Фуа—Сакс—Произвольный указ—Труппа игроков за Египет—Необычные идеи в отношении литературной собственности—Подготовительное консульство—Дневники—Сабли и мушкеты чести—Первый консул и его товарищ—Бюст Брута— Статуи в галерее Тюильри—Секции Государственного совета—Костюмы общественных деятелей— Маскарады-Опера—балы-Воспоминание об изгнанниках.

В мои намерения не входит много говорить о законах, декретах и "Консультациях Сената", которые Первый консул либо принял, либо заставил быть принятыми после своего прихода к власти, какими они все были, за исключением Гражданского кодекса? Законодательные мечтания разных людей, которые время от времени правили Францией, образуют огромный лабиринт, в котором махинации сбивают с толку разум и здравый смысл; и они давно были бы преданы забвению, если бы иногда не служили оправданием несправедливости. Однако я не могу пройти мимо счастливого эффекта, произведенного в Париже и по всей Франции некоторыми из первых решений консулов. Возможно, никто, кроме тех, кто был свидетелем состояния общества во время правления террора, не может в полной мере оценить удовлетворение, которое первые шаги по восстановлению общественного порядка вызвали в сердцах всех честных людей. Директория, более подлая и не менее извращенная, чем Конвент, сохранила ужасное 21 января среди праздников Республики. Одной из первых идей Бонапарта по обретению власти было отменить это; но таково было влияние подстрекателей к этому ужасному событию, что он не мог отважиться на прямой курс. Он и двое его коллег, Сийес и Роже Дюко, подписали 5-го числа Нивоса указ, в котором говорилось, что в будущем Республика будет отмечать только 1 Вандемьера и 14 июля, намереваясь таким образом временно увековечить память об основании Республики и свободы.

У Бонапарта все было рассчитано. Производить эффект было его высшим удовлетворением. Таким образом, он не упускал ни одной возможности сказать или сделать что-либо, рассчитанное на то, чтобы ослепить толпу. Находясь в Люксембурге, он иногда отправлялся со своими "адъютантами", а иногда и с министром, чтобы нанести определенные официальные визиты. Я не сопровождал его в этих случаях, но почти всегда по возвращении, после обеда или вечером, он рассказывал мне о том, что сделал и сказал. Он поздравил себя с посещением Добентона в Ботаническом саду и с большим самодовольством говорил о том, как изысканно он обошелся с современником Бюффона.

24 Брюмера он посетил тюрьмы. Ему нравилось наносить эти визиты неожиданно и заставить врасплох руководителей различных государственных учреждений, чтобы, не имея времени на приготовления, он мог видеть вещи такими, какими они были на самом деле. Когда он вернулся, я был в его кабинете, поскольку в его отсутствие мне нужно было уладить множество дел. Войдя, он воскликнул: "Что за скоты эти директора! До какого состояния они довели наши общественные учреждения! Но задержитесь ненадолго! Я приведу все в порядок. Тюрьмы находятся в ужасающе нездоровом состоянии, а заключенных плохо кормят. Я допросил их, и я допросил тюремщиков, потому что у начальства ничему нельзя научиться. Они, конечно, всегда хорошо отзываются о своей работе! Когда я был в Тампле, я не мог не думать о несчастном Людовике XVI. Он был прекрасным человеком, но слишком дружелюбным, слишком мягкосердечным для того времени. Он не знал, как обращаться с человечеством! И сэр Сидни Смит! Я заставил их показать мне его квартиру. Если бы эти дураки не позволили ему сбежать, я бы захватил Сен-Жан д'Акр! С этой тюрьмой связано слишком много болезненных воспоминаний! Я обязательно добьюсь, чтобы ее когда-нибудь снесли! Как вы думаете, что я делал в Храме? Я приказал принести мне книги тюремщиков и, обнаружив, что некоторые заложники все еще находятся в заключении, освободил их. "Несправедливый закон, - сказал я, - лишил вас свободы; мой первейший долг - вернуть ее вам". "Разве это не было хорошо сделано, Бурьен?" Поскольку я был не меньшим врагом революционных законов, чем сам Бонапарт, я искренне поздравил его; и он отнесся к моему одобрению с пониманием, потому что я не привык при каждом удобном случае приветствовать его словами "Хорошо, очень хорошо". Это правда, зная его характер, я избегал говорить что-либо, что могло бы оскорбить его; но когда я ничего не говорил, он очень хорошо знал, как истолковать мое молчание. Если бы я польстил ему, то дольше оставался бы в фаворе".

Бонапарт всегда сердито отзывался о директорах, которых он увольнял. Их неспособность вызвала у него отвращение и изумление. "Какие простаки! что за правительство!" он часто восклицал, когда заглядывал в показатели Директории. "Бурьен, - сказал он, - можете ли вы представить себе что-нибудь более жалкое, чем их финансовая система? Можно ли хоть на минуту усомниться в том, что главные представители власти ежедневно совершали самые мошеннические хищения? Какая продажность! какой беспорядок! какая расточительность! все, что было выставлено на продажу: места, провизия, одежда и военные, - все было выброшено. Разве они на самом деле не израсходовали 75 000 000 авансом? И потом, подумайте обо всех накопленных скандальных состояниях, обо всех злоупотреблениях! Но неужели нет никаких средств вернуть их? Посмотрим".

В эти первые минуты нищеты оказалось необходимым получить ссуду, поскольку средств г-на Колло хватило ненадолго, и 12 000 000 были предоставлены различными банкирами Парижа, которые, как я полагаю, были оплачены векселями генерального распорядителя, скидка по которым тогда составляла около 33 процентов. Жалованье первых чиновников было не очень значительным и не шло ни в какое сравнение с непомерными стипендиями Империи.

Жалованье Бонапарта было установлено на уровне 500 000 франков. Какой контраст с 300 000 000 золотом, которое, как сообщалось, было спрятано в 1811 году в подвалах Тюильри!

Упомянув о назначении Бонапарта в Институт и о его манерности поставить во главе своего заявления титул члена этого ученого органа перед титулом главнокомандующего, я не стал указывать, какое значение он действительно придавал этому титулу. Правда в том, что, будучи молодым и амбициозным, он был доволен предложенным титулом, который, как он думал, повысит его в глазах общественности. Как часто мы вместе смеялись, когда он

взвешивал ценность своих научных званий! Бонапарт, конечно, кое-что смыслил в математике, неплохо разбирался в истории и, нет нужды добавлять, обладал необычайным военным талантом; но, тем не менее, он был бесполезным членом Института.

По возвращении из Египта он начал уставать от звания, которое давало ему так много коллег. "Вам не кажется, - сказал он мне однажды, - что в словах "Имею честь быть, мой дорогой коллега" есть что-то подлое и унижительное? Я устал от этого!" Вообще говоря, все фразы, указывающие на равенство, вызывали у него неудовольствие. Следует помнить, как он был доволен тем, что я не обратился к нему во втором лице единственного числа при нашей встрече в Леобене, а также тем, что случилось с г-ном де Коминжем в Бале, потому что он не соблюдал ту же предосторожность.

Фигура Республики, сидящей с копьем в руке, которая в начале консульства была проставлена на официальных письмах, была быстро упразднена. Было бы счастливо, если бы сама Свобода не подвергалась такому же обращению, как и ее эмблема! Титул Первого консула вызывал у него презрение к званию члена Института. Он больше не питал ни малейшего пристрастия к этому ученому обществу и впоследствии относился к нему с большим подозрением. Это был орган, уполномоченное собрание; у него было достаточно причин обижаться на это, и он никогда не скрывал своей неприязни ко всем органам, обладающим привилегией собираться и совещаться.

Пока мы были в Люксембурге, Бонапарт отправил Дюрока со специальной миссией к королю Пруссии. Это произошло, я думаю, в самом начале 1800 года. Он выбрал Дюрока, потому что тот был человеком с хорошим образованием и приятными манерами, а также тем, кто умел выражать себя с элегантною и сдержанностью - качествами, не часто встречающимися в то время. Дюрок был с нами в Италии, в Египте и на борту "Мюирона", и консул легко догадался, что король Пруссии был бы рад услышать от очевидца события кампаний Бонапарта, особенно осаду Сен-Жан-д'Акра и сцены, которые происходили в марте и мае в Яффо. Кроме того, Первый консул счел необходимым сообщить такие косвенные подробности таким образом, чтобы не оставалось сомнений в их правильности. Его намерения были полностью реализованы; по возвращении Дюрок сказал мне, что почти весь его разговор с королем был посвящен Сен-Жан-д'Акру и Яффе. Он пробыл с его величеством почти целых два часа, и на следующий день тот пригласил его на ужин. Когда это известие дошло до Люксембурга, я понял, что глава республики был польщен тем, что один из его адъютантов сел за стол с королем, который несколько лет спустя был обречен ждать его в своей приемной в Тильзите.

Дюрок никогда не говорил о политике с королем Пруссии, что было большой удачей, поскольку, учитывая его возраст и исключительно военную жизнь, которую он вел, вряд ли можно было ожидать, что он избежит грубых ошибок. Некоторое время спустя, после смерти Павла I., его послали поздравить Александра с восшествием на престол. Замысел Бонапарта, сделавшего таким образом выбор в пользу Дюрока, состоял в том, чтобы представить ко двору Европы с помощью конфиденциальных миссий молодого человека, к которому он был очень привязан, а также выдвинуть его во Франции. Дюрок отправился в свою третью командировку в Берлин после начала войны с Австрией. Он часто писал мне, и его письма убедили меня, насколько он стал лучше за короткое время.

Другое обстоятельство, произошедшее в начале консульства, служит примером непреклонности Бонапарта, когда он однажды принял решение. Весной 1799 года, когда мы были в Египте, Директория передала генералу Латур-Фуассак, в высшей степени выдающемуся офицеру, командование Мантуей, взятие которой внесло столь значительный

вклад в славу завоевателя Италии. Вскоре после назначения Латура на этот важный пост австрийцы осадили Мантую. Было хорошо известно, что гарнизон был снабжен провизией и боеприпасами для длительного сопротивления, однако в июле месяце он сдался австрийцам. Акт о капитуляции содержал любопытную статью, а именно. "Генерал Латур-Фуа и его штаб будут препровождены в Австрию в качестве военнопленных; гарнизону будет разрешено вернуться во Францию". Это различие между генералом и вверенными ему войсками и в то же время быстрая капитуляция Мантуи были обстоятельствами, которые, следует признать, были рассчитаны на то, чтобы возбудить подозрения у Латур-Фуа. Следствием этого было то, что, когда Бернадотт был назначен военным министром, он приказал провести расследование поведения генерала военным трибуналом. Едва вернувшись во Францию, Латур-Фуа опубликовал оправдательный документ, в котором доказывал невозможность более длительной защиты, когда ему не хватало многих предметов первой необходимости.

Таково было положение дел после возвышения Бонапарта до консульской власти. Потеря Мантуи, овладение которой стоило ему стольких жертв, возбудила его негодование до такой степени, что всякий раз, когда упоминалась эта тема, он не мог найти слов, чтобы выразить свою ярость. Он прекратил расследование военного трибунала и издал жестокий указ против Латур-Фуа еще до того, как его вина была доказана. Это разбирательство вызвало много дискуссий и вызвало крайнее недовольство многих высших офицеров, которые из-за этого произвольного решения оказались под угрозой лишения привилегии предстать перед своими естественными судьями всякий раз, когда им случалось вызвать неудовольствие Первого консула. Со своей стороны, я должен сказать, что этот указ против Латур-Фуа был одним из тех, который, как я видел, был издан с большим сожалением. Я был встревожен последствиями. По прошествии нескольких дней я осмелился указать ему на чрезмерную суровость принятого им шага; я напомнил ему обо всем, что было сказано в пользу Латур-Фуа и попытался убедить его, насколько справедливее было бы позволить процессу завершиться. "В такой стране, - сказал я, - как Франция, где вопрос чести стоит превыше всего, невозможно, чтобы Фуассак избежал осуждения, если он виновен". — "Возможно, вы правы, Буррьен, - возразил он, - но удар нанесен; декрет издан. Я давал одно и то же объяснение каждому; но я не могу так внезапно вернуться по своим следам. Перейти на новый уровень - значит потеряться. Я не могу признать себя неправым. Постепенно мы увидим, что можно сделать. Время принесет снисхождение. В настоящее время это было бы преждевременно". Таков, слово в слово, был ответ Бонапарта. Если сравнить с этим то, что он сказал по этому поводу на острове Святой Елены, то окажется, что его идеи почти не изменились; единственное отличие состоит в том, что вместо стремительности 1800 года он выражал свои мысли со спокойствием, которое естественно порождает время и невзгоды.

—["Это был, - говорится в "Мемориале Святой Елены", - незаконный и тиранический акт, но все же это было неизбежное зло. В этом был виноват закон. Он был стократно, нет, тысячекратно виновен, и все же было сомнительно, что его осудят. Поэтому мы обрушили на него стрелы чести и общественного мнения. И все же я повторяю, что это был тиранический акт и одна из тех насильственных мер, которые порой необходимы в великих нациях и в чрезвычайных обстоятельствах".] —

Бонапарт, как я уже отмечал, любил контрасты; и я помню, что в то самое время, когда он так яростно выступал против Латур-Фуа, он снизошел до того, что занялся составлением труппы актеров, которую он хотел отправить в Египет, или, скорее, делал вид, что хочет отправить туда, потому что объявление о таком проекте производило впечатление о процветающем

состоянии нашей восточной колонии. Консулы серьезно назначили министра внутренних дел для выполнения этого дела, а министр, в свою очередь, передал свои полномочия Флоренс, актеру. В своих инструкциях министру консулы отметили, что было бы целесообразно включить в труппу несколько танцовщиц; предложение, которое соответствует записке Бонапарта, в которой было указано все, что он считал необходимым для египетской экспедиции.

У первого консула были странные представления о литературной собственности. Услышав, что в Одеоне показали пьесу, озаглавленную "Мизантропия и покаяние", он сказал мне: "Буррьен, вас ограбили". — "Я, генерал? как?" — "Говорю вам, вас ограбили, и теперь они разыгрывают вашу роль". Я уже упоминал, что во время моего пребывания в Варшаве я развлекался переводом знаменитой пьесы Коцебу. Пока мы были в Италии, я дал почитать Бонапарту свой перевод, и он выразил большое удовлетворение. Он очень восхищался пьесой и часто ходил смотреть, как ее ставят в Одеоне. По возвращении он неизменно приводил мне новые доводы в пользу моих притязаний на то, что он с удовольствием называл моей собственностью. Я объяснил ему, что перевод иностранного произведения принадлежит любому, кто решит его выполнить. Однако он не отказался от своей точки зрения, и я был вынужден заверить его, что мои занятия на службе у него не оставляют мне времени на литературный судебный процесс. Затем он взял с меня обещание перевести "Вертера" Гете. Я сказал ему, что это уже сделано, хотя и безразлично, и что я, возможно, не смогу посвятить этому предмету то время, которого он заслуживает. Я прочел ему одно из писем, которое я перевел на французский и которое, по-видимому, ему понравилось.

Тот период консульского правления, в течение которого Бонапарт оставался в Люксембурге, можно назвать подготовительным консульством. Тогда были посеяны семена великих событий, о которых он размышлял, и тех институтов, которыми он хотел ознаменовать свое обладание властью. Тогда он был, если можно так выразиться, двумя личностями в одном лице: генералом-республиканцем, который был вынужден казаться защитником свободы и принципов Революции; и приверженцем честолюбия, тайно замышлявшим падение этой свободы и этих принципов.

Я часто удивлялся непревзойденному мастерству, с которым он ухитрялся обманывать тех, кто, вероятно, разгадывал его замыслы. Это лицемерие, которое кто-то, возможно, назовет глубокой политикой, было необходимо для осуществления его проектов; и иногда, словно для того, чтобы оставаться практичным, он прибегал к нему в вопросах второстепенной важности. Например, его мнение о ненасытной алчности Сийеса хорошо известно; однако, когда он предложил в своем послании Совету древних выплатить своему коллеге под названием "Национальное вознаграждение" плату за его послушное отделение, это было, по словам послания, достойным вознаграждением за его бескорыстные добродетели.

Находясь в Люксембурге, Бонапарт консульским актом продемонстрировал свою ненависть к свободе печати превыше всех свобод, ибо он никого не любил. 27-го числа консулы, или, скорее, Первый консул, опубликовали указ, реальная цель которого явно противоречила его предполагаемой цели.

В этом указе говорилось, что:

Консулы Республики, считая, что некоторые журналы, печатающиеся в Париже, являются орудиями в руках врагов Республики, следить за сохранностью которых правительству специально поручено народом Франции, постановляют:

Что министр полиции во время продолжения войны разрешит печатать только следующие журналы, а именно: (список из 20 публикаций)

..... и те статьи, которые посвящены исключительно науке, искусству, литературе, коммерции и рекламе.

Несомненно, этот указ вполне можно рассматривать как подготовительный; и процитированный мною фрагмент может служить стандартом для оценки большей части тех действий, с помощью которых Бонапарт стремился добиться для укрепления своей власти того, чего он, казалось, добивался исключительно в интересах друзей Республики. Ограничение сроком продолжения войны носило также определенный временный характер, который давал надежду на будущее. Но все временное по своей природе очень эластично, и Бонапарт знал, как растягивать его до бесконечности. Более того, в указе говорилось, что если какой-либо из неподсудных журналов опубликует статьи, направленные против суверенитета народа, они будут немедленно подавлены. По правде говоря, даже после коронации императора к этому вопросу было проявлено большое снисхождение.

Вручение почетных мечей и мушкетов также зародилось в Люксембурге; и эта практика, без сомнения, была подготовительным шагом к учреждению ордена Почетного легиона.

—["Почетное оружие", декрет от 25 декабря 1799 года. Мушкеты для пехоты, карабины для кавалерии, гранаты для артиллерии, шпаги для офицеров. Гувийон Сен—Сир получил первый меч (Тьер, том I, стр. 126).]—

Сержант-гренадер по имени Леон Эун, который был включен в первую рассылку, легко получил разрешение написать Первому консулу с благодарностью. Бонапарт, желая ответить ему от своего имени, продиктовал мне следующее письмо для Эуне:

Я получил твое письмо, мой храбрый товарищ. Тебе не нужно было рассказывать мне о своих подвигах, потому что ты самый храбрый гренадер во всей армии со времен смерти Бенезете. Ты получил одну из ста сабель, которые я раздал армии, и все согласились, что ты больше всего этого заслужил.

Я очень хочу снова увидеть тебя. Военный министр посылает вам приказ прибыть в Париж.

Это льстивое отношение чудесным образом способствовало планам Бонапарта. Его письмо Эуне не могло не быть распространено по армии. Сержант, которого Первый консул — Первый генерал Франции — назвал "Моим храбрым товарищем"! Кто, кроме убежденного республиканца, стойкого друга равенства, мог так поступить? Этого было достаточно, чтобы разжечь энтузиазм армии. В то же время следует признать, что Бонапарт начал находить Люксембург слишком маленьким для себя, и в Тюильри начались приготовления.

Тем не менее, этот великий шаг к восстановлению монархии должен был быть тщательно подготовлен. Важно было покончить с идеей, что никто, кроме короля, не может занимать дворец наших древних королей. Что было делать? Очень красивый бюст Брута был привезен из Италии. Брут был разрушителем тиранов! Это была та самая вещь, и Давиду было поручено поместить ее в галерею Тюильри. Могло ли быть большее доказательство ужаса консула перед тиранией?

Спать в Тюильри, в спальне королей Франции, было всем, чего хотел Бонапарт; остальное последует в свое время. Он был готов удовлетвориться установлением принципа, последствия которого должны были быть впоследствии выведены. Отсюда и манерность никогда не упоминать в официальных актах название Тюильри, а называть это место

Дворцом правительства. Первые приготовления были скромными, ибо не подобает хорошему республиканцу увлекаться пышностью. Соответственно, Леконт, который в то время был архитектором Тюильри, просто получил приказ привести дворец в порядок - выражение, которое могло иметь несколько значений, - после состоявшихся там собраний. Для этой цели было достаточно суммы в 500 000 франков. Целью Бонапарта было скрыть, насколько это возможно, то значение, которое он придавал смене своего консульского местонахождения. Но для обустройства апартаментов Первого консула потребовались небольшие расходы. Простые украшения, такие как мрамор и статуи, должны были украсить правительственный дворец.

Ничто не ускользало от внимания Бонапарта. Таким образом, он не просто наугад выбрал статуи великих людей для украшения галереи Тюильри. Среди греков он остановил свой выбор на Демосфене и Александре, отдавая таким образом дань уважения одновременно гению красноречия и гению победы. Статуя Ганнибала должна была увековечить память о самом грозном враге Рима; а сам Рим был представлен в Консульском дворце статуями Сципиона, Цицерона, Катона, Брута и Цезаря — победителя и приносящего жертву, установленных бок о бок. Среди великих людей современности он отдал первое место Густаву Адольфу, а затем Тюренну и великому Конде, Тюренну в честь его военного таланта, а Конде - чтобы доказать, что в воспоминаниях о бургундии нет ничего страшного. Память о славных днях французского военно-морского флота была возрождена статуей Дугаи Труэна. Мальборо и принц Евгений также заняли свои места на галерее, как бы в подтверждение бедствий, ознаменовавших конец великого правления; и маршал Сейдж, чтобы показать, что правление Людовика XV было не лишено славы. Статуи Фредерика и Вашингтона были символами ложной философии на троне и истинной мудрости, основывающей свободное государство. Наконец, имена Дюгомье, Дампьера и Жубера должны были свидетельствовать о высоком уважении, которое Бонапарт питал к своим старым товарищам — этим прославленным жертвам дела, которое теперь перестало быть его делом.

Читатель уже был проинформирован о попытках Бонапарта склонить Англию и Австрию к переговорам с Консульским правительством, которое король Пруссии первым из европейских государей признал. Поскольку эти попытки оказались безуспешными, возникла необходимость вести войну с новой силой, а также объяснить, почему мир, который был обещан в начале консульства, все еще оставался ничем иным, как обещанием. Во исполнение этих двух целей Бонапарт обратился к армиям с энергичным воззванием, примечательным тем, что за ним не последовало обычных священных слов: "Да здравствует Республика!"

В то же время Бонапарт завершил формирование Государственного совета и разделил его на пять секций: (1) Внутренние дела; (2) финансы; (3) Морская пехота; (4) Военное министерство; (5) Законодательство. Он установил жалованье государственным советникам в размере 25 000 франков, а председателям секций - в размере 30 000 франков. Он определил костюм консулов, министров и различных государственных органов. Это привело к повторному введению бархата, который был запрещен при старом режиме, и поощрение лионских мануфактур было предполагаемой причиной использования этого нереспубликанского изделия в различных нарядах, таких как наряды консулов и министров. Постоянной целью Бонапарта было уничтожить Республику даже в самых незначительных мелочах и подготовить дело так хорошо, чтобы после восстановления обычаев монархии оставалось только одно слово, которое можно было бы изменить.

Я никогда не помню, чтобы видел Бонапарта в консульской одежде, которую он ненавидел и которую носил только потому, что долг требовал от него этого на публичных церемониях.

Единственная одежда, которая ему нравилась и в которой он чувствовал себя непринужденно, была та, в которой он покорил древний Эридан и Нил, а именно форма Проводников, к которой корпус Бонапарта всегда был искренне привязан.

Маскарад официальных платьев был не единственным, который Бонапарт призвал на помощь своей политике. В тот период VIII года, что соответствовало карнавалу 1800 года, в Париже начали возобновляться маскарады. В моду вошли переодевания, и Бонапарт одобрял возрождение старых развлечений; во-первых, потому, что они были старыми, а во-вторых, потому, что они были средством отвлечения внимания народа: поскольку он установил принцип, согласно которому на поле битвы необходимо разделить врага, чтобы победить его, он считал не менее целесообразным отвлечь людей, чтобы поработить их. Бонапарт не сказал "*rapem et circenses*", поскольку я полагаю, что его знание латыни не распространялось даже на эту хорошо известную фразу Ювенала, но он применил эту максиму на практике. Соответственно, он разрешил возобновить балы в опере, которые, как известно тем, кто жил в период Консульства, были важным событием в Париже. Некоторые с радостью рассматривали это как маленькое завоевание в пользу старого режима; а другие, которые именно по этой причине не одобряли его, были слишком поверхностны, чтобы понимать влияние малого на великие дела. Женщины и молодые люди не задумывались на эту тему, но охотно поддавались соблазнам наслаждения. Бонапарт, который был в восторге от того, что дал развлечение для сплетен в парижских салонах, сказал мне однажды: "Пока они болтают обо всем этом, они не болтают о политике, а это то, чего я хочу. Пусть они танцуют и развлекаются до тех пор, пока не суют свой нос в Правительственные советы; кроме того, Бурьен, - добавил он, - у меня есть другие причины поощрять это, я вижу в этом другие преимущества. Торговля в упадке; Фуше говорит мне, что поступают большие жалобы. Это пустит в оборот немного денег; кроме того, я настороже в отношении якобинцев. Все не так плохо, потому что не ново. Я предпочитаю оперные балы сатурналиям Богини Разума. Мне никогда так восторженно не аплодировали, как на последнем параде".

Незадолго до этого консульское решение иного и более важного характера, а именно при открытии Нивоза, принесло счастье многим семьям. Бонапарт, как всем известно, подготовил события 18-го Фруктидора, чтобы у него могли быть какие-то правдоподобные причины для свержения Директоров. Когда Директория была свергнута, он теперь стремился, по крайней мере частично, исправить то, что натворил 18-го Фруктидора. Поэтому он распорядился, чтобы министр полиции представил ему отчет о высланных лицах. На основании этого доклада он разрешил сорока из них вернуться во Францию, передав их под наблюдение министра полиции и определив им место жительства. Однако они недолго оставались под этими ограничениями, и многие из них вскоре были призваны занять высокие посты в правительстве. Было действительно естественно, что Бонапарт, все еще желающий, по крайней мере внешне, основать свое правительство на тех принципах умеренного республиканизма, которые стали причиной их изгнания, предложил им присоединиться к его взглядам.

Баррер написал оправдательное письмо Первому консулу, который, однако, не обратил на это внимания, поскольку не смог зайти так далеко, чтобы поддержать Баррера. Таким образом, Бонапарт принял в Советы Консульства людей, которые были сосланы Директорией, точно так же, как впоследствии он назначил эмигрантов и тех изгнанников Революции на высокие посты при Империи. Отличались только время и люди; намерение в обоих случаях было одно и то же.

ГЛАВА XXX

1800.

Бонапарт и Павел I.—Лорд Уитворт—Прибытие барона Спренгпортена в Париж—Восхищение Поля Бонапартом—Их тесная связь и переписка—Королевский вызов—Генерал Мак—Дорога в Мальмезон—Попытки покушения—Смерть Вашингтона—Национальный траур—Честолюбивый расчет—Месье де Фонтанель, искусный оратор —Праздник в храме Марса—Женитьба Мюрата на Каролине Бонапарт—Жемчуга мадам Бонапарт.

Первые контакты между Бонапартом и Павлом I. начались вскоре после его вступления в консульство. Затем ситуация стала выглядеть немного менее неблагоприятной для Франции; уже смутные сообщения из Швейцарии и с берегов Рейна указывали на холодность, существующую между русскими и австрийцами; и в то же время стали заметны симптомы недопонимания между дворами Лондона и Санкт-Петербурга. Первый консул, тем временем обнаруживший рыцарский и несколько эксцентричный характер Павла I, счел момент благоприятным для попытки разорвать узы, объединявшие Россию и Англию. Он был не из тех, кто упускает такую прекрасную возможность, и воспользовался ею со своей обычной проницательностью. Англичане незадолго до этого отказались включить в картель по обмену пленными 7000 россиян, захваченных в Голландии. Бонапарт приказал всех их вооружить и одеть в новую форму, соответствующую корпусу, к которому они принадлежали, и отправил их обратно в Россию без выкупа, без обмена или каких-либо других условий. Эта разумная щедрость не была выброшена на ветер. Павел I. показал, что глубоко осознает это, и, хотя еще недавно он был в тесном союзе с Англией, теперь он внезапно объявил себя ее врагом. Этот политический триумф привел в восторг Первого консула.

С тех пор консул и царь стали самыми лучшими друзьями, какие только могли быть. Они стремились превзойти друг друга в заверениях в дружбе, и можно полагать, что Бонапарт не преминул обратить это состязание в вежливости в свою пользу. Он так хорошо воздействовал на разум Павла, что ему удалось получить прямое влияние на Кабинет министров Санкт-Петербурга.

Лорду Уитворту, в то время английскому послу в России, было приказано без промедления покинуть столицу и удалиться в Ригу, которая затем стала центром интриг севера, закончившихся смертью Павла. Английские корабли были захвачены во всех портах, и по настоящему требованию царя прусская армия угрожала Ганноверу. Бонапарт не терял времени даром и, пользуясь дружбой, проявленной к нему наследницей власти Екатерины, решил использовать эту дружбу для осуществления обширного плана, который он давно вынашивал: он намеревался предпринять сухопутную экспедицию против английских колоний в Ост-Индии.

Прибытие барона Спренгпортена в Париж вызвало большое удовлетворение у сторонников консульского правительства, то есть почти у всех в Париже. М. Спренгпортен был уроженцем

шведской Финляндии. Он был назначен Екатериной Чемберлен и генерал-лейтенантом ее вооруженных сил, и он был не менее благосклонен к Павлу, который обращался с ним самым изысканным образом. Он прибыл с чрезвычайной миссией, будучи якобы облечен титулом полномочного представителя и в то же время назначен доверенным лицом консула. Бонапарт был чрезвычайно доволен послом, которого выбрал Павел, и тем, как он описал благодарность императора за великодушное поведение Первого консула. М. Спренгпортен не скрывал степени недовольства Павла своими союзниками. Неблагоприятный исход войны с Францией, по его словам, уже побудил царя связать себя с этой державой, когда возвращение его войск сразу же определило его.

Мы могли легко заметить, что Поль очень доверял М. Спренгпортену. Поскольку он удовлетворительно выполнил возложенную на него миссию, Пол выразил удовлетворение его поведением в нескольких дружеских и лестных письмах, которые Спренгпортен всегда позволял нам читать. Никто не мог любить Францию больше, чем он, и он горячо желал, чтобы его первые переговоры привели к длительному союзу между российским и французским правительствами. Автограф и очень частая переписка между Бонапартом и Полем проходили через его руки. Я прочитал все письма Поля, которые были замечательны откровенностью, с которой выражалась его привязанность к Бонапарту. Его восхищение Первым консулом было так велико, что ни один придворный не смог бы написать в более лестной манере.

Это восхищение не было притворным со стороны российского императора: оно было не менее искренним, чем пылким, и он вскоре представил доказательства этого. Яростная ненависть, которую он испытывал к английскому правительству, побудила его бросить вызов каждому монарху, который не хотел объявлять войну Англии и закрывать свои порты для английских кораблей. Он поместил вызов королю Дании в "Санкт-Петербургских придворных ведомостях"; но, не решив официально обратиться в сенат Гамбурга с просьбой о его публикации в "Корреспонденте", который вел М. Стоувз, он отправил статью через графа Палена М. Шрамму, гамбургскому купцу. Граф сказал господину Шрамму, что императору было бы очень приятно увидеть статью из "Санкт-Петербургских придворных ведомостей" скопированной в "Корреспондент"; и что, если она будет помещена, он хотел бы иметь дюжину экземпляров статьи, напечатанных на пергаменте и отправленных ему с чрезвычайным курьером. Павел намеревался разослать по экземпляру каждому монарху в Европе, но это безумие, в духе Карла XII, не привело ни к каким дальнейшим результатам.

За всю свою жизнь Бонапарт никогда не испытывал большего удовлетворения, чем от энтузиазма Павла по отношению к нему. Дружба государя казалась ему шагом, с помощью которого он сам должен был стать государем. В то же время дела в Вандее начали приобретать лучший вид, и он надеялся вскоре добиться того умиротворения внутри страны, которого он так горячо желал.

Именно во время пребывания Первого консула в Люксембурге законодательному органу был представлен первый доклад о гражданском кодексе. Именно тогда также были приняты правила управления Банком Франции и было основано это столь необходимое Франции учреждение.

В то время в Париже жил человек, ставший, к несчастью, знаменитостью, самый невезучий из современных генералов — одним словом, генерал Мак. Я бы не обратил внимания на этого человека, если бы не пророческий приговор, который Бонапарт тогда произнес над ним. Мак

был вынужден сдаться в Шампионне незадолго до нашей высадки во Фрежюсе. Он был принят как военнопленный, и местом его жительства был назначен город Дижон, где он оставался до окончания 18 Брюмера. Бонапарт, ныне консул, разрешил ему приехать в Париж и проживать там под честное слово. Он подал прошение об отпуске, чтобы отправиться в Вену, пообещав себе снова вернуться пленником во Францию, если император Франциск не согласится обменять его на генералов Периньяна и Груши, в то время находившихся в плену в Австрии. Его просьба не была удовлетворена, но его предложение было передано в Вену. Венский двор отказался присоединиться к нему, возможно, не придавая освобождению Мака такого большого значения, как он льстил себе.

Однажды Бонапарт, рассказывая мне о нем, сказал: "Мак - человек самой низкой посредственности, которую я когда-либо видел в своей жизни; он полон самодостаточности и тщеславия и считает себя равным чему угодно. У него нет таланта. Я бы хотел когда-нибудь увидеть его противником одного из наших хороших генералов; тогда мы увидели бы прекрасную работу. Он хвастун, и это все. Он действительно один из самых глупых людей на свете; и, кроме всего этого, ему не повезло". Разве это мнение о Бонапарте, сформированное на основе прошлого, не было полностью подтверждено будущим?

Именно в Мальмезоне Бонапарт так отозвался о генерале Маке. Это место тогда было далеко не похоже на то, каким оно стало впоследствии, и дорога к нему не была ни приятной, ни надежной. На дороге не было ни одного дома, а по вечерам, в то время года, когда мы там бывали, здесь было немногочисленно на всем пути от Сен-Жермена. Те многочисленные транспортные средства, которые создали требования роскоши и растущее население, тогда не ездили, как сейчас, по дорогам в окрестностях Парижа. Повсюду дорога была пустынной и опасной; и я с уверенностью узнал, что было разработано множество планов похищения Первого консула во время одной из его вечерних поездок. Они не увенчались успехом, и был отдан приказ оцепить каменоломни, которые находились слишком близко к дороге. В субботу вечером Бонапарт покинул Люксембург, а затем Тюильри, чтобы отправиться в Мальмезон, и я не могу лучше выразить радость, которую он тогда, казалось, испытывал, чем сравнив ее с восторгом школьника, получившего каникулы.

Прежде чем отправиться из Люксембурга в Тюильри, Бонапарт решил поразить взоры парижан великолепной церемонией. Он назначил его на "декаду", 20 марта (9 февраля 1800 года), то есть за десять дней до своего окончательного отъезда из старого директорского дворца. Такого рода празднества не были похожи на то, во что они превратились впоследствии; их привлекательность заключалась в великолепии военной формы, и Бонапарт всегда был уверен, что всякий раз, когда он садился на коня, окруженный блестящим жезлом, от которого его отличала простота его костюма, его путь был запружен народом и его самого приветствовали одобрительными возгласами жители Парижа. Целью этого праздника сначала было только преподнести в дар "Дому инвалидов", тогда называвшемуся Храмом Марса, семьдесят два флага, отнятых у турок в битве при Абукире и привезенных из Египта в Париж; но известие о смерти Вашингтона, скончавшегося 14 декабря 1799 года, дошло до Бонапарта, и он охотно воспользовался этим событием, чтобы произвести больший эффект, и смешал траурный кипарис с лаврами, которые он собрал в Египте.

Бонапарт не испытывал особого беспокойства по поводу смерти Вашингтона, этого благородного основателя рациональной свободы в новом свете; но это дало ему возможность замаскировать свои амбициозные проекты под видом любви к свободе. Оказывая таким образом честь памяти Вашингтона, каждый мог бы предположить, что Бонапарт намеревался последовать его примеру и что их два имени будут передаваться

вместе из уст в уста. Можно было бы нанять умного оратора, который, произнося хвалебную речь умершим, ухитрился бы воздать хвалу живым; и когда народ аплодировал его любви к свободе, он оказался бы на шаг ближе к трону, к которому его взгляд был постоянно прикован. Когда наступит подходящее время, он не преминет схватить корону и, при необходимости, все равно воскликнет: "Да здравствует свобода!" - возлагая ее на свою императорскую голову.

Был найден искусный оратор, месье де Фонтанес

—[Л. де Фонтанес (1767-1821) стал президентом Законодательного корпуса, сенатором и великим магистром университета. Он был центром литературной группы Империи]—

ему было поручено произнести надгробную речь в честь Вашингтона, и цветы красноречия, которые он рассыпал повсюду, не все упали на героя Америки.

Бонапарт поручил Ланну вручить знамена; и 20-го Плювиоза он проследовал в сопровождении сильных отрядов кавалерии, находившихся в то время в Париже, в зал совета инвалидов, где его встретил военный министр, которому были вручены знамена. На презентацию были вызваны все министры, государственные советники и генералы. Ланн произнес речь, на которую ответил Бертье, и г-н де Фонтанес добавил свое хорошо поставленное красноречие к простому военному красноречию двух генералов. Внутри этого военного храма была установлена статуя спящего Марса, а на колоннах и крыше были подвешены трофеи Денена, Фонтенуа и итальянской кампании, которые до сих пор украшали бы это здание, если бы демон завоевания не овладел Бонапартом. Два инвалида, каждому, как говорили, было по сто лет, стояли рядом с военным министром, а бюст освободителя Америки был установлен под трофеем, состоящим из флагов Абукира. Одним словом, пришлось прибегнуть ко всякого рода шарлатанству, обычному в таких случаях. Вечером в Люксембургском дворце собралось многочисленное собрание, и Бонапарт ставил себе в заслугу эффект, произведенный в этот знаменательный день. Ему оставалось всего десять дней ждать своего перевода в Тюильри, и именно в этот день должен был прекратиться национальный траур по Вашингтону, который вполне мог быть заменен всеобщим трауром по свободе.

В ходе этих Мемуаров я очень мало сказал о Мюрате, за исключением упоминания о блестящей роли, которую он сыграл в нескольких сражениях. Теперь, когда мы подошли к периоду его брака с одной из сестер Наполеона, я пользуюсь возможностью вернуться к интересным событиям, предшествовавшим этому союзу.

Его изящная и пропорциональная фигура, огромная физическая сила и несколько утонченная элегантность манер, огонь его глаз и неистовая храбрость в бою придавали Мюрату скорее характер одного из тех "благородных кавалеров", которые так хорошо описаны Ариосто и Таро, чем солдата-республиканца. Благородство его внешности вскоре заставило забыть о низком происхождении. Он был приветлив, лощен, галантен; и на поле боя двадцать человек во главе с Мюратом стоили целого полка. Лишь однажды он проявил себя под влиянием страха, и читатель увидит, при каких обстоятельствах он перестал быть самим собой.

—[Маршал Ланн, такой храбрый и блестящий на войне и так хорошо умеющий ценить мужество, однажды резко упрекнул полковника за то, что тот наказал молодого офицера, только что прибывшего из школы в Фонтенбло, за то, что он проявил страх в своем первом бою. "Знайте,

полковник, — сказал он, — никто, кроме труса (термин был еще более сильным), не станет хвастаться, что он никогда не боялся". - Бурьен.] -

Когда Бонапарт в своей первой итальянской кампании вынудил Вурмсера отступить в Мантую с 28 000 человек, он приказал Миоллису, всего с 4000 человек, противостоять любой вылазке, которая могла быть предпринята австрийским генералом. В одной из таких вылазок Мюрату, стоявшему во главе очень слабого отряда, было приказано атаковать Вурмсера. Он испугался, пренебрег выполнением приказа и в минуту замешательства сказал, что ранен. Мюрат немедленно впал в немилость у главнокомандующего, чьим "адъютантом" он был.

Мюрат ранее был отправлен в Париж, чтобы представить Директории первые знамена французской армии в Италии, полученные в боях при Дего и Мондови, и именно по этому случаю он познакомился с мадам Тальен и женой своего генерала. Но он уже знал прекрасную Каролину Бонапарт, которую видел в Риме в резиденции ее брата Жозефа, исполнявшего тогда функции посла Республики. Оказывается, Каролина даже не была к нему равнодушна и что он был успешным соперником сына принцессы Санта-Кроче, который страстно добивался чести добиться ее руки. Мадам Тальен и мадам Бонапарт с большой добротой приняли первого "адъютанта", и поскольку они обладали большим влиянием в Директории, они запросили и легко добились для него звания бригадного генерала. В то время было несколько примечательно, что Мюрат, несмотря на свое недавно полученное звание, оставался "адъютантом Бонапарта", хотя правила не позволяли главнокомандующему иметь "адъютанта лагеря" более высокого ранга, чем начальник бригады, который равнялся званию полковника. Таким образом, этот незначительный акт был скорее поспешным предвосхищением прерогатив, повсеместно закрепленных за принцами и королями.

Именно после выполнения этого поручения Мюрат по возвращении в Италию попал в немилость к главнокомандующему. Он действительно относился к нему с каким-то враждебным чувством и поместил его в дивизию Рейля, а затем Бараге д'Илье; следовательно, когда мы отправились в Париж после Кампо-Формийского мирного договора, Мюрат не был членом нашей партии. Но поскольку дамы, у которых он был большим любимцем, не были лишены влияния на военного министра, Мюрат был, в силу их заинтересованности, прикомандирован к инженерному корпусу в экспедиции в Египет. На борту "Востока" он оставался в полнейшей опале. Бонапарт не сказал ему ни слова во время путешествия; а в Египте главнокомандующий всегда обращался с ним холодно и часто отсылал его из штаба с неприятными поручениями. Однако главнокомандующий противопоставил его Мурад-бею, и Мюрат проявлял такие чудеса доблести в каждом опасном столкновении, что стер преходящее пятно, которое оставила на его характере минутная нерешительность под стенами Мантуи. Наконец, Мюрат так сильно способствовал успеху дня при Абукире, что Бонапарт, обрадованный возможностью доставить во Францию еще один лавр, сорванный в Египте, забыл об ошибке, которая произвела столь неблагоприятное впечатление, и был склонен стереть из своей памяти другие вещи, которые он слышал в ущерб Мюрату; ибо у меня есть веские основания полагать, хотя Бонапарт никогда не говорил мне об этом, что имя Мюрата, так же как и имя Шарля, сорвалось с уст Жюно, когда он сделал свое нескромное сообщение Бонапарту у стен Абукира. Мессудия. Атака гренадер, которой командовал Мюрат 19 Брюмера в зале Пятисот, рассеяла все оставшиеся следы неприязни; и в те моменты, когда политические взгляды Бонапарта подавляли все остальные чувства в его душе, соперник принца Санта-Кроче получил командование консульской гвардией.

—[Иоахим Мюрат (1771-1816), сын трактирщика, адъютант Наполеона в Италии и др.; маршал с 1804 г.; принц с 1806 г.; Великий адмирал; великий герцог Берг и де Клевс с 1808 г.; король Неаполя с 1808 г. Расстрелян бурбонами 13 октября 1815 года. Женился на Каролине Бонапарт (третьей сестре Наполеона) 20 января 1800 года.]—

Можно разумно предположить, что мадам Бонапарт, стремясь завоевать дружбу Мюрата, содействуя его продвижению по службе, имела в виду приобрести еще одного сторонника, которого можно было бы противопоставить семье и братьям Бонапарта; и в такого рода поддержке она очень нуждалась. Их ревнивая ненависть проявлялась при каждом удобном случае, и любезную Жозефину, единственным недостатком которой было чрезмерное внимание к женщине, постоянно терзали печальные предчувствия. Увлеченная легкостью своего характера, она не понимала, что кокетство, которое привлекло к ней так много защитников, также снабдило ее непримиримых врагов оружием, которое они могли использовать против нее.

При таком положении вещей Жозефина, которая была твердо убеждена, что привязала Мюрата к себе узами дружбы и благодарности, и горячо желала видеть его соединенным с Бонапартом семейными узами, всем своим влиянием способствовала его браку с Каролиной. Она не была в неведении о том, что в Милане между Каролиной и Мюратом уже установились тесные отношения, и она была первой, кто сделал предложение руки и сердца. Мюрат колебался и пошел посоветоваться с г-ном Колло, который был хорошим советчиком во всех вопросах и чья близость с Бонапартом посвятила его во все семейные тайны. Г-н Колло посоветовал Мюрату не терять времени, а пойти к Первому консулу и официально потребовать руки своей сестры. Мюрат последовал его совету. Преуспел ли он? Именно этому шагу он был обязан тронем Неаполя. Если бы он воздержался, в него бы не стреляли в Пиццо. *'Sed ipsi Dei fata rumpere non possunt!'*

Как бы то ни было, Бонапарт принял предложение Мюрата скорее как суверен, чем как брат по оружию. Он выслушал его с невозмутимой серьезностью, сказал, что рассмотрит этот вопрос, но положительного ответа не дал.

Это дело, как можно предположить, было предметом вечернего разговора в люксембургском салоне. Мадам Бонапарт использовала всю свою силу убеждения, чтобы получить согласие Первого консула, и ее усилия были поддержаны Гортензией, Эженом и мной. "Мюрат, - сказал он, среди прочего, - Мюрат - сын трактирщика. В том высоком звании, куда меня поставили слава и удача, я никогда не смогу смешать его кровь со своей! Кроме того, спешить некуда: скоро я все увижу". Мы убедительно описали ему взаимную привязанность двух молодых людей и не преминули обратить его внимание на преданную привязанность Мюрата к своей персоне, его великолепное мужество и благородное поведение в Египте. "Да, - сказал он с жаром, - я согласен с вами; Мюрат был великолепен при Абукире". Мы не упустили столь благоприятного момента. Мы удвоили наши мольбы, и наконец он согласился. Вечером, когда мы собрались вместе в его кабинете, "Что ж, Бурьен, - сказал он мне, - ты должен быть доволен, и я тоже, учитывая все обстоятельства. Мюрат подходит моей сестре, и тогда никто не сможет сказать, что я горжусь им или стремлюсь к великим союзам. Если бы я отдал свою сестру дворянину, все ваши якобинцы подняли бы крик о контрреволюции. Кроме того, я очень рад, что моя жена заинтересована в этом браке, и вы можете легко догадаться о причине. Поскольку дело решено, я потороплю его; мы не можем терять времени. Если я поеду в Италию, то возьму Мюрата с собой. Я должен нанести там решающий удар. Adieu."

Когда я вошел в кабинет Первого консула в семь часов следующего дня, он казался еще более удовлетворенным принятым решением, чем накануне вечером. Я легко понял, что, несмотря на всю свою хитрость, он не сумел разгадать истинный мотив, побудивший Жозефину проявить такой живой интерес к браку Мюрата с Каролиной. И все же удовлетворение Бонапарта ясно показывало, что стремление его жены к браку устранило в его сознании все сомнения в ложности клеветнических слухов, которые распространялись относительно ее близости с Мюратом.

Бракосочетание Мюрата и Каролины было отпраздновано в люксембургском дворце, но с большой скромностью. Первый консул еще не считал свои семейные дела государственными. Но перед празднованием была разыграна небольшая комедия, в которой я был вынужден принять участие, и я расскажу, как это произошло.

На момент женитьбы Мюрата у Бонапарта было не так уж много денег, и поэтому он дал своей сестре только приданое в размере 30 000 франков. Тем не менее, считая необходимым сделать ей свадебный подарок и не располагая средствами для покупки подходящего, он взял бриллиантовое ожерелье, принадлежавшее его жене, и подарил его невесте. Джозефина была совсем не в восторге от этого ограбления и напрягла все свое остроумие, чтобы найти какой-нибудь способ заменить свое ожерелье.

Жозефине было известно, что знаменитый ювелир Фонсье обладал великолепной коллекцией тончайшего жемчуга, принадлежавшего, по его словам, покойной королеве Марии-Антуанетте. Приказав принести их ей для осмотра, она решила, что их достаточно для изготовления очень красивого ожерелья. Но для совершения покупки требовалось 250 000 франков, и как их раздобыть, было затруднительно. Мадам Бонапарт обратилась к Бертье, который в то время был военным министром. Бертье, по своей обычной привычке обкусав ногти, как можно быстрее приступил к погашению долгов за услуги госпиталя в Италии; и поскольку в те дни подрядчики, чьи требования были удовлетворены, преисполнялись благодарности к своим покровителям, через которых они получали оплату, жемчуг вскоре перешел из магазина Фонсье в шкатулку мадам Бонапарт.

Когда жемчуг был добыт таким образом, возникла еще одна трудность, о которой мадам Бонапарт сначала не подумала. Как она могла носить ожерелье, купленное без ведома мужа? На самом деле ей было тем труднее это сделать, что Первый консул очень хорошо знал, что у его жены нет денег, и, будучи, если можно так выразиться, человеком назойливым, он знал или думал, что знает, все драгоценности Жозефины. Таким образом, жемчуг был обречен более двух недель находиться в шкатулке мадам Бонапарт, и она не осмеливалась им воспользоваться. Какое наказание для женщины! В конце концов ее тщеславие взяло верх над благоразумием, и, будучи не в силах больше скрывать драгоценности, она однажды сказала мне: "Бурьен, завтра здесь состоится большая вечеринка, и я непременно должна надеть свои жемчужины. Но ты же знаешь, что он будет ворчать, если заметит их. Я прошу тебя, Бурьен, держись поближе ко мне. Если он спросит меня, где я взяла свои жемчужины, я должна без колебаний сказать ему, что они у меня уже давно".

Все произошло так, как Джозефина боялась и надеялась.

Бонапарт, увидев жемчуга, не преминул спросить мадам: "Что это у вас там? Как вы сегодня хороши! Где вы взяли эти жемчужины? По—моему, я никогда их раньше не видел". - "О, боже мой! вы видели их дюжину раз! Это ожерелье, которое подарила мне Цизальпинская Республика и которое я теперь ношу в волосах". — "Но я думаю —" — "Подожди: спроси Буррьена, он тебе скажет". — "Ну, Буррьен, что ты на это скажешь? Вы помните это

ожерелье?" — "Да, генерал, я очень хорошо припоминаю, что видел его раньше". Это не было неправдой, поскольку мадам Бонапарт ранее показывала мне жемчуг. Кроме того, она получила жемчужное ожерелье из Цизальпинской республики, но несравненно меньшей стоимости, чем то, что было куплено у Фонсье. Жозефина исполнила свою роль с очаровательной ловкостью, и я не ошибся в роли сообщника, отведенной мне в этой маленькой комедии. У Бонапарта не было никаких подозрений. Когда я увидел легкую уверенность, с которой мадам Бонапарт пережила эту сцену, я не мог не вспомнить размышления Сюзанны о том, с какой готовностью благовоспитанные дамы могут лгать, не подавая виду, что делают это.

ГЛАВА XXXI.

1800.

Полиция против полиции — Ложная информация — Ловкость Фуше — Полицейские агенты обмануты — нецелевое использование денег — Бесполезность политической полиции — Мнение Бонапарта — Общие соображения — Мое назначение в префектуру полиции.

Прежде чем поселиться в Тюильри, Первый консул организовал свою тайную полицию, которая в то же время должна была соперничать с полицией Фуше или сдерживать ее. Сначала начальниками этой полиции были Дюрюк и Монси, затем Даву и Жюно. Мадам Бонапарт назвала этот бизнес гнусной системой шпионажа. Мои замечания о бесполезности этой меры были напрасны. Бонапарт имел слабость одновременно бояться Фуше и считать его необходимым. Фуше, чьи таланты в этом ремесле слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в моем одобрении, вскоре обнаружил это секретное учреждение и имена всех младших агентов, нанятых главными агентами. Трудно составить представление о бессмыслице, абсурдности и лжи, содержащихся в бюллетенях, составленных благородными и неблагородными агентами полиции. Я не собираюсь вдаваться в подробности этой тошнотворной темы; я лишь злоупотреблю терпением читателя, сообщив, хотя и в предварительном порядке, один факт, который касается меня и который докажет, что шпионам и их жалким донесениям нельзя слишком доверять.

На второй год консульства мы обосновались в Мальмезоне. В распоряжении Жюно была очень крупная сумма для тайной полиции столицы. Из них 3000 франков он отдал жалкому изготовителю бюллетеней; остальные были потрачены на содержание его конюшни и стола. Читая один из этих ежедневных бюллетеней, я увидел следующие строки:

- Господин де Бурьен вчера вечером уехал в Париж. Он вошел в отель Сен-Жерменского предместья на улице Варенн и там в ходе весьма оживленной дискуссии дал понять, что Первый консул желает провозгласить себя королем".

Так получилось, что я так и не раскрыл рта ни по поводу того, что Бонапарт сказал мне перед нашей поездкой в Египет, ни по поводу других его частых бесед со мной того же характера в период его консульства. Здесь я могу также заметить, что я никогда не покидал Мальмезон и никогда не мог покинуть его ни на минуту. В любое время дня и ночи меня мог вызвать Первый консул, и, как это часто бывало, случилось так, что в ту ночь, о которой идет речь, он диктовал мне заметки и инструкции до трех часов ночи.

Жюно приходил каждый день в Мальмезон в одиннадцать часов утра. В тот день я позвал его в свой кабинет, когда оказался один. - Вы что, не читали свой бюллетень? я сказал: "Да, слышал". — "Нет, это невозможно". — "Почему?" — "Потому что, если бы вы это сделали, вы бы скрыли абсурдную историю, касающуюся меня". — "Ах! - ответил он. - Я сожалею из-за вас, но я могу положиться на моего агента, и я не изменю ни слова в его отчете". Тогда я рассказал ему все, что произошло в ту ночь, но он был упрям и ушел, так и не убедившись.

Каждое утро я клал на его стол все бумаги, которые должен был прочитать первый консул, и среди первых был отчет Жюно. Вошел Первый консул и прочитал его; дойдя до отрывка, касающегося меня, он начал улыбаться.

"Вы читали этот бюллетень?" — "Да, генерал". — "Что за осел этот Жюно! Прошло много времени с тех пор, как я знал это". — "Как он позволил заманить себя в ловушку! Он все еще здесь?" — "Я думаю, что да. Я только что видел его и высказал ему свои замечания, все в хорошем смысле, но он ничего не захотел слышать". — "Скажите ему, чтобы он пришел сюда". Когда появился Жюно, Бонапарт начал — "Какой же ты идиот! как ты мог посылать мне подобные отчеты? Ты что, их не читаешь? Как я могу быть уверен, что вы не скомпрометируете других людей столь же несправедливо? Мне нужны положительные факты, а не выдумки. Прошло некоторое время с тех пор, как ваш агент вызвал мое неудовольствие; увольте его немедленно ". Жюно хотел оправдаться, но Бонапарт оборвал его: "Довольно!— Решено!"

Я рассказал о случившемся Фуше, который сказал мне, что, желая позабавиться за счет Жюно, полицейские агенты которого собирали только то, что слышали в кофейнях, игорных домах и на Бирже, он придавал значение этой абсурдной истории, которую Жюно приписал и передал, как и многие другие глупые истории. Фуше часто ловил дворцовую полицию в расставленные им силки и таким образом увеличивал свой собственный кредит.

Это обстоятельство и другие обстоятельства того же характера побудили Первого консула придавать меньше значения, чем поначалу, своей тайной полиции, которая редко сообщала что-либо, кроме лживых и глупых историй. Эта жалкая полиция! За то время, что я был с ним, это отравляло ему жизнь и часто выводило из себя его жену, родственников и друзей.

—[Следует помнить, что Бурьенн пострадал от бдительности этой полиции.]—

Рапп, который был столь же откровенен, сколь и храбр, рассказывает нам в своих Мемуарах (стр. 233), что, когда Наполеон во время своего отступления из Москвы, находясь перед Смоленским, услышал о покушении Малле, он не мог забыть авантюру министра полиции Савари и префекта полиции Паскье. "Наполеон, - говорит Рапп, - не был удивлен, что эти негодяи (он имеет в виду агентов полиции), которые заполняют салоны и таверны, которые проникают повсюду и всему препятствуют, не узнали о заговоре, но он не мог понять слабости герцога де Ровиго. Та самая полиция, которая заявляла, что все предугадывает, позволила застать себя врасплох ". Полиция не обладала ни дальновидностью, ни способностью предотвращать. О каждой произошедшей глупости сообщалось либо по злему умыслу, либо по глупости. То, что было услышано, было неправильно понято или

искажено в рассказе, так что единственным результатом задуманного стали озорство и неразбериха.

Полиция как политический механизм - опасная штука. Она разжигает и поощряет больше ложных заговоров, чем раскрывает или уничтожает настоящие. Наполеон рассказывал, "что г-н де Ларошфуко организовал в Париже заговор в пользу короля, затем в Миттау, первым актом которого должна была стать смерть главы правительства. Когда заговор был раскрыт, надежному человеку из полиции было приказано присоединиться к нему и стать одним из самых активных агентов. Он привез рекомендательные письма от пожилого джентльмена из Лотарингии, который имел выдающийся чин в армии Конде ". После этого чего еще можно желать? Сотня примеров не могла бы лучше показать подлость такой системы. Наполеон, когда пал, сам таким образом раскрыл скандальные средства, применявшиеся его правительством.

Однажды Наполеон на острове Эльба сказал офицеру, беседовавшему с ним о Франции: "Значит, вы верите, что полицейские агенты все предвидят и знают? Они больше изобретают, чем открывают. Мой, я полагаю, был лучше того, что у них есть сейчас, и все же часто только по чистой случайности, неосторожности вовлеченных сторон или предательству некоторых из них что-то обнаруживалось после недельных или двухнедельных усилий ". Наполеон, приказывая этому офицеру передавать ему письма под видом коммерческой корреспонденции, чтобы успокоить его опасения, что переписка может быть обнаружена, сказал: "Значит, вы думаете, что все письма вскрываются на почте? Они никогда не смогли бы этого сделать. Я часто пытался выяснить, что это за корреспонденция, которая проходила под товарными бланками, но мне это так и не удалось. Почта, как и полиция, ловит только дураков".

Поскольку я затронул тему политической полиции, этой проказы современного общества, возможно, мне будет позволено выйти за рамки времени и рассказать о ее состоянии даже в наши дни.

Министр полиции, чтобы дать своему государю благоприятное представление о своей деятельности, замышляет грандиозные заговоры, которые он почти наверняка со временем раскроет, потому что он их организатор. Низшие агенты, чтобы снискать расположение министра, плетут мелкие заговоры. Было бы трудно упомянуть о раскрытом заговоре, за исключением случаев, когда агенты полиции принимали в нем участие или были его организаторами. Трудно представить, как эти агенты могут подпитывать небольшую интригу, поначалу, возможно, являющуюся результатом какой-нибудь мелкой неприязни и недовольства, которые, благодаря их мастерству, вскоре перерастают в большое дело. Сколько заговоров ускользнуло от хваленой активности и бдительности полиции, когда ни один из ее агентов не был участником. Я могу привести в пример заговор Бабефа, покушение в лагере Гренель, 18 Брюмера, адскую машину, Малле, 20 марта, Гренобльское дело и многие другие.

Политическая полиция, возникшая в результате потрясений революции, пережила их. Гражданская полиция, отвечающая за охрану имущества, здоровья и порядка, отошла лишь на второй план, и поэтому ею пренебрегали. Бывают случаи, когда считается более важным выяснить, посещает ли гражданин мессу или исповедь, чем пресечь замыслы банды грабителей. Такое положение вещей прискорбно для страны; и деньги, потраченные на систему надзора за лицами, предположительно подозреваемыми, на внутренние расследования, на подкуп друзей, родственников и слуг человека, намеченного к уничтожению, могли бы найти гораздо лучшее применение. Слежка за общественным

мнением, созданная, как я уже сказал, революционными беспорядками, подозрительна, беспокойна, назойлива, инквизиторская, досадная и тираническая. Равнодушный к преступлениям и реальным правонарушениям, он полностью поглощен исследованием мыслей. Кто не слышал, как в компании кому-то тепло говорили: "Будьте умеренны, предполагается, что М ... принадлежит к полиции". Эта полиция заманила в свои сети самого Бонапарта и долгое время держала его под влиянием своей власти.

Таким образом, я взял на себя смелость говорить о бедствии общества, жертвой которого я стал. На то, что я здесь излагаю, можно положиться. Я не буду говорить о неделе, в течение которой мне пришлось исполнять обязанности префекта полиции, а именно с 13 по 20 марта 1815 года. Вполне можно предположить, что, хотя я не испытывал отвращения к позорной системе, которую я описал, важный характер обстоятельств и короткий период моего правления, должно быть, помешали мне полностью использовать средства, предоставленные в мое распоряжение. Требования благоразумия, которым я считаю себя обязанным подчиняться, запрещают мне приводить доказательства того, что я выдвигаю. То, что было необходимо сделать, я выполнил, не прибегая к насильственным или досадным средствам; и я могу взять на себя смелость утверждать, что ни у кого нет причин жаловаться на меня. Если бы я опубликовал список лиц, которых мне было приказано арестовать, те из них, кто еще жив, были бы поражены, узнав о том, что я префект полиции, они узнали только из "Монитер". Мягкими мерами, убеждением и рассуждениями я добился того, чего никогда не смог бы добиться насилием. Я не разглашаю никаких служебных секретов, но я считаю, что оказываю услугу общественности, указывая на то, что я часто наблюдал, будучи невольным доверенным лицом позорных маневров этого политического института.

Слово "идеолог" часто было в устах Бонапарта; и, используя его, он пытался высмеять тех людей, которые, как ему казалось, имели склонность к доктрине неограниченного совершенствования. Он уважал их за нравственность, но в то же время смотрел на них как на мечтателей, ищущих тип универсального устройства и рассматривающих характер человека только абстрактно. Идеологи, по его словам, искали власти в институтах; и это он называл метафизикой. Он не имел представления о власти, кроме как в прямом применении силы. Все доброжелательные люди, спекулирующие на улучшении человеческого общества, считались Бонапартом опасными, потому что их максимы и принципы были диаметрально противоположны принятой им суровой и произвольной системе. Он говорил, что их сердца лучше, чем головы, и, далекий от того, чтобы блуждать с ними в абстракциях, он всегда говорил, что людьми должны управлять только страх и интерес. Свободное выражение мнений через прессу всегда считалось полезными для общества теми, кто не руководствуется интересами или властью. Но Бонапарт с величайшим ужасом относился к свободе печати; и столь неистовой была его страсть, когда что-либо приводилось в ее пользу, что он, казалось, находился в состоянии нервного припадка. Каким бы великим человеком он ни был, он ужасно боялся маленьких абзацев.

—[Жозеф Бонапарт достаточно справедливо замечает по этому поводу, что подобные писания причинили большой вред в те необычайные времена (Ошибки, том i, стр. 259). Меттерних, писавший в 1827 году с недоверием о действиях Людовика XVIII, с одобрением цитирует мнение Наполеона по этому поводу. "Наполеон, у которого не могло быть недостатка в ощущении власти, сказал мне: "Вы видите меня хозяином Франции; что ж, я бы не взялся управлять ею в течение трех месяцев при свободе печати. Людовик XVIII, по—видимому, считающий себя сильнее Наполеона, не удовлетворился предоставлением прессе свободы, но воплотил ее свободу в хартии" (Меттерних, том iv, стр. 391)]-

ГЛАВА XXXII.

1800.

Успешное проведение вечеринок—Меры предосторожности—Переезд из Люксембурга в Тюильри—Наемный экипаж-кареты и белые лошади консула—Королевский обычай и надпись—Смотр—Уважение Бонапарта к штандартам—Талейран в кабинете Бонапарта—Отвращение Бонапарта к гербу свободы даже на картине—Парадная кровать—Наш кабинет.

Из трех братьев, родившихся 18 Брюмера, Бонапарт быстро объявил себя старшим и поспешил присвоить себе все права первородства. Вскоре он присвоил себе всю власть. Проект, который он сформировал, когда выступал за революцию 18-го Фруктидора, теперь был близок к осуществлению. Тогда неотъемлемой частью его плана было то, что Директория должна нарушить конституцию, чтобы оправдать последующее свержение Директории. Выражения, время от времени вырывавшиеся у него, ясно показывали, что его честолюбие еще не было удовлетворено и что консульство было лишь испытательным сроком, предшествующим полному установлению монархии. Затем выяснилось, что Люксембургский дворец слишком мал для главы правительства, и было решено, что Бонапарт поселится в Тюильри. И все же требовалась большая осторожность, чтобы избежать окружавших его зыбучих песков! Поэтому он проявлял большую осторожность, имея дело с восприимчивостью республиканцев, заботясь о том, чтобы постепенно приучить их к температуре абсолютной власти. Но такого способа обращения было недостаточно, ибо положение Бонапарта между якобинцами и роялистами было таково, что он не мог нанести удар по одной партии, не укрепив другую. Он, однако, ухитрился решить эту трудную проблему и ослабил обе стороны, поочередно пугая каждую. "Видите ли, роялисты, - казалось, говорил он, - если вы не присоединитесь к моему правительству, якобинцы снова восстанут и вернут царство террора и его эшафот". С другой стороны, людям Революции он сказал: "Смотрите, появляется контрреволюция, угрожающая репрессиями и отмщением. Он готов сокрушить тебя; только мой щит может защитить тебя от его атак. Таким образом, взаимный страх друг перед другом побудил обе партии примкнуть к Бонапарту; и хотя они воображали, что всего лишь ставят себя под защиту главы правительства, они ставили себя в зависимость от честолюбивого человека, который, постепенно подчиняя их своей воле, направлял их по своему выбору в своей политической карьере. Он продвигался твердым шагом, но никогда не пренебрегал никакими ухищрениями, чтобы как можно дольше скрывать свои замыслы.

Я видел, как Бонапарт привел в действие все свои скрытые пружины, и не мог не восхищаться его замечательным обращением.

Но что меня больше всего поразило, так это тот контроль, которым он обладал над собой, подавляя любое преждевременное проявление своих намерений, которое могло бы нанести ущерб его проектам. Так, например, он никогда не говорил о Тюильри иначе, как под названием "Дворец правительства", и поначалу он решил поселиться не только в древнем дворце королей Франции. Он удовлетворился выбором королевских апартаментов и

предложил, чтобы Третий консул также проживал в Тюильри, и в результате занял Павильон Флоры. Это искусное устройство полностью соответствовало названию Тюильри "Дворцом правительства" и было рассчитано на то, чтобы на время ввести в заблуждение самых проницательных.

Когда настал момент покидать Люксембург, Бонапарт все еще использовал множество обманчивых мер предосторожности. Днем, поданным на перевод "резиденции правительства", было 30-е число ноября, поскольку предыдущий день был выбран для публикации отчета о голосовании, проведенном за принятие новой Конституции. Кроме того, по его вине размещение в "Монитер" панегирика Вашингтону, произнесенного г-ном де Фонтанесом десятилетием ранее, было отложено на десять дней. Он думал, что день, когда он собирался сделать такой большой шаг к монархии, будет удачно выбран для того, чтобы познакомить жителей Парижа с великими идеями свободы и связать свое имя с именем основателя свободного правительства Соединенных Штатов.

В семь часов утра 30-го Плювиоза я, как обычно, вошел в кабинет Первого консула. Он пребывал в глубоком сне, и это был один из дней, когда меня попросили дать ему поспать немного дольше обычного. Я часто замечал, что генерал Бонапарт казался гораздо менее взволнованным, когда собирался осуществить какой-либо великий замысел, чем во время его замысла, настолько он привык думать, что то, на что он решился в уме, уже сделано.

Когда я вернулся к Бонапарту, он сказал мне с выражением явного удовлетворения: "Ну что ж, Бурьен, наконец-то этой ночью мы будем спать в Тюильри. Вам живется лучше, чем мне: вы не обязаны выставлять себя на посмеище, но можете идти туда своей дорогой. Я должен, однако, участвовать в процессии: это мне противно; но необходимо говорить в глаза. Это оказывает хорошее воздействие на людей. Справочник был слишком простым, и поэтому никогда не пользовался каким-либо вниманием. В армии простота на своем месте; но в большом городе, во дворце глава правительства должен привлекать к себе внимание всеми возможными способами, но при этом соблюдать осторожность. Жозефина собирается выглянуть из апартаментов Лебрена; идите с ней, если хотите; но идите в кабинет, как только увидите, что я слезаю с лошади.

Я не пошел на смотр, а направился в Тюильри, чтобы разложить в нашем новом кабинете бумаги, заботиться о которых было моей обязанностью, и подготовить все к приезду первого консула. Только вечером из разговора в салоне, где собралось много гостей, я узнал, что произошло в течение дня.

Ровно в час дня Бонапарт покинул Люксембург. Процессия, несомненно, была далека от великолепного парада Империи, но пышности было введено столько, сколько позволяло положение вещей во Франции. Единственное настоящее великолепие того периода состояло в прекрасных войсках. Три тысячи отборных солдат, среди которых был превосходный полк Проводников, были отправлены специально для этого случая; все маршировали в строю; во главе каждого отряда стояла музыка. Генералы и их штабы ехали верхом, министры - в экипажах, что было несколько примечательно, поскольку в то время это были почти единственные частные экипажи в Париже, поскольку для перевозки членов Государственного совета были наняты наемные кареты, и переделать их не составило труда, разве что наклеили поверх номера лист бумаги того же цвета, что и кузов кареты. Карета консула была запряжена шестеркой белых лошадей. С видом этих лошадей было связано воспоминание о днях славы и мира, поскольку они были подарены главнокомандующему итальянской армией императором Германии после заключения Кампо-Формийского мирного договора. Бонапарт также носил великолепную саблю, подаренную ему

императором Франциском. С Камбасересом слева от себя и Лебренем впереди кареты Первый консул пересек часть Парижа, свернув на улицу Тионвиль и набережную Вольтера к Королевскому мосту. Повсюду его встречали радостные возгласы, которые в то время были добровольными и не требовали приказов полиции.

От калитки Карусели до ворот Тюильри войска консульской гвардии были выстроены в две линии, через которые проходила процессия — королевский обычай, составлявший разительный контраст с надписью, мимо которой прошел Бонапарт, въезжая во внутренний двор. Были построены два караульных помещения, одно справа, а другое слева от центральных ворот. На том, что справа, были написаны следующие слова:

"ДЕСЯТОЕ АВГУСТА 1792 г. — КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ ВО ФРАНЦИИ УПРАЗДНЕНА И НИКОГДА НЕ БУДЕТ ВОССТАНОВЛЕНА!"

Он уже был восстановлен!

Тем временем войска были выстроены в линию во внутреннем дворе. Как только карета консула остановилась, Бонапарт немедленно вышел, сел в седло или, правильнее сказать, вскочил на коня и произвел смотр своим войскам, в то время как два других консула проследовали в парадные апартаменты Тюильри, где их ожидали Государственный совет и министры. Великое множество дам, элегантно одетых в греческие костюмы, которые были тогда в моде, сидели вместе с мадам Бонапарт у окон апартаментов Третьего консула в Павильоне Флоры. Невозможно дать представление об огромных толпах, которые стекались сюда со всех сторон. Окна, выходящие на Карусель, сдавались за очень большие суммы, и повсюду, словно в один голос, раздавались крики: "Да здравствует Первый консул!" Кто мог бы не быть опьяненным таким большим энтузиазмом?

Бонапарт продлил смотр на некоторое время, обошел всех чинами и обратился к командирам корпусов с выражением одобрения и похвалы. Затем он занял свой пост у ворот Тюильри, справа от него был Мюрат, слева - Ланн, а позади него - многочисленный штаб молодых воинов, чьи лица загорели под солнцем Египта и Италии и которые участвовали в большем количестве сражений, чем исчислялось годами. Когда цвета 96-й, 43-й и 34-й полубригад, или, скорее, их флаштоки, увенчанные клочьями, изрешеченные пулями и почерневшие от пороха, прошли перед ним, он приподнял шляпу и склонил голову в знак уважения. Каждое почтение, оказанное таким образом великим полководцем штандартам, которые были изуродованы на поле битвы, приветствовалось тысячью одобрительных возгласов. Когда войска закончили дефилировать перед ним, Первый консул твердым шагом поднялся по лестнице Тюильри.

На сегодня роль генерала была закончена, и началась роль главы государства; и действительно, уже можно было сказать, что Первый консул был всем Консульством. Рискую прервать свой рассказ о том, что произошло по прибытии в Тюильри, отступлением, которое может показаться неуместным, я расскажу факт, который имел немалый вес в ускорении решимости Бонапарта установить превосходство над своими коллегами. Следует помнить, что, когда Роже Дюко и Сийес носили титул консулов, три члена Консульской комиссии были равны, если не фактически, то, по крайней мере, по праву. Но когда Камбасерес и Лебрен заняли свои места, Талейран, который в то же время был назначен преемником М. Рейнхарта на посту министра иностранных дел, добился частной аудиенции первого консула в его кабинете, на которую был допущен и я. Замечания Талейрана по этому поводу были в высшей степени приятны Бонапарту, и они произвели слишком глубокое впечатление на меня, чтобы я мог забыть их.

"Гражданин консул, - сказал он ему, - вы доверили мне должность министра иностранных дел, и я оправдаю ваше доверие; но я должен заявить вам, что с этого момента я не буду иметь дел ни с кем, кроме вас. Это решение проистекает не из какой-либо тщеславной гордости с моей стороны, а вызвано желанием служить Франции. Для того, чтобы Францией можно было хорошо управлять, для того, чтобы в правительстве могло быть единство действий, вы должны быть первым консулом, а Первый консул должен иметь контроль над всем, что имеет непосредственное отношение к политике; то есть над Министерством внутренних дел и Министерством полиции, отвечающими за внутренние дела, и над моим департаментом, отвечающим за иностранные дела; и, наконец, над двумя главными средствами исполнения, военными и военно-морскими силами. Поэтому будет наиболее удобно, если министры этих пяти департаментов будут вести с вами дела. Отправление правосудия и упорядочивание финансов - это объекты, безусловно, связанные с государственной политикой многочисленными связями, которые, однако, не носят столь тесного характера, как у других ведомств. Если вы позволите мне, генерал, я бы посоветовал передать контроль над отправлением правосудия Второму консулу, который хорошо разбирается в юриспруденции; и Третьему консулу, который столь же хорошо знаком с финансами, контроль над этим ведомством. Это займет и позабавит их, а вы, генерал, имея в своем распоряжении все жизненно важные органы управления, сможете достичь цели, к которой вы стремитесь, - возрождения Франции".

Бонапарт не отнесся равнодушно к этим замечательным словам. Они слишком соответствовали его собственным тайным желаниям, чтобы их можно было слушать без удовольствия; и он сказал мне, как только Талейран ушел: "Знаете, Бурьен, я думаю, Талейран дает хороший совет. Он человек большого понимания". — "Таково мнение, - ответил я, - всех, кто его знает". - "Он совершенно прав". Позже он добавил, улыбаясь: "Таллиран, очевидно, проницательный человек. Он разгадал мои замыслы. Вы знаете, что я стремлюсь сделать то, что он советует. Но я снова говорю, что он прав; в одиночку человек быстрее справляется. Лебрэн - достойный человек, но у него в голове нет политики; он букмекер. Камбасерес несет в себе слишком много традиций Революции. Мое правительство должно быть совершенно новым".

Совету Талейрана последовали настолько пунктуально, что даже по случаю учреждения Консульского правительства, когда Бонапарт принимал всех выдающихся гражданских и военных чиновников государства в зале презентаций, Камбасерес и Лебрэн стояли рядом скорее как зрители сцены, чем как два коллеги Первого консула. Министр внутренних дел представил гражданские власти Парижа; военный министр - личный состав 17-й военной дивизии; морской министр - нескольких морских офицеров; а персонал Консульской охраны был представлен Мюратом. Поскольку наши консульские республиканцы были не совсем спартанцами, за церемонией презентаций последовали грандиозные званые обеды. Первый консул принимал за своим столом двух других консулов, министров и президентов высших государственных органов. Мюрат угостил главнокомандующих армией, и члены Государственного совета, снова усевшись в свои наемные кареты с закрытыми номерами, отправились обедать к Люсьену.

Прежде чем вступить во владение Тюильри, мы часто ходили туда, чтобы убедиться, что ремонт, или, скорее, побелка, которую приказал произвести Бонапарт, была выполнена. Во время нашего первого визита, увидев несколько красных колпаков свободы, нарисованных на стенах, он сказал М. Леконт, в то время главный архитектор, "Избавьтесь от всего этого; мне не нравится видеть такой мусор".

Первый консул сам отдал распоряжения относительно тех небольших изменений, которые он хотел произвести в своих собственных апартаментах. Парадная кровать — не Людовика XVI — была установлена в комнате рядом с его кабинетом, на южной стороне, у парадной лестницы Павильона Флоры. Я также могу упомянуть здесь, что он очень редко занимал эту постель, поскольку Бонапарт был очень прост в своей частной жизни и не любил государство, кроме как как средство воздействия на человечество. В Люксембурге, в Мальмезоне и в течение первого периода, когда он занимал Тюильри, Бонапарт, если можно выразиться языком обыденной жизни, всегда спал со своей женой. Каждый вечер он спускался к Жозефине по маленькой лестнице, ведущей из гардеробной, пристроенной к его кабинету, которая раньше была часовней Марии Медичи. Я никогда не поднимался в спальню Бонапарта иначе, как по этой лестнице; и когда он входил в наш кабинет, то всегда проходил мимо платяного шкафа, о котором я уже упоминал. Напротив единственного окна нашей комнаты открывалась дверь, и из нее открывался вид на сад.

Что касается нашего кабинета, где было подготовлено так много великих, а также мелких событий, и где я провел так много часов своей жизни, я могу даже сейчас дать самое подробное описание для тех, кому нравятся такие подробности.

Там было два стола. Самое лучшее, которое принадлежало Первому консулу, стояло посреди комнаты, а его кресло было повернуто спинкой к камину, так что окно находилось справа. Справа от этого опять же была небольшая каморка, где сидел Дюрок, через которую мы могли общаться с клерком канцелярии и большими покоями Суда. Когда первый консул сидел за своим столом в кресле (подлокотники которого он так часто уродовал своим перочинным ножом), напротив него стоял большой книжный шкаф. Немного правее, с одной стороны книжного шкафа, была еще одна дверь, открывавшаяся в шкаф, который вел прямо в парадную спальню, о которой я уже упоминал. Оттуда мы прошли в большой Презентационный зал, на потолке которого Лебрен нарисовал изображение Людовика XIV. Трехцветная кокарда, водруженная на лоб великого короля, все еще свидетельствовала об идиотской распушенности Конвента. Наконец, мы оказались в зале Стражи, перед парадной лестницей Павильона Флоры.

Мой письменный стол, чрезвычайно простой, стоял у окна, и летом мне открывался вид на густую листву каштанов; но, чтобы увидеть прогуливающих по саду, мне приходилось приподниматься со своего места. Я стоял спиной к генералу, так что нам требовалось лишь легкое движение головы, чтобы заговорить друг с другом. Дюрок редко бывал в своем маленьком кабинете, и именно там я давал несколько аудиенций. Консульский кабинет, который впоследствии стал Императорским, произвел на меня много впечатлений; и я надеюсь, что читатель, просматривая эти тома, не подумает, что их описание было слишком поверхностным.

ГЛАВА XXXIII.

1800.

Тюильри—Королевская семья в перспективе—Замечательное наблюдение— Презентации— Принятие прерогативы милосердия—М. Поражение — Месье де Фротте—Аудиенция Жоржа Кадудалю у Бонапарта—Предосторожность Раппа и доверие Бонапарта—Достоинство Франции—Снотворные Тэнди и Блэкуэлл выданы сенатом Гамбурга— Взнос в египетском стиле—Бесценный счет—Пятнадцать тысяч франков в ящике секретера—Долги Жозефины—Вечерние прогулки с Бонапартом.

На следующее утро после того страстно желанного дня, когда мы вступили во владение Дворцом королей Франции, я заметил Бонапарту, входя в его покои: "Что ж, генерал, вы добрались сюда без особых трудностей и под аплодисменты народа! Помнишь, что ты сказал мне на улице Святой Анны почти два года назад?"—"Да, это правда, я припоминаю. Ты видишь, что значит настроиться на что-то. Прошло всего два года! Вам не кажется, что с тех пор мы неплохо поработали? В целом я очень доволен. Вчерашний день прошел хорошо. Неужели вы думаете, что все те, кто приходил льстить мне, были искренни? Нет, конечно, нет: но радость людей была настоящей. Они знают, что правильно. Кроме того, ознакомьтесь с великим термометром мнений, с ценой средств: 17 брюмера - 11 франков, 20-го - 16 и сегодня - 21. При таком положении вещей я могу позволить якобинцам болтать, что им заблагорассудится. Но пусть они также не говорят слишком громко!"

Как только он оделся, мы отправились осмотреть Галерею Дианы и осмотреть статуи, которые были установлены там по его приказу. Мы завершили нашу утреннюю работу, полностью вступив во владение нашей новой резиденцией. Я помню, как Бонапарт, среди прочего, сказал мне: "Быть в Тюильри, Бурьен, это еще не все. Мы должны остаться здесь. Кто, во имя всего Святого, еще не поселился в этом дворце? Головорезы, сторонники традиций! Но подождите! вот дом вашего брата! Разве не из этих окон я видел осажденный Тюильри и доброго Людовика XVI. увезли? Но будьте уверены, они больше сюда не придут!"

Послы и другие министры иностранных дел, находившиеся тогда в Париже, были представлены Первому консулу на торжественной аудиенции. По этому случаю все старинные церемониалы, принадлежавшие французскому двору, были разобраны, и вместо камергеров и великого церемониймейстера выступал государственный советник месье Бенезек, который когда-то был министром иностранных дел.

Когда все послы прибыли, г-н Бенезек провел их в кабинет, где находились три консула, министры и Государственный совет. Послы вручили свои верительные грамоты Первому консулу, который вручил их министру иностранных дел. За этими выступлениями последовали другие; например, Кассационный трибунал, в котором тогда председательствовал старый адвокат Таргет, отказавшийся защищать Людовика XVI. Все это происходило на виду у трех консулов; но обстоятельством, отличавшим Первого консула от его коллег, было то, что официальные лица, покидая зал для аудиенций, направлялись в апартаменты мадам Бонапарт, имитируя старую практику обслуживания королевы после представления королю.

Таким образом, старые королевские обычаи постепенно проникали в бывшие обители королевской власти. Среди прав, закрепленных за короной и закрепленных Конституцией VIII года. то, что он не отдал Первому консулу, было тем, чем он очень желал обладать и которое путем самой счастливой из всех узурпаций он присвоил себе. Это было право

помилования. Бонапарт испытывал истинное удовольствие, спасая людей по приговору закона; и всякий раз, когда властная необходимость его политики, ради которой, по правде говоря, он жертвовал всем, позволяла это, он радовался проявлению милосердия. Может показаться, что он был благодарен людям, которым оказал такую услугу, только за то, что дал им повод быть благодарными ему. Таков был Первый консул: я не говорю об императоре. Бонапарт, первый консул, был доступен для ходатайств о дружбе в пользу лиц, объявленных вне закона. Следующее обстоятельство, которое меня очень заинтересовало, служит неоспоримым доказательством того, что я утверждаю:

Пока мы были еще в Люксембурге, г-н Дефе, французский эмигрант, был схвачен в Тироле войсками Республики с оружием в руках. Его доставили в Гренобль и бросили в военную тюрьму этого города. В течение января генерал Ферино, в то время командовавший Греноблем, получил приказ предать молодого эмигранта суду. Законы против эмигрантов, взятых в плен с оружием в руках, были ужасны, и судьи не осмеливались быть снисходительными. Быть судимым утром, осужденным в течение дня и расстрелянным вечером - таков был обычный ход этих безжалостных разбирательств. Одна из моих кузин, дочь месье Пуатринкура, приехала из Сена в Париж, чтобы сообщить мне об ужасном положении месье Дефе. Она рассказала мне, что он состоял в родстве с самыми респектабельными семьями города Сенс и что все проявляли величайший интерес к его судьбе.

Я вырвался на несколько минут, чтобы успеть на встречу, о которой договорился с мадемуазель Пуатринкур. Вернувшись, я увидел, что Первый консул удивлен, обнаружив себя один в кабинете, который я не имел обыкновения покидать без его ведома. "Где ты был?" спросил он. "Я был у одного из моих родственников, который просит вас об одолжении". — "В чем дело?" Затем я сообщил ему о прискорбном положении месье Дефею. Его первый ответ был ужасен. "Никакой жалости! никакой жалости к эмигрантам! Тот, кто воюет против своей страны, - ребенок, пытающийся убить свою мать!" Когда этот первый приступ гнева прошел, я вернулся к обвинению. Я напомнил о молодости г-на Дефею и о том хорошем эффекте, который произвело бы милосердие. — Что ж, - сказал он, - напиши...

"Первый консул приказывает приостановить судебное разбирательство в отношении месье Дефею".

Он подписал этот лаконичный приказ, который я немедленно отправил генералу Ферино. Я рассказал своему кузену о том, что произошло, и остался спокоен за результат этого дела.

Едва я вошел в кабинет Первого консула на следующее утро, как он сказал мне: "Ну, Бурьен, ты ничего не говоришь о своем господине Пораженце. Вы удовлетворены?" — "Генерал, я не могу подобрать слов, чтобы выразить свою благодарность". — "Ах, ба! Но я не люблю делать что-то наполовину. Напиши Ферино, что я желаю, чтобы месье Дефею немедленно освободили. Возможно, я служу тому, кто окажется неблагодарным. Что ж, тем хуже для него. Что касается этих вопросов, Бурьен, всегда спрашивай их у меня. Когда я отказываюсь, это потому, что ничего не могу поделать".

Я отправил за свой счет срочного курьера, который прибыл вовремя и спас жизнь господину Дефею. Его мать, чьим единственным сыном он был, и г-н Бланше, его дядя, нарочно приехали из Сена в Париж, чтобы выразить мне свою благодарность. Я увидел, как слезы радости потекли из глаз матери, которой, казалось, было суждено пролить горькие капли, и я сказал ей то, что чувствовал: "успех, сопутствовавший моим усилиям, с лихвой вознаграждал меня".

Ободренный этим успехом и благожелательными речами Первого консула, я осмелился просить прощения у г-на де Фротте, которого мне настоятельно рекомендовали самые почтенные люди. Граф Луи де Фротте сначала выступал против любых переговоров по умиротворению Вандеи. Наконец, в результате серии неудачных боев, к концу января он был поставлен перед необходимостью самому добиваться успехов, которые он отвергал, когда их делали другие. В этот период он направил письмо генералу Гидалю, в котором предлагал мирные предложения. Ему была передана защита, позволившая ему вернуться в Алансон. К несчастью для мсье де Фротте, он не ограничился письмом генералу Гидалю, поскольку, пока охранная грамота, о которой он просил, была на пути к нему, он написал своим лейтенантам, советуя им не подчиняться и не соглашаться на разоружение. Это письмо было перехвачено. Его предложение о заключении мира выглядело как мошенническая уловка. Кроме того, это мнение, по-видимому, подтверждалось манифестом г-на де Фротте, предшествовавшим, правда, предложениям умиротворения, но в котором он объявил всем своим сторонникам о приближающемся конце "преступного предприятия" Бонапарта.

Мне стоило больше труда, чем в случае с месье Дефею, убедить Первого консула проявить милосердие. Однако я так сильно давил на него, я так усердно старался убедить его в счастливом эффекте такой снисходительности, что в конце концов добился приказа приостановить судебное решение. Какой урок я тогда получил о том зле, к которому может привести потеря времени! Не предполагая, что дело зашло так далеко, я не сразу отправил курьера с приказом о приостановлении судебного решения. Кроме того, министр полиции пометил свою жертву, а он никогда не терял времени даром, когда нужно было свершить зло. Поэтому, не знаю, по каким мотивам, приняв решение об уничтожении господина де Фротте, он отдал приказ ускорить суд над ним.

Граф Луи де Фротте предстал перед судом 28-го Плювиоза, в тот же день был осужден и казнен на следующее утро, за день до того, как мы вошли в Тюильри. Жестокая поспешность министра сделала безуспешным результат моих просьб. У меня были основания думать, что после того дня, когда Первый консул вручил мне ордер на отсрочку, он получил какое-то новое обвинение против г-на де Фротте, поскольку, когда он услышал о его смерти, мне показалось, что он очень равнодушен к запоздалому получению приказа об отсрочке судебного разбирательства. Он просто сказал мне с необычной бесчувственностью: "Тебе следовало бы лучше принимать меры. Ты видишь, что это не моя вина".

Хотя Бонапарт не верил в добродетель людей, он был уверен в их чести. У меня было доказательство этого в деле, которое заслуживает того, чтобы быть занесенным в историю. Когда в первый период нашего пребывания в Тюильри он созвал главных вождей Вандеи, чтобы попытаться добиться умиротворения этой несчастной страны, он принял Жоржа Кадудалю на частной аудиенции. Настроение, в котором я застал его вечером накануне дня, назначенного для этой аудиенции, внушило мне самые лестные надежды. Рапп ввел Жоржа в большую гостиную, выходящую окнами в сад. Рапп оставил его наедине с Первым консулом, но, вернувшись в кабинет, где находился я, он не закрыл ни одну из двух дверей парадной спальни, отделявших кабинет от гостиной. Мы видели, как Первый консул и Жорж прошли от окна в дальний конец салона, потом вернулись— потом снова вернулись. Это продолжалось долго. Беседа казалась очень оживленной, и мы слышали несколько фраз, но без какой-либо связи. Иногда в их тоне и жестах проявлялось немало неприязни. Интервью закончилось ничем. Первый консул, видя, что Жорж испытывает некоторые опасения за свою личную безопасность, заверил его в этом самым благородным образом, сказав: "Вы неправильно смотрите на вещи и ошибаетесь, не приходя к какому-либо взаимопониманию; но если вы упорствуете в желании вернуться в свою страну, вы можете

уехать так же свободно, как приехали в Париж". Когда Бонапарт вернулся в свой кабинет, он сказал Раппу: "Скажи мне, Рапп, почему ты оставил эти двери открытыми и остановился на Бурьене?" Рапп ответил: "Если бы вы закрыли двери, я бы открыл их снова. Вы думаете, я оставил бы вас наедине с таким человеком, как этот? В этом была бы опасность". — "Нет, Рапп, - сказал Бонапарт, - ты не можешь так думать". Когда мы остались одни, Первый консул, казалось, был доволен привязанностью Раппа, но очень раздосадован отказом Жоржа. Он сказал: "У него неправильный взгляд на вещи, но экстравагантность его принципов проистекает из благородных чувств, которые, должно быть, дают ему большое влияние на своих соотечественников. Однако необходимо поскорее покончить с этим делом".

Из всех действий Людовика XIV. больше всего Бонапарта восхищало то, что он заставил дожа Генуи отправить послов в Париж, чтобы извиниться перед ним. Малейшее оскорбление, нанесенное в чужой стране правам и достоинству Франции, выводило Наполеона из себя. Это стремление добиться уважения французского правительства проявилось в деле, наделавшем в то время много шума, но которое было мирно улажено благодаря успокаивающему влиянию золота.

Два ирландца, Нэппер Тэнди и Блэкуэлл, получившие образование во Франции и чьи имена и офицерские звания значились в списках французской армии, ушли на пенсию в Гамбург. Британское правительство объявило их предателями своей страны, и они были выданы; но, поскольку французское правительство считало их подданными Франции, сделка вызвала ожесточенные жалобы на сенат Гамбурга.

Блэкуэлл был одним из лидеров объединенных ирландцев. Он получил натурализацию во Франции и получил звание шеф-повара эскадрона. Будучи отправленным с секретной миссией в Норвегию, корабль, на который он сел, потерпел крушение у берегов этого королевства. Затем он отправился в Гамбург, где Сенат поместил его под арест по требованию мистера Кроуфорда, английского министра. После целого года содержания в тюрьме его перевезли в Англию для суда. Французское правительство вмешалось и сохранило если не его свободу, то, по крайней мере, его жизнь.

Нэппер Тэнди тоже был ирландцем. Чтобы избежать розыска, устроенного за ним из-за чувства независимости, которое побудило его участвовать в борьбе за свободу своей страны, он поднялся на борт французского брига, намереваясь высадиться в Гамбурге и пройти в Швецию. Освобожденный ирландским парламентом от амнистии, он был востребован британским правительством, и сенаторы Гамбурга забыли о чести и человечности в своей тревоге перед опасностью, которая в тот момент угрожала их маленькой республике как со стороны Англии, так и со стороны Франции. Сенат выдал Нэппера Тэнди; его перевезли в Ирландию и приговорили к смертной казни, но отсрочкой казни он был обязан вмешательству Франции. Он провел в тюрьме два года, когда М. Отто, который вел переговоры с лордом Хоксбери о предварительных условиях заключения мира, добился освобождения Нэппера Тэнди, которого отправили обратно во Францию.

Первый консул сначала заговорил о сигнальной мести; но сенат Гамбурга прислал ему меморандум, оправдывающий его поведение, и подкрепил извинения суммой в четыре с половиной миллиона, что значительно смягчило его. Это было своего рода воспоминание о Египте — одно из тех небольших пожертвований, с которыми генерал ознакомил пашей; с той разницей, что в данном случае ни единого су не поступило в национальную казну. Сумма была выплачена Первому консулу через месье Шапо Руж.

—[Торжественная депутация Сената прибыла в Тюильри, чтобы принести публичные извинения Наполеону. Он снова засвидетельствовал свое возмущение: и когда послы указали на их слабость, он сказал им. "Ну и что, разве у вас не было ресурсов слабых государств? разве не в вашей власти было позволить им сбежать?" (Мемуары Наполеона).]—

Я неделю хранил четыре с половиной миллиона в голландских облигациях в секретере. Затем Бонапарт решил раздать их; оплатив долги Жозефины и все большие расходы, понесенные в Мальмезоне, он продиктовал мне список лиц, которым он хотел бы сделать подарки. Мое имя не сорвалось с его губ, и, следовательно, я не потрудился записать его; но некоторое время спустя он сказал мне с самой обаятельной добротой: "Буррьен, я не отдал вам ни одной из денег, которые пришли из Гамбурга, но я возьму вам это". Он достал из ящика стола большой и широкий лист печатной бумаги с пробелами, заполненными его собственным почерком, и сказал мне: "Вот счет Цизальпинской республике на 300 000 итальянских ливров в счет стоимости снаряженных пушек. Это одобренный Холтер и Колло — я дарю его вам ". Чтобы это было понятно, я должен заявить, что пушка была продана Цизальпинской республике, на стоимость которой генеральный администратор итальянских финансов привлек средства Республики, и счета были оплачены г-ну Колло, поставщику провизии, и другим лицам. Г-н Колло передал один из этих счетов на 300 000 ливров Бонапарту в счет погашения долга, но последний позволил счету закончиться, не беспокоясь об этом. Цизальпинская республика сохранила пушки и деньги, а Первый консул сохранил свой счет. Когда я изучил его, я сказал: "Генерал, это уже давно должно было быть выплачено; почему вы до сих пор не заплатили? Индоссанты больше не несут ответственности". — "Франция обязана выплатить долги такого рода, - сказал он. - отправьте бумагу де Фермону: он снизит ее на три процента. Наличными у вас будет не более 9000 франков ренты, потому что итальянский ливр не равен франку". Я поблагодарил его и отправил счет господину де Фермону. Он ответил, что иск был необоснованным и что законопроект не будет отменен, потому что он не подпадает под классификацию, установленную законами, принятыми в месяцы, названия которых заканчивались на "эйр, осе, ал и или".

Я показал ответ месье де Фермона Первому консулу, который сказал: "Ах, ба! Он ничего в этом не понимает — он неправ: пишите". Затем он продиктовал письмо, в котором обещал весьма благоприятную скидку по счету, но в ответ получил новый отказ. Я сказал: "Генерал, господин де Фермон обращает на вас внимания не больше, чем на меня самого". Бонапарт взял письмо, прочитал его и сказал тоном человека, который заранее знал, о чем ему собираются сообщить: "Ну, и какого дьявола вы от меня хотите, если законы этому противоречат? Проявляйте настойчивость; следуйте обычным методам ликвидации, и из этого что-нибудь получится!" В конце концов произошло то, что обычным указом этот законопроект был отменен, разорван и сдан на хранение в архив. Эти 300 000 ливров составляли часть денег, которые Бонапарт привез из Италии. Если счет был бесполезен для меня, то он был бесполезен и для него. Этот клочок бумаги просто доказывает, что он привез из Италии более 25 000 франков.

Я никогда не получал ни от главнокомандующего армией Италии, ни от главнокомандующего армией Египта, ни от Первого консула в течение десяти лет, ни от пожизненного консула никакого фиксированного жалованья: я брал из его ящика то, что было необходимо для моих расходов, так же как и для его собственных. Он никогда не требовал от меня никаких объяснений. После подписания векселя о неплатежеспособной Цизальпинской республике он сказал мне в начале зимы 1800 года: "Буррьен, погода становится очень плохой; я буду ездить в Мальмезон, но редко. Пока я буду в совете, заберите из Мальмезона мои бумаги и

вещички; вот ключ от моего секретера, достань все, что там есть". Я сел в карету в два часа и вернулся в шесть. Когда он пообедал, я выложил на стол в его кабинете различные предметы, которые я нашел в его секретере, включая 15 000 франков (где-то около 600 английских фунтов стерлингов) в банкнотах, которые лежали в углу маленького ящичка. Когда он посмотрел на них, он сказал: "Вот деньги — что это значит?" Я ответил: "Я ничего не знаю об этом, кроме того, что оно было в вашем секретере". — "Ах да, я забыл об этом. Это было на мои пустяковые расходы. Вот, возьми ". Я хорошо помнил, как однажды летним утром он дал мне свой ключ, чтобы я принес ему две банкноты по 1000 франков на какие-то непредвиденные расходы, но я понятия не имел, что он не воспользовался своим маленьким сокровищем дальше.

Я заявил о присвоении четырех с половиной миллионов, ставших результатом вымогательства, которому подвергся сенат Гамбурга, в деле Нэппера Тэнди и Блэкуэлла.

От всего этого, однако, не избавились в виде подарков. Значительная часть была зарезервирована для выплаты долгов Джозефины, и это дело, как мне кажется, заслуживает некоторых замечаний.

Поместье Мальмезон стоило 160 000 франков. Жозефина купила его у месье Лекутель, когда мы были в Египте. Там было построено много украшений и несколько новых зданий, а также разбит парк, который теперь стал красивым. Все это не могло быть сделано даром, и, кроме того, было крайне необходимо, чтобы сумма, причитавшаяся за первоначальную покупку, была полностью выплачена; и эта значительная сумма была не единственным долгом Джозефины. Кредиторы роптали, что плохо отразилось на Париже; и, признаюсь, я был настолько убежден, что первый консул будет крайне недоволен, что постоянно оттягивал момент разговора с ним на эту тему. Поэтому я с огромным удовлетворением узнал, что господин де Талейран опередил меня. Никто не был более способен, чем он, позолотить пилюлю, если можно так выразиться, Бонапарту. Наделенный такой же независимостью характера, как и ума, он оказал ему услугу, рискуя обидеть его, сообщив, что огромное количество кредиторов выразили свое недовольство в горьких жалобах на долги, полученные мадам Бонапарт во время его экспедиции на Восток. Бонапарт чувствовал, что его положение требует от него немедленного устранения причины таких жалоб. Однажды вечером, около половины двенадцатого, месье Талейран затронул эту деликатную тему. Как только он ушел, я вошел в маленький кабинет; Бонапарт сказал мне: "Бурьен, Талейран говорил со мной о долгах моей жены. У меня есть деньги из Гамбурга — спросите ее точную сумму ее долгов: пусть она во всем признается. Я хочу закончить, а не начинать сначала. Но не платите, не показав мне счета этих негодяев: это банда грабителей".

До сих пор предчувствие неприятной сцены, одна мысль о которой приводила Жозефину в трепет, всегда мешало мне затронуть эту тему первому консулу; но, очень довольный тем, что Талейран первым затронул ее, я решил сделать все, что в моих силах, чтобы положить конец неприятному происшествию.

На следующее утро я увидел Жозефину. Сначала она была в восторге от намерений своего мужа, но это чувство длилось недолго. Когда я попросил ее дать точный отчет о том, что она задолжала, она умоляла меня не настаивать на этом, а довольствоваться тем, в чем она должна признаться. Я сказал ей: "Мадам, я не могу обмануть вас относительно позиции Первого консула. Он считает, что вы задолжали значительную сумму, и готов ее выплатить. Я не сомневаюсь, что вам придется вынести несколько горьких упреков и бурную сцену; но сцена будет точно такой же для целого, как и для части. Если вы скроете значительную часть своих долгов, по прошествии некоторого времени ропот возобновится, он достигнет ушей

Первого консула, и его гнев проявится еще более разительно. Доверьтесь мне — изложите все; результат будет тот же; вы лишь однажды услышите неприятные вещи, которые он вам скажет; своими оговорками вы будете повторять их беспрестанно ". Джозефина сказала: "Я никогда не смогу рассказать всего; это невозможно. Окажи мне услугу, сохрани в секрете то, что я тебе скажу. Я должен, по-моему, около 1 200 000 франков, но я хочу отдать только 600 000; я больше не буду иметь долгов и буду понемногу выплачивать остальное из своих сбережений". — "Здесь, мадам, повторяются мои первые наблюдения. Поскольку я не верю, что он оценивает ваши долги в такую большую сумму, как 600 000 франков, я могу гарантировать, что вы не испытаете большего неудовольствия, признав сумму в 1 200 000 франков, чем в 600 000; и, зайдя так далеко, вы избавитесь от них навсегда ". — "Я никогда не смогу этого сделать, Буррьен; я знаю его; я никогда не смогу поддержать его насилие ". После четверти часа дальнейших рассуждений на эту тему я был вынужден уступить ее настойчивым просьбам и пообещать Первому консулу упомянуть только о 600 000 франках.

Гнев и дурное настроение Бонапарта можно себе представить. Он сильно подозревал, что его жена в чем-то лукавит, но сказал: "Хорошо, возьмите 600 000 франков, но погасите долги на эту сумму, и чтобы я больше ничего не слышал на эту тему. Я уполномочиваю вас пригрозить этим торговцам, что они ничего не заплатят, если они не уменьшат свои огромные расходы. Их следует научить не с такой готовностью отдавать должное ". Мадам Бонапарт отдала мне все свои счета. Непостижимо, до какой степени были завышены цены на товары из-за опасения не получить оплату в течение длительного периода и из этой суммы были сделаны вычеты. Мне также показалось, что количество поставляемых товаров, должно быть, несколько преувеличено. В счете модистки я заметил тридцать восемь новых шляп по очень высокой цене за один месяц. За перья цапли также взималась плата в размере 1800 франков, а за духи - 800 франков. Я спросил Жозефину, изнашивала ли она две шляпки за один день? Она возражала против такой платы за шляпы, которую просто назвала ошибкой. Наложения, которые предпринимал шорник, как в части завышения цен, так и в части взимания платы за предметы, которые он не поставлял, были поразительными. Мне нет нужды говорить о других торговцах, везде была та же система грабежа.

Я полностью воспользовался разрешением Первого консула и не жалел ни упреков, ни угроз. Мне стыдно признаться, но большая часть торговцев удовлетворилась половиной того, что они требовали. Один из них получил 35 000 франков по векселю в 80 000; и у него хватило наглости сказать мне, что, тем не менее, он получил хорошую прибыль. Наконец, мне посчастливилось, после самых ожесточенных споров, уладить все за 600 000 франков. Мадам Бонапарт, однако, вскоре снова впала в те же крайности, но, к счастью, денег стало больше. Эта непостижимая мания тратить деньги была почти единственной причиной ее несчастья. Ее бездумное расточительство приводило к постоянному беспорядку в ее доме вплоть до периода второго брака Бонапарта, когда, как мне сообщили, она стала регулярно тратить деньги. Я не мог сказать этого о ней, когда она была императрицей в 1804 году.

—[Несмотря на желание ее мужа, она так и не смогла навести в своем заведении какой-либо порядок или правило. Он хотел, чтобы к ней никогда не попадали торговцы, но был вынужден уступить в этом вопросе. Маленькие внутренние комнаты были заполнены ими, как и художниками всех мастей. У нее была мания рисовать саму себя, и она дарила свои портреты всем, кто хотел, родственницам, "камеристкам", даже торговкам. Они не переставали приносить ей бриллианты, драгоценности, шали, ткани для платьев и всевозможные безделушки; она покупала все, даже не спрашивая цены; и обычно забывала, что именно она купила ... Все утро на ней была шаль, которую она набросила на плечи с изяществом, которого я не видел ни у кого другого. Бонапарт, считавшая, что ее шали слишком сильно прикрывают ее, срывала их и иногда

бросала в огонь; тогда она посылала за другой (Ремюза, том ii. стр. 343-345). После развода ее доходов, какими бы большими они ни были, оказалось недостаточно, но тогда император проявил больше сострадания и, посылая графа Моллиена уладить ее дела, строго приказал ему "не заставлять ее плакать" (Меневаль, том iii, стр.237)]—

У любезной Жозефины было не меньше амбиций в мелочах, чем у ее мужа в большом. Она получала удовольствие от приобретения, а не от обладания. Кто бы мог подумать? Она устала от красоты Мальмезонского парка и всегда просила меня вывезти ее на большую дорогу, либо в направлении Нантера, либо в сторону Марли, среди пыли, поднимаемой проезжающими экипажами. Шум большой дороги казался ей предпочтительнее спокойной тишины прекрасных аллей парка, и в этом отношении у Гортензии был тот же вкус, что и у ее матери. Эта причудливая фантазия поражала Бонапарта, и иногда он был раздосадован ею. Мое общение с Жозефиной было восхитительным, ибо я никогда не видел женщины, которая так постоянно появлялась бы в обществе с таким уравновешенным нравом или с таким большим количеством доброты, которая является первым принципом дружелюбия. Она была настолько услужливо внимательна, что распорядилась приготовить для меня и моей семьи в Мальмезоне красивые апартаменты.

Она настойчиво и со всем присущим ей изяществом уговаривала меня принять это предложение; но, будучи почти такой же пленницей в Париже, как и государственной, я хотела побыть в одиночестве в деревне, наслаждаясь минутами свободы, которые мне было позволено. Но что это была за свобода? Я купил маленький дом в Руэле, который содержал в течение двух с половиной лет. Когда я встречался там со своими друзьями, это должно было быть в полночь или в пять часов утра; и Первый консул часто посылал за мной ночью, когда прибывали курьеры. Ради такой вольности я отказался от любезного предложения Жозефины. Однажды Бонапарт навестил меня в моем убежище в Рюэле, но Жозефина и Гортензия приходили часто. Это была любимая прогулка этих дам.

В Париже я реже отсутствовал у Бонапарта, чем в Мальмезоне. Иногда по вечерам мы вместе гуляли в саду Тюильри после закрытия ворот. На этих вечерних прогулках он всегда надевал серое пальто и круглую шляпу. Мне было приказано ответить "Первый консул" на вопрос часового: "Кто там идет?" Эти прогулки, которые были очень полезны Бонапарту, а также и мне, как отдых от наших трудов, напоминали те, что были у нас в Мальмезоне. Что касается наших прогулок по городу, то они часто были очень забавными.

В период нашего первого пребывания в Тюильри, когда я увидел Бонапарта, входящего в кабинет министров в восемь часов вечера в своем сером сюртуке, я знал, что он скажет: "Бурьен, подойди и займи очередь". Иногда, вместо того чтобы выходить через садовую галерею, мы пользовались маленькой калиткой, которая вела со двора в апартаменты герцога Ангулемского. Он брал меня под руку, и мы отправлялись покупать пустяковые вещи в лавки на улице Сент-Оноре; но дальше улицы Арбр-Сек наши экскурсии не распространялись. Пока я заставлял владельца магазина выставлять перед нами товары, которые, по-видимому, мне не терпелось купить, он играл свою роль, задавая вопросы.

Нет ничего более забавного, чем видеть, как он пытается подражать небрежному и шутливому тону светских молодых людей. Насколько неуклюжим он был в попытке напустить на себя вид щеголя, когда, подтягивая уголки галстука, спрашивал: "Ну что, мадам, есть ли сегодня что-нибудь новенькое? Гражданин, что они говорят о Бонапарте? Ваш магазин, кажется, хорошо снабжен. У вас, несомненно, много заказов. Что люди говорят об этом шуте, Бонапарте?" Однажды он был совершенно счастлив, когда нам пришлось поспешно

ретируются из магазина, чтобы избежать нападков, навлеченных на нас непочтительным тоном, которым Бонапарт отзывался о Первом консуле.

ГЛАВА XXXIV.

1800.

Война и памятники—Влияние воспоминаний о Египте— Первые улучшения в Париже— Мальмезон слишком мал—St. Взятое облако —Мост искусств—Дело, предписанное мне Бонапартом— Денежное вознаграждение—Визит первого консула в Притани— Его осмотр учеников—Консульские пенсии—Трагическая смерть Мяццинского—Введение вакцинации—Отзыв членов Учредительного собрания—Добровольцы "канарейки"—Тронше и Таргет—Освобождение австрийских заключенных—Лонгшаны и духовная музыка.

Уничтожение людей и возведение памятников были двумя вещами, совершенно совпадавшими в сознании Бонапарта. Можно сказать, что его страсть к памятникам почти сравнялась с его страстью к войне;

—[Если можете, доставьте себе удовольствие прочитать ваши отчеты. Хорошее состояние моих армий объясняется тем, что я посвящаю им один или два часа в день. Когда мне присылают ежемесячные отчеты о прибытиях моих армий и флотов, которые составляют двадцать толстых томов, я бросаю все остальные занятия, чтобы прочитать их в деталях и понаблюдать за разницей между одним ежемесячным отчетом и другим. Ни одна молодая девушка так не наслаждается своим романом, как я этими возвращениями! (Наполеон Жозефу, 20 августа 1806 г. —Дю Касс, том iii. стр. 145).]—

но как во всем ему не нравилось мелкое и подлое, так и в грандиозных постройках и великих битвах. Вид колоссальных руин египетских памятников немало способствовал усилению его природного вкуса к великим сооружениям. Он восхищался не столько самими памятниками, сколько историческими воспоминаниями, которые они увековечивают, великими именами, которые они освящают, важными событиями, о которых они свидетельствуют. Какое ему было бы дело до колонны, которую мы увидели по прибытии в Александрию, если бы это не была колонна Помпея? Дело художников восхищаться или осуждать его пропорции и орнаменты, дело ученых объяснять надписи на нем; но имя Помпея делает его объектом всеобщего интереса.

Пытаясь обрисовать характер Бонапарта, я должен был заметить его пристрастие к памятникам, ибо без этой характерной черты не хватает чего-то существенного для завершения портрета. Этот вкус, или, как его правильнее было бы назвать, эта страсть к памятникам, оказал немалое влияние на его мысли и стремления к славе; однако это не

помешало ему обратить внимание на общественные улучшения менее показного рода. Он желал, чтобы великие памятники увековечили память о его славе; но в то же время он умел ценить все, что было действительно полезным. Его очень редко можно было упрекнуть в том, что он отвергает какой-либо план, не изучив его; и это изучение проходило быстро, поскольку его природный такт позволял ему сразу увидеть вещи в их надлежащем свете.

Хотя большинство памятников и украшений Парижа выполнены по замыслам талантливых людей, все же некоторые обязаны своим возникновением чисто случайным обстоятельствам. Из этого я могу привести пример.

Я стоял у окна кабинета Бонапарта, которое выходило в сад Тюильри. Он вышел, и я воспользовался его отсутствием, чтобы подняться со стула, потому что устал сидеть. Не прошло и минуты, как он неожиданно вернулся и попросил у меня газету. - Что ты там делаешь, Бурьен? Держу пари на что угодно, вы любуетесь дамами, прогуливающимися по террасе". — "Что ж, должен признаться, я действительно иногда развлекаюсь подобным образом, - ответил я. - Но уверяю вас, генерал, сейчас я думал о другом. Я смотрел на этот злодейский левый берег Сены, который всегда раздражает меня своими провалами в грязной набережной и затоплениями, которые почти каждую зиму препятствуют сообщению с Сен-Жерменским предместьем; и я подумал, что хотел бы поговорить с вами на эту тему". Он подошел к окну и, выглянув наружу, сказал: "Вы правы, это очень некрасиво; и очень оскорбительно видеть, как перед нашими окнами стирают грязное белье. Вот, немедленно напишите: "Набережная Национальной школы должна быть достроена в ходе следующей кампании". Отправьте этот приказ министру внутренних дел". Причал был закончен в следующем году.

В качестве примера огромной разницы, которая часто возникает между первоначальными оценками архитекторов и их последующими отчетами, я могу упомянуть то, что произошло в связи с дворцом Сен-Клу. Но сначала я должен сказать несколько слов о том, каким образом Бонапарт первоначально отказался, а затем вступил во владение увеселительным домом королевы. Мальмезон был подходящей загородной резиденцией для Бонапарта до тех пор, пока он оставался доволен своими городскими апартаментами в маленьком Люксембурге; но эта консульская "вещица" была слишком тесной по сравнению с просторными апартаментами в Тюильри. Жители Сен-Клу, получив благоразумный совет, обратились с петицией в Законодательный орган, молясь о том, чтобы их заброшенный замок стал летней резиденцией Первого консула. Петиция была передана правительству; но Бонапарт, который еще не был пожизненным консулом, с гордостью заявил, что до тех пор, пока он стоит во главе дела, и даже в течение года после этого, он не примет никакого национального вознаграждения. Через некоторое время после этого мы отправились навестить дворец 18 Брюмера. Бонапарту он чрезвычайно понравился, но все было в полном запустении. На нем были явные следы революции. Первый консул пока не хотел обременять государственный бюджет своими личными расходами и был встревожен огромной суммой, необходимой для того, чтобы сделать Сен-Клу пригодным для жилья. Лесть еще не достигла той степени мастерства, которой она достигла впоследствии, но даже тогда его льстецы смело уверяли его, что он может вступить во владение Сен-Клу за 25 000 франков. Я сказал Первому консулу, что, учитывая разрушительное состояние этого места, я могу сказать, что расходы составят более 1 200 000 франков. Бонапарт решил регулярно подсчитывать расходы, и они составили почти 3 000 000 долларов. Он считал это большой суммой, но так как он решил сделать Сен-Клу своей резиденцией, то отдал приказ начать ремонт, расходы на который, независимо от мебели, составили 6 000 000 долларов. Вот вам и 3 000 000 франков архитектора и 25 000 франков льстецов.

Когда Первый консул задумался о строительстве Моста искусств, у нас состоялся долгий разговор на эту тему. Я заметил, что было бы гораздо лучше построить каменный мост. "Первая цель памятников такого рода, - сказал я, - общественная польза. Они требуют солидности внешнего вида, и их главное достоинство - долговечность. Я не могу понять, генерал, почему в стране, где в изобилии имеется прекрасный камень любого качества, предпочтение должно отдаваться использованию железа". — "Напишите, - сказал Бонапарт, - архитекторам Фонтэну и Персье и спросите, что они думают об этом". Я написал, и они заявили в своем ответе, что "мосты предназначались для общественного пользования и украшения городов. Проектируемый мост между Лувром и кварталом Четырех Наций, несомненно, соответствовал бы первой из этих целей, что было доказано огромным количеством людей, которые ежедневно пересекали Сену в этом месте на лодках; что место, выбранное между Новым мостом и Тюильри, оказалось лучшим, что можно было выбрать для этой цели; и что с точки зрения украшения Париж мало выиграет от строительства железного моста, который был бы очень узким и который из-за своей легкой формы не соответствовал бы величию двух мостов, между которыми он будет размещен. ."

Когда мы получили ответ М. Персье и Фонтэн, у нас снова состоялся разговор о мосте. Я сказал Первому консулу, что полностью согласен с мнением М. Фонтэн и Персье; однако он хотел поступить по-своему, и таким образом получил разрешение на создание игрушки, которая служила связующим звеном между Лувром и Институтом. Но как только мост искусств был закончен, Бонапарт объявил его убогим и не соответствующим другим мостам над ним и под ним. Однажды, посещая Лувр, он остановился у одного из окон, выходящих на Мост искусств, и сказал: "В этом мосту нет ни солидности, ни величия. В Англии, где камня мало, вполне естественно, что для арок больших размеров используется железо. Но во Франции, где необходимого материала в избытке, дело обстоит иначе".

Адская машина третьего Нивоза, о которой я сейчас расскажу более подробно, послужила сигналом к масштабным переменам в квартале Тюильри. Эта ужасная попытка, по крайней мере, пока увенчалась счастливыми результатами, которые способствовали украшению Парижа. Было сочтено более целесообразным, чтобы правительство выкупило и снесло дома, пострадавшие от машины, чем позволить им быть отремонтированными. В качестве примера грандиозных планов Бонапарта в строительстве я могу упомянуть, что однажды, находясь в Лувре, он указал в сторону Сен-Жермен-л'Оксерруа и сказал мне: "Именно там я построю имперскую улицу. Она должна тянуться отсюда до Барьера дю Трон. Она должна быть шириной в сто футов, с аркадами и плантациями. Эта улица должна стать самой красивой в мире".

Дворец римского короля, который должен был выходить окнами на Йенский мост и Марсово поле, был бы в некоторой степени изолирован от Парижа, с которым, однако, его должна была соединять линия дворцов. Они должны были тянуться вдоль набережной и предназначались в качестве великолепных резиденций для послов иностранных государей, по крайней мере до тех пор, пока в Европе будут существовать какие-либо монархи, кроме Наполеона. Храм Славы, который должен был занять место церкви ла Мадлен, также так и не был достроен. Если план этого памятника доказывал необходимость, которую чувствовал Бонапарт, постоянно снабжать своих солдат стимуляторами, то отказ от него был, по крайней мере, доказательством его мудрости. Тот, кто восстановил религиозное богослужение во Франции и вернул по назначению церковь Инвалидов, которая на время превратилась в Храм Марса, предвидел, что Храм Славы породит своего рода язычество, несовместимое с идеями эпохи.

Воспоминание о великолепном Каирском некрополе часто приходило на ум Бонапарту. Он восхищался этим городом мертвых, который он частично принес людям; и его замысел состоял в том, чтобы создать по четырем сторонам света в Париже четыре обширных кладбища по плану Каирского.

Бонапарт решил, что все новые улицы Парижа должны иметь ширину 40 футов и быть оборудованы пешеходными тротуарами; короче говоря, он не считал ничего слишком грандиозного для украшения столицы страны, которую он хотел сделать первой в мире. После войны он считал украшение Парижа источником своей славы; и он никогда не считал победу полностью достигнутой, пока не воздвиг памятник, чтобы передать память о ней потомкам. Он хотел славы, непрерывной славы, как для Франции, так и для себя. Как часто, обсуждая свои планы, разве он не говорил: "Буррьен, я делаю все это ради Франции! Все, чего я желаю, все, чего я желаю, цель всех моих трудов - это чтобы мое имя было неразрывно связано с именем Франции!"

Париж - не единственный город, и Франция - не единственное королевство, которое хранит следы страсти Наполеона к великим и полезным памятникам. В Бельгии, в Голландии, в Пьемонте, по всей Италии он добился больших улучшений. В Турине через реку По был построен великолепный мост взамен старого, лежавшего в руинах.

Сколько всего было предпринято и выполнено за короткое и богатое событиями правление Наполеона! Чтобы устранить трудности сообщения между Мецем и Майнцем, как по волшебству, была проложена великолепная дорога через непроходимые болота и обширные леса. Были прорублены горы и засыпаны овраги. Он не позволил бы природе больше, чем человеку, сопротивляться ему. Однажды, когда он направлялся в Бельгию через Гиве, его ненадолго задержали в Литтл-Гиве, на правом берегу Мааса, из-за несчастного случая, произошедшего с паромной переправой. Он находился на расстоянии пушечного выстрела от крепости Шарлемон на левом берегу и, раздосадованный задержкой, продиктовал следующий указ: "Через Маас должен быть построен мост, соединяющий Малую Живу с Большой Живу. Оно должно быть прекращено в ходе последующей кампании ". Оно было завершено в установленный срок. При строительстве мостов и шоссейных дорог главной целью Бонапарта было устранить препятствия, воздвигнутые природой в качестве границ старой Франции, чтобы образовать соединение с провинциями, которые он последовательно присоединял к Империи. Так, в Савойе дорога, гладкая, как садовая дорожка, вытеснила опасные подъемы и спуски Брамант-ского леса; так переход через гору Сени стал приятной прогулкой почти в любое время года; так Симплон склонил голову, и Бонапарт мог бы сказать: "Теперь это мои Альпы", - с большим основанием, чем Людовик XIV. сказал: "Теперь Пиренеев нет".

—[Меттерних (том iv, стр. 187) говорит по этому поводу: "Если вы внимательно присмотритесь к ходу человеческих дел, вы сделаете странные открытия. Например, что Симплонский перевал внес такой же несомненный вклад в бессмертие Наполеона, какой многочисленные работы, сделанные в царствование императора Франциска, не смогут добавить к его бессмертию.]—

Бонапарт питал ко мне такое безоговорочное доверие, что я часто тревожился из-за ответственности, которую это возлагало на меня.

—[Достаточным доказательством этой уверенности являются следующие инструкции для меня, которые он продиктовал Дюроку: —

"1. Гражданин Буррьен должен вскрывать все письма, адресованные Первому консулу, Т.е. Письма должны быть сданы на хранение в кабинет после их вскрытия. Буррьен должен проанализировать все те, которые представляют второстепенный интерес, и написать решение Первого консула по каждому письму. Время вручения писем должно быть, во-первых, когда консул встанет; во-вторых, за четверть часа до обеда; и в-третьих, в одиннадцать часов вечера.

"2. Он должен руководить топографическим управлением и бюро переводов, в котором должны быть клерки по-немецки и по-английски. Каждый день в указанные выше часы он должен представлять Первому консулу немецкие и английские журналы вместе с переводом. Что касается итальянских журналов, то необходимо будет только отметить, что должен прочитать Первый консул.

"3. Он должен вести реестр назначений на государственные должности; второй - для назначений на судебные должности; третий - для назначений в места за границей; и четвертый - для должностей получателей и крупных финансовых должностей, куда он должен вносить имена всех лиц, которых Первый консул может направить к нему. Эти записи должны быть написаны его собственной рукой и храниться в полной тайне.

"4-е место. Секретная корреспонденция и различные сообщения о слежке должны направляться непосредственно Буррьену и передаваться им в руки Первого консула, который вернет их без вмешательства какой-либо третьей стороны.

"6. Должен быть реестр всего, что относится к секретным чрезвычайным расходам. Буррьен напишет все это своей рукой, чтобы никто не узнал об этом деле.

"7-е. Он должен передавать все дела, которые могут быть ему переданы, либо от гражданина Дюрока, либо из кабинета Первого консула, заботясь о том, чтобы все было организовано так, чтобы обеспечить секретность.

(Подпись) "БОНАПАРТ, первый консул.

"Париж, 13-е Жерминаля, VIII год". (3. Апрель 1800 г.)"—

Служебные дела были не единственной работой, которая ложилась на меня. Большую часть дня мне приходилось писать под диктовку Первого консула или расшифровывать его почерк, что всегда было самой трудоемкой частью моей работы. Я был так занят, что почти никогда не выходил из дому; а когда случайно обедал в городе, то не мог приехать до самого обеда и был вынужден сразу после него убежать. Самое большее раз в месяц я ходил без Бонапарта в "Комеди Франсез", но мне приходилось возвращаться к девяти часам, именно в это время мы возобновляли работу. Корвизар, с которым я был близко знаком, постоянно выражал свои опасения по поводу моего здоровья; но мое рвение помогало мне преодолевать все трудности, и во время нашего пребывания в Тюильри я не могу выразить, как счастлив был пользоваться безоговорочным доверием человека, на которого были обращены взоры всей Европы. Эта уверенность была настолько абсолютной, что Бонапарт, ни как генерал, ни как консул, ни как император, никогда не назначал мне никакого фиксированного жалованья. В денежных вопросах мы по-прежнему были товарищами: я брал из его средств все необходимое для покрытия своих расходов, и по этому поводу Бонапарт ни разу не потребовал от меня отчета.

Он часто упоминал о своем желании возродить государственное образование, которым, по его мнению, плохо управляли. Центральные школы ему не нравились; но он не мог скрыть своего восхищения Политехнической школой, лучшим учебным заведением, которое когда-либо было основано, но которое он впоследствии испортил, придав ему военную

организацию. Только в одном колледже Парижа сохранилась старая система обучения: это был Луи-ле-Гран, получивший название Притани. Первый консул поручил министру внутренних дел составить отчет об этом заведении, а сам отправился с неожиданным визитом в Притани в сопровождении г-на Лебрена и Дюрока. Он оставался там больше часа, а вечером с большим интересом рассказал мне о цели своего визита. "Знаете ли вы, Бурьен, - сказал он, - что я исполнял обязанности профессора?" — "Вы, генерал!" — "Да! и я неплохо справился. Я обследовал учеников в математическом классе; и я вспомнил достаточно о моем Безу, чтобы провести перед ними несколько демонстраций. Я побывал везде, в спальнях и столовой. Я попробовал суп, который оказался вкуснее, чем у нас в Бриенне. Я должен уделить серьезное внимание государственному образованию и управлению колледжами. Ученики должны носить форму. Я заметил, что одни были хорошо, а другие плохо одеты. Так не пойдет. В колледже, прежде всего, должно быть равенство. Но я был очень доволен учениками Притани. Я хочу знать имена тех, кого я обследовал, и я попросил Дюрока сообщить мне о них. Я назначу им награды; это стимулирует молодежь. Я позабочусь о некоторых из них".

В этом вопросе Бонапарт не ограничился пустой схемой. Посоветовавшись с директором Пританея, он назначил пенсии в размере 200 франков семи или восьми наиболее выдающимся ученикам заведения, а троих из них пристроил в министерство иностранных дел под названием "ученики-дипломаты".

—[Этот институт для учеников—дипломатов был первоначально предложен М. де Талейраном.]—

То, что я только что сказал относительно визита Первого консула в Притани, напоминает мне об очень необычных обстоятельствах, которые возникли в результате этого. Среди учеников Притани был сын генерала Мяццинского, который погиб, сражаясь под знаменами Республики. Юному Мяццинскому было тогда шестнадцать или семнадцать лет. Вскоре он бросил колледж, пошел добровольцем в армию и был одним из корпусов, разбиравшихся под командованием Бонапарта на равнине Саблон. На него указали Первому консулу, который сказал ему: "Я знал твоего отца. Следуй его примеру, и через шесть месяцев ты будешь офицером". Прошло шесть месяцев, и Мяццинский написал первому консулу, напомнив ему о своем обещании. Ответа не последовало, и тогда молодой человек написал второе письмо следующего содержания:

Вы хотели, чтобы я доказал, что достоин своего отца; я это сделал. Вы обещали, что я стану офицером через шесть месяцев; с тех пор, как было дано это обещание, прошло семь. Когда вы получите это письмо, меня уже не будет. Я не могу жить при правительстве, глава которого нарушает свое слово.

Бедный Мяццинский сдержал свое слово, но слишком верно. Написав вышеупомянутое письмо Первому консулу, он удалился в свою комнату и прострелил себе мозги выстрелом из пистолета. Через несколько дней после этого трагического события поручение Мяццинского было передано его корпусу, поскольку Бонапарт не забыл его. Задержка в Военном министерстве стала причиной смерти этого многообещающего молодого человека. Бонапарт был очень тронут этим обстоятельством и сказал мне: "У этих поляков такие тонкие понятия о чести.... Бедняга Сулковский, я уверен, поступил бы так же".

В начале консульства было приятно видеть, как активно Бонапарту помогали в осуществлении планов социального возрождения Франции; все казались воодушевленными новой жизнью, и каждый стремился творить добро, как будто это было соревнованием.

Все обстоятельства благоприятствовали добрым намерениям Первого консула. Вакцинация, которая, возможно, спасла столько же жизней, сколько принесла война, была введена во Франции г-ном д'Лианкур; и Бонапарт, сразу оценив ценность такого открытия, решительно одобрил его. В то же время был учрежден совет по присуждению премий, и старым членам Учредительного собрания было предложено вернуться во Францию. Именно ради них и ради роялистов Первый консул отозвал их, но именно в угоду якобинцам, которых он пытался умиротворить, на их возвращение были наложены ограничения. Сначала приглашение вернуться во Францию распространялось только на тех, кто мог доказать, что они голосовали за отмену дворянства. Списки эмигрантов были закрыты, и были назначены комитеты для расследования их претензий на привилегию возвращения.

С начала месяца Жерминаль реорганизация итальянской армии продолжалась с удвоенной активностью. Присутствие в Париже прекрасного корпуса Консульской гвардии в сочетании с желанием покрасоваться в яркой форме возбудило военный пыл многих респектабельных молодых людей столицы. Воспользовавшись этим обстоятельством, Первый консул сформировал корпус добровольцев, предназначенный для резервной армии, которая должна была остаться в Дижоне. Он видел преимущество в том, чтобы привлечь к своему делу большое количество семей и проникнуться в них духом армии. Этот добровольческий корпус носил желтую форму, которая в некоторых парижских салонах, где все еще было принято высмеивать, получила за них прозвище "канарейки". Бонапарт, которому не всегда нравилась шутка, воспринял это очень плохо и часто выражал мне свою досаду по этому поводу. Однако он был рад увидеть в составе этого корпуса первый образец привилегированных солдат; идея, которой он руководствовался, когда создавал ординарцев-жандармов во время Йенской кампании и когда организовывал почетный караул после катастроф под Москвой.

В каждом действии своей жизни Бонапарт преследовал какую-то определенную цель. Я вспоминаю, как однажды он сказал мне: "Бурьен, я пока не могу рискнуть что-либо предпринять против цареубийц, но я дам им понять, что я о них думаю. Завтра у меня будут кое-какие дела с Абриалем относительно организации Кассационного суда. Таргет, который является председателем этого суда, не стал бы защищать Людовика XVI. Как вы думаете, кого я собираюсь назначить на его место? ... Тронше, который защищал короля. Они могут говорить все, что им заблагорассудится, мне все равно".

—[В этом, как и во многих других случаях, цинизм языка Бонапарта не допускает буквального перевода.]—

Был назначен Тронше.

Примерно в то же время Первый консул, узнав о побеге генерала Мака, сказал мне: "Мак может идти, куда ему заблагорассудится; я его не боюсь. Но я скажу вам, о чем я думал. Есть несколько других австрийских офицеров, которые были в плену вместе с Маком; среди них граф Дитрихштейн, который принадлежит к знатной семье в Вене. Я освобожу их всех. В момент начала кампании это вызовет хороший эффект. Они увидят, что я ничего не боюсь; и кто знает, может быть, это приобретет мне поклонников в Австрии". Приказ об освобождении австрийских пленных был немедленно отдан. Таким образом, акты великодушия Бонапарта, а также его суровые действия и его выбор людей были результатом глубокого расчета.

Это неизменное внимание к делам правительства проявлялось во всем, что он делал. Я уже упоминал о почти одновременном прекращении ужасного празднования января и разрешении на возобновление оперных балов. Мерой, чем-то похожей на эту, было разрешение фестивалей в Лонгчемпсе, о которых забыли после революции. В то же время он дал разрешение на исполнение духовной музыки в опере. Таким образом, в то время как в публичных выступлениях он поддерживал соблюдение республиканского календаря, он постепенно возрождал старый календарь в праздничные периоды. Масленица ознаменовалась балом, а Страстная неделя - прогулками и концертами.

ГЛАВА XXXV

1800.

Мемориал Святой Елены—Первое письмо Людовика XVIII Бонапарту —Жозефина, Гортензия и Сен—Жерменское предместье- мадам Бонапарт и гадалка—Второе письмо Людовика XVIII — Ответ Бонапарта—Беседа об отзыве Людовика XVIII.—Мир и война—Битва при пинсе—Генуя и Мелас— Реализация военных планов Бонапарта—Ироническое письмо Бертье—Отъезд из Парижа—Инструкции Люсьену и Камбасересу—Жозеф Бонапарт назначен советником короля Франции. Беседа о государственных делах — Александра и Цезаря судит Бонапарт.

Иногда случается, что событие, которое проходит незамеченным в момент своего возникновения, приобретает важность по сравнению с событиями, которые следуют впоследствии. Это размышление, естественно, приходит мне в голову теперь, когда я собираюсь ознакомиться с перепиской, которая велась между Людовиком XVIII. и Первым консулом. Это, безусловно, не самый интересный эпизод из жизни Бонапарта.

Но сначала я должен попросить разрешения высказать замечание по поводу "Мемориала Святой Елены". В этой публикации рассказывается о том, что сказал Бонапарт относительно переговоров между Людовиком XVIII. и он сам; и я считаю необходимым процитировать несколько строк по этому поводу, чтобы показать, насколько утверждения, содержащиеся в Мемориале, отличаются от писем с автографами, находящихся в моем распоряжении.

На острове Святой Елены Наполеон сказал, что никогда не думал о принцах из Дома Бурбонов. До определенного момента это верно. Он не думал о принцах из Дома Бурбонов с целью восстановления их на троне; но в нескольких частях этих Мемуаров было показано, что он думал о них очень часто, и не раз сами их имена вызывали у него тревогу.

— [В Памятке говорится, что "Письмо было доставлено первому консулу Лебреном, который получил его от аббата де Монтескье, секретного агента бурбонов в Париже". В этом письме, написанном очень осторожно, говорилось: —

"Вы надолго откладываете восстановление моего трона. Следует опасаться, что вы переживаете благоприятные моменты для побега. Вы не сможете обеспечить счастье Франции без меня, а я

ничего не смогу сделать для Франции без вас. Тогда поспешите назвать должности, которые вы выбрали бы для своих друзей".

Ответ, по словам Наполеона, был следующим:

"Я получил письмо вашего королевского высочества. Я всегда живо интересовался вашими несчастьями и несчастьями вашей семьи. Вы не должны думать о том, чтобы появиться во Франции; вы могли бы вернуться сюда, только растоптав более ста тысяч трупов. Я всегда буду рад сделать все, что может облегчить вашу участь и помочь изгнать воспоминания о ваших несчастьях". — Бурьен.] —

Суть двух писем, приведенных в "Мемориале Святой Елены", верна. Идеи почти те же, что и в оригинальных письмах. Но неудивительно, что по прошествии столь длительного промежутка времени память Наполеона несколько подвела его. Однако, я полагаю, не будет сочтено неважным, если я представлю читателю дословные копии этой переписки вместе с объяснением некоторых любопытных обстоятельств, связанных с ней.

Ниже приводится письмо Людовика XVIII:

20 февраля 1800г.

СЭР, Каким бы ни было их внешнее поведение, такие люди, как вы, никогда не внушают тревоги. Вы заняли высокое положение, и я благодарю вас за это. Вы лучше, чем кто-либо другой, знаете, сколько силы и могущества требуется для обеспечения счастья великой нации. Спасите Францию от ее собственного насилия, и вы исполните первое желание моего сердца. Верните ей короля, и будущие поколения будут благословлять вашу память. Вы всегда будете слишком необходимы государству, чтобы я мог когда-либо выполнить долг моей семьи и меня самого путем важных назначений.

(Подпись) Луи.

Первый консул был очень взволнован получением этого письма. Хотя он каждый день заявлял о своей решимости не иметь ничего общего с принцами, все же он колебался, отвечать или нет на это предложение. Многочисленные дела, которые тогда занимали его мысли, способствовали этому колебанию. Жозефина и Гортензия умоляли его обнадежить короля, поскольку, поступая таким образом, он никоим образом не связывал себя обязательствами и выигрывал время, чтобы убедиться, не сможет ли он в конечном счете сыграть гораздо большую роль, чем роль Монка. Их мольбы стали настолько настойчивыми, что он сказал мне: "Эти дьявольские женщины сошли с ума! Сен-Жерменское предместье вскружило им голову! Они делают Предместье ангелом-хранителем роялистов, но мне все равно; я не желаю иметь с ними ничего общего".

Мадам Бонапарт сказала, что ей очень хочется, чтобы он пошел на предложенный ею шаг, чтобы изгнать из своей головы всякую мысль о том, чтобы стать королем. Эта мысль всегда вызывала у нее болезненное предчувствие, которое она никогда не могла преодолеть.

В многочисленных беседах со мной Первый консул с замечательной проницательностью обсуждал предложение Людовика XVIII и его последствия. "Сторонники бурбонов, - сказал он, - заблуждаются, если полагают, что я тот человек, который сыграет роль Монка". На этом вопрос был исчерпан, и письмо короля осталось на столе. Тем временем Людовик XVIII. написал второе письмо без какой-либо даты. Оно было следующим:

Вы, должно быть, давно убедились, генерал, что пользуетесь моим уважением. Если вы сомневаетесь в моей благодарности, назначьте награду и выделите состояние ваших друзей. Что касается моих принципов, то я француз, милосердный по характеру, а также по велению разума.

Нет, победитель при Лоди, Кастильоне и Арколе, покоритель Италии и Египта не может предпочесть напрасную известность настоящей славе. Но вы теряете драгоценное время. Мы можем обеспечить славу Франции.

Я говорю "мы", потому что мне нужна помощь Бонапарта, а он ничего не может сделать без меня. Генерал, Европа наблюдает за вами. Вас ожидает слава, и мне не терпится восстановить мир для моего народа.

(Подпись) ЛЮДОВИК.

Это почтенное письмо Первого консула оставалось без ответа в течение нескольких недель; наконец он предложил продиктовать ответ мне. Я заметил, что, поскольку письма короля были автографами, было бы правильнее, если бы он писал их сам. Затем он собственноручно написал следующее:

Сэр, я получил ваше письмо и благодарю вас за комплименты, которые вы адресуете мне.

Вы не должны стремиться вернуться во Францию. Для этого вы должны растоптать более ста тысяч мертвых тел.

Пожертвуйте своими интересами ради спокойствия и счастья Франции, и история воздаст вам должное.

Я не безразличен к несчастьям вашей семьи. Я с удовольствием узнаю об этом и охотно внесу свой вклад в обеспечение спокойствия вашей отставки.

(Подпись) БОНАПАРТ.

Он показал мне это письмо и спросил: "Что ты о нем думаешь? разве оно не хорошее?" Он никогда не обижался, когда я указывал ему на грамматическую или стилистическую ошибку, и поэтому я ответил: "Что касается существа, то, если таково ваше решение, мне нечего сказать против него; но, - добавил я, - я должен сделать одно замечание по поводу стиля. Вы не можете сказать, что научитесь с удовольствием обеспечивать и т.д." Перечитав отрывок, он подумал, что зашел слишком далеко, сказав, что охотно внесет свой вклад и т.д. Поэтому он вычеркнул последнее предложение и добавил: "Я с удовольствием внесу свой вклад в счастье и спокойствие вашей отставки".

Набранный таким образом ответ не мог быть отправлен, и он лежал на столе с подписью Бонапарта, прикрепленной к нему.

Через некоторое время после этого он написал другой ответ, три первых абзаца которого были точно такими же, как в первом процитированном; но вместо последнего абзаца он заменил следующий:

"Я не безразличен к несчастьям вашей семьи; и я с удовольствием узнаю, что вы окружены всем, что может способствовать спокойствию вашего уединения".

Таким образом, он никоим образом не давал обещаний, даже на словах, поскольку сам не предлагал внести свой вклад в спокойствие ухода на пенсию. Каждый день, увеличивающий его власть и укрепляющий его положение, уменьшал, по его мнению, шансы бурбонов; и

между датой первого письма короля и ответом Первого консула, который был написан 2 вендемьера IX года (24 сентября 1800 г.), как раз когда Люневильский конгресс вот-вот должен был открыться, прошло семь месяцев.

Через несколько дней после получения письма Людовика XVIII мы гуляли в садах Мальмезона; он был в хорошем настроении, потому что все приходило ему на ум. "Моя жена говорила вам еще что-нибудь о бурбонах?" сказал он. — "Нет, генерал". — "Но когда вы разговариваете с ней, вы немного разделяете ее мнение. Скажи мне, почему ты хочешь возвращения Бурбонов? Ты не заинтересован в их возвращении, тебе нечего от них ожидать. Положение твоей семьи недостаточно высоко, чтобы позволить тебе занять какой-либо важный пост. Под ними ты был бы никем. Благодаря покровительству господина де Шамбонаса вы получили назначение секретарем дипломатической миссии в Штутгарте; но если бы не перемена, вы бы всю свою жизнь оставались на этом или каком-нибудь более низком посту. Вы когда-нибудь знали, что люди возвышаются благодаря своим собственным заслугам при королях? Все зависит от рождения, связей, состояния и интриг. Судите о вещах более точно, более зрело смотрите на будущее". — "Генерал, - ответил я, - я вполне разделяю ваше мнение по одному пункту. Я никогда не получал подарков, места или милости от бурбонов; и у меня не хватает тщеславия полагать, что я когда-либо получил бы какое-либо важное назначение. Но вы не должны забывать, что мое назначение секретарем представительства в Штутгарте предшествовало свержению трона всего за несколько дней; и я не могу сделать вывод из того, что произошло при обстоятельствах, к сожалению, слишком определенных, что могло бы произойти в обратном случае. Кроме того, мною движут не личные чувства; я руководствуюсь не своими собственными интересами, а интересами Франции. Я хочу, чтобы ты держал бразды правления в своих руках до конца своей жизни; но у тебя нет детей, и совершенно очевидно, что от Джозефины у тебя их не будет. Что будет с нами, когда вас не станет? Вы говорите о будущем; но какова будет дальнейшая судьба Франции? Я часто слышал, как вы говорили, что ваши братья не—" — "Вы правы", - сказал он, резко перебивая меня. "Если я не проживу тридцать лет, чтобы завершить свою работу, после моей смерти у вас будет длинная череда гражданских войн. Мои братья не подойдут Франции; вы знаете, кто они. Следовательно, между самыми выдающимися генералами возникнет ожесточенный конфликт, каждый из которых будет считать себя вправе стать моим преемником". — "Ну, генерал, почему бы не принять меры, чтобы предотвратить беду, которую вы предвидите?" — "Неужели вы воображаете, что я не думаю об этом? Но посмотрите на трудности, которые стоят на моем пути. Как можно защитить так много приобретенных прав и материальных результатов от усилий семьи, вернувшейся к власти с 80 000 эмигрантами и влиянием фанатизма? Что стало бы с теми, кто голосовал за смерть короля, с людьми, сыгравшими заметную роль в Революции, с национальными владениями и множеством вещей, которые были сделаны за двенадцать лет? Можете ли вы представить, как далеко может зайти реакция?" — "Генерал, нужно ли мне напоминать вам, что Луи в своем письме гарантирует обратное всему, чего вы опасаетесь? Я знаю, каким будет ваш ответ; но разве вы не в состоянии навязать любые условия, которые сочтете подходящими? Предоставьте то, о чем вас просят, только такой ценой. Потратьте на это три-четыре года; за это время вы сможете обеспечить счастье Франции с помощью институтов, соответствующих ее желаниям. Обычай и привычка придали бы им силу, которую было бы нелегко уничтожить; и даже предположив, что такой замысел вынашивался, он не мог быть осуществлен. Я слышал, вы говорили, что хотели бы, чтобы вы сыграли роль Монка; но вы хорошо знаете разницу между генералом, выступающим против узурпатора короны, и тем, кого победа и мир возвысили над руинами ниспровергнутого трона и кто добровольно возвращает его тем, кто долгое время его занимал. Вы прекрасно понимаете, что то, что вы называете идеологией, больше не возродится; и—" — "Я знаю, что

вы собираетесь сказать; но все это ничего не значит. Будьте уверены, бурбоны решат, что они отвоевали свое наследство, и будут распоряжаться им так, как им заблагорассудится. Самые священные обязательства, самые позитивные обещания будут нарушены. Только дураки будут доверять им. Мое решение принято, поэтому давайте больше не будем говорить на эту тему. Но я знаю, как эти женщины мучают вас. Пусть они занимаются своим вязанием, а я предоставлю им делать то, что я считаю правильным".

Каждый знает пословицу "Si vis pacem para bellum". Если бы Бонапарт был знатоком латыни, он, вероятно, изменил бы формулировку и сказал: "Si vis bellum para pacem". Стремясь установить мирные отношения с европейскими державами, Первый консул готовился нанести серьезный удар по Италии. Пока держалась Генуя и Массена оставался там, Бонапарт не отчаивался встретиться с австрийцами на тех полях сражений, которые менее четырех лет назад были ареной его успеха. Он решил собрать резервную армию в Дижоне. Там, где раньше ничего не было, он создал все. В тот период его жизни плодovitость его воображения и сила его гения, должно быть, вызывали восхищение даже у его злейших врагов. Я был поражен деталями, в которые он вникал. В то время как каждая минута была поглощена самыми важными занятиями, он отправил 24 000 франков в больницу Мон-Сен-Бернар. Когда он увидел, что его резервная армия формируется и все идет по его плану, он сказал мне: "Я надеюсь напасть на Меласа с тыла до того, как он узнает, что я в Италии ... то есть при условии, что Генуя выстоит. Но МАССЕНА защищает это".

17 марта, в момент веселья и хорошего настроения, он попросил меня развернуть большую карту Италии Шошара. Он лег на нее и попросил меня сделать то же самое. Затем он воткнул в нее булавки, головки которых были смазаны воском, красным и черным. Я молча наблюдал за ним и с немалым любопытством ожидал результата этого плана кампании. Когда он разместил вражеский корпус и расставил булавки с красными головками в тех местах, куда он надеялся подвести свои войска, он сказал мне: "Как ты думаешь, где я разобью Меласа?" — "Откуда, черт возьми, мне знать?" — "Да посмотри же сюда, дурак! Мелас со своим штабом находится в Алессандрии. Там он останется до капитуляции Генуи. В Алессандрии у него есть склады, госпитали, артиллерия и резервы. Пересекая здесь Альпы (указывает на Великую гору Мон-Сен-Бернар). Я нападу на Меласа, перережу его сообщение с Австрией и встречу с ним здесь, на равнинах Скривии" (прикрепляя красную булавку к Сан-Джулиано). Обнаружив, что я рассматриваю этот маневр с булавками просто как развлечение, он адресовал мне несколько своих обычных комплиментов, таких как "дурачок", "дурочка" и т.д., А затем продолжил более наглядно демонстрировать свои планы на карте. По истечении четверти часа мы встали; я сложил карту и больше не думал об этом.

Четыре месяца спустя, когда я был в Сан-Джулиано с портфелем Бонапарта и депешами, которые я спас после разгрома, произошедшего днем, и когда в тот же вечер я писал в Торре-ди-Галифоло отчет о битве под диктовку Наполеона, я откровенно признался в своем восхищении его военными планами. Он сам улыбнулся точности собственного предвидения.

Первого консула не устроил генерал Бертье на посту военного министра, и он заменил его Карно,

— [Для назначения Карно были особые причины, Бертье требовался к своему хозяину в Италии, в то время как Карно, который так долго командовал армиями Республики, был лучше приспособлен для влияния на Моро, в это время продвигавшегося в Германию. Карно, вероятно, выполнил главную цель своего назначения, когда его направили к Моро, и ему удалось заставить этого генерала, с естественным нежеланием, нанести ущерб его собственной кампании, отправив

большой отряд войск в Италию. Бертье был вновь назначен в министерство 8 октября 1800 года — очень быстрое возвращение, если бы он действительно был опозорен.]—

который продемонстрировал большие доказательства твердости и честности, но, тем не менее, не был любимцем Бонапарта из-за своих непоколебимых республиканских принципов. Бертье слишком медленно выполнял предписанные меры [дублированная строка удалена здесь Д.У.] и слишком снисходителен к оплате прошлых расходов и к новым контрактам. Назначение Карно состоялось 2 апреля 1800 года; и чтобы утешить Бертье, который, как он знал, больше чувствовал себя как дома в лагере, чем в офисе, он продиктовал мне для него следующее письмо:

ПАРИЖ, 2 апреля 1800 года.

ГРАЖДАНИН генерал, военные таланты, о которых вы привели так много доказательств, и доверие правительства призывают вас к командованию армией. В течение зимы вы РЕОРГАНИЗОВАЛИ Военное министерство и обеспечили, насколько позволили обстоятельства, нужды наших армий. В течение весны и лета вашей задачей должно быть привести наши войска к победе, которая является эффективным средством достижения мира и укрепления Республики.

Бонапарт от души смеялся, диктуя это послание, особенно когда произнес слово, которое я выделил курсивом [ЗАГЛАВНЫМИ буквами]. Бертье отправился в Дижон, где приступил к формированию резервной армии.

Консульская конституция не уполномочивала Первого консула командовать армией за пределами территории Франции. Поэтому Бонапарт хотел сохранить в секрете свой давно вынашиваемый план поставить себя во главе итальянской армии, которую он тогда впервые назвал великой армией. Я заметил, что его выбор Бертье никого не мог обмануть, потому что должно быть очевидно, что он сделал бы другой выбор, если бы не намеревался командовать лично. Он рассмеялся над моим замечанием.

Наш отъезд из Парижа был назначен на 6 мая, или, согласно республиканскому календарю, на 16 Флореаля. Бонапарт сделал все необходимые приготовления и отдал все свои приказы; но все же он не хотел, чтобы стало известно, что он собирается принять командование армией. Накануне нашего отъезда, совещаясь с двумя другими консулами и министрами, он сказал Люсьену: "Подготовьте завтра утром циркуляр для префектов, и вы, Фуше, опубликуете его в газетах. Скажите, что я уехал в Дижон инспектировать резервную армию. Вы можете добавить, что я, возможно, поеду даже в Женеву; но вы должны твердо заявить, что я не буду отсутствовать дольше двух недель. Вы, Камбасерес, будете завтра председательствовать в Государственном совете. В мое отсутствие вы являетесь главой правительства. Заявите, что мое отсутствие будет непродолжительным, но ничего не уточняйте. Выражаю свое одобрение Государственному совету; он уже оказал большие услуги, и я буду счастлив видеть, что он продолжит в том же духе, в каком шел до сих пор. О! Я чуть не забыл — в то же время вы объявите, что я назначил Джозефа членом государственного совета. Если что-нибудь случится, я вернусь, как гром среди ясного неба. Я представляю вам все великие интересы Франции и надеюсь, что вскоре обо мне заговорят в Вене и Лондоне".

Мы отправились в путь в два часа ночи по бургундской дороге, по которой уже так часто ездили при совсем других обстоятельствах.

Во время путешествия Бонапарт беседовал о воинах древности, особенно об Александре, Цезаре, Сципионе и Ганнибале. Я спросил его, кого он предпочитает, Александра или Цезаря. "Я ставлю Александра на первое место, - сказал он, - и все же я восхищаюсь прекрасной кампанией Цезаря в Африке. Но основанием для моего предпочтения царю Македонии является план и, прежде всего, исполнение его кампании в Азии. Только те, кто совершенно не разбирается в войне, могут винить Александра за то, что он потратил семь месяцев на осаду Тира. Что касается меня, я бы оставался там семь лет, если бы это было необходимо. Это большой предмет для споров; но я рассматриваю осаду Тира, завоевание Египта и путешествие в оазис Амона как неоспоримое доказательство гения этого великого полководца. Его целью было дать царю Персии (из сил которого он разбил лишь слабый авангард при Гранике и Иссе) время собрать свои войска, чтобы он мог одним ударом опрокинуть колосса, который он пока только поколебал. Преследуя Дария в его владениях, Александр отделился бы от своего подкрепления и встретил бы лишь разрозненные отряды войск, которые завели бы его в пустыню, где его армия была бы принесена в жертву. Упорствуя во взятии Тира, он обеспечил свои связи с Грецией, страной, которую он любил так же горячо, как я люблю Францию, и во славу которой он увековечил свою собственную. Завладев богатой провинцией Египет, он вынудил Дария выступить на ее защиту или освободить ее, и при этом пройти половину пути ему навстречу. Представляя себя сыном Юпитера, он воздействовал на пылкие чувства жителей Востока таким образом, что они мощно поддерживали его замыслы. Хотя он умер в тридцать три года, какое имя он оставил после себя!"

Хотя я был совершенно незнаком с благородной профессией военного, я все же восхищался хитроумными военными планами Бонапарта и его проникательными замечаниями о великих полководцах древности и современности. Я не мог удержаться, чтобы не сказать: "Генерал, вы часто упрекаете меня в том, что я не умею льстить, но теперь я прямо говорю вам, что восхищаюсь вами". И, конечно, я действительно высказал свои истинные чувства.

JOSEPHINE

TOM II. — 1800-1803

DESAIX.

MOREAU.

HORTENSE BEAUHARNAIS.
QUEEN OF HOLLAND

HENRI DE BOURBON
(DUC D'ENGHIEN)

ГЛАВА I.

1800.

Доверие Бонапарта к армии — "Прекрасная" Франция—Монастырь Бернадинцев—Переход через гору Сен—Бернар—Прибытие в монастырь— Солдатам раздали прохладительные напитки—Гора Альбаредо—Артиллерия спешила—Форт Бард—Удачная смелость—Бонапарт и Мелас—Шпион—Мнение Бонапарта о Неккере—Капитуляция Генуи—Перехваченная депеша—Ланн в Монтебелло—Буде сменил Дезэ—Хладнокровие первого консула к Колло—Разговор и воспоминания— Битва при Маренго —Генерал Келлерман—Ужин, присланный из монастыря дель Боско—Подробности смерти Десо, принца Лихтенштейнского—Возвращение в Милан—Савари и Рапп.

Нельзя отрицать, что если с 18 Брюмера до эпохи, когда Бонапарт начал кампанию, во внутренних делах Франции были достигнуты бесчисленные улучшения, то на внешние дела нельзя было смотреть с таким же удовлетворением. Италия была потеряна, и с границ Прованса были видны австрийские лагерные костры. Бонапарт не был в неведении о трудностях своего положения, и именно из-за этих самых трудностей, каким бы ни был результат его отважного предприятия, он хотел избавиться от него как можно скорее. Он не питал иллюзий и часто говорил, что нужно поставить на карту все, чтобы получить все.

Армия, на которую Первый консул готовился напасть, была многочисленной, хорошо дисциплинированной и победоносной.

Его войска, за исключением очень небольшого числа солдат, состояли из новобранцев; но этими новобранцами командовали офицеры, чей пыл не имел себе равных. Теперь судьба Бонапарта должна была зависеть от победы или поражения в битве. Проигранная битва развеяла бы все мечты его воображения, а вместе с ними исчезли бы все его грандиозные планы относительно будущего Франции. Он видел опасность, но не был ею запуган; и, полагаясь на свою привычную удачу, а также на мужество и верность своих войск, он сказал: "У меня, это правда, много призывников в моей армии, но они французы. Разве четыре года назад я со слабой армией не гнал перед собой орды сардинцев и австрийцев и не стирал с лица земли Италию? Мы сделаем это снова. Солнце, которое сейчас светит над нами, такое же, как в Арколе и Лоди. Я полагаюсь на Массену. Надеюсь, он выстоит в Генуе. Но если голод вынудит его сдаться, я верну Геную на равнинах Скривии. С каким удовольствием я вернусь тогда в мою дорожную Францию! *Ma belle France.*"

В этот момент, когда возможный, нет, вероятный шанс мог навсегда разрушить его честолюбивые надежды, он впервые заговорил о Франции как о своей. Учитывая обстоятельства, в которых мы тогда находились, это употребление притяжательного местоимения "мой" более убедительно, чем что-либо, что можно было бы сказать, описывает вспышки прозрения, промелькнувшие в мозгу Бонапарта, когда он был погружен в свои химерические представления о славе и богатстве.

В таком благоприятном расположении духа Первый консул прибыл в Мартиньи 20 мая. Мартиньи - монастырь бернадинцев, расположенный в долине, куда почти никогда не проникают солнечные лучи. Армия полным ходом шла к Великому Святому Бернару. В этом мрачном уединении Бонапарт ждал три дня, ожидая, что форт Бард, расположенный за горой и прикрывающий дорогу на Ивери, сдастся. Город был взят 21 мая, а на третий день он узнал, что форт все еще держится и что нет никаких признаков его сдачи. Он начал жаловаться на командующего осадой и сказал: "Я устал оставаться в этом монастыре; эти дураки никогда не возьмут Барда; я должен пойти сам и посмотреть, что можно сделать. Они

не могут уладить даже такое презренное дело без меня! Он немедленно отдал приказ о нашем отъезде.

Грандиозная идея вторжения в Италию через гору Сен-Бернар исходила исключительно от Первого консула. Это чудесное достижение по праву вызвало восхищение всего мира. Невероятные трудности, с которыми это сопряжено, не поколебали мужества войск Бонапарта. Его генералы, привыкшие не бояться усталости и опасностей, безразлично смотрели на гигантское предприятие современного Ганнибала.

Монастырь или странноприимный дом, который был основан на горе с целью оказания помощи одиноким путешественникам, в достаточной степени свидетельствует об опасностях этих штормовых регионов. Но теперь реку Сенбернар предстояло переправлять не одиноким путешественникам, а целой армии. Кавалерия, обоз, пехота и артиллерия должны были теперь продвигаться по тем узким тропинкам, по которым козье стадо осторожно ступает по своим следам. С одной стороны, снежные массы, висевшие над нашими головами, каждую минуту грозили сорваться лавиной и смыть нас при спуске. С другой стороны, неверный шаг был смертелен. Мы все проходили, мужчины и лошади, один за другим, по козьим тропам. Артиллерия была демонтирована, и орудия, установленные в выкопанных стволах деревьев, были натянуты на веревках.

Я уже упоминал, что Первый консул передал средства хоспису Великого Святого Бернара. Добрые отцы привезли из двух долин значительный запас сыра, хлеба и вина. Перед хосписом были накрыты столы, и каждый солдат, проходя мимо, брал бокал вина и кусок хлеба с сыром, а затем уступал свое место следующему. Отцы подали блюда и обновили порции с замечательным порядком и активностью.

Первый консул поднялся на Сенбернар с тем спокойным самообладанием и с тем видом безразличия, которыми он всегда отличался, когда чувствовал необходимость подать пример и подвергнуть себя опасности. Он задал своему проводнику много вопросов о двух долинах, поинтересовался, каковы ресурсы жителей и так ли часты несчастные случаи, как о них рассказывают. Проводник сообщил ему, что вековой опыт позволяет жителям предвидеть хорошую или плохую погоду и что они редко обманываются.

Бонапарт, одетый в свою серую шинель и с хлыстом в руке, казался несколько разочарованным, не увидев никого, кто пришел бы из долины Аорта сообщить ему о взятии форта Бард. Я ни на минуту не оставлял его во время восхождения. Мы не подвергались никакой личной опасности и отделались лишь чрезмерной усталостью.

По прибытии в монастырь Первый консул посетил часовню и три маленькие библиотеки. У него было время прочитать несколько страниц из старой книги, название которой я забыл.

Наш завтрак-ужин был очень скромным. Маленький огород все еще был покрыт снегом, и я сказал одному из отцов: "У вас здесь может быть немного овощей". — "Мы получаем овощи из долин, - ответил он, - но в августе, в теплое время года, у нас есть несколько салатных листьев, которые мы выращиваем сами".

Достигнув вершины горы, мы уселись на снег и заскользили вниз. Те, кто шли первыми, расчищали путь тем, кто шел за ними. Этот быстрый спуск очень позабавил нас, и нас остановила только грязь, сменившая снег на расстоянии пятисот или шестисот туазов вниз по склону.

Мы пересекли, или, скорее, взобрались на гору Альбаредо, чтобы не проходить под фортом Бард, который замыкает долину Аорта. Поскольку поднять артиллерию на эту гору было

невозможно, было решено провести ее через город Бард, который не был укреплен. Для этой операции мы выбрали ночь, и колеса пушки, кессоны и даже лошадиные ноги были обернуты соломой, так что все это спокойно прошло через маленький городок. Они действительно находились под огнем форта; однако он не так уж полностью контролировал улицу, но дома защитили бы их от любых очень фатальных последствий. Значительная часть армии ушла до сдачи форта, который настолько полностью контролирует узкую долину, ведущую к Аорте, что трудно понять небрежность австрийцев, не предпринявших более эффективных действий; очень простыми мерами предосторожности они могли бы сделать переход через Сен-Бернар бесполезным.

23-го числа мы оказались в пределах видимости форта Бард, который возвышается над дорогой, ограниченной рекой Дория Балтеа справа и горой Альбаредо слева. Дория Балтеа - небольшой ручей, отделяющий город Бард от форта. Бонапарт, свита которого была не очень многочисленной, пересек ручей. Подъехав на расстояние ружейного выстрела к форту, он приказал нам ускорить шаг, чтобы выйти на небольшую тропинку слева, ведущую к вершине Мон Альбаредо и огибающую город и форт Бард.

Мы с некоторым трудом поднялись по этой тропинке пешком. Достигнув вершины горы, возвышающейся над фортом, Бонапарт навел свою подзорную трубу на траву и, расположившись за несколькими кустами, которые служили ему одновременно укрытием, внимательно осмотрел форт. Задав несколько вопросов лицам, пришедшим сообщить ему информацию, он недовольным тоном упомянул о допущенных ошибках и приказал возвести новую батарею для обстрела точки, которую он отметил и откуда, как он гарантировал, несколько выстрелов вынудят форт сдаться. Отдав эти приказы, он спустился с горы и лег спать той ночью в Иври. 3 июня он узнал, что форт сдался накануне.

Переход через гору Сен-Бернар, должно быть, занимает большое место в анналах успешной отваги. Смелость Первого консула, казалось, как бы очаровала противника, и его предприятие было настолько неожиданным, что ни один австрийский корпус не защищал подступы к форту Бард. Местность была совершенно беззащитна, и мы лишь тут и там встречали несколько слабых отрядов, которые были неспособны остановить наше наступление на Милан. Наступление Бонапарта изумило и сбило с толку врага, который не думал ни о чем, кроме как отступить тем же путем, каким пришел, и отказаться от вторжения во Францию. Смелый гений, руководивший Бонапартом, не вдохновлял генерала Меласа, главнокомандующего австрийскими войсками. Если бы Мелас обладал твердостью, которая должна принадлежать командующему армией, — если бы он сравнил соответствующие позиции двух партий, — если бы он посчитал, что больше нет времени восстанавливать свой операционный рубеж и восстанавливать связь с Наследственными государствами, что он был хозяином всех укрепленных пунктов в Италии, что ему нечего было бояться Массены, что Суше не смог бы противостоять ему, — если бы тогда, следуя примеру Бонапарта, он двинулся маршем на Лион, что стало бы с первым консулом? Мелас встретил бы мало препятствий и почти везде открытые города, в то время как французская армия была бы истощена, не имея врага, с которым можно было бы сражаться. Несомненно, именно так поступил бы Бонапарт, будь он на месте Меласа; но, к счастью для нас, Мелас не был Бонапартом.

Мы прибыли в Милан 2 июня, в день, когда Первый консул услышал, что форт Барда взят. Но нашему вступлению в столицу Ломбардии было оказано небольшое сопротивление, и термин "боевые действия" едва ли применим к нескольким боевым действиям на передовых постах, в успехе которых ни на минуту нельзя было сомневаться; Миланский форт был немедленно блокирован. Мюрата послали в Пьяченцу, которой он овладел без труда, а Ланн

разбил генерала Отта при Монтебелло. Он был далек от мысли, что этим подвигом завоевал для себя будущее герцогство!

Первый консул провел шесть дней в Милане. На следующий день после нашего прибытия туда было объявлено о шпионе, который очень хорошо служил нам в первой кампании в Италии. Первый консул вспомнил о нем и приказал проводить в свой кабинет.— Ты что, здесь? - спросил я. он воскликнул: "Так вас еще не расстреляли!" — "Генерал, - ответил шпион, - когда война возобновилась, я решил служить австрийцам, потому что вы были далеко от Европы. Я всегда слежуд за удачливыми; но, по правде говоря, я устал от этого ремесла. Я хотел бы покончить с этим и зарабатывать достаточно, чтобы уйти на покой. Генерал Мелас направил меня на ваши позиции, и я могу оказать вам важную услугу. Я дам точный отчет о силах и расположении всех корпусов противника, а также имена их командиров. Я могу рассказать вам о ситуации, в которой сейчас находится Александрия. Вы знаете меня, я не стану вас обманывать; но я должен передать кое-какой отчет моему генералу. Вам не нужно беспокоиться о том, чтобы сообщить мне какие—то правдивые подробности, которые я могу сообщить ему". - "О! что касается этого, - продолжал первый консул, - то врагу желательно знать мои силы и мои позиции, при условии, что я знаю его силы, а он не осведомлен о моих планах. Вы будете довольны; но не обманывайте меня: вы просите 1000 луидоров, вы получите их, если будете хорошо мне служить". Затем я записал под диктовку шпиона названия корпусов, их количество, должности, имена командующих ими генералов. Консул воткнул булавки в карту, чтобы отметить свои планы в местах, о которых он получил информацию от шпиона. Мы также узнали, что в Александрии не было провизии, что Мелас вовсе не ожидал осады, что многие из его войск были больны и что ему нужны были лекарства. Бертье было приказано составить для шпиона почти точное описание наших позиций.

Информация, предоставленная этим человеком, оказалась настолько точной и полезной, что по возвращении из Маренго Бонапарт приказал мне выплатить ему 1000 луидоров. Впоследствии шпион сообщил ему, что Мелас был в восторге от того, как он помог ему в этом деле, и щедро вознаградил его. Он заверил нас, что распрощался со своей отвратительной профессией. Первый консул расценил это маленькое событие как одну из милостей судьбы.

Проезжая через Женеву, Первый консул имел беседу с Неккером.

—[Мадам де Сталь кратко упоминает об этом интервью в своих "Соображениях французской революции""М. Неккер, - говорит она, - беседовал с Бонапартом, когда тот направлялся в Италию через перевал Мон-Сен-Бернар, за несколько дней до битвы при Маренго. Во время этой беседы, длившейся два часа, первый консул произвел на моего отца очень благоприятное впечатление тем, с какой уверенностью он говорил о своих будущих проектах". — Буррьен.] —

Я не знаю, как это произошло, но в то время он не рассказывал мне об этом интервью. Однако мне было любопытно узнать, что он думает о человеке, который приобрел большую известность во Франции. Однажды вечером, когда мы говорили о том о сем, мне удалось перевести разговор на эту тему. "Господин Неккер, - сказал он, - кажется мне гораздо ниже своей репутации. Он не соответствовал тому представлению, которое у меня сложилось о нем. Я делал все возможное, чтобы разговорить его; но он не сказал ничего примечательного. Он идеолог —

—[Это был постоянный упрек Бонапарту. Он настроил против себя всех метафизиков Континента, воскликнув: "Я не верю в точку зрения идеологов".] —

банкир. Невозможно, чтобы у такого человека были какие-либо иные взгляды, кроме узких; и, кроме того, самые знаменитые люди проигрывают, если смотреть пристально". — "Не всегда, генерал", — заметил я. "Ах! - сказал он, улыбаясь, - "Это неплохо, Буррьен. Ты совершенствуешься. Я вижу, что со временем из тебя что-нибудь получится!"

Приближался день, когда все должно было быть потеряно или выиграно. Первый консул сделал все необходимые приготовления и отправил различные корпуса занимать пункты, которые он отметил. Я уже упоминал, что задачей Мюрата была оккупация Пьяченцы. Как только он овладел этим городом, он перехватил курьера генерала Меласа. Дешеша, адресованная Городскому совету Вены, была доставлена нам в ночь на 8 июня. В нем было объявлено о капитуляции Генуи, которая состоялась 4-го числа, после долгой и запоминающейся обороны, оказавшей Массене столько чести. Мелас в своем донесении отзывался о том, что он называл нашей мнимой резервной армией, с непостижимым презрением и ссылаясь на присутствие Бонапарта в Италии как на простую выдумку. Он заявил, что все еще находится в Париже. Был третий час ночи, когда прибыл курьер Мюрата. Я немедленно перевел депешу, которая была на немецком. Около четырех часов я вошел в кабинет Первого консула, которого мне пришлось потрясти за руку, чтобы разбудить. Он хотел, чтобы я, как я уже упоминал, никогда не уважал его покой до получения плохих новостей, но при получении хороших новостей давал ему поспать. Я прочел ему депешу, и он был настолько ошеломлен этим неожиданным событием, что его первым восклицанием было: "Ба! вы не понимаете по-немецки". Но едва он произнес эти слова, как встал, и к восьми часам утра были отправлены приказы о ликвидации возможных последствий этой катастрофы и отмене марша войск на Скривию. Сам он в тот же день отправился в Страделлу.

В некоторых источниках я видел упоминание о том, что Первый консул лично одержал победу в битве при Монтебелло. Это ошибка. Он покинул Милан только 9 июня, и в тот же день Ланн вступил в бой с врагом. Конфликт был настолько ужасен, что Ланн несколько дней спустя, описывая его в моем присутствии месье Колло, употребил следующие замечательные слова, которые я хорошо помню: "В моей дивизии трескали кости, как град, падающий на стеклянную крышу".

По исключительной случайности Десо, которому предстояло внести свой вклад в победу и остановить разгром Маренго, прибыл из Египта в Тулон в тот самый день, когда мы выехали из Парижа. Ему позволили покинуть Египет в результате капитуляции Эль-Ариша, которая произошла 4 января 1800 года. Он написал мне письмо, датированное 16 флореаля VIII года. (6 мая 1800 г.), извещающее о его прибытии. Это письмо я получил, только когда мы прибыли в Мартиньи. Я показал его первому консулу. "А! - воскликнул он. - Дезэ в Париже!" - и немедленно отправил ему приказ отправляться в штаб итальянской армии, где бы они ни находились. Десо прибыл в Страделлу утром 11 июня. Первый консул принял его с самой теплой сердечностью, как человека, которого он высоко ценил и чьи таланты и характер давали самые радужные надежды на то, чего от него когда-нибудь можно было ожидать. Бонапарт ревновал к некоторым генералам, соперничества честолюбцев которых он опасался; но в этом вопросе Дезэ не доставлял ему беспокойства; столь же замечательный своим скромным нравом, талантом и информацией, он доказал своим поведением, что любит славу ради нее самой и что всякое желание обладать политической властью было ему чуждо. Дружба Бонапарта с ним была полной энтузиазма. Во время этого собеседования в Страделле Дезэ более трех часов беседовал с Первым консулом наедине. На следующий

день после его прибытия в армию был разослан приказ о том, что Дезэ назначен командовать дивизией Буде.

—[Буде был в очень близких отношениях с Бонапартом, на которого, без сомнения, сильно повлияла его смерть. Однако единственное замечание, которое он сделал, получив разведданные, было: "Кого, черт возьми, мне нанять на место Буде?" — Бурьен.

Командование Десо было поручено корпусу, специально сформированному из двух дивизий Буде и Монье (Савари, том i, стр. 262). Буде не был убит при Маренго, тем более раньше (см. Ошибки, том i, стр. 14).]—

Я выразил Бонапарту свое удивление по поводу его продолжительной беседы с Дезэ. "Да, - ответил он, - он давно у меня; но вы знаете, какой он любимец. Как только я вернусь в Париж, я назначу его военным министром. Я бы сделал его принцем, если бы мог. Он довольно античный персонаж". Десо умер через два дня после того, как ему исполнилось тридцать три года, и менее чем через неделю после приведенных выше наблюдений.

Примерно в это же время г-н Колло приехал в Италию и встретился с Бонапартом в Милане. Последний принял его холодно, хотя он еще не выиграл битву при Маренго. Г-н Колло был в самых близких отношениях с Бонапартом и оказал ему много ценных услуг. Эти обстоятельства в достаточной степени объясняли хладнокровие Бонапарта, поскольку он никогда не признавал себя обязанным кому-либо, и ему не нравились те, кто был посвящен в определенные семейные тайны, которые он решил скрыть.

—[На следующий день после свидания у меня состоялся долгий разговор с г-ном Колло, когда Бонапарт уехал на смотр некоторым корпусам, дислоцированным в Милане. Г-н Колло прекрасно понимал причину жестокого обращения, которому он подвергся, и дал мне следующее объяснение:

За несколько дней до консульства, то есть через два или три дня после нашего возвращения из Египта, Бонапарт во время приступа ревности заговорил с г-ном Колло о своей жене, ее легкомыслии и его огласке. "Отныне, - сказал Бонапарт, - я не буду иметь с ней ничего общего". — "Что, вы бы расстались с ней?" — "Разве ее поведение не оправдывает мой поступок?" — "Я не знаю; но разве сейчас время думать о таких вещах, когда взоры всей Франции устремлены на вас?" Эти домашние дразги унижат вас в глазах людей, которые ожидают, что вы будете всецело преданы их интересам; и над вами будут смеяться, как над одним из мужей Мольера: если вы недовольны поведением своей жены, вы можете призвать ее к ответу, когда вам больше нечем заняться. Начните с поднятия состояния. После этого вы можете найти тысячу причин для своего негодования, тогда как сейчас вы не нашли бы ни одной. Вы достаточно хорошо знаете французский народ, чтобы понимать, насколько важно, чтобы вы не начинали с этого абсурда".

Этими и другими подобными замечаниями месье Колло думал, что произвел определенное впечатление, когда Бонапарт внезапно воскликнул: "Нет, мое решение твердо; она никогда больше не войдет в мой дом. Меня не волнует, что говорят люди. Они будут сплетничать об этом романе два дня, а на третий все забудется. Она уедет в Мальмезон, а я буду жить здесь. Публике известно достаточно, чтобы не заблуждаться относительно причин ее отстранения".

месье Колло тщетно пытался унять свое раздражение. Бонапарт обрушил на Жозефину поток упреков. "Все это насилие, - заметил г-н Колло, - доказывает, что вы все еще любите ее. Только повидайся с ней, она объяснит тебе суть дела к твоему удовлетворению, и ты простишь ее". — "Я прощаю ее! Никогда! Колло, ты меня знаешь. Если бы я не был уверен в своем решении, я бы вырвал это сердце и бросил его в огонь". Тут гнев почти заглушил его слова, и он сделал движение рукой, словно разрывая себе грудь.

Когда этот неистовый пароксизм несколько утих, г-н Колло удалился; но прежде чем он ушел, Бонапарт пригласил его позавтракать на следующее утро.

В десять часов г-н Колло был там, и когда он проходил через двор, ему сообщили, что мадам Бонапарт, которая, как я уже упоминал, уехала в Лион, не встретившись с генералом, вернулась ночью. При появлении месье Колло Бонапарт выглядел значительно смущенным. Он отвел его в боковую комнату, не желая приводить его в комнату, где я писал. "Ну вот, - сказал Бонапарт месье Колло, — она здесь". - "Я рад это слышать. Ты поступил хорошо как для себя, так и для нас". — "Но не воображай, что я простил ее. Пока я жив, я буду подозревать. Дело в том, что, когда она приехала, я хотел, чтобы она ушла; но этот дурак Жозеф был там. Что я мог поделать, Колло? Я видел, как она спускалась по лестнице, сопровождаемая Эжиной и Гортензией. Все они плакали, а у меня не хватает духу удержаться от слез. Эжен был со мной в Египте. Я привык смотреть на него как на своего приемного сына. Он прекрасный, храбрый парень. Гортензию вот-вот представят обществу, и все, кто ее знает, восхищаются ею. Признаюсь, Колло, я был глубоко тронут; я не мог вынести горя двух бедных детей. "Должны ли они, - подумал я, - страдать из-за ошибок своей матери?" Я позвал Эжена и Гортензию, и их мать последовала за ними. Что я мог сказать, что я мог сделать? Я не был бы человеком без некоторых слабостей". — "Будь уверен, они вознаградят тебя за это". — "Они должны, Колло, они должны, потому что это стоило мне тяжелой борьбы". После этого диалога Бонапарт и месье Колло вошли в столовую, где я тогда сидел. Эжен завтракал с нами, но ни Жозефина, ни Гортензия отсутствовали. Я уже рассказывал, как я сыграл роль посредника в этом деле. На следующий день ничто не мешало завершению примирения между Завоевателем Египта и очаровательной женщиной, покорившей Бонапарта.Бурьен.]—

13-го числа Первый консул ночевал в Торре-ди-Галифоло. Вечером он приказал штабному офицеру выяснить, есть ли у австрийцев мост через Бормиду. Очень поздно пришло донесение, что такового нет. Это известие успокоило Бонапарта, и он лег спать очень довольный; но рано утром следующего дня, когда послышалась стрельба и он узнал, что австрийцы вышли на равнину, где сражались войска, он пришел в ярость, назвал штабного офицера трусом и сказал, что тот продвинулся недостаточно далеко. Он даже говорил о том, чтобы передать это дело на рассмотрение следствия.

Из соображений деликатности я воздерживаюсь от упоминания имени офицера, о котором здесь идет речь.

Бонапарт вскочил на коня и немедленно выехал на место действия. Я больше не видел его до шести вечера. Повинуясь его указаниям, я отправился в Сан-Джулиано, который находится не более чем в двух лье от места, где началось сражение. В течение дня я видел огромное количество раненых, проходивших через деревню, а вскоре после этого множество беглецов. В Сан-Джулиано не говорилось ни о чем, кроме отступления, которому, как говорили, решительно противостоял один только Бонапарт. Затем мне посоветовали покинуть Сан-Джулиано, где я только что получил курьера от главнокомандующего. Утром 14-го генерал Дезэ был отправлен в сторону Нови для наблюдения за дорогой на Геную, город пал несколькими днями ранее, несмотря на усилия его прославленного защитника Массены. Я вернулся с этой дивизией в Сан-Джулиано. Я был поражен численной слабостью корпуса, который шел на помощь армии, уже сильно уменьшенной и рассеянной. Битва считалась проигранной, и так оно и было на самом деле. Когда первый консул спросил Дезэ, что он думает об этом, этот храбрый генерал прямо ответил: "Битва полностью проиграна; но сейчас только два часа дня, у нас есть время выиграть еще одну сегодня". Я услышал это от самого Бонапарта в тот же вечер. Кто бы мог подумать, что маленький корпус Дезэ вместе с немногочисленной тяжелой кавалерией под командованием генерала Келлермана около

пяти часов вечера изменит исход дня? Нельзя отрицать, что именно мгновенное вдохновение Келлермана превратило поражение в победу и решило исход битвы при Маренго.

Та памятная битва, результаты которой были непредсказуемы, описывалась по-разному. У Бонапарта был отчет об этом, начатый не менее трех раз; и я должен признать, что ни одно из повествований не является более точным, чем то, которое содержится в "Мемуарах герцога Ровиго". Император Наполеон был недоволен тем, что сказал первый консул Бонапарт. Со своей стороны, не имея чести носить шпагу, я не могу сказать, что видел какое-либо конкретное движение, выполненное тем или иным способом; но я могу упомянуть здесь то, что я слышал вечером битвы при Маренго относительно вероятных шансов этого события. Что касается роли, которую сыграл в этом Первый консул, то читатель, возможно, достаточно знаком с его характером, чтобы объяснить это. Он не хотел, чтобы столь решающий результат был приписан какой-либо другой причине, кроме сочетания его гения, и если бы я не знал его ненасытной жажды славы, я был бы удивлен тем, что среди радости, проявляемой по поводу самого успеха, я испытывал своего рода половинчатое удовлетворение от причины успеха. Следует признать, что в этом он был совсем не похож на Журдана, Гоша, Клебера и Моро, которые всегда были готовы признать заслуги тех, кто сражался под их командованием.

Через два часа после того, как дивизии под командованием Десо покинули Сан-Джулиано, я был радостно удивлен триумфальным возвращением армии, судьба которой с утра вызывала у меня столько беспокойства. Никогда еще фортуна за столь короткое время не проявляла себя в двух столь разных обличьях. В два часа все свидетельствовало о сокрушительном поражении со всеми его фатальными последствиями; в пять часов победа снова была верна флагу Арколы. Италия была отвоевана одним ударом, и в перспективе появилась корона Франции.

В семь часов вечера, когда я вернулся с Первым консулом в штаб, он выразил мне свое искреннее сожаление по поводу потери Десо, а затем добавил: "Малышу Келлерману повезло в атаке. Он сделал это в нужный момент. Мы в большом долгу перед ним. Вы видите, какие незначительные обстоятельства решают эти дела".

Эти несколько слов показывают, что Бонапарт в достаточной степени ценил услуги Келлермана. Однако, когда этот офицер подошел к столу, за которым сидели Первый консул и несколько его генералов, Бонапарт просто сказал: "Вы провели довольно хорошую атаку". Чтобы уравновесить этот холодный комплимент, он повернулся к Бессьеру, командовавшему гвардейскими конными гренадерами, и сказал: "Бессьер, гвардия покрыла себя славой". Однако факт остается фактом: гвардия не принимала участия в атаке Келлермана, который мог собрать только 500 человек тяжелой кавалерии; и с этой горсткой храбрецов он рассек надвое австрийскую колонну, которая разгромила дивизию Дезе и взяла 6000 пленных. Гвардия атаковала Маренго только с наступлением ночи.

На следующий день стало известно, что Келлерман, впервые почувствовав недовольство полученным сухим поздравлением, сказал первому консулу: "Я только что возложил корону на вашу голову!" Я этого не слышал и не могу поручиться за правдивость того, что это было сказано. Я мог убедиться в этом факте только через Бонапарта, и, конечно, я не мог, соблюдая приличия, напомнить ему о вещи, которая, должно быть, была для него очень оскорбительной. Однако, верно это или нет, это наблюдение было распространено устно и письменно, и Бонапарт знал об этом. Отсюда небольшая степень благосклонности,

оказанная Келлерману, который не был произведен в дивизионные генералы на поле боя в награду за свою атаку при Маренго.

—[Если история Савари верна, и он тогда был адъютантом Десо, и Буррьен признает его рассказ лучшим, вдохновение для обвинения исходило не от молодого Келлермана. Савари говорит, что Дезэ послал его сказать Наполеону, что он не может медлить с атакой и что его должна поддержать какая-нибудь кавалерия.

Затем Наполеон послал Савари в место, где, как ему сказали, он найдет Келлермана, чтобы приказать ему выступить в поддержку Десо. Десо и Келлерман располагались так, чтобы не видеть друг друга (Савари, том i, стр. 279-279). Тьер (том i, стр. 445) следует за Савари.

Здесь можно упомянуть, что Савари в своем отчете о битве прямо заявляет, что он передал Келлерману приказ Бонапарта выступить в атаку. Он также делает следующие замечания по этому поводу: —

После падения имперского правительства некоторые мнимые друзья генерала Келлермана осмелились приписать ему заслугу инициирования кавалерийской атаки. Этот генерал, чья доля славы достаточно велика, чтобы удовлетворить его самые оптимистичные желания, не может знать о столь самонадеянных претензиях. Я тем охотнее оправдываю его в том обстоятельстве, что однажды, когда мы беседовали о том сражении, я напомнил ему о том, что я передал ему приказ Первого консула, и он, по-видимому, не забыл этого факта. Я далек от того, чтобы подозревать его друзей в намерении умалить славу генерала Бонапарта или генерала Дезэ; они знают так же хорошо, как и я, что их имена настолько уважаемы, что на них никогда не могут повлиять подобные умаления, и что оспаривать похвалу, подобающую Командиру, спланировавшему сражение, было бы столь же тщетно, как пытаться принизить блестящую роль генерала Келлермана в его успешном исходе. Я добавлю к вышесказанному несколько замечаний.

"С позиции, которую он занимал, генерал Десо не мог видеть генерала Келлермана; он даже просил меня обратиться к Первому консулу с просьбой предоставить ему в поддержку немного кавалерии. Генерал Келлерман с того места, где он находился, также не мог видеть дивизию генерала Десо; вполне вероятно даже, что он не знал о прибытии этого генерала, который присоединился к армии всего два дня назад. Оба не знали о положении друг друга, с которым был знаком только Первый консул; только он мог внести гармонию в их движения; только он мог заставить их усилия соответственно вести к одной и той же цели.

"Судьба сражения была решена смелой атакой Келлермана; однако, если бы она была предпринята до атаки генерала Десо, по всей вероятности, результат был бы совершенно иным. Келлерман, по-видимому, был убежден в этом, поскольку позволил австрийской колонне пересечь наше поле боя и расширить свой фронт за пределы фронта войск, которые мы все еще держали в строю, не предпринимая ни малейшей попытки воспрепятствовать ее продвижению. Причина, по которой Келлерман не обвинил его раньше, заключалась в том, что это было слишком серьезное движение, и последствия неудачи были бы непоправимыми: следовательно, это обвинение могло входить только в общую комбинацию планов, с которыми он по необходимости был незнаком" (Мемуары герцога Ровиго, том i. стр. 218-280).]—

Мсье Делафоре, генеральный почтмейстер, иногда вел дела с Первым консулом. О природе этого секретного предприятия можно легко догадаться.

—[Когда вскоре после этого г-на Делафоре сменил Лавалетт, Наполеон приказал прекратить существовавшую до тех пор практику разрешать вскрывать письма подчиненным чиновникам. Это право было ограничено, как и в Англии, министром. Какой бы плохой ни была эта практика, в его

правление она была ограничена, а не расширена. См. Mineval, том iii. стр. 60-62, и Lavalette, том ii. стр. 10.]—

Во время одной из их бесед Первый консул увидел письмо Келлермана Ласаллю, в котором содержался следующий отрывок: "Поверите ли вы, мой друг, что Бонапарт не произвел меня в дивизионные генералы, хотя я только что возложил корону на его голову?" Письмо было снова запечатано и отправлено по указанному адресу, но Бонапарт никогда не забывал его содержания.

Независимо от того, отдал Келлерман корону Франции Первому консулу или нет, совершенно очевидно, что вечером битвы при Маренго он угостил его ужином, на котором присутствовали его изголодавшиеся сотрудники и все остальные из нас. Это была немалая услуга в том бедственном положении, в котором мы находились. Мы считали себя чрезвычайно удачливыми, воспользовавшись предосторожностью Келлермана, который раздобыл провизию в одном из тех благочестивых убежищ, которые всегда хорошо снабжены и к которым солдаты очень рады прибегнуть во время кампании. Именно монастырь дель Боско по этому случаю был обложен контрибуцией; и в обмен на изобилие хорошей провизии и вина, которыми они снабжали командующего тяжелой кавалерией, святым отцам разрешили приставить охрану для защиты от грабежей и других катастрофических последствий войны.

После ужина Первый консул продиктовал мне отчет о сражении. Когда мы остались одни, я сказал ему: "Генерал, вот прекрасная победа! Вы помните, что вы сказали на днях о том, с каким удовольствием вернулись бы во Францию после нанесения грандиозного удара в Италию; конечно, теперь вы должны быть удовлетворены?" — "Да, Бурьен, я удовлетворен.— Но Дезэ! ... Ах, какой бы это был триумф, если бы я мог обнять его сегодня вечером на поле битвы!" Когда он произносил эти слова, я увидел, что Бонапарт готов был пролить слезы, настолько искренней и глубокой была его скорбь по поводу смерти Дезэ. Он, конечно, никогда так сильно не любил, не уважал и не сожалел ни об одном мужчине.

О смерти Десо рассказывали по-разному, и мне нет необходимости сейчас утверждать, что слова, приписываемые ему в бюллетене, были вымышленными. Он также не умер на руках своего адъютанта Лебрена, как я написал под диктовку Первого консула. Следующие факты являются более достоверными или, во всяком случае, более вероятными: —смерть Десо не была осознана в тот момент, когда она произошла. Он упал, не сказав ни слова, на небольшом расстоянии от Лефебр-Деснуэтта. Сержант батальона 9-й бригады легкой пехоты под командованием Барруа, увидев его распростертым на земле, попросил разрешения поднять его плащ. Было обнаружено, что она пробита сзади; и это обстоятельство оставляет сомнительным, был ли Дезэ убит по какой-то несчастной случайности, когда наступал во главе своих войск, или противником, когда он повернулся к своим людям, чтобы подбодрить их. Однако событие было настолько мгновенным, беспорядок таким полным, а перемена судьбы такой внезапной, что неудивительно, что не было никаких положительных свидетельств об обстоятельствах, сопровождавших его смерть.

Рано утром следующего дня принц Лихтенштейн прибыл от генерала Меласа с переговорами к первому консулу. Предложения генерала не устроили Бонапарту, и он заявил принцу, что армия, запертая в Александрии, должна эвакуироваться беспрепятственно и с боевыми почестями, но на тех условиях, которые хорошо известны и по которым Италия должна быть полностью возвращена под французское господство. В тот день были исправлены ошибки

Шерера, чья инертность и слабоумие парализовали все, и который бежал, подвергаясь постоянным побоям, от Адриатики до Мон-Сени. Принц Лихтенштейна попросил разрешения вернуться, чтобы доложить о своей миссии генералу Меласу. Он вернулся вечером и сделал множество замечаний о тяжелых условиях. "Сэр, - ответил Первый консул с заметным нетерпением, - передайте мое окончательное решение вашему генералу и возвращайтесь поскорее. Это бесповоротно! Знайте, что я так же хорошо знаком с вашим положением, как и вы сами. Я не вчера начал изучать военное искусство. Вы заблокированы в Александрии; у вас много больных и раненых; вам не хватает провизии и медикаментов. Я занимаю весь ваш тыл. Среди убитых и раненых ваши лучшие войска. Я мог бы настаивать на более жестких условиях; мое положение оправдывает это, но я умеряю свои требования из-за седины вашего генерала, которого я уважаю".

Этот ответ был дан с большим достоинством и энергией. Я проводил принца, и он сказал мне: "Эти условия очень тяжелые, особенно условия сдачи Генуи, которая сдалась нам всего две недели назад, после столь долгой осады". Любопытно, что австрийский император получил известие о капитуляции и возвращении Генуи в одно и то же время.

Когда Первый консул вернулся в Милан, он назначил Савари и Раппа своими адъютантами. Ранее они служили в том же звании при Дезэ. Первый консул поначалу был не очень расположен принимать их, утверждая, что у него достаточно адъютантов. Но его уважение к выбору Дезэ, дополненное небольшими просьбами с моей стороны, вскоре устранило все препятствия. Эти два офицера служили ему до последнего часа его политической карьеры с неизменным рвением и преданностью.

В Мемуарах герцога де Ровиго (Савари) я не нашел ничего о том, что я имел какое-либо отношение к его присвоению этой чести. Вероятно, я могу назвать причину, по которой один из двух адъютантов поднялся выше другого. Рапп обладал эльзасской прямоотой, которая всегда ранила его.

ГЛАВА II.

1800.

Приостановление военных действий—Письмо консулам—Вторая оккупация Милана—Бонапарт и Массена—Публичные возгласы и голос Жозефины—Случайные воспоминания—Организация Пьемонта—Почетные сабли—Награды рейнской армии—Мнимая резервная армия—Генерал Зак—Годовщина 14 июля—Памятник Дезэ—Дезэ и Фуа—Речь Бонапарта в Храме Марса—Прибытие консульской гвардии—Останки маршала Тюренна—Успешная речь Люсьена—Письмо Люсьена Жозеф Бонапарт — Возвращение Первого консула в Париж—Дорожные происшествия—Трудности с приобретением длительной славы—Убийство Клебера—Обстановка террасы, на которой был зарезан Клебер—Отвратительные слухи —Прибытие курьера—Ночная сцена —Огорчение Бонапарта при просмотре депеш из Египта.

Как мало времени и как мало событий иногда бывает достаточно, чтобы изменить судьбу народов! Мы покинули Милан 13 июня, Маренго - 14-го, а 15-го Италия была нашей! Приостановка военных действий между французской и австрийской армиями была непосредственным результатом одного сражения; и в силу соглашения, заключенного между Бертье и Меласом, мы возобновили владение всеми сколько-нибудь важными укрепленными пунктами, за исключением Мантуи. Как только эта конвенция была подписана, Бонапарт продиктовал мне в Торре-ди-Галифоло следующее письмо к своим коллегам:

На следующий день после битвы при Маренго, граждане КОНСУЛЫ, генерал Мелас передал сообщение на наши передовые посты с просьбой разрешить направить ко мне генерала Скала. Днем была составлена конвенция, копию которой я посылаю вам, а ночью ее подписали генералы Бертье и Мелас. Я надеюсь, что французский народ будет доволен поведением своей армии. (Подпись) Бонапарт

Единственной вещью, заслуживающей внимания в этом письме, было бы заключительное предложение, в котором Первый консул все еще делал вид, что признает суверенитет народа, если бы слова "Граждане консулы" не были явно вставлены с особым умыслом. Битва была выиграна, и даже в таком пустяковом деле, как это, было необходимо, чтобы два других консула почувствовали, что они не столько коллеги, сколько подчиненные Первого консула.

Мы вернулись в Милан, и наше второе занятие этого города было отмечено продолжающимися приветствиями везде, где появлялся Первый консул. В Милане первый консул увидел Массену впервые после нашего отъезда в Египет. Бонапарт расточал ему самые высокие похвалы, но не выше, чем он того заслуживал, за его замечательную оборону Генуи. Он назначил его своим преемником в командовании итальянской армией. Моро находился на Рейне, и поэтому никто, кроме завоевателя Цюриха, не мог должным образом сменить первого консула в этом командовании. Был нанесен серьезный удар, но все еще могла возникнуть чрезвычайная ситуация, требующая присутствия умелого опытного генерала, хорошо знакомого со страной. И, кроме того, мы не могли быть совершенно спокойны, пока не было установлено, каких условий будет придерживаться Венский кабинет министров, который в то время находился полностью под влиянием Лондонского кабинета министров. После нашего возвращения с битвы народная радость была всеобщей и искренней не только среди высших и средних слоев общества, но и во всех классах; и привязанность, проявляемая отовсюду к Первому консулу, была неподдельной. С какой искренностью он сказал мне однажды, возвращаясь с парада: "Бурьен, ты слышишь, как все еще раздаются одобрительные возгласы? Этот звук так же приятен для меня, как звук голоса Джозефины. Как я счастлив и горд, что меня любят такие люди!"

Во время нашего пребывания в Милане Бонапарт сформировал новое правительство Пьемонта; с тех пор он лелеял желание присоединить эту богатую и плодородную страну к территории Франции, поскольку некоторыми пьемонтскими провинциями владел Людовик XIV. Этот монарх был единственным королем, которым Первый консул действительно восхищался. "Если бы, - сказал он однажды, - Людовик XIV. не родился королем, он был бы великим человеком. Но он не знал людей; он не мог знать их, потому что никогда не знал несчастья". Он восхищался решимостью старого короля, который предпочел бы похоронить себя под руинами монархии, чем подчиниться унижительным условиям, после того как

командовал государями Европы. Я вспоминаю, что Бонапарт был чрезвычайно доволен, увидев в отчетах, которые он приказал подготовить, что в Казале и в долинах Пиньероля, Латура и Люцерна все еще сохранилось много следов периода, когда эти страны принадлежали Франции, и что французский язык там все еще сохранялся. Он уже начал отождествлять себя с прошлым, и оскорбление старых королей Франции не было способом снискать его расположение.

Первый консул назначил для правительства Пьемонта Совет, который, как можно естественно себе представить, состоял из тех пьемонтцев, которые были объявлены сторонниками Франции. Он обосновал это соглашение тем, что оно должно было дать Пьемонту новое доказательство привязанности французского народа. Впоследствии он назначил генерала Дюпона президентом Совета с присвоением звания чрезвычайного министра французского правительства. Здесь я упомяну о секретном шаге, предпринятом Бонапартом в направлении свержения Республики. Делая первый набросок назначения генерала Дюпона, я машинально написал: "Чрезвычайный министр Французской Республики". - "Нет, нет! — сказал Бонапарт. - Не Республики, а правительства".

По возвращении в Париж Первый консул привел почти невероятные доказательства своей деятельности. На следующий день после своего прибытия он издал множество указов, а затем раздал награды своим солдатам. Он назначил Келлермана дивизионным генералом, что по всем принципам справедливости он должен был сделать на поле боя. Он раздал почетные сабли со следующей надписью, весьма лестной в его адрес:—

"Битвой при Маринго, — [пишется некоторое время, не знаю почему, как Маринго—Бурьенн] командовал лично Первый консул. — Передано Правительством Республики генералу Ланну".

Подобные сабли были вручены генералам Виктору, Ватрену, Гардану и Мюрату; и сабли меньшей ценности другим офицерам; а также почетные мушкеты и барабанные палочки солдатам и барабанщикам, отличившимся при Маренго или в Рейнской армии; ибо Бонапарт позаботился о том, чтобы офицеры и рядовые, сражавшиеся под командованием Моро, были включены в число тех, кому были вручены национальные награды. Ему даже отчеканили медаль, чтобы увековечить память о вступлении французской армии в Мюнхен. Стоит отметить, что в то время как официальные измышления и преувеличенные подробности фактов были опубликованы относительно Маренго и короткой кампании в Италии, из-за притворной скромности победоносная армия Маренго получила недвусмысленное название "Армия резерва". Этой уловкой была спасена честь Конституции. Первый консул не нарушал ее. Если он выступил на поле боя и поставил все на удачу, то это было просто случайностью, поскольку он командовал всего лишь "Резервной армией", которую, тем не менее, он приветствовал титулом Великой армии, прежде чем начать кампанию. Едва ли возможно, чтобы Бонапарт, обладавший незаурядным умом, опустил до таких жалких ухищрений.

—[Тьер (том vi, стр. 70) говорит, что титул Великой армии был впервые присвоен Наполеоном войскам, подготовленным в 1805 году для кампании против Австрии. Конституция запрещала Первому консулу лично командовать армиями. Отсюда название "Резервная армия", присвоенное войскам, сражавшимся при Маренго.]—

Даже иностранцы и заключенные были объектами коварных намерений Бонапарта. Я вспоминаю, как однажды вечером он сказал мне: "Бурьен, напиши военному министру и

скажи ему, чтобы он выбрал пару хороших пистолетов версальского производства и отправил их от моего имени генералу Заку. Сегодня он обедал со мной и высоко оценил наше производство оружия. Я хотел бы подарить ему что—нибудь на память; кроме того, об этом деле будут говорить в Вене, и, возможно, оно принесет пользу!"

Как только известие о битве при Маренго достигло Парижа, министр внутренних дел Люсьен Бонапарт приказал готовиться к фестивалю, назначенному на 14 июля в память о первой Федерации. Этот фестиваль и фестиваль 1-й Вандемии были единственными, которые сохранило консульское правительство. Действительно, в те памятные дни, когда Революция предстала в самом прекрасном свете, Франция никогда не испытывала такой радости, какую вызвала битва при Маренго. Тем не менее, среди всего этого популярного транспорта было чувство сожаления. Слава Десо, его героический характер, его смерть, слова, приписываемые ему и считающиеся правдой, вызывали скорбь, смешанную с радостью. Было решено открыть подписку на возведение национального памятника в его память. Здесь, естественно, возникает размышление о разнице между упомянутым периодом и настоящим временем. Франция выделила почти миллион долларов детям одного из своих величайших ораторов и самых красноречивых защитников общественной свободы, однако на памятник памяти Дезэ было выделено едва ли 20 000 франков. Не составляет ли это странного контраста с патриотической щедростью, проявленной при смерти генерала Фоя? Жалкий памятник Дезэ на площади Дофин в достаточной степени свидетельствует о недостатке духа у подписчиков. Бонапарт, который был этим очень недоволен, дал название Дезэ новой набережной, первый камень в которую был торжественно заложен 14 июля.

В тот день на Марсовом поле и в храме Марса, название которого в то время еще сохранилось за Церковью инвалидов, толпа была огромной. Люсьен произнес речь об обнадеживающих перспективах Франции, а Ланн выступил с соответствующей речью по поводу вручения правительству флагов, захваченных в Маренго. Последовали еще два; одно от адъютанта Массены, а другое от адъютанта Лекурба; и после раздачи нескольких медалей Первый консул произнес следующую речь:

ГРАЖДАНЕ! СОЛДАТЫ! Флаги, преподнесенные правительству в присутствии жителей этой огромной столицы, свидетельствуют одновременно о гении главнокомандующих Моро, Массены и Бертье; о военных талантах генералов, их лейтенантов; и о храбрости французских солдат. По возвращении в лагерь скажите своим товарищам, что 1-го вандемьера, когда мы будем отмечать годовщину Республики, французский народ ожидает либо мира, либо, если враг упорно отказывается от него, других флагов, плодов новых побед.

После этой речи Первого консула, в которой он обратился к военным от имени народа и приписал Бертье славу Маренго, был спет гимн, слова которого написал г-н де Фонтанес, а музыку сочинил Мехуль. Но самым замечательным в этом празднике были не поэзия, музыка и даже не панегирическое красноречие Люсьена, а прибытие на Марсово поле после церемонии в доме инвалидов консульской гвардии, возвращавшейся из Маренго. Я стоял у окна Военной школы и никогда не смогу забыть суматоху, почти электрическую, которая огласила воздух восторженными криками при их появлении. Эти солдаты не дефилировали перед Первым консулом в прекрасных мундирах, как на смотре. Покинув поле боя, когда прекратилась стрельба, они за двадцать девять дней пересекли Ломбардию, Пьемонт, Мон-Сени, Савойю и Францию. Они выглядели измученными долгим путешествием, с лицами, загоревшими под летним солнцем Италии, а на их руках и одежде виднелись следы

отчаянной борьбы. Хотите получить представление об их внешности? Вы найдете идеальный типаж первого гренадера, помещенного Жераром сбоку от его картины, изображающей битву при Аустерлице.

Во время этого праздника, то есть в середине июля, Первый консул не мог себе представить, что умеренные условия, предложенные им после победы, не будут приняты Австрией. Поэтому в надежде на мир, который нельзя было не считать вероятным, он, впервые со времени учреждения Консульского правительства, созвал депутатов департаментов и назначил время их сбора в Париже на 1 Вандемьера, день, который положил конец одному замечательному столетию и ознаменовал начало другому.

Останки маршала Тюренна, которым поклонялся Людовик XIV. удостоенные почестей уничтожения, предоставив им место среди королевских гробниц в склепах Сен-Дени, были вырваны из могилы во время кощунственного осквернения гробниц. Его кости, перемешанные без разбора с другими, долгое время пролежали в неизвестности на чердаке Медицинского колледжа, когда г-н Ленуар собрал их и перенес в древнюю гробницу Тюренна в Музее маленьких августинцев. Бонапарт решил запечатать эти реликвии в том скульптурном мраморе, без которого слава Тюренна вполне могла обойтись. Однако это было задумано как связующее звено между прошлыми днями Франции и будущим, которого он с нетерпением ждал. Он полагал, что чувства, вызванные торжественными почестями, оказанными памяти Тюренна, побудят депутатов департаментов с большим энтузиазмом отнестись к тихоокеанским сообщениям, которые, как он надеялся, удастся сделать.

Однако переговоры приняли не тот благоприятный оборот, которого ожидал Первый консул, и, несмотря на всю настойчивость Люсьена, сообщение было выслушано не без особого беспокойства. Но Люсьен подготовил речь, вполне по вкусу Первому консулу. После некоторого обсуждения усилий правительства добиться мира он выразил сожаление по поводу уступок Австрии, обвинил пагубное влияние Англии и добавил более возвышенным и торжественным тоном: "В тот самый момент, когда консулы покидали Дворец правительства, прибыл курьер с депешами, которые Первый консул поручил мне передать вам". Затем он зачитал записку, в которой говорилось, что австрийское правительство согласилось сдать Франции три крепости Ульм, Филипсбург и Ингольштадт. Это рассматривалось как гарантия скорейшего подписания предварительных условий мира. Новость была воспринята с энтузиазмом, и этот тревожный день завершился в высшей степени приятным для Первого консула образом.

В то время как победа в Италии определила судьбу Первого консула, его братья были больше озабочены своими собственными интересами, чем делами Франции. Они любили деньги так же сильно, как Бонапарт любил славу. Письмо Люсьена своему брату Жозефу, которое я приведу ниже, показывает, с какой готовностью они всегда были использовать в своих интересах славу и богатство того, кому они были обязаны всем своим значением. Я нашел это письмо среди своих бумаг, но не могу сказать, почему и как я его сохранил. Это интересно, поскольку показывает, какого мнения придерживалась семья будущих королей о своем собственном положении и о том, какой была бы их судьба, если бы Бонапарт, подобно Дезэ, пал на поле Маренго. Кроме того, любопытно наблюдать, как философ Люсьен заставляет скандировать "Те Деум" с целью повлиять на общественные фонды. Во всяком случае, я копирую письмо Люсьена в том виде, в каком он его написал, приводя слова, выделенные курсивом [заглавными буквами], и многочисленные восклицательные знаки, отличающие оригинал.

БРАТ МОЙ— я посылаю тебе курьера; я особенно хотел бы, чтобы Первый консул уведомил меня о его прибытии за двадцать четыре часа и чтобы он ОДИН сообщил МНЕ о барьере, через который он войдет. Город желает подготовить для него триумфальные арки, и он заслуживает того, чтобы не разочаровываться.

ВЧЕРА по МОЕЙ ПРОСЬБЕ было пропето "Те Деум". Присутствовало 60 000 человек.

Интриги Отейля продолжают.

—[Эта интрига, названная так по имени Талейрана, одного из ее руководителей, живущего в пригороде Отей, возникла из желания многих самых влиятельных людей быть готовыми на случай смерти Наполеона к любым действиям в Италии: это было просто продолжение тех же комбинаций, которые были предприняты или спланированы в 1799 году, пока прибытие Бонапарта из Египта не заставило партию выбрать его в качестве инструмента для свержения Директоров. В их планах не было особой секретности; см. Миот де Мелито (том i, стр. 276), где Жозеф Бонапарт рассказывает своим друзьям обо всем, что было предложено на случай, если его брат падет. Карно, по-видимому, был наиболее вероятным кандидатом в качестве лидера и преемника Бонапарта. В приведенной выше букве "С..." обозначается Морковь, "La F..." - Лафайет, "первосвященник" - Сийес, а "друг Отейля" - Талейран; см. Люсьен Юнга, том i, стр. 411. Постскрипtum, по-видимому, относится к ужасному скандалу вокруг Кэролайн и Люсьена; см. "Люсьен" Юнга, том i. стр. 411, 432-433. Читатель должен отметить сохранение этого и других документов Буррьеном, что является одним из обвинений, выдвинутых против него далее.]—

— Оказалось трудным сделать выбор между С... и La F.... Последний предложил мне в жены свою дочь. Интрига доведена до последней крайности. Я еще не знаю, принял ли Верховный жрец решение в пользу одной из сторон или другой. Я полагаю, что он обманул бы их обоих ради Орлеана, и ваш друг Отей был в основе всего. Известие о битве при Маренго ошеломило их, и все же на следующий день Верховный жрец, несомненно, провел три часа с вашим другом из Отейля. Что касается нас, то, если бы победа при Маренго положила конец карьере Первого консула, мы были бы теперь объявлены Вне Закона.

В ваших письмах нет ничего из того, что я ожидал услышать. Я надеюсь, по крайней мере, получить ответ из Вены раньше всех. Мне жаль, что вы не отплатили мне за битву при Маренго.

Фестиваль 14 июля будет очень приятным. Мы ожидаем установления мира и триумфального возвращения Первого консула.

С семьей все в порядке. Ваша жена и вся ее семья в Мортфонтене. Ней в Париже. Почему вы возвращаетесь с Первым консулом? Мир! и Италии! Вспомните нашу последнюю беседу. Я обнимаю вас.

(Подпись) ЛЮСЬЕН.

На полях написано—

P.S.Прочтите письмо, адресованное консулу, и отдайте его ему ПОСЛЕ ТОГО, КАК ТЩАТЕЛЬНО ЕГО ЗАКРОЕТЕ.

Переслать прилагаемое. Мадам Мюрат никогда не проживала в моем доме. Ее муж - дурак, которого жена должна наказывать, не написав ему в течение месяца.

(Подпись) ЛЮСЬЕН БОНАПАРТ

Бонапарт, укрепленный в своем могуществе победой при Маренго, остался еще на несколько дней в Милане, чтобы уладить дела Италии. Он поручил одному из них снабдить мадам Грассини деньгами для оплаты ее расходов в Париже. Мы отбыли под одобрительные возгласы жителей и направились в Турин. Первый консул остановился в Турине на несколько часов и осмотрел цитадель, которая была передана нам после капитуляции Алессандрии. Проезжая над Мон-Сени, мы заметили экипаж мадам Келлерман, которая ехала встречать своего мужа. Бонапарт, узнав даму, остановил свой экипаж и поздравил ее с доблестным поведением ее мужа в битве при Маренго.

По прибытии в Лион мы остановились в отеле "Селестен", и громкие приветствия многочисленной толпы, собравшейся вокруг отеля, вынудили Бонапарта показаться на балконе. На следующий день он отправился на площадь Белькур, где под аплодисменты народа заложил первый камень нескольких новых зданий, которым суждено было стереть одно из бедствий Революции.

В тот же вечер мы покинули Лион и продолжили наше путешествие через Дижон. По прибытии в этот город радость жителей была очень велика. Я никогда не видел более грациозного и пленительного зрелища, чем то, которое представляла группа красивых молодых женщин, увенчанных цветами, сопровождавших карету Бонапарта и которые в тот период, когда Революция возродила все республиканские воспоминания о Греции и Риме, были похожи на хор женщин, танцующих вокруг победителя на Олимпийских играх.

Но все наше путешествие было не таким приятным. Нас ожидало несколько несчастных случаев. Карета первого консула сломалась между Вильнев-ле-Руа и Сенсом. Он послал курьера сообщить моей матери, что останется у нее до тех пор, пока не починят его экипаж. Он пообедал там, и мы снова отправились в путь в семь часов вечера.

Но нам пришлось столкнуться и с другими бедствиями. Одно из наших снятых колес оторвалось, и когда мы ехали в очень быстром темпе, экипаж перевернулся на мосту недалеко от Монтро-Фо-Йонна. Первый консул, сидевший слева от меня, упал на меня и не пострадал. Моя голова слегка повредилась, когда я ударился о какие-то предметы, лежавшие в кармане кареты; но из-за этого происшествия не стоило останавливаться, и мы прибыли в Париж в ту же ночь, 2 июля. Дюрок, который был третьим в вагоне, не пострадал.

Я уже упоминал, что Бонапарт был довольно разговорчив в путешествиях; и когда мы проезжали через Бургундию, возвращаясь в Париж из Маренго, он ликующе сказал: "Что ж, еще несколько событий, подобных этой кампании, и я смогу войти в историю потомков". — "Я думаю, - ответил я, - что вы уже сделали достаточно, чтобы снискать себе великую и непреходящую славу". — "Да, - продолжил он, - я сделал достаточно, это правда. Менее чем за два года я завоевал Каир, Париж и Милан; но, несмотря на все это, мой дорогой друг, умри я завтра, по прошествии десяти веков я не занял бы и половины страницы всеобщей истории!"

В тот самый день, когда Десо пал на поле Маренго, Клебер был убит фанатичным мусульманином по имени Сулейман Халеби, который ударил его кинжалом и этим ударом решил судьбу Египта.

Праздник 14 июля будет очень приятным. Мы ожидаем установления мира и триумфального возвращения Первого консула. С семьей все в порядке. Ваша жена и вся ее семья в Мортфонтене.

Ней в Париже. Почему вы возвращаетесь с Первым консулом?

Мир! и Италия! Подумайте о нашем последнем интервью. Я обнимаю вас. ["Этому парню было, самое большее, восемнадцать или двадцать лет: он был уроженцем Дамаска и заявил, что покинул свой родной город по приказу великого визиря, который доверил ему отправиться в Египет и убить великого султана Франции [вероятно, имелся в виду Бонапарт]. Что только с этой целью он оставил свою семью и проделал все путешествие пешком, не получив от великого визиря никаких других денег, кроме тех, которые были абсолютно необходимы для удовлетворения потребностей в путешествии. Прибыв в Каир, он сразу же отправился совершать свои обряды в большой мечети, и только накануне осуществления своего проекта он доверил его одному из священнослужителей мечети" (Воспоминания герцога де Ровиго, том 1. стр. 367)] —

(Подпись) ЛЮСЬЕН.

На полях написано—

Таким образом, Франция в тот же день и почти в тот же час лишилась двух своих самых выдающихся генералов. Мену, как старший по званию, сменил Клебера, и Первый консул подтвердил это назначение. С этого момента потеря Египта была неизбежна.

У меня есть несколько подробностей в связи с трагической гибелью Клебера. В доме Эльфибея, который Бонапарт занимал в Каире и в котором Клебер жил после своего отъезда, была терраса, ведущая из салона к старому разрушенному резервуару, откуда, спустившись на несколько ступенек, был выход в сад. С террасы открывался вид на большую площадь Эль-Бегуйе, которая находилась справа от выхода из салона, в то время как сад находился слева. Эта терраса была любимой прогулкой Бонапарта, особенно по вечерам, когда он прогуливался взад и вперед и беседовал с окружающими его людьми, я часто советовал ему наполнить резервуар и сделать его на одном уровне с террасой. Я даже показал ему, спрятавшись в нем и внезапно оказавшись у него за спиной, как легко было бы любому человеку покуситься на свою жизнь, а затем сбежать, либо выскочив на площадь, либо пройдя через сад. Он сказал мне, что я трус и всегда боюсь смерти; и он решил не вносить изменения, которые я предложил, которые, однако, он признал целесообразными. Убийца Клебера воспользовался средством, которое, как я так часто опасался, могло оказаться фатальным для Бонапарта.

Я не буду сразу опровергать все печально известные слухи, которые распространялись относительно смерти Клебера. Когда Первый консул получил неожиданное известие, он едва мог в это поверить. Он был глубоко тронут; и, прочитав подробности убийства, он сразу же вспомнил, как часто сам оказывался в такой же ситуации, как та, в которой был убит Клебер, и все, что я сказал об опасности, связанной с водохранилищем, — опасности, от которой немыслимо, чтобы он избежал, особенно после того, как его сирийская экспедиция вызвала ярость местных жителей. Знание Бонапартом талантов Клебера — тот факт, что он доверил ему командование армией и помощь, которую тот постоянно пытался оказать ему, - сразу же опровергло ужасное подозрение в том, что он имел малейшее отношение к преступлению, и мысль о том, что он был рад услышать об этом.

Совершенно очевидно, что неприязнь Бонапарта к Клеберу была такой же решительной, как и дружба, которую он питал к Десо. Слава Клебера раздражала его, потому что он был достаточно слаб, чтобы раздражаться из-за этого. Он знал манеру, в которой Клебер говорил о нем, которая, безусловно, была не самой уважительной. Во время долгой и кровопролитной осады Сен-Жан-д'Акра Клебер сказал мне: "Этот маленький негодяй

Бонапарт, который не выше моего сапога, поработит Францию. Посмотрите, в какую злодейскую экспедицию ему удалось вовлечь нас". Клебер часто делал то же самое замечание другим, в том числе и мне. Я не уверен, что об этом когда-либо доложили Бонапарту; но есть основания полагать, что те, кто считал своим интересом обвинять других, не пощадили Клебера.

Клебер, который был искренним республиканцем, видел тайные взгляды и непомерные амбиции Бонапарта и страшился их ради блага своей страны. По натуре он был ворчуном, но никогда не выказывал недовольства при исполнении своих солдатских обязанностей. Он ругался и бушевал, но храбро шел к жерлу пушки: он действительно был олицетворением мужества. Однажды, когда он был в траншее у Сен-Жан-д'Акр, стоя во весь рост и подставляя свое высокое тело под каждый выстрел, Бонапарт крикнул ему: "Пригнись, Клебер, пригнись!" — "Ну, - ответил он, - твоя проклятая траншея не достает мне до колен". Он никогда не относился к египетской экспедиции благосклонно. Он считал ее слишком дорогой и совершенно бесполезной для Франции. Он был убежден, что в ситуации, в которой мы оказались, без военно-морского флота или могущественного правительства, было бы лучше сосредоточить наше внимание на Европе, чем тратить французскую кровь и деньги впустую на берегах Нила и среди разрушенных городов Сирии. Клебер, который был холодным, размышляющим человеком, судил о Бонапарте без энтузиазма, что было редкостью в то время, и он не был слеп ни к одному из его недостатков.

Бонапарт утверждал, что Клебер сказал ему: "Генерал, вы велики, как мир!" Такое замечание прямо противоречит характеру Клебера. Он был слишком искренен, чтобы сказать что-либо против своего убеждения. Бонапарт, всегда стремившийся сохранить Египет, одно сохранение которого могло оправдать завоевание, позволил Клеберу высказаться, потому что сам действовал в то же время. Он знал, что чувство военного долга Клебера всегда восторжествует над любым противодействием его взглядам и планам. Таким образом, смерть его лейтенанта отнюдь не вызвала у Бонапарта чувства удовлетворения, а огорчила его еще больше, потому что она почти полностью лишила его надежды сохранить завоевание, которое так дорого обошлось Франции и которое было его работой.

Известие о смерти Клебера поступило вскоре после нашего возвращения в Париж. Бонапарт с тревогой ожидал сообщений из Египта, но их не поступало уже долгое время. Прибытие курьера, доставившего роковое известие, вызвало сцену, которую я могу здесь описать. Было два часа ночи, когда курьер прибыл в Тюильри. В спешке Первому консулу не терпелось разбудить кого-нибудь, чтобы вызвать меня наверх. За несколько дней до этого я сообщил ему, что, если я понадоблюсь ему ночью, он должен послать за мной в коридор, поскольку я сменил спальню из-за одежды моей жены. Он поднялся сам и вместо того, чтобы постучать в мою дверь, постучал в дверь моей секретарши. Последний немедленно встал и, открыв дверь, к своему удивлению, увидел Первого консула со свечой в руке, в мадрасском носовом платке на голове и в серой шинели. Бонапарт, не зная о маленькой ступеньке, ведущей в комнату, поскользнулся и чуть не упал. "Где Бурьен?" - спросил он. Можно себе представить удивление моего секретаря при появлении Первого консула. "Что, генерал, это вы?" — "Где Бурьен?" Затем мой секретарь, одетый в рубашку, указал первому консулу на мою дверь. Сказав ему, что сожалеет о том, что вызвал его, Наполеон подошел ко мне. Я в спешке оделась, и мы спустились в мою обычную комнату. Мы позвонили несколько раз, прежде чем нам открыли дверь. Охранники не спали, но, услышав столько беготни взад-вперед, испугались, что мы воры. Наконец дверь открылась, и Первый консул бросил на стол огромный пакет с депешами, который он только что получил. Они были окурены и пропитаны уксусом. Когда он прочитал сообщение о смерти Клебера, выражение его лица в

достаточной степени отразило болезненные чувства, возникшие в его душе. Я читаю по его лицу: ЕГИПЕТ ПОТЕРЯН!

ГЛАВА III.

Желание Бонапарта вести переговоры с Англией и Австрией— Письмо эмигранта—Бытовые подробности—Колокол—Заговор Черакки, Арены, Харреля и других—Визит Бонапарта в оперу — Аресты—Рариэль назначен комендантом Венсена—Молочная сестра герцога Энгийенского—3—Й Нивуаз-Первое представление "Сотворения мира" Гайдна—Адская машина—Поздравительные адреса- Произвольные осуждения—М. Тиссо вычеркнут из списка изгнанных—М. Трюге— Ненависть Бонапарта к якобинцам объяснена— Настоящие преступники обнаружены— Оправдание Фуше—Казнь Святого регента и Карбона—Цезарь, Кромвель и Бонапарт—Разговор между Бонапартом и Фуше—Притворный гнев—Лицемерие Фуше—Отставка Люсьена—Его посольство в Испании—Война между Испанией и Португалией—Ужин у Фуше—Предательство Жозефа Бонапарта—Уловка с первым консулом—Трехдневная прохлада— Примирение.

Счастливые события итальянской кампании увенчались перемирием, заключенным 6 июля. Это перемирие было нарушено 1 сентября и возобновлено после битвы при Гогенлиндене. По возвращении из Маренго Бонапарта встретили с большим энтузиазмом, чем когда-либо. Быстрота, с которой за кампанию, длившуюся менее двух месяцев, он восстановил триумф французского знамени, вызвала всеобщее изумление. Затем он активно пытался начать переговоры с Англией и Австрией, но трудности мешали ему со всех сторон. Он часто посещал театр, где его присутствие привлекало огромные толпы людей, жаждущих увидеть его и поаплодировать.

Трудно представить себе огромное количество писем, которые были в то время адресованы Первому консулу. Они содержали просьбы о местах, заверения в верности и, короче говоря, представляли собой те петиционные циркуляры, которые адресованы всем лицам, стоящим у власти. Эти письма часто были чрезвычайно любопытными, и я сохранил многие из них; среди остальных было одно от Дюрозеля Бомануара, эмигранта, бежавшего на Джерси. Это письмо содержит некоторые интересные подробности, касающиеся семьи Бонапарта. Оно датировано Джерси, 12 июля 1800 года, и ниже приведены наиболее примечательные отрывки, которые в нем содержатся:

Надеюсь, генерал, что я могу, не проявляя нескромности, привлечь ваше внимание, чтобы напомнить вам о том, что, льщу себя надеждой, вы не совсем забыли, прожив восемнадцать или девятнадцать лет в Аяччо. Но вы, возможно, будете удивлены, что столь незначительный предмет стал предметом письма, которое я имею честь адресовать вам. Вы, должно быть, забыли, генерал, что, когда вашему покойному отцу пришлось забрать ваших братьев из отенского колледжа, откуда он поехал навестить вас в Бриенне, у него не было денег, и он попросил у меня двадцать пять луидоров, которые я с удовольствием ему одолжил. После его возвращения у него не было

возможности расплатиться со мной, и когда я уехал из Аяччо, ваша мать предложила продать какую-нибудь посуду, чтобы выплатить долг. На это я возразил и сказал ей, что подожду, пока она не сможет расплатиться со мной в удобное для нее время, и до начала революции, я полагаю, было не в ее силах выполнить свое желание погасить долг.

Извините, генерал, что вынужден беспокоить вас по такому пустяку. Но таково мое прискорбное положение, что даже этот пустяк имеет для меня некоторое значение. Изгнанный из моей страны и вынужденный искать убежища на этом острове, где все чрезвычайно дорого, упомянутая мною небольшая сумма, которая раньше была безразлична, теперь оказала бы мне большую услугу.

Вы поймете, генерал, что в возрасте восьмидесяти шести лет, после того как я шестьдесят лет честно служил своей стране, без малейшего перерыва, не считая времени эмиграции, изгнанный отовсюду, я был вынужден найти убежище здесь, чтобы существовать за счет скудной помощи, оказываемой английским правительством французскому эмигранту. Я говорю "эмигрант", потому что меня вынудили быть эмигрантом. У меня не было намерения становиться таковым, но орда разбойников, которые пришли из Кана в мой дом, чтобы убить меня, сочли, что я совершил великое преступление, будучи старшим генералом кантона и имея Большой крест Людовика Святого: это было слишком для них; если бы не крики моих соседей, моя дверь была бы взломана, и я был бы убит; и у меня было только время вылететь через заднюю дверь, унося только то, что было при мне. Сначала я удалился в Париж, но там мне сказали, что мне ничего не остается, как уехать в чужую страну, настолько велика была ненависть ко мне моих сограждан, хотя я жил на пенсии, никогда ни с кем не вступая в дискуссии. Итак, генерал, я отказался от всего, что у меня было, от денег и имущества, оставив их на милость того, что они называют нацией, которая извлекла из этого немалую выгоду, поскольку у меня ничего не осталось в мире, даже места, на которое можно было бы поставить ногу. Если бы для меня зарезервировали хотя бы лошадь, генерал, я мог бы попросить о том, что зависит от вас, поскольку я слышал, что некоторым эмигрантам разрешили вернуться домой. Я даже не прошу об этом одолжении, потому что у меня нет места, куда можно поставить ногу. И, кроме того, со мной здесь изгнанный брат, старше меня, очень больной и находящийся в совершенном втором детстве, которого я не мог бросить. Я смирился со своей несчастливой судьбой, но мое единственное и великое горе заключается в том, что не только я сам подвергся жестокому обращению, но и то, что моя судьба, вопреки закону, причинила вред родственникам, которых я люблю и уважаю. У меня есть восьмидесятилетняя свекровь, которой было отказано в приданом, которое я дал ей из своего имущества, и из-за этого я умру банкротом, если ничего не изменится, что делает меня несчастным.

Я признаю, генерал, что мало знаком с новым стилем, но, согласно старой форме, я ваш покорный слуга,
ДЮРОЗЕЛЬ БОМАНУАР.

Я прочитал это письмо Первому консулу, который немедленно сказал: "Буррьен, это святое! Не теряйте ни минуты. Отправьте старику сумму в десять раз большую. Напишите генералу Дюрозелю, что он должен быть немедленно вычеркнут из списка эмигрантов. Какой вред натворили эти разбойники из Конвента! Я никогда не смогу всего этого исправить". Бонапарт произнес эти слова с чувством, которое я редко видел у него. Вечером он спросил меня, выполнил ли я его приказ, что я и выполнил, не теряя ни минуты. Смерть месье Фрота преподала мне урок о ценности времени!

Пользуясь привилегией, которой я уже часто пользовался, делать резкие переходы от одной темы к другой, в зависимости от того, какие воспоминания о прошлых обстоятельствах приходят мне на ум, я запишу здесь несколько деталей, которые вполне уместно назвать

бытовыми, а затем опишу заговор, которому покровительствовал тот самый человек, против которого он был задуман.

В Тюильри, где первый консул всегда проживал зимой, а иногда и часть лета, большой салон располагался между его кабинетом и Комнатой, в которой он принимал лиц, которым назначил аудиенции. Находясь в этом зале для аудиенций, если ему что-то требовалось или была возможность с кем-нибудь поговорить, он нажимал на звонок, на который отвечал доверенный слуга по имени Ландуар, который был посыльным в кабинете первого консула. Когда звонил звонок Бонапарта, это обычно делалось для того, чтобы расспросить меня о документе, имени, дате или о чем-нибудь в этом роде; и тогда Ландуар должен был пройти через кабинет и гостиную, чтобы ответить на звонок, а затем вернуться и сказать, что меня ждут. Раздраженный задержкой, вызванной этой беготней, Бонапарт, ничего не сказав мне, приказал переделать колокольчик так, чтобы он звонил внутри кабинета и точно над моим столом. На следующее утро, войдя в кабинет, я увидел человека, взбирающегося по лестнице. "Что вы здесь делаете?" сказал я. "Я вешаю колокольчик, сэр". Я позвонил Ландуару и спросил его, кто отдал приказ. "Первый консул", - ответил он. Я немедленно приказал этому человеку спуститься и убрать лестницу, что он, соответственно, и сделал. Когда я, согласно обычаю, пошел будить Первого консула и читать ему газеты, я сказал: "Генерал, сегодня утром я обнаружил человека, который вешал колокольчик в вашем кабинете. Мне сказали, что это было сделано по вашему приказу, но, убедившись, что, должно быть, произошла какая-то ошибка, я отослал его прочь. Конечно, колокол предназначался не вам, и я не могу себе представить, чтобы он предназначался мне: для кого же тогда он мог быть?" "Какой глупый малый этот Ландуар!" - сказал Бонапарт. "Вчера, когда Камбасерес был со мной, я звал тебя. Ландуар не пришел, когда я дотронулся до звонка. Я подумал, что он сломан, и приказал ему починить его. Я полагаю, что вешалка для звонков делала это, когда вы его увидели, потому что вы знаете, что провод проходит через шкаф. Я был удовлетворен этим объяснением, хотя оно меня и не обмануло. Для вида он упрекнул Ландуара, который, однако, всего лишь выполнил полученный им приказ. Как он мог вообразить, что я подчинюсь такому обращению, учитывая, что мы были друзьями с детства и что теперь я жила с ним в условиях полного доверия и фамильярности?"

Прежде чем я расскажу о заговоре Черакки, Арены, Топино-Лебрена и других, я должен обратить внимание на замечание, сделанное Наполеоном на острове Святой Елены. Он сказал, или утверждает, что сказал: "Два покушения, которые подвергли меня наибольшей опасности, были совершены скульптором Черакки и фанатиком Шенбруна". Меня в то время не было в Шенбруне, но я убежден, что Бонапарту грозила самая непосредственная опасность. Мне сообщили из неоспоримых источников, что Стэпс отправился из Эрфурта с намерением убить императора; но ему не хватало мужества, необходимого для осуществления этого замысла. Он был вооружен большим кинжалом и дважды оказывался достаточно близко от Наполеона, чтобы нанести ему удар. Я слышал это от Раппа, который схватил Стэгза и нащупал рукоять кинжала у себя под сюртуком. В тот раз Бонапарт был обязан своей жизнью только нерешительности молодого "иллюмината", который хотел принести его в жертву своей фанатичной ярости. Столь же несомненно, что в другом случае, о котором автор повествования о Святой Елене хранит полное молчание, другой фанатик, более опасный, чем Шаги, покушался на жизнь Наполеона.

—[Во время этого покушения меня не было с Наполеоном; но он направил меня к безумцам, замыслившим его убийство. В ходе этих мемуаров будет видно, каковы были его планы и каков был их результат —Bourrienne]—

Ниже приводится правильное изложение фактов, относящихся к заговору Черракки. Сам заговор был всего лишь тенью; но было сочтено целесообразным придать ему содержание, преувеличить, по крайней мере внешне, опасность, которой подвергался Первый консул:

В то время в Париже жил бездельник по имени Харрель; он был "шеф-батальоном", но его уволили со службы, и поэтому он был недоволен. Он связался с Серракки, Ареной, Топино-Лебреном и Демервиллем. По разным мотивам все эти люди были яростно враждебны Первому консулу, который, со своей стороны, не был другом Черракки и Арене, но едва знал двух других. Эти четыре человека совместно с Харрелем составили план убийства Первого консула, и время, установленное для совершения преступления, было однажды вечером, когда Бонапарт намеревался посетить оперу.

20 сентября 1804 года Харрель пришел ко мне в Тюильри. Он раскрыл мне заговор, в котором был замешан, и пообещал, что его сообщники будут задержаны на месте преступления, если я предоставлю ему деньги для доведения заговора до конца. Я не знал, как реагировать на это разоблачение, которое, однако, не мог отвергнуть, не взяв на себя слишком большую ответственность. Я немедленно сообщил о случившемся Первому консулу, который приказал мне снабдить Харреля деньгами, но не упоминать об этом Фуше, которому он хотел доказать, что лучше знает, как управлять полицией, чем он сам.

Харрел приходил почти каждый вечер в одиннадцать часов, чтобы сообщить мне о ходе заговора, о чем я немедленно сообщал Первому консулу, который не огорчился, обнаружив, что Арена и Черракки глубоко преданы делу. Но время шло, а ничего не делалось. Первый консул начал терять терпение. Наконец пришел Харрел и сказал, что у них нет денег на покупку оружия. Ему дали денег. Однако он вернулся на следующий день и сказал, что оружейник отказался продавать им оружие без разрешения. Теперь было сочтено необходимым сообщить об этом Фуше, чтобы он мог дать необходимое разрешение оружейнику, на что я не был уполномочен.

10 октября консулы, после роспуска Совета, собрались в кабинете своего коллеги. Бонапарт спросил их в моем присутствии, считают ли они, что ему следует пойти в оперу. Они заметили, что, поскольку были приняты все меры предосторожности, никакой опасности быть не могло и что было желательно показать тщетность покушений на жизнь Первого консула. После обеда Бонапарт надел пальто поверх своего зеленого мундира и сел в свой экипаж в сопровождении меня и Дюрока. Он сел перед своей ложей, которая в то время находилась слева от театра, между двумя колоннами, разделявшими переднюю и боковые ложи. Когда мы пробыли в театре около получаса, Первый консул велел мне пойти и посмотреть, что делается в коридоре. Едва я покинул ложу, как услышал сильный шум и вскоре обнаружил, что несколько человек, имен которых я не смог узнать, были арестованы. Я сообщил Первому консулу о том, что услышал, и мы немедленно вернулись в Тюильри.

Несомненно, что целью заговора было лишение жизни Первого консула, и что заговорщики не пренебрегали ничем, что могло способствовать осуществлению их чудовищного замысла. Заговор, однако, был известен благодаря разоблачениям Харреля; и его было бы легко предотвратить, вместо того чтобы вызывать бурю в воображении. Таково было и остается мое мнение. Имя Харреля снова было восстановлено в списках армии, и он был назначен комендантом Венсенна. Этот пост он занимал во время убийства герцога Энгиенского. Впоследствии мне рассказали, что его жена была молочной сестрой несчастного принца и что она узнала его, когда он вошел в тюрьму, которая через несколько коротких часов превратила его в могилу.

Карбонно, один из осужденных, откровенно признался в том, какую роль он принимал в заговоре, который, по его словам, был доведен до конца исключительно агентами полиции, которые всегда стремились доказать свое рвение своим работодателям каким-нибудь новым открытием.

Хотя между махинациями Черакки и Арены и ужасной попыткой 3-го Нивоза прошло три месяца, я расскажу об этих двух событиях в непосредственной последовательности; ибо, если у них и не было других точек сходства, они, по крайней мере, были похожи по своей цели. Заговорщики в первом деле принадлежали к революционной фракции. Они стремились убить Бонапарта, как будто для того, чтобы сделать его сходство с Цезарем настолько полным, чтобы не было недостатка даже в Бруте. Последние, следует с сожалением признать, принадлежали к партии роялистов, и в своем желании уничтожить Первого консула их не остановил страх принести в жертву большое количество граждан.

Полиция ничего не знала о заговоре 3-го Нивоза по двум причинам: во-первых, потому, что они не участвовали в нем, а во-вторых, потому, что два заговорщика не предают и не продают друг друга, когда они решительны в своих целях. В таких случаях предоставление информации может быть вызвано только двумя причинами, одна из которых простительна, другая позорна, а именно. страх наказания и надежда на вознаграждение. Но ни одна из этих причин не повлияла на заговорщиков 3d Nivôse, изобретателей и конструкторов этой машины, которую так справедливо называли inferнальной!

3-го числа на Нивосе (24 декабря 1800 г.) в опере состоялось первое исполнение великолепной оратории Гайдна "Сотворение мира", и Первый консул выразил намерение присутствовать. Я не обедал с ним в тот день, но, уходя, он сказал: "Буррьен, ты знаешь, что я иду сегодня вечером в оперу, и ты можешь пойти тоже; но я не могу отвезти тебя в экипаже, так как со мной едут Ланн, Бертье и Лористон". Я был очень рад этому, так как мне очень хотелось услышать один из шедевров немецкой композиторской школы. Я пришел в оперу раньше Бонапарта, который при входе уселся, по обычаю, перед ложей. Взгляды всех присутствующих были прикованы к нему, и он казался совершенно спокойным и владеющим собой. Лористон, как только увидел меня, подошел к моей ложе и сказал мне, что первый консул, направлявшийся в оперу, чудом избежал смерти на улице Сен-Никез в результате взрыва бочонка с порохом, от сотрясения которого разбились стекла в его карете. "Не прошло и десяти секунд после нашего побега, - добавил Лористон, - как кучер, завернув за угол улицы Сент-Оноре, остановился, чтобы выполнить приказ Первого консула, и холодно сказал: "В оперу".

—[Следующие подробности, касающиеся дела с адской машиной, переданы Раппом, который сопровождал мадам Бонапарт в опере. Он отличается от Буррьена полным невежеством полиции: "История с адской машиной никогда не была должным образом понята общественностью. Полиция намеревалась наполеону, что на его жизнь будет совершено покушение, и предостерегла его не выходить на улицу. Мадам Бонапарт, мадемуазель Богарне, мадам Мюрат, Ланн, Бессьер, дежурный адъютант, лейтенант Лебрен, ныне герцог Пласенца, - все собрались в гостиной, в то время как первый консул писал в своем кабинете. В тот вечер должна была исполняться оратория Гайдна; дамам не терпелось послушать музыку, и мы тоже выразили пожелание на этот счет. Эскорт пике был отправлен, и Ланн попросил Наполеона присоединиться к отряду. Он согласился; его карета была готова, и он взял с собой Бессьера и дежурного адъютанта. Мне было приказано сопровождать дам. Жозефина получила великолепную шаль из Константинополя и в тот вечер впервые надела ее. "Позвольте мне заметить, - сказал я, - что ваша шаль заброшена не с вашей обычной элегантностью". Она добродушно попросила меня сложить ее по моде египетских дам. Пока я был занят этой операцией, мы услышали, как Наполеон ушел. - Пойдем, сестра, - сказала

мадам Мюрат, которой не терпелось поскорее попасть в театр. - Бонапарт уезжает. - Мы остановились в карете: экипаж Первого консула уже достиг середины площади Карусель. Мы поехали за ним, но едва въехали на место, как машина взорвалась. Наполеону удалось спастись благодаря исключительной случайности: святой регент или его слуга Франсуа расположился посреди улицы Никез. Гренадер из эскорта, предположив, что он действительно тот, за кого себя выдает, водонос, нанес ему несколько ударов плоской стороной сабли и прогнал прочь. Повозку развернуло, и машина взорвалась между каретами Наполеона и Жозефины. Дамы взвизгнули, услышав этот звук; окна кареты были разбиты, а мадемуазель Богарне получила легкую травму руки. Я вышел и пересек улицу Никез, которая была усеяна телами тех, кто был сбит с ног, и фрагментами стен, разрушенных взрывом. Ни консул, ни кто-либо из его свиты не получили серьезных травм. Когда я вошел в театр, Наполеон сидел в своей ложе, спокойный и собранный, и смотрел на публику в театральный бинокль. Рядом с ним был Фуше. - Жозефина, - сказал он, как только заметил меня. Она вошла в этот момент, и он не закончил свой вопрос: "Негодяи, — сказал он очень хладнокровно, - хотели взорвать меня: принесите мне книгу оратории"" (Воспоминания генерала графа Рапса. Стр. 19)] -

Услышав это, я покинул театр и вернулся во Дворец в надежде, что меня быстро разыщут. Бонапарт вскоре вернулся домой; и по мере того, как весть об этом деле распространилась по Парижу, большой салон на первом этаже наполнился толпой чиновников, жаждущих прочесть в глазах своего хозяина, что они должны были думать и говорить по этому поводу. Он недолго держал их в напряжении. "Это, - яростно воскликнул он, - дело рук якобинцев: они покушались на мою жизнь.... В этом деле нет ни знати, ни священников, ни шуанов!... Я знаю, что делаю, и им не нужно и думать навязываться мне. Это септембризеры, которые участвовали в открытом восстании и заговоре и ополчались против каждого последующего правительства. Не прошло и трех месяцев с тех пор, как на мою жизнь покушались Уракки, Арена, Топино-Лебрэн и Демервиль. Все они принадлежат к одной банде! Сентябрьские головорезы, версальские убийцы, разбойники 81-го мая, заговорщики Прериала являются авторами всех преступлений, совершенных против установленных правительств! Если их нельзя остановить, они должны быть уничтожены! Франция должна быть очищена от этих негодяев!" Невозможно составить себе представление о той горечи, с которой Бонапарт произнес эти слова. Напрасно некоторые из государственных советников, и Фуше в частности, пытались указать ему на то, что не было никаких улик ни против кого и что, прежде чем объявлять людей виновными, было бы правильно установить факт. Бонапарт с еще большей яростью повторил то, что он ранее сказал о якобинцах; таким образом, добавив, не без некоторого основания для подозрений, еще одно преступление к длинному списку преступлений, за которые им уже предстояло ответить.

У Фуше было много врагов, и поэтому я не был удивлен, обнаружив, что некоторые министры пытались воспользоваться разницей между его мнением и мнением Первого консула; и следует признать, что полное неведение полиции относительно этого события было обстоятельством, не очень благоприятствующим Фуше. Он, однако, был подобен тростнику из басни — он гнулся от ветра, но вскоре снова выпрямлялся. Самый искусный актер едва ли смог бы изобразить то непреклонное спокойствие, которое он сохранял во время пароксизма ярости Бонапарта, и то терпение, с которым он позволил обвинять себя.

Фуше, когда впоследствии беседовал со мной, ясно дал мне понять, что он не считает якобинцев виновными. Я упомянул об этом Первому консулу, но ничто не могло заставить его отказаться от своего мнения. "У Фуше, - сказал он, - есть веские причины для молчания. Он служит своей партии. Вполне естественно, что он стремится прикрыть группу людей,

запятнанных кровью и преступлениями! Он был одним из их лидеров. Разве я не знаю, что он делал в Лионе и на Луаре? Это объясняет поведение Фуше сейчас!"

Это чистая правда; а теперь позвольте мне опровергнуть одну из тысяч выдумок об этом событии. Было сказано и напечатано, что "сановники и министры собрались в Тюильри. - Ну, - сказал первый консул, сердито надвигаясь на Фуше, - вы по-прежнему будете утверждать, что это партия роялистов? Фуше, осведомленный лучше, чем считалось, хладнокровно ответил: "Да, конечно, я так и скажу; и, более того, я это докажу". Эта речь вызвала всеобщее изумление, но впоследствии полностью подтвердилась". Это чистая выдумка. Первый консул только сказал Фуше; "Я не доверяю вашей полиции; я охраняю себя сам и дежурю до двух часов ночи". Однако это случилось очень редко.

На следующий день после взрыва адской машины в Тюильри собралось значительное количество людей. Поздравления лились рекой. Префект Сены созвал двенадцать мэров Парижа и явился во главе их на прием к Первому консулу. В своем ответе на их обращение Бонапарт сказал: "До тех пор, пока эта банда убийц ограничивала свои нападения лично мной, я предоставлял закону действовать своим чередом; но поскольку, совершив беспрецедентное преступление, они подвергли опасности жизни части населения Парижа, их наказание должно быть столь же быстрым, сколь и образцовым. Сотням этих негодяев, которые оклеветали свободу, совершая преступления от ее имени, необходимо эффективно помешать возобновить свои злодеяния". Затем он побеседовал с министрами, государственными советниками и т. Д. О событиях предыдущего дня; и поскольку всем было известно мнение Первого консула о виновниках преступления, каждый стремился подтвердить его. Совет собирался несколько раз, когда консультировались с Сенатом, и ловкий Фуше, чья совесть уступила деликатности его положения, обратился к первому консулу с докладом, достойным Мазарини. В то же время дневники были полны воспоминаний о Революции, собранных с целью связать с прошлыми преступлениями лиц, на которых теперь хотели навлечь одиозность. Было постановлено, что сто человек должны быть изгнаны; и сенат утвердил свой характер уступчивости, издав "Senatus-consulte", соответствующий пожеланиям Первого консула.

Был составлен список лиц, названных якобинцами, которые были приговорены к ссылке. Мне посчастливилось добиться удаления имен нескольких человек, чьи взгляды, возможно, были агрессивными, но чье образование и частный характер давали основания для рекомендаций. Некоторые из моих читателей, возможно, помнят их, но я не буду их называть, и я упомяну господина Тиссо только для того, чтобы описать не ту услугу, которую я ему оказал, а пример благодарности.

Когда в 1815 году Наполеон собирался вступить в Париж, господин Тиссо пришел в префектуру полиции, где я тогда находился, и предложил мне свой дом в качестве надежного убежища, заверив, что там я не подвергнусь риску быть обнаруженным. Хотя я еще не принял это предложение, я с радостью ухватился за возможность сообщить об этом. Отрадно обнаружить, что разница в политических взглядах не всегда исключает чувства великодушия и чести! Я никогда не забуду, как автор "очерков о Вергилии" произнес слова "Домус мой".

Но вернемся к роковому списку. Даже когда я пишу это, я содрогаюсь при мысли о том, каким образом совершенно невинные люди были обвинены в отвратительном преступлении без малейших доказательств. Имя человека, его мнения, возможно, только предполагаемые, были достаточными основаниями для его изгнания. Указом консулов от 4 января 1801 года, утвержденным "Сенат-консулом" на следующий день, были изгнаны с

территории республики и отданы под надзор специальных инспекторов 130 человек, девять из которых были просто обозначены в отчете как сентябрьцы.

Изгнанники, которых в отчетах и публичных выступлениях столь несправедливо обвиняли в том, что они являются создателями адской машины, были приняты в Нанте с таким негодованием, что военные были вынуждены вмешаться, чтобы спасти их от резни.

В дискуссиях, предшествовавших указу консулов, мало у кого хватило смелости выразить сомнение в виновности обвиняемого. Трюге был первым, кто допустил брешь. Он заметил, что, не отрицая исключительных средств правительства для избавления от его врагов, он не мог не признать, что эмигранты угрожали покупателям национальных владений, что общественное сознание было развращено памфлетами и что — здесь Первый консул, прерывая его, воскликнул: "На какие памфлеты вы намекаете?" — "На памфлеты, которые распространяются публично". — "Назовите их!" — "Вы знаете их так же хорошо, как и я".

—[Здесь имеется в виду параллель между Цезарем, Кромвелем и Бонапартом, о которой я буду говорить немного дальше. —Бурьен.]—

После долгого и гневного возмущения Первый консул внезапно распустил Совет. Он заметил, что его не проведешь; что злодеи известны; что они были сентябрьцами, зачинщиками всякого зла. Тремя днями ранее он сказал на заседании: "Если доказательства окажутся несостоятельными, мы должны воспользоваться общественным волнением. Для меня это мероприятие - просто возможность. Они должны быть изгнаны на 2 сентября, на 31 мая за заговор Бабефа — или за что-нибудь еще".

Покидая одно из заседаний Совета, на котором обсуждался вопрос о специальном трибунале, он сказал мне, что был немного раздражен; что он сказал, что должен быть нанесен жестокий удар; что должна быть пролита кровь; и что столько виновных должно быть расстреляно, сколько было жертв взрыва (от пятнадцати до двадцати); что 200 человек должны быть изгнаны, а Республика очищена от этих негодяев.

Произвольность и незаконность судебного разбирательства были настолько очевидны, что в "Senatus-consulte" не было упоминания о сделках 3-го Nivôse, что было весьма примечательно. Однако было объявлено, что мера, принятая накануне, была принята с целью сохранения Конституции. Это было многообещающе.

Первый консул проявлял самую яростную ненависть к якобинцам; в этом его нельзя было бы обвинить, если бы под титулом якобинцев он не объединял всех преданных сторонников общественной свободы. Их противодействие раздражало его, и он никогда не мог простить им того, что они осмелились осудить его тиранические действия и воспротивиться уничтожению свободы, которую он сам поклялся защищать, но над отменой которой он неустанно трудился. Таковы были истинные мотивы его поведения; и, сознавая свои собственные ошибки, он с неприязнью относился к тем, кто видел их и не одобрял. По этой причине он больше боялся тех, кого называл якобинцами, чем роялистов.

Я здесь перечисляю недостатки Бонапарта, но я извиняю его; в таком положении, в каком он находился, любой другой человек поступил бы точно так же. Истина теперь доходила до него с трудом, а когда она была неприятна, у него не было желания ее слышать. Он был окружен льстецами, и большинство из тех, кто обращался к нему, были далеки от того, чтобы говорить ему то, что они думали на самом деле; только повторяли то, что думал он сам. Поэтому он восхищался мудростью своих Советников. Таким образом, Фуше, чтобы сохранить свою

благосклонность, был вынужден передать своему хозяину 130 имен, выбранных из числа его самых близких друзей, в качестве объектов запрета.

Тем временем Фуше, все еще веря, что его не обманули относительно истинных организаторов покушения на 3-й Нивоз, со своей обычной ловкостью привел в действие все рычаги полиции. Его усилия, однако, какое-то время были безуспешными; но, наконец, в субботу, 31 января 1801 года, примерно через два часа после нашего прибытия в Мальмезон, Фуше явился сам и представил подлинные доказательства точности своих догадок. На этот счет больше не было никаких сомнений, и Бонапарт ясно видел, что попытка 3-го Нивоза была результатом заговора, вынашиваемого сторонниками королевской власти. Но поскольку акт о запрете против тех, кто был объединен под названием якобинцев, был приведен в исполнение, его нельзя было отменить.

Таким образом, следствием 3-го Нивоза стало то, что были наказаны как невиновные, так и виновные; с той разницей, однако, что виновные, по крайней мере, имели преимущество перед судом.

Когда якобинцы, как их называли, были обвинены с такой поспешностью, у Фуше не было положительных доказательств их невиновности; и поэтому их незаконное осуждение не следует приписывать ему. Память о нем вызывает достаточную ненависть и без того, чтобы его обвинили в преступлении, которого он никогда не совершал. И все же я должен сказать, что, если бы он смело выступил против мнения Бонапарта в первом порыве своей ярости, он мог бы предотвратить удар. Каждый раз, приезжая в Тюильри, еще до того, как до него дошли какие-либо сведения об истине, Фуше всегда заявлял мне о своей убежденности в невиновности лиц, которых обвинили первыми. Но он побоялся высказать то же самое Бонапарту. Я часто упоминал при нем мнение министра полиции; но поскольку доказательств не хватало, он отвечал мне с торжествующим видом: "Ба! ба! С Фуше всегда так. Кроме того, это не имеет большого значения. В любом случае мы от них избавимся. Если виновные будут обнаружены среди роялистов, они также будут наказаны".

Настоящие преступники, которые были наконец обнаружены благодаря исследованиям Фуше, Сен-Регента и Карбона, искупили свои преступления лишением их голов. Таким образом, Первый консул добился своего, а справедливость восторжествовала.

—[Это был святой Регент, или святой Режан, который запустил адскую машину. От сильного удара его отбросило к столбу, и часть грудной клетки была вогнана внутрь. Он был вынужден обратиться к хирургу, и, похоже, этот человек донес на него. (Мемуары Мио де Мелито, том i, стр. 264).

Дискуссии, имевшие место в Государственном совете по этому делу, примечательны как жестокостью Наполеона, так и в значительной степени успешным сопротивлением, оказанным в Совете его взглядам на заговор якобинской партии.]—

У меня часто был случай замечать разнообразные средства, используемые Бонапартом для достижения обладания верховной властью и подготовки умов людей к столь великим переменам. Те, кто наблюдал за его жизнью, должно быть, заметили, насколько всецело он был убежден в том, что общественное мнение растрчивает себя на слухи о проекте и не обладает никакой энергией в момент его осуществления. Поэтому, чтобы привлечь внимание общественности к вопросу о наследственной власти, о Париже была распространена брошюра, история которой такова:

В декабре 1800 года, когда Фуше разыскивал настоящих авторов покушения на 3-й Нивоз, первому консулу была отправлена небольшая брошюра, озаглавленная "Параллель между Цезарем, Кромвелем и Бонапартом". Когда это пришло, его не было. Я прочитал это и понял, что в нем открыто пропагандируется наследственная монархия. Тогда я ничего не знал о происхождении этой брошюры, но вскоре узнал, что она была выпущена канцелярией министра внутренних дел [Люсьена Бонапарта] и что она широко распространялась. Прочитав его, я положил на стол. Через несколько минут вошел Бонапарт и, взяв брошюру, притворился, что просматривает ее. "Вы читали это?" — сказал он. - "Да, генерал". — "Хорошо! каково ваше мнение об этом?" — "Я думаю, что это рассчитано на то, чтобы оказать неблагоприятное воздействие на общественное мнение: это несвоевременно, поскольку преждевременно раскрывает ваши взгляды". Первый консул взял брошюру и бросил ее на землю, как он делал со всеми глупыми публикациями того времени, предварительно бегло просмотрев их. Я не был исключителен в своем мнении об этой брошюре, поскольку на следующий день префекты ближайших окрестностей Парижа послали ее копию первому консулу, жалуюсь на ее пагубный эффект; и я припоминаю, что в одном из их писем говорилось, что такая работа была рассчитана на то, чтобы направить против него кинжалы новых убийц. Прочитав эту корреспонденцию, он сказал мне: "Буррьен, пошлите за Фуше; он должен немедленно приехать и дать отчет по этому делу". Через полчаса Фуше был в кабинете Первого консула. Не успел он войти, как произошел следующий диалог, в котором безудержная теплота одной стороны странно контрастировала с флегматичным и несколько сардоническим спокойствием другой.

"Что это за брошюра? Что говорят об этом в Париже?" — "Генерал, существует только одно мнение о его опасной тенденции". — "Ну, тогда почему вы допустили его появление?" — "Генерал, я был обязан проявить некоторое уважение к автору!" — "Уважение к автору! Что вы имеете в виду? Вам следовало отправить его в тампль." — "Но, генерал, ваш брат Люсьен покровительствует этой брошюре. Она была напечатана и опубликована по его приказу. Короче говоря, это исходит из канцелярии министра внутренних дел". — "Это неважно! Вашей обязанностью как министра полиции было арестовать Люсьена и отправить его в Тампль. Этот дурак только и делает, что придумывает, как бы ему меня предать!"

С этими словами Первый консул вышел из кабинета, с силой захлопнув за собой дверь. Оставшись теперь наедине с Фуше, я горел желанием получить объяснение сдерживаемой улыбки, которая не раз искривляла его губы во время гневных упреков Бонапарта. Я сразу понял, что кое-что припасено. "Отправьте автора в Тампль!" - сказал Фуше. "Это было бы нелегко! Встревоженный тем эффектом, который могла произвести эта параллель между Цезарем, Кромвелем и Бонапартом, я отправился к Люсьену, чтобы указать ему на его неосторожность. Он ничего мне не ответил, но пошел и взял рукопись, которую показал мне и которая содержала исправления и примечания, сделанные почерком Первого консула".

Когда Люсьен услышал, как Бонапарт выразил свое неудовольствие памфлетом, он также приехал в Тюильри, чтобы упрекнуть своего брата в том, что тот выставил его вперед, а затем бросил. "Это ваша собственная вина", - сказал Первый консул. "Вы позволили поймать себя! Тем хуже для вас! Фуше слишком хитер для вас! Ты просто дурак по сравнению с ним! Люсьен подал в отставку, которая была принята, и он уехал в Испанию. Эта дипломатическая миссия обернулась ему на пользу. Необходимо было скрыть макиавеллиевское изобретение "Параллели".

—["Параллель" приписывалась разным авторам; некоторые фразы казались работой Люсьена, но, как говорит Тьер (том ii, стр. 210), его редкая элегантность языка и классическое знание истории должны приписывать ее настоящему ведущему, Фонтанелю, Жозефу Бонапарту (Ошибка, том i,

стр. 270) говорится, что это написал Фонтанель, а Люсьен Бонапарт исправил ее. См. Меневаль, том iii. стр. 105. Кто бы ни написал это, Наполеон, несомненно, спланировал его выпуск. "Это было, - сказал он Редереру, - произведение, идею которого он сам подал, но последние страницы были написаны дураком" (Miot, том i, стр. 318). См. также Ланфри, том ii, стр. 208; и сравните историю из книги Юнга "Люсьен", том ii, стр. 490. Мио, затем доверенный Жозефу, говорит, что отстранение Люсьена от должности было результатом сердитой ссоры между ним и Фуше в присутствии Наполеона, когда Фуше напал на Люсьена не только из-за брошюры, но и из-за беспорядка в его общественной и личной жизни; но Мио (том i, стр. 319) называет датой этого 3 ноября, в то время как Буррьен датирует неодобрение брошюры декабрем.]-

Люсьену, среди прочих инструкций, было предписано приложить все усилия, чтобы побудить Испанию выступить против Португалии, чтобы заставить эту державу отделиться от Англии.

Первый консул всегда считал Португалию английской колонией и считал, что напасть на нее - значит напасть на Англию. Он желал, чтобы Португалия больше не отдавала предпочтение Англии в ее торговых отношениях, но чтобы, подобно Испании, она стала зависимой от него. Поэтому Люсьена отправили послом в Мадрид, чтобы поддержать министров Карла IV. убедив короля вторгнуться в Португалию. Король объявил войну, но она была непродолжительной и закончилась почти без нанесения удара взятием Оливенцы. 6 июня 1801 года Португалия подписала Бадахосский мирный договор, по которому она обещала уступить Испании Оливенцу, Алмейду и некоторые другие крепости и закрыть свои порты от Англии. Первый консул, который был недоволен договором, сначала отказался ратифицировать его. Он все еще держал свою армию в Испании, и это побудило Португалию присоединиться к некоторым небольшим изменениям в первом договоре. Это дело оказалось очень выгодным для Люсьена и Годоя.

Кабинет министров Тюильри был не единственным местом, где обсуждался вопрос о наследовании по наследству. Это было постоянной темой разговоров в парижских салонах, где уже поговаривали о новой династии. Это ни в коем случае не вызвало неудовольствия Первого консула; но он ясно видел, что совершил ошибку, преждевременно подняв этот вопрос; по этой причине он вел войну против Параллели, поскольку не хотел, чтобы его заподозрили в причастности к неудавшемуся замыслу. Однажды он сказал мне: "Мне кажется, я был слишком поспешен. Груша не совсем созрела!" Соответственно, пожизненное консульство было отложено до 1802 года, а наследственная империя - до 1804 года.

После провала искусной публикации памфлета Фуше пригласил меня отобедать с ним. Поскольку Первый консул хотел, чтобы я как можно реже обедал вне дома, я сообщил ему о полученном мною приглашении. Однако он знал об этом раньше и с готовностью разрешил мне пойти. За обедом Жозефа посадили справа от Фуше, а меня - рядом с Жозефом, который не говорил ни о чем, кроме своего брата, его замыслов, брошюры и плохого эффекта, произведенного ею. Во всем, что он говорил, слышались нотки обвинения и неодобрения. Я высказал ему свое мнение, но с большей сдержанностью, чем по отношению к его брату. Казалось, он одобрил то, что я сказал; его уверенность ободрила меня, и я с удовольствием увидел, что он испытывает чувства, полностью схожие с моими собственными. Его откровенность настолько подействовала на меня, что, несмотря на приобретенный опыт, я был далек от мысли, что нахожусь в компании шпиона. На следующий день Первый консул сказал мне очень холодно: "Оставь мои письма в корзине, я сам их вскрою". Это

неожиданное направление чрезвычайно удивило меня, и я решил сыграть с ним злую шутку в отместку за его необоснованное недоверие. В течение трех утра я складывал на дно корзины все письма, которые, как я знал, исходили от министров, и все донесения, адресованные мне для Первого консула. Затем я покрыл их теми, которые, судя по их конвертам и печатям, были того пустякового рода, которыми ежедневно заваливали Первого консула: они обычно состояли из просьб назвать номер лотерейного билета, чтобы автор мог воспользоваться своей удачей, просьб о том, чтобы он стал крестным отцом ребенка, просьб о местах, объявлений о браках и рождениях, абсурдных панегириков и т. Д. Непривычный вскрывать письма, он стал раздражаться из-за их количества и вскрыл очень немногие. Часто в тот же день, но всегда на следующее утро, приходило новое письмо от священника, который просил ответить на свое предыдущее письмо и жаловался, что не получил его. Первый консул распечатал около двадцати писем, а остальные оставил.

Вскрытие всех этих писем, которые он в другое время не имел привычки просматривать, чрезвычайно раздосадовало его; но поскольку я не хотел ни заходить слишком далеко в шутке, ни оставаться в неприятном положении, в которое меня поставило предательство Джозефа, я решил довести дело до конца. На третий день, когда ночные дела, прерывавшиеся небольшими приступами дурного настроения, были завершены, Бонапарт отправился спать. Через полчаса после этого я отправился в его комнату, куда меня допускали в любое время суток. У меня в руке была свеча, и, взяв стул, я сел с правой стороны кровати и поставил свечу на стол. И он, и Джозефина проснулись. "В чем дело?" он спросил с удивлением. "Генерал, я пришел сказать вам, что больше не могу оставаться здесь, поскольку потерял ваше доверие. Вы знаете, как искренне я вам предана; если вам есть в чем меня упрекнуть, дайте мне хотя бы знать это, потому что мое положение в течение последних трех дней было очень тяжелым". — "Что сделал Бурьен?" - серьезно спросила Жозефина. — "Это вас не касается", - ответил он. Затем, повернувшись ко мне, он сказал: "Это правда, у меня есть причины жаловаться на тебя. Мне сообщили, что вы говорили о важных делах в весьма нескромной манере". — "Могу заверить вас, что я не разговаривал ни с кем, кроме вашего брата. Именно он втянул меня в разговор, и он был слишком хорошо осведомлен в бизнесе, чтобы я мог раскрыть ему какой-либо секрет. Он мог сообщать вам все, что ему заблагорассудится, но разве я не мог сделать то же самое с ним? Я мог бы обвинить и предать его, как он обвинил и предал меня. Когда я доверительно разговаривал с вашим братом, мог ли я считать его инквизитором?" — "Я должен признаться, - ответил Бонапарт, - что после того, что я услышал от Жозефа, я счел правильным поместить свое доверие в карантин". — "Карантин длился три дня, генерал; несомненно, этого достаточно". — "Хорошо, Бурьен, давайте больше не будем об этом. Вскрывайте мои письма, как обычно; вы найдете ответы с большим опозданием, что меня очень раздражает; и, кроме того, я постоянно наткался на какую-нибудь глупую чепуху!"

Мне кажется, я все еще вижу и слышу любезную Джозефину, которая сидит в постели и говорит в своей мягкой манере: "Что? Бонапарт, возможно ли, чтобы ты подозревал Бурьена, который так привязан к тебе и который твой единственный друг? Как ты мог допустить, чтобы ему расставили такую ловушку? Что? ужин приготовили специально! Как я ненавижу эти отвратительные полицейские маневры!" — "Иди спать, - сказал Бонапарт. - пусть женщины занимаются своими безделушками и не вмешиваются в политику". Было около двух часов ночи, когда я лег спать.

Когда после нескольких часов сна я снова увидел Первого консула, он был добр ко мне больше, чем когда-либо, и я увидел, что на данный момент все тучи рассеялись".

—[Жозеф Бонапарт (*Erreurs*, том i, стр. 273) говорит, что то, что он сообщил своему брату, было разговором Буррьена с ним в кабинете Первого консула во время отсутствия Наполеона. Любопытно, что в тот единственный раз, когда Наполеон стал недоволен Меневалем (преемником Буррьена) и приказал ему не вскрывать письма, он использовал то же выражение при возвращении к обычному порядку ведения дел, который в данном случае составлял несколько часов. "Мой дорогой Меневаль, - сказал он, - есть обстоятельства, при которых я вынужден положиться на карантин". (Меневаль, том i, стр. 123). Любому, кому приходилось руководить офисом, приятно обнаружить, что даже Наполеон во многом зависел от хорошего секретаря. Во время болезни своего секретаря он сказал, показывая на загромождение своего письменного стола: "С Меневалем я бы скоро все это убрал". (Меневаль, том i, стр. 151.)]

ГЛАВА IV.

1800-1801

Австрия, подкупленная Англией—М. де Сен-Жюльен в Париже—Миссия Дюрока—Разрыв перемирия—Капитуляция трех гарнизонов— М. Отто в Лондоне—Битва при Гогенлиндене—Мадам Моро и мадам Юло— жестокое обращение Бонапарта с последним—Конгресс в Люневиле—Генерал Кларк—М. Марет—Мир между Францией и Австрией—Финансовые спекуляции Жозефа Бонапарта— Совет Месье де Талейрана—Регулирование работы почты-Камбасерес— Важность хороших обедов в делах правительства—Пароходы и интриганы—Смерть Павла I.—Новые идеи о восстановлении Польши—Дюрок в Санкт—Петербурге—Взятка отвергнута— Смерть Аберкромби.

Перемирие, заключенное после битвы при Маренго, которое сначала было нарушено, а затем возобновлено, продолжало соблюдаться в течение некоторого времени между армиями Рейна и Италии и имперскими армиями. Но Австрия, подкупленная субсидией в 2 000 000 фунтов стерлингов, не стала бы вести переговоры о мире без участия Англии. Она не отчаивалась в успешном возобновлении войны.

Г-н де Сен-Жюльен подписал предварительные условия в Париже; но венский двор дезавуировал их, и Дюроку, которого Бонапарт послал передать предварительные условия Вену для ратификации Императором, не разрешили пройти мимо австрийских передовых постов. Это неожиданное действие, явившееся результатом всемогущего влияния Англии, справедливо привело в ярость первого консула, который продемонстрировал решительные доказательства умеренности и стремления к миру. "Я хочу мира, - сказал он мне, - чтобы я мог организовать внутреннюю жизнь; этого хотят и люди. Вы видите условия, которые я предлагаю. Австрия, несмотря на поражение, получает все, чего добилась на Кампо-Формио. Чего она может желать еще? Я мог бы предпринять дальнейшие меры; но, не боясь неудач 1799 года, я должен думать о будущем. Кроме того, я хочу спокойствия, которое позволило бы мне уладить внутренние дела и отправить помощь на Мальту и в Египет. Но я не позволю шутить со мной. Я буду настаивать на немедленном решении!"

В своем раздражении Первый консул отправил Моро приказы, предписывающие ему нарушить перемирие и возобновить военные действия, если он не вернет себе мосты через Рейн и Дунай путем сдачи Филипсбурга, Ульма и Ингольштадта. Затем австрийцы

предложили вести переговоры с Францией на новых началах. Англия хотела принять участие в Конгрессе, но Первый консул не согласился на это до тех пор, пока она не подпишет сепаратное перемирие и не прекратит поддерживать общие дела с Австрией.

Первый консул получил сведения об оккупации трех гарнизонов 23 сентября, в день, который он назначил в своем ультиматуме Англии для возобновления военных действий. Но пока он был удовлетворен уступками Австрии: эта держава, рассчитывая на поддержку Англии, спросила ее, на каких условиях она должна вести переговоры.

Во время этих контактов с Австрией М. Отто находился в Лондоне на переговорах об обмене пленными. Англия и слышать не хотела о морском перемирии, подобном тому, которое Франция заключила с Австрией на суше. Она утверждала, что в случае разрыва Франция получит от этого перемирия больше преимуществ, чем Австрия получила бы от уже заключенного. Трудности и задержка с получением необходимых сообщений сделали эти причины правдоподобными. Первый консул согласился принять другие предложения Англии и позволить ей принять участие в обсуждениях в Люневиле, но при условии, что она подпишет с ним мирный договор без вмешательства Австрии. Англия отказалась это делать. Устав от этой неопределенности и отступления Австрии, которая все еще находилась под влиянием Англии, и чувствуя, что продолжение такого положения вещей может обернуться только ему во вред, Бонапарт разорвал перемирие. Он уже согласился на жертвы, которых не оправдывали его успехи в Италии. Одна только надежда на немедленный мир заставила его упустить из виду огромные преимущества, которые дала ему победа.

Многочисленные доказательства умеренности, которые демонстрировал Первый консул, отнюдь не казались разумными, а совместная наглость Англии и Австрии, казалось, только возрастала. Немедленно были отданы приказы о возобновлении наступления в Германии и Италии, после чего боевые действия возобновились.

Шансы на удачу долгое время были сомнительными. После поражения Австрия давала обещания, а после получения преимущества уклонялась от них; но в конце концов удача оказалась благосклонной к Франции. Французские армии в Италии и Германии форсировали Минчо и Дунай, а знаменитая битва при Гогенлиндене привела к тому, что передовые посты французов оказались в десяти лигах от Вены. Эта победа обеспечила мир, ибо, опираясь на прошлый опыт, Первый консул и слышать не хотел ни о какой приостановке вооружений до тех пор, пока Австрия не согласится на отдельный договор. Загнанная в свои последние укрепления, Австрия была вынуждена уступить. Она покинула Англию; и английский кабинет, несмотря на субсидию в 2 000 000 фунтов стерлингов, согласился на отделение. Великобритания была вынуждена пойти на такое соглашение вследствие положения, в которое успехи армии Моро поставили Австрию, которая, как она была уверена, будет разорена в результате более длительного сопротивления.

Англия хотела вступить в переговоры в Люневиле. Первый консул согласился с этим; но, видя, что Англия пытается обмануть его, он потребовал, чтобы она приостановила военные действия с Францией, как это сделала Австрия. Бонапарт весьма обоснованно утверждал, что бессрочное перемирие на Континенте было бы более невыгодно Франции, чем длительное перемирие на море было бы невыгодно Англии. Все это отложило предварительные переговоры до 1801 года, а заключение мира - до 1802 года.

Нетерпение и негодование Первого консула были в высшей степени вызваны увертками Австрии и заговорами Англии, поскольку он знал обо всех интригах, которые велись с целью реставрации бурбонов. Поэтому можно понять его радость, когда битва при Гогенлиндене

склонила чашу весов удачи в его пользу. 3 декабря 1800 года Моро одержал ту памятную победу, которая в конце концов положила конец колебаниям Венского кабинета.

—[Накануне битвы при Гогенлиндене Моро ужинал со своими адъютантами и несколькими генералами, когда ему доставили депешу. Прочитав его, он сказал своим гостям, хотя и был далек от привычки хвастаться: "Я здесь ознакомлен с передвижениями барона Крея. Это все, чего я мог пожелать. Завтра мы заберем у него 10 000 пленных". Моро взял 40 000, не считая огромного количества знамен.— Бурьен.] —

6 декабря первый консул получил сведения о битве при Гогенлиндене. Это было в субботу, и он только что вернулся из театра, когда я передал ему депеши. Он буквально танцевал от радости. Я должен сказать, что он не ожидал столь важного результата от передвижений рейнской армии. Эта победа придала новое лицо его мирным переговорам и определила открытие Люневильского конгресса, который состоялся 1 января следующего года.

Получив известие о битве при Гогенлиндене, мадам Моро приехала в Тюильри, чтобы навестить Первого консула и мадам Бонапарт. Она их не увидела и несколько раз повторила свои звонки без особого успеха. В последний раз, когда она пришла, ее сопровождала мать, мадам Юло. Она прождала довольно долго, но напрасно, и когда она уходила, ее мать, которая больше не могла сдерживать свои чувства, сказала вслух, при мне и нескольких домочадцах, что "жене завоевателя Гогенлиндена не подобает так танцевать". Это замечание достигло ушей тех, к кому оно было обращено. Вскоре после этого мадам Моро воссоединилась со своим мужем в Германии, а некоторое время спустя после ее отъезда мадам Юло приехала в Мальмезон, чтобы добиться повышения в должности для своего старшего сына, служившего на флоте. Жозефина приняла мадам Юло очень любезно и пригласила ее остаться на ужин. Она приняла приглашение. Первый консул, который не видел ее до обеда, обошелся с ней очень холодно: он почти ничего не сказал ей и удалился, как только обед закончился. Его грубость была настолько явной и оскорбительной, что Джозефина, которая всегда была доброй и обходительной, сочла необходимым извиниться, заметив, что он был встревожен отсутствием курьера, которого он ожидал.

Бонапарт не питал неприязни к Моро, потому что не боялся его; и после битвы при Гогенлиндене он говорил о нем в самых высоких выражениях и откровенно признавал услуги, которые тот оказал в этом важном случае; но он терпеть не мог семью своей жены, которая, по его словам, была сборищем интриганов.

—[У Наполеона были веские основания для такого мнения. "У Моро были теща и жена, живые и склонные к интригам. Бонапарт терпеть не мог интригующих женщин. Кроме того, однажды мать мадам Моро, находясь в Мальмезоне, позволила себе резкие замечания по поводу предполагаемой скандальной близости между Бонапартом и его юной сестрой Каролиной, тогда только что вышедшей замуж. Консул не простил такого разговора" (Ремюзат, том i, стр. 192). см. также Меневаль, том iii, стр. 57, о злодеянии, совершенном мадам Юло.] —

Поскольку для Конгресса был выбран Люневиль, Первый консул отправил своего брата Жозефа на переговоры с графом Луи де Кобенцелем. По пути Жозеф встретил г-на де Кобентцеля, который проезжал Люневиль и направлялся в Париж, чтобы узнать о настроениях французского правительства. Жозеф вернулся в Париж вместе с ним. После небольшого разговора с Первым консулом они на следующий день отправились в Люневиль,

губернатором которого Бонапарт назначил генерала Кларка. Это, по-видимому, удовлетворило Кларка, который очень хотел кем-то стать и уже давно добивался от Бонапарта назначения.

Через день или два после известия о битве при Гогенлиндене г-н Марет пришел, чтобы представить на подпись Бонапарту некоторые декреты, принятые в Совете. Ставя подписи и не поднимая глаз, первый консул спросил г-на Маре, который был его любимцем и стоял по правую руку от него: "Вы богаты, Маре?" — "Нет, генерал". — "Тем хуже: человек должен быть независимым". — "Генерал, я никогда не буду зависеть ни от кого, кроме вас". Затем Первый консул поднял глаза на Марет и сказал: "Хм! это неплохо!" и когда генеральный секретарь ушел, он сказал мне: "Марет не лишен ума: он дал мне очень хороший ответ".

9 февраля 1801 года, через шесть недель после открытия Люневильского конгресса, между Австрией и Францией был подписан мир. Этот мир — плод Маренго и Гогенлиндена — вернул Франции то почетное положение, которое было поставлено под угрозу слабым и неспособным правительством пентархии и неудачами 1799 года. Этот мир, который в договоре, согласно обычаю, назывался вечным, длился четыре года.

Жозеф Бонапарт, находясь на лечении во Франции в Люневиле, размышлял о притоке средств, которые, по его мнению, принесет мир. Люди более мудрые, которые были подобны ему в тайне, распродали свои акции в тот момент, когда стала известна уверенность в заключении мира. Но Джозеф покупал в значительной степени в надежде выгодно продать после подписания мира. Однако новость была проигнорирована, и произошло падение. Потери Джозефа были значительными, и он не мог выполнить обязательства, в которые его вовлекли его жадные и глупые спекуляции. Он обратился к своему брату, который не хотел и не был в состоянии выдать ему необходимую сумму. Бонапарту, однако, было чрезвычайно жаль видеть своего старшего брата в таком затруднительном положении. Он спросил меня, что же делать. Я сказал ему, что не знаю, но посоветовал ему посоветоваться с господином де Талейраном, от которого он часто получал дельные советы. Он так и сделал, и г-н де Талейран ответил с присущей ему невозмутимостью: "Что? и это все? О! это ничего. Это легко уладить. Вам нужно только поднять цену на средства". — "Но деньги?" — "О, деньги можно легко получить. Внесите несколько вкладов в Mont-de-Piste или в амортизационный фонд. Это даст вам необходимые деньги для сбора средств, и тогда Жозеф сможет продать компанию и возместить свои убытки". Совет месье де Талейрана был принят, и все прошло так, как он предсказывал. Никто, кроме тех, кто слышал разговор г-на де Талейрана, не может составить точного представления о его непринужденной манере выражаться, его невозмутимом хладнокровии, неизменном выражении его лица и его обширном запасе остроумия.

—[Талейран имел большой опыт во всевозможных спекуляциях. В старости он дал такой совет одному из своих протеже: "Не спекулируй. Я всегда спекулировал на достоверной информации, и это стоило мне стольких миллионов", - и он назвал свои убытки. Мы можем полагать, что, подсчитывая таким образом, он скорее забыл о размере своей прибыли (Сент-Бев, Талейран, 93).]—

Во время заседания Конгресса первый консул узнал, что правительственные курьеры доставляли избранным лицам в Париже различные вещи, но особенно деликатесы со стола, и он приказал прекратить эту практику. В тот самый вечер, когда был издан этот приказ, Камбасерес вошел в салон, где я был наедине с Первым консулом, который уже смеялся над

унижением, которое, как он знал, это постановление вызовет у его коллеги: "Ну, Камбасерес, что привело вас сюда в такое позднее время?" — "Я пришел просить об исключении из приказа, который вы только что отдали начальнику почты. Как, по-твоему, человек может завести друзей, если у него нет хорошего стола? Ты очень хорошо знаешь, насколько хорошие обеды помогают правительству." Первый консул рассмеялся, назвал его гурманом и, похлопав по плечу, сказал: "Не расстраивайся, мой дорогой Камбасерес; курьеры будут продолжать привозить тебе твои "блюда с трюфелями", страсбургские "паштеты", майнцскую ветчину и другие лакомства".

Те, кто помнит великолепные обеды, устраиваемые Камбасересом и другими, которые были общей темой разговоров в то время, и кто знал хитроумный расчет, который наблюдался при приглашении гостей, должны быть убеждены в огромном влиянии хорошего обеда на политические дела. Что касается Камбасереса, он не верил, что хорошее правительство может существовать без хороших обедов; и его слава (ибо у каждого человека есть своя особая слава) заключалась в том, что роскошь его стола была предметом восхвалений по всему Парижу и даже Европе. Банкет, на котором действовало всеобщее избирательное право, был для него Маренго или Фридландом.

—[Бурьенн не преувеличивает это превосходное качество достойного Камбасереса. Когда Бегно был отправлен управлять Великим герцогством Берг, Камбасерес сказал ему: "Мой дорогой Бегно, император распределяет короны по своему усмотрению; вот великий герцог Берг (Мюрат) едет в Неаполь; добро пожаловать, я не возражаю, но каждый год великий герцог присылает мне пару дюжин окороков из своего Великого герцогства, и я предупреждаю вас, что не намерен их терять, так что вы должны подготовиться". . . . Я ни разу не упустил возможности выполнить это обязательство, и если случалась какая-то задержка ... его высочество никогда не упускал случая попросить одного из своих секретарей написать хороший нагоняй моему управляющему; но когда окорока точно прибывали, его высочество никогда не упускал случая лично написать моей жене, чтобы поблагодарить ее.

Это было еще не все; окорока должны были доставляться в карете бесплатно. Эта мелкая работа вызвала недовольство ... и мне не пришлось бы платить больше за перевозку. Принц этого не допустил бы. Между ним и Лавалеттом (начальником Почты) существовало соглашение ... И милорд, по-видимому, придавал такое же значение выполнению этого соглашения, как и заготовке ветчины (Беньо, том I, стр. 262).

Камбасерес никогда не позволял заботам правительства отвлекать его внимание от великой цели жизни. Например, однажды, когда он задержался для консультации с Наполеоном после назначенного часа обеда — говорят, что обсуждалась судьба герцога Энгийского, — было замечено, что, когда время стало очень поздним, он проявлял явные симптомы нетерпения и беспокойства. Наконец он написал записку, которую вызвал джентльмена-швейцара, ожидавшего, чтобы отнести. Наполеон, подозревая о содержании, кивнул адъютанту, чтобы тот перехватил депешу. Взяв его в руки, Камбасерес горячо взмолился, чтобы он не читал пустяковую заметку о домашних делах. Наполеон настаивал и обнаружил, что это записка повару, содержащая только следующие слова: "Гарнир из первых блюд — жаркое, приготовленное на скорую руку". Когда Наполеон был в хорошем настроении по поводу результатов дипломатической конференции, он обычно прощался с полномочными представителями словами: "Идите обедать в Камбасерес". Его стол на самом деле был важным государственным двигателем, как явствует из анекдота о форели, присланной ему муниципалитетом Женевы и переведенной на их счета в размере 300 франков. Императорский "Счетный суд", запретивший это блюдо, запретил вмешиваться в подобные муниципальные дела в будущем (Hayward's Art of Dinning, стр. 20).]

В начале 1801 года Фултон представил Бонапарту свой мемориал о паромоходах. Я настаивал на серьезном изучении предмета. "Ба! - сказал он. - Все эти прожектеры либо интриганы, либо провидцы. Не беспокойте меня насчет бизнеса". Я заметил, что человек, которого он назвал интриганом, всего лишь возрождал уже известное изобретение и что было бы неправильно отвергать эту схему без проверки. Он не захотел меня слушать, и, таким образом, на некоторое время было отложено практическое применение открытия, которое дало такой важный импульс торговле и мореплаванию.

Павел I. пал от рук наемных убийц в ночь на 24 марта 1801 года. Первый консул был сильно потрясен, получив эту информацию. В волнении, вызванном этим неожиданным событием, оказавшим столь важное влияние на его политику, он поручил мне отправить в "Монитор" следующую записку:

Павел I. скончался в ночь на 24 марта, а английская эскадра миновала пролив 30-го. История покажет связь, которая, вероятно, существует между этими двумя событиями.

Таким образом, было объявлено о преступлении 24 марта и не безосновательных подозрениях его исполнителей.

— [Мы не пытаемся спасти честное имя нашей страны. Это один из многих случаев, когда Бурьен был введен в заблуждение. —Редактор издания 1886 года.]—

Дружеские отношения Поля и Бонапарта укреплялись с каждым днем. "В согласии с царем, - сказал Бонапарт, - я был уверен нанести смертельный удар английской власти в Индии. Дворцовый переворот разрушил все мои планы". Это решение и восхищение российского самодержца главой Французской Республики, безусловно, могут быть причислены к причинам смерти Павла. Лицами, которых обычно обвиняли в то время, были те, кому жестоко и настойчиво угрожали, и кто был наиболее заинтересован в наследовании престола новым императором. Я видел письмо от одного северного монарха, которое, на мой взгляд, не оставляет сомнений на этот счет и в котором указывалось вознаграждение за преступление и роль, которую должен был сыграть каждый актер. Но следует также признать, что поведение и характер Павла I. Его тиранические действия, его жестокие капризы и частые проявления деспотизма сделали его объектом накопившейся ненависти, поскольку терпение имеет свой предел. Эти обстоятельства, вероятно, не привели к возникновению заговора, но они значительно облегчили осуществление заговора, который лишил царя трона и жизни.

Как только Александр взошел на трон, идеи Первого консула относительно расчленения Польши возродились и почти полностью завладели его умом. Во время своей первой кампании в Италии и несколько раз, когда он был в Египте, он говорил Сулковскому, что его горячим желанием было восстановить Польшу, отомстить за беззаконие ее расчленения и этим грандиозным репертуарным актом восстановить былое равновесие в Европе. Он часто диктовал мне для "Монитор" статьи, стремясь доказать различными аргументами, что Европа никогда не обретет покоя, пока не будут отомщены и исправлены эти огромные разрушения; но он часто уничтожал эти статьи вместо того, чтобы отправлять их в печать. Его система политики по отношению к России изменилась вскоре после смерти Павла. Мысль о войне против этой империи непрестанно занимала его ум и породила идею той роковой кампании,

которая произошла одиннадцать лет спустя и которая имела другие причины, кроме восстановления Польши. Эта цель была выдвинута просто как предлог.

Дюрок был направлен в Санкт-Петербург, чтобы поздравить императора Александра с восшествием на престол. Он прибыл в российскую столицу 24 мая. Дюрок, который был в то время очень молод, был большим любимцем Первого консула. Он никогда не докучал Бонапарту своими просьбами и никогда не доставлял хлопот, рекомендуя кого-либо или занимаясь добыванием благосклонности; тем не менее он горячо защищал дело тех, кого считал потерпевшими, и честно отвергал обвинения, которые, как он знал, были ложными. Эти моральные качества в сочетании с приятным характером и элегантными манерами делали его человеком очень высокого ранга.

Более того, 1801 год был отмечен роковым созданием специальных трибуналов, которые никоим образом не были оправданы неотложностью обстоятельств. В этом году также были восстановлены Африканская компания, Люневильский мирный договор (который увеличил преимущества, полученные Францией благодаря Кампо-Формийскому мирному договору) и мир, заключенный между Испанией и Португалией с помощью Люсьена. По поводу этого мира я могу упомянуть, что Португалия, чтобы добиться уступки Оливенцы, тайно предложила Бонапарту через меня 8 000 000 франков, если он окажет свое влияние на приобретение этого города Португалией. Он с негодованием отверг это предложение, заявив, что никогда бы не продал честь за деньги. Его обвинили в том, что он выслушал подобное предложение в Пассериано, хотя на самом деле ему такого предложения никогда не делали. Те, кто выдвигает подобные обвинения, мало знают о непреклонности его принципов в этом вопросе.

Однажды апрельским вечером 1801 года в Мальмезон прибыла английская газета "Лондон газетт". В нем сообщалось о высадке в Египте армии под командованием Аберкромби, сражении, данном англичанами, и смерти их генерала. Я немедленно перевел статью и представил ее Первому консулу, будучи уверен, что эта новость будет для него очень болезненной. Он усомнился в ее правдивости или, по крайней мере, сделал вид, что усомнился. Несколько офицеров и адъютантов, находившихся в салоне, разделяли его мнение, особенно Ланн, Бессьер и Дюрок. Они думали, что таким образом доставят удовольствие Первому консулу, который затем сказал мне насмешливым тоном: "Ба! ты не понимаешь английского. Вот так и с тобой: ты всегда склонен верить плохим новостям, а не хорошим!" Эти слова и одобрительные улыбки присутствующих джентльменов вывели меня из себя, и я сказал с некоторой теплотой: "Как, генерал, вы можете поверить, что английское правительство официально опубликовало бы столь важное событие, если бы это не было правдой? Неужели вы думаете, что правительство, обладающее хоть каким-то чувством собственного достоинства, стало бы перед лицом Европы заявлять ложь относительно дела, правда о котором не может долго оставаться неизвестной? Знали ли вы когда-нибудь случай, когда столь важное объявление оказалось ложным после того, как оно было опубликовано в "Лондон газетт"? Я верю, что это правда, и улыбки этих джентльменов не изменят моего мнения". Услышав эти замечания, Первый консул встал и сказал: "Пойдемте, Бурьен, я хочу видеть вас в библиотеке". После того, как мы покинули гостиную, он добавил: "С вами всегда так. Почему вас раздражают такие пустяки? Уверю вас, я верю новостям, но слишком уверенно, и я боялся их до того, как они пришли. Но они думают, что доставляют мне удовольствие, делая вид, что сомневаются в них. Не обращайтесь на них внимания". — "Прошу у вас прощения, - сказал я, - но я полагаю, что лучший способ доказать мою привязанность к вам - это сказать вам то, что я считаю правдой. Вы хотите, чтобы я, не откладывая ни на

минуту, сообщил вам плохие новости. Было бы гораздо хуже замаскироваться, чем скрыть это.

ГЛАВА V.

1801-1802.

Королевские эксперименты—Луи де Бурбон и Мария Луиза из Испании—Создание королевства Этрурия—Граф Ливорно в Париже—Данные ему развлечения—Мнение Бонапарта о короле Этрурии—Его отъезд во Флоренцию и плохой прием там— Переговоры с папой—Мнение Бонапарта о религии—Богослужение в Нотр—Дам—Поведение людей в церкви— Нерелигиозность консульского двора—Замечание Ожеро о Богослужении-Первая месса в Сен— Клу—Месса в апартаментах Бонапарта -Талейран освобожден от своих духовных обетов - Мое назначение в Государственный совет.

Прежде чем возложить две короны на свою собственную голову, Бонапарт подумал, что в интересах его политики возложить одну корону на голову принца, и даже принца из Дома Бурбонов. Он хотел приучить французов к виду короля. Впоследствии будет видно, что он дал скипетр, как и свое доверие, условно и что он всегда был готов отменить свою собственную работу, когда она становилась препятствием для его амбициозных замыслов.

В мае 1801 года инфанта Испании Мария Луиза, третья дочь Карла IV, посетила Париж. Инфант Луи де Бурбон, старший сын герцога Пармского, отправился в Мадрид в 1798 году, чтобы заключить брак с Марией Амелией, сестрой Марии Луизы; но он влюбился в последнюю. Годой одобрял эту привязанность и использовал все свое влияние, чтобы добиться заключения брака. Сына, который шесть лет спустя родился от этого союза, назвали Шарлем Луи в честь короля Испании. Франция оккупировала герцогство Пармское, которое, во исполнение конвенций, подписанных Люсьеном Бонапартом, должно было принадлежать ей после смерти правящего герцога. С другой стороны, Франция должна была уступить Великое герцогство Тосканское сыну герцога Пармского, а Испания выплатила Франции, согласно условию, значительную сумму денег. Вскоре после того, как договор был доведен до сведения дона Луи и его жены, они покинули Мадрид и отправились в путешествие по Франции. Принц принял титул графа Ливорно. Все рассказы единодушны относительно внимания, оказанного принцу и принцессе во время их путешествия. Среди празднеств в честь прославленной пары то, которое г-н де Талейран устроил в Нейи, отличалось великолепием.

Когда граф Ливорно собирался нанести свой первый визит в Мальмезон, Бонапарт вошел в гостиную, чтобы убедиться, что все должным образом подготовлено к его приему. Через несколько минут он вернулся в свой кабинет и сказал мне, несколько не в духе: "Бурьен, только подумай об их глупости; они не сняли картину, на которой я изображен на вершине

Альп, указывающей на Ломбардию и повелевающей завоевать ее. Я приказал убрать его. Как было бы унижительно, если бы принц увидел это!"

Другая картина в гостиной Мальмезона изображала Первого консула, спящего на снегу на вершине Альп перед битвой при Маренго.

Визит графа Ливорно в Париж придал блеск первым годам правления Бонапарта, о котором в то время говорили: "Он творил королей, но не хотел быть одним из них!"

При представлении Эдипа было получено следующее выражение Philactetes с переносом:—

"J'ai fait des Souverains, et n'ai pas voulu l'etre."

["Монархов я создал, но тем, кем я не хотел бы быть".]

Первый консул, покидая театр, не скрывал своего удовлетворения. По аплодисментам, которыми был встречен этот стих, он заключил, что о его брошюре забыли. Более того, то, как публика принимала короля, коронованного его собственными руками, не было для него безразличным делом, поскольку он ожидал, что таким образом люди снова познакомятся с тем, что так долго было запрещено.

Этот король, который, хотя и был хорошо принят и угощен, был во всех отношениях самым обычным человеком, отбыл в Италию. Я говорю "очень обыкновенный", не потому, что у меня была возможность судить о его характере лично, но Первый консул сказал мне, что его возможности были крайне ограничены; что ему было противно даже брать в руки перо; что он никогда не думал ни о чем, кроме своих удовольствий: одним словом, что он был дураком.

Однажды, после того как Первый консул провел несколько часов в обществе него и его супруги, он сказал мне: "Я очень устал. Он просто автомат. Я задал ему несколько вопросов, но он не может ответить ни на один. Он вынужден посоветоваться со своей женой, которая, насколько это в ее силах, объясняет ему, что он должен сказать ". Первый консул добавил: "Бедный принц отправится завтра в путь, не зная, что он собирается делать". Я заметил, что было жаль видеть счастье народа Тосканы, вверенное такому принцу. Бонапарт ответил: "Этого требует политика. Кроме того, этот молодой человек не хуже обычных королей". Принц полностью оправдал в Тоскане мнение, которое составил о нем Первый консул.

—[Этот несчастный принц был очень опрометчив, рекомендуя, исходя из своего личного характера, учреждения, за которые дворянство цеплялось с такой любовью. Природа наделила его прекрасным сердцем, но весьма ограниченными талантами, и его ум впитал ложное впечатление, возникшее в результате его монашеского воспитания. Он прожил в Мальмезоне почти все время своего визита в Париж. Мадам Бонапарт обычно проводила королеву в ее собственные апартаменты; и поскольку первый консул никогда не покидал своей комнаты, кроме как для того, чтобы сесть за стол, адъютантам приходилось составлять королю компанию и стараться развлечь его, настолько он был начисто лишен интеллектуальных ресурсов.

Действительно, требовалось немалое терпение, чтобы выслушивать легкомысленные речи, которые поглощали его внимание. Поскольку его склад ума был таким образом открыт для обозрения, были приняты меры к тому, чтобы снабдить его игрушками, которые обычно вкладываются в руки детей; поэтому он никогда не испытывал недостатка в занятиях. Его ничтожество было для нас источником сожаления: мы сокрушались, видя высокого красивого юношу, обреченного править своими ближними, дрожащего от лошадиного ржания и трещащего

свое время на игру в прятки или в "лягушку-попрыгунью", вся информация которого заключалась в знании молитв и произнесении молитвы до и после еды. Таков, тем не менее, был человек, которому вот-вот предстояло вверить судьбы целой нации! Когда он покинул Францию, чтобы вернуться в свое королевство, "Риму не нужно беспокоиться", — сказал нам Первый консул после прощальной аудиенции, "нет никакой опасности, что он перейдет Рубикон" (Мемуары герцога Ровиго, том i, стр. 363).] -

Чтобы еще больше проявить внимание к королю Этрурии после его трехнедельного визита в Париж, Первый консул приказал сопровождать его в Италию французской гвардией и выбрал для этой цели своего шурина Мюрата.

Новый король нового королевства прибыл во Флоренцию 12 апреля 1801 года; но прием, оказанный ему тосканцами, был совсем не похож на тот, который он испытал в Париже. Народ принял королевскую чету как суверенов, навязанных ему Францией. Эфемерное королевство Этрурия просуществовало едва ли шесть лет. Король умер в 1803 году, в расцвете сил, а в 1807 году королева была свергнута со своего трона тем, кто построил его для нее.

В этот период влиятельная партия убеждала Бонапарта порвать с папой римским и основать Галликанскую церковь, глава которой должен был проживать во Франции. Они думали польстить его честолюбию, указав ему на новый источник власти, который мог бы послужить поводом для сравнения его с первыми римскими императорами. Но его взгляды на этот счет не совпадали с их взглядами. "Я убежден, - сказал он, - что часть Франции стала бы протестантской, особенно если бы я одобрил это решение. Я также уверен, что гораздо большая часть останется католиками и будет с величайшим рвением противодействовать расколу части своих сограждан. Я боюсь религиозных распрей, семейных раздоров и общественных беспорядков, к которым неизбежно привело бы такое положение вещей. Возрождая религию, которая всегда преобладала в стране и которая все еще преобладает в сердцах людей, и предоставляя меньшинству свободу отправлять свои культы, я удовлетворю каждого".

Первый консул, высоко оценивая состояние Франции, считал, что восстановление религиозного культа окажет мощную поддержку его правительству: и с начала 1801 года он был занят подготовкой Конкордата с Папой римским. Он был подписан в июле того же года. Потребовалось некоторое время, чтобы стороны пришли к взаимопониманию по этому вопросу.

Кардинал Консальви прибыл в июне 1801 года в Париж, чтобы уладить дела со стороны папы. Кардинал Капрара и месье де Спина также входили в состав посольства, направленного Святейшим Отцом. Кроме того, было несколько способных богословов, среди которых выделялся доктор К.

— ["Доктором С..." был Казелти, впоследствии архиепископ Пармы. Бонье был когда-то епископом Орлеана, а не Версаля; см. *Erreurs*, том i, стр. 276. Подробности неожиданности, предпринятой в последний момент, когда кардиналу Консальви был представлен на подпись измененный экземпляр Конкордата, следует прочитать в его Мемуарах (том i, стр. 355) или в Ланфри (том ii, стр. 267). Что касается веры Наполеона в то, что часть нации может стать протестантской, Нарбонн, вероятно, верно подметил, когда сказал, что во Франции недостаточно религии, чтобы выдержать разделение. Следует отметить, что Конкордат не столько восстановил католическую церковь, сколько разрушил старую Галликанскую церковь со всеми ее вольностями,

которые могли бы вызвать недовольство либо папы, либо императора. Но по этому поводу смотрите "Галликанскую церковь и революцию" Джервиса: Лондон, Начало Paul, Trench and Co., 1882. Духовенство, возможно, и проявило мудрость, согласившись на любые условия реставрации.]—

Он был членом папской канцелярии; его знания давали ему такое большое влияние на своих коллег, что дела продвигались только настолько, насколько ему было угодно. Однако его расположили к себе оказанные ему почести и обещания денег. Затем дело пошло немного быстрее. Конкордат был подписан 15 июля 1801 года и стал законом штата в апреле следующего года. Полномочными представителями со стороны Бонапарта были Жозеф Бонапарт, Крите и Абби Бернье, впоследствии епископ Версаля. — [Орлеан, а не Версаль. Д.В.]

В воскресенье, 11 апреля, в соборе Нотр-Дам было пропето торжественное "Те Деум". Толпа была огромной, и большая часть присутствующих стояла во время церемонии, которая была в высшей степени великолепна; но кто осмелился бы сказать, что общее настроение соответствовало всей этой помпезности? Значит, время для этого нововведения еще не пришло? Не был ли это слишком резкий переход от привычек двенадцати предыдущих лет? Бесспорно, верно, что большое количество лиц, присутствовавших на церемонии, выражали в своих лицах и жестах скорее чувство нетерпения и неудовольствия, чем удовлетворения или благоговения перед местом, в котором они находились. То тут, то там поднимался недовольный ропот. Перешептывание, которое я мог бы правильнее назвать открытой беседой, часто прерывало богослужение, и иногда делались замечания, далеко не умеренные. Некоторые специально отворачивали головы, чтобы взять кусочек шоколадного торта, а печенье открыто ели многие, которые, казалось, не обращали внимания на происходящее.

Консульский суд был в целом крайне нерелигиозен; да и нельзя было ожидать иного, поскольку он состоял в основном из тех, кто способствовал уничтожению всех религиозных культов во Франции, и из людей, которые, проведя свою жизнь в лагерях, чаще заходили в церковь в Италии, чтобы унести картину, чем послушать мессу. Те, кто, не будучи проникнут никакими религиозными идеями, обладал тем здравым смыслом, который побуждает людей уважать веру других, даже если они в ней не участвуют, не винили Первого консула за его поведение и вели себя с некоторым уважением к приличиям. Но по дороге из Тюильри в Нотр-Дам Ланн и Ожеро захотели выйти из экипажа, как только увидели, что их везут на мессу, и потребовался приказ Первого консула, чтобы помешать им сделать это. Поэтому они отправились в Собор Парижской Богоматери, и на следующий день Бонапарт спросил Ожеро, что он думает об этой церемонии. "О! все было очень хорошо, - ответил генерал. - Недостатка не было ни в чем, кроме миллиона человек, погибших при разрушении того, что вы строите." Бонапарт был очень недоволен этим замечанием.

—[Это замечание в другом месте приписывалось генералу Дельмасу.

По словам джентльмена, сыгравшего роль в этом пустом зрелище, Ланн в какой-то момент все-таки вышел из кареты, а Ожеро продолжал ругаться негромким шепотом на протяжении всей скандируемой Мессы. Большинство военачальников, вышедших из Революции, вообще не имели религии, но были и такие, кто были протестантами и кого раздражало восстановление католицизма в качестве национальной веры. — Редактор издания 1896 года.] —

Во время переговоров со Святейшим отцом Бонапарт однажды сказал мне: "В каждой стране религия полезна правительству, и те, кто правит, должны пользоваться ею, чтобы влиять на человечество. Я был магометанином в Египте; я католик во Франции. Что касается религиозной полиции государства, то она должна быть полностью в руках суверена. Многие люди убеждали меня основать Галликанскую церковь и назначить себя ее главой; но они не знают Франции. Если бы они это сделали, они бы знали, что большинство людей не хотели бы разрыва с Римом. Прежде чем я смогу решиться на такую меру, папа должен довести дело до крайности; но я верю, что он этого не сделает". — "Вы правы, генерал, и вы напомните мне, что сказал кардинал Консальви: "Папа выполнит все, чего пожелает Первый консул". — "Это лучший выход для него. Пусть он не думает, что имеет дело с идиотом. Как вы думаете, какой пункт его переговоров выдвигается на первый план? Спасение моей души! Но для меня бессмертие - это воспоминание, которое человек оставляет в памяти человека. Эта идея побуждает к великим поступкам. Для человека было бы лучше никогда не жить, чем не оставить после себя никаких следов своего существования".

Было предпринято много попыток убедить Первого консула публично выполнять обязанности, налагаемые католической религией. Требовался убедительный пример. Однажды он сказал мне, что положил конец этой просьбе следующим заявлением: "Хватит об этом. Не спрашивай меня больше. Ты не получишь своей цели. Ты никогда не сделаешь из меня лицемерку. Давай останемся там, где мы есть."

Я прочитал в замечательной по многим причинам работе, что именно по случаю Конкордата 15 июля 1801 года Первый консул отменил республиканский календарь и восстановил григорианский. Это ошибка. Он не делал календарь религиозным делом. "Сенат-консулат", который восстановил использование григорианского календаря, начался во Французской империи с 11-го Нивоса XIV года. (1 января 1806 г.), был принят 22 фруктидора XIII года. (9 сентября 1805 г.), более чем через четыре года после Конкордата. Восстановление древнего календаря не имело никакой другой цели, кроме как привести нас в гармонию с остальной Европой в вопросе, столь тесно связанном с повседневными операциями, которые были сильно затруднены десятилетним календарем.

Однако в конце концов Бонапарт согласился отслужить мессу, и Сен-Клу стал местом, где впервые был восстановлен этот древний обычай. Он распорядился начать церемонию раньше объявленного часа, чтобы те, кто будет только насмехаться над ней, не смогли прибыть до окончания службы.

Всякий раз, когда первый консул решал публично отслужить мессу по воскресеньям в часовне Дворца, в комнате рядом с его деловым кабинетом готовился небольшой алтарь. Эта комната была орагией Анны Австрийской. Небольшой переносной алтарь, установленный на платформе высотой в одну ступеньку, вернул ему первоначальное назначение. В остальное время недели эта часовня использовалась как купальня. В воскресенье дверь для общения была открыта, и мы слышали мессу, сидя в нашем деловом кабинете. Количество присутствующих никогда не превышало трех-четырех человек, и Первый консул редко упускал возможность заняться какими-нибудь делами во время церемонии, которая никогда не длилась дольше двенадцати минут. На следующий день все газеты сообщили, что первый консул отслужил мессу в своих апартаментах. Точно так же Людовик XVIII. часто слышал это в своих!

19 июля 1801 года папская булла освободила Талейрана от его обетов. Он немедленно женился на мадам Грандт, и в то время об этом романе почти не было известно. Это заявление в достаточной степени доказывает, насколько отчет исказил факт. Говорили, что

Бонапарт, став императором, пожелал восстановить те приличия, которые были разрушены революцией, и поэтому решил положить конец неподобающей близости, существовавшей между Талейраном и мадам Гран. Утверждается, что министр сначала отказался жениться на этой даме, но в конце концов счел необходимым подчиниться безапелляционному приказу своего господина. Это мнимое воскрешение нравственности Бонапартом чрезвычайно нелепо. Булла была зарегистрирована в Государственном совете только 19 августа 1802 года.

—[Первый консул несколько раз убеждал г-на де Талейрана вернуться в священный сан. Он указал ему, что такой курс больше всего соответствовал бы его возрасту и высокому происхождению, и пообещал, что тот станет кардиналом, тем самым поставив его в один ряд с Ришелье и придав дополнительный блеск его администрации (Мемуары герцога Ровиго, том i, стр. 426).

Но М. де Талейран оправдал свой выбор, сказав: "Умная жена часто компрометирует своего мужа; глупая компрометирует только саму себя" (Исторические персонажи, стр.122, Бульвер, лорд Даллинг).]—

Я закончу эту главу историей, несколько чуждой предыдущим сделкам, но которая касается лично меня. 20 июля 1801 года Первый консул "ex proprio motu" назначил меня членом чрезвычайного государственного совета. Мадам Бонапарт любезно снизошла до того, чтобы сшить для меня элегантный, но в некотором роде идеальный костюм. Однако первому консулу он понравился, и он заказал аналогичный костюм для себя. Он носил его недолго, а затем снял. Никогда еще Бонапарт с момента своего возвышения не проявлял себя так любезно, как в этот раз.

ГЛАВА VI.

1802.

Последняя глава о Египте—Адмирал Гантеом—Способ понравиться Бонапарту— Лесть генерала Мену и его награда—Даву—Бонапарт сожалеет о передаче командования Мену, который терпит поражение от Аберкромби—Переговоры Отто в Лондоне—Предварительные условия мира.

В последний раз в этих Мемуарах я возвращаюсь к событиям в Египте — к тому эпизоду, который охватывает такой короткий промежуток времени и занимает такое высокое место в жизни Бонапарта. Из всех своих завоеваний он больше всего ценил Египет, потому что благодаря ему слава его имени распространилась по всему Востоку. Соответственно, он не оставил без внимания ничего для сохранения этой колонии. В письме генералу Клеберу он сказал: "Вы так же, как и я, способны понять, насколько важно для Франции владение Египтом. Турецкая империя, в которой повсюду заметны симптомы упадка, в настоящее время разваливается на куски, и зло от эвакуации Египта Францией теперь будет еще большим, поскольку мы вскоре увидим, как эта прекрасная провинция перейдет во владение

какой-нибудь другой европейской державы ". Выбор Гантеума, однако, для оказания помощи Клеберу был неразумным. Гантеум привез Первого консула обратно из Египта, и хотя успех переправы можно было приписать только собственному плану Бонапарта, его решительному характеру и высшему суждению, все же он сохранил по отношению к Гантеуму то благосклонное расположение, которое естественно для человека, который разделит с нами большую опасность и на которого, можно сказать, была возложена ответственность.

Эта уверенность в посредственности, продиктованная чувством чести, не получила должного отклика. Гантеум из-за своей нерешительности и ползучести в Средиземном море уже не смог выполнить порученное ему дело. Первый консул, узнав, что он не покинул Брест после того, как ему было приказано отправиться в Средиземное море, неоднократно спрашивал меня: "Какого черта делает Гантеум?" В одном из ежедневных донесений, отправляемых Первому консулу, он получил следующее четверостишие, которое заставило его от души рассмеяться:

"Vaisseaux lestes, tete sans lest,
Ainsi part l'Amiral Gantheaume;
Il s'en va de Brest a Bertheaume,
Et revient de Bertheaume a Brest!"

- С балластом на борту, но без него в мозгу,
Ушел наш доблестный Гантеум,
Совершив путешествие из Бреста в Бертеум,
А затем из Бертеума — обратно в Брест!"

Колебания Гантеума, его частые колебания, его прибытие в Тулон, запоздалый отъезд и возвращение в этот порт 19 февраля 1801 года, всего за десять дней до появления адмирала Кейта с сэром Ральфом Аберкромби у берегов Александрии, полностью сорвали все планы Бонапарта по доставке помощи и подкреплений в колонию, находящуюся на грани уничтожения.

Бонапарт тогда мечтал, что многие французские семьи вернут цивилизацию, науку и искусство в эту страну, которая была их колыбелью. Но нельзя было скрыть, что его отъезд из Египта в 1799 году подготовил почву для потери этой страны, которая была ускорена смертью Клебера и выбором Мёну в качестве его преемника.

Верным способом заискивания перед Первым консулом и завоевания его расположения было восхвалять его взгляды на Египет и казаться ревностным сторонником сохранения владения этой страной. Именно этими средствами Мёну завоевал его доверие. В первый год оккупации этой страны он изложил ему свои мечты об Африке. Он говорил о неграх Сенегала, Мозамбика, Мехеди, Марабу и других варварских странах, которые внезапно приобрели новый облик и стали цивилизованными вследствие французского владения Египтом. К преклонению перед Мёну следует отнести благосклонный прием, оказанный ему Первым консулом даже после его возвращения из Египта, которым его глупое поведение позволило завладеть англичанам. Первый консул назначил его губернатором Пьемонта и по моей просьбе дал моему старшему брату должность генерального комиссара полиции в этой стране; но я со всей откровенностью вынужден признаться, что Первый консул был вынужден отказаться от этого знака своего расположения вследствие злоупотребления им моим братом.

Кроме того, льстя Первому консулу по восточному вопросу, Даву по возвращении из Египта в 1800 году вследствие Эль-Арийского соглашения втерся в доверие к Бонапарту и, если не заслуживал, добился его расположения. В то время Даву, конечно, не имел никакого права на ту удачу, которую он внезапно испытал. Он получил, не дослужив сначала до низшего чина, должность главнокомандующего гренадерами Консульской гвардии, и с этого времени началась смертельная ненависть, которую Даву питал ко мне. Пораженный тем, как долго Бонапарт однажды беседовал с ним, я сказал, как только он ушел: "Как вы могли так долго разговаривать с человеком, которого вы всегда называли глупцом?" — "Ах! но раньше я не знал его достаточно хорошо. Уверяю вас, он лучший человек, чем о нем думают, и вы разделите мое мнение". — "Я надеюсь на это". Первый консул, который часто бывал крайне нескромен, высказал Даву мое мнение о нем, и его враждебность ко мне прекратилась только вместе с его жизнью.

Первый консул не мог забыть о своей заветной победе на Востоке. Она постоянно была предметом его мыслей. Он пытался послать подкрепления своей армии из Бреста и Тулона, но безуспешно. Вскоре у него появился повод раскаяться в том, что он доверил Мену главнокомандование, на которое он получил право только по старшинству, после убийства Клебера Сулейманом Хелеби. Но возмущение Бонапарта возросло, когда он узнал о пренебрежении и бесхозяйственности Мену, когда он увидел, что тот отдает бразды правления своей страсти к реформам, все изменяя и разрушая, не создавая ничего хорошего вместо этого и мечтая о создании сухопутного сообщения с готтентотами и Конго вместо того, чтобы изучать, как сохранить страну. Его жалкие планы обороны, которые были бесполезны из-за отсутствия сочетания, казались Первому консулу верхом невежества. Забыв обо всех принципах стратегии, которых поведение Бонапарта давало так много примеров, он противопоставил высадке при Аберкромби нескольких изолированных корпусов, которые были неспособны противостоять атаке противника, в то время как английская армия могла быть полностью уничтожена, если бы против нее были направлены все имеющиеся в наличии войска.

Огромное восхищение, которое Мену выразил экспедицией в Египет; его чрезмерная привязанность к этой стране, религию которой он довольно нелепо принял под именем Абдалла; усилия, которые он прилагал в своей сфере деятельности для сохранения колонии; его энтузиазм и слепая привязанность к Бонапарту; лестные и обнадеживающие отчеты, которые он давал о положении армии, поначалу полностью покрывали неспособность Мену.

—[Нелепое описание Мену можно найти в Воспоминаниях Мармона: "Умный и веселый, он был приятным собеседником, но великим лжецом. Он не был лишен какого-либо образования. Его характер, один из самых странных в мире, был близок к помешательству: постоянно писал, постоянно находился в движении в своей комнате, каждый день ездил верхом для физических упражнений, он так и не смог отправиться в какое-либо необходимое или полезное путешествие Когда позже Бонапарт, тогдашний первый консул, по особой милости передал ему управление Пьемонтом, он откладывал свой отъезд изо дня в день в течение шести месяцев; и тогда он отправился в путь только потому, что его друг Маре сам посадил его в свою карету, в которую уже были запряжены почтовые лошади Когда он покинул этот пост, они были вынуждены покинуть его. нашли в его шкафу 900 писем, которые он не вскрывал. Он был эксцентричным сумасшедшим, иногда довольно забавным, но проклятием для всего, что от него зависело". (Мемуары герцога Рагузского, том i, стр. 410).] —

Только этим можно объяснить предпочтение, оказанное ему Первым консулом. Но я далек от того, чтобы согласиться с утверждениями многих людей, что Франция потеряла Египет в тот самый момент, когда казалось, что его легче всего сохранить. Египет был завоеван гением огромного интеллекта, огромных способностей и глубокой военной науки. Глупость и неспособность погубили его. Каков был результат той памятной экспедиции? Уничтожение одной из наших лучших армий; потеря нескольких наших лучших генералов; уничтожение нашего военно-морского флота; капитуляция Мальты; и суверенитет Англии в Средиземном море. Каков результат в настоящее время? Научная работа. Сплетнические истории и мистификации Геродота и грезы доброго Роллена стоят не меньше, но стоили не так дорого.

Первый консул давно опасался, что эвакуация Египта неизбежна. Последние известия, которые он получил из этой страны, были не очень обнадеживающими и породили предчувствие приближения страшной катастрофы. Он, однако, опубликовал обратное; но тогда было очень важно, чтобы отчет об эвакуации не достиг Англии до тех пор, пока не будут подписаны предварительные условия мира, для достижения которых г-н Отто приложил все свое усердие и талант. Мы сделали большую заслугу, отказавшись от наших завоеваний в Египте; но жертва не считалась бы большой, если бы о событиях, произошедших в конце августа, было известно в Лондоне до подписания предварительных соглашений 1 октября. Первый консул лично ответил на последнее послание г-на Отто, содержащее копию предварительных условий, готовых к принятию английским министерством. Ни эта депеша, ни ответ не были доведены до сведения г-на де Талейрана, тогдашнего министра иностранных дел. Первый консул, высоко ценивший большие таланты и знания этого министра, никогда не заключал ни одного дипломатического соглашения, предварительно не посоветовавшись с ним; и он был прав, поступая так. Однако на этот раз я сказал ему, что, поскольку г-н де Талейран по состоянию здоровья принимает воды Бурбон-л'Аршамбо, должно пройти четыре дня, прежде чем будет получен его ответ, и что задержка может привести к изменению положения дел. Я напомнил ему, что Египет был на грани того, чтобы сдаться. Он последовал моему совету, и это было хорошо для него, что он это сделал, поскольку известие о принудительной эвакуации Египта поступило в Лондон на следующий день после подписания предварительных условий. М. Отто уведомил Первого консула письмом, что лорд Хоксбери, не сообщив ему известия об эвакуации, сказал ему, что он очень рад, что все улажено, поскольку для него было бы невозможно вести себя так же после получения таких новостей. На самом деле мы согласились в Париже на добровольную эвакуацию Египта, и это было чем-то для Англии, в то время как Египет был в то самое время эвакуирован по соглашению, заключенному на месте. Окончательная эвакуация Египта произошла 30 августа 1801 года; и, таким образом, завоевание этой страны, которое стоило так дорого, стало бесполезным или, скорее, вредным.

ГЛАВА VII.

1802.

Самая славная эпоха для Франции — Стремление первого консула к миру — Мальта передана и сохранена — Бонапарт и английские журналы — Письмо мистера Аддингтона первому консулу — Бонапарт преследует Пелтье — Экспедиция Леклерка в Сан — Доминго — Туссен Лувертюр — Смерть Леклерка — Рошамбо, его преемник, покидает Сан — Доминго — Первые симптомы болезни Бонапарта — Интриги Жозефины с целью женитьбы на Гортензии — Опровергнута ложь.

Эпоху Амьенского мира следует считать самой славной в истории Франции, не исключая великолепный период побед Людовика XIV и еще более блестящую эпоху Империи. Консульская слава была тогда незапятнанной, и открывающаяся перспектива была полна лестных надежд; тогда как те, кто мало привык пристально всматриваться в вещи, могли различить могучие бедствия, скрывающиеся под лаврами Империи.

Предложения, сделанные Первым консулом с целью добиться мира, в достаточной степени доказывают его искреннее стремление к нему. Он чувствовал, что если в начале своего правления он сможет связать свое имя с таким долгожданным деянием, то когда-нибудь почувствует привязанность и благодарность французов. Мне не нужно никакого другого доказательства его чувств, кроме сделанного им предложения уступить Египет Великому сеньору и вернуть все порты Венецианского залива и Средиземного моря государствам, которым они ранее принадлежали; передать Мальту ордену рыцарей Святого Иоанна и даже снести ее укрепления, если Англия сочтет такую меру необходимой для своих интересов. В Индии Цейлон должен был быть оставлен ему,

—[Цейлон принадлежал Голландии, но был сохранен Англией по Амьенскому мирному договору.]—

и он потребовал сдачи мыса Доброй Надежды и всех мест, занятых англичанами в Вест-Индии.

Англия твердо решила сохранить Мальту, Гибралтар в Средиземном море, и мыс Доброй Надежды, караван-сарай в Индии. Поэтому она не пожелала заканчивать с предложением, касающимся Мальты; и она сказала, что может быть достигнуто соглашение, в результате которого она станет независимой как от Великобритании, так и от Франции. Мы ясно видели, что это была всего лишь приманка и что, какие бы договоренности ни были заключены, Англия сохранит Мальту, потому что нельзя было ожидать, что морская держава добровольно уступит остров, господствующий над Средиземным морем. Я не замечаю дискуссий, касающихся американских островов, поскольку они, по моему мнению, не имели для нас большого значения.

—[Странно, что Буррьенн не ссылается на один из первых произвольных актов Наполеона, обсуждения которого составляли часть тех бесед между Наполеоном и его братом Люсьеном, о которых Буррьенн жаловался Жозефине, что ничего не знает. В 1763 году Франция уступила Англии часть Луизианы к востоку от Миссисипи, а часть к западу от этой реки, вместе с Новым Орлеаном, Испании. По договору, заключенному с Испанией Люсьеном Бонапартом в 1800 году, ее доля была возвращена Франции. 80 апреля 1803 года Наполеон продал все это Соединенным Штатам за 80 000 000 франков (3 260 000 фунтов стерлингов), к сильному гневу своих братьев Жозефа и Люсьена. Люсьен особенно гордился тем, что добился уступки, о которой Наполеон в то время очень беспокоился; но оба брата пришли в ужас, когда Наполеон раскрыл, как мало он заботится о конституционных формах, сказав им, что если Законодательный орган, как угрожали его братья, не ратифицирует международный договор, он обойдется без ратификации; см.

Письмо Юнга, том ii. стр. 128.

Наиболее очевидными мотивами Наполеона были нехватка денег и уверенность в захвате провинции Англией, поскольку разрыв с ней был теперь неизбежен. Но, возможно, была и другая причина. Штаты уже были на грани захвата провинции у Испании, которая вмешивалась в их торговлю (Соединенные Штаты Хинтона, стр. 435, и том iv Тьера, стр. 320).

Из суммы, подлежащей выплате, 20 000 000 должны были пойти Штатам на покрытие незаконных захватов американских кораблей французским военно-морским флотом, вопрос, который не был решен много лет спустя. Оставшиеся 80 000 000 были заняты подготовкой к вторжению в Англию; см. Тьер, том iv, стр. 320 и 326, и Ланфри, том iii, стр. 48. Эта сделка примечательна тем, что она привела к окончательному уходу Франции из Северной Америки (за исключением некоторых островов на побережье Ньюфаундленда), где она когда-то занимала такое гордое положение. Это также в конечном итоге привело к увеличению числа рабовладельческих штатов.]—

Они стоят дороже, чем производят; и рано или поздно они уйдут от нас, как это в конечном итоге происходит со всеми колониями в метрополии. Вся наша колониальная система абсурдна; она вынуждает нас платить за колониальную продукцию почти вдвое больше, чем за нее можно купить у наших соседей.

Когда лорд Хоксбери согласился эвакуировать Мальту при условии, что она станет независимой от Франции и Великобритании, он, должно быть, понимал, что такое условие никогда не будет выполнено. Его мало заботил орден Святого Иоанна, и ему следовало бы в качестве постскриптума поставить внизу своей записки: "Мы сохраним Мальту вопреки вам". Я всегда говорил Первому консулу, что, окажись он на месте англичан, он сыграл бы ту же роль; и не требовалось большой проницательности, чтобы предсказать, что Мальта станет главной причиной разрыва мира. Он придерживался моего мнения; но в тот момент он думал, что все зависит от завершения переговоров, и я полностью согласился с ним. Как и было предвидено, Мальта стала причиной возобновления войны. Англичане, когда от них потребовали сдать остров, уклонились от этого требования, изворачивались и в конце концов потребовали, чтобы Мальта была передана под защиту неаполитанского короля, то есть под защиту державы, полностью находящейся в их распоряжении и которой они могли диктовать все, что им заблагорассудится. Это была действительно слишком крутая ирония судьбы!

Здесь я обращаю внимание на ссору между Первым консулом и английскими газетами и приведу новое доказательство его взглядов на свободу печати. Однако свобода печати однажды действительно способствовала его бесконечному удовлетворению, а именно, когда все лондонские газеты упомянули о бурной радости, проявленной в Лондоне по случаю прибытия генерала Лористона, предьявителя ратификации предварительных условий мира.

Первый консул всегда был объявленным врагом свободы печати, и поэтому он правил журналами железной рукой.

—[Инцидент, иллюстрирующий сильное раздражение, которое Бонапарт испытывал из-за откровенных высказываний английской прессы, также показывает важный характер статей Кольриджа в "Морнинг пост". В ходе дебатов в Палате общин Фокс утверждал, что причиной разрыва Амьенского мира послужили определенные статьи, появившиеся в "Морнинг ПОСТ" и, как известно, вышедшие из-под пера Кольриджа. Но Фокс добавил недоброжелательный и

злонамеренный намек на то, что автор находился в Риме, в пределах досягаемости Бонапарта. Информация достигла ушей, для которых она была произнесена, и из Парижа был отправлен приказ об аресте Кольриджа. Это было в 1806 году, когда поэт совершал турне по Италии. Новость дошла до него в Неаполе через брата прославленного Гумбольдта, как говорит мистер Гиллман, — или по дружескому предупреждению принца Джерома Бонапарта, как мы узнали от мистера Коттла, — и папа, по-видимому, не захотел вмешиваться в это дело и, по сути, снабдил его паспортом, если не экипажем для бегства, Кольридж в конце концов добрался до Ливорно, где получил билет на американское судно, направлявшееся в Англию; но когда о его побеге стало известно Бонапарту, взгляд... выход был оставлен за кораблем, и за ним гнался французский крейсер, что повергло капитана в такой ужас, что он заставил Кольриджа выбросить все свои дневники и бумаги за борт ("История журналистики Эндрюса", том ii, стр. 28).]—

Я часто слышал, как он говорил: "Если бы я ослабил бразды правления, я не продержался бы у власти и трех месяцев". К сожалению, он придерживался того же мнения в отношении всех других прерогатив общественной свободы. Молчание, которое он установил во Франции, он хотел бы, если бы мог, установить и в Англии. Он был раздражен клеветой, которую так щедро обрушивали на него английские журналы, и особенно один из них, написанный на французском языке, под названием "L'Ambigu", которым руководил Пельтье, который был редактором парижского журнала "Actes des Apotres". "Неоднозначность" постоянно изобиловала самыми жестокими нападками на Первого консула и французскую нацию. Бонапарт никогда не мог, подобно англичанам, заставить себя презирать газетные пасквилы, и он отомстил себе яростными статьями, которые по его приказу поместили в "Монитор". Он поручил г-ну Отто выразить протест в официальной ноте против системы клеветы, которая, по его мнению, была санкционирована английским правительством. Помимо этого официального разбирательства, он обратился лично к мистеру Аддингтону, канцлеру казначейства, с просьбой обеспечить принятие законодательных мер против развратных произведений, на которые подана жалоба; и, чтобы воспользоваться первой возможностью удовлетворить свою ненависть к свободе печати, Первый консул воспользовался моментом подписания предварительных документов, чтобы обратиться с этой просьбой.

Мистер Аддингтон написал длинный ответ Первому консулу, который я перевел для него. Английский министр с большой силой опроверг все доводы, которые Бонапарт приводил против прессы. Он также сообщил Первому консулу, что, хотя он и иностранец, он имеет право подать жалобу в суд; но что в таком случае он должен быть доволен тем, что все скандальные заявления, на которые он жаловался, будут опубликованы в отчете о судебном процессе. Он посоветовал ему относиться к клевете с глубоким презрением и поступать так, как поступал он и другие, которые не придавали ей ни малейшего значения. Я поздравляю себя с тем, что в какой-то степени предотвратил судебный процесс, имевший место в то время.

На данный момент все оставалось в таком состоянии; но после заключения Амьенского мира Первый консул возбудил уголовное дело против Петье, дневник которого всегда был полон насилия и горечи по отношению к нему. Петье защищал знаменитый Макинтош, который, согласно отчетам того времени, проявил в этом случае большое красноречие, однако, несмотря на способности своего адвоката, он был осужден. За приговором, который общественное мнение расценило как триумф подсудимого, не последовало никакого судебного решения из-за разрыва мира, произошедшего вскоре после этого. Грустно размышлять о том, что эта нервная восприимчивость к клевете английских газет, безусловно, в такой же степени, а может быть, и в большей степени, чем учет крупных политических

интересов, способствовала возобновлению военных действий. Публика была бы поражена очень многим, если бы только могла заглянуть под карточки.

Я предвидел разрыв Амьенского мирного договора, чтобы не прерывать то, что я должен был упомянуть о ненависти Бонапарта к свободе печати. Теперь я возвращаюсь к концу 1801 года, к периоду экспедиции против Сан-Доминго.

Первый консул, продиктовав мне в течение почти: всей ночи инструкции для этой экспедиции, послал за генералом Леклерком и сказал ему в моем присутствии: "Вот, возьмите ваши инструкции; у вас есть прекрасная возможность наполнить свой кошелек. Уходи и больше не дразни меня своими вечными просьбами о деньгах". Дружба, которую Бонапарт испытывал к своей сестре Полине, оказала большое влияние на то, чтобы побудить его избрать этот щедрый способ обогащения ее мужа.

Экспедиция покинула порты Франции 14 декабря 1801 года и прибыла к мысу Сан-Доминго 1 февраля 1802 года. Фатальный результат этого предприятия хорошо известен, но мы никогда не излечимся от безрассудства подобных абсурдных экспедиций. В инструкциях, данных Леклерку, все было предусмотрено; но было больно сознавать, что выбор одного из самых молодых и наименее способных генералов армии не оставлял надежды на успешный результат. Экспедиция на Сан-Доминго была одной из величайших ошибок Бонапарта. Почти каждый человек, с которым он советовался, пытался отговорить его от этого. Он попытался оправдаться с помощью своих историков острова Святой Елены; но преуспевает ли он, когда говорит, что "был вынужден последовать совету своего Государственного совета"? Он действительно был человеком, способным вынести вопрос о войне на обсуждение Государственного совета или руководствоваться в таком деле каким-либо Советом! Мы должны полагать, что на первого консула не повлиял никакой другой мотив, кроме желания избавиться от шурина, который обладал даром особенно раздражать его, предоставив ему средства для собственного обогащения. Первому консулу, которому на самом деле не очень нравилась эта экспедиция, возможно, следовало бы подольше поразмышлять о трудностях попытки подчинить колонию силой. Он был потрясен этим аргументом, который я часто повторял ему, и он соглашался с ним, но непостижимое влияние, которое оказывали на него члены его семьи, всегда пересиливало его.

Бонапарт продиктовал мне письмо для Туссена, полное звучных слов и прекрасных обещаний, в котором сообщал ему, что двое его детей, получивших образование в Париже, были отправлены к нему обратно, предлагал ему титул вице-губернатора и заявлял, что он должен с готовностью помочь в организации, которая способствовала бы воссоединению колонии с метрополией. Туссен, который поначалу выказал склонность заключить сделку, но все же боялся быть обманутым французами и, вероятно, движимый честолюбивыми побуждениями, решился на войну. Он проявил большой талант; но, подвергшись нападению до того, как климат проредил ряды французов, он был не в состоянии противостоять свежей армии, многочисленной и привыкшей к войне. Он капитулировал и удалился на плантацию, которую не должен был покидать без разрешения Леклерка. Фальшивый заговор со стороны чернокожих послужил предлогом для обвинения Туссена, и он был схвачен и отправлен во Францию.

Туссена привезли в Париж в начале августа. Сначала его отправили в Тампль, откуда перевели в замок Жу. Его заключение было суровым; ему было предоставлено мало удобств. Это лечение, его воспоминания о прошлом, его разлука с миром и воздействие незнакомого климата ускорили его смерть, которая наступила через несколько месяцев после его прибытия во Францию. Распространившиеся слухи о его смерти, утверждение о том, что она

не была естественной и что она была вызвана ядом, не получили никакого подтверждения. Я должен добавить, что Туссен написал письмо Бонапарту; но я никогда не видел в нем приписываемого ему выражения "Первый человек из черных первому человеку из белых". Бонапарт признал, что чернокожий лидер обладал энергией, мужеством и большим мастерством. Я уверен, что он был бы рад, если бы результатом его отношений с Сан-Доминго стало что-то другое, а не похищение и транспортировка Туссена.

Леклерк, после бесплодных попыток завоевать колонию, сам был унесен желтой лихорадкой. Рошамбо сменил его по праву старшинства и потерпел такое же поражение, как Мену в Египте. Подчинения чернокожих, которого можно было добиться только путем примирения, он пытался добиться насилием. Наконец, в декабре 1803 года, он сдался английской эскадре и оставил остров Дессалину.

Бонапарт часто испытывал сильную физическую боль, и теперь, судя по характеру его страданий, я почти не сомневаюсь, что они были вызваны началом той болезни, которая оборвала его жизнь на острове Святой Елены. Эти боли, на которые он часто жаловался, особенно остро действовали на него в ту ночь, когда он диктовал мне инструкции для генерала Леклерка. Было уже очень поздно, когда я проводил его в его квартиру. Мы только что выпили по чашке шоколада, напитка, который мы всегда пили, когда наши дела затягивались дольше часу ночи. Он никогда не брал с собой зажигалку, когда поднимался к себе в спальню. Я подал ему руку, и едва мы миновали маленькую лестницу, ведущую в коридор, как на него грубо налетел человек, пытавшийся как можно быстрее сбежать по лестнице. Первый консул не упал, потому что я поддержал его. Вскоре мы добрались до его комнаты, где нашли Жозефину, которая, услышав шум, проснулась сильно встревоженная. Из расследования, которое было немедленно проведено, выяснилось, что шум был вызван парнем, который был на свидании и превысил обычное время для своего ухода.

7 января 1802 года мадемуазель Гортензия вышла замуж за Луи Бонапарта. Поскольку обычай включать религиозную церемонию в гражданский договор еще не был восстановлен, брачное благословение по этому случаю было дано священником в частном порядке в доме на улице Виктуар. Бонапарт также распорядился, чтобы бракосочетание его сестры Каролины (жены Мюрата и самой умной из сестер Бонапарта.), которое состоялось двумя годами ранее в присутствии мэра, было освящено таким же образом; но он и его жена не последовали этому примеру. Было ли у него уже тогда намерение расстаться с Джозефиной и, следовательно, нежелание усложнять процесс развода, придавая своему браку религиозную санкцию? Судя по тому, что он мне сказал, я скорее склонен думать, что его нежелание принять участие в религиозной церемонии было вызвано безразличием.

Бонапарт сказал на острове Святой Елены, говоря о Людовике и Гортензии, что "они любили друг друга, когда поженились: они хотели соединиться. Брак также был результатом интриг Жозефины, которая нашла в нем свое объяснение. " Я изложу реальные факты. Людовик и Гортензия совсем не любили друг друга. Это несомненно. Первый консул знал это, так же как он хорошо знал, что Гортензия питала большую склонность к Дюроку, который не полностью отвечал ей взаимностью. Первый консул согласился на их союз, но Жозефина была обеспокоена таким браком и делала все возможное, чтобы предотвратить его. Она часто говорила со мной об этом, но довольно поздно. Она сказала мне, что ее зятя были ее объявленными врагами, что я хорошо знал об их интригах и что я хорошо знал, что нет конца неприятностям, которым они заставляли ее подвергаться. На самом деле, я действительно прекрасно все это знал. Она продолжала повторять мне, что с этим предполагаемым браком у нее не будет никакой поддержки; что Дюрок был никем иным, как по милости Бонапарта; что у него нет ни состояния, ни славы, ни репутации и что он ничем не может помочь ей

против хорошо известной недоброжелательности братьев Бонапарта. Ей нужна была хоть какая-то уверенность на будущее. Она добавила, что ее муж очень любил Луи и что, если бы ей посчастливилось соединить его со своей дочерью, это стало бы противовесом клевете и преследованиям других ее зятьев. Я ответил ей, что она слишком долго скрывала от меня свои намерения и что я обещал свои услуги молодым людям, и тем охотнее, что знал благоприятное мнение Первого консула, который часто говорил мне: "Моя жена поступила хорошо; они подходят друг другу, они поженятся. Мне нравится Дюрок, он из хорошей семьи. Я справедливо отдал Каролину Мюрату, а Полину Леклерку, и я вполне могу отдать Гортензию Дюроку, который прекрасный парень. Он стоит больше, чем другие. Сейчас он генерал дивизии, и я ничего не имею против этого брака. Кроме того, у меня другие планы на Луи. В разговоре с мадам Бонапарт я добавил, что ее дочь разрыдалась, когда ей заговорили о ее браке с Людовиком.

Первый консул отправил Дюроку со специальным курьером, отправившимся в Голландию, предписание дивизионного генерала, через которое новоиспеченный генерал должен был пройти по возвращении из Санкт-Петербурга, куда, как я уже сказал, его послали поздравить императора Александра с его восшествием на престол. Вероятно, первый консул сделал этот комплимент Дюроку, полагая, что свадьба состоится.

Во время отсутствия Дюрока переписка влюбленных, с их согласия, проходила через мои руки. Каждый вечер я устраивал вечеринку за бильярдом, на котором Гортензия играла очень хорошо. Когда я шепотом сообщал ей, что у меня для нее письмо, она немедленно бросала игру и убегала в свою комнату, куда я следовал за ней и передавал послание Дюрока. Когда она открывала его, ее глаза наполнялись слезами, и проходило некоторое время, прежде чем она могла вернуться в салон. Для нее все было бесполезно. Джозефине требовалась поддержка в семье против семьи. Видя ее твердую решимость, я пообещал больше не противодействовать ее желаниям, которые я не мог не одобрить, но я сказал ей, что могу только сохранять молчание и нейтралитет в этих небольших дебатах, и она, казалось, была довольна.

Когда мы были в Мальмезоне, эти интриги продолжались. В Тюильри велись те же действия, но тогда вероятность успеха была на стороне Дюрока; я даже поздравил его с его перспективами, но он принял мои комплименты очень холодно. Через несколько дней после этого Джозефине удалось изменить весь ход событий. Сердце ее было всецело приковано к браку Людовика с ее дочерью, и молитвы, мольбы, ласки и все те маленькие хитрости, которыми она так хорошо умела пользоваться, были пущены в ход, чтобы склонить первого консула на свою сторону.

4 января Первый консул после обеда вошел в наш кабинет, где я работал. - Где Дюрок? - спросил я. — Кажется, он пошел в оперу? — осведомился он. - Скажите ему, как только он вернется, что я обещал ему Гортензию, и он получит ее. Но я хочу, чтобы свадьба состоялась самое позднее через два дня. Я дам ему 500 000 франков и назначу его комендантом восьмой военной дивизии; но на следующий день после свадьбы он должен отправиться со своей женой в Тулон. Мы должны жить порознь; я не хочу, чтобы дома был зять. Поскольку я хочу прийти к какому-то заключению, дайте мне знать сегодня вечером, удовлетворит ли его этот план". — "Я думаю, что нет". — "Очень хорошо! тогда она выйдет замуж за Людовика". — "Ей это понравится?" — "Ей это должно понравиться". Бонапарт дал мне эти указания в очень резкой манере, что заставило меня подумать, что разгорелась какая-то небольшая внутренняя война, и что, чтобы положить ей конец, он пришел предложить свой ультиматум. В половине одиннадцатого вечера вернулся Дюрок; я слово в слово передал ему предложение Первого консула. "Раз уж до этого дошло, мой добрый друг, - сказал он, - скажи

ему, что он может оставить свою дочь для меня. Я пойду посмотрю..." - и с безразличием, которое я не могу объяснить, он взял шляпу и ушел.

—[Дюрок в конце концов женился на мадемуазель Эрве д'Альменара, дочери испанского банкира, который позже был министром Джозефа и получил титул маркиза Абриенара. Дама не была ни красива, ни любезна, но обладала огромным состоянием, и сам Бонапарт просил ее руки для своего адъютанта. После смерти Дюрока его вдова вышла замуж за некоего мсье Фабвье, и Наполеон передал свое герцогство Фриуль его дочери.]—

Первому консулу, прежде чем лечь спать, сообщили об ответе Дюрока, и Жозефина получила от него обещание, что Людовик и Гортензия поженятся. Свадьба состоялась через несколько дней, к великому сожалению Гортензии и, вероятно, к удовлетворению Дюрока. Людовик подчинился тому, что ему навязали в жены женщину, которая до сих пор избегала его, насколько это было возможно. Она всегда проявляла к нему такое же безразличие, как он проявлял отвращение к ней, и эти чувства не исчезли.

—[Бракосочетание Луи Бонапарта состоялось 7 января. Жених и невеста были чрезвычайно скучны, и мадемуазель Гортензия плакала в течение всей церемонии. Жозефина, зная, что этот союз, начавшийся так неудачно, был ее собственным делом, с тревогой пыталась установить более теплые отношения между своей дочерью и зятем. Но все ее усилия были напрасны, и брак оказался очень несчастливym (Мемуары Констанa).

Наполеон III. был сыном королевы Голландии (Гортензии Богарне).]—

Наполеон заявил на острове Святой Елены, что желает соединить Людовика с племянницей Талейрана. Я могу только сказать, что я никогда не слышал ни слова об этой племяннице ни от него самого, ни от его жены, ни от его дочери; и я скорее думаю, что в то время Первый консул присматривал за королевским союзом для Людовика. Он часто выражал сожаление по поводу поспешных браков своих сестер. Следует помнить, что мы жили в год, когда было установлено пожизненное консульство и который, следовательно, стал предвестником Империи. Наполеон искренне сказал своим товарищам по изгнанию, что "женитьба Людовика была результатом интриг Жозефины", но я не могу понять, почему он никогда не упоминал о своем намерении соединить Гортензию с Дюроком. Ошибочно утверждалось, что первый консул считал, что он примиряет счастье своей дочери со своей политикой. Гортензия не любила Людовика и страшилась этого брака. У нее не было никакой надежды на счастье, и произошедшее доказало это. Что касается политики Первого консула, то нелегко понять, какое отношение она имела к браку Людовика с Гортензией, и в любом случае большая политика, которая так громко заявляла о своей свободе от всякого женского влияния, была бы бессильна против интриг Жозефины, поскольку в то время в Тюильри будуар часто был сильнее кабинета. Здесь я счастлив, что в моей власти самым формальным и самым положительным образом опровергнуть некоторые гнусные инсинуации, которые преобладали в отношении Бонапарта и Гортензии. Те, кто утверждал, что Бонапарт когда-либо питал к Гортензии какие-либо иные чувства, кроме чувства тестя к невестке, имели обыкновение, как говорили древние рыцари, "наглуую ложь". Мы еще посмотрим, что он сказал мне по этому поводу, но никогда не бывает слишком рано опровергнуть такую подлую клевету. Недостойные доверия авторы заявили, без каких-либо доказательств, что не только имела место эта преступная связь, но они зашли так далеко, что заявили, что Бонапарт был

отцом старшего сына Гортензии. Это ложь, гнусная ложь. И все же слух об этом распространился по всей Франции и по всей Европе. Увы! обладает ли клевета такими могущественными чарами, что, как только ей подчиняются, ее ярмо уже невозможно сбросить?

—[Рассказ Бурьена об этом браке и его отрицание гнусной клеветы на Наполеона подтверждаются мадам Ремюза. Сказав, что Гортензия отказалась выйти замуж за сына Ребелла, а также графа де Нуна, она продолжает: "Вскоре после этого Дюрок, в то время адъютант консула, и уже отмеченный им, влюбился в Гортензию. Она ответила ему взаимностью и поверила, что нашла ту вторую половину себя, которую искала. Бонапарт благосклонно отнесся к их союзу, но мадам Бонапарт, в свою очередь, была непреклонна. "Моя дочь, - сказала она, - должна выйти замуж за дворянина или за Бонапарта". Тогда подумали о Людовике. Гортензия ему не нравилась; он разгромил семью Богарне и питал крайнее презрение к своей невестке. Но поскольку он был молчалив, его считали мягким; а поскольку по характеру он был суров, его считали честным. Мадам Луи впоследствии сказала мне, что при известии об этом соглашении она испытала сильное горе. Ей не только запретили думать о мужчине, которого она любила, но и собирались отдать другому, к которому она испытывала тайное недоверие" (Ремюза, том i, стр. 156). О жестоком обращении Людовика с Гортензией читайте на последующих страницах "Ремюза". Что касается мерзкого скандала вокруг Гортензии и Наполеона, то нет никаких сомнений в том, что он был распространен семьей бонапартистов из корыстных побуждений. Мадам Луи стала женой вскоре после замужества. Бонапартистам, и особенно мадам Мюрат (Каролине), не нравился этот брак, потому что у Жозефа были только дочери, и было предвидено, что первый сын Людовика и внук мадам Бонапарт станут объектом большого интереса. Поэтому они распространили возмутительную историю о том, что это было результатом связи Первого консула со своей невесткой, поощряемой самой матерью. "Общественность охотно поверила этому подозрению", - сказала мадам Мюрат Луи" и т. Д. (Rémusat, tome i, p. 169). Это последнее предложение подтверждается Мио де Мелито (том ii, стр. 170), который, говоря о более позднем предложении Наполеона усыновить этого ребенка, говорит, что Людовик "помнил порочащие истории, которые недоброжелатели пытались распространить среди общественности о Гортензии Богарне до того, как он женился на ней, и хотя сравнение даты его женитьбы с датой рождения его сына, должно быть, показало ему, что эти истории были необоснованными, он чувствовал, что они возродятся после усыновления этого ребенка Первым консулом". Таким образом, эта жалкая история причинила вред во всех отношениях. Поведение Жозефины следует оценивать снисходительно, поскольку она была вовлечена в отчаянную борьбу за сохранение собственного брака, — борьбу, которую она вела с большим мастерством; см. Меттерних, том ii. стр. 296. "она разрушила все расчеты, все маневры своих противников". Но она была достаточно глупа, чтобы в гневе говорить так, будто верит некоторым позорным слухам о Наполеоне. "Разве он не соблазнял своих сестер одну за другой?" (Rémusat, tome i. p. 204). О том, насколько братья Наполеона действительно поверили в этот скандал, см. "Люсьен" Юнга (том ii. стр. 268-269), где Люсьен описывает, как Людовик трижды приходил к нему за советом относительно своего брака с Гортензией, причем оба брата ссылались на этот слух. В третий раз Луи объявляет, что влюблен в Гортензию. "Ты влюблен? Тогда какого дьявола ты обращаешься ко мне за советом? Если так, забудь о слухах и о том, что я тебе советовал. Женись, и да благословит тебя Бог".

Тьер (том iii, стр. 308) следует рассказу Бурьена. Жозефина, ссылаясь на Луи Бонапарта, сказала: "Его семья злонамеренно сообщила ему о позорных историях, которые были распространены о поведении моей дочери и о рождении ее сына. Ненависть приписывает этого ребенка Наполеону". (Rémusat, tome i, p. 206). Ребенком, о котором идет речь, был Наполеон Шарль (1802-1807).]—

ГЛАВА VIII.

1802-1803.

Президент Цизальпинской республики Бонапарт—Встреча делегации в Лионе—Мальта и англичане—Мое бессмертие—Праздник, устроенный мадам Мюрат—Вычеркивание из списка эмигрантов—Реституция собственности—Генерал Себастьяни—Лорд Уитурт—Первые симптомы болезни Наполеона—Корвизар—Влияние физических страданий на характер Наполеона—Статьи для Moniteur—Генерал Андреосси—Каламбур М. Талейрана—Жером Бонапарт—Расточительность братьев Бонапарта—М. Колло и контракт с военно-морским флотом.

Бонапарт стремился поставить Цизальпинскую республику на почву гармонии с правительством Франции. Необходимо было выбрать президента, который был бы полностью согласен со взглядами Бонапарта; и в этом отношении никто не мог быть так подходящим, как сам Бонапарт. Объединение двух президентств послужило бы переходом к трону. Не желая долго отсутствовать в Париже и стремясь избежать неприятностей, связанных с поездкой в Милан, он договорился встретить делегацию на полпути в Лионе. Перед нашим отъездом я сказал ему: "Возможно ли, что вы не хотите вновь посетить Италию, первое место вашей славы, и прекрасную столицу Ломбардии, где вы были объектом такого большого почитания?" — "Я, конечно, должен, - ответил Первый консул, - но путешествие в Милан заняло бы слишком много драгоценного времени. Я предпочитаю, чтобы эта встреча состоялась во Франции. Мое влияние на депутатов будет более быстрым и надежным в Лионе, чем в Милане; и тогда я был бы рад увидеть благородные остатки египетской армии, которые собраны в Лионе".

8 января 1802 года мы отправились в путь. Бонапарт, который теперь был готов взойти на трон Франции, хотел подготовить итальянцев к тому, что в один прекрасный день они коронуют его королем Италии в подражание Карлу Великому, преемником которого он в ожидании считал себя. Он видел, что титул президента Цизальпинской республики был большим шагом вперед на пути к суверенитету Ломбардии, поскольку впоследствии он обнаружил, что пожизненное консульство было решающим шагом на пути к трону Франции. 36 января 1802 года он без особых трудностей получил титул президента. Поездка в Лион и конференции были лишь формальностью, но для общественного сознания требовались громкие слова и торжественные мероприятия.

Покушения, которые были предприняты на жизнь первого консула, послужили поводом для сообщения о том, что он принял чрезвычайные меры предосторожности для своей безопасности во время этого путешествия в Лион. Я никогда не видел этих мер предосторожности, а Бонапарт всегда был против принятия каких-либо. Он часто повторял: "Тот, кто рискнет своей жизнью, может лишиться себя ее". Неправда, что охрана сопровождала

его карету и следила за дорогами. Консул путешествовал как частное лицо и очень редко имел при себе оружие.

—[Бонапарт, возможно, был небрежен о своей собственной безопасности, но о том, что он приложил большие усилия в отношении безопасности своего брата, можно заключить из следующего письма, написанного несколькими годами позже:

"Позаботьтесь о том, чтобы ваши камердинеры, ваши повара, охранники, которые спят в ваших апартаментах, и те, кто приходит ночью будить вас с депешами, - все французы. Никто не должен входить в вашу комнату ночью, кроме ваших адъютантов, которые должны спать в комнате, примыкающей к вашей спальне. Ваша дверь должна быть заперта изнутри, и вы не должны открывать ее даже своему адъютанту, пока не узнаете его голос; сам он не должен стучать в вашу дверь, пока не запрет дверь комнаты, в которой находится, чтобы убедиться, что он один и за ним никто не следит. Эти меры предосторожности важны; они не доставляют хлопот и вселяют уверенность — кроме того, они действительно могут спасти вашу жизнь. Вы должны выработать эти привычки немедленно и надолго; Вы не должны быть обязаны прибегать к ним в случае какой-либо чрезвычайной ситуации, которая могла бы ранить чувства окружающих вас людей. Не доверяйте только своему собственному опыту. Неаполитанский характер был жестоким во все века, и вы имеете дело с женщиной [королевой Неаполя], которая олицетворяет преступление" (Наполеон Жозефу, 31 мая 1806 г. —Дю Касс, том ii. стр. 260).]—

В то время, когда честолюбие Бонапарта с каждым днем возрастало, генералу Кларку взбрело в голову войти в ложу первого консула во "Франсе" и занять переднее сиденье. Случайно в театр зашел Первый консул, но Кларк, с трудом встав, не уступил своего места. Первый консул пробыл там совсем недолго, а когда вернулся, то выказал большое недовольство таким проявлением гордости и тщеславия. Желая избавиться от человека, которого он считал неуклюжим льстецом и неуклюжим критиком, он отослал его в качестве поверенного в делах к молодому импровизированному королю Этрурии, где Кларк искупил свою глупость в своего рода ссылке. Это и есть та самая "великая немилость", о которой так много говорилось, но в конце концов генерал Кларк вернулся к ней. Берлин знает об этом и сожалеет.

25 марта того же года Англия подписала в Амьене соглашение о прекращении вооружений на четырнадцать месяцев, которое было названо мирным договором. Пункты этого договора не были рассчитаны на то, чтобы вселять надежду на очень длительный мир. Как я уже говорил, было очевидно, что Англия не покинет Мальту; и этот остров в конечном счете оказался главной причиной разрыва Амьенского мирного договора. Но Англия, до сих пор столь высокомерно относившаяся к первому консулу, в конце концов стала обращаться с ним как с главой французского правительства. Это, как понимал Бонапарт, служило хорошим предзнаменованием для укрепления его власти.

В то время, когда он увидел, что его слава и могущество возрастают, он сказал мне во время одной из наших прогулок в Мальмезоне, в момент веселья, хлопнув меня по плечу: "Ну, Бурьен, ты тоже будешь бессмертен!" — "Почему, генерал?" — "Разве ты не мой секретарь?" — "Назови мне имя Александра", - сказал я.

—[Бонапарт не знал имени секретаря Александра, а я в тот момент забыл сказать ему, что это был Каллистен. Он написал Мемуары Александра, как я пишу Мемуары Бонапарта; но, несмотря на это совпадение, я не ожидаю и не желаю бессмертия своего имени.Бурьен.]—

Затем Бонапарт повернулся ко мне и, смеясь, сказал: "Хм! это неплохо". Конечно, в моем вопросе прозвучала доля лести, но это никогда не вызывало у него неудовольствия, и я, конечно, в тот раз не заслужил порицания, которым он часто меня награждал за то, что я недостаточно придворный и льстец.

Мадам Мюрат устроила грандиозный праздник в честь Бонапарта в своей резиденции в Нейи. За обедом Бонапарт сидел напротив мадам Мюрат за главным столом, предназначенным для дам. Ел он быстро и говорил мало. Однако, когда подали десерт, он задал каждой даме вопрос. Этот вопрос касался их возраста. Когда подошла очередь мадам Бурьен, он сказал ей: "О! Я знаю твою. Это было очень много для его галантности, и другие дамы были далеки от того, чтобы быть довольными этим.

На следующий день, прогуливаясь со мной по его любимой аллее в Мальмезоне, он получил одно из тех дурацких полицейских донесений, которые ему так часто адресовали. В нем упоминались замечания, сделанные в Париже по поводу зеленой ливреи, которую он недавно принял. Некоторые говорили, что зеленый был выбран потому, что это был цвет Дома Артуа. При чтении этого на его лице появилась легкая усмешка, и он сказал: "О чем мечтают эти идиоты? Они, должно быть, шутят, конечно. Разве я не лучше месье д'Артуа? Скоро они увидят разницу".

До середины 1801 года исключения из списков эмигрантов всегда предлагались министром полиции. Первый консул, узнав, что для их получения использовались интриги и даже подкуп, решил, что в будущем изъятия должны стать частью деятельности его кабинета. Но его внимание занимали другие дела, и максимум, что он делал, - дюжина или пятнадцать стираний в неделю. После того как в Мальмезоне было пропето "Te Deum" в честь Конкордата и мира, я воспользовался моментом всеобщей радости, чтобы предложить Бонапарту вернуть всю группу эмигрантов. "Вы, - сказал я полушутя, - примирили французов с Богом — теперь примирите их друг с другом. Настоящих эмигрантов никогда не было, только отсутствующие; и доказательством этого является то, что вычеркивания из списка всегда производились и всегда будут производиться ежедневно". Он немедленно ухватился за эту идею. "Посмотрим, - сказал он, - но я должен исключить тысячу человек, принадлежащих к знатным семьям, особенно тех, кто связан с королевской семьей или Двором".

Я говорил в Палате депутатов и с удовольствием повторяю здесь, что план "сенатских консультаций", который продиктовал мне Бонапарт, освобождал от реституции только те особняки, которые использовались под общественные учреждения. Он не хотел ни сдавать их, ни платить арендную плату. За этими исключениями он был готов вернуть почти все, что принадлежало государству и не было продано.

Первый консул, как только он закончил этот план указа, созвал Большой Совет, чтобы представить его на их рассмотрение. Я находился в комнате, смежной с той, в которой они встречались, и поскольку обсуждения велись с большой теплотой, участники говорили очень громко, иногда даже перекрикивая друг друга, я слышал все, что происходило. Революционная партия отвергла все предложения о реституции. Они были готовы вернуть своих жертв, но не хотели расставаться с добычей.

Когда Первый консул вернулся в свой кабинет, недовольный неудачным осуществлением своего проекта, я взял на себя смелость сказать ему: "Вы не можете не понимать, генерал, что ваша цель потерпела поражение, а ваш проект провалился. Отказ вернуть эмигрантам все, чем владеет государство, отнимает у "отзыва" всю его щедрость и достоинство характера. Я удивляюсь, как вы могли уступить такой неразумной и эгоистичной оппозиции".

— "Революционная партия, - ответил он, - имела большинство в Совете. Что я мог поделаться? Достаточно ли я силен, чтобы преодолеть все эти препятствия?" — "Генерал, вы можете снова поднять этот вопрос и выступить против партии, о которой вы говорите". — "Это было бы трудно, - сказал он, - у них все еще высокая рука в этих вопросах. Требуется время. Однако окончательно еще ничего не решено. Посмотрим, что можно сделать ". Хорошо известен "Советский сенат", опубликованный 6-го флореаля X года (26 апреля 1802 г.), через две недели после вышеупомянутого разговора. Тогда Бонапарт был вынужден уступить революционной партии, иначе он придерживался бы своего первого предложения.

—[Сенат-консулат сохранил леса эмигрантов и объявил их отзыв "амнистией". В конце концов, это удержание лесов было использовано Наполеоном с большой ловкостью как средство взять на себя личные обязательства перед ним за восстановление этого вида собственности. См. том iii Тьера, стр. 458, ливр xiv.]—

Наполеон упомянул об этом вопросе на острове Святой Елены. Он сам говорит, что "был бы в состоянии" (ему следовало бы сказать, что он хотел) предоставить все, что на мгновение он подумал об этом, и что было ошибкой не сделать этого. "Это ограничение с моей стороны, - добавляет он, - уничтожило весь положительный эффект от возвращения эмигрантов. Ошибка была тем большей, что я думал сделать это, но я был один, окружен оппозицией и шпионами: все были против вашей партии, вам нелегко представить себе это, но важные дела торопили меня, время поджимало, и я был вынужден действовать по-другому ". Впоследствии он говорит о синдикате, который хотел бы создать, но я никогда не слышал об этом ни слова. Я рассказал, как все происходило на самом деле, и то, что было только что прочитано, подтверждает это.

—[Это был далеко не единственный случай, когда пожеланиям Наполеона успешно противодействовали в его Государственном совете. В таких случаях он обычно описывал себя как "отброшенного с потерями". Посмотрите интересную работу Св. Hilaire, Napoleon au Conseil d'Etat.]—

Роялисты, недовольные состоянием политических дел, были не более довольны нелиберальными условиями отзыва эмигрантов. Сторонники общественной свободы, с другой стороны, были далеки от того, чтобы быть удовлетворенными другими действиями Первого консула или поведением различных государственных властей, которые всегда были готовы пойти ему на уступки. Таким образом, все стороны остались недовольны.

Бонапарт был очень доволен поведением генерала Себастиани, когда после заключения Амьенского мира его послали в Константинополь, чтобы побудить великого сеньора возобновить дружеские отношения с Францией.

В упомянутый здесь период, а именно до появления новостей об эвакуации Египта, эта страна в значительной степени занимала внимание Бонапарта. Он полагал, что отправка такого человека, как Себастьяни, в путешествие по Северной Африке, Египту и Сирии могла бы внушить правителям этих стран более благоприятное представление о Франции, чем у них сложилось сейчас, и могла бы развеять дурное впечатление, которое Англия пыталась произвести. С этой миссией был соответственно направлен Себастьяни. Он посетил все Берберийские государства, Египет, Палестину и Ионические острова. Повсюду он рисовал яркую картину могущества Бонапарта и принижал славу Англии.

—[Этот генерал, или граф Себастьян, впоследствии был послом Луи Филиппа при нашем Дворе.]—

Он укрепил старые связи и установил новые с руководителями каждой страны. Он заявил властям Ионических островов, что они могут рассчитывать на мощную защиту Франции. Бонапарт, на мой взгляд, ожидал слишком многого от работы одного человека, снабженного лишь расплывчатыми инструкциями. Тем не менее Себастьяни сделал все, что можно было сделать. Интересные подробности его работы были опубликованы в "Монитор". Секретная информация о способах успешного нападения на английские учреждения в Индии была очень любопытной, хотя и не давала надежды на скорый успех.

Опубликованная выдержка из доклада генерала Себастиани была полна выражений, враждебных Англии. Среди прочего было заявлено, что Египет может быть завоеван силами 6000 человек и что Ионические острова расположены сбросить иго. Не может быть никаких сомнений в том, что эта публикация ускорила разрыв Амьенского мирного договора.

Англия приостановила все обсуждения, касающиеся Мальты, и заявила, что не возобновит их до тех пор, пока король Великобритании не получит удовлетворения за то, что было названо враждебным актом. Это всегда выдвигалось в качестве оправдания, хорошего или плохого, нарушения Амьенского мирного договора, который Англия никогда не проявляла особой готовности выполнить.

Бонапарт, пренебрегая обычной формой этикета, выразил желание побеседовать с глазу на глаз с лордом Уитвортом, послом из Лондона в Париж, который был английским послом в Санкт-Петербурге до разрыва, предшествовавшего смерти Павла I. Бонапарт очень рассчитывал на эффект, который он мог бы произвести своей пленительной манерой держаться, которую он так хорошо умел применять в разговоре; но все было напрасно. Подписывая Амьенский мирный договор, британский министр прекрасно понимал, что он будет первым, кто его нарушит.

Примерно в начале 1802 года Наполеон начал ощущать острые боли в правом боку. Я часто видел, как он в Мальмезоне, сидя ночью, прислонялся к правому подлокотнику кресла и, расстегивая сюртук и жилет, восклицал: "Как мне больно!" Затем я провожал его в спальню, и мне часто приходилось поддерживать его на маленькой лестнице, которая вела из его кабинета в коридор. В то время он часто говорил: "Боюсь, что к сорока годам я стану заядлым обжорой: у меня предчувствие, что я стану очень тучным". Этот страх перед ожирением, хотя и очень раздражал его, по-видимому, не имел ни малейшего основания, судя по его обычному воздержанию и бережливому отношению к телу. Он спросил меня, кто мой врач. Я назвал ему господина Корвизара, которого мне рекомендовал его брат Людовик. Через несколько дней после этого он вызвал Корвизара, который три года спустя был назначен первым врачом императора. Казалось, он извлек много пользы из рецептов Корвизара, чье открытое и добродушное лицо сразу произвело на него благоприятное впечатление.

Боль, которую первый консул испытывал в это время, усилила его раздражительность. Возможно, многие декорации этого периода его жизни следует отнести к этой болезни. В то время, о котором идет речь, вечером его мысли были не такими, как утром; и часто утром он рвал, даже без малейших замечаний, заметки, которые он продиктовал мне ночью и которые считал превосходными. В других случаях я брал на себя смелость не посылать в "Монитор", как он того хотел, заметки, которые, продиктованные раздражением и вспыльчивостью, могли бы произвести дурной эффект в Европе. Когда на следующий день он не увидел статьи, я объяснил это тем, что записка пришла слишком поздно, или поздним прибытием курьера. Но я сказал ему, что это не потеря, потому что письмо будет вставлено на следующий день.

Он ответил не сразу, но четверть часа спустя сказал мне: "Не отправляй мою записку в "Монитор", не показав ее мне". Он взял ее и перечитал. Иногда он удивлялся тому, что диктовал мне, и забавлялся, говоря, что я неправильно его понял. "От этого мало толку, не так ли?" — "Честное слово, я не совсем понимаю". — "О нет, это бесполезно; что вы скажете?" Затем он слегка склонил голову и разорвал бумагу. Однажды, когда мы были в Тюильри, он прислал мне в два часа ночи небольшую записку, написанную его собственным почерком, в которой было: "Буррьену. Напиши Маре, чтобы он вычеркнул из записки, которую Флерье зачитал трибунату, фразу (пишется *phrase*), касающуюся Костаза, и, насколько возможно, смягчил то, что касается репортера трибуны".

Эта перемена, после того как у него было время поразмыслить, возникла, как это часто с ним случалось, из замечаний, которые я ему высказал и которые он сначала гневно отверг.

После заключения Амьенского мира Первый консул, желая отправить посла в Англию, обратил свой взор — по неизвестной мне причине - на генерала Андреосси. Я взял на себя смелость высказать некоторые замечания по поводу выбора, который, как мне показалось, не соответствовал важности миссии. Бонапарт ответил: "Я еще не определился с этим; я поговорю на эту тему с Талейраном". Вечером, когда мы были в Мальмезоне, месье де Талейран приехал, чтобы обсудить дела с Первым консулом. Упоминалось предлагаемое назначение посла в Англию. После того, как были названы имена нескольких человек, Первый консул сказал: "Я полагаю, я должен послать Андреосси". Господин де Талейран, который был не очень доволен выбором, заметил сухим саркастическим тоном: "Вы должны послать Андре "австралийца", прошу вас, кто этот Андре?" — "Я не упоминал никакого Андре; я сказал Андреосси. Вы знаете Андреосси, генерала артиллерии?" — "Ах, верно; Андреосси: я о нем не подумал: Я думал только о дипломатах и не вспомнил ничего из этого имени. Да, да, Андреосси служит в артиллерии!" Генерал был назначен послом и отправился в Лондон после заключения Амьенского мирного договора, но через несколько месяцев вернулся снова. Ему нечего было делать, и это было очень удачно для него.

В 1802 году Жером находился в Бресте в звании "*enseigne de vaisseau*" — [Звание на флоте, эквивалентное нашему лейтенанту.] — Он пустился в расходы, намного превышающие то, что могли выдержать его состояние или жалованье. Он часто вытягивал у меня денежные суммы, которые Первый консул выплачивал с большой неохотой. Одно из его писем, в частности, вызвало гнев Наполеона. Послание было заполнено отчетами о развлечениях, которые устраивал и получал Джером, и заканчивалось заявлением, что он должен взять у меня 17 000 франков. На это Бонапарт написал следующий ответ:

Я прочел ваше письмо, месье Ансень де Вэссо; и я жду известия, что вы изучаете на борту своего корвета профессию, которую вы должны рассматривать как свой путь к славе. Умри молодым, и у меня появятся утешительные размышления; но если ты доживешь до шестидесяти, так и не послужив своей стране и не оставив после себя никаких почетных воспоминаний, то лучше бы тебе вообще не жить.

Джером никогда не исполнял желаний своего брата, который всегда называл его немного распутным. С самых ранних лет его поведение часто было источником досады для его брата и его семьи. Вестфалия не скоро забудет, что он был ее королем, и его подданные недаром называли его "Гелиогабалом в миниатюре".

Первого консула беспокоили постоянные требования денег со стороны его братьев. Чтобы избавиться от Жозефа, который тратил большие суммы в Мортфонте, как Люсьен в Нейи, он дал г-ну Колло контракт на снабжение военно-морского флота продовольствием с условием, что тот будет выплачивать Жозефу 1 600 000 франков в год из своей прибыли. Я полагаю, что это соглашение очень хорошо отвечало целям Жозефа; но оно было каким угодно, только не выгодным для месье Колло. Я думаю, что прошел целый год, а он не положил в карман ни фартинга. Он добился аудиенции у Первого консула, которому изложил свои претензии. Он показал, что его расходы были огромными, и он не мог получить никакой оплаты от военно-морского ведомства. На что консул сердито прервал его, сказав: "Неужели ты думаешь, что я простой капуцин? У Декре должно быть 100 000 крон, у Дюрока - 100 000, у Бурьена - 100 000; вы должны произвести выплаты и не приходите сюда, беспокоя меня своими длинными историями. Дело моих министров - давать мне отчеты по таким вопросам; я выслушаю Декреса, и этого достаточно. Пусть меня больше не дразнят этими жалобами; я не могу уделять им внимания". Затем Бонапарт очень бесцеремонно уволил г-на Колло. Впоследствии я узнал, что ему удалось уладить дело только после больших хлопот. Месье Колло однажды сказал мне: "Если бы он попросил у меня столько денег, сколько хватило бы на постройку фрегата, он должен был бы их получить. Все, чего я сейчас хочу, - это получить деньги и покончить с этим делом". На стороне месье Колло были разум и честь, но на другой стороне не было ничего, кроме перетасовки.

ГЛАВА IX.

1802.

Общеизвестная ложь бюллетеней —М. Дублет—Учреждение ордена Почетного легиона—Противодействие этому в Совете и других органах государственной власти—Сторонники наследственной системы— Вопрос о пожизненном консульстве.

Историку того времени не следовало бы доверять бюллетеням, депешам, нотам и прокламациям, которые исходили от Бонапарта или проходили через его руки. Со своей стороны, я считаю, что в пословице "Такой же великий лжец, как и бюллетень" столько же правды, сколько в аксиоме "дважды два будет четыре".

Бюллетени всегда сообщали о том, что Бонапарт хотел считать правдой; но чтобы составить правильное суждение о каком-либо факте, необходимо искать контрбаллеты и консультироваться с ними. Хорошо известно также, что Бонапарт придавал большое значение месту, откуда он датировал свои бюллетени; таким образом, он датировал свои указы, касающиеся театров и гамбургской говядины, Москвой.

Официальные документы почти всегда были неточными. Была ложь в преувеличенных описаниях его побед, и снова ложь в замалчивании или смягчении его поражений. Писатель, если бы он брал материалы из бюллетеней и официальной переписки того времени, сочинил

бы роман, а не правдивую историю. Этому было приведено множество доказательств в настоящей работе.

Еще одна вещь, которая всегда казалась мне очень примечательной, заключалась в том, что Бонапарт, несмотря на свое неоспоримое превосходство, старался принизить репутацию своих военачальников и взваливать на их плечи ошибки, которые совершил он сам. Общеизвестно, что жалобы и увещания, столь же энергичные, сколь и обоснованные, часто адресовались генералу Бонапарту по поводу его несправедливых и пристрастных бюллетеней, в которых успех дня часто приписывался кому-то, кто имел к нему очень мало отношения, и не упоминался офицер, который фактически командовал. Жалобы офицеров и солдат, расквартированных в Дамiette, вынудили генерала Ланусса, командующего, протестовать против изменения бюллетеня, в котором сражение с группой арабов представлялось незначительным событием, а потери - незначительными, хотя генерал заявил, что это сражение было важным, а потери - значительными. Это искажение, вследствие его энергичных замечаний, было исправлено.

Бонапарт захватил Мальту, как хорошо известно, за сорок восемь часов. Средиземноморская империя, обеспеченная англичанам битвой при Абукире и их многочисленными крейсерскими судами, дала им возможность заморить гарнизон голодом и таким образом вынудить генерала Вобуа, коменданта Мальты, который был отрезан от всех сообщений с Францией, капитулировать. Соответственно, 4 сентября 1800 года он сдал Гибралтар в Средиземном море после двухлетней благородной обороны. Эти факты требуют изложения, чтобы лучше понять то, что следует.

22 февраля 1802 года человек по имени Дублет, который был комиссаром французского правительства на Мальте, когда мы владели этим островом, навестил меня в Тюильри. Он горько жаловался, что письмо, которое он написал с Мальты первому консулу 2-го Вентоза VIII года. (9 февраля 1800 г.), было изменено в "Монитер". "Я поздравил его, - сказал г-н Дублет, - с 18 Брюмера и сообщил ему о положении на Мальте, которое было очень тревожным. В "Монитере" было напечатано совсем обратное, и именно на это я жалуюсь. Это поставило меня в очень неприятную ситуацию на Мальте, где меня обвинили в сокрытии реального положения дел на острове, где я выполнял общественную функцию, придававшую вес моим словам". Я заметил ему, что, поскольку я не являюсь редактором "Монитер", обращаться ко мне бесполезно; но я сказал ему, чтобы он дал мне копию письма, а я упомяну об этом Первому консулу и передам ему ответ. Дублет порылся в кармане в поисках письма, но не смог его найти. Он сказал, что пришлет копию, и попросил меня выяснить, откуда взялась ошибка. В тот же день он прислал мне копию письма, в котором после поздравления Бонапарта с его возвращением встречается следующий отрывок: "Спешите спасти Мальту с людьми и провизией: нельзя терять времени". Вместо этого отрывка в "Мониторе" были заменены следующие слова: "Его имя вселяет в отважных защитников Мальты новую отвагу; у нас есть люди и провизия".

Не подозревая о мотивах столь странного извращения, я показал это письмо Первому консулу. Он пожал плечами и сказал, смеясь: "Не обращай на него внимания, он дурак; не беспокойся больше об этом".

Было ясно, что больше ничего нельзя было сделать. Однако вопреки моему желанию мсье Дублету был нанесен этот удар. Я сообщил Первому консулу о неудобствах, которые мсье Дублет мог испытать в связи с этим делом. Но я очень редко видел, чтобы письма или отчеты публиковались по мере их получения. Я легко могу понять, какие особые мотивы могут выдвигаться для оправдания таких фальсификаций; ибо, когда отклоняются от пути

искренности и добросовестности, выдвигается любой предлог, чтобы оправдать плохое поведение. Какую историю мог бы написать тот, кто читал бы только страницы "Монитор"?

После голосования за увеличение срока консульства Бонапарта на вторые десять лет он 19 мая учредил орден Почетного легиона. Вскоре за этим институтом последовал институт нового дворянства. Таким образом, за короткий промежуток времени Конкордат об успокоении совести и восстановлении согласия в Церкви; указ об отзыве эмигрантов; сохранение консульской власти на десять лет в порядке подготовки к пожизненному консульству и обладанию Империей; и создание в стране, отменившей все различия, ордена, который должен был порождать чудес, последовали друг за другом по пятам. Бурбоны, возродив упраздненные ордена, были достаточно мудры, чтобы сохранить вместе с ними орден Почетного легиона.

Уже было видно, как при определенных обстоятельствах Первый консул всегда избегал последствий собственной опрометчивости и избавлялся от своих промахов, перекладывая вину на других — как, например, в случае с параллелью между Цезарем, Кромвелем и Бонапартом. Он действительно был настолько опрометчив, что можно было бы сказать, будь он садовником, он пожелал бы увидеть созревание плодов до того, как опадут цветы. Эта необдуманная поспешность едва не оказалась роковой для создания ордена Почетного легиона - проекта, который созрел в его голове, как только он увидел ордена, сверкающие на петлицах министров иностранных дел. Он часто восклицал: "Это хорошо! Это то, что нужно людям!"

Я был, должен признаться, решительным сторонником основания во Франции нового рыцарского ордена, потому что, по моему мнению, в каждом хорошо организованном государстве глава правительства должен делать все, что в его силах, чтобы поддержать честь граждан и сделать их более чувствительными к почетным отличиям, чем к денежным преимуществам. Однако в то же время я попытался предостеречь Первого консула от его поспешности. Он меня не услышал; но я должен с такой же откровенностью признаться, что в этом случае я вскоре освободился от всех опасений относительно последствий трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться в Совете и в других официальных органах государства.

4 мая 1801 года он впервые официально выдвинул в Государственном совете вопрос об учреждении ордена Почетного легиона, который 19 мая 1802 года был провозглашен государственным законом. Оппозиция этой мере была очень велика, и вся власть Первого консула, сила его аргументов и огромное влияние его положения смогли обеспечить ему не более 14 голосов из 24. То же чувство проявилось и в трибунате; где мера была принята только 56 голосами против 38. Примерно такой же расклад был и в Законодательном органе, где голоса были 166 против 110. Из этого следует, что из 394 избирателей в этих трех отдельных органах было получено большинство только в 78. Удивленный таким ничтожным большинством, Первый консул сказал вечером: "Ах! Я очень ясно вижу, что предрассудки все еще слишком сильны. Вы были правы; мне следовало подождать. Это не было делом такой срочности. Но тогда, надо признать, выступавшие за эту меру плохо защищали ее. Сильное меньшинство судило обо мне несправедливо". — "Будьте спокойны, - возразил я. - Без сомнения, было бы лучше подождать; но дело сделано, и вы скоро обнаружите, что вкус к этим различиям у вас еще не пропал. Это вкус, присущий природе человека. Вы можете ожидать от этого творения каких—то экстраординарных обстоятельств - вы скоро их увидите".

В апреле 1802 года Первый консул сделал все возможное, чтобы добиться объявления себя пожизненным консулом. Возможно, именно в этот период своей карьеры он в наибольшей

степени применил те принципы двуличия и лицемерия, которые обычно называют макиавеллиевскими. Никогда еще обман, ложь, коварство и притворная умеренность не применялись с таким талантом и успехом.

В марте месяце наследование и династия были у всех на устах. Люсьен был самым яростным пропагандистом этих идей, и он с постоянством и усердием следовал своему призванию апостола. Уже упоминалось, что, по признанию его брата, в 1800 году он опубликовал брошюру, в которой отстаивал те же идеи; работу эту Бонапарт впоследствии осудил как преждевременное развитие своих проектов. Г-н де Талейран, чьи идеи не могли быть иначе как благоприятными для монархической формы правления, был готов вступить в объяснения с Кабинетами министров Европы по этому вопросу. Словами, которые теперь постоянно звучали в каждом ухе, были "стабильность и порядок", под покровом которых должно было быть скрыто крушение права народа. В то же время Бонапарт, стремясь унижить настоящих друзей конституционной свободы, всегда называл их идеологами,

—[Я причислил всех этих людей к разряду Идеологов, что, кроме того, является тем, что им особенно и буквально подходит, — искателями идей (идей, как правило, пустых). Это правильное применение к ним термина "идеолог" сделало их еще более нелепыми, чем даже я ожидал. Фраза оказалась удачной, я полагаю, потому что она была моей (Наполеон в "Люсьене" Юнга, том ii. стр. 293). Наполеон приветствовал каждую атаку на это описание мудреца. Очень довольный выступлением Руайе Коллара, он сказал Талейрану: "Знаете ли вы, господин великий выборный, что в моем университете зарождается новая и серьезная философия, которая может оказать нам большую честь и полностью избавить нас от идеологов, сразив их наповал рассуждениями?" Примерно с таким же удовлетворением Ренан в письме 1898 года говорит, что более прекрасные мечты оказались катастрофическими, когда были перенесены в область фактов, и что человеческие заботы начали улучшаться только тогда, когда идеологи перестали вмешиваться в них (Souvenirs, стр. 122).]—

или террористы. Мадам Бонапарт стойко противостояла влиянию советов, которые, по ее мнению, были губительны для ее мужа. Он действительно редко говорил с ней о политике или общественных делах, и редко с глазу на глаз. "Берегите свою прялку или иголку", - была у него обычная фраза. Людьюми, которые с наибольшей настойчивостью выступали в поддержку наследственного вопроса, были Люсьен, Редерер, Реньо де Сен-Жан д'Анжели и Фонтанель. Их усилиям способствовало заключение мира с Англией, который, восстановив на время всеобщее спокойствие, предоставил Первому консулу возможность выдвинуть любой план.

В то время как Первый консул стремился к трону Франции, его братья, особенно Люсьен, демонстрировали нелепую гордыню и претенциозность. Возьмем почти невероятный пример, свидетелем которого я был. В воскресенье, 9 мая, Люсьен пришел навестить мадам Бонапарт, которая спросила его: "Почему вы не пришли к обеду в прошлый понедельник?" - "Потому что для меня не было отведено места: братья Наполеона должны были занять первое место после него". — "Что я должна понимать под этим?" - ответила мадам Бонапарт. "Если ты брат Бонапарта, вспомни, кем ты был. В моем доме все места одинаковы. Эжен Уорлд никогда бы не совершил такой глупости".

—[По таким вопросам у семьи бонапартистов были постоянные проблемы, как будет видно из Воспоминаний мадам де Ремюза. Например, в 1812 году, когда Джозеф настоял на том, чтобы его

мать была старше Жозефины на обеде в его доме, когда Наполеон уладил этот вопрос, схватив Жозефину за руку и повел ее первой, к ужасу собравшихся. Но у Наполеона, как раз в данном случае, были свои представления на этот счет: место принцессы Элизы, старшей из его сестер, было поставлено ниже места Каролины, королевы Неаполя. Элиза была тогда всего лишь принцессой Лукки. Император внезапно поднялся и, сместившись вправо, поместил принцессу Элизу выше королевы. "Итак, - сказал он, - не забывайте, что в императорской семье я единственный король". (Люсьен Юнга, том ii. стр. 251), Этого правила он, по-видимому, придерживался, поскольку, когда он и его братья отправились в одной карете на Майское поле в 1815 году, Джерому, титулованному королю Вестфалии, пришлось занять переднее сиденье, в то время как его старший брат Люсьен, носивший только римский титул принца Канинского, сидел на одном из почетных мест рядом с Наполеоном. Джером был возмущен и ворчал на короля, вынужденного уступить место простому римскому принцу, см. Люсьен Юнга, том ii. стр. 190.]—

В этот период, когда пожизненное консульство находилось только в зачаточном состоянии, льстивые советы сыпались отовсюду и, как правило, поощряли Первого консула в его намерении захватить абсолютную власть.

Либерти отвергал неограниченную власть и устанавливал границы средствам, которые он хотел и должен был использовать для удовлетворения своей чрезмерной любви к войне и завоеваниям. "Нынешнее положение вещей, это десятилетнее консульство, - сказал он мне, - меня не удовлетворяет. - Я считаю, что оно рассчитано на то, чтобы вызвать непрекращающиеся волнения". 7 июля 1801 года он заметил: "Вопрос о том, будет ли Франция республикой, все еще вызывает сомнения: он будет решен через пять или шесть лет". Было ясно, что он считает это слишком долгим сроком. Рассматривал ли он Францию как свою собственность или считал себя народным представителем и защитником их прав, я убежден, что первый консул желал благополучия Франции; но тогда это благополучие было в его представлении неотделимо от абсолютной власти. Я с болью наблюдал, как он следует этим курсом. Друзья свободы, те, кто искренне желал сохранить конституционно свободное правительство, позволили убедить себя согласиться на продление срока полномочий на десять лет сверх десяти лет, первоначально предоставленных конституцией. Они принесли эту жертву славе и той власти, которая была ее следствием; и они были далеки от мысли, что оказывают поддержку бесстыдным интригам. Они были непреклонны, но только на данный момент, и кандидатура пожизненно была отклонена сенатом, который продлил власть Бонапарту всего на десять лет, и тот увидел, что осуществление его амбиций снова отложено.

Первый консул скрывал свое недовольство с тем глубоким искусством, которое, когда он не мог поступить иначе, он проявлял в высшей степени. На послание Сената по поводу этого назначения он ответил спокойным, но уклончивым и двусмысленным ответом, в котором, питая свою излюбленную надежду добиться большего от народа, чем от Сената, он заявил с лицемерной покорностью, "Что он пошел бы на эту новую жертву, если бы желание народа потребовало того, что санкционировал Сенат". Таково было почтение, которое он оказывал суверенитету народа, который вскоре должен был быть растоптан его ногами!

В понедельник, 10 мая, состоялся внеочередной созыв Государственного совета. Им было сообщено не только о консультациях Сената, но и об искусном и коварном ответе Первого консула. Совет расценил первое просто как уведомление и приступил к рассмотрению вопроса о том, по какому вопросу следует проконсультироваться с народом. Не удовлетворившись предоставлением первому консулу десятилетних полномочий, Совет счел

за лучшее ковать железо, пока оно горячо, и не останавливаться на середине столь приятной работы. В конце концов, они решили, что народу следует задать следующий вопрос: "Должен ли первый консул назначаться пожизненно и должен ли он иметь право назначать своего преемника?" Отчеты полиции, кроме того, оказали большое влияние на результат этого обсуждения, ибо они все как один заявили, что весь Париж требует пожизненного консула с правом назначения преемника. Решения по этим двум вопросам принимались как бы штурмом. Пожизненное назначение было принято единогласно, а право назвать преемника - большинством голосов. Первый консул, однако, официально заявил, что он осуждает эту вторую меру, которая была предпринята не им самим. Получив решение Государственного совета, Первый консул, чтобы замаскировать свой план достижения абсолютной власти, счел целесообразным сделать вид, что отказывается от части того, что ему предлагали. Поэтому он отменил этот пункт, который предлагал наделить его полномочиями назначать преемника и который был поддержан небольшим большинством голосов.

ГЛАВА X.

1802.

Генерал Бернадотт умиряет Вандею и подавляет мятеж в Туре—Несправедливость Бонапарта по отношению к нему—Преднамеренная сцена— Совет, данный Бернадотту, и разочарованный Бонапарт—Резиденция первого консула в Сен-Клу—Его репетиции Империи— Его презрение к человечеству—Мистер Фокс и Бонапарт—Информация о планах покушения—Военный обед, устроенный Бонапартом—Моро не на вечеринке—Влияние "Консультаций сената" на пожизненное консульство—Путешествие в Пломбьер—Предыдущая сцена между Люсьеном и Жозефиной—Театральные представления в Нейи и Мальмезоне— Потеря часов и вознаграждение за честность—Канова в Сен—Клу— Нежелание Бонапарта выступать в роли модели.

Достигнув почти середины карьеры, которую я взялся проследить, прежде чем продвинуться дальше, я должен вернуться на несколько мгновений назад, как я уже часто делал, чтобы представить некоторые обстоятельства, которые ускользнули из моей памяти или которые я намеренно умолчал, чтобы я мог поместить их среди аналогичных им фактов: так, например, я лишь мимоходом упомянул человека, который, став монархом, не перестал почитать меня своей дружбой, как будет видно из моих мемуаров, с тех пор, как мы увидели, какую роль он сыграл в событиях, связанных с из 18 Брюмера. Этот человек, которого необъяснимое стечение событий возвело на трон ради счастья народа, которым он призван управлять, - Бернадотт.

Было очевидно, что Бернадотт неизбежно должен был впасть в своего рода немилость за то, что не поддержал проекты Бонапарта в период свержения Директории. Первый консул, однако, не осмеливался открыто мстить за себя; но он использовал любую возможность, чтобы удалить Бернадотта от себя, поставить его в трудное положение и поручить ему

миссии, для которых не было дано точных инструкций, в надежде, что Бернадотт совершит ошибки, за которые Первый консул мог бы возложить на него полную ответственность.

В начале консульства прискорбная война в Вандее бушевала со всей своей силой. Организация шуанов была завершена, и эта гражданская война причиняла Бонапарту гораздо больше беспокойства, чем та, которую он был вынужден вести на Рейне и в Италии, потому что из-за успеха вандейцев мог возникнуть вопрос о внутреннем управлении, решение которого, вероятно, противоречило взглядам Бонапарта. Малейший успех вандейцев сеял тревогу среди владельцев национальной собственности; и, кроме того, не было никакой надежды на примирение между Францией и Англией, ее вечным и непримиримым врагом, пока не погасло пламя восстания.

Задача положить конец этой несчастливой борьбе, очевидно, была трудной. Поэтому Бонапарт решил навязать это Бернадотту; но миролюбивый нрав этого генерала, его рыцарские манеры, склонность к снисходительности и счастливое сочетание благоразумия и твердости позволили ему добиться успеха там, где другие потерпели бы неудачу. Он, наконец, установил хороший порядок и подчинение законам.

Через некоторое время после умирения Вандеи мятежный настрой проявился в Туре среди солдат расквартированного там полка. Мужчины отказались выступать в поход до тех пор, пока не получат задолженность по жалованью. Бернадотт, как главнокомандующий западной армией, не будучи встревоженным беспорядками, приказал пятьдесят второй полубригаде — той, о которой шла речь, — быть выстроенной на площади Тура, где по его приказу руководители мятежа были арестованы во главе корпуса без какого-либо сопротивления. Карно, бывший в то время военным министром, доложил первому консулу об этом деле, которое, если бы не твердость Бернадотта, могло привести к неприятным результатам. Отчет Карне содержал четкое изложение фактов и поведения генерала Бернадотта. Бонапарт, однако, желал найти в этом какой-нибудь предлог для обвинения его и заставил меня написать эти слова на полях отчета: "Генерал Бернадотт действовал неосторожно, принимая такие суровые меры против пятьдесят второй полубригады, у него не было средств восстановить порядок в городе, гарнизон которого был недостаточно силен, чтобы усмирить мятежников".

Через несколько дней после этого первый консул, узнав, что результат этого дела сильно отличается от того, которого он притворялся, что боится, и будучи убежден, что только благодаря твердости Бернадотта порядок был восстановлен, он оказался в некоторой степени вынужден написать генералу, и он продиктовал мне следующее письмо:

ПАРИЖ, 11 вандемьера. Год XI.

ГРАЖДАНИН ГЕНЕРАЛ— Я с интересом прочитал отчет о том, что вы сделали для восстановления порядка в пятьдесят второй полубригаде, а также отчет генерала Либерта, датированный 5 вандемьяром. Скажите этому офицеру, что правительство удовлетворено его поведением. Его повышение в звании с полковника до бригадного генерала подтверждено. Я желаю этому храброму офицеру приехать в Париж. Он показал пример стойкости и энергии, которые делают честь солдату. (Подпись) БОНАПАРТ.

Таким образом, в том же деле Бонапарт через несколько дней из-за спонтанного выражения порицания, продиктованного ненавистью, был вынужден выразить свое одобрение, что он и

сделал, как можно видеть, с нарочитой холодностью и даже постарался, чтобы его похвалы относились к полковнику Либерту, а не к главнокомандующему.

Время только усилило неприязнь Бонапарта к Бернадоту. Можно сказать, что чем дальше он продвигался в своем стремительном шествии к абсолютной власти, тем больше враждебности он питал к человеку, который отказался помочь ему сделать первые шаги в его авантюрной карьере. В то же время окружавшие Бонапарта люди, которые практиковали искусство лести, не сумели не умножить количество доносов и инсинуаций против Бернадотта. Я вспоминаю, как однажды, когда должна была состояться грандиозная общественная дамба, я увидел, что Бонапарт настолько вышел из себя, что спросил его о причине этого. "Я больше не могу этого выносить", - порывисто ответил он. "Я решил устроить сцену с Бернадоттом сегодня. Он, вероятно, будет здесь. Я разведу огонь, и пусть из этого что-нибудь выйдет. Он может делать все, что ему заблагорассудится. Посмотрим! Пора положить этому конец".

Я никогда прежде не видел Первого консула в таком сильном раздражении. Он был в ужасном гневе, и я с ужасом ожидал момента, когда откроется дамба. Когда он оставил меня, чтобы спуститься в салон, я воспользовался возможностью попасть туда раньше него, что мне было легко сделать, так как салон находился не более чем в двадцати шагах от кабинета. По счастливой случайности, первым, кого я увидел, был Бернадотт. Он стоял в нише окна, выходящего на площадь Карусель. Пересечь салон и подойти к генералу было делом одной минуты. - Генерал! - сказал я. - доверьтесь мне и удалитесь!— У меня есть веские причины советовать это! Бернадотт, видя мое крайнее беспокойство и сознавая искренние чувства уважения и дружбы, которые я питал к нему, согласился удалиться, и я расценил это как триумф; ибо, зная откровенность характера Бернадотта и его прекрасное чувство чести, я был совершенно уверен, что он не подчинился бы резким замечаниям, которые Бонапарт намеревался адресовать ему. Моя уловка увенчалась успехом, какого я только мог пожелать. Первый консул ничего не заподозрил и заметил только одно: его жертва отсутствовала. Когда дамба закончилась, он сказал мне: "Что ты об этом думаешь, Бурьен?— Бернадотт не пришел."— "Тем лучше для него, генерал", - был мой ответ. Больше ничего не произошло. Первый консул, вернувшись от Жозефины, застал меня в кабинете и, следовательно, ничего не мог заподозрить, а мое общение с Бернадотом не заняло и пяти минут. Бернадотт всегда выражал большое удовлетворение доказательством дружбы, которое я оказывал ему в этой деликатной ситуации. Дело в том, что по складу моего ума, который я сам не мог объяснить, чем больше возрастала несправедливая ненависть Бонапарта к Бернадотту, тем больше симпатии и восхищения я испытывал к благородному характеру последнего.

Событие, о котором идет речь, произошло весной 1802 года. Именно в этот период Бонапарт впервые занял Сен-Клу, чем был очень доволен, потому что там он чувствовал себя более свободно, чем в Тюильри; дворец этот на самом деле является всего лишь тюрьмой для членов королевской семьи, поскольку там монарх не может даже подышать свежим воздухом у окна, не став немедленно объектом любопытства публики, которая собирается большими толпами. Напротив, в Сен-Клу Бонапарт мог выйти из своего кабинета и продолжить прогулку, не подвергаясь раздражению просителей. Одним из его первых шагов был ремонт перекрестка, ведущего из Сен-Клу в Мальмезон, между которыми Бонапарт проехал за четверть часа. Эта близость к сельской местности, которая ему нравилась, делала пребывание в Сент-Клауде еще более приятным для него. Именно в Сен-Клу Первый консул провел, если можно так выразиться, свои первые репетиции великой драмы Империи. Именно там он начал внедрять во внешних формах привычки и этикет, которые напоминали церемонии провозглашения суверенитета. Вскоре он осознал, какое влияние

оказывают пышность церемоний, блеск внешности и богатство костюмов на массы человечества. "Мужчины, - заметил он мне в тот период, - вполне заслуживают того презрения, которое я к ним испытываю. Мне стоит только надеть немного золотых галунов на мундиры моих добродетельных республиканцев, и они сразу же станут именно такими, как я им желаю".

Я помню, как однажды, после одной из его частых выходок презрения к роду человеческому, я заметил ему, что, хотя безделушки могут вызывать вульгарное восхищение, есть некоторые выдающиеся люди, которые не позволяют себе поддаваться их соблазну; и я упомянул знаменитого Фокса в качестве примера, который перед заключением Амьенского мира посетил Париж, где был отмечен за свою крайнюю простоту. Первый консул сказал: "Ах! вы правы в отношении него. Мистер Фокс - поистине великий человек, и он мне очень нравится".

На самом деле, Бонапарт всегда принимал визиты мистера Фокса с величайшим удовлетворением; и после каждого их совместного разговора он никогда не упускал случая выразить мне удовольствие, которое он испытывал, беседуя с человеком, во всех отношениях достойным той великой славы, которой он достиг. Он считал его очень выдающимся человеком и хотел бы, чтобы ему пришлось сотрудничать с ним в своих будущих переговорах с Англией. Можно предположить, что мистер Фокс, со своей стороны, никогда не забывал об условиях близости, я бы сказал, доверия, на которых он был с Первым консулом. Фактически, во время войны он несколько раз сообщал ему о заговорах, направленных против его жизни. Меньшего нельзя было ожидать от человека со столь благородным характером. Я могу также утверждать, поскольку неоднократно располагал доказательствами этого факта, что английское правительство постоянно с негодованием отвергало все подобные проекты. Я имею в виду не те, которые имели своей целью свержение консульского или императорского правительства, а все планы убийств и тайных покушений на личность Бонапарта, будь то первый консул или император. Здесь я попрошу читателя о снисхождении и расскажу об обстоятельствах, произошедших за год до поездки мистера Фокса в Париж; но поскольку это относится к Моро, я полагаю, что перенос будет прощен легче, чем пропуск.

Летом 1801 года Первому консулу взбрело в голову устроить грандиозный военный обед у одного ресторатора. Ресторатором, которому он отдавал предпочтение в своей компании, был Вери, чье заведение располагалось на террасе Фейянов с выходом в сад Тюильри. Бонапарт не посылал приглашения Моро, с которым я случайно встретился в тот день следующим образом: — Церемония ужина у Вери предоставила мне свободу распоряжаться своим временем, я воспользовался им, чтобы пойти пообедать у ресторатора по имени Роуз, который в то время пользовался большой известностью среди выдающихся гастрономов. Я обедал в компании г-на Карбоне, друга семьи Моро, и еще двух или трех человек. Пока мы сидели за столиком в ротонде, официант, обслуживавший нас, сообщил нам, что генерал Моро и его жена вместе с Лакуи и двумя другими военными находятся в соседних апартаментах. Сюше, который обедал у Вери, где, по его словам, все было невероятно скучно, поднявшись из-за стола, присоединился к компании Моро. Эти подробности мы узнали от месье Карбоне, который оставил нас на несколько минут, чтобы повидаться с генералом и мадам Моро.

Притворство Бонапарта, не пригласившего Моро в тот момент, когда последний вернулся победителем из рейнской армии, и в то же время притворство Моро, публично отправившегося в тот же день обедать к другому ресторатору, давали основание предположить, что прохладца, существовавшая между ними, вскоре превратится во вражду.

Жители Парижа, естественно, думали, что завоеватель Маренго мог бы, не унижаясь, предоставить завоевателю Гогенлиндена место за своим столом.

К началу 1802 года Республика перестала быть чем-либо иным, кроме вымысла или исторического воспоминания. Все, что от него осталось, - это обманчивая надпись на воротах дворца. Даже во время своего вступления в должность в Тюильри Бонапарт приказал срубить два дерева свободы, которые были посажены при дворе; таким образом, удалив внешние эмблемы, прежде чем он разрушил реальность. Но в тот момент, когда были опубликованы решения сената от 2 и 4 августа, даже самому недалекому человеку стало очевидно, что власть Первого консула не хотела ничего, кроме имени.

После этих "консультаций" Бонапарт легко привык рассматривать высшие органы государственной власти просто как необходимые инструменты для осуществления своей власти. Затем заинтересованные советники столпились вокруг него. Было серьезно предложено, чтобы он восстановил древние титулы, поскольку они больше соответствовали новой власти, которую ему доверил народ, чем республиканским формам. Однако, согласно его фразе, он по-прежнему придерживался мнения, что "груша еще не созрела", и ни на минуту не хотел слышать, чтобы об этом проекте говорили. "Все это, - сказал он мне однажды, - придет в свое время; но ты должен понять, Бурьен, что мне необходимо, во-первых, принять титул, от которого естественным образом будут происходить остальные, которые я дам каждому. Величайшая трудность преодолена. Больше некого обманывать. Все видят ясно как день, что только один шаг отделяет трон от пожизненного консульства. Однако мы должны быть осторожны. В трибунате есть несколько беспокойных парней, но я позабочусь о них".

Пока эти серьезные вопросы волновали умы людей, большая часть жителей Мальмезона отправилась в путешествие в Пломбьер. Жозефина, мать Бонапарта, мадам Богарне-Лаваллетт, Гортензия и генерал Рапп принадлежали к этой партии. Этой веселой компании было угодно адресовать мне бюллетень с описанием приятных и неприятных событий нашего путешествия. Я привожу это письмо просто как доказательство близости, которая существовала между авторами и мной. Далее следует в точности то, что я сохранил, за исключением помарок, за которые, как будет видно, они извинились.

РАССКАЗ О ПУТЕШЕСТВИИ В ПЛОМБЬЕР.

Жителям Мальмезона.

Вся компания покинула Мальмезон в слезах, которые вызвали такие ужасные головные боли, что все любезные люди были совершенно подавлены идеей путешествия. Мадам Бонапарт, всего лишь, с величайшим мужеством переносила тяготы этого памятного дня, но мадам Бонапарт, консуэла, не проявила ни малейшего мужества. Две юные леди, сидевшие в "соне", мадемуазель Гортензия и мадам Лаваллетт, были соперничающими претендентками на флакон одеколона; и время от времени любезный меесье Рапп останавливал экипаж, чтобы утешить свое бедное маленькое больное сердечко, переполнявшееся желчью: в итоге по прибытии в Эперне ему пришлось лечь в постель, в то время как остальные члены любезной компании пытались утопить свои печали в шампанском. Второй день был более удачным в плане здоровья и бодрости духа, но провизии не хватало, и желудок сильно страдал. Путешественники жили надеждой на хороший ужин в Туле; но отчаяние достигло апогея, когда, прибыв туда, они нашли только убогую гостиницу, и в ней ничего не было. Мы увидели там несколько странноватых людей, что немного компенсировало нам расходы на шпинат, заправленный лампадным маслом, и красную спаржу, обжаренную со

свернувшимся молоком. Кто бы не позабавился, увидев гурманов мальмезона, сидящих за столом, столь потрясающе сервированным!

Ни в каких исторических источниках нельзя найти дня, проведенного в столь ужасных страданиях, как тот, в который мы прибыли в Пломбьер. Выезжая из Туля, мы намеревались позавтракать в Нанси, так как желудки у всех были пусты в течение двух дней; но гражданские и военные власти вышли нам навстречу и помешали нам осуществить наш план. Мы продолжали наш путь, чахнея, так что вы могли видеть, как мы худеем с каждым мгновением. В довершение нашего несчастья, "соня", которой, по-видимому, вздумалось отправиться по Мозелю в Мец, едва избежала опрокидывания. Но в Пломбьере мы получили хорошую компенсацию за это неудачное путешествие, потому что по прибытии нас встретили со всевозможными ликованиями. Город был иллюминирован, пушки стреляли, а лица красивых женщин во всех окнах дают нам основание надеяться, что мы перенесем наше отсутствие в Мальмезоне с меньшим сожалением.

За исключением некоторых анекдотов, которые мы приберегаем для бесед по возвращении, здесь представлен достоверный отчет о нашем путешествии, который мы, нижеподписавшиеся, настоящим подтверждаем.

JOSEPHINE BONAPARTE. БОГАРНЕ-ЛАПАЛЛЕТТ. ГОРТЕНЗИЯ БОГАРНЕ. РАПП. Простой БОНАПАРТ.

Компания просит прощения за помарки.

21-й мессидор.

Просим, чтобы лицо, получившее этот журнал, показывало его всем, кто проявляет интерес к ярмарке путешественников.

Этому путешествию в Пломбьер предшествовала сцена, от описания которой я воздержался бы, если бы не взялся рассказать правду о семье Первого консула. За два или три дня до своего отъезда мадам Бонапарт послала за мной. Я явился на зов и застал ее в слезах. - Что за человек, что за человек этот Люсьен! - воскликнула она с горечью. - Если бы ты знал, мой друг, какие постыдные предложения он осмелился сделать мне! "Ты едешь на воды, - сказал он. - тебе нужно завести ребенка от кого-нибудь другого, раз ты не можешь завести его от него". Представь себе негодование, с которым я воспринял такой совет. "Что ж, - продолжал он, - если вы этого не хотите или не можете с этим поделать, Бонапарт должен зачать ребенка от другой женщины, и вы должны усыновить его, поскольку это необходимо для обеспечения наследственного преемника. Это в ваших интересах, вы должны это знать". — "Что, сэр? - ответил я. - неужели вы воображаете, что нация потерпит, чтобы ею правил ублюдок? Lucien! Lucien! ты погубишь своего брата! Это ужасно! Несчастной была бы я, если бы кто-нибудь предположил, что я способна без ужаса выслушать твое гнусное предложение! Ваши идеи ядовиты, ваш язык ужасен!" — "Что ж, мадам, - возразил он, - все, что я могу сказать на это, это то, что мне действительно жаль вас!"

Любезная Жозефина рыдала, описывая мне эту сцену, и я не остался равнодушным к тому негодованию, которое она испытывала. Истина заключается в том, что в тот период Люсьен, хотя и постоянно притворялся, что презирает власть для себя, неустанно трудился над тем, чтобы сосредоточить ее в руках своего брата; и он считал необходимыми для успеха своих взглядов три вещи, а именно: наследование по наследству, развод и императорское правительство.

УЛюсьена был восхитительный дом недалеко от Нейи. За несколько дней до прискорбной сцены, о которой я рассказал, он пригласил Бонапарта и всех обитателей Мальмезона стать свидетелями театрального представления. Исполнялась пьеса "Альзир". Элиза играла Альзиру, а Люсьен - Замора. Теплота их заявлений, энергичная экспрессия жестов, слишком откровенная нагота костюмов вызывали отвращение у большинства зрителей, а у Бонапарта - больше, чем у кого-либо другого. Когда пьеса закончилась, он был очень возмущен. "Это скандал, — сказал он мне сердитым тоном. - Я не должен терпеть подобных непристойностей... Я дам Люсьену понять, что больше этого не потерплю". Когда его брат переоделся в свое платье и вошел в гостиную, он обратился к нему публично и дал ему понять, что на будущее он должен воздерживаться от подобных представлений. Когда мы вернулись в Мальмезон, он снова с недовольством говорил о том, что произошло. "Как! - воскликнул он. - Когда я пытаюсь восстановить чистоту нравов, моим брату и сестре приходится выставлять себя на всеобщее обозрение почти нагими! Это оскорбление!"

Люсьен питал сильное пристрастие к театральным представлениям, которым придавал большое значение. Дело в том, что он декламировал в превосходном стиле и мог бы соперничать с лучшими профессиональными актерами. Говорили, что тюрбан Оросмана, костюм Америки, римская тога или одеяние первосвященника Иерусалима - все это шло ему одинаково хорошо; и я верю, что это была чистая правда. Театральные представления не ограничивались Нейи. У нас был свой театр и наша труппа актеров в Мальмезоне; но там все проходило с величайшим почтением; и теперь, когда я попал за кулисы, я не покину их, пока не посвящу читателя в секреты нашей драмы.

По указанию Первого консула в Мальмезоне был построен очень красивый маленький театр. Нашими обычными актерами были Эжен БОГАРНЕ, Гортензия, мадам Мюрат, Лористон, месье Дидло, один из дворцовых префектов, несколько других лиц из окружения Первого консула и я. Освобожденные от государственных забот, которые мы ограничивали, насколько это было возможно, Тюильри, мы были очень счастливой колонией в Мальмезоне; и, кроме того, мы были молоды, а что есть такого, чему молодость не добавляет очарования? Пьесы, которые Первому консулу больше всего нравились в нашем исполнении, были "Севильский барбье" и "Неповиновение и злоба". В "Барбье" Лористон сыграл графа Альмавиву; Гортензия - Розена; Эжен - Базиля; Дидло - Фигаро; я - Бартоло; и Изабель - Авейля. Другими нашими любимыми пьесами были "Проект брака", "Ла Гагельтр", "Отец Анлуре", в котором я играл роль камердинера; и "Успех кампании", в котором я играл барона, имея в качестве баронессы молодую и красивую Каролину Мюрат.

Игра Гортензии была совершенством, Каролина - посредственностью, Эжен играл очень хорошо, Лористон был довольно грузным, Дидло - сносным, и я могу рискнуть утверждать, без тщеславия, что я был не самым худшим из труппы. Если мы и не были хорошими актерами, то не из-за недостатка хороших наставлений и советов. Тальма и Мишо приходили руководить нами и заставляли нас репетировать перед ними, иногда вместе, иногда по отдельности. Сколько уроков я получил от Мишо, гуляя по прекрасному парку Мальмезон! И пусть меня простят за то, что я говорю, что теперь я испытываю удовольствие, оглядываясь назад на эти мелочи, которые важны, когда человек молод, и которые так необычно контрастировали с большим театром, на котором мы не изображали вымышленных персонажей. У нас был, выражаясь театральным языком, хороший запас имущества. Бонапарт подарил каждому из нас сборник драм в очень хорошем переплете; и, как покровитель труппы, он снабдил нас богатыми и элегантными платьями.

—[В то время как Бурьен, принадлежащий к Мальмезонской труппе, считал игру в Нейи неприличной, Люсьен, который отказался выступать в Мальмезоне, естественно, считал

мальмезонскую труппу скучной. "Гортензия и Каролина исполнили главные роли. Они были очень банальны. В этом они следовали примеру несчастной Марии-Антуанетты и ее спутников. Людовик XVI, не от природы вежливый, увидев их действия, сказал, что это было по-королевски дурно разыграно" (см. "Жизнь Марии-Антуанетты" мадам Кампан, том i, стр. 299). "Первый консул сказал о своей труппе, что она была ужасно сыграна ... Мюрат, Ланн и даже Каролина разглагольствовали. Элиза, которая, получив образование в Сен-Сире, говорила чисто и без акцента, отказалась играть. Жано хорошо сыграл пьяные роли, и даже другие он брал на себя. Остальные были определенно плохими. Хуже, чем плохие — нелепыми" ("Люсьен" Юнга, том ii, стр. 256). Актеры-соперники не являются справедливыми критиками. Давайте послушаем мадам Жюно (том II, стр. 103). "Самым умным в нашей компании был господин де Буррьен. Он играл более достойных персонажей в подлинном совершенстве, и его талант был тем более приятным, что он был результатом не учебы, а совершенного понимания своей роли ". И далее она говорит, что даже лучшие профессиональные актеры могли бы поучиться у него некоторым ролям. Публика была не из приятных. У Первого консула вошло в привычку приглашать сорок человек на ужин и сто пятьдесят - на вечер, и, следовательно, выслушивать, критиковать и безжалостно подтрунивать над нами" (Мемуары герцогини д'Абрантес, том ii, стр. 108).]—

Бонапарт получал огромное удовольствие от наших выступлений. Ему нравилось смотреть пьесы в исполнении людей, с которыми он был знаком. Иногда он хвалил нас за наши усилия. Хотя меня это забавляло не меньше, чем других, мне не раз приходилось напоминать ему, что мои занятия оставляют мне очень мало времени для разучивания своих ролей. Тогда он принимался заискивать и говорил: "Ну же, не раздражай меня! У тебя такая память! Ты знаешь, что это меня забавляет. Вы видите, что эти представления делают Мальмезон веселым и оживленным; Жозефина получает от них большое удовольствие. Утром вставайте пораньше.—На самом деле, я слишком много сплю; разве что в кафе — Пойдем, Буррьен, сделай мне одолжение. Ты заставляешь меня так от души смеяться! Не лишай меня этого удовольствия. У меня не так уж много развлечений, как вам хорошо известно". — "Все, правда! Я бы не стал лишать вас ни малейшего удовольствия. Я рад, что могу внести свой вклад в ваше развлечение ". После такого разговора мне ничего не оставалось, как приступить к изучению своей роли.

В тот период, летом, половина воскресенья была в моем распоряжении. Однако я был вынужден посвятить часть этого драгоценного досуга тому, чтобы доставить удовольствие Бонапарту, изучая новую роль в качестве сюрприза для него. Однако иногда я проводил время в Рюэле. Я вспоминаю, что однажды, когда я спешил туда из Мальмезона, я потерял прекрасные часы фирмы Breguet. Было четыре часа пополудни, и дорога в тот день была запружена людьми. Я объявил о своей потере публично с помощью глашатая Руэля. Час спустя, когда я сидел за столом, молодой парень из деревни принес мне мои часы. Он нашел их на большой дороге в колее от колеса. Я был доволен честностью этого молодого человека и вознаграждал и его, и его отца, который сопровождал его. В тот же вечер я повторил это обстоятельство Первому консулу, который был настолько поражен этим примером честности, что поручил мне разузнать об этом молодом человеке и его семье. Я узнал, что они были честными крестьянами. Бонапарт дал работу трем братьям из этой семьи; и, что было труднее всего убедить его, он освободил молодого человека, который принес мне часы, от призыва на военную службу.

Когда факт такого рода доходил до ушей Бонапарту, редко случалось, чтобы он не давал главному действующему лицу какого-нибудь доказательства своего удовлетворения. В его характере преобладали два качества — доброта и нетерпение. Нетерпение, когда он

находился под его влиянием, брало верх над ним; тогда он не мог себя контролировать. Примерно в тот же период у меня было замечательное доказательство этого.

Канова, прибыв в Париж, приехал в Сен-Клу, чтобы смоделировать фигуру Первого консула, из которой он собирался сделать колоссальную статую. Этот великий художник приходил часто в надежде заставить свою модель встать в надлежащую позу; но Бонапарт был так утомлен, испытывал отвращение и раздражение от процесса, что очень редко принимал требуемую позу, да и то лишь на короткое время. Несмотря на это, Бонапарт питал к Канове самое высокое уважение. Всякий раз, когда о нем объявляли, Первый консул посылал меня составить ему компанию, пока у него не будет свободного времени, чтобы дать ему посидеть; но он пожимал плечами и говорил: "Еще позирование! Боже мой, как досадно! Канова выразил большое неудовольствие по поводу того, что не смог изучить свою модель так, как ему хотелось, а небольшое беспокойство Бонапарта по этому поводу охладило пыл его воображения. Все согласны с тем, что он не преуспел в своей работе, и я объяснил причину. Впоследствии эта колоссальная статуя принадлежала герцогу Веллингтону, который был примерно вдвое выше его самого.

ГЛАВА XI.

1802.

Принцип Бонапарта в отношении смены министров—Фуше—Его влияние на Первого консула—Увольнение Фуше—Департаменты полиции и юстиции объединились под руководством Ренье—Сожаление мадам Бонапарт по поводу увольнения Фуше—Семейные сцены—Беременность мадам Луи Бонапарт—Ложные и позорные донесения Жозефине—Законность и незаконнорожденный сын—Редерер, которого упрекает Жозефина—Ее визит к Рюэлю—Долгая беседа с ней—Заявление на острове Святой Елены о крупном политическом мошенничестве.

Это принцип, особенно применимый к абсолютным правительствам, согласно которому принц должен менять своих министров как можно реже и никогда, кроме как по серьезным причинам. Бонапарт действовал по этому принципу, когда был первым консулом, а также когда стал императором. Он часто позволял несправедливым причинам влиять на себя, но никогда не увольнял министра без причины; более того, он не раз без всякой причины удерживал министров дольше, чем следовало бы в тех ситуациях, в которые он их ставил. Упорство Бонапарта в этом отношении в некоторых случаях приводило к совершенно противоположным результатам. Например, это дало г-ну Годену время навести порядок в управлении финансами, которого до него никогда не существовало; а с другой стороны, это позволило г-ну Декре привести Морское министерство в беспрецедентное состояние неразберихи.

Бонапарт не видел в людях ничего, кроме помощи и препятствий. 18 Брюмера Фуше был помощником. Первый консул опасался, что он станет препятствием; поэтому необходимо было подумать о его увольнении. Самые искренние друзья Бонапарта с самого начала были против того, чтобы Фуше имел какую-либо долю в правительстве. Но их бескорыстные советы не привели ни к чему, кроме их собственного позора, настолько влиятельным человеком стал Фуше. Как могло быть иначе? Фуше отождествлялся с Республикой смертью короля, за которую он голосовал; с Царством террора - своими кровавыми миссиями в Лион и Невер; с Консульством - своими реальными, хотя, возможно, и преувеличенными заслугами; с Бонапартом - обаянием, которым он, можно сказать, очаровал его; с Жозефиной - враждой братьев Первого консула. Кто бы в это поверил? Фуше причислял врагов Революции к числу своих самых горячих сторонников. Они осыпали его хвалебными речами, порочащими даже главу государства, потому что хитрый министр, проявляя корыстную снисходительность, выставил себя защитником лиц, принадлежащих к классам, на которые в бытность свою проконсулом он нападал в массе своей. Управляющий общественным мнением и имеющий в своих руках средства по своему усмотрению внушать страх или запутывать с помощью стимулов, все говорило в его пользу, что он уже руководил этим мнением. Механизм, который он привел в движение, был настолько рассчитан, что полиция была скорее полицией Фуше, чем полицией министра общей полиции. По всему Парижу, да и по всей Франции, Фуше снискал признание за экстраординарные способности; и популярное мнение в этом отношении было правильным, а именно, что ни один человек никогда не проявлял таких способностей, заставляя предполагать, что он действительно обладает талантом. Секрет Фуше в данном конкретном случае - это весь секрет большей части тех людей, которых называют государственными деятелями.

Как бы то ни было, Первый консул не испытывал удовольствия от искусственного влияния, которым обладал сам Фуше. В течение некоторого времени к отвращению, которое в глубине души он испытывал к Фуше, добавились другие причины недовольства. Вследствие того, что он был введен в заблуждение секретными донесениями и корреспонденцией, Бонапарт начал пожимать плечами с выражением сожаления, когда получил их, и сказал: "Поверите ли вы, Бурьен, что я был обманут этими вещами? Все подобные обвинения бесполезны - они вызывают скандал. Все отчеты префектов и полиции, все перехваченные письма - сплошная нелепость и ложь. Я не желаю больше их иметь". Он так и сказал, но все равно получил их. Однако решение об увольнении Фуше было принято. Но хотя Бонапарт хотел избавиться от него, все же, находясь под влиянием обаяния, он не осмеливался действовать против него без величайшей осторожности. Сначала он принял решение о ликвидации должности министра полиции, чтобы скрыть мотив отстранения министра. Первый консул сказал Фуше, что это подавление, о котором он говорил как о все еще отдаленном событии, было рассчитано больше, чем что-либо другое, на то, чтобы придать силы правительству, поскольку это послужило бы доказательством безопасности и внутреннего спокойствия Франции. Подавленный аргументами, которыми Бонапарт подкреплял свое предложение, Фуше не смог привести никаких веских доводов в противовес ему, но ограничился рекомендацией отложить исполнение плана, который был благим по замыслу, на два года. Бонапарт, по-видимому, благосклонно прислушался к рекомендации Фуше, который, столь же жадный до денег, как и Бонапарт до славы, утешал себя мыслью, что в течение этих двух лет управление игорными столами по-прежнему будет для него золотым дном. Ибо Фуше, уже обладатель огромного состояния, всегда мечтал приумножить его, хотя сам не знал, как им пользоваться. У него было не меньшее стремление расширить границы своего поместья Пон-Карр, чем у Первого консула - расширить границы Франции.

Первому консулу не только не нравился Фуше, но и совершенно верно, что в то время полиция утомляла и раздражала его. Несколько раз он говорил мне, что считает это опасным, особенно для обладателя власти. В правительстве без свободы прессы он был совершенно прав. Сами услуги, которые полиция оказала Первому консулу, по своей природе вызывали у него тревогу, поскольку тот, кто участвовал в заговоре против Директории в пользу Консульства, мог также участвовать в заговоре против Консульства в пользу любого другого правительства. Излишне говорить, что я имею в виду только политическую полицию, а не муниципальную, которая незаменима в крупных городах и на которую возложена почетная миссия следить за здоровьем и безопасностью граждан.

Фуше, как уже говорилось, был министром полиции с 18 Брюмера. Все, кто был знаком с характером первого консула, не могли объяснить господства, которое он позволил приобрести над собой Фуше и которого сам Бонапарт действительно ждал с нетерпением. Он видел в Фуше центр, вокруг которого сосредоточились все интересы Революции, и это его возмущало; но, подчиняясь своего рода магнетизму, он не мог разрушить очарование, которое его пленило. Когда он говорил о Фуше в его отсутствие, его речь была теплой, горькой и враждебной. В присутствии Фуше тон Бонапарта смягчался, если только не предполагалось разыграть какую-нибудь публичную сцену, подобную той, что произошла после покушения на 3-ю Нивозу.

Поскольку было решено ликвидировать Министерство полиции, Бонапарт решил не откладывать исполнение своего замысла, поскольку он делал вид, что считает это необходимым. Вечером 12 сентября мы отправились в Мортфонтен. Следующий день, то есть понедельник, мы провели в этом месте, и именно там, вдали от Фуше, первый консул, руководствуясь совместными убеждениями Жозефа и Люсьена, подписал указ о репрессиях. На следующее утро мы вернулись в Париж. Фуше прибыл в Мальмезон, где мы находились, для обычного исполнения своих обязанностей. Первый консул вел с ним дела, как обычно, не осмеливаясь сообщить ему о своем увольнении, а затем послал Камбасереса сообщить ему об этом. После этого акта, относительно которого он так долго колебался, Бонапарт все еще пытался изменить свою строгость. Назначив Фуше сенатором, он сказал в письме, которое написал в Сенат, чтобы уведомить о назначении:

"Фуше, как министр полиции, в трудные времена благодаря своему таланту, активности и преданности правительству делал все, что требовали от него обстоятельства. Находясь в лоне Сената, если события снова потребуют назначения министра полиции, правительство не сможет найти более достойного своего доверия".

С этого момента объединенные министерства юстиции и полиции были переданы в руки Ренье.' Отвращение Бонапарта к Фуше странным образом ослепило его в отношении способностей своего преемника. Кроме того, как может отправление правосудия, опирающееся на твердые и неизменные основы, идти рука об руку с другой администрацией, находящейся на зыбучих песках мгновенных решений и окруженной хитростями и обманом? Правосудие никогда не должно иметь ничего общего с тайной полицией, разве что для того, чтобы осудить ее.

—[Мсье Абриаль, министр юстиции, был вызван в Сенат одновременно с Фуше. Понимая, что ассимиляция этих двух людей была большим позором для Абриала, чем простая потеря

Министерства, Первый консул сказал М. Абриаль: "Объединив Министерство полиции с Министерством юстиции, я не смог удержать вас в министерстве, вы слишком честный человек, чтобы руководить полицией". Не слишком лестная речь для Ренье. — Бурьен.]—

Чего можно было ожидать от Ренье, на которого были возложены несовместимые функции? Чего при таких обстоятельствах можно было ожидать даже от человека, наделенного большими талантами? Такова была точная история опалы Фуше. Никто не был огорчен этим больше, чем мадам Бонапарт, которая узнала новость только тогда, когда она была объявлена общественности. Жозефина при любых обстоятельствах защищала Фуше от выходов своего мужа. Она считала, что он был единственным из его министров, кто говорил ему правду. Она была такого высокого мнения о том, как Фуше руководил полицией, что, когда я впервые остался с ней наедине после нашего возвращения из Мортфонтена, она сказала мне: "Моя дорогая Бурьен, скажи мне откровенно: узнает ли Наполеон все о заговорах полиции Монси, Дюрока, Жюно и Даву? Вы лучше меня знаете, что это всего лишь жалкие шпионы. Разве Савари в конце концов не обзавелся своей полицией? Как все это меня тревожит. Они лишают меня всякой поддержки и окружают меня только врагами". — "Чтобы оправдать ваши сожаления, мы должны быть уверены, что Фуше никогда не соглашался с Люсьеном в пользу развода". — "О, я в это не верю. Бонапарту он не нравится, и он наверняка сказал бы мне об этом, когда я благосклонно отзывался о Фуше. Ты увидишь, что его братья в конце концов вовлекут его в свой план.

Я уже говорил о неприятностях Жозефины и о плохом поведении Жозефа, но в особенности Люсьена по отношению к ней; поэтому я опишу здесь, как связанные с немилостью Фуше, о котором мадам Бонапарт сожалела как о поддержке, некоторые сцены, произошедшие примерно в этот период в Мальмезоне. Я был доверенным лицом обеих сторон и невольным участником этих сцен, и теперь, когда прошло двадцать семь лет с тех пор, как они произошли, какой мотив может побудить меня хоть в чем-то скрыть правду?

Мадам Луи Бонапарт была окружена. Жозефина, хотя и нежно любила своих детей, казалось, не замечала приближающегося события, на которое положение ее дочери указывало с интересом, естественным для материнского сердца. Она давно знала о распространявшихся клеветнических слухах о предполагаемой связи между Гортензией и Первым консулом, и это низменное обвинение стоило ей многих слез. Бедная Жозефина дорого заплатила за великолепие своего положения! Поскольку я знал, насколько беспочвенны эти чудовищные слухи, я попытался утешить ее, сказав, что это правда, что я прилагаю все свои усилия, чтобы доказать их подлость и лживость. Однако Бонапарт, ослепленный любовью, которая проявлялась к нему со всех сторон, усугубил горе своей жены глупым тщеславием. Он пытался убедить ее, что эти слухи возникли только из-за желания общественности, чтобы у него был ребенок, так что эти кажущиеся утешения, которые любовь к себе приносили горю Джозефины, усилили существующую супружескую тревогу, и страх развода вернулся со всеми его ужасами. Под влиянием глупой иллюзии своего тщеславия Бонапарт вообразил, что Францией желает управлять даже незаконнорожденный, если предполагается, что это его ребенок, — поистине уникальный способ установления новой легитимности!

Жозефина, чья восприимчивость даже сейчас кажется мне простительной, хорошо знала мои чувства по поводу основания династии Бонапартом и не забыла моего поведения, когда два года назад этот вопрос был поднят в связи с письмами Людовика XVIII Первому консулу. Я помню, что однажды, после публикации параллели между Цезарем, Кромвелем и Бонапартом, Жозефина вошла в наш кабинет без объявления, что она иногда делала, когда

из-за хорошего настроения, проявленного за завтраком, рассчитывала на его продолжение, тихо подошла к Бонапарту, села к нему на колени, нежно провела рукой по его волосам и лицу и, сочтя момент благоприятным, сказала ему в порыве нежности: "Умоляю тебя, Бонапарт, не делай себя королем! Это негодяй Люсьен подталкивает тебя к этому. Не слушай его! Бонапарт ответил без гнева и даже улыбаясь, произнося последние слова: "Ты сошла с ума, моя бедная Жозефина. Это ваши старые вдовы из Сен-Жерменского предместья, ваши Рошфуко рассказывают вам все эти басни!... Ну же, ты перебиваешь меня — оставь меня в покое.

Я часто слышал, как он серьезно заявлял о том, что Бонапарт добродушно говорил в тот день своей жене. Я присутствовал при пяти или шести спорах на эту тему. Нельзя отрицать, что в связи с этим вопросом существовала вражда между семейством Богарне и семейством Бонапарта.

Фуше, как я уже говорил, был в интересах Жозефины, а Люсьен был самым злейшим из ее врагов. Однажды Редерер с такой яростью обрушился на Фуше в присутствии мадам Бонапарт, что она ответила с чрезвычайной теплотой: "Настоящие враги Бонапарта - это те, кто внушает ему представления о наследственном происхождении, династии, разводе и браке!" Жозефина не смогла сдержать этого восклицания, так как знала, что Редерер поощрял те идеи, которые он распространял повсюду по указанию Люсьена. Я вспоминаю один день, когда она навестила нас в нашем маленьком домике в Рюэле: когда я шел с ней по большой дороге к ее карете, которую она прислала вперед, я слишком откровенно признался в своих опасениях по поводу честолюбия Бонапарта и вероломных советов его братьев. - Мадам, - сказал я, - если нам не удастся отговорить генерала от того, чтобы провозгласить себя королем, я боюсь за его будущее. Если когда-нибудь он восстановит королевскую власть, он, по всей вероятности, будет работать на бурбонов и позволит им однажды вновь взойти на трон, который он воздвигнет. Несомненно, никто, не прослав дураком, не может претендовать на то, чтобы с уверенностью сказать, к какому ряду шансов и событий приведет такой процесс; но одного здравого смысла достаточно, чтобы убедить любого в том, что неблагоприятных шансов следует опасаться еще долгое время. Когда древняя система будет восстановлена, занятие трона станет тогда только семейным вопросом, а не вопросом правления между свободой и деспотической властью. Почему бы Франции, если она перестанет быть свободной, не предпочесть расу своих древних королей? Вы наверняка это знаете. Вы не были женаты и двух лет, когда, вернувшись из Италии, ваш муж сказал мне, что мечтает стать членом королевской семьи. Теперь он пожизненный консул. Если бы он только решил остановиться на этом! У него уже есть все, кроме пустого титула. Ни один суверен в Европе не обладает такой властью, как он. Мне очень жаль, мадам, но я действительно верю, что вопреки вашей воле вы станете королевой или императрицей.

Мадам Бонапарт позволила мне говорить без перерыва, но когда я произнесла слова "Королева" и "Императрица", она воскликнула: "Боже мой! Буррьен, подобные амбиции далеки от моих мыслей. Все, чего я желаю, - это всегда оставаться женой Первого консула. Скажи ему все, что ты сказал мне. Попытайтесь помешать ему провозгласить себя королем". — "Мадам, - ответил я, - времена сильно изменились. Мудрейшие люди, сильнейшие умы решительно и мужественно противостояли его склонности к наследственной системе. Но советы сейчас бесполезны. Он не захотел меня слушать. Во всех дискуссиях на эту тему он непреклонно придерживается своей точки зрения. Если ему серьезно сопротивляются, его гнев не знает границ; его речь резка, тон властный, и его авторитет подавляет всех перед

ним". — "И все же, Буррьен, он так сильно доверяет вам, что вам следует попробовать еще раз!" — "Мадам, уверяю вас, он меня не послушает. Кроме того, что я мог добавить к замечаниям, которые я сделал, когда он получил письма Людовика XVIII, когда я бесстрашно объяснил ему, что, не имея детей, у него не будет никого, кому он мог бы завещать трон — что, несомненно, исходя из мнения, которое он питал о своих братьях, он не мог желать возводить его для них?" Тут Джозефина снова прервала меня, воскликнув: "Мой добрый друг, когда вы говорили о детях, он вам что-нибудь сказал? Говорил ли он о разводе?" — "Ни слова, мадам, уверяю вас". — "Если они не подтолкнули его к этому, я не верю, что он решится на такой поступок. Ты знаешь, как ему нравится Эжен, и Эжен так хорошо к нему относится. Насколько Люсьен другой. Это тот негодяй Люсьен, к которому Бонапарт слишком много прислушивается и о котором, однако, он всегда плохо отзывается обо мне". — "Я не знаю, мадам, что Люсьен говорит своему брату, за исключением тех случаев, когда он сам решает рассказать мне, потому что Люсьен всегда избегает свидетелей своих бесед с вашим мужем, но я могу заверить вас, что в течение двух лет я не слышал слова "развод" из уст генерала". — "Я всегда рассчитываю на вас, мой дорогой Буррьен; вы отвратили его от этого, как вы сделали в то время". "Я не верю, что он думает об этом, но если это снова придет ему в голову, учтите, мадам, что теперь это будет вызвано совсем другими мотивами: теперь он полностью отдан интересам своей политики и своим амбициям, которые доминируют в нем над всеми остальными чувствами. Теперь речь пойдет не о скандале или судебном разбирательстве, а об акте власти, который оправдают покладистые законы и который Церковь, возможно, санкционирует". — "Это правда. Вы правы. Боже милостивый! как я несчастна".

— [Когда Буррьен жалуется на то, что не знает, что произошло между Люсьеном и Наполеоном, мы можем обратиться к рассказу Люсьена о Буррьене, по-видимому, примерно в то же время. "После бурной беседы с Наполеоном, - рассказывает Люсьен, - я сразу же вошел в кабинет, где работал Буррьен, и обнаружил этого невыносимого назойливого секретаря, чья звезда уже не раз меркла, что делало его еще более любопытным, чем когда-либо, и совершенно расстроенным к тому времени, когда первый консул вышел из ванны. Он должен был или, по крайней мере, мог услышать какой-то шум, потому что было произведено достаточно шума. Видя, что он хочет узнать от меня причину, я взял газету, чтобы не скучать от его разговора" (Люсьен Юнга, том ii, стр.156)]

—

Таков был характер одного из разговоров, которые я имел с мадам Бонапарт на тему, к которой она часто возвращалась. Возможно, будет небезынтересно попытаться сравнить с этим то, что сказал Наполеон на острове Святой Елены, говоря о своей первой жене. Согласно "Мемориалу", Наполеон там заявил, что, когда Жозефина была наконец вынуждена отказаться от всякой надежды иметь ребенка, она часто намекала на крупное политическое мошенничество и, наконец, открыто предложила ему это. Я не сомневаюсь, что Бонапарт использовал слова с этой целью, но я не верю этому утверждению. Я вспоминаю, как однажды Бонапарт, войдя в наш кабинет, где я уже сидел, воскликнул в порыве радости, которую я не могу описать: "Ну что, Буррьен, моя жена наконец-то в безопасности!" Я искренне поздравил его, признаюсь, больше из вежливости, чем в надежде увидеть, как Жозефина сделает его отцом, поскольку я хорошо помнил, что Корвизар, который давал лекарства мадам Бонапарт, тем не менее заверил меня, что не ожидает от них никакого результата. Медицина была действительно единственным политическим мошенничеством, к которому прибегала Жозефина; и в ее ситуации какая другая женщина не поступила бы так же? Итак, здесь муж и жена находятся в противоречии, что не является чем-то необычным.

Но на чьей стороне правда? Я без колебаний обращаюсь к Джозефине. Действительно, существует огромная разница между заявлениями женщины, доверяющей свои страхи и надежды единственному поверенному в ее семейные тайны, и запоздалым заявлением мужчины, который, увидев, как огромное здание его честолюбия сровнялось с землей, в своем вынужденном уединении озабочен лишь тем, чтобы сохранить в неприкосновенности другое великое здание своей славы. Бонапарту следовало бы помнить, что Цезарю не нравилась мысль о том, что его жену могут даже заподозрить.

ГЛАВА XII.

1802.

Гражданин Феш создал кардинала Феша—Искусство и промышленность—Выставка в Лувре—Вид Парижа в 1802 году—Венера Медичи и веллетрианская Паллада—Признаки всеобщего процветания—Рост фондов—Безответственные министры—Бурбоны—Военное правительство—Раздражающая фамильярность Ланна—План его опалы—Возмущение Ланна—Его посольство в Португалии—Задержка отправки—Гнев Бонапарта—Я ухожу с поста—Дюрок—Я завтракаю с Бонапартом—Заступничество Дюрока — Временное примирение.

Гражданин Феш, который, когда мы были вынуждены остановиться в Аяччо по возвращении из Египта, довольно высоко оценил египетские монеты главнокомандующего, снова стал аббатом Фешем, как только Бонапарт с помощью своих консульских полномочий восстановил алтари, ниспровергнутые Революцией. 15 августа 1802 года он был рукоположен в епископа, а в следующем году получил кардинальскую шапку. Таким образом, Бонапарт воспользовался тем, что один из членов его семьи находился в ордене, чтобы возвысить его до высших санов Церкви. Впоследствии он даровал кардиналу Фешу архиепископство Лионское, титулом которого он долгое время был.

—[Как и Камбасерес, кардинал был немного гурманом и однажды пригласил на ужин большую компанию духовных магнатов. По случайному совпадению, два тюрбана необычайной красоты прибыли в качестве подарков его преосвященству в самое утро праздника. Обслуживать обоих было бы нелепо, но кардиналу больше всего хотелось заслужить доверие обоих. Он поделился своим смущением с шеф-поваром:

"Будьте добры, ваше преосвященство, - последовал ответ, - оба придут и наслаются должным приемом". Ужин был подан: один из турбомоторов разлил суп. Восторг был на всех лицах — это был момент "позитивного эпруветта". "Метрдотель" приближается; двое слуг поднимают тюрбо и уносят его, чтобы разрезать на куски; но один из них теряет равновесие: слуги и тюрбо вместе катаются по полу. При этом печальном зрелище собравшиеся кардиналы побледнели как смерть, и в "конклаве" воцарилась торжественная тишина — это был момент "отрицательного ответа на эпруветт"; но "метрдотель" внезапно поворачивается к одному из слуг: "Принесите еще тюрбо", -

сказал он с совершенным хладнокровием. Появился второй, и позитив эпруветта был великолепно обновлен ". (Hayward's Art of Dinning, Стр. 65.)]—

Первый консул очень гордился своим триумфом, по крайней мере внешним, над теми сомнениями, которые люди, его окружавшие, проявляли против восстановления богослужения. Он с большим самодовольством прочитал представленные ему отчеты, в которых говорилось, что церкви были хорошо посещаемы: действительно, в течение всего 1802 года все его внимание было направлено на реформирование нравов, которые при Директории стали более распущенными, чем даже во время правления террора.

В своем узурпаторском походе Первый консул не упускал ни малейшей возможности попытаться одновременно снискать восхищение толпы и одобрение рассудительных людей. Он очень любил искусство и понимал, что развитие промышленности должно быть особой заботой главы правительства. Однако в то же время следует признать, что он сделал влияние своей защиты недействительным из-за постоянных нарушений, которые он совершал в отношении той свободы, которая является движущим принципом всякого совершенствования.

В дополнительные дни X года, то есть примерно в начале осени 1802 года, в Лувре проходила выставка промышленных изделий. Первый консул посетил выставку, и поскольку уже в тот период он начал приписывать все хорошие результаты себе, он, казалось, гордился высокой степенью совершенства, достигнутой промышленным искусством во Франции. Прежде всего, он был в восторге от восхищения, которое эта выставка вызвала у многочисленных иностранцев, посетивших Париж во время мирного периода.

На самом деле, в течение всего 1802 года столица представляла собой интересное и оживляющее зрелище. Тяга к роскоши и удовольствиям проникла в нравы, которые больше не были республиканскими, и огромное количество русских и англичан, разъезжавших повсюду в блестящих экипажах, немало способствовало этой метаморфозе. В дни смотров весь Париж стекался на "Карусель" и с восторгом взирал на необычное зрелище - богатые иностранные ливреи и украшенные эмблемами экипажи. Вечеринки в Тюильри были блестящими и многочисленными, и ни в чем не было недостатка, кроме названия дамб. Граф Марков, сменивший М. де Каличева на посту российского посла; маркиз де Луккезини, прусский посол; и лорд Уитворт, посланник из Англии, неоднократно представляли своих соотечественников первому консулу, который был очень доволен тем, что формируемый им Двор должен служить примером для иностранных придворных. Никогда со времен заседания Генеральных штатов театры не были столь посещаемыми, а праздники - столь пышными; и никогда с того периода Париж не представлял собой столь ободряющего вида. Первый консул, со своей стороны, не жалел усилий, чтобы столица становилась все более и более достойной восхищения иностранцев. Статуя Венеры Медичи, похищенная из галереи великого герцога Тосканского, теперь украшала галерею Лувра, а рядом с ней была установлена статуя веллетрийской Паллады, более законное приобретение, поскольку она была результатом исследований некоторых французских инженеров в Веллетри. Повсюду чувствовалась атмосфера процветания, и Бонапарт с гордостью заявлял, что его считают автором всего этого. С каким искренним удовлетворением он также обратил свой взор на то, что он называл великим термометром общественного мнения, - стоимость средств! Ибо, если он видел, что они удвоились в цене вследствие революции 18 Брюмера, поднявшись, как это было в тот период, с семи до шестнадцати франков, то после голосования о

пожизненном консульстве и "Сенат-консульте" 4 августа эта стоимость увеличилась более чем втрое, когда они выросли до пятидесяти двух франков.

В то время как Париж представлял собой столь удовлетворительный вид, департаменты находились в состоянии совершенного спокойствия; и иностранные дела имели все признаки безопасности. Ватиканский двор, который со времени Конкордата, можно сказать, стал предан Первому консулу, при любых обстоятельствах подавал примеры подчинения желаниям Франции. Ватикан был первым судом, признавшим превращение Тосканы в королевство Этрурия и образование Гельветической, Цизальпинской и Батавской республик. Пруссия вскоре последовала примеру папы римского, которому последовательно подражали другие державы Европы.

Все эти новые государства, королевства или республики находились под непосредственным влиянием Франции. Остров Эльба, который впоследствии приобрел такую известность после первого отречения Наполеона, и Пьемонт, разделенный на шесть департаментов, также были присоединены к Франции, все еще называвшейся Республикой. Теперь, казалось, все сходилось в том, чтобы обеспечить его приход к абсолютной власти. Теперь мы были в мире со всем миром, и любые обстоятельства приводили к тому, что в руках Первого консула оказывалась абсолютная власть, которая действительно была единственным видом правления, о котором он был способен составить хоть какое-то представление.

Действительно, один из характерных признаков правления Наполеона, даже при консульской системе, не оставлял сомнений в его истинных намерениях. Если бы он пожелал основать свободное правительство, очевидно, что он сделал бы министров ответственными перед страной, в то время как он позаботился о том, чтобы не было никакой ответственности, кроме как перед самим собой. Фактически, он рассматривал их как инструменты, которые он мог ломать, когда ему заблагорассудится. Я считал, что одного этого указателя достаточно, чтобы раскрыть все его будущие разработки. Чтобы донести до общественности безответственность своих министров, он приказал, чтобы все акты его правительства подписывал только г-н Маре, государственный секретарь. Таким образом, пожизненное консульство было не чем иным, как замаскированной Империей, узурпатором которой не мог долго удовлетворять амбиции Первого консула. Его братья оказали на него влияние, и было решено основать новую династию.

Трудности, вероятно, сначала возникли не во внутренней Франции при осуществлении Бонапартом своих планов, но были некоторые основания опасаться, что иностранные державы, после признания Консульского правительства и переговоров с ним, могут проявить иные чувства и испытывать сомнения по отношению к правительству, которое вернуло себе монархическую форму. Вопрос о Бурбонах в какой-то мере оставался на заднем плане до тех пор, пока Франция оставалась Республикой, но восстановление трона, естественно, заставляло вспомнить о семье, которая занимала его на протяжении стольких веков. Бонапарт полностью осознавал деликатность своего положения, но он знал, как противостоять препятствиям, и привык преодолевать их: он, однако, всегда действовал осторожно, как тогда, когда препятствия вынуждали его отложить срок пожизненного консульства.

Бонапарт стремился установить во Франции не только абсолютное правительство, но, что еще хуже, военное. Он считал, что указ, подписанный его рукой, обладает магической силой, способной превратить его генералов в умелых дипломатов, и поэтому отправил их с посольствами, как бы показывая Государям, при которых они были аккредитованы, что вскоре он намеревается захватить их троны штурмом. Назначение Ланна ко двору Лиссабона было вызвано причинами, которые, вероятно, будут прочитаны с некоторым

интересом, поскольку они служат для того, чтобы представить характер Бонапарта в его истинном свете и в то же время указать на средства, к которым он не побрезговал прибегнуть, если хотел изгнать своих самых верных друзей, когда их присутствие ему больше не нравилось.

Бонапарт перестал обращаться к Ланну во втором лице единственного числа, но этот генерал продолжал обращаться к Наполеону фамильярно "ты" и "ты". Трудно себе представить, как сильно это раздосадовало Первого консула. Зная о бесцеремонной прямоте своего старого товарища, чей отважный дух, как он знал, побудит его зайти так же далеко в гражданских делах, как и на поле битвы, Бонапарт по великому случаю 18 Брюмера, опасаясь его упреков, поручил ему командование Парижем, чтобы обеспечить его отсутствие в Сен-Клу.

После этого, несмотря на постоянно растущее величие Первого консула, которое с каждым днем требовало все большего и большего уважения, Ланн все еще сохранял свободу слова и был единственным, кто осмеливался обращаться с Бонапартом как с товарищем и говорить ему правду без церемоний. Этого было достаточно, чтобы заставить Наполеона избавиться от присутствия Ланна. Но под каким предлогом можно было добиться отсутствия завоевателя Монтебелло? Необходимо было придумать предлог; и в ходе поистине дьявольской махинации, к которой прибегли с этой целью, Бонапарт пустил в ход тот хитрый нрав, которым он был так примечателен.

Ланн, который никогда не думал о завтрашнем дне, относился к своим деньгам так же небрежно, как и к своей крови. Бедные офицеры и солдаты в значительной степени пользовались его щедростью. Таким образом, у него не было состояния, но было много долгов, когда ему нужны были деньги, и это случалось нередко, он приходил, как будто это было само собой разумеющимся, просить их у Первого консула, который, должен признаться, никогда ему не отказывал. Бонапарт, хотя и был хорошо знаком с положением генерала, однажды сказал ему: "Мой друг, вам следует немного больше следить за внешним видом. У вас должно быть заведение, соответствующее вашему рангу. Есть "Отель де Ноай" - почему бы вам не занять его и не обставить в надлежащем стиле? Ланн, чья собственная искренность не позволила ему заподозрить коварные замыслы других, последовал совету Первого консула. Отель де Ноай был снят и великолепно обставлен. Одио оказал услугу по изготовлению тарелок стоимостью 200 000 франков.

Генерал Ланн, выполнив таким образом пожелания Бонапарта, пришел к нему и потребовал 400 000 франков - сумму расходов, понесенных, так сказать, по его приказу. "Но, - сказал Первый консул, - у меня нет денег". — "У вас нет денег! Что же, черт возьми, мне тогда делать?"

- А в сундуке Стражника ничего нет? Бери, что тебе нужно, и мы все уладим позже.

Ничему не доверяя, Ланн отправился к казначею гвардии, который сначала несколько раз возражал против требуемого аванса, но вскоре уступил, узнав, что требование было выдвинуто с согласия Первого консула.

В течение двадцати четырех часов после того, как Ланн получил 400 000 франков, казначей получил от главного комиссара приказ сбалансировать его счета. Квитанция на 400 000 франков, авансированная Ланну, не была признана квитанцией. Напрасно казначей ссылаясь на полномочия Первого консула в отношении сделки. Память внезапно изменила Наполеону; он совершенно забыл обо всем этом. Короче говоря, Ланн был обязан вернуть 400 000 франков в сундук Гвардейцев; и, как я уже говорил, у него не было никакой

собственности на земле, кроме огромных долгов. Он отправился к генералу Лефевру, который любил его как сына, и рассказал ему обо всем, что произошло. "Простак, - сказал Лефевр, - почему ты не пришел ко мне? Почему вы пошли и влезли с этим в долги? Ну, вот вам 400 000 франков; отнесите их ему, и пусть идет к черту!"

Ланн поспешил к Первому консулу. "Как!" — воскликнул он. "Возможно ли, чтобы вы были виновны в подобной низости? Обращаться со мной таким образом! Расставлять мне такую грязную ловушку после всего, что я сделал для тебя; после всей крови, которую я пролил, чтобы поддержать твои амбиции! Это и есть награда, которую вы приготовили для меня? Вы забываете 13-ю Вандемьерскую, в успех которой я внес большой вклад, чем вы! Вы забываете Миллезимо: я был полковником до вас! За кого я сражался при Бассано? Вы были свидетелем того, что я делал при Лоди и при Гуверноло, где я был ранен; и все же вы сыграли со мной такую шутку! Если бы не я, Париж восстал бы 18 Брюмера. Если бы не я, вы проиграли бы битву при Маренго. Я один, да, я один, сдал По при Монтебелло со всей своей дивизией. Вы приписали это заслуге Бертье, которого там не было; и это моя награда — унижение. Этого не может, этого не должно быть. Я буду..." Бонапарт, бледный от гнева, слушал, не шевелясь, и Ланн уже собирался бросить ему вызов, когда Жюно, услышавший шум, поспешно вошел. Неожиданное присутствие этого генерала несколько успокоило Первого консула и в то же время до некоторой степени утихомирило ярость Ланна. "Что ж, - сказал Бонапарт, - отправляйтесь в Лиссабон. Вы получите там деньги; и когда вы вернетесь, вы не захотите, чтобы кто-либо оплачивал ваши долги за вас ". Таким образом, цель Бонапарта была достигнута. Ланн отправился в Лиссабон и с тех пор никогда не раздражал Первого консула своими фамильярностями, ибо по возвращении перестал обращаться к нему "ты" и "ты".

Описав жестокое обращение Бонапарта с Ланном, я могу здесь привести изложение обстоятельств, которые привели к разрыву между Первым консулом и мной. На эту тему было распространено так много ложных историй, что мне не терпится изложить факты такими, какими они были на самом деле.

Прошло уже девять месяцев с тех пор, как я подал прошение об отставке Первому консулу. Работа в моем офисе стала для меня непосильной, и мое здоровье подвергалось такой опасности из-за чрезмерной нагрузки, что мой врач, г-н Корвизар, который долгое время внушал мне необходимость отдыха, теперь официально предупредил меня, что я не смогу долго продержаться при таком переутомлении, которому я подвергался. Корвизар, без сомнения, говорил о том же с Первым консулом, потому что тот однажды сказал мне тоном, в котором почти не чувствовалось чувств: "Корвизар говорит, что тебе осталось жить меньше года". Конечно, это был не очень приятный комплимент в устах старого друга по колледжу, но я должен признаться, что доктор мало чем рисковал, делая такое предсказание.

На самом деле я решил последовать совету Корвизара; моя семья настойчиво уговаривала меня сделать это, но я всегда откладывал решающий шаг. Мне не хотелось расставаться с дружбой, которая длилась так долго и которая была нарушена лишь однажды: в тот раз, когда Жозеф счел нужным шпионить за мной за столом Фуше. Я вспомнил также прием, оказанный мне завоевателем Италии; и, более того, я испытал немалую боль при мысли о расставании с человеком, от которого я получил так много доказательств доверия и к которому был привязан с раннего детства. Эти соображения постоянно одерживали верх над отвращением, которому я подвергался в силу ряда обстоятельств, и над растущими досадами, вызванными конфликтом между моими личными чувствами и характером обязанностей, которые я должен был выполнять.

Таким образом, я находился в состоянии замешательства, из которого могло вывести меня только какое-нибудь непредвиденное обстоятельство. Наконец такое обстоятельство произошло, и ниже приводится история моего первого разрыва с Наполеоном:

27 февраля 1802 года, в десять часов вечера, Бонапарт продиктовал мне депешу значительной важности и срочности для господина де Талейрана, в которой просил министра иностранных дел прибыть в Тюильри на следующее утро в назначенный час. Согласно обычаю, я передал письмо в руки служебного посыльного, чтобы его можно было переслать по назначению.

Это была суббота. На следующий день, в воскресенье, мсье де Талейран пришел как бы на аудиенцию около полудня. Первый консул немедленно начал совещаться с ним по поводу письма, отправленного накануне вечером, и был удивлен, узнав, что министр получил его только утром. Он немедленно вызвал посыльного и приказал, чтобы за мной послали. Будучи в очень дурном расположении духа, он дернул за звонок с такой яростью, что сильно ударился рукой об угол камина. Я поспешил к нему. "Почему, - сказал он, торопливо обращаясь ко мне, - почему мое письмо не было доставлено вчера вечером?" — "Я не знаю: я сразу же передал его в руки человека, в чьи обязанности входило следить за тем, чтобы оно было отправлено". — "Идите и выясните причину задержки, и быстро возвращайтесь". Быстро наведя справки, я вернулся в кабинет. - Ну? - спросил Первый консул, раздражение которого, казалось, возросло. "Что ж, генерал, в этом нет ничьей вины, мсье де Талейрана нельзя было найти ни в офисе, ни в его собственной резиденции, ни в домах кого-либо из его друзей, где он, как предполагалось, мог быть". Не зная, на кого сердиться, сдерживаемый хладнокровием мсье де Талейрана, но в то же время готовый взорваться от ярости, Бонапарт поднялся со своего места и, пройдя в зал, подозвал посыльного и резко допросил его. Этот человек, сбитый с толку гневом Первого консула, колебался в своих ответах и давал путанные ответы. Бонапарт вернулся в свой кабинет еще более раздраженным, чем покинул его.

Я последовал за ним в холл и на обратном пути в кабинет попытался успокоить его, умоляя не расстраиваться так из-за обстоятельства, которое, в конце концов, не имело большого значения. Не знаю, усилился ли его гнев при виде крови, которая текла из его руки и на которую он ежеминутно смотрел; но как бы то ни было, им овладел порыв яростной страсти, какого я никогда прежде не видел; и когда я собирался войти в кабинет вслед за ним, он распахнул дверь с такой силой, что, будь я на два-три дюйма ближе к нему, она непременно попала бы мне в лицо. Он сопровождал это почти судорожное действие эпитетом, который нельзя было выносить; он воскликнул в присутствии г-на де Талейрана: "Оставьте меня в покое, вы дурак". Признаюсь, при столь жестоком оскорблении гнев, который уже овладел Первым консулом, внезапно охватил меня. Я толкнул дверь вперед с такой же стремительностью, с какой он распахнул ее, и, едва сознавая, что говорю, воскликнул: "Ты в сто раз больший дурак, чем я!" Затем я хлопнул дверью и поднялся вверх, в свою квартиру, которая располагалась над шкафом.

Я был далек как от ожидания, так и от желания такого случая расстаться с Первым консулом. Но то, что было сделано, уже нельзя было исправить; и поэтому, не тратя времени на размышления и все еще находясь под влиянием охватившего меня гнева, я написал следующее заявление об отставке:

ГЕНЕРАЛ, Состояние моего здоровья больше не позволяет мне продолжать службу у вас. Поэтому я прошу вас принять мою отставку.

БУРЬЕНН.

Через несколько минут после написания этой записки я увидел, как ко входу во дворец подвели оседланных лошадей Бонапарта. Было воскресное утро, и, вопреки своему обычаю в этот день, он собирался выехать верхом.

Дюрок сопровождал его. Не успел он закончить, как я спустился в его кабинет и положил ему на стол мое письмо. Вернувшись в четыре часа с Дюроком, Бонапарт прочел мое письмо. "Ах! ах!" - сказал он, прежде чем вскрыть его. "Письмо от Буррьена". И он почти сразу добавил, поскольку записку быстро просмотрели: "Он в дурном настроении.—Принято". Когда он вернулся, я уже покинул Тюильри, но Дюрок прислал мне туда, где я обедал, следующую записку:

Первый консул просит меня, мой дорогой Бурьен, сообщить вам, что он принимает вашу отставку, и просит вас предоставить мне необходимую информацию относительно ваших документов. — Ваш,
ДЮРОК.

P.S.: —Я сейчас зайду к вам.

Дюрок пришел ко мне в восемь часов вечера того же дня. Когда мы вошли, первый консул находился в своем кабинете. Я немедленно начал давать моему предполагаемому преемнику необходимые пояснения, чтобы он мог приступить к своим новым обязанностям. Уязвленный тем, что я не заговорил с ним, и прохладой, с которой я инструктировал Дюрока, Бонапарт сказал мне резким тоном: "Пойдем, с меня хватит этого! Оставьте меня. Я сошел с лестницы, на которую забрался, чтобы показать Дюроку места, где были сложены различные бумаги, и поспешно ретировался. С меня тоже этого было вполне достаточно!

Я оставался в Тюильри еще два дня, пока не подыскал себе жилье. В понедельник я спустился в кабинет Первого консула, чтобы попрощаться с ним. Мы долго и очень дружелюбно беседовали. Он сказал мне, что ему очень жаль, что я собираюсь покинуть его, и что он сделает для меня все, что сможет. Я указал ему на несколько мест; наконец я упомянул Трибунат. "Для вас это не годится, - сказал он. - Члены - это сборище болтунов и фразеров, от которых я намерен избавиться. Все беды государств проистекают из таких дебатов. Я устал от них." Он продолжал говорить с напряжением, которое не оставило у меня сомнений относительно его беспокойства по поводу Трибуната, который, на самом деле, насчитывал среди своих членов много людей с большим талантом и превосходным характером.

—[В 1802 году Первый консул произвел сокращение пятидесяти членов трибуната, и впоследствии весь этот орган был упразднен. Бурьен.]—

На следующий день, во вторник, Первый консул пригласил меня позавтракать с ним. После завтрака, пока он беседовал с каким-то другим человеком, мадам Бонапарт и Гортензия настаивали на том, чтобы я добился перерасчета в моем офисе, ссылаясь на дружбу и доброту, которые они всегда проявляли ко мне. Они сказали мне, что я был неправ и что я забыл себя. Я ответил, что считаю это зло неизлечимым и что, кроме того, я действительно нуждаюсь в покое. Затем Первый консул подозвал меня к себе и довольно долго беседовал со мной, возобновляя свои заверения в доброй воле по отношению ко мне.

В пять часов я спускался вниз, чтобы навсегда покинуть Тюильри, когда меня встретил посыльный из канцелярии, который сказал мне, что меня желает видеть Первый консул. Дюрок, находившийся в комнате, ведущей к кабинету, остановил меня, когда я проходил

мимо, и сказал: "Он хочет, чтобы вы остались. Я прошу вас не отказывать; окажите мне эту услугу. Я заверил его, что не в состоянии занимать вашу должность. Это не соответствует моим привычкам; и, кроме того, по правде говоря, это занятие слишком утомительно для меня. Я направился к шкафу, не ответив Дюроку. Первый консул, улыбаясь, подошел ко мне и, потянув меня за ухо, как он делал, когда был в хорошем настроении, спросил: "Ты все еще дуешься?" и, подводя меня к моему обычному месту, он добавил: "Проходи, садись".

Только те, кто знал Бонапарта, могут судить о моем положении в тот момент. Временами, когда он хотел, в его манерах было очарование, перед которым было совершенно невозможно устоять. Я не мог возразить и вернулся к своему обычному офису и привычным занятиям. Через пять минут было объявлено, что обед подан. "Вы поужинаете со мной?" - спросил он. "Я не могу; меня ждут там, куда я направлялся, когда Дюрок позвал меня обратно. Это помолвка, которую я не могу разорвать". — "Ну, тогда мне нечего сказать. Но дай мне слово, что будешь здесь в восемь часов". — "Я обещаю тебе". Таким образом, я снова стал личным секретарем Первого консула и поверил в искренность нашего примирения.

ГЛАВА XIII.

1802-1803.

Конкордат и орден Почетного легиона—Государственный совет и трибуна—Дискуссия о слове "подданные"—Предложение Шенье—Шабон де лялье трибунату—Явное доказательство национальной благодарности—Двуличие и своеволие Бонапарта-Ответ "Сенату—консулу"-С народом советовались—Консульский декрет— Больше или меньше всего—Речь г—на де Ванблана—Ответ Бонапарта— Обращение трибуна—Надежды и предсказания не оправдались.

Действительно, можно сказать, что история не знает примера империи, основанной подобно Французской, созданной во всех ее частях под прикрытием республики. Без каких-либо потрясений и за короткий промежуток времени в четыре года на руинах недолговечной республики возникло правительство, более абсолютное, чем когда-либо было при Людовике XIV. Эта экстраординарная перемена объясняется многими причинами; и у меня была возможность наблюдать влияние, которое решительная воля одного человека оказывала на его собратьев.

Великая цель, которую Бонапарт преследовал в глубине души, заключалась в том, чтобы узаконить свои узурпации институтами. Конкордат примирил его с Римским двором; многочисленные исключения из списков эмигрантов собрали вокруг него большую часть старой знати, и орден Почетного легиона, хотя поначалу и был плохо принят, вскоре стал всеобщим объектом честолубия. Мир также помог ей укрепить власть Первого консула, предоставив ему досуг для принятия мер по внутреннему процветанию.

Государственный совет, членом которого Бонапарт сделал меня, но другие занятия не позволяли мне посещать его, был душой Консульского управления. Бонапарт испытывал большой интерес к обсуждениям в этом органе, потому что он состоял из самых выдающихся людей в различных отраслях администрации; и хотя большинство проявляло готовность подчиниться его желаниям, все же это мнение часто было далеко от единодушия. В Государственном совете проекты правительства с самого начала обсуждались свободно и искренне, и после их принятия они передавались Трибунату и Законодательному корпусу. Этот последний орган можно было бы рассматривать как высший законодательный трибунал, перед которым трибуны выступали как защитники народа, а государственные советники, в обязанности которых входила поддержка законодательных проектов, - как защитники правительства. Это сразу же объяснит причину враждебности Первого консула к Трибунату и покажет, до чего сократилась Конституция, когда этот орган был распущен внезапным и произвольным решением.

Во время консульства Государственный совет был не только коллективным политическим органом, но и каждый отдельный член мог быть наделен особыми полномочиями; как, например, когда Первый консул отправлял государственных советников с поручениями в каждую из воинских частей, где существовал Апелляционный суд, инструкции, данные им Первым консулом, были обширными и, можно сказать, неограниченными. Им было поручено изучить все ветви государственной власти, чтобы собранные и сопоставленные вместе отчеты давали точное описание состояния Франции. Но эта мера, хотя и превосходная сама по себе, оказалась фатальной для государства. Отчеты никогда не доносили правды до Первого консула, или, по крайней мере, если и доносили, то в такой замаскированной форме, что ее едва можно было распознать; ибо советники хорошо знали, что лучший способ выразить свое почтение Бонапарту - это описать общественные чувства не такими, какими они были на самом деле, а такими, какими он хотел их видеть. Таким образом, отчеты государственных советников лишь приводили новые аргументы в пользу его честолюбия.

Я должен, однако, заметить, что в дискуссиях Государственного совета Бонапарт вовсе не был против свободного выражения мнений. Он, действительно, часто поощрял это; ибо, хотя и был полон решимости делать только то, что ему заблагорассудится, он хотел получить информацию; действительно, едва ли можно себе представить, как за короткий двухлетний срок Бонапарт так полно приспособил свой ум к гражданским и законодательным делам. Но он не мог вынести в Трибунате той свободы мнений, которую он терпел в Совете; и по этой причине - заседания Трибуната были публичными, в то время как заседания Государственного совета были тайными, а огласки он боялся больше всего. Он был очень доволен, когда ему приходилось передавать в Законодательный орган или в Трибунал какой-либо предложенный закон незначительной важности, и обычно говорил тогда, что бросил им кость, чтобы они ее погрызли.

Среди вопросов, представленных на рассмотрение Совета и трибуната, был один, который вызвал особую дискуссию, основанием для которой послужило особое слово, вставленное в третью статью договора России с Францией. Это слово, казалось, содержало пророческий намек на будущее положение французского народа, или, скорее, предвосхищенное обозначение того, кем он впоследствии стал. В договоре говорилось о "подданных двух правительств". Этот термин применялся к тем, кто все еще считал себя гражданами, и был крайне оскорбителен для трибуната. Шенье громче всех протестовал против введения этого слова в словарь нового правительства. Он сказал, что армии Франции пролили свою кровь за то, чтобы французский народ мог быть гражданами, а не подданными. Аргументы Шенье, однако, не оказали никакого влияния на решение трибуната и только вызвали раздражение

Первого консула. Договор был принят почти единогласно, было всего четырнадцать несогласных голосов, а доля черных шаров в Законодательном органе была еще меньше.

Хотя эта дискуссия прошла почти незамеченной, все же она вызвала сильное неудовольствие Первого консула, который вечером выразил свое неудовольство. "Чего же, - сказал он, - хотят эти болтуны? Они хотят быть гражданами — почему они не знали, как продолжать в том же духе? Мое правительство должно вести себя на равных с Россией. Я выглядел бы простой марионеткой в глазах иностранных дворов, если бы уступил глупым требованиям трибуната.. Эти парни дразнят меня так, что я очень хочу покончить с ними сразу. "Я попытался успокоить его гнев и заметил, что одно опрометчивое действие может причинить ему вред. "Вы правы, - продолжал он, - но задержитесь ненадолго, они ничего не потеряют, подождав".

Трибунал больше нравился Бонапарту в великом вопросе о пожизненном консульстве, потому что он принял меры предосторожности, удалив тех членов, которые больше всего возражали против посягательств на его честолюбие. Трибунал постановил, что первому консулу должно быть представлено наглядное доказательство национальной благодарности, и резолюция была передана в Сенат. Ни один голос не прозвучал против этого предложения, исходившего от Шабо де л'Алье, председателя трибуната. Когда Первый консул вернулся в свой кабинет после приема делегации трибуната, он был очень весел и сказал мне: "Буррьен, это пустой чек, который Трибунал только что предложил мне; я знаю, как его заполнить. Это мое дело".

Поскольку трибунал принял неопределенное предложение предложить Первому консулу явное доказательство национальной благодарности, теперь оставалось только определить, каким должно быть это доказательство. Бонапарт хорошо знал, чего он хочет, но ему не нравилось называть это каким-либо положительным образом. Хотя в припадках нетерпения, вызванных затянувшимся заседанием Законодательного органа и нерешительностью некоторых его членов, он часто поговаривал о том, чтобы вскочить на коня и обнажить меч, тем не менее он настолько контролировал себя, что ограничивал насилие разговорами со своими близкими друзьями. Он хотел, чтобы все думали, что он сам поддался принуждению; что он был далек от желания узурпировать постоянную власть вопреки Конституции; и что если он лишил Францию свободы, то все это было ради ее блага и просто из любви к ней. Такое глубоко укоренившееся двуличие никогда не могло быть задумано и поддержано ни в одном здравом уме; но ум Бонапарта не был умом обычного человека. Должно быть, требовалось исключительное самообладание, чтобы так долго сдерживать эту дерзость, которая была ему так свойственна и которая была скорее результатом его темперамента, чем характера. Со своей стороны, я признаюсь, что всегда восхищался им больше за то, чего у него хватило мужества не делать, чем за самые смелые подвиги, которые он когда-либо совершал.

В соответствии с обычной формой предложение трибуната было передано в Сенат. С этого времени сенаторы, на которых Бонапарт больше всего полагался, стали часто посещать Тюильри. На подготовительных конференциях, предшествовавших регулярным обсуждениям в Сенате, было установлено, что большинство не желало, чтобы явным доказательством благодарности было пожизненное консульство; поэтому было решено, что докладчик должен ограничить свое требование временным продлением сана первого консула в пользу Бонапарта. Докладчик, г-н де Ласепед, поступил соответствующим образом и ограничил продление срока до десяти лет, начиная с истечения десяти лет, предоставленных Конституцией. Я забыл, кто из сенаторов первым предложил пожизненное консульство; но я хорошо помню, что Камбасерес приложил все свои усилия, чтобы побудить тех членов

Сената, на которых, как он думал, он мог повлиять, согласиться с этим предложением. Не знаю, из лести или по убеждению, но Второй консул дал своему коллеге, или, скорее, своему хозяину, надежду на полный успех. Бонапарт, выслушав его, с сомнением покачал головой, но потом сказал мне: "Возможно, они скорчат несколько гримас, но в конце концов они должны прийти к этому!"

В сенате было предложено, чтобы предложение о пожизненном консульстве имело приоритет перед предложением о продлении консульства на десять лет; но с этим не согласились; и поскольку последнее предложение было принято, другое, конечно, не могло обсуждаться.

В "Senatus-consulte", опубликованном по этому случаю, было нечто очень любопытное. В нем говорилось от имени французского народа и говорилось, что "в знак их благодарности консулам Республики" консульское правление было продлено на десять лет; но что продление было ограничено только первым консулом.

Бонапарт, хотя и был сильно недоволен решением сената, скрыл свое неудовольствие двусмысленными формулировками. Когда Тронше, тогдашний президент Сената, зачитал ему в торжественной аудитории во главе депутации "Senatus-consulte", определяющий отсрочку, он сказал в ответ, что не может быть уверен в доверии народа, если его пребывание на посту консула не будет санкционировано их голосованием. "Интересы моей славы и счастья, - добавил он, - по-видимому, положили конец моей общественной жизни в тот момент, когда был провозглашен мир во всем мире. Но слава и счастье гражданина должны уступать интересам государства и желаниям общества. Вы, сенаторы, понимаете, что я обязан принести народу еще одну жертву. Я сделаю это, если глас народа прикажет сделать то, что разрешает ваше избирательное право".

Истинное значение этих слов понималось не всеми и было открыто только тем, кто был посвящен в тайну замыслов Бонапарта. Он не принял предложение Сената, потому что желал чего-то большего. Вопрос должен был быть возобновлен и решаться только народом; и поскольку народ имел право отказаться от того, что предлагал Сенат, он обладал, по той же причине, правом дать то, чего не предлагал Сенат.

Теперь настал момент для консультаций с Государственным советом относительно способа, который следует принять для привлечения и сбора голосов народа. С этой целью 10 мая было созвано внеочередное заседание Государственного совета. Бонапарт хотел держаться в стороне от всякого мнимого влияния, но двое его коллег работали на него более усердно, чем он мог бы работать на себя, и их горячо поддерживали несколько членов Совета. Подавляющее большинство придерживалось мнения, что Бонапарт должен быть не только пожизненно наделен консульством, но и иметь право назначать своего преемника. Но он, все еще верный своему плану, притворился, что преклоняется перед суверенитетом народа, к которому относился с ужасом, и обнародовал следующий указ, который был первым объяснением его ответа Сенату.

Консулы Республики, считая, что решение Первого консула является данью уважения суверенитету народа и что народ, когда с ним советуются относительно его самых дорогих интересов, не выйдет за пределы этих интересов, постановляют следующее: — Во-первых, что с французским народом должны быть проведены консультации по вопросу о том, должен ли Наполеон Бонапарт быть пожизненным консулом и т.д.

Остальные статьи просто регулировали способ сбора голосов.

Этот указ показывает политику Первого консула с новой точки зрения и демонстрирует его искусство во всей полноте. Он только что отказался от меньшего ради получения большего; и теперь он ухитрился получить предложение большего, чтобы продемонстрировать свою умеренность, приняв только меньшее. Государственный совет одобрил предложение о предоставлении Первому консулу права назначать своего преемника, и Первый консул по собственному желанию отклонил это предложение. Соответственно, Второй консул, когда он на следующий день представил декрет Государственному совету, не преминул восхвалить эту крайнюю умеренность, которая устраняла даже тень подозрения в какой-либо амбициозной запоздалости. Таким образом, Сенат оказался в проигрыше, и постановление консулов было немедленно передано Законодательному корпусу и Трибунату.

В Законодательном корпусе г-н де Вобланк выделялся среди всех депутатов, аплодировавших поведению правительства; и именно он произнес извиняющуюся речь депутации Законодательного корпуса перед Первым консулом. После коллективного обращения к правительству он закончил обращением к Первому консулу индивидуально - своего рода комплимент, который до сих пор не применялся на практике и который отнюдь не вызвал неудовольствия того, кто был его объектом. Поскольку речь г-на де Воблана была заранее доведена до сведения первого консула, последний подготовил на нее ответ, который достаточно показывал, насколько она его удовлетворила. Помимо лестного отличия, которое отделяло его от правительства, изобилие похвал не было смягчено ничем вроде совета или комментария. Иначе обстояло дело с обращением Трибуната. После комплиментов, которых требовал случай, был выражен ряд надежд на будущее, что составляло любопытный контраст с событиями, которые действительно последовали. Трибунат, говорилось в обращении, не требует никаких гарантий, потому что возвышенные и великодушные чувства Бонапарта никогда не позволили бы ему отступить от тех принципов, которые привели к Революции и основали Республику; —он слишком любил настоящую славу, чтобы запятнать то, что он приобрел злоупотреблением властью; —нация, которой он призван управлять, свободна и великодушна, он будет уважать и укреплять ее свободу; он отличит своих настоящих друзей, которые говорили ему правду, от льстецов, которые могли попытаться обмануть его. Короче говоря, Бонапарт окружил бы себя людьми, которые, совершив Революцию, были заинтересованы в ее поддержке.

На эти и многие другие замечательные вещи консул ответил: "Это свидетельство любви трибуната доставляет удовольствие правительству. Союз всех органов государства является гарантией стабильности и счастья нации. Усилия правительства будут постоянно направлены на интересы народа, от которого исходит вся власть и о благополучии которого заботятся все порядочные люди".

Вот и все об уловках правительств и легковереии подданных! Несомненно, что с того момента, как Бонапарт добился своего, передав вопрос о пожизненном консульстве на решение народа, больше не было сомнений в том, что результат будет в его пользу. Это было очевидно не только из-за влиятельных средств, которыми правительство всегда располагает и которые его агенты распространяют от центра к окраинам, но и потому, что предложение соответствовало желаниям большинства. Республиканцы были довольно застенчивы в признании принципов, в которых люди теперь разочаровались; — сторонники монархии без различия семьи видели, что их надежды почти осуществились в пожизненном консульстве; воспоминание о бурбонах все еще жило в некоторых сердцах, преданных несчастьем, но

большая масса была за первого консула, и его внешние действия в связи с новым шагом, который он сделал к трону, были так тщательно замаскированы, что заставляли поверить в его искренность. Если я и еще несколько человек были свидетелями его изощренной хитрости и тайных амбиций, Франция видела только его славу и с благодарностью наслаждалась благословениями мира, которые он даровал ей. Народные голоса быстро оправдали надежды Первого консула, и таким образом было учреждено ПОЖИЗНЕННОЕ КОНСУЛЬСТВО.

ГЛАВА XIV

1802-1803.

Отъезд в Мальмезон—Неожиданный вопрос относительно Бурбонов—Различие между двумя оппозиционными партиями—Новые интриги Люсьена—Изъят памфлет Камиллы Жордан—Брань против свободы печати—Пересмотр Конституции—Новый Сенат-консулат—Депутация от Сената—Аудиенция дипломатического корпуса—Меланхолия Жозефины—Недовольные—Тайные встречи—Фуше и полицейские агенты—Кодекс Наполеона—Регулярное присутствие Бонапарта в Государственном совете—Его знание человечества и науки управления—Первый суверенный акт Наполеона—Его визит в Сенат—Консульская процессия—Вежливый этикет—Сенат и Государственный совет—Жалобы на Люсьена—Собрание глухонемых—Учреждение сенаторских должностей.

Когда ничто не могло обеспечить пожизненное консульство, кроме голосов народа, в получении которых не было сомнений, Первый консул отправился провести несколько дней в Мальмезоне.

В день нашего приезда, как только закончился ужин, Бонапарт сказал мне: "Бурьен, пойдем прогуляемся". Была середина мая, так что вечера были длинными. Мы пошли в парк: он был очень серьезен, и мы шли несколько минут, не произнося ни звука. Желая нарушить молчание таким образом, который был бы ему приятен, я упомянул о легкости, с которой он аннулировал последний "Senatus-consulte". Казалось, он едва слышал меня, настолько полностью его ум был поглощен предметом, над которым он медитировал. Наконец, внезапно очнувшись от своей рассеянности, он сказал: "Бурьен, как вы думаете, откажется ли претендент на корону Франции от своих притязаний, если я предложу ему хорошую компенсацию или даже провинцию в Италии?" Удивленный этим резким вопросом на тему, о которой я был далек от того, чтобы думать, я ответил, что не думаю, что претендент откажется от своих притязаний; что очень маловероятно, что бурбоны вернутся во Францию, пока он, Бонапарт, будет оставаться во главе правительства, хотя они будут считать свое окончательное возвращение вероятным. "Каким образом?" - спросил он. "По очень простой причине, генерал. Разве вы не видите каждый день, что ваши агенты скрывают от вас правду и льстят вам в ваших желаниях с целью снискать ваше расположение? разве вы не

сердитесь, когда, наконец, правда доходит до ваших ушей?" — "И что тогда?" — "Ну, генерал, должно быть, то же самое происходит и с агентами Людовика XVIII во Франции. Таков ход вещей, такова природа человека, что они должны питать у бурбонов надежды на возможное возвращение, хотя бы для того, чтобы внушить им веру в их собственный талант и полезность". — "Это совершенно верно! Вы совершенно правы, но я не боюсь. Однако, возможно, что—нибудь удастся сделать - посмотрим. На этом тема была исчерпана, и наш разговор зашел о пожизненном консульстве, и Бонапарт в необычайно мягких выражениях отозвался о лицах, выступавших против этого предложения. Я был немного удивлен этим и не мог удержаться, чтобы не напомнить ему о том, как по-другому он отзывался о тех, кто выступал против его вступления в консульство. "В этом нет ничего экстраординарного", - сказал он. "Достойные люди могут быть привязаны к Республике в том виде, в каком я ее создал. Это всего лишь вопрос формы. Мне нечего сказать против этого; но во время моего вступления в должность консула все было совсем по-другому. Тогда никто, кроме якобинцев, террористов и негодяев, не сопротивлялся моим попыткам спасти Францию от позора, в который ее ввергла Директория. Но теперь я не питаю недоброжелательства к тем, кто выступал против меня".

В промежутках между заседаниями различных государственных органов и сбором голосов Люсьен возобновил свои интриги или, вернее, проводил их с удвоенной активностью, чтобы добиться включения вопроса о наследовании в повестку дня голосования. Многие префекты передали М. Шапталю анонимные циркуляры, которые были им разосланы: все они указывали на пагубный эффект, произведенный этими циркулярами, которые были адресованы руководителям их департаментов. Инициатором всего этого был Люсьен, хотя я не могу с уверенностью сказать, потворствовал ли ему его брат, как в случае с памфлетом, на который я уже ссылался. Я полагаю, однако, что Бонапарт не был совсем новичком в этом бизнесе, поскольку циркуляры были написаны Редерером по наущению Люсьена, а Редерер в то время пользовался благосклонностью в Тюильри. Я вспоминаю, как однажды Бонапарт очень сердито заговорил со мной о только что опубликованной Камиллой Джордан брошюре на тему всенародного голосования о пожизненном консульстве. Камилл Джордан не воздержался от голосования, но отдал его в пользу Первого консула; и вместо того, чтобы требовать предварительных условий, он удовлетворился, подобно Трибуну, перечислением всех гарантий, которые, как он ожидал, могла предоставить честь Первого консула. Среди этих гарантий были прекращение произвольных тюремных заключений, ответственность представителей правительства и независимость судей. Но все эти требования были сущими пустяками по сравнению с великим преступлением Камиллы Джордан, заключавшимся в требовании свободы прессы.

Первый консул просмотрел роковую брошюру и осыпал ее автора бранью. "Как! - воскликнул он. - Неужели я никогда не покончу с этими огненными головнями?— С этими болтунами, которые думают, что политика может быть изображена на печатной странице, как мир на карте? Честно говоря, я не знаю, к чему это приведет, если я позволю этому продолжаться. Камилла Джордан, которую я так хорошо принял в Лионе, подумать только, что он должен просить о свободе прессы! Если бы я согласился на это, я мог бы с таким же успехом немедленно собрать вещи и уехать жить на ферму в сотне лье от Парижа ". Первым актом Бонапарта в защиту свободы печати был приказ об изъятии брошюры, в которой Камилль Джордан превозносил преимущества этой меры. Публичность, будь то устная или письменная, приводила Бонапарта в ужас. Отсюда его отвращение к публичным ораторам и писателям.

Камилла Джордан была не единственным человеком, который безуспешно пытался арестовать Бонапарта на первых этапах осуществления его честолюбивых замыслов. Во Франции все еще было много людей, которые, хотя и приветствовали с энтузиазмом зарю Французской революции, впоследствии испытывали отвращение к ее преступлениям и которые все еще мечтали о возможности создания во Франции подлинно Конституционного правительства. Даже в Сенате нашлись люди, возмущенные обычной уступчивостью этого органа и говорившие о необходимости пересмотра Конституции, чтобы привести ее в соответствие с пожизненным консульством.

Проект пересмотра Конституции ни в коем случае не был неудовлетворительным для Бонапарта. Это дало ему возможность показать новые проблески свободы тем, кто был слишком близорук, чтобы заглянуть в будущее. Он был почти уверен, что не может быть никаких изменений, кроме как в его пользу. Если бы кто-нибудь заговорил с ним о желаниях нации, он бы ответил: "3 577 259 граждан проголосовали. Сколько из них были за меня? 3 368 185. Сравните разницу! Против меня всего один голос из сорока пяти. Я должен подчиниться воле народа!" К этому он не преминул бы добавить: "Чи голоса против меня? Идеологи, якобинцы и казнокрады времен Директории". Что можно было ответить на подобные аргументы? Не следует думать, что я вкладываю эти слова в уста Бонапарта. Они выпадали у него не раз.

Как только было установлено положение дел с голосованием, Сенат осознал необходимость исправить единственную ошибку, которую он совершил в глазах Первого консула, и торжественно вручил ему новый "Senatus-consulte" и указ, сформулированный в следующих выражениях:

СТАТЬЯ I. Французский народ выдвигает кандидатуру, а Сенат провозглашает Наполеона Бонапарта пожизненным консулом.

СТАТЬЯ II. Статуя, олицетворяющая Мир, держащая в одной руке лавр победы, а в другой декрет сената, должна увековечить для потомков благодарность Нации.

СТАТЬЯ III. Сенат передаст Первому консулу выражение доверия, любви и восхищения французского народа.

Бонапарт ответил депутации от Сената в присутствии Дипломатического корпуса, аудиенция которого была назначена на этот день для того, чтобы послы могли сообщить своим соответствующим дворам, что в Европе стало на одного короля больше. В своем ответе он не преминул вставить высокопарные слова "свобода и равенство". Он начал так: "Жизнь гражданина принадлежит его стране. Французский народ желает, чтобы мой был полностью посвящен служению ему. Я повинуюсь".

В день, когда состоялась эта церемония, помимо представителей Дипломатического корпуса, присутствовало необычное собрание генеральских офицеров и государственных функционеров. Парадные покои Тюильри напоминали праздничный зал. Эта веселость составляла разительный контраст с меланхолией Жозефины, которая чувствовала, что каждый шаг Первого консула к трону все больше отдаляет его от нее.

В тот вечер она должна была принимать гостей, и, хотя была в крайне подавленном настроении, оказала им честь со своим обычным изяществом.

Каким бы ни было правительство, оно никогда не сможет удовлетворить всех. При учреждении пожизненного консульства те, кто был против этих изменений, составляли лишь

незначительное меньшинство. Но они все равно встречались, спорили, переписывались и мечтали о возможности свержения Консульского правительства.

В течение первых шести месяцев 1802 года происходили собрания недовольных, о которых Фуше, бывший в то время министром полиции, знал и не снисходил до того, чтобы замечать; но, напротив, все низшие агенты полиции боролись за добычу, которую легко было захватить, и, с целью приумножения своих заслуг, представляли эти тайные собрания как результат обширного заговора против правительства. Бонапарт, когда бы он ни заговаривал со мной на эту тему, выражал свое недовольство усилиями, которые прилагались для придания значения мелочам; и все же он принимал донесения полицейских агентов так, как будто считал их важными. Это произошло потому, что он считал Фуше плохо информированным, и был рад обнаружить его вину; но когда он послал за министром полиции, тот сказал ему, что все полученные им донесения не стоят ни минуты внимания. Он рассказал Первому консулу все и даже гораздо больше, чем было открыто ему, упомянув при этом, как и от кого Бонапарт получил эту информацию.

Но эти мелкие полицейские подробности не отвлекли внимания первого консула от великой цели, которую он имел в виду. С марта 1802 года он с завидной регулярностью присутствовал на заседаниях Государственного совета. Даже когда мы были в Люксембурге, он занимался составлением нового свода законов, призванного заменить неполный сборник революционных законов и заменить порядок той анархией, которая царила в законодательстве. Человек, наиболее выдающийся юридическими знаниями, участвовал в выполнении этой кропотливой задачи, результатом которой стал кодекс, сначала получивший название Гражданского кодекса, а впоследствии названный Кодексом Наполеона. По завершении этого важного начинания был назначен комитет для представления кодекса. В состав этого комитета, председателем которого был Камбасерес, входили М. Порталис, Мерлен де Дуэ и Тронше. В течение всего времени, пока продолжались обсуждения, вместо того, чтобы собираться, как обычно, три раза в неделю, Государственный совет собирался каждый день, и заседания, которые в обычных случаях длились всего два-три часа, часто затягивались до пяти-шести. Первый консул проявлял такой интерес к этим дискуссиям, что, чтобы иметь возможность обсудить их вечером, часто приглашал нескольких членов Совета отобедать с ним. Именно во время этих бесед я больше всего восхищался непостижимой многогранностью гения Бонапарта, или, скорее, тем высшим инстинктом, который позволял ему с первого взгляда и с надлежащей точки зрения понимать законодательные вопросы, в которых он, как можно было предположить, был незнаком. Поскольку он обладал в высшей степени знаниями человечества, идеи, важные для науки управления, вспыхнули в его голове подобно внезапному озарению.

Через некоторое время после своего назначения пожизненным консулом, стремясь совершить суверенный поступок, он впервые отправился председательствовать в Сенат. Воспользовавшись в тот день несколькими свободными минутами, я вышел посмотреть на консульскую процессию. Она была поистине королевской. Первый консул отдал приказ о том, чтобы военные были расставлены по улицам, по которым ему предстояло пройти. По прибытии в Тюильри Наполеон приказал солдатам гвардии выстроиться в одну линию внутри двора, но теперь он приказал удвоить линию и протянуть ее от ворот Тюильри до люксембургских ворот. Пользуясь привилегией, которая по старинному этикету принадлежала исключительно королям Франции, Бонапарт впервые ехал в экипаже, запряженном восьмеркой лошадей. Значительное количество экипажей следовало за экипажем Первого консула, который был окружен генералами и адъютантами верхом на лошадях. Людовик XIV. поездка на суд в Парижский парламент никогда не отличалась

большей помпезностью, чем визит Бонапарта в Сенат. Он появился при всем королевском параде, и десять сенаторов вышли встретить его к подножию Люксембургской лестницы.

Целью визита Первого консула в Сенат была презентация пяти планов "Senatus-consultes". Два других консула присутствовали на церемонии, которая состоялась примерно в середине августа.

Бонапарт вернулся в том же стиле, в каком и уехал, в сопровождении месье Лебрена, Камбасерес остался в Сенате, президентом которого он был. Были приняты пять "Senatus-consultes", но было введено ограничение в том, что касалось форм Сената. Было предложено, чтобы, когда консулы посетят Сенат, их принимала депутация из десяти человек у подножия лестницы, как в тот день принимали Первого консула; но братья Бонапарта Жозеф и Люсьен воспротивились этому и помешали принятию предложения, заметив, что Второй и Третий консулы, будучи членами Сената, не могут быть приняты с такими почестями своими коллегами. Эта маленькая сцена политической вежливости, которая была разыграна заранее, была очень хорошо разыграна.

Визит Бонапарта в Сенат привел к изменению ранга в иерархии различных органов власти, составляющих правительство. До сих пор Государственный совет занимал более высокое положение в общественном мнении; но Сенат, по случаю его запоздалой депутации в Тюильри, впервые удостоился чести быть председателем. Это вызвало сильное недовольство некоторых государственных советников, но Бонапарта это не волновало. Он инстинктивно понял, что Сенат сделает то, что он пожелает, с большей готовностью, чем другие официальные органы, и решил расширить его права и прерогативы даже за счет прав Законодательного органа. Эти посягательства одной державы на другую, санкционированные Первым консулом, привели к появлению сообщений об изменениях в министерских договоренностях. По Парижу ходили слухи, что число министров должно быть сокращено до трех и что Люсьен, Жозеф и г-н де Талейран должны были разделить между собой разные портфели. Люсьен помогал распространять эти сообщения, и это усилило недовольство первого консула его поведением. Письма из Мадрида, которые были полны жалоб на него, а также некоторые скандальные приключения, известные в Париже, такие как его побег с женой лимонадиста, чрезвычайно раздражали Бонапарта, которому было труднее управлять своей семьей, чем Францией.

Франция, действительно, с завидной легкостью поддалась игу, которое Первый консул хотел наложить на нее. Как искусно он разрушил все, что сделала Революция, никогда не пренебрегая никакими средствами для достижения своей цели! Он любил сравнивать мнения тех, кого называл якобинцами, с мнениями людей 1789 года; и даже их он находил слишком либеральными. Он чувствовал насмешки по поводу немого характера Законодательного органа, который он называл своим собранием глухонемых. Но так как эта насмешка была ему выгодна, он позаботился о том, чтобы сохранить собрание таким, каким оно было, и превращать его в посмешище всякий раз, когда он говорил о нем. В общем, суждения Бонапарта не следует путать с его действиями. Его точный ум позволял ему ценить все хорошее, но необходимость его положения позволяла ему с такой же проницательностью судить о том, что было полезно для него самого.

То, что я только что сказал о Сенате, дает мне возможность исправить ошибку, которая часто циркулировала в парижской болтовне. О некоторых лицах ошибочно говорили, что они отказались стать членами Сената, и среди них были упомянуты г-н Дюси, г-н де Лафайет и маршал де Рошамбо. Правда в том, что таких отказов никогда не было. Однако следующий факт, возможно, способствовал повышению значимости этих сообщений и приданию им

достоверности. Бонапарт часто говорил людям в своем салоне и кабинете министров: "Вам следовало бы стать сенатором — такой человек, как вы, должен быть сенатором". Но эти комплиментарные слова не означали выдвижения кандидатуры. Чтобы попасть в Сенат, необходимо было соблюдать определенные юридические формы. Необходимо было быть представленным Сенатом, и после этого представления никто никогда не отказывался стать членом органа, которому Бонапарт придал дополнительное значение, создав "Сенаторские палаты".—[Округа, возглавляемые сенатором.] — Это создание произошло в начале 1803 года.

ГЛАВА XV

1802.

Опьянение великих людей—Неудачное рвение—М. Маре, Шампани и Савари—Реальные заслуги М. де Талейрана—Отсрочка исполнения приказов—Фуше и революция—Роялистский комитет—Хартия, впервые задуманная во время консульства—Миссия в Кобленце—Влияние роялистов на Жозефину—Статуя и пьедестал—Роман мадам де Жанлис о мадам де Лавальер—Орден Почетного легиона и гвоздики—Влияние Сен—Жерменского предместья—Необдуманный шаг захваченный Бонапартом—Возмущение Людовика XVIII—Благоразумный совет аббата Андре—Письмо от Людовика XVIII. Бонапарту—Совет в Нейи—Доставленное письмо—Безразличие Бонапарта и удовлетворение роялистов.

Возможно, одной из самых счастливых идей, которые когда-либо были высказаны, была идея афинянина, сказавшего: "Я обращаюсь от Филиппа пьяного к Филиппу трезвому". Пьянство, о котором здесь идет речь, относится не к тому виду, который низводит человека до уровня животного, а к тому опьянению, которое вызывается успехом и которое вызывает в головах честолюбцев своего рода мозговую перегрузку. Обычные люди не подвержены этому возбуждению и едва ли могут составить о нем представление. Но, тем не менее, верно, что угар славы и честолюбия иногда сводит с ума самые сильные головы; и Бонапарт, при всей силе своего гения, часто был подвержен отклонениям в суждениях; ибо, хотя воображение его никогда не подводило, в суждениях он часто ошибался.

Этот факт может служить объяснением и, возможно, даже оправданием ошибок, в которых наиболее серьезно упрекали Первого консула. Активность его ума редко допускала промежуток между замыслом и исполнением замысла; но когда он хладнокровно размышлял о первых импульсах своей властной воли, его суждение отбрасывало то, что было ошибочным. Таким образом, слепое повиновение, которое, подобно эпидемической болезни, поразило почти всех, кто окружал Бонапарта, привело к самым роковым последствиям. Лучший способ услужить Первому консулу состоял в том, чтобы никогда не прислушиваться к предложениям его первых идей, за исключением поля битвы, где его концепции были столь же удачными, сколь и быстрыми. Так, например, г-жи Маре, де

Шампаньи и Савари проявили готовность подчиняться желаниям Бонапарта, которые часто оказывались очень неудачными, хотя, несомненно, были продиктованы наилучшими намерениями с их стороны. К этому пагубному рвению можно отнести большую часть зла, которое совершил Бонапарт. Когда зло было совершено и его нельзя было исправить, Бонапарт глубоко сожалел об этом. Как часто я слышал, как он говорил, что Марет была движима несчастливым рвением! Он использовал это выражение.

Г-н де Талейран был едва ли не единственным среди министров, кто не льстил Бонапарту и кто действительно служил как Первому консулу, так и императору. Когда Бонапарт сказал г-ну де Талейрану: "Напишите то-то и то-то и отошлите это со специальным курьером", этот министр никогда не спешил выполнить приказ, потому что он достаточно хорошо знал характер Первого консула, чтобы отличать то, что диктовала его страсть, от того, что одобрял его разум: короче говоря, он обращался от пьяного Филиппа к трезвому. Когда случалось, что г-н де Талейран приостанавливал исполнение приказа, Бонапарт никогда не выказывал ни малейшего неудовольствия. Когда на следующий день после получения какого-либо поспешного и гневного приказа г-н де Талейран представлялся первому консулу, последний спрашивал: "Ну что, вы отправили курьера?" — "Нет, - отвечал министр, - я позаботился не делать этого до того, как показал вам свое письмо". Затем Первый консул обычно добавлял: "Поразмыслив, я думаю, что было бы лучше не посылать его". таков был способ справиться с Бонапартом. Когда господин де Талейран откладывал отправку депеш или когда я сам откладывал выполнение приказа, который, как я знал, был продиктован гневом и исходил не от его сердца и не от его понимания, я сотни раз слышал, как он говорил: "Это было правильно, совершенно правильно. Вы понимаете меня: Талейран тоже понимает меня. Это способ служить мне: другие не оставляют мне времени на размышления: они слишком поспешны". Фуше также был одним из тех, кто не всегда слепо подчинялся приказам Бонапарта. С другой стороны, другие его министры, получив указание отправить курьера на следующее утро, с большей вероятностью отправили бы его в отставку в тот же вечер. Это было вызвано рвением, но разве Первый консул не был прав, говоря, что такое рвение прискорбно?

О Талейране и Фуше в их отношениях с Первым консулом можно было бы сказать, что один представлял Учредительное собрание с легким привкусом старого режима, а другой - Конвент во всей его жестокости. Бонапарт считал Фуше полным олицетворением Революции. Следовательно, для него влияние Фуше было просто влиянием Революции. Это великое событие было одним из тех, которые произвели наиболее сильное впечатление на пылкий ум Бонапарта, и он воображал, что все еще видит его в зримой форме, пока Фуше остается во главе своей полиции. Сейчас я придерживаюсь мнения, что Бонапарт был в некоторой степени введен в заблуждение относительно ценности услуг Фуше как министра. Несомненно, то обстоятельство, что Фуше находился у власти, примирило тех членов революционной партии, которые были его друзьями. Но Фуше питал к ним неоправданное пристрастие, потому что знал, что именно благодаря им он удерживает свое место. Он был похож на одного из старых кондотьеров, с которыми подружился, чтобы они не стали врагами, и которые всей своей силой были обязаны солдатам, вставшим под их знамена.

Таким был Фуше, и Бонапарт прекрасно понимал его ситуацию. Он держал вождя у себя на службе до тех пор, пока не нашел возможности распустить его недисциплинированных последователей. Но было одно обстоятельство, которое подтверждало его доверие к Фуше. Тот, кто проголосовал за смерть короля Франции и оказал влияние на умы тех, кто голосовал вместе с ним, предложил Бонапарту наилучшую гарантию от попыток роялистов возвести в пользу бурбонов трон, на который сам Первый консул намеревался взойти. Таким образом,

по разным причинам у Бонапарта и Фуше были общие интересы против Дома Бурбонов, и амбиции хозяина поощрялись предполагаемым страхом перед слугой.

Первому консулу было известно о существовании в Париже роялистского комитета, созданного с целью переписки с Людовиком XVIII. Этот комитет состоял из людей, которых не следует путать с теми жалкими интриганами, которые не приносили никакой пользы своим хозяевам и нередко находились на жалованье как у Бонапарта, так и у бурбонов. Роялистский комитет, собственно так называемый, был совсем другим делом. Она состояла из людей, исповедующих рациональные принципы свободы, таких как маркиз де Клермон Галлеранд, аббат де Монтескье, г-н Бекке и г-н Руайе Коллар. Этот комитет существовал давно; уважаемые люди, имена которых я только что процитировал, действовали в соответствии с системой, враждебной деспотизму Бонапарта и благоприятствующей тому, что они считали интересами Франции. Зная высшую мудрость Людовика XVIII и мнения, которые он открыто высказывал и отстаивал в Собрании знати, они хотели отделить этого принца от эмигрантов и указать на него нации как на подходящего главу разумного конституционного правительства. Бонапарт, от которого я часто слышал высказывания на эту тему, ничего так не боялся, как этих идей свободы в сочетании с монархией. Он считал их грезами, называл членов комитета праздными мечтателями, но тем не менее опасался торжества их идей. Он признался мне, что именно для противодействия возможному влиянию роялистского комитета он проявил такую снисходительность к тем эмигрантам, чьи монархические предрассудки, как он знал, были несовместимы с либеральными взглядами. Присутствием эмигрантов, которые не признавали ничего, кроме абсолютной власти, он думал, что сможет парализовать влияние внутренних роялистов; поэтому он разрешил всем таким эмигрантам вернуться.

Примерно в это же время я, помнится, прочитал подписанный документ, якобы являющийся декларацией принципов Людовика XVIII. Оно было подписано М. д'Андре, который подтвердил его подлинность. Принципы, содержащиеся в декларации, почти во всех пунктах соответствовали принципам, которые легли в основу хартии. Еще в 1792 году, следовательно, до рокового 21 января, Людовик XVI, зная мнение г-на де Клермон Галлеранда, отправил его с миссией в Кобленц, чтобы сообщить принцам от него и королеве, что их эмиграция погубит их. Я точно проинформирован, и я заявляю об этом факте с предельной уверенностью. Я также могу с такой же уверенностью добавить, что это обстоятельство было упомянуто месье де Клермон Галлерандом в его Мемуарах и что отрывок, касающийся его миссии в Кобленц, был отменен до того, как рукопись была отправлена в печать.

Во времена Консульского правления целью роялистского комитета было скорее соблазнение, чем заговор. В частности, их батареи были подняты вокруг мадам Бонапарт, и они не оказались неэффективными. Подруги Жозефины наполнили ее разум представлениями о великолепии и знатности, которыми она могла бы наслаждаться, если бы могущественная рука, сковавшая Революцию, возвела ниспровергнутый трон. Должен признаться, что я сам, бессознательно, был сообщником друзей трона; ибо то, чего они желали в интересах бурбонов, я тогда горячо желал в интересах Бонапарта.

В то время как предпринимались попытки привлечь мадам Бонапарт в интересах королевской семьи, делались блестящие предложения с целью ослепить первого консула. Для него хотели заново отковать шпагу коннетабля Дюгесклена и надеялись, что статуя, воздвигнутая в его честь, сразу же засвидетельствует потомству его незапятнанную славу и благодарность бурбонов. Но когда эти предложения достигли ушей Бонапарта, он отнесся к ним с безразличием и не поверил в их искренность. Однажды, беседуя на эту тему с месье де Лафайетом, он сказал: "Они предлагают мне статую, но я должен смотреть на пьедестал. Они

могут превратить его в мою тюрьму". Я не слышал, чтобы Бонапарт произносил эти слова; но они были переданы мне из источника, на подлинность которого можно положиться.

Примерно в это время, когда в кругах роялистов и в Сен-Жерменском предместье, штаб-квартирой которого был Отель де Люин, так много говорилось о возможном возвращении бурбонов, публикация популярной книги немало способствовала привлечению внимания общественности к самому блестящему периоду правления Людовика XIV. Это был исторический роман мадам де Лаваллуар, написанный мадам де Жанлис, недавно вернувшейся во Францию. Бонапарт прочел это, и с тех пор я понял, что оно ему очень понравилось, но он ничего мне об этом не сказал. Лишь некоторое время спустя он пожаловался на эффект, произведенный в Париже этой публикацией, и особенно гравюрами, изображающими сцены из жизни Людовика XIV, которые были выставлены в витринах магазинов. Полиция получила приказ уничтожить эти отпечатки; и приказ был беспрекословно выполнен; но это была полиция не Фуше. Фуше понимал абсурдность вмешательства в мелочи. Я вспоминаю, что сразу после учреждения ордена Почетного легиона, когда было лето, парижская молодежь позволила себе прихоть - продеть гвоздику в петлицу, что на расстоянии производило довольно обманчивый эффект. Бонапарт отнесся к этому очень серьезно. Он послал за Фуше и потребовал, чтобы тот арестовал тех, кто осмелился таким образом выставить новый порядок на посмешище. Фуше просто ответил, что подождет до осени; и первый консул понял, что мелочи часто приобретают значение из-за того, что им уделяется слишком много внимания.

Но хотя Бонапарт был задет интересом, вызванным гравюрами романа мадам де Жанлис, он не выказал неудовольствия по отношению к этой знаменитой женщине, которую ему рекомендовали г-н де Фонтанес и Фьеви и которая адресовала ему несколько писем. Поскольку такого рода переписка не входила в круг моих служебных обязанностей, я не видел писем; но я слышал от мадам Бонапарт, что в них содержалось огромное количество имен собственных, и у меня есть основания полагать, что они немало способствовали преувеличению в глазах Первого консула значения Сен-Жерменского предместья, которое, несмотря на всю его храбрость, было для него пугалом.

Бонапарт рассматривал Сен-Жерменское предместье как представляющее всю массу мнений роялистов; и он ясно видел, что многочисленные вычеркивания из списков эмигрантов неизбежно усилили недовольство среди роялистов, поскольку собственность эмигрантов не была возвращена ее старым владельцам, даже в тех случаях, когда она не была продана. В определенном классе было модно высмеивать грубые манеры великих людей Республики по сравнению с манерами знати старого двора. Жены некоторых генералов несколько раз брали на себя обязательства из-за своей неловкости. Во многих кругах было принято с притворным презрением относиться к тем, кого называют парвеню; к тем людям, которые, по выражению г-на де Талейрана, не умеют ходить по ковру. Все это дало повод для жалоб на Сен-Жерменское предместье, в то время как, с другой стороны, братья Бонапарта не жалели сил, чтобы настроить его против всего, что было рассчитано на то, чтобы возродить память о бурбонах.

Таковы были чувства Бонапарта, и таково было состояние общества в 1802 году. Страх перед бурбонами, должно быть, действительно оказал сильное влияние на Первого консула, прежде чем его удалось побудить к шагу, который по праву можно считать самым необдуманым за всю его жизнь. После того, как прошло семь месяцев без ответа на первое письмо Людовика XVIII, после того, как он наконец ответил на его второе письмо тоном короля, обращающегося к подданному, он зашел так далеко, что написал Людовику,

предлагая ему отказаться от трона своих предков в его, Бонапарта, пользу и предлагая ему в награду за этот отказ княжество в Италии или значительный доход для себя и своей семьи.

—[Наполеон, кажется, всегда знал, как и Кромвель и Стюарты, что в случае краха его династии ему должны наследовать Бурбоны. "Я помню, - говорит Меттерних, - как Наполеон сказал мне: "Знаете ли вы, почему Людовик XVIII. Сейчас не сидит напротив вас? Это только потому, что здесь сижу я. Ни один другой человек не смог бы сохранить свое положение; и если когда-нибудь я исчезну в результате катастрофы, никто, кроме бурбона, не сможет сидеть здесь". (Меттерних, том i, стр. 248). Далее он сказал Меттерниху: "Король свергнут, Республика стала хозяином земли Франции. Это то, что я заменил. Старый трон Франции погребен под своим хламом. Мне пришлось основать новый. Бурбоны не могли править этим творением. Моя сила в моем богатстве. Я новичок, как и Империя; следовательно, между Империей и мной существует совершенная однородность". — "Однако, - говорит Меттерних, - я часто думал, что Наполеон, говоря таким образом, просто стремился изучить мнение других или запутать его, и прямое наступление, которое он сделал Людовику XVIII в 1804 году, казалось, подтвердило это подозрение. Однажды, рассказывая мне об этом продвижении, он сказал: "Ответ месье был грандиозным; он был полон прекрасных традиций. В законных правах есть нечто большее, чем просто ум. Если бы месье посоветовался только со своим разумом, он бы договорился со мной, и я обеспечил бы ему великолепное будущее" (Меттерних, том i, стр. 276). Согласно Люсьену Юнгу (том ii, стр. 421), письмо, написанное и подписанное Наполеоном, но так и не отправленное, замененное другим черновиком, все еще находится во французских архивах. Меттерних говорит о том, что Наполеон предпринял прямое наступление на Людовика XVIII в 1804 году. Согласно полковнику Юнгу (Люсьен Бонапарт, том ii, стр. 421-426), попытка была предпринята через короля Пруссии в 1802 году, окончательный ответ Людовика был дан 28 февраля 1803 года, как указано в тексте, но с добавлением приписки его племянника: "С разрешения короля, моего дяди, я сердцем и душой придерживаюсь содержания этой записки. (подпись) ЛУИ Антуан, герцог Ангулемский".

Читатель заметит, что между этим письмом и окончательным разрывом с бурбонами, вызванным смертью герцога Энгиенского, нет большого промежутка времени. В это время, согласно Савори (том iii, стр. 241), некоторые бурбоны получали французские пенсии. Принцу де Конти, герцогине де Бурбон и герцогине Орлеанской, высланным из Франции Директорией, были назначены пенсии в размере от 20 000 до 26 000 франков каждому. Они жили в Каталонии. Когда французские войска вошли в Испанию в 1808 году, генерал Канкло, друг принца де Конти, довел до сведения Наполеона, что по отношению к этим царственным особам соблюдались утомительные формальности, на которых настаивали злобные чиновники всех наций. Годен, министр финансов, по-видимому, по собственной инициативе издал указ об увеличении пенсий до 80 000 франков и отмене формальностей. "Император немедленно подписал, поблагодарив министра финансов". Читатель, помня позицию французских принцев того времени, должен сравнить это действие Наполеона с отказом бурбонов в 1814 году выплатить суммы, обещанные Наполеону, несмотря на решительные возражения, сделанные в Вене Талейрану Александром и лордом Каслри. См. Переписку Талейрана с Людовиком XVIII, том ii, стр. 27, 28; или французское издание, стр. 285, 288.]—

Читатель, вероятно, помнит любопытный вопрос, который задал мне Первый консул по поводу бурбонов, когда мы гуляли в парке Мальмезон. К ответу, который я дал ему по этому поводу, я отношу секретность, которую он соблюдал по отношению ко мне в отношении только что упомянутого письма. Я действительно склонен рассматривать это письмо как результат одной из его частных бесед с Люсьеном; но я не знаю ничего положительного по этому поводу и просто упоминаю об этом как о предположении. Однако у меня была

возможность убедиться в любопытных обстоятельствах, имевших место в Миттау, когда письмо Бонапарта было доставлено Людовику XVIII.

Этот принц уже был сильно раздражен против Бонапарта задержкой с ответом на его первое письмо, а также содержанием его запоздалого ответа; но, прочитав второе письмо Первого консула, свергнутый король немедленно сел и набросал несколько строк, выразив свое возмущение таким предложением. Записка, наспех написанная Людовиком XVIII. в первом порыве раздражения, имела мало общего с достойным и элегантным письмом, которое получил Бонапарт и которое я сейчас представлю перед читателем. Это последнее послание завершалось очень удачно красивым девизом Франциска I. "Все потеряно, кроме чести". Но первое письмо было напечатано в более рыцарском тоне негодования. Возмущенный государь написал это, положив руку на эфес своей шпаги; но аббат Андре, в которого влюбился Людовик XVIII. оказал большое доверие, увидел записку и преуспел, не без некоторого труда, в умирении гнева короля и уговорил его написать следующее письмо:

Я не смешиваю господина Бонапарта с теми, кто был до него. Я ценю его мужество и военные таланты. Я благодарен за некоторые действия его правительства; за те блага, которые даруются моему народу, я всегда буду ценить.

Но он ошибается, полагая, что может заставить меня отказаться от моих прав; более того, он подтвердил бы их, если бы они могли быть сомнительными, тем шагом, который он сейчас предпринял.

Я ничего не знаю о замыслах Небес относительно меня и моих подданных, но я знаю обязательства, которые Бог возложил на меня. Как христианин, я буду выполнять свой долг до последнего вздоха — как сын Людовика Святого, я, подобно ему, уважал бы себя даже в цепях — как преемник Франциска I. Я говорю вместе с ним: "Tout est perdu "hors l'honneur".

МИТТАУ, 1802 год.

ЛУИ.

Письмо Людовика XVIII достигло Парижа, роялистский комитет собрался и был немало смущен тем, что следует предпринять. Встреча состоялась в Нейи. После долгого обсуждения было предложено поручить доставку письма Третьему консулу, с которым аббатиса де Монтескье поддерживала знакомство со времен Учредительного собрания. Это предложение было принято. Воспоминания о начале его карьеры при канцлере Мопеу всегда приводили к тому, что Лебрен был причислен роялистами к особому классу. Со своей стороны, я всегда считал его очень честным человеком, горячим сторонником равенства и стремился к тому, чтобы оно было защищено даже деспотизмом, что очень соответствовало взглядам Первого консула. Аббат де Монтескью, соответственно, нанес визит г-ну Лебрену, который взялся доставить письмо. Бонапарт принял это с видом безразличия; но было ли это безразличие настоящим или притворным, я по сей день не могу определить. Он очень мало говорил мне о неудачных переговорах с Людовиком XVIII. В этом вопросе он больше всего боялся вмешательства своих братьев, которые подняли вокруг него своего рода переполох, который, как он знал, был не без их влияния и который несколько раз вызывал его гнев.

Письмо Людовика XVIII. это, безусловно, выдержано в тоне достоинства, которым нельзя слишком восхищаться; и можно сказать, что Бонапарт в этом случае оказал Людовику настоящую услугу, предоставив ему возможность представить миру одну из прекраснейших

страниц в истории свергнутого короля. Это письмо, содержание которого было известно в некоторых кругах Парижа, вызвало всеобщее одобрение у тех, кто сохранил память о бурбонах, и прежде всего у роялистского комитета. Члены этого комитета, гордые благородством духа, проявленным несчастным монархом, возвращению которого они великодушно способствовали, ответили ему чем-то вроде манифеста, которому время придало интерес, поскольку последующие события оправдали содержащиеся в нем предсказания.

ГЛАВА XVI

1802.

На следующий день после моей опалы—Возобновление моих обязанностей— Напускное уважение Бонапарта ко мне—Предложение помощника—мсье де Меневаль—Мой второй разрыв с Бонапартом—Отчет герцога де Ровиго об этом— Письмо мсье де Барбе Марбуа—Истинные причины моего разрыва с Первым консулом—Постскриптум к письму мсье де Барбе Марбуа—Черный кабинет —Проверка писем в консульстве— Я удаляюсь в Сен—Клу—Сообщения мсье де Меневалья—Недельный конфликт между дружбой и гордостью—Мое официальное увольнение—Мелкая месть —Моя просьба посетить Англию—Односложный ответ—Ложное подозрение—Захоронение моих бумаг—Сообщение от Дюрока—Мое письмо Первому консулу -Признанная правда.

Теперь я вернусь к обстоятельствам, последовавшим за моим первым позором, о котором я уже говорил. На следующий день после того, как я приступил к своим обязанностям, я, как обычно, пошел будить Первого консула в семь утра. Он обращался со мной точно так же, как будто между нами ничего не произошло; и я, со своей стороны, вела себя с ним так же, как обычно, хотя я действительно сожалела, что вынуждена возобновить работу, которая казалась мне слишком тяжелой для меня. Когда Бонапарт спустился в свой кабинет, он рассказал мне о своих планах со своей обычной уверенностью, и я увидел по количеству писем, лежавших в корзинке, что в течение нескольких дней, пока я был отстранен от своих обязанностей, Бонапарт не преодолел своего нежелания просматривать такого рода корреспонденцию. В период этого первого разрыва и примирения вопрос о пожизненном консульстве еще не был решен. Решение было принято только 2 августа, а обстоятельства, на которые я собираюсь сослаться, произошли в конце февраля.

Теперь я восстановил свои прежние дружеские отношения с Первым консулом, по крайней мере на время; но вскоре я понял, что после сцены, свидетелем которой был г-н де Талейран, мои обязанности в Тюильри были лишь временными и могли быть сокращены или продлены в зависимости от обстоятельств. Я увидел в самый первый момент, что Бонапарт принес свою уязвленную гордость в жертву необходимости (ибо так я могу, без всякого тщеславия, назвать это) воспользоваться моими услугами. Вынужденное предпочтение, которое он мне

оказал, проистекало из того факта, что он не мог найти никого, способного занять мое место, ибо Дюрок, как я уже говорил, проявлял нежелание заниматься этим бизнесом. Я недолго оставался в неведении относительно новой ситуации, в которой оказался. Очевидно, я все еще находился на карантине; но срок моего выхода из порта был неопределенным.

Вскоре после нашего примирения Первый консул сказал мне вкрадчивым тоном, на который я не был способен: "Мой дорогой Бурьен, ты не можешь сделать все. Бизнес растет и будет продолжать расти. Вы знаете, что говорит Corvisart. У вас есть семья, поэтому правильно, что вы должны заботиться о своем здоровье. Вы не должны забивать себе голову работой; поэтому кто-то должен быть вам помощником. Джозеф сказал мне, что может порекомендовать секретаря, о котором он очень высокого мнения. Он будет находиться под вашим руководством; он сможет делать ваши копии и делать все, что от него может постоянно требоваться. Это, я думаю, будет для вас большим облегчением". — "Я не прошу ничего лучшего, - ответил я, - как заручиться помощью кого-нибудь, кто, познакомившись с этим делом, может со временем стать моим преемником". Жозеф послал г-на де Меневаль, молодого человека, который к хорошему образованию добавил рекомендации трудолюбия и благоразумия. У меня были все основания быть им довольным.

Именно теперь Наполеон применил все те уловки и ласки, которые всегда так хорошо удавались ему и которые снова одержали верх, чтобы положить конец неудобствам, причиненным ему моим уходом, и удержать меня. Здесь я призываю всех, кто знал меня, в свидетели того, что ничто не могло сравниться с моим горем и отчаянием, когда я оказался вынужден снова приступить к своей хлопотной работе. Мое здоровье сильно пострадало от этого. Корвизар был умным советчиком, но только ночью я смог последовать его совету. Вернуться к своим обязанностям означало отказаться от всякой надежды на отдых и даже на здоровье.

—[В этом утверждении о влиянии на его здоровье есть значительная доля правды. Его преемник Меневаль, не имея такого же объема работы, сломался и был вынужден обратиться за помощью (Меневаль, том I, стр. 149).]—

Вскоре я понял, что первый консул стремится познакомить г-на де Меневаль с рутинной ведением дел и привыкнуть к его манерам. Бонапарт так и не простил меня за то, что я осмелился уйти от него после того, как он достиг столь высокой степени власти; он только ждал случая наказать меня, и он воспользовался неудачным обстоятельством как предлогом для того расставания, которого я ранее хотел добиться.

Я объясню это обстоятельство, которое должно было принести мне утешение и помощь Первого консула, а не лишить его благосклонности. Мой разрыв с ним был предметом различных искажений, все из которых я не стану утруждать себя исправлением; я просто отмечу то, что прочитал в Мемуарах герцога де Ровиго, в которых утверждается, что меня обвинили в казнокрадстве. Господин де Ровиго так выражается:

С тех пор как Первый консул был облечен верховной властью, его жизнь была постоянной ареной личного напряжения. У него был личный секретарь г-н де Бурьен, друг и компаньон его юности, которого он теперь разделял со всеми своими трудами. Он часто посылал за ним глубокой ночью и особенно настаивал на том, чтобы тот приходил к нему каждое утро в семь. Бурьен был пунктуален в своем присутствии с общественными газетами, которые он предварительно просматривал. Первый консул почти неизменно сам зачитывал их содержание; затем он отправлялся по каким-нибудь делам и садился за стол как раз в тот момент, когда часы пробивали девять. Его завтрак, длившийся шесть минут, закончился сразу после того, как он вернулся в свой кабинет, оставил его только для ужина и сразу после него возобновил свое плотное занятие до

десяти вечера, когда он обычно ложился отдыхать.

Бурьен был одарен замечательнейшей памятью; он мог говорить и писать на многих языках и заставлял свое перо следовать за собой так же быстро, как произносились слова. Он обладал многими другими преимуществами; он был хорошо знаком с административными ведомствами, разбирался в международном праве и обладал рвением и активностью, которые делали его услуги совершенно необходимыми для Первого консула. Я знал несколько причин, на которых основывалось безграничное доверие, оказанное ему его начальником, но не могу с такой же уверенностью говорить об ошибках, которые привели к тому, что он утратил это доверие.

У Буррьена было много врагов; некоторые были связаны с его личным характером, большее число - с положением, которое он занимал. Другие завидовали кредиту, которым он пользовался у главы правительства; другие, опять же, были недовольны тем, что он не использовал этот кредит в своих личных интересах. Некоторые даже приписывали ему отсутствие успеха, сопровождавшее их заявления. Против него было невозможно выдвинуть какие—либо обвинения в недостатке таланта или нескромном поведении; за его личными привычками следили - было установлено, что он занимался финансовыми спекуляциями. На этом обстоятельстве легко могло быть основано обвинение. Соответственно, ему было предъявлено обвинение в хищении.

Это касалось самой щекотливой темы, поскольку Первый консул не питал большего отвращения ни к чему, кроме незаконной наживы. Однако ни один голос не смог бы опорочить личность человека, к которому он так долго испытывал уважение и привязанность; поэтому против него были выдвинуты другие голоса. Были ли обвинения обоснованными или нет, не подлежит сомнению, что были использованы все средства для доведения их до сведения Первого консула.

Наиболее эффективным способом, который напрашивался сам собой, было начало переписки либо непосредственно с обвиняемой стороной, либо с теми, с кем считалось необходимым установить с ним контакт; эта переписка велась таинственным образом и была связана с финансовыми операциями, которые легли в основу предъявленного ему обвинения. —Таким образом, более чем в одном случае сами каналы, предназначенные для доведения истины до сведения суверена, становились доступными для передачи ему ложных сведений. Приведу пример.

Во времена правления Людовика XV и даже при регентстве Почтовое ведомство было организовано в систему тщательной проверки, которая на самом деле не распространялась на каждое письмо, но применялась ко всему, что давало основания для подозрений. Они были вскрыты, и, когда было сочтено небезопасным скрывать их, были сняты копии, и они были возвращены по надлежащему каналу без малейшего промедления. Любой человек, доносящий на другого, может с помощью такого учреждения придать большой вес своему доносу. Для его цели достаточно, чтобы он бросил на Почту любое письмо, составленное таким образом, чтобы подтвердить впечатление, которое он стремится произвести. Таким образом, самый достойный человек может быть привлечен к ответственности письмом, которого он никогда не читал или смысл которого ему совершенно непонятен.

Я говорю исходя из личного опыта. Однажды случилось так, что было вскрыто адресованное мне письмо, касающееся предполагаемого факта, которого никогда не было. Копия вскрытого таким образом письма также была направлена мне, поскольку оно касалось обязанностей, которые я должен был выполнять в то время; но у меня уже был оригинал, переданный по обычному каналу. Призванный ответить на вопросы, вызванные подобными публикациями, я воспользовался этой возможностью, чтобы указать на опасность, которая может возникнуть в результате слепого доверия к разведанным, полученным из столь опасного источника. Соответственно, впоследствии этому способу получения информации придавалось мало значения; но система действовала в тот период, когда г-н де Буррьен был опозорен; его враги позаботились воспользоваться этим; они очернили его репутацию г-ном де Барбе Марбуа, который добавил к их обвинениям всю тяжесть своей незапятнанной репутации. Мнение,

которого придерживался этот строгий общественный деятель, и многие другие обстоятельства побудили Первого консула расстаться со своим секретарем (том i, стр. 418).

Хищение - это преступление тех, кто мошеннически использует государственные деньги. Но поскольку не в моей власти было вмешиваться в государственные деньги, ни одна часть которых не проходила через мои руки, я не могу понять, как меня могут обвинить в казнокрадстве! Герцог де Ровиго не автор, а всего лишь отголосок этой клеветы; но обвинение, которому были подвергнуты его мемуары, дало г-ну де Барбе Марбуа возможность добавить еще одно ко многим доказательствам, которые он привел о своей любви к справедливости.

Я ничего не читал о Мемуарах герцога де Ровиго, кроме их объявления в журналах, когда мне передали письмо от г-на де Барбе Марбуа от моей семьи. Это было следующее:

СЭР— Мое внимание было привлечено к прилагаемой статье в недавней публикации. Содержащееся в нем утверждение не соответствует действительности, и я считаю своим долгом как перед вами, так и перед самим собой заявить, что я тогда был и остаюсь в неведении о причинах рассматриваемого расставания: — Я и т.д.

(Подпись) МАРБУА

Мне не нужно больше ничего говорить в свое оправдание. Это непрошеное свидетельство г-на де Марбуа является достаточным опровержением обвинения в хищении, которое было выдвинуто против меня в отсутствие точной информации относительно реальных причин моего разрыва с Первым консулом.

Герцог де Ровиго также отмечает, что моих врагов было много. Моими скрытыми противниками действительно были все те, кто был заинтересован в том, чтобы государь не имел при себе в качестве своего доверенного спутника человека, преданного своей славе, а не тщеславию. Выражая свое недовольство одним из своих министров, Бонапарт сказал в присутствии нескольких человек, среди которых был г-н Маре: "Если бы я мог найти второго Бурьена, я бы избавился от вас всех". Этого было достаточно, чтобы возбудить против меня ненависть всех, кто завидовал доверию, которым я обладал.

Банкротство фирмы в Париже, в которую я вложил значительную сумму денег, дало повод для зависти и злонамеренности настроить Первого консула против меня. Бонапарт, который все еще не простил меня за то, что я хотел покинуть его, в конце концов решил пожертвовать моими услугами из-за нового приступа дурного настроения.

Торговый дом, в то время один из самых респектабельных в Патне, среди своих спекуляций заключил несколько армейских контрактов. С ведома Бертье, с которым дом действительно сотрудничал, я вложил в это дело кое-какие деньги. К сожалению, доверители, о чем я не знал, были вовлечены в опасные спекуляции с Фондами, которые за короткое время настолько вовлекли их, что привели к банкротству на крупную сумму. Это вызвало слух, что небольшое сокращение Средств, имевшее место в тот период, было вызвано банкротством; и Первый консул, который никогда не мог понять природу Средств, поверил этому сообщению. Его заставили поверить, что бизнес Фондовой биржи был разрушен. Намекали,

что меня обвинили в том, что я воспользовался своим положением, чтобы произвести изменения в Фондах, хотя мне так не повезло, что я потерял не только свои инвестиции в обанкротившийся дом, но и сумму денег, которую я обязался, в качестве поручительства, помочь дому в расширении его бизнеса. Я навлек на себя сильное неудовольствие Первого консула, который заявил мне, что больше не нуждается в моих услугах. Возможно, я мог бы остудить его раздражение, напомнив ему, что он не может винить меня за покупку доли в контракте, поскольку он сам предусмотрел выплату вознаграждения в размере 1 500 000 франков своему брату Жозефу в рамках контракта на снабжение военно-морского флота продовольствием. Но я видел, что с некоторых пор господин де Меневаль начал вытеснять меня, и Первый консул только хотел воспользоваться такой возможностью, чтобы порвать со мной.

Таково правдивое изложение обстоятельств, которые привели к моему расставанию с Бонапартом. Я призываю кого бы то ни было привести хоть один факт в поддержку обвинения в хищении денег или какой-либо операции подобного рода; я не опасаюсь расследования моего поведения. Находясь на службе у Бонапарта, я добился того, что было произведено много назначений и многие имена были вычеркнуты из списка эмигрантов перед "консульским сенатом" 6-го Флореаля X года; но я никогда не рассчитывал на благодарность, опыт научил меня, что это пустое слово.

Герцог де Ровиго приписал мой позор некоторым перехваченным письмам, которые оскорбляли меня в глазах Первого консула. В то время я этого не знал, и хотя я был довольно хорошо осведомлен о махинациях приспешников Бонапарта, почти все из которых были моими врагами, все же я не рассматривал такой низменный акт. Но спонтанное письмо от месье де Барбе Марбуа наконец открыло мне глаза и не оставило никаких сомнений по этому поводу. Ниже приводится постскрипtum к письму этого благородного пэра:

Я припоминаю, что однажды в среду Первый консул, председательствуя на Совете министров в Сен-Клу, распечатал записку и, не сообщив нам, что в ней содержится, поспешно покинул Совет, по-видимому, сильно взволнованный. Через несколько минут он вернулся и сказал нам, что ваши функции прекратились.

Было ли внезапное неудовольствие Первого консула вызвано ложным представлением о моей заинтересованности в сделке, которая оказалась для меня столь неудачной, или Бонапарт просто воспользовался этим предлогом для приведения в исполнение решения, которое, я убежден, было принято ранее, я не стану останавливаться на выяснении; но поскольку герцог де Ровиго упомянул о нарушении тайны писем в моем случае, я воспользуюсь возможностью сообщить некоторые подробности по этому вопросу.

До того, как я написал эти мемуары, существование в Почтовом отделении кабинета министров, получившего эпитет черного, было осуждено в палате депутатов, и ответом было, что его больше не существует, что, конечно, равносильно признанию того, что он существовал. Поэтому я могу, не проявляя нескромности, изложить то, что мне известно на этот счет.

"Черный кабинет" был учрежден в царствование Людовика XV исключительно с целью выяснения скандальных сплетен при Дворе и в столице. О существовании этого кабинета вскоре стало общеизвестно каждому. Многочисленные почтмейстеры, сменявшие друг друга, особенно в последние времена, еще более многочисленные служащие почтовых

отделений и та часть публики, которая всегда следит за тем, что преподносится как скандальное, вскоре развеяли всю секретность этого дела, и никто, кроме дураков, не был вовлечен в него. Все, кто не хотел связывать себя перепиской, выбирали лучшие каналы связи, чем почта; но те, кто хотел погубить врага или принести пользу другу, еще долго продолжали пользоваться услугами черного кабинета, который, поначалу предназначавшийся просто для развлечения праздных часов монарха, вскоре превратился в средство интриги, опасное из-за злоупотреблений, которые могли быть к нему применены.

Каждое утро в течение трех лет я просматривал папку, содержащую бюллетени черного кабинета, и откровенно признаюсь, что так и не смог обнаружить никакой реальной причины общественного негодования против него, за исключением того, что он оказался каналом гнусных интриг. Из 30 000 писем, которые ежедневно отправлялись из Парижа для распространения по Франции и всем частям света, было скопировано не более десяти-двенадцати, а часто и всего несколько строк.

Бонапарт сначала предложил разослать полные копии перехваченных писем министрам, которых могло касаться их содержание; но несколько моих замечаний побудили его распорядиться, чтобы из них были извлечены и отправлены только важные отрывки. Я сделал эти выписки и отправил их по назначению, сопроводив следующими словами: "Первый консул поручает мне сообщить вам, что он только что получил следующую информацию" и т.д. Откуда взялась эта информация, оставалось только догадываться.

Первый консул ежедневно получал по этому каналу около дюжины фальшивых писем, авторы которых описывали своих врагов как противников правительства, а своих друзей - как образцы послушания и верности официальным властям. Но тайная цель этой мерзкой переписки вскоре была раскрыта, и Бонапарт отдал приказ больше не копировать ее. Я, однако, страдал от этого во время своего позора и был близок к тому, чтобы стать его жертвой в последующий период.

Письмо, упомянутое г-ном де Марбуа и послужившее поводом для этого отступления от темы нарушения неприкосновенности частной переписки, приобрело важность из-за того обстоятельства, что среда, 20 октября, когда Бонапарт получил его, была днем, когда я покинул консульский дворец.

Я удалился в дом, который Бонапарт посоветовал мне приобрести в Сен-Клу и за обустройство и меблировку которого он обещал заплатить. Мы увидим, как он сдержал это обещание! Я немедленно послал к директору Ландуару, посланнику кабинета Бонапарта, чтобы тот поместил все письма, отправленные мне, в портфель Первого консула, потому что многие письма, предназначенные для него, были спрятаны для меня. В связи с этим сообщением я получил следующее письмо от г-на де Меневаля:

МОЙ ДОРОГОЙ БУРЬЕН— я не могу поверить, что первый консул пожелал бы, чтобы ему вручили ваши письма. Я полагаю, вы ссылаетесь только на те, которые могут касаться его и которые приходят на ваше имя под прикрытием. Первый консул написал гражданам Лаваллетту и Моллиену, чтобы они адресовали свои посылки ему. Я не могу позволить Ландуару подчиниться вашему приказу.

Первый консул вчера вечером выразил глубокое сожаление. Он неоднократно повторял: "Как я несчастен! Я знаю этого человека с тех пор, как ему исполнилось семь лет". Я не могу не верить, что он пересмотрит свое неудачное решение. Я намекнул ему, что бремя этого бизнеса слишком велико для меня, и что он, должно быть, крайне не в состоянии воспользоваться услугами человека, к которому он так привык и чье положение, я уверен, никто другой не сможет удовлетворительно заполнить. Он лег спать в очень подавленном настроении. Я и т.д.

(Подпись) МЕНЕВАЛЬ.

19 Вандемьера, ан Х. (21 октября 1802 г.)

На следующий день я получил еще одно письмо от мсье Меневалья следующего содержания:

Посылаю вам ваши письма. Первый консул предпочитает, чтобы вы вскрывали их и присылали сюда те, которые предназначены для него. Я прилагаю несколько немецких документов, которые он просит вас перевести.

Мадам Бонапарт очень заинтересована в вашем благе; и я могу заверить вас, что никто так искренне не желает, как сам Первый консул, видеть вас снова на вашем старом посту, для которого было бы трудно найти преемника, равного вам ни по верности, ни по пригодности. Я не оставляю надежды увидеть вас здесь снова.

Целая неделя прошла в борьбе между дружбой и гордостью Первого консула. Его льстецы противодействовали малейшему желанию отозвать меня. На пятый день нашей разлуки он велел мне прийти к нему. Он принял меня с величайшей добротой, и после того, как добродушно сказал мне, что я часто выражаюсь слишком свободно — ошибка, которую я никогда не стремился исправить, — он добавил: "Я очень сожалею о вашем отсутствии. Ты был мне очень полезен. Ты не слишком благороден и не слишком плебей, не слишком аристократичен и не слишком якобинец. Ты сдержан и трудолюбив. Вы понимаете меня лучше, чем кто-либо другой; и, между нами говоря, мы должны рассматривать это как своего рода Суд. Посмотрите на Дюрока, Бессьера, Маре. Тем не менее, я очень склонен принять вас обратно; но тем самым я должен подтвердить сообщение о том, что я не могу обойтись без вас".

Мадам Бонапарт сообщила мне, что она слышала, как люди, которым Бонапарт выразил желание отозвать меня, говорили: "Что бы вы сделали? Люди скажут, что вы не можете обойтись без него. Теперь вы от него избавились; поэтому не думайте больше о нем; а что касается английских газет, то он придавал им большее значение, чем они действительно заслуживали: они вас больше не будут беспокоить". Это вызывает в памяти сцену, которая произошла в Мальмезоне после получения некоторых сведений в "Лондон газетт".

Я убежден, что если бы Бонапарт был предоставлен самому себе, он отозвал бы меня, и это убеждение подтверждается интервалом, прошедшим между его решением расстаться со мной и официальным объявлением о моем увольнении. Наш разрыв произошел 20 октября, а 8 ноября следующего года Первый консул прислал мне следующее письмо:

ГРАЖДАНИН БУРРЬЕН, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МИНИСТР, я удовлетворен услугами, которые вы оказали мне за то время, что были со мной; но отныне в них больше нет необходимости. Я хочу, чтобы с этого момента вы отказались от функций и звания моего личного секретаря. Я воспользуюсь первой возможностью обеспечить вас способом, соответствующим вашей деятельности и талантам и способствующим государственной службе.

(Подпись) БОНАПАРТ.

Если бы не хватало какого—либо доказательства злонамеренности Первого консула, то им послужил бы следующий факт: Через несколько дней после получения письма, извещавшего о моем увольнении, я получил записку от Дюрока; но, чтобы составить представление о мелкой мести того, кто стал причиной ее написания, необходимо сначала рассказать о нескольких предшествующих обстоятельствах.

Когда, стремясь сохранить некоторую свободу, я отклонил предложение о апартаментах, которые мадам Бонапарт приготовила в Мальмезоне для меня и моей семьи, я купил небольшой дом в Рюэле: первый консул отдал распоряжения по мебелировке этого дома, а также того, которым я владел в Париже. Судя по тому, как были отданы приказы, у меня не было ни малейшего сомнения, что Бонапарт намеревался подарить мне мебель. Однако, когда я ушел со службы, он подал прошение о ее возврате. Поскольку поначалу я не обратил внимания на его требование, поскольку оно касалось мебели в Рюэле, он велел Дюроку написать мне следующее письмо:

Первый консул, мой дорогой Бурьен, только что приказал мне прислать ему сегодня вечером ключи от вашей резиденции в Париже, из которой нельзя выносить мебель.

Он также поручает мне сдать на склад всю мебель, которая может быть у вас в Руэле или где-либо еще и которую вы получили от правительства.

Я прошу вас прислать мне ответ, чтобы помочь мне в исполнении этих распоряжений. Вы обещали мне все уладить до возвращения Первого консула. Я должен извиниться наилучшим из возможных способов.

(Подпись) ДЮРОК.

24 Брюмера, ан X. (15 ноября 1802 г.)

Считая себя хозяином своих поступков, я задумал посетить Англию, куда меня позвали какие-то частные дела. Однако я полностью осознавал особенность своего положения и был полон решимости не предпринимать никаких шагов, которые каким-либо образом оправдывали бы упреки.

Поэтому 11 января я написал Дюроку:

Мои дела требуют моего присутствия в Англии в течение некоторого времени. Я прошу вас, мой дорогой Дюрок, сообщить о моем предполагаемом путешествии Первому консулу, поскольку я не хочу делать ничего, противоречащего его взглядам. Я скорее пожертвую своими интересами, чем вызову его неудовольствие. Я полагаюсь на вашу дружбу в вопросе скорейшего ответа на этот вопрос, поскольку неопределенность была бы для меня фатальной во многих отношениях.

Ответ, который пришел быстро, был следующим:—

МОЙ ДОРОГОЙ БУРЬЕН— я вручил Первому консулу письмо, которое только что получил от вас. Он прочитал его и сказал: "Нет!"

Это единственный ответ, который я могу вам дать. (Подпись) ДЮРОК.

Это односложное слово было выразительным. Это доказало мне, что Бонапарт сознавал, как дурно он обошелся со мной; и, подозревая, что мною движет жажда мести, он боялся моей поездки в Англию, чтобы я не воспользовался там той свободой печати, которую он так эффективно подавил во Франции. Вероятно, он вообразил, что моей целью было опубликовать заявления, которые более эффективно просветили бы общественность в отношении его правительства и замыслов, чем все скандальные анекдоты, чудовищная клевета и нелепые измышления Пеллетье, редактора "Амбигю". Но Бонапарт был сильно обманут в этом предположении; и если на этот счет могут оставаться какие-либо сомнения, они будут устранены, если обратиться к дате написания этих Мемуаров и указать время, когда я согласился их опубликовать.

Я не был обманут относительно причин бесцеремонного отказа Бонапарта в удовлетворении моего ходатайства; и поскольку я хорошо знал его инквизиторский характер, я считал благоразумным скрыть свои записи. Я действовал иначе, чем Камюэнс. Он боролся с морем за сохранение своих рукописей; я сделал землю хранилищем своих. Я бережно вложил свои самые ценные заметки и бумаги в жестяную коробку, которую закопал под землю. Желтый оттенок, свидетельствующий о начале распада, в некоторых местах почти уничтожил надпись.

В дальнейшем будет видно, что моя предосторожность не была бесполезной и что я был прав, предвидя преследование Бонапарта, спровоцированное злобой моих врагов. 20 апреля Дюрок прислал мне следующую записку:

Я умоляю, мой дорогой Бурьен, чтобы ты приехал в Сен-Клу сегодня утром. Я должен кое-что сказать вам от имени Первого консула.

(Подпись) ДЮРОК.

Эта записка вызвала у меня большое беспокойство. Я не сомневался, что мои враги изобрели какую-то новую клевету; но должен сказать, что я не ожидал такой низости, с которой столкнулся.

Как только Дюрок ознакомил меня с делом, о котором ему поручил сообщить Первый консул, я тут же написал Бонапарту прилагаемое письмо:

По желанию генерала Дюрока я немедленно явился к нему, и он сообщает мне, что вы получили уведомление о том, что в Казне военно-морского флота обнаружен дефицит в размере 100 000 франков, который вы требуете от меня возместить сегодня в полдень.

Гражданин Первый консул, я не понимаю, что это значит! Я совершенно не осведомлен в этом вопросе. Я торжественно заявляю вам, что это обвинение является самой гнусной клеветой. Это еще одно обвинение, которое следует добавить к числу тех злонамеренных обвинений, которые были придуманы с целью уничтожить любое влияние, которым я мог бы обладать на вас.

Я нахожусь в апартаментах генерала Дюрока, где жду ваших приказаний.

Дюрок отнес мою записку Первому консулу, как только она была написана. Он быстро вернулся. "Все в порядке!" - сказал он. "Он велел мне сказать, что это была полная ошибка! — что теперь он убежден, что его обманули! что он сожалеет о случившемся и надеется, что больше об этом не будет сказано ни слова".

Низкие льстецы, окружавшие Бонапарта, хотели, чтобы он возобновил свои египетские вымогательства в отношении меня; но им следовало бы помнить, что стрельба, применявшаяся в Египте с целью сбора денег, больше не была модной во Франции и что прошли те дни, когда было принято "смазывать колеса революционной машины".

ГЛАВА XVII.

1803.

Предчувствия Первого консула относительно продолжительности мира— Беспокойство Англии по поводу процветания Франции—Истинное желание Бонапарта войны—Скопление иностранцев в Париже—Недобросовестность Англии—Бонапарт и лорд Уитворт—Взаимное положение Франции и Англии—Поездка Бонапарта в приморские департаменты— Завтрак в Компьене—Отец Бертон—Раздражение, вызванное присутствием Буке—Помешательство и смерть отца Бертона—Рапп приказал послать за мной—Приказ отменен.

Первый консул никогда не рассчитывал на длительный мир с Англией. Он желал мира просто потому, что, зная, что этого горячо желает народ, после десяти лет войны он думал, что это повысит его популярность и даст ему возможность заложить основы своего правительства. Мир был так же необходим для того, чтобы позволить ему завоевать трон Франции, как война была необходима для его закрепления и расширения его базы за счет других тронов Европы. В этом заключалась тайна Амьенского мира и разрыва, который так внезапно последовал, хотя этот разрыв, несомненно, произошел раньше, чем хотелось Первому консулу. По великим вопросам мира и войны Бонапарт придерживался возвышенных идей; но в дискуссиях на эту тему он всегда высказывался в пользу войны. Когда ему говорили о нуждах народа, о преимуществах мира, о его влиянии на торговлю, искусство, национальную промышленность и все отрасли общественного благосостояния, он не пытался отрицать этот аргумент; более того, он соглашался с ним; но он заметил, что все эти преимущества были лишь условными, пока Англия была в состоянии бросить вес своего военно-морского флота на чашу весов мира и использовать влияние своего золота во всех кабинетах Европы. Мир должен быть нарушен; поскольку было очевидно, что Англия полна решимости нарушить его. Почему бы не предупредить ее? Зачем позволять ей пользоваться всеми преимуществами первого шага? Мы должны удивить Европу! Мы должны помешать политике Континента! Мы должны нанести мощный и неожиданный удар. Так рассуждал Первый консул, и каждый может судить, соответствовали ли его действия его чувствам.

Поведение Англии слишком хорошо оправдывало дальновидность политики Бонапарта; или, скорее, Англия, пренебрегая выполнением своих договоров, играла на руку Бонапарту, поощряла его любовь к войне и оправдывала быстрое объявление военных действий в глазах французской нации, которую он хотел убедить, что, если мир будет нарушен, это будет против его воли. Англия уже приводила в действие мощный механизм своих субсидий, и

завеса, под которой она пыталась скрыть свои переговоры, была все еще достаточно прозрачна для рысиного глаза Первого консула. Все эти заговоры вынашивались в разгар мирного времени, в то время как миллионы людей, которые не подозревали об их существовании, с уверенностью предвкушали непрерывный покой.

Со времен революции Париж никогда не представлял такого зрелища, как зимой 1802-1803 годов. В то время стечение иностранцев во французской столице было огромным. Все носило видимость удовлетворения и внешних признаков общественного процветания. Видимое возрождение французского общества чрезвычайно раздражало британское министерство. Англичане, прибывшие на Континент, обнаружили, что Франция сильно отличается от того, какой ее описывали английские газеты. Это вызвало серьезную тревогу по ту сторону Ла-Манша, и английское правительство попыталось несправедливыми жалобами отвлечь внимание от справедливого недовольства, которое возбуждали его собственные тайные интриги. Король Англии направил парламенту послание, в котором говорил о подготовке вооружений в портах Франции и о необходимости принятия мер предосторожности против планируемой агрессии. Этот пример недобросовестности сильно разозлил Первого консула, который однажды в порыве недовольства обратился к лорду Уитворту в салоне, где собрались все иностранные послы, с такими словами:

"Что все это значит? Значит, вы устали от мира? Неужели Европа снова должна быть залита кровью? Действительно, подготовка к войне! Вы думаете этим запугать нас? Вы увидите, что Францию можно завоевать, возможно, уничтожить, но никогда не запугать — никогда!"

Английский посол был поражен этой неожиданной вылазкой, на которую он ничего не ответил. Он удовлетворился тем, что написал своему правительству отчет о беседе, в ходе которой Первый консул до сих пор забывался, - намеренно или нет, я не берусь утверждать.

В том, что Англия желала войны, не могло быть никаких сомнений. Она оккупировала Мальту, это правда, но она обещала отказаться от нее, хотя у нее никогда не было никакого намерения делать это. Она должна была покинуть Египет, но все еще оставалась там; мыс Доброй Надежды должен был быть сдан, но она все еще сохраняла за собой владение им. Англия подписала в Амьене мир, который она не собиралась поддерживать. Она знала ненависть европейских кабинетов к Франции и была уверена, что своими интригами и субсидиями привлечет их на свою сторону, как только ее планы достигнут зрелости. Она видела Францию могущественной и влиятельной в Европе и знала честолюбивые взгляды Первого консула, который, действительно, не прилагал особых усилий, чтобы скрыть их.

Первый консул, рассчитывавший на более длительный срок заключения Амьенского мира, оказался при разрыве договора в затруднительном положении. Многочисленные отпуски, плачевное состояние кавалерии и временное отсутствие артиллерии вследствие проекта перевооружения всех полевых орудий вызывали большое беспокойство Бонапарта. Он прибегнул к воинской повинности, чтобы восполнить недостатки армии, и проект перевооружения артиллерии был оставлен. Денежные средства поступали из крупных городов, а Ганновер, который вскоре после этого был оккупирован, в изобилии снабжался хорошими лошадьми для укомплектования кавалерии.

Теперь война стала неизбежной; и как только она была объявлена, Первый консул отправился посетить Бельгию и прибрежные департаменты, чтобы выяснить наилучшие средства противодействия ожидаемым нападениям англичан. Проезжая через Компьень, он навестил отца Бертон, бывшего директора военного училища в Бриенне. В то время он был ректором школы искусств в Компьене, в ситуацию, в которую его поставил Бонапарт. Я узнал подробности этого визита от Жозефины. Отец Бертон, чья первобытная простота манер не

изменилась с тех пор, как он держал нас под властью своей ферулы, пришел пригласить Бонапарта и Жозефину позавтракать с ним, и это приглашение было принято. У отца Бертон в то время жил один из наших старых товарищей по Бриенне, по имени Буке; но он категорически запретил ему показываться Бонапарту или кому-либо из его свиты, потому что Буке, который был комиссаром в штаб-квартире в Италии, был в немилости у Первого консула. Буке пообещал соблюдать предписания отца Бертон, но был далек от выполнения своего обещания. Как только он увидел подъезжающую карету Бонапарта, он подбежал к двери и галантно подал руку Жозефине. Жозефина, взяв его за руку, сказала: "Букет, ты погубил себя!" Бонапарт, возмущенный тем, что он считал недопустимой фамильярностью, поддался одному из своих неконтролируемых приступов страсти, и как только он вошел в комнату, где был накрыт завтрак, он сел, а затем повелительным тоном сказал своей жене: "Жозефина, сядь туда!" Затем он приступил к завтраку, не предложив отцу Бектону сесть, хотя для него была накрыта третья тарелка. Отец Бектон встал за стулом своего бывшего ученика, явно сбивший с толку его буйством. Сцена произвела на старика такое впечатление, что он стал неспособен выполнять свои обязанности в Компьене. Он уехал в Реймс, и вскоре после этого его интеллект стал невосприимчивым. Я не берусь утверждать, было ли это отчуждение разума вызвано происшествием, о котором я только что рассказал и отчет о котором я получил от Жозефины. Она была глубоко огорчена тем, что произошло. Отец Бертон умер сумасшедшим. То, что я услышал от Жозефины, впоследствии подтвердил брат отца Бектона. Дело в том, что по мере того, как Бонапарт приобретал власть, его все больше раздражала фамильярность старых товарищей; и, действительно, я должен признаться, что их фамильярность часто казалась очень смешной.

Первый визит консула на северное побережье состоялся ближе к концу 1803 года, когда англичане напали на голландские поселения Суринам, Демерара и Эссекибо, и между Францией, Испанией и Португалией была заключена конвенция о нейтралитете. Рапп сопровождал Первого консула, который внимательно следил за приготовлениями к высадке в Англии, что, как будет вскоре показано, никогда не входило в его намерения.

По возвращении Первого консула я узнал от Раппа, что обо мне говорили во время путешествия, причем следующим образом: — Бонапарт, находясь в Булони, хотел получить некоторую информацию, которую ему там никто не мог дать. Раздосадованный тем, что не получил удовлетворительного ответа на свои расспросы, он позвонил Раппу и спросил: "Ты знаешь, Рапп, где Бурьен?" — "Генерал, он в Париже". — "Напиши ему, чтобы он немедленно приехал сюда, и отправь одного из моих курьеров с письмом". Слух о внезапном воспоминании Первого консула обо мне распространился со скоростью молнии, и времени, необходимого для написания письма и отправки курьера, было более чем достаточно для усилий тех, кого мое возвращение должно было тревожить. Искусные представления вскоре пресекли эти спонтанные симптомы возвращения к прежним чувствам и привычкам. Когда Рапп отнес первому консулу письмо, которое ему было поручено написать, приказ был отменен. Однако Рапп посоветовал мне не покидать Париж, а если я это сделаю, упомянуть место, где меня можно найти, чтобы Дюрок мог без промедления воспользоваться любым благоприятным обстоятельством. Я был хорошо осведомлен о дружбе как Раппа, так и Дюрока, и они могли с такой же уверенностью положиться на мою.

ГЛАВА XVIII.

1803.

Проделанные огромные работы — Французские и римские солдаты — Маршрут путешествия Бонапарта к побережью — Двенадцать часов верхом — Дискуссии в Совете — Оппозиция Трюге — Мнение Бонапарта по обсуждаемому вопросу — Два раздела мира — Европа как провинция — Ревность Бонапарта к достоинству Франции — Англичанин на верфи Бреста — Публичная аудиенция в Тюильри — Высказывания первого консула об Англии — Его желание снискать хорошее мнение английского народа — Бал в Мальмезоне — Реплики в адрес Гортензии танцы — Единственный мотив для проведения бала.

Во время разрыва с Англией Бонапарт, как я уже упоминал, был совершенно неподготовлен к большинству родов войск; однако все создавалось как по мановению волшебной палочки, и он, казалось, делился с другими частью своей собственной невероятной активности. Невообразимо, сколько всего было предпринято и выполнено с момента разрыва мира. Северное побережье Франции представляло собой один огромный арсенал, ибо Бонапарт в этом случае использовал свои войска подобно римским солдатам и превратил инструменты ремесленника в оружие воина.

В своих частых поездках к побережью Бонапарт обычно отправлялся в путь ночью, а на следующее утро прибывал в почтовое отделение Шантийи, где завтракал. Рапп, которого я часто видел, когда он был в Париже, без умолку рассказывал об этих поездках, поскольку он почти всегда сопровождал Первого консула, и было бы хорошо, если бы его всегда окружали такие люди. Вечером первый консул поужинал в Аббевиле и рано утром следующего дня прибыл к Брикскому мосту. "Потребовалось бы железное телосложение, чтобы пройти через то, что мы делаем", - сказал Рапп. "Как только мы выходим из кареты, мы садимся верхом и иногда остаемся в седлах по десять-двенадцать часов подряд. Первый консул все осматривает, часто беседует с солдатами. Как они его любят! Когда мы нанесем визит в Лондон с этими храбрыми ребятами?"

Несмотря на эти постоянные поездки, Первый консул никогда не пренебрегал ни одним из государственных дел и часто присутствовал на заседаниях Совета. Я все еще был с ним, когда вопрос о порядке заключения мирных договоров был поставлен на рассмотрение Совета. Некоторые депутаты, среди которых выделялся Трюге, придерживались мнения, что в соответствии со статьей Конституции международные договоры должны быть предложены главой правительства, представлены Законодательному органу и после согласования обнародованы в качестве части законов. Бонапарт думал иначе. Я полностью разделял его мнение, и он сказал мне: "Оппозиция апеллирует к Конституции только ради удовольствия, потому что, если так сказано в Конституции, это абсурд. Есть некоторые вещи, которые не могут стать предметом обсуждения в общественном собрании; например, если я буду вести переговоры с Австрией, и мой посол согласится на определенные условия, могут ли эти условия быть отклонены Законодательным органом? Это чудовищный абсурд! Таким образом все могло бы наладиться! Луккезини и Маркоу каждый день давали бы обеды, как Камбасерес; разбрасывали бы свои деньги, покупали людей, которые должны быть проданы,

и таким образом заставляли бы отвергать наши предложения. Это был бы прекрасный способ уладить дела!"

Когда Бонапарт, по своему обыкновению, вечером рассказывал мне о том, что произошло в Совете, его речь всегда состояла из странной смеси цитат из древности, исторических ссылок и его собственных идей. Он говорил о римлянах, и я помню, когда мистер Фокс был в Париже, он пытался отличиться перед этим министром иностранных дел, которого он очень уважал. В своем расширенном взгляде на мир Бонапарт разделил его на два больших государства, Восток и Запад: "Какое значение имеет, - часто говорил он, - что две страны разделены реками или горами, что они говорят на разных языках? С очень небольшим разнообразием Франция, Испания, Англия, Италия и Германия имеют одинаковые манеры и обычаи, одну и ту же религию и одинаковую одежду. В них мужчина может жениться только на одной жене; рабство запрещено; и это большие различия, которые разделяют цивилизованных жителей земного шара. За исключением Турции, Европа - всего лишь провинция мира, а наша война - всего лишь гражданская распря. Существует также другой способ разделения наций, а именно по суше и воде". Затем он затрагивал все европейские интересы, говорил о России, союза с которой он желал, и об Англии, владычице морей. Обычно он заканчивал ссылкой на то, что в то время было его любимым планом, — экспедицию в Индию.

Когда от этих общих тем Бонапарт перешел к частным интересам Франции, он все еще говорил как суверен; и я могу с уверенностью сказать, что он проявил большую ревность, чем какой-либо суверен когда-либо, к достоинству Франции, единственным представителем которого он уже считал себя. Узнав, что капитан английского военно-морского флота посетил верфь Бреста, выдавая себя за торговца, паспорт которого он позаимствовал, он пришел в ярость, потому что никто не осмелился арестовать его. —[отчет о дерзком подвиге сэра Сиднея Смита см. в "Истории военно-морского флота Джеймса".]—Бонапарт ничего не упустил, и он воспользовался этим фактом, чтобы доказать Государственному совету необходимость увеличения числа генералов-комиссаров полиции. На заседании Совета он сказал: "Если бы в Бресте был комиссар полиции, он бы арестовал английского капитана и немедленно отправил его в Париж. Поскольку он играл роль шпиона, я бы приказал расстрелять его как такового. Ни один англичанин, даже дворянин или английский посол, не должен быть допущен на наши верфи. Скоро я все это урегулирую". Впоследствии он сказал мне: "Есть много негодяев, которые каждый день продают меня англичанам, не подвергая меня английскому шпионажу".

—[Во время короткого и бессодержательного Амьенского мира Бонапарт отправил в Англию в качестве консулов и вице-консулов ряд инженеров и военных, которым было поручено составить планы всех гаваней и побережий Соединенного Королевства. Они работали в тайне, но не настолько, чтобы их вскоре не заподозрили: факты были доказаны, и их без церемоний выслали из страны. — Редактор издания 1836 года.]—

Однажды он сказал перед собранием генералов, сенаторов и высших должностных лиц государства, присутствовавших на аудиенции у Дипломатического корпуса: "Англичане думают, что я боюсь войны, но это не так". И тут правда ускользнула от него вопреки его воле. "Моя держава ничего не потеряет в войне. За очень короткое время в моем распоряжении будет 2 000 000 человек. Каков был результат первой войны? Объединение Бельгии и Пьемонта с Францией. Это в значительной степени в наших интересах; это укрепит нашу систему. Франция не должна быть скована иностранными оковами. Англия явно нарушила

договоры! Было бы лучше засвидетельствовать почтение королю Англии и короновать его королем Франции в Париже, чем подчиняться наглým капризам английского правительства. Если бы ради сохранения мира, самое большее, еще на два месяца, я уступил бы хоть в одном пункте, англичане стали бы более вероломными и наглými и действовали бы тем активнее, чем больше мы уступаем. Но они плохо знают меня! Если бы мы уступили Англии сейчас, она в следующий раз запретила бы нам плавание в определенных частях света. Она настояла бы на сдаче наших кораблей. Я не знаю, чего бы она не потребовала; но я не тот человек, чтобы мириться с подобными унижениями. Поскольку Англия желает войны, она ее получит, и как можно скорее!

В тот же день Бонапарт сказал гораздо больше о предательстве Англии. Грубая клевета, которой он подвергнулся в лондонских газетах, сильно способствовала усилению его естественной ненависти к свободе печати; и он был очень удивлен, что английские подданные могли подвергать его таким нападкам, когда он находился в мире с английским правительством.

Однажды я получил исключительное доказательство того значения, которое Бонапарт придавал мнению английского народа относительно любого проступка, который ему приписывали. То, что я собираюсь изложить, послужит еще одним примером склонности Бонапарта использовать мелкие и окольные средства для достижения своих целей. Он давал бал в Мальмезоне, когда Гортензия была на седьмом месяце беременности.

—[Имеется в виду первый сын Людовика и Гортензии, Наполеон Шарль, предполагаемый преемник Наполеона, который родился в 1802 году, умер в 1807 году, старший брат Наполеона III.]—

Я уже упоминал, что ему не нравилось видеть женщин в такой ситуации, а главное, он терпеть не мог смотреть, как они танцуют. И все же, несмотря на эту антипатию, он сам пригласил Гортензию танцевать на балу в Мальмезоне. Сначала она отказалась, но Бонапарт был чрезвычайно настойчив и сказал ей добродушным убеждающим тоном: "Сделайте это, умоляю вас; я особенно хочу посмотреть, как вы танцуете. Ну же, встаньте, сделайте мне одолжение." Гортензия наконец согласилась. Мотив этой необычной просьбы я сейчас объясню.

На следующий день после бала в одной из газет появилось несколько стихотворений о танцах Гортензии. Она была чрезвычайно раздосадована этим, и когда газета прибыла в Мальмезон, она выразила неудовольствие по этому поводу. Даже принимая во внимание всю легкость нашего газетного остроумия, она, тем не менее, была в недоумении, не понимая, как могли быть написаны и напечатаны эти строки, касающиеся обстоятельств, которые произошли всего лишь накануне вечером. Бонапарт улыбнулся и не дал ей внятного ответа. Когда Гортензия узнала, что я был один в кабинете, она вошла и попросила меня объяснить, в чем дело; и, не видя причин скрывать правду, я сказал ей, что эти строки были написаны по указанию Бонапарта до того, как состоялся бал. Я добавил, что действительно имело место, что бал был подготовлен для стихов и что Первый консул уговорил ее танцевать только из-за уместности их применения. Он прибегнул к этому странному ухищрению, чтобы опровергнуть статью, появившуюся в английском журнале, в которой сообщалось, что Гортензия была доставлена. Бонапарт был крайне возмущен этим преждевременным заявлением, которое, как он ясно видел, было сделано с единственной целью - подтвердить скандальные слухи о его предполагаемой связи с Гортензией. Таковы были мелкие махинации, которые нередко находили свое место в сознании, в котором вращались самые грандиозные планы.

ГЛАВА XIX.

1803.

Мистер Питт—Мотив его ухода с должности—Ошибка английского правительства—Притворное уважение к бурбонам—Нарушение Амьенского мирного договора—Взаимные обвинения—Мальта—Отъезд лорда Уитворта—Рим и Карфаген—Тайное удовлетворение Бонапарта—Послание Сенату, Законодательному органу и Трибунату—Отказ короля Англии от титула короля Франции—Жалобы английского правительства—Французские агенты в британских портах—Взгляды Франции на Турцию—Замечание, сделанное Бонапартом Законодательному органу—Его ложная интерпретация—Завоевание Франции Ганновер—Карикатура на герцога Кембриджского—Король Англии и курфюрст Ганноверский—Первое обращение к духовенству—Использование слова "месье"—Республиканские недели и месяцы.

Одним из обстоятельств, предсказавших кратковременность Амьенского мира, было то, что мистер Питт на момент его заключения находился вне должности. Я упомянул об этом Бонапарту и сразу понял по его поспешному "Что вы скажете?" что мое замечание было услышано, но не понравилось. Однако не требовалось особой проницательности, чтобы понять истинные мотивы ухода мистера Питта на пенсию. Этот выдающийся государственный деятель полагал, что перемирие под названием "мир" было необходимо для Англии; но, намереваясь возобновить войну с Францией более ожесточенно, чем когда-либо, он на некоторое время ушел в отставку и передал другим задачу заключения мира; но его намерением было ознаменовать свое возвращение в министерство возобновлением непримиримой ненависти, которую он поклялся в отношении Франции. Тем не менее, я всегда считал, что заключение мира, каким бы необходимым оно ни было для Англии, было ошибкой Лондонского кабинета. Одна только Англия никогда прежде не признавала ни одно из правительств, поднявшихся во Франции после Революции; и поскольку прошлое нельзя было стереть, будущая война, какой бы успешной она ни была для Англии, не могла лишить правительство Бонапарта того огромного веса, который оно приобрело за время мира. Кроме того, самим фактом заключения мирного договора Англия доказала всей Европе, что реставрация Бурбонов была всего лишь предлогом, и она стерла ту страницу своей истории, которая могла бы показать, что ею двигали более благородные и великодушные чувства, чем простая ненависть к Франции. Совершенно очевидно, что снисходительность Англии в обращении с Первым консулом сплачивала вокруг него огромное количество сторонников бурбонов, надежды которых всецело зависели от продолжения войны между Великобританией и Францией. Это открыло глаза большому числу людей, а именно тем, кто не мог видеть глубже поверхности и ранее не осознавал, что демонстрации дружбы, столь щедро демонстрируемые бурбонам европейскими кабинетами министров, и особенно Англией, были просто ложными предложениями, принятыми с целью замаскировать под видимостью благородных побуждений их желание нанести вред Франции и противостоять ее быстро растущему могуществу.

Когда произошло это недоразумение, Франция и Англия, возможно, взаимно упрекали друг друга, но справедливость, очевидно, была на стороне Франции. Было очевидно, что Англия, отказавшись эвакуировать Мальту, была виновна в явном нарушении Амьенского мирного

договора, в то время как Англия могла возбудить против Франции только то, что на языке французского права называется судебным иском или тенденциозным процессом. Но следует признать, что эта тенденция со стороны Франции увеличивать свою территорию была очень очевидной, поскольку консульские указы приводили к завоеваниям быстрее, чем меч. Союз Пьемонта с Францией изменил состояние Европы. Этот союз, правда, был заключен до Амьенского мирного договора; но это было не так с государствами Парма и Пьяченца, поскольку Бонапарт единолично провозгласил себя наследником великого герцога, недавно скончавшегося. Поэтому легко представить, насколько велико было беспокойство Англии по поводу внутреннего процветания Франции и ненасытных амбиций ее правителя; но не менее несомненно и то, что в отношении Мальты Англия действовала решительно недобросовестно; и эта недобросовестность предстала в наихудшем свете из следующего обстоятельства: Было оговорено, что Англия должна вывести свои войска с Мальты через три месяца после подписания договора, однако прошло более года, а войска все еще находились там. Мальтийский орден должен был быть восстановлен в прежнем виде, то есть это должен был быть суверенный и независимый орден, находящийся под защитой Святого Престола. Три кабинета министров - Венский, Берлинский и Санкт-Петербургский - должны были гарантировать выполнение Амьенского мирного договора. Английский посол, чтобы извинить уклончивость своего правительства, притворился, что российский кабинет согласен с Англией в отсрочке выполнения условий договора; но в тот самый момент, когда он оправдывался, из Санкт-Петербургского кабинета прибыл курьер с депешами, полностью противоречащими утверждению лорда Уитворта. Его светлость покинул Париж в ночь на 12 мая 1803 года, и английское правительство без приглашения отправило паспорта во французское посольство в Лондоне. Известие об этом внезапном разрыве привело к падению курса английской валюты на четыре процента, но не оказало немедленного негативного воздействия на французские фонды, которые тогда котировались по пятьдесят пять франков — очень высокий показатель, если вспомнить, что накануне 18 Брюмера они стоили семь или восемь франков.

При таком положении вещей Франция предложила английскому правительству согласиться на посредничество России; но так как Англия объявила войну, чтобы исправить ошибку, совершенную ею при заключении мира, это предложение, конечно, было отклонено. Таким образом, общественность воздала должное Первому консулу за большую умеренность и искреннее стремление к миру. Так между Англией и Францией возникло соперничество, напоминающее те ожесточенные войны, которыми были отмечены правления короля Иоанна и Карла VII. Наши искусники провели великолепные сравнения между существующим положением вещей и древним соперничеством Карфагена и Рима и разумно заключили, что, поскольку Карфаген пал, Англия должна сделать то же самое.

Бонапарт находился в Сен-Клу, когда лорд Уитворт покидал Париж. Две недели были потрачены на бесполезные попытки возобновить переговоры. Следовательно, единственной альтернативой была война. Прежде чем приступить к последним приготовлениям, Первый консул обратился с посланием к Сенату, Законодательному органу и Трибунату. В этом послании он упомянул об отзыве английского посла, начале военных действий, неожиданном послании короля Англии своему парламенту и вооружении, которое немедленно последовало в британских портах. "Напрасно, - сказал он, - Франция испробовала все средства, чтобы побудить Англию соблюдать договор. Она отвергала все попытки и увеличивала наглость своих требований. Франция, - добавил он, - не подчинится угрозам, но будет сражаться за соблюдение международных договоров и честь французского имени, твердо веря, что результат состязания будет таким, какого она имеет право ожидать от справедливости своего дела и мужества своего народа".

Это послание было исполнено достоинства и лишено той жилки хвастовства, которой так часто предавался Бонапарт. Ответ Сената сопровождался голосованием линейного корабля, оплата которого должна была производиться из сенаторского жалованья. Со своей обычной речью Бонапарт, действуя от своего имени, говорил от имени народа, точно так же, как он это сделал в вопросе о пожизненном консульстве. Но то, что он затем сделал для своих собственных интересов, обернулось будущими интересами бурбонов. Сам договор, который только что был разорван, вызвал любопытное наблюдение. Бонапарт, хотя еще и не был сувереном, безапелляционно потребовал от короля Англии отказаться от пустого титула короля Франции, который сохранялся, как бы подразумевая, что от старых притязаний еще не отказались. Предложение было принято, и этому обстоятельству было обусловлено исчезновение титула короля Франции из числа титулов короля Англии, когда был заключен Парижский мирный договор о возвращении бурбонов.

Первой жалобой, на которую пожаловалась Англия, был запрет на ввоз английских товаров, который после заключения мира стал более жестким, чем во время войны. Признание Великобритании по этому вопросу вполне могло бы позволить ей обойтись без каких-либо других поводов для жалоб; ибо, по правде говоря, она была встревожена аспектом нашего внутреннего процветания и импульсом, приданным нашей промышленности. Английское правительство надеялось добиться от Первого консула такого торгового соглашения, которое нанесло бы смертельный удар нашей растущей торговле; но Бонапарт воспротивился этому, и по самим обстоятельствам его отказа можно было легко предвидеть разрыв, которому он притворялся удивленным. То, что я утверждаю, я чувствовал в то время, когда с большим интересом читал все документы, касающиеся этого великого спора между двумя соперничающими нациями, который одиннадцать лет спустя был решен у стен Парижа.

Очевидно, что именно разочарование в связи с торговым договором вызвало враждебность английского правительства, поскольку на это обстоятельство в качестве упрека был сделан намек в заявлении короля Англии. В этом документе содержалась жалоба на то, что Франция направила ряд лиц в порты Великобритании и Ирландии в качестве коммерческих агентов, каковой характер и принадлежащие ему привилегии они могли приобрести только по торговому договору. Такова была, по моему мнению, действительная причина жалоб Англии; но поскольку казалось бы слишком абсурдным делать это основанием для объявления войны, она перечислила другие претензии, а именно союз Пьемонта и штатов Парма и Пьяченца с Францией и дальнейшее пребывание французских войск в Голландии. Было много сказано о взглядах и проектах Франции в отношении Турции, и эта жалоба возникла во время поездки генерала Себастиани в Египет. По этому поводу я могу взять на себя смелость заявить, что английское правительство не было дезинформировано. Бонапарт слишком часто говорил мне о своих идеях относительно Востока и о своем проекте нападения на английскую власть в Индии, чтобы оставить какие-либо сомнения в том, что он когда-либо отрекался от них. Результатом всех упреков, которые оба правительства адресовали друг другу, было то, что ни одно из них не действовало добросовестно.

Первый консул в обращении к Законодательному органу о состоянии Франции и ее международных отношениях сказал: "Англия в одиночку не справится с Францией". Этого было достаточно, чтобы уязвить английскую гордость, и британский кабинет сделал вид, что рассматривает это как угрозу. Однако это было не так. Когда Бонапарт угрожал, его слова были бесконечно энергичнее. Процитированный выше отрывок был всего лишь заверением Франции; и если мы только посмотрим на прошлые усилия и жертвы, предпринятые Англией, чтобы создать врагов Франции на Континенте, мы можем с полным основанием

предположить, что ее гнев по поводу заявления Бонапарта возник из убежденности в его правдивости. Противостоя Франции в одиночку, Англия, несомненно, могла бы нанести ей большой вред, особенно нападением на разрозненные остатки ее военно-морского флота; но она ничего не могла сделать против Франции на континенте. Две державы без помощи союзников могли бы долго продолжать войну без каких-либо значительных актов враждебности.

Первым результатом объявления войны Англией стало вторжение французских войск под командованием генерала Мортье в Ганновер. Телеграфное сообщение, которым это известие было передано в Париж, было столь же лаконичным, сколь и точным, и содержало в нескольких словах полную историю экспедиции. Оно гласило следующее: "Французы являются хозяевами Ганноверского курфюршества, а армия противника взята в плен". День или два спустя витрины магазинов, торгующих гравюрами, были заполнены карикатурами на англичан, и особенно на герцога Кембриджского. Я припоминаю, что видел одну, на которой герцог был изображен смотрящим своим войскам верхом на крабе. Я упоминаю об этих мелочах, потому что, поскольку я тогда жил совершенно свободно на улице Отевиль, я часто прогуливался по бульварам, где меня иногда очень забавляли эти гравюры; и я не мог не отметить, что в больших городах такие мелочи оказывают большее влияние на общественное сознание, чем обычно предполагается.

Первый консул считал захват пленных в Ганновере хорошей возможностью обменять их на тех, кого забрал у нас английский флот. Соответственно, было сделано предложение на этот счет; но английский кабинет придерживался мнения, что, хотя король Англии был также курфюрстом Ганновера, все же не было идентичности между двумя правительствами, в обоих из которых Георг III. был главой. Вследствие этого тонкого различия предложение об обмене пленными провалилось. В тот период ничто не могло сравниться с враждебностью двух правительств друг к другу, и Бонапарт при объявлении войны выразил свое возмущение поступком, который не могут оправдать никакие соображения; я имею в виду приказ об аресте всех англичан во Франции — поистине варварская мера; ибо; может ли что-либо быть более жестоким и несправедливым, чем посещать отдельных лиц с мезью, подобающей правительству, подданными которого они могут оказаться? Но Бонапарт, находясь под влиянием гнева, никогда не терзался угрызениями совести.

Здесь я должен отметить исполнение замечания, которое часто делал Бонапарт по отношению ко мне во время консульства. "Ты увидишь, Бурьен, - говорил он, - как я воспользуюсь священниками".

После объявления войны Первый консул, в подражание наиболее христианским королям древности, возвестил об успехе своего оружия молитвам верующих через посредство духовенства. С этой целью он направил циркулярное письмо, написанное в королевском стиле, кардиналам, архиепископам и епископам Франции.

Это было следующее:

МЕСЬЕ— Мотивы нынешней войны известны всей Европе. Недобросовестность короля Англии, который нарушил свои договоры, отказавшись вернуть Мальту ордену Святого Иоанна Иерусалимского, и напал на наши торговые суда без предварительного объявления войны, наряду с необходимостью справедливой обороны, вынудили нас прибегнуть к оружию. Поэтому я хочу, чтобы вы распорядились возносить молитвы, чтобы получить благословение Небес на наши предприятия. Полученные мною доказательства вашего рвения к государственной службе дают мне уверенность в вашей готовности соответствовать моим пожеланиям.

Дано в Сен-Клу, 18 Прериала, в XI веке. (7 июня 1803 г.).

(Подпись) БОНАПАРТ.

Это письмо было примечательным не только в одном отношении. Это удивило большинство его старых соратников, которые превратили это в насмешку, заметив, что Бонапарту не нужно было молиться, чтобы позволить ему завоевать Италию дважды. Первый консул, однако, позволил им продолжать смеяться и неуклонно следовал намеченной им линии. Его письмо было превосходно рассчитано на то, чтобы понравиться Римскому двору, который, как он хотел, рассматривал его в свете другого старшего сына Церкви. Кроме того, письмо было примечательно употреблением слова "месье", которое Первый консул впервые употребил в акте, предназначенном для огласки. Это обстоятельство, по-видимому, указывает на то, что он считал республиканские обозначения несовместимыми с формами, причитающимися духовенству: духовенство было особенно заинтересовано в восстановлении монархии. Возможно, кто-то подумает, что я слишком много заикливаюсь на мелочах; но я достаточно долго пользовался доверием Бонапарта, чтобы знать, какое значение он придавал мелочам. Первый консул восстановил старые названия дней недели, сохранив при этом названия месяцев, установленные в республиканском календаре. Он начал с того, что приказал датировать "Монитор" "Субботой", таким днем "Мессидора". "Видите, - сказал он однажды, - было ли когда-нибудь такое несоответствие? Над нами будут смеяться! Но я покончу с Мессидором. Я сотру с лица земли все изобретения якобинцев".

Духовенство не обмануло ожиданий Первого консула. Они уже были ему многим обязаны и надеялись на еще большее. Письмо епископам и т.д. послужило сигналом для ряда циркуляров, полных восхвалений Бонапарту.

Эти комплименты были отнюдь не неприятны Первому консулу, который не имел ничего против лести, хотя и презирал тех, кто подло делал из себя посредника, чтобы донести ее до него. Дюрок однажды сказал мне, что всем им было очень трудно сохранять серьезность, когда однажды кюре одного прихода в Аббевиле обратился к Бонапарту, когда тот направлялся к побережью. "Религия, - сказал достойный кюре с напыщенной торжественностью, - обязана вам всем, что она есть, мы обязаны вам всем, что мы есть; и я тоже обязан вам всем, что я есть".

—[Не так высокопарно, как некоторые термины, использованные годом позже, когда Наполеон стал императором. "Я такой, какой я есть", - было написано над креслом, приготовленным для императора. Одна фраза "Бог создал Наполеона, а потом отдохнул" вызвала у Нарбонна насмешку, что было бы лучше, если бы Божество отдохнуло раньше. "Бонапарт, - говорит Жозеф де Местр, - описал себя в своих газетах как "Посланника Божьего". Нет ничего более правдивого. Бонапарт приходит прямо с небес, подобно удару грома". (Сен-Бенве, Каурери, том iv. стр. 203.)]

ГЛАВА XX.

1803.

Представление принца Боргезе Бонапарту—Отъезд в Бельгию Возрождение королевского обычая—"Амьенские лебеди"—Изменение формулы в правительственных актах—Труппа исполнителей в свите Бонапарта—Возрождение старых обычаев—Разделение института на четыре класса—Наука и литература—Ненависть Бонапарта к литераторам —Дюси—Бернарден де Сен-Пьер—Шенье и Лемерсье— Объяснение отвращения Бонапарта к литературе—Лаланд и его словарь—Образование в руках правительства—М. де Рокелор, архиепископ из Малины.

В апреле 1803 года кардинал Капрара представил первому консулу принца Боргезе, которому суждено было однажды стать шурином Бонапарта, женившись на вдове Леклерка.

Примерно в конце июня Бонапарт вместе с Жозефиной отправился в свое путешествие по Бельгии и приморским департаментам. С этим путешествием было связано много любопытных обстоятельств, о которых Дюрок сообщил мне после возвращения Первого консула. Бонапарт покинул Париж 24 июня, и хотя прошло не более года с тех пор, как его чело было украшено императорской диадемой, все, что было связано с этим путешествием, носило императорский характер. Раньше, когда короли Франции въезжали в древнюю столицу Пикардии, в городе Амьене существовал обычай преподносить им в знак почтения прекрасных лебедей. Были приняты меры к возрождению этого обычая, что очень понравилось Бонапарту, потому что он обращался с ним как с королем. Лебеди были приняты и отправлены в Париж для размещения в бассейне Тюильри, чтобы показать парижанам королевское почтение, оказанное Первому консулу во время его отсутствия в столице.

Также во время этого путешествия Бонапарт начал датировать свои указы по местам, через которые он проезжал. До сих пор он оставил большое количество подписей в Париже, чтобы даже во время своего отсутствия как бы присутствовать при актах своего правительства. До сих пор публичные акты подписывались от имени консулов Республики. Вместо этой формулы он заменил ее именем правительства Республики. Благодаря этому варианту, каким бы незначительным он ни казался, правительство всегда находилось там, где случайно находился Первый консул. Два других консула теперь были просто ничтожествами, даже внешне. Указы правительства, подписанные Камбасересом во время кампании при Маренго, теперь издавались из всех городов Франции и Бельгии, которые Первый консул посетил за время своего шестинедельного путешествия. Сосредоточив таким образом в своих руках единственную власть в Республике, артисты республиканского театра естественным образом перешли к нему; и было вполне естественно, что они путешествовали в его свите, развлекая своими представлениями жителей городов, в которых он останавливался. Но это было еще не все. Он поощрял обновление множества древних обычаев. Он санкционировал возрождение фестиваля Жанны д'Арк в Орлеане и разделил Институт на четыре класса, намереваясь возродить память о старых академиях, названия которых, однако, он отверг, несмотря на желания и интриги Сюара и Эбби Морелле, которые в этом вопросе одержали верх над Люсьеном.

Однако Первый консул не присвоил классам Института того ранга, которым они раньше обладали как академии. Он поставил класс наук на первое место, а старую Французскую

академию - на второе. Следует признать, что, учитывая состояние литературы и науки в тот период, Первый консул не ошибся в оценке их важности.

Хотя литература Франции могла похвастаться многими выдающимися талантами, такими как Ла Арп, умерший во время консульства, Дюси, Бернарден де Сен-Пьер, Шенье и Лемерсье, все же их нельзя было сравнить с Лагранжем, Лапласом, Монжем, Фуркруа, Бертолле и Кювье, чьи труды так необычайно расширили границы человеческого знания. Поэтому никто не мог роптать, видя, что класс естественных наук в институте имеет преимущество перед своей старшей сестрой. Кроме того, Первый консул не пожалел показать, таким образом, пренебрежительное отношение, с которым он относился к литераторам. Когда он говорил со мной о них, он называл их просто сочинителями фраз. Он не мог простить им того, что они превзошли его в деле, в котором он не претендовал на выдающиеся достижения. Я никогда не знал человека, более нечувствительного, чем Бонапарт, к красоте поэзии или прозы. Определенная степень расплывчатости, которая сочеталась с его энергией ума, привела его к восхищению мечтами Оссиана, и его решительный характер оказался как бы представленным в возвышенных мыслях Корнеля. Отсюда его почти исключительное пристрастие к этим двум авторам. За этим исключением лучшие произведения нашей литературы, по его мнению, были просто сочетаниями звучных слов, лишенных смысла и рассчитанных только на слух.

Презрение Бонапарта, или, точнее говоря, его нелюбовь к литературе, проявлялось особенно в чувстве, которое он питал к некоторым людям выдающегося литературного таланта. Он ненавидел Шенье, а Дюси еще больше. Он не мог простить Шенье республиканских принципов, которыми были проникнуты его трагедии; а Дюси возбуждал в нем, как бы инстинктивно, невольную ненависть. Дучис, со своей стороны, не замедлил ответить консулу взаимностью, и я помню, как он написал несколько стихов, которые были непростительно жестокими и переходили все границы истины. Бонапарт был настолько своеобразным сочетанием хорошего и дурного, что описание его таким, каким он был в том или ином из этих аспектов, служило бы панегириком или сатирой без какого-либо отступления от истины. Бонапарту очень нравился роман Бернардена Сен-Пьера "Поль и Вирджиния", который он читал в детстве. Я помню, что однажды он попытался прочитать "Этюды о природе", но по истечении четверти часа отбросил книгу, воскликнув: "Как можно читать такую чушь? Это безвкусно и банально; в этом нет ничего особенного. Это мечты провидца! Что такое природа? Она расплывчата и бессмысленна. Люди и страсти — вот темы для написания - там есть что изучать. Эти ребята ни на что не годны ни при каком правительстве. Однако я буду выплачивать им пенсии, потому что я должен это делать как глава государства. Они занимают и развлекают праздных. Я сделаю Лагранжа сенатором — у него есть голова на плечах".

Хотя Бонапарт так пренебрежительно отзывался о литераторах, не следует считать само собой разумеющимся, что он плохо к ним относился. Напротив, все, кто бывал в Мальмезоне, были объектами его внимания и даже лести. Г-н Лемерсье был одним из тех, кто приезжал чаще всего, и кого Бонапарт принимал с величайшим удовольствием. Бонапарт относился к господину Лемерсье с большой добротой, но он ему не нравился. Его характера как литератора и поэта в сочетании с безупречной откровенностью и мягким, но непреклонным духом республиканства было вполне достаточно, чтобы объяснить неприязнь Бонапарта. Он боялся М. Лемерсье и его пера; и, как случалось не раз, он играл роль паразита, лстя писателю. М. Лемерсье был единственным человеком, которого я знал, кто отказался от креста Почетного легиона.

Общая неприязнь Бонапарта к литераторам была вызвана не столько предрассудками, сколько обстоятельствами. Для того чтобы оценить или даже прочитать литературные произведения, требуется время, а время было для него настолько драгоценно, что он хотел бы, можно сказать, сократить прямую линию. Ему нравились только те писатели, которые обращали свое внимание на позитивные и точные вещи, которые исключали всякие мысли о правительстве и порицания администрации. Он ревниво взирал на политэкономов и юристов; короче говоря, как на всех людей, которые каким-либо образом вмешивались в законодательство и моральные улучшения. Его ненависть к дискуссиям на эти темы ярко проявилась по случаю классификации Института. В то время как он разрешил воссоздать литературный класс в количестве сорока человек, как и раньше, он подавил класс морали и политических наук. Таково было его пристрастие к вещам непосредственной и определенной полезности, что даже в науках он отдавал предпочтение только тем, которые применялись к земным объектам. Он никогда не относился к Лаланду с таким уважением, как к Монжу и Лагранжу. Астрономические открытия не могли непосредственно увеличить его собственное величие; и, кроме того, он никогда не мог простить Лаланду того, что тот пожелал включить его в словарь атеистов именно в тот момент, когда он начинал переговоры с римским двором.

Бонапарт хотел быть единственным центром мира, которым, по его мнению, он был призван управлять. Исходя из этого, он никогда не расслаблялся в своем постоянном стремлении сосредоточить всю полноту государственной власти в руках ее Главы. Его поведение в вопросе возрождения общественного образования свидетельствует об этом факте. Он хотел учредить 6000 стипендий, которые выплачивались бы правительством и находились исключительно в его распоряжении, так что, обладая монополией на образование, он мог бы раздавать ее только детям тех, кто был слепо предан ему. Это было то, что Первый консул назвал возрождением общественного образования. В период моей самой тесной близости с ним он часто говорил со мной на эту тему и терпеливо выслушивал мои замечания. Я помню, что одним из его главных аргументов было следующее: "Что отличает людей? Образование — не так ли? Что ж, если дети дворян будут приняты в академии, они будут так же хорошо образованы, как дети революции, которые составляют силу моего правительства. В конце концов, они поступят в мои полки офицерами и, естественно, будут соревноваться с теми, кого они считают грабителями своих семей. Я этого не желаю!"

Мои воспоминания заставили меня перенестись из путешествия Первого консула и мадам Бонапарт в прибрежные департаменты и Бельгию. Однако мне мало что можно добавить к тому, что я уже высказал по этому вопросу. Я просто помню, что военная свита Бонапарта, и в частности Лористон и Рапп, когда говорили со мной о путешествии, не могли скрыть некоторых признаков недовольства из-за большого уважения, которое Бонапарт выказывал духовенству, и особенно господину де Роклору, архиепископу Малинскому (или Мехлинскому). Этот прелат, который был проницательным человеком и имел репутацию человека, в молодости более пристрастившегося к мирским привычкам, чем к монастырским, стал церковным придворным. Он отправился в Антверпен, чтобы засвидетельствовать свое почтение Первому консулу, в адрес которого осыпал самыми экстравагантными похвалами. Впоследствии, обращаясь к мадам Бонапарт, он сказал ей, что она связана с Первым консулом священными узами священного союза. В этой речи, в которой елеосвящение необычным образом сочеталось с галантностью, несомненно, было отступлением от церковных приличий говорить о священных узах и священном союзе, когда каждый знал, что эти узы и этот союз существуют только на основании гражданского договора. Возможно, г-н де Роклор просто прибегнул к тому, что казуисты называют благочестивым обманом, чтобы побудить супружескую пару совершить то, с чем он

поздравлял их уже совершенными. Как бы то ни было, несомненно, что этот сладкий язык снискал расположение консула г-на де Роклора, причем вскоре после того, как он был назначен во второй класс Института.

ГЛАВА XXI.

1804.

Тампль—Интриги Европы—Прелюдия к континентальной системе—Бомбардировка Гранвиля—Мой разговор с первым консулом о планируемом вторжении в Англию—Фош Борель—Моро и Пишегрю—Маневры Фуше—Аббат Давид и Лажоле—Визит Фуше в Сен—Клу—Ренье перехитрил Фуше—Моя беседа с первым консулом—Его возмущение сообщениями о Гортензии—Опровержение этой клеветы—Братья Фоше—Их казнь—Прием у первого консула—Мой разговор с Дюроком—Заговор Жоржа, Моро и Пишегрю—Моро против реставрации Бурбонов—Попытка самоубийства Буве де Лозье—Арест Моро—Заявление г-на де Полиньяка и де Ривьера—Попустительство полиции—Арест г-на Карбоне и его племянника.

Прошло то время, когда Бонапарт, только что возведенный в консульство, направлялся в Тампль только для того, чтобы освободить жертв "Группы подозреваемых" своим единственным и непосредственным распоряжением. Теперь эта государственная тюрьма должна была быть заполнена по приказу его полиции. Все интриги Европы были в движении. Ежедневно прибывали эмиссары из Англии, которые, если не могли проникнуть в глубь Франции, оставались в приграничных городах, где налаживали переписку и публиковали брошюры, которые отправляли в Париж по почте в виде писем.

Первый консул, с другой стороны, без всяких оговорок дал волю естественному раздражению, которое эта держава вызвала своим объявлением войны. Он знал, что самой эффективной войной, которую он мог бы вести против Англии, была бы война против ее торговли.

В качестве прелюдии к этому безумию, известному под названием континентальной системы, Первый консул принял все возможные превентивные меры против ввоза английских товаров. Раздражение Бонапарта против англичан не было беспричинным. Сведения, достигшие Парижа с севера Франции, были не очень утешительными. Английский флот не только блокировал французские порты, но и перешел в наступление и бомбардировал Гранвиль. Мэр города выполнил свой долг, но его коллеги, более благоразумные, поступили иначе. В разгар своего недовольства Бонапарт издал указ, которым наградил почетным шарфом Летурнера, мэра, и уволил его коллег с должности как трусов, недостойных доверия. Условия этого указа были довольно суровыми, но они, безусловно, были оправданы поведением тех, кто покинул свои посты в критический момент.

Теперь я перехожу к вопросу о вторжении в Англию и к тому, что сказал мне по этому поводу Первый консул. Я уже заявлял, что Бонапарт никогда не имел ни малейшего представления о реализации предполагаемого проекта нападения на Англию. Истинность этого утверждения станет очевидной из разговора, который у меня состоялся с ним после того, как он вернулся из своего путешествия на север. В этом разговоре он повторил то, что часто упоминал при мне ранее в отношении проектов и возможных шагов, к которым фортуна могла бы вынудить его прибегнуть.

Амьенский мир был нарушен около семи месяцев назад, когда 15 декабря 1803 года Первый консул послал за мной в Тюильри. Его непонятное поведение по отношению ко мне было свежо в моей памяти; и поскольку прошло больше года с тех пор, как я его видел, признаюсь, я чувствовал себя не совсем в своей тарелке, когда получил повестку. Он прекрасно понимал, что у меня есть документы и данные для написания его истории, которые правильно описали бы факты и разрушили иллюзии, которыми постоянно тешили публику его льстецы. Я уже говорил, что в тот период у меня не было подобных намерений; но те, кто постоянно старался настроить его против меня, могли внушить опасения по этому поводу. Во всяком случае, факт остается фактом: когда он послал за мной, я предусмотрительно запасся ночным колпаком, полагая, что весьма вероятно, что меня отправят ночевать в Венсен. В день, назначенный для интервью, Рапп был на дежурстве. Я не скрыл от него своего мнения относительно возможного результата моего визита. "Вам не нужно бояться, - сказал Рапп. - Первый консул просто желает поговорить с вами". Затем он представил меня.

Бонапарт вошел в большую гостиную, где я его ожидал, и, обратившись ко мне самым добродушным образом, спросил: "Что говорят сплетники о моих приготовлениях к вторжению в Англию?" — "На этот счет существуют большие расхождения во мнениях, генерал", - ответил я. "Каждый говорит в соответствии со своими собственными взглядами. Сюше, например, который очень часто навещает меня, не сомневается, что это состоится, и надеется предоставить вам по этому случаю новые доказательства своей благодарности и верности". — "Но Сюше сказал мне, что вы не верите, что это будет предпринято". — "Это правда, я, конечно, не верю". — "Почему?" — "Потому что вы сказали мне в Антверпене пять лет назад, что не стали бы рисковать Францией из—за жребия — что приключение было слишком рискованным — и обстоятельства с тех пор не изменились". - "Вы правы. правильно. Те, кто с нетерпением ждет вторжения в Англию, болваны. Они не видят происходящего в его истинном свете. Я, несомненно, могу высадиться в Англии со 100 000 человек. Состоится великая битва, которую я выиграю; но я должен рассчитывать на 30 000 человек убитыми, ранеными и пленными. Если я пойду на Лондон, придется дать вторую битву. Я буду считать себя снова победителем; но что мне делать в Лондоне с армией, уменьшенной на три четверти, и без надежды на подкрепление? Это было бы безумием. Пока наш флот не достигнет превосходства, бесполезно думать о подобном проекте. Большое скопление войск на севере преследует другую цель. Мое правительство должно быть первым в мире, или оно падет ". Тогда Бонапарт, очевидно, хотел, чтобы все предположили, что он вынашивал план вторжения в Англию, чтобы отвлечь внимание Европы в этом направлении.

Из Дюнкерка Первый консул направился в Антверпен, где также собрал опытных людей, чтобы выяснить их мнение относительно наиболее надежного способа высадки, план которой был всего лишь притворством. От использования больших военных кораблей после долгих обсуждений отказались в пользу флотилии.

—[В этот период в Лондоне появилась карикатура (работы Гиллрея), которая была отправлена в Париж и строго разыскивалась полицией. Один из экземпляров был показан первому консулу, который был крайне возмущен этим. Французский флот был представлен несколькими ореховыми скорлупками. Английский матрос, сидя на скале, спокойно курил свою трубку, дуновения которой приводили в смятение всю эскадру. Карикатуры Гиллрея должны быть рядом с читателем во время прочтения этой работы, также английской карикатуры и сатиры на Наполеона I., Дж. Эштон Чатто: и Виндус, 1884.]—

Посетив Бельгию и дав там указания, Первый консул вернулся из Брюсселя в Париж через Маэстрихт, Льеж и Суассон.

Перед моим посещением Тюильри и даже до разрыва Амьенского мира некие интригующие спекулянты, чье экстравагантное рвение было не менее пагубным для дела бурбонов, чем слепое подчинение его беспринципных сторонников Первому консулу, участвовали в некоторых закулисных маневрах, которые не могли привести к благоприятному результату. Среди этих великих изобретателей мелких махинаций давно уже бросался в глаза хорошо известный Фош Борель, книготорговец из Невшателя. Фош Борель, целью которого было вызвать ажиотаж и который ничего так не желал, как быть замеченным и получить вознаграждение, не преминул приехать во Францию, как только Амьенский мир предоставил ему такую возможность. В то время я все еще был с Бонапартом, который был осведомлен обо всех этих мелких заговорах, но не испытывал личной тревоги по этому поводу, предоставив своей полиции следить за их авторами.

Целью миссии Фоша Бореля было добиться примирения между Моро и Пишегрю. Последний генерал, который был изгнан 18-го фруктидора 4 сентября 1797 года, не получил разрешения Первого консула вернуться во Францию. Он жил в Англии, где ждал благоприятной возможности для воплощения в жизнь своих старых проектов. Моро был в Париже, но больше не появлялся на приемах Первого консула, и вражда обоих генералов против Бонапарта, открыто высказанная Пишегрю и все еще замаскированная Моро, ни для кого не была секретом. Но поскольку у Бонапарта все было благополучно, он выказывал скорее презрение, чем страх перед двумя генералами. Его опасения были, действительно, сносно развеяны отсутствием одного и характером другого. Имя Моро имело больший вес в армии, чем имя Пишегрю; и те, кто замыслил свержение консульского правительства, знали, что эта мера не имела ни малейшего шанса на успех без помощи Моро. Момент был неподходящий; но, будучи посвященными в некоторые секреты британского кабинета министров, они знали, что мир был всего лишь перемирием, и они решили воспользоваться этим перемирием, чтобы осуществить примирение, которое впоследствии могло бы обеспечить общность интересов. Моро и Пишегрю не были друзьями с тех пор, как Моро отправил Директории бумаги, изъятые в карете г-на де Клинглина, которые выставляли измену Пишегрю в столь ясном свете. С тех пор имя Пишегрю не оказывало никакого влияния на умы солдат, среди которых у него было очень мало сторонников, в то время как имя Моро было дорого всем, кто побеждал под его командованием.

Замысел Фоша Бореля состоял в том, чтобы скомпрометировать Моро, не подталкивая его к какому-либо решительному шагу. Природная лень Моро и, возможно, можно сказать, его здравый смысл побудили его принять максимум о том, что необходимо позволить людям и вещам идти своим чередом, поскольку политика выжидания часто так же полезна в политике, как и на войне. Кроме того, Моро был искренним республиканцем; и если бы его привычка к нерешительности позволила ему принять какое-либо решение, то совершенно

очевидно, что он не стал бы тогда способствовать восстановлению власти бурбонов, как того желал Пишегрю.

То, что я изложил, является необходимым введением к знанию более важных заговоров, предшествовавших великому событию, ознаменовавшему окончание консульства: я имею в виду заговор Жоржа, Кадудалья, Моро и Пишегрю, а также это несмываемое пятно на характере Наполеона — смерть герцога Энгийенского. По поводу заговора Жоржа высказывались разные мнения. Я не буду противоречить ни одному из них. Я расскажу о том, что я узнал и что видел, чтобы пролить некоторый свет на это ужасное дело. Я далек от того, чтобы верить тому, что я читал во многих работах, что это было спланировано полицией для того, чтобы проложить Первому консулу путь к трону. Я думаю, что это было придумано теми, кто действительно был в этом заинтересован, и поддержано Фуше, чтобы подготовить его возвращение к власти.

Чтобы подтвердить свое мнение относительно поведения Фуше и его маневров, я должен напомнить читателю, что примерно в конце 1803 года некоторые люди задумали проект примирения Моро и Пишегрю. Фуше, который в то время был вне министерства, устроил так, чтобы Моро посетили люди из его собственной партии, которые, возможно, бессознательно, благодаря искусству Фуше влияли на ум генерала и раздражали его. Сначала предполагалось, что аббат Давид, общий друг Моро и Пишегрю, возьмется за их примирение; но его, арестованного и заключенного в Тампль, сменил человек по имени Лайоле, которого, как доказывают все обстоятельства, использовал Фуше. Он направился в Лондон и, убедив Пишегрю и его друзей вернуться во Францию, отправился объявить об их прибытии и устроить все для их приема и уничтожения. Недовольство Моро было единственной основой этой интриги. Я помню, что однажды, примерно в конце января 1804 года, я зашел к Фуше, который сообщил мне, что он был в Сен-Клу, где имел продолжительную беседу с Первым консулом о положении дел. Бонапарт сказал ему, что он доволен существующей полицией, и намекнул, что только для того, чтобы придать себе значение, он придал картине ложную окраску. Фуше спросил его, что бы он сказал, если бы он сказал ему, что Жорж и Пишегрю в течение некоторого времени находились в Париже, участвуя в заговоре, о котором он получил информацию. Первый консул, явно обрадованный тем, что, по его мнению, было ошибкой Фуше, сказал с презрением: "Вы действительно хорошо информированы! Ренье только что получил письмо из Лондона, в котором сообщается, что Пишегрю три дня назад обедал в Кингстоне с одним из министров короля Англии.

Поскольку Фуше, однако, настаивал на своем утверждении, Первый консул послал в Париж за Великим судьей Ренье, который показал Фуше полученное им письмо. Первый консул сначала торжествовал, увидев вину Фуше; но последний так ясно доказал, что Жорж и Пишегрю действительно были в Париже, что Ренье начал опасаться, что его ввели в заблуждение его агенты, которым его соперник платил больше, чем ему. Первый консул, убежденный, что его старый министр знает больше, чем новый, уволил Ренье и долгое время совещался с Фуше, который в тот раз ничего не сказал о своем восстановлении в должности, опасаясь возбудить подозрения. Он только потребовал, чтобы управление бизнесом было доверено Реалу с приказом подчиняться любым инструкциям, которые он может получить от него. Позже я вернусь к аресту Моро и других обвиняемых, а теперь присоединю отчет о длительной беседе, которую я имел с Бонапартом в разгар этих важных событий.

8 марта 1804 года, спустя некоторое время после ареста, но до суда над генералом Моро, я получил аудиенцию у Первого консула, которая не была запрошена с моей стороны. Бонапарт, задав мне несколько незначительных вопросов относительно того, что я делаю,

чего я ожидаю от него, и заверив меня, что он будет иметь в виду меня, неожиданно изменил направление разговора и сказал: "Между прочим, слухи о моей связи с Гортензией все еще актуальны: самые отвратительные слухи распространились о ее первом ребенке. В то время я думал, что эти сообщения были допущены общественностью только из-за большого желания, чтобы я не остался бездетным. С тех пор как мы с вами расстались, вы слышали, как их повторяли?" — "Да, генерал, часто; и, признаюсь, я не мог поверить, что эта клевета просуществовала так долго". — "Об этом действительно страшно подумать! Вы знаете правду — вы все видели, все слышали — ничто не могло произойти без вашего ведома; вы пользовались ее полным доверием во время ее привязанности к Дюроку. Поэтому я надеюсь, что, если вы когда-нибудь напишете что-нибудь обо мне, вы очистите меня от этого позорного обвинения. Я бы не хотел, чтобы это сопровождало мое имя в потомстве. Я верю в вас. Вы никогда не придавали значения этому ужасному обвинению?" — "Нет, генерал, никогда". Затем Наполеон подробно рассказал о предыдущей жизни Гортензии, о том, как она вела себя, и о том повороте, который принял ее брак. "Все получилось не так, - сказал он, - как я желал: наш союз не был счастливым. Я сожалею об этом не только потому, что оба мне дороги, но и потому, что это обстоятельство подтверждает печально известные слухи, которые ходят среди праздных людей о моей близости с ней ". Он завершил разговор следующими словами: "Бурьен, я иногда подумываю о том, чтобы отозвать тебя; но поскольку для этого нет веского предлога, мир сказал бы, что я нуждаюсь в тебе, и я хочу, чтобы все знали, что я ни в ком не нуждаюсь". Он снова сказал несколько слов о Гортензии. Я ответил, что это полностью соответствовало бы моей убежденности в истине, если бы я сделал то, чего он хочет, и что я сделаю это; но что пресечение ложных сообщений зависит не от меня.

На самом деле Гортензия, пока она была мадемуазель БОГАРНЕ, относилась к Наполеону с почтительным благоговением. Она дрожала, когда заговаривала с ним, и никогда не осмеливалась попросить его об одолжении. Когда ей было о чем просить, она обращалась ко мне; и если я испытывал какие-либо трудности в получении для нее того, чего она добивалась, я упоминал ее как человека, за которого я умолял. "Маленькая простушка!" Наполеон сказал бы: "Почему она сама не спросит меня: боится ли девушка меня?" Наполеон никогда не питал к ней никаких чувств, кроме отеческой нежности. Он любил ее после женитьбы на ее матери так, как любил бы своего собственного ребенка. В течение трех лет я был свидетелем всех их самых интимных действий, и я заявляю, что никогда не видел и не слышал ничего, что могло бы дать хоть малейшее основание для подозрений или что оставило бы малейший след существования преступной близости. Эту клевету следует отнести к числу тех, с помощью которых злой умысел с удовольствием очерняет характеры людей более блестящих, чем их собратья, и которые с такой готовностью принимаются легкомысленными и рефлексирующими людьми. Я свободно заявляю, что если бы у меня были хоть малейшие сомнения относительно этого одиозного обвинения, о существовании которого я был хорошо осведомлен до того, как Наполеон заговорил со мной на эту тему, я бы откровенно признал это. Его больше нет: и пусть память о нем сопровождается только тем, хорошим или плохим, что действительно принадлежит ему. Пусть этот упрек не будет одним из тех, которые выдвигает против него беспристрастный историк. Завершая эту деликатную тему, я должен сказать, что принципы Наполеона в вопросах такого рода были в высшей степени жесткими и что связь характера предъявленных ему обвинений не соответствовала ни его морали, ни его вкусам.

Я не могу сказать, было ли то, что последовало дальше, частью его заранее спланированного разговора со мной, или же это было результатом удовлетворения, которое он получил, убедившись в моей совершенной убежденности в чистоте его поведения по отношению к

Гортензии и получив уверенность, что я выражу эту убежденность. Как бы то ни было, когда я выходил за дверь, он окликнул меня, сказав: "О! Я кое-что забыл". Я вернулся. "Бурьен, - сказал он, - вы по-прежнему поддерживаете знакомство с Фоше?" — "Да, генерал, я часто вижу с ними". — "Вы ошибаетесь". — "Почему бы и нет? Они умные, хорошо образованные люди и чрезвычайно приятная компания, особенно Цезарь. Я получаю огромное удовольствие от их общества; и потом, они почти единственные люди, чья дружба остается верной мне с тех пор, как я покинул вас. Вы знаете, людям наплевать на тех, кто не может оказать им никакой услуги". — "Маре не желает встречаться с Фошерами". — "Возможно, генерал, но для меня это ничего не значит; и вы должны помнить, что, поскольку именно через него я был представлен им в Тюильри, я думаю, он должен сообщить мне о причинах, по которым прекратил с ними знакомство". — "Я еще раз говорю вам, что он закрыл перед ними дверь. Сделай и ты то же самое, я советую тебе." Поскольку я, казалось, не был расположен следовать этому совету без какой-либо веской причины, Первый консул добавил: "Тогда ты должен знать, что я узнаю от Цезаря обо всем, что происходит в твоём доме. Вы сами не говорите обо мне очень плохо, и никто не осмеливается делать это в вашем присутствии. Вы играете в свою роббер и ложитесь спать. Но как только вы уходите, ваша жена, которой я никогда не нравился, и большинство тех, кто навещает вас в доме, начинают яростно нападать на меня. Я получаю бюллетень от Цезаря Фошера каждый день, когда он навещает ваш дом; это способ, которым он отблагодаривает вас за вашу доброту и за убежище, которое вы предоставили его брату. — [Константин Ранчер был осужден по обвинению в неповиновении за подделку официального документа.—Бурьен.]—Но довольно; ты видишь, я все знаю — прощай"; и он ушел от меня.

Могила сомкнулась над этими двумя братьями, [Фоше были братьями-близнецами, отличившимися в революционной войне и одновременно получившими звание бригадных генералов на поле боя. После Сент-Жюра они отказались признать бурбонов и были расстреляны по приговору военного трибунала в Бордо. (Булье)] — Я просто сообщу, что вечером накануне своей казни они написали мне письмо, в котором умоляли меня простить их поведение по отношению ко мне. Ниже приводится выдержка из этого письма:

В нашей темнице мы слышим, как на улицах выкрикивают наш смертный приговор. Завтра мы взойдем на эшафот, но встретим смерть с таким спокойствием и мужеством, что заставим покраснеть наших палачей. Нам шестьдесят лет, поэтому наша жизнь сократится лишь на короткий промежуток времени. В течение нашей жизни у нас были общие болезни, горе, удовольствия, опасности и удачи. Мы оба пришли в этот мир в один и тот же день, и в один и тот же день мы оба покинем его. Что касается вас, сэр....

Я подавляю то, что относится ко мне.

Час торжественной церемонии наступил как раз в тот момент, когда закончилось странное интервью, которое я описал. Я задержался ненадолго, чтобы посмотреть на эту фантазмагорию. Дюрок был там. Как только он увидел меня, он подошел и, отведя меня в оконную нишу, сказал, что вина Моро очевидна и что он вот-вот предстанет перед судом. Я высказал несколько замечаний по этому поводу и, в частности, спросил, имеются ли достаточные доказательства его вины, чтобы оправдать его осуждение? "Они должны быть осторожны, - сказал я. - Не шутка обвинять завоевателя Гогенлиндена". Ответ Дюрока убедил меня в том, что у него по крайней мере не было сомнений на этот счет. "Кроме того, - добавил он, - когда такой генерал, как Моро, оказывается между двумя жандармами, он пропал и больше ни на что не годен. Он может вызвать только жалость". Напрасно я пытался опровергнуть это утверждение, столь полностью противоречащее фактам, и убедить Дюрока, что Моро никогда не пострадает, если называть его "разбойником", как тогда говорили, без

доказательств. Дюрок настаивал на своем мнении. Как будто политическое преступление когда-либо пятнало чью-либо честь! Результат доказал, что я судил правильно.

Ни один человек, обладающий хоть малейшей степенью интеллекта, не будет убежден в том, что заговор Моро, Жоржа, Пишегрю и других обвиняемых никогда бы не состоялся, если бы не тайное попустительство полиции Фуше.

Моро ни на минуту не желал реставрации Бурбонов. Я был слишком хорошо знаком с г-ном Карбоне, его самым близким другом, чтобы не знать о его личных чувствах. Поэтому было совершенно невозможно, чтобы он придерживался тех же взглядов, что и Жорж, Полиньяк, Ривьера и другие; и у них не было намерения совершать какие-либо открытые действия. Эти последние прибыли на Континент исключительно для того, чтобы исследовать действительное положение дел, чтобы с уверенностью сообщить принцам Дома Бурбонов, насколько они могут полагаться на глупые надежды, постоянно возлагаемые на них ничтожными агентами, которые всегда были готовы продвигать свои собственные интересы в ущерб правде. Эти агенты действительно вступили в заговор, но он был направлен против лондонского казначейства, к которому они обращались за платой.

Не вдаваясь во все подробности этого великого судебного процесса, я приведу некоторые факты, которые могут помочь извлечь правду из хаоса интриг и лжи.

Большинство заговорщиков содержались либо в Тампле, либо в Ла Форс, и один из них, Буве де Лозье, находившийся взаперти в Тампле, попытался повеситься. Он воспользовался своим галстуком для достижения своей цели и почти преуспел в этом, когда случайно вошел надзиратель и застал его при смерти. Когда он пришел в себя, он признал, что, хотя у него хватило мужества встретить смерть, он не смог вынести допросов на суде и что он решил покончить с собой, чтобы его не вынудили сделать признание. Он действительно сознался, и именно на следующий день после того, как это произошло, Моро был арестован, когда направлялся из своей загородной резиденции Гросбуа в Париж.

Фуше через своих агентов дал понять Пишегрю, Жоржу и некоторым другим сторонникам королевской власти, что они могут положиться на Моро, который, как говорили, был вполне подготовлен. Несомненно, что Моро сообщил Пишегрю, что он (Пишегрю) был обманут и что с ним никогда не разговаривали на эту тему. Руссильон заявил на суде, что 14 марта Полиньяки сказали кому-то: "Все идет наперекосяк - они не понимают друг друга. Моро не держит своего слова. Нас обманули". Г-н де Ривьера заявил, что вскоре он убедился, что их обманули, и собирался вернуться в Англию, когда его арестовали. Несомненно, что главные заговорщики получили положительную информацию, которая подтвердила их подозрения. Заявление Моро они узнали от Пишегрю. Многие из обвиняемых заявили, что вскоре обнаружили, что их обманули; и большая часть из них собиралась покинуть Париж, когда все они были арестованы почти в один и тот же момент. Жорж направлялся в Вандею, когда его предал человек, который при попустительстве полиции сопровождал его с момента отъезда из Лондона и который защищал его от любого вмешательства со стороны полиции до тех пор, пока было необходимо только знать, где он находится и чем занимается. Жорж пробыл в Париже семь месяцев, прежде чем было сочтено, что настал подходящий момент для его ареста.

Почти одновременный арест заговорщиков ясно доказывает, что полиция прекрасно знала, где они могут наложить на них руки.

Когда Пишегрю потребовали подписать его экзамен, он отказался. Он сказал, что в этом нет необходимости; что, зная все секретные механизмы полиции, он подозревает, что с

помощью какого-то химического процесса они сотрут все написанное, кроме подписи, а затем заполнят бумагу заявлениями, которых он никогда не делал. Он добавил, что его отказ подписать протокол допроса не помешает ему повторить в суде правду, которую он изложил в ответ на предложенные ему вопросы. Высказывались опасения по поводу разоблачений, которые он мог бы сделать относительно своей связи с Моро, уничтожения которого добивались, а также по поводу средств, использованных агентами Фуше, чтобы побудить заговорщиков произвести желаемые изменения.

Вечером 15 февраля я узнал об аресте Моро и рано утром следующего дня направился прямо на улицу Сен-Пьер, где жил г-н Карбоне со своим племянником. Мне не терпелось услышать от него подробности ареста генерала. Каково же было мое удивление! Едва я успел обратиться к привратнику, как он сообщил мне, что господин Карбоне и его племянник оба арестованы. "Я советую вам, сударь, - добавил этот человек, - удалиться без дальнейших церемоний, поскольку могу заверить вас, что за людьми, которые навещают мсье Карбонне, установлено наблюдение". — "Он все еще дома?" - спросил я. "Да, сударь, они изучают его документы". — "Тогда, - сказал я, - я поднимусь наверх". Мсье Карбонне, дружбой с которым я имел основания гордиться и память о котором всегда будет дорога мне, был более огорчен арестом своего племянника и Моро, чем своим собственным. Однако его племянник был освобожден через несколько часов. Бумаги месье Карбоне были опечатаны, и он был помещен в одиночную камеру в больнице Сент-Пелагич.

Таким образом, полиция, которая ранее ничего не знала, внезапно была проинформирована обо всем. Несмотря на многочисленные полицейские агенты, рассеянные по всей Франции, только из заявлений Буве де Лозье стало известно, что были осуществлены три последовательные высадки и что ожидалась четвертая, которая, однако, не состоялась, потому что Первый консул отправил генерала Савари с приказом схватить лиц, прибытия которых ожидали. Не может быть более убедительного доказательства верности агентов полиции своему старому начальнику и их общей решимости шутить со своим новым начальником,

ГЛАВА XXII.

1804.

События 1804 года—Смерть герцога Энгиенского—Аргументы Наполеона на острове Святой Елены—Сравнение дат—Возможность того, что я спас жизнь герцогу Энгиенскому—Совет, данный герцогу Энгиенскому—Сэр Чарльз Стюарт—Задержка австрийского кабинета министров—Пишегрю и таинственное существо—М. Массиас—Историки острова Святой Елены— Угрозы Бонапарта эмигрантам и г—ну Кобенцелю— Необычное приключение секретаря Даву— квартирмейстера- вандейского разбойника.

Чтобы составить справедливое представление о событиях, которые так быстро сменяли друг друга в начале 1804 года, необходимо рассмотреть их как по отдельности, так и во взаимосвязи. Следует иметь в виду, что все махинации Бонапарта преследовали одну цель - основание Французской империи в его пользу; и также важно учитывать, как изменилось положение эмигрантов по отношению к Первому консулу после объявления войны. Пока Бонапарт продолжал жить в мире, дело бурбонов не имело поддержки в иностранных кабинетах, и у эмигрантов не было иного выбора, кроме как подчиняться обстоятельствам; но с началом новой войны все изменилось. Дело бурбонов стало делом держав, воюющих с Францией; и поскольку многие причины объединили эмигрантов за границей с теми, кто вернулся лишь наполовину удовлетворенным, были основания опасаться их восстания в сочетании с силами, направленными против Бонапарта.

Таково было положение вещей в отношении эмигрантов, когда руководители и сообщники заговора Жоржа были арестованы в самом начале 1804 года. Убийство герцога Энгийенского

— [Луи Антуан Анри де Бурбон, герцог Энгийенский (1772-1804), сын герцога де Бурбона и внук принца де Конде, служил против Франции в армии Конде. Когда эти силы были расформированы, он остался в Эттенхайме из-за любовной связи с принцессой Шарлоттой де Роган-Рошфор. Арестованный на территории Бадена, он был доставлен в Венсен и после суда военного трибунала расстрелян во рву 21 мая 1804 года. С ним практически закончился дом Бурбон-Конде, поскольку его дед умер в 1818 году, оставив только герцога де Бурбона и принцессу Луизу Аделаиду, аббатису де Ремиремон, которая умерла в 1824 году.]—

состоялось 21 марта; 30 апреля появилось предложение трибуната учредить правительство во Франции под властью одного человека; 18 мая вышел "Сенат-консулат", провозгласивший Наполеона Бонапарта ИМПЕРАТОРОМ, и, наконец, 10 июня был вынесен приговор Жоржу и его сообщникам. Таким образом, пролитие крови Бурбона и возложение короны Франции на голову солдата удачи были двумя актами, вставленными в кровавую драму заговора Жоржа. Следует также помнить, что в период этих событий мы находились в состоянии войны с Англией и были близки к тому, чтобы увидеть, как Австрия и Северный колосс образуют коалицию против нового императора.

Теперь я изложу все, что мне известно относительно смерти герцога Энгийенского. Этот несчастный принц, находившийся в Эттенхайме из-за любовной связи, не имел никаких сношений с теми, кто готовил заговор внутри страны. Макиавелли говорит, что, когда автор преступления не может быть обнаружен, мы должны искать тех, кому это пойдет на пользу. В данном случае совету Макиавелли будет легко найти применение, поскольку смерть герцога могла быть выгодна только Бонапарту, который считал это необходимым для своего восшествия на корону Франции. Мотивы могут быть объяснены, но могут ли они быть оправданы? Как вообще можно говорить, что герцог Энгийенский погиб как предполагаемый соучастник заговора Жоржа?

Моро был арестован 15 февраля 1804 года, когда уже было известно о существовании заговора. Пишегрю и Жорж также были арестованы в феврале, а герцог Энгийенский - только 15 марта. Итак, если бы принц действительно был замешан в заговоре, если бы даже он знал о нем, остался бы он в Эттенхайме почти на месяц после ареста своих предполагаемых сообщников, сведения о которых он мог получить в течение трех дней? Конечно, нет. Он был настолько неосведомлен об этом заговоре, что, когда ему сообщили об этом в Эттенхайме, он усомнился в этом, заявив, что, если бы это было правдой, его отец и дед ознакомили бы

его с этим. Можно ли было допустить, чтобы прошел такой длительный промежуток времени, прежде чем его арестовали? Увы! жестокий опыт показал, что этот шаг был бы предпринят за несколько часов.

Смертный приговор Жоржу и его сообщникам был вынесен только 10 июня 1804 года, а герцог Энгийенский был расстрелян 21 марта, еще до начала судебных процессов. Чем можно объяснить такую поспешность? Если, как заявил Наполеон, молодой Бурбон был соучастником преступления, почему он не был арестован в то время, когда были арестованы остальные? Почему его не судили вместе с ними на том основании, что он был действительным сообщником; или что он был скомпрометирован связями с ними; или, короче говоря, потому, что его ответы могли бы пролить свет на это таинственное дело? Как получилось, что имя прославленного обвиняемого ни разу не было упомянуто в ходе этого ужасного судебного процесса?

Едва ли можно представить, что Наполеон мог сказать на острове Святой Елены: "Либо они ухитрились вовлечь несчастного принца в свой проект и таким образом обрекали его на гибель, либо, не сообщив ему о том, что происходит, позволили ему неосторожно уснуть на краю пропасти; ибо он был всего в двух шагах от границы, когда они собирались нанести главный удар во имя и в интересах его семьи".

Это рассуждение не просто абсурдно, оно чудовищно. Если герцог был замешан в признании своих сообщников, его следовало арестовать и судить вместе с ними. Этого требовало правосудие. Если он не был так замешан, где доказательства его вины? Поскольку некоторые люди без его ведома замыслили совершить преступление от имени его семьи, он должен был быть расстрелян! Поскольку он находился в 130 лигах от места действия заговора и не имел к нему никакого отношения, он должен был умереть! Такие аргументы не могут не внушать ужаса. Абсолютно невозможно, чтобы какой-либо здравомыслящий человек мог считать герцога Энгийенского сообщником Кадудалю; а Наполеон подло обманывал своих современников и потомков, придумывая подобную ложь и облекая ее авторитетом своего имени.

Если бы я был тогда близок с первым консулом, я мог бы утверждать с такой же уверенностью, как и с гордостью, что кровь герцога Энгийенского не легла бы несмываемым пятном на славу Бонапарта. В этом ужасном деле я мог бы сделать то, чего никто, кроме меня, не смог бы даже попытаться, и это из-за моего положения, которого с тех пор никто другой не занимал у Бонапарта. Я вполне допускаю, что он предпочел бы мне других и что к ним он питал бы больше дружбы, чем ко мне, предполагая, что дружба совместима с характером Бонапарта, но я знал его лучше, чем кто-либо другой. Кроме того, из всех, кто его окружал, я один мог позволить себе вернуться к нашей прежней фамильярности из-за нашей детской близости. Конечно, в деле, которое постоянно касалось славы Бонапарта, меня не удержал бы страх перед каким-нибудь кратковременным приступом гнева, и читатель уже видел, что я не боялся позора. Почему я должен был этого бояться? У меня не было ни портфеля, ни должности, ни жалованья, ибо, как я уже сказал, я был с Бонапартом только другом, и у нас был, так сказать, общий кошелек. Я убежден, что для меня было бы очень возможно отговорить Бонапарта от его рокового замысла, поскольку я положительно знаю, что его целью после заключения мира было просто напугать эмигрантов, чтобы изгнать их из Эттенхайма, где многие, подобно герцогу Энгийенскому, искали убежища. Его гнев был особенно направлен против баронессы де Рейт и баронессы д'Эттенгейн, которые громко поносили его и распространяли многочисленные клеветнические материалы на левом берегу Рейна. В тот период у Бонапарта было так же мало замыслов против жизни герцога Энгийенского, как и против жизни любого другого эмигранта. Он был больше склонен

напугать, чем причинить ему вред, и, конечно, его первым намерением было не арестовать принца, а, как я уже сказал, напугать "эмигрантов" и отогнать их подальше. Я должен, однако, признать, что, когда Бонапарт говорил с Раппом и Дюроком об эмигрантах по ту сторону Рейна, он выражался с большим раздражением: настолько, что г-н де Талейран, опасаясь последствий этого для герцога Энгийенского, предупредил этого принца через даму, к которой он был привязан, об опасности, грозящей ему, и посоветовал ему удалиться от границы на большее расстояние. Получив это уведомление, принц решил воссоединиться со своим дедом, чего он не мог сделать, кроме как проехав через австрийскую территорию. Если существуют какие-либо сомнения относительно этих фактов, то можно добавить, что сэр Чарльз Стюарт написал г-ну де Кобенцелю с просьбой выдать паспорт герцогу Энгийенскому; и только благодаря промедлению австрийского кабинета министров Первому консулу было предоставлено время отдать приказ об аресте несчастного принца, как только он принял ужасное решение пролить кровь бурбона. Это решение могло исходить только от него самого, ибо кто бы осмелился предложить ему это? Дело в том, что Бонапарт не ведал, что творил. Его лихорадочное честолюбие доходило до бреда; и он не понимал, как теряет себя в общественном мнении, потому что не знал этого мнения, ради завоевания которого он пошел бы на любые жертвы.

Когда Камбасерес (который, с небольшими оговорками, проголосовал за смерть Людовика XVI.) горячо выступил в Совете против ареста герцога Энгийенского, первый консул заметил ему: "Мне кажется, сэр, вы стали очень опасаться крови бурбонов!"

Тем временем герцог Энгийенский находился в Эттенхайме, скорее теша себя надеждой, чем замышляя заговоры. Хорошо известно, что некий человек сделал предложение принцу де Конде убить первого консула, но принц с негодованием отверг это предложение и благородно отказался восстановить права бурбонов ценой такого преступления. Впоследствии выяснилось, что вышеупомянутое лицо было агентом парижской полиции, которому было поручено вовлечь принцев в заговор, который погубил бы их, поскольку общественное мнение восстает против убийства при любых обстоятельствах.

Утверждалось, что отказ Людовика XVIII вести переговоры с Бонапартом привел к фатальной катастрофе - смерти герцога Энгийенского. Первая переписка между Людовиком XVIII. и Первым консулом, приведенная в этих Мемуарах, ясно доказывает обратное. Вполне вероятно, что отказ Людовика XVIII отказаться от своих прав должен был вызвать раздражение Бонапарта. Но было уже довольно поздно мстить два года спустя, да к тому же принцу, совершенно не знающему об этих попытках. Нет необходимости комментировать подобные нелепости. Столь же нет необходимости говорить о таинственном существе, которое часто появлялось на собраниях в Сен-Жерменском предместье и которое, как впоследствии выяснилось, было Пишегрю.

Дополнительный свет на эту печальную катастрофу проливает разговор Наполеона, состоявшийся через несколько дней после его восшествия на императорский трон, с месье Масайасом, французским посланником при дворе великого герцога Баденского. Этот разговор состоялся в Экс-ла-Шапель. После нескольких замечаний об интригах эмигрантов Бонапарт заметил: "Вы должны были, по крайней мере, предотвратить заговоры, которые герцог Энгийенский вынашивал в Эттенхайме". — "Сир, я слишком стар, чтобы научиться лгать. Поверьте мне, в этом вопросе ваше величество злоупотребили вниманием". — "Не думаете ли вы, что, если бы заговор Жоржа и Пишегрю удался, принц перешел бы Рейн и прибыл бы с почтой в Париж?"

Месье Массиас, от которого я узнал эти подробности, добавил: "При этом последнем вопросе императора я опустил голову и замолчал, поскольку видел, что он не желает слышать правду".

Теперь давайте рассмотрим с тем вниманием, которого требует важность предмета, то, что было сказано историками острова Святой Елены.

Наполеон сказал своим товарищам по изгнанию, что "смерть герцога Энгийенского следует объяснить либо чрезмерным рвением к нему (Наполеону), либо личными взглядами, либо таинственными интригами. Его слепо подстегнули; он был, если можно так выразиться, застигнут врасплох. Мера была предпринята поспешно, и результат был предопределен".

Это он мог бы сказать; но если он действительно так выразился, то как нам согласовать такое заявление с заявлением О'Мира? Как можно доверять утверждениям, столь прямо противоположным?

Наполеон сказал месье де Лас Касасу:

"Однажды, когда я был один, я хорошо это помню, я пил кофе, полусидя за столом, за которым только что обедал, как вдруг мне сообщили, что раскрыт новый заговор. Меня горячо убеждали положить конец этим чудовищам; они показали мне, что пришло, наконец, время преподать урок тем, кто изо дня в день составлял заговор против моей жизни; что этой цели можно достичь, только пролив кровь одного из них; и что герцог Энгийенский, который теперь может быть осужден за участие в этом новом заговоре и схвачен на месте преступления, должен быть этим самым. Добавлялось, что его видели в Страсбурге; что даже предполагалось, что он был в Париже; и что план состоял в том, чтобы он въехал во Францию с востока в момент взрыва, в то время как герцог де Берри высаживался на западе. Я должен сказать вам, - заметил император, - что я даже не знал точно, кто такой герцог Энгийенский (революция произошла, когда я был еще очень молод, и я никогда не был при Дворе), и что я был в полном неведении относительно того, где он находился в тот момент. Узнав об этих моментах, я воскликнул, что в таком случае герцога следовало бы арестовать и что на этот счет должны быть отданы соответствующие распоряжения. Все было предвидено и подготовлено; различные приказы были уже составлены, ничего не оставалось делать, как подписать их, и таким образом судьба молодого принца была решена".

Далее Наполеон утверждает, что при аресте и осуждении герцога были строго соблюдены все обычные формы. Но он также заявил, что смерть этого несчастного принца будет вечным позором для тех, кто, увлекшись преступным рвением, не дождался приказа своего Государя привести в исполнение приговор военного трибунала. Он, возможно, оставил бы принца в живых, но все же сказал: "Это правда, что я хотел подать пример, который должен утешить".

Говорят, что герцог Энгийенский адресовал письмо Наполеону, которое было доставлено только после казни. Это ложь и абсурд! Как мог этот принц написать Бонапарту, чтобы предложить ему свои услуги и просить о командовании армией? В его допросе ничего не упоминается об этом письме и находится в прямом противоречии с чувствами, которые это письмо приписывало бы ему. Правда в том, что такого письма никогда не существовало. Человек, который был с принцем, заявил, что он никогда этого не писал. Никто никогда не поверит, что кто-то осмелился бы утаить от Бонапарта письмо, от которого зависела судьба столь величественной жертвы.

В своих заявлениях своим товарищам по изгнанию Наполеон пытался либо оправдать это преступление, либо оправдать его. Его страх или восприимчивость были таковы, что в беседах с незнакомыми людьми он просто сказал, что если бы он знал о письме принца, которое ему не доставили.— Бог знает почему! — до тех пор, пока он не испустил бы дух, он бы простил его. Но впоследствии он собственноручно изложил свои последние мысли, которые, как он предполагал, будут запечатлены в умах его современников и потомков. Наполеон, затронув тему, которая, по его мнению, была бы одной из самых важных, связанных с его памятью, сказал, что, если бы это повторилось снова, он поступил бы так же, как поступил тогда. Как это заявление согласуется с его признанием, что, если бы он получил письмо принца, он был бы жив? Это непримиримо. Но если мы сравним все, что Наполеон сказал на острове Святой Елены и что было передано нам его верными последователями; если мы примем во внимание его противоречия, когда он говорил о смерти герцога Энгийенского незнакомым людям, своим друзьям, публике или потомству, вопрос перестанет быть сомнительным. Бонапарт хотел нанести удар, который поверг бы в ужас его врагов. Полагая, что герцог Беррийский готов высадиться во Франции, он отправил своего переодетого адъютанта Савари в сопровождении жандармов наблюдать за высадкой герцога в Бивиле, близ Дьеппа. Это оказалось бесплодной миссией. Герцога вовремя предупредили не предпринимать бесполезного и опасного предприятия, и Бонапарт, взбешенный тем, что одна добыча ускользнула от него, набросился на другую. Хорошо известно, что Бонапарт часто и даже в присутствии лиц, которые, по его мнению, поддерживали отношения с партизанами бурбонов в Париже, выражался так: "Я положу конец этим заговорам. Если кто-либо из эмигрантов вступит в заговор, он будет расстрелян. Мне сказали, что Кобентцель укрывает некоторых из них. Я в это не верю; но если это правда, Кобентцель будет арестован и расстрелян вместе с ними. Я дам бурбонам понять, что со мной шутки плохи". Приведенное выше изложение фактов объясняет предположения, касающиеся вероятного влияния якобинцев в этом деле. Было сказано, и не без видимых оснований, что для того, чтобы заставить якобинцев помочь ему взойти на трон, Бонапарт согласился принести в жертву особу королевской крови, как единственное обещание, способное обезопасить их от возвращения запрещенной семьи. Как бы то ни было, нет никаких возможных способов снять с Бонапарта его долю вины в смерти герцога Энгийенского.

К приведенным выше фактам, которые были мне известны, я могу добавить следующую любопытную историю, которую рассказал мне человек, который сам слышал ее от генерального секретаря Даву.

Даву командовал дивизией в Булонском лагере, и его секретарь, направляясь туда, чтобы присоединиться к нему, встретил в дилижансе человека, который, казалось, был поглощен горем. Этот человек за все время путешествия ни разу не нарушил молчания, кроме нескольких глубоких вздохов, которые он был не в силах подавить. Секретарь генерала Даву наблюдал за ним с любопытством, но не решался каким-либо разговором затронуть тему его горя. Однако в то время поток путешественников из Парижа в лагерь был очень велик, и гостиница, в которой дилижанс остановился вечером, была так переполнена, что невозможно было выделить комнату каждому путешественнику. Таким образом, двоих поместили в одну комнату, и случилось так, что секретаря поселили вместе с его таинственным попутчиком.

Когда они остались одни, он обратился к нему с выражением заинтересованности, которое устраняло всякую видимость вторжения. Он поинтересовался, допускает ли причина его горя какое-либо облегчение, и предложил оказать ему любую помощь, которая в его силах.

"Сэр, - ответил незнакомец, - я очень признателен вам за сочувствие, которое вы выражаете мне, — я ни в чем не нуждаюсь. Для меня нет никакого возможного утешения. Мое несчастье может закончиться только вместе с моей жизнью. Судите сами, ибо интерес, который вы, по-видимому, проявляете к моему несчастью, полностью оправдывает мое доверие. Я был квартирмейстером в отборной жандармерии и входил в состав отряда, который был направлен в Венсен. Я провел там ночь с оружием в руках, а на рассвете получил приказ спуститься ко рву с шестью мужчинами. Должна была состояться казнь. Заключенного вывели, и я дал команду стрелять. Человек упал, и после казни я узнал, что мы застрелили герцога Энгийенского. Представьте себе мой ужас! . . . Я знал заключенного только по имени вандейского разбойника! . . . Я не мог больше оставаться на службе — я получил увольнение и собираюсь удалиться к своей семье. Если бы я сделал это раньше!" Вышесказанное было передано мне и другим лицам секретарем Даву, которого я не буду называть.

ГЛАВА XXIII.

1804.

Задание генерала Орденера—Арест герцога Энгийенского—Ужасная ночная сцена—Рассказ Харреля о смерти принца—Приказ о рытье могилы—Молочная сестра герцога Энгийенского—Чтение приговора—Фонарь—Генерал Савари—Верный пес и полиция—Мой визит в Мальмезон—Горе Жозефины— Портрет герцога Энгийенского и прядь волос —Волнение Савари— Отставка г—на де Шатобриана—Связь г—на де Шатобриана с Бонапарт—мадам Бачокки и месье де Фонтанес—кардинал Феш —Посвящение второго издания "Жана христианизма" —Визит месье де Шатобриана к первому консулу утром в день смерти герцога Энгийенского—Последствия смерти герцога Энгийенского—Изменение мнения в провинциях—Дворянство Замков—Влияние смерти герцога Энгийенского на иностранные дворы— Замечательные слова мистера Питта-Людовика XVIII. возвращает королю Испании эмблему Золотого руна.

Теперь я более подробно расскажу о кровавой сцене, разыгравшейся в Венсенне. Генерал Орднер, командовавший гвардейскими конными гренадерами, получил приказ от военного министра проследовать к Рейну, чтобы дать указания начальникам жандармерии Нового Бриссака, которая была предоставлена в его распоряжение. Генерал Орднер направил отряд жандармерии в Эттенхайм, где 15 марта был арестован герцог Энгийенский. Его немедленно препроводили в Страсбургскую цитадель, где он оставался до 18-го числа, чтобы дать время для получения приказов из Парижа. Эти приказания были отданы быстро и незамедлительно исполнены, поскольку карета, в которой находился несчастный принц, прибыла к барьеру в одиннадцать часов утра 20-го, где оставалась пять часов, а затем проследовала внешними бульварами по дороге в Венсен, куда прибыла ночью. Каждая сцена этой ужасной драмы разыгрывалась под покровом ночи: солнце не светило даже в момент ее трагического завершения. Солдаты получили приказ ночью отправиться в Венсен. Именно ночью роковые ворота крепости закрылись за принцем. Ночью собрался Совет и судил его, или, скорее, осудил без суда. Когда часы пробили шесть утра, был отдан приказ открыть огонь, и принц перестал существовать.

Тут мне приходит в голову одна мысль. Предположим, кто-то склонен признать, что Совет, состоявшийся 10 марта, имел какую-то связь с арестом герцога Энгиенского, но поскольку с момента прибытия герцога к барьеру и до момента его казни Совет не проводился, только сам Бонапарт мог отдавать приказы, которые выполнялись слишком пунктуально. Когда ужасное известие о смерти герцога Энгиенского распространилось по Парижу, оно вызвало чувство ужаса, напомнившее о царстве террора. Если бы Бонапарт увидел уныние, царившее в Париже, и сравнил его с радостью, царившей в тот день, когда он победоносно вернулся с поля Маренго, он бы почувствовал, что запятнал свою славу пятном, которое невозможно стереть.

Около половины первого 22 марта мне сообщили, что кто-то желает поговорить со мной. Это был Харрел.

—[Харрель, который был безработным до заговора Арены и Черакки 18—го Вандемского IX (10 октября 1800 г.), к которому он притворился, что присоединился, а затем рассказал полиции (см. ante), был назначен губернатором Венсенна.]—

Я перескажу слово в слово то, что он сообщил мне. Харрел, вероятно, думал, что из чувства благодарности обязан ознакомить меня с этими подробностями; но он не был мне обязан благодарностью, поскольку во многом против моей воли он поощрял заговор Черакки и получил награду за свое предательство в этом преступлении. Ниже приводится заявление Харрела:—

Позавчера вечером, когда прибыл принц, меня спросили, есть ли у меня комната для содержания пленника; я ответил, что нет, что есть только мои апартаменты и зал Совета. Мне было велено немедленно подготовить комнату, в которой мог бы спать заключенный, который должен был прибыть вечером. Мне также было приказано выкопать яму во дворе.

—[Этот факт следует отметить. Харрелю велят вырыть траншею перед вынесением приговора. Таким образом, стало известно, что они пришли убить герцога Энгиенского. Как на это можно ответить? Можно ли предположить, что кто-либо, кто бы это ни был, осмелился бы заранее отдать каждому приказ, если бы этот приказ не был выполнением официального приказа Бонапарта? Это невероятно.—Бурьен.]—

Я ответил, что это было нелегко сделать, поскольку внутренний двор был вымощен камнем. Затем был укреплен ров и вырыта яма. Принц приехал в семь часов вечера; он умирал от холода и голода. Он не казался удрученным. Он сказал, что хочет чего-нибудь поесть, а потом лечь спать. Поскольку его покои были еще недостаточно проветрены, я отвел его к себе и послал в деревню перекусить. Принц сел за стол и пригласил меня отобедать с ним. Затем он задал мне ряд вопросов о Венсенне — что там происходило и другие подробности. Он сказал мне, что вырос по соседству с замком, и разговаривал со мной очень свободно и по-доброму. "Что им от меня нужно?" - спросил он. "Что они собираются со мной сделать?" Но эти вопросы не выдавали беспокойства. Моя жена, которая была больна, лежала в той же комнате в нише, отгороженной перилами. Незаметно для себя она слышала весь наш разговор и была чрезвычайно взволнована, потому что узнала принца, чьей приемной сестрой она была и чья семья выплачивала ей пенсию до революции.

Принц поспешил лечь в постель, но не успел он заснуть, как судьи послали потребовать его присутствия в зале Совета. Я не присутствовал при его допросе; но когда он закончился, он вернулся в свою комнату, и когда они пришли зачитать ему приговор, он был в глубоком сне.

Через несколько минут после того, как его вывели на казнь. Он так мало подозревал об ожидавшей его участи, что, спускаясь по лестнице, ведущей ко рву, спросил, куда его ведут. Ответа не получил. Я подошел к принцу с фонарем. Почувствовав холодный воздух, поднявшийся по лестнице, он пожал мне руку и сказал: "Они собираются посадить меня в темницу?"

Остальное известно. Я все еще вижу, как Харрел содрогается, думая об этом поступке принца.

Много говорилось о фонаре, который якобы был прикреплен к одной из петлиц герцога Энгийенского. Это чистая выдумка. Капитан Дотанкур, у которого было не очень хорошее зрение, взял фонарь из рук Харрела, чтобы зачитать приговор жертве, которая была осуждена с таким же пренебрежением к судебным формам, как и к правосудию. Это обстоятельство, вероятно, и послужило поводом к истории о фонаре, на которую я только что ссылался. Роковое событие произошло в шесть часов утра 21 марта, и тогда было уже светло.

Генерал Савари не посмел отложить приведение приговора в исполнение, хотя принц настоятельно потребовал свидания с Первым консулом. Если бы Бонапарт увидел принца, можно не сомневаться, что он спас бы ему жизнь. Савари, однако, считал себя обязанным пожертвовать своим собственным мнением в пользу могущественной фракции, которая тогда контролировала Первого консула; и хотя он думал, что служит своему хозяину, на самом деле он служил только фракции, к которой, я должен сказать, он не принадлежал. Правда в том, что генерала Савари можно упрекнуть только в том, что он не взял на себя смелость приостановить казнь, которая, весьма вероятно, не состоялась бы, если бы она была приостановлена. Он был всего лишь орудием, и сожаление с его стороны, возможно, сказало бы в его пользу больше, чем его тщетные попытки оправдать Бонапарта. Я только что сказал, что если бы была какая-то отсрочка, то не было бы и казни; и я думаю, что это почти доказывается неуверенностью, которая, должно быть, существовала в сознании Первого консула. Если бы он принял такое решение, все меры были бы приняты заранее, и если бы они были приняты, карету герцога, конечно, не продержали бы в течение пяти часов у заграждения. Кроме того, несомненно, что первым намерением было отвести принца в тюрьму Храма.

Из всего, что я изложил, и особенно из того, что казнь не была приостановлена, мне кажется ясным как день, что генерал Савари получил официальный приказ от Бонапарта о смерти герцога Энгийенского, а также официальный приказ о том, что дело должно быть организовано таким образом, чтобы сделать невозможным повторный разговор с Бонапартом по этому вопросу, пока все не закончится. Может ли быть более очевидное, более прямое доказательство этого, чем предварительное рытье могилы? Я повторил историю Харрела в том виде, в каком он мне ее рассказал. Он рассказал мне это без всякой просьбы и не мог выдумать обстоятельства подобного рода.

Генерал Савари во время казни находился не во рву, а на берегу, откуда ему было хорошо видно все происходящее. Упоминалось еще одно обстоятельство, связанное со смертью герцога Энгийенского, и это правда. У принца была маленькая собачка; это верное животное постоянно возвращалось к роковому месту во рву. Мало кто не видел это место. Кто не совершал паломничества в Венсен и не ронял слезу там, где упала жертва? Верность бедной собаки вызвала такой большой интерес, что полиция запретила кому бы то ни было посещать роковое место, и больше не было слышно, как собака выла над могилой своего хозяина.

Я обещал рассказать правду о смерти герцога Энгийенского, и я это сделал, хотя это стоило мне некоторой боли. Рассказ Харрела и шокирующее обстоятельство о том, что могила была

вырыта заранее, не оставили мне возможности лелеять какие-либо сомнения, которые я, возможно, хотел бы развеять; и все, что последовало дальше, подтвердило мой тогдашний взгляд на предмет. Когда Харрель оставил меня 22-го числа, я решил отправиться в Мальмезон, чтобы повидать мадам Бонапарт, зная по ее чувствам к Дому Бурбонов, что она будет в величайшем горе. Я заранее послал узнать, удобно ли ей будет повидаться со мной, - предосторожность, которую я никогда прежде не соблюдал, но которая, по моему мнению, была уместна в данном случае. По прибытии меня сразу же ввели в ее будуар, где она была наедине с Гортензией и мадам де Ремюза. Все они были глубоко огорчены. - Бурьен, - воскликнула Жозефина, как только увидела меня, - какое ужасное событие! Знала ли ты, в каком умонастроении находится Бонапарт! Он избегает, он боится любого присутствия! Кто мог подсказать ему подобный поступок? Затем я ознакомил Джозефину с подробностями, которые я получил от Харрела. "Какое варварство!" - воскликнула она. "Но меня никто не может упрекнуть, потому что я сделала все, чтобы отговорить его от этого ужасного проекта. Он не посвятил меня в тайну, но я догадалась об этом, и он во всем признался. Как резко он отвергал мои мольбы! Я прильнула к нему! Я бросилась к его ногам! - Вмешивайся в то, что тебя касается! - сердито воскликнул он. - Это не женское дело! Оставь меня!" И он оттолкнул меня с яростью, которой никогда не проявлял со времени нашей первой встречи после твоего возвращения из Египта. Небеса! что с нами будет?"

Я ничего не мог сказать, чтобы унять горе и тревогу, в которых я участвовал, ибо к моей скорби по поводу смерти герцога Энгийенского добавилось мое сожаление о том, что Бонапарт оказался способен на такое преступление. "Что, - спросила Жозефина, - можно подумать об этом в Париже? Он, должно быть, является объектом всеобщего проклятия, ибо даже здесь его льстецы кажутся изумленными, когда находятся вне его присутствия. Какими несчастными мы были со вчерашнего дня; и он!.... Вы знаете, каким он бывает, когда недоволен собой. Никто не осмеливается заговорить с ним, и все вокруг нас печальны. Какое поручение он дал Савари! Вы знаете, что мне не нравится генерал, потому что он один из тех, чья лесть может способствовать гибели Бонапарта. Что ж! Я пожалел Савари, когда он приехал вчера, чтобы выполнить поручение, возложенное на него герцогом Энгийенским. Вот, - добавила Джозефина, - его портрет и прядь его волос, которые он попросил меня передать тому, кто был ему дорог. Савари чуть не расплакался, описывая мне последние минуты жизни герцога; затем, стараясь вернуть себе самообладание, он сказал: "Напрасно пытаться быть равнодушным, мадам! Невозможно равнодушно наблюдать за смертью такого человека!"

Впоследствии Жозефина сообщила мне о единственном акте мужества, совершенном в тот период, а именно об отставке, которую г-н де Шатобриан отправил Бонапарту. Она очень восхищалась его поведением и сказала: "Как жаль, что его не окружают мужчины такого склада! Это было бы средством предотвратить все ошибки, к которым его приводит постоянное одобрение окружающих". Жозефина поблагодарила меня за внимание, проявленное при посещении ее в столь печальный момент; и я признаюсь, что потребовалось все уважение, которое я питал к ней, чтобы побудить меня сделать это, поскольку в тот момент я не хотел бы видеть Первого консула, поскольку зло было непоправимым. Вечером того дня не говорилось ни о чем, кроме сделки 21 марта и благородного поведения г-на де Шатобриана. Поскольку имя этого знаменитого человека навсегда вписано в историю того периода почетными знаками, я думаю, что могу уместно изложить здесь то, что мне известно о его прежних связях с Бонапартом.

Я не помню точной даты возвращения г-на де Шатобриана во Францию; я знаю только, что это было примерно в 1800 году, поскольку мы, я думаю, все еще находились в Люксембурге;

однако я прекрасно помню, что Бонапарт начал испытывать к нему предубеждение; и когда я однажды выразил свое удивление Первому консулу тем, что имя г-на де Шатобриана не фигурировало ни в одном из списков, которые он приказал представить ему для заполнения вакантных мест, он сказал: "Его упоминали при мне, но я не знаю, как это было". ответил таким образом, чтобы проверить все надежды на то, что он получит какое-либо назначение. У него есть представления о свободе и независимости, которые не соответствуют моей системе. Я предпочел бы иметь его своим врагом, чем вынужденным другом. Во всяком случае, ему придется немного подождать; возможно, я сначала попробую его на второстепенном месте, и, если он преуспеет, я смогу продвинуть его".

Вышесказанное, слово в слово, повторяет то, что сказал Бонапарт, когда я впервые беседовал с ним о господине де Шатобриане. Публикация "Аталы" и "Христианского гения" внезапно сделала Шатобриана знаменитым и привлекла внимание первого консула. Бонапарт, который тогда размышлял о восстановлении религиозного культа во Франции, обнаружил, что его чудесным образом поддержала публикация книги, которая вызвала высочайший интерес и чьи выдающиеся достоинства побудили общественное сознание к рассмотрению религиозных тем. Я помню, как однажды мадам Баччокки пришла навестить своего брата с маленьким томиком в руках; это была "Атала". Она подарила его Первому консулу и попросила его прочитать. "Что, еще романы!" - воскликнул он. "Ты думаешь, у меня есть время читать все твои глупости?" Он, однако, взял книгу у своей сестры и положил ее на мой стол. Затем мадам Баччокки потребовала вычеркнуть имя месье де Шатобриана из списка эмигрантов. "О! о! - воскликнул Бонапарт. - Это книга Шатобриана, не так ли? Тогда я прочту ее. Бурьен, напиши Фуше, чтобы вычеркнул его имя из списка.

Бонапарт в то время уделял так мало внимания тому, что происходило в литературном мире, что не знал о том, что Шатобриан был автором "Аталы". По рекомендации месье де Фонтанеля мадам Баччокки предприняла этот эксперимент, который увенчался полным успехом. Первый консул прочел "Аталу" и остался ею очень доволен. После публикации "Джина христианизма" некоторое время спустя его первые предубеждения были полностью развеяны. Среди его окружения было много таких, кто боялся увидеть, как человек с талантом де Шатобриана приближается к первому консулу, который умел ценить высшие заслуги, когда они не вызывали у него зависти.

Поскольку наши отношения с Ватиканским двором были возобновлены, а кардинал Феш назначен послом при Святом Престоле, Бонапарту пришла в голову идея назначить месье де Шатобриана первым секретарем посольства, полагая, что автор "Джина христианизма" как нельзя лучше подходит для восполнения недостатка талантов у его дяди в столице христианского мира, которой суждено было стать вторым городом Империи.

Было немало необычного в том, что человек, ранее незнакомый с дипломатическими делами, перешагнул все промежуточные ступени и сразу же получил должность первого секретаря важного посольства. Я не раз слышал, как Первый консул поздравлял себя с назначением. Я знал, хотя Бонапарт в то время не был осведомлен об этом обстоятельстве, что Шатобриан сначала отказался от этого положения и что его побудили принять его только мольбы главы духовенства, особенно Эбби Эмери, человека с большим влиянием. Они объяснили автору "Христианского гения", что ему необходимо сопровождать дядю Первого консула в Рим, и г-н де Шатобриан, соответственно, решил это сделать.

Однако между послом и его секретарем сгустились тучи, я не знаю, по какой причине. Все, что я знаю, это то, что, когда Бонапарту сообщили об этом обстоятельстве, он принял сторону кардинала, и друзья г-на де Шатобриана ожидали, что вскоре он будет лишен своего

назначения, когда, к великому удивлению всех, секретарь Римского посольства, отнюдь не опозоренный, был повышен Первым консулом до ранга полномочного министра в Вале с разрешением путешествовать по Швейцарии и Италии вместе с обещанием первого вакантного места в посольстве.

Эта милость произвела немалую сенсацию в Тюильри; но поскольку было известно, что такова воля и удовольствие Первого консула, все высказывания по этому поводу ограничивались несколькими тихими перешептываниями о том, что Бонапарт сделал для имени Шатобриана то, что на самом деле он сделал только благодаря своему таланту. Именно в период действия этой милости первое издание "Джина христианства" было посвящено Первому консулу.

Г-н де Шатобриан вернулся во Францию раньше, чем приступил к выполнению своей новой миссии. Он оставался в Париже несколько месяцев и в день, назначенный для его отъезда, отправился проститься с Первым консулом. По странной случайности это случилось роковым утром 21 марта, следовательно, всего через несколько часов после того, как был застрелен герцог Энгиенский. Нет необходимости отмечать, что г-н де Шатобриан не знал об этом роковом событии. Однако, вернувшись домой, он сказал своим друзьям, что заметил странную перемену во внешности Первого консула и что на его лице появилось какое-то злое выражение. Бонапарт увидел своего нового министра среди толпы, присутствовавшей на аудиенции, и несколько раз, казалось, порывался подойти к нему, чтобы заговорить, но так же часто отворачивался и не приближался к нему все утро. Несколько часов спустя, когда г-н де Шатобриан поделился своими наблюдениями с некоторыми из своих друзей, ему открылась причина того волнения, которое, несмотря на всю свою силу духа и самообладание, Бонапарт не смог скрыть.

Г-н де Шатобриан немедленно отказался от своего назначения полномочным министром в Вале. В течение нескольких дней его друзья были сильно встревожены за его безопасность и звонили каждое утро рано утром, чтобы убедиться, не унесли ли его ночью. Их опасения были небезосновательны. Должен признаться, что я, хорошо знавший Бонапарта, был несколько удивлен тем, что гнев, который он проявил, получив отставку человека, посвятившего ему свою работу, не имел серьезных последствий. На самом деле, были веские основания для опасений, и Элизе не без труда удалось предотвратить грозящую бурю. С этого времени началось состояние вражды между Бонапартом и Шатобрианом, которое прекратилось только с Реставрацией.

Исходя из моего знания характера Бонапарта, я убежден, что, хотя он сохранил непримиримую неприязнь к вернувшемуся эмигранту, который осмелился столь категорично осудить его поведение, тем не менее, когда его первый взрыв гнева был улажен, то, что было причиной ненависти, стало в то же время основанием для уважения. Враждебность Бонапарта была, признаюсь, очень естественной, поскольку он не мог скрыть от самого себя истинного значения отставки, сделанной при таких обстоятельствах. В нем ясно говорилось: "Вы совершили преступление, и я не буду служить вашему правительству, запятнанному кровью бурбона!" Поэтому я могу очень хорошо представить, что Бонапарт никогда не смог бы простить единственного человека, который осмелился преподать ему такой урок в разгар полноты его власти. Но, как я часто имел случай отмечать, между чувствами Бонапарта и его суждениями не было единства.

Я нахожу свежее доказательство этого в следующем отрывке, который он продиктовал месяце де Монтолону на острове Святой Елены (Мемуары, том iv. стр. 248). "Если бы, - сказал он, - королевское доверие не было оказано людям, чьи умы были расстроены слишком важными

обстоятельствами или которые, отступники перед своей страной, не видели безопасности или славы для трона своего господина иначе, как под игом Священного Союза; если бы герцог де Ришелье, честолюбивым намерением которого было избавить свою страну от присутствия иностранных штыков; если бы Шатобриан, который только что оказал ценные услуги в Генте; если бы они руководили делами, Франция вышла бы из этих двух великих национальных кризисов сильной и грозной. Шатобриан получил от Природы священный огонь - его работы показывают это! Его стиль не стиль Расина, а стиль пророка. Только он мог безнаказанно заявить в палате пэров, "что редингот и треуголка Наполеона, надетые на трость на берегу Бреста, заставят всю Европу взяться за оружие".

Непосредственные последствия смерти герцога Энгийенского не ограничивались общим испугом, который вызвал в столице этот неоправданный шаг государственной политики. Новость быстро распространилась по провинциям и зарубежным странам, и повсюду ее сопровождали удивление и скорбь. В департаментах существует отдельный класс общества, обладающий большим влиянием и состоящий исключительно из лиц, обычно называемых "Дворянством замков", которые, можно сказать, составляют провинциальное Сен-Жерменское предместье и которые были потрясены этой новостью. Мнение дворянства Замков до сих пор не было неблагоприятным для Первого консула, поскольку закон о заложниках, который он отменил, был воспринят ими очень сурово. За исключением некоторых семейств, привыкших считать себя по отношению ко всему миру теми, кем они были лишь в пределах двух лье, то есть выдающимися личностями, все жители провинций, хотя и сохраняли некоторую приверженность древнему порядку вещей, с удовлетворением восприняли замену директорского правления консульским и не испытывали личной неприязни к Первому консулу. Среди Замков, больше, чем где-либо еще, всегда было принято лелеять утопические идеи, касающиеся управления общественными делами, и критиковать действия правительства. Хорошо известно, что в то время во всей Франции не было ни одного старинного особняка, увенчанного двумя флюгерами, который не имел бы собственной политической системы и в котором часто не обсуждался бы вопрос, будет ли первый консул играть роль Кромвеля или Монка. В ходе этих невинных споров свободно обсуждались те небольшие новости, которые разрешалось публиковать парижским газетам, а конфиденциальное письмо из Парижа иногда давало пищу для разговоров на целую неделю.

Пока я был с Бонапартом, он часто рассказывал мне о жизни в Замках, которую считал самой счастливой для людей с достаточным достатком и свободных от честолюбия. Он знал и мог оценить такую жизнь, потому что часто рассказывал мне о том периоде своей жизни, который помнил. с наибольшим удовольствием он побывал в замке семьи Була дю Коломбье близ Валанса. Бонапарт придавал большое значение мнению Замков, потому что, живя в деревне, он наблюдал моральное влияние, которое их обитатели оказывают на своих соседей. Ему в значительной степени удалось примирить их, но известие о смерти герцога Энгийенского оттолкнуло от него умы, которые все еще колебались, и даже те, которые уже высказались в его пользу. Этот акт тирании разрушил очарование, которое вселяло надежду в его правительство, и пробудил чувства, которые до сих пор только дремали. Те, кому это событие было почти безразлично, также присоединились к его осуждению, ибо существуют определенные аристократические идеи, которые всегда модны в определенном классе общества. Таким образом, по разным причинам это злодеяние придало ретроградное направление общественному мнению, которое ранее было благосклонно настроено к Бонапарту во всей Франции.

Последствия были не менее важными и могли оказаться катастрофическими для иностранных судов. Я узнал по каналу, который не позволяет мне сомневаться в правильности моей информации, что, как только император Александр получил известие, стало ясно, что Англия может лелеять вполне обоснованную надежду сформировать новую коалицию против Франции. Александр открыто выразил свое возмущение. Я также узнал с такой же уверенностью, что, когда мистеру Питту сообщили о смерти французского принца, он сказал: "Бонапарт причинил себе больше вреда, чем мы причинили ему с момента последнего объявления войны".

—[Замечание, сделанное по поводу этого убийства проникательным хладнокровным Фуше, хорошо известно. Он сказал: "Это было хуже, чем преступление — это была грубая ошибка!" — Редактор издания 1836 года.] —

Питт был не из тех людей, которые сильно переживают из-за чьей-либо смерти; но он понял и воспользовался всеми преимуществами, которые давала ему эта крупная политическая ошибка, совершенная самым грозным врагом Англии. Во всех журналах Казначейства, издаваемых в Лондоне, Бонапарт никогда не упоминался ни под каким другим именем, кроме как "убийца герцога Энгиенского". Инертная политика Венского кабинета не позволяла выражать свое неудовольствие ни увещеваниями, ни какими-либо внешними действиями. В Берлине, вследствие соседства французских войск в Ганновере, сочувствие по поводу смерти герцога Энгиенского также ограничивалось королевским кабинетом и, в особенности, салонами королевы Пруссии; но несомненно, что эта сделка почти повсюду изменила расположение монархов к Первому консулу и что если она не вызвала, то, по крайней мере, ускорила успех переговоров, которые Англия тайно вела с Австрией и Пруссией. Каждый принц Германии был оскорблен посягательством на территорию великого герцога Баденского, и смерть принца не могла не вызвать повсюду того рода сочувствия по крови и расе, которое до сих пор всегда влияло на коронованных особ и суверенные семьи Европы; ибо это воспринималось как оскорбление для них всех.

При Людовике XVIII. узнав о смерти герцога Энгиенского, он написал королю Испании, возвращая ему знаки отличия ордена Золотого руна (которые также были вручены Бонапарту), приложив сопроводительное письмо:

СИР, МЕСЬЕ И ДОРОГОЙ КУЗЕН, с сожалением возвращаю вам знаки отличия ордена Золотого руна, которыми наградил меня его величество, ваш отец славной памяти. Между мной и великим преступником, которого дерзость и удача возвели на мой трон, не может быть ничего общего, поскольку он имел варварство запятнать себя кровью бургунда, герцога Энгиенского.

Религия может заставить меня простить убийцу, но тиран моего народа всегда должен быть моим врагом.

В наш век более славно заслужить скипетр, чем обладать им.

Провидение, по непостижимым причинам, может обречь меня закончить свои дни в изгнании, но ни моим современникам, ни потомкам никогда не придется говорить, что в период невзгод я показал себя недостойным занимать трон моих предков.

ЛУИ

Смерть герцога Энгиенского была ужасным эпизодом в ходе великого судебного процесса, который в то время готовился и за которым вскоре последовало возведение Бонапарта в императорское достоинство. Не менее примечательной аномалией той эпохи было то, что

приговор, которым были осуждены преступные предприятия против Республики, был вынесен от имени императора, который столь очевидно разрушил эту Республику. Эта аномалия, конечно, не была устранена хитростью, с помощью которой он сначала провозгласил себя императором Республики, в качестве предварительного шага к тому, чтобы провозгласить себя императором Франции. Оставляя в стороне средства, следует признать, что невозможно не восхищаться гением Бонапарта, его упорством в продвижении к своей цели и тем искусным применением гибкости и дерзости, которые позволяли ему иногда бросать вызов фортуне, иногда избегать трудностей, которые он считал непреодолимыми, чтобы достичь не просто трона Людовика XVI, но и восстановленного трона Карла Великого.

ГЛАВА XXIV.

1804.

Предательство Пишегрю —Его арест—Его поведение по отношению к своему старому адъютанту— Отчет о семье Пишегрю и его образовании в Бриенне— Разрешение навестить г—на Карбоне—Заключенные в Тампле— Абсурдное применение слова "разбойник"—Моро и отношение к нему общественного мнения—Твердость Пишегрю—Пишегрю задушен в тюрьме— Общественное мнение того времени-Сообщение о смерти Пишегрю.

Теперь я продолжу рассказывать о том, что я знал в то время и что я узнал впоследствии о различных этапах судебного процесса над Жоржем, Пишегрю, Моро и другими лицами, обвиняемыми в заговоре, — судебного процесса, на котором я внимательно присутствовал. Из этих разбирательств я был убежден, что Моро не был заговорщиком, но в то же время я должен признать, что весьма вероятно, что Первый консул мог поверить, что он был вовлечен в заговор, и я также придерживаюсь мнения, что настоящие заговорщики считали Моро своим сообщником и главарем; поскольку целью махинаций полицейских агентов было создать основу для такого убеждения, поскольку это было важно для успеха их плана.

Было заявлено, что Моро был арестован на следующий день после признаний, сделанных Буве де Лозье; Пишегрю был схвачен с помощью самого гнусного предательства, в котором только может быть виновен человек. Официальная полиция, наконец, установила, что он находится в Париже, но они не смогли узнать, где он скрывается. Агенты полиции напрасно прилагали все свои усилия, чтобы найти его, когда старый друг, давший ему последнее убежище, предложил выдать его за 100 000 крон. Этот печально известный тип дал точное описание комнаты, которую занимал Пишегрю на улице Шабане, и, благодаря его сведениям, комиссар полиции направился туда в сопровождении нескольких решительных людей. Меры предосторожности были необходимы, потому что было известно, что Пишегрю был человеком огромной физической силы, и что, кроме того, поскольку он обладал средствами защиты, он не позволил бы захватить себя, не оказав отчаянного сопротивления.

Полиция проникла в его комнату, воспользовавшись фальшивыми ключами, которые человек, продавший его, имел наглость изготовить для них. На его ночном столике горел свет. Отряд полиции под руководством Комменжа опрокинул стол, погасил свет и бросился на генерала, который сопротивлялся изо всех сил и громко кричал. Им пришлось связать его, и в таком состоянии завоеватель Голландии был перенесен в Храм, из которого ему не суждено было выйти живым.

Следует признать, что Пишегрю далеко не вызывал такого же интереса, как Моро. Общественность, и особенно армия, так и не простили ему его переговоры с принцем де Конде перед 18-м Фруктидором. Однако, пока он был в Париже, я познакомился с одной чертой его характера, которая, как мне кажется, делает ему большую честь. Сын месье Лагрени, бывшего директора Французской академии в Риме, был одним из адъютантов Пишегрю. Этот молодой человек, хотя и получил звание капитана, подал в отставку после изгнания своего генерала и снова взялся за карандаш, который он отложил вместо шпаги. Пишегрю, пока он скрывался в Париже, посетил своего бывшего адъютанта, который настаивал на предоставлении ему убежища; но Пишегрю решительно отказался принять предложение г-на Лагрени, решив не подвергать опасности человека, который уже дал ему такое убедительное доказательство дружбы. Я узнал об этом факте по странному совпадению. В это время мадам де Буррьен пожелала иметь портрет одного из наших детей; ее порекомендовали месье Лагрени, и он рассказал ей об этом обстоятельстве.

Именно в ночь на 22 февраля Пишегрю был арестован описанным мною способом. Лживого друга, который выдал его, звали Ле Блан, и он уехал поселиться в Гамбург с наградой за свое предательство, я совершенно потерял Пишегрю из виду с тех пор, как мы покинули Бриенну, потому что Пишегрю тоже был учеником этого заведения; но, будучи старше Бонапарта или меня, он уже был наставником, когда мы были всего лишь школьниками, и я очень хорошо помню, что именно он проверял Бонапарта по четырем первым правилам арифметики.

Пишегрю принадлежал к фермерской семье Франш-Конте. У него был родственник, миним, в этой стране. Минимы, в обязанности которых входило обучение воспитанников Военного училища Бриенна, были очень бедны, и их бедность не позволяла им привлекать других людей к оказанию им помощи, поэтому они обратились к минимам Франш-Конте. В результате этого применения отношение Пишегрю и некоторые другие минимумы были восстановлены до Бриенна. Их сопровождала тетя Пишегрю, которая была сестрой ордена милосердия, и забота о лазарете была возложена на нее. Эта добрая женщина взяла с собой в Бриенну своего племянника, и он получил образование в школе бесплатно. Как только позволил возраст, Пишегрю стал наставником; но все, чего он добивался, состояло в том, чтобы стать минимом. Однако его родственник отговорил его от этого занятия, и он выбрал профессию военного. В молодости Пишегрю есть еще одно примечательное обстоятельство: хотя он был на несколько лет старше Бонапарта, они оба были произведены в лейтенанты артиллерии в одно и то же время. Какая разница в их судьбе! Пока один готовился взойти на трон, другой был одиноким узником в подземелье Храма.

У меня не было причин посещать ни Тамплъ, ни Ла Форс, но в то время я получал подробные сведения о том, что происходило в этих тюрьмах, особенно в первой; однако я часто ездил в Сент-Пелажи, где содержался г-н Карбоне. Как только я узнал, что он помещен в эту тюрьму, я приступил к тому, чтобы добиться признания у Реала, который уладил все трудности. М. Карбоне провел два месяца в одиночной камере. Его несколько раз допрашивали, но допросы не дали результата, и, несмотря на желание привлечь его к ответственности из-за известной близости между ним и Моро, в конце концов было признано невозможным предать его суду вместе с другими обвиняемыми.

Тампль внушал больше ужаса, чем Сент-Пелажи, но не заключенным, которые содержались в нем, поскольку ни одна из этих прославленных жертв полицейских махинаций не проявила слабости, за исключением Буве де Лозье, который, сознавая свою слабость, желал предотвратить ее последствия смертью. Однако внимание публики было приковано к тюрьме, в которой содержался Моро. Я уже упоминал, что Пишегрю был доставлен туда ночью 22 февраля; две недели спустя Жорж был арестован и помещен в ту же тюрьму.

Либо Реал, либо Демаре, а иногда и то и другое вместе, направлялись в Храм, чтобы осмотреть пленников. Тщетно полиция пыталась вызвать общественную ненависть к заключенным, расклеивая списки с их именами по всему Парижу еще до того, как они были арестованы. В этих списках они были названы "разбойниками", и во главе "разбойников" бросалось в глаза имя генерала Моро. Абсурд, не имеющий аналогов. Произведенный эффект был полностью противоположен тому, на который рассчитывали; поскольку ни один человек не мог связать идею разбойника с идеей генерала, который был объектом общественного уважения, естественно, был сделан вывод, что те, чьи имена были вывешены на плакатах вместе с его именами, были такими же разбойниками, как и он сам.

Общественное мнение было решительно на стороне Моро, и все были возмущены тем, что его называли разбойником. Он был далек от того, чтобы считать его виновным, на него смотрели как на жертву, привязанную к Бонапарту, потому что его репутация ставила Бонапарта в неловкое положение; на Моро всегда смотрели как на человека, способного воспротивиться осуществлению честолубивых замыслов Первого консула. Все преступление Моро заключалось в том, что у него было множество сторонников среди тех, кто все еще цеплялся за призрак Республики, и это преступление было непростительным в глазах Первого консула, который в течение двух лет распоряжался судьбами Франции как полновластный хозяин. Какие средства не были использованы для того, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение относительно Моро? Полиция публиковала всевозможные памфлеты, и граф де Монгайяр был вызван из Лиона для составления клеветнического иска, обвиняющего его в связях с Пишегрю и принцами-изгнанниками. Но ничто из того, что было сделано, не произвело предполагаемого эффекта.

Слабохарактерность Моро известна. На самом деле он позволил нескольким интриганам обойти себя, которые пытались извлечь выгоду из влияния его имени. Но он был настолько решительно настроен против восстановления старой системы, что ответил одному из обратившихся к нему агентов: "Я не могу поставить себя во главе какого-либо движения в поддержку бурбонов, и такая попытка не увенчалась бы успехом. Если Пишегрю будет действовать по другому принципу — и даже в этом случае я сказал ему, что консулы и губернатор Парижа должны исчезнуть, — я полагаю, что у меня есть партия, достаточно сильная в Сенате, чтобы получить власть, и я немедленно воспользуюсь этим, чтобы защитить его друзей; общественное мнение тогда продиктует, что следует предпринять, но я ничего не буду обещать письменно". Допуская, что эти слова, приписываемые Моро, верны, они доказывают, что он был недоволен консульским правительством и что он желал перемен; но есть большая разница между условным желанием и заговором.

Командиром главной охраны Храма был генерал Сэвори, и он усилил эту охрану своей отборной жандармерией. Заключенные не осмеливались общаться друг с другом из-за боязни взаимных травм, но все они проявили мужество, которое вызвало немалую тревогу относительно последствий судебного процесса. Ни предложения, ни угрозы не привели к каким-либо признаниям в ходе допросов. Пишегрю, в частности, проявил необычайную твердость, и однажды Реал, выйдя из палаты, где он его осматривал, громко сказал в присутствии нескольких человек: "Что за человек этот Пишегрю!"

Прошло сорок дней после ареста генерала Пишегрю, когда утром 6 апреля он был найден мертвым в комнате, которую он занимал в Тампле. Пишегрю подвергся десяти допросам, но он не сделал ни одного признания, и ни один человек не был привлечен к ответственности за его ответы.

Однако все его заявления давали основания полагать, что он выскажется, и притом в возвышенной и энергичной манере, в ходе судебного разбирательства. "Когда я предстану перед моими судьями, - сказал он, - мой язык будет соответствовать истине и интересам моей страны". Каким был бы этот язык? Без сомнения, не было никакого желания, чтобы это было услышано. Пишегрю сдержал бы свое обещание, поскольку он отличался твердостью характера превыше всего, даже превыше своих солдатских качеств; в этом отношении он отличался от Моро, который позволял себе руководствоваться женой и тещей, которые оба проявляли нелепые претензии во время своих визитов к мадам Бонапарт.

День, когда Реал выступил перед несколькими жителями Пишегрю так, как я описал, был днем его последнего экзамена. Впоследствии я узнал из источника, на который я могу положиться, что во время допроса Пишегрю, хотя и старался не говорить ничего, что могло бы повлиять на других заключенных, не проявил склонности проявлять нежность к тому, кто добивался и уладил его смерть, но проявил твердую решимость раскрыть перед публикой отвратительный механизм заговора, в который его втянула полиция. Он также заявил, что у него и его спутников больше не было никакой цели, кроме как обдумать способы покинуть Париж, чтобы вырваться из ловушек, расставленных для них при аресте. Он заявил, что все они отказались от идеи свержения власти Бонапарта, плана, в который их втянули постыдными интригами. Я убежден, что страх, вызванный проявлением им решимости высказываться с самой жесткой откровенностью, ускорил смерть Пишегрю. М. Реаль, который все еще жив, лучше, чем кто-либо другой, знает, каковы были заявления Пишегрю, когда он допрашивал его. Я не знаю, сочтет ли этот джентльмен нужным, в настоящее время или когда-нибудь в будущем, приподнять завесу тайны, которая висит над этими событиями, но я уверен, что он не сможет отрицать ничего из того, что я расскажу. Имеются доказательства, почти равносильные демонстрации того, что Пишегрю был задушен в тюрьме, и, следовательно, любая идея самоубийства должна быть отвергнута как неприемлемая. Есть ли у меня положительные и существенные доказательства того, что я утверждаю? Я этого не делал; но совпадение фактов и весомость вероятностей не оставляют у меня сомнений, которые я хотел бы питать по поводу этого трагического события. Кроме того, существует определенный народный инстинкт, который редко ошибается, и, должно быть, многие помнят не только то, что общее мнение благоприятствовало идее убийства Пишегрю, но и то, что усилия, предпринятые для придания этому мнению другого направления, путем показательной демонстрации тела, только укрепили его. Тот, кто спонтанно говорит: "Я не совершал такого-то преступления", по крайней мере, признает, что есть основания подозревать его в вине.

Правда в том, что никогда еще общественное мнение не было настроено против Бонапарта с такой силой, как во время суда над Моро; не было ошибочным и общественное мнение по поводу смерти Пишегрю, который, очевидно, был задушен в Тампле секретными агентами. Авторы, действующие лица и свидетели ужасных тюремных сцен того периода - единственные люди, способные рассеять сомнения, которые все еще нависают над смертью Пишегрю; но я должен, тем не менее, утверждать, что предшествующие обстоятельства, общее мнение того времени и даже вероятность противоречат любой идее самоубийства Пишегрю. Его смерть считалась необходимой, и эта необходимость была ее истинной причиной.

ГЛАВА XXV.

1804.

Арест Жорж, дочери торговца фруктами с улицы Монтань—Сент. Женестьева—Визит Луи Бонапарта в Тампль— Генерал Лористон—Арест Вильнева и Барко—Вильнев ранен—Моро во время его заключения—Подготовка к выходу из Тампля—Заметная перемена в Жорже—Обращения и поздравления—Забыта речь Первого консула—Секретные переговоры с Сенатом—Официальное предложение о возведении Бонапарта на трон Империи—Заседание Государственного совета— Вмешательство Бонапарта—Индивидуальные голоса—Семь против двадцати— Его подданные и его народ—Уместность титула императора—Переписка между Бонапартом и Сенатом— Камбасерес впервые назвал Бонапарта "Сир" —Первое письмо, подписанное Наполеоном в качестве императора—Торжественная церемония в Тюильри—Обращение Наполеона к императорской гвардии—Органический "Сенат-консулат"—Возрождение старых формул и титулов—Республиканство Люсьена—Испанская принцесса— Тайный брак Люсьена—Влияние Бонапарта на немецких принцев—Интриги Англии—Дрейк в Мюнхене—Проект свержения правительства Бонапарта—Циркуляр министра иностранных дел членам дипломатического корпуса—Ответы на этот циркуляр.

Жорж был арестован около семи часов вечера 9 марта вместе с другим заговорщиком, которого, кажется, звали Леридан. Жоржа остановили в кабриолете на площади Одеон, куда его, без сомнения, направил полицейский агент, постоянно находившийся рядом с ним. Не арестовывая его на месте, они, вероятно, хотели придать больше огласки его аресту и произвести впечатление на умы толпы. Этот расчет стоил жизни одному человеку и едва не унес жизни двоих, ибо Жорж, постоянно носивший при себе оружие, сначала застрелил полицейского, схватившего поводья лошади, и ранил другого, который подошел, чтобы арестовать его, - кабриолет. Помимо пистолетов, при нем был найден кинжал английского производства.

Жорж жил у женщины по имени Лемуан, которая держала фруктовую лавку на улице Монтань Сент-Женестьева, и вечером 9 марта он только что покинул свою квартиру, чтобы, как говорили, отправиться к парфюмер по имени Карон. Трудно предположить, что то обстоятельство, что полиция оказалась на месте происшествия, было чистой случайностью. Дочь торговца фруктами укладывала в кабриолет сверток, принадлежавший Жоржу, в момент его ареста. Жорж, видя, что офицеры приближаются, чтобы схватить его, пожелал, чтобы девушка убралась с дороги, опасаясь, что он застрелит ее, когда будет стрелять в офицеров. Она убежала в соседний дом, прихватив с собой сверток. Легко предположить, что полиция вскоре последовала за ней. Хозяин дома, в котором она укрылась, желая узнать, что находится в посылке, вскрыл ее и обнаружил, среди прочего, мешочек с 1000 голландскими соверенами, из которого, по его признанию, он извлек значительную сумму. Он и его жена, а также дочь фруктошника были арестованы; что касается Жоржа, то его в тот

же вечер отвезли в Тампль, где он оставался до тех пор, пока его не перевели в Консьержери, когда начался суд.

В течение всего судебного разбирательства Жорж и другие важные заключенные содержались в одиночной камере. Сразу после смерти Пишегрю заключенные были проинформированы об этом обстоятельстве. Поскольку все они были знакомы с генералом и никто не поверил сообщению о его самоубийстве, легко представить, какой ужас вызвало у них это трагическое событие. Я узнал, и мне было жаль слышать об этом, что Луи Бонапарт, который был превосходным человеком и, вне всякого сравнения, лучшим представителем семьи, проявил жестокое любопытство, увидев Жоржа в его тюрьме через несколько дней после смерти Пишегрю, и когда ощущение ужаса, вызванное этим событием внутри Тампля, достигло своего апогея, Луи отправился в тюрьму в сопровождении блестящего эскорта штабных офицеров, и генерал Савари представил его заключенным. Когда Луи приехал, Жорж лежал на своей кровати с руками, крепко скованными наручниками. Лористон, сопровождавший Людовика, рассказал мне некоторые подробности этого визита, который, как он заверил меня, несмотря на его искреннюю преданность первому консулу, был для него очень болезненным.

После ареста Жоржа все еще оставались несколько человек, отмеченных как соучастники заговора, которые нашли способы ускользнуть от розыска полиции. Последними арестованными были, я думаю, Вильнев, одно из главных доверенных лиц Жоржа, Бурбан Малабр, известный под именем Барко, и Шарль д'Озье. Их забрали только через пять дней после ареста герцога Энгиенского. Знаменитый комиссар Комменж в сопровождении инспектора и отряда элитных жандармов нашел Вильнева и Бурбана Малабра в доме человека по фамилии Дюбюиссон на улице Жан Робер.

Этот Дюбюиссон и его жена приютили у себя некоторых важных персон, объявленных полицией вне закона. У них поселились г-н де Полиньяк и г-н де Ривьер. Когда полиция пришла арестовывать Вильнева и Бурбана Малабре, люди, у которых они жили, заявили, что утром они уехали. Полицейские, однако, обыскали дом и обнаружили потайную дверь в шкафу. Они позвонили, и, не получив ответа, жандармерия прибегла к одному из тех способов, которые, к сожалению, были им слишком хорошо знакомы. Они выстрелили из пистолета через дверь. Вильнев, известный под фамилией Жуайо, был ранен в руку, что вынудило его и его спутника покинуть место своего укрытия, после чего они были взяты в плен.

С Моро обращались не так строго, как с другими заключенными. Действительно, так обращаться с ним было бы небезопасно, поскольку даже в своей тюрьме он пользовался почтением всех военных, не исключая даже тех, кто был его охранником. Многие из этих солдат служили под его началом, и нельзя было забыть, как сильно его любили войска, которыми он командовал. Он не обладал тем неотразимым обаянием, которое возбуждало в Бонапарте привязанность, но его мягкий нрав и превосходный характер внушали любовь и уважение. В Париже было общее мнение, что одно-единственное слово Моро солдатам, под стражу которых он был отдан, в одно мгновение превратило бы тюремную стражу в почетный караул, готовый выполнить все, что могло потребоваться для безопасности победителя Гогенлиндена. Возможно, уважение, с которым к нему относились, и снисходительность к ежедневным встречам с женой и ребенком были всего лишь искусным расчетом удержать его в рамках его обычного характера. Кроме того, Моро был настолько уверен в несправедливости предъявленного ему обвинения, что был спокоен и смирился и не выказывал ни малейшего желания возбуждать гнев врага, который был бы рад выдвинуть против него какое-нибудь реальное обвинение. К этим причинам в совокупности я всегда

относил отставку и, я бы сказал, безразличие Моро, пока он находился в тюрьме и на процессе.

Когда юридические приготовления к суду были закончены, узникам Храма разрешили общаться друг с другом, и, взирая на свою судьбу с тем безразличием, которое внушали молодость, несчастье и отвага, они развлекались некоторыми из тех игр, которые обычно служат для мальчишеского развлечения. Пока они занимались этим, поступил приказ доставить их в Консьержери. Решимость всех оставалась непоколебимой, и они готовились к отъезду так, словно занимались самым обычным делом. Эта стойкость была особенно замечательна в Жорже, в поведении которого произошла перемена, замеченная всеми его товарищами по несчастью.

В течение некоторого времени правительственным агентам по всей Франции было поручено просить Первого консула предоставить народу то, чего народ не хотел, но что хотел взять Бонапарт, в то время как он, казалось, подчинялся общей воле, а именно неограниченную суверенную власть, свободную от каких-либо вероисповедных уловок. Только что раскрытый великий заговор, в ходе которого Бонапарт не подвергся ни малейшей опасности, как во времена "адской машины", не был упущен; этой возможностью, напротив, жадно воспользовались власти всех рангов, гражданские, церковные и военные, и поток обращений, поздравлений и благодарственных речей затопил Тюильри. Большинство авторов этих посланий не ограничивались простыми поздравлениями; они умоляли Бонапарта укрепить свою работу, истинный смысл которой заключался в том, что пришло время ему провозгласить себя императором и установить наследственную преемственность. Те, кто в других случаях проявлял официозную готовность выполнять приказы Бонапарта, теперь не боялись навлечь на себя его неудовольствие, выступив против мнения, высказанного им в Государственном совете по поводу обсуждения вопроса о пожизненном консульстве. Затем Бонапарт сказал: "Наследование по наследству абсурдно. Это несовместимо с принципом суверенитета народа и невозможно во Франции".

В этой сцене великой драмы Бонапарт сыграл свою роль с присущим ему талантом, оставаясь на заднем плане и предоставляя другим задачу подготовки катастрофы. Сенат, взявший на себя инициативу по инсинуации, не преминул, поздравляя Первого консула с его спасением от заговоров иностранцев, или, как их официально называли, английских кинжалов, призвать его не откладывать завершение своей работы. Через шесть дней после смерти герцога Энгиенского сенат впервые выразил это пожелание. Либо потому, что Бонапарт начал раскаиваться в бесполезном преступлении и почувствовал, какой дурной эффект оно должно произвести на общественное мнение, либо потому, что он нашел формулировки сената несколько расплывчатыми, он оставил обращение почти на месяц без ответа, а затем ответил только просьбой более полно выразить намерение обращения. Эти переговоры между Сенатом и главой правительства не были немедленно опубликованы. Бонапарт не любил публичности, за исключением того, что приводило к результату; но для достижения результата, который был целью его честолюбия, было необходимо, чтобы проект, который он вынашивал, был представлен Трибунату, и трибуну Кюре выпала честь быть первым, кто 30 апреля 1804 года официально предложил преобразование Консульской республики в Империю и возведение Бонапарта в титул императора с правами наследования.

Если бы могли существовать какие-либо сомнения относительно уступчивости, которую Кюре проявил в этом случае, одного обстоятельства было бы достаточно, чтобы устранить их; а именно, что за десять дней до развития своего предложения Бонапарт вынес вопрос об основании империи и установлении наследственности в его семье на тайное обсуждение в

Государственном совете. Я узнал от одного из членов Государственного совета обо всем, что произошло по этому поводу, и могу отметить, что Камбасерес проявил особое рвение в Государственном совете, а затем и в Сенате, стать высокопоставленным подданным того, кто был его первым коллегой по консульству.

Примерно в середине апреля, когда Государственный совет был собран как на обычное заседание, Первый консул, который часто присутствовал на заседаниях, не явился. Камбасерес прибыл и занял президентское кресло в качестве Второго консула, и было отмечено, что вид у него был более торжественный, чем обычно, хотя он все время напускал на себя серьезность.

Сторонники наследования составляли большинство и решили обратиться с речью к Первому консулу. Те из советников, кто выступал против этого, решили, со своей стороны, направить встречное обращение; и чтобы избежать этого столкновения мнений, Бонапарт выразил свое желание, чтобы каждый член Совета прислал ему свое мнение индивидуально, с проставленной его подписью. По странной случайности в задачу Берлье входило изложить Первому консулу отдельные мнения Совета. Из двадцати семи присутствующих советников только семеро выступили против этого вопроса. Бонапарт принял их всех самым любезным образом и сказал им, среди прочего, что он желает наследственной власти только для блага Франции; что граждане никогда не будут его подданными и что французский народ никогда не будет его народом. Таковы были предварительные замечания к официальному предложению Кюре трибунату, и, поразмыслив, было решено, что, поскольку всякое противодействие бесполезно и, возможно, опасно для противоборствующей стороны, меньшинство должно присоединиться к большинству. Это было сделано соответствующим образом.

После того как трибунал принял предложение Кюре, у него больше не было причин скрывать инициативы сената. Таким образом, его обращение к Первому консулу было опубликовано через сорок дней после даты его составления: тогда груша созрела. Этот период настолько важен, что я не должен упускать из виду наиболее примечательные факты, которые либо были в пределах моего собственного наблюдения, либо которые я узнал с момента основания Империи.

Бонапарт задолго до этого говорил мне о титуле императора как о наиболее подходящем для нового суверенитета, который он хотел установить во Франции. Это, как он заметил, не было полным восстановлением старой системы, и он много внимания уделял тому, что это был титул, который носил Цезарь. Он часто говорил: "Человек может быть императором республики, но не Королем республики, эти два термина несовместимы".

В своем первом обращении Сенат взял в качестве проверки документы, полученные им от правительства в связи с интригами Дрейка, который был отправлен из Англии в Мюнхен. Этот текст давал возможность туманно выразить то, что Сенат назвал потребностями Франции. Чтобы придать делу большую торжественность, Сенат в полном составе направился в Тюильри, и одна вещь, которая придавала особый характер заранее подготовленным действиям сената, заключалась в том, что Камбасерес, Второй консул, выполнил свои функции президента по этому случаю и обратился с речью к Первому консулу.

Однако первый консул счел, что обращение Сената, которое, как мне сообщили, было составлено Франсуа де Нефшато, не было выражено с достаточной ясностью; поэтому он, выждав небольшой перерыв, направил Сенату подписанное им самим послание, в котором говорилось: "Ваше обращение было предметом моего серьезного рассмотрения". И хотя в обращении не упоминалось о наследовании по наследству, он добавил: "Вы считаете

наследование высшей магистратуры необходимым для защиты французского народа от заговоров наших врагов и агитации, проистекающей из конкурирующих амбиций. В то же время некоторые из наших институтов, как вам кажется, нуждаются в совершенствовании, чтобы обеспечить торжество равенства и общественной свободы и предложить нации и правительству двойную гарантию, в которой они нуждаются". Из последующих отрывков послания будет достаточно извлечь следующее: "Мы постоянно руководствовались этой великой истиной: суверенитет принадлежит французскому народу и что для его интересов, счастья и славы существуют и должны быть учреждены Высшая магистратура, Сенат, Государственный совет, Законодательный орган, коллегии выборщиков и различные ветви власти". Упущение трибуната в этом перечислении несколько примечательно. Он провозгласил обещание, которое было быстро реализовано.

Поскольку воля Бонапарта была выражена таким образом в его послании Сенату, у этого органа, созданного для сохранения институтов, освященных Конституцией VIII года, не было иного выбора, кроме как подчиниться намерениям, выраженным Первым консулом. Таким образом, ответ на сообщение был всего лишь копией самого сообщения. В нем однозначно заявлялось, что наследственное правление необходимо для счастья, славы и процветания Франции и что это правление может быть доверено только Бонапарту и его семье. В то время как Сенат столь покладисто сыграл свою роль в этой хорошо подготовленной пьесе, все же, чтобы лучше воздействовать на доверчивость толпы, его ответ, подобно посланию Бонапарта, прозвучал словами "свобода и равенство". Действительно, в этом ответе было нагло заявлено, что приход Бонапарта к наследственной власти был бы определенной гарантией свободы печати, свободы, к которой Бонапарт относился с величайшим ужасом и без которой всякая другая свобода - не более чем тщетная иллюзия.

Этим ответом Сената был сделан важнейший шаг. Теперь оставалось только упорядочить церемонии и заполнить формулы. Эти различные приготовления привели к задержке на две недели. 18 мая первого консула впервые приветствовал обращением "Сир" его бывший коллега Камбасерес, который во главе сената отправился представлять Бонапарту органический "Senatus-consulte", содержащий основу империи. Наполеон находился в Сен-Клу, куда торжественно проследовал Сенат. После речи Камбасереса, в которой впервые было возрождено старое обозначение Величества, ИМПЕРАТОР ответил: —

Все, что может способствовать благосостоянию страны, по сути, связано с моим счастьем. Я принимаю титул, который, по вашему мнению, способствует славе нации. Я подчиняюсь с санкции народа закону о наследовании. Я надеюсь, что Франция никогда не пожалеет о почестях, которыми она может наградить мою семью. В любом случае, мой дух не будет с моими потомками, когда они перестанут заслуживать доверия и любви великой нации.

Затем Камбасерес отправился поздравить императрицу, и тогда Жозефине исполнилось предсказание, которое я сделал ей три года назад в Мальмезоне.

—[В первоначальном предложении, подготовленном Кюре, императорское достоинство должно было быть объявлено наследственным в семье Наполеона. Прежде чем зачитать документ перед трибуналом, Первый консул послал за ним, и когда он был возвращен, оказалось, что слово "семья" заменено на "потомки". Фабр, президент трибуната, получивший измененный документ от Маре, видя, какой эффект это изменение окажет на братьев Наполеона, и обнаружив, что Маре сделал вид, что посчитал изменение несущественным, взял на себя восстановление

первоначальной формы, и в таком виде он был зачитан бессознательным кюре Трибуналам. Об этом любопытном отрывке см. Миот де Мелито, том ii, стр. 179. Поскольку окончательно было решено, что передача короны в случае отсутствия детей Наполеона была ограничена Жозефом и Людовиком и их потомками, но право усыновления было передано Наполеону. Проект "Сенат-консульт" был заслушан Государственным советом в молчании, и Наполеон тщетно пытался заставить высказаться даже самых разговорчивых из присутствующих. Сенат не был единодушен в принятии решения о "Сенатус-консульте". Говорили, что тремя голосами против него проголосовал Грегуар, бывший конституционный епископ Блуа, Карат, который в качестве министра юстиции читал Людовику XVI. смертный приговор, и Ланжуине, один из немногих оставшихся в живых жирондистов, Тьер говорит, что был только один несогласный голос. О ярости братьев Наполеона, которые видели крушение всех своих честолюбивых надежд в какой—либо мере на передачу короны, кроме как семье, см. Мио, том ii. стр. 172, где Жозеф описывается как проклинающий честолюбие своего брата и желающий его смерти ради блага Франции и его семьи.]-

Первым актом Бонапарта в качестве императора в самый день его восшествия на императорский трон было возведение Жозефа в достоинство великого курфюрста с титулом Императорского высочества. Людовик был возведен в достоинство констебля с тем же титулом, а Камбасерес и Лебрен были назначены архи-канцлером и архи-казначеем империи. В тот же день Бонапарт написал Камбасересу следующее письмо, первое из которых он подписал как император и просто именем Наполеона:

ГРАЖДАНИН КОНСУЛ КАМБАСЕРЕС— Ваш титул изменился, но ваши функции и мое доверие остались прежними. В высоком сане, которым вы сейчас облечены, вы будете продолжать проявлять, как до сих пор проявляли в должности консула, ту мудрость и тот выдающийся талант, которые дают вам право на столь важную долю во всем добре, которое я, возможно, совершил. Поэтому мне остается только желать сохранения тех чувств, которые вы питаете по отношению к Государству и ко мне.

Дано во дворце Сен-Клу 28-го Флореаля XII века (18 мая 1804 года).

(Подпись) НАПОЛЕОН.

От имени императора. X. Б. МАРЕТ.

Я процитировал это первое письмо императора, потому что оно характерно для искусства Бонапарта управлять переходными процессами. Император обратился к гражданину консулу, и оно было датировано по республиканскому календарю. Этот календарь вместе с вводящей в заблуждение надписью на монете были всем, что теперь осталось от Республики. На следующий день император прибыл в Париж, чтобы устроить торжественный прием в Тюильри, ибо он был не из тех, кто откладывает удовлетворение тщеславия, получаемое от его нового достоинства и титула. Собрание было более многочисленным и блестящим, чем когда-либо прежде. Бессьер обратился к императору от имени гвардейцев, император ответил в следующих выражениях: "Я знаю чувства, которые гвардейцы питают ко мне. Я полностью доверяю их мужеству и верности. Я постоянно с новым удовольствием вижу товарищей по оружию, которые избежали стольких опасностей и покрыты столькими почетными ранами. Я испытываю чувство удовлетворения, когда смотрю на гвардейцев и

думаю, что за последние пятнадцать лет ни в одной из четырех частей света не было сражения, в котором кто-то из них не принимал участия".

В тот же день все генералы и полковники Парижа были представлены императору Луи Бонапартом, который уже приступил к выполнению своих функций констебля. Через несколько дней все приняло новый вид; но, несмотря на открыто выражавшееся восхищение, парижане втайне высмеивали новых придворных. Это сильно рассердило Бонапарта, которого очень мягко проинформировали об этом, чтобы умирить его предубеждение в пользу людей старого двора, таких как граф де Сегюр, а в более поздний период - граф Луи де Нарбонн.

Чтобы придать максимально возможную торжественность своему вступлению на престол, Наполеон приказал, чтобы сам Сенат провозгласил в Париже органический "Senates-consulte", который полностью изменил Конституцию государства. По одной из тех аномалий, которые я часто имел случай отмечать, император назначил для этой церемонии воскресенье, 30-е цветочное. В тот день во всем Париже был праздник, в то время как несчастные узники томились в подземельях Тампля.

На следующий день после восшествия на престол Бонапарта старые формулы были восстановлены. Император постановил, что французские принцы и принцессы должны получить титул императорского Высочества; что его сестры должны принять тот же титул; что высшие сановники Империи должны называться Светлейшими Высочествами; что к принцам и титуляриям высших сановников следует обращаться титулом монсеньор; что г-н Маре, государственный секретарь, должен иметь ранг министра; что министры должны сохранить титул "Превосходительство", к которому в петициях, адресованных им, следует добавить титул "Монсеньор"; и что титул "Превосходительство" должен быть присвоен г-ну Маре. председатель Сената.

В то же время Наполеон назначил первых маршалов империи и постановил, что при устном обращении их следует называть месье Маршал, а при письменном - монсеньор. Ниже приведены имена этих сынов Республики, превратившихся в опору Империи: Бертье, Мюрат, Монси, Журден, Массена, Ожеро, Бернадотт, Сульт, Брюн, Ланн, Мортье, Ней, Даву и Безьер. Звание маршала империи было также присвоено генералам Келлерману, Лефевру, Периньону и Серрюрье за то, что они занимали пост главнокомандующего.

Читатель не мог не заметить, что имя Люсьена не упоминалось среди членов семьи Бонапарта, которым были присвоены высокие звания. Дело в том, что два брата больше не были в хороших отношениях друг с другом. Не потому, как утверждалось, что Люсьен хотел играть роль республиканца, а потому, что он не подчинился бы властной воле Наполеона в обстоятельствах, когда последний рассчитывал на покорность своего брата в интересах своей политики. На конференциях, предшествовавших великому изменению формы правления, не Люсьен, а Жозеф, вероятно, ради того, чтобы высказать свое мнение, оказал влияние на оппозицию, которую некоторые ошибочно принимали за республиканство. Что касается Люсьена, то, поскольку он действительно оказал большие услуги Наполеону 19 Брюмера при Сен-Клу, и поскольку он сам преувеличивал ценность этих услуг, он не видел никакой награды, достойной его честолюбия, кроме трона, независимого от его брата. Несомненно, что, находясь в Мадриде, он стремился снискать расположение испанской инфанты, и по этому поводу ходили слухи, к которым я не имею никакого отношения, потому что у меня никогда не было возможности убедиться в их правдивости. Все, что я знаю, это то, что, поскольку первая жена Люсьена умерла, Бонапарт хотел, чтобы он женился на немецкой принцессе, таким образом заключив первый великий союз в семье. Люсьен, однако,

отказался подчиниться желанию Наполеона и тайно женился на жене агента по имени, я полагаю, Жуберу, которого ради удобства отправили в Вест-Индию, где он вскоре умер. Когда Бонапарт услышал об этом браке от священника, которым он был тайно заключен, он пришел в ярость и решил не присваивать Люсьену титул французского принца из-за того, что он называл его неравным браком. Таким образом, Люсьен не получил никакого другого звания, кроме звания сенатора.

—[По словам самого Люсьена, Наполеон хотел, чтобы он женился на королеве Этрурии Марии-Луизе, дочери Карла IV Испанского, которая вышла замуж в 1795 году за Луи де Бурбона, принца Пармского, сына герцога Пармского, которому Наполеон подарил Тоскану в 1801 году как королевство Этрурия. Ее муж умер в мае 1808 года, и она правила страной от имени своего сына. Люсьен, чья первая жена, Анна Кристин Буайе, умерла в 1801 году, женился на своей второй жене, Александрин Лоранс де Блешамп, которая была замужем, но развелась, за неким месье Джонбертоном. Когда Люсьен был послом в Испании в 1801 году, которому, среди прочего, было поручено завоевание Эльбы, королева, по его словам, пожелала, чтобы Наполеон женился на инфанте - донне Изабелле, своей младшей дочери, впоследствии королеве Неаполя, - увертюра, на которую Наполеон, по-видимому, не дал никакого ответа. Что касается Люсьена, то он возражал своему брату, что королева некрасива, и смеялся над утверждениями Наполеона о том, что она "хороша собой"; но в конце концов он признал свой брак с мадам Жубертон. Это привело к полному разрыву между братьями, и, услышав о казни герцога Энгиенского, Люсьен сказал своей жене: "Александрина, пойдем; он попробовал крови". Он отправился в Италию, а в 1810 году попытался уехать в Соединенные Штаты. Взятый в плен англичанами, он содержался под стражей сначала на Мальте, а затем в Англии, в замке Ладлоу и в Торнгроуве, до 1814 года, когда он отправился в Рим. Папа, который всегда проявлял добрые чувства к Бонапартам, сделал бывшего "Брута" Бонапарта принцем де Канино и герцогом де Музиньяно. В 1815 году он присоединился к Наполеону и после окончательного падения империи был интернирован в Риме до смерти своего брата.]—

Джером, придерживавшийся противоположной линии поведения, впоследствии был провозглашен королем. Что касается республиканства Люсьена, то оно не пережило 18 Брюмера, и он всегда был горячим сторонником наследования по наследству.

Но я перехожу к рассказу о том, что мне известно относительно почти невероятного влияния, которое при основании Империи Бонапарт оказывал на державы, которые еще не осмеливались объявить ему войну. Я внимательно изучил политику Бонапарта и пришел к такому выводу по этому вопросу, что им руководили амбиции, страсть к господству и что никакие отношения на основе равенства между ним и какой-либо другой державой не могли быть длительными. Другим государствам Европы оставалось только выбрать одно из двух — подчинение или войну. Что касается второстепенных государств, то отныне они могли рассматриваться как вотчины французского правительства; и поскольку они не могли сопротивляться, Бонапарт легко заставил их подчиниться своему ярму. Может ли быть более веское доказательство этого произвольного влияния, чем то, что произошло в Карлсруэ после вторжения на территорию Бадена в результате ареста герцога Энгиенского? Далекий от того, чтобы делать какие-либо замечания по поводу этого нарушения, столь противоречащего правам наций, великий герцог Баденский был вынужден опубликовать в своем собственном государстве декрет, очевидно, продиктованный Бонапартом. В указе говорилось, что многие лица, ранее принадлежавшие к армии Конде, прибыли в окрестности Карлсруэ, и его высочество-выборщик счел своим долгом распорядиться, чтобы ни одно лицо, прибывающее из армии Конде, и даже ни один французский эмигрант, не должны

были, если у них не было предварительного разрешения на пребывание в этом месте, задерживаться дольше, чем разрешено иностранным путешественникам. Такого уже было влияние, которое Бонапарт оказывал на Германию, чьи князья, если воспользоваться выражением, которое он употребил в более позднем указе, были подавлены грандиозными мерами Империи.

Но справедливости ради, ни в коей мере не оправдывая Бонапарта, я должен признать, что интриги, которые Англия разжигала во всех частях Континента, были рассчитаны на то, чтобы возбудить его естественную раздражительность до предельной степени. Агенты Англии были разбросаны по всей Европе, и они варьировали слухи, которые им было поручено распространять, в соответствии с шансами на доверие, которые предоставляли различные места. Их сообщения, как правило, были ложными; но к ним прислушивались из-за доверчивости, и спекулянты старались, каждый в соответствии со своими интересами, оказать им поддержку. Штаб-квартирой всего этого заговора был Мюнхен, где Дрейк, присланный из Англии, имел верховное руководство. Его переписка, изъятая французским правительством, была сначала помещена среди документов, которые должны были быть представлены по делу Жоржа, Моро и других заключенных; но в ходе предварительного разбирательства Верховный судья получил указание изъять их и сделать предметом специального доклада Первому консулу, чтобы их заблаговременная публикация могла повлиять на общественное мнение и сделать его неблагоприятным для тех, кто был обречен на принесение в жертву. Инструкции, данные Дрейком своим агентам, не позволяют сомневаться в том, что Англия желала свергнуть правительство Бонапарта. Дрейк написал следующее человеку, которому было поручено совершить поездку по Франции:

Главной целью вашего путешествия является свержение существующего правительства, и одним из способов его осуществления является получение информации о планах врага. Для этой цели чрезвычайно важно начать, в первую очередь, с установления контактов с лицами, на которых можно положиться в различных правительственных учреждениях, с целью получения точной информации обо всех планах, касающихся иностранных или внутренних дел. Знание этих планов обеспечит наилучшее средство для их срыва; а неудача — это способ полностью дискредитировать правительство - первый и самый важный шаг к намеченной цели. Постарайтесь привлечь на свою сторону надежных агентов в различных правительственных ведомствах. Постарайтесь также узнать, что происходит в секретном комитете, который, как предполагается, создан в Сен-Клу и состоит из друзей Первого консула. Будьте осторожны при предоставлении информации о различных проектах, которые Бонапарт может вынашивать в отношении Турции и Ирландии. Аналогичным образом отправляйте разведданные о передвижениях войск, о судах и судостроении, а также обо всех военных приготовлениях.

Дрейк в своих инструкциях также рекомендовал, чтобы единственной целью на данный момент было свержение правительства Бонапарта и чтобы ничего не говорилось о намерениях короля до тех пор, пока не будет получена определенная информация о его взглядах; но большинство его писем и инструкций были написаны до 1804 года. Весь характер изъятых документов доказывал то, о чем Бонапарт не мог не знать, а именно, что Англия была его постоянным врагом; но, изучив их, я пришел к выводу, что в них не содержалось ничего, что могло бы оправдать веру в то, что правительство Великобритании санкционировало какое-либо покушение на убийство.

Когда Первый консул получил отчет Верховного судьи о заговорах Дрейка против его правительства, он передал его копию в Сенат, и именно в ответ на это сообщение Сенат предпринял те первые шаги, которые Бонапарт считал расплывчатыми, но которые, тем не менее, привели к образованию Империи. Несмотря на это важное обстоятельство, я до сих пор не упоминал Дрейка, поскольку его интриги по свержению Бонапарта, как мне показалось, были более непосредственно связаны с подготовкой к судебному процессу над Жоржем и Моро, о котором я расскажу в следующей главе.

—[Это не были заговоры с целью убийства. Точно так же у Бонапарта были свои секретные агенты в каждой стране Европы, не исключая и Англию. Элисон (глава xxxvii, пар. 89) говорит по этому поводу о Дрейке, что, хотя английские агенты, безусловно, пытались совершить контрреволюцию, у них и в мыслях не было поощрять убийство Наполеона, в то время как "Англия не могла сравниться с агентами французской полиции в сделке такого рода, поскольку публикация "Regular" выявила унижительный факт, что вся переписка Дрейка и Спенсера Смита регулярно передавалась, как только это происходило, полиции Парижа, и что их руководитель переписки в этом городе, М. Меху де ла Тонш, сам был агентом полиции, нанятым для соблазна британских посланников". в это опасное предприятие".] -

Одновременно с тем, как Бонапарт передал Сенату отчет Верховного судьи, министр иностранных дел направил членам Дипломатического корпуса следующее циркулярное письмо:

Первый консул приказал мне препроводить вашему превосходительству копию представленного ему отчета о заговоре, организованном во Франции мистером Дрейком, министром его Британского Величества при Мюнхенском дворе, который по своей цели, а также по дате, очевидно, связан с печально известным заговором, находящимся в настоящее время в ходе расследования.

Распечатанная копия писем мистера Дрейка и подлинных документов прилагается к отчету. Оригиналы будут немедленно отправлены по приказу Первого консула курфюрсту Баварии. Такая проституция самой почетной функции, которая может быть возложена на мужчину, не имеет аналогов в истории цивилизованных наций. Это поразит и огорчит Европу как неслыханное преступление, о котором до сих пор не осмеливались помышлять самые порочные правительства. Первый консул слишком хорошо знаком с настроениями аккредитованного при нем Дипломатического корпуса, чтобы не быть полностью убежденным в том, что каждый из его членов с глубоким сожалением увидит профанацию священного статуса посла, низменно превращенного в министра заговоров, ловушек и коррупции.

Все послы, министры, полномочные представители, посланники, обычные или чрезвычайные, независимо от их наименования, направили министру иностранных дел ответы, в которых они выразили ужас и возмущение поведением Англии и махинациями Дрейка. Эти ответы были возвращены всего через пять дней после смерти герцога Энгиенского; и здесь нельзя не восхититься ловкостью Бонапарта, который таким образом заставил всех представителей европейских правительств дать официальные свидетельства уважения к его личности и правительству.

ГЛАВА XXVI.

1804.

Суд над Моро, Жоржем и другими—Общественный интерес, вызванный Моро—Предъявление обвинений заключенным—Письмо Моро Бонапарту—Насилие председателя Суда по отношению к заключенным—Лайоле и Роллан—Экспертизы, направленные на привлечение Моро к уголовной ответственности—Замечательные наблюдения—Речь, написанная месье Гаратом—Мнение Бонапарта о красноречии Гарата—Генерал Лекурб и сын Моро—Уважение, проявленное к Моро военными—Различные настроения, вызванные Жоржем и Моро—Торио и "Туи-руа"—Ответы Жоржа на допросы—Он отказывается от предложения о помиловании—Костер Сен—Виктор—Наполеон и актриса—Капитан Райт—М. де Ривьер и медаль графа д'Артуа—Благородная борьба между М. де Полиньяком—Приговор заключенным—Замечание Бонапарта—Помилования и казни.

28 мая, примерно через десять дней после провозглашения Наполеона императором, начались судебные процессы над Моро и другими. Ни одно подобное событие, произошедшее с тех пор, не может передать представление о брожении, которое тогда царило в Париже. Возмущение, вызванное арестом Моро, проявлялось открыто и не подлежало наблюдению полиции. Были успешно предприняты попытки ввести общественное мнение в заблуждение относительно Джорджа и некоторых других обвиняемых, которых считали наемными убийцами на службе Англии, по крайней мере, той многочисленной частью общественности, которая безоговорочно верила заявлениям, представленным им как официальным. Но дело обстояло иначе в отношении тех лиц, которые были объектами особого общественного интереса, а именно. Г-н де Полиньяк, де Ривьер, Шарль д'Озье и, прежде всего, Моро. Имя Моро возвышалось над всеми остальными, и по отношению к нему правительство находилось в немалом замешательстве. Было необходимо, с одной стороны, окружить его достаточно внушительной охраной, чтобы подавить рвение народа и его друзей, и все же, с другой стороны, требовалось позаботиться о том, чтобы эта охрана не была настолько сильной, чтобы допустить возможность превращения ее в пункт сбора, если голос вождя, столь почитаемого армией, обратится к ней с просьбой о защите. Восстание населения в пользу Моро рассматривалось как вполне возможное событие — одни надеялись на это, другие страшились. Когда я размышляю о царившем тогда настроении, я уверен, что движение в его пользу безошибочно состоялось бы, если бы судьи, более сговорчивые, чем даже те, кто председательствовал на процессе, приговорили Моро к высшей мере наказания.

Невозможно составить представление о толпе, запрудившей аллеи Дворца правосудия в день начала судебных процессов. Это скопление людей продолжалось в течение двенадцати дней, пока длился процесс, и было чрезвычайно велико в день вынесения приговора. Люди самого высокого класса стремились присутствовать.

Я был одним из первых в зале, решив понаблюдать за ходом этого торжественного разбирательства. Когда Суд был в сборе, Председатель приказал ввести заключенных. Они вошли гуськом и расположились на скамейках каждый между двумя жандармами. Они казались собранными, и на лицах всех, кроме Буве де Лозье, была написана покорность судьбе, который не осмеливался поднять глаза на своих товарищей по несчастью, которых предала скорее его слабость, чем воля. Я не узнал его до тех пор, пока Президент не начал вызывать заключенных и задавать обычные вопросы относительно их имен, профессии и места жительства. Из сорока девяти заключенных, среди которых было несколько женщин, только двоих я знал лично, а именно Моро, чье присутствие на скамье подсудимых, казалось, трогало сердца каждого, и Жоржа, которого я видел в Тюильри в кабинете Первого консула.

Первое заседание Суда было занято оглашением обвинительного акта, и голоса судебных приставов, требовавших тишины, едва могли заглушить гул, охвативший Суд при упоминании имени Моро. Все взоры были обращены к победителю Гогенлиндена, и пока имперский прокурор зачитывал длинное обвинительное заключение и призывал к возмездия закона за покушение на главу Республики, было легко понять, как он использовал свою изобретательность, чтобы возложить очевидную вину на лавры Моро. Здравый смысл общественности усмотрел доказательства его невиновности в тех самых обстоятельствах, которые были выдвинуты против него. Я никогда не забуду эффект, произведенный — столь противоположный тому, что ожидали обвинители, — прочтением письма, адресованного Моро из его тюрьмы в Тампле Первому консулу, когда судьи, назначенные для его допроса, попытались сделать предметом обвинения его прошлое поведение на основании того, что в его руки попали бумаги г-на де Клинглина. Его упрекали в том, что он слишком долго откладывал передачу этих документов Директории; и было любопытно наблюдать, как император Наполеон становится мстителем за мнимые преступления, совершенные против Директории, которую он сверг.

В письме, о котором здесь говорится, Моро сказал Бонапарту, тогдашнему первому консулу:

"Во время короткой кампании Пятого года (с 20 по 23 марта 1797 года) мы изъяли бумаги, принадлежащие штабу армии противника, и мне был доставлен ряд документов, которые генерал Дезэ, тогда раненый, развлекался, просматривая. Из этой переписки явствовало, что генерал Пишегрю поддерживал связь с французскими принцами. Это открытие было очень болезненным, особенно для меня, и мы договорились ничего не говорить по этому поводу. Пишегрю, как член Законодательного органа, мало что мог сделать, чтобы навредить общественному делу, поскольку был установлен мир. Тем не менее, я принял все меры предосторожности для защиты армии от пагубных последствий системы шпионажа События 18 Фруктидора вызвали столько беспокойства, что два офицера, знавшие о существовании переписки, убедили меня передать ее правительству Я чувствовал, что как государственный служащий я больше не могу хранить молчание Во время двух последних кампаний в Германии и после заключения мира мне были сделаны отдаленные попытки установить связь с французскими принцами. Это казалось настолько абсурдным, что я не обратил внимания на эти попытки. Что касается нынешнего заговора, я могу заверить вас, что был далек от того, чтобы принимать в нем какое-либо участие. Я повторяю вам, генерал, что какое бы предложение на этот счет мне ни было сделано, я отверг его и расценил как верх безумия. Когда мне представляли, что вторжение в Англию предоставит благоприятную возможность для осуществления перемен во французском правительстве, я неизменно отвечал, что Сенат является той властью, за которую вся Франция, естественно, будет цепляться в смутное время, и что я был бы первым, кто подчинился бы его приказам. На подобные предложения, сделанные частному лицу, не желавшему сохранять никаких связей ни с

армией, девять десятых которой служили под моим началом, ни с какой-либо другой официальной властью, единственным возможным ответом был отказ. Предательство доверия я презирал. Такой шаг, который всегда низок, становится вдвойне отвратительным, когда предательство совершается против тех, кому мы обязаны благодарностью или были связаны старой дружбой.

"Это, генерал, все, что я могу сказать вам о моих отношениях с Пишегрю, и это должно убедить вас в том, что из поведения, которое, хотя, возможно, и неосмотрительно, было далеко от преступного, были сделаны очень ложные и поспешные выводы".

Моро выполнил свой долг государственного служащего, передав Директории бумаги, в которых раскрывался заговор против правительства и которые попали ему в руки в связи с началом войны. Он выполнил свой долг человека чести, не навлекая добровольно на себя позора, который никогда не может быть стерт с личности доносчика. Бонапарт на месте Моро сыграл бы ту же роль, ибо я никогда не знал человека, который выражал бы более сильное негодование, чем он сам, против доносчиков, пока он не начал считать все добродетелью, служащей его честолюбию, и все преступлением, которое ему противостоит.

Два факта, которые наиболее убедительно привлекли мое внимание во время процесса, были непрекращающаяся жестокость председателя Суда по отношению к заключенным и невиновность Моро.

—[Странно, что Бурьенн не признает, что Наполеон возложил на него обязанность присутствовать на процессе над Моро и посылать ежедневный отчет о ходе разбирательства.]—

Но, несмотря на самые коварные проверки, какие только можно придумать, Моро ни разу не впал ни в малейшее противоречие. Если мне не изменяет память, именно на четвертый день его допрашивал Тюрио, один из судей. Результатом, ясным как день для всех присутствующих, было то, что Моро был совершенно незнаком со всеми заговорами, со всеми интригами, которые разворачивались в Лондоне. На самом деле, в течение всего судебного процесса, к которому я прислушивался с таким же вниманием, как и с интересом, я не обнаружил и тени обстоятельства, которое могло бы хоть в малейшей степени привлечь его к ответственности или которое имело бы к нему хоть малейшее отношение. Едва ли кто-нибудь из ста тридцати девяти свидетелей, которые были заслушаны со стороны обвинения, знал его, и он сам заявил на четвертом заседании, которое состоялось 31 мая, что среди обвиняемых нет ни одного человека, которого он знал, ни одного, которого он когда-либо видел. В ходе длительного разбирательства, несмотря на явные попытки Тюрио добиться ложных признаний и нагнетания противоречий, не было выявлено ни одного сколько-нибудь важного факта, который мог бы нанести ущерб Моро. Внешне он был так же спокоен, как и его совесть; и когда он сидел на скамье подсудимых, у него был вид человека, движимого любопытством присутствовать на этом интересном судебном процессе, а не обвиняемого, для которого разбирательство могло закончиться осуждением и смертью. Если бы не падение Моро в рядах врага, если бы не иностранная кокарда, опозорившая шапку победителя Гогенлиндена, его полная невиновность давно была бы поставлена под сомнение, и было бы признано, что для его уничтожения были задействованы самые гнусные махинации. Очевидно, что Лажоле, переехавший из Лондона в Париж и из Парижа в Лондон, играл роль интригана, а не заговорщика; и что целью его миссий было не столько примирить Моро и Пишегрю, сколько сделать Пишегрю инструментом привлечения Моро к

ответственности. Те, кто предполагал, что Лайоле находится на жалованье у британского правительства, подверглись вопиющему насилию. Лажоле состоял всего лишь на жалованье у тайной полиции; он был приговорен к смертной казни, как и ожидалось, но получил помилование, как и было условлено. Это было одно из разоблачений, которые мог бы сделать Пишегрю; отсюда необходимость убрать его с дороги до суда. Что касается показаний человека по имени Роллан, то всем было ясно, что Моро был прав, когда сказал президенту: "По моему мнению, Роллан либо является креатурой полиции, либо он дал свои показания под влиянием страха". Роллан сделал два заявления, первое из которых вообще ничего не содержало; второе было ответом на следующие замечания: "Видите ли, вы оказались в ужасной ситуации; вас должны либо признать соучастником заговора, либо принять в качестве улики. Если вы ничего не скажете, вас будут рассматривать как сообщника; если вы признаетесь, вы будете спасены". Это единственное обстоятельство может дать представление о том, как проводились судебные процессы с целью привлечения Моро к уголовной ответственности. Со своей стороны, генерал отражал атаки, объектом которых он был, со спокойным самообладанием и скромной уверенностью, хотя иногда у него вырывались вспышки справедливого негодования. Я вспоминаю, какой эффект он произвел на Суд и аудиторов на одном из заседаний, когда Президент обвинил его в намерении сделать себя диктатором. Он воскликнул: "Я диктатор! Что, стать диктатором во главе сторонников Бурбонов! Укажи на моих сторонников! Моими партизанами, естественно, были бы солдаты Франции, девятьюдесятью которых я командовал и спас более пятидесяти тысяч. Вот на каких партизан я должен обратить внимание! Все мои адъютанты, все знакомые мне офицеры были арестованы; ни против кого из них не было обнаружено ни тени подозрения, и они были отпущены на свободу. Зачем же тогда приписывать мне безумие в стремлении сделать себя диктатором с помощью приверженцев старых французских князей, людей, которые сражались за их дело с 1792 года? Вы утверждаете, что эти люди в течение двадцати четырех часов разработали проект возведения меня к Диктатуре! Думать об этом - безумие! Упоминалось о моем состоянии и моем жалованье; я начал свой путь ни с чего; к этому времени у меня могло бы быть пятьдесят миллионов; у меня есть только дом и клочок земли; что касается моего жалованья, то оно составляет сорок тысяч франков. Конечно, эта сумма не сравнится с моими услугами.

Во время суда Моро выступил в защиту, которая, как я знал, была написана его другом Гаратом, красноречие которого, как я хорошо помню, всегда не нравилось Бонапарту. В этом я убедился на торжественной церемонии, которая состоялась на площади Победы при закладке первого камня памятника, который должен был быть воздвигнут в память о Дезэ, но который так и не был выполнен. Первый консул вернулся домой в очень дурном расположении духа и сказал мне: "Буррьен, что за скотина этот Гарат! Какой красноречивец! Я был вынужден слушать его три четверти часа. Есть люди, которые никогда не знают, когда следует придержать язык!"

Каким бы ни был характер красноречия Гарата или мнение о нем Бонапарта, его поведение во время суда над Моро было благородным; ибо он мог быть уверен, что Бонапарт затаит на него обиду за то, что он помог своим пером единственному человеку, чья военная слава, хотя и не равная воинской славе Первого консула, могла дать ему право считаться его соперником по славе. На одном из заседаний произошло обстоятельство, которое произвело почти электрический эффект. Мне кажется, я до сих пор вижу генерала Лекурба, достойного друга Моро, неожиданно входящего в Зал Суда, ведя за собой маленького мальчика. Подняв ребенка на руки, он громко и с большим волнением воскликнул: "Солдаты, смотрите на сына вашего генерала!"

—[Этот поступок Лекурба, вместе с ролью, сыгранной в этом процессе его братом, одним из судей, был самым неудачным не только для Лекурба, но и для Франции, которая в результате лишилась услуг своего лучшего генерала горной войны. Хорошо известны его походы в Швейцарию в 1799 году на Сен-Готард против Суварроу. Естественно, опозоренный за ту роль, которую он сыграл с Моро, он не был снова принят на работу до сентября, когда сослужил хорошую службу, хотя и не одобрял отхода Нея от дела роялистов. Он умер в 1816 году; его брат, судья, был очень гневно встречен Наполеоном, который назвал его уклончивым судьей и уволил его с должности (Ремюза, том ii, стр. 8).]—

При этом неожиданном движении все присутствующие военные спонтанно встали и обнажили оружие; в то время как одобрительный гул зрителей сопровождал этот акт аплодисментами. Несомненно, что если бы Моро в тот момент сказал хотя бы одно слово, таков был энтузиазм в его пользу, трибунал был бы распущен и заключенные освобождены. Моро, однако, хранил молчание и действительно казался единственным беззаботным человеком в Суде. На протяжении всего процесса Моро внушал такое уважение, что, когда ему задавали вопрос и он вставал, чтобы ответить, жандармы, назначенные охранять его, одновременно вставали и стояли с непокрытой головой, пока он говорил.

Жорж был далек от того интереса, который вызывал Моро. Он был скорее объектом любопытства, чем интереса. Разница в их предыдущем поведении была сама по себе достаточной, чтобы вызвать разительный контраст в их положении перед Судом. Моро был полон уверенности, а Жорж - смирения. Последний взирал на свою судьбу с яростной решимостью. Время от времени он возвращался к едкому тону, от которого, казалось, отказался, когда обращался к своим товарищам перед их уходом из Храма. С самой саркастической горечью он упомянул имя и голос Тюрио, одного из самых жестоких судей, часто называя его "Ту-руа";

—[Тюрио и президент Хемарт оба проголосовали за смерть короля. Мерлин, генеральный прокурор империи, был одним из цареубийц. Бурьен.]—

и после того, как его называли по имени или заставляли отвечать на вопросы, он просил стакан бренди, чтобы прополоскать рот.

У Жоржа были манеры и осанка грубого солдата, но под своей грубой внешностью он скрывал душу героя. Когда свидетели его ареста ответили на вопросы председателя Хемарта, этот судья повернулся к обвиняемому и спросил, хочет ли он что-нибудь сказать в ответ. — "Нет". — "Вы признаете факты?" — "Да". Здесь Жорж занялся просмотром лежавших перед ним бумаг, когда Гемар предупредил его, чтобы он прекратил и отвечал на вопросы. Затем начался следующий диалог. "Признаете ли вы, что были арестованы в месте, указанном свидетелем?" — "Я не знаю названия этого места". — "Признаете ли вы, что были арестованы?" — "Да". — "Вы дважды стреляли из пистолета?" — "Да". — "Вы убили человека?" — "Действительно, я не знаю". — "Был ли у вас кинжал?" — "Да". — "И два пистолета?" — "Да". — "Кто был с вами в компании?" — "Я не знаю этого человека". — "Где вы жили в Париже?" — "Нигде". — "На момент вашего ареста вы не проживали в доме торговца фруктами на улице Монтань Сент—Женевьев?" - "На момент моего ареста я был в кабриолете. Я нигде не останавливался". — "Где вы ночевали в вечер вашего ареста?" — "Нигде". — "Что вы делали в Париже?" — "Я прогуливался". — "Кого вы видели в Париже?" — "Я никого не назову; я никого не знаю".

По этому короткому образцу того, как Жорж отвечал на вопросы Председателя, мы можем судить о его непоколебимой твердости во время слушаний. Во всем, что касалось его самого, он был совершенно откровенен; но в отношении всего, что могло угрожать его окружению, он хранил самое упорное молчание, несмотря на все попытки преодолеть его твердость.

То, что я был не единственным, кто справедливо оценил благородный характер Жоржа, становится очевидным из следующего обстоятельства. Сопроводив месье Карбоне в полицию, куда он отправился за своими документами, в день его переезда в Сент-Пелажич, мы были вынуждены дожидаться возвращения месье Реаля, который отсутствовал. Месье Демаре и еще несколько человек также присутствовали. месье Реаль был в Консьержери, где он видел Жоржа Кадудалю, и при его появлении сказал месье Демаре и другим достаточно громко, чтобы его отчетливо слышали месье Карбоне и я: "У меня была беседа с Жоржем, который необыкновенный человек. Я сказал ему, что готов предложить ему помилование, если он пообещает отказаться от участия в заговоре и согласиться работать в правительстве. Но на мои доводы и уговоры он только ответил: "Мои товарищи последовали за мной во Францию, и я последую за ними до смерти". В этом он сдержал свое слово.

Если бы мы судили об этих достопамятных процессах по официальным документам, опубликованным в *Moniteur* и других журналах того периода, у нас сложилось бы весьма ошибочное мнение. Эти фальшивки даже стали предметом очень серьезной жалобы со стороны Козье Сен-Виктора, одного из обвиняемых.

После выступления месье Готье, адвоката Костер-Сен-Виктора, председатель спросил обвиняемого, может ли он еще что-нибудь сказать в свою защиту, на что тот ответил: "Я должен только добавить, что свидетели, необходимые для моего оправдания, еще не явились. Кроме того, я должен выразить свое удивление средствами, которые были использованы для того, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение и опозорить не только обвиняемых, но и их бесстрашных защитников. Я с болью прочел в сегодняшних журналах, что судебное разбирательство — Тут Председатель, прервав его, заметил, что "это были обстоятельства, не имеющие отношения к делу". — "Ни в малейшей степени, - ответил Козье Сен-Виктор. - Напротив, они оказывают весьма существенное влияние на дело, поскольку искажение нашей защиты - это практика, несомненно рассчитанная на то, чтобы подорвать нас в глазах общественности. В сегодняшних журналах речь господина Готье постыдно искажена, и я был бы лишен чувства благодарности, если бы не присутствовал здесь для того, чтобы засвидетельствовать усердие и мужество, которые он проявил в мою защиту. Я протестую против ребячества и нелепостей, которые были вложены в его уста, и умоляю его не ослаблять своих великодушных усилий. Я делаю это замечание не из-за него; он не требует этого от меня; это для меня, это для обвиняемого, которому подобные уловки, как правило, вредят в глазах общественности".

В языке и манерах Костера Сен-Виктора было что-то рыцарское, что говорило в его пользу; он неплохо отзывался об одном из заговорщиков Фиеско или о тех лидерах Фрондистов, которые смешивали галантность со своей политикой.

Во время судебного процесса был распространен анекдот на этот счет. Рассказывают, что Костер Сен-Виктор, не имея больше возможности найти надежное убежище в Париже, укрылся на одну ночь в доме красивой актрисы, ранее пользовавшейся благосклонностью Первого консула; и добавляется, что Бонапарт в ту же ночь, тайно прибыв с визитом к даме, неожиданно оказался в присутствии Костера Сен-Виктора, который мог лишить его жизни; но между соперничающими кавалерами произошел лишь обмен любезностями.

Эта нелепая история, несомненно, имела целью навлечь дополнительную ненависть на Первого консула, если Козье Сен-Виктор будет осужден и не получит помилования, и в этом случае злобные люди не преминут приписать его казнь мести ревнивого любовника.

Я бы покраснел, рассказывая подобные истории, в равной степени лишённые правдоподобия и правды, если бы в то время они не пользовались некоторой известностью. Пока я был с Бонапартом, он никогда не выходил из дома ночью; и вряд ли в тот момент, когда высказывание Фуше "Воздух полон кинжалов" было полностью объяснено, он рискнул бы на такие ночные приключения.

Райт был заслушан на шестом заседании 2 июня в качестве сто тридцать четвертого свидетеля в поддержку обвинения. Он, однако, отказался отвечать на какие-либо поставленные к нему допросы, заявив, что, будучи военнопленным, считает себя подчиняющимся только своему собственному правительству.

Генеральный прокурор попросил президента назначить допрос капитана Райта 21 мая, а затем зачитать ему его показания в более поздний период; когда это было сделано, свидетель ответил, что не было указано, что в этих случаях вопросы сопровождались угрозой передачи его военному трибуналу с целью расстрела, если он не выдаст секреты своей страны.

В ходе судебного процесса самый живой интерес проявлялся к г—ну де Полиньяку—

—[Старший из Полиньяков, Арман (1771-1847), приговоренный к смертной казни, получил смягчение наказания, но был заключен в тюрьму в Хаме до тех пор, пока ему не разрешили бежать в 1813 году. Он стал герцогом де Ришелье в 1817 году. Его младший брат Жюль (1780-1847) также был заключен в тюрьму и сбежал. В 1814 году он был одним из первых, кто вывесил белый флаг в Париже. В 1829 году он стал министром Карла X. и был ответственен за постановления, которые стоили его хозяину трона в 1830 году. Заключенный номинально пожизненно, он был освобожден в 1836 году и, проведя некоторое время в Англии, вернулся во Францию. Императрица Жозефина добилась отмены смертного приговора принцу Арману. Раз за разом, подгоняемая мадам де Ремюза, она умоляла Наполеона о пощаде, и тот, наконец, согласился увидеться с женой принца. В отличие от Людовика XVIII из династии Бурбонов, который мог встретиться с мадам де Лавалетт только для того, чтобы отказать несчастной женщине в молитве за ее мужа, для Наполеона согласиться на свидание означало признать помилование. Принц избежал смерти, а его жена, которая добилась собеседования, обратившись к мадам де Ремюза, когда она встретила свою благодетельницу во времена Реставрации, продемонстрировала поистине грандиозное забвение того, что произошло (см. Ремюза, том ii. глава i).]—

Шарль д'Озье и де Ривьер. Со времени запрещения дворянства прошло так мало времени, что, независимо от всякого чувства гуманности, было, конечно, невежливо выставять перед публикой наследников прославленного имени, наделенных тем самоотверженным героизмом, который не мог не вызывать восхищения даже у тех, кто осуждал их мнения и принципы.

Все заключенные были молоды, и их положение вызвало всеобщее сочувствие. Большинство из них побрезговали прибегнуть к опровержению и, казалось, меньше заботились о сохранении собственной жизни, чем о чести дела, за которое они взялись, не с целью убийства, как было продемонстрировано, а с целью выяснения истинного состояния

общественных настроений, которые были представлены некоторыми фракционными интриганами как благоприятные для бурбонов. Даже когда меч закона был занесен над их головами, верные приверженцы бурбонов при каждом удобном случае демонстрировали свою преданность королевскому делу. Я помню, что Суд залился слезами, когда Председатель привел в качестве доказательства вины г-на де Ривьера тот факт, что он носил медаль графа д'Артуа, которую подсудимый попросил осмотреть; и когда офицер вручил ему медаль, г-н де Ривьер прижал ее к губам и сердцу, затем, возвращая ее, сказал, что он всего лишь хотел отдать дань уважения принцу, которого он любил.

Суд был еще более глубоко потрясен, став свидетелем благородной братской борьбы, которая произошла во время последнего заседания между двумя Де Полиньяками. Всеобщее волнение вызвало то, что старший из братьев, заметив, что он всегда выходит из дома один и днем не похож на заговорщика, стремящегося скрыться, добавил эти замечательные слова, которые навсегда запечатлеются в моей памяти: "У меня сейчас только одно желание, которое заключается в том, чтобы, поскольку меч занесен над нашими головами и угрожает прервать существование нескольких обвиняемых, вы, принимая во внимание его молодость, если не его невиновность, пощадили моего брата и обрушили на меня всю тяжесть вашей мести". Именно во время предпоследнего заседания, в пятницу, 8 июня, г-н Арман де Полиньяк подал вышеупомянутую трогательную апелляцию в пользу своего брата. На следующий день, перед вынесением рокового приговора, мсье Жюль де Полиньяк обратился к судьям со словами: "Вчера, когда выступал мой брат, я был так глубоко взволнован, что не полностью прислушался к тому, что я зачитал в свою защиту; но теперь, будучи совершенно спокоен, я умоляю вас, джентльмены, не обращать внимания на то, на чем он настаивал в мою защиту. Напротив, я повторяю, и со всей справедливостью, если кто—то из нас должен пасть жертвой, если еще будет время, спасите его, верните ему слезы его жены; У меня нет таких уз, как у него, я могу встретить смерть невозмутимо; я слишком молод, чтобы вкушать мирских радостей, я не могу сожалеть об их утрате". — "Нет, нет, - воскликнул его брат, - ты все еще в начале своего пути; это я должен пасть".

В восемь утра члены Трибунала удалились в зал заседаний. С начала судебного разбирательства толпа, казалось, с каждым днем не только не уменьшалась, но и увеличивалась; этим утром она была огромной, и, хотя ожидалось, что приговор будет вынесен не раньше позднего часа, никто не покинул Суд из опасения, что не сможет найти места, когда Трибунал возобновит свое заседание.

Смертный приговор был вынесен Жоржу Кодудалю, Буве де Лозье, Русильону, Рошелю, Арману де Полиньяку, Шарлю д'Озье, Де Ривьеру, Луи Дюкорпу, Пико, Лажоле, Роже, Костеру Сен—Виктору, Девилю, Гайару, Жуабу, Бурбану; Лемерсье, Жану Кадудолу, Лелану и Мериллю; в то время как Ли де Полиньяк, Леридан, генерал Моро... [Приговор генералу Моро был смягчен, и он был освобожден от наказания. было разрешено уехать в Америку.] — Роллан и Хисей были приговорены всего к двум годам тюремного заключения.

Этот указ был с ужасом услышан собранием и вскоре распространился по всему Парижу. Я вполне могу утверждать, что это был день общественного траура; несмотря на то, что было воскресенье, все увеселительные заведения были почти безлюдны. К ужасу, вызванному смертным приговором, вынесенным столь бессмысленно, и большинство жертв которого принадлежало к самому знатному классу общества, добавились насмешки, вызванные осуждением Моро; абсурдность которого никто не казался более разумным, чем сам Бонапарт, и по поводу которого он выражался в самых резких выражениях. Я убежден, что каждый, кто внимательно следил за ходом этого знаменитого процесса, должен был быть

убежден, что были использованы все средства для того, чтобы Моро, однажды обвиненный, не казался полностью невиновным.

Сообщается, что Бонапарт сказал: "Господа, я не могу контролировать ваши действия; ваш долг строго изучить доказательства, прежде чем представить мне отчет. Но когда оно однажды получит санкцию ваших подписей, горе вам, если невиновный человек будет осужден ". Это замечание находится в строгом соответствии с его обычным языком и имеет поразительное сходство с беседой, которую я вел с ним в следующий четверг; но хотя такие формулировки могут быть уместны в устах монарха, чьи министры несут ответственность, в устах Бонапарта, обладателя абсолютной власти, они кажутся всего лишь неубедительным оправданием.

Осужденные были заняты тем, что пытались добиться отмены своего приговора, большинство из них уступили в этом отношении мольбам своих друзей, которые, не теряя времени, предприняли шаги, необходимые для получения помилования тех, в ком они были наиболее заинтересованы. Моро сначала тоже решил подать апелляцию; но он отказался от своей цели до того, как Суд по прекращению дела начал свои заседания.

Как только постановление специального трибунала было оглашено, Мюрат, губернатор Парижа и шурин императора, попросил его присутствовать и самым настоятельным образом умолял его помиловать всех преступников, заметив, что такой акт милосердия значительно повысил бы его честь в глазах Франции и всей Европы, что можно было бы сказать, что император простил покушение на жизнь Первого консула, что этот акт милосердия пролил бы больше славы на начало его правления, чем любая безопасность, которая могла бы быть обеспечена казнью заключенных. Таково было поведение Мюрата; но он не просил, как сообщалось, о помиловании кого-либо конкретно.

Теми, кто получил императорское помилование, были Буве де Лозье, который ожидал этого от сделанных им разоблачений; Русильон, де Ривьер, Рошель, Арман де Полиньяк, д'Озье, Лайоле, которые заранее получили обещание на этот счет, и Арман Гайяр.

Приговор другим злополучным жертвам кровавой полиции был вынесен 25 июня, через два дня после объявления о помиловании их сообщников.

Мужество и покорность никогда не покидали их ни на минуту, и Жорж, зная, что, по слухам, он получил помилование, умолял, чтобы он умер первым, чтобы его товарищи в свои последние минуты были уверены, что он не пережил их.

ГЛАВА XXVII.

1804.

Клавир и Гемарт—Единственное предложение Корвизарта-М. Десмезон— Проект воздействия на судей—Визит в Тюильри—Присутствующий Рапп—Долгая беседа с императором—Его мнение о суде над Моро—Английские убийцы и мистер Фокс—Жалобы на английское правительство—

Бонапарт и Лакуи—Нежное поведение—Арест Пишегрю—Метод, использованный Первым консулом, чтобы обнаружить его присутствие в Париже—Характер Моро—Меры Бонапарта в отношении него—Лористон отправлен в Тампль—Молчание в отношении герцога Энгиенского—Мнение Наполеона о Моро и Жорже—Восхищение им. Жорж—Предложения о приеме на работу и увольнении—Перечисление прежних неприятностей—Аудиенция у императрицы—Печальные предчувствия—То, что Бонапарт сказал о себе —Знаки доброты.

Не все судьи, составившие Трибунал, осудивший Моро, были похожи на Тюрио и Гемара. История зафиксировала достойный контраст с общей подлостью того периода в ответе, данном месье Клавье, когда Гемар призвал его проголосовать за осуждение Моро. - Ах, месье, если мы осудим его, как мы сможем оправдать самих себя? Кроме того, у меня есть все основания утверждать, что судьи были подменены из-за обстоятельства, которое произошло со мной самим.

Бонапарт знал, что я был тесно связан с месье Десмезоном, одним из членов Трибунала и шурином Корвизара; он также знал, что Десмезон был склонен верить в невиновность Моро и выступал за его оправдание. Однажды утром, во время судебного разбирательства, Корвизар пришел ко мне домой очень рано в состоянии такого явного смущения, что, прежде чем он успел произнести хоть слово, я спросил его: "В чем дело? Вы слышали какие-нибудь плохие новости?"

"Нет, - ответил Корвизар, - но я пришел по приказу императора. Он желает, чтобы вы увидели моего шурина. "Он, - сказал он мне, - старший судья и человек значительного положения; его мнение будет иметь большой вес, и я знаю, что он благосклонен к Моро; он неправ. "Посетите Буррьена, - сказал император, - и обсудите с ним наилучший метод убедить Десмезона в его ошибке, ибо, повторяю, он неправ, он обманут". Это миссия, которая мне доверена".

- Как, - спросил я с крайним изумлением, - как получилось, что вы оказались вовлечены в это дело? Могли бы вы хоть на мгновение поверить, что я стал бы вмешиваться в дела магистрата, чтобы заставить его применить несправедливую строгость?

- Нет, будьте уверены, - ответил Корвизар, - я просто посетил вас сегодня утром, повинаясь приказу императора; но я заранее знал, как вы отнесетесь к предложению, которое мне было поручено. Я слишком хорошо знал ваше мнение и ваш характер, чтобы испытывать малейшие сомнения на этот счет, и я был убежден, что ничем не рискую, выполняя поручение, выполнение которого не возымеет никакого эффекта. Кроме того, если бы я отказался повиноваться императору, это нанесло бы ущерб вашим интересам и укрепило бы его во мнении, что вы были за оправдание Моро. Что касается меня, - добавил Корвизар, - то нет необходимости утверждать, что у меня нет намерения пытаться повлиять на мнение моего шурина; а если бы и было, вы знаете его достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, в каком свете он расценил бы подобное действие.

Таковы были цель и результат визита Корвизара, и отсюда я пришел к выводу, что аналогичные попытки, должно быть, предпринимались с целью повлиять на других членов Трибунала.

—["Прихлебатели Дворца и особенно Реал, естественный посредник между правосудием и правительством, оказывали давление на судей и воздействовали на них тысячью способов.

Честолюбие, раболепие, страх - все мотивы, способные повлиять на них, были использованы: даже их гуманная щепетильность была задействована" (Ланфри том iii. стр. 193, который далее говорит, что судей убедили приговорить Моро к смертной казни, чтобы император мог полностью помиловать его).]

Но как бы то ни было, благоразумие побудило меня прекратить визиты к месье Десмезону, с которым я был в строжайшей дружбе.

Примерно в этот период я нанес визит, который занимает важное место в моих воспоминаниях. 14 июня 1804 года, через четыре дня после осуждения Жоржа и его сообщников, я получил повестку явиться к императору в Сен-Клу. Был четверг, и, размышляя о великих событиях и трагических сценах, которые вот-вот разыграются, я испытывал некоторое беспокойство по поводу его намерений.

Но мне посчастливилось застать в ожидании моего друга Раппа, который сказал мне, когда я вошел: "Не беспокойтесь; сейчас он в прекрасном расположении духа и желает с вами немного побеседовать".

Затем Рапп представил меня императору, и я был немедленно допущен к нему. После того, как ущипнул меня за ухо и задал свои обычные вопросы, такие как: "Что говорит мир? Как поживают ваши дети? Чем занимаетесь вы? и т.д., — сказал он мне, — Кстати, вы присутствовали на процессе против Моро?" — "Да, сир, я не отсутствовал ни на одном из заседаний". — "Ну, Бурьен, вы придерживаетесь мнения, что Моро невиновен?" - "Да, сир; по крайней мере, я уверен, что в ходе судебного процесса не всплыло ничего, что могло бы привлечь его к уголовной ответственности; я даже удивлен, как он оказался замешанным в этом заговоре, поскольку против него не было выдвинуто ничего, что имело бы самое отдаленное отношение к делу." - "Я знаю ваше мнение по этому поводу; Дюрок пересказал мне ваш разговор с ним в Тюильри; опыт показал, что вы были правы; но как я мог поступить иначе? Вы знаете, что Буве де Лозье повесился в тюрьме и был спасен только случайно. Реаль поспешил в Темпл, чтобы допросить его, и в своих первых признаниях обвинил Моро, утверждая, что тот неоднократно беседовал с Пишегрю. Реаль немедленно сообщил мне об этом факте и предложил арестовать Моро, поскольку слухи против него казались вполне обоснованными; он ранее сделал то же самое предложение. Сначала я отказался санкционировать эту меру; но после обвинения, выдвинутого против него Буве де Лозье, как я мог действовать иначе, чем я сделал? Мог ли я допустить такие открытые заговоры против правительства? Мог ли я сомневаться в правдивости заявления Буве де Лозье при обстоятельствах, при которых оно было сделано? Мог ли я предвидеть, что он будет отрицать свое первое заявление, когда предстанет перед Судом? Существовала цепь обстоятельств, в которые человеческая проницательность не могла проникнуть, и я согласился на арест Моро, когда было доказано, что он был в сговоре с Пишегрю. Разве Англия не посылала убийц?" — "Сир, - сказал я, - позвольте мне напомнить вам о разговоре, который у вас состоялся в моем присутствии с мистером Фоксом, после которого вы сказали мне: "Бурьен, я очень рад услышать из уст человека чести, что британское правительство неспособно покушаться на мою жизнь; я всегда хотел уважать своих врагов". — "Ба! ты дурак! Parbleu! Я не говорил, что английский министр подослал убийцу и что он сказал ему: "Вот золото и кинжал; иди и убей первого консула". Нет, я этому не верил; но нельзя отрицать, что все эти иностранные заговорщики против моего правительства служили Англии и получали жалованье от этой державы. Есть ли у меня агенты в Лондоне, которые мешают

правительству Великобритании? Я вел с ним честную войну; я не пытался пробудить память о Стюартах среди их старых сторонников. Разве Райт, высадивший Жоржа и его сообщников в Дьеппе, не капитан британского военно-морского флота? Но будьте уверены, что, за исключением нескольких болтунов, которых я могу легко заставить замолчать, сердца французского народа со мной; повсюду общественное мнение высказывалось в мою пользу, так что мне нечего опасаться предания этих заговоров широкой огласке и предания обвиняемых торжественному суду. Большинство этих джентльменов хотели, чтобы я доставил заключенных в военную комиссию для вынесения решения в упрощенном порядке; но я отказался дать свое согласие на эту меру. Можно было бы сказать, что я боялся общественного мнения, но я его не боюсь. Люди могут говорить столько, сколько им заблагорассудится, хорошо, я не обязан их слушать; но мне не нравится, когда те, кто привязан ко мне, обвиняют меня в том, что я сделал".

Поскольку я не мог полностью скрыть невольное волнение, в котором император увидел нечто большее, чем простое удивление, он остановился, взял меня за ухо и, улыбаясь самым нежным образом, сказал: "Я не имел в виду вас в том, что сказал, но я должен пожаловаться на Лакуи. Можете ли вы поверить, что во время судебного процесса он выступал в защиту Моро? Он, мой адъютант - человек, который всем обязан мне! Что касается вас, я сказал, что вы действовали очень хорошо в этом деле". — "Я не знаю, сир, что сделал или сказал Лакуи, которого я давно не видел; то, что я сказал Дюроку, — это то, чему история учит на каждой странице". — "Кстати, - продолжал император после короткого молчания, - знаете ли вы, что это я сам узнал, что Пишегрю в Париже. Все говорили мне, что Пишегрю в Париже; Настоящий Фуше играл на той же струне, но не мог привести мне никаких доказательств своего утверждения. "Какой же ты дурак", - сказал я Реалу, когда в одно мгновение ты мог убедиться в этом факте. У Пишегрю есть брат, престарелый священнослужитель, проживающий в Париже; пусть обыщут его жилище, и если его не будет, возникнет подозрение, что Пишегрю здесь; если же, напротив, его брат окажется дома, пусть его арестуют: он человек простодушный и в первые минуты волнения выдаст правду. Все произошло так, как я и предвидел, ибо как только его арестовали, он, не дожидаясь допроса, поинтересовался, было ли преступлением принимать его брата в своем доме. Таким образом, все сомнения были устранены, и негодяй в доме, в котором жил Пишегрю, выдал его полиции. Какое ужасное унижение - предавать друга ради золота.

Затем, возвращаясь к Моро, император много говорил об этом генерале. "Моро, - сказал он, - обладает многими хорошими качествами; его храбрость несомненна; но в нем больше храбрости, чем энергии; он ленив и женоподобен. В армии он жил как паша: курил, почти постоянно находился в постели и предавался застольным удовольствиям. Характер у него от природы хороший, но он слишком ленив для учебы; он не читает, а с тех пор, как его привязали к завязкам передника жены, ни на что не годен. Он видит все только глазами своей жены и ее матери, которые приложили руку ко всем этим недавним заговорам; и потом, Бурьен, разве не очень странно, что именно по моему совету он вступил в этот союз? Мне сказали, что мадемуазель Юло - креолка, и я верила, что он найдет в ней вторую Жозефину; как сильно я ошибалась! Именно эти женщины отдалили нас друг от друга, и я сожалею, что он поступил так недостойно. Вы, должно быть, помните, как я заметил вам более двух лет назад, что Моро в один прекрасный день разобьет голову о ворота Тюильри; в том, что он это сделал, не было моей вины, ибо вы знаете, как много я сделал, чтобы завоевать его привязанность. Вы, наверное, забыли прием, который я оказал ему в Мальмезоне. 18-го Брюмера я возложил на него обязанности главного тренера Люксембурга, и в этой ситуации он полностью оправдал мой выбор. Но с тех пор он вел себя по отношению ко мне с величайшей неблагодарностью — ввязался во всю эту глупую кабалу против меня,

обвинил все мои меры и выставил на посмешище орден Почетного легиона. Разве некоторые интриганы не вбили ему в голову, что я отношусь к нему с ревностью? Вы должны знать об этом. Вы также должны не хуже меня знать, как члены Директории стремились возвысить репутацию Моро. Встревоженные моим успехом в Италии, они пожелали иметь в армии генерала, который служил бы противовесом моей известности. Я взошел на трон, а он - заключенный в тюрьме! Вы знаете о непрекращающемся шуме, поднятом против меня всей семьей, которым, признаюсь, я был очень недоволен; он исходил от тех, к кому я так хорошо относился! Если бы он присоединился ко мне, я, несомненно, присвоил бы ему титул первого маршала империи; но что я мог поделать? Он постоянно принижал значение моих кампаний и моего правительства. От недовольства до бунта часто бывает только один шаг, особенно когда человек со слабым характером становится орудием народных клубов; и поэтому, когда мне впервые сообщили, что Моро замешан в заговоре Жоржа, я считал его виновным, но не решался отдать приказ о его аресте, пока не выслушаю мнение моего Совета. Когда члены совета собрались, я приказал представить им различные документы с предписанием изучить их с особой тщательностью, поскольку они касаются важного дела, и я убедил их откровенно сообщить мне, были ли, по их мнению, какие-либо обвинения против Моро достаточно вескими, чтобы поставить под угрозу его жизнь. Дураки! их ответ был утвердительным; я думаю, они были даже единодушны! Тогда у меня не было другого выхода, кроме как позволить разбирательству идти своим чередом. Нет необходимости утверждать вам, Бурьен, что Моро никогда не должен был погибнуть на эшафоте! Совершенно несомненно, я бы помиловал его; но с висящим над его головой смертным приговором он больше не мог представлять опасности, и его имя перестало бы объединять недовольных республиканцев или слабоумных роялистов. Если бы Совет выразил какие-либо сомнения относительно его вины, я бы намекнул ему, что подозрения против него настолько сильны, что делают невозможной любую дальнейшую связь между нами; и что лучшим, чего он мог бы добиться, было бы покинуть Францию на три года под предлогом посещения некоторых мест, прославившихся во время последних войн; но что, если он предпочтет дипломатическую миссию, я бы соответствующим образом предусмотрел его расходы; а великий новатор - Время - может произвести большие изменения за время его отсутствия. Но мой глупый Совет подтвердил мне, что его вина как принципала очевидна, и было абсолютно необходимо привлечь его к суду; и теперь его приговор - всего лишь приговор карманнику. Как вы думаете, что я должен сделать? Задержать его? Он все еще может стать оплотом. Нет. Позволить ему продать свою собственность и уволиться? Могу ли я запереть его в Храме? Здесь и без него полно дел. И все же, если бы это было единственной большой ошибкой, к совершению которой они меня принудили...

- Сир, как сильно вы были обмануты.

"О да, я был таким, но я не могу видеть все своими глазами".

В этой части нашего разговора, о которой я умолчал, насколько это было возможно, я понял, что последние слова Бонапарта относились к смерти герцога Энгиенского; и мне показалось, что он собирался упомянуть об этом событии, но он снова заговорил о Моро.

- Он очень ошибается, - продолжал император, - если думает, что я питаю к нему недоброжелательство. После его ареста я отправил Лористона в Темпл, которого я выбрал потому, что он был дружелюбен и склонен к примирению; я поручил ему передать Моро, чтобы он признался, что видел только Пишегрю, и я добьюсь приостановления судебного разбирательства против него. Вместо того чтобы принять этот акт великодушия, как ему следовало поступить, он ответил на него с большим высокомерием, настолько он был рад, что Пишегрю не арестовали; впоследствии, однако, он понизил тон. Он написал мне письмо

с извинениями в связи со своим предыдущим поведением, которое я предъявил на суде. Он был виновником своего собственного разорения; кроме того, для заговора против меня потребовались бы люди иного склада, чем Моро. Среди заговорщиков, например, был человек, о судьбе которого я сожалею; этот Жорж в моих руках мог бы добиться многого. Я могу должным образом оценить твердость характера, которую он проявил и которой я мог бы дать надлежащее направление. Я заставил Реала намекнуть ему, что, если он присоединится ко мне, он не только будет помилован, но и что я передам ему командование полком. Возможно, я мог бы даже назначить его своим адъютантом. Были бы поданы жалобы, но, парбле, мне было бы все равно. Жорж отвергал все мои предложения; он был непреклонен, как железо. Что я мог поделать? он смирился со своей судьбой, потому что был опасным человеком; обстоятельства сделали его смерть неизбежной. Требовались примеры суровости, когда Англия вливала во Францию все остатки эмиграции; но терпение, терпение! У меня длинные руки, и я смогу дотянуться до них, когда это будет необходимо. Моро считал Жоржа просто негодяем — я рассматривал его в другом свете. Возможно, вы помните мой разговор с ним в Тюильри — вы с Раппом были в соседнем кабинете. Я тщетно пытался повлиять на него — некоторые из его товарищей были тронуты упоминанием родины и славы; он один оставался холодным и непоколебимым. Я взывал к его чувствам, но напрасно; он был нечувствителен ко всему, что я говорил. В тот период Жорж казался мне мало стремящимся к власти; все его желания, казалось, были сосредоточены на том, чтобы командовать вандейцами. Только после того, как я исчерпал все средства примирения, я принял тон и формулировку первого судьи. Я уволил его, строго наказав жить уединенно — быть миролюбивым и послушным, не истолковывать неправильно мотивы моего поведения по отношению к нему и не приписывать слабости то, что было всего лишь результатом умеренности и силы. "Будьте уверены, - добавил я, - и повторите своим коллегам, что, пока я держу бразды правления, у тех, кто осмеливается устраивать заговор против меня, не будет ни шанса, ни спасения: насколько он соответствовал этому предписанию, показали события. Реал сказал мне, что, когда Моро и Жорж оказались в присутствии Пишегрю, они не смогли прийти ни к какому взаимопониманию, потому что Жорж не стал бы действовать против бурбонов. Что ж, у него был план, но у Моро его не было; он просто желал моего свержения, не имея при этом никаких скрытых взглядов. Это показывало, что он был лишен даже здравого смысла. Кстати, Бурьен, вы видели Корвизара?" — "Да, сир". — "Хорошо!" "Он передал мне послание, которое вы ему доверили". — "И Десмезоны! Держу пари, что вы разговаривали с ним не в соответствии с моими пожеланиями". — "Сир, то мнение, которого я придерживаюсь о Десмезоне, удержало меня от действий, столь пагубных для него; ибо в каком другом свете он мог рассматривать то, что я должен был ему сказать? Я ни разу не был у него дома с начала судебного разбирательства". — "Хорошо! хорошо! Будьте благоразумны и осмотрительны, я вас не забуду. Затем он очень грациозно отсалютовал рукой и удалился в свой кабинет.

Император задержал меня больше чем на час. Покидая зал для аудиенций, я прошел через внешнюю гостиную, где ожидало несколько человек; и я заметил, что соблюдение этикета быстро завоевывает популярность, хотя император еще не ввел замечательный институт придворных камергеров.

Я не могу отрицать, что был очень доволен оказанным мне приемом; кроме того, я начал уставать от бездеятельной жизни и стремился получить место, в котором я очень нуждался, из-за понесенных мною потерь и несправедливого возврата Бонапартом своих подарков. Желая говорить о Наполеоне со строжайшей беспристрастностью, я предпочитаю делать свои выводы из тех действий, к которым я не имел личного отношения. Поэтому я расскажу здесь только, еще до того, как дам отчет о моем визите к императрице после выхода из зала

аудиенций, о прежнем поведении Наполеона по отношению ко мне и мадам де Буррьен, которое оправдывает мгновенную тревогу, охватившую меня, когда меня вызвали в Тюильри, и удовлетворение, которое я испытал при приеме. У меня было доказательство того, что Рапп говорил об императоре в добром расположении духа, и я был польщен доверительной манерой, в которой он рассказывал мне о некоторых важных политических секретах своего правительства. Увидев, что я выхожу, Рапп заметил: "У вас была долгая аудиенция". — "Да, не лишним", и это обстоятельство обеспечило мне вежливое приветствие от всех лиц, ожидавших в приемной".

Теперь я расскажу, как я провел два предыдущих года. Через месяц после того, как я подал первому консулу прошение об отставке, которое он отказался принять, мне был предложен дом в Сен-Клу, принадлежащий мадам Девиль; это был тот самый дом, в котором были поселены герцог Ангулемский и герцог Беррийский. Я посетил этот особняк, думая, что он мог бы подойти для моей семьи; но, несмотря на красоту его расположения, он показался мне слишком роскошным ни на мой вкус, ни на мое состояние. За исключением наружных стен, он находился в очень ветхом состоянии и требовал многочисленного и дорогостоящего ремонта. Жозефина, узнав, что мадам де Буррьен решительно воспротивилась покупке, выразила желание осмотреть особняк и с этой целью сопровождала нас. Она была так восхищена им, что обвинила мою жену в том, что она начала возражать против того, чтобы я стал его обладателем. "Что касается расходов, - ответила ей Жозефина, - ах, мы это устроим". По возвращении в Мальмезон она говорила об этом в таких высоких выражениях, что Бонапарт сказал мне: "Почему бы тебе не купить это, Буррьен, раз цена такая разумная?"

Дом был соответственно приобретен. Немедленно потребовались затраты в размере 20 000 франков, чтобы сделать его пригодным для жилья. Для этого большого особняка также была необходима мебель, и на нее были соответственно даны заказы. Но не успели начаться ремонтные работы, как все развалилось на куски, что привело к необходимости многих дополнительных расходов.

Примерно в этот период Бонапарт поспешил развернуть работы в Сен-Клу, куда он немедленно переехал. Поскольку мои услуги требовались постоянно, мне было так утомительно дважды или трижды в день ездить из Рюэля в Сен-Клу, что я вступил во владение своим новым особняком, хотя он по-прежнему был полон рабочих. Не прошло и восьми дней с этого периода, как Бонапарт намекнул, что у него больше нет необходимости в моих услугах. Когда моя жена ушла прощаться, Наполеон в лестной манере отозвался о моих хороших качествах, моих заслугах и пользе моего труда, сказав, что он сам был самым несчастным из троих и что моя потеря никогда не может быть возмещена. Затем он добавил: "Я буду отсутствовать месяц, но с Буррьеном может быть все в порядке; пусть он остается на пенсии, а по возвращении я вознагражу его за услуги, если даже специально выделю для него место".

Затем мадам де Буррьен попросила разрешения сохранить за ней апартаменты в Тюильри до окончания ее обучения, которое было недалеко, на что он ответил: "Вы можете оставаться в них столько, сколько пожелаете, потому что пройдет некоторое время, прежде чем я снова поселюсь в Париже".

Бонапарт отправился в свое путешествие, и вскоре после этого я отправился со своей семьей навестить мадам де Кубертен, мою двоюродную сестру-немку, которая приняла нас со своей обычной добротой. Время отсутствия Первого консула мы провели в ее загородном поместье и вернулись в Сен-Клу только в тот день, когда ожидался Бонапарт.

Не прошло и четверти часа после его приезда, как я получил указание отказаться в течение двадцати четырех часов от апартаментов в Тюильри, которые, как он обещал, моя жена сохранит за собой до окончания родов. В то же время он вернул себе мебель Руэла, которую тот подарил мне два года назад, когда я специально купил этот маленький дом, чтобы быть рядом с ним.

Я направил ему несколько памятных писем по этому поводу, заявив, что заменил изношенную мебель новыми, более совершенными предметами; но он полностью проигнорировал это, вынудив меня отказаться от всего, даже от самой незначительной мелочи. Возможно, будет правильным сказать, что по возвращении император обнаружил, что его стол завален сведениями о моем поведении в Париже, хотя я ни с кем в столице не поддерживал ни малейшей связи и ни разу не заходил в нее за время его отсутствия.

После моего отъезда в Гамбург Бонапарт завладел моими конюшнями и каретным сараем, которые он наполнил лошадьми. Даже сами аллеи и аллеи были превращены в конюшни. Красивый дом у входа в парк также был приспособлен для подобных целей; на самом деле он ничего не жалел. Все было сделано в истинно военном стиле; я не имел предварительного представления о происходящем и не получил никакого вознаграждения за свой проигрыш. Император, по-видимому, считал эту собственность своей; но хотя он почти приказал мне совершить покупку, он не предоставил денег, которые были за нее уплачены. Таким образом, он был занят более четырех лет.

Воспоминание об этих произвольных и досадных действиях со стороны Бонапарта завело меня дальше, чем я намеревался. Поэтому я возвращаюсь в императорскую резиденцию Сен-Клу. Покинув зал для аудиенций, как уже говорилось, я направился в апартаменты императрицы, которая, зная, что я нахожусь во Дворце, выразила желание, чтобы я присутствовал. Никакое приказание не могло быть для меня более приятным, ибо все были уверены в милостивом приеме со стороны Джозефины. Я не помню, кто из фрейлин присутствовал при объявлении моего имени; но она немедленно удалилась и оставила меня наедине с Жозефиной. Недавнее возвышение не изменило обычного ее расположения. После небольшого разговора о перемене в ее положении я рассказал ей о том, что произошло между мной и императором.

Я добросовестно передал все, что он говорил о Моро, заметив, что в какой-то момент мне показалось, что он собирается заговорить о герцоге Энгиенском, как вдруг он вернулся к тому, что говорил, и ни разу не сделал ни малейшего намека на эту тему.

Мадам Бонапарт ответила мне: "Наполеон сказал правду относительно Моро. Он был грубо обманут теми, кто полагал, что лучше всего проявит к нему благосклонность, оклеветав этого генерала. Его молчание по поводу герцога Энгиенского меня не удивляет; он говорит о нем так мало, как только возможно, и всегда туманно и с явным отвращением. Когда вы снова увидите, что Бонапарт молчит на эту тему, и если случай поднимет ее, избегайте любого выражения, даже в малейшей степени указывающего на упрек; он этого не потерпит; вы навсегда погубите себя в его глазах, и зло, увы! без лекарства. Когда вы приехали в Мальмезон, я рассказал вам, что тщетно пытался отвратить его от роковой цели и как он обращался со мной. С тех пор он испытывал лишь небольшое внутреннее удовлетворение; только в присутствии своих придворных он напускает на себя спокойный вид; но я вижу, что его страдания тем сильнее, что он таким образом пытается их скрыть. Кстати, я забыл упомянуть, что он знал о визите, который вы нанесли мне на следующий день после катастрофы. Я опасался, что ваши враги, большинство из которых являются и моими, могли исказить эту беседу; но, к счастью, он не обратил на это особого внимания. Он просто

сказал: "Так ты видела Бурьена? Он дуется на меня? Тем не менее я должен что-нибудь для него сделать." Он снова говорил в том же тоне и повторил почти те же выражения три дня назад; и поскольку он приказал вам присутствовать сегодня, я не сомневаюсь, что у него есть что-то на примете в ваших интересах". - "Могу я позволить себе поинтересоваться, что именно?" — "Я пока не знаю; но я бы порекомендовал вам тем временем быть более бдительными, чем когда-либо; он такой подозрительный и так хорошо осведомлен обо всем, что делается или говорится относительно него. Я так много страдала с тех пор, как видела тебя в последний раз; никогда не смогу забыть, с какой жестокостью он отверг мои мольбы! В течение нескольких дней я пребывал в подавленном настроении, что сильно раздражало его, потому что он ясно видел, откуда это пошло. Меня не ослепляет титул императрицы; я боюсь, что этот шаг обернется каким-то злом для него, для моих детей и для меня самой. Негодяи должны быть удовлетворены; посмотрите, до чего они довели нас! Эта смерть наполняет горечью каждое мгновение моей жизни. Мне нет нужды говорить вам, Бурьен, что я говорю это по секрету". — "Вы не можете сомневаться в моем благоразумии". — "Нет, конечно, нет, Бурьен. Я в этом не сомневаюсь. Мое доверие к тебе безгранично. Будьте уверены, я никогда не забуду того, что вы сделали для меня при различных обстоятельствах, и той преданности, которую вы проявили ко мне по возвращении из Египта. Прощайте, мой друг. Дай мне поскорее увидеть тебя снова".

14 июня 1804 года я получил аудиенцию у императора, а затем посетил императрицу.

По возвращении домой я потратил три часа на то, чтобы записать все, что было сказано мне этими двумя персонажами; суть этих заметок я сейчас передаю читателю.

ГЛАВА XXVIII.

1804.

Любопытные разоблачения Фуше—Замечательные слова Бонапарта о протесте Людовика XVIII—Секретный документ, помещенный в Moniteur—Заявление Бонапарта Ренье—Фуше назначен министром полиции—Ошибка Ренье в отношении заговора Жоржа—Незаслуженная похвала, оказанная Фуше—Указание на возвращение Бурбонов—Различия в словах и поведении Бонапарта—Железная корона—Празднование 14 июля—Церковные праздники и потеря времени—Грандиозный церемониал в доме инвалидов—Воспоминания о 18 июля Брюмер—Новая присяга ордену Почетного легиона—Всеобщий энтузиазм—Отъезд в Булонь—Визиты к Жозефине в Сен-Клу и Мальмезоне—Жозефина и мадам де Ремюза—Помилование, дарованное императором—Годовщина 14 июля—Отъезд в Булонский лагерь—Общая ошибка относительно планов Наполеона—Башня Цезаря—Раздача крестов Почетного легиона—Военный трон—Шарлатанство Бонапарта —Бесстрашие двух английских моряков—Премии десятилетия и Политехническая школа—Встреча императора и императрицы—Первые переговоры со Святым морем — префект Арраса и граф Луи де Нарбонн-Перемены во французском министерстве.

Людовик XVIII, находясь в Варшаве, когда ему сообщили о возведении Наполеона в императорское достоинство, обратился к государям Европы с протестом против этой узурпации его трона. Фуше, будучи первым, кто услышал об этом протесте, немедленно сообщил об этом императору, заметив, что, несомненно, копии будут размножены и распространены среди врагов его правительства в Сен-Жерменском предместье, что может привести к наихудшим последствиям, и что поэтому он счел своим долгом сообщить ему, что Ренье и Реалю могут быть отданы приказы строго следить за теми, кто занимается распространением этого документа.

"Вы можете судить о моем удивлении, - добавил Фуше, - вы, кто так хорошо знает, что раньше само упоминание Бурбонов приводило Бонапарта в ярость, когда, прочитав протест, он возвращал его мне со словами: "Ах, ах, так граф де Лилль выражает свой протест! Ну, что ж, всему свое время. Я отстаиваю свое право голосом французской нации, и пока я ношу шпагу, я буду отстаивать его! Бурбоны должны знать, что я их не боюсь; поэтому пусть они оставят меня в покое. Вы сказали, что дураки из Сен-Жерменского предместья размножат копии этого протеста графа де Лилля? что ж, они прочтут его в свое удовольствие. Отправь это в "Монитор", Фуше, и пусть это будет напечатано завтра утром". Это произошло 30 июня, а на следующий день последовал протест Людовика XVIII. действительно появлялся в этой газете.

Фуше был совершенно равнодушен к распространению этого протеста; он просто хотел показать императору, что он лучше осведомлен о происходящих событиях, чем Ренье, и предоставить Наполеону еще одно доказательство неопытности и неспособности Верховного судьи в полиции; и Фуше вскоре получил награду, которую ожидал от этого шага. Фактически, через десять дней после публикации протеста император объявил Ренье о восстановлении Министерства общей полиции.

Формула "Я молю Бога, чтобы вы были под Его святым покровительством", которой завершалось письмо Ренье, была еще одним шагом Наполеона в познании древних обычаев, с которыми он не был достаточно знаком, когда писал Камбасересу в день, следующий за его восхождением на императорский трон; в то же время следует признать, что эта формула неловко сочеталась с месяцем "Мессидор" и "двенадцатым годом Республики"!

Ошибки, допущенные Ренье в деле Жоржа, были причиной, побудившей Бонапарта восстановить Министерство полиции и возложить его на человека, который внушил веру в необходимость этой меры чудовищным нагромождением заговоров и интриг. Я также уверен, что на императора повлияла вероятность начала войны, которая вынудила бы его покинуть Францию; и что он считал Фуше наиболее подходящим человеком для поддержания общественного спокойствия во время своего отсутствия и выявления любых заговоров, которые могли бы быть организованы в пользу бурбонов.

В этот период, когда Бонапарт нанес последний удар Республике, которая со времен 19 Брюмера была лишь тенью, было нетрудно предвидеть, что бурбоны однажды вновь взойдут на трон своих предков; и это предчувствие, возможно, не обошлось без влияния на то, что большинство высказалось за основание Империи, а не за установление пожизненного консульства. Восстановление на троне было самым важным шагом в пользу бурбонов, поскольку это было самое трудное, что можно было сделать. Но Бонапарт взялся за эту задачу, и, словно с помощью волшебной палочки, древний порядок вещей был восстановлен в мгновение ока. Знаки различия в званиях, ордена, титулы, дворянские

украшения — все безделушки тщеславия - короче говоря, вся пародийная татуировка, которую вульгарные люди считают непременным атрибутом королевской власти, появилась в одно мгновение. Вопрос теперь касался не формы правления, а личности, которая должна быть поставлена во главе его. Восстановив древний порядок вещей, республиканцы сами решили этот вопрос, и больше не могло быть сомнений в том, что, когда представится случай, большинство нации предпочтет древнюю королевскую семью, которой Франция была обязана своей цивилизацией, своим величием и властью и которая возвела ее на такую высокую ступень славы и процветания.

Не в последнюю очередь необычной чертой характера Наполеона было то, что в течение первого года своего правления он сохранял праздник 14 июля. На самом деле это была не совсем республиканская судьба, но она напоминала о двух великих народных триумфах — взятии Бастилии и создании первой Федерации. В этом году 14 июля выпало на субботу, и император приказал отложить его празднование до следующего дня, потому что было воскресенье; что соответствовало чувствам, которые он высказал в отношении Конкордата. "Что делает меня наиболее враждебным к восстановлению католического богослужения, - сказал он, - так это количество отмечавшихся ранее праздников. День святого - это день праздности, и я не желаю этого; люди должны трудиться, чтобы жить. Я согласен на четыре отпуска в году, но не более; если джентльменов из Рима это не устраивает, они могут уехать".

Потеря времени казалась ему таким большим бедствием, что он редко упускал возможность распорядиться о проведении необходимой церемонии в следующий праздничный день. Таким образом, он перенес празднование Тела Христова на следующее воскресенье.

В воскресенье, 15 июля 1804 года, император впервые предстал перед парижанами в окружении всей королевской пышности. Кавалеры ордена Почетного легиона, находившиеся в то время в Париже, принесли присягу, предписанную новой Конституцией, и по этому случаю император и императрица впервые появились в сопровождении отдельной и многочисленной свиты.

Экипажи свиты императрицы пересекли сад Тюильри, до сих пор предназначавшийся исключительно для публики; затем последовала кавалькада императора, который появился верхом на лошади в окружении своих главных генералов, которых он произвел в маршалы империи. Г-н де Сегюр, занимавший должность великого церемониймейстера, распорядился, чтобы церемониал соблюдался по этому случаю, и вместе с губернатором принял императора на пороге Отеля инвалидов. Они проводили императрицу к трибуне, приготовленной для ее приема, напротив императорского трона, который занимал один Наполеон, справа от алтаря. Я присутствовал на этой церемонии, несмотря на отвращение, которое испытываю к таким блестящим представлениям; но поскольку Дюрок за два дня до этого подарил мне билеты, я счел благоразумным присутствовать по этому случаю, чтобы зоркий глаз Бонапарта не заметил моего отсутствия, если бы Дюрок действовал по его приказу.

Я провел около часа, созерцая гордое, а иногда почти смехотворное поведение новых вельмож Империи; я наблюдал за маневрами духовенства, которое во главе с кардиналом Беллой направилось встречать императора при его входе в церковь. Какие необычные мысли пришли мне в голову, когда я увидел моего бывшего товарища по Бриенской школе, восседающего на возвышении трона, окруженного своим блестящим штабом, великими сановниками его Империи — министрами и маршалами! Я невольно вспомнил 19 Брюмера, и вся эта великолепная сцена исчезла; стоило мне подумать о Бонапарте, заикающемся до такой степени, что мне пришлось дернуть его за полу сюртука, чтобы заставить отступить.

Подобные размышления вызваны были не чувством вражды или ревности; ни в один период нашей карьеры я не променял бы свое положение на его; но тот, кто способен размышлять, кто был свидетелем неожиданного возвышения бывшего равного, возможно, сможет понять странные мысли, которые впервые посетили мой разум по этому поводу.

Когда религиозная часть церемонии завершилась, церковь приобрела, в какой-то мере, вид мирского храма. Прихожане проявляли больше преданности императору, чем Богу христиан, — больше энтузиазма, чем рвения. Мессу слушали без особого внимания; но когда г-н де Ласепед, великий канцлер ордена Почетного легиона, произнес лестную речь, завершил призыв высших офицеров легиона, Бонапарт прикрылся, как это делали древние короли Франции, когда они вершили правосудие. Глубокое молчание, своего рода религиозный трепет, воцарилось тогда во всем собрании, и Наполеон, который теперь не заикался, как на Совете Пятисот, сказал твердым голосом:

"Командиры, офицеры, легионеры, граждане, солдаты; клянись своей честью посвятить себя служению Империи — сохранению целостности французской территории — защите Императора, законов Республики и собственности, которую они сделали священной, — бороться всеми средствами, которые справедливость, разум и законы разрешают при любой попытке восстановить феодальную систему; короче говоря, клянись всеми силами поддерживать свободу и равенство, которые являются основой всех наших институтов. Ты клянешься?"

Каждый кавалер ордена Почетного легиона воскликнул: "Клянусь!", добавив: "Да здравствует Император!" - с энтузиазмом, который невозможно описать, и к которому присоединились все присутствующие.

Что же, в конце концов, представляла собой эта новая клятва? Оно отличалось от принятого орденом Почетного легиона при консульстве только тем, что ставило защиту императора выше защиты законов Республики; и это была не просто форма. Кроме того, было достаточно смехотворно и несколько дерзко заставить их поклясться поддерживать равенство в тот момент, когда было восстановлено так много титулов и монархических отличий.

18 июля, через три дня после этой церемонии, император покинул Париж, чтобы посетить лагерь в Булони. Императрица не сопровождала его в этом путешествии, которое было совершено лишь для того, чтобы ознакомиться с ходом военных действий. Воспользовавшись приглашением Жозефины, я явился в Сен-Клу через несколько дней после отъезда Наполеона; поскольку она не ожидала моего визита, я застал ее в окружении четырех или пяти фрейлин, занятых разглядыванием изящных произведений знаменитых Леруа и мадам Деспо; ибо среди множества болезненных чувств, испытываемых Жозефиной, она была слишком женственной, чтобы не уделить немного внимания туалету.

Во время моего представления они обсуждали серьезный вопрос о костюме, который будет надет императрицей во время ее поездки в Бельгию на встречу с Наполеоном во дворце Лакен, недалеко от Брюсселя. Несмотря на все эти дискуссии о форме шляп, цвете и фасоне платьев и т.д., Жозефина приняла меня в своей обычной любезной манере. Но, не имея возможности поговорить со мной, она сказала, не делая вид, что приглашает, но в достаточно очевидной форме, чтобы ее поняли, что она намерена провести следующее утро в Мальмезоне.

Я сократил свой визит и в полдень следующего дня отправился в это восхитительное жилище, которое всегда вызывало у меня глубокое волнение. Не аллея, не роща, но изобилующая интересными воспоминаниями; все напоминало мне о том периоде, когда я

был доверенным лицом Бонапарта. Но прошло то время, когда он скрупулезно подсчитывал, сколько будет стоить резиденция в Мальмезоне, и в заключение сказал, что потребуется доход в 30 000 ливров.

Когда я приехал, мадам Бонапарт была в саду с мадам де Ремюза, которая была ее любимицей из-за сходства характеров, существовавшего между ними.

Г-жа де Ремюза была дочерью министра Верженна и сестрой г-жи де Нансути, которую я иногда видел с Жозефиной, но не так часто, как ее старшую сестру. Я нашел дам на аллее, ведущей к Рюэлю, и приветствовал Жозефину, осведомившись о здоровье ее величества. Никогда не забуду тон, которым она ответила: "Ах! Бурьен, я умоляю вас позволить мне, по крайней мере здесь, забыть о том, что я императрица. Поскольку от мадам де Ремюза не было скрыто ни одной ее мысли, за исключением некоторых домашних неурядиц, о которых, вероятно, я был единственным доверенным лицом, мы беседовали с такой же свободой, как наедине, и легко определить, что предметом нашего разговора был Бонапарт.

После того, как мы рассказали о ее предполагаемой поездке в Бельгию, Жозефина сказала мне: "Как жаль, Бурьен, что прошлое невозможно вспомнить! Он отбыл в самом счастливом расположении духа: он даровал некоторым помилование, и я удовлетворен тем, что, если бы не эти проклятые политики, он помиловал бы гораздо большее их число. Я бы сказал гораздо больше, но постарался скрыть свое огорчение, потому что малейшее противоречие только делает его еще более упрямым. Теперь, оказавшись среди своей армии, он забудет обо всем. Как сильно я был огорчен тем, что не смог получить благоприятного ответа на все петиции, которые были адресованы мне. Добрая мадам де Монтасон приехала из Роменвиля в Сен-Клу просить прощения у господ де Ривьера и де Полиньяка; нам удалось добиться аудиенции у мадам де Полиньяк; ... как она прекрасна! Бонапарт был очень тронут, увидев ее; он сказал ей: "Мадам, поскольку ваш муж угрожал только моей жизни, я могу простить его". Вы знаете Наполеона, Бурьен; вы знаете, что он не жесток от природы; это его советники и льстецы побудили его совершить так много злодейских поступков. Рапп вел себя исключительно хорошо; он отправился к императору и не хотел покидать его, пока не добился помилования другого осужденного, имени которого я не помню. Как сильно заинтересовали меня эти Полиньяки! Тогда по крайней мере несколько семей будут ему благодарны! Постарайтесь, если это возможно, набросить завесу на прошлое; я достаточно несчастен в своих ожиданиях будущего. Будьте уверены, мой дорогой Бурьен, что я не премину приложить все усилия во время нашего пребывания в Бельгии ради вас и проинформирую вас о результате. Adieu!"

Во время фестиваля в честь 14 июля, о котором я уже упоминал, император, прежде чем покинуть Отель инвалидов, объявил, что он лично отправится раздавать ордена Почетного легиона армии, собранной в Булонском лагере. Прошло совсем немного времени, прежде чем он выполнил свое обещание. Он покинул Сент-Клу 18-го и путешествовал с такой быстротой, что на следующее утро, пока все были заняты приготовлениями к его приему, он уже был в порту, среди рабочих, осматривающих работы. Казалось, он умножал себя своей непостижимой активностью, и можно было бы сказать, что он присутствовал повсюду.

После отъезда императора в Париже все считали, что раздача крестов в Булонском лагере была лишь предлогом и что Бонапарт наконец отправился приводить в исполнение проект вторжения в Англию, который, как предполагали все, он обдумывал. Это действительно был предлог. Император хотел возбуждать все больший и больший энтузиазм армии — показать себя военным, облеченным своим новым достоинством, присутствовать на каких-нибудь грандиозных маневрах и приказывать армии повиноваться первому сигналу, который он мог

подать. В самом деле, как, наблюдая за такими грандиозными приготовлениями, за столькими транспортом, созданными, так сказать, по волшебству, мог кто-либо предположить, что он на самом деле не намеревался совершить попытку высадки в Англии? Люди уже почти полюбили его в Лондоне; было известно, что все армейские корпуса, эшелонированные на побережье от Мейплса до Остенде, готовы к отправке. Прибытие Наполеона в гущу своих войск придало им, если это было возможно, новый импульс. Французские порты на Ла-Манше в течение длительного периода были превращены в верфи и арсеналы, где работы велись с той непостижимой активностью, которую Наполеон так хорошо умел вдохновлять. Почти невероятная степень соперничества царил среди командиров различных лагерей, и оно передавалось от ранга к рангу простым солдатам и даже рабочим.

Поскольку каждый стремился воспользоваться малейшими проявлениями случайности и проявлял свою изобретательность, превращая их в предсказания удачи императору, те, кто имел к нему доступ, не преминули привлечь его внимание к некоторым остаткам римского лагеря, которые были обнаружены в Тур д'Ордре, где была разбита палатка императора. Это считалось очевидным доказательством того, что французский цезарь занял лагерь, который римский цезарь ранее построил для угрозы Великобритании. Чтобы придать дополнительную силу этому намеку, Tour d'Ordre вернула название Caesar's Tower (Башня Цезаря). Некоторые медали Вильгельма Завоевателя, найденные в другом месте, где, возможно, они были зарыты для того, чтобы их выкопали, не могли не удовлетворить самых недоверчивых к тому, что Наполеон должен завоевать Англию.

Недалеко от башни Цезаря 80 000 человек из лагерей Булони и Монтрей под командованием маршала Сульта собрались на обширной равнине, чтобы наблюдать за раздачей крестов Почетного легиона, запечатленных на изображении Императора. Эта равнина, которую я видел с Бонапартом во время нашего первого путешествия к побережью, перед нашим отъездом в Египет, была круглой и полой, а в центре возвышался небольшой холм. Этот холм образовывал императорский трон Бонапарта среди его солдат. Там он расположился со своим штабом, и вокруг этого центра славы полки были выстроены в шеренги и выглядели как множество расходящихся лучей. С этого трона, воздвигнутого рукой природы, Бонапарт громким голосом произнес ту же клятву, которую он произнес в Отеле инвалидов несколько дней назад. Это послужило сигналом ко всеобщему взрыву энтузиазма, и Рапп, упоминая об этой церемонии, сказал мне, что он никогда не видел императора более довольным. Как могло быть иначе? Тогда Фортуна, казалось, была послушна его желаниям. В этот блестящий день разразился шторм, и было опасение, что часть флотилии могла пострадать.

Бонапарт покинул холм, с которого он раздавал кресты, и направился в порт, чтобы распорядиться, какие меры следует принять, когда по его прибытии разразился шторм —

—[Следующее описание инцидента, когда Наполеон едва не привел к уничтожению Булонской флотилии, было передано в "Revue Politique et Littéraire" из частных мемуаров. Автор, который был очевидцем, говорит—

Однажды утром, когда император сажился на коня, он объявил, что намерен провести смотр своих военно-морских сил, и отдал приказ, чтобы корабли, стоявшие в гавани, изменили свои позиции, поскольку смотр должен был состояться в открытом море. Он отправился в свою обычную поездку, отдав распоряжения, чтобы все было устроено к его возвращению, время которого он указал. Его пожелание было передано адмиралу Брюйксу, который с невозмутимым хладнокровием ответил, что ему очень жаль, но смотр не может состояться в этот день. Следовательно, ни одно судно не было перемещено. Вернувшись с прогулки, император спросил, все ли готово. Ему передали, что сказал адмирал. Ему пришлось дважды повторить ответ, прежде

чем он смог осознать его суть, а затем, яростно топнув ногой, он послал за адмиралом. Император пошел ему навстречу. С горящими от ярости глазами он воскликнул взволнованным голосом: "Почему мои приказы не были выполнены?" С почтительной твердостью адмирал Брюи ответил: "Сир, надвигается ужасный шторм. Ваше величество можете сами убедиться в этом; неужели вы стали бы без необходимости подвергать опасности жизни стольких людей? Тяжесть атмосферы и отдаленные раскаты грома более чем оправдали опасения адмирала. "Государь, - сказал император, раздражаясь все больше и больше, - я еще раз отдал приказы; почему они не были выполнены? Последствия касаются меня одного. Повинуйтесь!" "Сир, я не буду повиноваться", - ответил адмирал. "Вы дерзки!" И император, все еще державший в руке хлыст для верховой езды, двинулся к адмиралу с угрожающим жестом. Адмирал Брюи отступил назад, положил руку на ножны своей шпаги и сказал, сильно побледнев: "Сир, берегитесь!" Вся свита стояла, парализованная страхом. Некоторое время император оставался неподвижным, подняв руку и не сводя глаз с адмирала, который все еще сохранял свою угрожающую позу. Наконец император бросил свой хлыст на пол. г-н Брюи снял руку со шпаги и с непокрытой головой молча ожидал исхода этой мучительной сцены. Затем контр-адмиралу Магону было приказано проследить за тем, чтобы приказы императора были немедленно выполнены. "Что касается вас, сударь, - сказал император, устремив взгляд на адмирала Брюи, - то вы покидаете Булонь в течение двадцати четырех часов и отправляетесь в Голландию. Вперед!" Господин Магон приказал роковому движению флота, на котором настаивал император. Едва были сделаны первые приготовления, как море поднялось очень высоко. Черное небо пронзала молния, гремел гром, и каждое мгновение линию судов нарушал ветер, и вскоре после этого произошло то, что предвидел адмирал, и самый страшный шторм разметал суда так, что спасти их стало невозможно. Опустив голову, скрестив руки на груди, с печальным выражением лица император ходил взад и вперед по пляжу, как вдруг послышались самые ужасные крики. Более двадцати канонерских лодок, наполненных солдатами и матросами, гнали к берегу, и несчастные тщетно боролись с яростными волнами, взывая о помощи, которую никто не мог им оказать. Глубоко тронутый зрелищем и душераздирающими криками и причитаниями толпы, собравшейся на берегу, император, видя, что его генералы и офицеры дрожат от ужаса, попытался подать пример преданности и, несмотря на все попытки удержать его, бросился в лодку со словами: "Отпустите меня! отпустите меня! их нужно вытащить отсюда". Через мгновение лодка наполнилась водой. Волны захлестывали ее снова и снова, и император промок насквозь. Одна волна, более крупная, чем остальные, чуть не выбросила его за борт, и его шляпа закачалась. Воодушевленные таким мужеством, офицеры, солдаты, моряки и горожане пытались помочь утопающим, кто в лодках, кто вплавь. Но, увы! спасти удалось лишь небольшое количество несчастных. На следующий день более 200 тел были выброшены на берег, а вместе с ними и шляпа завоевателя Маренго. Тот печальный день был опустошен как для Булони, так и для лагеря. Император застонал под бременем несчастного случая, который ему пришлось приписать исключительно своему собственному упрямству. Агенты были разосланы во все концы города, чтобы усмирить золотом ропот, готовый перерасти в беспорядки.] —

— прекратился, словно по волшебству. Флотилия вошла в порт целой и невредимой, и он вернулся в лагерь, где начались игры и увеселения, подготовленные для солдат, а вечером был произведен великолепный фейерверк, который поднялся светящимся столбом, который был отчетливо виден с английского побережья.—[Похоже, что Наполеону так хорошо удалось скрыть это фиаско, что даже Бурьенн никогда не слышал правдивой истории. Д.У.]

Когда он проводил смотр войскам, он спрашивал офицеров, а часто и солдат, в каких сражениях они участвовали, и тем, кто получил серьезные ранения, он вручал крест. Здесь, я

думаю, уместно упомянуть об одном необычном образце шарлатанства, к которому прибегнул император и которое в значительной степени способствовало усилению энтузиазма его войск. Он говорил одному из своих адъютантов: "Выясните у полковника такого-то полка, есть ли в его корпусе человек, который служил в кампаниях в Италии или в кампаниях в Египте. Выясните его имя, где он родился, сведения о его семье и о том, чем он занимался. Узнай его номер в рядах и к какой роте он принадлежит, и предоставь мне эту информацию.

В день смотра Бонапарт с первого взгляда узнал человека, которого ему описали. Он подходил к нему, как будто узнавал его, обращался к нему по имени и говорил: "О! так ты здесь! Ты храбрый парень — я видел тебя в Абукире — как поживает твой старый отец? Что? у тебя нет Креста? Останься, я дам его тебе". Тогда восхищенные солдаты говорили друг другу: "Вы видите, император знает нас всех; он знает наши семьи; он знает, где мы служили". Каким стимулом это послужило для солдат, которых ему удалось убедить в том, что все они рано или поздно станут маршалами Империи!

Лористон рассказал мне, среди других анекдотов, относящихся к пребыванию Наполеона в лагере в Булони, замечательный пример бесстрашия со стороны двух английских моряков. Эти люди были пленниками в Вердене, который был самым значительным складом английских военнопленных во Франции после разрыва Амьенского мира. Они совершили побег из Вердена и прибыли в Булонь, не будучи обнаруженными по дороге, несмотря на бдительность, с которой наблюдали за всеми англичанами. Некоторое время они оставались в Булони, без денег и не имея возможности совершить побег. У них не было никакой надежды попасть на борт лодки из-за строгой вахты, которая велась на судах всех видов. Эти два матроса сделали лодку из маленьких кусков дерева, которые они сколотили так хорошо, как только могли, не имея никаких других инструментов, кроме своих ножей. Они накрыли ее куском парусины. Он был всего три-четыре фута в ширину и ненамного длиннее и был таким легким, что человек мог легко нести его на плечах, — так сильна страсть к дому и свободе! Уверенные в том, что их застрелят, если обнаружат, и почти в равной степени уверенные в том, что они утонут, если им удастся спастись, они, тем не менее, решили попытаться пересечь Ла-Манш на своей утлой лодочке. Заметив в пределах видимости от берега английский фрегат, они оттолкнулись и попытались добраться до него. Не успели они отойти на сотню туазов от берега, как были замечены таможенными служащими, которые пустились за ними в погоню и вернули их обратно. Весть об этом приключении распространилась по лагерю, где необычайная храбрость двух моряков была предметом всеобщего обсуждения. Это обстоятельство дошло до ушей императора. Он пожелал увидеть этих людей, и их привели к нему вместе с их маленькой лодкой. Наполеон, чье воображение поражало все экстраординарное, не мог скрыть своего удивления столь смелым проектом, осуществленным с такими слабыми средствами исполнения. "Неужели это правда, - сказал им император, - что вы думали пересечь море в этом?" — "Сир, — сказали они, - если вы сомневаетесь в этом, разрешите нам отправиться, и вы увидите, как мы отправляемся". - "Я так и сделаю. Вы смелые и предприимчивые люди — я восхищаюсь мужеством везде, где встречаю его. Но вы не должны рисковать своими жизнями. Вы свободны; более того, я добьюсь, чтобы вас посадили на английский корабль. Когда вернетесь в Лондон, скажите, как я ценю храбрых людей, даже если они мои враги. Рапп, который вместе с Лориатоном, Дюроком и многими другими присутствовал при этой сцене, был немало удивлен великодушием императора. Если бы эти люди не предстали перед ним, их расстреляли бы как шпионов, вместо чего они получили свободу, и Наполеон дал каждому по несколько золотых монет. Это обстоятельство было одним из тех, которые произвели на Наполеона

сильнейшее впечатление, и он вспомнил о нем на острове Святой Елены в одной из своих бесед с г-ном де Лас Касасом.

Ни один человек никогда так не любил контрасты, как Бонапарт. Больше всего на свете ему нравилось руководить военными делами, сидя в своем удобном кресле в кабинете Сен-Клу, и диктовать в лагере свои указы, касающиеся гражданской администрации. Так, в Булонском лагере он учредил десятилетние премии, первое распределение которых, по его замыслу, должно было состояться через пять лет, в годовщину 18 Брюмера, что было невинным комплиментом дате основания Консульской республики. Эта мера также, казалось, обещала республиканскому календарю долголетие, которого он не достиг. Все эти мелкие обстоятельства прошли незамеченными; но Бонапарт так часто излагал мне свою теорию искусства обманывать человечество, что я знал их истинную цену. Точно так же в Булонском лагере он своим указом, исходящим из его личной воли, уничтожил благороднейшее учебное заведение республики - Политехническую школу, преобразовав ее в чисто военную академию. Он знал, что в этом святилище высоких наук воспитывался республиканский дух; и пока я был с ним, он часто говорил мне, что необходимо, чтобы все школы, колледжи и учреждения общественного образования были подчинены военной дисциплине. Я часто пытался оспорить эту идею, но безуспешно.

Было условлено, что Жозефина и император встретятся в Бельгии. Он направился туда из Булонского лагеря, к изумлению тех, кто считал, что момент для вторжения в Англию наконец настал. Он присоединился к императрице во дворце Лакен, который император приказал отремонтировать и заново обставить с большим великолепием.

Император продолжил свое путешествие мимо городов, граничащих с Рейном. Сначала он остановился в городе Карл Великий, проехал через три епископства,

—[В связи с этим путешествием есть два или три небольших обстоятельства, которые, по-видимому, заслуживают упоминания здесь:

мадемуазель Авриллион была "камеристкой" Жозефины и постоянно находилась при ней со времени первого консульства до смерти императрицы в 1814 году. Во всех тех вопросах, которые мы процитируем из них, ее мемуары кажутся заслуживающими доверия. По словам мадемуазель, императрица во время своего пребывания в Экс-ла-Шапель пила воду с большим рвением и некоторой надеждой. Поскольку в тамошнем театре было всего несколько немецких певцов, которые пришлись Жозефине не по вкусу, ей прислали из Парижа часть французской оперной труппы. Любезный креол всегда отличался самым королевским пренебрежением к расходам. Когда Бонапарт присоединился к ней, он возобновил свой старый обычай время от времени навещать жену во время ее туалета и, по словам мадемуазель Авриллион, проявлял большой интерес к тому, как она одевалась. Она говорит: "Для нас было совершенно необычно видеть, как человек, голова которого была забита такими обширными делами, вникает в мельчайшие детали женского туалета и в то, какие платья, какие мантии и какие драгоценности императрица должна надеть по такому-то случаю. Однажды он вымазал ее платье чернилами, потому что оно ему не понравилось, и он хотел, чтобы она надела другое. Всякий раз, когда он заглядывал в ее гардероб, он обязательно переворачивал все вверх дном".

Этот характерный анекдот полностью согласуется с тем, что мы слышали от других людей. Когда неаполитанская принцесса Диана была в Тюильри в качестве "почетной дамы" сестры Бонапарта Каролины Мюрат, тогдашней королевы Неаполя, по торжественному случаю бракосочетания с Марией Луизой, принцесса, к своему удивлению, увидела, как император подошел к придворной даме и обратился к ней так: "Это то же самое платье, которое вы носили позавчера! Что все это значит, мадам? Это неправильно, мадам!"

Жозефина никогда не давала ему подобного повода для жалоб, но даже когда он был

императором, она часто заставляла его роптать на чрезмерность ее расходов по этому поводу. Следующий анекдот даст некоторое представление о количестве платьев, которые она носила в течение дня или около того, а затем раздала своим служанкам, которые, по-видимому, вели очень активную торговлю ими.

"Пока мы были в Майнце, дворец был буквально осажден евреями, которые постоянно приносили промышленные и другие товары, чтобы показать их придворным; и нам было очень трудно не покупать их. В конце концов они предложили нам поменяться с ними; и когда Ее Величество подарила нам платья, которые были слишком богаты, чтобы мы могли носить их сами, мы обменяли их у евреев на поштучные товары. Платья, которые мы выменяли таким образом, недолго оставались в руках евреев, и, должно быть, на них был большой спрос среди красавиц Майнца, потому что я помню тамошний бал, на котором императрица могла бы увидеть всех дам, участвовавших в кадрили, одетыми в ее поношенную одежду. — Я даже видела, как их носили немецкие принцессы" ("Мемуары мадемуазель Авриллон").]

— по пути он посетил Кельн и Кобленц, которые эмиграция сделала столь известными, и прибыл в Майнц, где его пребывание отличилось первой попыткой переговоров со Святым Престолом, чтобы побудить папу приехать во Францию, короновать нового императора и укрепить свою власть, поддержав ее с санкции Церкви. Это путешествие Наполеона заняло три месяца, и он вернулся в Сен-Клу только в октябре. Среди лестных обращений, оказанных императору во время его путешествия, я не могу пройти мимо речи г-на де Лашеза, префекта Арраса, который сказал: "Бог создал Бонапарта, а затем отдохнул". Это побудило графа Луи де Нарбонна, который еще не был привязан к имперской системе, заметить, "Что было бы хорошо, если бы Бог отдохнул немного раньше".

Во время отсутствия императора в министерстве произошли частичные изменения. г-н де Шампани сменил г-на Шапталя на посту министра внутренних дел. В Булонском лагере миролюбца Жозефа по желанию брата превратили в воина и поставили командовать драгунским полком, что вызвало смех у многих генералов. Я вспоминаю, что однажды Ланн, рассказывая мне об этом обстоятельстве в своей обычной прямой и энергичной манере, сказал: "Ему лучше не отдавать его под мое командование, потому что при первой же ошибке я посажу негодяя под арест".

ГЛАВА XXIX.

1804.

Англия, обманутая Наполеоном—Адмиралы Миссисси и Вильнев— Командование передано Лористону—Мнение Наполеона о мадам де Сталь— Ее письма Наполеону—Ее энтузиазм, превратившийся в ненависть— Мнение Бонапарта о власти Церкви—Прибытие Папы в Фонтенбло—Первая беседа Наполеона с Пием VII.— Папа и император на равных началах— Почести, оказанные Папе —Его апартаменты в Тюильри—Его посещение императорской

типографии—Отеческий упрек —Эффект, произведенный в Англии присутствием Папы в Париже— Подготовка к коронации Наполеона—Голосование за наследование по наследству—Созыв Законодательного органа—Президенты кантонов—Анекдот, рассказанный актером Мишо— Сравнения—Влияние коронации на торговлю Парижа—Знаки отличия Наполеона и знаки отличия Карла Великого—Папский мул—Анекдот нотариуса Рагидо— Распределение орлов на Марсовом поле —Замечательное совпадение.

Англия никогда не была так сильно обманута Бонапартом, как в период лагеря в Булони. Англичане действительно верили, что планировалось вторжение, и правительство истощило себя в попытках собрать людей и деньги, чтобы защититься от опасности быть застигнутым врасплох. Таково, действительно, преимущество, которым всегда обладает нападающий. Он может выбрать пункт, на котором, по его мнению, наиболее удобно действовать, в то время как сторона, занимающая оборону и боящаяся нападения, вынуждена быть готовой в каждом пункте. Однако Наполеон, находившийся тогда в полном расцвете своего гения и деятельности, всегда смотрел на предметы, далекие от тех, которые его окружали и которые, казалось, поглощали все его внимание. Таким образом, во время путешествия, о котором я говорил, очевидной целью которого была организация департаментов на Рейне, он отправил из Рошфора и Булони две эскадрильи, одной из которых командовал Миссисси, другой - Вильнев - я не буду вдаваться в подробности об этих эскадрильях; я просто упомяну в связи с ними, что, когда император все еще находился в Бельгии, Лористон нанес мне внезапный и неожиданный визит. Он направлялся в Тулон, чтобы принять командование войсками, которые должны были войти в состав эскадры Вильнева, и был не очень доволен службой, на которую его назначили.

Визит Лористона был для меня большой удачей. Мы всегда были в дружеских отношениях, и я получал от него много информации, особенно о том, как император проводил свое время. "Вы понятия не имеете, - сказал он, - как много делает император и какой энтузиазм вызывает его присутствие в армии. Но его гнев по отношению к подрядчикам сильнее, чем когда-либо, и он был очень суров с некоторыми из них ". Эти слова Лористона несколько не удивили меня, ибо я хорошо знал неприязнь Наполеона к подрядчикам и ко всем людям, имевшим торговые отношения с армией. Я часто слышал, как он говорил, что они были проклятием и проказой для народов; что какой бы власти он ни достиг, он никогда не окажет почестей никому из них, и что из всех аристократий их род был для него самым невыносимым. После его присоединения к Империи подрядчики уже не были теми важными персонами, какими они были при Директории или даже в течение двух первых лет консульства. Иногда Бонапарт поступал с ними так же, как раньше с египетскими бейями, когда он получал от них принудительные контрибуции.

—[Лористон, один из адъютантов Наполеона, который учился вместе с ним в Парижской военной школе и был зачислен в артиллерию одновременно с Наполеоном, считал, что ему следовало бы занять должность великого экуэйера, которую получил Коленкур. Он гневно пожаловался императору, и после бурной беседы ему было приказано присоединиться к флоту Вильнева — в результате он оказался при Трафальгаре. По возвращении после Аустерлица его временная опала была забыта, и он был отправлен губернатором в Венецию. При Реставрации он стал маршалом.]—

Я вспоминаю еще одно несколько любопытное обстоятельство, касающееся визита Лористона, который оставил императора и императрицу в Экс-ла-Шапель. Лористон был самым образованным из адъютантов, и Наполеон часто беседовал с ним о таких литературных произведениях, на которые обращал внимание. "Однажды он послал за мной, - сказал Лористон, - когда я был на дежурстве во дворце Лакен, и рассказал мне о десятилетних премиях, и о трагедии "Карион де Низас", и о романе мадам де Сталь, который он только что прочел, но которого я не видел, и поэтому был несколько смущен, отвечая ему. Уважая мадам де Сталь и ее Дельфину, он сказал несколько замечательных вещей. "Мне не нравятся женщины, - заметил он, - которые строят из себя мужчин, так же как мне не нравятся женоподобные мужчины. В этом мире каждому отведена своя роль. Что означает весь этот полет воображения? Каков его результат? Ничего. Все это сентиментальная метафизика и расстройство ума. Я не выношу эту женщину; по одной причине: я не выношу женщин, которые набрасываются на меня, и Бог знает, как часто она пыталась меня задобрить!"

Слова Лористона напомнили мне о разговорах, которые я часто вел с Бонапартом относительно мадам де Сталь, свидетелем заигрываний которой с Первым консулом и даже с генералом итальянской армии я часто был. Сначала Бонапарт ничего не знал о мадам де Сталь, кроме того, что она была дочерью г-на Неккера, человека, которого, как я уже показал, он очень мало уважал. Мадам де Сталь не была представлена ему и знала о нем не больше того, что было опубликовано о молодом завоевателе Италии, когда она адресовала ему письма, полные энтузиазма. Бонапарт прочел мне несколько отрывков из них и, смеясь, сказал: "Что вы думаете, Буррьен, об этих сумасбродствах. Эта женщина сумасшедшая". Я вспоминаю, что в одном из своих писем мадам де Сталь, среди прочего, говорила ему, что они, безусловно, были созданы друг для друга — что тихая и нежная Жозефина была связана с ним судьбой в результате ошибки человеческих институтов — что природа, казалось, предназначила для обожания такого героя, как он, с огненной душой, подобной ее собственной. Эти экстравагантности вызывали у Бонапарта такое отвращение, которое я не могу описать. Закончив читать эти прекрасные послания, он обычно бросал их в огонь или рвал с явным неудовольствием и говорил: "Ну, вот женщина, которая претендует на гениальность, создательница чувств, и она осмеливается сравнивать себя с Жозефиной! Буррьен, я не буду отвечать на такие письма".

Однако у меня была возможность увидеть, к чему может привести настойчивость талантливой женщины. Несмотря на предубеждения Бонапарта против мадам де Сталь, от которых он никогда не отказывался, ей удалось быть представленной ему; и если что-то и могло вызвать у него отвращение к лести, так это восхищение или, точнее говоря, поклонение, которое она ему оказывала; ибо она имела обыкновение сравнивать его с богом, сошедшим на землю, — сравнение, которое духовенство, как мне казалось, приберегло для собственного употребления. Но, к несчастью, чтобы угодить мадам де Сталь, было необходимо, чтобы ее богом был Плутуа; ибо за ее хвалебными речами скрывалось требование на два миллиона, которые, по мнению Неккера, все еще причитались ему за его добрые и достойные услуги. Однако Бонапарт сказал по этому поводу, что, какую бы ценность он ни придавал избирательному праву мадам де Сталь, он не считает нужным так дорого платить за это государственными деньгами. Превращение энтузиазма мадам де Сталь в ненависть хорошо известно, как и недостойные его мелочные оскорбления, которыми император изводил ее в ее убежище в Коппе.

Лористон прибыл в Париж, где пробыл совсем недолго, за несколько дней до Каффарелли, который был отправлен с миссией в Рим, чтобы оповестить Папский двор и убедить Святого

Отца приехать в Париж для посвящения Бонапарта во время его коронации. Я уже описывал природу представлений Бонапарта о религии. Его представления по этому вопросу, казалось, сводились скорее к некоему смутному чувству, чем к какой-либо вере, основанной на размышлениях. Тем не менее, он был высокого мнения о силе Церкви, но не потому, что считал ее опасной для правительств, особенно для своего собственного. Наполеон никогда не мог себе представить, как это возможно, что монарх в короне и с мечом может иметь наглость преклонить колени перед папой римским или смирить свой скипетр перед ключами Святого Петра. Его дух был слишком велик, чтобы допустить подобную мысль. Напротив, он рассматривал союз между Церковью и своей властью как удачное средство влияния на мнения людей и как дополнительную связь, которая должна была привязать их к правительству, ставшему легитимным с торжественной санкции папской власти. Бонапарт не был обманут. В этом, как и во многом другом, проницательность его гения позволила ему осознать всю важность посвящения, дарованного ему Папой; тем более что Людовик XVIII, не имевший подданных, территории и носивший лишь иллюзорную корону, не получил того священного помазания, благодаря которому потомки Гуго Капета становятся старшими сынами Церкви.

Как только императору сообщили об успехе миссии Каффарелли и о том, что папа, согласно его желанию, собирается отправиться в Париж, чтобы утвердить в своих руках скипетр Карла Великого, ни о чем не думали, кроме приготовлений к этому великому событию, которому предшествовало признание Наполеона императором Франции со стороны всех государств Европы, за исключением Англии.

По завершении Конкордата Бонапарт сказал мне: "Я позволю республиканским генералам сколько угодно возмущаться Массами. Я знаю, что делаю; я работаю для потомков". Теперь он собирал плоды своего Конкордата. Он распорядился, чтобы к папе повсюду во время его путешествия по территории Франции относились с высочайшим почетом, и направился в Фонтенбло, чтобы принять его Святейшество. Это дало возможность Бонапарту восстановить пример тех поездок старого двора, во время которых раньше производилась смена министров. Дворец Фонтенбло, ныне ставший императорским, как и все старые королевские замки, был заново обставлен с роскошью и вкусом, соответствующими прогрессу современного искусства. Император направлялся по дороге в Немур, когда придворные сообщили ему о приближении Пия VII. Целью Бонапарта было избежать церемонии, которая была улажена ранее. Поэтому он под предлогом поездки на охоту оказался как бы случайно на пути, когда подъезжала карета папы. Он сошел с лошади, и папа вышел из своей кареты. Рапп был с императором, и мне кажется, я до сих пор слышу, как он описывает в своей оригинальной манере и с немецким акцентом эту грандиозную встречу, к которой, однако, он, со своей стороны, отнесся без особого уважения. Рапп, на самом деле, был в числе тех, кто, несмотря на свою привязанность к императору, сохранял независимость характера, и он знал, что у него нет причин лицемерить со мной. "Представьте себе, - сказал он, - какую забавную комедию разыграли". После того как император и папа крепко обнялись, они сели в один вагон; и, чтобы быть на равных, они должны были войти одновременно через противоположные двери. Все это было решено; но за завтраком император прикинул, как ему удастся, не делая вид, что он что-то предполагает, встать по правую руку от папы, и все вышло так, как он хотел. "Что касается папы, - сказал Рапп, - то я должен признать, что никогда не видел человека с более прекрасным лицом и более респектабельной внешностью, чем Пий VII".

После совещания между папой и императором в Фонтенбло Пий VII. сначала отправился в Париж. В дороге ему оказывались те же почести, что и императору. Для него были

приготовлены апартаменты в Павильоне Флор в Тюильри, а его спальня была обставлена так же, как и его покои во дворце Монте-Кавалло, его обычной резиденции в Риме. Присутствие папы Римского в Париже было настолько экстраординарным обстоятельством, что в это с трудом верилось, хотя некоторое время назад о нем говорили. Что, в самом деле, могло быть более необычным, чем увидеть Главу Церкви в столице, где четыре года назад были опрокинуты алтари, а немногие оставшиеся верующие были вынуждены совершать свое богослужение тайно!

Папа римский стал объектом общественного уважения и всеобщего любопытства. Мне очень хотелось увидеть его, и мое желание исполнилось в тот день, когда он отправился посетить Имперскую типографию, находившуюся тогда там, где сейчас находится Банк Франции.

Брошюра, посвященная папе Римскому, содержащая "Pater Noster" на ста пятидесяти различных языках, была вычеркнута в присутствии его Святейшества. Во время этого визита в типографию невоспитанный молодой человек не снял шляпу в присутствии папы Римского. Несколько человек, возмущенных этим неприличием, подошли, чтобы снять шляпу с молодого человека. Возникло небольшое замешательство, и папа, поняв причину этого, подошел к молодому человеку и сказал ему тоном истинно патриархальной доброты: "Молодой человек, откройся, чтобы я мог дать тебе свое благословение. Благословение старика еще никому не вредило". Этот небольшой инцидент глубоко затронул всех, кто был его свидетелем. Лицо и фигура папы Пия VII. вызывали уважение. Замечательный портрет Дэвида - это его живое подобие.

Прибытие Папы в Париж произвело большую сенсацию в Лондоне, действительно большую, чем где-либо еще, несмотря на отделение Английской церкви от Римской. Английское министерство теперь не жалело сил, чтобы повлиять на общественное мнение путем распространения клеветы на Бонапарта. Лондонский кабинет министров нашел двойное преимущество в поощрении этой системы, которая не просто вызывала раздражение против могущественного врага Англии, но и отвлекала от британского правительства шумиху, на создание которой были рассчитаны некоторые из его мер. Негодование Бонапарта против Англии было доведено до крайности, и, по правде говоря, это негодование было в какой-то степени национальным чувством во Франции.

Наполеон слышал об успехе переговоров Каффарелли еще до своего возвращения в Париж после путешествия на Рейн. Прибыв в Сен-Клу, он, не теряя времени, распорядился о приготовлениях к своей коронации. Все способствовало исполнению его желаний. 28 ноября папа прибыл в Париж, а два дня спустя, а именно. 1 декабря Сенат представил императору результаты голосования народа за установление наследственного престолонаследия в его семье: поскольку предполагалось, что принятие титула императора никоим образом не наносит ущерба Республике, вопрос о наследственном престолонаследии был вынесен на общественное одобрение. Шестьдесят тысяч реестров было открыто в разных частях Франции — в канцеляриях министров, префектов, мэров коммун, нотариусов, солиситоров и т. Д. Франция в то время состояла из 108 департаментов, и в ней было 3 574 898 избирателей. Из них только 2569 проголосовали против наследования по наследству. Бонапарт приказал прислать ему список лиц, голосовавших против этого вопроса, и он часто сверялся с ним. Они оказались не роялистами, а по большей части убежденными республиканцами. Насколько мне известно, многие роялисты вообще воздержались от голосования, не желая связывать себя бесполезными обязательствами и тем более отдавать свои голоса виновнику смерти герцога Энгиенского. Со своей стороны, я отдал свой голос за наследование в семье Бонапарта; мое положение, как легко себе представить, не позволяло мне поступить иначе.

С октября месяца Законодательный орган был созван для участия в коронации императора. Прибыло много депутатов, а с ними целый рой тех президентов кантонов, которые занимали видное место в анналах насмешек в конце 1804 года. Они стали объектами всевозможных острот. Обязательное ношение мечей сделало их внешний вид очень гротескным. О них рассказывали столько же забавных историй, сколько десять лет спустя рассказывали о тех, кого называли вольтижерами Людовика XIV. Один из этих анекдотов был настолько смехотворен, что, хотя он, вероятно, был всего лишь выдумкой, я все же не могу удержаться от того, чтобы рассказать его. Определенное количество этих президентов в один прекрасный день были отобраны для представления папе римскому; и поскольку большинство из них были очень бедны, они сочли необходимым сочетать экономию с этикетом, который необходимо соблюдать при новом порядке вещей. Поэтому, чтобы сэкономить на найме экипажей, они отправились к Павильон де Флор пешком, предусмотрительно надев гетры, чтобы уберечь свои белые шелковые чулки от грязи, покрывавшей улицы, поскольку тогда был декабрь месяц. По прибытии в Тюильри один из участников вечеринки сунул гетры в карман. Случилось так, что папа произнес такую трогательную речь, что все присутствующие были тронуты до слез, а несчастный президент, избавившийся от своих гетр только что упомянутым способом, вытащил их вместо носового платка и вымазал лицо грязью. Говорят, что папу римского очень позабавила эта ошибка. Если этот анекдот покажется вам слишком ребяческим, чтобы повторять его здесь, я могу заметить, что он немало позабавил Бонапарта, который заставил актера Мишо рассказать его императрице однажды вечером в Париже после придворного представления.

Теперь Наполеон достиг общепризнанной цели своего честолюбия; но его честолюбие отступало перед ним, как безграничный горизонт. 1 декабря, в день, когда Сенат представил императору результаты голосования за наследование престола, Франсуа де Нефшато обратился к нему с речью, в которой не было недостатка в лестных выражениях. Как президент Сената, он немного попрактиковался в подобном стиле произнесения речей; и он всего лишь заменил восхваление монархического правительства восхвалением республиканского правительства "*a sempre bene*", как говорят итальянцы.

Если бы я захотел провести сравнения, я мог бы здесь позволить себе несколько любопытных. Разве не удивительно, что Фонтенбло с интервалом почти в десять лет стал свидетелем первого свидания Наполеона с папой римским и его последнего прощания со своей армией и что Сенат, который ранее с такой готовностью поддерживал Бонапарта, в 1814 году объявил в Фонтенбло о его отречении от престола.

Подготовка к коронации оказалась очень выгодной для торговых кругов Парижа. Огромное количество иностранцев и выходцев из провинций посещало столицу, а возвращение роскоши и возрождение старых обычаев дали занятие множеству ремесленников, которые не могли получить работу при Директории или консульстве, таких как шорники, каретники, кружевницы, вышивальщицы и другие. Эти позитивные интересы создали больше сторонников Империи, чем мнение и размышления; и будет лишь справедливо сказать, что дюжину лет назад торговля не была столь активной. Драгоценности императорской короны были выставлены на всеобщее обозрение на ювелирной биеннале. Корона была легкой формы и с золотыми листьями меньше походила на корону Франции, чем на античную корону цезарей. Впоследствии эти вещи были помещены в государственную казну вместе с императорскими знаками отличия Карла Великого, которые Бонапарт приказал привезти из Экс-ла-Шапель. Но пока Бонапарт таким образом гордился своей короной и своим воображаемым сходством с Карлом Великим, мистер Питт, недавно отозванный в министерство, заключал в Стокгольме мирный договор со Швецией и соглашался

выплачивать этой державе субсидию, позволяющую ей продолжать военные действия против Франции. Этот договор был заключен 3 декабря, на следующий день после коронации.

—[Детали подготовки к коронации вызвали множество бурных сцен между Наполеоном и его семьей. Принцессы, его сестры и свояченицы, были особенно шокированы тем, что им пришлось нести шлейф императорской мантии Жозефины, и даже когда Жозефина действительно направлялась от алтаря к трону, принцессы так явно демонстрировали свое нежелание, что Жозефина не смогла продвинуться вперед, и произошла стычка, которую пришлось останавливать самому Наполеону. Жозеф сам был вполне готов отказаться от появления в мантии со шлейфом, но он хотел помешать своей жене носить мантию императрицы; и он выступал против своего брата по стольким пунктам, что Наполеон в конце концов призвал его либо отказаться от своего поста и уйти из любой политики, либо полностью принять императорский режим. О том, как экономный Камбер-Серес израсходовал горностая, которого не мог носить, будет рассказано в томе Жюно iii. стр. 196. Сама Жозефина была в сильнейшем беспокойстве по поводу того, осуществится ли желание семьи Бонапартов о ее разводе с ее мужем. Когда она на какое-то время добилась своего и после того, как папа обручился, чтобы короновать ее, ей, кажется, самым ловким образом удалось проинформировать папу о том, что она была соединена с Наполеоном только гражданским браком. Папа настаивал на религиозном браке. Наполеон был разгневан, но не мог отступить, и религиозный обряд был совершен кардиналом Фешем за день или два до коронации. Свидетельство о браке тщательно охранялось Жозефиной от Наполеона и даже находилось вне его досягаемости во время развода. Таков, по крайней мере, кажется наиболее вероятный рассказ об этом загадочном и сомнительном деле.

Тот факт, что кардинал Феш утверждал, что религиозный обряд был совершен должным образом, тринадцать кардиналов (не считая, однако, Феша) были настолько убеждены в законности брака, что отказались присутствовать на церемонии бракосочетания с Марией Луизой, тем самым навлекая на себя гнев императора и становясь "Нуарами кардиналов" из-за запрета носить свои собственные одежды, кажется, не оставляет сомнений в том, что религиозный обряд был совершен. Брак был признан недействительным только в 1809 году местными каноническими органами, а не властью папы римского.]—

Вряд ли можно ожидать, что я стану вдаваться в подробности церемонии, которая состоялась 2 декабря. Блеск золота, развевающиеся плюмажи и богато украшенные лошади императорской процессии; мул, который сопровождал папский кортеж и вызывал столько веселья у парижан, уже неоднократно описывались. Я могу, однако, привести анекдот, связанный с Коронацией, рассказанный мне Жозефиной и чрезвычайно характерный для Наполеона.

Когда Бонапарт ухаживал за мадам де БОГАРНЕ, ни у того, ни у другого не было кареты; и поэтому Бонапарт часто сопровождал ее, когда она выходила из дома. Однажды они вместе отправились к нотариусу Рагидо, одному из самых низкорослых людей, которых, мне кажется, я когда-либо видел в своей жизни, мадам де Богарне очень доверяла ему и специально отправилась туда, чтобы сообщить ему о своем намерении выйти замуж за молодого генерала артиллерии, протеже Барраса. Жозефина одна вошла в кабинет нотариуса, в то время как Бонапарт ждал ее в соседней комнате. Дверь кабинета Рагидо не закрывалась, и Бонапарт ясно слышал, как он отговаривал мадам де Богарне от ее предполагаемого замужества. "Ты собираешься сделать очень неправильный шаг, - сказал

он, - и ты пожалеешь об этом, Неужели ты настолько безумна, чтобы выйти замуж за молодого человека, у которого нет ничего, кроме плаща и шпаги?" Жозефина сказала мне, что Бонапарт никогда не упоминал об этом при ней, и она никогда не предполагала, что он слышал то, что сказал Рагидо. "Только подумайте, Бурьен, - продолжала она, - каково было мое изумление, когда в день Коронации он, одетый в императорскую мантию, пожелал, чтобы послали за Рагидо, сказав, что желает видеть его немедленно; и когда Рагидо появился, он сказал ему: "Ну что ж, сударь! теперь у меня нет ничего, кроме плаща и шпаги?"

Хотя Бонапарт рассказал мне почти все обстоятельства своей жизни, какие только пришли ему на память, он ни разу не упомянул о деле Рагидо, о котором, казалось, внезапно вспомнил только в день своей коронации.

На следующий день после коронации все войска Парижа были собраны на Марсовом поле, императорские орлы могли быть розданы каждому полку вместо национальных флагов. Я не присутствовал на коронации в церкви Нотр-Дам, но мне захотелось увидеть военный праздник на Марсовом поле, потому что я получил истинное удовольствие, увидев Бонапарта среди его солдат. Перед зданием Военной школы был установлен трон, который, хотя теперь и был превращен в казарму, должно быть, вызывал у Бонапарта какие-то странные воспоминания о его детстве. По данному сигналу все колонны сомкнулись и приблизились к трону. Затем Бонапарт, встав, отдал приказ о раздаче орлов и обратился со следующим обращением к депутациям различных армейских корпусов:

"Солдаты, солдаты! узрите свои знамена. Эти орлы всегда будут вашим оплотом! Они всегда будут там, где ваш император сочтет их необходимыми для защиты своего трона и своего народа. Клянитесь пожертвовать своими жизнями, чтобы защитить их, и своим мужеством постоянно поддерживать их на пути к победе. — Клянись!"

Было бы невозможно описать возгласы, последовавшие за этим обращением; в народном энтузиазме есть что-то настолько соблазнительное, что даже равнодушные люди не могут не поддаться его влиянию. И все же малейшее размышление показало бы, как постыдно Наполеон отказался от заявления, которое он сделал Сенату, когда ему в Сен-Клу был представлен органический "Senatus-consulte" об основании Империи: по этому поводу он сказал: "Французский народ никогда не будет МОИМ народом!" И все же на следующий день после его Коронации его орлы должны были лететь везде, где это могло понадобиться для защиты его народа.

По странному совпадению, когда 2 декабря 1804 года Бонапарт принимал от главы Церкви императорскую корону Франции, Людовик XVIII, находившийся в то время в Кольмаре, движимый как бы необъяснимым предчувствием, составил и подписал обращение к французскому народу, в котором он заявил, что тогда он поклялся никогда не разрывать священных уз, соединивших его судьбу с их судьбой, никогда не отказываться от наследия своих предков или от своих прав.

ГЛАВА XXX.

1805

Мое назначение полномочным министром в Гамбурге —Моя беседа с Бонапартом в Мальмезоне—Планы Бонапарта в отношении Италии— Его желание вновь посетить Бриенну— Инструкции для моей резиденции в Гамбурге—Возрождение европейского общества—План Бонапарта стать старейшим сувереном в Европе—Миссия Амедея Жобера—Поручение императора императрице—Мой разговор с мадам Бонапарт.

Теперь я должен упомянуть о событии, которое касается меня лично, а именно о моем назначении полномочным министром герцогов Брауншвейгского и Мекленбург-Шверинского, а также ганзейских городов.

Это назначение состоялось 22 марта 1806 года. Жозефина, которая любезно пообещала сообщить мне о том, что император намеревается сделать для меня, как только она сама узнает о его намерениях, прислала гонца, чтобы сообщить мне о моем назначении и сказать, что император желает меня видеть. Я не навещал Жозефину с тех пор, как она уехала в Бельгию. пышность и церемонии Коронации, могу сказать, ослепили меня и удержали от того, чтобы явиться в Императорский дворец, где меня должен был бы раздражать этикет, соблюдавшийся с момента Коронации. Я не могу описать, какое неприятное впечатление всегда производил на меня этот парад. Я не мог сразу забыть то время, когда я без всяких церемоний входил в комнату Бонапарта и будил его в назначенный час. Что касается Бонапарта, то я не видел его с тех пор, как он послал за мной после осуждения Жоржа, и тогда я увидел, что моя откровенность по отношению к Моро не вызвала у него неудовольствия. С тех пор Моро покинул Францию без того, чтобы Наполеон подверг его применению отвратительного закона, который был отменен только после возвращения бурбонов и в силу которого он был приговорен к конфискации своего имущества. Моро продал свое поместье Гро-Буа Бертье и отправился в Кадис, откуда отплыл в Америку. У меня больше не будет возможности говорить о нем до периода интриг, в которые он был вовлечен тем же влиянием, которое погубило его во Франции.

Вечером того дня, когда я получил любезное послание от Жозефины, я получил официальное приглашение отправиться на следующий день в Мальмезон, где в то время находился император. Мне было очень приятно увидеть его там, а не в Тюильри или даже в Сен-Клу. Наша прежняя близость в Мальмезоне позволила мне чувствовать себя более непринужденно перед интервью, в ходе которого мое знание характера Бонапарта заставило меня испытывать некоторые опасения. Должен ли я был быть принят моим старым товарищем по Бриенну или Его Императорским Величеством? Меня принял мой старый товарищ по колледжу.

По прибытии в Мальмезон меня провели в комнату-палатку, ведущую в библиотеку. Как я был поражен добродушной фамильярностью, с которой он принял меня! Этот необыкновенный человек проявил, если можно так выразиться, кокетство по отношению ко мне, которое удивило меня, несмотря на то, что я раньше знал его характер. Он подошел ко мне с улыбкой на губах, взял мою руку (чего он никогда не делал с тех пор, как стал консулом), нежно пожал

ее, и было невозможно, чтобы я мог смотреть на него как на императора Франции и будущего короля Италии. И все же я был слишком хорошо осведомлен о его приступах гордости, чтобы позволить его фамильярности вывести меня за рамки нежного уважения. "Мой дорогой Бурьен, - сказал он, - можете ли вы предположить, что высокое положение, которого я достиг, изменило мои чувства к вам? Нет. Я не придаю значения блеску императорской пышности; все это предназначено для народа; но меня все равно должны ценить по заслугам. Я был очень доволен вашими услугами и поставил вас в такое положение, когда у меня будет возможность воспользоваться ими. Я знаю, что могу на вас положиться". Затем он с большой теплотой дружбы спросил, чем я занимаюсь, поинтересовался о моей семье и так далее. Короче говоря, я никогда не видел, чтобы он проявлял меньшую сдержанность или большую фамильярность и неподдельную простоту; что он делал с большей готовностью, возможно, потому, что теперь его величие было неоспоримо.

"Вы знаете, - добавил Наполеон, - что через неделю я отправляюсь в Италию. Я стану королем; но это только ступенька. У меня есть более серьезные планы в отношении Италии.

"Это должно быть королевство, включающее все Трансальпийские государства, от Венеции до Приморских Альп. Союз Италии с Францией может быть только временным, но он необходим для того, чтобы приучить народы Италии жить по общим законам. Генуэзцы, пьемонтцы, венецианцы, миланцы, жители Тосканы, римляне и неаполитанцы ненавидят друг друга. Ни один из них не признает превосходства другого, и все же Рим, судя по воспоминаниям, связанным с ним, является естественной столицей Италии. Однако для того, чтобы это было так, необходимо, чтобы власть папы была ограничена чисто духовными рамками. Я не могу сейчас думать об этом; но я подумаю об этом позже. В настоящее время у меня есть лишь смутные представления на этот счет, но со временем они созреют, а дальше все зависит от обстоятельств. Что было сказано мне, когда мы гуляли, как два праздных человека, по улицам Парижа, что однажды я стану хозяином Франции — мое желание... всего лишь смутное желание. Обстоятельства сделали остальное. Поэтому разумно смотреть в будущее, что я и делаю. Что касается Италии, то, поскольку невозможно будет одним усилием объединить ее так, чтобы образовалась единая держава, подчиняющаяся единым законам, я начну с того, что сделаю ее французской. Все эти маленькие государства незаметно привыкнули к одним и тем же законам, и когда нравы будут ассимилированы, а вражда уничтожена, тогда будет Италия, и я дам ей независимость. Но для этого у меня должно быть двадцать лет, а кто может рассчитывать на будущее? Бурьен, я испытываю удовольствие, рассказывая тебе все это. Это было заперто в моем сознании. С тобой я думаю вслух".

Я не думаю, что изменил хотя бы два слова из того, что Бонапарт сказал мне об Италии, настолько совершенной, я могу теперь сказать без тщеславия, была тогда моя память и настолько устойчивой была моя привычка фиксировать в ней все, что он мне говорил. Проинформировав меня о своих туманных планах, Бонапарт с одним из столь характерных для него переходов сказал: "Кстати, Бурьен, я должен тебе кое-что сказать. Мадам де Бриенн умоляла меня проехать через Бриенну, и я пообещал, что так и сделаю. Я не скрою от вас, что испытаю огромное удовольствие, снова увидев место, которое в течение шести лет было ареной наших мальчишеских игр и учебы". Воспользовавшись хорошим настроением императора, я осмелился сказать ему, какое счастье доставило бы мне, если бы было возможно разделить с ним возрождение всех воспоминаний, которые были нам обоим дороги. Но Наполеон, после минутной паузы, сказал с чрезвычайной добротой: "Послушайте, Бурьен, в вашем и моем положении этого не может быть. Прошло более двух лет с тех пор, как мы расстались. Что бы сказали о столь внезапном примирении? Скажу вам

откровенно, что я сожалел о вас, и обстоятельства, в которые я часто попадал, часто вызывали у меня желание вспомнить о вас. В Булони я твердо решил это. Рапп, возможно, сообщил вам об этом. Вы ему понравились, и он заверил меня, что будет рад вашему возвращению. Но если, поразмыслив, я изменил свое мнение, то только потому, что, как я вам часто говорил, я не потерплю, чтобы говорили, что я в ком-то нуждаюсь. Нет. Поезжайте в Гамбург. Я разработал несколько проектов в отношении Германии, в которых вы можете быть мне полезны. Именно там я нанесу Англии смертельный удар. Я лишу ее Континента, — кроме того, у меня есть еще не созревшие идеи, которые простираются гораздо дальше. Среди народов Европы нет достаточного единодушия. Европейское общество должно быть возрождено — высшая сила должна контролировать другие державы и заставлять их жить в мире друг с другом; и Франция хорошо расположена для этой цели. За подробностями вы получите инструкции от Талейрана; но я рекомендую вам, прежде всего, строго следить за эмигрантами. Горе им, если они станут слишком опасными! Я знаю, что все еще есть агитаторы, и среди них все эти "маркизы Версальские", придворные старой школы. Но они — мотыльки, которые сгорят на свече. Вы сами были эмигрантом, Бурьен; вы испытываете к ним симпатию и знаете, что я разрешил вернуться более чем двум сотням из них по вашей рекомендации. Но дело другое. Те, кто находится за границей, ожесточились. Они не желают возвращаться домой. Внимательно наблюдайте за ними. Это единственное конкретное указание, которое я даю вам. Вы будете посланником от Франции до Гамбурга; но ваше место будет независимым; помимо вашей переписки с министром иностранных дел, я уполномочиваю вас писать мне лично, когда у вас будет что сообщить конкретно. Вы также будете переписываться с Фуше".

Тут император на мгновение замолчал, и я собрался удалиться, но он задержал меня, сказав в самой любезной манере: "Что, ты уже уходишь, Бурьен? Ты торопишься? Давай еще немного поболтаем. Бог знает, когда мы снова увидимся!" Затем, после двух или трех минут молчания, он сказал: "Чем больше я размышляю о нашем положении, о нашей прежней близости и о нашей последующей разлуке, тем больше я вижу необходимость твоей поездки в Гамбург. Тогда поезжай, мой дорогой друг, я советую тебе. Доверься мне. Когда ты думаешь отправиться в путь? "В мае". — "В мае? .. Ах, тогда я буду в Милане, потому что хочу остановиться в Турине. Мне нравятся пьемонтцы; они лучшие солдаты в Италии". — "Сир, король Италии будет младшим после императора Франции!"

— [Я сослался на разговор, который состоялся у меня с Наполеоном, когда мы впервые отправились в Тюильри. Он рассказал мне о своих планах по созданию королевской семьи, и я рассказал о трудностях, с которыми, как я думал, он столкнется, добиваясь признания старых правящих семей Европы. "Если до этого дойдет", — ответил он. "Я свергну их всех с престола, и тогда я буду старейшим сувереном среди них". — Бурьен.] —

— "Ах, так вы помните, что я сказал однажды в Тюильри; но, мой дорогой друг, мне предстоит пройти еще дьявольски долгий путь, прежде чем я добьюсь своего". — "С той скоростью, сир, с которой вы идете, вы не заставите себя долго ждать". — "Дольше, чем вы предполагаете. Я вижу все препятствия на своем пути; но они меня не пугают. Англия повсюду, и борьба идет между ней и мной. Я вижу, как это будет. Вся Европа будет нашим инструментом; иногда она будет служить одному, иногда другому, но в сущности спор идет исключительно между Англией и Францией.

- Кстати, - сказал император, меняя тему, ибо все, кто его знал, знают, что это "кстати" было его любимым и, по сути, единственным способом перехода; кстати, Бурьен, ты наверняка должен был слышать об отъезде Жобера,

—[Амедей Жобар был с Наполеоном в Египте и был назначен в кабинет консула секретарем-переводчиком восточных языков. Его отправляли с несколькими миссиями на Восток, и в 1818 году он привез обратно коз из Тибета, натурализовав во Франции производство кашмеровских коз. Он стал пэром Франции при Июльской монархии.]—

и его миссия. Что говорят по этому поводу?" — "Сир, я слышал лишь незначительные намеки на это. Однако его отец, которому он ничего не сказал о цели своего путешествия, зная, что я был близок с Жобером, пришел ко мне, чтобы узнать, могу ли я развеять его беспокойство по поводу путешествия, о продолжительности которого он понятия не имел. Поспешный отъезд сына внушил ему опасения, что я сказал ему правду, а именно, что Жобер сказал мне по этому поводу не больше, чем ему." — "Значит, вы не знаете, куда он уехал?" — "Прошу прощения, сир, я очень хорошо знаю". — "Как, черт возьми!" - воскликнул Бонапарт, внезапно бросив на меня изумленный взгляд. "Я заявляю, что никто никогда не говорил мне об этом, но я догадался об этом. Получив письмо от Яуберта, датированное Лейпцигом, я вспомнил, что ваше величество часто рассказывали мне о ваших взглядах на Персию и Индию. Я не забыл ни нашего разговора в Египте, ни тех грандиозных проектов, которыми вы поделились со мной, чтобы скрасить одиночество, а иногда и усталость каирского кабинета министров. Кроме того, я давно знал ваше мнение об Амедее, о его верности, способностях и мужестве. Поэтому я был убежден, что у него есть миссия к персидскому шаху". — "Вы угадали верно; но я умоляю вас, Бурьен, не говорите об этом никому вообще. Секретность в этом вопросе имеет огромное значение. Англичане нанесли бы ему вред, ибо они хорошо знают, что мои взгляды направлены против их владений и их влияния на Востоке". — "Я думаю, сир, что мой ответ достойному отцу Амедее является достаточной гарантией моего благоразумия. Кроме того, с моей стороны это было всего лишь предположение, и я ничего не мог бы утверждать с уверенностью, пока ваше величество не сооблаговолили сообщить мне об этом факте. Вместо того чтобы ехать в Гамбург, если вашему величеству будет угодно, я присоединюсь к Яуберту, сопровождаю его в Персию и выполню половину его миссии". — "Как! не могли бы вы поехать с ним?" — "Да, сир; я очень привязан к нему. Он превосходный человек, и я уверена, что он не пожалел бы, если бы я была с ним". — "Но... Стоп, Бурьен, ... это, пожалуй, было бы неплохой идеей. Вы немного знаете Восток. Вы привыкли к климату. Вы могли бы помочь Жоберу. . . . Но Нет! Добер, должно быть, уже далеко — боюсь, вам его не догнать. И, кроме того, у вас многочисленная семья. Вы будете мне более полезны в Германии. Учитывая все обстоятельства, поезжайте в Гамбург — вы знаете страну и, что еще лучше, говорите на ее языке".

Я видел, что Бонапарту все еще есть что мне сказать. Когда мы ходили взад и вперед по комнате, он остановился и, посмотрев на меня с выражением грусти, сказал: "Бурьен, ты должна, прежде чем я отправлюсь в Италию, оказать мне услугу. Ты иногда навещаешь мою жену, и это правильно; тебе подходит. Ты слишком долго был членом семьи, чтобы не продолжать дружбу с ней. Иди к ней.

—[Это использование Бурьена для увещаний Жозефины является полным ответом на иногда выдвигаемые обвинения в том, что Наполеон, хотя и ругал, на самом деле поощрял глупые расходы своей жены, поскольку держал ее под своим контролем. Джозефина была неисправима. "В самый день своей смерти, - рассказывает мадам де Ремюза, - она пожелала надеть очень

красивый халат, потому что думала, что российский император, возможно, приедет навестить ее. Она умерла, вся увешанная лентами и розовым атласом". "Конечно, мертвая не будет страшной!" Что же касается главной вины Жозефины — ее неспособности подарить Наполеону наследника, — то он не всегда желал такового. В 1802 году его брат Жером в шутку посоветовал Жозефине подарить консулу немного Цезаря. Наполеон вспыхнул: "Да, чтобы он закончил так же, как Александр? Поверьте мне, господа, что в настоящее время лучше не иметь детей: я имею в виду, когда человек обречен править нациями". Судьба римского короля показывает, что это восклицание было слишком правдивым!]

- Постарайся еще раз заставить ее осознать свою безумную расточительность. Каждый день я обнаруживаю новые примеры этого, и это огорчает меня. Когда я говорю с ней на эту тему, я раздражен; я злюсь — она плачет. Я прощаю ее, я оплачиваю ее счета — она дает честные обещания; но одно и то же происходит снова и снова. Если бы она только родила мне ребенка! Не иметь ребенка - мука всей моей жизни. Я ясно понимаю, что моя власть никогда не будет прочно установлена, пока он у меня не появится. Если я умру, не оставив наследника, ни один из моих братьев не сможет занять мое место. Все начинается, но ничто не заканчивается. Бог знает, что произойдет! Иди и поведись с Джозефиной, и не забудь о моих наставлениях..."

Затем он возобновил веселость, которую время от времени проявлял во время нашего разговора: далекие облака, гонимые ветром, не пересекают горизонт с такой быстротой, с какой различные идеи и ощущения сменяли друг друга в голове Наполеона. Он отпустил меня своим обычным кивком головы, и, видя, что он в таком хорошем настроении, я сказал, уходя: "Что ж, сир, вы услышите старый бриенский колокол. Я не сомневаюсь, что это понравится вам больше, чем колокола Руэля". Он ответил: "Это правда, вы правы. Adieu!"

Таковы мои воспоминания об этом разговоре, который длился более полутора часов. Мы все время ходили пешком, потому что Бонапарт был неутомим в аудиенциях такого рода и, я полагаю, ходил бы и говорил целый день, сам того не сознавая. Я оставил его и, согласно его желанию, отправился повидать мадам Бонапарт, что я и намеревался сделать до того, как он попросил об этом.

Я застал Жозефину с мадам де Ларошфуко, которая долгое время находилась в ее свите и незадолго до этого получила титул фрейлины императрицы. Мадам де Ларошфуко была очень дружелюбной женщиной с мягким нравом и была любимицей Жозефины. Когда я сказал императрице, что только что ушел от императора, она, думая, что я не стану говорить свободно в присутствии третьего лица, сделала знак мадам де Ларошфуко удалиться. Мне не составило труда завести разговор на тему, о которой Наполеон поручил мне поговорить с Жозефиной, ибо после обмена несколькими равнодушными замечаниями она сама рассказала мне о бурной сцене, которая произошла между ней и императором два дня назад. "Когда я писала вам вчера, - сказала она, - чтобы объявить о вашем назначении и сообщить, что Бонапарт отзывает вас, я надеялась, что вы приедете повидаться со мной, когда уйдете от него, но я не думала, что он пошлет за вами так скоро. Ах! как бы я хотела, чтобы ты все еще была с ним, Бурьен; ты могла бы заставить его прислушаться к голосу разума. Я не знаю, кому доставляет удовольствие рассказывать ему небылицы, но на самом деле я думаю, что повсюду есть люди, занятые выяснением моих долгов и сообщением ему о них".

Эти жалобы, столь мягко высказанные Жозефиной, облегчили подготовительную миссию, с которой я приступил к выполнению своих дипломатических функций. Я ознакомил мадам Бонапарт со всем, что сказал мне император. Я напомнил ей о деле с 1 200 000 франками, которое мы уладили половиной этой суммы. Я даже обронил несколько намеков на данные ею обещания.

- Что я могу поделать? - Спросила она. - Это моя вина? Джозефина произнесла эти слова искренним тоном, который был одновременно трогательным и нелепым. "Мне приносят всевозможные красивые вещи, - продолжала она, - их расхваливают; я покупаю их — у меня не спрашивают денег, и вдруг, когда у меня их нет, они набрасываются на меня с требованиями оплаты. Это доходит до ушей Наполеона, и он сердится. Когда у меня есть деньги, Бурьен, ты знаешь, как я их использую. Я раздаю их главным образом тем несчастным, которые просят моей помощи, и бедным эмигрантам. Но в будущем я постараюсь быть более экономным. Скажите ему об этом, если увидите его снова, но разве это не мой долг - жертвовать столько, сколько я могу?" — "Да, мадам; но позвольте мне сказать, что ничто не требует большей разборчивости, чем раздача милостыни. Если бы вы всегда сидели на троне, вы могли бы всегда предполагать, что ваши щедроты всегда попадают в руки достойных; но вы не можете не знать, что они чаще достаются интриганам, чем достойным нуждающимся. Я не могу скрыть от вас, что император был очень серьезен, когда говорил на эту тему; и он хотел, чтобы я сказал вам об этом". — "Он упрекнул меня больше ни в чем?" — "Нет, мадам. Вы знаете, какое влияние вы имеете на него во всем, кроме того, что касается политики. Позвольте верному и искреннему другу серьезно убедить вас не раздражать его по этому поводу". — Бурьен, я даю тебе свое слово. Adieu! мой друг".

Передавая Жозефине то, что сказал мне император, я постарался не затронуть ту струну, которая пробудила бы в ней чувства гораздо более болезненные, чем даже суровый упрек императора за ее расточительность. Бедная Жозефина! как бы я огорчил ее, если бы сказал хоть слово о том, что Бонапарт сожалеет о том, что у него не было ребенка. Она всегда предчувствовала судьбу, которая однажды ожидала ее. Кроме того, Жозефина сказала правду, заверив меня, что это не ее вина, что она тратила так, как тратила; по крайней мере, все время, пока я был с ними обоими, порядок и экономность были для нее не более совместимы, чем умеренность и терпение для Наполеона. Вид малейшего расточительства выводил его из себя, и это было ощущение, которого его жена почти никогда не щадила. Он с раздражением наблюдал за стремлением своей семьи разбогатеть; чем больше он давал, тем более ненасытными они казались, за исключением Людовика, чьи наклонности всегда были прямыми, а вкусы умеренными. Что же касается других членов его семьи, то они так сильно раздражали его своей назойливостью, что однажды он сказал: "На самом деле, послушать их, можно подумать, что я растратил наследство нашего отца".

ГЛАВА XXXI.

Наполеон и Вольтер —Требования Святого Престола—Охлаждение между папой и императором—Отъезд Наполеона в Италию—Последняя встреча Папы и императора в Турине—Алессандрия—Поле Маренго—Последний дож Генуи—Прибытие Бонапарта в Милан—Присоединение Генуи к Французской империи—Ошибка в Мемориале Святой Елены— Бонапарт и мадам Грассини—Симптомы недовольства со стороны Австрии и России—Отъезд Наполеона из Милана— Памятник в память битвы при Маренго— Прибытие Наполеона в Париж и отъезд для Булони — Неудачный результат военно—морского сражения —Мой визит в загородную резиденцию Фуше —Сийес, Баррас, Бурбоны и Бонапарт -Замечания относительно Жозефины.

Вольтер говорит, что очень хорошо целовать ноги пап при условии, что у них связаны руки. Несмотря на пренебрежительное отношение, с которым Бонапарт относился к Вольтеру, он, вероятно, не подозревая об этой непочтительной сатире, воплотил ее в жизнь. Римский двор предоставил ему такую возможность вскоре после его коронации. Папа, или, скорее, кардиналы, его советники, полагая, что такой выдающийся пример уступчивости, как поездка Его Святейшества в Париж, не должен пройти даром, потребовали компенсации, о которой, будь они лучше знакомы с характером и политикой Бонапарта, им бы и в голову не пришло просить. Святой престол потребовал возвращения Авиньона, Болоньи и некоторых частей итальянской территории, которые ранее находились под властью папы римского. Можно себе представить, как были восприняты подобные требования Наполеона, особенно после того, как он получил от папы все, что хотел. Следует признать, что Римский двор, чья политика обычно столь искусна, совершил большую ошибку, не предъявив этого требования до окончания Коронации. Если бы это было поставлено условием поездки папы во Францию, возможно, Бонапарт согласился бы отказаться, конечно, не от Авиньона, а от итальянских территорий, с намерением вернуть их обратно. Как бы то ни было, эти запоздалые претензии, которые были безапелляционно отвергнуты, создали крайнюю прохладу между Наполеоном и Пием VII. Публика не сразу поняла это, но у публики есть инстинкт разума, который самые способные политики никогда не смогут навязать; и у всех открылись глаза, когда стало известно, что папа, короновав Наполеона императором Франции, отказался короновать его как суверена возрожденного королевства Италия.

Наполеон покинул Париж 1 апреля, чтобы вступить во владение Железной короной в Милане. Папа еще некоторое время оставался во французской столице. Продолжительное присутствие Его Святейшества не обошлось без влияния на религиозные чувства людей, настолько велико было уважение, внушаемое добродушным лицом и мягкими манерами папы. Когда наступил период его преследований, для Бонапарта было бы лучше, если бы Пия VII никогда не видели в Париже, поскольку невозможно было рассматривать человека, чья истинно евангельская кротость была должным образом оценена, иначе как в качестве жертвы.

Бонапарт не проявлял большого нетерпения завладеть короной Италии, которая, как он хорошо знал, не могла ускользнуть от него. Он пробыл значительное время в Турине, где проживал во дворце Ступини, который можно назвать Сен-Клу королей Сардинии. Император уговорил пьемонтцев. Генерал Мену, назначенный губернатором Пьемонта, оставался там до тех пор, пока Наполеон не учредил общее управление трансальпийскими департаментами в пользу своего шурина, принца Боргезе, из которого ему было бы трудно сделать кого-либо другого, кроме римского принца. Наполеон все еще находился в Турине, когда папа проезжал через этот город по возвращении в Рим. У Наполеона была последняя беседа с Его Святейшеством, к которому он теперь проявлял величайшее личное почтение.

Из Турина Бонапарт направился в Алессандрию, где приступил к тем грандиозным работам, на которые были затрачены такие огромные суммы. Он много раз рассказывал мне о своих планах относительно Алессандрии, и, как я уже заметил, все его великие мероприятия на посту императора были всего лишь осуществлением проектов, задуманных в то время, когда его будущее возвышение могло быть лишь мечтой воображения. Однажды он сказал Бертье в моем присутствии, во время нашего пребывания в Милане после битвы при Маренго: "С Алессандрией в моем распоряжении я всегда был бы хозяином Италии. Его можно было бы сделать самой сильной крепостью в мире; он способен содержать гарнизон в 40 000 человек с запасом провизии на шесть месяцев. Если произойдет восстание, если Австрия направит сюда грозные силы, французские войска могут отступить в Алессандрию и выдержать шестимесячную осаду. Шести месяцев было бы более чем достаточно, где бы я ни находился, чтобы напасть на Италию, разгромить австрийцев и снять осаду Алессандрии!"

Находясь так близко от поля Маренго, император не преминул посетить его и, чтобы придать этому торжественности, произвел смотр всем корпусам французских войск, находившимся в Италии. Впоследствии Рапп сказал мне, что император привез с собой из Парижа платье и шляпу, которые были на нем в день той памятной битвы, с намерением надеть их на поле боя, где они происходили. После этого он проследовал через Казаль в Милан.

Там его ожидал самый блестящий прием, который он когда-либо испытывал. Его пребывание в Милане отличалось не только внешними проявлениями энтузиазма. М. Дурццо, последний дож Генуи, добавил еще одну жемчужину в корону Италии, умоляя императора от имени Республики, представителем которой он был, разрешить Генуе обменять свою независимость на честь стать департаментом Франции. Это предложение, как можно догадаться, было всего лишь заранее разработанным планом. Это было принято с видом покровительственной доброты, и в тот самый момент, когда страна Андреа Дориа была вычеркнута из списка наций, ее последний дож был включен в число французских сенаторов. Генуя, которая раньше гордилась своей фамилией "Превосходная", стала главной станцией двадцать седьмой военной дивизии. Император лично отправился вступать во владение городом и спал во дворце Дориа, в постели, где лежал Карл V. Он оставил месье Лебрена в Генуе в качестве генерал-губернатора.

В Милане император занял дворец Монца. Старая железная корона королей Ломбардии была извлечена из праха, в котором она была похоронена, и новая коронация состоялась в миланском соборе, самом большом в Италии, за исключением собора Святого Петра в Риме. Наполеон принял корону из рук архиепископа Милана и возложил ее себе на голову, воскликнув: "Боже мой, что ты надел, будь здоров". Это стало девизом ордена Железной короны, который император основал в ознаменование своего коронования королем Италии.

Наполеон был коронован в мае месяце 1805 года: и здесь я не могу удержаться от исправления некоторых грубых и немыслимых ошибок, в которые Наполеон, должно быть, добровольно впал на острове Святой Елены. В Мемориале говорится, "что знаменитая певица мадам Грасейни привлекла его внимание во время Коронации". Наполеон утверждает, что мадам Грассини по этому поводу сказала ему: "Когда я была в расцвете своей красоты и таланта, все, чего я хотела, это чтобы вы одарили меня хоть одним взглядом. Это желание не было исполнено, и теперь ты замечаешь меня, когда я больше не заслуживаю твоего внимания".

Признаюсь, я не могу понять, что могло побудить Наполеона выдумать подобную историю. Возможно, он вспомнил свое знакомство с мадам Грассини в Милане перед битвой при Маренго. Впервые я был представлен ей в 1800 году, а не в 1805 году, и я знаю, что несколько

раз пил чай с ней и Бонапартом в апартаментах генерала. Я помню также другое обстоятельство, а именно, что в ту ночь, когда я разбудил Бонапарта, чтобы объявить ему о капитуляции Генуи, мадам Грассини тоже проснулась. Наполеон был очарован восхитительным голосом мадам Грассини, и если бы это позволяли его властные обязанности, он бы с упоением часами слушал ее пение. Пока Наполеон находился в Милане, гордясь своим двойным суверенитетом, в Вене и Санкт-Петербурге были претворены в жизнь некоторые планы, о которых я позже буду иметь возможность рассказать. Император, действительно, дал повод для справедливых жалоб фактом присоединения Генуи к империи в течение четырех месяцев после своего торжественного заявления Законодательному органу, в котором он поклялся перед лицом Франции и Европы не стремиться к какому-либо расширению территории. Предлог о добровольном предложении со стороны Генуи был слишком абсурден, чтобы кого-либо обмануть. Быстрый рост амбиций Наполеона не мог ускользнуть от внимания Венского кабинета министров, который начал проявлять все более явные признаки враждебности. Изменение, произведенное в форме правления Цизальпинской республики, было также актом, рассчитанным на то, чтобы вызвать протест со стороны всех держав, которые не были полностью подчинены игу Франции. Он замаскировал взятие Генуи под видом подарка, а овладение Италией - под видом простой смены наименования. Несмотря на эти вопиющие безобразия, исключительные апологеты Наполеона всегда утверждали, что он не желал войны, и он сам придерживался этого утверждения на острове Святой Елены. Говорят, что на него всегда нападали, и отсюда делается вывод в пользу его миролюбия. Я признаю, что Бонапарт никогда бы не сделал ни единого мушкетного выстрела, если бы все державы Европы подчинились его разграблению одна за другой без сопротивления. Фактически это было объявлением им войны, чтобы поставить их перед необходимостью нарушить мир, в течение которого он наращивал свою власть и удовлетворял свои амбиции, как бы бросая вызов Европе. Таким образом, Наполеон начал все войны, в которых он участвовал, за исключением той, которая последовала за Маренгойским миром и которая закончилась триумфом Моро при Гогенлиндене. Поскольку во Франции не было свободы прессы, ему было легко обмануть нацию. На него действительно напали, и поэтому он получал удовольствие от того, что предпринимал свои великие военные экспедиции, не неся ответственности в случае неудачи.

Во время пребывания императора в столице нового королевства Италия он получил первые сведения о недовольстве Австрии и России. Это недовольство не было недавним. Когда я приступил к своим обязанностям в Гамбурге, я узнал некоторые любопытные подробности (о которых я расскажу в надлежащем месте), касающиеся секретных переговоров, которые велись в течение значительного времени до начала военных действий. Даже Пруссии было не чуждо недовольство Австрии и России; я имею в виду не короля, а берлинский кабинет министров, который тогда находился под контролем канцлера Харденберга; ибо король Пруссии всегда лично заявлял, что выступает за точное соблюдение международных договоров, даже когда их условия не были почетными. Как бы то ни было, берлинский кабинет, хотя и был недоволен в 1806 году быстрым осуществлением амбиций Наполеона, тем не менее был вынужден скрывать свое недовольство из-за присутствия французских войск в Ганновере.

По возвращении из Милана император приказал воздвигнуть памятник на Большом острове Сен-Бернар в ознаменование победы при Маренго. М. Денон, сопровождавший Наполеона, сказал мне, что он предпринял бесполезные поиски, чтобы обнаружить тело Дезэ, которое Бонапарт хотел похоронить под памятником, и что в конце концов оно было найдено генералом Савари. Поэтому несомненно, что прах отважного Десо покоится на вершине Альп.

Император прибыл в Париж примерно в конце июня и немедленно отправился в лагерь в Булони. Теперь снова верили, что план вторжения в Англию будет осуществлен. Эта идея получила большее признание, потому что Бонапарт приказал провести в его присутствии некоторые эксперименты по посадке на корабль. Эти эксперименты, однако, не привели ни к какому результату. Примерно в этот период произошло роковое событие, но слишком эффективно способствовавшее укреплению мнения о неполноценности нашего военно-морского флота. Французская эскадра, состоявшая из пятнадцати кораблей, столкнулась с английским флотом под командованием адмирала Колдера, у которого под командованием было всего девять судов, и в бою, который, как можно было ожидать, должен был закончиться в нашу пользу, мы имели несчастье потерять два корабля. Вторжение в Англию было столь же незначительной целью этого, как и предыдущего похода на Булонь; все, что Наполеон имел в виду, это стимулировать энтузиазм войск и продолжать угрожать Англии, когда это считалось необходимым, чтобы отвлечь внимание от действительной цели его враждебных приготовлений, которая заключалась в вторжении в Германию и отражении действий русских войск, начавших свой марш в Австрию. Такова была истинная цель последнего путешествия Наполеона в Булонь.

Я некоторое время находился в Гамбурге, когда происходили эти события, и было любопытно понаблюдать за эффектом, который они произвели. Но я не должен забывать об одном обстоятельстве, которое касается лично меня и которое возвращает меня к тому времени, когда я был в Париже. Мой новый титул полномочного министра обязывал меня видеть несколько больше общества, чем в тот период, когда благоразумие требовало, чтобы я жил как бы на пенсии. Я получил искренние поздравления от Дюрока, Рапса и Лористона, трех друзей, которые проявили величайшую готовность служить моим интересам перед императором; и у меня была частая возможность видеть г-на Талейрана, поскольку мои обязанности относились к его ведомству. Император на моей прощальной аудиенции сообщил мне, что я должен вести переписку непосредственно с министром общей полиции, и я зашел к Фуше, который пригласил меня провести несколько дней в его поместье Пон-Карре. Я принял приглашение, потому что хотел посоветоваться с ним, и провел воскресенье и понедельник, 28 и 29 апреля, в Пон-Карре.

Фуше, как и император, часто раскрывал то, что намеревался скрыть; но у него была такая репутация хитреца, что подобного рода неосторожность не причиняла ему никаких неудобств. Предполагалось, что он был таким постоянным лицемером, что те, кто не знал его хорошо, смотрели на правду, когда он говорил ее, просто как на искусную ловушку, расставленную для того, чтобы заманить их в ловушку. Я, однако, слишком хорошо знал этого знаменитого человека, чтобы путать его хитрость с нескромностью. Лучший способ вытянуть из него больше, чем он сам осознавал, - это позволить ему говорить без перерыва. В Пон-Карре было очень мало посетителей, и за те два дня, что я провел там, у меня состоялось несколько бесед с Фуше. Он много рассказывал мне о событиях 1804 года и поздравлял себя с тем, что посоветовал Наполеону провозгласить себя императором. "Я не отдаю предпочтения, - говорит Фуше, - одной форме правления больше, чем другой. Формы ничего не значат. Первой целью революции было не свержение бурбонов, а всего лишь искоренение злоупотреблений и предрассудков. Однако, когда было обнаружено, что Людовик XVI. не было ни твердости, чтобы отказаться от того, что он не хотел давать, ни доброй воли, чтобы выполнить то, что его слабость заставила его пообещать, было очевидно, что бурбоны больше не могли править Францией, и дело дошло до того, что мы оказались перед необходимостью осудить Людовика XVI. и прибегает к энергичным мерам. Вы знаете все, что происходило до 18 Брюмера и после. Мы все понимали, что Республика не может существовать во Франции; следовательно, вопрос заключался в том, чтобы обеспечить

вечное смещение Бурбонов; и я полагал, что единственным средством для этого была передача их трона по наследству другой семье. Незадолго до 18 Брюмера у меня состоялся разговор с Сийесом и Баррасом, в котором было предложено, в случае угрозы Директории, отозвать герцога Орлеанского; и я очень хорошо видел, что Баррас одобрял это предложение, хотя он ссылаясь на него просто как на сообщение, которое было распространено, и рекомендовал мне обратить на него внимание. Сийес ничего не сказал, и я решил вопрос, заметив, что если бы что-то подобное было возбуждено, я должен был быть проинформирован об этом из отчетов моих агентов. Я добавил, что восстановление трона побочной ветви Бурбонов было бы невежливым актом и лишь временно изменило бы положение тех, кто вызвал Революцию. Я передал отчет об этой беседе с Баррасом генералу Бонапарту, когда у меня впервые появилась возможность побеседовать с ним после вашего возвращения из Египта. Я прослушал его и был совершенно убежден, что в том состоянии ветхости, в которое впала Директория, он был именно тем человеком, который нам был нужен. Поэтому я принял в полиции такие меры, которые способствовали его продвижению в Первую магистратуру. Вскоре он показал себя неблагодарным и, вместо того чтобы полностью довериться мне, попытался перехитрить меня. Он передал в руки ряда лиц различные полицейские дела, которые были хуже, чем бесполезны. Большинство их агентов, которые были моими креатурами, подчинялись моим инструкциям в своих отчетах; и часто случалось, что Первый консул думал, что он обнаружил через других информацию, которая поступала от меня и в ложности которой я легко убеждал его. Признаюсь, я был виноват на 3-м Нивуазе; но есть ли какие-нибудь человеческие средства помешать двум людям, у которых нет сообщников, привести заговор в исполнение? Вы видели Первого консула, когда он возвращался из оперы; вы слышали все его декламации. Я был уверен, что адская машина - дело рук роялистов. Я сказал об этом императору, и он, я уверен, был убежден в этом; но он, тем не менее, объявляет вне закона ряд людей просто под предлогом их старых взглядов. Вы думаете, я не осведомлен о том, что он сказал обо мне и о моем голосовании на Национальном съезде? Совершенно очевидно, что ему не подобает упрекать конвенционистов. Именно это голосование возложило корону на его голову. Если бы не ситуация, в которую мы попали в результате этого события, обстоятельства, ставшие неизбежными, разве мы заботились бы о шансе увидеть возвращение бурбонов? Вы, должно быть, заметили, что республиканцы, которые не были конвенционистами, в целом были более неприятны, чем мы, к действиям 18 Брюмера, как, например, Бернадотт и Моро. Я положительно знаю, что Моро питал отвращение к Консульству и что только из нерешительности он принял опеку Директории. Я знаю также, что он извинился перед своими пленниками за возложенный на него долг. Они сами сказали мне это".

Далее Фуше подробно рассказал о своем поведении и мотивах, побудивших его сделать то, что он сделал в пользу Первого консула. Моя память не позволяет мне передать всего, что он мне сказал, но я отчетливо помню, что то, что он сказал, произвело на меня впечатление, что он действовал исключительно в своих собственных интересах. Он не скрывал своего удовлетворения тем, что перехитрил Ренье и вынудил Бонапарта отозвать его, то, что он приводил в движение каждую пружину, рассчитанную на объединение заговорщиков или, скорее, на превращение недовольных в заговорщиков, видно из следующих его замечаний: "С той информацией, которой я обладал, если бы я остался на своем посту, вероятно, я мог бы предотвратить заговор, но Бонапарту все равно пришлось бы опасаться соперничества Моро. Он не был бы императором, и нам все равно пришлось бы опасаться возвращения бурбонов, которых, слава Богу, теперь никто не боится".

Во время моего пребывания в Понт-Карри я почти ничего не сказал Фуше о моей длительной аудиенции у императора. Однако я подумал, что могу сообщить ему, что мне поручено вести

переписку непосредственно с его Величеством. Я подумал, что скрывать этот факт бесполезно, поскольку он вскоре узнает об этом через своих агентов. Я также сказал несколько слов о сожалении Бонапарта о том, что у него не было детей. Моей целью было узнать мнение Фуше по этому поводу, и я не без негодования услышал, как он сказал: "Остается надеяться, что императрица скоро умрет. Ее смерть устраним многие трудности. Рано или поздно он должен жениться, которая родит ему ребенка; поскольку до тех пор, пока у него нет прямого наследника, есть все шансы, что его смерть станет сигналом к Революции. Его братья совершенно неспособны занять его место, и в пользу бурбонов поднялась бы новая партия, чему прежде всего необходимо помешать. В настоящее время они не опасны, хотя у них все еще есть активные и преданные агенты. В Альтоне их полно, и вы будете окружены ими. Я умоляю вас не спускать с них глаз и давать мне строгий отчет обо всех их передвижениях и даже об их самых тривиальных поступках. Поскольку они прибегают ко всевозможным маскировкам, вы не можете быть слишком бдительными; поэтому было бы желательно, в первую очередь, установить хорошую систему шпионажа; но будьте осторожны со шпионами, которые служат обеим сторонам, поскольку они кишмя кишат в Германии".

Это все, что я помню из моих бесед с Фуше в Пон-Карре. Я вернулся в Париж, чтобы подготовиться к своей поездке в Гамбург.

ГЛАВА XXXII.

1805.

Капитуляция Сублингена—Подготовка к войне—Полезная коммерческая информация—Мои инструкции—Проверка эмигрантов и журналов—Брошюра Коцебу—Предложения российского императора Моро—Портрет Густава Адольфа кисти одного из его министров—Доносы Фуше—Дуэли в Гамбурге —Месье де Гимель — Гамбургский корреспондент—Письмо Бернадотта.

Я покинул Париж 20 мая 1805 года. 5 июня следующего года я вручил свои верительные грамоты сенату Гамбурга, который представляли синдик Доорманн и сенатор Шутте. М. Рейнхарт, мой предшественник, покинул Гамбург 12 июня.

Правящие герцоги Мекленбург-Шверинский и Брауншвейгский, которым я объявил о своем прибытии в качестве аккредитованного при них министра, написали мне письма, признав меня в этом качестве. Генерал Вальмоден только что подписал капитуляцию Сублингена с маршалом Мортье, который командовал в Ганновере. Английское правительство отказалось ратифицировать это соглашение, поскольку оно предусматривало, что войска должны быть военнопленными. У Бонапарта было два мотива смягчить это жесткое условие. Он хотел сохранить Ганновер в качестве компенсации за Мальту и обеспечить средства для смущения

и нападения на Пруссию, которой он теперь начал не доверять. Наступая на Пруссию, он обезопасил бы свой левый фланг, чтобы при удобном случае двинуться на север. Поэтому Мортье получил приказ смягчить условия капитуляции до сдачи оружия, обоза, артиллерии и лошадей. Англия, прилагавшая огромные усилия, чтобы противостоять вторжению, которое, по ее мнению, угрожало ей самой, израсходовала значительные суммы на транспортировку войск из Ганновера в Англию. Ее стремительность была неописуемой, и она заплатила самые непомерные суммы за наем судов. Несколько домов в Гамбурге сколотили на этом состояние. Опыт давно доказал, что о секретных сделках лучше всего узнают не из их источника. Информация о событии часто разносится на расстоянии, в то время как само событие почти полностью неизвестно в месте его совершения. Прямое влияние политических событий на коммерческие спекуляции делает торговцев чрезвычайно внимательными к происходящему. Все, кто занимается коммерческой деятельностью, образуют корпорацию, объединенную сильнейшей из всех связей - общим интересом; и коммерческая переписка часто представляет собой плодородное поле для наблюдений и дает много ценной информации, которая часто ускользает от запросов правительственных агентов.

Я решил установить связь с некоторыми торговыми домами, которые поддерживали обширные и частые связи с Северными Штатами. Я знал, что, заручившись их доверием, я мог бы получить представление обо всем, что происходило в России, Швеции, Англии и Австрии. Среди предметов, по которым было желательно получить информацию, я включал переговоры, договоры, военные меры, такие как набор войск сверх суммы, установленной для установления мира, передвижения войск, создание лагерей и складов, финансовые операции, оснащение кораблей и многие другие вещи, которые, хотя и не важны сами по себе, часто приводят к пониманию того, что важно.

Я не был склонен полагаться на все публичные сообщения и сплетни, циркулирующие на Бирже, без тщательного расследования; поскольку я хотел избежать передачи домой в качестве истины того, что часто могло быть просто биржевыми выдумками. Мне было поручено следить за эмигрантами, которых было чрезвычайно много в Гамбурге и его окрестностях, Мекленбурге, Ганновере, Брауншвейге и Гольштейне; но я должен заметить, что моя проверка распространялась только на тех, кто, как было известно, действительно участвовал в интригах и заговорах.

Я также должен был следить за состоянием общественного сознания и за журналами, которые часто дают ему неправильное направление, и указывать на те статьи в журналах, которые я считал заслуживающими порицания. Сначала я просто делал устные заявления и жаловался, но я не всегда мог ограничиться этим курсом. Я получал такие четкие и позитивные приказы, что, вопреки моему желанию, проверка быстро превратилась в притеснение. Жалобы на журналы составляли четверть всех моих отправок.

Поскольку император пожелал ознакомиться со всем, что было напечатано против него, я отправил в Париж в мае 1805 года, следовательно, через несколько дней после моего прибытия в Гамбург, брошюру знаменитого Коцебу, озаглавленную "Воспоминания о моем путешествии в Неаполь и Рим". Эта публикация, вышедшая в Берлине, была полна непристойных нападок и одиозных намеков на императора.

В то время мне сообщили по определенному каналу, что император Александр просил генерала Моро поступить к нему на службу и принять командование русской пехотой. Он предложил ему 12 000 рублей на покрытие его дорожных расходов. В последующий период Моро, к сожалению, принял эти предложения и погиб в рядах врага.

27 июня М. Булиньи прибыл в Гамбург. Он был назначен сменить М. д'Окариса в Стокгольме. Последний министр отбыл из Гамбурга 11 июня в Константинополь, где он не рассчитывал пробыть и трех месяцев. Я имел с ним несколько долгих бесед перед его отъездом, и, по-видимому, он был недоволен своим местом назначения. Мы часто говорили о короле Швеции, поведение которого г-н д'Окарис порицал. По его словам, это был молодой безумец, который, не задумываясь о смене времени и обстоятельств, пожелал сыграть роль Густава Адольфа, на которого он был похож только по имени. Г-н д'Окарис отзывался о лагере короля Швеции с насмешкой. Этот принц вернул королю Пруссии кордон Черного Орла, потому что такой приказ был отдан Первому консулу. Я понял, что Фридрих Вильгельм был очень оскорблен этим поступком, который был таким же неприличным и абсурдным, как возвращение Золотого руна Людовиком XVII. обращение к королю Испании было достойным и пристойным. Густав Адольф был храбрым, предприимчивым и рыцарственным, но невнимательным и вспыльчивым. Он называл Бонапарта месье Наполеоном. Его безумства и неудачи в Ганновере, без сомнения, были причиной его отречения. 31 октября 1805 года он опубликовал объявление войны Франции в выражениях, крайне оскорбительных для императора.

Фуше завалил меня письмами. Если бы я выполнял все его инструкции, я бы никого не оставил без внимания. Он попросил меня предоставить информацию о человеке по имени Лазоре из департамента Гард, девушке по имени Розин Зимбенни, сообщившей полиции, что он был убит на дуэли в Гамбурге. Я ответил, что знаю только о четырех французах, которые были убиты таким образом; один, по имени Клеман, был убит Тарассоном; второй, по имени Дюпарк, убит Лезарди; третий, по имени Садремон, убит Ревелем; и четвертый, имени которого я не знаю, убит Лафоном. Этот последний только что прибыл в Гамбург, когда его убили, но он не был тем человеком, которого искали.

Лафон был уроженцем Брабанта и служил в британской армии. Он оскорбил француза за то, что тот носил национальную кокарду — следствием была дуэль, и оскорбленная сторона пала. М. Рейнхарт, мой предшественник, хотел наказать Лафона, но австрийский министр заявил, что он подданный своего государя, и к нему не приставали. Лафон нашел убежище в Антверпене, где стал игроком.

В течение первых месяцев, последовавших за моим прибытием в Гамбург, я получил приказы об аресте многих лиц, почти все из которых были признаны опасными и недоброжелательно настроенными людьми. Когда я убедился, что обвинение необоснованно, я отложил арест. Затем дело было забыто, и никто не жаловался.

Титул или звание на дипломатической службе были гарантией от парижской инквизиции. Примером этого является следующее. Граф Гимель, о котором у меня впоследствии будет случай поговорить более подробно, примерно в это же время отправился в Карлсбад. Граф Гротте, прусский министр, часто говорил мне о нем. Когда я выразил опасение, что г-н де Гимель может быть арестован, поскольку против него существовало сильное предубеждение, г-н Грот ответил: "О! этого можно не опасаться. Он вернется в Гамбург в обличье английского полковника.

17 июля в "Корреспонденте" появилась статья, чрезвычайно оскорбительная для Франции. Оно было вставлено по приказу барона Новозильцова, который находился в Берлине и стал очень враждебно относиться к Франции, хотя говорили, что он был послан из Санкт-Петербурга с особым поручением к Наполеону. Статья, о которой идет речь, была передана из Берлина чрезвычайным курьером, и Новозилзов в своей записке Сенату сказал, что, возможно, будет указано, что статья была включена по просьбе Его Британского Величества.

Российский посланник в Берлине М. Алопеус направил также "эстафету" временному поверенному в делах России в Гамбурге с приказом ходатайствовать о включении статьи, которая, соответственно, и появилась. Повинуясь указаниям императора, я пожаловался на это, и Сенат ответил, что он никогда не возражал против включения официальной ноты, направленной каким-либо правительством; что оскорбления будут направлены против тех, от кого они исходят; что ответ французского правительства будет опубликован; и что Сенат никогда не отклонялся от этого способа ведения дел.

Я заметил Сенату, что не понимаю, почему Корреспондент должен изображать из себя трубача М. Новозилзова; на что Синдик ответил, что две великие державы, которые могут причинить им большой вред, потребовали включения статьи и что в этом нельзя отказать.

Ненависть иностранных принцев, которую значительно усилила смерть герцога Энгиенского, поощряла публикацию всего враждебного Наполеону. В этом мне откровенно признались министры и высокопоставленные иностранцы, которых я видел в Гамбурге. Король Швеции был наиболее яростен в проявлении негодования, которое обычно вызывала смерть герцога Энгиенского. М. Веттерштадт, сменивший М. Ла Гербельске в кабинете министров Стокгольма, направил шведскому министру в Гамбурге длинное письмо, чрезвычайно оскорбительное в адрес Наполеона. Это было в ответ на статью, помещенную в "Монитор", посвященную возвращению Черного орла королю Пруссии. Месье Пейрон, шведский посланник в Гамбурге, который был очень далек от одобрения всего, что делал его хозяин, передал в Стокгольм несколько очень энергичных замечаний о плохом эффекте, который произведет публикация статьи в "Корреспонденте". Затем статья была немного изменена, и месье Пейрон получил официальный приказ включить ее. Однако, по моим представлениям, Сенат согласился отклонить ее, и она не появилась.

Маршал Бернадотт, командовавший французскими войсками в Ганновере, поддерживал со мной дружескую переписку, не связанную с выполнением наших должностных обязанностей.

После оккупации Ганновера мистер Тейлор, английский посланник в Касселе, был вынужден покинуть это место; но вскоре он вернулся, несмотря на противодействие Франции. По этому поводу маршал сообщил мне следующие подробности:

Я только что получил, мой дорогой Бурьен, информацию, которая не оставляет сомнений в том, что произошло в Касселе в отношении мистера Тейлора. Этот министр был принят, несмотря на заверения месье Биньона, которые, однако, ранее были лишь устными. Я знаю, что курфюрст написал в Лондон с просьбой, чтобы мистер Тейлор не возвращался. В ответ на это английское правительство отправило его обратно. Наш министр сделал все, что мог, чтобы добиться его увольнения; но денежные интересы курфюрста восторжествовали над всеми другими соображениями. Он не стал бы рисковать ссорой с Судом, от которого он рассчитывает получить более 12 000 000 франков. Британскому правительству было направлено второе письмо, но безрезультатно. Сам курфюрст в частном письме обратился к королю Англии с просьбой отозвать мистера Тейлора, но весьма вероятно, что лондонский кабинет министров уклонится от выполнения этой просьбы.

В этих условиях наши войска подошли ближе к Касселю. До сих пор весь район Геттингена был освобожден от расквартирования войск. Новые меры, вызванные нехваткой фуража, вынудили меня послать эскадрон "шевалье-егерей" в Манден, маленький городок в четырех лье от Касселя. Это движение вызвало некоторую тревогу у курфюрста, который выразил желание, чтобы все было восстановлено на прежнем уровне. Он попросил господина Биньона написать мне и еще раз заверить меня, что он будет рад познакомиться со мной на водах Немидорфа, где он намерен

провести некоторое время. Но по этому вопросу я не изменю решения, о котором уже говорил вам. — Ваше и т.д.,

(Подпись) БЕРНАДОТТ. СТАДИОН, 10 Термидора (29 июля 1805 г.).

ГЛАВА XXXIII.

1805.

Союзный договор между Англией и Россией — Уверенность в приближающейся войне — М. Форшман, российский министр — Миссия Дюрока в Берлин — Новый проект короля Швеции — Секретная миссия на Балтику — Враждебность против Франции — Срыв обмена между Гамбургом и Парижем — Разгром первой австрийской армии — Взятие Ульма — Недовольство императора замечанием солдата — Трафальгарская битва — Положение Дюрока при прусском дворе — Вооружение в России — Клевета на Наполеона в гамбургском "Корреспонденте" — Смущение синдика и бургомистра Гамбурга — Поведение правительства Шведский и английский министры осудили российского министра.

В начале августа 1805 года заговорили о союзном договоре между Россией и Англией. Некоторые влиятельные лица, имевшие возможность знать все, что происходило в политическом мире, прочитали этот договор, основные пункты которого были доведены до моего сведения.

В статье 1 говорилось, что целью союза было восстановление равновесия в Европе. Согласно статье 2-й император России должен был предоставить 36 000 человек в распоряжение Англии. Статья 3 предусматривала, что ни одна из двух держав не согласится ни вести переговоры с Францией, ни сложить оружие до тех пор, пока король Сардинии либо не будет возвращен в свои владения, либо не получит эквивалентную компенсацию на северо-востоке Италии. Согласно ст. 4-я Мальта должна была быть эвакуирована англичанами и оккупирована русскими. Согласно ст. 5. обе державы должны были гарантировать независимость Республики Ионических островов, а Англия должна была обязаться помочь России в ее войне против Персии. Если бы этот план заключения договора, о существовании которого я был проинформирован на основании неоспоримого источника, был приведен к какому-либо результату, невозможно подсчитать, какими могли бы быть его последствия.

В то время каждый человек на севере Европы с уверенностью ожидал немедленной континентальной войны; и совершенно очевидно, что, если бы Наполеон вовремя не понял

намок и не отказался от своих абсурдных планов в Булони, Франция оказалась бы в опасном положении.

М. Форшманн, временный поверенный в делах России, интриговал, чтобы настроить север Европы против Франции. Он неоднократно получал заказы на публикацию раздражающих статей в "Корреспонденте". Он был деятельным, интригующим и злобным человечком и объявленным врагом Франции; но, к счастью, его глупость и тщеславие делали его менее опасным, чем он хотел быть. Его ненавидели все, и он потерял бы всякий авторитет, если бы обширная торговля, ведущаяся между Россией и Гамбургом, не вынудила жителей и магистратов этого города терпеть человека, который мог нанести им, каждому в отдельности, значительный вред.

Воспоминание об успешной миссии Дюрока в Берлин во время консульства побудило Наполеона поверить, что этот генерал мог бы умиротворить короля Пруссии, который серьезно жаловался на нарушение границ Анспаха, которые Бернадотт, вследствие полученных им приказов, не смог выполнить. Дюрок пробыл в Берлине около шести недель.

Следующее письмо Дюрока покажет, что легкость проезда через Гессен, казалось, оправдывала второе вторжение на территорию Пруссии; но между мелким принцем Гессенским и королем Пруссии была большая разница.

Посылаю вам, мой дорогой Бурьен, две депеши, которые я получил для вас. Господин де Талейран, который их отправляет, просит меня попросить вас передать письмо генерала Виктора надежным транспортом.

Я еще не знаю, долго ли пробуду в Берлине. Согласно последним полученным мною сведениям, император все еще находится в Париже, а на Рейне собираются многочисленные войска.

Надежды на мир тают с каждым днем, и Австрия делает все, чтобы способствовать войне.

Я получил отчеты от маршала Бернадотта. Он совершил свой переход через Гессен. Маршал Бернадотт был очень доволен вежливостью, которую он испытал со стороны курфюрста.

Соединение корпуса под командованием Бернадотта с армией императора было очень важным, и поэтому Наполеон приказал маршалу догнать его как можно быстрее и кратчайшей дорогой. Было необходимо, чтобы он прибыл вовремя к битве при Аустерлице. Густав, король Швеции, который всегда был занят каким-нибудь предприятием, пожелал собрать армию, состоящую из шведов, пруссаков и англичан; и, конечно, энергичное наступление на севере помешало бы Бернадотту оставить берега Эльбы и Везера и усилить Великую армию, которая шла на Вену. Но коалиция короля Швеции не привела ни к какому другому результату, кроме осады маленькой крепости Хамельн.

Пруссия не пошла на разрыв с Францией, король Швеции был покинут, и негодование Бонапарта против него возросло. Этот неудавшийся проект Густава немало способствовал отчуждению чувств его подданных, которые опасались, что они могут стать жертвами мести, вызванной экстравагантными планами их короля, и оскорблениями, которыми он осыпал Наполеона, особенно после смерти герцога Энгиенского.

13 сентября 1805 года я получил письмо от министра полиции с просьбой предоставить информацию о шведской Померании.

Удивленный тем, что не получил от коммерческих консулов в Любеке и Штеттине никаких отчетов о передвижениях русских, я за четыре дня до получения письма министра полиции

отправил в эти порты доверенного агента для наблюдения за Балтийским морем: хотя мы находились всего в 64 лье от Штральзунда, в наши руки поступали самые неопределенные и противоречивые отчеты. Однако было ясно, что высадка русских ожидалась в Штральзунде или в Травемтинде, любекском порту, в устье маленькой реки Траве. Я был положительно проинформирован о том, что Россия зафрахтовала значительное количество судов для этих портов.

Ненависть к французам продолжала расти на севере Европы. Примерно в конце сентября в Киле, в Дании, появилась клеветническая брошюра, которая была куплена и прочитана с непостижимой жадностью. Этот памфлет, написанный очень умело, был сочинением какого-то фанатика, который открыто проповедовал крестовый поход против Франции. Автор рассматривал кровь миллионов людей как ничтожную жертву ради великой цели унижения Франции и возвращения ее в пределы старой монархии. Эта брошюра широко распространялась в немецких департаментах, объединенных с Францией, в Голландии и Швейцарии. Количество подстрекательских публикаций, которыми изобиловали повсюду, слишком ясно указывало на то, что, если народы севера будут отеснены обратно в арктические регионы, они, в свою очередь, отбросят своих завоевателей на юг; и ни один здравомыслящий человек не мог сомневаться, что если французские орлы будут водружены в столицах других стран, то однажды иностранные штандарты будут развеиваться над Парижем.

30 сентября 1805 года я получил с "эстафета" разведданные о высадке в Штральзунде 6000 шведов, прибывших из Стокгольма на двух военных кораблях.

Примерно в конце сентября на бирже Гамбурга в Париже произошло тревожное падение. Убыток составил двадцать процентов. Падение остановилось на семнадцати ниже номинала. Спекуляции по поводу этого падения курса были сделаны с равной неосторожностью и враждебностью домом Оси и Компанией.

Глава этого дома, голландский эмигрант, проживший в Гамбурге около шести лет, пользовался любой возможностью, чтобы проявить свою ненависть к Франции. Агент этого богатого дома в Роттердаме также был настроен к нам очень враждебно, и это обстоятельство показывает, что если многие люди жертвуют своими политическими взглядами ради своих интересов, то есть и другие, которые ставят под угрозу свои интересы ради торжества своих мнений.

23 октября 1805 года я получил официальное сообщение о полном разгроме первой австрийской армии: генерал Барбу, находившийся в Ганновере, также проинформировал меня об этом событии в следующих выражениях: "Первая австрийская армия прекратила свое существование". Он упомянул блестящее дело в Ульме. Я немедленно отправил двенадцать эстафет в разные части; среди прочего, в Штральзунд и Хузум. Я думал, что эти чудеса, которые, должно быть, были почти невероятны для тех, кто не был знаком с военным гением Наполеона, могли бы остановить продвижение русских войск и вызвать некоторые изменения в передвижении сил противника. С учетом этих данных было опубликовано второе издание "Корреспондента", и 6000 экземпляров было продано в четыре раза дороже обычной цены.

Мне нет нужды задерживать читателя подробностями капитуляции Ульма, которые уже были опубликованы, но я могу рассказать следующий анекдот, который не является общеизвестным. Французский генерал, проходя перед рядами своих солдат, сказал им: "Что ж, товарищи, у нас здесь достаточно пленных". — "Да, действительно, - ответил один из солдат, - мы никогда раньше не видели столько ... собранных вместе". В то время было

заявлено, и я верю этому, что император был очень недоволен, когда услышал об этом, и заметил, что "жестоко оскорблять храбрых людей, к которым судьба оружия оказалась неблагоприятной".

Читая историю этого периода, мы обнаруживаем, что в каком бы месте ни находился Наполеон, там был центральный пункт действия. Дела Европы велись в его штаб-квартире таким же образом, как если бы он находился в Париже. Все зависело от его удачи или несчастья. Шпионаж, обольщение, ложные обещания, поборы — все это было пущено в ход, чтобы способствовать успеху его проектов; но его деспотизм, возбуждавший недовольство во Франции, и его непрерывная агрессия, угрожавшая независимости иностранных государств, делали его все более и более непопулярным повсюду.

Трафальгарская битва произошла во время похода Наполеона на Вену и на следующий день после капитуляции Ульма. Затем у южного побережья Испании произошло сражение между тридцатью одним французским и примерно таким же количеством английских кораблей, и, несмотря на это равенство сил, французский флот был уничтожен.—[Фактически присутствовавшие силы составляли 27 английских линейных кораблей и 38 франко-испанских линейных кораблей; см. "Военно-морскую историю Джеймса", том iii. стр. 459.]

Это великое сражение стало еще одним доказательством нашей военно-морской неполноценности. Восхищенный Колдер первым преподавал нам урок, который Нельсон завершил, но который стоил последнему жизни. Согласно сообщениям, которые Дюрок передал мне, мужество дало французам кратковременную надежду; но в конце концов они были вынуждены уступить превосходящей морской тактике противника. Трафальгарское сражение парализовало наши военно-морские силы и лишило всякой надежды на какую-либо попытку нападения на Англию.

Благосклонность, которую король Пруссии оказал Дюроку, была отменена, когда его величество получил известие о марше войск Бернадотта через маркграфство Ансбах. Все свидетельства сходились в том, что касается справедливого оскорбления, которое это нарушение территории нанесло королю Пруссии. Агенты, которые у меня были в этом квартале, завалили меня сообщениями о бесчинствах, совершенных французами при прохождении через маркграфство. Письмо, которое я получил от Дюрока, содержит следующие замечания по этому поводу:

Корпус маршала Бернадотта прошел через Анапах, и по некоторому недоразумению это было расценено в Берлине как оскорбление короля, насилие, совершенное над его нейтралитетом. Как можно предположить, особенно при нынешних обстоятельствах, что у императора могло быть какое-либо намерение оскорбить или совершить насилие над своим другом? Кроме того, сообщения были преувеличены и были составлены лицами, которые хотят угодить нашим врагам, а не нам. Однако я прекрасно понимаю, что 70 000 человек маршала Бернадотта - это не 70 000 девственников. Как бы то ни было, это дело могло оказаться фатальным и, во всяком случае, нанесет нам большой ущерб. Со мной и Лафоре обращаются очень жестоко, хотя мы этого и не заслуживаем. Все досужие истории, которые были здесь собраны, должно быть, дошли до вас. Вероятно, Пруссия не забудет, что Франция была и, возможно, остается единственной державой, заинтересованной в своей славе и приумножении.

В конце октября король Пруссии, далекий от мысли о войне, но в случае ее возникновения желающий, насколько это возможно, сдержать ее бедствия, предложил установить линию

нейтралитета. Это была первая идея Конфедерации Севера. Дюрок, опасаясь, как бы русские не вошли в Гамбург, посоветовал мне, как другу, принять меры предосторожности. Но я был на месте; я знал обо всех передвижениях маленького отдельного отряда и не испытывал никаких опасений.

Редактор гамбургского "Корреспондента" каждый вечер присылал мне корректуру номера, который должен был выйти на следующий день, — милость, оказанная только французскому министру. 20 ноября я, как обычно, получил доказательство и не увидел в нем ничего предосудительного. Каково же было мое изумление, когда на следующее утро я прочитал в том же журнале статью, оскорбляющую лично императора, в которой законные государи Европы призывались к крестовому походу против узурпатора и т.д. Я немедленно послал за М. Доорманном, первым синдиком сената Гамбурга. Когда он появился, его подавленный вид в достаточной степени сообщил мне, что он знал, что я хотел ему сказать. Я резко упрекнул его и спросил, как после всего, что я рассказал ему о восприимчивости императора, он мог позволить вставить такую статью. Я заметил ему, что эта неприличная обличительная речь не носила официального характера, поскольку на ней не было подписи; и что, следовательно, он действовал в прямом противоречии с указом Сената, запрещавшим помещать в журналы любые статьи, которые не были подписаны. Я прямо сказал ему, что его неосторожность может повлечь за собой серьезные последствия. М. Доорманн не пытался оправдать его, а просто объяснил мне, как это произошло.

20 ноября вечером М. Форшманн, временный поверенный в делах России, прибывший в течение дня из российской штаб-квартиры, представил редактору "Корреспондента" статью, о которой идет речь. Редактор, прочитав статью, которую он счел крайне неприличной, заметил М. Форшманну, что его статья уже составлена, что было фактом, поскольку я видел доказательство. М. Форшманн, однако, настоял на включении статьи. Затем редактор сказал ему, что он не может допустить этого без одобрения цензора Syndic. М. Форшманн немедленно обратился к М. Доорманну, и когда последний попросил его не настаивать на включении статьи, М. Форшманн предъявил письмо, написанное по-французски, в котором, среди прочего, содержалось следующее: "Вы получите прилагаемую статью, помещенную в the Correspondent без изменения ни единого слова. Если цензор откажет, вы должны обратиться к руководящему бургомистру, а в случае его отказа - к генералу Толстому, который придумает какие-нибудь средства, чтобы сделать Сенат более послушным и заставить его соблюдать беспристрастное уважение".

Г-н Швейцар, решив, что он не может взять на себя ответственность за публикацию статьи, отправился в сопровождении г-на Форшмана на прием к г-ну Фон Граффену, бургомистру-распорядителю. Г-н Швейцар и фон Граффен настойчиво указывали на неуместность включения этой статьи; но г-н Форшманн сослался на свой приказ и добавил, что согласие Сената по этому пункту было единственным средством избежать больших неприятностей. Бургомистр и синдик, оказавшись, таким образом, вынужденными признать статью, просили исключить, по крайней мере, следующий отрывок: "Я знаю некоего вождя, который вопреки всем законам божественным и человеческим, презирая ненависть, которую он внушает в Европе, а также среди тех, кого он сделал своими подданными, удерживает трон, узурпированный насилием и преступлением. Его ненасытные амбиции подчинили бы всю Европу своему правлению. Но пришло время отомстить за права наций . . .". М. Форшманн снова сослался на свои приказы и с некоторой долей ярости настоял на включении статьи в ее полном виде. Затем бургомистр разрешил редактору "Корреспондента" напечатать статью в тот же вечер, и М. Форшманн, получив это разрешение, принес статью в офис в половине двенадцатого.

Таков был отчет, предоставленный мне М. Доорманном. Я заметил, что не понимаю, как воображаемое опасение какого-либо насилия со стороны России могло побудить его допустить столь дерзкое нападение на самого могущественного монарха в Европе, чьи руки вскоре будут диктовать законы Германии. Синдик не скрывал своего страха перед негодованием императора, в то же время он выразил надежду, что император примет во внимание чрезвычайную трудность сохранения нейтралитета небольшой державой в чрезвычайных обстоятельствах, в которых оказался Гамбург, и что статьи, можно сказать, были представлены почти на острие казацких копий. М. Дорманн добавил, что отказ, который привел бы русские войска в Гамбург, мог бы повлечь за собой очень неприятные последствия для меня и мог бы заставить Сенат действовать совсем по-другому. Я умолял его раз и навсегда отложить в сторону в этих делах всякое соображение о моей личной опасности, и Синдик после более чем двухчасовой беседы удалился с еще большим беспокойством, чем когда он прибыл, и умолял меня правдиво изложить факты в том виде, в каком они произошли.

Г-н Доорманн был очень достойным человеком, и я благосклонно описал его оправдания и готовность, которую он всегда проявлял, не упоминать о соответствующих статьях, враждебных Франции; как, например, начало обращения императора Германии к своим подданным и полное провозглашение короля Швеции. Случилось так, что добрый Синдик отделался лишь испугом; я сам был поражен успехом моего заступничества. Я узнал от министра иностранных дел, что император был крайне возмущен, прочитав статью, в которой французская армия была возмущена так же, как и он сам. Действительно, он почти не обращал внимания на оскорбления, направленные против него лично. Их вечное повторение приучило его к ним; но при мысли о том, что его армии нанесут оскорбление, он пришел в ярость и изрек самые страшные угрозы.

Следует отметить, что шведский и английский министры, как только они прочитали статью, обратились к редактору "Корреспондента" и выразили свое удивление по поводу того, что такая клевета была опубликована. "Победоносным армиям, - говорили они, - следует отвечать пушечными ядрами, а не оскорблениями, столь же грубыми, сколь и нелепыми". Этого мнения придерживались все иностранцы, находившиеся в то время в Гамбурге.

ГЛАВА XXXIV.

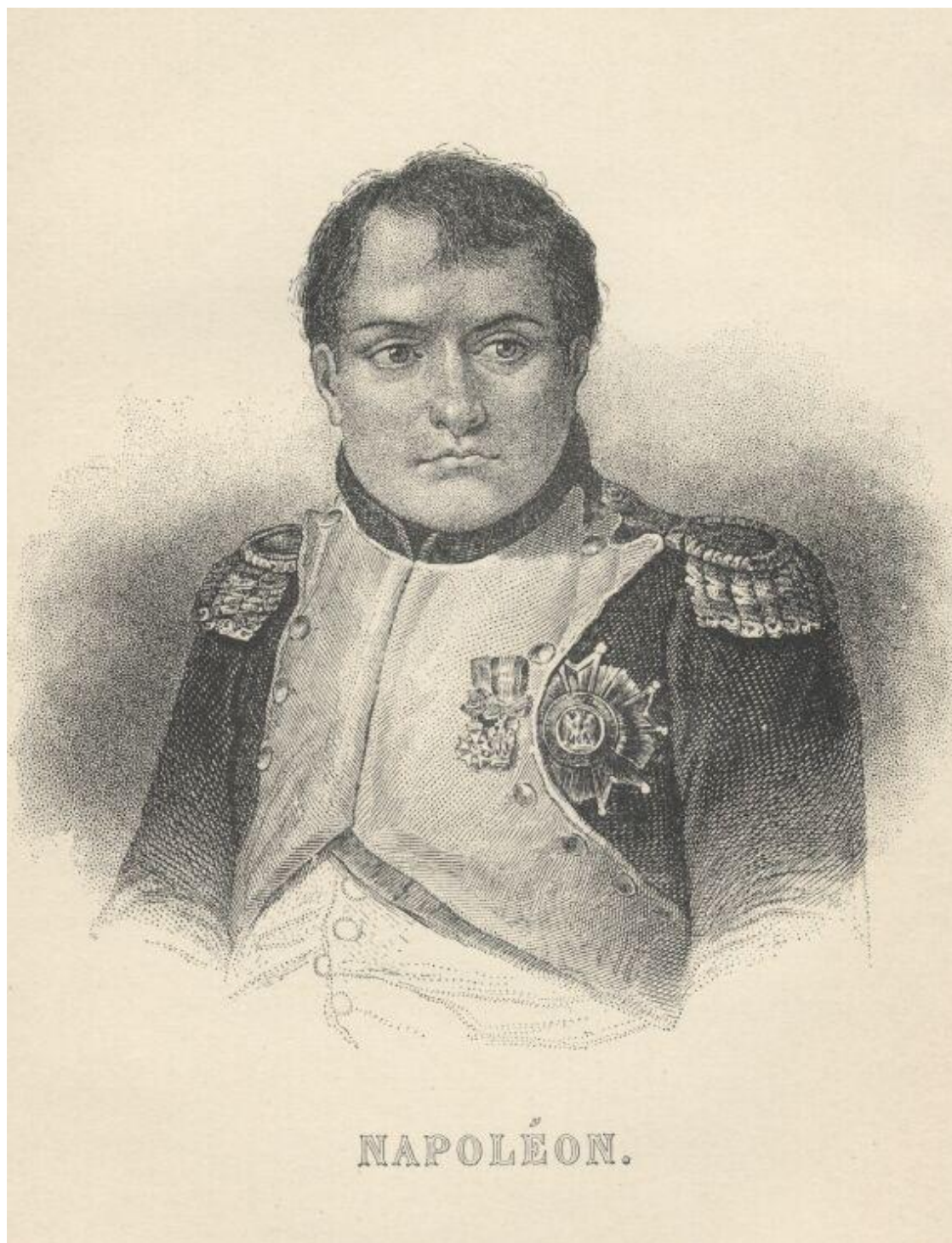
1805

Трудности моего положения в Гамбурге — Тяжелый труд и ответственность — Надзор за эмигрантами — Министры иностранных дел — Журналы — Посылка из Страсбурга — Бонапарт любил рассказывать Джулио, импровизированное изложение истории, сочиненной императором.

Приведенные мною в двух или трех предыдущих главах краткие сведения о событиях, произошедших до и во время Аустерлицкой кампании, а также письма Дюрока и Бернадотта могут дать читателю некоторое представление о моем положении в начале моего пребывания в Гамбурге. События сменяли друг друга с такой невероятной быстротой, что делали мой труд чрезмерным. Мои занятия были иными, но не менее трудоемкими, чем те, которые я раньше выполнял, находясь рядом с императором; и, кроме того, теперь я был обременен ответственностью, которая не возлагалась на меня как на личного секретаря генерала Бонапарта и Первого консула. Фактически, я должен был постоянно следить за эмигрантами в Альтоне, что было нелегким делом— ежедневно переписываться с министром иностранных дел и министром полиции, совещаться с министрами иностранных дел, аккредитованными в Гамбурге, поддерживать активные отношения с командующими французской армией, допрашивать моих секретных агентов и строго следить за их действиями; кроме того, необходимо было постоянно следить за появлением непристойных статей против Наполеона в гамбургском "Корреспонденте". У меня часто будет возможность говорить обо всех этих вещах, и особенно о наиболее заметных эмигрантах, в менее необычной манере, потому что то, что я до сих пор говорил, можно в некотором роде рассматривать просто как краткое изложение всех фактов, относящихся к событиям, которые ежедневно происходили у меня на глазах.

В разгар этих разнообразных и важных занятий я получил пакет со страсбургским почтовым штемпелем того времени, когда императрица находилась в этом городе. Этот пакет не имел обычной формы дипломатического отправления, и надпись на нем сообщала, что он прибыл из резиденции Жозефины. Смеею предположить, что мои читатели испытают не меньшее удовлетворение, чем я, ознакомившись с его содержанием, которое будет найдено в конце этой главы; но прежде чем удовлетворить любопытство, которое, возможно, зародилось во мне, я могу здесь рассказать, что одной из особенностей Бонапарта была любовь к повествованию экспромтом; и, похоже, он не прекратил этой практики даже после того, как стал императором.

На самом деле, Бонапарт в течение первого года после своего восшествия на императорский трон обычно проводил в покоях императрицы те вечера, которые ему удавалось урвать от государственных дел. Бросившись на диван, он погрузился бы в мрачное молчание, которое никто не осмеливался прервать. Иногда, однако, наоборот, он давал волю своему живому воображению и своей любви ко всему чудесному, или, правильнее сказать, своему желанию произвести эффект, что, возможно, было одной из его самых сильных страстей, и рассказывал маленькие романсы, которые всегда имели устрашающее описание и соответствовали естественному ходу его идей. Во время этих концертов всегда присутствовали придворные дамы, одной из которых я обязан следующей историей, написанной ею почти словами Наполеона. "Никогда, - писала эта дама в своем письме ко мне, - император не казался более необычным. Увлеченный сюжетом, он мерил салон быстрыми шагами; интонации его голоса менялись в зависимости от характеров персонажей, которых он выводил на сцену; казалось, он умножал себя, чтобы играть разные роли, и никому не нужно было симулировать ужас, который он действительно внушал и который он любил видеть изображенным на лицах тех, кто его окружал." В этот рассказ я не вносил никаких изменений, что могут засвидетельствовать те, у кого, насколько мне известно, есть его копия. Любопытно сравнить страстные отрывки из него со стилем Наполеона в некоторых письмах, адресованных Жозефине.

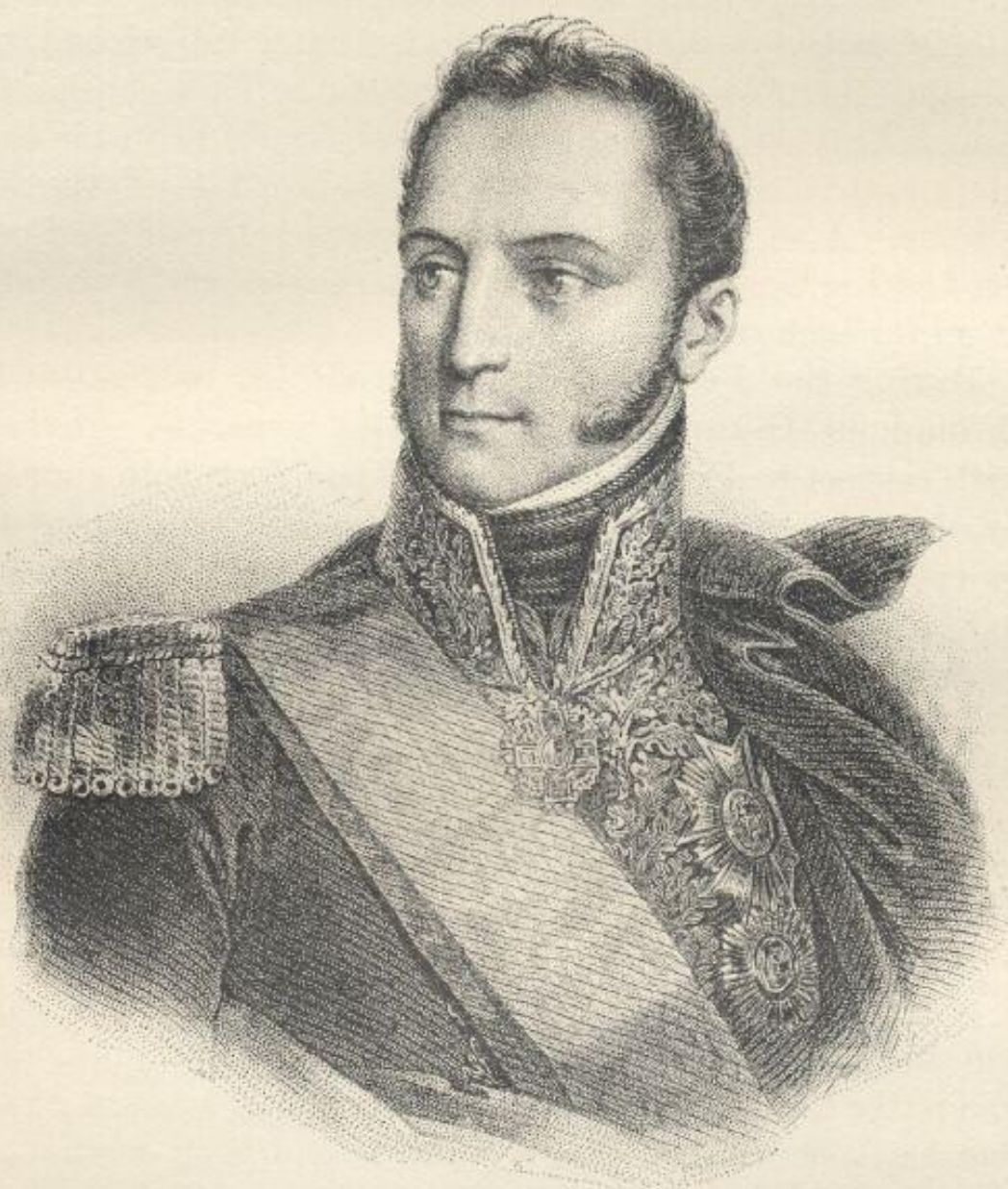
NAPOLEON.

TOM III. — 1805-1814

NEY

PRINCE DE LA MOSKOWA

CAULAINCOURT
DUC DE VICENCE

DAVOUST
(PRINCE D'ECKMUHL)

JUNOT

DUC D'ABRANTÈS

SOULT.
DUC DE DALMATIE

MARIE LOUISE.
(EMPRESS OF FRANCE)

LASALLE.

MASSÉNA.
(PRINCE OF ESSLING)

ГЛАВА I.

1805.

Отмена республиканского календаря—Военные приготовления в Австрии—План реорганизации Национальной гвардии—Наполеон в Страсбурге—Генерал Мак—Прокламация—Разведывательная миссия капитана Бернарда— Притворный гнев и настоящее удовлетворение императора — Информация о Рагузе, переданная Бернардом —Быстрое и заслуженное повышение —Отставка генерала Бернарда в Соединенные Штаты Америки.

Я пробыл в Гамбурге три месяца, когда узнал, что император наконец решил упразднить единственный оставшийся памятник Республики, а именно революционный календарь. Этот календарь действительно был абсурдным нововведением, поскольку новые обозначения месяцев применялись не во всех местах, даже во Франции; зерно Прованса не дожидалось,

пока его раскроет солнце месяца Мессидор. 9 сентября "консульский сенат" постановил, что 1 января месяцам и дням, следующим за предыдущими, должны быть возвращены их собственные названия. Я с большим интересом прочитал доклад Лапласа Сенату и, должен признаться, был очень рад видеть, что григорианский календарь снова признан законом, как это уже было признано фактически. Французы в зарубежных странах испытывали особые неудобства из-за принятия системы, отличной от всей остальной в мире.

Через несколько дней после возрождения старого календаря император отбыл в армию. Вполне можно предположить, что, находясь в Гамбурге, я стремился узнать новости, и я получал их в изобилии из внутренних районов Германии и от некоторых друзей в Париже. Эта переписка позволяет мне представить моим читателям всеобъемлющую и точную картину состояния общественных дел до того времени, когда Наполеон выступил в поход. Я уже упоминал, как искусно он всегда создавал видимость того, что он стремится к миру, и что он всегда был стороной, на которую нападали; его поведение до первого взятия Вены представляет собой поразительный пример этой хитрости. Было совершенно очевидно, что преобразование Цизальпинской республики в королевство Италия и присоединение Генуи к Франции были нарушениями международных договоров; и все же император, тем не менее, делал вид, что все нарушения были совершены Австрией. Правда заключается в том, что Австрия собирала рекрутов настолько тайно, насколько это было возможно, и собирала свои войска на границах Баварии. Австрийский корпус даже проник в некоторые провинции Курфюршества; все это дало Наполеону предлог отправиться на помощь своим союзникам.

На памятном заседании, предшествовавшем его отъезду, император представил проект "Senatus-consulte" относительно реорганизации Национальной гвардии. Министр иностранных дел зачитал объяснение взаимного поведения Франции и Австрии после заключения Люневильского мира, в котором преступления Франции были скрыты с удивительным искусством. Перед окончанием заседания император обратился к участникам, заявив, что он собирается покинуть столицу, чтобы встать во главе армии, чтобы оказать быструю помощь своим союзникам и защитить самые дорогие интересы своего народа. Он хвастался своим желанием сохранить мир, который Австрия и Россия, как он утверждал, были вынуждены нарушить под влиянием Англии.

Это обращение произвело очень сильное впечатление в Гамбурге. Что касается меня, то я распознал в нем обычную хвастливую нотку Наполеона; но в данном случае события, казалось, стремились оправдать его. Император, конечно, мог провести больше научных кампаний, чем Аустерлицкая, но никогда не добивался более блестящих результатов. Все казалось чудесным, и я часто думал о тайной радости, которую, должно быть, испытывал Бонапарт, увидев себя наконец на пороге начала большой войны в Германии, о чем он так часто выражал горячее желание. Сначала он отправился в Страсбург, куда его сопровождала Жозефина.

Все сообщения, которые я получал, совпадали с утверждениями из моей частной переписки, в которых описывался невероятный энтузиазм, царивший в армии при известии о том, что ей предстоит марш в Германию. Впервые Наполеон прибегнул к быстрому виду транспорта, и 20 000 повозок, словно по волшебству, доставили его армию с берегов Ла-Манша на берега Рейна. Идея активной кампании воспламенила честолюбие младшей части армии. Все мечтали о славе и скором продвижении по службе, и все надеялись отличиться в глазах вождя, которого боготворили его войска. Таким образом, во время своего короткого пребывания в Страсбурге император мог с полным основанием предсказывать успех, увенчавший его усилия под стенами Вены.

Сопровождавший его Рапп сообщил мне, что, покидая Страсбург, он заметил в присутствии нескольких человек: "Будет сказано, что я составил план кампании Мака за него. Развилки Каудина находятся в Ульме.

—[Этот намек на развилки Каудина всегда был у Наполеона на устах, когда он видел, что армия противника сосредоточена в какой—то точке, и предвидел ее поражение —Бурьен.]—

Опыт доказал, что Бонапарт не был обманут; но в данном случае я должен опровергнуть клеветническое сообщение, распространенное в то время и с тех пор злонамеренно повторяемое. Говорили, что между Маком и Бонапартом существовало взаимопонимание и что генерала подкупили, чтобы он сдал ворота Ульма. Я получил убедительные доказательства того, что это утверждение является скандальной ложью; и единственное, что могло придать ему вес, - это ходатайство Наполеона после кампании о том, чтобы Мак не был привлечен к суду. В этом заступничестве Наполеоном руководила только человечность.

Выйдя на поле боя, Наполеон встал во главе баварцев, с которыми противостоял армии противника до прибытия своих собственных войск. Как только они были собраны, он опубликовал следующее воззвание, которое еще больше возбудило пыл войск.

СОЛДАТЫ — Война третьей коалиции началась. Австрийская армия прошла Инн, нарушила договоры, атаковала нашего союзника и изгнала его из столицы. Вы сами были вынуждены форсированными маршами спешить на защиту наших границ. Но теперь вы перешли Рейн; и мы не остановимся, пока не обеспечим независимость германского корпуса, не придем на помощь нашим союзникам и не смирим гордыню наших несправедливых противников. Мы больше не будем заключать мир без достаточных гарантий! Наше великодушие больше не повредит нашей политике. Солдаты, ваш Император среди вас! Вы всего лишь передовой отряд великого народа. Если будет необходимо, они все поднимутся по моему призыву, чтобы посрамить и распустить эту новую лигу, которая была создана злобой и золотом Англии. Но, солдаты, нам придется совершать форсированные марши, терпеть усталость и лишения всякого рода. И все же, какие бы препятствия ни возникали на нашем пути, мы преодолеем их; и мы никогда не успокоимся, пока не посадим наших орлов на территории наших врагов!

В конфиденциальных записках своих дипломатических агентов, в своих речах и прокламациях Наполеон всегда называл себя стороной, подвергшейся нападению, и, возможно, самой его серьезности в этом было достаточно, чтобы раскрыть правду всем тем, кто научился читать его мысли иначе, чем их выражали его слова.

В начале Аустерлицкой кампании произошло обстоятельство, по которому можно судить о судьбе очень достойного человека. Находясь в Страсбурге, император спросил генерала Мареско, главнокомандующего инженерными войсками, может ли он порекомендовать из своего корпуса храброго, предусмотрительного и умного молодого офицера, которому можно было бы доверить важную разведывательную миссию. Офицером, выбранным генералом Мареско, был капитан инженерных войск по имени Бернард, получивший образование в Политехнической школе. Он отправился выполнять свою миссию, продвинулся почти до Вены и вернулся в ставку императора после капитуляции Ульма.

Бонапарт допросил его сам и был вполне удовлетворен его ответами; но, не удовлетворившись устными ответами на вопросы, заданные Наполеоном, капитан Бернар

составил отчет о том, что он наблюдал, и о различных маршрутах, которые могли быть выбраны. Среди прочего он заметил, что было бы большим преимуществом направить всю армию на Вену, не обращая внимания на укрепленные места; поскольку, овладев столицей Австрии, император мог бы диктовать законы всей австрийской монархии. "Я присутствовал, - сказал мне Рапп, - при беседе этого молодого офицера с императором. После прочтения отчета, поверите ли вы, что император пришел в бешенство? "Как! - воскликнул он. - Вы очень смелы, очень самонадеянны! Молодой офицер взял на себя смелость разработать для меня план кампании! Убирайся и жди моих приказаний".

Это и некоторые другие обстоятельства, которые я должен добавить относительно капитана Бернара, полностью раскрывают характер Наполеона. Рапп сказал мне, что, как только молодой офицер ушел, император сразу переменил тон. "Это, - сказал он, - умный молодой человек; у него правильный взгляд на вещи. Я не стану подвергать его риску быть застреленным. Возможно, мне когда-нибудь понадобятся его услуги. Скажи Бертье, чтобы отправил приказ о своем отъезде в Элирию.

Этот приказ был отдан, и капитан Бернард, который, как и его товарищи, с нетерпением ожидал приближающейся кампании, расценил как наказание то, что со стороны императора было мерой предосторожности для сохранения молодого человека, заслуги которого он высоко ценил. В конце кампании, когда император повысил в звании тех офицеров, которые отличились, Бернард, который, как считалось, находился в опале, не был включен Бертье в список капитанов инженерных войск, которых он рекомендовал на звание начальника батальона; но сам Наполеон вписал имя Бернара раньше всех остальных. Однако император на некоторое время забыл о нем, и лишь случайное обстоятельство заставило его вспомнить о нем. Я никогда не был лично знаком с Бернардом, но я узнал от Раппа, как он впоследствии стал его коллегой в качестве адъютанта императора; обстоятельство, о котором я сейчас расскажу, хотя оно относится к более позднему периоду.

Прежде чем император покинул Париж для участия в кампании 1812 года, он пожелал получить точную информацию о Рагузе и Элирии. Он послал за Мармоном, но не был удовлетворен его ответами. Затем он допросил нескольких других генералов, но результатом его расспросов всегда было: "Все это очень хорошо; но это не то, чего я хочу. Я не знаю Рагузу". Затем он послал за генералом Дежаном, сменившим г-на де Мареско на посту первого инспектора инженерных войск.

- Есть ли у вас среди офицеров кто-нибудь, - спросил он, - кто хорошо знаком с Рагузой? Дежан, немного поразмыслив, ответил: "Сир, есть шеф-повар Батайона, о котором давно забыли, но который в совершенстве знает Элирию". — "Как его зовут?" — "Бернар". — "Ах, остановитесь ... Бернар! Я помню это имя. Где он?" — "В Антверпене, сир, занят на укреплениях". — "Пусть немедленно будет передано телеграфное сообщение [с помощью семафора.], в котором ему предлагается сесть на лошадь и как можно скорее прибыть в Париж".

Быстрота, с которой всегда выполнялись приказы императора, хорошо известна. Через несколько дней капитан Бернард был в кабинете императора в Париже. Наполеон принял его очень любезно. Первое, что он сказал, было: "Расскажи мне о Рагузе". Это был его любимый способ допроса в подобных случаях, и я слышал, как он говорил, что это был верный способ вытянуть все, что человек наблюдал в любой стране, которую он посетил. Как бы то ни было, он был вполне удовлетворен информацией месье Бернара об Элирии; и когда шеф батайона закончил говорить, Наполеон сказал: "Полковник Бернар, теперь я знаком с Рагузой". Впоследствии император фамильярно беседовал с ним, подробно остановился на системе

укреплений, принятой в Антверпене, сослался на план работ, раскритиковал его и показал, как он, в случае осады города, сделает средства обороны бесполезными. Новый полковник так хорошо объяснил, как он будет защищать город от нападения императора, что Бонапарт пришел в восторг и немедленно наградил молодого офицера знаком отличия, который, насколько я знаю, он вручал только в том единственном случае. Император собирался председательствовать в Государственном совете и желал, чтобы полковник Бернар сопровождал его и много раз во время заседаний спрашивал у него его мнение по обсуждаемым вопросам. Покидая Совет, Наполеон сказал: "Бернар, в будущем ты мой адъютант". После кампании он был произведен в бригадные генералы, вскоре после этого в дивизионные генералы, и теперь он признан одним из самых способных инженерных офицеров в мире. Глупое поведение Кларка лишило Францию этого выдающегося человека, который отказался от блестящих предложений нескольких европейских государей ради того, чтобы удалиться в Соединенные Штаты Америки, где он командует инженерами и построил укрепления на побережье Флориды, которые инженеры считают шедеврами военного искусства.

ГЛАВА II.

1805.

Стремительность побед Наполеона—Мюрат при Вертингене—Завоевание герцогства Ней—Французская армия перед Ульмом—Принц Лихтенштейнский в имперской ставке—Его интервью с Наполеоном, описанное Раппом—Капитуляция Ульма, подписанная Бертье и Маком—Наполеон до и после победы—Его обращение к пленным генералам—Прокламация императора—Десять тысяч пленных, взятых Мюратом—Битва при Кальдиеро в Италии—Письмо Дюрока—Попытки затормозить продвижение императора—Бесплодная миссия месье де Джулии—Попытка первые французские орлы, захваченные русскими—Смелое приключение Ланна и Мюрата—Французы входят в Вену—Миссия Савари к императору Александру.

Чтобы составить представление о блестящей кампании 1805 года на основе кратких отчетов и писем, полученных мной в Гамбурге, я, подобно составителям альманахов, был бы обязан отмечать победы за каждый день. Разве быстрота первых операций императора не была доселе беспрецедентной? Он отбыл из Парижа 24 сентября, а военные действия начались 2 октября. 6-го и 7-го числа французы перешли Дунай и обратили армию противника вспять. 8-го числа Мюрат в битве при Вертингене, на Дунае, взял в плен 2000 австрийцев, среди которых, помимо других генералов, был граф Ауффемберг. На следующий день австрийцы отступили к Гансбургу, отступая перед нашими победоносными легионами, которые, продолжая свой триумфальный путь, 10-го числа вошли в Аугсбург, а 12-го - в Мюнхен. Когда я получал свои депеши, мне могло показаться, что я читаю сказочное повествование. Через два дня после того, как французы вошли в Мюнхен, то есть 14-го, австрийский корпус численностью 6000 человек сдался маршалу Сульту при Мемингене, в то время как Ней с

мечом в руке завоевал свое будущее герцогство Эльхинген. Наконец, 17 октября произошла знаменитая капитуляция генерала Мака под Ульмом, "и в тот же день в Италии начались военные действия между французами и австрийцами, первыми командовал Массена, а вторыми принц Чарльз.

—[Принц Морис Лихтенштейн был отправлен генералом Маком в качестве флага перемирия в имперскую ставку под Ульмом. Согласно обычаю, его вели верхом с завязанными глазами. Присутствовавший при этом Рапп вместе с несколькими адъютантами Наполеона впоследствии рассказал мне о беседе принца с императором. Кажется, он сказал мне, что Бертье тоже присутствовал. "Представьте себе, - сказал Рапп, - изумление или, скорее, замешательство бедного принца, когда с его глаз сняли повязку. Он ничего не знал о том, что происходило, и даже не подозревал, что император уже присоединился к армии. Когда он понял, что находится в присутствии Наполеона, он не смог подавить восклицания удивления, которое не ускользнуло от императора, и он простодушно признал, что генерал Мак понятия не имел, что он находится у стен Ульма." Принц Лихтенштейн предложил капитулировать при условии, что гарнизону Ульма будет разрешено вернуться в Австрию. Это предложение, в ситуации, в которой находился гарнизон, сказал Рапп, вызвало улыбку императора. "Как вы можете ожидать, - сказал Наполеон, - что я могу согласиться на такое предложение? Что я выиграю от этого? Восемь дней. Через восемь дней вы будете в моей власти без каких-либо условий. Вы думаете, я не знаком со всем? . Вы ожидаете русских? ... В ближайшем будущем они находятся в Богемии. Если бы я позволил вам выступить, какие у меня могут быть гарантии, что вы не присоединитесь к ним, а потом не будете сражаться против меня? Ваши генералы обманывали меня достаточно часто, и я больше не позволю себя обманывать. При Маренго я был достаточно слаб, чтобы позволить войскам Меласа выступить из Алессандрии. Он пообещал добиваться мира. Что произошло? Через два месяца после того, как Моро пришлось сражаться с гарнизоном Алессандрии. Кроме того, эта война - не обычная война. После поведения вашего правительства я не обязан соблюдать какие-либо условия с ним. Я не верю в его обещания. Вы напали на меня. Если я соглашусь на то, о чем вы просите, Мак даст свое слово, я знаю. Но, даже полагаясь на его добросовестность, сможет ли он сдержать свое обещание? Что касается его самого — да; но что касается его армии — нет. Если бы эрцгерцог Фердинанд все еще был с вами, я мог бы положиться на его слово, потому что он нес бы ответственность за условия и не опозорил бы себя; но я знаю, что он покинул Ульм и перешел Дунай. Однако я знаю, как с ним связаться".

Рапп сказал, что невозможно представить смущение принца Лихтенштейна во время выступления императора. Он, однако, несколько овладел собой и заметил, что, если предложенные им условия не будут выполнены, армия не капитулирует. "Если это так", - сказал Наполеон. - с таким же успехом ты можешь возвращаться к Маку, потому что я никогда не соглашусь на такие условия. Ты шутишь надо мной? Оставайтесь; вот капитуляция Мемингена — покажите ее вашему генералу — пусть он сдастся на тех же условиях — я не соглашусь ни на какие другие. Ваши офицеры могут вернуться в Австрию, но солдаты должны быть пленными. Скажи ему, чтобы поторопился, потому что я не могу терять времени. Чем больше он будет медлить, тем хуже он сделает свое и ваше положение. Завтра я приведу сюда корпус, которому Меминген капитулировал, и тогда мы посмотрим, что делать. Дай Маку ясно понять, что у него нет другого выхода, кроме как подчиниться моей воле.

Властный тон, который Наполеон применял по отношению к своим врагам, почти всегда достигал успеха, и это производило на Мака привычный эффект. В тот же день, когда принц Лихтенштейн был в нашей штаб-квартире, Мак написал императору, заявив, что он не стал бы вести переговоры ни с кем другим на таких условиях; но что он уступил влиянию наполеоновского состояния; и на следующий день Бертье был отправлен в Ульм, откуда он вернулся с подписанной капитуляцией. Таким образом, Наполеон не ошибся в отношении Кавдинских разветвлений австрийской армии.

Гарнизон Ульма выступил маршем с так называемыми военными почестями и был уведен пленными во Францию.Бурьен.]—

Наполеон, которого так сильно раздражало любое препятствие, стоявшее на его пути, и который с таким высокомерием относился ко всем, кто осмеливался сопротивляться его непреклонной воле, был уже не тем человеком, когда как победитель принимал побежденных генералов в Ульме. Он выразил им соболезнование в связи с их несчастьем; и это, я могу утверждать, не было результатом чувства гордости, скрытого под притворным великодушием. Хотя он извлек выгоду из их поражения, он искренне жалел их. Как часто он замечал мне: "Как жаль генерала на следующий день после проигранного сражения". Он сам пережил это несчастье, когда был вынужден снять осаду Сен-Жан-д'Акра. В тот момент он, я полагаю, задушил бы Джеззара; но если бы Джеззар сдался, он отнесся бы к нему с тем же вниманием, которое он проявил к Маку и другим генералам гарнизона Ульма. Этих генералов было семнадцать, и среди них был принц Лихтенштейн. Были также генерал Кленау (барон де Жюле), который приобрел значительную военную репутацию в предыдущих войнах, и генерал Френель, оказавшийся в более критическом положении, чем его товарищи по несчастью, поскольку он был французом и эмигрантом.

Рапп сказал мне, что ему было действительно больно видеть этих генералов. Они почтительно поклонились императору во главе с Маком. Они хранили скорбное молчание, и Наполеон заговорил первым, что он и сделал в следующих выражениях: "Господа, мне жаль, что такие храбрые люди, как вы, стали жертвами безумств Кабинета министров, который лелеет безумные проекты и который без колебаний посягает на достоинство австрийской нации, пользуясь услугами своих генералов. Ваши имена мне известны — они с честью известны везде, где вы сражались. Изучите поведение тех, кто предал вас. Что может быть более незаконным, чем напасть на меня без объявления войны? Разве это не преступление - навлекать иностранное вторжение на страну? Разве это не предательство Европы - привносить азиатское варварство в ее споры? Если бы была проведена правильная политика, Аульский совет, вместо того чтобы нападать на меня, искал бы моего союза, чтобы отбросить русских на север. Альянс, который сформировал ваш кабинет, войдет в историю как чудовищный. Это союз собак, пастухов и волков против овец — такая схема никогда не могла бы прийти в голову государственному деятелю. Вам повезло, что я не потерпел поражения в несправедливой борьбе, на которую меня спровоцировали; если бы я это сделал, Венский кабинет министров вскоре осознал бы свою ошибку, за которую, возможно, еще когда-нибудь дорого заплатит".

Какие перемены произошли в делах за пятнадцать успешных дней, увенчавшихся взятием Ульма! В Гамбурге я знал через своих агентов, до какой степени безумия возросли надежды врагов Наполеона еще до того, как он начал кампанию. Уверенность Венского кабинета была действительно необъяснимой; они не только не мечтали о серии побед, которые сделали Наполеона хозяином всей австрийской монархии, но и помощники Дрейка и все интриганы того сорта относились к Франции уже как к завоеванной стране и распоряжались некоторыми из наших провинций. В избытке своей глупости, приведу лишь один пример, они пообещали город Лион королю Сардинии в качестве компенсации за временную оккупацию Пьемонта.

—[В договорах и декларациях (см. Мартенс и Тьер, том v., стр. 355) скорее прослеживается тенденция продавать шкуру медведя перед его убийством.]—

В то время как Наполеон льстил своим пленным за счет их правительства, он хотел выразить удовлетворение поведением своей собственной армии, и с этой целью он опубликовал замечательную прокламацию, которая в некоторой степени представляла собой резюме всего, что произошло с начала кампании.

Это воззвание звучало следующим образом:—

СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ АРМИИ — За две недели мы завершили целую кампанию. То, что мы предлагали сделать, было сделано. Мы изгнали австрийские войска из Баварии и вернули нашему союзнику суверенитет над его владениями.

Эта армия, которая с равной самонадеянностью и неосторожностью двинулась маршем к нашим границам, уничтожена.

Но что это значит для Англии? Она достигла своей цели. Мы больше не в Булони, и ее субсидия не будет ни больше, ни меньше.

Из ста тысяч человек, составлявших эту армию, шестьдесят тысяч находятся в плену. Они заменят наших призывников на сельскохозяйственных работах.

Двести орудий, весь артиллерийский парк, девяносто знамен и все их генералы в нашей власти. Спаслись только пятнадцать тысяч человек.

Солдаты! Я объявил вам результат великой битвы; но благодаря плохо продуманным планам врага я смог добиться желаемого результата, не подвергаясь никакой опасности, и, что не имеет аналогов в истории народов, этот результат был достигнут ценой потери едва ли полутора тысяч человек убитыми и ранеными.

Солдаты! этот успех обусловлен вашим безграничным доверием к вашему императору, вашим терпением в переносе тяжелых испытаний и лишений любого рода, а также вашим исключительным мужеством и неустрашимостью.

Но мы не будем останавливаться на достигнутом. Вам не терпится начать новую кампанию!

Русскую армию, которую английское золото доставило со всех концов вселенной, постигнет та же участь, что и ту, которую мы только что разгромили.

В конфликте, в который мы собираемся вступить, честь французской пехоты особенно затронута. Теперь мы увидим другое решение вопроса, который уже был решен в Швейцарии и Голландии, а именно, является ли французская пехота первой или второй в Европе.

Среди русских нет генералов, в борьбе с которыми я мог бы снискать какую-либо славу. Все, чего я желаю, - это одержать победу с наименьшим возможным кровопролитием. Это мои солдаты, мои дети.

Это воззвание всегда казалось мне шедевром военного красноречия. Расточая похвалы своим войскам, он возбудил их соперничество, намекнув, что русские способны поспорить с ними за первое место среди пехоты Европы, и завершил свою речь, назвав их своими детьми.

Вторая кампания, которой, по утверждению Наполеона, они с таким нетерпением ждали, быстро завершилась, и военные действия велись с такой энергией, что разжигали энтузиазм армии. Бог знает, какие слухи ходили о русских, которые, как торжественно заявил Бонапарт в своем возвании, прибыли с самого края света. Их изображали полуголыми дикарями, грабящими, разрушающими и сжигающими все, куда бы они ни пошли. Утверждалось даже, что они были каннибалами и были замечены за поеданием детей. Короче говоря, в тот период было введено название "северные варвары", которое с тех пор широко применяется к русским. Через два дня после капитуляции Ульма Мюрат добился капитуляции

Трохтельфингена у генерала Ярнека и взял в плен 10 000 человек, так что, не считая убитых и раненых, австрийская армия после двадцатидневной кампании уменьшилась на 50 000 человек. 27 октября французская армия пересекла Инн и таким образом проникла на территорию Австрии. Зальцбург и Браннан были немедленно взяты. Итальянская армия под командованием Массены также получала большие преимущества. 30 октября, то есть в тот самый день, когда Великая армия взяла вышеупомянутые крепости, итальянская армия, переправившись через Адидже, вступила в кровопролитное сражение при Кальдиеро и взяла в плен 5000 австрийцев.

В этой необычайной кампании, получившей название "Аустерлицкой", подвиги наших войск сменяли друг друга с быстротой мысли. Признаюсь, я был в равной степени удивлен и обрадован, когда получил записку от Дюрока, отправленную срочным курьером и лаконично начинающуюся словами: "Мы в Вене; император здоров".

Письмо Дюрока было датировано 13 ноября, и слова "Мы в Вене" показались мне плодом сна. Столица Австрии, которая с незапамятных времен не была оккупирована иностранцами, город, который Собеский спас от османского насилия, стал добычей императорского орла Франции, который по прошествии трех столетий отомстил за унижения, ранее нанесенные Франциску I. "Аквила Грифанья" Карла V. Дюрок покинул императора до того, как был поднят Булонский лагерь; завершив свою миссию в Берлине, он воссоединился с императором в Линце.

—[Как только Бонапарт стал императором, он провозгласил себя мстителем за все оскорбления, нанесенные государям, которых он называл своими предшественниками. Все, что касалось чести Франции, было для него священным. Таким образом, он убрал колонну Росбаха с территории Пруссии.—Бурьен.]—

Прежде чем я обращаю внимание на необычную миссию г-на Хогвица к императору Наполеону и результат этой миссии, который обстоятельства сделали диаметрально противоположным ее цели, я расскажу то, что стало мне известно относительно некоторых других переговоров со стороны Австрии, очевидным намерением которых было задержать продвижение Наполеона и тем самым ввести его в заблуждение. Г-н де Жюле, один из генералов, участвовавших в капитуляции Ульма, вернулся домой, чтобы ознакомить своего государя с катастрофическим событием. Он не скрывал ни от императора Франциска, ни от венского кабинета о разгроме австрийской армии и невозможности остановить быстрое продвижение французов. Г-н де Жюле был отправлен с флагом перемирия в ставку Наполеона, чтобы заверить его в мирных намерениях австрийского императора и просить о перемирии. Ловушка была слишком неуклюжей, чтобы ее не обнаружил сразу такой хитрый человек, как Наполеон.

—[Меттерних (том ii, стр. 346, сравните французское издание, том ii, стр. 287) говорит: "Давайте всегда держать меч в одной руке и оливковую ветвь в другой; всегда готовы к переговорам, но только ведя переговоры во время продвижения". Вот система Наполеона.]—

Он всегда притворялся сторонником мира, хотя и был вне себя от радости при мысли о продолжении войны, начатой столь успешно, и он поручил генералу Джулии заверить императора Австрии, что тот не меньше его стремится к миру и что он готов вести переговоры о нем, но без приостановки хода своих операций. Бонапарт, действительно, не мог без некоторой неосторожности, на которую он был неспособен, согласиться на перемирие, ибо г-н де Жюле, хотя и был наделен полномочиями от Австрии, не получил их от России. Таким образом, Россия могла дезавуировать перемирие и прибыть вовремя, чтобы защитить Вену, оккупация которой была так важна для французской армии. Русские, действительно,

наступали, чтобы противостоять нам, и корпус нашей армии под командованием Мортье, стоявший на левом берегу Дуная, в первом сражении потерпел неудачу при Дирнштейне, что немало огорчило императора. Это был первый поворот судьбы, который мы пережили на протяжении всей кампании. Конечно, это было тривиально, но захват русскими трех французских орлов, первых, попавших в руки врага, был очень унизителен для Наполеона и заставил его продлить на несколько дней пребывание своего штаба в Сен-Фольтене, где он тогда находился.

Быстрая оккупация Вены произошла благодаря успешной смелости Ланна и Мюрата, двух людей, одинаково отличавшихся храбростью и отважным духом. Смелая уловка этих генералов предотвратила разрушение Таборского моста в Вене, без которого наша армия испытала бы значительные трудности при проникновении в австрийскую столицу. Этот акт мужества и присутствия духа, оказавший столь большое влияние на события кампании, был описан мне Ланнесом, который рассказывал историю с видом веселья, без какого-либо самодовольства, и казался скорее довольным трюком, сыгранным с австрийцами, чем гордым блестящим действием, которое было проведено. Смелые предприятия были настолько естественны для Ланна, что часто он был единственным человеком, который не видел ничего экстраординарного в своих собственных подвигах. Увы! сколько людей было принесено в жертву амбициям Наполеона!

Ниже приводится история Таборского моста, которую я услышал от Ланна:—

—[Однажды я гулял с Мюратом по правому берегу Дуная, и мы заметили, что на левом берегу, который был занят австрийцами, ведутся какие-то работы, очевидной целью которых был взрыв моста при приближении наших войск. У этих дураков хватило наглости сделать эти приготовления у нас под самым носом, но мы преподали им хороший урок. Разработав наш план, мы вернулись, чтобы отдать приказы, и я доверил командование моей колонной гренадеров офицеру, на мужество и ум которого я мог положиться. Затем я вернулся на мостик в сопровождении Мюрата и двух или трех других офицеров. Мы беззаботно прошли вперед и вступили в разговор с командиром поста в середине мостика. Мы говорили с ним о перемирии, которое должно было быть быстро заключено: разговаривая с австрийскими офицерами, мы сумели заставить их обратить свои взоры на левый берег, а затем, согласно отданным нами приказам, моя колонна гренадеров двинулась по мосту. Австрийские артиллеристы на левом берегу, увидев своих офицеров среди нас, не осмелились стрелять, и моя колонна двинулась быстрым шагом. Мурат и я, возглавлявшие его, вышли на левый берег. Все горючие материалы, подготовленные для взрыва моста, были сброшены в реку, и мои люди овладели батареями, возведенными для обороны верхней части моста. Бедняги австрийские офицеры были совершенно ошеломлены, когда я сказал им, что они мои пленники.]—

Таков, насколько я могу припомнить, был отчет Ланна, который безудержно смеялся, описывая ужас австрийских офицеров, когда они обнаружили, какую шутку с ними сыграли. Когда Ланн совершал этот подвиг, он плохо представлял себе, какие важные последствия это повлечет за собой. Он не только обеспечил остаткам французской армии надежный и легкий вход в Вену, но, сам того не подозревая, создал непреодолимое препятствие на пути соединения русской армии с австрийским корпусом под командованием принца Карла, который под давлением Массены поспешно продвинулся в сердце Наследственных государств, где, как он полностью ожидал, должно было произойти крупное сражение.

Как только корпуса Мюрата и Ланна овладели Веной, император приказал всем дивизиям армии выступить на эту столицу.

—[История во многом аналогична рассказанной у них (том vi, стр. 260), Руппа (стр. 57) и Сэвори (том ii, стр. 162), но, как указывает Эрреурс (том i, стр. 814), Буррьен совершает странную ошибку, полагая, что мост Табор открыл французам доступ в Вену. Столица находится на правом берегу и уже была в их власти. Овладение мостом позволило им перейти на левый берег и продвинуться к Аустерлицу до того, как эрцгерцог Карл, шедший из Италии, смог соединиться с армией союзников. Смотрите план 48 в Атласе Тьера или 58 в Атласе Элисон. Непосредственным результатом успеха этой довольно сомнительной уловки было бы уничтожение корпуса Кутузова; но Мюрат, в свою очередь, был обманут Багратионом и поверил в перемирие. На самом деле, обе стороны в это время впали в любопытные ошибки.]—

Наполеон разместил свою штаб-квартиру в Шенбрунне, где планировал свои операции по принуждению корпуса принца Чарльза отступить в Венгрию, а также по выдвижению своих собственных войск навстречу русским. Мюрат и Ланн всегда командовали авангардом во время форсированных маршей по приказу Наполеона, которые совершались поистине чудесным образом.

Чтобы сохранить видимость желания заключить мир, как только ему будут сделаны разумные предложения, Наполеон послал за своим министром иностранных дел, который быстро прибыл в Вену, а генерал Савари был отправлен с поручением к императору Александру. Подробности этой миссии я узнал только из рассказа о ней герцога де Ровиго в его апологетических мемуарах. Несмотря на стремление герцога внушить веру в миролюбивый настрой Наполеона, сами факты, на которых он подкрепляет свои доводы, приводят к противоположному выводу. Наполеон хотел диктовать свои условия до исхода сражения, успех которого мог показаться сомнительным молодому императору России, и эти условия были такими, какие он мог бы выдвинуть, когда будет объявлена победа в пользу наших орлов. Каждому мыслящему человеку должно быть ясно, что, всегда предлагая то, на что, как он знал, нельзя было с честью согласиться, он сохранял видимость сторонника умиротворения, в то же время обеспечивая себе удовольствие от продолжения войны.

ГЛАВА III.

1805.

Мои обязанности в Гамбурге—Король Швеции в Штральзунде—Мой бюллетень с описанием положения русских армий—Отзыв Дюрока из Берлина—Генерал Дюмуре—Вербовка англичан в Ганновере—Дочь г—на де Марбофа и Наполеона—Предательство короля Неаполя—Солнце Аустерлица—Отчет князя Долгорукого Раппа о битве при Аустерлице—Картина Жерара-Женитьба Эжена.

Теперь я должен рассказать, как в соответствии с моими инструкциями я был нанят в Гамбурге для содействия успеху французской армии. Я послал агента наблюдать за русскими войсками, которые форсированными маршами продвигались к берегам Эльбы. Этот агент передал мне от Гадбуша отчет о маршрутах, пройденных различными колоннами. Тогда предполагалось, что они двинутся на Голландию через Бремен и Ольденбург. По получении этих сведений Ганноверское курфюршество было эвакуировано французами, и генерал Барбу, командовавший там, сосредоточил свои силы в Гамельне.

2 ноября 1805 года король Швеции прибыл в Штральзунд. Я немедленно уведомил наше правительство, что это обстоятельство, вероятно, придаст новый поворот операциям объединенной армии, поскольку до сих пор неопределенность ее передвижений и последовательные контрзаказы не давали возможности разработать какой-либо определенный план. Намерение, по-видимому, состояло в том, чтобы все шведско-русские войска переправились через Эльбу в одном и том же месте, а именно в Лауэнбурге, в шести милях от Гамбурга.

5 ноября на южном берегу Эльбы не было ни одного русского.

Первая колонна великой русской армии прошла через Варшаву 1 ноября, а 2 ноября ожидался великий князь Константин с гвардией. Эта колонна, насчитывавшая 6000 человек, была первой, прошедшей через прусскую Польшу.

В это время мы ожидали увидеть ганноверскую армию, высадившуюся на берегах Везера или Эльбы, дополненную несколькими тысячами англичан. В их планы, очевидно, входило либо напасть на Голландию, либо попытаться провести какую-то операцию в тылу нашей Великой армии.

Французское правительство очень хотело получить точные отчеты о марше шведско-русских войск через Ганновер и о русской армии через Польшу. Мои агенты в Варшаве и Штральзунде, которые были чрезвычайно активны и умны, позволили мне разослать бюллетень с описанием состояния Ганновера, передвижений русских и шведов вместе с информацией о прибытии английских войск на Эльбу и отчетом о силах объединенной армии в Ганновере, которая состояла из 15 000 русских, 8000 шведов и 12 000 англичан; всего 35 000 человек.

Вероятно, именно из-за этого бюллетеня Наполеон выразил Дюроку свое удовлетворение моими услугами. Император, отозвав Дюрока из Берлина, не проявил ни малейших опасений в отношении Пруссии. Дюрок написал мне следующее письмо по случаю своего отъезда:

МОЙ ДОРОГОЙ БУРЬЕН, император, посчитав мои услуги необходимыми для армии, отозвал меня. Вчера у меня была прощальная аудиенция короля и королевы, которые отнеслись ко мне очень любезно. Его Величество подарил мне свой портрет, украшенный бриллиантами. Император Александр, вероятно, отбудет завтра, а эрцгерцог Антоний вэри - в ближайшее время. Мы можем только надеяться, что их присутствие здесь будет способствовать хорошему взаимопониманию.

(Подпись) ДЮРОК.

Всякий раз, когда иностранные армии выступали против Франции, надежды эмигрантов возрождались. Они ошибочно воображали, что силы, объединившиеся против Наполеона, трудятся на их благо; и многие из них вступили в русскую и австрийскую армии. В их числе был генерал Дюмурье. Я получил сведения, что он высадился в Штаде 21 ноября; но куда он намеревался проследовать, было неизвестно. Человек по имени Сен-Мартен, жена которого жила с Дюмурье и который сопровождал генерала из Англии в Штаде, приехал в Гамбург, где он соблюдал большие меры предосторожности, чтобы скрыться, и купил две кареты, которые были немедленно отправлены в Штаде. Святой Мартин сам немедленно направился к последнему месту. Меня обвинили в том, что я не арестовал этого человека; но у него было поручение, подтверждающее, что он состоял на английской службе, и, как я уже упоминал ранее, иностранное поручение было гарантией; и единственной, которую нельзя было нарушать в Гамбурге.

В декабре 1805 года вербовка англичан в Ганновере продолжалась без перерыва и проходила с необычайным успехом. Иногда за день набирали сотню человек. Нищета, царившая в Германии, разоренной войной, ненависть к французам и предложенная высокая награда позволили англичанам нанять столько людей, сколько они пожелали.

Король Швеции, размышляя о том переполохе, который он должен произвести в Ганновере, прихватил с собой походную типографию для издания бюллетеней великой шведской армии. Первый из этих бюллетеней возвестил Европе, что его шведское величество собирается покинуть Штральзунд; и что его армия займет свои позиции частично между Нельсеном и Харбургом, а частично между Домицем и границами Гамбурга.

Среди анекдотов Наполеона, связанных с этой кампанией, я нахожу в своих записях следующий, который рассказал мне Рапп. За несколько дней до своего въезда в Вену Наполеон, ехавший верхом по дороге, одетый в свою обычную форму гвардейских егерей, встретил открытую карету, в которой сидели дама и священник. Дама была в слезах, и Наполеон не смог удержаться, чтобы не остановиться и не спросить ее, в чем причина ее горя. "Господин, - ответила она, поскольку не знала императора, - мое поместье, в двух лье отсюда, было разграблено отрядом солдат, которые убили моего садовника. Я отправляюсь к вашему императору, который знает мою семью, которой он когда-то был очень обязан". — "Как вас зовут?" — спросил Наполеон. - "Де Банни", - ответила дама. "Я дочь господина де Марбефа, бывшего губернатора Корсики". — "Мадам, - воскликнул Наполеон, - я император. Я рад возможности услужить вам". — "Вы не можете себе представить, - продолжал Рапп, - какое внимание император оказывал мадам де Банни. Он утешал ее, жалел, почти извинялся за постигшее ее несчастье. - Не будете ли вы так добры, мадам, - сказал он, - пойти и подождать меня в моей штаб-квартире? Я скоро присоединюсь к вам; каждый член семьи меье де Марбефа имеет право на мое уважение. Император немедленно выделил ей пикет из егерей своей гвардии для сопровождения. Он снова увидел ее днем, когда осыпал вниманием и щедро возместил ей понесенные убытки".

В течение некоторого времени, предшествовавшего битве при Аустерлице, различные армейские корпуса пересекали все части Германии и Италии, и все они стремились к Вене как центральному пункту. В начале ноября корпус под командованием маршала Бернадотта прибыл в Зальцбург в тот момент, когда император передвинул свою штаб-квартиру в Браунау, где имелись многочисленные артиллерийские склады и огромное количество всякого рода провизии. Соединение корпуса под командованием Бернадотта в Ганновере с Великой армией было пунктом такой высокой важности, что Бонапарт приказал маршалу прибыть к нему как можно скорее и выбрать кратчайший путь. Этот приказ обязывал Бернадотта пройти через территорию двух маркграфств.

В то время у нас был мир с Неаполем. В сентябре император заключил с Фердинандом IV. договор о нейтралитете. Этот договор позволил Карре Сен-Сиру, оккупировавшему Неаполь, покинуть этот город и присоединиться к Массене в Верхней Италии; оба достигли Великой армии 28 ноября. Но как только войска под командованием Карра Сен-Сира покинули неаполитанскую территорию, король Неаполя под влиянием своих министров и, прежде всего, королевы Каролины нарушил договор о нейтралитете, отдал приказ о враждебных приготовлениях против Франции, открыл свои порты для врагов императора и принял в свои владения 12 000 русских и 8000 англичан. Именно после получения этого известия Бонапарт в одном из своих самых яростных бюллетеней назвал королеву Неаполя второй Фредегондой. Победа при Аустерлице оказала мощную поддержку его угрозам, падение Неаполя было предрешено, и вскоре после этого его брат Иосиф воссел на неаполитанский трон.

Наконец наступил великий день, когда, по выражению Наполеона, взошло Солнце Аустерлица. Все наши силы были сосредоточены в одном пункте, примерно в 40 лье от Вены. Не осталось ничего, кроме остатков австрийской армии, корпус принца Карла благодаря научным маневрам удерживался на расстоянии от линии боевых действий; но одни русские превосходили нас численностью, и их армия почти полностью состояла из свежих войск. В стане врага царила самая невероятная иллюзия. На севере Европы есть свои гасконцы, так же как и на юге Франции, и младшая часть русской армии в этот период приняла абсурдно хвастливый тон. Накануне сражения император Александр послал одного из своих адъютантов, князя Долгорукого, в качестве флага перемирия к Наполеону. Принц не мог подавить свою самодостаточность даже в присутствии императора, и Рапп сообщил мне, что, увольняя его, император сказал: "Если бы вы были на "высотах Монмартра", я ответил бы на такую дерзость только пушечными ядрами". Это наблюдение было весьма примечательным, поскольку последующие события превратили его в пророчество.

Что касается самого сражения, я могу описать его почти так же хорошо, как если бы я был свидетелем его в течение некоторого времени после того, как я имел удовольствие видеть моего друга Раппа, которого послали с миссией в Пруссию. Он рассказал мне следующее:

"Когда мы прибыли под Аустерлиц, русские не знали о научных планах, которые император разработал для проведения их на отмеченной им местности; и, видя, что наши передовые отряды отступают перед их войсками, они уже считали себя победителями. Они полагали, что только их гвардия обеспечит легкую победу. Но бой начался, и они столкнулись с энергичным сопротивлением на всех направлениях. В час дня победа была еще неопределенной, поскольку они сражались превосходно. Они хотели сделать последнее усилие, направив сомкнутые массы против нашего центра. Их императорская гвардия развернулась; их артиллерия, кавалерия и пехота прошли маршем по мосту, который они атаковали, и это движение, которое было скрыто подъемом и опусканием почвы, не было замечено Наполеоном. В тот момент я находился рядом с императором, ожидая его приказов. Мы слышали организованную ружейную пальбу. Русские отбивали атаку одной из наших бригад. Император приказал мне взять несколько мамелюков, два эскадрона егерей и один эскадрон гвардейских гренадер и отправиться на разведку положения вещей. Я пустился во весь опор и вскоре обнаружил катастрофу. Русская кавалерия ворвалась в наши ряды и рубила наших людей саблями. Я заметил вдалеке несколько скоплений кавалерии и пехоты, которые составляли резерв русских. В этот момент противник двинулся нам навстречу, приведя с собой четыре артиллерийских орудия, и выстроился в боевой порядок. Слева от меня был храбрый Морланд, а справа - генерал Д'Алемань. - Вперед, ребята! - крикнул я своему отряду. "Смотрите, как режут на куски ваших братьев и друзей. Отомстите за них! Отомстите за наш флаг!

Вперед!" Эти несколько слов воодушевили моих людей. Мы продвигались так быстро, как только могли нести наши лошади, к артиллерии, которая была захвачена. Кавалерия противника, которая твердо ожидала нас, была отбита таким же ударом и в беспорядке бежала, галопируя, как и мы, по развалинам наших каре. Русские сплотились, но эскадрон конных гренадер подошел ко мне на подкрепление и, таким образом, позволил мне удержаться против резервов русской гвардии. Мы снова атаковали, и эта атака была ужасной. Храбрый Морланд был убит рядом со мной. Это была настоящая бойня. Нам противостояли один на один, и мы были настолько смешаны друг с другом, что пехота ни той, ни другой стороны не могла отважиться открыть огонь из страха убить своих людей. Наконец бесстрашие наших войск преодолело все препятствия, и русские в беспорядке бежали на виду у двух императоров России и Австрии, которые расположились на возвышенности, чтобы наблюдать за битвой. Они увидели отчаянного человека, - сказал Рапп, - и я надеюсь, что они остались довольны. Что касается меня, мой дорогой друг, я никогда не проводил такого великолепного дня. Какой прием оказал мне император, когда я вернулся, чтобы сообщить ему, что мы выиграли битву! Мой меч был сломан, а рана, которую я получил на голове, обильно кровоточила, так что я был весь в крови! Он произвел меня в дивизионные генералы. Русские не возобновили атаку; мы захватили все их пушки и обоз, и князь Репнин был среди пленных".

Таким образом, Рапп рассказал мне об этой знаменитой битве, героем которой он был, как Келлерман был героем Маренго. Что теперь осталось от Аустерлица? Воспоминание, слава и великолепная картина Жерара, идея которой была подсказана императору видом Раппа с кровью, текущей из его раны.

Я не могу удержаться от того, чтобы привести здесь несколько подробностей, которые я узнал от Раппа относительно его миссии после излечения от раны; и женитьбы принца Евгения на принцессе Августе Баварской. Дружба, которой Рапп дорожил по отношению ко мне, была самой искренней. Во время моей опалы он не скрывал этого даже от Наполеона; и тот, кто хоть что-нибудь знает об императорском дворе, признает, что это было большим проявлением мужества, чем взятие редута или самая блестящая атака кавалерии. Рапп обладал всевозможным мужеством, превосходным сердцем и откровенностью, которые на какое-то время привели его в немилость у Наполеона. Единственное, в чем можно было упрекнуть Раппа, - это в его крайнем предубеждении против дворянства, которое, я убежден, было единственной причиной, по которой он не был произведен в герцоги. Император произвел его в графы, потому что хотел, чтобы все его адъютанты имели титулы.

"Он пробыл в Шенбрунне две недели, - сказал мне Рапп, - и я еще не приступил к своим обязанностям, когда император послал за мной. Он спросил меня, смогу ли я поехать, и, когда я ответил утвердительно, он сказал: "Тогда поезжай и расскажи Мармону об Аустерлицкой битве и досадуй на него за то, что он не присутствовал при этом". Я отправился в путь и в соответствии с инструкциями, полученными от императора, направился в Грац, где нашел Мармона, который действительно был глубоко огорчен тем, что не участвовал в великой битве. Я сказал ему, как велел мне император, что переговоры начаты, но еще ничего не решено, и что поэтому, во всяком случае, он должен держать себя в готовности. Я выяснил положение его армии в Штирии и численность вражеских сил перед ним: Император пожелал, чтобы он послал в Венгрию несколько шпионов и передал ему подробный отчет об их связях. Затем я проследовал в Лайбах, где нашел Массену во главе восьмого корпуса, и я сообщил ему, что император желает, чтобы он со всей поспешностью выступил на Вену на случай, если он услышит о разрыве переговоров. Я продолжал следовать намеченным для меня маршрутом, пока не достиг Венеции, а оттуда пока

не встретил войска Карра Сен-Сира, которые получили приказ выступить обратно на Неаполь, как только император узнает о предательстве неаполитанского короля и высадке англичан и русских. Выполнив эти различные поручения, я проследовал в Клагенфурт, где встретился с маршалом Неем, а затем воссоединился с императором в Мюнхене. Там я имел удовольствие застать в сборе наших друзей, и среди них Джозефину, все такую же приветливую и любезничающую, как всегда. Как я обрадовался, когда по прибытии узнал, что император усыновил Евгения. Я присутствовал на его свадьбе с принцессой Августой Баварской. Что касается меня, вы знаете, я не очень люблю празднества, и император мог бы обойтись без моего исполнения обязанностей камергера; Эжен понятия не имел, что происходит, когда император послал просить его прибыть в Мюнхен как можно скорее. Он тоже остается неизменным; он по-прежнему наш старый товарищ. Сначала ему не очень понравилась идея политического брака, но когда он увидел свою невесту, то был совершенно очарован; и неудивительно, потому что, уверяю вас, она очень очаровательная женщина".

ГЛАВА IV.

1805.

Обесценивание банковских бумаг—Уввар—Его большая осмотрительность— Мнение Бонапарта о богачах—Тюремное заключение Уввара—Его партнерство с королем Испании—Его связь с Валенбергом и Депре—Возвращение Бонапарта в Париж после венской кампании—Поспешное увольнение месье Барбе Марбуа.

В тот момент, когда у императора появились основания надеяться, что известие о его экстраординарном успехе поднимет общественный дух, ему сообщили, что в Обществе преобладает значительное беспокойство и что на Банк Франции обрушились требования об оплате его бумаг, стоимость которых упала более чем на 5 процентов. Я не был в неведении о причине этого упадка. Из коммерческой переписки между Гамбургом и Парижем я был ознакомлен с крупной финансовой операцией, запланированной г-ном Увваром, в результате которой он должен был получить пиастры из Испанской Америки по цене, намного ниже реальной стоимости; и я узнал, что он был обязан поддерживать это предприятие за счет средств, которые он и его партнеры ранее употребили на снабжение войск продовольствием. Следовательно, для этой услуги было необходимо новое вложение капитала, которое в больших масштабах требовало значительных авансов, а запоздалые выплаты Казначейства в тот период были хорошо известны.

Я был хорошо знаком с господином Увваром, и не думаю, что в том, что я собираюсь сказать, можно найти что-то оскорбительное или неприятное для него. Я ознакомился с большей

частью фактов, на которые я буду ссылаться в их происхождении, а об остальном я узнал от самого г-на Уврара, который, посетив Гамбург в 1808 году, сообщил мне множество подробностей, касающихся его грандиозной сделки с королем Испании. Среди прочего, я помню, он сказал мне, что до 18 Брюмера у него было 60 000 000 долларов, и он никому не был должен ни франка.

Этот знаменитый финансист был объектом пристального общественного внимания. Невероятные колебания состояния, которые он испытал, активность его жизни, огромные коммерческие операции, в которые он был вовлечен; масштабы и смелость его предприятий делают необходимым при составлении суждения о господине Увраре проанализировать его поведение с должной осторожностью и обдуманностью. Сын торговца канцелярскими принадлежностями, который смог только благодаря своим собственным возможностям сыграть столь замечательную роль, не мог быть обычным человеком. О месяе Увраре можно сказать то же, что Бомарше говорил о себе: его жизнь была настоящим сражением. Я знаю его давно, и я многое видел в его отношениях с Жозефиной. Мне всегда казалось, что он обладает большим знанием мира в сочетании с благородными принципами и высокой степенью великодушия, что значительно повышало ценность его благоразумия и осмотрительности. Никакая человеческая сила, никакое соображение, даже неблагодарность тех, кому он был обязан, не могли заставить его раскрыть какую-либо жертву, на которую он пошел в то время, когда при Директории государственные доходы, можно сказать, всегда были в распоряжении того, кто предлагал самую высокую цену, и когда никакое дело не могло быть доведено до конца, кроме как тем, кто взялся за него с полными руками денег. К этой уверенности, с которой г-н Уввар производил впечатление на всех официальных лиц, оказывавших ему услуги, я отношу легкость, с которой он добивался руководства многочисленными предприятиями, в которых он участвовал, и которая произвела так много перемен в его судьбе. Осмотрительность господина Уврара была не совсем по душе Первому консулу, который считал невозможным вытянуть из него нужную ему информацию. Он перепробовал все способы, чтобы получить от него имена людей, которым тот давал субсидии такого рода, которые на вульгарном языке называются "сосисками на сковороде", а также дамскими булавами. Я часто видел, как Бонапарт прибегал ко всем возможным ухищрениям, чтобы добиться своей цели. Иногда он пытался встревожить г-на Уврара угрозами, а иногда льстить ему обещаниями, но ни в одном случае ему это не удавалось.

Когда мы были в Люксембурге, насколько я помню, 25 января 1800 года, Бонапарт сказал мне за завтраком: "Буррьен, мое решение принято. Я прикажу арестовать Уврара". — "Генерал, у вас есть доказательства против него?" — "Действительно, доказательства! Он торговец деньгами, монополист; мы должны заставить его извергнуть их. Все подрядчики, агенты по снабжению - мошенники. Как они сколотили свое состояние? За счет страны, разумеется. Я не потерплю подобных действий. У них миллионы, они купаются в наглой роскоши, в то время как у моих солдат нет ни хлеба, ни обуви! Я больше этого не потерплю! Я намерен сегодня выступить по делу в Совете, и мы посмотрим, что можно сделать".

Я с нетерпением ждал его возвращения с Совета, чтобы узнать, что произошло. - Ну что, генерал? - сказал я. - Приказ отдан. Услышав это, я забеспокоился о судьбе господина Уврара, с которым, таким образом, следовало обращаться скорее как с подданным Великой Турции, чем как с гражданином Республики; но вскоре я узнал, что приказ не был выполнен, потому что его не смогли найти.

На следующий день я узнал, что человек, которого я не буду называть, присутствовавший на Совете и, вероятно, имевший обязательства перед Увраром, написал ему записку

карандашом, чтобы проинформировать его о голосовании за его арест, проведенном Первым консулом. Этот человек вышел на минутку и отправил своего слугу с запиской к Увару. Избежав таким образом судебного приказа об аресте, Увар по прошествии нескольких дней снова появился и сдался в плен. Бонапарт сначала пришел в ярость, узнав, что он убрался с дороги; но, услышав, что Увар сдался, он сказал мне: "Дурак! он не знает, что его ожидает! Он хочет заставить общественность поверить, что ему нечего бояться; что его руки чисты. Но он играет в плохую игру; он ничего не выиграет таким образом со мной. Все разговоры - чепуха. Вы можете быть уверены, Бурьен, что когда у человека так много денег, он не мог получить их честно, и тогда все эти люди опасны со своим состоянием. Во времена революции ни у кого не должно быть больше 3 000 000 франков, а это уже слишком много".

Прежде чем отправиться в тюрьму, Увар позаботился о том, чтобы полиция не проводила никаких обысков в его бумагах, которые могли выдать лиц, с которыми он имел дело; и я полагаю, что были люди, связанные с самой полицией, у которых были веские причины не сожалеть о возможности, которой воспользовался господин Увар для осуществления этой меры предосторожности. Печати, однако, были наложены на его бумаги; но при их изучении не было найдено ни одной информации, которую Бонапарт так желал получить. Тем не менее в одном пункте его любопытство было удовлетворено, поскольку, просмотрев документы, он обнаружил в некоторых из них, что мадам Бонапарт занимала деньги у Увара.

Поскольку у Увара было много друзей, они приложили все усилия, чтобы заставить какого-нибудь влиятельного человека выступить перед Первым консулом в его пользу. Но это было поручение, за которое никто не хотел браться, потому что, каким бы предвзятым ни был Бонапарт, малейший намек на подобное показался бы ему продиктованным частными интересами. Бертье очень настойчиво уговаривали вмешаться, но он ответил: "Это невозможно. Он бы сказал, что добывать деньги для мадам Висконти было тайной работой."

Я не помню, каким обстоятельствам Увар был обязан своим освобождением, но точно известно, что его плен длился недолго. Через некоторое время после того, как он вышел из тюрьмы, Бонапарт попросил у него 12 000 000 долларов, на что г-н Увар ответил отказом.

Вступив в консульство, Бонапарт нашел г-на Увара подрядчиком по снабжению испанского флота под командованием адмирала Массаредо. Этот бизнес познакомил его с перепиской со знаменитым Годоем, принцем Мира. Контракт длился три года, и г-н Увар получил по нему чистую прибыль в размере 15 000 000 долларов. Деньги выплачивались в пиастрах по 3 франка и несколько сантимов каждый, хотя на самом деле пиастр стоил 5 франков 40 сантимов. Но чтобы вернуть его по такой стоимости, мсье Увару было необходимо поехать за деньгами в Мексику. Он был очень склонен это сделать, но предчувствовал какое-то препятствие со стороны Первого консула и, несмотря на свою обычную проницательность, стал жертвой своей чрезмерной предосторожности. По своему заявлению г-н де Талейран обязался обратиться к Первому консулу за разрешением выдать ему паспорт. Я был в то время в кабинете министров, и мне кажется, что я до сих пор слышу сухое и решительное "Нет", и это был единственный ответ, полученный мсье де Талейраном. Когда мы остались одни, Первый консул сказал мне: "Разве ты не видишь, Бурьен, что этот Увар, должно быть, хорошо провернул свое дело с принцем Мира? Но дурак! Почему он заставил Талейрана попросить у меня паспорт? Именно это вызвало у меня подозрение. Почему он не обратился за паспортом, как это делают все остальные? Могу ли я их отдать? Он осел; тем хуже для него."

Я был огорчен разочарованием Увара, и, признаюсь, тем не менее, потому что он намекнул на свою готовность предоставить мне долю в бизнесе, который он собирался вести в Испании; и который, вероятно, был очень прибыльным. Его брат уехал в Мексику вместо него.

В 1802 году Францию охватил ужасный дефицит. Г-н Увар взял на себя, совместно с Ванлербергом, задачу импорта иностранного зерна, чтобы предотвратить неприятности, которых в противном случае можно было бы ожидать. В уплату за зерно иностранные дома, которые его прислали, привлекли у Увара и Ванлерберга 26 000 000 франков казначейскими векселями, которые, согласно соглашению с правительством, должны были быть оплачены. Но когда наступил срок оплаты счетов иностранных домов, в Казне не оказалось денег, и в оплате было отказано. По истечении шести месяцев была предложена оплата, но при условии, что правительство сохранит половину прибыли комиссии! На это Увар и Ванлерберг отказались, на что Казначейство сочло наиболее экономичным ничего не платить, и долг остался неурегулированным. Несмотря на эту сделку, Увар и Ванлерберг закупили продовольствие для военно-морского флота, которое они поставляли в течение шести лет и трех месяцев. После завершения этих различных услуг задолженность по ним составила 68 000 000 долларов.

Вследствие длительной задержки платежей Казначейством расходы на поставки зерна составили по меньшей мере более 40 000 000; и возникшие трудности серьезно повлияли на кредит основных торговцев перед теми лицами, которые их поставляли. Дискредитация распространялась и постепенно достигла Казначейства, затруднения которого усугублялись всеобщей тревогой. Увар, Ванлерберг и Сеген были лицами, чей капитал и кредит делали их наиболее способными пополнить казну, и они согласились предоставить аванс для этой цели в размере 102 000 000, в обмен на что им были предоставлены облигации Генерального распорядителя на сумму 150 000 000. М. Депре взялся быть посредником, через которого 102 000 000 должны были быть выплачены в Казну, и три партнера передали ему полосы.

Испания заключила договор с Францией, по которому она была обязана выплатить субсидию в размере 72 000 000 франков, и 32 000 000 франков должны были быть выплачены без каких-либо выплат: считалось целесообразным отправить Увара в Мадрид для получения урегулирования, но он боялся, что его бизнес в Париже пострадает во время его отсутствия, и особенно сделка, в которой он участвовал с Депре. Казначейство удовлетворило его по этому пункту, согласившись одобрить сделку с Депре, и Увард отправился в Мадрид. Именно по этому случаю он ввязался в грандиозные спекуляции по поводу торговли с Испанской Америкой.

Испания хотела как можно скорее выплатить причитающиеся Франции 32 000 000 долларов, но ее казна была пуста, а добрая воля не гарантирует платежеспособности; кроме того, в дополнение к бедствиям правительства, в Испании был ужасный голод. При таком положении вещей Увар предложил испанскому правительству выплатить долг Франции, импортировать запас кукурузы и выделить аванс для пополнения испанской казны. Для этого ему потребовались два условия. (1.) Искключительное право на торговлю с Америкой. (2.) Право ввозить из Америки за свой счет все наличные деньги, принадлежащие короне, с правом предоставления займов, гарантированных и подлежащих выплате испанским казначейством.

Примерно в конце июля 1805 года затруднительное положение, которое незадолго до этого начало ощущаться в финансах Европы, тревожно усилилось. При таких обстоятельствах Увар, очевидно, был заинтересован в том, чтобы как можно скорее обеспечить выплату французскому казначейству 32 000 000 долларов, которые он авансировал для Испании.

Поэтому он удвоил свои усилия, чтобы привести переговоры к благоприятному исходу, и, наконец, ему удалось заключить договор о партнерстве между ним и Карлом IV. в котором содержалось следующее условие: "Уввар и Компания уполномочены ввозить в порты Нового Света все виды товаров и продукции, необходимые для потребления в этих странах, и экспортировать из испанских колоний во время продолжения войны с Англией; все продукты и все деньги, получаемые от них". Этот договор должен был действовать только во время войны с Англией, и в нем оговаривалось, что прибыль, получаемая от сделок Компании, должна быть поровну разделена между Карлом IV. и остальная Компания, то есть половина принадлежит королю, а другая половина - его партнерам.

О последствиях этого экстраординарного партнерства между королем и частным лицом еще предстоит сказать. При подписании договора Уввар получил из мадридского казначейства векселя на сумму 52 500 000 пиастров, что составило 262 500 000 франков; но пиастры должны были быть доставлены из Америки, в то время как условия договора требовали немедленного удовлетворения неотложных потребностей испанского правительства и, прежде всего, сдерживания распространения голода. Для достижения этой цели были необходимы новые авансы в огромных размерах, поскольку г-ну Уввару пришлось начать с поставки 2 000 000 центнеров зерна по цене 26 франков за квинтал. Помимо всего этого, прежде чем он смог получить прибыль и получить возмещение за авансы, которые он внес в казну Парижа, он должен был перевезти пиастры из Америки в Европу. После некоторых трудностей английское правительство согласилось облегчить выполнение сделки, предоставив четыре фрегата для перевозки пиастров.

Едва Уввар завершил изложение плана своего экстраординарного предприятия, как император внезапно свернул свой лагерь в Булони, чтобы выступить в Германию. Легко понять, что интересы Уварара тогда настоятельно требовали его присутствия в Мадриде; но министр финансов отозвал его в Париж, пожелавший привести в порядок его счета. Императору нужны были деньги для войны, в которую он вступал, и, чтобы раздобыть их для Казны, Уввар был отправлен в Амстердам для переговоров с Домом Надежды. Ему это удалось, и мистер Дэвид Пэриш стал агентом Компании.

Завершив это дело, Уввар со всей поспешностью вернулся в Мадрид; но в разгар самых лестных надежд и самых грандиозных предприятий он внезапно обнаружил, что ему угрожает ужасный кризис. Г-ну Депре, как уже говорилось, с согласия Казначейства было позволено взять на себя весь риск исполнения договора, по которому 150 000 000 должны были быть предоставлены авансом на 1804 год и 400 000 000 на 1805 год. При возникших обстоятельствах министр финансов счел себя вправе обратиться к Уввару с просьбой предоставить в его распоряжение 10 000 000 пиастров, которые он получил из Испании. Министр в то же время сообщил ему, что он принял меры в расчете на этот аванс, от которого, по его мнению, нельзя отказаться в столь срочный момент.

Затруднительное положение казначейства и хорошо известная честность министра, г-на де Барбе Марбуа, побудили Уварара перевести 10 000 000 пиастров. Но через несколько дней после того, как он перевел деньги, в Мадрид прибыл комиссар Казначейства с министерской депешей, в которой Увару предлагалось передать Комиссару все имущество, которым он мог распоряжаться, и немедленно вернуться в Париж.

Казначейство находилось тогда в величайшем затруднении, и царила всеобщая тревога. Это серьезное финансовое затруднение было вызвано следующими обстоятельствами. Казначейство циркуляром уведомило Генеральных распорядителей о том, что Депре является держателем их облигаций. Они также были уполномочены передавать ему все свои

свободные средства, которые должны были быть переведены на их счет в текущем банке. Возможно, предоставление таких полномочий было большой ошибкой; но, как бы то ни было, Депре, ободренный покладистостью Казначейства, пожелал, чтобы генеральный распорядитель передавал ему все суммы, которые они могли получить, для выплаты процентов ниже 8%, обещая предоставить им более высокую процентную ставку. Поскольку кредит дома Депре был высок, нетрудно представить, что при таких условиях главные распорядители, которые к тому же были обеспечены авторитетом Казначейства, охотно согласились бы на предложенный план. Короче говоря, Генеральный получатель вскоре передал очень значительные суммы. Сундуки с деньгами ежедневно прибывали со всех концов Франции. Опьяненный этим успехом, Депре занялся спекуляциями, которые в его ситуации были крайне неосмотрительными. Он одолжил более 50 000 000 парижским купцам, что не оставило ему возможности распоряжаться деньгами. Будучи обязанным собрать деньги, он депонировал в Банке облигации Генерального распорядителя, которые были переданы ему, но которые уже были погашены суммами, переведенными на их кредит на текущем счете. Банк, желая получить возмещение за деньги, авансированные Депре, обратился к Генеральному распорядителю, облигации которого были предоставлены в качестве обеспечения. Эта процедура стала необходимой со стороны Банка, поскольку Депре, вместо того чтобы производить платежи наличными, отправлял свои акцепты. Директора Банка, которые вели это дело с большой честностью и осмотрительностью, начали беспокоиться и потребовали, чтобы Депре объяснил состояние своих дел. Подозрения Режиссеров с каждым днем становились все сильнее, и вскоре их разделила общественность. Наконец Банк был вынужден прекратить платежи, и вскоре его банкноты обесценились на 12%.

Министр финансов, встревоженный, как можно предположить, таким положением вещей во время отсутствия императора, созвал Совет, на котором председательствовал Жозеф Бонапарт и на который были вызваны Депре и Ванлерберг. Уврар, узнав об этом финансовом кризисе, как можно скорее покинул Мадрид и по прибытии в Париж обратился за помощью к Амстердаму. Дом Хоуп предложил взять 15 000 000 пиастров из расчета 3 франка 75 сантимов каждый. Уврар, обязавшийся выплатить испанскому правительству всего 3 франка, очень охотно расстался бы с ними по такой ставке, но его поспешный отъезд из Мадрида и финансовые события в Париже повлияли на его отношения с испанским казначейством и сделали невозможным для него какую-либо поддержку казначейству Франции; таким образом, тревога продолжалась до тех пор, пока известие о битве при Аустерлице и вытекающая из этого надежда на мир не успокоили общественное мнение. Банкротство Депре было ужасным; за ним последовал крах многих домов, в кредитоспособности которых ранее не сомневались.

Чтобы умерить ликование, которое должна была вызвать победа, известие об отчаянном положении Казначейства и Банка дошло до императора на следующий день после битвы при Аустерлице. Тревожные известия, которые он получил, ускорили его возвращение во Францию; и в тот же вечер, когда он прибыл в Париж, он объявил, поднимаясь по лестнице Тюильри, об увольнении г-на де Барб Марбуа. Этот министр нажил себе множество врагов строгим исполнением своего долга, и все же, несмотря на свою суровую честность, он попал под обвинение в том, что поставил под угрозу безопасность государства из-за слабости характера. В то время даже мадам де Сталь сказала на вечеринке, где твердость месье Барбуа Марбуа была темой разговоров— "Что, он непреклонный? Он всего лишь тростинка, покрытая бронзой!" Но какого бы мнения ни придерживались о характере этого министра, несомненно, что гнев Наполеона против него был безграничен. Такова была финансовая катастрофа, случившаяся во время Венской кампании; но с Увраром еще не все было

кончено, и в такой большой неразберихе дел нельзя было ожидать, что императорская рука, которая не всегда была рукой правосудия, не даст о себе знать.

В течение февраля 1806 года император издал два указа, в которых он объявил Уврара, Ванлерберга и Мишеля, подрядчиков на службу 1804 года, и Депре, их агента, должниками на сумму 87 000 000 долларов, которые они неправильно использовали в частных спекуляциях и в сделках с Испанией "в своих личных интересах". Кто бы из этой фразы не предположил, что Наполеон не принимал никакого участия в крупной финансовой операции между Испанией и Южной Америкой? Однако он был близко знаком с ней и сам был по-настоящему и лично заинтересован. Но всякий раз, когда какое-либо предприятие оказывалось неудачным, он всегда желал отрицать всякую связь с ним. Обладая собственноручно составленными документами о праве собственности, то есть своими собственными указами, император конфисковал все пиастры и другое имущество, принадлежавшее Компании, и извлек из этой сделки огромную денежную выгоду, хотя такая выгода никогда не могла рассматриваться сувереном как компенсация за ужасное состояние, в которое был доведен государственный кредит.

ГЛАВА V

1805-1806.

Декларация Людовика XVIII.—Дюмуре смотрел—Новости о шпионе—Замечательная черта храбрости и присутствия духа—Необходимость бдительности в Гамбурге—Король Швеции—Его бюллетени—Доктор Галль —Пруссия жаждет Гамбурга—Проекты в отношении Голландии—Переговоры о мире—Мистер Фокс во главе британского кабинета министров—Планируемое убийство Наполеона—Предложения, сделанные через лорда Ярмута —Предлагаемая защита ганзейских городов—Их государственное устройство—Возвышение императорской семьи—Ни мира, ни войны—Миссия Себастьяни в Константинополь—Лорд Лодердейл в Париже и провал переговоров—Разграбление Австрии—Пенсии эмигрантам—Интриги Дюмуре—Принц Мекленбург-Шверинский—Луазо.

Я был несколько рассеян в отношении обширных предприятий г-на Уврара и катастрофического состояния финансов во время венской кампании. Теперь, если мне будет позволено так выразиться, я вернусь в кабинет полномочного министра, где произошло несколько любопытных событий. Факты не всегда будут приводиться в связном ряду, потому что между отчетами, которые я получал по самым разным предметам, было не больше связи, чем между заявлениями адвокатов, сменяющих друг друга в суде.

2 января 1806 года я узнал, что многие дома в Гамбурге получили по почте пакеты, в каждом из которых было по четыре копии декларации Людовика XVIII. Дюмуре набил свой вагон копиями этой декларации, когда проезжал через Брауншвейг; и только в этом маленьком

городке было распространено более 3000 экземпляров. Размер этого заявления облегчил его отправку по почте даже во Франции.

Во всех моих письмах министр рекомендовал мне строго следить за действиями Дюмуре; но теперь его имя упоминалось так редко, как будто он перестал существовать. Роль, которую он играл, казалось, ограничивалась распространением более или менее незначительных брошюр.

Трудно представить, какое огромное мужество и присутствие духа иногда обнаруживается у людей столь униженных, какими являются негодяи, занимающие должность шпионов. У меня был агент среди шведо-русских по имени Шефне, которого я всегда находил чрезвычайно умным и корректным. Долгое время не получая от него никаких известий, я очень встревожился — и тревога эта была небезосновательной. На самом деле он был арестован в Лауэнбурге и несколько казаков доставили его, связанного по рукам и ногам, в Люнебург. При нем был найден бюллетень, который он собирался передать мне, и он избежал неминуемой смерти только благодаря тому, что у него было рекомендательное письмо от гамбургского купца, хорошо знакомого М. Алопеус, русский священник в этом городе. Эта предосторожность, которую я предпринял перед его отъездом, спасла ему жизнь. М. Алопеус ответил торговцу, что в результате его рекомендации шпион должен быть отправлен обратно целым и невредимым, но что в другой раз ни рекомендованный, ни рекомендатель не смогут так легко скрыться. Несмотря на это, Шефне, несомненно, поплатился бы головой за опасное дело, в которое ввязался, если бы не непостижимое хладнокровие, которое он проявлял в самых тяжелых обстоятельствах. Хотя бюллетень, который нашли при нем, был адресован мистеру Шрамму, коммерсанту, они сильно подозревали, что он предназначался мне. Они спросили у заключенного, знает ли он меня; на что он смело ответил, что никогда меня не видел. Они пытались всеми возможными способами добиться от него признания, но безуспешно. Его неоднократные опровержения, связанные с именем М. Шрамма, посеяли сомнения в умах допрашивавших его лиц; они колебались, не осудить ли невинного человека. Они, однако, решили предпринять последнюю попытку докопаться до истины, и Шефне, приговоренный к расстрелу, был препровожден на равнину Люнебурга. На глазах у него была повязка, и он услышал команду приготовиться ко взводу, который должен был открыть по нему огонь; в этот момент подошедший к нему человек дружески и сочувственно прошептал ему на ухо: "Они собираются стрелять; но я ваш друг; только признайте, что вы знаете господина де Буррьена и вы в безопасности". — "Нет, - ответил Шефне твердым тоном. - Если бы я сказал это, я бы солгал". С его глаз немедленно сняли повязку, и он был отпущен на свободу. Трудно привести более экстраординарный пример присутствия духа.

Как бы я ни ненавидел систему шпионажа, я, тем не менее, вынужден признать, что император был вынужден сохранять самую неослабную бдительность среди интриг, которые разворачивались в окрестностях Гамбурга, особенно когда англичане, шведы и русские были вооружены, и были самые веские основания подозревать искренность Пруссии.

5 января 1806 года король Швеции прибыл к воротам Гамбурга. Сенат этого города, окруженный со всех сторон английскими, шведскими и русскими войсками, решил послать депутацию, чтобы поздравить шведского монарха, который, однако, так долго колебался с принятием этого оммажа, что возникли опасения, как бы за его отказом не последовал какой-нибудь акт агрессии. В конце концов, однако, депутатов впустили, и они вернулись достаточно довольные оказанным им приемом.

Затем король Швеции официально заявил, "Что все договоренности, заключенные в отношении Ганновера, не имеют отношения к намеку, поскольку шведская армия находится непосредственно под командованием своего августейшего государя".

Король со своими 6000 человек, казалось, был склонен играть роль восстановителя Германии и изображать из себя дон Кихота Вестфальского мирного договора. Он пригрозил сенату Гамбурга всей тяжестью своего гнева, потому что по моему заявлению знамена, которые раньше висели над дверью дома для приема австрийских рекрутов, были сняты. Бедный сенат Гамбурга постоянно пребывал в тревоге из-за столь опасного соседа.

Штаб-квартира короля Швеции находилась в Бетценбурге, на северном берегу Эльбы. Чтобы развлечь себя, он послал за доктором Галлом, который находился в Гамбурге, где читал лекции о своей системе френологии, которая вначале была отвергнута ложной наукой и предрассудками, а затем принята на основании аргументов, на мой взгляд, неопровержимых. Я имел удовольствие прожить некоторое время с доктором Галлом, и той дружбе, которая существовала между нами, я обязан честью, которую он оказал мне, посвятив одну из своих работ. Я сказал ему, когда он отбыл в ставку короля Швеции: "Мой дорогой доктор, вы, несомненно, обнаружите удар тщеславия". Правда в том, что, если бы врачам того периода было разрешено осматривать головы европейских государей, они могли бы провести очень любопытные краниологические исследования.

Не только король Швеции вызывал беспокойство в Гамбурге; король Пруссии угрожал захватить этот город, и его министр публично заявил, что очень скоро он будет принадлежать его хозяину. Гамбургеры были глубоко огорчены этой угрозой; фактически, помимо потери своей независимости, их величайшим несчастьем было бы попасть под власть Пруссии, поскольку скупая фискальная система прусского правительства в то время оказалась бы чрезвычайно пагубной для торгового города. Ганновер, эвакуированный французскими войсками, превратился в своего рода вербовочный пункт для британской армии, где каждый представившийся мужчина был зачислен для пополнения ганноверского легиона, который тогда должен был быть сформирован. Англичане горстями рассыпали золото. Для этой службы было задействовано сто пятьдесят экипажей, каждый с шестью лошадьми, что укрепило меня в моем прежнем убеждении, что англичане должны были присоединиться к русским в экспедиции против Голландии. Целью англо-русских было совершить отвлекающий маневр, который мог бы привести в замешательство передвижения французских армий в Германии, поскольку союзники в то время не были знакомы с миром, заключенным в Пресбурге. Поэтому нельзя было терять ни минуты, чтобы объединить все имеющиеся в нашем распоряжении силы для защиты Голландии; но не об этой экспедиции я хочу сейчас говорить. Я упоминаю об этом только для того, чтобы дать некоторое представление о нашем положении в Гамбурге, окруженном, как мы тогда были, шведскими, английскими и русскими войсками. В этот период русский посланник в Гамбурге М. Форшманн окончательно сошел с ума; его поведение было скорее вредным, чем выгодным для его правительства. Его сменил месье Алопкус, русский посланник в Берлине; и они не могли бы обменять дурака на более рассудительного и способного дипломата.

Я часто получал от морского министра упомянутые пакеты писем для отправки на остров Франция (Маврикий), владение которым император чрезвычайно стремился сохранить; и у меня было много проблем с поиском каких-либо судов, подготовленных для этой колонии, с помощью которых я мог бы пересылать сообщения министра. Смерть Питта и назначение Фокса его преемником породили надежду на установление мира. Всем было известно, что мистер Фокс, заняв свой пост, не унаследовал яростной ненависти покойного министра к Франции и ее императору. Более того, между Наполеоном и мистером Фоксом существовало

взаимное уважение, и последний показал, что действительно расположен к угощению. Этот государственный деятель всегда поддерживал возможность заключения мира, когда он был в оппозиции к мистеру Питту; и самого Бонапарта могло бы побудить высокое уважение, которое он испытывал к мистеру Фоксу, пойти на уступки, от которых он раньше бы отказался. Но было два препятствия, можно сказать, почти непреодолимые. Первым было убеждение со стороны Англии в том, что любой мир, который может быть заключен, будет всего лишь перемирием и что Бонапарт никогда всерьез не откажется от своего стремления к всемирному господству. С другой стороны, считалось, что Наполеон разработал план вторжения в Англию. Если бы он был в состоянии сделать это, то сделал бы это не столько с целью нанести удар по ее торговле и уничтожить ее морскую мощь, сколько с целью уничтожить свободу печати, которую он уничтожил в своих собственных владениях. Зрелище свободного народа, разделенного всего шестью морскими льеями, было, по его словам, соблазнительным примером для французов, особенно для тех из них, кто неохотно сгибался под его игом.

В ранний период министерства мистера Фокса один француз сделал ему предложение убить императора, информация о чем была немедленно передана месье де Талейрану. В этой депеше министр сказал, что, хотя законы Англии не разрешают постоянное содержание под стражей любого лица, не осужденного за преступление, он в данном случае взял на себя ответственность обеспечить безопасность негодяя до тех пор, пока французское правительство не будет предупреждено о его попытках. Мистер Фокс сообщил в своем письме, что сначала оказал этому человеку "честь, приняв его за шпиона", и эта фраза в достаточной степени указывала на отвращение, с которым британский министр относился к нему.

Эта информация стала ключом, который открыл дверь для новых переговоров. Г-ну де Талейрану было приказано передать в ответ на сообщение г-на Фокса, что император был сильно тронут тем указанием, которое оно дало на принципы, которыми руководствовался британский кабинет. Наполеон не ограничился этой дипломатической вежливостью; он счел это благоприятным случаем создать впечатление, что им движет искренняя любовь к миру. Он вызвал в Париж лорда Ярмута, одного из самых выдающихся англичан, которые были так несправедливо взяты в плен в Вердене после разрыва Амьенского мира. Он дал его светлости инструкции предложить британскому правительству новую форму переговоров, предлагая гарантировать Англии мыс Доброй Надежды и Мальту. Некоторые из этих уступок были склонны восхвалять умеренность Бонапарта; другие обвиняли его в предложении отказаться от этих двух мест, как будто Мыс и Мальта могли соперничать с титулом императора, основанием Королевства Италия, приобретением Генуи и всех Венецианских государств, низложением неаполитанского короля и дарованием его королевства Иосифу и, наконец, новым разделом Германии. Все эти сделки, о которых Бонапарт не сказал ни слова и от которых он, конечно, не собирался отказываться, были заключены задолго до заключения Амьенского мирного договора.

Каждый день приносил с собой новые доказательства ненасытных амбиций. На самом деле Наполеон страстно желал завладеть Ганзейскими городами. Однако, в первую очередь, мне было поручено просто обратиться к сенатам каждого из этих городов и указать на преимущества, которые они получают от покровительства Наполеона в обмен на небольшую жертву в размере 6 000 000 франков в его пользу. У меня были по этому поводу многочисленные совещания с магистратами: они сочли сумму слишком большой, показав мне, что город не так богат, как раньше, потому что его торговля была сильно ограничена

войной; короче говоря, Сенат заявил, что при всей доброй воле их обстоятельства не позволят им принять "щедрое предложение" императора.

Я сам, действительно, был в недоумении, не понимая, каким образом абсурдность обращения ко мне с таким предложением была упущена из виду, поскольку на самом деле я не мог предложить ганзейским городам никаких преимуществ взамен. От кого Бонапарт предполагал их защитить? Правда в том, что тогда Наполеон хотел захватить эти города путем прямой агрессии, что, однако, ему удалось осуществить только четыре года спустя.

В течение пяти лет я был свидетелем коммерческого значения этих городов, и особенно Гамбурга. Его географическое положение на великой реке, по которой большие суда могут добраться до города, в тридцати лигах от устья Эльбы; полная независимость, которой он пользовался; муниципальные правила и отеческое правление - вот лишь некоторые из многих причин, которые подняли Гамбург на завидную высоту процветания. Каково, на самом деле, было население этих остатков великого Ганзейского союза средневековья? Население Гамбурга, когда я был там, составляло 90 000 человек, а небольшой прилегающей территории - 25 000 человек. В Бремене проживало 36 000 человек, а на его территории проживало 9000; в городе Любек, который меньше и его территория немного обширнее, чем у Бремена, проживало 24 000 душ внутри и 16 000 за стенами. Таким образом, общее население ганзейских городов составляло всего 200 000 человек; и все же эта горстка людей вела обширную торговлю, и их корабли бороздили все моря от берегов Индии до замерзших областей Гренландии.

Император прибыл в Париж в конце января 1806 года. Создав королей в Германии, он счел момент благоприятным для того, чтобы окружить свой трон новыми принцами. Именно в этот период он создал Мюрата, великого герцога Клеве и Берга; Бернадотта, принца Понте-Корво; М. де Талейрана, герцога Беневенто; и двух своих бывших коллег, Камбасереса и Лебрена, герцогов Пармы и Пьяченцы. Он также дал своей сестре Полине, вскоре после ее второго брака с принцем Боргезе, титул герцогини Гвасталлы. Странные события! кто же тогда мог предвидеть, что герцогство Камбасерес станет убежищем принцессы Австрийской, овдовевшей жены Наполеона Бонапарта? В разгар процветания императорской семьи, когда старший из братьев императора вззошел на неаполитанский трон, когда Голландия была накануне предложения ее Людовику, а Жером обменял свою законную жену на незаконный вестфальский трон, императорская подушка все еще была далека от беспокойства. На самом деле с континентальными державами не было военных действий, но этому мимолетному состоянию покоя не доставало спокойствия мира. Франция находилась в состоянии войны с Россией и Англией, и положение на Континенте представляло большую неопределенность, в то время как Венский мирный договор был выполнен лишь частично. Тем временем Наполеон обратил свой взор на Восток. Генерал Себастиани был отправлен в Константинополь. Необходимые меры, и его разумное поведение оправдали выбор императора. Он был ловок и уступчив, и мир с Турцией был результатом его миссии. Переговоры с Англией завершились не столь благополучно, хотя после первых предложений, сделанных лорду Ярмуту, граф Лодердейл был отправлен мистером Фоксом в Париж. Фактически, эти переговоры полностью провалились. Император вытянул из Австрии огромные суммы, не считая ваз, статуэток и картин. Которым он украсил Лувр, и бронза, которой он облек колонну на Вандомской площади, - на мой взгляд, самый прекрасный памятник его правления и самый красивый в Париже. Поскольку Австрия была истощена, все наложенные на нее контрибуции не могли быть выплачены наличными, и они предоставили императору векселя для оплаты. Я получил один из них примерно за 7 000 000 долларов в Гамбурге в связи с положениями Пресбургского мирного договора.

Дела принцев Бурбонов становились все более и более неблагоприятными, а их финансы, равно как и их шансы на успех, настолько уменьшились, что примерно в этот период эмигрантам в Брауншвейге было сообщено, что у претендента (Людовика XVIII) больше нет средств для продолжения выплаты им пенсий. Это вызвало большой ужас среди эмигрантов, у многих из которых не было других средств к существованию; и, несмотря на их преданность делу королевской власти, они сочли пенсию очень полезной для укрепления своего рвения.

—[При Людовике XVIII. вернувшись во Францию, где Фуше был его министром полиции, король спросил Фуше, не приставлял ли к нему во время его (короля) изгнания шпионов и кто они были. Фуше колебался с ответом, но король настоял на своем и сказал: "Если ваше величество настаивает на ответе, то это дело было доверено герцогу де Блакасу". — "И сколько вы ему заплатили?" - спросил король. "Два миллиона ливров ренты, сир". — "Ах, так! - сказал король. - Значит, он играл честно; мы проиграли наполовину".— Дневник Генри Гревилла, стр. 430.]—

Среди этих эмигрантов был человек, чье имя займет определенное место в истории; я имею в виду Дюмурье, о котором я уже говорил и который в течение некоторого времени занимался распространением брошюр. В то время он находился в Штральзунде, и считалось, что король Швеции передаст ему командование. Бродячая жизнь этого генерала, который повсюду бегал в поисках работы у врагов своей страны, не имея возможности ее получить, подвергла его всеобщему осмеянию; фактически, его повсюду презирали.

Чтобы разобраться в трудностях, возникших в связи с Голландией, которую Дюмурье мечтал завоевать с помощью воображаемой армии, и, кроме того, будучи недоволен голландцами за то, что они не стали строго пропускать английские суда из своих портов, император провозгласил батавскую территорию королевством под властью своего брата Людовика. Когда я уведомил государства круга Нижней Саксонии о восшествии Луи Бонапарта на трон Голландии и назначении кардинала Феша коадьютором и преемником эрцгерцога Германской империи, наряду с их официальными сообщениями, герцог Мекленбург-Шверинский был единственным членом круга, который воздержался от ответа, и я понял, что он обратился к Российскому двору, чтобы узнать, "следует ли" и "как" ему отвечать. В то же время он сообщил императору о браке своей дочери, принцессы Шарлотты Фредерики, с принцем Дании Кристианом Фредериком.

В тот период было трудно предвидеть, каким образом этот союз распадется. Принц был молод и красив, обладал дружелюбным нравом, что, казалось, указывало на то, что он окажется хорошим мужем. Что касается принцессы, то она была прекрасна, как сама любовь; но она была беспечной и легкомысленной; фактически, она была избалованным ребенком. Она обожала своего мужа, и в течение нескольких лет их союз был счастливым. Я имел честь быть знакомым с ними в то время, когда герцог Мекленбургский со своей семьей искал убежища в Альтоне. Перед отъездом из этого города герцогиня Мекленбургская, принцесса Саксонская, нанесла визит мадам де Бурьен и осыпала ее любезностями. Эта принцесса была безукоризненно любезна, и поэтому все сожалели о ней, когда два года спустя смерть разлучила ее с семьей. Перед отъездом из Альтоны герцог Мекленбургский устроил несколько приемов, чтобы попрощаться с Гольштейном, где его так любезно приняли; и я никогда не смогу забыть великолепный прием и множество любезностей, оказанных мадам де Бурьен и мне этой прославленной семьей.

Она состояла из наследного принца, столь отличавшегося своими талантами и приобретениями (в то время он был вдовцом великой княгини Российской, сестры императора Александра), принца Густава, столь любезного и грациозного, и принцессы Шарлотты и ее мужа, королевского принца Дании.

Эта счастливая пара была далека от того, чтобы предвидеть, что через два года они расстанутся навсегда. Принцесса была в это время во всем блеске своей красоты; в ее честь было дано несколько празднеств на берегах Эльбы, на которых принц всегда открывал бал с мадам де Буррьен. Несмотря на свою дружелюбность, принцесса Шарлотта не была любимицей датского двора. Против нее плелись интриги. Я не знаю, существовали ли какие-либо основания для клеветы, распространявшейся в ее ущерб, но придворные дамы обвинили ее в большом легкомыслии, которое, правда или ложь, вынудило ее мужа расстаться с ней; и в начале 1809 года он отправил ее в Альтону в сопровождении камергера и фрейлины. По прибытии она была в отчаянии; ее горе не было безмолвным, потому что она рассказывала свою историю каждому встречному. Эта несчастная женщина действительно вызвала жалость, поскольку она пролиwała слезы по своему трехлетнему сыну, которого была обречена никогда больше не увидеть. Но ее природное легкомыслие вернулось; она не всегда сохраняла сдержанность, соответствующую ее рангу, и несколько месяцев спустя была отправлена в Ютландию, где, я полагаю, живет до сих пор.

Враги французского правительства не ограничивались сочинением и публикацией инвектив против него. Не один негодяй был готов пустить в ход кинжалы против императора. Среди этого числа был человек по имени Луи Луазо, недавно прибывший из Лондона. Он отправился в Альтону, чтобы насладиться там исключительной привилегией, которую этот город предоставлял, укрывая всех негодяев, воров и банкротов, бежавших от правосудия своих собственных правительств. 17 июля Луазо представился графу де Гимелю, который проживал в Альтоне, в качестве агента графа де Лилля. Он предложил отправиться в Париж и убить императора. Граф де Гимель с негодованием отверг это предложение и ответил, что, если у него нет другого способа послужить бурбонам, кроме трусливого убийства, он мог бы отправиться в другое место и найти сообщников. Этот факт, о котором сообщил мне друг г-на де Гимеля, побудил меня арестовать Луазо. Однако, не имея права предпринимать этот шаг в Альтоне, я нанял надежного агента, который должен был следить и втянуть его в ссору в тот момент, когда он появится на гамбургской стороне общественной аллеи, отделяющей этот город от Альтоны, и доставить его в ближайшую гамбургскую гауптвахту. Луазо попал в ловушку; но, узнав, что его вот-вот переведут с гауптвахты в гамбургскую тюрьму и что арестован он был по моей просьбе, он поспешно развязал галстук и разорвал зубами лежавшие в нем бумаги, часть которых проглотил. Он также попытался разорвать какие-то другие бумаги, которые были спрятаны у него под мышкой, но охранник помешал ему. Взбешенный этим разочарованием, он яростно сопротивлялся пятерым солдатам, которые держали его под стражей, и не был освобожден, пока не получил легкое ранение. Его первым восклицанием при входе в тюрьму было: "Я погиб!" Луазо перевезли в Париж, и, хотя я ничего не знаю о дальнейшей судьбе этого негодяя, я почти уверен, что Фуше предпримет действенные меры, чтобы помешать ему натворить еще больше бед.

ГЛАВА VI.

1806.

Угрозы Пруссии—Предложение вернуть Ганновер Англии—Наглый ультиматум—Начало военных действий между Францией и Пруссией—Битва при Ауэрштадте—Смерть герцога Брауншвейгского—Бернадотт в Гамбурге—Давонет и Бернадотт—Шведы в Любеке—Майор Амиель— Услуга, оказанная английскому посланнику в Гамбурге—Мое назначение министром короля Неаполя—Новое регулирование германской почты-Конфедерация Севера—Устройство Ганзейских городов—Оккупация Гамбурга именем императора—Указ Берлина —Военные губернаторы Гамбурга — Брюн, Мишо и Бернадотт.

Теперь приближался момент, когда война в Германии была готова возобновиться, и по мере того, как надежды на мир ослабевали, Пруссия удвоила свои угрозы, вдохновленные воспоминаниями о деяниях великого Фридриха. Идея мира была ненавистна Пруссии. Ее меры, которые до сих пор были достаточно умеренными, внезапно приняли угрожающий характер, когда стало известно, что министр короля Англии заявил в парламенте, что Франция согласилась на возвращение Ганновера. Французское министерство намекнуло прусскому правительству, что это был предварительный шаг к всеобщему миру и что взамен будет предоставлена крупная контрибуция. Но король Пруссии, который был хорошо информирован и убежден, что Ганноверский дом цепляется за эти древние владения, которые давали Англии определенный перевес в Германии, счел, что с ним шутят, и решил начать войну.

При этих обстоятельствах лорд Лодердейл был отозван из Парижа своим правительством. Война с Англией продолжалась и вот-вот должна была начаться с Пруссией. Кабинет министров в Берлине направил ультиматум, который едва ли можно было рассматривать иначе, чем вызов, и по хорошо известному характеру Наполеона мы можем судить о его раздражении этим ультиматумом.

—[О суровости, с которой Бонапарт обращался с прессой, можно судить по делу издателя Палма. В 1808 году Иоганн Филипп Пальм из Нюрнберга был расстрелян по приказу Наполеона за издание брошюры против правления французов в Германии.]—

Император после восьмимесячного пребывания в Париже, проведенного в безуспешных мирных переговорах, 25 сентября отправился к Рейну.

Военные действия начались 10 октября 1806 года между Францией и Пруссией, и я потребовал от Сената прекратить набор пруссаков. Весть о великой победе, одержанной императором над пруссаками 14 октября, достигла Гамбурга 19 октября, принесенная какими-то беглецами, которые так преувеличивали потери французской армии, что только после прибытия официальных депеш 28 октября мы знали, скорбеть нам или радоваться победе при Йене.

Герцог Брауншвейгский, который был опасно ранен в битве при Ауэрштадте, прибыл 29 октября в Альтону. —[Этому принцу шел семьдесят второй год, и он был крайне немощен.]— Его въезд в этот город стал ярким примером превратностей судьбы. Этот принц въехал в Альтону на жалких носилках, которые несли десять человек, без офицеров, без слуг,

сопровождаемых толпой бродяг и детей, которых сбило вместе любопытство. Его поселили в убогой гостинице, и он был так измучен усталостью и болью в глазах, что на следующий день после его прибытия распространился слух о его смерти. Немедленно послали за доктором Унцером, чтобы он осмотрел несчастного герцога, который в течение тех нескольких дней, что он пережил свои раны, не видел никого, кроме своей жены, которая прибыла 1 ноября. Срок его полномочий истек 10 числа того же месяца.

—[О несвоевременной, но довольно жалкой вере старого умирающего герцога в вежливость, с которой французы отнесутся к нему и его государствам, см. Беньо, том 1. стр. 80: "Я уверен, что императорский курьер уже в пути, чтобы узнать, как у меня дела".]—

На этом этапе Бернадотт вернулся в Гамбург. Я спросил его, как я должен объяснить его поведение, когда он был с Давустом, который покинул Нюрнберг, чтобы атаковать прусскую армию; и правда ли, что он отказался выступить с этим генералом, а затем помочь ему, когда он атаковал пруссаков на Веймарской дороге. "В письмах, которые я получил, - заметил я, - говорится, что вы не принимали участия в битве при Ауэрштадте; этому я не верил, но я полагаю, вы видели бюллетень, который я получил вскоре после битвы и в котором говорилось, что Бонапарт сказал в Нюрнберге в присутствии нескольких офицеров: "Если я предам его военному трибуналу, он будет расстрелян. Я ничего не скажу ему об этом, но позабочусь о том, чтобы он знал, что я думаю о его поведении. У него слишком обостренное чувство чести, чтобы не осознавать, что он поступил недостойно". — "Я думаю, что весьма вероятно, - возразил Бернадотт, - что он сделал эти наблюдения. Он ненавидит меня, потому что знает, что он мне не нравится; но позвольте ему поговорить со мной, и он получит свой ответ. Если я гасконец, то он более великий. Я мог бы почувствовать себя уязвленным, получив что-то вроде приказа от Даву, но я выполнил свой долг.

—[Жалобы на поведение Бернадотта 14 октября 1806 года. хорошо известно, когда он не оказал помощи Даву в отражении основных сил пруссаков при Анератадте. Жомини говорит, что Даву предложил Бернадотту выступить вместе с ним и даже предложил ему командование двумя корпусами. Бернадотт отказался и ушел в Дорнбург, где от него не было никакой пользы, "его упрямство, которое трудно объяснить, едва не поставило под угрозу как Даву, так и успех сражения"; См. Также Тьера (том vii, стр. 172), который объясняет поведение Бернадотта глубоким отвращением к Даву, возникшим на самых легкомысленных основаниях. Бернадотт часто давал повод для жалоб Наполеону в двух кампаниях 1806 и 1806 годов. Наполеон считал, что в движении на Вену он проявил недостаток активности и рвения. Эти жалобы, по-видимому, были поданы добросовестно, поскольку в письме шурина Бернадотта, Жозефу, Наполеон предполагает, что причиной могло быть состояние здоровья (Du Cases, том i, стр. 322). Бернадотту также не повезло, что он слишком поздно появился в Эйлане (см. Мемуары герцога де Ровиго, том ii, стр. 48), а также вызвал неудовольствие Наполеона в Ваграме (см. Позже).]—

В начале ноября шведы вошли в Любек; но 8-го числа того же месяца город был взят штурмом, и шведы, а также остальная часть корпуса, бежавшая из Йены, были взяты в плен.

Отряд пруссаков продвинулся на расстояние четырех лье от Гамбурга, и этот город уже приготовился к энергичному сопротивлению на случай, если они попытаются прорваться, когда майор Амиэль атаковал их у Золленшпикера и захватил несколько человек в плен. Гамбургу, однако, угрожала другая опасность, поскольку майор Амиэль выразил намерение войти в город со всеми своими пленными, несмотря на признанный нейтралитет города. Амиэль был лидером партизан в истинном смысле этого слова; он сражался скорее за свой

собственный счет, чем с намерением внести свой вклад в успех операций армии. Его отряд состоял не более чем из сорока человек, но этого было более чем достаточно, чтобы посеять ужас и опустошение в окрестных деревнях. Он был смелым парнем, и когда со своей горсткой людей он бросился на Гамбург, достойные жители думали, что с ним 20 000 солдат. Он грабил каждое место, через которое проходил, и привел с собой 300 пленных и великое множество лошадей, которых захватил по дороге. Была ночь, когда он появился у ворот города, в который вошел один, оставив своих людей и добычу в последней деревне. Он направился к французскому посольству. Меня там в то время не было, но за мной послали, и около семи часов вечера у меня состоялась моя первая беседа с майором. Он был настоящим идеалом бандита и стал бы замечательной моделью для художника. Я несколько не удивился, услышав, что по прибытии его дикий вид и огромные усы вызвали некоторый ужас у тех, кто находился в салоне. Он описал свои подвиги на марше и не скрыл своего намерения ввести свои войска в Гамбург на следующий день. Он говорил о банке и мародерстве. Некоторое время я пытался отвлечь его от этой мысли, но безуспешно, и наконец сказал ему: "Сэр, вы знаете, что император не желает, чтобы ему служили таким образом. В течение семи лет, что я был рядом с ним, я неизменно слышал, как он выражал свое негодование против тех, кто усугубляет страдания, которые война, естественно, несет за собой. Император прямо желает, чтобы в городе или на территории Гамбурга не было причинено никакого ущерба, никакого насилия". Эти несколько слов произвели более сильное действие, чем любые мольбы, которые я мог бы использовать, ибо одно только имя Императора заставляло трепетать даже самых смелых, и майор Амиэль в следующий раз подумал о том, чтобы продать свою добычу. Сенат был так напуган перспективой того, что Амиил будет расквартирован у них, что, чтобы избавиться от него, они решили немедленно выкупить его добычу и даже снабдили его стражей для пленников. Только некоторое время спустя я узнал, что среди лошадей, захваченных майором Амиэлем по дороге, были лошади графини Уолмоден. Если бы я знал об этом факте в то время, я, несомненно, позаботился бы о том, чтобы вернуть их ей. Мадам Вальмоден была тогда беженкой в Гамбурге, и между ней и моей семьей существовала тесная близость. Полагаю, в тот самый день, когда майор уехал, Сенат написал мне благодарственное письмо за защиту, которую я оказал городу.

Перед началом прусской кампании, когда я испытывал беспокойство по поводу планов Берлинского кабинета министров, моя задача была нелегкой. Я приложил все свои усилия, чтобы ознакомить французское правительство с тем, что происходило на Шпрее. Я сообщил первые сведения о неожиданном движении, которое произошло среди прусских войск, расквартированных в окрестностях Гамбурга. Они внезапно эвакуировали Лауэнбург, Платцбург, Хаарбург, Штаде, Твизенфельт и Куксхафен. Это необычное движение породило множество предположений. Я не ошибся, когда сообщил французскому правительству, что, по всей вероятности, Пруссия собирается объявить военные действия против Франции и заключить союз с Англией.

Я очень сожалел, что мое положение не позволяло мне чаще встречаться с мистером Торнтоном, английским посланником в круге Нижней Саксонии. Однако я иногда виделся с ним и дважды имел возможность оказать ему некоторую услугу. Мистер Торнтон попросил меня выполнить для него небольшое частное дело, успех которого зависел от императора. Я направил необходимое сообщение министру иностранных дел, добавив в своем письме, что поведение мистера Торнтон по отношению к французам, которые каким-либо образом вступали с ним в контакт, всегда было справедливым и либеральным, и что я получу большое удовольствие, если смогу сообщить ему об успехе его ходатайства. Его просьба была удовлетворена.

В другой раз мистер Торнтон обратился ко мне за моими услугами, и я снова имел удовольствие оказать их. Он хотел раздобыть кое-какие сведения об англичанине по имени Бейкер, который отправился в Террачину, что в Римской кампании, ради морских купаний. Там он был арестован без объяснения причин по приказу коменданта французских войск в Террачине. Семья мистера Бейкера, не получавшая от него известий в течение нескольких месяцев, испытывала сильное беспокойство по поводу него, поскольку они не имели ни малейшего представления о его аресте. Его родственники были связаны с мистером Торнтоном, и этот джентльмен, несмотря на обстоятельства, которые, как я уже говорил, препятствовали нашему частому общению, ни минуты не колеблясь попросил меня предоставить ему некоторую информацию о его соотечественнике. Я, не теряя времени, написал М. Алькье, нашему послу в Риме, и вскоре помог мистеру Торнтону ослабить подозрения друзей мистера Бейкера.

У меня были все возможности узнать, что происходит в Италии, ибо я только что был облечен новым достоинством. Поскольку у нового короля Неаполя Иосифа не было министра в Нижней Саксонии, он пожелал, чтобы я исполнял функции полномочного министра в Неаполе. Соответственно, его министры получили приказ переписываться со мной по всем вопросам, связанным с его правительством и его подданными. Отношения между Гамбургом и Неаполем были почти нулевыми, и мой новый офис не сильно прибавил к моим трудам.

Однако я столкнулся с несколько большими трудностями, объединив все почтовые отделения Гамбурга в ведомстве Великого герцогства Берг, отделив их таким образом от контор Латура и Таксиса, названных так в честь немецкой семьи, которая долгое время владела ими и была предана Австрии.

После нескольких дней переговоров я добился упразднения этих отделений и их объединения с почтовым отделением великого герцога Бергского (Мюрата), который, таким образом, получал письма из Италии, Венгрии, Германии, Польши, части России и письма из Англии для этих стран.

История с почтовыми отделениями снискала мне одобрение Наполеона. Он выразил свое удовлетворение в письме, которое я получил от Дюрока, который в то же время рекомендовал мне продолжать информировать императора обо всем, что делается в Германии в связи с планами Северной Конфедерации. Поэтому я отправил министру иностранных дел подробное письмо, в котором сообщал, что барон Гротте, прусский посланник в Гамбурге, отправился с визитом в Бремен и Любек. Среди тех, кто сопровождал его в этой поездке, был человек, всецело преданный мне; и я знал, что целью барона Гротте было предложить этим городам устные предложения об их союзе с Северной Конфедерацией, которую король Пруссии хотел создать в противовес Рейнской конфедерации, только что созданной Наполеоном. Барон Гротте соблюдал строжайшую секретность во всех своих передвижениях. Он конфиденциально показал тем, к кому обращался сам, письмо от господина Гаугвица, министра короля Пруссии,

—[В июле 1806 года, после Аустерлица, Наполеон сформировал "Рейнскую конфедерацию". В нее вошли более мелкие государства Германии, которые порвали все связи с Германской империей и образовали Конфедерацию, располагающую значительной армией.]— —[Император Германии Франциск II уже в 1804 году, когда Наполеон принял титул императора, объявил себя наследственным императором Австрии. После образования Рейнской конфедерации и отказа Наполеона больше признавать Германскую империю, он освободил государства Священной Римской империи от их верности, объявил империю распущенной и удовлетворился титулом императора Австрии как Франциск I.]—

которые пытались указать ганзейским городам, насколько Союз Севера может обернуться в их пользу, поскольку это единственное средство сохранить их свободу путем создания грозной державы. Однако на первое сообщение был дан лишь уклончивый ответ. М. Ван Сиенену, синдик Гамбурга, сенат поручил проинформировать прусского министра о том, что дело требует согласия бюргеров и что, прежде чем он сможет представить его им, необходимо будет узнать его основу и условия. Тем временем синдик Доорманн отправился в Любек, где также находился депутат от Бремена. Однако проект Конфедерации так ни к чему и не привел.

Я скрупулезно выполнял свои служебные обязанности, но, признаюсь, мне часто было трудно выполнять полученные приказы, и не раз я брал на себя смелость смягчить их строгость. Мне понравился откровенный и щедрый характер гамбургеров, и я не мог не пожалеть о судьбе ганзейских городов, до сих пор таких счастливых, от которых Бонапарт потребовал таких огромных жертв.

На главных воротах ганзейских городов начертан следующий девиз, хорошо выражающий миролюбивый дух народа: "Da nobis pacem, Domine, in diebus nostris". Отечественное и избранное правительство, которое делало все, чтобы обеспечить счастье этих городов, было вынуждено поверить, что жертвы, принесенные ими, будут компенсированы сохранением их нейтралитета. Не возникло недоверия, и заверения, данные Наполеоном, поддерживали надежду. Он опубликовал в *Moniteur*, что ганзейские города не могут быть включены ни в какую конкретную Конфедерацию. Таким образом, он задушил зарождавшуюся Конфедерацию Севера, с которой в противном случае эти слабые штаты были бы вынуждены согласиться. Когда в 1806 году Наполеон выступил в поход против Пруссии, он отделил маршала Мортье от Великой армии, когда та перешла Рейн, и приказал ему вторгнуться в Гессенское курфюршество и двинуться на Гамбург. 19 ноября последний город был занят французской армией именем императора в обстановке предельного порядка и спокойствия.

Я должен признать, что у меня были большие опасения по поводу этого события. При известии о приближении французской армии ужас был велик и повсеместен в Гамбурге, который стремился сохранить свой нейтралитет в неприкосновенности. По настоятельной просьбе магистратов города я взял на себя функции более чем дипломатические и стал, в некоторых отношениях, первым магистратом города. Я отправился на встречу с маршалом Мортье, чтобы попытаться отговорить его от вступления. Я подумал, что таким образом лучше послужу интересам Франции, чем способствуя оккупации нейтрального города нашими войсками. Но все мои увещевания были бесполезны. Маршал Мортье получил официальный приказ от императора.

Поскольку в Гамбурге не было сделано никаких приготовлений к приему маршала Мортье, он разместил себя и весь свой штаб у меня. Те немногие войска, которые были у него с собой, были размещены в моем дворе, так что резиденция министра мира была сразу же превращена в штаб. Такое положение вещей продолжалось до тех пор, пока для маршала не был готов дом.

Маршалу Мортье пришлось применить очень строгие меры, но мои представления на некоторое время приостановили выполнение приказов Наполеона о вступлении во владение Гамбургским банком. Я здесь обязан засвидетельствовать благородные принципы маршала и честность его характера. Представления, которые я отправил маршалу Мортье, были переданы последним императору в Берлин; и Мортье заявил, что он приостановил

выполнение приказов до получения других. Император одобрил это. Это было, действительно, счастливое событие для Франции и для Европы, даже в большей степени, чем для Гамбурга. Те, кто предложил императору идею разграбления этого прекрасного заведения, должно быть, были глубоко неосведомлены о его важности. Они думали только о 90 000 000 марок, хранящихся в подвалах банка.

Знаменитым берлинским декретом от 21 ноября 1806 года Мортье был вынужден отдать приказ о конфискации всех английских товаров в ганзейских городах, но он привел этот декрет в исполнение лишь постольку, поскольку сохранялся видимость выполнения его приказов.

Мортье, переехавшего из Гамбурга в Мекленбург, сменил генерал Мишо, которого, в свою очередь, сменил маршал Брюн в начале 1807 года. Я очень рад воспользоваться нынешней возможностью исправить неправильные представления, возникшие в результате совершения определенных актов имперской тирании. Правда в том, что маршал Брюн во время своего правления постоянно старался, насколько мог, смягчать суровость получаемых им приказов. Бернадотт стал губернатором Гамбурга, когда битва при Йене сделала Наполеона хозяином Пруссии и севера Германии.

Принц Понте-Корво облегчал, насколько это было возможно, несправедливое бремя и досаду, которым подвергался этот несчастный город. Он никогда не отказывал в своей помощи ни в каких мерах, которые я принимал, чтобы противостоять системе разорения и преследований. Он часто защищал Гамбург от непомерных поборов, ганзейские города немного оживились при его правительстве, которое просуществовало дольше, чем при Мортье, Мишо и Брюне. Память о Бернадотте всегда будет дорога гамбургерам, и его имя никогда не будет произноситься без благодарности. Его внимание было особенно направлено на то, чтобы умерить строгость таможен; и, возможно, эффект, который его поведение произвело на общественное мнение, можно рассматривать как в какой-то мере приведший к решению, которое четыре года спустя сделало его наследным принцем Швеции.

ГЛАВА VII.

1806.

Указ императора России—Миссия Дюрока в Веймар—Поражение взглядов Наполеона—Победы французских армий—Письма Мюрата—Ложное сообщение о Мюрате—Сходство между Моро и месье Билланом—Великодушное поведение Наполеона—Его беседа с мадам Хацфельд в Берлине—Письмо Бонапарта Жозефине—Блюхер мой пленник—Его характер—Его уверенность в будущей судьбе Германии—Принц Павел Вюртембергский взят в плен—Его желание поступить на французскую службу—Выдающиеся эмигранты в Альтоне—Депутация сенат перед императором в Берлине — Немецкие принцы в Альтона—Фош-Буэле и граф де Гимель.

В сентябре 1806 года стало совершенно очевидно, что, как только между Францией и Пруссией разразится война, Россия не замедлит заключить союз с последней державой. Однако мир между Наполеоном и Александром был восстановлен на основании только что подписанного в Париже договора. По этому договору Россия должна была эвакуировать Буш-дю-Каттаро (Буш-ду-Каттаро на восточном побережье Адриатики входил в состав далматинских владений Венеции.) — условие, которое она не спешила выполнять. Я получил номер "Придворных ведомостей Санкт-Петербурга", содержащий указ императора России, в котором Александр указывал на опасность, которая снова угрожала Европе, указывал на необходимость принятия мер предосторожности для общего спокойствия и безопасности его собственной Империи и заявлял о своей решимости не только укомплектовать, но и увеличить свою армию. Поэтому он приказал набрать по четыре человека с каждых 500 жителей.

Перед началом военных действий Дюрок был послан к королю Пруссии с целью выяснить, есть ли какая-либо возможность возобновить переговоры; но дела и так были слишком запутаны. Все усилия Дюрока были напрасны, и, возможно, король Пруссии больше не мог избежать войны с Францией. Кроме того, у него были веские основания для обиды на императора. Хотя последний отдал ему Ганновер в обмен на два маркграфства, он, тем не менее, предложил Англии восстановление этой провинции в качестве одного из условий переговоров, начатых с мистером Фоксом. Эта тайная работа не была неизвестна Берлинскому кабинету министров, и двуличие Наполеона сделало миссию Дюрока бесполезной. В это время король Пруссии находился в Веймаре.

Победа повсюду была на стороне французского оружия. Принц Гогенлоэ, командовавший корпусом прусской армии, был вынужден капитулировать при Прентцлау. После этой капитуляции генерал Блюхер принял командование остатками корпуса, к которому он присоединил войска, отсутствие которых в Прентцлау освобождало их от капитуляции. Эти корпуса, добавленные к тем, которыми Блюхер располагал в Ауэрштадте, были тогда почти единственными укреплениями прусской монархии. Сульт и Бернадотт получили приказ от Мюрата преследовать Блюхера, который прилагал все усилия, чтобы оттянуть от Берлина силы этих двух генералов. Блюхер двинулся в направлении Любека.

Генерал Мюрат преследовал остатки прусской армии, бежавшей из Саксонии через Магдебург. *Blücher was driven upon Lübeck.* Для армии в Берлине было очень важно уничтожить этот многочисленный корпус, которым командовал умелый и храбрый генерал, который отвел из центра военных действий многочисленные войска, с которыми он мог бы броситься в Ганновер, или Гессен, или даже Голландию, и, присоединившись к английским войскам, нанести удар в тыл Великой армии. Великий герцог Бергский объяснил мне свои планы и ожидания и вскоре после этого объявил об их осуществлении в нескольких письмах, которые содержали, среди прочего, подробности взятия Любека.

В двух из этих писем Мюрат, который, вероятно, был обманут своими агентами или каким-нибудь интриганом, сообщил мне, что генерал Моро проехал через Париж 12 октября и прибыл в Гамбург 28 октября. Доказательством этого обстоятельства, которым располагал Мюрат, было письмо Фош-Бореля, которое он перехватил. Я вспоминаю любопытное обстоятельство, которое служит доказательством необходимости не доверять туманным сведениям, сообщаемым лицам, облеченным властью. За две недели до того, как я получил первое письмо Мюрата, один человек сообщил мне, что генерал Моро находится в Гамбурге. Я не придавал значения этим сведениям, однако попытался выяснить, имеют ли они под собой какие-либо основания, но безуспешно. Два дня спустя меня заверили, что некий человек встречался с генералом Моро, что он разговаривал с ним, что он хорошо знал его, поскольку

служил под его началом, — наряду с различными другими обстоятельствами, в правдивости которых, казалось, не было причин сомневаться. Я немедленно послал за указанным человеком, который сказал мне, что он знал Моро, что он встречался с ним, что генерал спросил у него дорогу к Юнгферштайге (прогулочной улице в Гамбурге), что он указал ему ее, а затем сказал: "Не имею ли я чести говорить с генералом Моро?" на что генерал ответил: "Да, но ничего не говорите о том, что видели меня; я здесь инкогнито". Все это показалось мне настолько абсурдным, что, притворившись, что я не знаю Моро, я попросил этого человека описать мне его. Он описал человека, мало похожего на Моро, и добавил, что на нем был расшитый галуном французский сюртук и национальная кокарда на шляпе. Я сразу понял, что все это было просто попыткой раздобыть немного денег. Я отправил парня по его делам. Через четверть часа после того, как я от него отделался, господин ла Шевардьер зашел ко мне и представил господина Бийо, французского консула в Штеттине. На этом джентльмене был расшитый галуном сюртук и национальная кокарда на шляпе. Он был героем истории, которую я услышал от информатора. Небольшое личное сходство между консулом и генералом заставило нескольких человек принять их друг за друга.

Во время прусской кампании по всей Германии не говорили ни о чем, кроме великодушного поведения Наполеона по отношению к принцу Хацфельду. Мне посчастливилось получить копию письма, которое император написал Жозефине по этому поводу и которое я сейчас представляю перед читателем. В соответствии с инквизиционной системой, которая слишком часто была характерна для правительства императора и которую он распространил на каждую страну, находившуюся в его военном владении, первое, что делалось при въезде в город, — это захват почты, а затем, Бог знает, как мало уважения было проявлено к тайне переписки. Среди писем, захваченных таким образом в Берлине и доставленных Наполеону, было одно, адресованное королю Пруссии принцем Хацфельдом, который по неосторожности остался в столице Пруссии. В этом письме принц дал своему Государю отчет обо всем, что произошло в Берлине с тех пор, как он был вынужден уйти; и в то же время он проинформировал его о силах и положении корпуса французской армии. Император, прочитав это письмо, приказал арестовать принца и предать его военному суду по обвинению в шпионаже.

Был созван Суд, и можно было почти не сомневаться в его решении, когда мадам Хацфельд отправилась к Дюроку, который в таких случаях всегда радовался, когда мог облегчить общение с императором. В тот день Наполеон был на смотре. Дюрок знал мадам Хацфельд, которую он несколько раз видел во время своих визитов в Берлин. Когда Наполеон вернулся с смотра, он был удивлен, увидев Дюрока во дворце в такой час, и спросил, принес ли он какие-нибудь новости. Дюрок ответил утвердительно и последовал за императором в его кабинет, где вскоре представил мадам Хацфельд. Остальная часть сцены описана в письме Наполеона. Легко понять, что это письмо является ответом на письмо Жозефины, упрекающей его в том, как он отзывался о женщинах, и, весьма вероятно, о прекрасной и несчастной королеве Пруссии, о которой он выразился слишком неуважительно в одном из своих бюллетеней. Ниже приводится письмо Наполеона:—

Я получил ваше письмо, в котором вы, кажется, упрекаете меня в том, что я плохо отзываюсь о женщинах. Это правда, что больше всего на свете я не люблю женщин-интриганок. Я привык к добрым, нежным и покладистым женщинам. Я люблю их, и если они меня избаловали, то это не моя вина, а ваша. Однако вы увидите, что я совершил акт доброты по отношению к одной достойной женщине. Я имею в виду мадам де Хацфельд. Когда я показал ей письмо ее мужа, она стояла, рыдая, и тоном, в котором смешались горе и простодушие, сказала: "Это действительно его почерк!" Это тронуло мое сердце, и я сказал: "Что ж, мадам, бросьте письмо в огонь, и тогда у

меня не будет доказательств против вашего мужа". Она сожгла письмо и снова обрела счастье. Ее муж сейчас в безопасности: еще два часа, и он был бы потерян. Итак, вы видите, что мне нравятся простые, нежные и дружелюбные женщины, потому что только они похожи на вас.

6 ноября 1806 года, 9 часов вечера

Когда маршал Бернадотт загнал Блюхера в Любек и взял его в плен, он послал сообщить мне об этом обстоятельстве; но я был далек от того, чтобы ожидать, что пленник будет передан в мои руки. Так, однако, и обстояло дело. После капитуляции его отправили в Гамбург, где в качестве тюрьмы у него был целый город.

Мне было любопытно познакомиться с этим знаменитым человеком, и я видел его очень часто. Я обнаружил, что он был восторженным прусским патриотом — храбрым человеком, предприимчивым даже до безрассудства, малообразованным и почти до невероятной степени преданным удовольствиям, которых он вдоволь насладился, пока оставался в Гамбурге. Он подолгу просиживал за столом и, несмотря на свой исключительный патриотизм, отдавал должное французским винам. Его страсть к женщинам была безгранична, и одним из его самых любимых развлечений был игорный стол, за которым он проводил значительную часть своего времени. Блюхер отличался чрезвычайно веселым нравом; и, рассматриваемый просто как собеседник, он был очень приятен. Оригинальный стиль его беседы мне очень понравился. Его уверенность в освобождении Германии оставалась непоколебимой, несмотря на поражения прусской армии. Он часто говорил мне: "Я очень полагаюсь на общественный дух Германии — на энтузиазм, который царит в наших университетах. События войны меняются ежедневно, и даже поражения способствуют развитию в народе чувства чести и национальной славы. Вы можете быть уверены, что когда вся нация полна решимости сбросить унижительное ярмо, она добьется успеха. Нет сомнений, что в конечном итоге мы получим ландвер, сильно отличающийся от любого ополчения, которое мог породить подавленный дух французского народа. Англия всегда будет оказывать нам поддержку своим флотом и субсидиями, и мы возобновим союзы с Россией и Австрией. Я могу поклясться в правдивости факта, о котором мне кое-что известно, и вы можете положиться на него, а именно, что ни одна из союзных держав, участвующих в нынешней войне, не вынашивает планов территориального расширения. Все, чего они единодушно желают, — это положить конец системе возвеличивания, которую ваш император установил и действует в соответствии с которой с такой пугающей быстротой. В нашей первой войне против Франции, в начале вашей революции, мы сражались за вопросы, касающиеся прав суверенов, которые, уверяю вас, меня мало волнуют; но теперь дело изменилось, все население Пруссии выступает заодно со своим правительством. Люди сражаются, защищая свои дома, а неудачи разрушают наши армии, не меняя духа нации. Я с уверенностью смотрю в будущее, потому что предвижу, что удача не всегда будет благосклонна к вашему императору. Это невозможно; но придет время, когда вся Европа, униженная его поборами и нетерпеливая к его грабежам, восстанет против него. Чем больше он поработает народы, тем ужаснее будет реакция, когда они разорвут свои цепи. Нельзя отрицать, что его мучает ненасытное желание овладеть новыми территориями. По сравнению с войной 1805 года против Австрии и России нынешняя война почти сразу увенчалась успехом. Мы пали. Пруссия оккупирована; но Россия все еще остается непобежденной. Я не могу предвидеть, каким будет окончание войны; но, допуская, что исход должен быть благоприятным для вас, она закончится только для того, чтобы быстро вспыхнуть снова. Если мы будем упорствовать, Франция, измученная своими завоеваниями,

в конце концов падет. Вы можете быть в этом уверены. Вы хотите мира. Рекомендую! Тем самым Вы дадите убедительные доказательства любви к своей стране".

В таком тоне Блюхер постоянно разговаривал со мной; и поскольку я никогда не считал нужным играть роль общественного деятеля в гостиной, я отвечал ему сдержанно, как это было необходимо в моем положении. Я не мог сказать ему, насколько мои ожидания часто совпадали с его; но я никогда не стеснялся выражать ему, как сильно я хотел бы видеть заключение разумного мира.

Прибытию Блюхера в Гамбург предшествовало прибытие принца Павла Вуттембергского, второго сына одного из двух королей, созданных Наполеоном, которым не исполнилось еще и года. Этот молодой принц, проникнутый идеями свободы и независимости, которые тогда царили в Германии, сделал опрометчивый шаг. Он покинул Штутгарт, чтобы участвовать в прусской кампании, не спросив разрешения своего отца, что могло навлечь гнев Наполеона на короля Вюртемберга. Король Пруссии произвел принца Павла в чин генерала, но он был взят в плен в самом начале военных действий. Принца Павла, как ошибочно утверждается, не сопровождал в Штутгарт капитан жандармерии. Он приехал в Гамбург, где он часто меня навещал. У него еще не было вполне определенных представлений о том, чего он хочет; ибо после того, как он попал в плен, он выразил мне свое сильное желание поступить на французскую службу и часто просил меня добиться для него свидания с императором. Он добился этого интервью и долгое время оставался в Париже, где, как я знаю, он часто проживал со времен Реставрации.

Люди, за которыми мне приходилось наблюдать в Гамбурге, доставляли мне гораздо меньше хлопот, чем наши соседи в Альтоне. Число последних значительно возросло, поскольку события войны вынудили большое количество эмигрантов, нашедших убежище в Мюнстере, покинуть этот город. Все они направились в Альтону. Завоеванные страны стали для них такими же опасными, как и земля, которую они покинули. Самыми выдающимися людьми, собравшимися в Альтоне, были виконт де Сезмезон, Байи д'Отефей, герцогиня Люксембургская, маркиз де Боннар, герцог д'Омон (тогда герцог де Вилькье), жена маршала де Брога и ее дочь, кардинал де Монморанси, мадам де Коссе, две ее дочери и сын (и священник), а также епископ Булони.

Бонапарт пробыл в Берлине достаточно долго, чтобы допустить прибытие депутации французского сената, чтобы поздравить его с первыми победами. Я узнал, что в этом случае сенаторская депутация, отступив от своей обычной любезности, осмелилась не ограничиться комплиментами и поздравлениями, а зашла так далеко, что вмешалась в план императорской кампании, заговорила об опасности, которая могла возникнуть, и, наконец, выразила желание, перейдя Одер, добиться заключения мира. Наполеон воспринял это сообщение с очень недоброжелательностью. Он считал, что сенаторы осмелились вмешиваться в его дела, обращался с отцами-призывниками Франции так, как будто они были невнимательными юнцами, протестовал, согласно обычаю, против его искреннего миролюбия и сказал депутации, что это Пруссия, поддерживаемая Россией, а не он, желает войны!

Все немецкие принцы, участвовавшие в борьбе против Наполеона, бежали в Альтону после битвы при Йене с такой же поспешностью, как и сами эмигранты. Наследственный принц Веймарский, герцогиня Голштинская, принц Бельмонте-Пиньятели и множество других лиц, отличавшихся знатностью и состоянием, прибыли туда почти одновременно. Среди лиц, нашедших убежище в Альтоне, было несколько интриганов, одним из которых был Фош-Борель. Я помню, как получил сообщение о жестокой ссоре, в которую Фош имел наглость

вступить с графом де Гимелем из-за того, что не мог вымогать у графа деньги в уплату за свои интриги. У графа де Гимеля были средства только на выплату пенсий, и, кроме того, у него было слишком много здравого смысла, чтобы предполагать какую-либо пользу в глупых брошюрах Фош-Бореля, и поэтому он уволил его с отказом. Фош вел себя дерзко, что вынудило графа де Гимеля отправить его по своим делам, как он того заслуживал. Это обстоятельство, о котором впервые было сообщено мне в отчете, впоследствии было подтверждено человеком, ставшим свидетелем этой сцены. Фош-Борель просто проехал через Гамбург и отправился в Лондон на том же корабле, который доставил лорда Морпета обратно в Англию.

—[Луи Фош-Борель (1762-1829), швейцарец, посвятивший себя делу роялистов. Когда Луи ступил на берег Франции в 1814 году, Фош-Борель был готов помочь ему сойти с лодки, и был встречен любезным замечанием, что он всегда под рукой, когда требуется услуга. Однако его услуги остались без награды]—

ГЛАВА VIII.

1806.

Тревога в Гамбурге— Французы в Бергдорфе—Благоприятные приказы Бернадотта—Поборы в Пруссии—Ложные одобрения—Поборы голландцев—Забота Наполеона о своих раненых войсках—Миссия Дюрока к королю Пруссии—Отклонение требований императора—Мои переговоры в Гамбурге—Неудовольствие короля Швеции-М. Нетцель и М. Веттератедт.

В этот критический момент Гамбургу угрожали со всех сторон; французы даже оккупировали часть его территории. Французские войска, к счастью для страны, были приданы корпусу под командованием принца де Понте-Корво. Эта военная оккупация встревожила город Гамбург, которому, действительно, она нанесла большой ущерб. Я написал маршалу Бернадотту по этому поводу. Основания, на которых Сенат призвал к эвакуации своей территории, были таковы, что Бернадотт не мог не признать их справедливость. Длительное пребывание французских войск в бейливики Бергдорф, имевшее все признаки оккупации, могло привести к конфискации всего имущества Гамбурга в Англии, наложению эмбарго на суда Республики и, следовательно, к разорению значительной части торговли Франции и Голландии, которая велась под флагом Гамбурга. Больше не было никаких мотивов для оккупации бейливика Бергдорф, когда в этом квартале не было пруссаков. Было бы нелепым несчастьем, если бы восемьдесят человек, расквартированных в этом бейливики, ради нескольких луидоров и нескольких локтей английского сукна стали причиной конфискации гамбургской, французской и голландской собственности на сумму 80 000 000 франков.

Маршал Бернадот ответил мне 16 ноября и сказал: "Спешу сообщить вам, что я отдал приказ об эвакуации бейливика Бергдорф и всей территории Гамбурга. Если бы вы смогли получить от Сената Гамбурга к 19 числу этого месяца две или три тысячи пар обуви, вы бы меня очень обяжете. Они должны быть оплачены товарами или деньгами".

Я получил то, что требовал Бернадотт, от Сената, который знал его честность, в то время как они знали, что это качество было характерно не для всех, кто командовал французскими армиями! Какие вымогательства имели место во время оккупации Пруссии! Я упомяну одно из средств, которое, среди прочих, использовалось в Берлине для получения денег. Были выписаны переводные векселя, на которые были подделаны индоссаменты, и эти векселя были предъявлены банкирам, на которых они якобы были выписаны. В один прекрасный день некоторые из этих поддельных купюры в большом количестве были представлены гг. Матисен и Silleine Гамбурга, который, зная одобрение создали, отказались получать их наличными. Лица, предъявившие векселя, дошли в своей наглости до того, что послали за жандармами, но банкиры упорствовали в своем отказе. Мне сообщили об этой почти невероятной сцене, собравшей огромное количество людей. Возмущенный таким дерзким ограблением, я немедленно отправился на место и отослал жандармов, сказав им, что в их обязанности не входит защищать грабителей и что мое дело выслушивать любые справедливые претензии, которые могут быть выдвинуты. При правительстве Кларка в Берлине жители подвергались всевозможным притеснениям и поборам. Среди этих поборов и позорных разбирательств, которые не являются обязательными последствиями войны, голландские генералы отличились такой степенью алчности, которая напомнила период казнокрадства Французской республики в Италии. Конечно, не их новый король был примером такого поведения. Его умеренность была хорошо известна, и это было в такой же степени результатом его характера, как и честных принципов. Луи Бонапарт, который был королем вопреки самому себе, подавал пример всего, что может вытерпеть хороший человек на узурпированном троне.

Когда король Пруссии обнаружил, что терпит поражения на каждом этапе, он горько раскаялся в том, что развязал войну, которая отдала его Государства во власть Наполеона за меньшее время, чем та, в которой годом ранее пала Австрия. Он написал императору, прося приостановить военные действия. Рапп присутствовал, когда Наполеон получил письмо короля Пруссии. "Слишком поздно, - сказал он, - но, несмотря ни на что, я хочу остановить кровопролитие; я готов согласиться на все, что не наносит ущерба чести или интересам нации". Затем, позвав Дюрока, он приказал ему навестить раненых и проследить, чтобы они ни в чем не нуждались. Он добавил: "Посетите каждого человека от моего имени; дайте им все утешения, в которых они нуждаются; после этого найдите короля Пруссии, и если он предложит разумные предложения, сообщите мне о них".

Переговоры были начаты, но условия Наполеона носили характер, который был признан неприемлемым. Пруссия все еще надеялась на помощь русских войск. Кроме того, требования императора распространялись и на Англию, у которой в тот момент не было причин соглашаться с притязаниями Франции. Император желал, чтобы Англия вернула Франции колонии, захваченные ею с начала войны, чтобы Россия вернула Порте Молдавию и Валахию, которые она тогда оккупировала; короче говоря, он последовал совету, который некий король-трагик дает своему послу: "Требуйте всего, чтобы ничего не получить". Требования императора были, на самом деле, настолько экстравагантными, что едва ли он сам мог тешить себя надеждой на то, что они будут приняты. Переговоры, попеременно возобновлявшиеся и прекращавшиеся, велись с холодностью с обеих сторон до того момента, когда Англия убедила Россию присоединиться к Пруссии против Франции; затем

они совсем прекратились; и именно для того, чтобы сделать вид, что он желает их возобновления на еще более благоприятных для Франции основаниях, Наполеон послал Дюрока к королю Пруссии. Дюрок нашел короля в Остероде, на другом берегу Вислы. Единственным ответом, который он получил от Его Величества, было: "Время упущено", что было очень похоже на замечание Наполеона: "Уже слишком поздно".

Пока Дюрок выполнял свою миссию при короле Пруссии, я сам вел переговоры в Гамбурге. Бонапарт очень стремился вывести Швецию из коалиции и прекратить войну с ней отдельным договором. Швеция, действительно, вероятно, была бы ему очень полезна, если бы Пруссия, Россия и Англия собрали значительную массу войск на севере. Дания уже была с нами, и, завоевав также Швецию, союз этих двух держав мог бы отвлечь внимание и вызвать серьезную тревогу у коалиции, которая была бы вынуждена сосредоточить свои главные силы для отражения нападения великой армии в Польше. Мнения г-на Пейрона, шведского посланника в Гамбурге, были решительно противоположны войне, в которую его государь был вовлечен с Францией. Мне было жаль, что этот джентльмен уехал из Гамбурга в отпуск на год как раз в тот момент, когда я получил инструкции от императора по этому вопросу. месье Пейрона сменил месье Нетцель, и вскоре я имел удовольствие убедиться, что его взгляды во всех отношениях совпадают с мнениями его предшественника.

Как только он прибыл, м. Нетцель попросил меня об интервью, чтобы поговорить со мной о шведах, которые были взяты в плен на Драве. Он умолял меня разрешить офицерам вернуться в Швецию под честное слово. Я стремился добиться удовлетворения требования Нетцеля и воспользовался этой возможностью, чтобы постепенно подвести его к предмету моих инструкций. У меня были веские причины быть довольным тем, как он воспринял мои первые предложения. Я ничего не сказал ему о справедливости, в которой он не был убежден ранее. Я видел, что он понимал, что его государь выиграет от примирения с Францией, и он сказал мне, что вся Швеция требует мира. Ободренный таким образом, я откровенно сказал ему, что мне было поручено вести переговоры с ним. М. Нетцель заверил меня, что М. де Веттерштедт, личный секретарь короля Швеции, с которым он был близок и от которого он показал мне несколько писем, придерживался того же мнения по этому вопросу, что и он сам. Он добавил, что у него есть разрешение переписываться с королем и что он напишет в тот же вечер своему государю и М. де Веттерштедту, чтобы сообщить им о нашем разговоре.

Из того, что я сказал, следует, что никакие переговоры никогда не начинались при более благоприятных условиях; но кто мог предвидеть, какой оборот примет король Швеции? Этот незадачливый принц воспринял письмо г-на Нетцеля крайне негативно, и сам г-н де Веттерштедт получил категорический приказ сообщить г-ну Нетцелю о недовольстве его государя тем, что он осмелился посетить французский собор, и, прежде всего, вступить с ним в политический разговор, хотя это был не более чем разговор. Король не ограничился упреками; господин Нетцель пришел в большом огорчении, чтобы сообщить мне, что он получил приказ немедленно покинуть Гамбург, даже не дожидаясь прибытия своего преемника. Он считал свой позор полным. Я имел удовольствие снова увидеть М. Нетцеля в 1809 году в Гамбурге, где он находился с миссией короля Карла XIII.

ГЛАВА IX.

1806

Континентальная система — Всеобщее возмущение, вызванное ею — Продажа лицензий французским правительством — Таможенная система в Гамбурге — Мое письмо императору — Причина разрыва с Россией — Визит Бернадотта ко мне — Суд военного трибунала за покупку сахарной булки — Даву и капитан "докладчик" — Влияние континентальной системы на падение Наполеона.

У меня есть несколько замечаний по знаменитой континентальной системе, которая вызывала такой всепоглощающий интерес. У меня было, пожалуй, больше возможностей, чем у любого другого человека, понаблюдать за мошенничеством и оценить фатальные последствия этой системы. Он возник во время войны в 1806 году и был введен в действие указом, датированным Берлином. Проект был задуман слабыми советниками, которые, видя справедливое возмущение императора двуличием Англии, ее нежелание вступать с ним в переговоры и ее постоянные попытки поднять врагов против Франции, убедили его издать указ, который я мог рассматривать только как акт безумия и тирании. Не хватало не указа, а флотов. Без военно-морского флота было нелепо объявлять британские острова в состоянии блокады, в то время как английские флоты фактически блокировали все французские порты. Это заявление было, однако, сделано в Берлинском указе. Это и есть то, что называлось континентальной системой! которая, проще говоря, была не чем иным, как системой мошенничества и мародерства.

Сейчас трудно представить, как Европа могла хоть один день терпеть эту налоговую тиранию, которая устанавливала непомерные цены на товары, которые привычки трех столетий сделали необходимыми как для бедных, так и для богатых. Так мало правды в утверждении, что эта система имела своей единственной и исключительной целью предотвращение продажи английских товаров, что лицензии на их продажу приобретались по высокой цене теми, кто был достаточно богат, чтобы заплатить за них. Количество и качество предметов, вывезенных из Франции, были чрезмерно преувеличены. Действительно, было необходимо вывезти некоторые предметы в соответствии с пожеланиями императора, но они были только выброшены в море. И все же ни у кого не хватило честности сказать императору, что Англия продавала на континенте, но почти ничего не покупала. Спекуляция лицензиями была доведена до скандальных масштабов только для того, чтобы обогатить немногих и удовлетворить недальновидные взгляды создателей системы.

Эта система доказывает то, что записано в анналах человеческого сердца и разума, а именно, что алчность одного ненасытна, а ошибки другого неисправимы. По этому поводу я приведу пример, хотя он относится к периоду, предшествующему возникновению континентальной системы. В Гамбурге в 1811 году, при правительстве Даву, бедняка чуть не расстреляли за то, что он ввез в департамент Эльба небольшую буханку сахара для своей семьи, в то время как в тот самый момент Наполеон, возможно, подписывал лицензию на ввоз миллиона буханок сахара.

—[В том же 1811 году Мюрат, будучи королем Неаполя, не только не обратил внимания на нарушение континентальной системы, но и сам почти открыто нарушил закон. Его войска в Калабрии и по всему его обширному морскому побережью вели активную торговлю с сицилийскими и английскими контрабандистами. Это было настолько актуально, что офицер никогда не отправлялся из Неаполя в армию, не получив просьбы от своей жены, родственников или друзей привезти им немного английского муслина, немного сахара и кофе, а также несколько иголок, перочинных ножей и бритв. Некоторые неаполитанские офицеры занялись действительно крупными коммерческими операциями, работая на паях с сотрудниками таможни, которые были там для обеспечения соблюдения закона, и заставляя своих солдат загружать и разгружать контрабандные суда. Граф де ..., французский офицер из штаба Мюрата, был очень благороден, но очень беден и чрезмерно экстравагантен. После нескольких тщетных попыток утвердить его в свете король сказал ему, что однажды передаст ему командование войсками вокруг Салернского залива; добавив, что дьявол его побери, если он не сможет за пару лет сколотить состояние в таком крупном районе контрабанды.—Граф понял намек и действительно разбогател.— Редактор издания 1836 года.]—

Контрабанда в небольших масштабах каралась смертной казнью, в то время как само правительство широко распространяло ее. По той же причине Казна наполнилась деньгами, а тюрьмы - жертвами:

Таможенные законы того периода, которые вели открытую войну против ревеня и вооружали побережья Континента против интродукции санны, не спасли континентальную систему от разрушения. Насмешки сопровождали установку одиозных превотальных судов. Председатель Верховного суда в Гамбурге, француз, выступил с речью, в которой попытался доказать, что во времена Птолемеев существовали чрезвычайные финансовые трибуналы и что именно им Египет был обязан своим процветанием. Таким образом, террор был вызван самой абсурдной глупостью. Обычные таможенники, которых раньше так ненавидели в Гамбурге, не без оснований заявили, что о них скоро пожалеют и вскоре почувствуют разницу между ними и судами общей юрисдикции. Советники Бонапарта вынудили его совершить глупость, потребовав, чтобы судно, получившее лицензию, экспортировало товары, эквивалентные тем, которые производятся в колониях и которые импортируются на основании лицензии. Каковы были последствия? Спекулянты скупали по низкой цене старые запасы шелка, которые из-за перемены моды стали совершенно непригодными для продажи, а поскольку эти изделия были запрещены в Англии, их выбрасывали в море, и никто не чувствовал их потери. Прибыль от спекуляции с лихвой компенсировала принесенные жертвы. Континентальная система была достойна только веков невежества и варварства, и если бы она была допустима в теории, то была бы невыполнима на практике.

—[Сидни Смит был поражен нелепой стороной войны тарифов: "Нам сказали, что континент будет отвоеван из-за нехватки ревеня и слив". (Очерки Сиднея Смита, стр. 533, издание 1861 года).]—

Это не может быть в достаточной степени заклеено. Они не были друзьями императора, которые рекомендовали систему, рассчитанную на то, чтобы вызвать возмущение Европы и которая не могла не вызвать реакции. Тиранизировать человеческий род и добиваться всеобщего восхищения и подчинения - значит требовать невозможного. Казалось бы, судьба, уготовившая Бонапарту еще несколько блестящих триумфов, намеревалась заранее подготовить причины, которые должны были лишить его всех его триумфов сразу и ввергнуть

его в неудачи, даже более тяжкие, чем та удача, которая благоприятствовала его возвышению.

Запрет на торговлю, обычная суровость в исполнении этой одиозной системы заставляли ее действовать как континентальный самозванец. Я приведу доказательства этого и не утверждаю ничего, кроме того, что стало результатом моих собственных наблюдений. Финансовые правила очень строго соблюдались в Гамбурге и на двух направлениях - Куксхафене и Травемюнде. М. Юдель, директор этого департамента, выполнял свой долг с усердием и бескорыстием. Я чувствую удовлетворение, оказывая ему эту дань уважения. Огромное количество английских товаров и колониальных продуктов скапливалось в Гольштейне, куда почти все они прибывали через Киль и Гудзум и контрабандой переправлялись через границу за счет надбавки в 33 и 40 процентов. Убедившись в этом факте тысячью доказательств и устав от неприятностей превентивной системы, я взял на себя смелость изложить императору свое мнение по этому вопросу. Он разрешил мне писать ему лично, без каких-либо посредников, обо всем, что я мог бы счесть необходимым для его службы. Я отправил чрезвычайного курьера в Фонтенбло, где он тогда находился, и в своем послании сообщил ему, что, несмотря на его превентивную охрану, все запрещенные предметы были ввезены контрабандой, потому что прибыль от продажи в Германии, Польше, Италии и даже Франции, куда попадали контрабандные товары, была слишком значительной, чтобы не побудить людей идти на любой риск ради их получения. Я посоветовал ему, в то самое время, когда он собирался присоединить Ганзейские города к Французской империи, разрешить ввозить товары, облагаемые пошлиной в размере 33%, что было примерно равно сумме страховой премии. Император без колебаний последовал моему совету, и в 1811 году постановление принесло доход в размере более 60 000 000 франков только в Гамбурге.

Эта система, однако, поссорила нас со Швецией и Россией, которые не могли смириться с тем, что Наполеон установил с ними строгую блокаду, в то время как он сам в изобилии раздавал лицензии. Бернадотт, направляясь в Швецию, проезжал через Гамбург в октябре 1810 года. Он пробыл у меня три дня, за это время он почти никого не видел, кроме меня. Он поинтересовался моим мнением относительно того, что ему следует делать в отношении континентальной системы. Я без колебаний заявил ему, не как французский министр, а как частное лицо своему другу, что на его месте, во главе бедной нации, которая могла существовать только за счет обмена своими территориальными товарами с Англией, я бы открыл свои порты и безвозмездно предоставил шведам ту генеральную свободу, которую Бонапарт продал интриганам и алчности.

Берлинский декрет не мог не вызвать реакции против состояния императора, подняв против него целые народы. Низвержение двадцати королей с их тронов вызвало бы меньшую ненависть, чем это презрение к нуждам народов. Это глубокое незнание принципов политической экономии привело к всеобщим лишениям и нищете, которые, в свою очередь, вызвали всеобщую враждебность. Система могла бы преуспеть только в невозможном случае, если бы все европейские державы честно попытались ввести ее в действие. Единственный свободный порт уничтожил бы ее. Чтобы обеспечить его полный успех, необходимо было завоевать и оккупировать все страны и никогда не эвакуировать их. Как средство разорения Англии это было презренно. Необходимо было силой оружия принудить всю Европу присоединиться к этой абсурдной коалиции и постоянно использовать те же силы для ее поддержания. Возможно ли это? Капитан-"докладчик" военного трибунала позволил бедному крестьянину избежать наказания за то, что он купил буханку сахара за таможенным барьером. Этот офицер некоторое время спустя присутствовал на обеде,

устроенном маршалом Даву; последний сказал ему: "У вас очень щепетильная совесть, сэр; отправляйтесь в штаб, и вы найдете там приказ для вас". Этот приказ отослал его на восемьдесят лье от Гамбурга. Необходимо быть свидетелем, как это сделал я, бесчисленных неприятностей и страданий, вызванных злополучной континентальной системой, чтобы понять, какой вред ее авторы причинили Европе и насколько этот вред способствовал падению Наполеона.

—[Так называемая континентальная система была создана Наполеоном в отместку за очень протяженную английскую систему блокад, после того как Трафальгар лишил его возможности пытаться удержать моря. Этими декретами все порты, оккупированные французами, были закрыты для англичан, и все английские товары подлежали уничтожению, где бы они ни были обнаружены в любой стране, оккупированной французами. Все государства, находящиеся под влиянием Франции, должны были принять эту систему. Следует помнить, что Наполеон в конечном итоге сохранил или внедрил свою систему на всех побережьях Европы, за исключением Испании и Турции; но, как показывает Буррьен, план выдачи лицензий на нарушение его собственной системы был слишком прибыльным, чтобы он или, тем более, его офицеры могли ему противостоять. Что касается работы системы на оккупированных землях, то банкир Лаффит сказал Савари, что это грандиозная идея, но неосуществимая (Савари, том v., стр. 110). Сообщается, что император Александр сказал после посещения Англии в 1814 году, что, по его мнению, эта система уменьшила бы Англию, если бы продержалась еще год. Англичане, которые заявляли о праве блокировать любое побережье, практически не заботясь об эффективности блокады, ответили приказами Совета, главные из которых датированы 7 января 1807 года и 11 ноября 1807 года, согласно которым кораблям любой державы не разрешалось вести торговлю между любыми французскими портами или портами любой страны, закрытой для Англии. Каковы бы ни были реальные достоинства этой системы, и хотя она стала причиной войны между Соединенными Штатами и Англией, ее применение нанесло наибольший ущерб Франции и Наполеону и настроило против них всю Европу. Любопытно, что даже в 1831 году пришлось заключить международный договор для урегулирования претензий Соединенных Штатов к Франции за несправедливые изъятия в соответствии с этими декретами.]—

ГЛАВА X.

1806-1807.

Новая система ведения войны—Зимние квартиры—Провозглашение императора—
Необходимость выступить навстречу русским—Бедственное положение в ганзейских городах—
Заказ на 50 000 плащей—Захват русского зерна и леса—Вступление Мюрата в Варшаву—
Восстановление Польши—Несчастный случай с Дюроком—Карета месье де Талейрана застряла в
грязи—Способность Наполеона поднимать дух своих войск—Его манера диктовать—Герцог
Мекленбург—Шверинский—Его визиты в Гамбург—Герцог Веймарский—Его письмо и подарок—
Путешествие по наследственный принц Датский в Париж—Баттер, английские шпионы—
Разъезжающие клерки—Луи Бонапарт и берлинский декрет—Создание Королевства Саксония—

Почитание Германией короля Саксонии—Неуверенность императора в отношении Польши— Праздники и смотры в Варшаве—Французское правительство в резиденции императора— Министерские портфели отправлены в Варшаву.—Военные приготовления в январе—Разница в нашем положении во время кампаний в Вене и Пруссии—Полученные и отправленные новости— Поведение Кабинета Австрии аналогично поведению кабинета в Берлине—Битва при Эйлау— Несправедливое обвинение против Бернадотта—Смерть генерала д'Отпу —"Те Деум", воспетый русскими—Миссия Гарданна в Персии

Бонапарт был не только вне всякого сравнения величайшим полководцем современности, но и, можно сказать, произвел полную перемену в военном искусстве. До него наиболее способные генералы регламентировали сезон боевых действий по календарю. В Европе было принято бросаться под жерло пушки только с первых погожих дней весны до последних погожих дней осени; а дождливые, снежные и морозные месяцы проходили на так называемых зимних квартирах. Пишегрю в Голландии подал пример безразличия к температуре. При Аустерлице Бонапарт тоже выдержал суровую зиму; это хорошо отвечало его целям, и он избрал тот же курс в 1806 году. Его военный гений и активность, казалось, возросли, и, гордясь своими войсками, он решил начать зимнюю кампанию в условиях более суровых условий, чем те, в которых он когда-либо сражался. Люди, прикованные к своей судьбе, теперь должны были противостоять северному ветру, как раньше они противостояли вертикальному солнцу Египта. Наполеон, который, прежде всего, был замечателен выбором полей сражений, не желал спокойно ждать, пока русская армия, продвигавшаяся к Германии, померится с ним силами на равнинах завоеванной Пруссии; он решил выступить ей навстречу и достичь ее прежде, чем она поднимется над Вислой; но прежде чем он покинул Берлин, чтобы исследовать и завоевать Польшу и границы России; он обратился к своим войскам с воззванием, в котором изложил все, чего до сих пор достигла французская армия, и в то же время объявил о своем намерении выступить против нее. намерения на будущее. Было особенно желательно, чтобы он выступил вперед, поскольку, если бы он подождал, пока русские перейдут Вислу, зимней кампании, вероятно, не было бы, и ему пришлось бы либо занимать жалкие зимние квартиры между Вислой и Одером, либо снова форсировать Одер для борьбы с врагом в Пруссии. Военный гений и неутомимая активность Наполеона сослужили ему превосходную службу в этом случае, и только что упомянутое воззвание, которое было отправлено из Берлина перед его отъездом из Шарлоттенбурга, доказывает, что он действовал не случайно, как он это часто делал, но что его расчеты были правильными.

—[Перед отъездом из столицы Пруссии Бонапарт украл с памятника Фридриху Великому его шпагу и военные ордена. Он также разграбил галереи Берлина и Потсдама, забрав их лучшие картины и статуи, тем самым продолжив систему, которую он начал в Италии. Все эти вещи он отправил в Париж в качестве трофеев победы и славы. — Редактор издания 1836 года.]

Быстрый и мощный импульс, данный огромным массам людей по воле отдельного человека, может вызвать временный блеск и ослепить глаза толпы; но когда мы находимся вдали от театра славы, мы бежим только от печальных результатов, которые были достигнуты. Гений завоевания может рассматриваться только как гений разрушения. Какая печальная картина часто представляла моим глазам! Я был постоянно обречен выслушивать жалобы на

всеобщее бедствие и выполнять приказы, которые увеличивали огромные жертвы, уже принесенные городом Гамбургом. Так, например, император пожелал, чтобы я снабдил его 50 000 плащей, что я немедленно и сделал. Я почувствовал важность такого приказа с приближением зимы и в климате, с суровостью которого наши войска еще не сталкивались. Я также получил приказ захватить в Любеке (город, который, как я уже говорил, был поочередно взят Блюхером и Бернадоттом) 400 000 банок кукурузы (последняя весит 2000 килограммов) и отправить их в Магдебург. Это зерно принадлежало России. Маршал Мортье также захватил некоторое количество древесины для строительства, которая также принадлежала России и которая оценивалась в 1 400 000 франков.

Между тем наши войска продолжали наступать с такой быстротой, что еще до конца ноября Мюрат прибыл в Варшаву во главе передового отряда Великой армии, которой он командовал. Штаб-квартира императора находилась тогда в Познани, и он принимал депутации со всех концов, требующие восстановления независимости Королевства Польского.

Рапп сообщил мне, что после приема депутации из Варшавы император сказал ему: "Я люблю поляков; их энтузиазм мне нравится; я хотел бы сделать их независимыми, но это трудный вопрос. Австрия, Россия и Пруссия - все получили по куску пирога; кто знает, где однажды зажжется спичка, может быть, пожар прекратится? Мой первейший долг перед Францией, которой я не должен жертвовать ради Польши; мы должны передать этот вопрос повелителю всего сущего — Время, оно скоро покажет нам, что мы должны делать ". Если бы Сулковский был жив, Наполеон, возможно, вспомнил бы, что он сказал ему в Египте, и, по всей вероятности, он поднял бы державу, распад которой к концу прошлого столетия начал нарушать политическое равновесие, существовавшее в Европе со времен Вестфальского мира в 1648 году.

Именно в штаб-квартире в Познани Дюрок воссоединился с императором после своей миссии к королю Пруссии. По дороге его экипаж перевернулся, и он имел несчастье сломать ключицу. Все письма, которые я получал, были ничем иным, как чередой жалоб на плохое состояние дорог. Наши войска сражались абсолютно в грязи, и передвигать артиллерию и кессоны армии приходилось с огромным трудом. Господин де Талейран был вызван императором в ставку в надежде добиться мира, и мне сообщили, что его карета застряла в грязи, и он был задержан в пути на двенадцать часов. Солдат, спросивший одного из лиц в свите г-на де Талейрана, кто этот путешественник, получил ответ, что это министр иностранных дел. "Ах! ба! - воскликнул солдат. - Зачем он приезжает со своей дипломатией в такую дьявольскую страну, как эта?

Император въехал в Варшаву 1 января 1807 года. Большинство донесений, которые он получил до своего прибытия, сходились в описании неудовлетворенности войск, которым в течение некоторого времени приходилось бороться с плохими дорогами, непогодой и множеством лишений." Бонапарт сказал генералам, которые сообщили ему, что энтузиазм его войск сменился унынием и недовольством: "Неужели их дух покидает, когда они появляются перед врагом?" — "Нет, сир". — "Я знал это; мои войска всегда такие же". Затем, повернувшись к Раппу, он сказал: "Я должен разбудить их", - и продиктовал следующее воззвание:

СОЛДАТЫ— В этот самый час исполнился год с тех пор, как вы были на поле Аустерлица, где русские батальоны в беспорядке бежали или сдавали оружие своим победителям. На следующий день обсуждались предложения о мире; но они были обманчивы. Едва русские избежали, возможно, благодаря достойному порицания великодушию, бедствий третьей коалиции, как они

придумали четвертую. Но союзника, на тактику которого они возлагали свои главные надежды, больше не было. Его столица, его крепости, его склады, его арсеналы, 280 знамен и 700 полевых орудий попали в нашу власть. Одер, Варта, пустыни Польши и суровое время года ни на минуту не задержали вашего продвижения. Вы выдержали все; преодолели все; все препятствия рассеялись при вашем приближении. Русские тщетно пытались защитить столицу древней и прославленной Польши. Французский орел парит над Вислой. Храбрые и несчастные поляки, увидев вас, вообразили, что видят легионы Собеского, возвращающиеся из своего достопамятного похода.

Солдаты, мы не сложим оружия до тех пор, пока всеобщий мир не укрепит мощь наших союзников и не вернет нам наши колонии и свободу торговли. Мы завоевали Эльбу и Одер, Пондишери, наши индийские владения, мыс Доброй Надежды и испанские колонии. Почему русские должны иметь право противостоять судьбе и срывать наши справедливые планы? И они, и мы по-прежнему остаемся солдатами, сражавшимися при Аустерлице.

Рапп так описывает вступление французов в Варшаву и добавляет несколько анекдотов, связанных с этим событием:

Наконец мы вошли в польскую столицу. Король Неаполя опередил нас и изгнал русских из города. Наполеона встретили с энтузиазмом. Поляки думали, что настал момент их возрождения и что их желания исполнились. Было бы трудно описать радость, проявленную таким образом, и уважение, с которым они относились к нам. Французские войска, однако, были не столь довольны; они проявили величайшее отвращение к переправе через Вислу. Мысль о нужде и плохой погоде внушила им величайшее отвращение к Польше, и они были неистощимы в своих шутках над страной".

Когда Бонапарт диктовал свои прокламации — а скольких я не написал под его диктовку! — на мгновение он был вдохновлен и выказал все волнение, которое отличает итальянских импровизаторов. Чтобы следовать за ним, нужно было писать с немыслимой быстротой. Когда я перечитывал ему то, что он продиктовал, я часто видел, как он торжествующе улыбался тому эффекту, который, как он ожидал, произведет та или иная фраза. В целом, его прокламации касались трех различных моментов — (1) восхваления своих солдат за то, что они сделали; (2) указания им на то, что им еще предстоит сделать; и (3) оскорбления его врагов. Прокламация, о которой я только что упомянул, широко распространялась по Германии, и невозможно представить, какой эффект она произвела. на всю армию. Корпус, дислоцированный в тылу, форсированными маршами сжег слишком большое пространство, которое все еще отделяло его от штаба; а те, кто был ближе к императору, забыли о своей усталости и лишениях и стремились только к встрече с врагом. Они часто не могли понять, что говорил Наполеон в этих воззваниях; но, несмотря на это, они бодро последовали бы за ним босиком и без провизии. Таков был энтузиазм, или, скорее, фанатизм, который Наполеон мог внушить своим войскам, когда считал нужным разбудить их, как он это называл.

Когда в прошлый раз я говорил о герцоге Мекленбург-Шверинском и его семье, я забыл одно обстоятельство, касающееся моего общения с ним, которое теперь всплыло в моей памяти. Когда после Йенской битвы он был изгнан из своих Штатов и нашел убежище в Альтоне, он попросил через своего министра в Гамбурге графа фон Плессена, чтобы я разрешил ему

время от времени посещать этот город. Это разрешение я дал без колебаний; но герцог не соблюдал никаких мер предосторожности в своих визитах, и я высказал ему несколько дружеских замечаний по этому поводу. Я знал цель его визитов. Это была тайная связь в Гамбурге; но, по моим наблюдениям, он перевез даму в Альтону и заверил меня, что принял такое решение, чтобы не привлекать меня к ответственности. Впоследствии он очень редко приезжал в Гамбург, но, поскольку мы были в наилучшем взаимопонимании с Данией, я часто виделся с его дочерью и зятем, которые часто навещали меня в моем доме в Гольштейне, недалеко от Альтоны.

Там я также почти каждый день видел герцога Веймарского, прекрасного старика. У меня было преимущество находиться с ним в таких близких отношениях, что мой дом в какой-то мере принадлежал ему. Он также потерял свои Состояния. Я был так счастлив внести свой вклад в их восстановление, поскольку мое положение позволяло мне оказывать некоторое влияние на политические послабления или строгость правительства. Я питал искреннее уважение к герцогу Веймарскому и очень сожалел о его отъезде. Как только он прибыл в Берлин, он написал мне благодарственное письмо, к которому добавил подарок в виде бриллианта в знак своего благодарного воспоминания обо мне. Герцогу Мекленбургскому повезло меньше, чем герцогу Веймарскому, несмотря на его союз с правящей семьей Дании. Он был вынужден оставаться в Альтоне до июля следующего года, поскольку его государства были восстановлены только по Тильзитскому мирному договору. Как только стало известно, что император возвращается в Париж, сын герцога, наследный принц, посетил меня в Гамбурге и спросил, могу ли я представить его императору, чтобы выразить свою собственную благодарность и благодарность своего отца. Он был очень образованным молодым человеком. Он отправился в путь в сопровождении М. Эрцена и барона фон Брандштатена. Некоторое время спустя я увидел его имя в "Монитер", в одном из списков подарков Наполеону, собрание которых во времена Империи можно было рассматривать как общий реестр дворянства Европы.

Обычно говорят, что мы можем приучить себя ко всему, но для меня это замечание является исключением; ибо, несмотря на необходимость нанимать шпионов, к которой я был вынужден, я никогда не мог преодолеть отвращение, которое испытывал к ним, особенно когда видел, как люди, которым суждено занимать респектабельное положение в обществе, опускаются до этой позорной профессии. Невозможно представить, к каким ухищрениям прибегают эти люди, чтобы завоевать доверие тех, кого они хотят предать. Из этого мне только сейчас приходит на ум следующий пример.

Один из тех негодяев, которых нанимают при определенных обстоятельствах и всеми сторонами, пришел предложить мне свои услуги. Его звали Батлер, и он был отправлен из Англии на Континент в качестве шпиона французского правительства. Он немедленно пришел ко мне с жалобой на мнимых врагов и несправедливое обращение. Он сказал мне, что у него есть величайшее желание служить императору и что он пойдет на любую жертву, чтобы доказать свою верность. Истинным мотивом его смены партии, как и у всех подобных людей, была всего лишь надежда на более высокую награду. Самыми необычными были схемы, которые он использовал, чтобы помешать своим старым работодателям заподозрить, что он служит новым. Мне он постоянно повторял, как счастлив отомстить своим врагам в Лондоне. Он попросил меня разрешить ему поехать в Париж для допроса у министра полиции. Чтобы лучше поддерживать обман, он попросил, чтобы по прибытии в Париж его поместили в Тампль и чтобы во французских журналах было помещено объявление в следующих выражениях:

- Джон Батлер, обычно называемый графом Батлером, только что был арестован и отправлен в Париж французским посланником в Гамбурге под хорошим конвоем.

По истечении нескольких недель Батлер, получив инструкции, отправился в Лондон, но в качестве меры предосторожности он сказал, что было бы неплохо опубликовать в журналах еще одно объявление следующего содержания:

"Джону Батлеру, арестованному в Гамбурге как английский агент и препровожденному в Париж, приказано покинуть Францию и территории, оккупированные французскими армиями и их союзниками, и не появляться там снова до установления всеобщего мира".

В Англии Батлер пользовался почестями французского судебного преследования. Его считали жертвой, заслужившей полное доверие врагов Франции. Он снабдил Фуше значительным объемом информации, и ему посчастливилось избежать повешения.

Несмотря на мнимую необходимость использования секретных агентов, Бонапарт не желал, чтобы даже под этим предлогом между Францией и Англией устанавливалось слишком много связей: Фуше, тем не менее, активно руководил эволюцией своей секретной армии. Всегда готовый ухватиться за все, что могло придать значение полиции и вызвать подозрения императора, Фуше написал мне, что правительство получило определенную информацию о том, что многие французы, путешествующие по торговым домам Франции, закупают в Манчестере изделия английского производства. Это было правдой; но как можно было предотвратить это? Эти разъездные клерки проезжали через Голландию, где им легко удалось добраться до Англии.

Луи Бонапарт, полагая, что король Голландии должен принести интересы своих новых подданных в жертву желаниям своего брата, поначалу был очень снисходителен к пагубной континентальной системе. Но Наполеон вскоре проявил свое неудовольствие, и примерно в конце 1806 года Людовик был вынужден отдать приказ о строгом соблюдении блокады. Легкость, с которой путешественники из французских торговых домов переезжали из Голландии в Англию, вызвала другие опасения со стороны французского правительства. Было сказано, что, поскольку французы могли так легко перебраться с Континента в Великобританию, агенты английского кабинета могли бы тем же путем попасть на Континент. Соответственно, консулам было приказано внимательно следить не только за лицами, которые, очевидно, прибыли из Англии, но и за теми, кто по какой-либо возможности мог прибыть из этой страны. Весь этот план был очень хорош, но как его было привести в исполнение? ... Тем не менее Континент был наводнен изделиями английского производства по той простой причине, что, какой бы могущественной ни была воля суверена, она все же менее могущественна и менее долговечна, чем потребности народа. Континентальная система напомнила мне закон, созданный древним законодателем, который за преступление, которое, по его мнению, никак не могло быть совершено, приговорил человека, виновного в нем, перебросить быка через гору Таурус.

В мои нынешние намерения не входит рисовать картину состояния Европы в конце 1806 года. Я просто сведу воедино несколько фактов, которые стали мне известны в то время и которые я нахожу в своей переписке. Я уже упоминал, что император прибыл в Варшаву 1 января. Во время своего пребывания в Познани он, в силу договора, заключенного с курфюрстом Саксонии, основал новое королевство и, следовательно, расширил свою власть в Германии

путем присоединения нового Королевства Саксония к Рейнской конфедерации. По условиям этого договора Саксония, столь справедливо славящаяся своей кавалерией, должна была предоставить императору контингент в 20 000 человек и лошадей.

Для принцев Германии, привыкших к старым привычкам этикета, было совершенно непривычным зрелищем видеть, как выскочка-суверен обращается с ними как с подданными и даже обязывает их считать себя таковыми. Знаменитые саксы, которые приводили в трепет Карла Великого, бросились на защиту императора, и союз с главой Саксонского дома не был безразличен Наполеону, поскольку новый король в силу своего возраста, вкусов и характера пользовался большим уважением, чем любой другой немецкий принц.

С момента прибытия Наполеона в Варшаву и до начала военных действий против русских к нему постоянно обращались с просьбами восстановить трон Польши и вернуть ее рыцарскую независимость древней империи Ягеллонов. Человек, находившийся в то время в Варшаве, сказал мне, что император пребывал в величайшей неуверенности относительно того, что ему следует делать в отношении Польши. Его умоляли восстановить это древнее и героическое королевство, но он так и не пришел к решению, предпочитая, согласно обычаю, подчиниться событиям, чтобы сделать вид, что он ими командует. Действительно, в Варшаве император проводил большую часть своего времени в празднествах и смотрах, что, однако, не мешало ему своим орлиным оком наблюдать за каждым отделом государственной службы, как внутренним, так и внешним. Сам он находился в столице Польши, но его огромное влияние присутствовало повсюду. Я слышал, как Дюрок сказал, когда мы беседовали о Тильзитской кампании, что активность и интеллект Наполеона никогда не были так заметны.

Одной из весьма примечательных особенностей имперских войн было то, что, за исключением внутренней полиции, душой которой был Фуше, все правительство Франции находилось в ставке императора. В Варшаве внимание Наполеона было занято не только делами своей армии, но он руководил всей машиной французского правительства точно так же, как если бы он находился в Париже. Ежедневные осведомители, а часто и бесполезные аудиторы Государственного совета, приносили ему более или менее правильные отчеты и любопытные разоблачения, которые часто были выдумкой полиции. Портфели министров прибывали каждую неделю, за исключением портфелей министра иностранных дел и министра военного министерства; первый сначала остановился в Майнце с императрицей, но был вызван в Варшаву; а второй, Кларк, был, к несчастью для Берлина, губернатором этого города. Такое положение вещей продолжалось в течение десяти месяцев отсутствия императора в Париже. Людовик XIV. сказал: "Я сам являюсь государством". Наполеон этого не говорил, но на самом деле при его правлении правительство Франции всегда находилось в его штаб-квартире. Это обстоятельство едва не оказалось для него роковым в связи с необычайным заговором Мале, с некоторыми моментами которого я один, пожалуй, досконально знаком. Январь император посвятил военным приготовлениям к приближающемуся нападению русских, но в то же время он не пренебрегал делами кабинета министров: при нем не допускалось задержек.

Пока Наполеон находился под Варшавой, следовало думать не только о сражении; дела были намного сложнее, чем во время венской кампании. Необходимо было, с одной стороны, наблюдать за Пруссией, которая была оккупирована, а с другой - предвидеть действия русских, чьи движения указывали на то, что они склонны нанести первый удар. В предыдущей кампании Австрия, до взятия Вены, вела боевые действия в одиночку. Теперь ситуация изменилась: у Австрии были только солдаты; а у Пруссии, как заявил мне Блюхер,

начинали появляться граждане. Не было никаких трудностей с возвращением из Вены, но было очень трудно вернуться из Варшавы в случае неудачи, несмотря на создание Королевства Саксония и временное правительство, переданное Пруссии и другим государствам Германии, которые мы завоевали. Ни одно из этих соображений не ускользнуло от проницательности Наполеона: ничто не было упущено в записках, письмах и официальной корреспонденции, которые приходили ко мне со всех сторон. Получая, как я это делал, точную информацию от моих собственных корреспондентов обо всем, что происходило в Германии, часто случалось, что я передавал правительству те же новости, которые оно передавало мне, не предполагая, что я ранее знал это. Так, например, я думал, что информирую правительство о вооружении Австрии, о чем я получил информацию из штаб-квартиры через несколько дней после этого.

Во время прусской кампании Австрия вела точно такую же игру в выжидание, какую Пруссия вела во время австрийской кампании. Как Пруссия перед битвой при Аустерлице ожидала успеха или поражения французов, чтобы решить, следует ли ей сохранять нейтралитет или выступить против Франции, так и Австрия, несомненно, полагая, что России повезет больше как союзнице Пруссии, чем ей как ее союзнице, собрала корпус численностью 40 000 человек в Богемии. Этот корпус назывался армией наблюдения; но природа этих армий наблюдения хорошо известна; они принадлежат к классу вооруженных нейтралитетов, подобно остроумному изобретению санитарных кордонов. Дело в том, что 40 000 человек, собранных в Богемии, были предназначены для оказания помощи русским в случае их успеха (и кто может винить австрийское правительство за желание смыть позор Пресбургского мирного договора?). Наполеону нельзя было терять ни минуты, но эта активность не требовала подстегивания; он ускорил битву при Аустерлице, чтобы опередить Пруссию, и теперь он считал необходимым опередить Россию, чтобы держать Австрию в состоянии нерешительности.

Таким образом, император покинул Варшаву примерно в конце января и немедленно отдал приказ вступить в бой с русской армией в начале февраля; но, несмотря на его желание начать наступление, его опередили. 8 февраля, в семь утра, он был атакован русскими, которые продвигались вперед во время ужасной снежной бури, которая валила большими хлопьями. Они приблизились к Прейсиш-Эйлау, где находился император, и императорская гвардия остановила русскую колонну. Почти вся французская армия участвовала в этом сражении - одном из самых кровопролитных, когда-либо сражавшихся в Европе. Корпус под командованием Бернадотта не участвовал в сражении; он был размещен слева, у Морунгена, откуда угрожал Данцику. Исход сражения был бы совсем другим, если бы четыре пехотные дивизии и две кавалерийские, составляющие корпус Бернадотта, прибыли вовремя; но, к сожалению, офицер, которому было поручено передать приказ Бернадотту без промедления выступить на Прейсиш-Эйлау, был взят отрядом казаков; следовательно, Бернадотт не прибыл. Бонапарт, который всегда любил обвинять кого-нибудь, если дела шли не совсем так, как он хотел, приписал сомнительный успех дня отсутствию Бернадотта; в этом он был прав; но ставить его отсутствие в упрек этому маршалу было вопиющей несправедливостью. Бернадотта обвинили в том, что он не желал идти маршем на Прейсиш-Эйлау, хотя, как утверждалось, генерал д'Отпуль проинформировал его о необходимости своего присутствия. Но как можно установить этот факт, если генерал д'Отпуль был убит в тот же день? Кто может заверить нас, что этот генерал мог общаться с маршалом?

Те, кто знал Бонапарта, его хитрость и то искусное преимущество, которое он иногда извлекал из слов, которые приписывал мертвым, легко разгадают загадку. Битва при Эйлау была ужасной. Наступила ночь — корпус Бернадотта ожидали немедленно, но напрасно; и

после больших потерь французской армии выпала печальная честь провести ночь на поле боя. Наконец Бернадотт прибыл, но слишком поздно. Он встретил врага, который отступал, не опасаясь быть отброшенным к Кенигсбергу, единственной столице, оставшейся у Пруссии. Король Пруссии находился тогда в Мемеле, маленьком порту на Балтийском море, в тридцати лье от Кенигсберга.

После битвы при Эйлау обе стороны оставались неподвижными, и прошло несколько дней, но ничего примечательного не произошло. Предложения о мире, сделанные императором, правда, без особой серьезности, были презрительно отвергнуты, как будто победа, оспариваемая у Наполеона, должна была рассматриваться как триумф. Битва при Эйлау, казалось, вскружила головы русским, которые по этому случаю скандировали "Te Deum". Но пока император готовился к наступлению, его дипломатия возымела действие в отдаленных кварталах и подняла против России старого и грозного врага. Турция объявила ей войну. Это был мощный отвлекающий маневр, вынудивший Россию обнажить свои западные границы, чтобы обеспечить линию обороны на юге.

Некоторое время спустя генерал Гарданн отправился в знаменитое посольство в Персию, путь к которому был проложен успехом миссии моего друга Амедея Жобера. Это посольство было не просто одной из тех помпезных миссий, какие были у Карла Великого, Людовика XIV и Людовика XVI. получено от императрицы Ирины, короля Сиама и Типпу Саиба. Это было связано с идеями, которые Бонапарт вынашивал на самой заре своего могущества. Действительно, именно свет с Востока быстро позволил ему увидеть свое величие в перспективе; и этот свет никогда не переставал приковывать его внимание и поражать воображение. Я хорошо знаю, что посольство Гарданна сначала было задумано в гораздо большем масштабе, чем тот, в котором оно было осуществлено. Наполеон решил послать персидскому шаху 4000 пехотинцев под командованием отборных и опытных офицеров, 10 000 мушкетов и 50 пушек; и я также знаю, что были отданы приказы об исполнении этого замысла. Общепризнанной целью императора было дать возможность персидскому шаху совершить важный отвлекающий маневр с 80 000 человек в восточных провинциях России. Но была также и другая, старая и постоянная цель, которая всегда занимала главное место в сознании Наполеона, а именно желание нанести удар по Англии в самом сердце ее азиатских владений. Таков был главный мотив миссии Гарданна, но обстоятельства не позволили императору придать ей все то значение, которого он желал. Он удовлетворился тем, что отправил в Персию нескольких офицеров инженерных войск и артиллерии, которые по прибытии были поражены количеством англичан, которые они там обнаружили.

ГЛАВА XI.

1807

Злоупотребление военной властью—Защита дипломатических прав—Маршал Брюн —Армейские припасы—Английская ткань и кожа—Арест по обвинению в клевете—Депеша от М. Талейрана—

Паж славы Наполеона— Беседа двух императоров в Тильзите—Силезия возвращена королеве Пруссии—Неблагоприятная ситуация в Пруссии— Невозможность восстановления Польши в 1807 году—Основание Вестфальского королевства—Герцогства Варшавского и короля Саксонии.

Между тем внутренние дела городов, на которые распространялась моя дипломатическая юрисдикция, вскоре дали мне больше работы, чем когда-либо. Возможно, величайшим несчастьем Империи было злоупотребление правом, присвоенным носителями эполет. Мое положение дало мне возможность наблюдать весь одиозный характер военного правительства. Другой на моем месте не смог бы сделать всего того, что сделал я. Я говорю это уверенно, поскольку мое положение было особым и независимым, как и сказал мне Бонапарт: я был уполномочен вести прямую переписку с императором; военные начальники опасались, что, если они не подчинятся моим справедливым заявлениям, я буду делать частные донесения; это опасение было удивительно полезным, позволив мне отстаивать права городов, которые приняли меня как своего первого гражданина.

Произошло обстоятельство, при котором мне пришлось защищать права дипломатических и коммерческих агентов от притязаний военной силы. Маршал Брюн во время своего правления в Гамбурге отправился в Бремман, чтобы понаблюдать за строгим соблюдением иллюзорной блокады против Англии. Маршал, действуя, без сомнения, в соответствии с инструкциями Кларка, тогдашнего военного министра и губернатора Берлина, пожелал присвоить себе право принимать решения о захватах, произведенных нашими крейсерами.

Он пытался помешать консулу Лагау продать конфискованные корабли, чтобы продать их самому. На это господин Лагау пожаловался мне. Чем больше я замечал склонность к посягательству со стороны военных властей, тем больше я считал необходимым поддерживать права консулов и способствовать их влиянию, без которого они потеряли бы свое значение. На жалобы г-на Лагау я ответил, "что ему одному принадлежало право решать в первую очередь судьбу кораблей; что он не мог быть лишен этого права без изменения закона; что он был волен продать конфискованные прусские корабли; что маршал Брюн находился в Бремене только для исполнения указа о блокаде Англии и что он не должен вмешиваться в дела, не связанные с этим указом". Лагау показал это письмо Брюну, который затем позволил ему поступать так, как он хотел; но это было выгодное дело, и маршал долгое время был на меня в обиде.

Бернадотт был чрезвычайно бескорыстен, но ему нравилось, когда о нем говорили. Чем больше император пытался выдвинуть против него обвинения, тем больше он стремился предать гласности все свои действия. Он прислал мне отчет о блестящем сражении при Браунсбурге, в котором особенно отличилась дивизия первого корпуса. Вместе с этим рассказом он прислал мне записку следующего содержания: "Посылаю вам, мой дорогой. Министр, отчет о Браунсбургском деле. Возможно, вы сочтете нужным опубликовать его. В таком случае я буду вам очень обязан, если вы опубликуете это в "Гамбургских журналах", - я так и сделал. Несправедливость императора и дурной тон, с которым он отзывался о Бернадотте, вынудили последнего — ради его собственной репутации - сообщить миру правду.

Я уже упоминал, что получил приказ от императора снабдить армию 50 000 плащей. С этим приказом, который был не единственным, полученным мною в том же роде, были связаны некоторые обстоятельства, которые я могу, пользуясь случаем, объяснить.

Император дал мне столько заказов на армейское обмундирование, что всего, что могли бы предоставить города Гамбург, Бремен и Любек, было бы недостаточно для выполнения заказов. Я заключил договор с домом в Гамбурге, которому я разрешил, несмотря на берлинский декрет, ввозить ткани и кожу из Англии. Таким образом, я приобрел эти предметы надежным и дешевым способом. Наши войска могли бы погибнуть от холода, если бы соблюдалась континентальная система и абсурдная масса неисполнимых указов относительно английских товаров.

Начальник таможни в Гамбурге рассердился, но я держался твердо: прибыла моя одежда и кожаные изделия; плащи, шубы, сапоги - все было быстро сшито, и наши солдаты, таким образом, были защищены от суровых погодных условий. Чтобы сохранить мир с Имперской таможней, я написал М. Колли, тогдашнему генеральному директору, что м. Юдель пожелал привести в исполнение закон 10 Брюмера и со всех сторон поступали жалобы. Маршал Брюн поинтересовался моим мнением по этому поводу, и я высказал его ему. Я заявил мсье Колли, что полное выполнение декрета от 31 октября 1796 года неосуществимо, наносит ущерб Франции и ганзейским городам, не нанося вреда Англии. В самом деле, что говорится в статье 5 этого закона? "Все товары, импортируемые из зарубежных стран, независимо от их происхождения, должны рассматриваться как поступающие от английских производителей". Согласно этой статье, Франция была чужой страной для ганзейских городов, и ни один из объектов, перечисленных в этой статье, не должен был попасть в Гамбург! Но город получал из Англии большое количество тонкой ткани, пуговиц, скобяных изделий, игрушек, фарфора, а из Франции - только часы, бронзу, украшения, ленты, шляпки, кисею и перчатки. "Позвольте", - сказал я М. Юдель, "если спросить парижского дуэйна, что только этот город экспортирует в такого рода товарах, то станет ясно, насколько важно не прекращать торговлю, тем более выгодную для Франции, поскольку качество изготовления составляет большую часть цены товаров, составляющих эту торговлю. Что бы произошло, если бы ввоз этих товаров был категорически запрещен в Гамбурге? Поставки прекратились бы, и один из самых продуктивных источников торговли для Франции, и особенно для Парижа, был бы перекрыт".

В то время ни в Гамбурге, ни на его территории не производилось сукно. По словам М., все шерстяные изделия были запрещены. Юдель, и все же моим долгом было снабдить, и я снабдил, 50 000 плащей для Великой армии. В соответствии с недавним императорским указом я должен был без промедления сшить 16 000 сюртуков, 37 000 жилетов, и император потребовал от меня 200 000 пар сапог, помимо 40 000 пар, которые я отправил. И все же мсье Юдель сказал, что дубленая и обработанная кожа не должна ввозиться в Гамбург! Если бы такое нелепое применение закона 1796 года было осуществлено, это обернуло бы указ от 21 ноября 1796 года против Франции, не достигнув своей цели.

Эти размышления, к которым я добавил другие детали, заставили правительство прийти к выводу, что я был прав, и я торговал с Англией с большой выгодой для армий, которые были хорошо одеты и обуты. Что в мире может быть нелепее коммерческих законов, принимаемых во вред самому себе?

В начале 1807 года мои занятия в Гамбурге были разделены между поставкой припасов для армии и инспекцией эмигрантов, которых Фуше притворялся, что боится, чтобы придать большее значение своей должности.

Я никогда не упускал возможности смягчить строгость приказов Фуше, которые, действительно, иногда были настолько абсурдными, что я не пытался их выполнять. Мне вспоминается такой случай. Типограф в Гамбурге был арестован по обвинению в том, что

напечатал клевету на немецком языке. Этот человек был заключен в тюрьму, потому что, к его чести, он не захотел раскрыть имя автора брошюры. Я послал за ним и допросил его. Он сказал мне, со всей видимостью искренности, что видел человека, который принес ему рукопись, всего один раз. Я был убежден в правдивости того, что он сказал, и отдал приказ о его освобождении. Чтобы не раздражать чувствительного министра полиции, я написал ему следующие несколько строк: "Клевета - самая жалкая рапсодия, какую только можно вообразить. Автор, вероятно, намереваясь продать свой памфлет в Гольштейне, предсказывает, что Дания покорит все остальные нации и станет величайшим королевством в мире. Одного этого будет достаточно, чтобы доказать вам, как мало лязга в мусоре, написанном в стиле Апокалипсиса".

После битвы при Эйлау я получил депешу от г-на де Талейрана, к которой был присовокуплен отчет на французском языке об этом достопамятном сражении, оказавшемся более роковым для победителя, чем для другой стороны, — я не могу назвать побежденных, говоря о русских, тем более, когда я вспоминаю меры предосторожности, которые тогда принимались по всей Германии, чтобы ознакомить французов с русской версией. Император был чрезвычайно озабочен тем, чтобы каждый рассматривал это событие так, как он сам его рассматривал. Другие отчеты, отличные от его, могли произвести неблагоприятное впечатление на севере. Поэтому я получил приказ опубликовать этот отчет. Я распорядился выпустить 2000 экземпляров этого издания, которых было более чем достаточно для распространения в ганзейских городах и на их территориях.

Читатель, возможно, посетует, что я почти умолчал о грандиозных маневрах французской армии, начиная с битвы при Эйлау и заканчивая битвой при Фридланде, где, во всяком случае, наш успех был неоспорим. Не было необходимости печатать благоприятные версии этого события, и, кроме того, его огромные результаты вскоре ощутила вся Европа. Собеседование в Тильзите - один из кульминационных моментов современной истории, и воды Немана отразили образ Наполеона на пике его славы. Беседа двух императоров в Тильзите и печальное положение короля Пруссии общеизвестны. Я был ознакомлен лишь с несколькими секретными подробностями, относящимися к тем событиям, поскольку Рапп ездил к Данцику, и именно он наиболее охотно сообщал мне все, что говорил и делал император, и все, что происходило вокруг него.—

—[Сэйвори приводит следующий отчет о встрече Наполеона и Александра в Тильзите.

"Император Наполеон, чья вежливость проявлялась во всех его действиях, приказал спустить посреди реки большой плот, на котором была построена хорошо освещенная и элегантно украшенная комната с двумя дверями в противоположных концах, каждая из которых открывалась в прихожую. Работа не могла быть выполнена лучше в Париже. Крышу венчали два флюгера: на одном был изображен орел России, а на другом - орел Франции. Две наружные двери также были увенчаны орлами двух стран.

"Плот находился точно посередине реки, две двери салона выходили на два противоположных берега.

"Два монарха появились на берегу реки и сели в один и тот же момент, но император Наполеон, у которого была хорошая лодка, укомплектованная морскими пехотинцами гвардии, прибыл первым на плот, вошел в комнату и направился к противоположной двери, которую он открыл, а затем расположился на краю плота, чтобы принять императора Александра, который еще не прибыл, не имея таких хороших гребцов, как император Наполеон.

"Два императора встретились самым дружеским образом, по крайней мере, судя по всему. Они пробыли вместе довольно долго, а затем простились с таким же дружеским видом, с каким встретились.

"На следующий день российский император обосновался в Тильзите с батальоном своей гвардии. Был отдан приказ эвакуировать ту часть города, где он и его батальон должны были расквартироваться; и, хотя нам очень не хватало места, ни о каком посягательстве на пространство, отведенное русским, не могло быть и речи.

"В тот день, когда император Александр вступил в Тильзит, вся армия была при оружии. Императорская гвардия была вытянута в две линии глубиной по три человека от места высадки до апартаментов императора Наполеона, а оттуда - до апартаментов императора России. Салют из 100 орудий прозвучал в тот момент, когда Александр ступил на берег на том месте, где его ждал император Наполеон. Последний настолько заинтересовал своего посетителя, что прислал из своих покоев мебель для спальни Александра. Среди присланных предметов была походная кровать, принадлежавшая императору, которую он подарил Александру, который, казалось, был очень доволен подарком.

"Эта встреча, первая, о которой свидетельствует история, подобного рода и равной важности, привлекла в Тильзит гостей из 100 лье в окружности. Прибыл г-н де Талейран, и после соблюдения обычных церемоний началось обсуждение дела". (Мемуары герцога де Ровиго, том iii. стр. 117).

"Когда, - сказал Наполеон, - я был в Тильзите с императором Александром и королем Пруссии, я был самым невежественным из троих в военном деле. Эти два монарха, особенно король Пруссии, были абсолютно уверены в том, сколько пуговиц должно быть спереди на жакете, сколько сзади и каким образом следует кроить юбки. Ни один армейский портной не знал лучше короля Фридриха, сколько мер ткани требуется, чтобы сшить куртку. На самом деле, - продолжал он, смеясь, - я был никем по сравнению с ними. Они постоянно приставали ко мне по поводу портновских дел, в которых я был совершенно несведущ, хотя, чтобы не оскорблять их, я отвечал так же серьезно, как если бы судьба армии зависела от покроя мундира. Когда я пришел навестить короля Пруссии, вместо библиотеки я обнаружил, что у него была большая комната, похожая на арсенал, обставленная полками и вешалками, на которых было развешено пятьдесят или шестьдесят курток разных узоров. Каждый день он менял свою одежду и надевал другую. Он придавал этому большее значение, чем было необходимо для спасения королевства". ("Наполеон в изгнании" О'Мира.)] —

Я, однако, узнал об одном обстоятельстве, особенно заслуживающем внимания, которое произошло в апартаментах императора в Тильзите, когда его впервые посетил король Пруссии. Этот несчастный монарх, которого сопровождала королева Луиза, укрылся на мельнице за городом. Это было его единственное жилище, в то время как императоры занимали две части города, разделенные Неманом. Факт, о котором я собираюсь рассказать, дошел до меня косвенно через офицера императорской гвардии, который дежурил в апартаментах Наполеона и был очевидцем этого. Когда император Александр посетил Наполеона, они долго беседовали внизу, на балконе, где огромная толпа приветствовала их встречу восторженными криками. Наполеон начал разговор, как и годом ранее с императором Австрии, с разговора о неопределенной судьбе войны. Пока они беседовали, объявили о прибытии короля Пруссии. Волнение короля было заметно, и его легко можно себе представить, ибо, поскольку военные действия были приостановлены, а его территория перешла во владение французов, его единственной надеждой было великодушие победителя. Говорят, что сам Наполеон, казалось, был тронут своим положением и пригласил его вместе с королевой на ужин. Сядя за стол, Наполеон с большой галантностью сказал прекрасной королеве, что он вернет ей Силезию, провинцию, которую она искренне желала бы сохранить при новых порядках, которые неизбежно должны были вот-вот произойти.

—[Лас Кейсз упоминает, что во время заключения Тильзитского мирного договора Наполеон написал императрице Жозефине следующее:

"Королева Пруссии действительно очаровательная женщина. Она любит кокетничать со мной; но не ревнуйте: я подобен клеенке, по которой все подобное скользит, не проникая внутрь. Мне слишком дорого обошлось бы разыгрывание галантного"

"На эту тему в салоне Жозефины рассказывали анекдот. Рассказывали, что однажды у королевы Пруссии в руке была прекрасная роза, которую император попросил ее подарить ему. Королева несколько мгновений колебалась, а затем подарила его ему, сказав: "Почему я должна с такой готовностью исполнять твою просьбу, в то время как ты остаешься глух ко всем моим мольбам?" (Она намекала на крепость Магдебург, о которой она искренне просила). (Мемориал Святой Елены).]—

Мирный договор, заключенный в Тильзите между Францией и Россией 7 июля и ратифицированный двумя днями позже, произвел не менее разительные изменения в географическом разделении Европы, чем годом ранее Пресбургский мирный договор. Международный договор не содержал никаких условий, позорных для России, территория которой была сохранена в неприкосновенности; но как обошлись с Пруссией? Некоторые историки, ради тщеславного удовольствия польстить посмертными похвалами мнимой умеренности Наполеона, чуть ли не упрекали его в том, что он позволил выжить некоторым остаткам монархии великого Фридриха. Тем не менее, есть пункт, по которому Наполеон был несправедливо осужден, по крайней мере, в связи с кампанией 1807 года. Было сказано, что он должен был в тот период восстановить королевство Польское; и, конечно, есть все основания сожалеть, в интересах Франции и Европы, что оно не было восстановлено. Но когда желание, даже основанное на разуме, не приводится в исполнение, должны ли мы заключить, что желаемая цель должна быть достигнута вопреки всем препятствиям? В то время, то есть во время Тильзитской кампании, существовали непреодолимые препятствия.

Однако, если по Тильзитскому мирному договору польский трон не был восстановлен, чтобы служить барьером между старой Европой и Империей царей, Наполеон основал Вестфальское королевство, которое он отдал молодому "прапорщику де Везо", которого он ругал в детстве, а теперь сделал королем, чтобы тот мог иметь под своим контролем другого коронованного префекта. Королевство Вестфалия состояло из штатов Гессен-Кассель, части провинций, отнятых у Пруссии умеренностью императора, а также из штатов Падерборн, Фульда, Брауншвейг и части курфюршества Ганновер. В то же время Наполеон, хотя и не любил делать все наполовину, чтобы не трогать русские и австрийские провинции старой Польши, основал на берегах Вислы Великое герцогство Варшавское, которое он передал королю Саксонии, с намерением впоследствии увеличить или уничтожить его, как ему будет удобно. Таким образом, он позволил полякам надеяться на лучшее в будущем и обеспечил себе партизан на севере, если удача призовет его туда. Александр, которого еще больше, чем его отца, обольстило то, что я мог бы назвать политическим кокетством Наполеона, согласился на все эти договоренности, признал "in globo" всех королей, коронованных императором, и принял некоторые провинции, принадлежавшие его ограбленному союзнику, королю Пруссии, несомненно, в качестве утешения за то, что не смог вернуть Пруссии больше. Два императора расстались лучшими друзьями в мире, но континентальная система все еще существовала.

ГЛАВА XII.

1807.

Эффект, произведенный в Альтоне Тильзитским договором—Герцог Мекленбургский-Уход Шверина из Гамбурга—Английская эскадра в звуковой бомбардировке Копенгагена—Вероломство Англии—Замечание Бонапарта М. Лемерсье—Пруссия стерта с карты-Возвращение Наполеона в Париж—Подавление трибуната—Конфискация английских товаров—Девять миллионов, полученных Францией—М. Коленкур посол в России—Отвращение Англии к вмешательству России—Дела Португалии—Жюно назначен командующим армией—Отъезд принца—регента в Бразилию—Кодекс Наполеона—Введение французских законов в Германии—Снисходительность гамбургских присяжных-Украденный плащ и синдик Дорманн.

Тильзитский мирный договор, как только о нем стало известно в Альтоне, вызвал ужас среди эмигрантов. Что касается немецких князей, ожидавших исхода событий либо в Альтольне, либо в Гамбурге, то, когда они узнали, что между Францией и Россией подписан окончательный мирный договор и что через два дня после заключения Тильзитского мирного договора прусская монархия была отдана на милость Наполеона, каждый прибывавший курьер приводил их в неописуемое волнение. Быть им или не быть, зависело от воли императора. Герцогу Мекленбург-Шверинскому не удалось восстановиться в своих государствах путем исключительного решения, подобно герцогу Веймарскому; но в конце концов он добился возвращения своей территории по просьбе императора Александра, и 28 июля он покинул Гамбург, чтобы вернуться в свое герцогство.

Примерно в то же время временный поверенный в делах Дании передал мне официальный отчет своего правительства. В этом сообщении сообщалось, что в понедельник, 3 августа, эскадра, состоящая из двенадцати линейных кораблей и двенадцати фрегатов, под командованием адмирала Гамбье, прошла пролив. Остальная часть эскадры была замечена в этой категории. В то же время английские войска, находившиеся на острове Рюген, снова высадились. Тогда мы не могли себе представить, на какое предприятие были направлены эти значительные силы. Г-н Дидло, французский посол в Копенгагене, прибыл в Гамбург в девять часов вечера 12 августа. Ему посчастливилось беспрепятственно пройти через Великий Бельт, хотя и на виду у англичан. Я отправил его отчет в Париж с чрезвычайным курьером.

Англичане послали в Балтийское море 20 000 человек и двадцать семь судов; войсками командовал лорд Кэткарт. Побережье Зеландии было блокировано девятью судами. Мистер Джексон, который был послан Англией для переговоров с Данией, которая, как она опасалась, подвергнется вторжению французских войск, поддержал предложения, которые ему было поручено предложить Дании, сославшись на эти мощные британские силы. Предложения мистера Джексона имели своей целью не что иное, как побудить короля Дании передать под опеку Англии все свои корабли и военно-морские припасы. Они, правда, должны были храниться на депозите, но условие содержало слова "до заключения

всеобщего мира", что делало период их восстановления неопределенным. Они должны были содержаться под стражей до тех пор, пока в таких мерах предосторожности не отпадет необходимость. Вскоре после этого требования последовала угроза и ее исполнение. После благородного, но бесполезного сопротивления и ужасающей бомбардировки Копенгаген сдался, а датский флот был уничтожен. Трудно было бы найти в истории более позорный и отвратительный пример злоупотребления властью против слабости.

Через некоторое время после этого события появилась брошюра под названием "Германия", которую я перевел и отправил императору. Оно было красноречиво написано и выражало негодование, которое поведение Англии вызвало у автора, как и у всех остальных.

—["Эта экспедиция, - сказал наполеон на острове Святой Елены, - продемонстрировала большую энергию со стороны ваших министров; но, оставляя в стороне нарушение законов других наций, которое вы совершили, — поскольку на самом деле это было не что иное, как грабеж, — я думаю, что это было; вредно для ваших интересов, поскольку это сделало датскую нацию непримиримыми врагами по отношению к вам и фактически закрыло вам доступ на север на три года. Когда я услышал об этом, я сказал, что рад этому, поскольку это непоправимо поссорит Англию с Северными державами. То, что датчане смогли присоединиться ко мне с шестнадцатью линейными парусами, не имело большого значения. У меня было много кораблей, и мне нужны были только моряки, которых вы не взяли, и которых я заполучил позже, в то время как экспедицией ваши министры зарекомендовали себя как вероломных и как людей, для которых никакие обязательства, никакие законы не обязательны ". (Голос с острова Святой Елены.)]—

Я изложил, каковы были основные последствия Тильзитского мирного договора; более чем вероятно, что, если бы бомбардировка Копенгагена предшествовала заключению мирного договора, император использовал бы Пруссию еще хуже, чем он это сделал. Он мог бы вычеркнуть ее из списка наций; но он не сделал этого из уважения к императору Александру. Уничтожение Пруссии не было новым проектом Бонапарта. Я помню его замечание месье Лемерсье по этому поводу, когда мы впервые поселились в Мальмезоне. Месье Лемерсье читал Первому консулу какое-то стихотворение, в котором говорилось о Фридрихе Великом. "Вы, кажется, им очень восхищаетесь, - сказал Бонапарт господину Лемерсье. - Что вы находите в нем такого удивительного? Он не равен Тюренну". — "Генерал, - ответил г-н Лемерсье, - я ценю во Фридрихе не только воина; невозможно удержаться от восхищения человеком, который был философом даже на троне". На это Первый консул ответил полушутливым тоном: "Конечно, Лемерсье, но философия Фридриха не помешает мне стереть его королевство с карты Европы". Королевство Фридриха Великого, однако, не было стерто с карты, потому что российский император не стал бы подло бросать верного союзника, который вместе с ним рисковал судьбой. Тогда Пруссии пришлось горько оплакивать трудности, которые помешали ей выступить против Франции во время кампании при Аустерлице.

Наполеон вернулся в Париж примерно в конце июля после десятимесячного отсутствия, самого долгого за все время его пребывания во главе французского правительства, будь то в качестве консула или императора. Свидание в Тильзите, дружба императора Александра, о которой повсюду говорили с преувеличением, и мир, установленный на Континенте, оказали Наполеону моральное влияние на общественное мнение, которым он не обладал со времени своей коронации. Неизменный в своей ненависти к совещательным собраниям, которые он часто называл сборищами болтунов, идеологов и фразеров, Наполеон по возвращении в Париж подавил Трибунал, который раздражал его с первого дня его возвышения. Император,

который "искуснее всех умел спекулировать на благоприятном расположении общественного мнения", воспользовался этим стечением обстоятельств энтузиазмом, вызванным его беседой на Немане. Поэтому он исключил из основных институтов правительства то, что все еще сохраняло тень народного характера. Но было необходимо, чтобы у него был Сенат только для голосования людей; безмолвный Законодательный орган для голосования денег; чтобы не было ни оппозиции в одном, ни критики в другом; никакого контроля над ним любого рода; возможность произвольно делать все, что ему заблагорассудится; порабощенная пресса; — вот чего хотел Наполеон, и этого он добился. Но март 1814 года решил вопрос об абсолютной власти!

В разгар этих великих событий, когда Наполеон мечтал о всеобщей монархии, я наблюдал в менее обширной сфере неизбежные последствия честолюбия одного человека. Грабежи продолжались во всех частях света, на которые распространялась моя дипломатическая юрисдикция. Грабеж, казалось, был разрешен законом и совершался с такой яростью и в то же время с таким невежеством, что агенты часто не были осведомлены о ценности изъятых ими предметов. Так, например, император приказал конфисковать в Гамбурге, Бремене и Любеке все английские товары, независимо от их характера или происхождения. Принц Невшатель (Бертье) написал мне от императора, что я должен раздобыть 10 000 000 франков у ганзейских городов. Г-н Дару, генеральный интендант, в обязанности которого входил сбор такого рода поборов, которым Наполеон научился в Египте, написал, чтобы убедить меня принять быстрое и благоприятное решение. Несчастливые города, которые мне было таким образом предписано угнетать, уже достаточно пострадали. Путем переговоров я получил больше, чем требовалось для выкупа английских товаров, которые были конфискованы в соответствии с приказом. До того, как я получил письма г-на Дарна и принца Невшательского, я получил из Гамбурга 16 000 000 вместо 10 000 000, кроме того, почти 3 000 000 из Бремена и Любека. Таким образом, я предоставил правительству на 9 000 000 больше, чем требовалось, и все же я сумел так распорядиться, что эти огромные жертвы не были чрезмерно угнетающими для тех, кто их принес. Я установил стоимость английского товара, потому что знал, что высокая цена, по которой он продается на Континенте, не только покроет предложенный выкуп, но и принесет значительную прибыль. Таков был своеобразный эффект континентальной системы, что, когда товары конфисковывались, а затем давалось разрешение на их свободную продажу, цена, вырученная при продаже, была настолько велика, что убытки были покрыты и даже получена большая выгода.

После заключения мира с Россией необходимо было выбрать посла не только для поддержания новых дружеских отношений между Наполеоном и Александром, но также и для того, чтобы подтолкнуть Россию к обещанному вмешательству в дела Англии - добиться примирения и мира между кабинетами министров Парижа и Лондона. Император доверил эту миссию Коленкуру, в отношении которого существовало необоснованное предубеждение, связанное с некоторыми обстоятельствами, предшествовавшими смерти герцога Энгиенского. Это неприятное и несправедливое впечатление сложилось у Коленкура до приезда в Санкт-Петербург, и возникло опасение, что он не встретит приема из-за французского посла и своих личных качеств. В то время я знал из достоверной информации, что после короткого объяснения с Александром у этого монарха не осталось никаких подозрений, неблагоприятных для нашего посла, к которому он питал большое уважение и дружбу.

Миссия Коленкура была нелегкой во всех отношениях, поскольку непреодолимое отвращение и неоднократный отказ Англии вступить в переговоры с Францией через посредство России были одним из примечательных обстоятельств того периода, о котором я

говоря. Я положительно знал, что Англия была полна решимости никогда не позволить Наполеону овладеть всем Континентом, — проект, на который он указывал слишком открыто, чтобы допускать какие-либо сомнения относительно него. В течение двух лет он действительно продвигался вперед быстрыми шагами, но Англия не была обескуражена. Она слишком хорошо знала о раздражении монархов и недовольстве народа, чтобы быть уверенной в том, что, когда она пожелает, ее золотой рычаг снова поднимется и вооружит Континент против посягающей власти Наполеона. Он, со своей стороны, понимая, что все его попытки бесплодны и что Англия не желает слушать никаких предложений, разработал новые планы по созданию новых врагов против Англии.

Вероятно, не забыто, что в 1801 году Франция вынудила Португалию выступить с ней заодно против Англии. В 1807 году император снова сделал то, что сделал Первый консул. По необъяснимой случайности Жюно получил командование войсками, шедшими против Португалии. Я говорю против Португалии, поскольку это был факт, хотя Франция представляла себя защитницей, призванной избавить Португалию от влияния Англии. Как бы то ни было, выбор, который император сделал в отношении командующего, поразил всех. Был ли Жюно, смесь тщеславия и посредственности, подходящим человеком, которому можно было доверить командование армией в далекой стране и в обстоятельствах, когда требовались большие политические и военные таланты? Со своей стороны, зная о неспособности Жюно, я должен признать, что его назначение меня удивило. Я помню, как однажды, когда я разговаривал на эту тему с Бернадотом, он показал мне письмо, полученное им из Парижа, в котором говорилось, что император отправил Жюно в Португалию только для того, чтобы лишить его власти в Париже. Жюно раздражал Наполеона своим дурным поведением, своей глупостью и невероятной расточительностью. Он был одинаково лишен достоинства — как в чувствах, так и в поведении. Таким образом, Португалия дважды была местом ссылки, выбранным по консульскому и императорскому капризу: во-первых, когда первый консул пожелал избавиться от фамильярности Ланна; и во-вторых, когда императору надоело недостойное поведение фаворита.

Вторжение в Португалию не представляло никаких трудностей. Это была вооруженная прогулка, а не война; но сколько событий было связано с оккупацией этой страны! Принц-регент Португалии, не желая поступать бесчестно по отношению к Англии, с которой он был связан договорами, и не имея возможности противостоять всей мощи Наполеона, отплыл в Бразилию, заявив, что всякая оборона бесполезна. В то же время он рекомендовал своим подданным дружески встретить французские войска и сказал, что он веряет Провидению последствия вторжения, которое было необоснованным. От имени императора ему ответили, что, поскольку Португалия является союзницей Англии, мы всего лишь ведем военные действия против последней, вторгаясь в ее владения.

Именно в ноябре месяце кодекс французской юриспруденции, над которым неустанно трудились самые ученые законодатели, был утвержден в качестве закона государства под названием "Кодекс Наполеона". Несомненно, этот законодательный памятник прославит Наполеона в истории; но можно ли было предположить, что одни и те же законы будут одинаково применимы на столь обширной территории, как та, что охватывала Французскую империю? Как бы это ни было невозможно, как только Кодекс Наполеона был обнародован, я получил приказ установить его в ганзейских городах.

—[Этот великий кодекс гражданского права был составлен по приказу Наполеона под его личным руководством. Многие были подготовлены в рамках Конвенции, и главными достоинствами ее были заслуги таких людей, как Тронше, Партатис, Биге де Премене, Малевиль, Камбасерес и др. Но это обсуждалось при Наполеоне и им самим, который проявлял к этому живой интерес.

Сначала он назывался "Гражданский кодекс", но в 1807 году получил название "Кодекс Наполеона" или, в конечном итоге, "Les Cinq Codes de Napoleon". Завершенный в 1810 году, он включал в себя пять кодексов — Гражданский кодекс, принятый в марте 1803 года; Гражданский процессуальный кодекс, принятый в апреле 1806 года; Коммерческий кодекс, принятый в сентябре 1807 года; Уголовный кодекс, принятый в ноябре 1808 года; и Уголовный кодекс, принятый в феврале 1810 года. Бурбоны должны были сохранить его, и его принципы сработали и медленно прокладывают себе путь в законодательство каждой нации. Наполеон по праву гордился этой работой. Введение Кодекса в завоеванных странах было, как говорит Буррьен, произведено слишком быстро. Пуймэгр, который работал в администрации Гамбурга после ухода Бурьена, говорит: "Я всегда буду помнить изумление гамбургеров, когда они подверглись нашествию этой тучи французских чиновников, которые под любым видом проводили обыски в их домах и которые пришли выполнять многократно возросшие требования фискальной системы. Подобно Proteus, администрация могла принять любую форму. Если говорить только о моем департаменте, который, безусловно, был не в последнюю очередь одиозным, поскольку выступал против привычек Гамбургеров и раздражал все отрасли промышленности, то невозможно представить себе отчаяние жителей, подвергавшихся постоянным посещениям и подвергавшихся обвинениям в нарушении закона, о котором они ничего не знали.

"Помня свои прежние законы, они обычно предлагали подтвердить обвинение в мошенничестве своей клятвой и не могли себе представить, что такая гарантия может быть отвергнута. Когда они были независимыми, они почти ничего не платили, и таков был национальный дух, что в экстренных случаях, когда требовались деньги, сенат облагал налогом каждого гражданина в определенной части его дохода, десятой или двадцатой. Пожертвователем руководил сбором этого налога, что было сделано очень странным образом. Ящик, покрытый ковром, был предложен каждым гражданином без какой-либо проверки суммы и только на простой моральной гарантии честности должника, который сам определил сумму, которую он должен заплатить. Когда расписка заканчивалась, сенат всегда получал больше, чем рассчитывал". (Пуймейгр, стр. 181.) —

Долгие и частые беседы, которые я вел на эту тему с сенаторами и наиболее способными юристами страны, вскоре убедили меня в огромных трудностях, с которыми мне придется столкнуться, и в опасности внезапного изменения привычек и обычаев, которые были прочно установлены временем.

Система присяжных давала сносное удовлетворение, но суровые наказания, назначенные Кодексом за определенные правонарушения, не одобрялись. Отсюда последовали частые и серьезные злоупотребления в отношении оправдываемых мужчин, чья вина была очевидна присяжным, которые скорее признали их невиновными, чем приговорили к наказанию, которое сочли слишком суровым. Кроме того, их снисходительность имела и другое основание, которое заключалось в том, что люди, не знакомые с новым законом, не были осведомлены о наказаниях, предусмотренных за конкретные правонарушения. Я помню, что человек, которого обвинили в краже плаща в Гамбурге, оправдывался на том основании, что совершил преступление в состоянии алкогольного опьянения. М. Фон Айнинген, один из присяжных, настаивал на том, что подсудимый невиновен, потому что, по его словам, швейцар Синдика, когда однажды ужинал с ним, выпив больше вина, чем обычно, забрал у него плащ. Эта защита Пера Баччо была полностью успешной. Аргумент, основанный на сходстве поведения Синдика и обвиняемого, не мог не восторжествовать, иначе небольшой разврат первого был бы осужден в лице последнего. Этот судебный процесс, завершившийся столь причудливо, тем не менее доказывает, что самые лучшие и серьезные

институты могут стать объектами насмешек, если их внезапно внедрить в стране, привычки которой не готовы их принять.

Римляне очень мудро зарезервировали в Капитолии место для богов покоренных ими народов. Они хотели присоединить провинции и королевства к своей империи. Наполеон, напротив, хотел заставить свою империю вторгнуться в другие государства и реализовать невозможную утопию о десяти разных нациях, имеющих разные обычаи и языки, объединенных в единое государство. Могло ли правосудие, эта гарантия прав человека, должным образом осуществляться в ганзейских городах, когда эти города были преобразованы во французские департаменты? В эти новые департаменты было назначено много судей, которые ни слова не понимали по-немецки и не разбирались в юриспруденции. Председатели трибуналов Лильбека, Штаде, Бремерлеэ и Миндена были настолько невежественны в немецком языке, что им приходилось объяснять все выступления в зале заседаний. Разве не абсурдно было создавать такую судебную систему и, прежде всего, назначать таких людей в стране, столь важной для Франции, как Гамбург и Ганзейские города? Добавьте к этому дерзость некоторых фаворитов, которые были отправлены из Парижа для прохождения официальной и юридической практики в завоеванных провинциях, и можно легко понять, какова была привязанность народа к Наполеону Великому.

ГЛАВА XIII.

1807-1808.

Неспокойное положение Испании—Годой, принц Мира—Взаимные обвинения короля Испании и его сына—Ложное обещание Наполеона—Недовольство, вызванное присутствием французских войск—Отречение Карла IV.—Принц мира взят в плен—Мюрат в Мадриде—Важные новости, переданные коммерческим письмом—Амбиции Мюрата—Его защита Годоя— Карл IV отрицает свое добровольное отречение—Корона Испании, предназначенная Жозефу—Общее неодобрение поведения Наполеона— Дело Бурбонов, по—видимому, проиграно—Людовик XVIII. после его отъезда из Франции —Как граф Прованский в Кобленце — Он ищет убежища в Турине и Вероне—Смерть Людовика XVII—Людовик XVIII. отказался от убежища в Австрии, Саксонии и Пруссии—Его резиденция в Миттане и Варшаве—Александр и Людовик XVIII—Отъезд короля из Милана и прибытие в Ярмут—Решение короля Англии—М. Пророчество Лемерсье Бонапарту—Запросы Фуше относительно графа де Рехтерена—Записка от Жозефины—Новые требования к ганзейским городам —Приказ набрать 3000 моряков в Гамбурге.

Беспорядки в Испании, начавшиеся примерно в конце 1807 года, за короткое время приняли чрезвычайно сложный характер. Хотя я был далек от места событий, я получил подробные сведения обо всех важных фактах, связанных с экстраординарными событиями на полуострове. Однако, поскольку этот исторический момент является одним из наиболее широко, хотя я не могу сказать, что самым известным, я опушу в своих заметках и

меморандумах многие вещи, которые были бы всего лишь повторениями для читающей части публики. Примечательным фактом является то, что Бонапарт, который по очереди обращал свой взор на все государства Европы, никогда не обращал своего внимания на Испанию, пока его величие ограничивалось простыми проектами. Всякий раз, когда он говорил о своей будущей судьбе, он ссылаясь на Италию, Германию, Восток и падение английского могущества, но никогда на Испанию. Следовательно, когда он услышал о первых симптомах беспорядков на полуострове, он уделил этому делу мало внимания, и прошло некоторое время, прежде чем он принял какое-либо участие в событиях, которые впоследствии оказали столь большое влияние на его судьбу.

Годой правил в Испании под именем слабоумного Карла IV. Он был объектом проклятия для всех, кто не был его созданием; и даже те, чья судьба зависела от него, смотрели на него с глубочайшим презрением. Ненависть народа почти всегда является справедливой наградой фаворитам. Какие чувства, следовательно, должен был внушать человек, который, насколько известно всей Испании, был обязан благосклонностью короля только благосклонности королевы!

—[Мануэль Годой, первоначально рядовой гвардии, стал любовником королевы Карла IV, затем вельможей, а затем верховным правителем государства.— Редактор издания 1836 года.] —

Влияние Годоя на королевскую семью было безграничным; его власть была абсолютной: сокровища Америки были в его распоряжении, и он самым бесчестным образом использовал их. Короче говоря, он превратил Мадридский двор в одно из тех мест, куда возмущенная муза Ювенала ведет мать Британика. Нет никаких сомнений в том, что Годой был одной из главных причин всех несчастий, которые обрушились на Испанию в самых разных формах.

Ненависть испанцев к принцу Мира была всеобщей. Эту ненависть разделял принц Астурийский (впоследствии Фердинанд VII), который открыто объявил себя врагом Годоя. Последний вступил в союз с Францией, у которой он надеялся получить мощную защиту от своих врагов. Этот союз вызвал большое недовольство в Испании и заставил относиться к Франции с недоверием. Принц Астурийский был воодушевлен и поддержан жалобами испанцев, которые желали видеть свержение власти Годоя. Карл IV, со своей стороны, рассматривал всякую оппозицию принцу Мира как направленную против него самого, и в ноябре 1807 года он обвинил своего сына в желании свергнуть его с престола.

Король Испании не ограничился устными жалобами. Он, или, скорее, принц Мира, действуя от его имени, арестовал самых горячих сторонников принца Астурийского. Последний, понимая чувства своего отца, написал Наполеону, прося его поддержки. Таким образом, отец и сын, находясь в состоянии открытой войны, обращались друг к другу за поддержкой к тому, кто хотел только избавиться от них обоих и поставить на их место одного из своих братьев, чтобы у него было на одного младшего больше в коллегии европейских королей: но, как я уже упоминал, это новое честолюбие не было преднамеренным; и если он передал трон Испании своему брату Жозефу, то только после отказа его брата Людовика (короля Голландии) принять его.

Император обещал поддержать Карла IV против его сына; и, не желая принимать участия в этих семейных распрях, он не ответил на первые письма принца Астурийского. Но, обнаружив, что интриги Мадрида принимают серьезный оборот, он начал с предварительной отправки войск в Испанию. Это оскорбило народ, который был против вмешательства Франции. В провинциях, через которые проходили французские войска,

спрашивали, какова была цель вторжения. Одни приписывали это принцу Мира, другие - принцу Астурийскому; но это вызвало всеобщее негодование, и в Мадриде вспыхнули беспорядки, сопровождавшиеся всеми проявлениями насилия, свойственными испанскому характеру.

В этих ужасных обстоятельствах Годой предложил Карлу IV. переехать в Севилью, где у него было бы больше возможностей наказывать мятежников. Предложение Годоя своему повелителю было, по сути, приказом, и Карл IV. соответственно, решил уйти. Теперь народ смотрел на Годоя как на предателя. Вспыхнуло восстание, дворец был окружен, и принц Мира был на грани того, чтобы быть убитым в верхних покоях, где он укрылся.

—[Французские войска снова появились несколько месяцев назад на пути в Португалию, завоеванию которой Жюно должен был помогать Годой и испанские войска численностью 27 000 человек, согласно договору (более позорному для испанского двора, чем для Бонапарта), который был ратифицирован в Фонтенбло 27 октября 1807 года. Карл IV. был немногим лучше идиота, а Годой и французы заставили его поверить, что Бонапарт по миру отдаст часть или всю Португалию Испании. Во время похода Жюно на Лиссабон резерв из 40 000 французских солдат был собран в Байонне — довольно ясный признак того, что Бонапарт намеревался захватить весь полуостров, хотя увлеченный фракциями Мадридский двор этого не видел. — Редактор издания 1838 года.]—

У одного из толпы хватило присутствия духа сослаться в его пользу на имя принца Астурийского: это спасло ему жизнь.

Карл IV. не сохранил свою корону; его было легко запугать, и он воспользовался моментом тревоги, чтобы потребовать отречения, в котором у него не хватило духу отказать. Он уступил свои права сыну, и таким образом была свергнута дерзкая власть князя мира; фаворит был взят в плен, а испанцы, которые, как и все невежественные люди, легко возбуждаются, выражали свою радость по этому поводу с варварским энтузиазмом. Тем временем несчастный король, избежавший скорее воображаемых, чем реальных опасностей и поначалу довольствовавшийся тем, что променял право царствовать на право жить, как только оказался в безопасности, изменил свое мнение. Он написал императору письмо с протестом против своего отречения и подал апелляцию. к нему как к арбитру своей будущей судьбы.

Во время этих внутренних раздоров французская армия продолжала свой марш к Пиренеям. Эти барьеры были быстро преодолены, и Мюрат вступил в Мадрид в начале апреля 1808 года. Еще до того, как я получил какое-либо сообщение от нашего правительства, я узнал, что присутствие Мюрата в Мадриде отнюдь не произвело хорошего эффекта, а только усилило беспорядки. Я получил эту информацию от любекского купца, который специально приехал в Гамбург, чтобы показать мне письмо, полученное им от своего корреспондента в Мадриде. В этом письме говорилось, что Испания была добычей, которую Мюрат хотел присвоить себе; и все, что впоследствии стало мне известно, служило только доказательством точности сведений автора. Совершенно верно, что Мюрат хотел завоевать Испанию для себя, и неудивительно, что жители Мадрида должны были понять его замыслы, поскольку он зашел в своей неосмотрительности так далеко, что открыто выразил свое желание стать королем Испании. Императору сообщили об этом, и он в очень многозначительных выражениях дал ему понять, что трон Испании предназначен не ему, но что о нем не следует забывать при получении других корон.

Однако увещаний Наполеона было недостаточно, чтобы обуздать неосторожность Мюрата; и если он сам не получил корону Испании, то внес значительный вклад в создание Карла IV. потеряй это. Этот монарх, которого старые привычки привязывали к принцу Мира, просил императора освободить своего фаворита, утверждая, что он и его семья были бы довольны жить в любом безопасном месте, при условии, что Годой будет с ними. Несчастный Чарльз, казалось, испытывал глубокое отвращение к величию.

И король, и королева так горячо умоляли освободить Годоя, что Мюрат, тщеславию которого льстили эти королевские просьбы, взял принца Мира под свою защиту; но в то же время он заявил, что, несмотря на отречение Карла IV, он не признает никого, кроме этого принца, королем Испании, пока не получит противоположных приказов от императора. Это заявление поставило Мюрата в официальную оппозицию испанскому народу, который из-за своей ненависти к Годою встал на сторону наследника престола, в пользу которого выступил Карл IV. отрекся от престола.

Было отмечено, что Наполеон оказался в затруднительном положении в этом конфликте между королем и его сыном. Это неверно. Король Карл, хотя впоследствии и заявил, что его отречение от престола было вынуждено насилием и угрозами, тем не менее предложил его. Этим актом Фердинанд стал королем, но Карл заявил, что это было сделано против его воли, и отрекся от престола. Признания императора не хватало, и он мог давать или отказывать в нем по своему усмотрению.

При таком положении вещей Наполеон прибыл в Байонну. Туда же был приглашен Фердинанд под предлогом урегулирования с императором разногласий между ним и его отцом. Прошло некоторое время, прежде чем он смог принять решение, но в конце концов его опрометчивые друзья уговорили его отправиться в путь, и он был пойман в ловушку. Хорошо известно, что случилось с ним, а также с его отцом, который отправился в Байонну со своим неразлучным другом принцем Мира. Наполеон, взявший на себя роль арбитра между отцом и сыном, считал, что лучший способ уладить разногласия - отдать спорный трон своему брату Жозефу, подтвердив таким образом басню о "Двух юристах и устрице". Восстание в Мадриде 2 мая ускорило судьбу Фердинанда, которого обвинили в его организации; по крайней мере, это подозрение пало на его друзей и приверженцев.

Говорили, что Карл IV не хотел возвращаться в Испанию и попросил убежища во Франции. Он подписал отказ от своих прав на корону Испании, и этот отказ был подписан также Инфантами.

Теперь Наполеон издал указ, назначающий "своего горячо любимого брата Жозефа Наполеона, короля Неаполя и Сицилии, королем Испании и Индии". Последующим указом, 15 июля, он назначил "своего горячо любимого кузена Иоахима Мюрата, великого герцога Бергского, на трон Неаполя и Сицилии, который оставался вакантным после воцарения Жозефа Наполеона в королевствах Испании и Индии". Оба этих документа подписаны Наполеоном и скреплены подписью государственного секретаря Маре.

Королевский принц Швеции, находившийся в это время в Гамбурге, и министры всех европейских держав громко осудили поведение Наполеона по отношению к Испании. Я не могу сказать, советовал ли г-н де Талейран императору не пытаться свергнуть одну из ветвей дома Бурбонов; его здравый смысл и возвышенные взгляды, несомненно, могли бы подсказать такой совет. Но общее мнение было таково, что, сохрани он за собой пост министра иностранных дел, испанская революция завершилась бы более благопристойно и добросовестно, чем это было продемонстрировано в трагикомедии, разыгранной в Мадриде и Байонне.

После Тильзитского мирного договора и уз дружбы, которые, казалось, могли привести к постоянному союзу между императорами Франции и России, дело бурбонов должно было считаться безвозвратно потерянным. Действительно, их единственная надежда заключалась в неосторожности и безрассудстве того, кто узурпировал их трон, и эту надежду они лелеяли. Здесь я расскажу о том, что я имел возможность узнать о поведении Людовика XVIII после его отъезда из Франции; это, естественно, приведет меня к концу ноября 1807 года, когда я прочитал в "Северном вестнике", опубликованном 9 числа того же месяца, что граф де Лилль и герцог Ангулемский отправились в Англию.

Граф Прованский, как тогда назывался титул Людовика, покинул Париж 21 июня 1791 года. Он постоянно выражал свое желание держаться как можно ближе к границам Франции. Сначала он поселился в Кобленце, и я знал из достоверных источников, что не все эмигранты относились к нему благосклонно. Они не могли простить мудреца, принципы, которые он исповедовал в период, когда еще было время предотвратить путем разумных уступок несчастья, которые неосторожное раздражение навлекло на Францию. Когда эмигранты после кампании 1792 года перешли Рейн, граф Прованский поселился в маленьком городке Хам на реке Липпе, где оставался до тех пор, пока не убедился, что жители Тулона призвали его в Прованс. Поскольку он, конечно, не мог проехать через Францию, месье отправился ко двору своего тестя, короля Сардинии, надеясь сесть на корабль в Генуе, а оттуда добраться до побережья Прованса. Но эвакуация Тулона, где имя Бонапарта впервые прозвучало в лучах славы, произошла до того, как он смог покинуть Турин, месье оставался там четыре месяца, по истечении которых его тесть намекнул ему на невозможность дальнейшего пребывания в Сардинских государствах. Впоследствии ему было разрешено проживать в Вероне, где он услышал о смерти Людовика XVI. Пробыв два года в этом городе, сенат Венеции запретил его присутствие в Венецианских государствах. Вынужденный таким образом покинуть Италию, граф отправился в армию Конде.

Холодная и робкая политика австрийского кабинета министров не предоставила убежища графу Прованскому, и он был вынужден проехать через Германию, однако как Людовик XVIII. повторяемый снова и снова, начиная с Реставрации, "Он никогда не намеревался проливать французскую кровь в Германии ради служения иностранным интересам". Месье действительно обладал слишком большой проницательностью, чтобы не видеть, что его дело было всего лишь предлогом для держав, находящихся в состоянии войны с Францией. Они мало сочувствовали несчастьям принца и просто хотели скрыть свое честолюбие и ненависть к Франции под ложным предлогом ревности к Дому Бурбонов.

Когда умер дофин, Людовик XVIII. принял титул короля Франции и отправился в Пруссию, где получил убежище.

—[Его брат, Карл X., младший из трех внуков Людовика XV. (Louis XVI., Louis XVIII. Чарльз X.), граф д'Артуа, впоследствии Чарльз X. эмигрировал в 1789 году и отправился в Турин и Мантас на 1789 и 1790 годы. В 1791 и 1792 годах он жил в Кобленце, Вормсе, Брюсселе, Вене и Турине. С 1792 по 1812 год он жил в Хэме на реке Липпе в Вестфалии, в Лондоне, и большую часть времени в Холируде, Эдинбург. За это время он посетил Россию и Германию и проявил себя на побережье Франции. В 1818 году он отправился в Германию, а в 1814 году проник во Францию в тыл союзников. Рискую своей личностью в дерзких планах последователей, отдавших свои жизни за дело его семьи, он проявил осмотрительность, которая была присуща им с естественной теплотой. "Сир, трусость вашего брата погубила все", — так Шаретт, как говорят, писал Людовику XVIII.] -

Но претендент на корону Франции еще не испил свою чашу несчастий. После 18-го Фруктидора Директория потребовала от короля Пруссии отправить Людовика XVIII в отставку, и Берлинский кабинет, надо признать, был не в том положении, чтобы противостоять желанию французского правительства, чьи желания были приказом. Напрасно Людовик XVIII. Искал убежища в землях короля Саксонии. Оставалась только Россия, которая осмелилась предложить последнее убежище потомку Людовика XIV. Павел I, который всегда впадал в крайности и который в то время питал сильное чувство ненависти к Франции, искренне предложил Людовику XVIII резиденцию в Миттау. Он обращался с ним с почестями государя и осыпал знаками внимания и уважения. Едва прошло три года, как Поля охватил безумный энтузиазм по отношению к человеку, который двенадцать лет спустя разорил его древнюю столицу, и Людовику XVIII. обнаружил, что его изгнали с территории этого принца с жестокостью, равной доброте, с которой его приняли поначалу.

Именно во время своего трехлетнего пребывания в Миттау Людовик XVIII, который тогда был известен под титулом графа Лилльского, написал Первому консулу те письма, о которых идет речь в этих Мемуарах. Пруссия, к которой снова обратились с просьбой, в конце концов согласилась, чтобы Людовик XVIII. должен был проживать в Варшаве; но после вступления Наполеона на престол империи принц покинул эту резиденцию, чтобы проконсультироваться относительно своего нового положения с единственным государем, который не покинул его в его несчастье, а именно. король Швеции. Они встретились в Кольмаре, и из этого города был отправлен протест, о котором я уже упоминал. Louis XVIII. недолго пробыл в Государствах короля Швеции. Россия теперь была близка к тому, чтобы объединить своих орлов с орлами Австрии, чтобы противостоять новым орлам императорской Франции. Александр предложил графу де Лиллю убежище, которое Павел предоставил ему, а затем отозвал. Louis XVIII. принял предложение, но после заключения Тильзитского мира, опасаясь, как бы Александр не повторил второй поступок своего отца так же, как первый, он ясно увидел, что должен отказаться от всякого намерения жить на Континенте; и именно тогда я прочитал в "Абейль дю Норд" статью, на которую ссылался выше. Однако есть один факт, на котором я должен настаивать, потому что я знаю, что это правда, а именно. что Людовик XVIII был убит по собственной воле. покинул Миттау; и если он боялся, что Александр будет подражать поведению своего отца, то этот страх был беспочвенным. Правда в том, что Александр не знал даже о намерении короля уехать, пока не услышал от барона фон Дризена, губернатора Миттау, что тот действительно уехал. Изложив теперь истину по этому пункту, я должен исправить еще одну ошибку, если это действительно всего лишь ошибка, в которую впали некоторые авторы. Было ложно заявлено, что король покинул Миттау с целью разжигания новых беспорядков во Франции. Друзья Людовика XVIII, которые советовали ему покинуть Миттау, возлагали большие надежды на последнюю войну. Они возлагали еще большие надежды на новые войны, которые не могли не вызвать амбиции Бонапарта, но они были не настолько плохо осведомлены о внутреннем состоянии Франции, чтобы ожидать, что там возникнут беспорядки, или даже верить в возможность их разжигания. Груша еще не созрела для Людовика XVIII.

29 ноября мне было сообщено содержание письма, прибывшего из Лондона через Швецию. Это письмо было датировано 3 ноября и содержало некоторые подробности, касающиеся прибытия графа де Лилля в Англию. Этот принц прибыл в Ярмут 31 октября 1807 года, и было заявлено, что король был вынужден некоторое время подождать в порту, пока не будут устранены определенные трудности, связанные с его высадкой и продолжением путешествия. Более того, из этого письма явствовало, что король Англии счел уместным отказать графу де Лиллю в разрешении посетить Лондон или его окрестности. Местом его

жительства был назначен дворец Холируд в Эдинбурге, и мистер Росс, секретарь мистера Каннинга, передал решение короля Англии Людовику XVIII в Ярмут.

Предосторожность английского министерства, не разрешавшая королю-беженцу приближаться к Лондону, показалась мне замечательной, учитывая относительное положение правительств Франции и Англии, и я расценил это как подтверждение того, что сказал мне принц Витгенштейн относительно склонности мистера Каннинга к полубовному соглашению. Но приближался момент, когда дела Испании должны были воздвигнуть непреодолимое препятствие на пути к миру, более чем когда-либо осложнить интересы европейских держав и открыть Наполеону ту обширную карьеру честолюбцев, которая привела его к краху. Он не позволил надеждам эмигрантов оставаться химерическими, и 1814 год стал свидетелем реализации пророческого замечания, сделанного М. Лемерейером в разговоре с Бонапартом за несколько дней до основания империи: "Если вы ляжете в постель к бурбонам, генерал, вы не пролежите в ней десять лет". Наполеон занимал ее девять лет и девять месяцев.

Фуше, великий исследователь тайн Европы, при первом сообщении о волнениях в Испании не преминул задать мне вопрос за вопросом относительно графа де Рехтерена, испанского посланника в Гамбурге, который, однако, покинул этот город с разрешения своего Двора через четыре месяца после того, как я приступил к своим обязанностям. Это было очень далекое прошлое, чтобы получить информацию о делах того времени. В тот самый момент, когда я передавал Фуше ответ, который не был рассчитан на то, чтобы доставить ему удовольствие, поскольку не давал оснований для подозрений относительно личного поведения г-на де Рехтерена, я получил от любезной Жозефины новое напоминание о ней. Она прислала мне следующую записку:

"Господин Милон, который сейчас находится в Гамбурге, просит меня, мой дорогой Бурьен, попросить вас использовать свои интересы в его пользу. Я испытываю тем большее удовольствие, обращаясь с этой просьбой, поскольку это дает мне возможность вновь заверить вас в моем уважении к вам".

Письмо Жозефины было отправлено из Фонтенбло, куда император часто совершал поездки в подражание старому французскому двору. Во время этих прогулок он иногда наслаждался охотой, но только ради того, чтобы возродить старый обычай, поскольку в этом занятии он находил так же мало удовольствия, как Монтень в игре в шахматы.

В Фонтенбло, как и везде, его мысли были заняты средствами приумножения его величия, но, к сожалению, требования, которые он предъявлял к отдаленным странам, были рассчитаны на то, чтобы оттолкнуть чувства людей. Так, например, я получил исходящий от него приказ, переданный мне г-ном Дарю, генерал-интендантом армии, о том, что жалованье всем французским войскам, расквартированным в ганзейских городах, должно оплачиваться этими городами. Я сожалел о необходимости обратиться с таким сообщением к сенатам Бремена, Любека и Гамбурга; но мой долг заставлял меня сделать это, и я давно привык выполнять обязанности еще более тягостные, чем эта. Я испробовал все возможные средства в отношениях с тремя штатами, не коллективно, а по отдельности, чтобы побудить их согласиться с этой мерой, в надежде, что согласие одного из них поможет мне добиться согласия двух других. Но, как будто все они были согласны, я получил лишь уклончивые выражения сожаления.

Зная, как я, и могу сказать лучше, чем кто-либо другой, надежды и замыслы Бонапарта в отношении севера Германии, я не без боли и даже тревоги наблюдал, как он делает все, рассчитанное на то, чтобы превратить во врагов жителей страны, которая всегда оставалась

бы спокойной, если бы ей только было позволено сохранять нейтралитет. Среди приказов, которые я получал, часто было много таких, которые могли быть результатом глубочайшего невежества. Например, однажды мне было приказано нанять 3000 моряков в ганзейских городах. Три тысячи моряков из 200 000 человек населения! Это было так же абсурдно, как думать о том, чтобы собрать 500 000 моряков во Франции. Поскольку этот проект был невозможен, он, конечно, не был выполнен; но мне было трудно убедить императора, что шестая часть требуемого количества - это максимум, что могут предоставить ганзейские города. Пятьсот моряков были соответствующим образом экипированы, но для пополнения этого числа необходимо было включить много людей, которые были совершенно непригодны к военной службе.

ГЛАВА XIV.

1808.

Отъезд принца Понте-Корво—Предсказание и суеверия —Остановка писем, адресованных испанским войскам—Ла Романа и Романильо—Неразборчивые уведомления—Стремление немецких принцев присоединиться к Рейнской конфедерации—Нападение на меня из—за Гюэ—преемника Бернадотта в Гамбурге—Поборы и тираническое поведение генерала Дюпа—Беспорядки в Гамбурге—Тарелки, разбитые в припадке ярости—Мое письмо Бернадотту—Его ответ—Возвращение Бернадотта в Гамбург и отъезд Дюпа в Любек-Нобл поведение Бочки "адъютанта".

Весной 1808 года произошло обстоятельство, которое доставило мне большое беспокойство; это был отъезд Бернадотта, принца Понте-Корво, получившего приказ отправляться в Копенгаген. Он покинул Гамбург 8 марта, поскольку должен был прибыть в пункт назначения 14 числа того же месяца. Временный поверенный в делах Дании также получил приказ присоединиться к принцу и выполнять функции королевского комиссара. Именно во время своего правления в Гамбурге и пребывания в Ютландии Бернадотт бессознательно проложил себе путь к шведскому трону. Я вспоминаю, что у него также были свои предзнаменования и предопределения. Короче говоря, он верил в астрологию, и я никогда не забуду серьезного тона, которым он однажды сказал мне: "Поверишь ли ты, мой дорогой друг, что в Париже было предсказано, что я стану королем, но что я должен пересечь море, чтобы достичь своего трона?" Я не мог не улыбнуться вместе с ним этой слабости ума, от которой Бонапарт был недалек. Конечно, не какое-то сверхъестественное влияние возвело Бернадотта в ранг суверена. Это возвышение произошло исключительно благодаря его превосходному характеру. У него не было другого талисмана, кроме мудрости его правительства и быстроты, которую он всегда проявлял, выступая против несправедливых мер. Именно это объединило все мнения в его пользу.

Плохое состояние дорог на севере страны продлило путешествие Бернадотта на один день. Он отправился в путь 8 марта; ожидалось, что он прибудет в Копенгаген 14-го, но прибыл туда только 15-го. Он прибыл ровно за два часа до смерти Кристиана, короля Дании, о событии, с которым он ознакомил меня в письме, написанном через два дня после его прибытия.

6 апреля следующего года я получил второе письмо от Бернадотта, в котором он просил меня приказать почтмейстеру Великого герцога хранить все письма, адресованные испанским войскам, которые были переданы под его командование и частью которых был корпус Романа. Почтмейстеру было приказано хранить письма до тех пор, пока он не получит приказа переслать их по назначению. Бернадотт считал этот шаг необходимым, чтобы предотвратить интриги, которые, как он опасался, могли быть развязаны с целью поколебать верность испанцев, которыми он командовал. Из его депеши я понял, что он опасался заговора Романильоса, который, однако, не был человеком, вызывающим особых опасений. Романильос был настолько заурядным человеком, насколько это вообще возможно представить; и его речи, равно как и писания, были слишком невинны, чтобы оказывать какое-либо влияние на общественное мнение.

В дополнение к функциям, которые император сначала возложил на меня, я должен был выполнять обязанности генерального консула Франции в Гамбурге, и в этом качестве я был обязан обратиться к министру иностранных дел с весьма необычной просьбой, а именно: чтобы судебные уведомления, которые я как генеральный консул должен был доводить до сведения жителей Гамбурга, были написаны более разборчивым почерком. Многие из этих уведомлений были проигнорированы из-за невозможности их прочесть: в отношении одного из них было заявлено, что невозможно определить, был ли почерк немецким, французским или китайским.

Я не буду перечислять все акты грабежа, совершенные второсортными честолюбивыми претендентами, которые надеялись получить свою долю в разделе Континента: помощники императора считали Европу двенадцатым пирожком, но никто из них не осмеливался оспаривать у Наполеона лучший кусок. Долгой была бы эта литания, если бы я перечислил все мошенничества и предательства, которые они совершали, либо для увеличения своего состояния, либо для завоевания благосклонности вождя, желавшего иметь королей в своих подданных. Дело в том, что все князья Германии проявили величайшее рвение встать под защиту Наполеона, присоединившись к Рейнской конфедерации. Я получил от этих князей несколько писем, которые служили доказательством влияния Наполеона в Германии и легкости, с которой люди сгибаются под игом новой власти. Я должен сказать, что среди эмигрантов, оставшихся верными своему делу, были такие, кто проявлял большую твердость характера, чем иностранные принцы. Я могу упомянуть, например, г-на Хюэ, "камердинера" Людовика XVI. Я не собираюсь отрицать высокого уважения, которое я питал к этому верному слуге короля-мученика, но внимание, которое я поздравляю себя с тем, что проявил к замечательному человеку, не должно было навлечь на меня ложных обвинений.

Я прочитал следующее утверждение в публикации:

"М. Хюэ удалился в Гамбург, где провел девять месяцев в полной безвестности. Впоследствии он отправился в Голландию, получив паспорт от Буррьена, который был министром Наполеона, хотя и находился в опале, и который, предвидя, что должно было произойти, стремился снискать расположение бурбонов".

Приведенный выше отрывок содержит ложь почти в каждой строке. М. Хюэ хотел жить в Гамбурге, но он не хотел скрываться. Я пригласил его навестить меня и заверил, что он может оставаться в Гамбурге без каких-либо опасений, если будет действовать осмотрительно. Он хотел поехать в Голландию, и я взял на себя обязательство выдать ему паспорт. Я оставил Михайлович Оттенку в свободном управлении своего дела, характер которого я очень хорошо знал, и который был весьма почтенный, он был делегирован, чтобы платить пенсии, который Людовик XVIII. предоставляется эмигрантов. Что касается меня, то я подал Бонапарту прошение об отставке с поста личного секретаря; и даже признавая, что я был в опале в этом качестве, я не был таковым как министр и генеральный консул в Гамбурге. Мое положение, которое не имело большого значения в то время, когда я был назначен на эту должность, позже стало чрезвычайно важным в силу обстоятельств. Фактически, это была своего рода сторожевая башня правительства, откуда наблюдались все передвижения в северной Германии; и во время моего пребывания в ганзейских городах я постоянно убеждался в истинности того, что Бонапарт сказал мне во время моей прощальной аудиенции: "Ваше место независимо и обособлено".

Абсурдно говорить, что доброта, которую я проявил к М. Хюэ, была попыткой снискать расположение бурбонов. Мое внимание к нему было продиктовано исключительно человечностью, без каких-либо запоздалых мыслей. Наполеон оказал мне свое доверие, и, преуменьшив истинность его приказов, я сослужил ему лучшую службу, чем те, кто исполнял их таким образом, который не мог не сделать французское правительство одиозным. Если меня обвинят в том, что я оказываю всяческое снисхождение несчастным эмигрантам, я признаю себя виновным; и, далекий от желания защищаться от обвинения, я считаю это честным для себя. Но я бросаю вызов кому-либо из них, говоря, что я предал в их пользу интересы, которые мне были доверены. Те, кто призывал Бонапарта узурпировать корону Франции, служили, хотя, возможно, и бессознательно, делу бурбонов. Я, напротив, приложил все усилия, чтобы отговорить его от этой меры, которая, как я ясно видел, должна была, в конце концов, привести к реставрации, хотя я и не претендую на то, что был достаточно прозорлив, чтобы догадаться, что падение Наполеона было так близко. Доброта, которую я проявил к М. Хюэ и его товарищам по несчастью, была продиктована человечностью, а не подлыми домыслами. С таким же успехом можно было бы сказать, что Бернадотт, который, как и я, не упускал возможности смягчить строгость приказов, которые ему поручалось выполнять, таким образом прокладывал себе путь к шведскому трону.

Бернадотт отправился в Данию, чтобы принять командование испанскими и французскими войсками, которые были выведены из ганзейских городов для оккупации этого королевства, которому тогда угрожали англичане. Его уход был для меня большой потерей, поскольку мы всегда договаривались о мерах, которые необходимо было принять, и я тем острее ощутил его отсутствие, когда получил возможность сравнить его с его преемником. Мне больно подробно описывать проступки тех, кто оскорбил французское имя в Германии, но при выполнении задачи, которую я взял на себя, я обязан говорить правду.

В апреле 1808 года генерал Дюпа принял командование Гамбургом, но только по приказу Бернадотта, который сохранил за собой верховное командование французскими войсками в ганзейских городах. Назначив генерала Дюпа, император жестоко разрушил желания и надежды жителей Нижней Саксонии. Этот генерал сказал о жителях Гамбурга: "Пока я вижу их ... едущими в своих экипажах, я могу получать с них деньги". Однако справедливо добавить, что его ужасные поборы были совершены не за его собственный счет, а в интересах другого человека, которому он был обязан всем, и которому он в какой-то мере посвятил свое существование.

Я приведу некоторые подробности относительно того, как содержались генералы, командовавшие французскими войсками в Гамбурге. Сенат Гамбурга выделял маршалам по тридцать фридрихов в день на оплату их питания, не считая гостиницы, в которой их поселил город. У дивизионных генералов было всего двадцать фридрихов. Генерал Дюпа хотел, чтобы его обеспечивали наравне с маршалами. Сенат, не без оснований отклонив это требование, Дюпа потребовал, чтобы ему ежедневно подавали завтрак и ужин из тридцати блюд. Это было непосильное бремя, и Дюпа стоил городу больше, чем любой из его предшественников.

Я видел отчет о его расходах, которые за двадцать одну неделю его пребывания в Гамбурге составили 122 000 марок, или около 183 000 франков. За столом Дюпа пили только самые изысканные вина. Даже его слуг угощали шампанским, а отборные фрукты приносили из прекрасных оранжерей Берлина. Жители были раздражены такой расточительностью, и Дюпа, соответственно, столкнулся с сопротивлением сената.

Среди других неприятностей была одна, с которой народ не мог легко смириться. В Гамбурге, который раньше был укрепленным городом, сохранился обычай закрывать ворота с наступлением темноты. По воскресеньям они закрывались на три четверти часа позже, чтобы не мешать развлечениям народа.

В то время, когда генерал Дюпа был губернатором Гамбурга, произошло событие, вызвавшее значительное раздражение в общественном сознании и, возможно, имевшее фатальные последствия. По какой-то прихоти генерал приказал закрыть ворота в семь вечера, и, следовательно, при свете дня, поскольку была середина весны; никаких исключений в пользу воскресенья сделано не было, и в этот день большое количество жителей, прогуливавшихся по окраинам города, собрались у ворот Альтоны для пропуска. К своему удивлению, они обнаружили, что ворота закрыты, хотя это была самая оживленная улица в Гамбурге. Количество людей, требующих пропуска, увеличилось, и вскоре собралась значительная толпа. После бесполезных просьб, адресованных начальнику поста, люди были полны решимости послать к коменданту за ключами. Прибыл комендант в сопровождении генерала. Когда они появились, предполагалось, что они пришли с целью открыть ворота, и их соответственно приветствовали общим "ура!" которое почти по всему северу является обычным криком для выражения народного удовлетворения. Генерал Дюпа, не понимающий значения этого "ура"! предположив, что это сигнал к мятежу, и вместо того, чтобы приказать открыть ворота, он приказал военным открыть огонь по мирным гражданам, которые всего лишь хотели вернуться в свои дома. Несколько человек были убиты, а другие более или менее серьезно ранены. К счастью, после этого первого выстрела ярость Дюпа утихла; но он по-прежнему продолжал держать ворота закрытыми по ночам. На следующий день по городу был опубликован приказ, запрещающий кричать "ура!" под страхом сурового наказания. Также было запрещено собираться вместе более чем трем лицам на улицах. Таким образом, определенные лица наложили французское иго на города и провинции, которые раньше были счастливы.

Дюпа вызывал такое же отвращение в ганзейских городах, как и Кларк в Берлине, когда он был губернатором этой столицы во время кампании 1807 года. Кларк обременял жителей Берлина всевозможными притеснениями и поборами. Он, как и многие другие, проявлял готовность повиноваться императорским приказам, какими бы тираническими они ни были; и Бог знает, какие эпитеты неизменно сопровождали имя Кларка, когда оно произносилось устами пруссака.

Дюпа, казалось, взял Кларк за образец. Артиллерийский офицер, находившийся в Гамбурге во время беспорядков, о которых я только что упомянул, сказал мне, что именно ему было приказано разместить два орудия легкой артиллерии перед воротами Альтоны. Выполнив этот приказ, он отправился к генералу Дюпасу, которого застал в яростном приступе страсти, ломающим и крушащим все, что находилось в пределах его досягаемости. В присутствии офицера он разбил более двух десятков тарелок, стоявших перед ним на столе: эти тарелки, конечно, обошлись ему очень дешево!

На следующий день после беспорядков, имевших столь фатальный конец, я написал, чтобы проинформировать принца Порт-Корво о том, что произошло; и в своем письме я просил отменить чрезвычайный трибунал, который был создан генералом Дюпасом. Он немедленно ответил мне, выполнив мою просьбу. Его письмо было следующего содержания:

Я получил ваше письмо, мой дорогой министр: оно убедительно выражает ваши правильные чувства, которые восстают против угнетения, суровости и принижения власти. Я полностью разделяю ваш взгляд на этот предмет, и я огорчаюсь всякий раз, когда вижу, как совершаются подобные акты несправедливости. При рассмотрении событий, имевших место 19-го числа, невозможно отрицать, что офицер, приказавший закрыть ворота так скоро, был неправ; и затем, можно спросить, почему ворота не были открыты вместо того, чтобы военным было приказано стрелять по людям? Но, с другой стороны, разве народ не проявлял решительного упрямства и неподчинения? разве они не были виноваты в том, что бросали камни в стражу, ломали частокол и даже отказывались прислушиваться к голосу магистратов? Печально, что они впали в эти крайности, от которых, несомненно, воздержались бы, если бы прислушивались к гражданским начальникам, которые должны были быть их первыми руководителями. Наконец, мой дорогой министр, сенатор, который раздавал деньги у ворот Альтоны, чтобы успокоить толпу, поступил бы лучше, если бы посоветовал им терпеливо ждать, пока откроют ворота; и я думаю, он мог бы обратиться к коменданту или генералу, чтобы добиться этой уступки.

Всякий раз, когда раздраженная толпа прибегает к насилию, никто не чувствует себя в безопасности. Тогда защитная мачта власти прилагает все свои силы, чтобы остановить беспорядки. Сенат древнего Рима, столь ревниво относившийся к своим прерогативам, в трудные времена предоставлял диктатору власть над жизнью и смертью, и этот магистрат не знал иного кодекса, кроме своей собственной воли и топора своих ликторов. Обычные законы не возобновляли своего действия до тех пор, пока народ не вернулся к повиновению.

Событие, произошедшее в Гамбурге, вызвало волнение, которым могли воспользоваться недоброжелательно настроенные люди, чтобы разжечь открытое восстание. Это чувство могло быть подавлено только суровым трибуналом, в котором, однако, больше нет необходимости. Соответственно, генерал Дюпа получил приказ распустить его, и правосудие вернется к своему обычному руслу.

Дж. БЕРНАДОТТ ДЕНСЕЛ, 4 мая 1808г.

Когда Бернадотт вернулся в Гамбург, он отправил Дюпа в Любек. Этот город, который был беднее Гамбурга, жестоко пострадал от посещения такого гостя.

Дюпа взимал все свои поборы натурой и с негодованием отвергал любое предложение принять деньги, сама мысль о которых, по его словам, шокировала его деликатные чувства. Но его требования стали настолько экстравагантными, что город Любек был совершенно не в состоянии удовлетворить их. Помимо его стола, который был накрыт с той же роскошью, что

и в Гамбурге, он потребовал, чтобы его снабдили посудой, скатертью, деревом и свечами; короче говоря, самыми тривиальными предметами домашнего обихода.

Сенат обратился к неподкупному генералу Дюпа М. Нольтингу, почтенному старику, который мягко изложил ему злоупотребления, повсюду совершавшиеся от его имени, и умолял его сообразоваться принимать по двадцать луидоров в день, чтобы покрыть расходы только на его стол. Услышав это предложение, генерал Дюпес пришел в ярость. Предложить ему деньги было оскорблением, которого нельзя было вынести! Он яростно выгнал перепуганного сенатора из палаты представителей и немедленно приказал своему "адъютанту" Баррелю заключить его в тюрьму. Господин де Баррель, пораженный этим необычным приказом, осмелился возразить генералу, но тщетно; и, хотя вопреки своему сердцу, он был вынужден подчиниться. Адъютант, соответственно, явился к сенатору Ноттингу и, охваченный тем чувством уважения, которое невольно внушают седые волосы в молодости, вместо того чтобы арестовать его, умолял старика не выходить из дома, пока он не убедит генерала отменить свой приказ. Только на следующий день г-ну де Баррелю удалось добиться отмены этих приказов, то есть он добился освобождения г-на Ноттинга из заключения, ибо Дюпа не успокоился бы, пока не услышал, что сенатор понес по крайней мере начало наказания, на которое обрек его своевольный гнев.

Несмотря на демонстративное бескорыстие, генерал Дюпа дошел до того, что принял двадцать луидоров в день в качестве платы за свой стол, которые г-н Ноттинг предложил ему от Любекского сената; но не обошлось без ропота, жалоб и угроз, что он пошел на эту великодушную уступку; и он не раз восклицал: "Эти ребята распределили мое содержание для меня". Любек не был освобожден от присутствия генерала Дюпа до марта 1809 года, когда его вызвали командовать дивизией в Императорском дворце. новая кампания против Австрии. Каким бы странным это ни казалось, тем не менее факт остается фактом: каким бы тягостным ни было его присутствие в Любеке, у ганзейских городов вскоре появились причины пожалеть о нем.

ГЛАВА XV.

1808.

Обнародование Кодекса торговли—Завоевания статусом-консульство— Три события за один день—Воспоминания—Применение линии Вольтера—Создание имперской знати—Восстановление университета—Расширение королевства Италия за счет Рима—Отъезд кардинала Капраны из Парижа—Интервью в Эрфурте.

1808 год был богат на замечательные события. Хотя я был занят своими собственными обязанностями, я все же тратил часы досуга на наблюдение за ходом тех великих деяний, которыми Бонапарт, казалось, был полон решимости отмечать каждый день своей жизни. В

начале 1808 года я получил один из первых экземпляров Торгового кодекса, обнародованного 1 января по приказу императора. Этот кодекс показался мне актом насмешки; по крайней мере, было необычно публиковать кодекс, касающийся предмета, уничтожение которого было следствием всех императорских указов. Какая торговля вообще могла существовать при континентальной системе и разорительной строгости обычаев? Линия была уже достаточно расширена, когда "Сенат-консул" еще больше расширил ее. Император, которому подчинялся весь Континент, не прибегал ни к какой другой формальности с целью присоединения к империи городов Кель, Кассель близ Майнца, Везель и Флашинг с зависимыми от них территориями.

—[Резолюция сената, или "Senatus-consulte", была средством, изобретенным Наполеоном для изменения имперских конституций и даже размеров Империи. Согласно одному из них, датированному 21 января 1808 года, города Кель, Кассель и Везель с уже захваченным Флашингом были окончательно присоединены к Франции. Потеря Везеля, который принадлежал великому герцогству Берг, была для Мюрата очень болезненной темой.]—

Эти завоевания, достигнутые благодаря указам и решениям сената, имели, по крайней мере, то преимущество, что были осуществлены без кровопролития. Все это было тщательно доведено до моего сведения министрами, с которыми я переписывался, поскольку мое положение в Гамбурге приобрело такую важность, что мне было необходимо знать все.

В этот период среди новостей, которые я получал из разных мест, я заметил странное совпадение дат, достойное того, чтобы его отметили авторы "эфемриды". В один и тот же день, а именно 1 февраля, Париж, Лиссабон и Рим стали аренами событий разного рода, но, поскольку все они произошли в один день, они представляют собой поразительный пример стремительности движения, которым было отмечено правление Бонапарта. В Париже племянница Жозефины, мадемуазель де Ташер, которую Наполеон недавно возвел в ранг принцессы, была выдана замуж за правящего принца Ахремберга, и в то же время Жюно объявил Португалии, что дом Браганса прекратил свое правление, а французские войска под командованием генерала Миоллиса оккупировали Рим. Это занятие стало началом длительной борьбы, в ходе которой Пинс VII. искупил снисходительность, которую он проявил, отправившись в Париж короновать Наполеона.

Просматривая свои записи, я вижу, что именно на следующий день после этих трех событий Бонапарт пожаловал своему шурину, принцу Боргезе, пост генерального губернатора департаментов за Альпами, которые он только что основал и которых он сделал восьмым Великим сановником Империи. Генерал Мену, которого я не видел со времен Египта, был вынужден из-за этого назначения покинуть Турин, где он всегда оставался. Бонапарт, не желая позволять ему приезжать в Париж, отправил Мену возглавить тосканскую хунту, из которой он вскоре после этого сделал еще одно генерал-губернаторство, которое он поручил заботам своей сестры Элизы.

—[Принц Камиль Филипп Луи Боргезе (1755-1832), итальянец, женился 6 ноября 1808 года на Полине Бонапарт, сестре Наполеона и вдове генерала Леклерка. Он стал принцем и герцогом Гуасталлы, когда это герцогство было передано его жене 30 марта 1806 года. Он расстался со своей женой через несколько лет. Действительно, Полина была невозможной женой, если половина историй о ней правдивы. Именно она, обнаружив, что дама была удивлена тем, что она

сидела обнаженной, в то время как ее статую лепили для Кановы, сочла, что удовлетворительно объяснила ситуацию, сказав: "но в комнате горел огонь".] —

Моя переписка о том, что происходило на юге Франции и в Европе, представляла для меня, если можно так выразиться, чисто эпизодический интерес. Не так обстояли дела с новостями, которые приходили с севера. В Гамбурге я был подобен часовому на передовом посту, всегда начеку. Я часто информировал правительство о том, что произойдет, до того, как событие происходило на самом деле. Я был одним из первых, кто услышал о планах России относительно Швеции. Курьер, которого я отправил в Париж, прибыл туда в тот самый момент, когда Россия объявила войну. Примерно в конце февраля русские войска вошли в шведскую Финляндию и заняли также столицу этой провинции, которая всегда была желанной для русского правительства. Было сказано, что на встрече в Эрфурте Бонапарт согласился на узурпацию этой провинции Александром в обмен на уступчивость последнего в признании Иосифа королем Испании и Индии.

Смещение Иосифа с трона Неаполя на трон Мадрида действительно относится к тому периоду, о котором я сейчас собираю воедино несколько воспоминаний. Мюрат сменил Жозефа в Неаполе, и это восшествие шурина Наполеона на один из тронов Дома Бурбонов дало Бонапарту еще одного младшего по званию в королевской коллегии, в которой он безошибочно стал бы старшим, если бы шел дальше так, как начинал. Шурин Наполеона.

Я расскажу о небольшом обстоятельстве, которое сейчас пришло мне в голову относительно королей, созданных Наполеоном. Я вспоминаю— что во время пребывания короля Этрурии в Париже Первый консул отправился с этим принцем в "Комеди Франсез", где ставился "Эдип" Вольтера. Могу заметить, что это произведение понравилось Бонапарту больше всего, что когда-либо написал Вольтер. Я был в театре, но не в ложе Первого консула, и я заметил, как, должно быть, заметили все присутствующие, с каким рвением публика обращалась к Наполеону и королю Этрурии со словами Филоктета:

"J'ai fait des souverains et n'ai pas voulu l'etre."

["Я создавал монархов, но сам не желал быть одним из них".]

Заявление было настолько заметным, что оно не могло не стать предметом разговора между Первым консулом и мной. "Вы заметили это, Бурьен?" . . . "Да, генерал". . . "Дураки! ... Они увидят! Они увидят!" Мы действительно видели. Не довольствуясь созданием королей, Бонапарт, когда его лоб был окружен двойной короной, после создания принцев, наконец, осуществил цель, о которой он давно мечтал, а именно, основал новую знать, наделенную наследственными правами. В начале марта 1808 года он осуществил этот проект; и я увидел в "Мониторе" длинный список принцев, герцогов, графов, баронов и рыцарей Империи; не хватало только виконтов и маркизов.

В то самое время, когда Бонапарт основывал новое дворянство, он решил возвести старое здание университета, но на новом фундаменте. Образование молодежи всегда было одной из его господствующих идей, и у меня была возможность наблюдать, как он изменился под влиянием осуществления суверенной власти, когда я получил в Гамбурге устав новой старшей дочери императора Франции и сравнил их с идеями, которые Бонапарт, будучи генералом и первым консулом, часто высказывал мне относительно образования, которое следует давать молодежи. Хотя Бонапарт был заклятым врагом всего, что связано со

свободой, он сначала задумал обширную систему образования, включающую прежде всего изучение истории и тех положительных наук, таких как геология и астрономия, которые обеспечивают максимальную степень развития человеческого разума. Государь, однако, уклонился от первых идей гениального человека, и его университет, доверенный изящной гибкости г-на де Фонтейна, был всего лишь школой, способной выпускать образованных подданных, но не просвещенных людей.

Прежде чем полностью овладеть Римом и сделать его вторым городом империи, хваленая умеренность Бонапарта ограничилась отделением от него дипломатических миссий Анконы, Урбино, Мачераты и Камерино, которые были разделены на три департамента и присоединены к Королевству Италия. Терпение Святого Престола больше не выдерживало этого акта насилия, и кардинал Капрара, который оставался в Париже после коронации, наконец покинул эту столицу. Вскоре после этого Великие герцогства Парма и Пьяченца были объединены с Французской империей и присоединены к правительству департаментов за Альпами. Эти сделки совпали с упомянутыми выше событиями в Испании и Байонне.

После ловушки, расставленной в Байонне, император вступил в Париж 14 августа, накануне своего дня рождения. Едва он прибыл в столицу, как испытал новое беспокойство из-за поведения России, которая, как я уже говорил, объявила открытую войну Швеции и не скрывала намерения захватить Финляндию. Но Бонапарт, желая активно вести войну в Испании, счел необходимым вывести свои войска из Пруссии в Пиренеи. Затем он ускорил встречу в Эрфурте, где договорились встретиться два императора Франции и России. Он надеялся, что эта встреча обеспечит спокойствие на Континенте, в то время как он завершит подчинение Испании скипетру Иосифа. Этот принц был провозглашен 8 июня, а 21 числа того же месяца он въехал в Мадрид, но, получив десять дней спустя известие о катастрофе при Байлене, был вынужден покинуть испанскую столицу.

—[Важная битва при Дайлене, в которой французы под командованием генерала Дюпона были разбиты испанцами, произошла 19 июля 1808 года.]—

Желания Бонапарта, должно быть, в это время ограничивались спокойствием на Континенте, поскольку борьба между ним и Англией была более отчаянной, чем когда-либо. Англия только что направила войска в Португалию под командованием сэра Артура Уэлсли. Надежды на примирение с Великобританией больше не было: встреча в Эрфурте была назначена, император, вернувшийся из Байонны в Париж, снова покинул столицу примерно в конце сентября и прибыл в Мец без остановки, если не считать смотра полков, которые были эшелонированы по пути следования и которые направлялись из Великой армии в Испанию.

Некоторое время назад я слышал о предстоящем свидании, которое стало таким запоминающимся в жизни Наполеона. Это вызвало такой большой интерес в Германии, что дороги были запружены экипажами принцев, которые направлялись в Эрфурт, чтобы стать свидетелями встречи. Французский император прибыл туда раньше Александра и проехал вперед на три лье, чтобы встретить его. Наполеон был верхом, Александр - в карете. Говорят, что они обнялись в манере, свидетельствующей о самой сердечной дружбе. Свидетелями этой беседы были большинство суверенных князей Германии. Однако ни король Пруссии, ни император Австрии не присутствовали. Последний государь отправил Наполеону письмо, копию которого я получил. Оно было следующего содержания:

СИР, БРАТ МОЙ, мой посол в Париже сообщает мне, что ваше Величество собирается отправиться в Эрфурт для встречи с императором Александром. Я с нетерпением пользуюсь возможностью вашего приближения к моей границе, чтобы возобновить те свидетельства дружбы и уважения, в

которых я вам поклялся; и я посылаю моего генерал-лейтенанта барона Винсента передать вам заверения в моих неизменных чувствах. Если распространенные ложные сведения о внутренних институтах, которые я установил в моей монархии, могли на мгновение вызвать у вашего Величества сомнения относительно моих намерений, я надеюсь, что объяснения, данные по этому поводу графом Меттернихом вашему министру, полностью их устранят. Барон Винсент имеет возможность подтвердить вашему Величеству все, что было сказано графом Меттернихом по этому вопросу, и добавить любые дальнейшие пояснения, которые вы, возможно, пожелаете. Я умоляю ваше величество оказать ему такой же любезный прием, какой он испытал в Париже и Варшаве. Возобновленные знаки внимания, которыми вы можете его одарить, будут недвусмысленным залогом взаимности ваших чувств и скрепят то доверие, которое сделает наше удовлетворение взаимным.

Соблаговолите принять заверения в неизменной привязанности и уважении, с которыми я отношусь, сир, к моему Брату, верному брату и другу Вашего императорского и королевского Величества,

(Подпись) ФРАНЦИСК. ПРЕСБУРГ, 8 сентября 1808 года.

Это письмо, по-видимому, является образцом двусмысленности, с помощью которой невозможно было навязать Наполеону что-либо. Однако он еще не подозревал о враждебности Австрии, которая быстро проявилась; его главной целью тогда были испанские дела, и, как я уже отмечал, одним из секретов гения Наполеона было то, что он не применял себя более чем к одному делу одновременно.

В Эрфурте Бонапарт достиг главной цели, которую он обещал себе этой встречей. Александр узнал Иосифа в его новом облике короля Испании и Индии. Говорили, что в качестве платы за это признание Наполеон согласился, чтобы Александру досталась Шведская Финляндия; но за правдивость этого я не могу ручаться. Однако я помню, что после встречи в Эрфурте Александр отдавал приказы своему послу к Карлу IV. продолжая выполнять свои функции при короле Иосифе, шведский поверенный в делах в Гамбурге сказал мне, что конфиденциальные письма, полученные им из Эрфурта, заставили его опасаться, что император Александр сообщил Наполеону о своих планах в отношении Финляндии и что Наполеон дал свое согласие на оккупацию. Как бы то ни было, как только встреча закончилась, Наполеон вернулся в Париж, где с большим блеском председательствовал на открытии Законодательного собрания, и в ноябре месяце отправился в Испанию.

ГЛАВА XVI.

1808.

Испанские войска в Гамбурге—Сиеста Романа—Его отъезд в Фюн—Празднование дня рождения Наполеона—Дезертирство Романа— Английские агенты и голландские войска—Средство связи

между Англией и Континентом—Задержка курьеров из России—Тревога и жалобы—Жители Гамбурга—Монтескье и министр великого герцога Тосканского—Приглашения через шесть месяцев—Путешествие Наполеона в Италию—Удочерение дочери Эжена-Люсьена и принца Астурийского—М. Интервью Огюста де Сталь с Наполеоном.

Перед интервью в Эрфурте состоялось событие, вызвавшее большой интерес в Гамбурге и по всей Европе, событие, которое было спланировано и осуществлено с невероятной секретностью. Я упоминаю о дезертирстве маркиза де ла Романа, которого я до сих пор не замечал, чтобы не разделять различные факты, которые стали мне известны относительно этого дезертирства, и обстоятельства, которые его сопровождали.

Маркиз де ла Роман прибыл в ганзейские города во главе армейского корпуса численностью 18 000 человек, на который император в предыдущей кампании претендовал в силу договоров, ранее заключенных с испанским правительством. Испанские войска поначалу встретили хороший прием в ганзейских городах. Разница в языках, действительно, иногда вызывала разногласия, но при более близком знакомстве жители и их гости стали хорошими друзьями. Маркиз де ла Романс был маленьким смуглым человечком невзрачной и довольно заурядной внешности, но обладал значительной долей таланта и информации. Он объездил почти все уголки Европы, и поскольку он внимательно наблюдал за всем, что видел, его беседа была чрезвычайно приятной и поучительной.

Во время своего пребывания в Гамбурге генерал Романов почти каждый вечер проводил у меня дома и неизменно засыпал за игрой в вист. Мадам де Бурьен обычно была его партнершей, и я помню, что он постоянно приносил извинения за свое невольное нарушение правил хорошего тона. Это, однако, не помешало ему быть виновным в том же проступке на следующий вечер. Сейчас я объясню причину этой регулярной сисесты.

В день рождения короля Испании маркиз де ла Романс устроил великолепное представление. Бальный зал был украшен военными эмблемами. Маркиз оказывал почести с бесконечным изяществом и уделял особое внимание французским генералам. Он всегда говорил об императоре в очень уважительных выражениях, без всякого наигранности, так что его невозможно было заподозрить в затаенном недовольстве. Он играл свою роль до последнего с предельным усердием. В Гамбурге мы уже получили сведения о фатальном исходе битвы при Сьерра-Морене и о капитуляции Дюпона, которая опозорила его в тот самый момент, когда вся армия отмечала его как человека, который, скорее всего, получит жезл маршала Франции следующим.

Тем временем маркиз де ла Роман отбыл на датский остров Фюн в соответствии с приказом, переданным ему маршалом Бернадотом. Там, как и в Гамбурге, испанцев очень любили, потому что их генерал обязывал их соблюдать строжайшую дисциплину. В Гамбурге велись большие приготовления в связи с приближением дня святого Наполеона, который тогда с большой торжественностью отмечался во всех городах, в которых были представители Франции. Принц де Понте-Корво находился в Травемюнде, небольшом морском порту недалеко от Любека, но это не помешало ему дать указания относительно фестиваля 15 августа. Маркиз де ла Романа, желая лучше обмануть маршала, отправил курьера с просьбой разрешить ему посетить Гамбург в день праздника, чтобы присоединиться к своим молитвам к молитвам французов и получить в день праздника из рук принца большой орден Почетного легиона, которого он просил и которым наградил его Наполеон. Через три дня после этого Бернадотт получил известие о дезертирстве де ла Романа. Маркизу удалось собрать

большое количество английских судов на побережье и бежать со всеми своими войсками, за исключением склада из 600 человек, оставленного в Альтоне. Впоследствии мы узнали, что его переход не был прерван и что он высадился со своими войсками в Корунье. Теперь я знал, чему приписать сонливость, которая всегда охватывала маркиза де ла Романа, когда он садился играть в вист. Дело в том, что он не спал всю ночь, готовясь к побегу, который давно обдумывал, а днем, как обычно, чтобы усыпить подозрения, показывался повсюду.

В связи с дезертирством испанских войск я получил письма от правительства, требующие от меня усилить бдительность и разыскать тех лиц, которые, как можно предположить, пользовались доверием маркиза де ла Романа. Мне сообщили, что английские агенты, рассеянные по ганзейским городам, пытались посеять раздор и недовольство среди войск короля Голландии. Эти маневры были связаны с изменой испанцев и прибытием даникана в Данию. Неповиновение уже вспыхнуло, но было быстро подавлено. Два голландских солдата были расстреляны за то, что ударили своих офицеров, но, несмотря на эту жестокость, дезертирство в войсках возросло до тревожной степени. Неутомимые агенты, получавшие жалованье от английского правительства, неустанно трудились, чтобы отвлечь солдат короля Людовика (Голландии) от их службы. Некоторые из этих агентов, на которых мне донесли, были схвачены почти на месте преступления, и, получив положительные доказательства их вины, они были приговорены к смертной казни.

Эти незаменимые примеры суровости не остановили маневры Англии, хотя и охладили рвение ее агентов. Я приложил все усилия, чтобы поддержать принца Понте-Корво в розыске лиц, нанятых Англией. В основном, они попали на континент с небольшого острова Гельголанд. Этому сообщению способствовало множество судов, разбросанных по небольшим островам, расположенным вдоль этого побережья. Пять или шесть золотых покрывали расходы на проезд до Гельголанда или обратно. Таким образом, испанские новости, которые печатались и часто фабриковались в Лондоне, широко распространялись на севере Германии. Пакеты с бумагами, адресованными торговцам и известным лицам в немецких городах, были отправлены в почтовые отделения Эмбдена, Кюппхаузена, Вареля, Ольденбурга, Дельменхорста и Бремена. Вообще говоря, за этой частью побережья наблюдали недостаточно хорошо, чтобы предотвратить шпионаж и контрабанду; что касается контрабанды, то, действительно, никакая держава не смогла бы полностью предотвратить ее. Континентальная система сделала это необходимостью, так что значительная часть населения зависела от этого в плане средств к существованию.

В начале декабря 1808 года мы заметили, что русский курьер, проезжавший через Кенигсберг и Берлин, регулярно задерживался на четыре, пять и даже шесть часов по пути в Гамбург. Торговая часть населения, всегда подозрительная, встревожилась этим шансом в часы работы курьера, они навели справки и вскоре обнаружили причину. Было установлено, что два агента были размещены почтмейстером Великого герцогства Берг в Гамбурге, в деревне под названием Эшбург, принадлежащей провинции Лауэнбург. Там курьер из Берлина был остановлен, и его пакеты и письма были вскрыты. Как только эти факты стали известны в Гамбурге, среди торгового класса, то есть влиятельного населения города, воцарился всеобщий ужас. Были поданы важные и обоснованные жалобы. Некоторые письма были изъяты, вложения были взяты из одного письма и вложены в другое, а несколько переводных векселей пропали без вести. Это известие вскоре достигло ушей принца Понте-Корво и было подтверждено официальным отчетом комиссара императорского почтового ведомства, который жаловался на задержку курьера, на путаницу посылок и на отсутствие доверия к императорскому почтовому ведомству. Было бы невежливо размещать таких агентов в деревне, где не было даже почтового отделения и где

письма вскрывались на постоялом дворе без всякого присмотра. Такое изучение писем, иногда, возможно, необходимое, но часто опасное и всегда чрезвычайно деликатное, вызывало дополнительную тревогу из-за лиц, которым было поручено это дело. Если бы император пожелал ознакомиться с перепиской определенных лиц на севере, было бы естественно доверить это дело своим агентам и своему уполномоченному в Гамбурге, а не двум неизвестным лицам — еще одно неудобство, связанное с черными кабинетами. По моему предложению принц Понте-Корво отдал приказ положить конец подпольному бизнесу в Эшбурге. Два агента были доставлены в Гамбург для расследования их поведения. Они были сурово наказаны. Однако они заслуживали этого меньше, чем те, кто доверил им столь почетную миссию; но лидеры никогда не испытывают особых угрызений совести, бросая своих сообщников из низших слоев общества.

Если бы не боль быть свидетелем неприятностей подобного рода, которые я не всегда мог предотвратить, особенно после отъезда Бернадотта, мое пребывание в Гамбурге было бы восхитительным. Те, кто бывал в этом городе, знают, какими преимуществами он обладает благодаря своему очаровательному расположению на Эльбе и, прежде всего, восхитительной местности, которая окружает его подобно саду и простирается более чем на лигу вдоль берегов Эйдера. Манеры и обычаи местных жителей носят на себе печать своеобразия; они любят заниматься своими делами на свежем воздухе. Часто можно увидеть стариков, сидящих за круглыми столами, расставленными перед их дверями, и потягивающих чай, в то время как дети играют перед ними, а молодежь занята своей работой. Эти группы производят очень живописное впечатление и передают отрадное представление о счастье людей. При виде достойных граждан Гамбурга, собравшихся у их дверей, я не мог не вспомнить прекрасное замечание Монтескье. Когда он отправился во Флоренцию с рекомендательным письмом к премьер-министру великого герцога Тосканского, он застал его сидящим на пороге своей квартиры, вдыхающим свежий воздух и беседующим с несколькими друзьями. "Я вижу, - сказал Монтескье, - что я прибыл в среду счастливого народа, поскольку их премьер-министр может таким образом наслаждаться своим досугом".

Своего рода патриархальная простота характеризует нравы жителей Гамбурга. Они редко навещают друг друга и только по приглашению; но в таких случаях под своей простой внешностью скрывается большая роскошь. Они необычайно методичны и пунктуальны. По этому поводу я вспоминаю любопытный случай. Я был очень близок с бароном Вогтом, человеком талантливым и информированным, с чрезвычайно приятными манерами. Однажды он зашел нанести нам прощальный визит, поскольку намеревался на следующий день отбыть в Париж. Когда мадам де Буррьен выразила надежду, что он не продлит свое отсутствие более чем на шесть месяцев, срок, который он установил, он ответил: "Будьте уверены, мадам, ничто не помешает мне вернуться домой в назначенный день, поскольку я пригласил компанию друзей отобедать со мной на следующий день после моего возвращения". Барон вернулся в назначенное время, и никому из его гостей не потребовалось напоминать о его приглашении через шесть месяцев.

Наполеон так хорошо знал эффект, производимый его присутствием, что после завоевания любил показаться народу, чьи территории он присоединил к Империи. Дюрок, который всегда сопровождал его, когда он не был занят в миссиях, рассказал мне любопытный отчет о путешествии Наполеона в 1807 году в Венецию и другие итальянские провинции, которые, согласно Пресбургскому мирному договору, были присоединены к Королевству Италия.

В этом путешествии в Итальянское королевство Наполеон преследовал несколько важных целей. Он планировал крупные союзы и осыпал Эжена милостями, чтобы прощупать его и

подготовить к разводу с матерью. В то же время он намеревался побеседовать со своим братом Люсьеном, потому что, желая добиться руки дочери своего брата, он думал выдать ее замуж за принца Астурийского (Фердинанда), который перед испанской войной, когда стали очевидны первые разногласия между отцом и сыном, стремился к союзу с императором в надежде заручиться его поддержкой. Это было вскоре после того, как старший сын Людовика умер в Голландии от крупа. Ошибочно полагали, что Наполеон испытывал к этому ребенку больше привязанности, чем дядя к племяннику. Я уже сказал правду об этом.

Как бы то ни было, несомненно, что теперь Наполеон всерьез подумывал о разводе с Жозефиной. Если бы не было другого доказательства этого, я, который по давней привычке умел читать мысли Наполеона по его действиям, нашел бы достаточное в изданном в Милане указе, согласно которому Наполеон усыновил Эжена как своего сына и преемника короны Италии, за неимением законных детей мужского пола, происходящих непосредственно от него. Люсьен поехал в Мантую по приглашению своего брата, и это была их последняя беседа перед Сент-Джур. Люсьен согласился выдать свою дочь за принца Астурийского, но этот брак не состоялся. От Дюрока я узнал, до какой степени усилилась вражда Люсьена к семейству Богарне, вражда, о которой я часто имел случай говорить, по этому поводу. Люсьен не мог простить Жозефине того, что она отвергла советы, которые он ей давал и которые она отвергла с таким подобающим негодованием. Кроме того, у Люсьена была еще одна особая причина выдать свою дочь за принца Астурийского. Он особенно хотел воспрепятствовать женитьбе принца на мадемуазель де Ташер, племяннице Жозефины, браку, к которому изо всех сил стремился г-н де Богарне, тогдашний посол Франции в Мадриде. Люсьен также, со своей республиканской флегматичностью, без особых угрызений совести подчинился идее иметь зятем короля Бурбонов. Также во время этого путешествия Наполеон присоединил Тоскану к империи.

Бонапарт вернулся в Париж 1 января 1808 года. По пути он ненадолго остановился в Шамбери, где его несколько дней ждал молодой человек. Это был сын мадам де Сталь, которому тогда было не более семнадцати лет. Господин Огюст де Сталь поселился в доме почтмейстера Шамбери, и поскольку императора ожидали ночью, он приказал, чтобы его вызвали по прибытии первого курьера. Курьеры, задержавшиеся в дороге, прибыли только в шесть утра, и почти сразу же за ними последовал сам император, так что местье де Сталь был разбужен криками "Да здравствует Император!". У него как раз было время поспешно одеться и вылететь на встречу с Наполеоном, которому он передал письмо, заранее подготовленное с целью добиться аудиенции. Лористон, дежурный адъютант, взял письмо, поскольку в его обязанности входило получать все письма и петиции, которые были представлены Наполеону по пути. Перед завтраком император вскрыл письма, которые Лористон разложил на столе; он только взглянул на подписи и отложил их в сторону. Вскрыв письмо г-на де Сталь, он сказал: "Ах! ах! что у нас здесь? письмо от местья де Сталь! . . . Он желает меня видеть. . . . Что ему может быть нужно? ... Может ли быть что-нибудь общее между мной и женевскими беженцами?" — "Сир, - заметил Лористон, - он очень молодой человек; и, насколько я мог судить по тому немногому, что я о нем видел, в его внешности есть что-то очень располагающее". — "Вы говорите, очень молодой человек? ... О, тогда я увижусь с ним... Рустан, скажи ему, чтобы он вошел". Господин де Сталь представился Наполеону со скромностью, но без какой-либо неподобающей робости. Когда он почтительно приветствовал императора, между ними завязался разговор, который Дюрок описал мне почти следующим образом.

Когда г-н де Сталь приблизился к императору, тот спросил: "Откуда вы приехали?" — "Из Женевы, сир". — "Где ваша мать?" — "Она либо в Вене, либо скоро будет там". — "В Вене! ...

Что ж, именно там она и должна быть; и я полагаю, она счастлива ... Теперь у нее будет хорошая возможность выучить немецкий". — "Сир, как вы можете себе представить, что моя мать счастлива, когда она вдали от своей страны и своих друзей? Если бы мне было позволено представить вашему величеству конфиденциальное письмо моей матери, вы бы увидели, как она несчастна в своем изгнании". — "Ах, ба! ваша мать действительно несчастна! ... Однако я не хочу сказать, что она совсем плохая женщина. ... У нее есть талант — возможно, даже слишком большой; и талант у нее необузданный. Она получила образование среди хаоса свергнутой монархии и Революции; и из этих событий она делает собственное обобщение! Все это может стать очень опасным. Ее энтузиазм, вероятно, привлечет прозелитов. Я должен присматривать за ней. Я ей не нравлюсь, и в интересах тех, кому она может угрожать, я должен запретить ей приезжать в Париж".

Молодой Де Сталь заявил, что его целью, добиваясь встречи с императором, было ходатайствовать о возвращении его матери в Париж. Наполеон, без всякого нетерпения выслушав доводы, которые он привел в обоснование своей просьбы, сказал: "Но предположим, я разрешил бы вашей матери вернуться в Пар, не прошло бы и шести месяцев, как я был бы вынужден отправить ее в Бисетр или в Тамплъ. Мне было бы жаль сделать это, потому что это дело наделало бы шуму и повредило бы мне в общественном мнении. Скажи своей матери, что моя решимость сформировалась, что мое решение бесповоротно. Нога ее никогда не ступит в Париж, пока я жив". — "Сир, я не могу поверить, что вы произвольно заключили бы мою мать в тюрьму, если бы она не дала вам повода для такой суровости". — "Она дала бы мне дюжину! ... Я хорошо ее знаю". — "Сир, позвольте мне сказать, что я уверен, что моя мать жила бы в Париже так, чтобы не было повода для упреков; она жила бы уединенно и виделась бы лишь с очень немногими друзьями. Несмотря на отказ вашего величества, я осмеливаюсь умолять вас дать ей испытание, хотя бы на шесть недель или месяц. Позвольте ей, сир, провести это время в Париже, и я заклинаю вас не принимать заранее окончательного решения". — "Неужели вы думаете, что я буду обманут этими честными обещаниями? ... Говорю вам, этого не может быть. Она могла бы стать оплотом Сен-Жерменского предместья. Она действительно никого не видит! Могла ли она пойти на такую жертву? Она приходила бы в гости и принимала гостей. Она была бы виновна в тысяче глупостей. Она говорила бы вещи, которые сама могла бы считать очень хорошими шутками, но которые я должен принимать всерьез. Мое правительство - это не шутка: я хочу, чтобы это было хорошо известно всем". — "Сир, позволит ли мне ваше величество повторить, что моя мать не имеет ни малейшего желания появляться в обществе? Она ограничится кругом нескольких друзей, список которых она передаст вашему величеству. Вы, сир, кто так сильно любит Францию, может быть, составите некоторое представление о страданиях, которые испытывает моя мать в своем изгнании. Я умоляю ваше величество уступить моим мольбам и включить нас в число ваших верных подданных". — "Вас!" — "Да, сир; или, если ваше величество упорствует в своем отказе, позвольте сыну узнать, что могло вызвать ваше неудовольствие против его матери. Некоторые говорят, что это была последняя работа моего деда; но я могу заверить ваше величество, что моя мать не имела к этому никакого отношения". — "Да, конечно", - добавил Наполеон с большей неприязнью, чем проявлял до сих пор. "Да, конечно, эта работа очень нежелательна. Твой дед был идеологом, дураком, старым сумасшедшим. В шестьдесят лет думать о разработке планов свержения моей конституции! Государства действительно могли бы хорошо управляться при таких теоретиках, которые судят о людях по книгам, а о мире — по карте". - "Сир, поскольку планы моего деда в глазах вашего Величества не что иное, как тщетные теории, я не могу понять, почему они должны вызывать ваше неудовольствие. Нет ни одного политического экономиста, который не разработал бы планы конституций". — "О! что касается политических экономистов, то они просто провидцы, которые мечтают о финансовых планах,

в то время как они непригодны для выполнения обязанностей школьного учителя в самой незначительной деревне Империи. Работа вашего деда — это работа упрямого старика, который умер, оскорбляя все правительства". - "Сир, могу ли я предположить, судя по тому, как вы говорите об этом, что ваше величество судит по сообщениям злонамеренных личностей и что вы сами этого не читали".

"Это ошибка. Я сам прочитал его от начала до конца". — "Тогда ваше величество, должно быть, видели, как мой дед отдает должное вашему гению". — "Поистине прекрасное правосудие! ... Он называет меня незаменимым человеком, но, судя по его аргументам, лучшее, что можно было бы сделать, - это перерезать мне горло! Да, я действительно был незаменим, чтобы исправить безрассудства вашего деда и то зло, которое он причинил Франции. Именно он сверг монархию и возглавил Людовика XVI. на эшафот." — "Сир, вы, кажется, забываете, что имущество моего деда было конфисковано, потому что он защищал короля". — "Защищал короля! Прекрасная защита, действительно! С таким же успехом вы могли бы сказать, что если я даю человеку яд и даю противоядие, когда он находится в предсмертной агонии, я хочу спасти его! И все же именно так ваш дедушка защищал Людовика XVI..... Что касается конфискации, о которой вы говорите, что это доказывает? Ничего. Ведь собственность Робеспьера была конфискована! И позвольте мне сказать вам, что сам Робеспьер, Марат и Дантон причинили Франции гораздо меньше вреда, чем Неккер. Именно он вызвал Революцию. Вы, месье де Сталь, этого не видели, но я видел. Я был свидетелем всего, что происходило в те дни террора и общественных бедствий. Но пока я жив, те дни никогда не вернуться. Ваши спекулянты рисуют свои утопические планы на бумаге; дураки читают и верят им. Все болтают о всеобщем счастье, и в настоящее время у людей нет хлеба насущного; затем наступает революция. Таков обычно плод всех этих прекрасных теорий! Твой дед был причиной сатурналий, опустошивших Францию. Он несет ответственность за всю кровь, пролитую во время Революции!"

Дюрок сообщил мне, что император произнес эти последние слова таким яростным тоном, что все присутствующие затрепетали за молодого Де Сталь. К счастью, молодой человек не потерял самообладания во время конфликта, хотя взволнованное выражение его лица, очевидно, показывало, что происходило у него на уме. Он достаточно владел собой, чтобы ответить императору спокойным, хотя и несколько дрогнувшим голосом: "Сир, позвольте мне надеяться, что потомки будут судить о моем деде более благосклонно, чем ваше величество. Во время своего правления он стоял в одном ряду с Сюлли и Кольбером; и позвольте мне еще раз повторить, что я верю, что потомки воздадут ему должное". — "Потомки, вероятно, мало что скажут о нем". — "Осмелюсь надеяться на обратное, сир".

Затем, добавил Дюрок, император, повернувшись к нам, сказал с улыбкой: "В конце концов, господа, не мне высказываться слишком много против Революции, поскольку благодаря ей я получил трон". Затем, снова повернувшись к г-ну де Сталь, он сказал: "Царствованию анархии приходит конец. У меня должно быть подчинение. Уважайте суверенную власть, поскольку она исходит от Бога. Следовательно, вы молоды и хорошо образованы; придерживайтесь лучшего курса и избегайте тех дурных принципов, которые ставят под угрозу благосостояние общества". — "Сир, поскольку ваше величество оказывает мне честь, считая меня хорошо образованным, вам не следует осуждать принципы моего деда и моей матери, ибо именно на этих принципах я был воспитан". — "Что ж, я советую вам оставаться правым в политике, поскольку я не прощу никаких оскорблений, подобных Неккеру. Каждый должен оставаться правым в политике".

Этот разговор, как сообщил мне Дюрок, продолжался все время завтрака, и император встал как раз в тот момент, когда он произнес эти последние слова: "Каждый должен оставаться

правым в политике". В этот момент юный Де Сталь снова возобновил свои ходатайства об отзыве своей матери из ссылки. Затем Бонапарт подошел к нему и ущипнул за ухо с той фамильярностью, которая была свойственна ему, когда он был в хорошем настроении или хотел казаться таковым.

- Вы молоды, - сказал он, - если бы у вас был мой возраст и опыт, вы судили бы о вещах более правильно. Я далек от того, чтобы быть недовольным вашей откровенностью. Мне нравится видеть, как сын защищает интересы своей матери. Твоя мать дала тебе трудное поручение, и ты с умом его выполнил. Я рад, что у меня была возможность поговорить с тобой. Я люблю разговаривать с молодыми людьми, когда они скромны и не слишком любят спорить. Но, несмотря на это, я не буду питать к вам ложных надежд. Мюрат уже говорил со мной на эту тему, и я сказал ему, как сейчас говорю вам, что моя воля бесповоротна. Если бы ваша мать была в тюрьме, я бы без колебаний освободил ее, но ничто не заставит меня отозвать ее из ссылки". — "Но, сир, разве она не так несчастна в изгнании из своей страны и своих друзей, как если бы она была в тюрьме?" — "О! это романтические идеи твоей матери. Она чрезвычайно несчастна, и, без сомнения, ее следует пожалеть! ... За исключением Парижа, ее тюрьмой является вся Европа". — "Но, сир, ее друзья в Париже". — "С ее талантами она может завести друзей где угодно. В конце концов, я не могу понять, почему она так стремится приехать в Париж. Почему она должна желать немедленно оказаться в пределах досягаемости моей тирании? Разве она не может поехать в Рим, в Берлин, в Вену, в Милан или в Лондон? Да, пусть она едет в Лондон; это место для нее. Там она может клеветать на меня сколько ей заблагорассудится. Короче говоря, у нее есть моя полная свобода находиться где угодно, только не в Париже. Видите ли, месье де Сталь, это место моего проживания, и там у меня будут только те, кто ко мне привязан. Я знаю по опыту, что если бы я позволил твоей матери приехать в Париж, она испортила бы все обо мне. Она довершила бы порчу Гарата. Это она погубила Трибунат. Я знаю, что она обещала бы чудеса, но она не может удержаться от вмешательства в политику". — "Я могу заверить ваше величество, что моя мать сейчас не занимается политикой. Она посвящает себя исключительно обществу своих друзей и литературе". — "Ах, вот оно что! ... Литература! Вы думаете, мне можно навязывать это слово? Рассуждая о литературе, морали, изящных искусствах и подобных материях, легко увлечься политикой. Пусть женщины занимаются своим вязанием. Если бы твоя мать была в Париже, я бы слышал о ней всевозможные слухи. Все это, действительно, может быть ложно приписано ей; но, как бы то ни было, я не потерплю, чтобы в столице, в которой я проживаю, происходило что-либо подобное. Учитывая все обстоятельства, посоветуйте вашей матери уехать в Лондон. Это лучшее место для нее. Что касается вашего дедушки, я не говорил о нем слишком строго. Господин Неккер ничего не знал об искусстве управления. За последние двадцать лет я кое-что узнал об этом деле". — "Весь мир, сир, отдает должное гению вашего величества, и никто не может не признать, что финансы Франции сейчас более процветающие, чем когда-либо до вашего правления. Но позвольте мне заметить, что ваше величество, несомненно, усмотрели некоторые достоинства в финансовых правилах моего деда, поскольку вы приняли некоторые из них в рамках созданной вами замечательной системы". — "Это ничего не доказывает, поскольку две или три хорошие идеи не составляют хорошей системы. Как бы то ни было, я повторяю еще раз, я никогда не позволю вашей матери вернуться в Париж". — "Но, сир, если священные интересы непременно потребуют ее присутствия там на несколько дней, разве —" — "Как! Священные интересы! Что вы имеете в виду?" — "Да, сир, если вы не позволите ей вернуться, я буду вынужден отправиться туда без ее совета, чтобы взыскать с правительства вашего Величества уплату священного долга". — "Ах! Священно! Разве не священны все долги государства?" — "Несомненно, сир; но наш связан с обстоятельствами, которые придают ему особый характер". — "Особый характер! Вздор! Разве каждый государственный кредитор не

говорит то же самое о своем долге? Кроме того, я ничего не знаю о вашем иске. Меня это не касается, и я не буду вмешиваться в это. Если закон на вашей стороне, тем лучше; но если вам нужна милость, я говорю вам, что не буду вмешиваться. Если бы я это сделал, я был бы скорее против вас, чем против чего—либо другого". - "Сир, мы с моим братом намеревались поселиться во Франции, но как мы можем жить в стране, где наша мать не может навещать нас?" — "Меня это не волнует. Я не советую вам приезжать сюда. Поезжайте в Англию. Англичанам нравятся спорящие политики. Поезжайте туда, потому что во Франции, говорю вам откровенно, я был бы скорее против вас, чем за вас".

"После этого разговора, - добавил Дюрок, - император сел со мной в карету, не останавливаясь, чтобы просмотреть другие петиции, которые были ему представлены. Он хранил непрерывное молчание, пока не оказался почти напротив каскада, слева от дороги, в нескольких лигах от Шамбери. Казалось, он погрузился в размышления. Наконец он сказал: "Боюсь, я был несколько слишком резок с этим молодым человеком Но это не имеет значения, это помешает другим беспокоить меня. Эти люди клеветают на все, что я делаю. Они не понимают меня, Дюрок; их место не во Франции. Чем семья Неккера может быть полезна бурбонам, первым долгом которых, если они когда-нибудь вернутся во Францию, было бы повесить их всех".

Этот разговор, переданный мне Дюроком, настолько заинтересовал меня, что я записал его на бумаге сразу после моего интервью.

ГЛАВА XVII.

1808.

Республика Батавия—Корона Голландии, предложенная Людовику— Предложение и отказ от короны Испании—Попытка Наполеона овладеть Брабантом—Наполеон до и после Эрфарта—Замечательное письмо Людовику—Людовика вызвали в Париж—Его честность и мужество—Его смелый язык—Возвращение Людовика в Голландию и его письмо Наполеону—Резкое письмо Наполеона Людовику—Драка в Амстердаме—Недовольство Наполеона и последнее письмо его брату— Отречение Людовика в пользу своего сына—Присоединение Голландии к Французской империи—Протест Людовика против этой меры—Письмо от М. Отто - Луи.

Когда Бонапарт был главой Французской республики, у него не было возражений против существования Батавской республики на севере Франции, и он в равной степени терпел Цизальпинскую республику на юге. Но после коронации все Республики, которые были сгруппированы как сателлиты вокруг великой Республики, были преобразованы в королевства, подчиненные Империи, если не открыто, то, по крайней мере, фактически. В этом отношении не было никакой разницы между Батавской и Цизальпинской республиками. Поскольку последнее было преобразовано в Итальянское королевство,

необходимо было найти какой-нибудь предлог для преобразования первого в Королевство Голландия. Правительство Республики Батавия в течение некоторого времени было всего лишь тенью правительства, но все же оно сохранило, даже в своем подчинении Франции, те внутренние формы свободы, которые утешают нацию в утрате независимости. Император имел такую обширную агентуру в Голландии, что легко собрал депутацию с просьбой выбрать короля для Батавской республики. Эта покорная депутация прибыла в Париж в 1806 году, чтобы просить императора в качестве одолжения посадить принца Людовика на трон Голландии. Обращение депутации, ответ Наполеона и речь Людовика по поводу возведения его в монаршее достоинство - все это было опубликовано.

Людовик стал королем Голландии во многом вопреки своему желанию, поскольку он сопротивлялся этому предложению изо всех сил, ссылаясь в качестве возражения на состояние своего здоровья, которому, безусловно, климат Голландии не благоприятствовал; но Бонапарт строго ответил на его протест: "Лучше умереть королем, чем жить принцем". Затем он был вынужден принять корону. Он отправился в Голландию в сопровождении Гортензии, которая, однако, пробыла там недолго. Новый король хотел завоевать любовь своих подданных, а поскольку они были исключительно коммерческим народом, лучшим способом завоевать их расположение было не принимать жесткие законы Наполеона, запрещающие торговые сношения с Англией. Отсюда и возникло первое охлаждение между двумя братьями, которое закончилось отречением Людовика от престола.

Я не знаю, помнил ли Наполеон мотив, указанный Людовиком для первого отказа от короны Голландии, а именно климат страны, или он рассчитывал на большую покорность со стороны другого из своих братьев; но несомненно, что Жозеф был призван с трона Неаполя на трон Испании только после отказа Людовика. В моем распоряжении имеется копия письма, написанного ему Наполеоном по этому поводу. В нем нет ни даты, ни места, но его содержание доказывает, что оно было написано в марте или апреле 1808 года. Это выглядит следующим образом:—

БРАТ: — Король Испании Карл IV только что отрекся от престола. Испанский народ громко обращается ко мне. Уверенный в невозможности достижения прочного мира с Англией, если я не вызову большого движения на Континенте, я решил посадить французского короля на трон Испании. Климат Голландии вам не подходит; кроме того, Голландия не может подняться из-за дождей. В вихре событий, будет у нас мир или нет, у нее нет никакой возможности сохранить себя. При таком положении вещей я подумал о троне Испании для вас. Выскажите мне свое категорическое мнение по этому поводу. Если бы я назначил вас королем Испании, вы бы приняли это предложение? Могу ли я рассчитывать на вас? Ответьте мне на эти два вопроса. Скажите: "Я получил ваше письмо от такого-то дня, я отвечаю "Да", - и тогда я буду рассчитывать на то, что вы сделаете то, что я хочу; или скажите "Нет", если вы отклоните мое предложение. Пусть никто не посвящает вас в свои тайны и никому не упоминает о цели этого письма. Это должно быть сделано до того, как мы признаемся, что думали об этом.
(подпись) НАПОЛЕОН.

Прежде чем окончательно захватить Голландию, Наполеон разработал проект отделения от нее Брабанта и Зеландии в обмен на другие провинции, владение которыми было сомнительно, но Людовик успешно сопротивлялся этому первому акту узурпации. Бонапарт

был слишком поглощен великим делом в Испании, чтобы рисковать какими-либо волнениями на севере, где его уже достаточно занимало заявление России против Швеции. Поэтому он не настаивал на предлагаемом увеличении территории империи и даже изображал безразличие к этому. Это, по крайней мере, можно почерпнуть из другого письма, датированного Сен-Клаудом 17 августа, написанного после того, как он услышал от меесье Александра де Ларошфуко, своего посла в Голландии, и от самого своего брата о противодействии Людовика его проекту.

Письмо было следующего содержания:—

БРАТ, Я получил твое письмо, касающееся письма съера де Ларошфуко. Он был уполномочен делать предложения только косвенно. Поскольку обмен мнениями вам не по душе, давайте больше не будем об этом думать. Было бесполезно устраивать парад принципов, хотя я никогда не говорил, что вам не следует консультироваться с нацией. Хорошо информированная часть голландского народа уже признала свое безразличие к потере Брабанта, который связан скорее с Францией, чем с Голландией, и перемежается дорогостоящими крепостями; его можно было бы выгодно обменять на северные провинции. Но раз и навсегда, поскольку вам не нравится такой расклад, давайте больше не будем об этом говорить. Бесполезно было даже упоминать об этом при мне, поскольку съеру де Ларошфуко было поручено лишь намекнуть на этот вопрос.

Хотя здесь под напускной снисходительностью явно проглядывает дурное настроение, все же тон этого письма на редкость умеренный, я бы даже сказал, добрый, по сравнению с другими письмами, которые Наполеон адресовал Людовику. Это письмо, правда, было написано до встречи в Эрфурте, когда Наполеон, чтобы не тревожить Россию, сделал вид, что его честолюбие дремлет. Но когда он добился признания своего брата Жозефа и сам нанес важный удар на полуострове, он начал менять свой тон по отношению к Людовику. 20 декабря он написал очень примечательное письмо, в котором демонстрируется безоговорочное выражение той тирании, которую он хотел применить ко всей своей семье, чтобы сделать их орудиями своего деспотизма. Он упрекнул Людовика в том, что тот не следует его системе политики, сказав ему, что он забыл, что он француз, и что он хотел бы стать голландцем. Среди прочего он сказал:

Ваше величество сделали больше: вы воспользовались моментом, когда я был вовлечен в дела Континента, чтобы возобновить отношения между Голландией и Англией — нарушить законы блокады, которые являются единственным средством эффективного уничтожения последней державы. Я выразил свое недовольство, запретив вам приезжать во Францию, и я дал вам почувствовать, что даже без помощи моих армий, просто закрыв Рейн, Везер, Шельду и Маас от Голландии, я поставил бы ее в более критическое положение, чем если бы я объявил ей войну. Ваше величество взывали к моему великодушию, взывали к моим братским чувствам и обещали изменить свое поведение. Я подумал, что этого предупреждения будет достаточно. Я отменил свои таможенные запреты, но ваше величество вернулись к своей старой системе.

Ваше величество принимали все американские корабли, которые появлялись в портах Голландии после того, как были изгнаны из портов Франции. Я был вынужден во второй раз запретить торговлю с Голландией. При таком положении вещей мы можем считать себя действительно находящимися в состоянии войны. В своей речи перед Законодательным собранием я выразил свое неудовольствие; ибо я не скрою от вас, что мое намерение состоит в объединении Голландии с Францией. Это будет самый сильный удар, который я могу нанести Англии, и избавит меня от постоянных оскорблений, которые заговорщики из вашего кабинета постоянно

направляют против меня. Устья Рейна и Мааса действительно должны принадлежать мне. Принцип, согласно которому "Тальвег" (буксирный путь) по Рейну является границей Франции, является фундаментальным принципом. Ваше величество пишет мне 17-го, что вы уверены в возможности предотвратить всякую торговлю между Голландией и Англией. Я придерживаюсь мнения, что ваше Величество обещает больше, чем вы можете выполнить. Я, однако, отменю свои таможенные запреты всякий раз, когда существующие договоры могут быть выполнены. Ниже приведены мои условия: —Во-первых, прекращение всякой торговли и сношений с Англией. Во-вторых, снабжение флота из четырнадцати линейных кораблей, семи фрегатов и семи бригов или корветов, вооруженных и укомплектованных личным составом. В-третьих, армия численностью 25 000 человек. В-четвертых, отмена звания маршалов. В-пятых, отмена всех привилегий дворянства, которые противоречат конституции, которую я дал и гарантировал. Ваше величество может вести переговоры об этих основаниях с герцогом де Кадоре через посредство вашего министра; но будьте уверены, что при входе первого пакетбота в Голландию я восстановлю свои запреты и что первый голландский офицер, который осмелится оскорбить мой флаг, будет схвачен и повешен на грот-рее. Ваше величество найдет во мне брата, если докажет, что вы француз; но если вы забудете о чувствах, которые привязывают вас к нашей общей стране, вам не покажется странным, что я упускаю из виду то, что природа создала между нами. Короче говоря, союз Голландии и Франции будет наиболее полезен Франции, Голландии и всему Континенту, потому что он нанесет наибольший ущерб Англии. Этот союз должен быть заключен добровольно или силой. Голландия предоставила мне достаточные основания объявить ей войну. Однако я без колебаний соглашусь на соглашение, которое обеспечит мне границу по Рейну и по которому Голландия обязуется выполнять условия, изложенные выше.

—[Многое из того, как Наполеон обращался с оккупированными странами, такими как Голландия, объясняется духом его ответа, когда Бегно пожаловался ему на вред, нанесенный Великому герцогству Берг монополией на табак. "Удивительно, что вы не догадались о мотиве, который заставляет меня упорствовать в установлении монополии на табак в Великом герцогстве. Вопрос касается не вашего Великого герцогства, а Франции. Я очень хорошо понимаю, что это не в ваших интересах и что вы, вполне возможно, от этого проиграете, но что это значит, если это на благо Франции? Итак, я говорю вам, что в каждой стране, где существует монополия на табак, но которая примыкает к стране, где продажа свободна, следует учитывать регулярное проникновение контрабанды, которая обеспечивает потребление на двадцать или двадцать пять миль в страну, облагаемую пошлиной. Вот от чего я намерен уберечь Францию. Вы должны защитить себя, насколько сможете, от этого проникновения. Для меня достаточно отбросить его более чем на двадцать-двадцать пять миль от моей границы ". (Беньо, том ii, стр. 26).]—

Здесь переписка между двумя братьями на время прервалась; но Людовик все еще продолжал подвергаться новым досадам со стороны Наполеона. Примерно в конце 1809 года император созвал в Париж всех монархов, которых можно было назвать его вассалами. Среди них был Людовик, который, однако, не проявил особого желания покинуть свои Государства. Он созвал совет своих министров, которые придерживались мнения, что в интересах Голландии он должен пойти на эту новую жертву. Он сделал это со смирением. Действительно, каждый день, проведенный Людовиком на троне, был принесен в жертву.

Он жил очень тихо в Париже и находился под пристальным наблюдением полиции, поскольку предполагалось, что, поскольку он приехал против своей воли, он не продлит свое пребывание так долго, как того хотел Наполеон. Система шпионажа, в условиях которой он оказался, в сочетании с другими обстоятельствами его положения, придала ему энергии, на которую он, как считалось, был не способен; и среди общего молчания слуг Империи и даже

королей и принцев, собравшихся в столице, он осмелился сказать: "Я был обманут обещаниями, которые никогда не предназначались для выполнения. Голландия устала быть развлечением Франции ". Император, который не привык к подобным высказываниям, был крайне разгневан этим. Теперь у Людовика не было иного выбора, кроме как уступить непрекращающимся притеснениям Наполеона или добиться объединения Голландии с Францией. Он выбрал последнее, хотя и не раньше, чем приложил всю свою слабую власть к защите подданных, которых ему вверил Наполеон; но он не хотел быть сообщником человека, который решил сделать этих подданных жертвами своей ненависти к Англии. Кто, в самом деле, мог быть настолько слеп, чтобы не видеть, что гибель Континента станет триумфом британской торговли?

Людовику, однако, было разрешено вернуться в свои Штаты, чтобы обдумать замедляющее воздействие континентальной блокады на все отрасли торговли и промышленности, ранее столь активные в Голландии. Огорченный тем, что стал свидетелем зла, против которого он не мог применить никакого средства, он попытался некоторыми благоразумными увещеваниями предотвратить полное разорение, которое грозило Голландии. 23 марта 1810 года он написал Наполеону следующее письмо:

Если вы хотите укрепить нынешнее положение Франции, добиться мира на море или с выгодой напасть на Англию, этих целей нельзя достичь такими мерами, как система блокад, разрушение королевства, созданного вами самими, или ослабление ваших союзников, бросая вызов их самым священным правам и первым принципам международного права. Напротив, вы должны завоевать их расположение к Франции и объединить и усилить своих союзников, сделав их подобными вашим братьям, на которых вы можете положиться. Разрушение Голландии отнюдь не является средством нападения на Англию, оно послужит лишь увеличению ее силы за счет всей промышленности и богатств, которые устремятся к ней в поисках убежища. В действительности существует только три способа напасть на Англию, а именно: путем отделения Ирландии, овладения Ост-Индией или путем вторжения. Эти два последних способа, которые были бы наиболее эффективными, не могут быть реализованы без военно-морских сил. Но я удивлен, что от первого так легко отказались. Это более безопасный способ достижения мира на хороших условиях, чем система нанесения себе вреда ради нанесения большего ущерба врагу.

(Подпись) ЛУИ.

Письменные увещевания были Наполеону по вкусу не больше, чем устные, в то время, когда, как мне сообщили мои друзья, которых судьба приковала к его судьбе, никто не осмеливался обратиться к нему ни с одним словом, кроме как в ответ на его вопросы. Камбасерес, который единственный сохранил эту привилегию публично как его старый коллега по консульству, потерял ее после женитьбы Наполеона на дочери австрийского императора. Письмо его брата вызвало его сильное неудовольствие. Через два месяца после того, как он получил его, находясь в путешествии по северу, он ответил из Остенде письмом, которое нельзя читать без чувства боли, поскольку оно показывает, насколько слабы самые священные узы крови по сравнению с интересами ненасытной политики. Это письмо было следующего содержания:

БРАТ, В ситуации, в которой мы оказались, лучше всего говорить откровенно. Я знаю твои тайные чувства, и все, что ты можешь сказать в противовес, ничего не даст. Холланд, безусловно,

находится в печальном положении. Я верю, что вы стремитесь вытащить ее из ее затруднений: это вы, и только вы, можете это сделать.

Когда вы поведете себя таким образом, чтобы заставить народ Голландии поверить, что вы действуете под моим влиянием, что все ваши меры и все ваши чувства соответствуют моим, тогда вас будут любить, вас будут уважать, и вы приобретете власть, необходимую для восстановления Голландии: когда быть моим другом и другом Франции станет привилегией при вашем дворе, Голландия окажется в своем естественном положении. С момента вашего возвращения из Парижа вы ничего не предприняли для достижения этой цели. Каков будет результат вашего поведения? Ваши подданные, разбросанные между Францией и Англией, бросятся в объятия Франции и потребуют объединения с ней. Вы знаете мой характер, который заключается в том, чтобы добиваться своей цели, не считаясь ни с какими соображениями. Чего, следовательно, вы ожидаете от меня? Я могу обойтись без Голландии, но Голландия не может обойтись без моей защиты. Если, находясь под властью одного из моих братьев, но заботясь о своем благополучии только обо мне, она не найдет в своем государе моего образа, всякому доверию к вашему правительству придет конец; ваш скипетр сломан. Любите Францию, любите мою славу — это единственный способ послужить Голландии: если бы вы поступили так, как должны были поступить, эта страна, став частью моей империи, была бы мне еще дороже с тех пор, как я подарил ей государя, которого я считал почти своим сыном. Посадив вас на трон Голландии, я думал, что посадил на него гражданина Франции. Вы пошли курсом, диаметрально противоположным тому, чего я ожидал. Я был вынужден запретить вам приезжать во Францию и вступить во владение частью вашей территории. Доказывая, что ты плохой француз, ты значишь для голландцев меньше, чем принц Оранский, семье которого они обязаны своим национальным положением и долгой чередой процветания и славы. Вашим изгнанием из Франции голландцы убеждены, что они потеряли то, чего не потеряли бы при Шиммельпеннинке или принце Оранском. Докажите, что вы француз и брат императора, и будьте уверены, что тем самым вы послужите интересам Голландии. Но вы, похоже, неисправимы, поскольку готовы прогнать тех немногих французов, которые остались с вами. С вами нужно обращаться не ласковыми советами, а угрозами и принуждением. Что означают предписанные тобой молитвы и таинственные посты? Людовик, ты недолго будешь царствовать. Твои действия лучше, чем конфиденциальные письма, раскрывают чувства твоего разума. Вернись на правильный путь. Будь французом в душе, или твой народ изгонит тебя, и ты оставишь Голландию объектом насмешек.

— [Напротив, после того, как Людовик сделал себя голландцем, его народ не изгнал его, и он унес с собой сожаление всей той части своих подданных, которые могли оценить его превосходные качества и обладали достаточным здравым смыслом, чтобы понять, что он не виноват в бедствиях, обрушившихся на Голландию.—Бурьен. Поведение Бонапарта по отношению к Мюрату было почти аналогичным этому. Когда Мюрат попытался посоветоваться с интересами Неаполя, его называли предателем Франции.— Редактор издания 1836 года.] — Государствами должны управлять разум и политика, а не слабость, вызванная едким и извращенным юмором.

(Подпись) НАПОЛЕОН.

Через несколько дней после того, как это письмо было отправлено Людовику, Наполеон услышал о незначительной стычке, имевшей место в Амстердаме, которой граф де Ларошфуко придал временное дипломатическое значение, сознавая, что не может лучше угодить своему повелителю, чем дать ему повод для гнева. Оказалось, что честь графского кучера была поставлена под угрозу оскорблением гражданина Амстердама, и завязалась ссора, которая, если бы не вмешательство дворцовой охраны, могла бы закончиться

серьезно, поскольку она приняла характер партийного спора между французами и голландцами. Господин де Ларошфуко немедленно отправил императору, находившемуся в то время в Лилле, полный отчет о ссоре своего кучера, в котором он выражался с такой же серьезностью, как знаменитый автор "Максим". проявился, когда он вел войну против королей. Следствием этого стало то, что Наполеон немедленно разразился гневной речью против своего брата Людовика:

БРАТ— В тот самый момент, когда ты делал самые справедливые заявления, я узнал, что со слугами моего посла жестоко обращались в Амстердаме. Я настаиваю на том, чтобы те, кто был виновен в этом безобразии, были переданы мне, чтобы их наказание могло послужить примером для других. Сьер Серрюрье сообщил мне, как вы вели себя на дипломатических аудиенциях. Следовательно, я решил, что голландский посол не должен оставаться в Париже; и адмирал Эрхуэлл получил приказ отбыть в течение двадцати четырех часов. Я не хочу больше фраз и протестов. Пришло время мне узнать, намерены ли вы погубить Голландию своими безумствами. Я не считаю, что вы должны снова посылать министра в Австрию или что вы должны увольнять французов, которые находятся у вас на службе. Я отозвал своего посла, поскольку намерен иметь только временного поверенного в делах в Голландии. Сьер Серрюрье, который остается там в этом качестве, сообщит о моих намерениях. Мой посол больше не будет подвергаться вашим оскорблениям. Не пиши мне больше тех устоявшихся фраз, которые ты повторяешь последние три года и ложность которых доказывается каждый день.

Это последнее письмо, которое я напишу тебе, пока жив.

(Подпись) НАПОЛЕОН.

Поставленный таким образом перед жестокой альтернативой: сокрушить Голландию собственными руками или оставить эту задачу императору, Людовик без колебаний сложил свой скипетр. Сформировав эту резолюцию, он обратился с посланием к Законодательному органу Королевства Голландия, в котором объяснил мотивы своего отречения. Французские войска вошли в Голландию под командованием герцога Реджио, и этот маршал, который был больше королем, чем сам король, пригрозил оккупировать Амстердам. Затем Людовик сошел со своего трона, а через четыре года после этого с него был свергнут Наполеон.

В своем акте отречения Людовик заявил, что к этому шагу его подтолкнуло плачевное состояние его королевства, которое он приписывал неблагоприятным чувствам к нему своего брата. Он добавил, что приложил все усилия и принес себя в жертву, чтобы положить конец этому болезненному положению вещей, и что, в конце концов, он считает себя причиной постоянного недопонимания между Французской империей и Голландией. Любопытно, что Людовик думал, что может отречься от короны Голландии в пользу своего сына, поскольку Наполеон всего четыре года спустя пожелал отречься от своей короны в пользу короля Рима.

Луи попрощался с народом Голландии в прокламации, после опубликования которой он отправился на воды Теплица. Там он жил в спокойном уединении, когда узнал, что его брат присоединил Голландию к империи. Затем он опубликовал протест, копию которого я получил, хотя его распространение было строго запрещено полицией. В этом протесте Луи сказал:

Конституция государства, гарантированная императором, моим братом, давала мне право отречься от престола в пользу моих детей. Это отречение было сделано в форме и на условиях, предусмотренных конституцией. Император не имел права объявлять войну Голландии, и он этого

не делал.

Нет ни одного действия, ни одного несогласия, ни одного требования голландской нации, которые могли бы санкционировать мнимый союз.

Мое отречение не оставляет трон вакантным. Я отрекся от престола только в пользу своих детей.

Поскольку это отречение оставляло Голландию на двенадцать лет под регентством, то есть под прямым влиянием императора, согласно условиям конституции, не было необходимости в этом союзе для осуществления всех мер, которые он мог иметь в виду против торговли и против Англии, поскольку его воля была высшей в Голландии.

Но я взошел на трон без каких-либо других условий, кроме тех, которые были навязаны мне моей совестью, моим долгом, а также интересами и благополучием моих подданных. Поэтому я заявляю перед Богом и независимыми государями, к которым я обращаюсь, —

Во-первых, что международный договор от 16 марта 1810 года, который привел к отделению провинции Зеландия и Брабант от Голландии, был принят по принуждению и ратифицирован мной на условных условиях в Париже, где я был задержан против моей воли; и что, более того, международный договор так и не был выполнен императором, моим братом. Вместо 6000 французских войск, которые я должен был содержать, согласно условиям договора, это число было увеличено более чем вдвое; вместо того, чтобы оккупировать только устья рек и побережье, французские таможенные войска вторглись вглубь страны; вместо того, чтобы вмешательство Франции ограничилось мерами, связанными с блокадой Англии, были захвачены голландские склады, а голландские подданные произвольно заключены в тюрьмы; наконец, не было выполнено ни одно из устных обещаний, которые были даны от имени императора герцогом де Кадоре о предоставлении контрибуций странам, уступленным указанным договором, и смягчить его исполнение, если бы король полностью ссылался на императора и т.д. Я объявляю от своего имени, от имени нации и моего сына, что международный договор от 16 марта 1810 года недействителен.

Во-вторых, я заявляю, что мое отречение было вынужденным императором, моим братом, что оно было сделано только в качестве крайней меры, и при одном условии — что я сохраню права Голландии и моих детей. Мое отречение могло быть сделано только в их пользу.

В-третьих, от моего имени, от имени короля, моего сына, который еще несовершеннолетний, и от имени голландской нации я объявляю мнимую унию Голландии с Францией, упомянутую в указе императора, моего брата, датированном 9 июля прошлого года, недействительной, незаконной, несправедливой и произвольной в глазах Бога и человека, и что нация и несовершеннолетний король будут отстаивать свои справедливые права, когда обстоятельства позволят им.

(Подпись) ЛУИ. 1 августа 1810 года.

Таким образом, казалось, что всякому общению между этими двумя братьями, столь противоположными по характеру и склонностям, пришел конец. Но Наполеон, который был взбешен тем, что Людовик осмелился протестовать, и притом в энергичных выражениях, против объединения его Королевства с Империей, приказал ему возвращаться во Францию, куда он был вызван в качестве коннетабля и французского принца. Людовик, однако, не счел уместным подчиниться этому вызову, и Наполеон, помня о своем обещании никогда больше не писать ему, приказал адресовать ему следующее письмо господином Отто, который был послом Франции в Вене с момента недавнего брака императора с Марией Луизой —

СИР: Император поручает мне написать вашему Величеству следующее: "Долг каждого французского принца и каждого члена императорской семьи - проживать во Франции, откуда они не могут уехать без разрешения императора. До присоединения Голландии к империи император

разрешил королю проживать в Теплице, в Богемии. Его здоровье, по-видимому, требовало посещения вод, но теперь император требует, чтобы принц Людовик вернулся не позднее 1 декабря следующего года под страхом того, что его сочтут нарушающим конституцию Империи и главу его семьи, и с ним будут обращаться соответствующим образом ".

Я выполняю, сир, слово в слово возложенную на меня миссию и посылаю главного секретаря посольства убедиться, что это письмо доставлено должным образом. Прошу ваше величество принять поклоны моего уважения и т.д.

(Подпись)ОТТО.

—[Старшему сыну Людовика, одному из плодов его несчастливого брака с Гортензией Богарне, дочерью Жозефины, жены его брата Наполеона, было немногим более шести лет, когда его отец отрекся от короны Голландии в его пользу. В 1830-31 годах этот неосторожный молодой человек присоединился к плохо организованному безумному восстанию в Штатах Папы римского. Он участвовал в одной или двух мелких стычках и, как мы полагаем, был ранен; но малярийная лихорадка, подхваченная в нездоровой римской Кампанье, свела его в могилу на двадцать седьмом году жизни.— Редактор издания 1836 года.— Первый ребенок Луи и Гортензии умер в 1807 году. Второй сын, Наполеон Луи (1804-1831), в пользу которого он отрекся от престола, был назначен Наполеоном великим герцогом Берг-и-Клевским в 1809 году. В 1826 году он женился на Шарлотте, дочери Жозефа Бонапарта, и умер в 1831 году, участвуя в революционном движении в Италии. После его смерти его младший брат Шарль Луи Наполеон, будущий Наполеон III., впервые выступил в качестве претендента.]—

Что же это было за письмо, адресованное подданным принцу и суверену? Когда я впоследствии встретился с г-ном Отто в Париже и беседовал с ним на эту тему, он заверил меня, как сильно он был огорчен необходимостью написать такое письмо брату императора. Он употребил выражения, продиктованные Наполеоном, в том раздражении, которого никогда не мог вызвать, когда его воле противоречили.

—[Что касается Людовика и его поведения в Голландии, то Наполеон так высказался на острове Святой Елены:

"Людовик не лишен ума и у него доброе сердце, но даже с этими качествами человек может совершить много ошибок и натворить много бед. Луи от природы склонен к капризности и фантазиям, и работы Жан-Жака Руссо способствовали усилению этой склонности. Стремясь снискать репутацию чувствительного и великодушного человека, неспособного сам по себе к широким взглядам и, самое большее, компетентного в местных деталях, Людовик действовал скорее как префект, чем как король.

"Как только он прибыл в Голландию, то, вообразив, что нет ничего прекраснее, чем заявить, что отныне он истинный голландец, он всецело примкнул к партии, благоприятствующей англичанам, способствовал контрабанде и потворствовал нашим врагам. С этого момента стало необходимым следить за ним и даже угрожать развязать против него войну. Людовик тогда искал убежища от слабости своего характера в самом упрямом упрямстве и, приняв публичный скандал за славный поступок, бежал со своего трона, выступая против меня и моего ненасытного честолюбия, моей невыносимой тирании и т.д. Что же тогда оставалось мне делать? Должен ли я был оставить Голландию нашим врагам? Должен ли я был дать ей другого короля? Но разве в таком случае я мог ожидать от него большего, чем от моего собственного брата? Разве все Короли, которых я создал, не действовали почти одинаково? Поэтому я присоединил Голландию к Империи, и этот акт произвел самое неблагоприятное впечатление в Европе и немало способствовал тому, чтобы заложить основу наших несчастий" (Мемориал Святой Елены)] —

ГЛАВА XVIII.

1809.

Требования о вводе контингентов из некоторых малых государств Германии— М. Меттерних— Позиция России по отношению к Франции—Союз Австрии и России—Возвращение англичан в Испанию—Сульт, король Португалии, и Мюрат, преемник императора—Первый набор ландвера в Австрии—Агенты гамбургского "Корреспондента"— Декларация принца Чарльза—Поход Наполеона в Германию—Его прокламация—Уход Бернадотта в армию—Неприязнь Наполеона к Бернадотту—План кампании принца Чарльза—Англичане в Куксхафене—Бесплодность заговоров из Англии—Наполеон ранен—Предсказание Наполеона сбылось—Майор Шилль—Гамбург угрожал и спас—Шилль в Любеке—Его смерть и уничтожение его отряда—Шиллю подражает герцог Брауншвейгский-Элс— Уход англичан из Куксхафена.

Бонапарт, основой Империи которого были его меч и он сам, одержавший победы и с нетерпением ожидавший того времени, когда государи Континентальной Европы станут его младшими товарищами, подал заявку на выделение контингентов войск из государств, при которых я был аккредитован. Герцогство Мекленбург-Шверин должно было предоставить полк численностью 1800 человек, а другие небольшие государства, такие как Ольденбург и Мекленбург-Стрелиц, должны были предоставить полки меньшей численности. От всей Европы требовалось подняться с оружием в руках, чтобы поддержать гигантские проекты нового суверена. Это требование о выделении контингентов и то, каким образом император настаивал на них, породили обширную переписку, которая, однако, не принесла никакого результата. Записки и приказы остались в портфелях, а контингенты остались дома.

М. Меттерних, чей талант с тех пор проявился столь ярко, более года был послом Австрии в Париже. Уже тогда он преуспел в искусстве направлять умы людей и использовать в интересах своей политики свое внешнее изящество и расположение, которое он приобрел в гостини. Его отец, умный человек, воспитанный в старой дипломатической школе Тугута и Кауница, рано приучил его к задаче заставить другие правительства поверить с помощью агентов в то, что может ввести их в заблуждение и сыграть на руку его собственному правительству. Его маневры, как правило, заставляли Австрию принимать недовольный и надменный тон; и, желая, по ее словам, обеспечить свою независимость, она публично заявила о своем намерении защитить себя от любых предприятий, подобных тем, жертвой которых она так часто становилась. Этот язык, поощряемый полной эвакуацией Германии и войной в Испании, печальный исход которой в целом был предвиден, использовался во время мира между двумя империями и когда Франция не угрожала войной Австрии.

—[Меттерних прибыл в Париж в качестве посла 4 августа 1806 года, после того как Австрия была разгромлена при Аустерлице. Ни из его взглядов, ни из его переписки не представляется вероятным, что он посоветовал Австрии опрометчиво напасть на Наполеона в одиночку; сравните

Меттерних, том 1, стр. 69, об ошибке Пруссии в 1805 и 1806 годах; см. Также том ii, стр. 221, "Провоцировать войну с Францией было бы безумием" (1 июля 1808 г.). С другой стороны, тон его корреспонденции в 1808 году был рассчитан на то, чтобы заставить Австрию поверить в неизбежность войны и в то, что ее силы, "настолько уступающие силам Франции до восстания в Испании, по крайней мере, будут равны им сразу после этого события" (том ii, стр. 808). Любопытно то, что поведение Меттерниха по отношению к Наполеону в бытность его послом заставило даже таких людей, как герцог Дальберг, поверить, что он действительно был настолько хорошо расположен к Наполеону, что служил его делу больше, чем делу Австрии.

М. Меттерних, получивший инструкции от своего Двора, не дал удовлетворительного объяснения этих обстоятельств Наполеону, который немедленно ввел воинскую повинность и ввел солдат из Испании в Германию.

Необходимо было также прийти к взаимопониманию с Россией, которая, будучи вовлечена в войну в Финляндии и Турции, по-видимому, не желала ни вступать в союз с Австрией, ни оказывать ей поддержку. Каково, на самом деле, было положение императора Александра по отношению к Франции? Он подписал мирный договор в Тильзите, который, как он чувствовал, был ему навязан, и он знал, что только время даст ему возможность принять участие в соперничестве, которое, как было очевидно, снова возобновится либо с Пруссией, либо с Австрией.

Каждый здравомыслящий человек должен был понимать, что Австрия, взявшись за оружие, рассчитывала если не на помощь, то, по крайней мере, на нейтралитет России. Россия тогда сражалась с двумя врагами, шведами и турками, над которыми она надеялась одержать победу. Поэтому она радовалась, что Франция снова вступает в борьбу с Австрией, и не было никаких сомнений в том, что она воспользуется любыми благоприятными для последней шансами, чтобы присоединиться к ней в противодействии посягательствам Франции. Я никогда не мог понять, как при таких обстоятельствах Наполеон мог быть настолько слеп, чтобы ожидать помощи от России в своей ссоре с Австрией. Он, должно быть, действительно был сильно обманут относительно позиции, на которой стояли два Двора по отношению друг к другу, — их дружеской позиции и их взаимного согласия противостоять растущим амбициям их общего врага.

Англичане, которые были вынуждены покинуть Испанию, теперь вернулись туда. Они высадились в Португалии, которую можно было считать почти их собственной колонией, и выступили против маршала Сульта, который выехал из Испании им навстречу. Любой другой человек, кроме Сульта, возможно, был бы смущен препятствиями, которые ему пришлось преодолеть. Много говорилось о его желании стать королем Португалии. Бернадотт сказал мне, когда он проезжал через Гамбург, что этот вопрос был предметом многочисленных разговоров в штабе после битвы при Ваграме. Бернадотт не поверил этому сообщению, и я почти уверен, что Наполеон тоже ему не поверил. Однако этот вопрос все еще окутан мраком, из которого он будет извлечен только тогда, когда какой-нибудь человек, знакомый с интригой, даст ему полное объяснение.

Поскольку я, ссылаясь на Сульта, затронул тему его предполагаемых амбиций, я упомяну здесь то, что мне известно об ожиданиях Мюрата стать преемником императора. Когда Романцов вернулся со своей бесполезной посреднической миссии в Лондон, император направился в Байонну. Бернадотт, у которого был агент в Париже, которому он высоко

платил, однажды сказал мне, что он получил депешу, в которой сообщалось, что Мюрат вынашивает идею стать однажды преемником императора. Подхалимы, рассчитывая извлечь из этого выгоду, поощряли Мюрата в этой химерической надежде. Я не знаю, был ли Наполеон знаком с этим обстоятельством и что он сказал по этому поводу, но Бернадотт говорил мне об этом как о несомненном факте. Было бы, однако, очень неправильно придавать большое значение выражению, которое, возможно, вырвалось у Мюрата в минуту горячности, поскольку его природный темперамент иногда приводил его к неосторожным поступкам, результата которых у такого человека, как Наполеон, всегда следовало опасаться.

Именно в разгар операций испанской войны, которыми лично руководил Наполеон, он узнал, что Австрия впервые собрала ландвер. Я получил от редактора гамбургского "Корреспондента" несколько очень любопытных документов, касающихся вооружений Австрии. Эта газета, тираж которой составлял не менее 60 000 экземпляров, выплачивала значительные суммы лицам в разных частях Европы, которые могли и желали сообщать актуальные новости. Корреспондент платил 6000 франков в год клерку военного министерства в Вене, и именно этот клерк поставлял разведданные о том, что Австрия готовится к войне и что во всех направлениях были отданы приказы собрать и пустить в ход все ресурсы этой могущественной монархии. Я сообщил эти подробности французскому правительству и указал на необходимость усиления бдительности и мер обороны. Нельзя забывать о предыдущих агрессиях, особенно в 1805 году. Подобная информация, вероятно, доходила до французского правительства из многих кругов. Как бы то ни было, император передал военные операции в Испании своим генералам и отбыл в Париж, куда прибыл в конце января 1809 года. Он был в Испании только с начала ноября 1808 года, и его присутствие там снова сделало наши знамена победоносными. Но хотя войска повстанцев были разбиты, жители становились все более и более враждебными делу Иосифа, и казалось маловероятным, что он когда-либо сможет спокойно воссесть на мадридский трон.

—[Успехи, достигнутые Наполеоном во время его трехмесячного пребывания в Испании, были, безусловно, очень велики и в основном явились результатом его собственного виртуозного гения и молниеносной быстроты. Испанские армии, пока еще не получившие поддержки британских войск, потерпели поражение при Гоменале, Эспиносе, Рейносе, Туделе и на перевале Сомо Сьерра, и ранним утром 4 декабря Мадрид капитулировал. 20 декабря Бонапарт выступил с значительно превосходящими силами против несчастного сэра Джона Мура, которого послали наступать в Испанию не тем маршрутом и не в то время. 29-го числа с высот Беневенто его глаза были восхищены, увидев полное отступление англичан. Но удар обрушился на него с другой стороны, и, оставив Сульта преследовать Мура, он направился в Париж.]—

Император Франциск, несмотря на своих советников, колебался, стоит ли делать первый шаг; но в конце концов, уступив просьбам Англии и тайным интригам России, а главное, соблазнившись субсидиями Великобритании, Австрия объявила военные действия сначала не против Франции, а против ее союзников по Рейнской конфедерации. 9 апреля принц Чарльз, назначенный главнокомандующим австрийскими войсками, направил ноту главнокомандующему французской армией в Баварии, уведомив его об объявлении войны.

Курьер с величайшей поспешностью доставил известие об этом заявлении в Страсбург, откуда оно было передано по телеграфу в Париж. Император, удивленный, но не смущенный этим известием, получил его в Сен-Клу 11 апреля, через два часа после того, как был на пути в Германию. Сложность дел, в которые он тогда был вовлечен, казалась, придавала новый

импульс его деятельности. Когда он добрался до армии, ни его войска, ни гвардия не смогли подойти, и при таких обстоятельствах он встал во главе баварских войск и, так сказать, принял солдат Максимилиана. Через шесть дней после его отъезда из Парижа армия принца Карла, миновавшая Гостиницу, оказалась под угрозой. Ставка императора находилась в Донауверте, и оттуда он обратился к своим солдатам с одним из тех энергичных и кратких воззваний, которые заставили их совершить так много чудес и которые вскоре были распространены общественными газетами на всех языках. Такое осложнение событий не могло не оказаться фатальным для Европы и Франции, каким бы ни был его результат, но оно предоставило благоприятную возможность для развития гения императора. Подобно своему любимому поэту Оссиану, который больше всего любил касаться своей лиры среди завываний бури, Наполеон нуждался в политических бурях для проявления своих способностей.

Во время кампании 1809 года, и особенно в ее начале, курс Наполеона был еще более стремительным, чем в кампании 1805 года. Каждый курьер, прибывавший в Гамбург, приносил нам новости, или, скорее, чудеса. Как только императору сообщили о нападении австрийцев на Баварию, всем генералам, имеющим войска под своим командованием, были разосланы приказы как можно скорее выдвигаться на театр военных действий. Принц Понте-Корво был призван присоединиться к Великой армии вместе с саксонскими войсками под его командованием и на время сложил с себя полномочия правительства ганзейских городов. Полковник Дамас сменил его в Гамбурге в тот период, но всего лишь в качестве коменданта крепости; и он никогда не вызывал никакого ропота или жалоб. Бернадотт был недоволен своим положением, и действительно, император, который никогда не был особенно расположен выдвигать его вперед, потому что не мог простить ему его противодействие 18 Брюмера, всегда назначал его на должности, на которых можно было добиться лишь небольшой славы, и отдавал под его командование как можно меньше войск.

Потребовалась вся стремительность похода императора на Вену, чтобы сорвать заговоры, которые зрели против его правительства, ибо в случае неудачи его войск удар был готов быть нанесен. Английские силы на севере Германии составляли около 10 000 человек: эрцгерцог Карл разработал проект сосредоточения в центре Германии крупного соединения войск, состоящего из корпусов генерала Эймунда, генерала Радицзовица и англичан, к которым должны были присоединиться люди, которые, как ожидалось, поднимут восстание. Англичане хотели бы, чтобы австрийские войска продвинулись немного дальше. Английский агент сделал несколько заявлений по этому поводу Стадиону, австрийскому министру; но эрцгерцог предпочел отвлечь внимание от обеспечения безопасности монархии, выйдя из своего нынешнего бездействия и рискнув переправиться через Дунай перед лицом врага, который никогда не позволял застать себя врасплох и который просчитал все возможные события: разрабатывая свой план, эрцгерцог ожидал, что царь либо выделит значительные силы на помощь своим союзникам, либо оставит их на их собственную защиту. В первом случае эрцгерцог имел бы большое превосходство, а во втором в Гессене и Ганновере все было подготовлено к восстанию при приближении австрийской и английской армий.

В начале июля англичане двинулись к Куксхафену с дюжиной небольших военных кораблей. Они высадили 400 или 600 моряков и около 50 морских пехотинцев и водрузили штандарт на одном из укреплений. На следующий день после этой высадки в Куксхафене англичане, находившиеся в Дании, эвакуировали Копенгаген, уничтожив установленную ими там батарею. Все планы Англии оказались бесплодными на Континенте, поскольку с помощью новой военной системы императора, которая заключалась в наступлении на столицы, он вскоре добился переговоров о мире. Он был хозяином Вены еще до того, как Англия

организовала экспедицию, о которой я только что упомянул. Он покинул Париж 11 апреля, 17-го был в Донауверте, а 23-го стал магистром Ратисбона. В сражении, предшествовавшем его вступлению в этот город, Наполеон получил легкое ранение в пятку. Тем не менее он остался на поле боя. Также между Донаувертом и Ратисбоном Даву смелым маневром получил титул принца Экмюля и заслужил его.

—[Великая битва при Экмюле, в ходе которой 100 000 австрийцев были изгнаны со всех своих позиций, произошла 22 апреля. - Редактор издания 1836 года.]—

В этот период фортуна была не только благосклонна к оружию Наполеона, но, казалось, получала удовольствие от осуществления даже его хвастливых предсказаний; ибо французские войска вошли в Вену в течение месяца после провозглашения Наполеоном в Ратисбоне, в котором он заявил, что к тому времени будет хозяином австрийской столицы.

Но пока он таким образом шествовал от триумфа к триумфу, у жителей Гамбурга и соседних стран появился сосед, который не оставил их совсем без внимания. Знаменитый прусский партизан, майор Шилль, после осуществления своей системы грабежа в Вестфалии, прибыл и бросился в Мекленбург, откуда, как я понял, он намеревался напасть врасплох на Гамбург. Во главе 600 гусар на хороших лошадях и от 1500 до 2000 пехотинцев, плохо вооруженных, он 15 мая овладел небольшим фортом Домиц в Мекленбурге, откуда отправил отряды, которые вносили контрибуцию на обоих берегах Эльбы. Шилль навел ужас повсюду, куда бы ни шел. 19 мая отряд из 30 человек, принадлежащий корпусу Шилля, вошел в Висмар. Им командовал граф Молеке, который ранее состоял на прусской службе и удалился в свое поместье в Мекленбурге, где герцог любезно предоставил ему назначение. Забыв о своем долге перед своим благодетелем, он послал за герцогом, чтобы тот сдал Штральзунд.

Встревоженный продвижением сторонников Шилля, герцог Мекленбургский и его двор покинули Людвигсбург, свою постоянную резиденцию, и удалились в Доберан, расположенный на побережье моря. Покинув Мекленбург, Шилль продвинулся к Бергдорфу, в четырех лье от Гамбурга. Затем тревога в этом городе усилилась. Кое-кто из жителей поговаривал о том, чтобы пойти на компромисс с Шиллом и послать ему денег, чтобы он уехал. Но твердость большинства заставила этот робкий совет замолчать. Я посоветовался с комендантом города, и мы решили принять меры предосторожности. Таможенный сундук, в котором находилось более миллиона золотых, был отправлен в Гольштейн под сильным конвоем. В то же время я послал к Шиллу опытного шпиона, который сообщил ему весьма тревожный отчет о средствах обороны, которыми располагал Гамбург. Соответственно, Шилль отказался от своих планов относительно этого города и, оставив его слева от себя, вошел в Любек, который был беззащитен.

Тем временем генерал-лейтенант Гратьен, покинувший Берлин по приказу принца де Нефшатель с 2500 голландскими и 3000 шведскими войсками, активно преследовал Шилля, и вскоре спокойствие было восстановлено во всей соседней стране, которая была сильно взволнована его смелым предприятием. Шилль, несколько дней блуждавший по берегам Балтийского моря, был настигнут генералом Гратьеном в Штральзунде, откуда он собирался отплыть в Швецию. Он отчаянно защищался и был убит после двухчасового конфликта. Его группа была уничтожена. Триста его гусар и 200 пехотинцев, которым удалось спастись бегством, попросили разрешения вернуться в Пруссию, и их препроводили к прусскому генералу, командовавшему соседним городом. Грабительская война, подобная той, что вел Шилль, не могла быть с честью признана державой, имеющей какие-либо претензии на уважение. Тем не менее английское правительство присвоило Шиллу звание полковника и

парадную форму, соответствующую его новому званию, с гарантией того, что отныне все его войска будут получать жалованье от Англии.

Вскоре у Шилла появился подражатель высокого ранга. В августе 1809 года герцог Брауншвейг-Эльсский добивался опасной чести стать преемником этого знаменитого партизана. Во главе не более 2000 человек он в течение нескольких дней беспокоил левый берег Эльбы, а 5-го вступил в Бремен. При его приближении французский вице-консул удалился в Остерхульц. Один из офицеров герцога явился к вице-консулу и потребовал 200 луидоров. Агент вице-консула, встревоженный угрозой разграбления города, капитулировал вместе с офицером и с большим трудом избавился от него, пожертвовав 80 луидорами, на которые ему была предъявлена расписка от имени герцога. Герцог, который теперь носил имя "новый Шилль", недолго оставался в Бремене.

Желая как можно скорее вернуться в Голландию, он покинул Бремен вечером 6-го и направился в Дененхорст, куда уже прибыл его передовой отряд. Вестфальские войска под командованием Ревбелла вошли в Бремен 7-го и, не найдя герцога Брауншвейгского, немедленно двинулись в погоню за ним. Датские войска, занявшие Куксхафен, получили приказ проследовать в Бремерлеэ, чтобы поддержать операции вестфальцев и голландцев. Тем временем англичане подошли к Куксхафену, где они высадили 3000 или 4000 человек. Лица, ответственные за учреждение таможни, и несколько моряков, находившихся в Куксхафене, отступили к Гамбургу. Герцог Брауншвейгский, все еще преследуемый, пересек Германию от границ Богемии до Эльсфлета, небольшого порта на левом берегу Везера, куда он прибыл 7-го, опередив своих преследователей на один день. Он немедленно завладел всеми транспортами в Эльсфлете и отплыл в Гельголанд.

Высадка, произведенная англичанами в Куксхафене, пока датчане, стоявшие гарнизоном в этом порту, были заняты преследованием герцога Брауншвейгского, не увенчалась успехом. После побега герцога датчане вернулись на свой пост, который англичане немедленно эвакуировали.

ГЛАВА XIX.

1809.

Замок Дирнштайн—Ричард Львиное сердце и маршал Ланн, —Император у ворот Вены—
Эрцгерцогиня Мария Луиза— Возможность переписки с Англией— Контрабанда в Гамбурге—
Коричневый сахар и песок— Катафалки, наполненные сахаром и кофе—Эмбарго на публикацию
новостей—Надзор за "Гамбургским корреспондентом"— Фестиваль Святого Наполеона—
Церковное преклонение—Путешествие короля Вестфалии по своим штатам—Попытка собрать
ссуду—Подарок Джерома мне—Возвращенный подарок—Необоснованные обвинения Бонапарта
подозрения.

Рапп, который во время Венской кампании возобновил свои обязанности адъютанта, рассказал мне об одном из тех наблюдений Наполеона, которые, когда его слова сравниваются с событиями, последовавшими за ними, кажутся указанием на предвидение его будущей судьбы. Находясь в нескольких днях пути от Вены, император нанял проводника, который объяснял ему каждую деревню и развалины, которые он видел по дороге. Гид указал на возвышенность, на которой было несколько обветшалых остатков старого укрепленного замка. "Это, - сказал гид, - руины замка Дирнштайн". Наполеон внезапно остановился и некоторое время стоял молча, созерцая руины, затем, повернувшись к Ланну, который был с ним, он сказал: "Смотри! вон там тюрьма Ричарда Львиное сердце. Он, как и мы, побывал в Сирии и Палестине. Но, мой храбрый Ланн, Львиное сердце не был храбрее тебя. Ему повезло больше, чем мне в Сен-Жан-д'Акре. Австрийский герцог продал его императору Германии, который заточил его в этом замке. То были дни варварства. Как это отличалось от цивилизации современности! Европа видела, как я обошелся с императором Австрии, которого я мог взять в плен, — и я бы обошелся с ним так же снова. Я не претендую на это в заслугу. В наш век коронованных особ нужно уважать. Завоеватель, заключенный в тюрьму!"

Через несколько дней император был у ворот Вены, но на этот раз его доступ в австрийскую столицу был не таким легким, как в 1805 году, благодаря изобретательности и мужеству Ланна и Мюрата. Эрцгерцог Максимилиан, запертый в столице, хотел защитить ее, хотя французская армия уже заняла основные пригороды. Напрасно эрцгерцогу один за другим посылались флаги перемирия. Их не только не выслушали, но даже подвергли жестокому обращению, и один из них был чуть не убит населением. Затем город подвергся бомбардировке и был бы быстро разрушен, если бы императору не сообщили, что одна из эрцгерцогинь осталась в Вене по состоянию здоровья, и он приказал прекратить стрельбу. По странному капризу судьбы Наполеона этой эрцгерцогиней была не кто иная, как Мария Луиза. Вена, наконец, открыла свои ворота Наполеону, который на несколько дней обосновался в Шенбрунне.

Император был занят таким количеством проектов одновременно, что не все они могли увенчаться успехом. Таким образом, пока он торжествовал в Наследственных государствах, его континентальная система испытывала серьезные испытания. Торговля с Англией на ольденбургском побережье велась так же непрерывно, как и в мирное время. Английские письма и газеты прибывали на Континент, а те, что были с Континента, попадали в Великобританию, как будто Францию и Англию связывали узы самой крепкой дружбы. Короче говоря, все было в таком же состоянии, как если бы указа о блокаде Британских островов не существовало. Когда сотрудникам таможни удалось изъять контрабандные товары, они снова были отобраны у них основной силой. 2 июля в Бринсхеме произошло серьезное сражение между таможенными чиновниками и партией крестьян, в котором последние остались хозяевами восемнадцати фургонов, груженных английскими товарами: многие были ранены с обеих сторон.

Если, однако, торговля с Англией велась свободно на обширном протяжении побережья, то в городе Гамбурге дело обстояло иначе, где английские товары ввозились только обманным путем; и я искренне верю, что искусство контрабанды и схемы контрабандистов никогда прежде не были доведены до такого совершенства. Более 6000 человек низших сословий ходили взад и вперед, примерно двадцать раз в день, из Альтоны в Гамбург, и они занимались своей контрабандой, используя множество хитроумных уловок, две из которых были настолько любопытны, что о них стоит упомянуть здесь.

Слева от дороги, ведущей из Гамбурга в Альтону, был участок земли, где были вырыты ямы для заготовки песка, используемого для строительства и для посыпки улиц. В это время было

предложено отремонтировать главную улицу Гамбурга, ведущую к воротам Альтона. Контрабандисты за ночь засыпали песочницу коричневым сахаром, и маленькие тележки, которые обычно перевозили песок в Гамбург, были заполнены сахаром, причем они позаботились о том, чтобы покрыть его слоем песка толщиной около дюйма. Этот трюк продолжался довольно долго, но никакого прогресса в ремонте улицы достигнуто не было. Я очень жаловался на задержку, еще до того, как узнал ее причину, потому что улица вела к моему загородному дому недалеко от Альтоны, куда я ходил ежедневно. В конце концов таможенники поняли, что работа не продвигается, и в одно прекрасное утро тележки с сахаром были остановлены и конфискованы. Тогда пришлось придумать другой способ.

Между Гамбургом и Альтоной на правом берегу Эльбы располагался небольшой пригород. В этом пригороде жили моряки, портовые рабочие и землевладельцы. Жители были похоронены на кладбище Гамбурга. Было замечено, что похоронные процессии проходили этим путем чаще, чем обычно. Таможенники, пораженные внезапной смертностью достойных жителей маленького пригорода, настояли на обыске одного из транспортных средств, и при вскрытии катафалка было обнаружено, что он наполнен сахаром, кофе, ванилью, индиго и так далее. От этого способа пришлось отказаться, но вскоре были обнаружены другие.

Бонапарт был чрезвычайно чувствителен ко всему, что говорилось и думалось о нем, и Бог знает, сколько депеш я получил из ставки во время венской кампании, предписывавшей мне не только следить за неусыпным исполнением таможенных законов, но и наложить эмбарго на то, что беспокоило его больше, чем ввоз британских товаров, а именно: публикация новостей. В соответствии с этими повторными инструкциями я обратил особое внимание на руководство "Корреспондентом". Важность этого журнала, насчитывающего 60 000 читателей, может быть легко понята. Я добился включения всего, что считал желательным: всех бюллетеней, прокламаций, актов французского правительства, заметок "Монитор" и полуофициальных статей французских журналов: все это было дано "in extenso". С другой стороны, я часто скрывал негативные новости, которые, хотя и были хорошо известны, получили бы дополнительный вес, если бы были опубликованы в столь широко распространенной газете. Если случайно попадал какой-нибудь австрийский бюллетень, извлеченный из других немецких газет, издаваемых в штатах Рейнской конфедерации, к нему всегда прилагалось подходящее противоядие, чтобы уничтожить или, по крайней мере, смягчить его пагубное действие. Но это было еще не все. Король Вюртемберга в письме министру иностранных дел упрекнул "Корреспондент" в том, что он публикует все, что Австрия желает, чтобы стало известно, и ведет себя в духе, враждебном правому делу, я ответил на эти несправедливые упреки, заставив цензора Синдика запретить гамбургским газетам помещать любые австрийские новости, любые бюллетени эрцгерцога, любые письма из Праги; короче говоря, все, что следует копировать из других немецких журналов, если только эти статьи не были помещены во французских журналах.

Мои воспоминания о 1809 году в Гамбурге возвращают меня к празднованию праздника Наполеона, который приходился на 15 августа, поскольку он включил своего святого покровителя в имперский календарь в дату своего рождения. Совпадение этого праздника с Успением Пресвятой Богородицы породило любовные родомонтады самого абсурдного описания. Несомненно, епископальные циркуляры времен Империи составили бы любопытную коллекцию.

— [Возможно, с трудом поверят, что следующие слова действительно были произнесены с кафедры: "Бог в своей милости избрал Наполеона своим представителем на земле. Царица Небесная отметила самым великолепным подарком годовщину того дня, когда он стал

свидетелем его славного вступления в ее владения. Небесная Дева! в качестве особого свидетельства вашей любви к французам и вашего всемогущего влияния на вашего сына вы связали первое из ваших торжеств с рождением великого Наполеона. Небеса предопределили, чтобы герой восстал из твоей могилы". — Бурьен.] —

Может ли что-либо быть более отвратительным, чем подхалимство тех церковников, которые заявляли, что "Бог избрал Наполеона своим представителем на земле, и что Бог создал Бонапарта, а затем почил; что он был более удачлив, чем Август, более добродетелен, чем Траян; что он заслужил, чтобы в его честь воздвигли алтари и храмы!" и т.д.

Через некоторое время после праздника Святого Наполеона король Вестфалии совершил путешествие по своим Владениям. Из всех братьев Наполеона король Вестфалии был тем, с кем я был знаком меньше всего, и он, как хорошо известно, был самым никчемным членом семьи. Его переписка со мной ограничивается двумя письмами, одно из которых он написал, когда командовал "Эпервье", а другое - семь лет спустя, датированное 6 сентября 1809 года. В этом последнем он сказал:

"Я буду в Ганновере 10-го. Если вам будет удобно приехать туда и провести со мной день, это доставит мне огромное удовольствие. Тогда я смогу устранить все препятствия для получения займа, который я хочу получить в Ганзейском городе. Я льщу себя надеждой, что вы сделаете все, что в ваших силах, для продвижения этой цели, которая в условиях нынешнего кризиса очень важна для моих Штатов. Предлагается более чем достаточное обеспечение, но деньги мне не понадобятся, если я не смогу получить их по крайней мере в течение двух лет".

Жером хотел получить в Гамбурге ссуду в размере 3 000 000 франков. Однако народ, похоже, не думал, как его вестфальское величество, что контракт обеспечивает более чем достаточную безопасность. Не нашлось никого, кто захотел бы пополнить его кошелек, и ссуда так и не была получена.

Хотя я бы не стал, без разрешения императора, использовать свое положение для дальнейшего успеха переговоров Джерома, тем не менее я сделал все возможное, чтобы помочь ему. Мне удалось убедить Сенат предоставить один заем в размере 100 000 франков для погашения части задолженности, причитающейся его войскам, и второй в размере 200 000 франков для обеспечения его армии одеждой и т.д. Этому скудному запасу перестанут удивляться, если учесть, до какого состояния запустения была доведена в то время вся Германия, как в союзных государствах, так и в государствах-врагах Франции. В то время я узнал, что король Баварии сказал офицеру императорской свиты, которому он очень доверял: "Если так будет продолжаться и дальше, нам придется сдаться и положить ключ под дверь". Это были его собственные слова.

Что касается Жерома, то он вернулся в Кассель весьма обескураженным неудачной выдачей кредита. Через несколько дней после его возвращения в столицу я получил от него табакерку с его портретом, оправленную бриллиантами, и письмо с благодарностью за оказанную им услугу. Я никогда не думал, что знак памяти от коронованной особы может быть отклонен. Наполеон, однако, думал иначе. Я, правда, не писал, чтобы ознакомить наше правительство с займом короля Вестфалии, но в письме, которое я направил министру иностранных дел 22 сентября, я упомянул подарок, присланный мне Джеромом. Я не знаю, почему Наполеон

должен был обидеться на это, но я получил приказ немедленно вернуть подарок Жерома, и эти приказы сопровождались горькими упреками в том, что я принял его без разрешения императора. Я отправил бриллианты обратно, но сохранил портрет. Зная недоверчивый нрав Бонапарта, я подумал, что он, должно быть, заподозрил, что Жером прибегнул к угрозам или, во всяком случае, что он использовал какое-то незаконное влияние, чтобы способствовать успеху своего займа. Наконец, после долгой переписки, Наполеон ясно увидел, что все было совершенно нормально; одним словом, что дело велось как между двумя частными лицами. Что касается 300 000 франков, которые Сенат ссудил Жерому, то факт остается фактом: они не вызывали особых колебаний по той простой причине, что это было средство вывести из Гамбурга вестфальскую дивизию, присутствие которой требовало гораздо больших расходов, чем ссуда.

ГЛАВА XX.

1809.

Посещение Ваграмского поля.—Маршал Макдональд—Объединение Папской области с Империей—Битва при Талавере—Сэр Артур Уэлсли—Английская экспедиция в Голландию—Попытка покушения на императора в Шенбрунне—Штапс допрошен Наполеоном—Предлагаемое и отклоненное помилование—Фанатизм и патриотизм—Допрос Штапса Корвизаром—Второй допрос—Тирада против иллюминатов—Обвинение судов Берлина и Веймара—Твердость и покорность Штапса—Подробности, касающиеся его смерти—Влияние покушения о шагах по заключению мира — М. де Шампаньи.

Наполеон отправился инспектировать все корпуса своей армии и поле битвы при Ваграме, которое незадолго до этого было ареной одного из тех великих сражений, в которых победа была тем более славной, чем доблестнее она была одержана.

—[Великая битва при Ваграме произошла 6 июля 1809 года. Австрийцы, совершившие ошибку, чрезмерно растянув свою линию обороны, потеряли 20 000 человек пленными, помимо большого числа убитых и раненых. Пожалуй, не было дня, когда Наполеон проявил бы больше военного гения или личного мужества. Он был в самом разгаре боя и долгое время подвергался ливню картечи. — Редактор издания 1836 года.]—

В тот день [образец] французской чести Макдональд, который после череды выдающихся достижений повел итальянскую армию в сердце австрийских государств, был произведен в маршалы на поле битвы. Наполеон сказал ему: "С нами это вопрос жизни и смерти". Общее мнение было таково, что возвышение Макдональда не столько повысило военную репутацию маршала, сколько повысило честь императора. Через пять дней после бомбардировки Вены, а именно 17 мая, император опубликовал указ, в силу которого Папская область была

присоединена к Французской империи, а Рим был объявлен Имперским городом. Я не буду останавливаться, чтобы выяснить, хорошо это было или плохо с точки зрения политики, но это была подлая узурпация со стороны Наполеона, ибо прошло то время, когда некий Юлий II сложил ключи святого Петра и взял в руки меч святого Павла. Кроме того, это было несправедливо и, учитывая снисходительность папы к Наполеону, актом неблагодарности. Декрет об унии не лишал папу его резиденции, но он был всего лишь первым епископом христианского мира с доходом в 2 000 000 долларов.

Наполеон, находясь в Вене, услышал о деле Талавера де ла Рейна. В письме из штаба я был проинформирован о том, что он был сильно тронут этой новостью и не скрывал своей досады. Я искренне верю, что он был настроен на завоевание Испании именно из-за трудностей, которые ему пришлось преодолеть. В Талавере началась слава человека, который, возможно, не остался бы без некоторой славы, даже если бы не были предприняты усилия для создания ему высокой репутации. С этого сражения началась карьера сэра Артура Уэлсли, последующий успех которого, однако, сопровождался такими важными последствиями.

—[Битва при Талавере произошла 28 июля, через двадцать два дня после рокового поражения австрийцев при Ваграме.]—

Пока мы проходили эту проверку в Испании, англичане предпринимали попытку совершить экспедицию в Голландию, где они уже стали хозяевами Вальхерена. Правда, вскоре после этого они были вынуждены эвакуировать его; но поскольку в то время французская и австрийская армии находились в состоянии бездействия вследствие перемирия, заключенного в Знайме, в Моравии, неблагоприятные для Наполеона новости возродили надежды австрийских переговорщиков, которые сделали паузу в ожидании, что новые поражения дадут им больше шансов.

Именно во время этих переговоров, окончание которых с каждым днем казалось все более отдаленным, Наполеон подвергся более реальной опасности, чем рана, полученная им при Ратисбоне. Германия переживала такое бедствие, что его трудно описать. Иллюминизм делал большие успехи и наполнил некоторые молодые умы энтузиазмом, не менее неистовым, чем религиозный фанатизм, которому был подвержен Генрих IV. пал жертвой. Молодой человек задумал убить Наполеона, чтобы избавить Германию от того, кого он считал ее бичом. Рапп и Бертье были с императором, когда был арестован убийца, и, рассказывая о том, что я услышал от них, я уверен, что даю самый точный отчет обо всех обстоятельствах, связанных с этим событием.

- Мы были в Шенбрунне, - сказал Рапп, - когда император только что произвел смотр войскам. Я заметил молодого человека в конце одной из колонн как раз в тот момент, когда войска собирались дефилировать. Он подошел к императору, который в то время находился между мной и Бертье. Принц де Нефшатель, думая, что он хочет подать петицию, вышел вперед, чтобы сказать ему, что я был тем человеком, который должен был ее получить, поскольку я был адъютантом на этот день. Молодой человек ответил, что хотел бы поговорить с самим Наполеоном, и Бертье снова сказал ему, что он должен обратиться ко мне. Он немного отстранился, все еще повторяя, что хочет поговорить с Наполеоном. Он снова двинулся вперед и подошел совсем близко к императору; я попросил его отступить, сказав ему по-немецки подождать до окончания парада, когда, если ему будет что сказать, это будет исполнено. Я внимательно оглядел его, поскольку его поведение начало казаться мне подозрительным. Я заметил, что он держал правую руку в нагрудном кармане пиджака, из которого появился листок бумаги. Я не знаю, как это произошло, но в этот момент мои глаза

встретились с его, и я был поражен его особенным взглядом и выражением непоколебимой решимости. Увидев на месте офицера жандармерии, я попросил его схватить молодого человека, но не обращаться с ним сурово, и доставить его в замок до окончания парада.

Все это произошло за меньшее время, чем я потратил на рассказ, и поскольку внимание всех было приковано к параду, сцена прошла незамеченной. Вскоре после этого мне сообщили, что у молодого человека по имени Стапс был найден большой разделочный нож. Я немедленно отправился на поиски Дюрока, и мы вместе отправились в квартиру, куда был доставлен Стапс. Мы нашли его сидящим на кровати, по-видимому, в глубокой задумчивости, но не проявляющим никаких признаков страха. Рядом с ним лежал портрет молодой женщины, его записная книжка и кошелек, в котором было всего две золотые монеты. Я спросил его имя, но он ответил, что не скажет его никому, кроме Наполеона. Затем я спросил его, что он намеревался сделать с ножом, который был найден при нем? Но он снова ответил: "Я расскажу только Наполеону". — "Вы собирались покушаться на его жизнь?" — "Да". — "Почему?" — "Я не могу рассказать никому, кроме Наполеона".

"Это показалось мне настолько странным, что я счел нужным сообщить об этом императору. Когда я рассказал ему о том, что произошло, он казался немного взволнованным, потому что вы знаете, как его преследовала мысль об убийстве. Он пожелал, чтобы молодого человека отвели в его кабинет, куда его соответственно препроводили два жана-д'арма. Несмотря на его преступное намерение, в выражении его лица было что-то чрезвычайно располагающее. Я хотел, чтобы он отрицал эту попытку, но как можно было спасти человека, который был полон решимости пожертвовать собой? Император спросил Штапса, говорит ли он по-французски, и он ответил, что говорит на нем очень несовершенно, и, поскольку вы знаете (продолжал Рапп), что после вас я лучший знаток немецкого языка при дворе Наполеона, меня назначили переводчиком по этому случаю. Император задал Стапсу следующие вопросы, которые я перевел вместе с ответами:

"Откуда вы родом?" — "Из Наррембурга". — "Кто ваш отец?" — "Протестантский священник". — "Сколько вам лет?" — "Восемнадцать". — "Что вы собирались сделать своим ножом?" — "Убить вас". — "Вы сумасшедший, молодой человек; вы один из иллюминатов?" — "Я не сумасшедший; я не знаю, что подразумевается под иллюминатами!" — "Значит, вы больны?" — "Я не больной; я очень здоров". — "Почему вы хотели убить меня?" — "Потому что вы разрушили мою страну". — "Причинил ли я вам какой-нибудь вред?" — "Да, вы причинили вред мне, как и всем немцам". — "Кем вы были посланы? Кто подтолкнул вас к этому преступлению?" — "Никто; меня подтолкнуло к этому искреннее убеждение, что, убив вас, я окажу величайшую услугу своей стране". — "Вы меня видите в первый раз?" — "Я видел вас в Эрфурте, во время вашей беседы с императором России". — "Вы намеревались убить меня тогда?" — "Нет; я думал, вы больше не будете вести войну против Германии. Я был одним из ваших величайших поклонников". — "Как долго вы пробыли в Вене?" — "Десять дней". — "Почему вы так долго ждали, прежде чем приступить к осуществлению вашего проекта?" — "Я приехал в Шенбрунн неделю назад с намерением убить вас, но когда я прибыл, парад как раз закончился; поэтому я отложил выполнение своего плана до сегодняшнего дня". — "Говорю вам, молодой человек, вы либо сумасшедший, либо у вас плохое здоровье".

- Здешний император приказал послать за Корвизаром. Штапс спросил, кто такой Корвизарт? Я сказал ему, что он врач. Затем он сказал: "Он мне не нужен". Больше ничего не было сказано до прихода доктора, и в течение этого промежутка Стапс демонстрировал крайнее безразличие. Когда прибыл Корвизар, Наполеон велел ему пощупать молодому человеку пульс, что тот немедленно и сделал; и тогда Стапс очень хладнокровно сказал: "Я

нездоров, сэр?" Корвизар ответил императору, что у него ничего не болит. - Я же тебе говорил, - сказал Степс, произнося эти слова с видом триумфатора.

"Я был действительно поражен хладнокровием и апатией Стапса, а император, казалось, на мгновение был сбит с толку поведением молодого человека. После кратковременной паузы император возобновил допрос следующим образом:

"У тебя помутился рассудок. Ты погубишь свою семью. Я сохраню тебе жизнь, если ты попросишь прощения за преступление, которое замышлял и за которое тебе следует раскаяться". — "Я не хочу прощения. Я только сожалею, что моя попытка потерпела неудачу". — "В самом деле! значит, преступление для вас ничего не значит?" — "Убить вас - это не преступление, это долг". — "Чей портрет был найден на вас?" — "Это портрет молодой леди, к которой я привязан". — "Она, несомненно, будет очень огорчена вашим приключением?" — "Она будет только сожалеть, что мне это не удалось. Она ненавидит тебя так же сильно, как и я." — "Но если бы я простил тебя, ты был бы благодарен за мое милосердие?" — "Я бы все равно убил тебя, если бы мог."

"Я никогда, - продолжал Рапп, - не видел Наполеона в таком замешательстве. Ответы Штапса и его непоколебимая решимость совершенно поразили его. Он приказал увести пленника; и когда тот ушел, Наполеон сказал: "Это результат тайных обществ, наводнивших Германию. Это следствие прекрасных принципов и света разума. Они делают молодых людей убийцами. Но что можно сделать против иллюминизма? Секту нельзя уничтожить пушечными ядрами."

"Это событие, хотя и были предприняты все усилия, чтобы сохранить его в тайне, стало предметом разговоров в замке Шенбрунн. Вечером император послал за мной и сказал: "Рапп, сегодняшнее утреннее происшествие очень необычно. Я не могу поверить, что этот молодой человек сам по себе замыслил убить меня. За этим что-то кроется. Я никогда не поверю, что интриганы Берлина и Веймара не причастны к этому делу". — "Сир, позвольте мне сказать, что ваши подозрения кажутся необоснованными. У Стэпса не было сообщника; его безмятежное выражение лица и даже его фанатизм являются простейшими доказательствами этого". — "Я говорю вам, что его подстрекали женщины: фурии, жаждущие мести. Если бы я только мог получить доказательства этого, я бы приказал схватить их прямо при Дворе". — "Ах, сир, невозможно, чтобы мужчина или женщина при дворах Берлина или Веймара могли замыслить столь чудовищный план". — "Я не уверен в этом. Разве эти женщины не настраивали Шилля против нас, когда мы были в мире с Пруссией; но задержитесь немного; посмотрим". — "Предприятие Шилля, сир, не имеет никакого сходства с этой попыткой". Вы знаете, как император любит, чтобы все подчинялось его мнению, когда он придерживается того, от которого не желает отказываться; поэтому он сказал, несколько сменив тон на добродушно-фамильярный: "Все, что вы говорите, напрасно, господин генерал: меня не любят ни в Берлине, ни в Веймаре". В этом нет сомнения. Сир, но из—за того, что вас не любят при этих двух Дворах, следует ли делать вывод, что они убьют вас?" - "Я знаю ярость этих женщин; но потерпите. Напишите генералу Лауэру: прикажите ему допросить Штапса. Скажите, чтобы он добился от него признания."

"Я написал в соответствии с приказом императора, но от Штапса не было получено никакого признания. На допросе у генерала Лауэра он повторил почти то же, что сказал в присутствии Наполеона. Его смирение и твердость не покидали его ни на минуту; и он упорно твердил, что он был единственным автором покушения и что никто другой не знал об этом. Предприятие Стэпса произвело глубокое впечатление на императора. В тот день, когда мы покидали Шенбрунн, мы случайно оказались одни, и он сказал мне: "Я не могу выкинуть из головы этот

несчастный случай. Чем больше я думаю на эту тему, тем больше прихожу в замешательство. Я никогда не смогу поверить, что молодой человек его возраста, немец, получивший хорошее образование, к тому же протестант, мог задумать и покушаться на такое преступление. Говорят, что итальянцы - нация убийц, но ни один итальянец никогда не покушался на мою жизнь. Это дело выше моего понимания. Выясните, как умер Стэпс, и дайте мне знать.

"Я получил от генерала Лауэра информацию, которую желал получить император. Я узнал, что Стапс, чье покушение на жизнь императора было совершено 23 октября, был казнен в семь часов утра 27-го, поскольку с 24-го отказывался принимать какую-либо пищу. Когда ему приносили какую-нибудь еду, он отказывался от нее, говоря: "Я буду достаточно силен, чтобы взойти на эшафот". Когда ему сказали, что мир заключен, он изобразил крайнюю печаль и его охватила дрожь. Добравшись до места казни, он громко воскликнул: "Свобода навеки! Германия навеки! Смерть тирану!"

Вот заметки, которые я сделал на бумаге после разговора с Раппом, когда мы вместе прогуливались по саду бывшего отеля "Монморен", в котором проживал Рапп. Я помню, как он показывал мне нож, взятый у Стапса, который подарил ему император; это был всего лишь обычный разделочный нож, какими пользуются на кухнях. К этим деталям можно добавить весьма примечательное обстоятельство, которое я получил из другого, но не менее достоверного источника. Меня заверили, что попытка немца Муция Сцеволы оказала заметное влияние на уступки, на которые пошел император, поскольку он опасался, что у Штапса, подобно тому, как он покушался на жизнь Порсенны, могут быть подражатели среди иллюминатов Германии.

Хорошо известно, что после битвы при Ваграме в Раабе были открыты конференции. Хотя мир был почти абсолютно необходим обеим державам и оба императора, по-видимому, желали его одинаково, он, однако, не был заключен. Следует отметить, что задержка была вызвана Бонапартом. Поэтому переговоры были приостановлены, и г-н де Шампани на несколько дней перестал видаться с принцем Лихтенштейнским, когда произошло дело Штапса. Сразу после допроса молодого фанатика Наполеон послал за г-ном де Шампани: "Как продвигаются переговоры?" он поинтересовался. После того как министр проинформировал его, император добавил: "Я желаю, чтобы они были возобновлены немедленно: я желаю мира; не колеблясь относительно контрибуции, требуемой от Австрии, на несколько миллионов больше или меньше. Уступите в этом пункте. Я хочу прийти к выводу: я передаю все это вам". Министр, не теряя времени, написал письмо принцу Лихтенштейнскому: в ту же ночь двое участников переговоров встретились в Раабе, и пункты договора, действие которого было приостановлено, были обсуждены, согласованы и подписаны в ту же ночь. На следующее утро г-н де Шампани присутствовал на приеме у императора с мирным договором в том виде, в каком он был согласован. Наполеон, наскоро изучив его, выразил свое одобрение каждой детали и высоко оценил скорость, с которой договор был заключен.

—[Этот окончательный мирный договор, который иногда называют Венским, Раабским или Шенбруннским, содержал следующие статьи:

1. Австрия уступила Рейнскую конфедерацию (они отошли к Баварии), Зальцбург, Берхтольдсгаден и часть Верхней Австрии.
2. Непосредственно Франции Австрия уступила свой единственный морской порт Триест и все страны Карниола, Фриули, Вилахское кольцо, а также части Хорватии и Далмации. (Этими уступками Австрия была исключена из Адриатического моря и отрезана от всех коммуникаций с военно-морским флотом Великобритании.) Небольшое лордство, находящееся в анклав на

территориях Лиги Скорби, также было сдано.

3. Постоянному союзнику Наполеона, королю Саксонии, в этом качестве Австрия уступила некоторые чешские анклав в Саксонии, в конце концов, в качестве великого герцога Варшавского она добавила к его польским владениям древний город Краков и всю Западную Галицию.

4. Россия, вступившая в войну с весьма вялым рвением в качестве союзницы Франции, получила весьма умеренную долю добычи Австрии. Ей была отведена часть Восточной Галиции с населением в 400 000 душ, но в этом наделе торговый город Броды (почти единственное, что стоило иметь) был специально исключен. Это последнее обстоятельство вызывало немалое отвращение у императора Александра, чьему восхищению Наполеоном не суждено было продлиться долго. — Редактор издания 1836 года.]—

ГЛАВА XXI.

1809.

Королевская принцесса Дании—Разрушение Германской империи— Визит Наполеона ко дворам Баварии и Вюртемберга—Его возвращение во Францию—Первое упоминание о разводе— Известие о браке Наполеона с Марией Луизой—Ссора Наполеона с Людовиком—Поездка императора и императрицы в Голландию—Отказ ганзейских городов платить французским войскам—Указ о сожжении английских товаров— М. де Верженн—План обращения неизбежного зла во благо—Падение биржи Санкт-Петербурга

Примерно в это же время я имел удовольствие снова увидеть сына правящего герцога Мекленбург-Шверинского, за прибытием которого в ганзейские города вскоре последовало прибытие его сестры, принцессы Фредерики Шарлотты Мекленбургской, замужем за королевским принцем Дании Кристианом Фредериком. В ноябре принцесса прибыла в Алтану из Копенгагена, поскольку распространявшиеся о ней слухи вынудили ее мужа расстаться с ней. История этой принцессы, которая, хотя, возможно, и заслуживала порицания, тем не менее вызвала большую жалость, была общей темой разговоров на севере Германии в то время, когда я был в Гамбурге. Король Дании, опечаленный оглаской расставания, написал письмо по этому поводу герцогу Мекленбургскому. В этом письме, с которым я имел возможность ознакомиться, король выражал свое сожаление по поводу того, что не смог предотвратить скандал, поскольку по его возвращении из поездки в Киль это дело приобрело такую огласку, что все попытки примирения были тщетны. Тем временем было решено, что принцесса останется в Альтоне до тех пор, пока не будет принято какое-либо решение относительно ее будущего положения.

Именно барон Плессен, государственный министр герцога Мекленбургского, оказал мне честь, показав письма короля Дании. М. Плессен также сказал мне в то время, что герцог принял бесповоротное решение не принимать свою дочь. Через несколько дней после своего приезда принцесса посетила мадам де Буррьен. Она приглашала нас на свои приемы, которые были очень блестящими, и несколько раз оказывала нам честь присутствовать на наших. Но, к сожалению, экстравагантность ее поведения, которое совершенно не соответствовало ее положению, вскоре стала предметом всеобщего неодобрения.

В конце предыдущей главы я упомянул, как расторопность г-на де Шампаньи привела к заключению договора, известного под названием Шенбруннского. При этом древнее здание Германской империи было свергнуто, и Франциск II Германский стал Франциском I, императором Австрии. Он, однако, не мог сказать, подобно своему тезке из Франции: "Tout est perdu fors l'honneur"; ибо честь была в какой-то степени предана, даже если больше ничего не было потеряно. Но жертвы, на которые Австрия была вынуждена пойти, были велики. Территории, переданные Франции, были немедленно объединены в новое генерал-губернаторство под общим названием Иллирийских провинций. Таким образом, Наполеон стал хозяином обоих берегов Адриатики в силу своего двойного титула - императора Франции и короля Италии. Австрия, внешняя торговля которой, таким образом, была приостановлена, больше не имела прямого сообщения с морем. Потеря Фиуме, Триеста и морского побережья казалась такой огромной жертвой, что невозможно было рассчитывать на продолжительность мира, купленного такой дорогой ценой.

Дело Штапса, возможно, побудило Наполеона поспешить покинуть Шенбрунн, поскольку он отправился в путь до того, как ратифицировал предварительные условия мира, объявив, что ратифицирует их в Мюнхене. Он в большой спешке направился в Нимфенбург, где его ожидали с визитом к баварскому двору. Затем он посетил короля Вюртемберга, которого назвал умнейшим монархом Европы, и в конце октября прибыл в Фонтенбло. Оттуда он верхом направился в Париж, причем скакал так быстро, что только один егерь из его эскорта мог поспевать за ним, и в сопровождении этого единственного стражника въехал во двор Тюильри. Когда Наполеон находился в Фонтенбло, перед своим возвращением в Париж, Жозефина впервые услышала упоминание о разводе; эта идея пришла в голову императору, когда он был в Шенбрунне. Также, находясь в Фонтенбло, Наполеон назначил г-на де Монталиве министром внутренних дел. Письма, которые мы получали из Парижа в этот период, приносили сведения о блестящем состоянии столицы зимой 1809 года и особенно о великолепии императорского двора, где на приемах императора присутствовали короли Саксонии, Баварии и Вюртемберга, все стремившиеся выразить свою благодарность герою, который возвел их в ранг монархов.

Я была первым человеком в Гамбурге, получившим известие о предполагаемом браке Наполеона с эрцгерцогиней Марией Луизой. Эту новость мне привезли из Вены две эстафетки. Невозможно описать эффект, произведенный ожиданием этого события по всему северу Германии.

—["Наполеон часто размышлял о том, как лучше всего сообщить об этом императрице; и все же ему не хотелось разговаривать с ней. Он опасался последствий ее восприимчивости к чувствам; его сердце никогда не было защищено от пролития слез. Однако он подумал, что представилась благоприятная возможность обсудить эту тему до того, как он покинет Фонтенбло. Он намекнул на это в нескольких словах, обращенных к императрице, но ничего не объяснил до прибытия

вице-короля, которому приказал присоединиться к нему. Он был первым человеком, который открыто поговорил со своей матерью и получил ее согласие на эту горькую жертву. Он поступил в данном случае как добрый сын и человек, благодарный своему благодетелю и преданный его службе, избавив его от необходимости неприятных объяснений по отношению к партнерше, удаление которой было жертвой, столь же болезненной для него, сколь и трогательной: император, уладив все, что касалось будущего состояния императрицы, с которой он заключил щедрое соглашение, настаивал на расторжении брака, без сомнения, потому, что был огорчен состоянием самой императрицы, которая каждый день обедала и проводила вечера в присутствии лиц, ставших свидетелями ее схождения с трона. Между ним и императрицей Жозефиной не существовало никаких иных уз, кроме гражданского акта, согласно обычаю, который преобладал во время этого брака. Теперь закон предусматривал расторжение таких брачных договоров. Поэтому был назначен особый день, и император собрал в своих покоях тех лиц, чье служение требовалось в данном случае; среди прочих, эрцгерцога и мсье Реньо де Сен-Жан д'Анжели. Затем император громким голосом объявил о своем намерении аннулировать брак, который он заключил с присутствовавшей при этом Жозефиной; то же заявление сделала и императрица, которое было прервано ее неоднократными рыданиями. Принц-архиканцлер приказал зачитать статью закона, приложил ее к стоявшему перед ним кулачку и объявил брак расторгнутым". (Мемуары адъютанта герцога де Ровиго).]—

Со всех концов света торговцы получали заказы на покупку австрийских акций, цены на которые немедленно выросли. Брак Наполеона с Марией Луизой был встречен с энтузиазмом и всеобщей радостью. Это событие рассматривалось как гарантия длительного мира, и была выражена надежда на длительное прекращение бедствий, вызванных соперничеством Франции и Австрии. Корреспонденция, которую я получал, показывала, что эти настроения были общими во внутренней Франции и в разных странах Европы; и, несмотря на предчувствия, которые я всегда испытывал относительно возвращения бурбонов во Францию, теперь я начал думать, что это событие проблематично или, по крайней мере, очень отдаленно.

Примерно в начале 1810 года начались разногласия между Наполеоном и его братом Людовиком, которые, как я уже говорил, закончились полным разрывом. Целью Наполеона было стать хозяином судоходства по Шельде, которое, по желанию Людовика, должно было оставаться свободным, и, следовательно, последовал союз Голландии с Французской империей. Голландия была первой провинцией Великой империи, которую Наполеон пригласил посетить новую императрицу. Этот визит состоялся почти сразу после свадьбы. Сначала Наполеон отправился в Компьень, где пробыл неделю. Затем он отправился в Сен-Кантен и осмотрел канал. Затем к нему присоединилась императрица Мария Луиза, и они оба отправились в Бельгию. В Антверпене император осмотрел все работы, которые он заказал и выполнению которых придавал большое значение. Он вернулся через Остенде, Лилль и Нормандию в Сен-Клу, куда прибыл 1 июня 1810 года. Там он узнал из моей переписки, что ганзейские города отказались выдавать деньги для содержания французских войск. Люди были абсолютно разорены. Я заявил, что необходимо срочно положить конец такому положению вещей. Ганзейские города превратились из богатых в нищие из-за налогов и поборов и больше не были в состоянии предоставлять средства.

В течение этого года Наполеон в припадке безумия издал указ, который я не могу охарактеризовать иначе, как адский. Я имею в виду указ о сожжении всех английских товаров во Франции, Голландии, Великом герцогстве Берг, ганзейских городах; короче говоря, во всех местах, находящихся под губительным владычеством Наполеона. Во

внутренних районах Франции невозможно было составить представления об опустошении, вызванном этой мерой в странах, существовавших за счет торговли; и каким зрелищем было для обездоленных жителей этих стран видеть уничтожение собственности, которая, будь она распределена, облегчила бы их страдания!

Среди эмигрантов, за которыми мне было приказано наблюдать, был г-н де Вержен, который с апреля 1808 года постоянно оставался в Гамбурге или поблизости от него. Я сообщил министру, что в это время ко мне явился г-н де Вержен. Я даже помню, что г-н де Вержен передал мне письмо от г-на де Ремюза, первого камергера императора. Г-н де Ремюза настоятельно рекомендовал мне своего родственника, которого важные дела вызвали в Гамбург. Однако проживание в этом городе было слишком дорогим, и он решил поселиться в Ноймуле, маленькой деревушке на Эльбе, немного западнее Альтоны. Там он тихо жил в уединении с оперной танцовщицей по имени мадемуазель Леду, с которой познакомился в Париже и которую привез с собой. Казалось, она ему очень понравилась. Его образ жизни не предполагал больших средств.

Одной из обязанностей, которая была возложена на меня и которой придавалось большое значение, было применение и приведение в исполнение катастрофической континентальной системы на севере. В своей переписке я не скрывал недовольства, вызванного этой разорительной мерой, и глаза императора наконец открылись на этот предмет благодаря следующему обстоятельству. Несмотря на искренность, с которой датское правительство заявляло о стремлении насаждать континентальную систему, Голштиния содержала большое количество колониальных продуктов; и, несмотря на строгие меры, было необходимо, чтобы эти товары где-нибудь нашли рынок сбыта. Контрабандистам часто удавалось ввозить его в Германию, и все это, вероятно, вскоре перешло бы таможенные границы. Учитывая все обстоятельства, я подумал, что было бы целесообразно извлечь максимум пользы из зла, которого нельзя было избежать. Поэтому я предложил, чтобы колониальным продуктам, находившимся в то время в Гольштейне и которые были импортированы до даты королевского указа о их запрете, было разрешено ввозиться в Гамбург при уплате 30, а по некоторым статьям 40 процентов. Эта пошлина должна была взиматься на таможне и полностью ограничиваться товарами, потребляемыми в Германии. Колониальная продукция в Альтоне, Гленкштадте, Хузуме и других городах Гольштейна была оценена примерно в 30 000 000 франков, а пошлина составила бы 10 000 000 или 12 000 000. Принятие предложенного мной плана, естественно, положило бы конец контрабанде, поскольку не могло быть сомнений в том, что торговцы скорее отдадут 30 или 33 процента за право вести законную торговлю, чем 40 процентов. к контрабандистам, с возможностью ареста.

Император немедленно принял мою идею, поскольку 18 сентября я передал свои предложения министру иностранных дел, а 4 октября был издан указ, соответствующий предложенному мной плану. В течение шести недель после вступления указа в силу директор таможни получил 1300 деклараций от лиц, владеющих колониальной продукцией в Гольштейне. Теперь оказалось, что пошлины составят 40 000 000 франков, то есть на 28 000 000 или 30 000 000 больше, чем я предполагал.

Бернадотта только что назначили королевским принцем Швеции. Это назначение со всеми связанными с ним обстоятельствами, а также проживание Бернадотта в Гамбурге до того, как он отправился в Стокгольм, будет особо отмечено в следующей главе. Я просто упоминаю здесь об этом обстоятельстве, чтобы объяснить некоторые события, которые произошли на севере и которые были, более или менее, непосредственно связаны с ним. Например, в сентябре месяце курс обмена валюты на Санкт-Петербург внезапно упал. Все письма,

пришедшие в Гамбург из столицы России и из Риги, связывали падение с избранием принца Понте-Корво королевским принцем Швеции. Из тридцати писем, которые я получил, ни в одном не было описания того переполоха, который это событие вызвало в Санкт-Петербурге. Однако этот ужас, возможно, был вызван не столько выбором Швеции, сколько опасением, что на этот выбор повлияло французское правительство.

ГЛАВА XXII.

1809-1810.

Бернадотт избран королевским принцем Швеции—Предложения графа Вреде Бернадотту—Трехдневный визит Бернадотта в Гамбург—Подробности битвы при Ваграме—Секретный приказ дня—Последнее общение шведского королевского принца с Наполеоном—Мой совет Бернадотту относительно континентальной системы.

Теперь я перехожу к одному из периодов моей жизни, о котором я вспоминаю с наибольшим удовлетворением, - ко времени, когда Бернадотт был со мной в Гамбурге. Я вкратце расскажу о серии событий, которые привели противника 18 Брюмера на трон Швеции.

13 марта 1809 года Густав Адольф был арестован, и его дядя, герцог Зюдермании, временно взял бразды правления в свои руки. Через несколько дней после этого Густав опубликовал свой акт об отречении от престола, от которого в шведском государстве он не мог отказаться. В мае следующего года, после созыва шведского сейма в Стокгольме, герцог Зюдермании был избран королем. Кристиан Август, единственный сын этого монарха, конечно же, стал королевским принцем после восшествия своего отца на престол. Однако он скоропостижно скончался в конце мая 1810 года, а граф Ферсен (тот самый, который при дворе Марии-Антуанетты отличался прозвищем "le beau Fersen") был убит населением, подозревавшим, возможно, несправедливо, что он был соучастником смерти принца.

—[Граф Ферен, предположительно бывший одним из любимых любовников Марии—Антуанетты и, безусловно, пользовавшийся ее глубоким доверием, организовал большинство деталей попытки побега в Варенн в 1791 году, и он сам довез королевскую семью на их первом дилижансе до ворот Парижа.]—

21 августа следующего года Бернадотт был избран королевским принцем Швеции.

После смерти королевского принца сын герцога Зюдермании, граф Вреде, швед, сделал первые предложения Бернадотту и объявил ему о намерении, которое вынашивалось в Стокгольме, предложить ему трон Швеции. Бернадотт находился в то время в Париже и сразу после своей первой встречи с графом Вреде нанес визит императору в Сен-Клу; Наполеон

хладнокровно ответил, что он ничем не может быть ему полезен; что события должны идти своим чередом; что он может принять или отклонить предложение по своему усмотрению; что он (Бонапарт) не будет чинить ему препятствий, но и не может дать ему никакого совета. Было совершенно очевидно, что выбор Швеции был не очень приятен Бонапарту, и хотя впоследствии он отрекся от каких-либо возражений против этого, он сделал предложение Стокгольму, предложив присоединить корону Швеции к короне Дании.

Затем Бернадотт отправился на воды Пломбьера, а по возвращении в Париж прислал мне письмо, в котором сообщил о своем возведении в ранг королевского принца Швеции.

11 октября он прибыл в Гамбург, где пробыл всего три дня. Он провел со мной почти все это время и сообщил мне много любопытных фактов, связанных с тайной историей того времени, и, среди прочего, некоторые подробности, касающиеся битвы при Ваграме. Я был первым, кто сообщил новому королевскому принцу Швеции о сообщениях о сомнительном поведении войск под его командованием. Я напомнил ему о недовольстве Бонапарта этими войсками, поскольку не было никаких сомнений в том, что император был автором жалоб, содержащихся в бюллетенях, тем более что он вывел войска из-под командования Бернадотта. Бернадотт заверил меня, что порицание Наполеона было несправедливым; во время битвы он жаловался на недостаток духа у солдат. "Он отказался встретиться со мной, - добавил Бернадотт, - и мне сказали, что в качестве причины его отказа он был удивлен и недоволен, обнаружив, что, несмотря на его жалобы, о которых я, должно быть, слышал, я хвастался победой в битве и публично похвалил саксов, которыми командовал".

Затем Бернадотт показал мне бюллетень, который он составил после битвы при Ваграме. Я заметил, что никогда не слышал, чтобы бюллетень составлял кто-либо другой, кроме генерала, который был главнокомандующим во время сражения, и спросил, чем закончилось это дело. Затем он вручил мне копию Приказа дня, который, по словам Наполеона, он разослал только маршалам, командующим различными корпусами.

Бюллетень Бернадотта был напечатан вместе с Приказом Бонапарта, что не имело себе равных.

Хотя меня очень заинтересовал этот отчет о поведении Бонапарта после битвы при Ваграме, все же мне было более любопытно услышать подробности последнего общения Бернадотта с императором. Принц сообщил мне, что по возвращении из Пломбьера он присутствовал на приеме, когда император спросил его в присутствии всех присутствующих, получил ли он какие-либо последние известия из Швеции.

Он ответил утвердительно. "В чем дело?" - осведомился Наполеон. "Сир, мне сообщили, что временный поверенный в делах вашего величества в Стокгольме выступает против моего избрания. Тем, кто предпочитает верить этому, также сообщают, что ваше величество отдает предпочтение королю Дании". — "При этих словах, - продолжал Бернадотт, - император изобразил удивление, что, как вы знаете, он умеет делать очень искусно. Он заверил меня, что это невозможно, а затем перевел разговор на другую тему.

"Я не знаю, что и думать о его поведении в этом деле. Я знаю, что я ему не нравлюсь; но интересы его политики могут сделать его благосклонным к Швеции. Учитывая нынешнее величие и мощь Франции, я считал своим долгом принести все личные жертвы. Но я клянусь Небом, что никогда не поступлюсь честью Швеции. Он, однако, выразил себя в наилучших возможных выражениях, говоря о Карле XIII. и обо мне. Сначала он не стал препятствовать моему согласию на наследование шведского престола и приказал немедленно опубликовать официальное объявление о моем избрании в "Монитор". Прошло десять дней, а император

не сказал мне ни слова о моем отъезде. Поскольку мне не терпелось уехать и все мои приготовления были сделаны, я решил пойти и попросить у него патент на письма, чтобы освободить меня от моей клятвы верности, которую я, безусловно, честно сдержал, несмотря на все его жестокое обращение со мной. Сначала он казался несколько удивленным моей просьбой и, после небольшого колебания, сказал: "Есть предварительное условие, которое должно быть выполнено; вопрос был поднят одним из членов Тайного совета". — "Какое условие, сир?" — "Вы должны поклясться не поднимать против меня оружия". — "Неужели ваше величество полагает, что я могу связать себя таким обязательством? Мое избрание Сеймом Швеции, которое встретило одобрение вашего величества, сделало меня шведским подданным, а этот характер несовместим с обещанием, предложенным членом Совета. Я уверен, что это никогда не могло исходить от вашего Величества и должно исходить от архиканцлера или Верховного судьи, которые, конечно же, не могли осознавать, на какую высоту поднимет меня это предложение." — "Что вы имеете в виду?" — "Если, сир, вы препятствуете мне принять корону, пока я не поклянусь не поднимать оружие против вас, разве вы на самом деле не ставите меня на один уровень с вами как с генералом?"

Когда я решительно заявил, что мое избрание должно заставить меня считать себя шведским подданным, он нахмурился и, казалось, смутился. Когда я закончил говорить, он сказал тихим и прерывающимся голосом: "Что ж, иди. Наши судьбы скоро свершатся!" Эти слова были произнесены так невнятно, что я был вынужден просить прощения за то, что не расслышал, что он сказал, и он покался: "Уходи! наши судьбы скоро свершатся!" В последующих беседах, которые у меня были с императором, я испробовал все возможные средства, чтобы устранить неблагоприятные чувства, которые он питал ко мне. Я восстановил свои исторические воспоминания. Я рассказал ему о великих людях, которые вызывали восхищение всего мира, о трудностях и препятствиях, которые им приходилось преодолевать; и, прежде всего, я остановился на той прочной славе, которая основана на установлении и поддержании общественного спокойствия и счастья. Император внимательно слушал меня и часто соглашался с моим мнением относительно принципов процветания и стабильности государств. Однажды он взял меня за руку и нежно пожал ее, как бы заверяя в своей дружбе и защите. Хотя я знал, что он искусен в искусстве притворства, все же его притворная доброта казалась настолько естественной, что я подумал, что всем его неприязненным чувствам ко мне пришел конец. Я поговорил с лицами, которые были союзниками наших двух семей, прося их заверить императора во взаимности моих чувств и сказать ему, что я готов содействовать его великим планам любым способом, не противоречащим интересам Швеции.

"Поверите ли вы, мой дорогой друг, что люди, которым я делал эти искренние заявления, смеялись над моей доверчивостью? Они сказали мне это после разговора, в ходе которого император так сердечно пожал мне руку. Едва я распрощался с ним, как услышали, как он сказал, что я всячески демонстрировал ему свою ученость и что он потакал мне, как ребенку. Он хотел внушить мне полное доверие, чтобы сбить меня с толку; и я точно знаю, что у него был умысел арестовать меня.

- Но, - продолжал Бернадотт, - несмотря на чувство враждебности, которое, я знаю, император питал ко мне с 18 Брюмера, я не думаю, что, когда я окажусь в Швеции, он захочет иметь какие-либо разногласия со шведским правительством. Должен вам сказать, что он также дал мне 2 000 000 франков в обмен на мое княжество Понте-Корво. Половина суммы уже выплачена, что будет очень полезно для меня при покрытии расходов на поездку и установку. Когда я уже собирался сесть в свой экипаж, чтобы отправиться в путь, человек, которого вы должны извинить, если я назову его по имени, подошел попрощаться со мной и

рассказал мне небольшой разговор, который только что состоялся в Тюильри. Наполеон сказал этому человеку: "Ну, разве принц не сожалеет о том, что покинул Францию?" — "Конечно, сир". — "Что касается меня, я был бы очень рад, если бы он не согласился со своим избранием. Но ничего не поделаешь... Я ему не нравлюсь". — "Сир, я должен взять на себя смелость сказать, что ваше величество совершает ошибку. Я знаю о разногласиях, которые существовали между вами и генералом Бернадотом в течение последних шести лет. Я знаю, как он выступал против свержения Директории; но я также знаю, что принц долгое время был искренне привязан к вам". — "Что ж, осмелюсь сказать, вы правы. Но мы не поняли друг друга. Теперь уже слишком поздно. У него свои интересы и своя политика, а у меня свои".

"Таковы, - добавил принц, - были последние замечания императора относительно меня за два часа до моего отъезда. Человек, о котором я только что упомянул, говорил правду, мой дорогой Бурьен. Мне действительно жаль покидать Францию; и я никогда бы не покинул ее, если бы не несправедливость Бонапарта. Если я когда-нибудь взойду на трон Швеции, я буду обязан своей короной его жестокому обращению со мной; ибо, если бы он не преследовал меня своей враждебностью, моего состояния хватило бы для солдата удачи; но мы должны следовать своей судьбе".

В течение трех дней, проведенных принцем у меня, у меня было много других бесед с ним. Он хотел, чтобы я дал ему совет относительно курса, которого ему следует придерживаться в отношении континентальной системы. "Я советую вам, - сказал я, - без колебаний отвергнуть эту систему. Это может быть очень хорошо в теории, но совершенно невозможно осуществить это на практике, и, в конце концов, мировая торговля перейдет к Англии. Это вызывает недовольство наших союзников, которые, помимо своей воли, снова станут нашими врагами. Но ни одна другая страна, кроме России, не находится в положении Швеции. Вам нужен ряд предметов первой необходимости, которых лишила вас. Вы можете получить их только при полной свободе судоходства; и вы можете заплатить за них только теми особыми продуктами, которыми изобилует Швеция. Было бы неразумно закрывать свои порты против страны, которая правит морями. Блокаде подвергся бы ваш флот, а не ее. Что Франция может сделать против вас? Она может вторгнуться к вам по суше. Но Англия и Россия приложат все свои усилия, чтобы противостоять ей. На море еще более невозможно, чтобы она что-либо предприняла. Тогда вам нечего будет бояться, кроме России и Англии, и вам будет легко поддерживать дружеские отношения с этими двумя державами. Послушайтесь моего совета; продавайте свое железо, древесину, кожу и смолу; покупайте взамен соль, вина, бренди и колониальные продукты. Это способ добиться популярности в Швеции. Если, напротив, вы будете следовать континентальной системе, вы будете вынуждены принять законы против контрабанды, которые навлекут на вас отвращение народа".

Таков был совет, который я дал Бернадотту, когда он собирался начать свою новую блестящую карьеру. Несмотря на мое положение французского министра, я не мог бы примириться со своей совестью и дать ему какой-либо другой совет, ибо если у дипломатии есть обязанности, то есть и у дружбы. Бернадот последовал моему совету, и у короля Швеции не было причин сожалеть о том, что он это сделал.

ГЛАВА XXIII.

1810

Отъезд Бернадотта из Гамбурга—Герцог Гольштейн-Августенбургский—Прибытие кронпринца в Швецию— Недоразумения между ним и Наполеоном—Письмо Бернадотта императору—Заговор с целью похищения шведского королевского принца— Вторжение в шведскую Померанию— Принудительный союз Швеции с Англией и Россией— Попытки Наполеона вторгнуться в Швецию—Объяснительные письма Бернадотта императору—Королевская принцесса Швеции — Мой отзыв в Париж—Союз ганзейских городов с Францией— Недовольство России— Чрезвычайное требование, предъявленное мне Бонапартом—Верность Швеции мои старые друзья — Дюрок и Рапп — Приезжают в Мальмезон и беседуют с Жозефиной.

В то время как Бернадотт готовился занять высокий пост, к которому его призвали по воле народа Швеции, Наполеон был вовлечен в свои недоразумения с папой римским,

— [Примерно в это же время, раздраженный тем, что он называл необоснованным упрямством плененного папы, Бонапарт задумал и несколько открыто выразил свое намерение превратить Францию в протестантскую страну и изменить религию 30 000 000 человек императорским указом. Одно или два хороших высказывания остроумного, образованного и рыцарственного графа Луи де Нарбонна уже приводились в этих томах. Вот еще одно из них:

"Я говорю тебе, что я сделаю, Нарбонн — я говорю тебе, как я изолью свою злобу на этого старого дурака папу римского и тех слабоумных, которые могут прийти ему на смену", - сказал однажды Наполеон в Тюильри. "Я устрою раскол, такой же великий, как раскол Лютера, я сделаю Францию протестантской страной!"

"О сир, - ответил граф, - я вижу трудности на пути осуществления этого проекта. На юге, в Вандее, почти на всем западе французы - фанатичные католики, и даже то небольшое, что осталось от религии в наших городах, принадлежит Римской церкви".

"Не бери в голову, Нарбонн, не бери в голову!— Я, по крайней мере, уведу с собой большую часть французского народа — я создам дивизию!" - Сир, — ответил Нарбонн, - Я боюсь, что во всей Франции недостаточно религии, чтобы выдержать разделение!" - Редактор издания 1836 года.] -

и в делах Португалии, которые шли далеко не в соответствии с его желаниями. Едва Бернадотт выехал из Гамбурга в Швецию, как прибыл герцог Гольштейн-Августенбургский. Герцог был братом последнего шведского королевского принца, которому Бернадот был призван стать преемником, и он приехал, чтобы сопровождать свою сестру из Альтоны в Данию. Его путешествие было отложено на несколько дней из-за присутствия принца Понте-Горво в Гамбурге: предпочтение, оказанное Бернадотту, умерило его честолюбие, и он не желал вступать в контакт со своим удачливым соперником. Герцог пользовался благосклонностью российского императора.

Как только он прибыл в Швецию, Бернадотт приказал своему адъютанту генералу Лентиллю де Сен-Альфонсу сообщить мне о его благополучном переезде. Вскоре после этого я получил письмо от самого Бернадотта, в котором он рекомендовал одного из своих адъютантов,

месье Виллатте, который был его отправителем. Это письмо содержало те же дружеские чувства, что и те, которые я обычно получал от генерала Бернадотта, и составляло контраст с перепиской короля Джерома, который, когда писал мне, принимал царственный вид и молился, чтобы Бог поберег меня под свое святое покровительство. Однако ниже приводится письмо королевского принца:

МОЙ ДОРОГОЙ БУРЬЕН— я поручил месье Виллатту встретиться с вами по пути через Гамбург и передать вам мои дружеские пожелания. Лентил адресовал вам свое письмо, которое, я полагаю, вы уже получили. Прощайте, всегда заботьтесь обо мне и верьте в вашу неизменную привязанность,

(Подпись) ЧАРЛЬЗ ДЖОН.

P.S. — Прошу вас передать мои наилучшие пожелания мадам и всей вашей семье. Обними за меня мою маленькую кузину.

Маленькая кузина, которую так называл Бернадотт, была одной из моих дочерей, тогда еще ребенком, которую Бернадотт очень любил, когда был в Гамбурге.

Отступая от хронологии событий, я загляну в будущее и расскажу все, что мне известно относительно действительных причин недоразумения, возникшего между Бернадотом и Наполеоном. Бонапарт отнесся к выбору шведов с большим неудовольствием, потому что он хорошо понимал, что Бернадотт обладал слишком большой честностью, чтобы служить ему на севере в качестве политической марионетки, приводимой в движение с помощью пружин, которые он мог дергать в Париже или в своей штаб-квартире. Его недовольство по этому поводу вызвало интересную переписку, часть которой, состоящую из писем Бернадотта императору, находится в моем распоряжении. Император разрешил Бернадотту оставить у себя на службе, по крайней мере, на год, французских офицеров, которые были его адъютантами, но это разрешение вскоре было отозвано, и королевский принц Швеции написал Наполеону письмо с протестом.

Недовольство Наполеона королевским принцем теперь сменилось решительным негодованием. Он раскаивался в том, что согласился на свой отъезд из Франции, и не скрывал своих чувств, поскольку заявил перед своими придворными, "Что хотел бы отправить Бернадотта в Венсен для завершения изучения шведского языка". Бернадотту сообщили об этом, но он не мог поверить, что император когда-либо вынашивал подобный замысел. Однако в Швеции был составлен заговор против Бернадотта, которого группа иностранных разбойников была нанята для похищения в окрестностях Раги; но заговор был раскрыт, и заговорщики были вынуждены отправиться в путь без своей добычи. Поскольку император в то же время захватил шведскую Померанию, королевский принц написал ему второе письмо в таких выражениях:

Из только что полученных бумаг я узнаю, что дивизия армии под командованием принца Экмюльского вторглась в шведскую Померанию в ночь на 26 января; что дивизия продолжала наступление, вошла в столицу герцогства и овладела островом Рюген. Король ожидает, что ваше величество объяснит причины, побудившие вас действовать таким образом, который противоречит существующим международным договорам. Мои старые связи с вашим величеством позволяют мне просить вас без промедления изложить ваши мотивы, чтобы я мог дать королю свой совет относительно поведения, которого Швеции следует придерживаться в дальнейшем. Это беспричинное оскорбление Швеции глубоко ощущается нацией, и еще больше,

сир, мной, которому доверена честь защищать ее. Хотя я внес свой вклад в триумфы Франции, хотя я всегда желал видеть ее уважаемой и счастливой, все же я никогда не могу помыслить о том, чтобы пожертвовать интересами, честью и независимостью страны, которая приняла меня. Ваше величество, у которого столь ясное представление о справедливости, должны признать правоту моего решения. Хотя я не завижду славе и могуществу, которые вас окружают, я не могу смириться с бесчестьем, вызванным тем, что меня считают вассалом. Ваше величество управляет большей частью Европы, но ваше владычество не распространяется на нацию, которой я был призван управлять; мои амбиции ограничены защитой Швеции. Эффект, произведенный на народ вторжением, на которое я жалуюсь, может привести к последствиям, которые невозможно предвидеть; и хотя я не Кориолан и не команду вольсками, я достаточно хорошего мнения о шведах, чтобы заверить вас, что они осмелятся предпринять что угодно, чтобы отомстить за оскорбления, которых они не вызывали, и сохранить права, которым они так же дорожат, как своей жизнью.

Я был в Париже, когда император получил письмо Бернадотта об оккупации шведской Померании. Когда Бонапарт прочитал это, мне сообщили, что он пришел в неистовую ярость и даже воскликнул: "Вы должны смириться со своим унижением или умереть с мечом в руке!" Но его ярость была бессильной. Неожиданная оккупация шведской Померании вынудила короля Швеции пойти на решительный разрыв с Францией и искать других союзников, поскольку Швеция сама по себе была недостаточно сильна, чтобы сохранять нейтралитет посреди общего пожара в Европе после катастрофического похода Москвы. Поэтому королевский принц объявил России и Англии, что вследствие несправедливого вторжения в Померанию Швеция находится в состоянии войны с Францией, и отправил графа де Левенгельма, королевского адъютанта, с письмом, разъясняющим его взгляды. Наполеон отправил множество нот в Стокгольм, где г-н Алькье, его посол, согласно его инструкциям, придерживался высокомерного и даже оскорбительного тона по отношению к Швеции. Попытки Наполеона после проявления его гнева и после попытки похитить королевского принца, которую можно было приписать только ему, были расценены королевским принцем просто как ловушка. Но в надежде примирить свои обязанности как перед старой, так и перед новой страной он обратился к императору с умеренным письмом:

Это письмо проливает яркий свет на поведение императора по отношению к Бернадотту; ибо Наполеон был не тем человеком, которому кто-либо осмелился бы напомнить о фактах, точность которых была бы в малейшей степени сомнительной. Таковы были тогда отношения между Наполеоном и королевским принцем Швеции. Когда я раскрою некоторые любопытные тайны, которые до сих пор были скрыты под покровом тайн Реставрации, станет ясно, какими средствами Наполеон перед своим падением снова пытался отомстить Бернадоту.

4 декабря я имел честь видеть королевскую принцессу Швеции [мадам Бернадотт, впоследствии королева Швеции, была мадемуазель Клари и младшей сестрой жены Жозефа Бонапарта], которая прибыла в тот день в Гамбург. Она просто проезжала через город по пути в Стокгольм, чтобы присоединиться к своему мужу, но пробыла в Швеции совсем недолго — по-моему, самое большее два месяца, так как не могла примириться с древней Скандинавией. Что касается королевского принца, то он вскоре привык к климату, поскольку много лет проработал на севере.

После этого мое пребывание в Гамбурге было недолгим. Страсть Бонапарта к территориальному расширению не знала границ; и теперь настал черед ганзейских городов. Вступив во владение этими городами и территориями, он просто выполнил план, составленный задолго до этого. Меня, однако, отозвали со множеством комплиментов под благовидным предлогом, что император желает услышать мое мнение относительно страны, в которой. Я жил там. В начале декабря я получил письмо от г-на де Шампаньи, в котором говорилось, что император желает видеть меня, чтобы проконсультироваться со мной по различным вопросам, касающимся Гамбурга. В этой записке мне сообщили, "что информация, которую я получил о Гамбурге и севере Германии, может быть полезна в интересах общества, что, должно быть, является самой приятной наградой за мои труды". Прием, который меня ожидал, мы скоро увидим. В заключении письма в очень лестных выражениях говорилось о том, как я выполнял свои обязанности. Я получил его 8 декабря и на следующий день отправился в Париж. Когда я прибыл в Майнц, я смог составить правильное представление о прекрасных комплиментах, которые были мне оказаны, и о том, что император хотел узнать мое мнение относительно ганзейских городов. В Майнце я встретил курьера, который направлялся объявить о союзе ганзейских городов с Французской империей. Признаюсь, что, несмотря на приобретенный мною опыт двуличия Бонапарта или, скорее, бесконечного разнообразия его уловок, в тот раз он застал меня врасплох.

По прибытии в Париж я не видел императора, но первый же "Монитор", который я прочитал, содержал формулу "Сенат-консулат", которая объединила Ганзейские города, Лауэнбург и др. С Французской империей по праву сильнейшего. Это новое и важное расширение территории не могло не вызвать беспокойства в России. Александр выразил свое недовольство, запретив ввоз нашей сельскохозяйственной продукции в Россию. Наконец, поскольку континентальная система уничтожила всю торговлю через порты Балтики, Россия проявила себя более благосклонно к англичанам, и постепенно взаимные жалобы на недобросовестность привели к войне, печальный исход которой М. Талейран назвал "началом конца".

Теперь я должен познакомить читателя с чрезвычайным требованием, предъявленным мне императором через посредство господина де Шампани. В одной из моих первых бесед с этим министром после моего возвращения в Париж он обратился ко мне так: "Император поручил мне поручение к вам, которое я обязан выполнить: "Когда вы увидите Буррьена, - сказал император, - скажите ему, что я хочу, чтобы он перевел 6 000 000 долларов в ваш сундук для покрытия расходов на строительство нового Министерства иностранных дел". Я был так поражен этим бесчувственным и бесцеремонным требованием, что был совершенно не в состоянии внятно ответить. Таким образом, это была моя награда за то, что во время моего пребывания в Гамбурге я раздобыл денег и припасов почти на 100 000 000 долларов, которыми его казначейство и армия воспользовались в трудные моменты! Господин де Шампаньи добавил, что император не желает меня принимать. Он спросил, какой ответ он должен передать его Величеству. Я по-прежнему хранил молчание, и министр снова призвал меня дать ответ. "Ну, тогда, - сказал я, - скажи ему, что он может убраться к дьяволу". Министр, естественно, пожелал получить какое-то отклонение от этого лаконичного ответа, но я не дал другого; и впоследствии я узнал от Дюрока, что г-н де Шампаньи был вынужден сообщить об этом Наполеону. "Ну, - спросил тот, - вы видели Буррьена?" — "Да, сир". — "Вы сказали ему, что я хотел, чтобы он вложил 6 000 000 долларов в ваш сундук?" — "Да, сир". — "И что он сказал?" — "Сир, я не осмеливаюсь сообщить вашему величеству". — "Что он сказал? Я настаиваю на том, чтобы знать." — "Поскольку вы настаиваете на том, чтобы я рассказал вам, сир, господин де Буррьен сказал, что ваше величество может отправиться к дьяволу". — "Ах! ах! он действительно так сказал?" Затем император удалился в нишу у окна,

где оставался в одиночестве семь или восемь минут, грызя ногти на манер Бертье и, несомненно, давая полный простор своим планам мести. Затем он повернулся к министру и заговорил с ним совсем на другую тему: Бонапарт так лелеял идею заставить меня заплатить 6 000 000 долларов, что каждый раз, проходя мимо Министерства иностранных дел, он говорил тем, кто сопровождал Хинта: "В конце концов, за это должен заплатить Буррьен".

—[Это требование денег от Буррьена объясняется в книге "Ошибки" (том ii, стр. 228) сыном Даву. Наполеон подозревал Буррьена в том, что он заработал крупные суммы в Гамбурге, допустив нарушения континентальной системы. В одном письме Даву Наполеон говорит об "огромном состоянии", а в другом сообщается, что Буррьенн заработал семь или восемь миллионов в Гамбурге на выдаче лицензий или произвольных конфискациях.]—

Хотя я и не был удостоен чести разделить великолепие Императорского двора, все же я испытал удовлетворение, обнаружив, что, несмотря на мой позор, те из моих старых друзей, которые чего-то стоили, проявляли ко мне такое же уважение, как и прежде. Я часто видел Дюрока, который улучал несколько минут от своих более серьезных занятий, чтобы подойти и поболтать со мной обо всем, что произошло после моего ухода из кабинета Бонапарта. Я не буду пытаться дать дословный отчет о моих беседах с Дюроком, поскольку мною руководит только моя память; но я полагаю, что не отступлю от истины, описав их следующим образом:

По возвращении из последней австрийской кампании Наполеон, как я уже говорил, направился в Фонтенбло, где к нему присоединилась Жозефина. Затем, впервые, связь, которая всегда существовала между квартирами мужа и жены, была прервана. Джозефина полностью осознавала фатальные прогнозы, которые должны были быть сделаны из этого супружеского расставания. Дюрок сообщил мне, что она послала за ним, и, войдя в ее комнату, он застал ее залитой слезами. "Я заблудилась!" - воскликнула она тоном, воспоминание о котором, казалось, ощутимо подействовало на Дюрока, даже когда он рассказывал мне об этом обстоятельстве. "Я совершенно заблудилась! теперь все кончено! Я знаю, что ты, Дюрок, всегда был моим другом, как и Рапп. Это не ты убедил его расстаться со мной. Это работа моих врагов Савари и Жюно! Но они больше его враги, чем мои. И мой бедный Эжен, как он будет огорчен, когда узнает, что неблагодарный человек отверг меня! Да, Дюрок, я действительно могу назвать его неблагодарным, Боже мой! боже мой! что с нами будет?" ... Жозефина горько рыдала, обращаясь таким образом к Дюроку.

Прежде чем я был ознакомлен с необычным требованием, с которым г-ну де Шампаньи было поручено обратиться ко мне, я попросил Дюрока выяснить у императора причину, по которой он не желает меня видеть. Великий маршал добросовестно выполнил мое поручение, но получил только следующий ответ: "Вы думаете, мне нечем заняться, кроме как дать Буррьену аудиенцию? это действительно послужило бы поводом для сплетен в Париже и Гамбурге. Он всегда был на стороне эмигрантов; он говорил со мной о прошлых временах; он был за Жозефину! Моя жена Дюрок близка к родам; я уверен, у меня будет сын!... Буррьенн не является человеком дня; я добился гигантских успехов с тех пор, как он покинул Францию; короче говоря, я не хочу его видеть. Он ворчун по натуре, и ты знаешь, мой дорогой Дюрок, мне не нравятся люди такого сорта.

Я пробыл в Париже не более недели, когда Дюрок рассказал мне об этой речи. К моему великому сожалению, Раппа в то время не было во Франции. Вопреки своему желанию, он был назначен на некоторые обязанности, связанные с церемониями императорского бракосочетания, но вскоре после этого, оскорбив Наполеона каким-то замечанием,

касающимся Сен-Жерменского предместья, он получил приказ отправиться в Данциг, губернатором которого он уже был.

Отказ императора встретиться со мной сделал мое положение в Париже чрезвычайно щекотливым, и поначалу я сомневался, стоит ли мне добиваться свидания с Жозефиной. Дюрок, однако, заверил меня, что Наполеон не будет возражать против этого, и я написал, прося разрешения навестить ее. В тот же день я получил ответ, а на следующее утро отправился в Мальмезон. Меня провели в гостиную шатра, где я нашел Жозефину и Гортензию. Когда я вошел, Жозефина протянула мне руку со словами: "А! мой друг!" Эти слова она произнесла с глубоким волнением, и слезы помешали ей продолжить. Она бросилась на оттоманку слева от камина и жестом пригласила меня сесть рядом с ней. Гортензия стояла у камина, пытаясь скрыть слезы. Жозефина взяла меня за руку, которую она сжала в своих ладонях, и, после борьбы со своими чувствами, сказала: "Моя дорогая Бурьен, я осушила свою чашу страданий. Он отверг меня! покинул меня! Он присвоил мне тщеславный титул императрицы только для того, чтобы сделать мое падение более заметным. Ах! мы судили о нем справедливо! Я знал, какая судьба меня ожидала, ибо чем бы он только не пожертвовал ради своего честолюбия!" Когда она закончила эти слова, вошла одна из фрейлин королевы Гортензии с поручением к ней; Гортензия задержалась на несколько мгновений, очевидно, чтобы оправиться от охватившего ее волнения, а затем удалилась, так что я остался наедине с Жозефиной. Казалось, она хотела получить облегчение, рассказав о своих горестях, что мне было любопытно услышать из ее собственных уст; у женщин такой поразительный способ рассказывать о своих горестях. Жозефина подтвердила то, что Дюрок рассказал мне о двух квартирах в Фонтенбло; затем, перейдя к тому периоду, когда Бонапарт объявил ей о необходимости разлуки, она сказала: "Моя дорогая Бурьен, все годы, что ты была с нами, ты знаешь, что я поверял тебе свои мысли и делился с тобой своими печальными предчувствиями. Теперь они жестоко исполнены. Я до последнего играла роль хорошей жены. Я все вытерпела и смирилась! ... Какой силы духа мне потребовалось в последнее время, чтобы вынести свое положение, когда, хотя я больше и не была его женой, я была вынуждена выглядеть таковой в глазах всего мира! Какими глазами придворные смотрят на отвергнутую жену! Я пребывала в состоянии смутной неуверенности, худшей, чем смерть, до того рокового дня, когда он наконец признался мне в том, что я задолго до этого прочла в его взгляде! 30 ноября 1809 года мы, как обычно, обедали вместе, я не произнес ни слова во время этого печального обеда, и он нарушил молчание только для того, чтобы спросить одного из слуг, который час. Как только Бонапарт выпил свой кофе, он отпустил всех слуг, и я остался с ним наедине. По выражению его лица я понял, что происходит у него в голове, и понял, что мой час пробил. Он подошел ко мне — он дрожал, и я вздрогнула; он взял мою руку, прижал ее к своему сердцу и, несколько мгновений молча глядя на меня, произнес эти роковые слова: "Жозефина! моя дорогая Жозефина! Ты знаешь, как я любил тебя! ... Тебе, только тебе я обязан единственными мгновениями счастья, которые я вкусил в этом мире. Но, Жозефина, моя судьба не в том, чтобы подчиняться моей воле. Мои самые дорогие чувства должны уступить интересам Франции". — "Ни слова больше, - воскликнула я, - я понимаю вас; я ожидала этого, но удар не менее смертельный". Я не могла вымолвить больше ни слова, - продолжала Жозефина. - Я не знаю, что произошло после того, как я, казалось, потеряла рассудок; я потеряла сознание, а когда пришла в себя, то обнаружила, что нахожусь в своей комнате. Ваш друг Корвизар и моя бедная дочь были со мной. Вечером ко мне пришел Бонапарт, и о! Бурьен, как мне описать тебе, что я почувствовал при виде его; даже интерес, который он проявлял ко мне, казался дополнительной жестокостью. Увы! У меня были веские причины опасаться когда-либо стать императрицей!"

Я не знала, какое утешение предложить Джозефине; и, зная естественную легкость ее характера, я была бы удивлена, обнаружив ее горе таким острым по прошествии года, если бы не знала, что есть определенные струны, которые, будучи задеты, не сразу перестают вибрировать в сердце женщины. Мне было искренне жаль Жозефину, и среди всего, что я сказал, чтобы облегчить ее горе, утешением, которое показалось ей наиболее разумным, было осуждение, высказанное общественным мнением по поводу развода Бонапарта, и по этому поводу я не сказал ничего, кроме правды, поскольку Жозефину все любили. Я напомнил ей о предсказании, которое я сделал при более счастливых обстоятельствах, а именно. в тот день, когда она приехала навестить нас в нашем маленьком домике в Руэле. "Мой дорогой друг, - сказала она, - я не забыла этого и часто думала обо всем, что ты тогда сказал. Что касается меня, я знала, что он погиб с того дня, как провозгласил себя императором. Adieu! Бурьен, приходи ко мне поскорее снова; приходи почаще, потому что нам есть о чем поговорить; ты знаешь, как я всегда рад тебя видеть". Такого, насколько я помню, было мое первое свидание с Жозефиной после возвращения из Гамбурга.

ГЛАВА XXIV

1811

Арест Ла Сали — Мой визит к нему—Его заключение в Венсенне— Последующая история Ла Сали—Его второе путешествие во Францию— Взрывной порох—Заговор, организованный против меня принцем Экмюльским —Дружественные услуги герцога де Ровиго— Полицейские жучки— Савари, министр полиции.

Я пробыл в Париже около двух месяцев, когда молодой человек по имени Ла Сала был арестован по подозрению в том, что он прибыл из Саксонии с целью покушения на жизнь императора. Ла Салья сообщил герцогу де Ровиго, тогдашнему министру полиции, что желает меня видеть, объяснив это репутацией, которую я оставил после себя в Германии. Император, я полагаю, не возражал против этой беседы, поскольку я получил приглашение навестить заключенного. Поэтому я отправился в отделение министерства полиции на улице Сен-Перес, где меня представили молодому человеку в возрасте от семнадцати до восемнадцати лет.

Мой разговор с молодым человеком, дядя которого, как я полагаю, был министром короля Саксонии, очень заинтересовал меня в его интересах; я решил, если возможно, спасти Ла Салью, и мне это удалось. Я немедленно отправился к герцогу де Ровиго и убедил его, что при данных обстоятельствах важно убедить всех в том, что молодой человек был невинным. Я заметил, что, если бы он предстал перед судом, он повторил бы все, что заявил мне, и, вероятно, раскрыл бы информацию, которая могла бы спровоцировать новые попытки покушения. Возможно, среди студентов Лейпцига, в университете которого он провел свою юность, мог бы восстать мститель за Ла Сахлу. Эти причины, наряду с другими, привели к

успеху, на который я надеялся. Впоследствии император признал благоразумный курс, который был принят в отношении Ла Саля; говоря на острове Святой Елены о заговорах против его жизни, он сказал: "Я тщательно скрывал все, что мог".

В соответствии с моим советом Ла Салья был отправлен в Венсен, где он оставался до конца марта 1814 года, затем его перевели в замок Сомюр, откуда он был освобожден в начале апреля. Я ничего не слышала о нем в течение трех лет, когда однажды, вскоре после Реставрации, сидя за завтраком со своей семьей в моем доме на улице Отевиль, я услышала необычный шум в прихожей, и, прежде чем я успела выяснить его причину, я оказалась в объятиях о молодом человеке, который обнял меня с необычайным пылом. Это была Ла Сахла. Он был в порыве благодарности и радости по поводу своего освобождения и завершения событий, которые он хотел ускорить своим убийством. Ла Салья вернулся в Саксонию, и я его больше не видел, но когда я был в Гамбурге в 1815 году, куда меня посадил Людовик XVIII, я узнал, что 5 июня в Палате представителей в Париже раздался сильный взрыв, который сначала приняли за раскат грома, но вскоре выяснилось, что причиной был молодой Самсон, упавший с пакетом детонирующего порошка в кармане.

Получив это известие, я вообразил, сам не знаю почему, что этим молодым саксонцем был Ла Сала и что он, вероятно, намеревался взорвать Наполеона и даже Законодательный корпус; но с тех пор я убедился, что ошибался относительно его намерений. Мое знание искренности Ла Сахлы заставляет меня поверить в правдивость его заявлений полиции; и если в отчете об этих заявлениях есть какие-либо неточности, я без колебаний приписываю их самой полиции, главой которой в рассматриваемый период был Фуше.

Именно последняя часть отчета побудила меня заметить выше, что если и были какие-либо неточности в заявлении, то они, скорее всего, исходили от полиции Фуше, а не от ложных заявлений юной Ла Сахлы. Трудно без доказательств отдать должное подобным обвинениям. Однако я ничего не решаю; но я считаю своим долгом выразить сомнения в правдивости этих обвинений, выдвинутых против двух прусских министров, о которых князь Витгенштейн, человек несомненной чести, всегда говорил со мной в наилучших выражениях.

Нет ничего, что доказывало бы, что Ла Сала вернулась во Францию во второй раз с теми же намерениями, что и раньше. Этот проект, однако, остается для меня загадкой, а его детонирующий порошок порождает множество догадок.

Едва я покинул Гамбург, как принц Экмюльский (маршал Даву) был назначен генерал-губернатором этого города после объединения ганзейских городов с империей. С того периода я был постоянно занят борьбой с преследованиями и доносами, которые он придумывал с напряжением своего воображения. Я не могу не приписать этим преследованиям прохладное отношение императора ко мне по прибытии в Париж. Но поскольку клевета Даву была лишена доказательств, он прибегнул к схеме, с помощью которой определенная видимость вероятности могла заменить истину. Когда я прибыл в Париж в начале 1811 года, мой близкий друг, которого я оставил в Гамбурге, г-н Бувье, эмигрант и один из заложников Людовика XVI, сообщил мне, что через несколько дней я получу письмо, которое обязывает меня, а также г-на де Талейрана и генерала Раппа. У меня никогда не было никаких деловых связей ни с одним из этих людей, к которым я питал самую искреннюю привязанность. Они, как и я, не пользовались благосклонностью маршала Даву, который не мог простить одному его неоспоримое превосходство таланта, а другому - его безукоризненную честность. Получив письмо господина Бувье, я отнес его герцогу де Ровиго, чье положение позволило ему прекрасно осведомиться об интригах, которые вел против меня с тех пор, как я покинул Гамбург, человек, честолюбивый претендент на пост

вице-короля Польши. В этот раз, как и во многих других подобных случаях, герцог де Ровиго поддержал мое дело перед Наполеоном. Мы согласились, что лучше всего дожидаться прибытия письма, о котором сообщил м. Бувье. Прошло три недели, а письмо так и не появилось. Поэтому герцог де Ровиго сказал мне, что меня, должно быть, дезинформировали. Однако я был уверен, что мсье Бувье не прислал бы мне эту информацию по незначительным причинам, и поэтому предположил, что проект всего лишь был отложен. Я не ошибся в своем предположении, потому что наконец письмо пришло. До какой низости могут опуститься люди! Письмо было от человека, которого я знал в Гамбурге, которому я был обязан, которого я нанял в качестве шпиона. Его послание было чудом наглости. После рассказа о некоторых экстраординарных сделках, которые, по его словам, имели место между нами и которые все носили на себе печать лжи, он попросил меня выслать ему обратной почтой сумму в 60 000 франков в счет того, что я пообещал ему за одно дело, которое он выполнил в Англии по указанию г-на де Талейрана, генерала Раппа и меня. Такие несчастные часто попадают в ловушки, которые они расставляют для других. Так обстояло дело в данном случае, поскольку этот парень совершил грубую ошибку, указав на 1802 год как на период этого мнимого дела в Англии, то есть за два года до моего назначения полномочным министром в ганзейских городах. Этот анахронизм был не единственным, который я обнаружил в письме.

Я снял копию с письма и немедленно отнес оригинал герцогу де Ровиго, как было условлено между нами. Когда я прислуживал министру, он как раз готовился отправиться к императору. Он взял с собой письмо, которое я привез, а также письмо, извещавшее о его прибытии. Когда герцог де Ровиго вошел в зал для аудиенций, Наполеон выступил ему навстречу и обратился к нему с такими словами: "Что ж, я узнал много хорошего о вашем Буррьене, которого вы всегда защищаете". Дело в том, что император уже получил копию письма, которое было вскрыто на почте Гамбурга. Герцог де Ровиго сказал императору, что он давно знал, что его величество сообщил ему. Затем он пустился в подробное объяснение интриги, жертвой которой меня хотели сделать, и тем легче доказал ему лживость моих обвинителей, напомнив ему, что в 1802 году меня не было в Гамбурге, но я все еще находился у него на службе дома.

Можно предположить, что мне было слишком интересно узнать, что произошло в Тюильри, чтобы в тот же день не вернуться к герцогу де Ровиго. От него я узнал подробности, о которых уже рассказывал. Он добавил, что он заметил императору, что между Раппом и г-ном Талейраном не было никакой связи, которая могла бы оправдать подозрение в их причастности к рассматриваемому делу. "Когда Наполеон увидел дело в его истинном свете, - сказал Савари, - когда я доказал ему очевидное существование гнусной махинации, он не смог найти слов, чтобы выразить свое возмущение. "Какая низость, какое ужасное злодейство!" - воскликнул он и отдал мне приказ арестовать и доставить в Париж печально известного автора письма; и вы можете быть уверены, что его приказы будут незамедлительно выполнены".

Савари, как он и сказал, немедленно отдал приказ об аресте писателя, которого он приказал отправить во Францию. По прибытии его допросили относительно письма. Он заявил, что написал это по наущению и под диктовку маршала Даву, за что получил небольшую сумму денег в качестве вознаграждения. Он также признался, что, когда письмо было отправлено по почте, принц Экмюльский приказал директору почты вскрыть его, снять копию, затем снова запечатать и отправить по указанному адресу, то есть мне, а копию — императору. Автор письма был сослан в Марсель или на остров Йер, но человек, продиктовавший его, продолжал оставаться маршалом, принцем и генерал-губернатором и по-прежнему

надеялся на наместничество Польши! Таково было разборчивое правосудие Империи, и Даву продолжал свои попытки отомстить мне другой клеветой за то, что я не считал его талантливым человеком. Я должен отдать герцогу де Ровиго справедливость и сказать, что, хотя его верность Наполеону была, как и всегда, безграничной, все же, выполняя приказы императора, он старался ознакомить его с истиной, что было доказано его поведением в только что упомянутом мной случае. Он был очень огорчен тем ужасом, который его назначение вызвало в обществе, и он признался мне, что намеревался восстановить доверие с помощью более мягкой системы, чем у его предшественника. Я и раньше замечал, что Савари не разделял моего мнения о Фуше, но когда однажды герцог де Ровиго попытался проникнуть в лабиринт полиции, контрполиции, инспекций и шпионских иерархий, он обнаружил, что все это были жучки, созданные Фуше, чтобы встревожить императора, подобно тому, как садовники устанавливают пугала среди фруктовых деревьев, чтобы отпугивать воробьев. Таким образом, благодаря ухищрениям Фуше, орла пугали так же легко, как и воробьев, пока император, убежденный, что Фуше поддерживает переписку с Англией через посредство Увара, не уволил его.

Я с удовольствием увидел, что министр полиции Савари хотел упростить работу своей администрации и постепенно уменьшить все, что ее раздражало, но, каковы бы ни были его намерения, он не всегда был свободен в действиях. Я признаю, что, когда я читал его мемуары, я с большим нетерпением увидел, что во многих вопросах он добровольно взял на себя ответственность за действия, которые одним его словом можно было бы приписать их настоящему автору. Как бы то ни было, что мне очень понравилось в Савари, так это проявленное им желание узнать настоящую правду, чтобы рассказать ее Наполеону. Он получил от императора не один суровый отпор. Это произошло из-за того факта, что со времени огромного возвышения Империи мнимые министры, вместо того чтобы пользоваться большим авторитетом, стали свидетелями постепенного сокращения своих функций. Таким образом, предложения о назначениях на высшие чины армии исходили от кабинета Бертье, а не от военного министра. Все, что касалось какой-либо части правительства Внутреннего или Внешнего, за исключением военного управления и, возможно, финансов, находилось в центре внимания кабинета г-на Маре, безусловно, честного человека, но чья легкость, с которой он говорил "Все правильно", так сильно помогала все исправить.

Внутренняя торговля, мануфактуры и особенно несколько парижских фирм находились в бедственном положении, тем более тяжелом, что оно так резко контрастировало с великолепием императорского двора со времен женитьбы Наполеона на Марии Луизе. При таком положении дел хор жалоб ежедневно достигал ушей герцога де Ровиго. Я должен сказать, что Савари никогда не был добрее ко мне, чем после моего позора; он питал мою надежду заставить Наполеона преодолеть предубеждения против меня, которые внушал ему дух мести, и я точно знаю, что Савари не раз возвращался к нападению, чтобы добиться этого. Император выслушал без гнева, не упрекнул его за близость наших отношений и даже сказал ему несколько любезных, но незначительных слов обо мне. Это дало время для новых махинаций против меня и вселило в него новые сомнения, когда он почти преодолел свои прежние идеи.

ГЛАВА XXV.

М. Чернищевф—Притворство Наполеона—Наполеон и Александр—Предусмотрительность Жозефины в отношении дел Испании—Мои визиты в Мальмезон—Горе Жозефины—Слезы и туалет—Обширные территории Империи—Список лиц, приговоренных к смерти и изгнанию в Пьемонте—Наблюдение Альфиери за испанцами—Успех в Испании—Проверка Массены в Португалии—Деньги, расточаемые англичанами—Бертран отправлен в Иллирию, а Мармон в Португалию—Положение французской армии—Сбор Кортесов—Европа принесена в жертву континентальная система—Беседа с Мюратом на Елисейских полях—Новые титулы и старые имена—Нелюбовь Наполеона к литераторам—Оды и т.д. О браке Наполеона—Шатобриан и Лемерейер—Смерть Шенье—Шатобриан избрал своего преемника—Наполеон прочитал его речь—Бонапарта сравнивают с Нероном—Подавление "Мерсера"—М. де Шатобриану приказано покинуть Париж—М. Лемерсье и Эсменар представлены императору—Рождение короля Рима—Франция в 1811 году.

Со времени моего возвращения во Францию я много слышал об интригах М. Чернышева, адъютанта российского императора, который под предлогом того, что его часто посылали делать комплименты Наполеону со стороны императора Александра, на самом деле выполнял обязанности шпиона. Поведение Наполеона по отношению к Чернышеву в тот период показалось мне странным, особенно после сведений, которые я передал ему перед моим отъездом из Гамбурга относительно недовольства России и ее враждебных наклонностей. Поэтому мне ясно, что Бонапарт был хорошо осведомлен об истинной цели миссии М. Чернышева, и что если он, казалось, отдавал должное растущим заверениям в своей дружбе, то это было только потому, что он все еще желал, как и прежде, чтобы Россия могла взять на себя обязательства настолько далеко, чтобы предоставить ему прекрасный предлог для начала военных действий на севере.

М. Черни-Шефф впервые прибыл в Париж вскоре после собеседования в Эрфурте и после этого почти постоянно находился в разъездах между Парижем и Санкт-Петербургом; подсчитано, что менее чем за четыре года он проехал более 10 000 лье. Долгое время его частые поездки не вызывали подозрений, но пока я был в Париже, у Савари начали возникать подозрения, в правильности которых было нетрудно убедиться, настолько мощной все еще была система шпионажа, несмотря на меры предосторожности, принятые Фуше, чтобы скрыть от своего преемника имена своих самых эффективных шпионов. Было известно, что г-н Черни-Шефф разыскивал профессора математики, несомненно, для того, чтобы скрыть истинные мотивы своего пребывания в Париже, завуалировав их желанием изучать естественные науки. Доверенное лицо Александра обратилось к профессору, занимавшему государственную должность, и с этого времени все действия г-на Чернышева были известны полиции. Выяснилось, что он меньше всего стремился расспросить своего инструктора об уравнениях степени или значении неизвестных величин, чем получить всю возможную информацию о различных ветвях администрации, и особенно о военном министерстве. Случилось так, что профессор знал некоторых лиц, занятых в государственных учреждениях, которые снабжали его сведениями, которые он, в свою очередь, сообщал г-ну Чернищеву, но не без того, чтобы сообщить об этом в полицию; согласно обычаю, вместо того, чтобы сразу положить конец этой интриге, ей дали полностью

развиться. Наполеон был проинформирован о том, что происходит, и в этом случае дал новое доказательство того, что он искусен в искусстве лицемерия, поскольку, вместо того чтобы высказывать какое-либо неудовольствие против г-на Чернищева, он продолжал принимать его с теми же знаками благосклонности, которые высказывал ему во время своих предыдущих миссий в Париж. Желая, тем не менее, избавиться от него, не высказывая подозрений в том, что его тайные действия были раскрыты, он доверил ему дружеское письмо своему брату из России, но Александр так спешил ответить на лестное послание своего брата из Франции, что г-на Чернищева поспешили вернуть в Париж, едва ему позволили въехать в ворота Санкт-Петербурга. Я полагаю, что прав в предположении, что Наполеон на самом деле не был недоволен интригами г-на Чернищева, исходя из предположения, что они свидетельствовали о враждебных намерениях России по отношению к Франции; ибо, что бы он ни говорил по этому поводу своим доверенным лицам, какое доверие мы можем возложить на человека, который разбил Булонский лагерь без самого отдаленного намерения напасть на Англию и который обманул весь мир относительно этого важного дела, никого не посвятив в свою тайну?

Во время моего пребывания в Париже война с Испанией и Португалией занимала большую часть общественного внимания; и в конце концов это оказалось предприятием, в котором интуиция Жозефины ее не обманула. В общем, она мало вмешивалась в политические дела; во-первых, потому, что ее поступок оскорбил бы Наполеона; а во-вторых, потому, что ее природное легкомыслие заставляло ее отдавать предпочтение более легким занятиям. Но я могу с уверенностью утверждать, что она была наделена настолько совершенным инстинктом, что редко обманывалась относительно хорошей или дурной направленности любых мер, предпринимаемых Наполеоном; и я помню, она рассказывала мне, что, когда ей сообщили о намерении императора даровать трон Испании Жозефу, ее охватило чувство неопишуемой тревоги. Было бы трудно определить то инстинктивное чувство, которое заставляет нас предвидеть будущее; но это факт, что Джозефина была наделена этой способностью в более совершенном виде, чем любой другой человек, которого я когда-либо знал, и для нее это был роковой дар, поскольку она страдала одновременно под тяжестью настоящих и будущих несчастий.

Я часто навещал ее в Мальмезоне, поскольку Дюрок заверил меня, что император не возражает против моего посещения; однако он, должно быть, прекрасно понимал, что, когда мы с Жозефиной вели конфиденциальную беседу, о нем не всегда упоминали в качестве безоговорочного восхваления; и, по правде говоря, его первому другу и его первой жене вполне можно было бы простить то, что они иногда смешивали свои жалобы.

Хотя с момента развода прошло уже больше года, горе все еще терзало сердце Джозефины. "Ты не можешь себе представить, мой друг, - часто говорила она мне, - все муки, которые я перенесла с того рокового дня! Я не могу представить, как я это пережила. Вы и представить себе не можете, какую боль я испытываю, видя повсюду описания его праздников. И когда он впервые навестил меня после женитьбы, что это была за встреча! Сколько слез я пролила! Дни, в которые он приходит, для меня дни страданий, ибо он не щадит меня. Как жестоко говорить о его ожидаемом наследнике. Бурьен, ты не можешь себе представить, как все это душераздирающе действует на меня! Лучше, гораздо лучше быть сосланным за тысячу лье отсюда! Однако, - добавила Джозефина, - несколько друзей все еще остаются верными моей изменившейся судьбе, и это сейчас единственное, что дает мне хотя бы временное утешение". Правда в том, что она была крайне несчастна, и самым приемлемым утешением, которое могли предложить ей друзья, было поплакать вместе с ней. И все же страсть Джозефины к одежде оставалась такой и после. проплавав четверть часа, она осушала

слезы, чтобы дать аудиенцию модисткам и ювелирам. Вид новой шляпки пробуждал всю женскую любовь Жозефины к нарядам. Помню, однажды, воспользовавшись минутным спокойствием, вызванным обильной демонстрацией сверкающих безделушек, я поздравил ее с тем счастливым влиянием, которое они оказывали на ее настроение, когда она сказала: "Мой дорогой друг, мне действительно следовало бы быть равнодушной ко всему этому; но это привычка". Жозефина могла бы добавить, что это тоже было занятием, поскольку не будет преувеличением сказать, что, если бы время, которое она тратила на слезы и свой туалет, было вычтено из ее жизни, его продолжительность значительно сократилась.

Обширная территория Французской империи теперь представляла собой зрелище, напоминающее скорее владычество римлян и завоевания Карла Великого, чем обычные формы и политические изменения современной Европы. Фактически, в течение почти двух столетий, до периода Революции, и особенно до возвышения Наполеона, в границах европейских государств не произошло никаких заметных изменений, если не считать раздела Польши, когда двое из участников раздела совершили ошибку, повернув Россию лицом к западу! При Наполеоне все переворачивалось с поразительной быстротой: обычаи, манеры, законы были отменены

—[Так называемые "французские" армии того времени, набранные из всех частей империи и зависимых государств, представляли собой экстраординарное объединение, предпринятое Наполеоном. Таким образом, в битве при Окане присутствовали, по крайней мере, войска следующих государств, а именно. Варшава, Голландия, Баден, Нассау, Гессен-Дармштадт, Франкфурт, не считая испанцев на службе у Жозефа. Испанская дивизия отправилась в Данию, полк из Изембурга был направлен в Неаполь, а неаполитанцы переправились в Испанию. Даже маленькому Вале пришлось укомплектовать батальон. Чернокожие из Сан-Доминго служили в Неаполе, в то время как шестнадцать стран, подобно множеству цепных псов, продвигались в Россию. У таких войск не могло быть духа однородной армии.

Уже в 1808 году Меттерних писал из Парижа своему двору: "Воюет больше не нация: нынешняя война (в Испании) - это война Наполеона; это даже не война его армии". Но сам Наполеон осознавал опасность, грозящую Империи, исходя из ее собственных масштабов. В тишине кабинета его секретарь Меноваль иногда слышал, как он бормотал: "L'arc est trop longtemps tendu".]—

новыми обычаями, новыми манерами и новыми законами, навязанными силой и образующими разнородное целое, которое не могло не распасться, как только влияние создавшей его силы перестанет действовать. Состояние Италии было таково, что один заслуживающий доверия человек сообщил мне, что если бы армия принца Евгения, вместо того чтобы одержать победу, потерпела поражение при Пьяве, в Пьемонте и даже в Королевстве Италия вспыхнула бы глубоко организованная революция, где, тем не менее, большинство народа полностью оценило превосходные качества Евгения. Я также был достоверно проинформирован о том, что были готовы списки с указанием тех французов, которые должны были быть преданы смерти, а также тех, кто смягчил суровые приказы императорского правительства и кто должен был быть только изгнан. На самом деле, бунт был так же естествен для итальянцев, как подчинение для немцев, и как ярость отчаяния для испанской нации. По этому поводу я могу процитировать наблюдение, содержащееся в одной из работ Альфиери, опубликованной за пятнадцать лет до войны в Испании. Бросив беглый взгляд на различные европейские нации, он расценил испанцев как единственный народ, обладающий "достаточной энергией для борьбы с иностранной узурпацией". Если бы я все еще находился рядом с Наполеоном, я, несомненно, прибегнул бы к невинной уловке, к

которой прибежал несколько раз, и положил бы труд Альфиери на его стол открытым на той странице, которую я хотел, чтобы он прочел. Мнение Альфиери об испанском народе в конце концов полностью подтвердилось; и, признаюсь, я не могу без содрогания думать о потоках крови, затопивших полуостров; и ради чего? Сделать Жозефа Бонапарта королем!

Начало 1811 года было достаточно благоприятным для французского оружия в Испании, но к началу марта положение дел изменилось. Герцог Беллуно, несмотря на доблесть своих войск, потерпел неудачу при Чиклане, и с этого дня французская армия не могла противостоять объединенным силам Англии и Португалии. Даже Массена, несмотря на титул принца Эслингенского (или Эсслинга), который он завоевал под стенами Вены, больше не был "любимцем победы", каким он был в Цюрихе.

Упомянув Массену, я могу заметить, что он не одобрял смену французского правительства при основании империи. Массена любил две вещи: славу и деньги; но что касается того, что называется почестями, он ценил только те, которые были результатом командования армией; и все его воспоминания связывали его с Республикой, потому что Республика вызывала в его памяти самые блестящие и славные события его военной карьеры. Кроме того, он был в числе маршалов, желавших, чтобы честолюбию Бонапарта был положен предел; и он, несомненно, сделал достаточно с начала республиканских войн, чтобы ему позволили насладиться некоторым отдыхом, которого требовало его здоровье в тот период. Чего он мог добиться против англичан в Португалии? Объединенные силы Англии и Португалии ежедневно увеличивались, в то время как наши уменьшались. Англия не жалела усилий, чтобы добиться превосходства в великой борьбе, в которой она участвовала; поскольку ее деньги были щедро расточены, ее войскам хорошо платили, куда бы они ни направлялись, и они в изобилии снабжались боеприпасами и провизией: французская армия была вынуждена, хотя и далеко не обладала такими достаточными средствами, закупать по такой же высокой цене, чтобы удержать местных жителей от присоединения к английской партии. Но даже это не предотвратило многочисленных частичных восстаний в разных местах, которые чрезвычайно затрудняли всякое сообщение с Францией. Вооруженные банды постоянно уводили наших рассеянных солдат; и присутствие британских войск, поддерживаемое деньгами, которые они тратили в стране, возбуждало жителей против нас; ибо невозможно предположить, что без поддержки англичан Португалия смогла бы продержаться против Франции хоть мгновение. Но сражения, плохая погода и даже нужда настолько сократили силы французов, что было абсолютно необходимо, чтобы наши войска отдыхали, когда их предприятия не могли привести ни к каким результатам. При таком положении вещей Массена был отозван, поскольку его здоровье было настолько серьезно подорвано, что не позволяло ему проявлять достаточную активность для восстановления армии на достойном уровне.

В этих обстоятельствах Бонапарт отправил Бертрана в Иллирию на место Мармона, которому, в свою очередь, было приказано сменить Массену и принять командование французской армией в Португалии. Мармон, приняв командование, обнаружил, что войска находятся в плачевном состоянии. Трудность добывания провизии была чрезвычайной, и средства, которые он был вынужден использовать для этой цели, значительно усилили зло, в то же время неподчинение и недисциплинированность преобладали до такой тревожной степени, что было бы столь же трудно, сколь и болезненно описывать положение нашей армии в этот период. Мармон, благодаря своему постоянному поведению, к счастью, преуспел в устранении царивших беспорядков, и очень скоро оказался во главе хорошо организованной армии, насчитывающей 30 000 пехотинцев, с сорока артиллерийскими орудиями, но у него был лишь очень небольшой отряд кавалерии, да и те на плохих лошадях.

Дела в Испании в начале 1811 года демонстрировали аспект, не сильно отличающийся от событий в Португалии. Сначала мы неизменно добивались успеха, но наши преимущества были приобретены такой дорогой ценой, что конечный исход этой борьбы можно было легко предвидеть, потому что, когда народ сражается за свои дома и свободы, армия вторжения должна постепенно уменьшаться, в то время как в то же время вооруженное население, ободренное успехом, увеличивается в еще более заметной прогрессии. Восстание теперь рассматривалось испанцами как священный долг, которому недавние заседания кортесов на острове Леон придали, так сказать, законный характер, поскольку Испания вновь обрела, в воспоминании о своих древних привилегиях, по крайней мере тень правительства — центр, вокруг которого могли сплотиться защитники земли полуострова.

— [Лорд Веллингтон избил Массену при Фуэнтес д'Оноре 5 мая 1811 года. Вскоре после этой битвы Наполеон отправил Мармона сменить Массену. Продвигаясь к южной границе Португалии, умелый Сульт сумел отбить Бадахос у колеблющегося испанского гарнизона. Однако примерно в это же время генерал Грэм со своим британским корпусом совершил вылазку из Кадиса и разбил французов на высотах Барроса, которые лежат напротив Кадиса, города, который в то время осаждали французы. Воодушевленные успехами наших регулярных армий, испанские партизаны становились все более многочисленными и дерзкими. К концу 1811 года Жозеф Бонапарт обнаружил так много шипов в своей узурпированной короне, что умолял брата надеть ее на какую-нибудь другую голову. Тогда Наполеон не внял его молитве. В течение 1811 года был разработан план освобождения Фердинанда из тюрьмы во Франции и постановления его во главе дел в Испании, но был раскрыт эмиссарами полиции Бонапарта. Сестра Фердинанда, бывшая королева Этрурии, также планировала побег в Англию. Ее агенты были преданы, судимы военной комиссией и расстреляны — сама принцесса была приговорена к строгому заключению в римском монастыре. — Редактор издания 1836 года.]—

Континентальная система была причиной если не окончательного падения, то, по крайней мере, быстрого падения Наполеона. В этом нельзя усомниться, если мы на мгновение задумаемся о блестящем положении Империи в 1811 году и о том эффекте, который одновременно произвела по всей Европе эта система, подорвавшая самый могущественный трон, который когда-либо существовал. Это была континентальная система, которую Наполеон поддерживал в Испании, поскольку он убедил себя, что эта система, строго применяемая, нанесет смертельный удар торговле Англии; и Дюрок, кроме того, сообщил мне обстоятельство, имеющее большое значение в этом вопросе. Однажды Наполеон сказал ему: "Я больше не стремлюсь к тому, чтобы Иосиф стал королем Испании; и ему самому это безразлично. Я бы отдал корону первому встречному, кто закроет свои порты от англичан.

Мюрат приезжал в Париж по случаю вступления императрицы в должность, и я видел его несколько раз во время его пребывания, поскольку мы всегда были в наилучших отношениях; и я должен отдать ему справедливость, сказав, что он никогда не обращался к королю иначе, как к своим придворным и тем, кто знал его только как монарха. Через восемь или десять дней после рождения римского короля, прогуливаясь однажды утром по Елисейским полям, я встретил Мюрата. Он был один и одет в длинное синее пальто. Мы находились как раз напротив садов его невестки, принцессы Боргезе. - Ну, Бурьен, - сказал Мюрат после того, как мы обменялись обычными любезностями, - ну, чем ты сейчас занимаешься? Я рассказал ему, как со мной обошелся Наполеон, который, опасаясь, что меня может не быть в Гамбурге, когда туда придет декрет о союзе, отозвал меня в Париж под предлогом доверия. Мне кажется, я до сих пор вижу красивое и выразительное лицо Иоахима, когда, обратившись к

нему с титулами "Сир" и "Ваше величество", он сказал мне: "Тьфу! Бурьен, разве мы не старые товарищи? Император обошелся с вами несправедливо; а к кому только он не был несправедлив? Его неудовольствие предпочтительнее его милости, которая стоит так дорого! Он говорит, что сделал нас королями; но разве мы не сделали его императором? Тебе, мой друг, которого я знаю давно и близко, я могу исповедовать свою веру. Мой меч, моя кровь, моя жизнь принадлежат Императору. Когда он призовет меня на поле боя сразиться с его врагами и врагами Франции, я больше не король, я возвращаю себе звание маршала Империи; но пусть он больше ничего не требует. В Неаполе я буду королем Неаполя и не принесу в жертву его ложным расчетам жизнь, благополучие и интересы моих подданных. Пусть он не воображает, что может обращаться со мной так, как он обращался с Людовиком! Ибо я готов защищать, даже против него, если это необходимо, права народа, которым он назначил меня править. Значит, я король авангарда?" Эти последние слова показались мне особенно уместными в устах Мурата, который всегда служил в авангарде наших армий, и, как мне показалось, очень удачно выразили сходство его положения как короля и солдата.

Я гулял с Муратом около получаса. В ходе нашей беседы он сообщил мне, что больше всего он жаловался на императора из-за того, что тот сначала выдвинул его вперед, а затем отказался от него. "Прежде чем я прибыл в Неаполь, - продолжал он, - мне намекнули, что на меня замышляют покушение. Что я сделал? Я въехал в этот город один, при свете дня, в открытом экипаже, потому что предпочел бы быть убитым сразу, чем жить в постоянном страхе быть убитым. Впоследствии я совершил посадку на острове Капри, которая увенчалась успехом. Я предпринял попытку против Сицилии, и уверен, что она также увенчалась бы успехом, если бы император выполнил свое обещание прислать тулонский флот для поддержки моих операций; но он отдал противоположные приказы: он разыграл Мазарини и освободил меня от роли предприимчивого герцога де Гиза. Но я вижу его замыслы насквозь. Теперь, когда у него есть сын, которому он даровал титул короля Рима, он просто хочет, чтобы корона Неаполя находилась в моих руках как залог. Он рассматривает Неаполь как будущую аннексию Римского королевства, к которому, как я предвижу, он стремится объединить всю Италию. Но пусть он не заводит меня слишком далеко, ибо я выступлю против него и одержу победу или погибну в попытке с мечом в руке".

У меня хватило благоразумия не сообщать Мурату, насколько верно он разгадал планы императора и его проекты в отношении Италии, но в отношении континентальной системы, которую, возможно, читатель будет склонен назвать моим великим конем-преследователем, я говорил о ней так же, как и с принцем Шведским, и я понял, что он был полностью расположен последовать моему совету, что в достаточной степени доказано опытом. Фактически именно континентальная система отделяла интересы Мурата от интересов императора и вынудила нового короля Неаполя заключить союзы между князьями, находившимися в состоянии войны с Францией. По этому поводу высказывались разные мнения; мое таково, что маршал империи был неправ, а король Неаполя прав.

Принцы и герцогини Империи должны простить меня за то, что я так часто называю их республиканскими именами. Маршалы придавали меньше значения своим дворянским титулам, чем герцоги и графы, выбранные из числа гражданских лиц. Из всех сынов Республики Реньо де Сен-Жан д'Анжели больше всего радовался тому, что стал графом, в то время как среди отцов Революции никто не мог относиться с большим презрением, чем Фуше, к своему титулу герцога Отранто; он поздравил себя с обладанием им только один раз, и это было после падения Империи.

Я выразил свою неприязнь к Фуше; и причина этого чувства заключалась в том, что я не мог выносить его систему превращения полиции в правительство внутри правительства. Он

покинул Париж до моего возвращения туда, но у меня часто был случай говорить об этой знаменитой личности с Савари, которого по указанной выше причине я не всегда называю герцогом де Ровиго. Савари лучше, чем кто-либо другой, знал ошибочность мер администрации Фуше, поскольку он был его преемником. Фуше, под предлогом поощрения литераторов, хотя и прекрасно понимал, что император настроен к ним враждебно, намеревался лишь вызвать к себе презрение, заставив их писать стихи по приказу. Было легко заметить, что Наполеон питал глубокую неприязнь к литераторам, хотя мы не должны делать вывод, что он хотел, чтобы публика знала об этой неприязни. Кроме того, те, кто посвятил свои перья его славе и его могуществу, были уверены, что будут приняты им с отличием. С другой стороны, как Карл Великий и Людовик XIV. отчасти великолепием их правления они были обязаны блеску, отраженному на них литературой, и он хотел казаться покровителем авторов при условии, что они никогда не обсуждали вопросы, касающиеся философии, независимости человечества, гражданских и политических прав. Что касается людей науки, то дело обстоит совершенно иначе; их он по-настоящему ценил; но литераторы, в собственном смысле этого слова, рассматривались им всего лишь как веточка в его императорской короне.

Женитьба императора на эрцгерцогине Австрийской заставила всех придворных поэтов взяться за дело, и в этом состязании восхвалений и лести следует признать, что ложные боги были побеждены истинным Богом; ибо, несмотря на свои пышные стихи, ни один из учеников Аполлона не мог превзойти экстравагантностью епископов в их пастырских посланиях. В то время, когда так много людей стремились привлечь к себе внимание, в общественном сознании все еще существовало чувство уважения к людям выдающегося таланта, которые оставались независимыми среди всеобщей коррупции; таков был г-н Лемерсье, таков был г-н де Шатобриан. Я был в Париже весной 1811 года, в период смерти Шенье, когда многочисленные друзья, которыми Шатобриан обладал во втором классе Института, смотрели на него как на преемника Шенье. Это был не просто литературный вопрос, и не только из-за высокой литературной репутации, которой уже обладал г-н де Шатобриан, но и из-за воспоминаний о его благородном поведении в период смерти герцога Энгиенского, которые были еще свежи в памяти каждого; и, кроме того, ни один человек не мог не знать о неизмеримой разнице во взглядах между Шенье и г-ном де Шатобрианом.

М. де Шатобриан получил подавляющее большинство голосов и был избран членом Института. Это открыло широкое поле для догадок в Париже. Всем не терпелось увидеть, как автор "Христианского гения", верный защитник бурбонов, воспользуется своим красноречием, чтобы произнести хвалебную речь цареубийце. Подошло время приема нового члена Института, но в своей речи, копии которой были распространены в Париже, он осмелился упомянуть о смерти Людовика XVI и возвысить свой голос против цареубийц. Это не вызвало неудовольствия Наполеона; но г-н де Шатобриан также исповедовал веру в пользу свободы, которая, по его словам, нашла убежище среди литераторов, когда была изгнана из политического тела. Это было большой смелостью для того времени, ибо, хотя Бонапарт тайне радовался, видя, как судьи Людовика XVI бичевались героическим пером, все же эти люди занимали самые высокие посты в правительстве. Камбасерес занимал второе место в Империи, хотя и на большом расстоянии от первого; Мерлен де Дуэ также был у власти; и известно, сколько свободы было подавлено и скрыто под ослепительной иллюзией того, что называется славой. Была назначена комиссия для изучения рассуждений Шатобриана. Мсье Сюар, де Сегюр, де Фонтанес и два или три других члена того же класса Института, имен которых я не могу вспомнить, придерживались мнения, что дискурс следует прочитать; но большинство высказалось против.

Когда Наполеону доложили о случившемся, он потребовал показать адрес, который представил ему г-н Дарю. Прочитав его, он воскликнул: "Если бы эта речь была произнесена, я бы закрыл ворота Института и бросил господина де Шатобриана в темницу на всю жизнь". Буря бушевала долго; наконец были испробованы средства примирения. Император потребовал, чтобы г-н де Шатобриан подготовил еще одну речь, которую последний отказался сделать, несмотря на все угрозы. Мадам Гэй обратилась к мадам Реньо де Сен-Жан д'Анжели, которая заинтересовала ее мужа в пользу автора "Христианского гения". Г-н де Монталиве и Савари также действовали в этом случае самым похвальным образом и преуспели в усмирении первых вспышек гнева императора. Но имя Шатобриана постоянно напоминало об обстоятельствах, побудивших его подать в отставку; и, кроме того, у Наполеона была на него еще одна жалоба. Он опубликовал в "Мерсере" статью о творчестве месье Александра де Лаборда. В этой статье, которую с жадностью прочитали в Париже и которая вызвала подавление "Мерсейра", была произнесена знаменитая фраза, которую с тех пор так часто повторяют: "Напрасно торжествует Нерон: Тацит уже родился в его Империи". Эта цитата заставляет меня повторить наблюдение, которое, я полагаю, я уже делал, а именно. сравнивать Бонапарта с Нероном - явное заблуждение. Амбиции Наполеона могли заслонять его видение политических преступлений, но в частной жизни ни один человек не мог проявить меньшей склонности к жестокости или кровопролитию. Доказательством того, что он был мало похож на Нерона, является то, что его гнев против автора статьи, о которой идет речь, выразился в простых словах. "Как! - воскликнул он. - неужели Шатобриан считает меня дураком и что я не понимаю, что он имеет в виду? Если он и дальше будет так поступать, я прикажу заколоть его саблей на ступенях Тюильри. Этот язык весьма характерен для Бонапарта, но он был произнесен в первом порыве его гнева. Наполеон просто угрожал, но Нерон исполнил бы свою угрозу; и в таком случае, несомненно, есть некоторая разница между словами и делами.

Речь г-на де Шатобриана возродила былую вражду Наполеона к нему; он получил приказ покинуть Париж: г-н Дарю вернул ему рукопись своей речи, которая была прочитана Бонапартом, который зачеркнул карандашом некоторые отрывки. Мы можем быть уверены, что фраза о свободе не была одной из тех, которые пощадил императорский карандаш. Как бы то ни было, письменные копии были распространены с измененным и сокращенным текстом; и мне даже сказали, что появилось печатное издание, но я никогда не видел никаких копий; и поскольку я не нахожу дискурса в работах М. де Шатобриана, у меня есть основания полагать, что автор еще не пожелал его опубликовать.

Таковы были основные обстоятельства, связанные с назначением Шатобриана в Институт. Я не буду рассказывать о некоторых других событиях, произошедших в предыдущий раз, а именно. об избрании старого и достойного гостя в Мальмезоне, господина Лемерсье, и который послужит доказательством одной из тех странных непоследовательностей, которые так часто встречаются в характере Наполеона.

После основания империи господин Лемерсье перестал появляться в Тюильри, Сен-Клу или Мальмезоне, хотя его часто видели в салонах мадам Бонапарт, когда она еще не надеялась стать королевой. Сразу два места были вакантны во втором классе Института, где все еще оставалась партия, выступающая за свободу. Эта партия, посчитав невозможным повлиять на выдвижение обоих членов, удовлетворилась назначением одного из них, поскольку взаимным условием в обмен на поддержку кандидата от правительства было то, что правительственная партия не должна выступать против выбора либералов. Либеральная партия выбрала М. Лемерсье, но поскольку они знали, что его прежняя связь с Бонапартом была разорвана, они хотели сначала убедиться, что он ничего не сделает, чтобы повлиять на

их выбор. Шенье был уполномочен осведомиться, откажется ли г-н Лемерсье сопровождать их в Тюильри, когда они отправятся туда всем скопом, и будет ли он после своего избрания соблюдать обычную церемонию представления императору. Г-н Лемерсье ответил, что он не сделает ничего, противоречащего обычаям организации, к которой он может принадлежать: соответственно, он был избран. Кандидатом от правительства был месье Эсменар, который также был избран. Два новых члена были представлены императору в тот же день. По этому случаю в салоне присутствовало более 400 человек, от одного из которых я получил эти подробности. Когда император увидел г-на Лемерсье, к которому он долгое время притворялся большим другом, он сказал ему добрым тоном: "Ну что ж, Лемерсье, теперь ты назначен". Лемерсье почтительно поклонился императору, но не произнес ни слова в ответ. Наполеон был оскорблен этим молчанием, но, ничего больше не сказав Лемерсье, он повернулся к Эсменару, члену парламента, который должен был быть для него наиболее приемлемым, и обрушил на него всю тяжесть своего негодования в столь же бесчувственной и несправедливой манере. - Ну что, Эсменар, - сказал он, - ты все еще занимаешь свое место в полиции? Эти слова были произнесены так громко, что их услышали все присутствующие; и, несомненно, именно эта жестокая и двусмысленная речь дала врагам Эсменара в руки оружие, чтобы подорвать его репутацию человека чести и придать позорный вид тем функциям, которые он выполнял с таким рвением и способностями.

Когда в начале 1811 года я покинул Париж, я перестал обманываться относительно блестящей карьеры, которая, казалось, открывалась передо мной во время консульства. Я ясно осознал, что, поскольку Бонапарт, вместо того чтобы принять меня, как я ожидал, вообще отказался меня видеть, клевета моих врагов восторжествовала, и мне нечего было надеяться на абсолютного правителя, чья прошлая несправедливость сделала его еще более несправедливым. Теперь у него было то, чего он так долго и страстно желал, — собственный сын, наследник его имени, его власти и его трона. Я должен воспользоваться этой возможностью и заявить, что злонамеренные и позорные слухи, распространявшиеся за границей относительно рождения римского короля, были совершенно беспочвенны. Мой друг Корвизар, который ни на мгновение не отходил от Марии Луизы во время ее долгих и мучительных родов, развеял все мои сомнения на этот счет. То, что юный принц, покровителем которого у купели был император Австрии, был сыном Наполеона и эрцгерцогини Марии Луизы, столь же верно, как и то, что Бонапарт был отцом первенца Гортензии. Рождение сына Наполеона было встречено со всеобщим энтузиазмом. Император находился на пике своего могущества с момента рождения сына до перелома, который он пережил после битвы при Москве. Империя, включая государства, принадлежащие императорской семье, насчитывала почти 57 000 000 жителей; но быстро приближался период, когда эта держава, не имеющая аналогов в современности, должна была рухнуть под собственной тяжестью.

—[Маленький король Рима, Наполеон Фрэнсис Бонапарт, родился 20 марта 1811 года. Редактор издания 1836 года.]—

ГЛАВА XXVI.

Мое возвращение в Гамбург—Учрежденный там правительственный комитет— История графа де Шабана—Недопонимание Наполеона с папой—Кардинал Феш—Созыв Собора—Заявление, требуемое от епископов—Испания в 1811 году—Неизбежность войны с Россией—Лористон заменяет Коленкура в Санкт—Петербурге—Пренебрежение войной в Испании—Войска всех наций в распоряжении Бонапарта—Набор Национальной гвардии—Договоры с Пруссией и Австрией—Возобновление капитуляции со Швейцарией—Интриги с Чернышевым—Нападения моих врагов—Мемориал императору —Ожье де ла Соссе и таинственная шкатулка—Переезд папы в Фонтенбло—Анекдот Его Святейшества и месье Денона—Отъезд Наполеона и Марии Луизы в Дрезден—Положение дел в Испании и Португалии—Отчет Раппа о поездке императора в Данциг— Взаимное желание войны со стороны Наполеона и Александра —Швеция и Турция—Тщетная попытка Наполеона разорвать союз Швеции с Россией.

Поскольку я проявлял живейший интерес ко всему, что касалось ганзейских городов, моей первой заботой по возвращении в Гамбург было собрать из самых уважаемых источников информацию о влиятельных членах нового правительства. Во главе ее стоял Даву. По прибытии он учредил в герцогстве Мекленбург, в шведской Померании и в Штральзунде, столице этой провинции, военные посты и таможни, и это во время глубокого мира с этими странами и без каких-либо предварительных заявлений. Всемогущество Наполеона и ужас, внушаемый именем Даву, преодолели все препятствия, которые могли бы воспрепятствовать этим незаконным узурпациям. Слабые были вынуждены уступить сильным.

В Гамбурге был сформирован Правительственный комитет, состоящий из принца Экмюля в качестве президента, графа де Шабана, члена государственного совета, который руководил департаментами внутренних дел и финансов, и господина Фора, члена государственного совета, который был назначен формировать суды общей юрисдикции и регулировать их деятельность. Я иногда встречал месье де Шабана в Мальмезоне. Он был дальним родственником Жозефины и раньше служил офицером французской гвардии. Он был вынужден эмигрировать, подвергнувшись всевозможным преследованиям во время революции.

Г-н де Шабан был одним из первых эмигрантов, вернувшихся во Францию после 18 Брюмера. Сначала он был назначен супрефектом Вандома, но после объединения Тосканы с Францией Наполеон сделал его членом хунты, назначенной для регулирования дел Тосканы. Затем он стал префектом Кобленца и Брюсселя, был произведен Бонапартом в графы, а затем был избран членом правительственного комитета в Гамбурге. Г-н де Шабан был человеком честных принципов и выполнял свои различные функции так, что вызывал уважение и привязанность.

—[Я вспоминаю анекдот, который слишком хорошо описывает те катастрофические времена. Граф де Шабан, вынужденный пересечь Францию во время правления Террора, был вынужден переодеться. Соответственно, он запасся рабочей одеждой, телегой, лошадьми и грузом зерна. Таким образом, он путешествовал с места на место, пока не достиг границ. Он остановился в Рошамбо, в Вандоме, где его узнал маршал де Рошамбо, который, чтобы не вызвать никаких подозрений у своих слуг, обращался с ним так, как будто он действительно был возчиком, и сказал ему: "Вы можете пообедать на кухне". — Бурьен.]—

Ганзейские города, объединившиеся в Великую империю якобы ради своего благополучия, вскоре ощутили на себе благословения новой организации возрождающегося правительства. Им сразу же представили гербовый сбор, регистрацию, лотерею, права воссоединения, налог на карточки и "октрой". Эта щедрость подарков вызвала, как мы можем быть уверены, самую живую благодарность; был введен налог на военные квартиры и на военные припасы, но это никого не избавило от необходимости содержать не только офицеров и солдат, но даже всех начальников администрации и их чиновников, расквартированных на них: Нефтеперерабатывающие заводы, пивоварни и всевозможные мануфактуры были подавлены. Денежные сундуки Адмиралтейства, домов призрения, мануфактур, сберегательных касс, рабочих, фонды тюрем, пособия, предназначенные для немощных, сундуки приютов, сиротских приютов и больниц - все было конфисковано.

Более 200 000 человек, итальянских, голландских и французских солдат, по очереди останавливались там, но только для того, чтобы их одели и обули; а затем они уходили, переодетые с головы до ног. Чтобы ничего не оставалось желать лучшего, Даву с 1812 года учредил военные комиссии во всех тридцать вторых. военная дивизия, прежде чем он вступил в русскую кампанию. Для завершения этих репрессивных мер он одновременно учредил Высший таможенный суд. Именно в это время мсье Юд, начальник обычной таможни, строгий, но справедливый человек, сказал, что о правлении обычной таможни придется пожалеть, "ибо до сих пор вы питались только розами..." Заявленные решения этого суда были исполнены без апелляции и без промедления. Из того, что я только что сказал, можно судить о ситуации и нищете севера Германии и вытекающем из этого недовольстве.

Во время моего пребывания в Гамбурге, которое в данном случае было не очень долгим, внимание Наполеона было особенно приковано к португальской кампании и его беседам с папой римским. В этот период грозы Рима не были очень тревожными. Но меры предосторожности были приняты, чтобы сохранить в секрете отлучение, которое Пием VII. высказались против Наполеона. Однако об этом событии стало известно, и среди духовенства, и особенно среди фанатиков, быстро поднялась партия в пользу папы. Наполеон направил в Савону архиепископов Нанта, Буржа, Трева и Тура, чтобы попытаться добиться примирения с Его Святейшеством. Но все их усилия оказались тщетными, и, пробыв месяц в Савоне, они вернулись в Париж, так ничего и не предприняв. Но Наполеона не обескуражило это первое разочарование, и вскоре после этого он отправил вторую депутацию, которую постигла та же участь, что и первую. Кардинал Феш, дядя Наполеона, принял участие вместе с папой. За этот факт я могу поручиться, хотя и не могу поручиться за ответ, который, как говорят, он дал императору. Мне сообщили, что однажды, когда Наполеон разговаривал со своим дядей об упрямстве папы римского, кардинал сделал ему несколько замечаний по поводу его (Бонапарта) поведения по отношению к Святому Отцу, на что Наполеон пришел в ярость и сказал, что папа и он - два старых дурака. "Что касается папы, - сказал он, - то он слишком упрям, чтобы что-либо слушать. Нет, я твердо решил, что он никогда больше не получит Рим. ... Он не останется в Савоне, и куда, по его мнению, я должен отправить его?" — "Возможно, на Небеса", - ответил кардинал.

Правда в том, что император был сильно раздражен против Пия VII. С беспокойством наблюдая за различиями и трудностями, к которым привели все эти разногласия, он стремился положить им конец. Поскольку папа не желал слушать никаких обращенных к нему предложений, Наполеон созвал Собор, который собрался в Париже и на котором присутствовали несколько итальянских епископов. Папа настаивал на том, что мирские и духовные интересы должны обсуждаться вместе; и, как бы ни были склонны некоторые

прелаты, особенно итальянцы, разделять эти два предмета обсуждения, все же влияние Церкви и хорошо продуманные интриги постепенно перевесили желания папы. Император, обнаружив, что несколько епископов и архиепископий, имевших места в Совете, вели секретную переписку, решил избавиться от некоторых из них, и епископы Гента, Труа, Турне и Тулузы были арестованы и отправлены в Венсен. Они были вытеснены другими. Он хотел распустить Совет, который, как он видел, не продвигался к цели, которую он имел в виду, и, опасаясь, что Совет может принять какой-нибудь акт, противоречащий его высшему желанию, от каждого члена Совета в индивидуальном порядке потребовали сделать заявление о том, что предлагаемые изменения соответствуют законам Церкви. В то время было сказано, что они были единодушны в этом индивидуальном заявлении, хотя несомненно, что на заседаниях Совета мнения разделились. Я не знаю, что Его Святейшество думал об этих письменных мнениях по сравнению с высказанными устно, но уверен, что, хотя он все еще находится в плену в Савоне, он отказался придерживаться уступок, предоставленных в секретных декларациях.

Конфликты, происходившие в Испании в 1811 году, не привели к каким-либо решающим результатам. Некоторые блестящие события, действительно, засвидетельствовали мужество наших войск и мастерство наших генералов. Таковы были битва при Альбуфере и взятие Таррагоны, в то время как Веллингтону пришлось снять осаду Бадахоса. Эти преимущества, сопровождавшиеся только славой, воодушевили Наполеона в надежде одержать победу на полуострове и позволили ему насладиться блестящими празднествами, которые устраивались в Париже в честь рождения римского короля.

Вернувшись из путешествия по Голландии в конце октября, Наполеон ясно увидел, что разрыв с Россией неизбежен. Напрасно он отправил Лористона послом в Санкт-Петербург, чтобы заменить Коленкура, который больше не хотел там оставаться: все дипломатические умения в мире ничего не могли сделать с могущественным правительством, которое уже сформировало свою решимость. Все кабинеты министров в Европе были теперь единодушны в желании свержения власти Наполеона, и народ не менее горячо желал менее пагубного для его торговли и промышленности порядка вещей. В том состоянии, до которого была доведена Европа, никто не мог противодействовать желанию России и ее союзников вступить в войну с Францией — Лористон не больше, чем Коленкур.

Война, к которой Наполеон теперь был вынужден готовиться, вынудила его пренебречь Испанией и оставить свои интересы в этой стране в состоянии реальной опасности. Действительно, его оккупация Испании и его хорошо известное желание сохранить себя там были дополнительными мотивами для того, чтобы побудить европейские державы вступить в войну, которая неизбежно разделила бы силы Наполеона. Внезапно войска, находившиеся в Италии и на севере Германии, двинулись к границам Российской империи. С марта 1811 года в распоряжении императора были все вооруженные силы Европы. Было любопытно наблюдать за этим союзом наций, отличающимся различием нравов,

—[Следует отметить, что Наполеон был далек от того, чтобы стремиться к войне с Россией. Меттерних в письме от 26 марта 1811 года говорит: "Все, кажется, указывает на то, что император Наполеон в настоящее время все еще далек от желания войны с Россией. Но не менее верно и то, что император Александр отдал себя "волей-неволей" партии войны и что он вызовет войну, потому что приближается время, когда он больше не сможет противостоять реакции партии во внутренних делах своей империи или настрою своей армии. Соперничество между графом Романцевым и партией, выступающей против этого министра, похоже, вот-вот приведет к войне между Россией и Францией". Это, по словам Меттерниха, является убедительным доказательством.]—

язык, религия и интересы - все готовы сражаться за одного человека против власти, которая не сделала ничего, что могло бы их оскорбить. Сама Пруссия, хотя и не могла простить обид, которые он ей нанес, присоединилась к его союзу, но с намерением разорвать его при первой возможности. Когда впервые заговорили о войне с Россией, мы с Савари часто беседовали на эту тему. Я сообщал ему все разведанные, которые я получал из-за границы относительно этого масштабного предприятия. Герцог де Ровиго разделял все мои дурные предчувствия, и если бы к нему и тем, кто думал подобно ему, прислушались, войны, вероятно, удалось бы избежать. Через него я узнал, кто были те люди, которые призывали к вторжению. Страстное честолюбие, с которым они мечтали о вице-королевствах, герцогствах и дарованиях, ослепило их от возможности увидеть казаков в Париже.

Поскольку было решено осуществить гигантское предприятие, были проведены обширные приготовления для его осуществления. Перед своим отъездом Наполеон, который должен был взять с собой все свободные войска, распорядился издать "Senatus-consulte" для набора Национальной гвардии, которая была разделена на три корпуса. Он также уладил свои дипломатические дела, заключив в феврале 1812 года союзный договор, наступательный и оборонительный, с Пруссией, в силу которого две договаривающиеся державы взаимно гарантировали целостность своих собственных владений и европейских владений Османской Порты, поскольку эта держава в то время находилась в состоянии войны с Россией. Аналогичный договор был заключен примерно в начале марта с Австрией, а примерно в конце того же месяца Наполеон возобновил капитуляцию Франции и Швейцарии. Наконец, в апреле месяце появилось очевидное доказательство успеха, сопутствовавшего интригам г-на Чернищева в Париже. Было установлено, что клерк военного министерства по имени Мишель сообщил ему о положении французских войск в Германии. Мишель был приговорен к смерти, ибо прошло то время, когда Бонапарт, уверенный в своем гении и удаче, мог сообщить о своих планах шпиону генерала Меласа.

В марте 1812 года, когда я увидел, что приближающаяся война неизбежно уведет Наполеона из Франции, устав от преследований и даже угроз, которым я подвергался каждый день, я направил императору памятную записку, объясняющую мое поведение и показывающую безрассудство и злобу моих обвинителей. Среди них был некий Ожье де ла Соссе, который направил императору донесение, в котором основное обвинение состояло в том, что я унес шкатулку с важными бумагами, принадлежащими Первому консулу. Обвинение Ожье де ла Соссе заканчивалось так: "Я добавляю к своему отчету допросы мм. Вестфален, Оси, Шапо Руж, Аукшер, Тьерри и Гумпрехт-Морес. Свидетельство последнего касается главным образом некоего таинственного ящика, тайны, на которую невозможно пролить свет, но в реальность которой мы обязаны верить ". Это его слова. История с таинственной шкатулкой уже объяснялась. Я уже сообщил читателю, что положил свои бумаги в шкатулку, которую спрятал, чтобы ее у меня не украли. Если бы не эта предосторожность, я не смог бы представить читателю документы с автографами, находящиеся в моем распоряжении и которые, как я полагаю, составляют наиболее существенную часть этих томов. В моем памятном письме императору я сказал, ссылаясь на процитированный выше отрывок: "Это, сир, самая ужасная часть доклада Ожье.

"Гампрехт, которого допрашивают по этому поводу, отвечает, что обвинитель, вероятно, так же, как и он сам, видел обстоятельства, упомянутые в печально известной брошюре, появившейся семь или восемь лет назад. По-моему, она была озаглавлена "Секрет кабинета министров Тюильри" и, весьма вероятно, в момент своего появления была разоблачена полицией. В этой клевете, среди тысячи других клеветнических измышлений, столь же

ложных и абсурдных, утверждается, "что, уходя от Первого консула, я унес с собой коробку, полную важных бумаг, что в результате меня отправили в Тампль, где ваш брат Жозеф пришел ко мне и предложил мне мое освобождение и миллион франков, если я верну бумаги, что я отказался сделать" и т.д. Ожье, вместо того чтобы искать эту клевету в Гамбурге, где я ее прочитал, имеет наглость приписать обвинение, истинность которого можно было бы установить немедленно: и он добавляет: "Этой тайне мы обязаны верить". Вашему величеству известно, был ли я когда-либо в Тампле и делал ли мне Джозеф когда-либо подобное предложение". Я умолял императора оказать мне милость и предать меня суду; ибо, конечно, я должен был расценить это как одолжение, а не оставаться таким, каким я был, подвергаясь туманным обвинениям; но все мои просьбы были напрасны. Мое письмо императору осталось без ответа; но хотя Бонапарт не мог уделить несколько минут, чтобы ответить старому другу, я узнал от Дюрока, с каким презрением он относился к моим обвинителям. Дюрок посоветовал мне не беспокоиться и что, по всей вероятности, предубеждения императора против меня будут быстро преодолены; и я должен сказать, что если они не будут преодолены, то это не вина ни Дюрока, ни Савари, которые знали, как правильно оценить жалкие интриги, о которых только что говорилось.

Наполеон, наконец, был полон решимости расширить пределы своей империи или, скорее, отомстить за ущерб, нанесенный Россией его континентальной системе. Однако перед его отъездом в Германию решительный отказ папы подчиниться какому-либо соглашению срочно потребовал его рассмотрения. Савона не показалась ему достаточно безопасным местом жительства для такого заключенного. Он опасался, что, когда все его силы будут отведены к Неману, англичане могут свергнуть папу римского или что итальянцы, возбужденные духовенством, недовольство которого было всеобщим в Италии, поднимут те религиозные разногласия, которые всегда фатальны и которые трудно подавить. Поэтому, стремясь удержать папу под своим контролем, он перевез его в Фонтенбло и даже одно время подумывал перевезти его в Париж.

Император назначил г-на Денона резидентом папы римского в Фонтенбло; и предоставление своему прославленному пленнику общества такого человека, несомненно, было деликатным знаком внимания со стороны Наполеона. Говоря о своей резиденции у Пия VII, М. Денон рассказал мне следующий анекдот. "Папа, - сказал он, - был очень привязан ко мне. Он всегда обращался ко мне по имени "сын мой" и любил беседовать со мной, особенно на тему египетской экспедиции. Однажды он попросил у меня мою работу о Египте, которую, по его словам, он хотел бы прочитать; и поскольку вы знаете, что она не совсем ортодоксальна и не совсем согласуется с сотворением мира согласно Книге Бытия, я сначала колебался; но папа настаивал, и в конце концов я выполнил его желание. Святой Отец заверил меня, что прочтение этой книги вызвало у него большой интерес. Я сделал некоторый намек на деликатные моменты, на что он сказал: "Неважно, неважно, сын мой; все это чрезвычайно любопытно и, должен признаться, совершенно ново для меня". Затем я, - продолжал мсье Денон, - рассказал Его Святейшеству, почему я не решался одолжить ему работу, которую, как я заметил, он отлучил от церкви вместе с ее автором. - Отлучил тебя от церкви, сын мой? - повторил папа тоном нежной озабоченности. "Я очень сожалею об этом и уверяю вас, что был далек от того, чтобы знать о чем-либо подобном".

Когда г-н Денон рассказал мне этот анекдот, он сказал мне, как сильно он восхищался добродетелями и смирением Святого Отца; но он добавил, что, тем не менее, было бы легче сделать из него мученика, чем заставить его уступить по какому-либо пункту, пока он не будет восстановлен под светской властью Рима, хранителем которой он считал себя и которой он не потерпит упреков в том, что добровольно пожертвовал. Определившись с местом

пребывания папы римского, Наполеон отправился в Дрезден в сопровождении Марии Луизы, которая выразила желание повидаться со своим отцом.

Русское предприятие, возможно, самое гигантское, какое когда-либо задумывал человеческий гений со времен завоевания Индии Александром, теперь привлекло всеобщее внимание и бросало вызов расчетам разума. Мансанарес был забыт, и ни о чем не думали, кроме Немана, уже столь прославленного тильзитским флотом. Туда, как к общему центру, двигались люди, лошади, провизия и багаж всякого рода со всех концов Европы. Надежды наших генералов и опасения всех благоразумных людей были обращены к России. Война в Испании, которая становилась все более и более неудачной, возбуждала лишь слабый интерес, и наши самые выдающиеся офицеры считали позором отправку на полуостров. Короче говоря, нетрудно было предвидеть, что недалек тот период, когда французам придется снова переходить Пиренеи. Хотя правда по многим вопросам была скрыта от императора, все же он не был обманут относительно положения Испании весной 1812 года. В феврале герцог Рагузский откровенно сообщил ему, что армии Испании и Португалии не могут без значительного подкрепления людьми и деньгами надеяться на какие-либо важные преимущества, поскольку Сьюдад-Родриго и Бадахос перешли в руки англичан.

Прежде чем начать свои великие операции на Немане и Волге, Наполеон совершил поездку в Данциг, и Рапп, который в то время был губернатором этого города, сообщил мне некоторые любопытные подробности, связанные с императорским визитом. Дело в том, что если бы к совету Раппа прислушались и его поддержали люди более высокого ранга, чем он сам, Бонапарт не рисковал бы шансами на русскую войну до тех пор, пока эти шансы не обернулись против него. Рассказывая мне о русских, Рапп сказал: "Скоро они станут такими же мудрыми, как мы! Каждый раз, когда мы вступаем с ними в войну, мы учим их, как победить нас". Я был поражен оригинальностью и правдивостью этого наблюдения, которое в то время, когда я услышал его, было новым, хотя с тех пор его часто повторяли.

"Покинув Дрезден, - сказал мне Рапп, - Наполеон приехал в Данциг. Я ожидал разноса, потому что, по правде говоря, я очень бесцеремонно обошелся и с его таможеней, и с ее офицерами, которые подняли столько врагов Франции, сколько жителей было в моем правительстве. Я также предупреждал его обо всем, что с тех пор произошло в России, но, уверяю вас, я не считал себя таким уж хорошим пророком. В начале 1812 года я написал ему следующее: "Если ваше величество столкнется с трудностями, вы можете быть уверены, что и русские, и немцы массово восстанут, чтобы сбросить иго. Начнется крестовый поход, и все ваши союзники покинут вас. Даже король Баварии, на которого вы так уверенно полагаетесь, присоединится к коалиции. Я исключая только короля Саксонии. Он, возможно, остался бы верен вам, но его подданные вынудят его объединиться с вашими врагами. Король Неаполя, - продолжал Рапп, - командовавший кавалерией, побывал в Данциге раньше императора. Похоже, он относился к приближающейся кампании не более благосклонно, чем я. Мюрат был недоволен тем, что император не согласился, чтобы он присоединился к нему в Дрездене; и он сказал, что предпочел бы быть капитаном гренадер, чем королем, каким он был".

Здесь я прервал Раппа, чтобы рассказать ему, что произошло с Мюратом, когда я встретил его на Елисейских полях. "Ба! - продолжал Рапп. - Мюрат, каким бы храбрым он ни был, был трусом в присутствии Наполеона! По прибытии императора в Данциг первое, о чем он заговорил со мной, был союз, который он только что заключил с Пруссией и Австрией. Я не мог удержаться, чтобы не сказать ему, что мы причинили много вреда как союзники; в этом я был уверен из ежедневно передаваемых мне отчетов о поведении наших войск. Бонапарт бросил вызов, как вы знаете, у него была привычка делать, когда он был недоволен. После

минутного молчания, отбросив привычные слова "ты" и "ты", он сказал: "Господин генерал, это поток, которому нужно дать иссякнуть. Долго это не продлится. Сначала я должен выяснить, действительно ли Александр желает войны. Затем, внезапно меняя тему разговора, он сказал: "Не замечали ли вы в последнее время в Мюрате чего-то необычного? Я думаю, что он совершенно изменился. Он болен?" — "Сир, - ответил я, - Мюрат не болен, но он не в духе". — "Не в духе! но почему? Он недоволен тем, что он король?" — "Сир, Мюрат говорит, что он не король". — "Это его собственная вина. Почему он называет себя неаполитанцем? Почему он не француз? Когда он в своем Королевстве, он совершает всевозможные безумства. Он благоприятствует торговле Англии; этого я не потерплю.

"Когда, - продолжал Рапп, - он заговорил о благосклонности Мюрата к торговле между Неаполем и Англией, я подумал, что следующим придет мой черед; но я был обманут. Больше на эту тему не было сказано ни слова, и когда я собрался уходить, император сказал мне, как всегда в лучшем расположении духа: "Рапп, ты поужинаешь со мной сегодня вечером". Соответственно, в тот вечер я ужинал с императором, который также пригласил короля Неаполя и Бертье. На следующий день император посетил крепость, а затем вернулся во Дворец правительства, где принял представителей гражданских и военных властей. Он снова пригласил Мюрата, Бертье и меня на ужин. Когда мы впервые сели за стол, нам всем было очень скучно, потому что император хранил молчание; и, как вы хорошо знаете, при таких обстоятельствах даже сам Мюрат не осмеливался первым заговорить с ним. Наконец Наполеон, обратившись ко мне, спросил, далеко ли от Кадиса до Данцига. "Слишком далеко, сир", - ответил я. "Я понимаю вас, господин генерал, но через несколько месяцев расстояние будет еще больше". — "Тем хуже, сир!" Тут последовала еще одна пауза. Ни Мюрат, ни Бертье, на которых император устремил испытующий взгляд, не произнесли ни слова, и Наполеон снова нарушил молчание, но, не обращая ни к кому из нас в частности: "Господа, - сказал он торжественно и довольно тихо, - я ясно вижу, что никто из вас не расположен снова сражаться. Король Неаполя не желает покидать прекрасный климат своих владений, Бертье желает развлечься охотой в своем поместье Гро-Буа, а Раппу не терпится вернуться в свой отель в Париже. "Вы поверите, - продолжал Рапп, - что ни Мюрат, ни Бертье не сказали в ответ ни слова? и мяч снова прилетел ко мне. Я откровенно сказал ему, что то, что он сказал, было совершенной правдой, и король Неаполя и принц Невшатель похвалили меня за мой дух и заметили, что я был совершенно прав, говоря то, что делал. "Ну, - сказал я, - раз это было так правильно, почему вы не последовали моему примеру и не предоставили мне сказать все?" Вы не можете себе представить, - добавил Рапп, - насколько они оба были сбиты с толку, и особенно Мюрат, хотя он находился в совершенно ином положении, чем Бертье".

Переговоры, которые Бонапарт начал с Александром, когда он еще хотел казаться неприятием войны, напоминали те ораторские пересказы, которые не мешают нам прийти к желаемому выводу. Два императора в равной степени желали войны; один с целью укрепления своей власти, а другой в надежде освободиться от ига, которое угрожало низвести его до состояния вассалитета, ибо было немногим меньше этого, чтобы потребовать от такой державы, как Россия, закрыть свои порты против Англии только ради того, чтобы поддержать интересы Франции. В то время только две европейские державы не были связаны судьбой Наполеона — Швеция и Турция. Наполеон стремился заручиться союзом этих двух держав. Что касается Швеции, то его усилия были тщетны; и хотя на самом деле Турция тогда находилась в состоянии войны с Россией, все же великий сеньор теперь не находился, как во время посольства Себастьяни, под влиянием Франции.

Мир, который вскоре был заключен в Бухаресте между Россией и Турцией, усилил замешательство Наполеона. Левый фланг русской армии, обеспеченный нейтралитетом Турции, был усилен корпусом Багратиона из Молдавии: впоследствии он занял правый берег Березины и уничтожил последнюю надежду на спасение разбитой французской армии. Трудно представить, как Турция могла допустить, чтобы соображения об ущербе, который она получила от Франции, побудили ее прекратить войну с Россией, когда Франция атаковала эту державу огромными силами. У турок никогда не было более справедливой возможности отомстить России, и, к несчастью для Наполеона, они воспользовались ею, чтобы спастись бегством.

Наполеон не добился большего успеха, когда искал союза с принцем, чье состояние он сколотил и который был связан с его семьей, но с которым у него никогда не было хорошего взаимопонимания. Император Александр располагал значительным корпусом войск в Финляндии, предназначенным для защиты этой страны от Швеции, поскольку Наполеон согласился на эту оккупацию, чтобы получить временное согласие Александра на вторжение в Испанию. Какого курса придерживался Наполеон, когда, находясь в состоянии войны с Россией, он хотел оторвать Швецию от ее союза с Александром? Он намекнул Бернадотту, что у него есть верная возможность вернуть Финляндию, завоевание, которое доставит удовольствие его подданным и завоюет их привязанность к нему. Этим союзом Наполеон хотел заставить Александра не выводить войска, находившиеся на севере его империи, а скорее увеличить их численность, чтобы прикрыть Финляндию и Санкт-Петербург. Таким образом, Наполеон пытался вовлечь королевского принца в свою коалицию. Для Наполеона не имело большого значения, преуспел Бернадотт или нет. Император Александр, тем не менее, был бы вынужден увеличить свои силы в Финляндии; это было все, чего желал Наполеон. В гигантской борьбе, в которую Франция и Россия собирались вступить, нельзя было пренебрегать самым незначительным союзом. В январе 1812 года Даву вторгся в шведскую Померанию без какого-либо объявления войны и без каких-либо видимых мотивов. Могло ли это немыслимое нарушение границ склонить шведского королевского принца к предложенному союзу, даже если бы этот союз не противоречил интересам его страны? Это было невозможно; и Бернадотт принял ту роль, которую от него ожидали. Он отверг предложения Наполеона и приготовился к грядущим событиям.

Император Александр пожелал вывести свои войска из Финляндии с целью более эффективного противодействия огромной армии, угрожавшей его государствам. Не желая подвергать Финляндию нападению со стороны Швеции, 28 августа 1812 года он встретился в Або с королевским принцем, чтобы договориться с ним об объединении их интересов. Я знаю, что император России поклялся, что бы ни случилось, защитить Бернадотта от участи новых династий, гарантировать владение его троном и пообещал, что получит Норвегию в качестве компенсации за Финляндию. Он даже зашел так далеко, что намекнул, что Бернадот может заменить Наполеона. Бернадот принял все предложения Александра, и с этого момента Швеция объединила усилия против Наполеона. Поведение королевского принца подвергалось многочисленным обвинениям, но этот вопрос сам собой разрешился, вызвав чисто политический интерес. Мог ли Бернадотт, усыновленный швед, предпочесть союз амбициозного монарха, мести которого он должен был опасаться и который санкционировал захват Финляндии, союзу с могущественным монархом, его грозным соседом, его защитником в Швеции, где враждебность могла эффективно поддержать наследственные притязания юного Густава? Присоединившись к Франции, Швеция тем самым объявила бы себя врагом Англии. Где же тогда были бы ее флот, торговля и даже само существование?

ГЛАВА XXVII.

1812.

Изменчивость планов и мнений Бонапарта—Статьи для "Монитор", продиктованные Первым консулом—Протокол Шатийонского конгресса—Беседы с Даву в Гамбурге—Обещание вице—королевства Польши—Надежда и разочарование поляков—Влияние иллюзии на Бонапарта—Французы в Москве—Катастрофы отступления—Заговор Малле—Сведения о деле, сообщенные Наполеону в Смоленске—Обстоятельства, подробно описанные Раппом—Реальные мотивы возвращения Наполеона в Париж—Мюрат, Ней и Евгений—Способность итальянцев переносить холода—Усилия Наполеона возместить свои потери—Дезертирство генерала Йорка—Созыв Тайного совета—Война разрешена—Колебания папы Римского—Бесполезные переговоры с Веней—Мария Луиза назначена регентом.

Теперь, возможно, он спросил, принял ли Бонапарт решение о восстановлении независимости Польши перед началом последней кампании. Дело в том, что Бонапарт, как император, никогда не питал какого-либо явного желания восстановить старое Королевство Польское, хотя в предыдущий период он был сильно склонен к такому восстановлению, необходимость которого он чувствовал. Возможно, он сказал, что восстановит Королевство Польское, но я прошу разрешения сказать, что это не является основанием полагать, что он вынашивал какие-либо подобные планы. Он сказал и даже поклялся, что никогда не будет расширять территорию Империи! Изменчивость идей, планов и проектов Бонапарта затрудняет овладение ими; но их можно лучше всего понять, если учесть, что все планы и концепции Наполеона менялись в зависимости от его судьбы. Таким образом, не исключено, что когда-то он мог рассматривать восстановление Польши как важнейший элемент европейской политики, а впоследствии расценивать это как препятствие развитию своих амбиций. Кто осмелится угадать, что творилось у него в голове, когда он был ослеплен своей славой в Дрездене, и не рассматривал ли он в одном из своих снов Империю Ягеллонов как еще один драгоценный камень в императорской диадеме? Истина заключается в том, что Бонапарт, будучи главнокомандующим армией Египта и первым консулом, глубоко желал отомстить за расчленение Польши, и я часто беседовал с ним на эту интереснейшую тему, по которой мы полностью совпадали во мнении. Но времена и обстоятельства изменились с тех пор, как мы вместе гуляли по террасе Каира и взаимно сожалели о смерти молодого Сулковского. Если бы Сулковский был жив, благие намерения Наполеона в отношении Польши, возможно, подтвердились бы. Факт, который, на мой взгляд, объясняет прохладу, я бы даже сказал, безразличие Бонапарта к возрождению Польши, заключается в том, что начало консульства было периодом, когда эта мера особенно привлекала его внимание. Как часто он беседовал на эту тему со мной и другими людьми, которые, возможно, еще помнят его чувства! Это была тема, на которую он больше всего любил беседовать и на которую он говорил с чувством и энтузиазмом. В "Монитере" того периода, о котором здесь идет речь, я

мог бы указать более чем на одну статью без подписи или официального характера, которую Наполеон продиктовал мне, и включение которой в этот журнал, учитывая энергичность некоторых выражений, достаточно доказывает, что они могли исходить не от кого иного, как от Бонапарта. Эти статьи он обычно диктовал мне вечером. Затем, когда дневные дела были закончены, он устремлялся в будущее и давал простор своим обширным проектам. Некоторые из этих статей отличались столь малой умеренностью, что Первый консул очень часто уничтожал их утром, улыбаясь бурным волнениям предыдущей ночи. В других случаях я брал на себя смелость не отсылать их в "Монитор" в тот вечер, когда они были продиктованы, и, хотя он, возможно, искренне желал бы их вставить, я приводил веские или нехорошие причины, объясняющие задержку. Затем он перечитывал статью, о которой шла речь, и одобрял мое поведение; но иногда добавлял: "Тем не менее верно, что при независимом Королевстве Польском и 150 000 свободных войск на востоке Франции я всегда буду хозяином России, Пруссии и Австрии". — "Генерал, - отвечал я, - я полностью разделяю ваше мнение; но поэтому возбуждаю подозрения заинтересованных сторон. Предоставьте все времени и обстоятельствам".

Читателю, возможно, придется узнать, и, возможно, не без некоторого удивления, что в протоколе заседаний Шатийонского конгресса Наполеон выдвинул разграбление Польши тремя главными державами, объединившимися против него, как требование более выгодного мира и территориальных компенсаций для Франции. В политике он был прав, но грохот иностранных пушек был уже достаточно громким, чтобы заглушить лучшие аргументы.

После несвоевременного и бесполезного присоединения ганзейских городов к Франции я вернулся в Гамбург весной 1811 года, чтобы перевезти свою семью во Францию. Затем у меня состоялся небольшой разговор с Давустом. Однажды я сказал ему, что, если его надежды оправдаются и мои печальные предсказания относительно войны с Россией опровергнутся, я надеюсь увидеть восстановление Королевства Польского. Даву ответил, что это событие вполне вероятно, поскольку ему было обещано Наполеоном наместничество в этом королевстве, и поскольку нескольким его товарищам были обещаны старосты. Даву не делал из этого секрета, и об этом было известно всему Гамбургу и северу Германии.

Но, несмотря на то, что Даву сказал относительно. Намерений Наполеона, я считал, что эти обещания были скорее условными, чем позитивными.

По прибытии Наполеона в Польшу Варшавский сейм, уверенный, поскольку, казалось, были основания, в чувствах императора, провозгласил Королевство свободным и независимым. Различные договоры о расчленении были объявлены недействительными; и, конечно, сейм имел право так поступать, поскольку рассчитывал на его поддержку. Но обращение сейма к Наполеону, в котором были провозглашены эти принципы, было плохо воспринято. Его ответ был полон сомнений и нерешительности, мотивы которых нельзя было винить. Чтобы обеспечить союз Австрии с Россией, он только что гарантировал своему тестю целостность его владений. Поэтому Наполеон заявил, что он не может принимать никакого участия в каких-либо движениях или решениях, которые могли бы помешать Австрии овладеть польскими провинциями, составляющими часть ее империи. Действовать иначе, сказал он, значило бы разорвать свой союз с Австрией и бросить ее в объятия России. Но что касается польско-российских провинций, Наполеон заявил, что посмотрит, что можно сделать, если Провидение будет благосклонно к благому делу. Эти расплывчатые и неясные выражения не определяли, что он намеревался сделать для поляков в случае успеха, увенчавшего его обширные предприятия. Они вызвали недоверие поляков и не имели другого результата. По этому поводу, однако, встречается наблюдение, имеющее некоторую силу в качестве извинения за Наполеона. Польша была последовательно разделена между тремя державами

- Россией, Австрией и Пруссией, с каждой из которых Наполеон находился в состоянии войны, но никогда со всеми тремя сразу. Поэтому он так и не смог воспользоваться своими победами для восстановления Польши без ущерба для интересов нейтральных держав или своих союзников. Отсюда можно сделать вывод не только о том, что у него никогда не было твердой воли, которая восторжествовала бы над всеми препятствиями, но также и о том, что никогда не было возможности осуществить те мечты и проекты мести, которым он предавался на берегах Нила, как бы утешая ушедший дух Сулковского.

Характер Бонапарта представляет собой множество необъяснимых несоответствий. Хотя он, возможно, был самым позитивным человеком, который когда-либо существовал, все же никогда не было человека, который с большей готовностью поддавался очарованию иллюзии. Во многих обстоятельствах желание и реальность были для него одним и тем же. Он никогда не предавался большим иллюзиям, чем в начале московского похода. Еще до приближения катастроф, сопровождавших самое роковое отступление, известное в истории, все здравомыслящие люди сходились во мнении, что императору следовало провести зиму 1812-13 годов в Польше и весной возобновить свои обширные предприятия. Но его естественное нетерпение как бы бессознательно толкало его вперед, и он, казалось, находился под влиянием невидимого демона, более сильного, чем даже его собственная сильная воля. Этим демоном было честолюбие. Тот, кто так хорошо знал цену времени, никогда в достаточной степени не понимал его силы и того, как много иногда можно выиграть от промедления. И все же Комментарии Цезаря, которые были его любимым занятием, должны были показать ему, что Цезарь завоевал Галлию не за одну кампанию. Другой иллюзией, которой Наполеон был введен в заблуждение во время Московской кампании, и, возможно, прошлый опыт сделал это вполне простительным, была вера в то, что император Александр предложит мир, когда увидит его во главе своей армии на территории России. Длительное пребывание Бонапарта в Москве действительно можно объяснить только предположением, что он ожидал, что российский кабинет изменит свое мнение и согласится вести переговоры о мире. Однако, какова бы ни была причина, после своего долгого и бесполезного пребывания в Москве Наполеон покинул этот город с намерением расположиться на зимних квартирах в Польше; но теперь судьба была неодобрительна к Наполеону, и в этом ужасном отступлении стихии, казалось, объединились с русскими, чтобы уничтожить самую грозную армию, которой когда-либо командовал один вождь. Чтобы найти в истории катастрофу, сравнимую с катастрофой при Березине, мы должны вернуться к уничтожению легионов Вара.

Несмотря на всеобщее смятение, царившее в Париже, столица оставалась спокойной, когда по странной случайности, в тот самый день, когда Наполеон эвакуировался из горящей Москвы, Малле предпринял свое экстраординарное предприятие. Этот генерал, который всегда исповедовал республиканские принципы и был человеком смелого, решительного характера, после некоторого пребывания в заключении получил разрешение правительства жить в Париже в больничном доме, расположенном недалеко от Барриер-де-Клад. О заговоре Малле нет необходимости много говорить после превосходного отчета, данного о нем в Мемуарах герцога де Ровиго. План Маллета состоял в том, чтобы заставить всех поверить, что Бонапарт был убит в Москве и что было создано новое правительство под руководством Сената. Но что мог сделать Маллет? Абсолютно ничего: и если бы его правительство продержалось три дня, у него был бы более благоприятный шанс, чем тот, которого ему следовало разумно ожидать, чем утверждение, что император мертв, но эстафета из России открыла бы правду, воскресила Наполеона и повергла в замешательство Маллета и его прокламацию. Его предприятие было предприятием безумца. Французы были слишком утомлены смутами, чтобы броситься в объятия Малле или его сообщника Лахори,

которые так позорно сыграли на суде над Моро. И все же, несмотря на очевидную невозможность успеха, следует признать, что значительная изобретательность и решительность положили начало заговору. 22 октября Маллет сбежал из госпиталя и отправился к полковнику Сулье, который командовал десятой когортой Национальной гвардии, казармы которой располагались прямо за госпитальным корпусом. Маллет был нагружен пачкой поддельных приказов, которые он сам подготовил. Он представился Сулье под именем генерала Ла Мотта и сказал, что прибыл от генерала Малле.

Полковник Сулье, услышав о смерти императора, был растроган до слез. Он немедленно приказал адъютанту собрать когорту и подчиниться приказам генерала Ла Мотта, которому выразил сожаление по поводу того, что сам слишком болен, чтобы вставать с постели. Было два часа ночи, и поддельные документы, касающиеся смерти императора и новой формы правления, были зачитаны войскам при свете ламп. Затем Маллет поспешно отправился с 1200 людьми в Ла Форс и освободил съеров Гудалья и Лахольце, которые были там заключены. Маллет сообщил им о смерти императора и о смене правительства; отдал им несколько приказов, во исполнение которых министр и префект полиции были арестованы в их отеле.

Я был тогда в Курбевуа и в то же утро отправился в Париж, чтобы позавтракать, как я часто делал, с министром полиции. Можно себе представить мое удивление, когда

—[Генерал Маллет сообщил, что император был убит под стенами Москвы 8 октября; он не мог выбрать ни одного другого дня, не подвергаясь риску быть опровергнутым прибытием регулярного курьера. Поскольку император умер, он пришел к выводу, что верховная власть должна быть возложена на Сенат, и поэтому решил обратиться от имени этого органа к нации и армии. В обращении к солдатам он выразил сожаление по поводу смерти императора; в другом, объявив об отмене имперской системы и восстановлении Республики, он указал, каким образом должно быть восстановлено правительство, описал ветви, на которые должна быть разделена государственная власть, и назвал руководителей. К различным документам были приложены подписи нескольких сенаторов, имена которых он помнил, но с которыми он прекратил какие-либо сношения на протяжении большого количества лет. Все эти подписи были написаны Малле, и он составил указ от имени Сената, подписанный теми же сенаторами, назначающий себя губернатором Парижа и командующим войсками первой военной дивизии. Он также составил другие указы в той же форме, которые предполагали продвижение к более высоким званиям всех офицеров, которых он намеревался изготовить для исполнения своего предприятия.

Он приказал одному полку закрыть все заграждения Парижа и не пропускать через них ни одного человека. Это было сделано, так что во всех соседних городах, от которых в случае необходимости можно было бы получить помощь, ничего не было известно о сделках в Париже. Он послал другие полки занять банк, Казначейство и различные министерские кабинеты. В Казначействе было оказано некоторое сопротивление. Министр этого департамента был на месте, и он нанял охрану своего дома для поддержания своей власти. Но во всех двух полках Королевской гвардии не было выдвинуто ни единого возражения против выполнения приказов Малле (Мемуары герцога Ривого, том vi, стр. 20)]—

От привратника я узнал, что герцог де Ровиго арестован и доставлен в тюрьму Ла Форс. Я вошел в дом и, к моему великому удивлению, мне сообщили, что с эфемерного министра

снимают мерку для его официального костюма, и этот поступок настолько полно раскрыл характер заговорщика, что дал мне представление о бизнесе.

Малле отправился к генералу Хулину, который командовал Парижем. Он сообщил ему, что министр полиции приказал ему арестовать его и опечатать его документы. Хулин попросил показать заказ, а затем вошел в свой кабинет, куда Маллет последовал за ним, и как раз в тот момент, когда Хулин повернулся, чтобы заговорить с ним, он выстрелил из пистолета ему в лицо. Хулин упал: пуля попала ему в щеку, но рана была не смертельной. Самым странным обстоятельством, связанным со всем этим делом, является то, что капитан, которому Маллет приказал следовать за ним и который сопровождал его к Хулину, не увидел во всем этом ничего экстраординарного и ничего не сделал, чтобы остановить это. Затем Маллет очень спокойно направился к генерал-адъютанту Дусе. Случилось так, что там был один из инспекторов полиции. Он узнал генерала Маллета как человека, находящегося под его наблюдением. Он сказал ему, что тот не имеет права самовольно покидать больничную палату, и приказал арестовать его. Маллет, видя, что все кончено, попытался вытащить из кармана пистолет, но, будучи замеченным, был схвачен и обезоружен. Так завершился этот экстраординарный заговор, за который заплатились четырнадцатью жизнями; но, за исключением Маллета, Гидала и Лахори, все остальные, замешанные в нем, были либо машинами, либо простофилями.

Это дело произвело в Париже незначительный эффект, поскольку о предприятии и его результате стало известно одновременно. Но было сочтено достаточно забавным, что министра и префекта полиции посадили в тюрьму люди, которые всего за день до этого были их пленниками. На следующий день я отправился навестить Савари, который все еще не оправился от оцепенения, вызванного его необычайным приключением. Он сознавал, что его заключение, хотя и длилось всего полчаса, было предметом веселья парижан. Император, как я уже упоминал, покинул Москву в тот день, когда Маллет предпринял свою смелую попытку, то есть 19 октября. Он был в Смоленске, когда услышал эту новость. Рапп, который был ранен перед вступлением в Москву, но достаточно оправился, чтобы вернуться домой, был с Наполеоном, когда последний получил депеши, содержащие отчет о том, что произошло в Париже. Он сообщил мне, что Наполеон был очень взволнован, прочитав их, и что он начал злоупотреблять неэффективностью полиции. Рапп добавил, что он не ограничивался жалобами на представителей своей власти. "Неужели моя власть настолько ненадежна, - сказал он, - что она может быть подвергнута опасности из-за одного человека, к тому же заключенного? Похоже, что моя корона не очень прочно закреплена на моей голове, если в моей собственной столице смелый удар трех авантюристов может поколебать ее. Рапп, беда никогда не приходит одна; это дополнение к тому, что происходит здесь. Я не могу быть везде; но я должен вернуться в Париж; мое присутствие там необходимо для оживления общественного мнения. Мне нужны люди и деньги. Великие успехи и громкие победы все исправят. Я должен отправиться в путь". Таковы были мотивы, побудившие императора покинуть свою армию. Я не без возмущения слышал, как его поспешный уход приписывали личной трусости. Ему были чужды подобные чувства, и он никогда не был так счастлив, как на поле битвы. Я легко могу представить, что он был сильно встревожен, услышав о предприятии Маллета. Замечания, которые он сделал Раппу, были теми, которые, как он знал, будут сделаны общественностью, и он хорошо знал, что это дело было рассчитано на то, чтобы развеять те иллюзии власти и стабильности, которыми он пытался окружить свое правительство.

Покидая Москву, Наполеон передал остатки своей армии на попечение своих самых выдающихся генералов Мюрату, который так умело командовал кавалерией, но бросил

армию, чтобы вернуться в Неаполь; и Нею, герою, а не московскому князю, чье имя будет бессмертным в анналах славы, поскольку его смерть навсегда останется в анналах партийной мести. Среди всеобщего беспорядка Эжен больше, чем какой-либо другой военачальник, поддерживал среди итальянцев своего рода дисциплину; и было замечено, что войска юга, участвовавшие в роковой московской кампании, перенесли суровые холода лучше, чем те войска, которые были уроженцами менее благоприятного климата.

Возвращение Наполеона из Москвы не было похоже на его возвращение из походов под Веной и Тильзитом, когда он вернулся увенчанный лаврами и принесший мир в награду за свои триумфы. Было отмечено, что первая крупная катастрофа Наполеона последовала за первым предприятием, которое он предпринял после женитьбы на Марии Луизе. Это, как правило, подтверждало распространенное мнение, что присутствие Жозефины благоприятствовало его судьбе; и каким бы суеверным он ни был иногда, я не осмелюсь утверждать, что он сам не придерживался этой идеи. Теперь он отбросил даже видимость законности мер своего правительства: он присвоил себе произвольную власть, полагая, что критические обстоятельства, в которые он был поставлен, оправдают все. Но какими бы необъяснимыми ни были средства, к которым прибегал император для добывания ресурсов, справедливо признать, что они были следствием его системы правления и что он проявил невероятную активность в возмещении своих потерь, чтобы поставить себя в ситуацию, позволяющую противостоять своим врагам и восстановить триумф французского знамени.

Но, несмотря на все усилия Наполеона, бедствия российской кампании с каждым днем ощущались все более остро. Король Пруссии сыграл роль, которая заключалась в признании его слабости при присоединении к Франции, вместо того чтобы открыто заявить о себе за дело России, которое также принадлежало ему. Затем произошло дезертирство генерала Йорка, командовавшего прусским контингентом, в армию Наполеона. Король Пруссии, хотя, без сомнения, тайно был доволен поведением генерала Йорка, отдал его под суд и осудил; но вскоре после этого этот суверен лично командовал войсками, которые обратились против наших. Дезертирство пруссаков произвело очень пагубные последствия, и было легко понять, что за этим последуют другие дезертирства. Наполеон, предвидя роковые шансы, которые это событие, вероятно, могло навлечь на него, собрал тайный совет, состоящий из министров и некоторых высокопоставленных чиновников своего двора. Присутствовали г-н де Талейран и Камбасерес, а также председатель сената. Наполеон спросил, что было бы более целесообразно в сложном нашем положении - вести переговоры о мире или готовиться к новой войне. Камбасерес и Талейран высказали свое мнение в пользу мира, о котором, однако, Наполеон и слышать не хотел после поражения; но герцог де Фельтр, [Кларк], знающий, как затронуть чувствительную струну в душе Бонапарта, сказал, что он считал бы императора обесчещенным, если бы тот согласился на оставление самой маленькой деревни, которая была присоединена к империи "Сенат-консулом". Это мнение было принято, и война продолжилась.

По возвращении Наполеона в Париж папа, который все еще находился в Фонтенбло, решил присоединиться к соглашению и подписать акт, который, по замыслу императора, положил бы конец разногласиям между ними. Но находясь под влиянием некоторых кардиналов, которые ранее навлекли на себя неудовольствие императора Пия VII, дезавуировал новый Конкордат, на который у него хватило слабости согласиться, и император, у которого в то время были более важные дела, уволил Святого Отца и опубликовал акт, с которым он согласился. У Бонапарта не было времени обращать внимание на новые трудности, возникшие из-за Пия VII; его мысли были всецело устремлены на другой берег Рейна. Ему не повезло, и державы, с которыми он был наиболее тесно связан, отделились от него, как он и

мог ожидать, и Австрия была не последней, кто подражал примеру Пруссии. В этих трудных обстоятельствах император, который в течение некоторого времени отмечал талант и находчивость графа Луи де Нарбонна, послал его в Вену, чтобы заменить г-на Отто; но к мирным предложениям г-на де Нарбонна не прислушались. Австрия не упустит прекрасной возможности отомстить, не подвергая себя опасности.

Теперь Наполеон ясно видел, что, поскольку Австрия бросила его и отказалась от своего контингента, вскоре против него ополчится вся Европа. Но это его не испугало.

Некоторые князья Рейнской конфедерации все еще оставались ему верны; и когда приготовления были завершены, он предложил лично возобновить командование армией, которая была так чудесным образом воссоздана. Но перед своим отъездом Наполеон, встревоженный воспоминаниями о покушении Малле и желавший избежать чего-либо подобного во время своего отсутствия, не передал, как в прежних случаях, бразды правления национальным правительством Совету министров под председательством эрцгерцога. Наполеон поместил моего преемника, месье Меневаля, рядом с императрицей-регентшей в качестве *Secrétaire des Commandemens* (Главного секретаря), и, конечно, он не мог бы сделать лучшего выбора. Он назначил императрицу Марию Луизу регентшей и назначил Регентский совет в помощь ей.

—[Меневаль, занимавший пост секретаря Наполеона со времени опалы Буррьена в 1802 году, едва не погиб от тягот русской кампании, а теперь получил почетный и ответственный, но менее обременительный пост. Он оставался при императрице до 7 мая 1815 года, когда, узнав, что она не вернется к своему мужу, покинул ее, чтобы присоединиться к своему господину.] —

ГЛАВА XXVIII.

1813.

Беспорядки в Гамбурге и Любеке—Попытка самоубийства М. Коннинга— Эвакуация Гамбурга— Недовольство поведением генерала Сен—Сира—Кабинеты министров Вены и Тюильри—Первое появление казаков—Полковник Теттенборн приглашен занять Гамбург—Сердечный прием русских—Грабежи—Набор войск— Благодарственные отзывы Теттенборну—Новая армия Наполеона—Смерть генерала Морана—Замечания Наполеона о Вандаме—Бонапарт и Густав Адольф—Соединение корпуса Даву и Вандамм— Повторная оккупация Гамбурга французами— Генерал Хогендорф назначен губернатором Гамбурга—Поборы и возмутительные контрибуции, взимаемые с Гамбурга и Любека -Заложники.

За значительное время до того, как Наполеон покинул Париж, чтобы присоединиться к армии, основная часть которой находилась в Саксонии, во многих местах произошли частичные восстания. Внутренняя часть собственно Франции действительно все еще пребывала в состоянии спокойствия, но этого не было в провинциях, насильственно присоединенных к окраинам Империи, особенно на севере, и в несчастных ганзейских

городах, к которым со времени моего пребывания в Гамбурге я всегда испытывал величайший интерес. Сведения, которые я получил, были получены из таких неоспоримых источников, что я могу поручиться за правдивость того, что я должен сообщить относительно событий, произошедших в этих провинциях в начале 1813 года; и впоследствии я получил подтверждение всем фактам, сообщенным в моей переписке, когда я был послан Людовиком XVIII в Гамбург в 1815 году.

Г-н Стюве, агент Российского двора, проживавший в Альтоне, по-видимому, как частное лицо, воспользовался раздражением, вызванным мерами, принятыми в Гамбурге. Его планы были настолько хорошо спланированы, что он был быстро проинформирован о маршруте Великой армии из Москвы и приближении союзных войск. Опираясь на знания и деятельность сьера Ханфта из Гамбурга, г-н Стюве воспользовался недовольством народа, которым так тиранически управляли, и воспользовался возможностью для взрыва. Между восемь и девятью часами утра 24 февраля 1813 года событие, вызвавшее озабоченность народа, послужило сигналом к восстанию. Человек, возвращавшийся в Гамбург через ворота Альтона, не подчинился обыску налогового агента, который в результате жестоко обращался с ним и серьезно ранил его. Население мгновенно поднялось, прогнало налоговую охрану и подожгло гауптвахту. Народ, возбужденный тайными агентами, также напал на другие французские посты, где они совершили те же бесчинства. Удивленные этим неожиданным движением, французские власти удалились в дома, в которых они проживали. Все уважаемые жители, которые не были связаны с беспорядками, также вернулись в свои дома, и ни один человек не появился на улице.

Генерал Керри Сен-Сир командовал Гамбургом после отъезда принца Экмюля в русскую кампанию.

—[Генерала Керри Сен-Сира не следует путать с маршалом Гонвьеном де Сен-Сиром; в то время он впал в немилость за свое поведение в Гамбурге и больше не служил у Наполеона. При Реставрации он стал губернатором Французской Гвианы.]—

При первых известиях о восстании он принялся упаковывать свои бумаги, и граф де Шабан, префект Гамбурга г-н Коннинг и г-н Добиньоск, директор полиции, последовали его примеру. Только около четырех часов пополудни отряд датских гусар прибыл в Гамбург, и тогда население было быстро рассеяно. Все почтенные граждане и состоятельные люди собрались на следующее утро и приняли меры для обеспечения внутреннего спокойствия, чтобы датские войска могли вернуться в Альтону. Затем были проведены поиски зачинщиков беспорядков. Многие люди были арестованы, и для их суда была назначена специальная военная комиссия. Комиссия, однако, осудила только одного человека, который, будучи признан одним из наиболее активных избирателей, был приговорен к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение.

26 февраля аналогичные беспорядки произошли в Любеке. Были предприняты попытки напасть на французские власти. Почтенные граждане немедленно собрались, защитили их от произвола и в безопасности сопровождали в Гамбург, куда они прибыли 27-го. Поспешное бегство этих людей из Любека вызвало некоторую тревогу в Гамбурге. Предполагалось, что опасность была больше, чем на самом деле, потому что беглецов сопровождал внушительный отряд войск.

Но это были не единственные попытки сбросить иго французского господства, которое стало невыносимым. Весь левый берег Эльбы немедленно оказался в состоянии восстания, и все официальные лица укрылись в Гамбурге. Во время этих частичных восстаний все было заброшено. Нерешительность, слабость и алчность проявлялись повсюду. Вместо попыток

успокоить умы народа, который долгое время был раздражен невыносимой тиранией, пришлось прибегнуть к жестким мерам. Тюрьмы были переполнены множеством лиц, объявленных подозреваемыми на основании одних лишь заявлений агентов полиции. 3 марта специальная военная комиссия приговорила шестерых домовладельцев Гамбурга и его окрестностей к расстрелу на гласисе ни за что иное, как за то, что они случайно или из любопытства оказались в той части города, которая была ареной одного из беспорядков. Эти казни вызвали равный ужас и негодование, и генерал Карра Сен-Сир был вынужден издать прокламацию о роспуске военной комиссии, которой были вынесены приговоры этим людям.

Сведения о марше русских и прусских войск, спускавшихся по Эльбе, усилили преобладающее волнение в Вестфалии, Ганновере, Мекленбурге и Померании, и все французские войска, расквартированные между Берлином и Гамбургом, включая те, которые занимали побережье Балтийского моря, отступили к Гамбургу. Генерал Карра Сен-Сир и барон Коннинг, префект Гамбурга, каждый вечер ездили в Альтону. Последний, измученный тревогой и неустроенностью своей жизни, потерял рассудок; и по пути в Гамбург, 5 мая, он попытался перерезать себе горло бритвой. Его "камердинер" спас ему жизнь, бросившись на него прежде, чем он успел осуществить свой замысел. Стало известно, что у него был поврежден кровеносный сосуд, и его перевезли в Альтону, где его рану залечили, и впоследствии он оправился от своего расстройства. М. Коннинг, уроженец Голландии, был достойным человеком, но не обладал решительным характером и малыми способностями.

В этот момент были распространены преувеличенные сообщения о приближении русского корпуса. Немедленно был отдан приказ об отступлении, и он был выполнен 12 марта. Генерал Карра Сен-Сир, не имея денег на содержание войск, собрал 100 000 франков из городской казны. Он покинул Гамбург во главе войск и зачисленных на таможенную службу людей. Его сопровождала бюргерская стража, которая защищала его от оскорблений черни, и у добрых людей Гамбурга никогда не было посетителей, от которых они были бы так счастливы избавиться.

Это внезапное отступление вызвало негодование Наполеона. Он обвинил генерала Сен-Сира в малодушии в статье, помещенной в "Монитор", а затем скопированной по его приказу во всех журналах. Фактически, если бы генерал Сен-Сир был лучше информирован или его было менее легко встревожить, он мог бы удержать Гамбург и предотвратить его временную оккупацию врагом, для вытеснения которого потребовалось осадить город два месяца спустя. У Сен-Сира было 3000 регулярных войск и значительная часть людей на таможне. Генерал Моранд мог бы предоставить ему 5000 человек из Мекленбурга. Таким образом, он мог бы удерживать Гамбург не только на два месяца дольше, но даже до конца войны, поскольку генерал Лекснарруа сохранил за собой Магдебург. Если бы генерал Сен-Сир так поспешно не покинул Эльбу, ему немедленно оказал бы помощь корпус, который генерал Вандамм вскоре привел из Везеля, а затем и тот самый корпус, с которым маршал Даву отбил Гамбург.

Только что описанные события произошли до того, как Наполеон покинул Париж. В августе все переговоры с Австрией были прерваны, хотя эта держава, все еще придерживавшаяся своей временной политики, продолжала заявлять о верности делу императора Наполеона до того момента, когда ее приготовления были завершены и ее решение сформировано. Но если в Вене было двуличие, не было ли безумия, более того, слепоты в Кабинете министров Тюильри? Можем ли мы разумно полагаться на Австрию? Она видела, как русская армия форсировала Вислу и продвинулась до Заале, не высказав никаких возражений. В тот момент одно движение ее войск, одно слово заявления могло предотвратить все.

Следовательно, поскольку она не предотвратила бы зло, когда могла бы сделать это с уверенностью и безопасностью, должно быть, Кабинет министров проявил исключительную глупость и слепоту, увидев такое поведение и не поняв его.

Теперь я перехожу к упоминанию о дальнейших несчастьях, которые произошли на севере Германии, и особенно в Гамбурге. В пятнадцати лигах к востоку от Гамбурга, но на его территории, находится деревня под названием Бергдорф. Именно в этой деревне казаки были впервые замечены. Двенадцать или полторы тысячи из них прибыли туда под командованием полковника Теттенборна. Если бы не отступление французских войск численностью 3000 человек, не считая солдат таможенной службы, на Гамбург не было бы предпринято никакого покушения; но само название казаков внушало такой ужас, который, должно быть, еще свеж в памяти каждого. Тревога распространилась по Гамбургу, который, будучи лишенным войск и артиллерии и окруженный полуразрушенными укреплениями, не мог обеспечить никакой защиты. Сенатор Бартч и доктор Ноу взяли на себя смелость отправиться в Бергдорф, чтобы просить полковника Теттенборна вступить во владение Гамбургом, заявив, что они уверены в его умеренных чувствах и что они надеются, что они предоставят защиту городу, который имел обширные торговые связи с Россией. Теттенборн не полагался на эти предположения, потому что не мог предположить, что была проведена такая поспешная эвакуация; он считал их просто ловушкой, призванной заманить его в ловушку, и отказался согласиться с ними. Но доктор Фон Гесс, швед, несколько лет проживший в Гамбурге и известный Теттенборну как решительный сторонник Англии и России, убедил русского командующего подчиниться пожеланиям граждан Гамбурга. Однако Теттенборн согласился только на следующих условиях: — Что старое правительство должно быть немедленно восстановлено; что депутация сенаторов в их старых костюмах должна предложить ему вступить во владение Гамбургом, в который он войдет только как свободный и имперский ганзейский город; что, если эти условия не будут соблюдены, он будет считать Гамбург французским городом и, следовательно, враждебным. Несмотря на подлинное удовлетворение, с которым сенаторы Гамбурга восприняли эти предложения, их сдерживал страх перед поворотом судьбы. Они, однако, решили принять их, думая, что, что бы ни случилось, они смогут прикрыться, заявив, что необходимость побудила их к тому шагу, который они предприняли. Поэтому они заявили о своей согласии с условиями и в ту ночь и на следующий день были заняты сбором Сената, который был так давно распущен, и приготовлениями, которых требовал Теттенборн.

В четыре часа пополудни 17 марта отряд казаков, состоявший всего из сорока человек, овладел городом, недавно процветавшим и насчитывавшим 124 000 жителей, но разоренным и уменьшенным до 80 000 жителей по благословению присоединения к Французской империи. На следующий день, 18-го, полковник Теттенборн вошел в Гамбург во главе 1000 регулярных и 200 иррегулярных казаков. Я описал военное положение Гамбурга, когда он был эвакуирован 12 марта, и неудовольствие Наполеона легко понять. Теттенборн был принят со всеми почестями, которыми обычно удостоиваются завоеватели. Энтузиазм был почти всеобщим. Несколько ночей люди предавались ликованию. Казаки были до отвала набиты провизией и напитками и были немало удивлены оказанным им радушным приемом.

Только по истечении трех или четырех дней люди начали осознавать малочисленность союзных войск. Их количество постепенно уменьшалось. На следующий день после прибытия казаков отряд был отправлен в Любек, где их приняли с теми же почестями, что и в Гамбурге. Другие отряды были направлены в другие места, и после четырехдневной оккупации в Гамбурге осталось только 70 из 1200 казаков, вошедших 18 марта.

Первое, что сделал их командир, это захватил почту и сокровищницы различных государственных учреждений. Все движимое имущество французского правительства и его агентов было конфисковано и продано. Офицеры продемонстрировали истинное казацкое пренебрежение правами частной собственности. Графы Гун, Буазениц и Венехтерн, перешедшие в штат Теттенборна, проявили себя подозрительно, разграбив имущество г-на Пьонье, начальника таможни, и г-на Гоне, почтмейстера, и в их погребах не осталось ни бутылки вина. Теттенборн наложил руки на денежную сумму, состоящую из более чем 4000 луидоров золотом, принадлежащую М. Гонсе, которая была передана М. Шварцу, уважаемому банкиру в Гамбурге, который занимал должность прусского консула. М. Шварц, у которого эти деньги были депонированы в целях безопасности, также позаботился о некоторых ценных драгоценностях, принадлежащих мадам Керри Сен-Сир и Добиньок; Теттенборн забрал их вместе с деньгами. М. Шварц протестовал в качестве прусского консула: Пруссия была союзником России, но он считался всего лишь банкиром и не мог получить никакой компенсации. Теттенборн, как и большинство казачьих вождей, был никем иным, как человеком для драк и грабежей, но агентом России был господин Стюве, имя которого я уже упоминал.

Были быстро отданы приказы о наборе войск, как пехотных, так и кавалерийских, которые должны были называться ганзейскими добровольцами. Человек по имени Ханфт, который раньше был мясником, собрал за свой счет пехотный и уланский отряды, которыми он принял командование. Это предприятие, которое обошлось ему в 130 000 франков, может дать некоторое представление о привязанности жителей Гамбурга к французскому правительству! Но денег, как и людей, не хватало, и была введена крупная контрибуция, чтобы покрыть расходы по найму ряда безработных и бездельников различного рода. Требовались добровольные пожертвования, и энтузиазм был настолько велик, что даже служанки дарили свои кольца. Собранные таким образом суммы поступали в сундук сотрудников Теттенборна и становились добычей нечестного присвоения. В отношении этих денег некоего сьера Освальда обвинили в том, что он не действовал со скрупулезной деликатностью, которую мадам де Сталь приписывает его тезке в своем "романе о Коринне".

В ганзейских городах и их окрестностях, население которых так сильно сократилось за два года, было набрано от 8000 до 10 000 человек. Эти недисциплинированные войска, набранные по большей части из низших слоев общества, совершили столько бесчинств, что вскоре получили прозвище эльбских казаков; и, конечно, они вполне заслужили это.

Ненависть, которую французское правительство внушило Гамбургу, была такова, что оккупация Теттенборна рассматривалась как избавление. При отъезде полковника Сенат, желая выразить ему высокую благодарность, подарил ему свободу города в сопровождении 5000 золотых фредериков (105 000 франков), которыми он, несомненно, был доволен гораздо больше, чем честью гражданства.

Восстановленный сенат Гамбурга просуществовал недолго. Жители ганзейских городов с немалой тревогой узнали, что император ведет грандиозные приготовления к нападению на Германию, где его наместники не могли не жестоко отомстить тем, кто отрекся от его власти. Прежде чем покинуть Париж 15 апреля, Наполеон собрал под знамена армии 180 000 человек, не считая почетного караула, и было очевидно, что с такими силами он мог бы отважиться на крупную игру и, вероятно, выиграть ее. Однако апрель прошел без каких-либо важных событий для ганзейских городов, жители которых колебались между надеждой и страхом. На территории между Люнебургом и Бременом ежедневно происходили нападения между частями русских и французских войск. В одном из таких столкновений генерал Моран был смертельно ранен и был доставлен в Люнебург. Его брат был взят в плен в том же бою, и

Теттенборн, в руки которого он попал, дал ему условно-досрочное разрешение навестить генерала; но он прибыл в Люнебург как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот умирает.

Французы, продвинувшись до Харбурга, заняли позицию на плато Шварценберг, которое господствует над этим маленьким городком и значительными островами, расположенными в той части реки между Харбургом и Гамбургом. Овладев этой возвышенностью, они начали угрожать Гамбургу и атаковать Харбург. Этими атаками руководил Вандам, из всех наших генералов самый грозный в завоеванных странах. Он был уроженцем Касселя во Фландрии и приобрел высокую репутацию сурового человека. В то самое время, когда он атаковал Гамбург, Наполеон сказал о нем в Дрездене: "Если бы я потерял Вандама, я не знаю, что бы я отдал, чтобы вернуть его обратно; но если бы у меня было два таких генерала, я был бы вынужден застрелить одного из них". Следует признать, что одного было вполне достаточно.

Как только он прибыл, Вандам послал сообщить Теттенборну, что, если он немедленно не освободит брата и шурина Морана, которые оба были его пленниками, он сожжет Гамбург. Теттенборн ответил, что если бы он прибегнул к такой крайности, то повесил бы их обоих на вершине башни Святого Михаила, откуда ему было бы их видно. Этот энергичный ответ заставил Вандама сдержать свою ярость или, по крайней мере, направить ее на другие цели.

Тем временем французские силы в Хаарбурге ежедневно пополнялись. Вандам, воспользовавшись небрежностью новых ганзейских войск, которые защищали большие острова Эльбы, напал на них однажды ночью в мае месяце. Случилось это в ту же ночь после битвы при Лутцене, где обе стороны заявили о победе; и в двух враждебных лагерях пели "Te Deum". Наступление французов изменило баланс мнений в пользу Наполеона, который на самом деле был настоящим победителем на поле битвы, прославившемся почти два столетия назад победой и смертью Густава Адольфа. Эльбские казаки не смогли выдержать натиска французов; Вандам отбил войска, оборонявшие Вильгельмсбург, самый большой из двух островов, и легко овладел меньшим, Фидденом, из которых точка, ближайшая к правому берегу Эльбы, находится не более чем в половине ружейного выстрела от Гамбурга. 9 мая было роковым днем для жителей Гамбурга, ибо именно тогда Даву, соединившись с Вандамом, появился во главе корпуса из 40 000 человек, предназначенного для усиления Великой армии Наполеона. Гамбург не мог выстоять против значительных французских сил, собранных теперь по соседству. Теттенборн, правда, получил подкрепление в 800 пруссаков и 2000 шведов, но все же какое сопротивление он мог оказать 40 000 человекам Даву? Теттенборн не обманывал себя относительно слабости союзников в этом вопросе или бесполезности попыток защитить город. Он уступил мольбам жителей, которые уверяли его, что дальнейшее сопротивление приведет к неминуемой гибели. Соответственно, он покинул Гамбург 29 мая, взяв с собой свои ганзейские легионы, которые и часа не продержались на островах Эльбы, и в сопровождении шведского врача фон Гесса, чьи неосторожные советы были главной причиной всех бедствий, которым подвергся несчастный город.

Даву находился в Харбурге, где он принял депутатов из Гамбурга с видимой сдержанностью; и в соответствии с условиями, оговоренными на этой конференции, 30 мая сильный отряд датских войск от имени императора занял Гамбург. Французы вошли в город в тот же вечер и заняли посты так спокойно, как будто они просто меняли караул. Жители не оказали ни тени сопротивления. Не было пролито ни капли крови; не было обменяно ни угроз, ни оскорблений. Это правда; но правда не устраивала Наполеона. Необходимо было найти предлог для мести, и поэтому пришлось прибегнуть к бюллетеню, который возвещал Франции и Европе, что Гамбург взят основными силами с потерей нескольких сотен человек. Если бы не это мнимое сопротивление, официально объявленное, как можно было бы оправдать последовавшие за этим грабежи и поборы?

Голландский генерал Хогендорф стал губернатором Гамбурга вместо Карры Сен-Сира, который был заключен в Оснабрюк после своего поспешного отступления. Генерал Хогендорф был назначен одним из адъютантов императора, но он не был ни Раппом, ни Лористоном, ни Дюроком. Жители были обязаны выплатить всю задолженность по налогам, причитающуюся различным государственным учреждениям в течение семидесяти дней отсутствия французов; а также все пособия, которые были бы выплачены войскам гарнизона, если бы они остались в Гамбурге. Требовалось также выплатить задолженность за расквартирование войск, находившихся в пятидесяти лигах отсюда. Однако некоторые главы правительственных ведомств, видевшие и понимавшие новое положение французов в Гамбурге, не стали применять эти несправедливые и возмутительные меры. Были снижены пошлины за регистрацию. мсье Пьонье, директор таможни, осознавая особую сложность своего положения в стране, где обычаи вызвали отвращение, соблюдал большую осторожность и умеренность при взимании пошлин: личный досмотр, который является таким отвратительным и неприличным, особенно по отношению к женщинам, был запрещен. Но эти изменения исходили не из высших кругов; они были вызваны здравым смыслом подчиненных агентов, которые ясно понимали, что если Империи и суждено пасть, то не из-за мелких нарушений законов о запрете кофе и ревеня.

Если таможенные правила стали менее досадными для жителей Гамбурга, то с работой почтового отделения дело обстояло иначе. Старые маневры этого ведомства возобновились активнее, чем когда-либо. Письма вскрывались без малейших оговорок, и все старые служащие почтового отделения, которые были привлечены к этому скандальному разбирательству, были отозваны. За исключением регистраций и обычаев, система инквизиции, которая так долго угнетала ганзейские города, была возобновлена; и все же делегаты французского правительства были первыми, кто воскликнул: "Жители Гамбурга - изменники Наполеону, ибо, несмотря на все благословения, которые он им даровал, они не говорят вслед за латинским поэтом: *"Deus nobis haec otia fecit"*".

Но все, что произошло, было мелочью по сравнению с тем, что должно было произойти. 18 июня был опубликован императорский указ, датированный 8-м числом того же месяца, в силу которого предстояло пожинать плоды официальной лжи, содержащейся в вышеупомянутом бюллетене. Чтобы искупить преступление мятежа, Гамбург должен был выплатить чрезвычайную контрибуцию в размере 48 000 000 франков, а Любек - контрибуцию в размере 6 000 000 франков. Огромная сумма, взимаемая с Гамбурга, должна была быть выплачена в течение короткого месяца шестью равными платежами либо деньгами, либо счетами за респектабельные дома в Париже. В дополнение к этому новый префект Гамбурга реквизирует зерно и провизию всех видов, вина, парусину, мачты, смолу, пеньку, железо, медь, сталь, короче говоря, все, что могло пригодиться для снабжения армии и флота.

Но в то время как в Гамбурге эти поборы касались собственности, в Дрездене подверглись нападкам свободы личности и даже жизни. 15 июня Наполеон, несомненно, ослепленный ложными сообщениями, которые были представлены ему, отдал приказ составить список жителей Гамбурга, отсутствовавших в городе. Он позволил им вернуться домой всего на две недели - слишком короткий промежуток времени, чтобы некоторые из них смогли вернуться из мест, где они нашли убежище. Следовательно, они отсутствовали сверх указанного срока. Жертвы были необходимы, но, несомненно, не Бонапарту пришла в голову идея заложников, чтобы отвечать за людей, которых благоразумие не допустило. Я могу очистить его память от этого обвинения. Заложники, однако, были взяты, и было объявлено, что они также несут ответственность за выплату взноса в размере 48 000 000 долларов. В Гамбурге они были

отобраны из числа самых респектабельных и богатых мужчин города, некоторые из которых были далеко преклонного возраста. Их перевезли в старый замок Харбург на левом берегу Эльбы, и эти люди, привыкшие ко всем удобствам жизни, были лишены даже предметов первой необходимости, и им оставалось только лежать на соломе. Заложники из Любека были доставлены в Гамбург: их поместили между палубами на борту старого корабля в порту: это была достойная имитация английских тюремных корпусов. 24 июля был издан указ, который был опубликован в газете "Гамбургский корреспондент" от 27 июля. Этот указ состоял всего лишь из проскрипционного списка, в который были внесены имена некоторых из самых богатых людей ганзейских городов, Ганновера и Вестфалии.

ГЛАВА XXIX.

1813.

Второй визит Наполеона в Дрезден—Битва при Банцене—Конгресс в Праге—Наполеон поступил опрометчиво—Битва при Виттории—Срыв генералом Моро конференции в Праге—Дезертирство Жомини—Битвы при Дрездене и Лейпциге—Отчет о смерти Дюрока—Прерванный разговор возобновился год спустя—Подробности, касающиеся Понятовского—Его необычайного мужества и смерти—Его памятника в Лейпциге и могилы в Варшавском соборе.

2 мая Наполеон выиграл битву при Лютцене. Через неделю после этого он был в Дрездене, не так, как при отъезде в русскую кампанию, подобно Правителю Запада, окруженному своими могущественными вассалами: теперь он был в столице единственного из монархов своего времени, который остался верен делу Франции и чья добросовестность в конечном итоге стоила ему половины его владений. Император пробыл в Дрездене всего десять дней, а затем отправился в погоню за русской армией, с которой он столкнулся 19-го числа в Баутцене. Можно сказать, что это сражение, за которым в два последующих дня последовали сражения при Вюртхене и Окликирхене, длилось три дня — достаточное доказательство того, что оно упорно оспаривалось. Все закончилось в пользу Наполеона, но он и Франция дорого заплатили за это: пока генерал Киршнер и Дюрок разговаривали, первый был убит пушечным ядром, которое смертельно ранило второго в живот.

Теперь для Австрии настал момент доказать, она это или нет. намеревалась полностью покинуть дело Наполеона.

—[В *Erreurs* (тome, ii. стр., 289-325) идет непрерывная атака на всю эту часть Мемуаров, но лучший отчет о переговорах между Францией, Австрией и союзниками можно найти в *Metternich*, T. i. стр. 171-215. Меттерних не без оснований гордится мастерством, с которым он добился от Наполеона точного времени в двадцать дней, необходимого для сосредоточения австрийских армий. Соответствовали ли переговоры добросовестности со стороны Австрии - это другой вопрос; но одно кажется очевидным — австрийский брак погубил Наполеона. Он не мог поверить, что

монарх, подаривший ему дочь, нанесет по нему решающий удар. Без этой веры не может быть никаких сомнений в том, что он напал бы на Австрию прежде, чем она смогла бы собрать свои силы, и Меттерних, похоже, опасался такого результата. "Следовательно, было необходимо помешать Наполеону осуществить свою обычную систему: оставить наблюдательную армию перед союзными армиями, а самому повернуться к Богемии, чтобы нанести нам сильный удар, последствия которого было бы невозможно предвидеть при нынешнем подавленном состоянии подавляющего большинства наших людей" (Меттерних, Т. I, стр. 177). Зная о том, как Наполеон выстоял против трех армий под Дрезденом, мы можем с уверенностью предположить, что он сокрушил бы Австрию, если бы она не присоединилась к нему или не разоружилась. Поведение Австрии было естественным и политичным, но оно было успешным только потому, что Наполеон верил в добросовестность императора Франциска, своего тестя. Следует отметить, что Австрии удалось склонить Александра к переговорам только при подразумеваемом условии, что переговоры не должны были закончиться миром с Францией. См. Меттерних, том I, стр. 181, где в ответ на вопрос царя о том, что стало бы с их делом, если бы Наполеон принял австрийское посредничество, он говорит, что если Наполеон откажется, Австрия присоединится к союзникам. Если Наполеон согласится, "переговоры наверняка покажут, что Наполеон не был ни мудрым, ни справедливым, и тогда результат будет тем же самым. В любом случае мы выиграем необходимое время, чтобы вывести наши армии на такие позиции, на которых нам больше не нужно будет опасаться отдельной атаки на какую—либо из них и с которых мы сами сможем перейти в наступление".] -

Все ее дружеские демонстрации ограничились предложением вмешаться в начало переговоров с Россией. Соответственно, 4 июня в Плейсвице было заключено перемирие, которое должно было продлиться до 8 июля и, наконец, было продлено до 10 августа.

Первые попытки после заключения Плейсвицкого перемирия определили созыв Конгресса в Праге. В то время сообщалось, что союзники потребовали восстановления всего, что они потеряли с 1805 года, то есть со времен Ульмской кампании. В этом требовании были учтены Голландия и Ганзейские города, ставшие французскими провинциями. Но мы все равно сохранили бы Рейн, Бельгию, Пьемонт, Ниццу и Савойю. Битва при Виттории,

—Известие об этом решающем сражении усилило затруднения французских полномочных представителей в Праге и повысило требования союзников. Это также поколебало уверенность тех, кто остался нам верен.—Бурьен.]

отдавшего всю Испанию в распоряжение англичан, отступления Сюше на Эбро, страха увидеть армию Спина уничтоженной было достаточно, чтобы изменить мнения тех советников, которые все еще рекомендовали войну. Несмотря на противодействие Наполеона и его врожденную склонность приобретать славу своими победами, вероятно, он не остался бы недоступным для неоднократных заявлений здравомыслящих людей, любивших свою страну, поэтому Франция должна упрекнуть своих советников. В этот момент прибыл генерал Моро; говорят, что он прибыл по просьбе Бернадотта. Это неправда и маловероятно. Во-первых, между Бернадотом и Моро никогда не было никакой близости; и, во-вторых, как можно представить, что Бернадотт хотел видеть Моро императором! Но этот вопрос сразу же снимается тем фактом, что в беседе в Обо российский император намекнул Бернадотту на возможность того, что он станет преемником Наполеона. В то время широко распространялась информация, и с тех пор я узнал, что это правда, что французские принцы

из дома Бурбонов делали предложения Моро через генерала Вилло, который был объявлен вне закона 18 Фруктидора; и с тех пор я узнал из достоверного источника, что генерал Моро, который тогда находился в Балтиморе, отказался поддержать дело Бурбонов. Моро уступил только своему желанию отомстить Наполеону; и он нашел смерть там, где не мог обрести славы.

В конце июля работа Конгресса в Праге продвинулась на нет. дальше, чем во время его созыва. Отнюдь не обрадовав французов перспективой заключения мира, император отправился в Майнц; императрица отправилась туда, чтобы повидаться с ним, и вернулась в Париж сразу после отъезда императора. Наполеон вернулся в Дрезден, и, поскольку перемирие не было продлено, он умер естественной смертью 17 августа, в день, назначенный для его истечения. Роковое событие произошло сразу же после разрыва переговоров. 17 августа Австрия, желая выиграть войной, как она прежде выигрывала союзами, заявила, что она объединит свои силы с силами союзников. В самом начале этой катастрофической кампании генерал Жomini перешел на сторону врага. Жomini принадлежал к штабу несчастного маршала Нея, который с присущим ему талантом начинал выполнять полученные им приказы. Было много удивления в связи с его стремлением извлечь выгоду из борьбы, начатой под таким печальным предлогом, в поисках новой удачи, которая сулила лучшее, чем то, что он пытался сделать под нашим флагом. Общественное мнение вынесло приговор Жomini.

—[Именно 11 августа, а не 17—го, Меттерних объявил Коленкуру, полномочному представителю Наполеона в Праге, что Австрия присоединилась к союзникам и объявила войну Франции; в полночь 10 августа Меттерних отправил паспорта графу Луи де Нарбонну, послу Наполеона, и военный манифест императора Франциска; затем он приказал зажечь маяки, которые были установлены от Праги до силезской границы, в знак начала переговоров и права (то есть силы) союзных войск. армии для перехода Силезской границы (Меттерних, том i, стр. 199).]-

Первыми боями были битва при Дрездене, которая произошла через семь дней после разрыва перемирия, и сражение, в котором потерпел поражение Вандамм и которое сделало победу Дрездена напрасной. Я уже упоминал, что Моро был убит под Дрезденом. Как только Бавария избавилась от французских войск, она сняла маску и встала в ряд с нашими врагами.

В октябре поражение в битве при Лейпциге решило судьбу Франции. Саксонская армия, которая долгое время оставалась верной нам, перешла на сторону врага во время сражения. Князь Понятовский погиб в битве при Лейпциге при попытке перейти Астру.

Здесь я упомяну факт, произошедший перед отъездом Дюрока в кампанию 1812 года. Я часто навещал его в павильоне Марсан в Тюильри, где он жил. Однажды утром, когда я ждал его несколько минут, он вышел из апартаментов императора, где занимался обычными делами, Он был в своем придворном костюме. Войдя, он снял пальто и шляпу и отложил их в сторону. "У меня только что был разговор с императором о вас", - сказал он. "Никому ничего не говорите. Наберитесь терпения, и вы будете— - Не успел он произнести эти слова, как вошел лакей сообщить ему, что император желает его немедленно видеть. - Что ж, - сказал Дюрок, - мне пора. - Как только слуга ушел, Дюрок яростно затопал ногами по полу и воскликнул: "Это ... не дает мне ни минуты покоя. Если он обнаружит, что у меня есть пять минут для себя в течение утра, он обязательно пошлет за мной". Затем он надел сюртук и вернулся к императору, сказав: "В другой раз вы услышите то, что я должен вам сказать".

С тех пор я не видел Дюрока до января 1813 года. Он постоянно отсутствовал в Париже и вернулся только в конце 1812 года. Он был сильно потрясен результатом кампании, но вера в гений Наполеона поддерживала его настроение. Я перевел разговор с этой темы и напомнил ему о его обещании рассказать мне, что произошло между императором и его родственником томе. "Вы услышите", - сказал он. "Мы с императором играли в бильярд, и, между нами говоря, он играет очень плохо. Он ничто в игре, которая зависит от мастерства. Небрежно перекачивая яйца, он пробормотал следующие слова: "Вы когда—нибудь видите сейчас Бурьена?" - "Да, сир, он иногда обедает со мной в дни дипломатических приемов, и он выглядит таким забавным в своем старомодном придворном костюме лионской мануфактуры, что вы бы рассмеялись, если бы увидели его". - "Что он говорит о новых правилах придворной одежды?" - "Признаюсь, он говорит, что это очень смешно; что это не приведет ни к какому иному результату, кроме как позволит лионским фабрикантам избавиться от своих старомодных товаров; что это даст им возможность избавиться от своих старомодных товаров". насильственные изменения в обычаях нации никогда не приводят к успеху". — "О, с Бурьеном всегда так: он никогда ничем не бывает доволен". - "Конечно, сир, он склонен ворчать, но он говорит то, что думает". — "Знаете, Дюрок, он очень хорошо служил мне в Гамбурге. Он собрал для меня много денег. Он человек, разбирающийся в бизнесе. Я не оставлю его без работы. Время, должно быть, сильно зависит от него. Я посмотрю, что я могу для него сделать. У него много врагов."— "А у кого их нет, сир?" — "Из Гамбурга мне было передано много жалоб на него, но письмо, которое он написал мне в свое оправдание, открыло мне глаза, и я начинаю думать, что у Савари были веские причины защищать его. Предпринимаются попытки отговорить меня от его найма, но, тем не менее, в конце концов я это сделаю. Я помню, что именно он первым сообщил мне о близком приближении войны, в которой мы сейчас участвуем. Я забываю все, что говорилось против него за последние два года, и как только будет заключен мир и у меня появится свободное время, я подумаю о нем".

Пересказав мне этот разговор, Дюрок сказал: "Вы, конечно, должны быть уверены, что я сказал все, что о вас думаю, и я воспользуюсь случаем, чтобы напомнить ему о вас. Но мы должны быть терпеливы. Прощай, мой дорогой друг; мы должны как можно скорее отправиться в путь, и Бог знает, когда мы вернемся! Я пожелал ему успешной кампании и скорейшего возвращения. Увы! Я был обречен увидеть своего замечательного друга только еще раз.

После смерти Дюрока самой искренней потерей, о которой сожалели во время кампании 1813 года, была потеря князя Понятовского. Иосиф Понятоваки, племянник Станислава Августа, короля Польши, родился в Варшаве 7 мая 1763 года: в раннем возрасте он отличался патриотическим духом; но влияние его дяди придало ему очевидную нерешительность, из-за чего некоторые польские партии заподозрили его. После того, как его дядя присоединился к Конфедерации Тарговиц, Понятовский покинул службу в сопровождении большинства своих главных офицеров. Но когда в 1794 году поляки попытались дать отпор русским, он снова отправился в польский лагерь и поступил добровольцем в армию. Его благородное поведение снискало ему уважение соотечественников. Костюшко передал ему командование дивизией, с которой он оказал полезные услуги во время двух осад Варшавы. Сразу после сдачи этой столицы Понятовский отправился в Вену. Он отказался от предложений Екатерины и Павла носить оружие на службе России.

Понятоваки удалился в свое поместье в Варшаве, где жил как частный дворянин, пока создание Великого герцогства Варшавского не возродило надежды польских патриотов.

Затем он стал военным министром. Когда эрцгерцог Фердинанд прибыл в 1809 году с австрийскими войсками, чтобы овладеть Варшавским герцогством, Понятовский, командовавший польскими войсками, которые сильно уступали по численности австрийским войскам, вынудил последних, скорее благодаря умелому маневрированию, чем боевым действиям, эвакуировать Великое герцогство. Он преследовал их в Галиции до самого Кракова.

После этой почетной кампании он продолжал выполнять свои функции министра до 1812 года. Война против России снова призвала его возглавить польскую армию. Приняв участие во всех событиях той войны, в которой были такие разные шансы, Понятовский присутствовал в битве при Лейпциге. Это сражение, начавшееся 14 октября, в годовщину знаменитых битв при Ульме и Йене, продолжалось четыре дня и решило судьбу Европы. Пятьсот тысяч человек сражались на площади в три квадратных лиги.

Отступление стало необходимым, и Наполеон простился в Лейпциге с королем Саксонии и его семьей, которых он привез с собой из Дрездена. Затем император громким голосом воскликнул: "Прощайте, саксы!" - обращаясь к народу, заполнившему рыночную площадь, где проживал король Саксонии. С некоторым трудом, миновав множество поворотов, он добрался до предместья Рунштадт и покинул Лейпциг через внешние ворота этого предместья, которые ведут к мосту через Эльстер и к Линденау. Мост был взорван вскоре после того, как он его миновал, и это событие полностью предотвратило отступление той части армии, которая находилась на левом берегу Пасхи и которая попала во власть врага. В то время Наполеона обвиняли в том, что он приказал разрушить мост сразу после того, как сам прошел по нему, чтобы обеспечить себе личное отступление, поскольку ему угрожало активное преследование противника. Английские журналы были единодушны по этому вопросу, и, чтобы опровергнуть это мнение, которое носило весьма общий характер, в "Монитер" была помещена статья.

Перед переходом Эльстерского моста Наполеон приказал Понятовскому совместно с маршалом Макдональдом прикрывать отступление и защищать ту часть пригорода Лейпцига, которая ближе всего к дороге на Борн. Для выполнения этих приказов у него было всего 2000 польских пехотинцев. Он был в таком отчаянном положении, когда увидел, что французские колонны полностью отступают, а мост настолько забит их артиллерией и обозами, что проехать по нему не было никакой возможности. Затем, обнажив шпагу и повернувшись к офицерам, стоявшим рядом с ним, он сказал: "Здесь мы должны пасть с честью!" Во главе небольшого отряда кирасиров и польских офицеров он бросился на колонны союзников. В этом бою он получил пулевое ранение в левую руку: он уже был ранен 14 и 16 числа. Тем не менее он продвинулся вперед, но обнаружил, что пригород заполнен войсками союзников.

—[Союзников было так много, что они едва осознавали понесенные потери. Их массы наседали на нас со всех сторон, и было невозможно, чтобы победа не была на их стороне. Однако их успех был бы менее решающим, если бы не дезертирство саксов. В разгар сражения эти войска, двинувшись навстречу врагу, как бы намереваясь пойти в атаку, внезапно развернулись и открыли шквальный огонь из артиллерии и ружей по колоннам, с помощью которых они несколько минут назад вели бой. Я не знаю, на какой странице истории зафиксирована такая сделка. Это событие немедленно внесло большие изменения в наши дела, которые до этого были в достаточно плачевном состоянии. Здесь я должен упомянуть, что перед сражением император распустил баварскую дивизию, которая все еще оставалась у него. Он говорил с офицерами в выражениях, которые не скоро изгладятся из их памяти. Он сказал им, что "согласно законам военного времени, они были его пленниками, поскольку их правительство выступило против него; но что он не может забыть

услуги, которые они ему оказали, и что поэтому они могут вернуться домой". Эти войска покинули армию, где их очень уважали, и двинулись маршем в Баварию.]—

Он пробился сквозь них и получил еще одно ранение. Затем он бросился в Плейссу, которая была первой рекой, к которой он подошел. С помощью своих офицеров он добрался до противоположного берега, оставив свою лошадь в реке. Хотя он был сильно измотан, он вскарабкался на другого и достиг Эльстера, пройдя через сад м. Рейхенбаха, который был расположен на берегу этой реки. Несмотря на крутизну берегов Эльстера в этой части, принц бросился вместе со своей лошадью в реку: и человек, и лошадь утонули, и та же участь постигла нескольких офицеров, следовавших примеру Понятовского. Маршал Макдональд, к счастью, был одним из спасшихся. Через пять дней после этого рыбак вытащил тело принца из воды. 26 октября он был временно предан земле в Лейпциге со всеми почестями, подобающими прославленному покойному. Скромный камень отмечает место, где тело принца вытащили из реки. Поляки выразили желание. воздвигнуть памятник в память о своем соотечественнике в саду М. Райхенбаха, но этот господин заявил, что сделает это за свой счет, что он и сделал. Памятник состоит из красивого саркофага, окруженного плакучими ивами. Тело принца, после того как его забальзамировали, было отправлено в следующем году в Варшаву, а в 1816 году оно было передано на хранение в кафедральный собор, среди останков королей и великих людей Польши. Знаменитому Торвальдсену было поручено изготовить памятник для его могилы. Князь Понятовский не оставил потомства, кроме внебрачного сына, родившегося в 1790 году. Таким образом, королевская раса существовала только в побочной ветви короля Станислава, а именно в принце Станиславе, родившемся в 1754 году.

ГЛАВА XXX.

1813

Численность союзных войск против Наполеона — Их продвижение к Рейну — Призыв 280 000 человек — Ужасное положение французов под Майнцем — Декларация союзников во Франкфурте — Дипломатические корреспонденты — Герцога де Бассано сменил герцог Виченца — Условия союзников приняты неопределенно — Коленкур отправлен в штаб союзников — Манифест союзных держав французскому народу. — Дар в 30 000 000 долларов из личной казны императора — Желание отозвать м. де Талейрана — Станный совет относительно Веллингтона — Французы армия отозвана из Испании — Жозеф отрекся от престола — Абсурдное обвинение против месье Лейна — Перерыв в заседании Законодательного органа — Речь Наполеона перед Законодательным органом — Замечания Наполеона, переданные Камбасересом.

Когда война возобновила свое течение после Лейпцигской катастрофы, я уверен, что союзные монархи решили вести переговоры с Наполеоном только в его собственной столице, поскольку он четырем годами ранее отказался вести переговоры с императором Австрии иначе, как в Вене. Последний государь теперь полностью снял маску и объявил императору, что он объединится с Россией и Пруссией против него. В своем заявлении он привел странный предлог, что чем больше врагов будет против Наполеона, тем больше будет шансов быстро вынудить его согласиться на условия, которые в конце концов восстановят спокойствие, в котором Европа так сильно нуждалась. Это заявление Австрии было делом немалой важности, поскольку к тому времени она собрала армию численностью в 260 000 человек. Под русскими знаменами, которые продвигались к Рейну, стояли такие же силы. У Пруссии было 200 000 человек; у Рейнской конфедерации - 150 000; короче говоря, включая шведов и голландцев, английские войска в Испании и Нидерландах, датчан, которые бросили нас, испанцев и португальцев, чье мужество и надежды возродились после наших поражений, Наполеон выставил против него более миллиона вооруженных людей. Среди них тоже были неаполитанцы во главе с Мюратом!

Ноябрь 1813 года стал роковым для судьбы Наполеона. На всех участках французские армии были отброшены к Рейну, в то время как союзные войска продвигались к этой реке во всех направлениях. В течение значительного времени я с уверенностью ожидал падения Империи; не потому, что иностранные монархи поклялись уничтожить ее, но потому, что я видел невозможность Наполеона защититься от всей Европы, и потому, что я знал, что, каким бы отчаянным ни было его положение, ничто не заставит его согласиться на условия, которые он считал позорными. В то время каждый день отмечался новым дезертирством. Даже баварцы, естественные союзники Франции, те, кого император привел к победе в начале второй венской кампании, те, кого он, так сказать, принял на поле боя, были теперь против нас и были злейшими из наших врагов.

Еще до Лейпцигской битвы, последствия которой были столь разрушительны для Наполеона, он чувствовал необходимость обратиться к Франции за снабжением войск; как будто Франция была неисчерпаема. Он поручил императрице-регентше выдвинуть это требование, и, соответственно, Мария Луиза впервые явилась в Сенат с большим достоинством; но слава Империи теперь была на исходе. Императрица набрала 280 000 солдат, но не успели они поступить в армию, как были принесены в жертву. Дезертирство баварцев значительно усилило трудности, с которыми столкнулась разбитая армия, бежавшая из Лейпцига. Баварцы опередили нас в Ханау, городке, расположенном в четырех лье от Франкфурта; там они укрепились с целью отрезать нам путь к отступлению; но французы воспрянули духом, маленький городок был быстро взят, и баварцы были отброшены со значительными потерями. Французская армия прибыла в Майнц; если, конечно, можно назвать армией горстку людей, обездоленных, подавленных и измученных усталостью и лишениями. По прибытии войск в Майнц не было сделано никаких приготовлений к их приему: не было ни провизии, ни каких-либо припасов; и, как кульминация несчастья, среди солдат вспыхнули заразные эпидемии. Все отчеты, которые я получил, сходились в том, что их положение было ужасным:

Однако, не считая тех обломков, которые спаслись от бедствий при Лейпциге, и разрушительных последствий болезней; не считая 280 000 человек, набранных Сенатом-консулом по ходатайству Марии Луизы, император все еще располагал 120 000 отборных войск; но они были в тылу, рассеяны вдоль Эльбы, заперты в таких крепостях, как Данцик, Гамбург, Торгау и Шпандау. Таков был ужас нашего положения, что если, с одной стороны, мы не могли решиться бросить их, то в то же время было невозможно помочь им. Во Франции

был поднят всеобщий клич о мире, какой бы ценой его ни можно было купить. При таком положении вещей можно сказать, что 1813 год был более роковым для Наполеона, чем 1812 год. Бедствия Москвы были устранены его деятельностью и жертвами Франции; но бедствия Лейпцига были непоправимы.

Я вскоре расскажу о некоторых переговорах, в которых, если бы я захотел, я мог бы принять участие. После битвы при Лейпциге, в которой Франция во второй раз потеряла грозную армию, все державы, объединившиеся против Наполеона, заявили во Франкфурте 9 ноября, что они никогда не разорвут объединявшие их узы; что отныне будет требоваться не только континентального, но и всеобщего мира; и что любые переговоры, не имеющие своей целью всеобщего мира, будут отвергнуты. Союзные державы заявили, что Франция должна быть ограничена ее естественными пределами - Рейном, Альпами и Пиренеями. Это было все, что должно было остаться от огромной империи, основанной Наполеоном; но все же следует признать, что это было немало после многих бедствий, пережитых Францией, и когда ей угрожало вторжение многочисленных и победоносных армий. Но Наполеон не мог согласиться с подобными предложениями, ибо он всегда был готов поддаться иллюзии, когда истина его не удовлетворяла.

Согласно предложениям союзников во Франкфурте, Германия, Италия и Испания должны были быть полностью выведены из-под власти Франции. Англия признавала свободу торговли и судоходства, и, казалось, не было причин сомневаться в искренности ее заявленной готовности пойти на большие жертвы ради достижения цели, предложенной союзниками. Но к этим предложениям было добавлено роковое условие, а именно, что Конгресс должен собраться в городе, который должен быть объявлен нейтральным, на правом берегу Рейна, где должны были собраться полномочные представители всех воюющих держав; но эти переговоры не должны были препятствовать ходу войны.

—[Эта система ведения переговоров и продвижения вперед была реализацией идеи Меттерниха, копирующего прежнюю процедуру Наполеона. "Давайте всегда держать меч в одной голове и оливковую ветвь в другой; всегда готовы к переговорам, но только ведя переговоры во время продвижения вперед. Вот система Наполеона: пусть он найдет врагов, которые будут вести войну ... так, как он вел бы ее сам ". (Metternich vol. ii. p. 346).]—

Герцог де Бассано (Марет), который все еще был министром иностранных дел, ответил по приказу Наполеона на предложения союзников о созыве всеобщего конгресса; и заявил, что император присоединился к ним и желает, чтобы Мангейм был выбран нейтральным городом. М. Меттерних ответил запиской, датированной Франкфуртом, 25 ноября, заявив, что союзникам не составило труда согласиться с выбором Наполеоном Мангейма для проведения Конгресса; но поскольку в письме М. де Бассано не упоминалось об общих и сводных базах, которые я только что упомянул, и в письме, которое было передано г-ну де Сент-Эньяну во Франкфурт, г-н Меттерних заявил, что союзники хотели бы, чтобы император Наполеон заявил о своей решимости в отношении этих баз, чтобы непреодолимые трудности не помешали переговорам в самом их начале. Герцог Виченца (Коленкур), который только что наследовал герцогу де Бассано, получил это письмо. Доверяя Франкфуртской декларации, он думал, что у него будет право действовать на этих основаниях; он уверенно полагался на согласие Наполеона. Но теперь союзники решили не соглашаться на ограничения, предусмотренные этой декларацией. Коленкур был поэтому вынужден обратиться за новыми полномочиями, которые были предоставлены, и 2 декабря он ответил, что Наполеон согласен с фундаментальными и краткими основами, которые были сообщены

г-ном де Сент-Эньяном. На это письмо М. Меттерних ответил, что императоры России и Австрии были удовлетворены тем, что император Франции признал базы, которые союзники сочли необходимыми; что оба государя без промедления передадут официальный документ своим союзникам и что они убеждены, что немедленно по получении их ответа переговоры могут быть начаты без какого-либо прерывания войны.

Теперь мы увидим причину, по которой эти первые переговоры ни к чему не привели. В октябре союзники свергли колоссальное здание, получившее название Французская империя. Придя с победой на берега Рейна, они заявили о своем желании воздержаться от завоеваний, объяснили свои намерения и проявили непоколебимую решимость соблюдать их. Такая решимость союзников побудила французское правительство продемонстрировать миролюбивые намерения. Наполеон желал очевидным стремлением к миру оправдать, если можно так выразиться, в глазах своих подданных необходимость новых жертв; которых, согласно его прокламациям, он требовал только для того, чтобы дать ему возможность добиться мира на возможно более почетных условиях. Но правда в том, что он был полон решимости даже не прислушиваться к предложениям, сделанным во Франкфурте. Он всегда представлял границы по Рейну просто как компенсацию за расчленение Польши и огромное расширение английских владений в Азии. Но он хотел выиграть время и, по возможности, удержать союзные армии на правом берегу Рейна.

Огромные сборы, производимые во Франции один за другим, превратили воинскую повинность в своего рода пресс-конференцию. Люди, занятые в сельском хозяйстве и на мануфактурах, были оторваны от своих трудов; и народ начал выражать свое недовольство мерами правительства более громко, чем он до сих пор осмеливался делать; однако все были готовы предпринять еще одно усилие, если бы они могли убедить себя, что император отныне будет думать только о Франции. Наполеон послал Коленкура в штаб союзников, но это было сделано только для того, чтобы выиграть время и внушить уверенность, что он благосклонно настроен к миру.

Союзники, узнав об огромных наборах войск, которые производил Наполеон, и будучи хорошо знакомы с состоянием чувств во Франции, опубликовали знаменитый манифест, обращенный к французскому народу, который был широко распространен и может рассматриваться как предупреждение подданным, доверяющим обещаниям правительств.

О добросовестности, с которой были выполнены обещания, содержащиеся в манифесте, можно судить по Парижскому мирному договору. Между тем манифест немало способствовал отчуждению от Наполеона тех, кто все еще был верен его делу; ибо, веря заявлениям союзников, они видели в нем единственное препятствие к тому миру, которого Франция так горячо желала. В этом пункте союзники тоже не ошиблись, и я признаюсь, что не без удивления увидел, что герцог де Ровиго в той части своих Мемуаров, где он упоминает этот манифест, упрекает тех, кто составил его, в том, что они представляют императора сумасшедшим, который ответил на попытки к миру только введением воинской повинности: в конце концов, я не намерен утверждать, что декларация была полностью искренней; в отношении будущего это, конечно, не так. В Швейцарию уже вмешивались, и предпринимались попытки убедить ее разрешить союзным войскам войти во Францию по мосту Бейль. Не лучше обстояли дела и на юге Франции, где англо-испанская армия угрожала нашим границам со стороны Пиренеев и уже оккупировала Пампелуну; и в то же время внутренние дела страны были не менее критическими, чем ее внешнее положение. Набирать войска было напрасно; не хватало всего необходимого для армии. Чтобы удовлетворить самые насущные требования, император выделил 30 000 000 долларов из огромных сокровищ, которые он накопил в подвалах и галереях Марсанского павильона в

Тюильри. Эти 30 000 000 были быстро поглощены. Тем не менее это был акт великодушия со стороны Наполеона, и я никогда не мог понять, на каком основании Законодательный орган жаловался на расходы, потому что, поскольку средства поступали не из бюджета, не требовалось финансового закона, чтобы санкционировать их применение. Кроме того, почему эти строгие законодатели, которые, в то время как удача улыбалась Бонапарту, не осмеливались произнести ни слова по этому поводу, потребовали, до только что упомянутого безвозмездного подарка, чтобы 350 000 000 из личного юре императора были переведены в императорскую казну и переведены на государственные счета? Почему они не обратили внимания на накопление в Тюильри контрибуций и поборов, взимаемых в завоеванных странах? Ответ прост: потому что противодействовать этому было бы опасно.

Среди трудностей, обрушившихся на императора, он обратил свой взор на г-на де Талейрана. Но поскольку в качестве условия получения им должности министра иностранных дел требовалось, чтобы он сложил с себя полномочия вице-великого курфюрста, г-н де Талейран предпочел постоянную должность портфеля, который по минутному капризу мог быть отозван. Мне сообщили, что в разговоре с императором мосье де Талейран дал ему необычный совет действовать в угоду амбициям английского семейства Уэлсли и возбудить в уме Веллингтона, чья репутация только начинала обретать блеск, амбициозные проекты, которые поставили бы в неловкое положение коалицию. Наполеон, однако, не принял это предложение, исход которого он считал слишком неопределенным и, прежде всего, слишком отдаленным в тех неотложных обстоятельствах, в которых оно находилось. Затем Коленкур был назначен министром иностранных дел вместо г-на Маре, который был назначен государственным секретарем, и эта должность гораздо больше подходила ему.

Между тем император был всецело сосредоточен на средствах отражения готовившегося против него нападения. Критические обстоятельства, в которые он попал, казалось, восстановили энергию, которую время в какой-то мере отняло у него. Он обратил свой взор на Испанию и решил привести армию из этой страны, чтобы выступить против союзников, чьи передвижения указывали на их намерение войти во Францию через Швейцарию. В связи с этим вопросом произошло событие, рассчитанное на то, чтобы оказать решающее влияние на текущие дела, а именно, отказ Иосифа, короля Испании, от всех прав на корону, за которым должно было последовать возвращение, как и было условлено, Фердинанда в его владения. Джозеф принес эту жертву по наущению своего брата. Мирный договор был подписан, но произошла немыслимая задержка в его исполнении, в то время как поток, надвигавшийся на Францию, устремился вперед так быстро, что мирный договор не мог быть приведен в исполнение. Фердинанд, это правда, вновь взошел на свой трон, но по другим причинам.

Император был глубоко заинтересован в продвижении союзников. Было важно разрушить мост в Бейле, потому что после пересечения Рейна массы противника будут отброшены во Францию. В то время у меня были тесные отношения с иностранным дипломатом, имя которого мне по благоразумию запрещено называть. Он сказал мне, что враг продвигается к границе и что мост в Бейле не будет разрушен, как было условлено в Берне, где союзники выиграли день. Это удивило меня, потому что, с другой стороны, я знал от человека, который должен был быть не менее хорошо информирован, что есть надежда, что мост будет взорван. Будучи очень заинтересован в том, чтобы узнать правду, я от своего имени отправил к Бейлу агента, который по возвращении сказал мне, что мост останется.

19 декабря был созван Законодательный орган. Это было в среду. М. Лейн был вице-президентом при М. Ренье. Был назначен комитет для изучения сообщений императора и

составления отчета о них. Отчет и выводы комитета не были удовлетворительными; утверждалось, что они свидетельствовали о революционной тенденции, в распространении которой М. Лейна абсурдно обвиняли в том, что он был одним из организаторов; но все, кто знал его, должны были быть убеждены в ложности обвинения. Император приказал изъять доклад, а затем объявил перерыв в заседании Законодательного органа. Те, кто внимательно следил за событиями того времени, помнят оцепенение, царившее в Париже при известии об этом захвате и о закрытии Законодательного органа. Были выдвинуты тысячи предположений относительно того, какие новые события произошли за границей, но ничего удовлетворительного узнать не удалось.

Я считал это большой ошибкой. Кто может сомневаться в том, что если бы Законодательный орган предпринял откровенный и благородный шаг, заявив, что Франция принимает условия Франкфурта, союзники не прислушались бы к нему? Но слова: "Вы обесчещены, если уступите хотя бы одну деревню, приобретенную "Сенатом-консулом", - всегда звучали в ушах Наполеона: они льстили его тайным мыслям, и каждое мирное предложение было отвергнуто.

Члены отложенного Законодательного собрания, как обычно, отправились проститься с императором, который принял их в воскресенье, и, произнеся перед ними речь, которая очень хорошо известна, с большой неприязнью распустили мятежников, отказавшись выслушивать какие-либо объяснения. "Я утаил ваше обращение, - резко начал он. - оно было зажигательным. Я позвал вас, чтобы творить добро, — вы сделали зло. Одиннадцать двенадцатых из вас полны благих намерений, остальные, и прежде всего мсье Лейн, - мятежные интриганы, преданные Англии, всем моим врагам, и переписывающиеся через посредство адвоката Дезеэ с бурбонами. Возвращайтесь к своим Обязанностям и чувствуйте, что мой взгляд будет следить за вами; вы пытались унижить меня, вы можете убить меня, но вы не обесчестите меня. Вы делаете замечания; неужели сейчас такое время, когда чужеземец вторгается в наши провинции, и 200 000 казаков готовы наводнить нашу страну? Возможно, имели место мелкие злоупотребления; я никогда им не потворствовал. Вы, мсье Рейнуар, вы это сказали. Принц Массена ограбил дом человека в Марселе. Вы лжете! Генерал вступил во владение пустующим домом, и мой министр возместит ущерб владельцу. Неужели вы смеете оскорблять маршала Франции, который пролил кровь за свою страну и поседел от победы? Почему вы не обратились со своими жалобами лично ко мне? Я бы отдал вам должное. Мы должны стирать свое грязное белье дома, а не выволакивать его перед всем миром. Вы называете себя представителями нации. Это неправда; вы всего лишь депутаты департаментов; небольшая часть государства, ниже Сената, ниже даже Государственного совета. Представители народа! Я единственный Представитель народа. Дважды 24 000 000 французов призывали меня на трон: кто из вас осмелится взвалить на себя такое бремя? Оно уже захлестнуло (eclase) ваши Ассамблеи и ваши Конвенты, ваших Верньо и ваших Гваде, ваших якобинцев и ваших жирондистов. Они все мертвы! Что, кто ты? ничто — вся власть в Троне; а что такое Трон? этот деревянный каркас, обтянутый бархатом? — нет, я и есть Трон! Ты добавил к упрекам неправду. Вы говорили об уступках — уступках, о которых не осмеливались просить даже мои враги! Я полагаю, если бы они попросили Шампанское, вы бы попросили меня дать им еще и Ла Бри; но через четыре месяца я добьюсь мира, или я умру! Вы советуете! как вы смеете спорить о таких высоких материях (de si graves interets)! Вы поставили меня в авангарде сражения как причину войны — это позорно (c'est une atrocité). Из всех ваших комитетов вы исключили друзей правительства — чрезвычайную комиссию—финансовый комитет-комитет обращения, всех, всех моих врагов. Господин Лейн, я повторяю это, предатель; он злой человек, остальные - простые интриганы. Я отдаю должное одиннадцати двенадцатым; но фракции я знаю и буду преследовать. Я

спрашиваю снова, стоило ли вам это делать, пока враг находится во Франции? Но природа одарила меня решительным мужеством — ничто не может меня одолеть. Это дорого обошлось и моей гордости — я принес эту жертву; я — но я выше ваших жалких речей — я нуждался в утешении, и вы хотели унижить меня — но нет, мои победы сокрушат ваши крики! Через три месяца у нас будет мир, и ты расквесишь в своей глупости. Я один из тех, кто торжествует или умирает.

"Возвращайтесь в свои отделы, если кто-нибудь из вас осмелится напечатать ваше обращение, я опубликую его в "Монитор" с моими собственными примечаниями. Уезжайте; Франция нуждается во мне больше, чем я во Франции. Я ношу в своем сердце одиннадцать двенадцатых таких, как вы, - я назначу депутатов в две вакантные палаты и предоставлю Законодательному органу выполнять свои надлежащие обязанности. Жители Эльзаса и Франш-Конте храбрее вас; они просят у меня оружия, я посылаю их, и один из моих адъютантов поведет их против врага".

В последующих беседах он сказал о Законодательном органе, что "его члены приезжали в Париж только для того, чтобы получить какие-то услуги. Они приставали к министрам с утра до ночи и жаловались, если те не были немедленно удовлетворены. Когда их приглашают на обед, они сгорают от зависти к великолепию, которое видят перед собой ". Я слышал это от Камбасереса, который присутствовал при этих замечаниях императора.

ГЛАВА XXXI.

1813.

Флаг армии Италии и орлы 1813 года — Вступление союзников в Швейцарию — Вызов к министру полиции — Мой отказ принять миссию в Швейцарии — Интервью с месье де Талейраном и герцогом де Висенсом — Предложение герцогства и Большой кордон ордена Почетного легиона — Окончательный отказ — Послание герцога де Висенса мне в 1815 году — Начало осады Гамбурга — Мост длиной в две лиги — Казни в Любеке — Нехватка провизии в Гамбурге — Изгнание жителей — Мужчины избивание бастиадо и женщин кнутом — Гостеприимство жителей Альтоны.

Теперь я подошел к самому критическому периоду в карьере Наполеона. Какие размышления должен был бы он сделать, если бы у него было время поразмыслить, сравнивая воспоминания о своей восходящей славе с печальной картиной своего падающего состояния? Какой контраст возникает, когда мы сравниваем знаменитое знамя итальянской армии, которое юный завоеватель Бонапарт принес Директории, с теми поникшими орлами, которым приходилось теперь защищать гнездо, откуда они так часто взлетали, чтобы расправить свои победоносные крылья над Европой! Здесь мы видим разницу между свободой и абсолютной властью! Наполеон, сын свободы, которому он был обязан всем, отрекся от своей матери и теперь был близок к падению. Эти славные триумфы

закончились теперь, когда народ Италии утешился поражением и подчинился волшебной силе той свободы, которая предшествовала республиканским армиям. Теперь, напротив, именно для того, чтобы освободиться от деспотического ига, народы Европы, в свою очередь, взяли за оружие и готовились вторгнуться во Францию.

С вторжением союзных армий на территорию Швейцарии после согласия кантонов связан факт огромной важности в моей жизни, и который, если бы я захотел, мог бы сильно изменить мою судьбу. Во вторник, 28 декабря, я обедал со своим старым другом месье Пьерло, и, уходя из дома, я имел привычку говорить, где меня можно найти на случай, если я понадобится. В девять часов вечера прибыл экспресс от министра полиции, который просил меня немедленно прибыть в его кабинет. Признаюсь, учитывая обстоятельства того времени и зная предубеждение императора против меня, подобная просьба, поступившая в такой час, заставила меня почувствовать некоторую неловкость, и я ожидал не чего иного, как поездки в Венсен. Герцог де Ровиго, приняв на себя ответственность за меня, еще не успел отразить удар, и надзор, которому император подверг меня — благодаря добрым услугам Даву, — заключался в том, что я три раза в неделю показывался Сэвори.

Поэтому я, позаимствовав сначала ночной колпак, отправился в гостиницу министра полиции. Меня провели в хорошо освещенную комнату, и, войдя, я обнаружил, что Савари ждет меня. Он был при полном параде, из чего я заключил, что он только что от императора. Подойдя ко мне с видом, который показывал, что у него нет для меня плохих новостей, он обратился ко мне так:

- Бурьен, я только что от императора, который спросил меня, где вы? Я сказал ему, что вы в Париже и что я часто вас вижу. "Что ж, - продолжал император, - прикажите ему прийти ко мне, я хочу нанять его. Прошло три года с тех пор, как он что-либо делал. Я хочу отправить его министром в Швейцарию, но он должен отправиться немедленно. Он должен отправиться к союзникам. Он хорошо понимает немецкий. Король Пруссии выразил в письме удовлетворение своим поведением по отношению к пруссакам, которых война вынудила отступить в Гамбург. Он знает принца Витгенштейна, друга короля Пруссии, и, вероятно, находится в Леррахе. Он увидит всех немцев, которые там находятся. Я полностью полагаюсь на него и верю, что его путешествие увенчается хорошим результатом. Коленкур даст ему необходимые инструкции".

Несмотря на мое крайнее удивление по поводу этого сообщения, я без колебаний ответил, что не могу принять эту миссию; что она была предложена слишком поздно. "Возможно, есть надежда, - сказал я, - что Бейльский мост будет разрушен и что Швейцария сохранит свой нейтралитет. Но я ни во что подобное не верю; более того, я точно знаю обратное. Я могу только повторить, что предложение поступило слишком поздно". — "Я очень сожалею о таком решении, - заметил Сейвори, - но Коленкур, возможно, убедит вас. Император желает, чтобы вы отправились к герцогу де Висенсу завтра в час дня; он ознакомит вас со всеми подробностями и даст вам инструкции". - "Он может ознакомить меня со всем, что пожелает, но я не поеду в Леррах". — "Вы знаете императора лучше, чем я, он хочет, чтобы вы поехали, и он не простит вашего отказа". — "Он может делать все, что ему заблагорассудится, но никакие соображения не заставят меня ехать в Швейцарию". — "Вы ошибаетесь. Но вам следует поразмыслить над вопросом между этим и завтра утром. Ночь даст хороший совет, Во всяком случае, не преминьте отправиться завтра в час дня в Коленкур, он ожидает вас, и будут даны указания принять вас немедленно.

На следующее утро первое, что я сделал, это зашел к месье де Талейрану. Я рассказал ему, что произошло, и, поскольку он был близко знаком с Коленкуром, я попросил его поговорить

с этим министром в поддержку моего решения. Г-н де Талейран одобрил мое решение не ехать в Швейцарию, и ровно в час дня я отправился к г-ну де Коленкуру. Он рассказал мне все, что ему было поручено сказать. Из того, как он сделал сообщение, я заключил, что сам он считал предлагаемую миссию неприятной и вряд ли приведшей к какому-либо полезному результату. Я заметил, что он, должно быть, слышал от Сэйвори, что я уже выразил свою решимость отказаться от миссии, которую император был рад предложить мне. Герцог де Висенс затем в очень дружеской форме подробно изложил причины, которые должны были побудить меня принять это предложение, и не скрыл от меня, что, упорствуя в своей решимости, я рискую вызвать у Наполеона сомнения относительно моего мнения и будущих намерений. Я ответил, что, прожив три года как частное лицо, не связанное с общественными делами, я не должен иметь никакого влияния в штабе союзников и что какими бы незначительными способностями я ни обладал, это не уравновесит трудностей моего положения и мнения, что я в немилости. Я добавил, что появлюсь в штаб-квартире без каких-либо наград, даже без ордена Почетного легиона, которому император придавал такое большое значение и отсутствие которого выглядело бы почти позором; и я сказал, что эти мелочи, как бы мало их ни ценили разумные люди, не лишены, как ему хорошо известно, влияния на людей, с которыми мне придется иметь дело. "Если это все, - ответил Коленкур, - то препятствие будет быстро устранено. Император уполномочил меня сообщить вам, что он произведет вас в герцоги и вручит вам Большой орден Почетного легиона.

После этих слов я подумал, что вижу сон, и был почти склонен поверить, что Коленкур шутит со мной. Однако предложение было серьезным, и я не стану отрицать, что оно было заманчивым; и все же я настаивал на своем отказе. Наконец, после некоторого дальнейшего разговора и возобновившихся, но бесполезных просьб со стороны месье де Коленкура, он встал, что послужило сигналом к тому, что наша беседа окончена. Признаюсь, я на мгновение растерялся, как поступить, поскольку чувствовал, что мы не пришли к взаимопониманию. Господин де Коленкур медленно направился к двери своего кабинета: если я уйду, не узнав его мнения, я ничего не сделаю; поэтому, обращаясь к нему по фамилии: "Коленкур", - сказал я. - Вы часто уверяли меня, что никогда не забудете услуг, которые я оказал вам и вашей семье в то время, когда обладал некоторым влиянием. Я знаю вас и поэтому говорю с вами, не маскируясь. Сейчас я обращаюсь не к министру императора, а к Коленкуру. Вы человек чести, и я могу откровенно открыть вам свое сердце. Подумайте о затруднительном положении Франции, которое вы знаете лучше меня. Я не спрашиваю вас о ваших секретах, но я сам знаю достаточно. Скажу вам откровенно, что я убежден, что враг перейдет Рейн через несколько дней. Император был обманут: у меня не будет времени добраться до места назначения, и надо мной будут смеяться. Мои корреспонденты в Германии ознакомили меня со всеми подробностями. Теперь, Коленкур, скажи мне честно, если бы ты был на моем месте, а я на твоём, и я бы сделал тебе это предложение, какое решение ты бы принял?

По выражению лица Коленкура я заметил, что мой вопрос произвел на него впечатление, и, нежно пожимая мне руку, он сказал: "Я бы поступил так же, как вы: достаточно. Я улажу это дело с императором". Этот ответ, казалось, снял тяжесть с моей души, и я покинул Коленкура с чувством благодарности. Я был полностью уверен, что он удовлетворительно уладит это дело, и в этом предположении я не обманулся, поскольку больше ничего об этом не слышал.

Здесь я должен заглянуть на год вперед, чтобы рассказать о другом происшествии, в котором были замешаны герцог де Висенс и я. Когда в марте 1815 года король назначил меня префектом полиции, г-н де Коленкур прислал ко мне доверенное лицо, чтобы узнать, рискует ли он, оставаясь в Париже, или ему лучше уехать. Ему сказали, что его имя внесено в список

лиц, которых я получил приказ арестовать. Обрадованный таким доказательством доверия, я передал следующий ответ через посланца герцога де Висенса: "Скажите господину де Коленкуру, что я не знаю, где он живет. Его не нужно опасаться: я отвечу за него".

Во время кампании 1813 года союзники, изгнав французов из Саксонии и вынудив их отступить к Рейну, осадили Гамбург, где Даву был заперт с гарнизоном в 30 000 человек, твердо решив превратить его во вторую Сарагосу. Начиная с сентября месяца, с каждым днем увеличивалась численность союзных войск, которые уже быстро продвигались по левому берегу Эльбы. Даву пытался укрепить Гамбург в столь обширных масштабах, что, по мнению самых опытных военных, потребовался бы гарнизон в 60 000 человек, чтобы защитить его в ходе регулярной и затяжной осады. В начале осады Даву потерял Вандама, который был убит во время вылазки во главе многочисленного корпуса, которым бесцеремонно пожертвовали.

Справедливости ради следует признать, что Даву проявил большую активность в обороне и начал с того, что собрал большие запасы.

—[Вандам сражался под командованием Груши в 1815 году и умер несколько лет спустя. Его убийство в Гамбурге — одна из любопытных ошибок, за которую ухватились бонапартисты, чтобы отрицать подлинность этих Мемуаров.]—

Генералу Бертрону было приказано построить мост для установления сообщения между Гамбургом и Харбургом путем соединения островов Эльбы с Континентом на общем расстоянии около двух лиг. Этот мост предполагалось построить из дерева, и Даву воспользовался всеми лесозаготовительными складами, чтобы снабдить его материалами для строительства. В течение восьмидесяти трех дней мост был закончен. Это было очень величественное сооружение, его длина составляла 2529 туазов, без учета линий соединения, образованных на двух островах.

Жители были ужасно угнетены, но все жестокие меры и предосторожности французов оказались безрезультатными, поскольку союзники двинулись вперед большими силами и заняли Вестфалию, что вынудило губернатора Гамбурга отозвать в город различные отряды, разбросанные вокруг Гамбурга.

Уход французских войск из Любека был отмечен кровью. Перед тем, как они эвакуировали город, старик и мясник по имени Прал были приговорены к расстрелу. Преступление мясника состояло в том, что он сказал, говоря о французах: "Der teufel hohle sie" (черт бы их побрал). Старик, к счастью, избежал грозившей ему участи, но, несмотря на мольбы и слезы жителей, приговор Пралу был приведен в исполнение.

Гарнизон Гамбурга состоял из французских, итальянских и голландских войск. Сначала их численность составляла 30 000 человек, но болезни произвели среди них большой опустошитель. Ежедневно в госпиталях умирало от шестидесяти до восьмидесяти человек. Когда гарнизон эвакуировался из Гамбурга в мае 1814 года, его численность сократилась примерно до 15 000 человек. В декабре месяце запасы провизии начали сокращаться, и не было возможности возобновить их. В первую очередь бедняков вынудили покинуть город, а затем и всех лиц, которые не имели полезной работы. Не будет преувеличением оценить в 50 000 человек число лиц, которые были таким образом сосланы. Полковник, командующий жандармерией в Гамбурге, уведомил изгнанных жителей, что те, кто не покинет город в установленный срок, получат пятьдесят ударов тростью, а затем будут изгнаны. Но если

епитимью можно смягчить со священниками, то это возможно и с жандармами. Преступники ухитрялись выкупить свой побег из бастинадо за определенную сумму денег, а французская галантность заменяла розгу по отношению к женщинам. Я видела приказ, предписывающий всем служанкам проходить обследование на предмет состояния их здоровья, если только они не смогут предъявить справки от своих хозяев. 25 декабря правительство предоставило на двадцать четыре часа больше времени лицам, которым было приказано покинуть город; а через два дня после этой поблажки был опубликован указ, объявляющий, что те, кто должен вернуться в город после того, как однажды покинул его, должны рассматриваться как мятежники и пособники врага и как таковые приговорены к смертной казни местным судом. Но этого было недостаточно. В конце декабря людей, без различия пола и возраста, вытаскивали из постелей и вывозили из города холодной ночью, когда термометр показывал шестнадцать-восемнадцать градусов; утверждалось, что при этом вывозе погибло несколько стариков. Те, кто выжил, были оставлены за воротами Альтоны. В Альтоне все они нашли убежище и помощь. В день Рождества 7000 из этих несчастных были приняты в доме мсье Рейнвиля, бывшего адъютанта Дюмуре, который покинул Францию вместе с этим генералом. Его дом, находившийся в Гольштейне, обычно был арендой блестящих развлечений, но он был превращен в обитель страданий, траура и смерти. Несчастливым разбойникам было оказано все возможное внимание, но мало кто извлек из этого пользу, и, что еще хуже, жители Альтоны пострадали за свое великодушие. Многие из несчастных были поражены эпидемией, свирепствовавшей в Гамбурге и, как следствие, вспыхнувшей в Альтоне.

Поскольку все средства сбора денег в Гамбурге были исчерпаны, был наложен арест на средства банка этого города, в которых еще оставалось от семи до восьми миллионов марок. Неужели те, кто приказал принять эту меру, не знали, что наложение ареста на средства некоторых граждан Гамбурга нанесло ущерб всем иностранцам, у которых были средства в Банке? Таково краткое описание бедствий и жестокостей, которые долгое время угнетали этот несчастный город. Наполеон обвинил Гамбург в англomanии и, разрушив его, думал погубить Англию. Гамбург, слабый и лишенный своих источников, мог только жаловаться, подобно Иерусалиму, осажденному Титом: "Плораны, плоравит ночью".

ГЛАВА XXXII.

1813-1814.

Принц Евгений и дела Италии—Итальянская армия на границах Австрии—Сожаление Эжена по поводу дезертирства баварцев—Лицемерие и вероломство Мюрата—Его договор с Австрией—Военные действия, за которыми последовало объявление войны—Мюрат покинут французскими генералами—Прокламация из Парижа—Успех Мюрата—Гигантский план Наполеона—Наполеон посоветовал присоединиться к якобинцам—Его отказ—Вооружение Национальной гвардии—Прощание императора с офицерами—Шатийонский конгресс—Отказ от перемирия—Характер Наполеона, проявленный в его переговорах—Открытие Конгресса—Дискуссии—Прекращение

Конференций.

Теперь я хочу перейти к рассмотрению дел в Италии и основных событий вице-королевства Эжена. Чтобы свести воедино все, что я должен сказать о вице-короле, я должен предвосхитить ход времени.

После кампании 1812 года, когда Эжен вновь посетил Италию, ему быстро сообщили о более чем сомнительных настроениях Австрии по отношению к Франции. Затем он занялся подготовкой к созданию армии, способной защитить страну, которую император поручил ему защищать. Наполеон полностью осознал, какую выгоду он получит от присутствия на северных границах Италии армии, достаточно сильной, чтобы преследовать Австрию, в случае, если она откинет прозрачную завесу, которая все еще прикрывала ее политику. Эжен сделал все, что от него зависело, чтобы выполнить пожелания императора; но, несмотря на его усилия, итальянская армия, в конце концов, была всего лишь воображаемой армией для тех, кто мог сравнить количество людей, фактически зачисленных в армию, с цифрами, указанными в списках. Когда в июле 1813 года вице-королю сообщили о повороте, принятом переговорами в тени Конгресса, собравшегося в Праге, у него больше не было никаких сомнений в возобновлении военных действий; и, предвидя нападение на Италию, он решил как можно скорее приблизиться к границам Австрии. Ему удалось собрать армию, состоящую из французов и итальянцев и насчитывающую 45 000 пехотинцев и 5000 кавалеристов. После возобновления военных действий штаб вице-короля находился в Удине. Вплоть до апреля 1814 года ему удавалось сохранять грозную позицию и защищать въезд в свое королевство благодаря тому военному таланту, которого следовало ожидать от человека, воспитанного в великой школе Наполеона, и на которого армия смотрела как на одного из своих самых искусных генералов.

Во время великих и печальных событий 1813 года все взоры были прикованы к Германии и Рейну; но дезертирство Мюрата на время отвлекло внимание к Италии. Это событие не так уж сильно удивило меня, поскольку я не забыл свой разговор с королем Неаполя на Елисейских полях, с которым я познакомил читателя. Поначалу дезертирство Мюрата всем казалось невероятным, и это сильно возмутило Бонапарта. Другое дезертирство, произошедшее примерно в тот же период, глубоко огорчило Эжена, ибо, хотя он и был возведен в ранг принца и почти суверена, он все еще оставался мужчиной, и человеком превосходным. Он был женат на принцессе Амелии Баварской, которая была такой же любезной и горячо любимой, как и он, и испытывал глубокое унижение, считая подданных своего тестя одними из врагов, с которыми ему, вероятно, придется сражаться. Опасаясь, что баварцы со стороны Тироля будут преследовать его, Эжен начал свое ретроградное движение осенью 1813 года. Сначала он отступил к Тальяменто, а затем к Адидже. Достигнув этой реки, итальянская армия значительно поредела, несмотря на всю заботу Эжена о своих войсках. Примерно в конце ноября Эжен узнал, что неаполитанский корпус продвигается в Верхнюю Италию, частью в направлении Рима, а частью - Анконы. Целью неаполитанского короля было воспользоваться положением Европы, и он был обманут обещаниями, данными ему в награду за его измену. Мюрат, казалось, перенял хитрую политику Австрии; ибо он не только решил присоединиться к коалиции, но даже поддерживал связь с Англией и Австрией, в то же время заявляя о верности своим обязательствам с Наполеоном.

Когда вице-король впервые сообщил императору об измене Мюрата, император отказался в это поверить. "Нет, - воскликнул он, обращаясь к окружавшим его людям, - этого не может

быть! Мюрат, которому я отдала свою сестру! Мюрат, которому я отдала трон! Эжена, должно быть, дезинформировали. Невозможно, чтобы Мюрат выступил против меня!" Однако это было не только возможно, но и верно. Постепенно отбрасывая притворство, под которым он скрывал свои замыслы, Мюрат, казалось, был склонен возобновить политику Италии в пятнадцатом и шестнадцатом веках, когда искусство обмана считалось итальянскими правительствами самым возвышенным достижением гения. Без какого-либо объявления войны Мюрат приказал неаполитанскому генералу, оккупировавшему Рим, принять верховное командование в римских государствах и вступить во владение страной. Генерал Миоллис, командовавший французскими войсками в Риме, мог только броситься со своей горсткой людей в замок Святого Ангела, знаменитый адрианский молл, в котором долгое время хранилась сокровищница Сикста V. Французский генерал вскоре оказался в блокаде со стороны неаполитанских войск, которые также блокировали Чивита-Веккью и Анкону.

Мирный договор, заключенный между Мюратом и Австрией, был окончательно подписан 11 января 1814 года. Как только ему сообщили об этом, вице-король, уверенный, что вскоре ему придется вступить в бой с неаполитанцами, был вынужден отказаться от сохранения линии Адидже, поскольку неаполитанская армия находилась в тылу его правого крыла. Соответственно, он приказал отступить на другой берег Минчо, где была расквартирована его армия. В этом положении принцу Евгению 8 февраля пришлось вступить в бой с австрийцами, которые подошли вместе с ним, и победа при Минчо на некоторое время приостановила вторжение австрийской армии и ее соединение с неаполитанскими войсками.

Только через восемь дней Мюрат официально объявил войну императору; и сразу же несколько генералов и высших офицеров, а также множество французских войск, находившихся у него на службе, покинули его и отправились в штаб вице-короля. Мюрат попытался задержать их; они ответили, что, поскольку он объявил войну Франции, ни один француз, любящий свою страну, не может оставаться у него на службе. "Неужели вы думаете, - возразил он, - что мое сердце менее французское, чем ваше? Напротив, я заслуживаю большой жалости. Я слышу только о бедствиях Великой армии. Я был вынужден заключить договор с австрийцами и соглашение с англичанами под командованием лорда Бентинка, чтобы спасти мое Королевство от угрозы высадки англичан и сицилийцев, которая неизбежно вызвала бы восстание".

Не могло быть более искреннего признания той антипатии, которую, как знал Иоахим, неаполитанцы питали к его личности и правительству. Его обращение к французам оказалось безрезультатным. Было легко предвидеть, что за этим последует. Вскоре вице-король получил официальное сообщение от военного министра Наполеона, сопровождаемое императорским указом, отзывающим всех французских, находившихся на службе у Иоахима, и объявляющим, что все, кто был схвачен с оружием в руках, должны предстать перед военным трибуналом как предатели своей страны. Мюрат начал с получения преимуществ, которые невозможно было оспорить. Его войска почти сразу же овладели Ливорно и цитаделью Анкона, и французы были вынуждены эвакуироваться из Тосканы.

Дезертирство Мюрата разрушило одну из гигантских концепций Бонапарта. Он планировал, что Мюрат и Эжен со своими объединенными силами выступят в тыл союзникам, в то время как он, оспаривая землю Франции у захватчиков, создаст новые препятствия для их продвижения; король Неаполя и вице-король Италии должны были двинуться на Вену и заставить Австрию трепетать в самом сердце ее столицы перед робким миллионом ее союзников, которые мерили шагами приближение к Парижу, осквернить своим

присутствием столицу Франции. Когда мне сообщили о грандиозном проекте, который, однако, был всего лишь мечтой на мгновение, я сразу узнал этот орлиный взгляд, эту способность находить огромные ресурсы в великих бедствиях, столь свойственную Бонапарту.

Наполеон все еще был императором Франции; но он, навязавший всей Европе мирные договоры, не менее губительные, чем предшествовавшие им войны, теперь не мог добиться перемирия; и Коленкур, которого послали лечить одного из них в лагере союзников, провел двадцать дней в Люневиле, прежде чем ему удалось получить разрешение пройти мимо передовых постов армии вторжения. Тщетно Коленкур умолял Наполеона пожертвовать или хотя бы временно уйти в отставку частью той славы, которую он приобрел в стольких сражениях и которую ничто не могло стереть в истории. Наполеон ответил: "Я подпишу все, что вы пожелаете. Чтобы добиться мира, я не буду выдвигать никаких условий; но я не буду диктовать свое собственное унижение". Эта уступка, конечно, равнялась решимости ничего не подписывать и не предоставлять.

В первые две недели января 1814 года треть Франции была захвачена, и было предложено сформировать новый Конгресс, который должен был состояться в Шатийон-сюр-Сен. Положение Наполеона с каждым днем становилось все хуже и хуже. Ему посоветовали изыскать чрезвычайные ресурсы во внутренних районах империи и напомнили о четырнадцати армиях, которые, словно по волшебству, поднялись на защиту Франции в начале Революции. Наконец, было рекомендовано примирение с якобинцами, партией, которая имела власть призывать массы на помощь ему. На мгновение он был склонен последовать этому совету. Он объезжал верхом пригороды Сент-Антуан и Сен-Марсо, ухаживал за населением, нежно отвечал на их приветствия и, как ему казалось, видел возможность обратить внимание на привязанность, которую проявляли к нему люди. Когда он вернулся во Дворец, некоторые благоразумные люди осмелились заявить ему, что вместо того, чтобы добиваться такой абсурдной популярности, было бы более разумно положиться на дворянство и высшие классы общества. "Господа, - ответил он, - вы можете говорить все, что вам заблагорассудится, но в том положении, в котором я нахожусь, моя единственная знать - это чернь из предместий, а я не знаю никакой черни, кроме той, которую я создал". Это был странный комплимент всем рангам, ибо он всего лишь говорил о том, что все они были сбродом.

В это время якобинцы были склонны прилагать все усилия, чтобы служить ему; но они требовали, чтобы все шло по-своему и им позволялось свободно возбуждать и поощрять революционные чувства. Пресса, которая стонала под гнетом самой одиозной и невыносимой цензуры, должна была полностью подчиниться им. Я излагаю эти факты не понаслышке. Мне случайно довелось присутствовать на двух конференциях, на которых были выдвинуты проекты, пропитанные клубным ароматом, и эти проекты были поддержаны с большей уверенностью, потому что их успех считался несомненным. Хотя я не видел Наполеона со времени моего отъезда в Гамбург, я был достаточно уверен в его чувствах к якобинцам, чтобы быть уверенным, что он не будет иметь с ними ничего общего. Я не ошибся. Услышав о цене, которую они назначили за свои услуги, он сказал: "Это слишком дорого; у меня будет шанс на спасение в битве, но с этими разъяренными болванами у меня его не будет. Не может быть ничего общего между демагогическими принципами 93-го года и монархией, между клубами сумасшедших и обычным министерством, между Комитетом общественной безопасности и императором, между революционными трибуналами и установленными законами. Если мне придется пасть, я не завещаю Францию Революции, от которой я ее избавил".

Это были золотые слова, и Наполеон придумал более благородный и поистине национальный способ отразить угрожавшую ему опасность. Он приказал набрать Национальную гвардию Парижа, которая была передана под командование маршала Монси. Лучшего выбора и быть не могло, но штаб Национальной гвардии был средоточием скрытых интриг, в которых меньше думали об обороне Парижа, чем о способах воспользоваться свержением Наполеона. Я был произведен в капитаны этой гвардии и, как и остальные офицеры, был вызван в Тюильри 23 января, когда император простился с Национальной гвардией перед своим отъездом из Парижа, чтобы присоединиться к армии.

Наполеон вошел вместе с императрицей. Он двинулся вперед величественной поступью, ведя за руку своего сына, которому не было еще и трех лет. Я давно его не видел. Он сильно располнел, и я заметил на его бледном лице выражение меланхолии и раздражительности.

Привычные движения мышц его шеи были более решительными и частыми, чем раньше. Я не стану пытаться описать, каковы были мои чувства во время этой церемонии, когда я снова увидел после долгой разлуки друга моей юности, который стал хозяином Европы, а теперь был на грани того, чтобы пасть под натиском своих врагов. Было что-то меланхоличное в этой торжественной и впечатляющей церемонии. Я редко видел такое глубокое молчание в столь многочисленном собрании. Наконец Наполеон таким же твердым и звучным голосом, как тогда, когда он обращался к своим войскам в Италии или Египте, но без той уверенности, которая тогда сияла на его лице, обратился к собравшимся офицерам с речью, которая была опубликована во всех журналах того времени. В начале своего выступления он сказал: "Этой ночью я отправился в путь, чтобы принять командование армией. Покидая столицу, я уверенно оставляю позади себя свою жену и сына, на которых возложено так много надежд". Я внимательно выслушал обращение Наполеона, и, хотя он произнес его твердо, он либо испытывал, либо притворялся взволнованным. Были ли эмоции с его стороны искренними или нет, их разделяли многие присутствующие; и что касается меня, то я признаюсь, что мои чувства были глубоко тронуты, когда он произнес эти слова: "Я оставляю вам мою жену и моего сына". В этот момент мои глаза были прикованы к молодому принцу, и интерес, который он внушал мне, в равной степени не был связан ни с окружавшим его величием, ни с угрожавшими ему несчастьями. Я увидел в этом интересном ребенке не римского короля, а сына моего старого друга. Весь день после этого я не мог избавиться от чувства подавленности, сравнивая утреннюю сцену прощания с тем днем, когда мы вступили во владение Тюильри. Какими столетиями казались четырнадцать лет, разделявшие эти два события.

Возможно, стоит напомнить тем, кому любопытно сравнивать даты, что Наполеон, преемник Людовика XVI и ставший племянником этого монарха благодаря браку с племянницей Марии-Антуанетты, простился с Национальной гвардией Парижа в годовщину рокового 21 января, после двадцати пяти лет последовательного террора, страха, надежды, славы и несчастий.

Тем временем в Шатийон-сюр-Сен открылся Конгресс, на котором были собраны герцог Виченца со стороны Франции, лорды Адердин и Кэткарт и сэр Чарльз Стюарт в качестве представителей Англии, граф Разумовский со стороны России, граф Стадион от Австрии и граф Гумбольдт от Пруссии. Перед открытием Конгресса герцог Виченцкий, в соответствии с приказом императора, потребовал перемирия, которое почти неизменно предоставлялось во время переговоров о мире; но теперь было уже слишком поздно: союзники давно решили не прислушиваться ни к каким подобным требованиям. Поэтому они ответили на ходатайство герцога Виченцы, потребовав, чтобы предложения о мире были немедленно подписаны. Но это были не предложения Франкфурта. Союзники установили в качестве своих баз границы

старой французской монархии. Они считали себя уполномоченными на это своим успехом и своим положением.

Чтобы правильно оценить поведение Наполеона во время мирных переговоров, которые велись на конференциях в Шатийоне, необходимо иметь в виду организацию, которую он получил от природы, и идеи, которыми эта организация наполнила его в ранний период жизни. Если рассмотреть последние переговоры его уходящего правления с должным вниманием и беспристрастностью, то станет очевидным, что причины его падения кроются в его характере. Я не могу причислить себя к тем льстецам, которые обвиняли окружающих его людей в том, что они отговаривали его от мира. Разве он не сказал на острове Святой Елены, говоря о переговорах в Шатийоне: "Только удар грома мог бы спасти нас: вести переговоры, заключать их - значило глупо уступать врагу". Эти слова убедительно изображают характер Наполеона. Следует также иметь в виду, насколько он был очарован бессмертием великих имен, которые история завещала нам для восхищения и которые увековечиваются из поколения в поколение. Наполеон решил, что его имя должно звучать в грядущих веках, от дворца до коттеджа. Жизнь без славы казалась ему ожидаемой смертью. Если, однако, в этой жажде славы, а не дурной славы, он возымел желание превзойти Александра и Цезаря, он никогда не желал славы Эрострата, и я повторю то, что говорил раньше, что если он совершал поступки, заслуживающие осуждения, то это было потому, что он рассматривал их как ступени, которые помогли ему подняться на вершину бессмертия, на которой он хотел разместить свое имя. Посмотрите, что он написал своему брату Жерому: "Лучше никогда не жить, чем жить без славы"; посмотрите также, что он написал позже своему брату Людовику: "Лучше умереть как король, чем жить как принц". Как часто за те дни, когда я был близок с Бонапартом, он не говорил мне: "Кто знает имена тех королей, которые сошли с тронов, на которые их посадил случай или рождение? Они жили и умерли незамеченными. Образованные люди, возможно, найдут упоминания о них в старых архивах, а медаль или монета, выкопанные из земли, могут открыть любителям древностей о существовании государя, о котором они никогда прежде не слышали. Но, напротив, когда мы слышим имена Кира, Александра, Цезаря, Магомета, Карла Великого, Генриха IV и Людовика XIV, мы сразу оказываемся среди наших близких знакомых". Я должен добавить, что, когда Наполеон говорил со мной таким образом в садах Мальмезона, он лишь повторил то, что часто слышал от себя в юности, ибо его характер и его идеи никогда не менялись; перемены заключались в объектах, к которым они применялись.

С детства Наполеон любил читать истории великих людей древности; и главное, что он стремился выяснить, - это средства, с помощью которых эти люди стали великими. Он отметил, что военная слава обеспечивает более широкую известность, чем искусство мира и благородные усилия, которые способствуют счастью человечества. История учит нас, что великий военный талант и победа часто дают власть, которая, в свою очередь, обеспечивает средства для удовлетворения честолюбия. Наполеон всегда был убежден, что эта власть необходима ему для того, чтобы подчинять людей своей воле и пресекать все дискуссии о своем поведении. Его неизменным принципом было никогда не подписывать невыгодный мир. Для него запятнанная корона больше не была короной. Однажды он сказал месье де Коленкуру, который настаивал на его согласии на жертвы: "Храбрость может защитить корону, но бесчестие - никогда". Во всех последних деяниях карьеры Наполеона я могу проследить черты его характера, поскольку я часто видел в великих действиях императора воплощение мысли, задуманной главнокомандующим итальянской армией.

При открытии конгресса герцог Виченцкий, убежденный, что он больше не может рассчитывать на естественные границы Франции, обещанные союзниками во Франкфурте,

потребовал новых полномочий. Эти ограничения, несомненно, были результатом разумных уступок, и они были предоставлены даже после Лейпцигской битвы; но теперь было необходимо, чтобы министр Наполеона показал свою готовность идти на дальнейшие уступки, если он хотел, чтобы ему позволили вести переговоры. Конгресс открылся 5 февраля, а 7-го полномочные представители союзных держав заявили о себе категорически. Они внесли в протокол, что после успехов, которые благоприятствовали их армиям, они настаивали на восстановлении Франции в ее старых границах, таких, какими они были во времена монархии до революции; и что она должна отказаться от всякого прямого влияния за пределами своих будущих границ.

Это предложение показалось г-ну де Коленкуру настолько необычным, что он попросил приостановить заседание, поскольку условия слишком сильно отличались от его инструкций, чтобы позволить ему дать немедленный ответ. Полномочные представители союзных держав удовлетворили его просьбу, и продолжение заседания было отложено до восьми часов вечера. Когда она была возобновлена, герцог Виченцкий подтвердил свое обещание пойти на величайшие жертвы ради достижения мира. Он добавил, что размер жертв обязательно зависит от размера компенсаций, и что он не может принять решение о какой-либо уступке или компенсации, не будучи ознакомленным с ситуацией в целом. Он хотел бы иметь общий план взглядов союзников и просил, чтобы их полномочные представители решительно объяснились относительно количества и описания жертв и компенсаций, которые будут затребованы. Следует признать, что герцог Виченцкий полностью соответствовал взглядам императора, таким образом затягивая и выигрывая время с помощью тонких уловок, поскольку все, что он предлагал, уже было сделано.

На следующий день после этого заседания некоторые преимущества, полученные союзниками, занявшими Шатийон-сюр-Марн и Трув, побудили Наполеона поручить Коленкуру объявить Конгрессу, что в случае немедленного заключения перемирия он готов согласиться на восстановление Франции в ее старых границах. Добиваясь этого перемирия, Наполеон надеялся, что могут возникнуть счастливые случайности и что интриги могут быть пущены в ход; но союзники и слушать не хотели ни о каком подобном предложении.

На заседании 10 марта герцог Виченцкий внес в протокол, что последний полученный им курьер был арестован и содержался под стражей длительное время несколькими русскими генералами, которые вынудили его сдать депеши, которые были возвращены ему только тридцать шесть часов спустя в Шомоне. Коленкур справедливо жаловался на это нарушение международного права и устоявшихся обычаев, которые, по его словам, были единственной причиной задержки с завершением переговоров. После этой жалобы он сообщил Конгрессу мнимые инструкции Наполеона, в которых тот уполномочивал своего министра согласиться с требованиями союзников. Но, делая это сообщение, г-н де Коленкур позаботился не объяснять частные и секретные инструкции, которые он также получил. Союзники отвергли перемирие, потому что оно остановило бы их победоносное продвижение; но они согласились подписать окончательный мир, чего император, как ни странно, не желал.

Наполеон, наконец, решил пойти на жертвы, и герцог Виченцкий представил Конгрессу новые предложения. Союзники ответили на том же заседании, что эти предложения не содержали четкой декларации по проекту, представленному ими 17 февраля; что, поскольку 28 числа того же месяца они потребовали решительного ответа в десятидневный срок, они были готовы прекратить переговоры, Коленкур тогда заявил устно:

1. Что император Наполеон был готов отказаться от любых притязаний или какого бы то ни было влияния в странах за пределами Франции.

2. Признать независимость Испании, Италии, Швейцарии, Германии и Голландии и что в отношении Англии Франция пойдет на такие уступки, которые могут быть сочтены необходимыми при рассмотрении разумного эквивалента.

На это заседание было немедленно прервано без ответа. Следует отметить, что это странное заявление было устным и, следовательно, не имело обязательной силы, и что границы Франции были упомянуты без конкретизации. Не подлежит сомнению, что Наполеон имел в виду ограничения, принятые во Франкфурте, на которые, по его глубокому убеждению, союзники не согласились бы, поскольку обстоятельства теперь изменились. Кроме того, что можно было подразумевать под разумным эквивалентом со стороны Англии? Удивительно ли, что эта неясность подорвала всякое доверие со стороны полномочных представителей союзных держав? Через три дня после заседания, состоявшегося 10 марта, они заявили, что не могут даже вступать в обсуждение устного протокола французского министра. Они просили, чтобы г-н де Коленкур объявил, примет ли он или отвергнет проект договора, представленный союзными государями, или предложит контрпроект.

Герцог Виченцкий, которому секретными инструкциями по-прежнему запрещалось приходить к каким-либо выводам на предложенной основе, внес в протокол заседания 13 марта весьма двусмысленную пометку. Полномочные представители союзников в своем ответе настаивали на получении другого заявления от французского полномочного представителя, которое должно содержать принятие или отказ от их проекта договора, представленного на конференции 7 февраля, или контрпроекта. После долгих обсуждений Коленкур согласился составить контрпроект, который он представил 15-го числа под следующим названием: "Проект окончательного договора между Францией и союзниками". В этом экстраординарном проекте, представленном после стольких задержек, г-н де Коленкур, к великому изумлению союзников, ни в чем не отступил от заявлений от 10 марта. Он снова ответил на ультиматум союзников, или на то, что он хотел считать таковым, защищая множество мелких интересов, которые не имели значения в столь серьезном противостоянии; но в целом условия казались скорее условиями победителя, диктующего их своим врагам, чем человека, раздавленного несчастьем: как легко себе представить, союзники по большей части встречали их с насмешкой.

Все указывает на то, что французский полномочный представитель не получал никаких положительных инструкций от 5 февраля и что после всех проволочек, которые постоянно создавал Наполеон, Коленкур никогда не имел возможности дать категорический ответ на предложения союзников. Наполеон никогда не собирался заключать мир в Шатийоне на предложенных условиях. Он всегда надеялся, что какой-нибудь счастливый случай позволит ему добиться более благоприятных условий.

18 марта, то есть через три дня после представления этого проекта договора, полномочные представители союзников зафиксировали в протоколе причины, по которым они отвергли чрезвычайный проект французского министра. Со своей стороны, я был убежден, по причинам, которые я упомянул, что император никогда не согласился бы подписать условия, предложенные в ультиматуме союзников от 13 марта, и я помню, что высказал это мнение г-ну де Талейрану. Я встретился с ним 14-го и застал его занятым изучением некоторых разведданных, которые он только что получил от герцога Виченцы, объявлявшего, вне всякого сомнения, о скором подписании мира. Коленкур получил приказ прийти к определенному выводу. Наполеон, по его словам, дал ему карт-бланш на спасение столицы и предотвращение сражения, в результате которого под угрозой оказались бы последние ресурсы нации. Конечно, это казалось довольно позитивным, но даже это заверение ни на мгновение не изменило моего мнения. Чтобы лучше убедить меня, господин де Талейран дал

мне прочесть письмо Коленкура. Прочитав его, я уверенно сказал: "Он никогда не подпишет эти условия". Г-н де Талейран не мог не считать меня очень упрямой, по моему мнению, поскольку он судил о том, что сделает император, по своему положению, в то время как я судил по его характеру. Я сказал месье де Талейрану, что Коленкур, возможно, получил письменные приказы подписать их, чтобы показать их полномочным представителям союзников, но что я не сомневаюсь, что ему было приказано отложить принятие окончательного решения и дожидаться окончательных распоряжений. Я добавил, что не вижу причин менять свое мнение и что я по-прежнему считаю распад Конгресса более близким, чем кажется на первый взгляд. Соответственно, три дня спустя союзникам надоела задержка, и совещание было разогнано. Таким образом, Наполеон пожертвовал всем, а не своей славой. Он упал с большой высоты, но своей подписью никогда не давал согласия на какое-либо расчленение Франции.

Полномочные представители союзников, убежденные, что эти возобновившиеся трудности и требования не имели иной цели, кроме как выиграть время, заявили, что союзные державы, верные своим принципам и в соответствии со своими предыдущими заявлениями, считают переговоры в Шатийоне прекращенными французским правительством. Этот разрыв конференций произошел 19 марта, через шесть дней после предъявления ультиматума союзными державами. Таким образом, исход этих долгих дискуссий был оставлен на усмотрение шансов войны, которые были не очень благоприятны для человека, смело выступавшего против вооруженной Европы. Успехи союзников во время совещаний в Шатийоне открыли их взору дорогу на Париж, в то время как Наполеон уклонялся от необходимости подписывать свой собственный позор. В этих обстоятельствах должна была быть найдена единственная причина его гибели, и он мог бы сказать: "Tout est perdu, fors la gloire". Его слава бессмертна.

—[Веселость и гармония, царившие между министрами, делали общество и общение в Шатийоне наиболее приятными. Дипломаты обедали поочередно друг с другом; г-н де Коленкур щедро передавал всем министрам, через передовые посты Франции, обозы со всем добродушием эпикурейских мудрецов и т.д., которые Париж мог себе позволить; женское общество также не желало дополнять очарование и прогонять скуку Шатийонского конгресса, о котором, я уверен, еще долго будут вспоминать с чувством удовольствия все задействованные там полномочные представители (Воспоминания лорда Бюргерша).]—

ГЛАВА XXXIII.

1814

Любопытный разговор между генералом Ренье и императором Александром—Наполеон дает отпор пруссакам—Русские в Фонтенбло—Битва при Бриенне—Очерк кампании Франции— Ужин после битвы при Шам Обер—Разведданные о прибытии герцога Ангулемского и графа д'Артуа во Францию—Битва воронов и орлов—Битва при Краонне—Отъезд папы римского и испанских принцев—Захват конвоя—Макдональд в ставке императора—Перевернутый шифр.

Я всегда был убежден, и все, что я увидел с тех пор, подтвердило мое мнение, что союзники, вторгшиеся во Францию, не имели намерения восстановить Дом Бурбонов или навязать французскому народу какое бы то ни было правительство. Они пришли разрушать, а не основывать. То, что они хотели разрушить с самого начала своего успеха, было превосходство Наполеона, чтобы предотвратить будущие вторжения, которым, по их мнению, Европа все еще будет постоянно угрожать. Если бы у меня действительно были какие-либо сомнения на этот счет, они были бы рассеяны услышанным мною рассказом о разговоре генерала Ренье с императором Александром. Этот генерал, попавший в плен под Лейпцигом, был обменен и вернулся во Францию. В начале февраля 1814 года он проезжал через Трув, где в то время находился император Александр. Ренье выразил желание, чтобы ему позволили засвидетельствовать свое почтение императору и поблагодарить его за то, что он вернул ему свободу. Его приняли с той приветливостью, которая иногда проявлялась у русского монарха.

По прибытии в Париж генерал Ренье зашел к герцогу де Ровиго, где я обедал в тот день и где он все еще находился, когда я прибыл. Он пересказал мне разговор, на который я ссылался, и заявил, что со стороны императора это выглядело вполне искренне. Спросив Александра, есть ли у него какие-либо указания для Наполеона, поскольку последний, узнав, что он видел его Величество, не преминул бы задать ему множество вопросов, он ответил, что ему нечего сообщить ему конкретного. Александр добавил, что он был другом Наполеона, но что лично у него было много причин жаловаться на его поведение; что союзники больше не будут иметь с ним ничего общего; что у них нет намерения навязывать Франции какого-либо Монарха; но что они больше не признают Наполеона императором Франции. "Что касается меня, - сказал Александр, - то я больше не могу ему доверять. Он слишком часто обманывал меня". В ответ на это Ренье сделал несколько замечаний, продиктованных его привязанностью и верностью Бонапарту. Он заметил, что Наполеон признавался сувереном Франции всеми договорами. "Но, - добавил Ренье, - если вы будете настаивать на том, чтобы заставить его отказаться от верховной власти, кого вы поставите на его место?" — "Вы не выбрали его; почему же тогда вы не можете выбрать кого-нибудь другого для управления вами? Я повторяю, что мы не намерены никого вам навязывать, но мы больше не будем иметь дела с Наполеоном".

Затем были названы имена нескольких генералов; и после того, как Ренье объяснил огромные трудности, которые будут препятствовать любому такому выбору, Александр прервал его, сказав: "Но, генерал, есть еще Бернадотт". Разве он не был добровольно избран королевским принцем Швеции; разве он не может быть возведен в то же звание во Франции? Он ваш соотечественник; тогда, конечно, вы можете выбрать его, раз уж шведы забрали его, хотя он и иностранец. Генерал Ренье, который был человеком твердого характера, выдвинул несколько возражений, которые в то время показались мне вполне обоснованными; и Александер положил конец разговору, сказав, скорее, недовольным тоном: "Что ж, генерал, судьбу оружия решит оружие".

Кампания во Франции вынудила Наполеона прибегнуть к совершенно новому для него виду операций. Он привык нападать, но теперь был вынужден защищаться, так что вместо того, чтобы выполнять заранее продуманный план, как тогда, когда в кабинете министров Тюильри он описал мне поле Маренго, ему теперь приходилось определять свои действия в соответствии с действиями своих многочисленных врагов. Когда император прибыл в Шалон-сюр-Марн, прусская армия наступала по Лотарингской дороге. Он отбросил ее назад за Сен-Дизье. Тем временем Великая австро-русская армия форсировала Сену и Йонну у Монтеро и даже послала вперед корпус, который продвинулся до Фонтенбло. Затем Наполеон сделал

движение вправо, чтобы отбросить войска, угрожавшие двинуться на Париж, и по странной случайности он столкнулся с войсками в том самом месте, где провел мальчишеские годы, когда лелеял то, что тогда казалось дикими и сказочными мечтами о своей будущей судьбе. Какие мысли и воспоминания, должно быть, теснились в его голове, когда он обнаружил себя императором и королем во главе все еще могущественной армии в замке графа де Бриенна, которому он так часто выражал свое почтение! Именно в Бриенне он сказал мне тридцать четыре года назад: "Я причиню этому французу столько вреда, сколько смогу". С тех пор он, конечно, изменил свое мнение; но можно сказать, что судьба упорно заставляла этого человека осознать замысел мальчика вопреки его воле. Не успел Наполеон вернуться в Бриенн как завоеватель, как получил отпор и поспешил навстречу своему падению, которое с каждым мгновением становилось все более неизбежным.

Я не буду вдаваться в подробности французской кампании, поскольку описание сражений не входит в мой план. И все же я считаю необходимым кратко описать чудесную деятельность Наполеона с момента его оставления Парижа до вступления союзников в столицу. Немногие успешные кампании позволили нашим генералам и французской армии пожинать плоды такой славы, какую они приобрели во время этого великого поворота судьбы. Ибо можно одержать победу без почестей и пасть со славой. Шансы на исход войны не вызывали сомнений, но, конечно, многочисленные войска союзников никогда не могли ожидать столь длительного и блестящего сопротивления. Театр военных действий вскоре приблизился настолько близко к Парижу, что всеобщее нетерпение по поводу новостей из армии было быстро удовлетворено, и когда император получил какое-либо преимущество, его сторонники увидели, что враг уже отброшен с французской территории. Я ни на минуту не обманывался этими иллюзиями, поскольку хорошо знал решимость и ресурсы союзных государей. Кроме того, события в этой войне на уничтожение были настолько быстрыми и разнообразными, что за звуками орудий Инвалидов, возвещавших о победе, иногда немедленно следовали отдаленные артиллерийские раскаты, свидетельствовавшие о близком приближении врага к столице.

Император покинул Париж 25 января, и в это время императоры России, Австрии и король Пруссии собрались в Лангре. Наполеон присоединился к своей гвардии в Витри-ле-Франсе. На второй день после своего отъезда он гнал перед собой прусскую армию, которую вынудил эвакуироваться из Сен-Дизье. Через два дня после этого произошла битва при Бриенне, и 1 февраля от 70 000 до 80 000 французских и союзных войск стояли лицом к лицу. В этом случае командиры обеих сторон подверглись личной опасности, так как под Наполеоном была убита лошадь, а казак пал замертво рядом с маршалом Блюхером.

Через несколько дней после этого сражения Наполеон вступил в Трув, где пробыл недолго, а затем двинулся к Шампоберу. В последнем месте произошло сражение, которое получило свое название. Русские потерпели поражение, генерал Алсуфьев попал в плен, а 2000 человек и 30 орудий попали в руки французов. После этого сражения император пребывал в таком заблуждении относительно своего положения, что, ужиная с Бертье, Мармоном и своим пленным генералом Алсуфьевым, император сказал: "Еще одна такая победа, господа, и я буду на Висле".

Обнаружив, что никто не ответил, и прочитав по лицам своих маршалов, что они не разделяют его надежд, он добавил: "Я понимаю, как обстоят дела, - добавил он, - все устают от войны; энтузиазма больше нет. Священный огонь потух". Затем встал из-за стола и подошел к генералу Друо с явным намерением сделать ему комплимент, который в то же время выражал порицание маршалам. "Генерал, - сказал он, похлопывая его по плечу, - нам нужна всего сотня таких людей, как вы, и мы добьемся успеха". Друо ответил с большим

присутствием духа и скромностью: "Скорее, сто тысяч, сир". Этот анекдот мне рассказали два главных человека, присутствовавших на том мероприятии.

Вскоре у Наполеона появились и другие поводы для беспокойства, помимо судьбы сражений. Ему было известно, что с начала февраля герцог Ангулемский прибыл в Сен-Жан-де-Люз, откуда он обратился с воззванием к французским войскам от имени своего дяди, Людовика XVIII.; и он быстро узнал о прибытии графа д'Артуа в Есиль 21 февраля, откуда он не покидал до 16 марта следующего года.

Тем временем боевые действия велись с возросшей энергией на обширном операционном направлении. Сколько бесполезной славы не снискали наши солдаты в этих конфликтах! Несмотря на чудеса доблести, массы противника продвигались вперед и постепенно концентрировались, так что эту войну можно было сравнить с битвами воронов и орлов в Альпах. Орел убивает сотни нападающих — каждый удар его клюва означает смерть врага, но стервятники все равно возвращаются в атаку и нападают на орла, пока не уничтожат его.

Когда февраль подходил к концу, союзники отступали в нескольких пунктах, но их отступление не было разгромом. Потерпев неудачу, они без беспорядка отступили и отступили за реку Об, где сплотились и получили многочисленные подкрепления, которые прибывали ежедневно и которые вскоре позволили им возобновить наступление.

Тем не менее Наполеон продолжал удивлять Европу, как бы она ни была настроена против него. При Краонне, 7 марта, он разгромил корпус Блюхера в жестоком бою, но победа сопровождалась большими потерями для завоевателя. Маршал Виктор был тяжело ранен, так же как генералы Груши и Ла Феррьер.

В то время как Наполеон сопротивлялся многочисленным врагам, собравшимся, чтобы уничтожить его, можно сказать, что он был также и своим собственным врагом, либо из ложного расчета, либо из небрежности по отношению к своим прославленным пленникам, которые на момент его отъезда из Парижа еще не были отправлены в свои Штаты. Папа находился тогда в Фонтенбло, а принцы Испании - в Валансее. Однако папе римскому было разрешено уехать первым. Конечно, Бонапарт никогда бы не подумал об услуге, которую папа мог бы оказать ему в Риме, в который войска Мюрата никогда бы не осмелились вступить, если бы там присутствовал его Святейшество. Что касается испанских принцев, то Наполеон, должно быть, был сильно ослеплен уверенностью в своей удаче, если так долго считал возможным сохранять во Франции эти бесполезные трофеи побежденных притязаний. Кроме того, было так легко избавиться от изгнанников из Валенсе, отправив их обратно в то место, откуда они были привезены! Было так естественно со всей поспешностью отозвать войска с юга, когда наши армии в Германии начали получать отпор на Рейне и даже были отброшены во Францию! С помощью этих опытных войск Наполеон и его гений могли бы снова перевернуть чашу весов фортуны. Но Наполеон рассчитывал на нацию, и он ошибался, потому что нация устала от него. Его дело перестало быть делом Франции.

Последние дни марта были заполнены серией бедствий для Наполеона. 23-го аррьергард французской армии понес значительные потери. Известие об атаках на его аррьергард, должно быть, действительно было унижительным для Наполеона, передовые отряды которого так долго привыкли открывать путь к победе! Принц Шварценберг вскоре миновал Об и двинулся на Витри и Шалон. Наполеон, рассчитывая на возможность защитить Париж, с быстротой орла бросился в тыл Шварценбергу, обойдя Дулеван и Бар-сюр-Об. Он выдвинул свой передовой отряд к Шомону и там увидел, как австрийская армия предприняла движение, которое он принял за отступление; но это было не так. Движение было

направлено на Париж, в то время как Блюхер, который вновь занял Шалон-сюр-Мэн, выступил навстречу принцу Шварценбергу, а Наполеон, думая отрезать им путь к отступлению, сам был лишен возможности вернуться в Париж. Тогда все зависело от обороны Парижа, или, правильнее сказать, казалось возможным, пожертвовав столицей, продлить на несколько дней существование призрака Империи, который быстро исчезал. 26-го произошла битва при Фер-Шампенуаз, где, уступив доблести численности, маршалы Мармон и Мортье были вынуждены отступить к Сезанну, понеся значительные потери.

26 марта, и я прошу читателя запомнить эту дату, Наполеон понес потерю, которая в тех обстоятельствах, в которых он находился, была невозполнимой. В битве при Фер-Шампенуаз союзники захватили конвой, состоящий почти из всех оставшихся боеприпасов и складских запасов армии, огромного количества оружия, кессонов и всевозможного снаряжения. Все это стало добычей союзников, которые опубликовали бюллетень, объявляющий об этом важном захвате. Копия этого приказа попала в руки маршала Макдональда, который считал, что подобные новости должны быть немедленно доведены до сведения императора. Поэтому он направился в штаб Наполеона, который в то время готовился вернуть Витре-ле-Франсе, оккупированный пруссаками. Маршал, желая отговорить императора от того, что он считал тщетной попыткой, вручил ему бюллетень.

Это было утром 27-го: Наполеон не поверил этой новости. "Нет! - сказал он маршалу. - Вас обманули, этого не может быть". Затем изучил бюллетень с большим вниманием. "Вот, - сказал он, - посмотрите сами. Это 27-е число, а бюллетень датирован 29-м. Вы видите, что это невозможно. Бюллетень подделан!" Маршал, который уделял больше внимания новостям, чем их дате, был поражен. Но, показав впоследствии бюллетень Друо, этот генерал сказал: "Увы! Маршал, новости слишком правдивы. Ошибка в дате - это просто опечатка, 9 - это перевернутая 6!" От каких мелочей иногда зависят самые важные события. Перевернутого шифра было достаточно, чтобы развеять иллюзии Бонапарта или, по крайней мере, иллюзии, которые он хотел поддерживать среди своих самых выдающихся полководцев, и отсрочить момент, когда они обнаружат, что потеря, о которой они сожалели, была слишком неизбежной. В тот же день императрица покинула Париж.

ГЛАВА XXXIV.

1814.

Люди революции и люди империи—Регентский совет—Отъезд императрицы из Парижа—Мармон и Мортье— Бегство Жозефа—Встреча в отеле Мармона—Капитуляция Парижа— Беседа Мармона с императором в Фонтенбло—Полковники Фабье и Дени—Кавалькада роялистов—Встреча в отеле графа де Морфонтена—М. де Шатобриан и его памфлет— Депутация к императору Александру—Въезд союзных государей в Париж—Александр поселился в М. Отель Талейрана— Проведенные там собрания—Декларация императора Александра— Мое назначение генеральным почтмейстером—Состав Временного правительства—Ошибка в отношении поведения

австрийского императора—Поручение Коленкура от Наполеона—Его беседа с императором Александром—Обращение Александра к депутации Сената—Г—ну де Коленкуру приказано покинуть столицу.

Вельможи империи и первые подданные Наполеона были разделены на два класса, совершенно отличных друг от друга. Среди этих покровительствуемых людей было много тех, кто был первыми покровителями Бонапарта и способствовал его приходу к консульской власти. Этот класс состоял из его старых друзей и бывших соратников по оружию. Остальные, которых можно назвать детьми Империи, не возвращались мыслями к периоду, которого они не видели. Они никогда не знали ничего, кроме Наполеона и Империи, за пределы которой сфера их идей не простиралась, в то время как среди старых соратников Наполеона все еще помнили, что когда-то существовала страна, Франция, прежде чем они помогли найти ей хозяина. Для этого класса людей Франция не ограничивалась узким кругом императорской штаб-квартиры, но простиралась до Рейна, Альп, Пиренеев и двух океанов.

С другой стороны, множество пылких и предприимчивых молодых людей, полных энтузиазма по отношению к Бонапарту, перешли из школы в лагерь. Они были категорически против падения Наполеона, потому что с его властью исчезли бы те мечты о славе и богатстве, которые пленяли их воображение. Эти молодые люди, принадлежавшие к классу, который я назвал детьми Империи, были готовы рискнуть и совершить все, чтобы продлить политическую жизнь своего Императора.

Различие, которое я провел между теми, кого можно назвать мужчинами Франции, и мужчинами Империи, не ограничивалось армией, но было в равной степени заметно и среди высших гражданских чиновников государства. Старые республиканцы никак не могли смотреть на Наполеона теми же глазами, что и те, чье возвышение началось только с Наполеона; а члены ассамблей, существовавших до 18 Брюмера, не могли придерживаться тех же идей, что и те, чьи представления о национальных привилегиях и общественных правах вытекали из их мест аудиторов в Государственном совете. Я не знаю, указывалось ли ранее на это различие между людьми двух разных периодов, но оно служит объяснением поведения многих лиц высокого ранга во время событий 1814 года. Что касается меня, то, как бы я ни был убежден в неизбежности падения Наполеона, я считал, что первейший долг каждого гражданина - служить своей стране; и хотя я могу навлечь на себя порицание, я откровенно признаю, что обращение Наполеона со мной в течение последних четырех лет его власти не обошлось без некоторого влияния на мое быстрое подчинение правительству, пришедшему ему на смену. Я, однако, заявляю, что это соображение не было единственным или самым веским мотивом моего поведения. Только те, кто был в Париже в период капитуляции, могут составить представление о буйстве партийных чувств, царивших там как за Наполеона, так и против него, но при этом имя бурбонов никогда не произносилось. Они были почти неизвестны новому поколению, забыты многими старыми и внушали страх конвенционалистам; в то время они обладали лишь слабой поддержкой кружков Сен-Жерменского предместья и некоторых остатков эмиграции. Но поскольку очевидно, что эмигранты могли предложить лишь тщетные демонстрации и пожелания в поддержку старого рода наших королей, они мало что сделали для того, чтобы способствовать реставрации Бурбонов. Другая вещь, столь же несомненная, заключается в том, что они одни, своими безумствами и абсурдными притязаниями, привели к возвращению Бонапарта и второму изгнанию Людовика XVIII. в следующем году.

28 марта был созван чрезвычайный регентский совет, на котором председательствовала Мария Луиза. Обсуждался вопрос о том, должна ли императрица остаться в Париже или отправиться в Блуа. Жозеф Бонапарт настоятельно настаивал на ее отъезде, поскольку в письме императора говорилось, что в случае угрозы Парижу императрица-регентша и весь Регентский совет должны удалиться в Блуа. Эрцгерцог и большинство членов Совета придерживались того же мнения, но один из самых влиятельных членов Совета заметил Жозефу, что упомянутое письмо было написано при обстоятельствах, сильно отличающихся от существовавших в то время, и что императрице важно остаться в Париже, где она, конечно, добьется от императора, своего отца, и союзных государей, более выгодных условий, чем если бы она находилась в пятидесяти лье от Парижа. Принятие этого мнения лишь на несколько дней задержало бы изменение, которое стало неизбежным; тем не менее это могло бы вызвать большие трудности. Следует признать, что в интересах Наполеона это был самый мудрый совет, который только можно было предложить. Однако совет Жозефа отверг его.

Г-н де Талейран, как член Регентского совета, также получил приказ покинуть Париж 30 марта. В тот период я был у него дома каждый день. Когда я пришел к нему в тот день, мне сказали, что он начал. Однако я поднялся наверх и некоторое время оставался в его отеле с несколькими его друзьями, которые встретились там. Вскоре мы увидели, как он вернулся, и, со своей стороны, я с удовлетворением услышал, что они не позволили ему пройти через барьеры. Тогда было сказано, и это повторялось с тех пор, что г-ну де Талейрану было не чуждо мягкое насилие, применяемое по отношению к нему. В тот же день, когда я посетил г-на де Талейрана, я также отправился к герцогу де Ровиго (Савари) с дружеской целью уговорить его остаться и воспользоваться его положением для предотвращения беспорядков. Он отказался без колебаний, так как думал только об Императоре. Я нашел его у камина, где горел большой огонь, в котором он сжигал все бумаги, которые могли скомпрометировать каждого, кто служил в его министерстве (полиции). Я искренне поздравил его с этим верноподданническим занятием: только огонь мог очистить полицейские архивы от грязи и доносов.

После отъезда императрицы многие ожидали народного движения в пользу смены правительства, но столица оставалась спокойной. Многие жители, действительно, думали об обороне не ради сохранения правительства Наполеона, а просто из того пылкого чувства, которое присуще нашему национальному характеру. Сильное возмущение вызвала мысль увидеть иностранцев хозяевами Парижа — обстоятельство, подобного которому не было со времен правления Карла VII. Тем временем приближался критический момент. 29 марта маршалы Мармон и Мортье отступили, чтобы защищать подступы к Парижу. Ночью заграждения были переданы на попечение Национальной гвардии, и ни одному иностранцу, даже одному из их агентов, не был разрешен въезд в столицу.

На рассвете 30 марта все население Парижа было разбужено пушечным залпом, и равнина Сен-Дени вскоре была покрыта войсками союзников, которые наступали на нее со всех сторон. Героическая доблесть наших войск была бессильна против такого численного превосходства. Но союзники дорого заплатили за свой вход во французскую столицу. Национальная гвардия под командованием маршала Монси и ученики Политехнической школы, превращенные в артиллеристов, вели себя достойно ветеранов войск. Одного поведения Мармона в тот день было бы достаточно, чтобы увековечить его. Корпус, которым он командовал, был сокращен до 7000-8000 пехотинцев и 800 кавалеристов, с которыми в течение двенадцати часов он удерживал свои позиции против армии численностью 55 000 человек, из которых, как говорят, 14 000 были убиты, ранены и взяты в плен. Маршал Мармон

в пылу сражения так выдвинулся вперед, что дюжина человек была убита штыком у него на боку, а пуля пробила его шляпу. Но что можно было сделать против подавляющего численного превосходства!

При таком положении вещей герцог Рагузский сообщил о своем положении Жозефу Бонапарту, который уполномочил его вести переговоры.

Ответ Джозефа настолько важен в связи с последующими событиями, что я перепишу его здесь.

Если герцоги Рагуза и Тревизо больше не смогут сопротивляться, они уполномочены вести переговоры с принцем Шварценбергом и императором России, которые находятся перед ними.

Они отступят к Луаре.

(Подпись) ЖОЗЕФ

Монмартр, 30 марта 1814 года, 12 часов

Только спустя значительное время после получения этого официального разрешения Мармон и Мортье прекратили оказывать яростное сопротивление армии союзников, поскольку о приостановке вооружения договорились только в четыре часа дня. Жозеф этого не ждал; в четверть первого, то есть сразу после того, как он обратился к Мармону, авторитет, о котором только что упоминал Жозеф, отправился в Булонский лес, чтобы вернуться на Версальскую дорогу, а оттуда продолжить путь в Рамбуйе. Стремительное бегство Джозефа удивило только тех, кто его не знал. Я точно знаю, что несколько офицеров, прикрепленных к его штабу, были очень недовольны его оперативностью в этом случае.

В этих обстоятельствах что оставалось делать, как не спасать Париж, который не было никакой возможности оборонять еще два часа? Мне кажется, я все еще вижу Мармона, когда вечером 30 марта он возвращался с поля битвы в свой отель на улице Паради, где я ждал его вместе примерно с двадцатью другими людьми, среди которых были г-н Перрегау и Лафит. Когда он вошел, его было едва узнать: у него была восьмидневная борода; шинель, покрывавшая его мундир, была в лохмотьях, а сам он с головы до ног был перепачкан порохом. Мы обдумывали, что лучше всего сделать, и все настаивали на необходимости подписания капитуляции. Маршал должен помнить, что все вокруг восклицали: "Франция должна быть спасена". Г-жи Перрего и Лафит высказали свое мнение очень решительно, и легко понять, насколько велико было влияние двух людей, стоявших во главе финансового мира. Они утверждали, что общее желание парижан, о котором никто не имел возможности узнать лучше, чем они сами, заключалось в решительном нежелании затяжного конфликта и что Франция устала от ига Бонапарта. Это последнее заявление дало более широкий спектр возможностей для рассматриваемого бизнеса. Вопрос больше не ограничивался капитуляцией Парижа, но предполагалась смена правительства, и впервые было произнесено имя бурбонов. Я не помню, кто из нас, услышав упоминание о возможном возвращении старой династии, заметил, как трудно было бы добиться реставрации, не возвращаясь к прошлому. Но я думаю, что совершенно прав, утверждая, что господин Лафит сказал: "Господа, нам нечего будет бояться, если у нас будет хорошая конституция, которая будет гарантировать права всех". Большинство участников совещания согласились с этим мудрым мнением, которое не обошлось без влияния на маршала Мармона.

Во время этой болезненной встречи произошел неожиданный инцидент. К Мармону прибыл один из адъютантов императора. Наполеон, получив известие о наступлении союзников на Париж, с предельной скоростью двинулся от берегов Марны по дороге на Фонтенбло. Вечером он лично прибыл во Фруадманто, откуда отправил своего посланца к маршалу Мармону. Из слов адъютанта было легко понять, что общественное мнение в императорской ставке сильно отличалось от того, которое царило среди населения Парижа. Офицер выразил возмущение самой идеей капитуляции и с непостижимой уверенностью объявил о приближающемся прибытии Наполеона в Париж, который он все еще надеялся спасти от оккупации врагом. Офицер сообщил нам, что Наполеон доверял народу, восставшему, несмотря на капитуляцию, и что они разобьют улицы, чтобы побить камнями союзников при их появлении. Я осмелился не согласиться с этой абсурдной идеей обороны и заметил, что было бы безумием предполагать, что Париж сможет оказать сопротивление многочисленным войскам, которые были готовы вступить в город на следующий день; что союзники согласились на приостановку вооружения только для того, чтобы дать время для составления более правильной капитуляции, и что перемирие нельзя было нарушить, не поправ все законы чести. Я добавил, что мысли народа были направлены к лучшему будущему; что французы устали от деспотического правительства и от бедствий, в которые непрерывная война привела торговлю и промышленность; "ибо, - сказал я, - когда нация доведена до такого состояния нищеты, ее надежды могут быть направлены только на будущее; естественно, что они должны быть направлены именно так, даже без размышлений". Большинство присутствующих согласилось с моим мнением, и решение собрания было единогласным. Маршал Мармон с тех пор сказал мне: "Меня обвиняли, мой дорогой Бурьен, но вы были со мной 30 марта. Вы были свидетелем пожеланий, выраженных частью главных жителей Парижа. Я поступил так, как меня отговаривали, только потому, что считал собрание состоящим из людей совершенно незаинтересованных, которым нечего было ожидать от возвращения бурбонов".

Таково правильное изложение фактов, которые некоторые лица извратили с целью приумножения славы Наполеона. В отношении тех версий, которые отличаются от моей, у меня есть только один комментарий, который заключается в том, что я видел и слышал то, что описываю.

На следующий день после капитуляции Парижа Мармон отправился вечером на встречу с императором в Фонтенбло. Он ужинал с ним. Наполеон похвалил его за оборону Парижа.. После ужина маршал присоединился к своему корпусу в Эссоне, а через шесть часов туда прибыл император, чтобы осмотреть передовые позиции. Покидая Париж, Мармон оставил полковников Фабье и Дента руководить исполнением капитуляции. Эти офицеры присоединились к императору и маршалу, когда они поднимались вверх по берегу реки в Эссоне. Они не скрыли того эффекта, который произвело появление союзников в Париже. Это известие глубоко огорчило императора, и он немедленно вернулся в Фонтенбло, оставив маршала в Эссоне.

На рассвете 31 марта Париж представил собой новое и любопытное зрелище. Как только французские войска покинули столицу, главные улицы огласились криками: "Долой Бонапарта!" — "Никакой воинской повинности!" — "Никаких объединенных обязанностей (droits reunis)!" К этим крикам примешивался крик "Бурбоны навеки!". но этот последний возглас повторялся не так часто, как другие: в целом я заметил, что люди разинули рты и слушали с каким-то безразличием. Поскольку я принимал очень активное участие во всем, что происходило в течение нескольких предыдущих дней, мне было особенно любопытно изучить то, что можно было бы назвать физиономией Парижа. Это была вторая

представившаяся возможность для такого исследования, и теперь я видел, как люди аплодировали падению человека, которого они с энтузиазмом принимали после 18 Брюмера. Причина заключалась в том, что тогда надеялись на свободу, как надеялись на нее в 1814 году. Я вышел рано утром, чтобы посмотреть на многочисленные группы людей, собравшихся на улицах. Я видел, как женщины рвали свои носовые платки и раздавали осколки в качестве эмблем возрожденной лилии. В то же утро я встретил на бульварах, а несколько часов спустя на площади Людовика XV, группу джентльменов, которые шествовали по улицам столицы, провозглашая реставрацию Бурбонов и выкрикивая: "Да здравствует король!" и "Да здравствует Людовик XVIII!" Во главе их я узнал М. Сосфена де Ларошфуко, графа де Фруассара, герцога Люксембургского, герцога де Крюссоля, Сеймура и др. Проезжая, кавалькада раздавала белые кокарды, и к ней быстро присоединилась многочисленная толпа, которая направилась к Вандомской площади. Сцена, разыгравшаяся там, хорошо известна, и энтузиазм народной радости едва ли мог оправдать ярость, которая была направлена против изображения человека, чьи несчастья, заслуженные или нет, должны были защитить его от подобных безобразий. Эти эксцессы, возможно, в большей степени, чем принято считать, способствовали планам лидеров роялистской партии, которым г-н Нессельроде заявил, что, прежде чем он возьмет на себя обязательство продвигать их взгляды, он должен иметь доказательства того, что их поддерживает население Парижа.

Впоследствии очевидец сообщил мне о том, что произошло вечером 31 марта на одном из главных собраний роялистов, которое проходило в отеле графа де Морфонтена, который по этому случаю исполнял обязанности президента. Среди хаоса несостоявшихся предложений и противоречивых ходатайств г-н Сосфен де Ларошфуко предложил немедленно направить депутацию к императору Александру, чтобы выразить ему желание этой встречи. Это предложение было немедленно одобрено, и инициатор был выбран во главе депутации. При выходе из отеля депутация встретила г-на де Шатобриана, который в тот самый день был, так сказать, предвестником реставрации, опубликовав свой замечательный манифест, озаглавленный "Бонапарт и бурбоны". Его пригласили присоединиться к депутации, но ничто не могло преодолеть его застенчивости и заставить заговорить. По прибытии в отель на улице Сен-Флорантен депутация была представлена графу Нессельроде, которому г-н Сосфен де Ларошфуко кратко объяснил ее цель; он рассказал о пожеланиях собрания и о явном желании Парижа и Франции. Он представлял реставрацию Бурбонов как единственное средство обеспечения мира в Европе и заметил в заключение, что, поскольку дневные нагрузки, должно быть, были очень утомительны для императора, депутация не будет просить о милости быть представленной ему, но будет уверенно полагаться на добрую волю его Императорского Величества. "Я только что покинул императора, - ответил г-н Нессельроде, - и могу поручиться за его намерения. Вернитесь на собрание и объявите французскому народу, что в соответствии с его пожеланиями его Императорское Величество использует все свое влияние, чтобы вернуть корону законному монарху: его Величеству Людовику XVIII. я вновь взойду на трон Франции". С этим отрядным известием депутация вернулась на собрание на улице Анжу.

Нет сомнений в том, что при вступлении союзников в Париж был проявлен большой энтузиазм. Это можно хвалить или порицать, но факт нельзя отрицать. Я внимательно наблюдал за всем, что происходило, и заметил выражение чувства, которое я давно ожидал, когда после его союза с дочерью цезарей честолюбие Бонапарта возрастало по мере того, как оно удовлетворялось: я ясно предвидел падение Наполеона. Тот, кто наблюдал за ходом событий в течение последних четырех лет существования Империи, должен был заметить, как и я, что со дня женитьбы Наполеона на Марии Луизе форма правления Франции с

каждым днем становилась все более и более тиранической и деспотичной. Невыносимую высоту, которой достигло это зло, видно из того обстоятельства, что в конце 1813 года Законодательный корпус, отбросив в сторону молчаливый характер, который он до сих пор сохранял, осмелился прочитать лекцию тому, кто никогда прежде ни от кого не выслушивал лекций. 31 марта вспомнили, как вел себя Бонапарт в упомянутом случае, и те из депутатов, которые остались в Париже, рассказали, как жандармы воспрепятствовали их входу в зал Собрания. Все это чудесным образом способствовало возбуждению общественного мнения против Наполеона. Он стал хозяином Франции с помощью меча, и когда меч был вложен в ножны, его власти пришел конец, ибо ни одно популярное учреждение не отождествляло с нацией новую династию, которую он надеялся основать. Нация восхищалась Наполеоном, но не любила его, ибо невозможно любить то, чего боишься, а он не сделал ничего, чтобы завоевать расположение Франции.

Я присутствовал на всех собраниях и конференциях, которые проводились в отеле мосье де Талейрана, где император Александр разместил свою резиденцию. Из всех присутствовавших на этих встречах г-н де Талейран был больше всего расположен сохранить Наполеона во главе правительства с ограничениями на осуществление его власти. При существующем положении вещей можно было выбрать только один из трех путей: во-первых, заключить мир с Наполеоном, приняв против него надлежащие гарантии; во-вторых, установить Регентство; и в-третьих, отозвать бурбонов.

13 марта я был свидетелем въезда союзных монархов в Париж, и после того, как процессия миновала новую улицу Люксембург, я направился прямо в отель г-на де Талейрана, куда я прибыл раньше императора Александра, который прибыл в четверть второго. Когда его Императорское Величество вошел в гостиную г-на де Талейрана, большинство собравшихся, и в особенности аббат де Прадт, аббат де Монтескье и генерал Десоль, настоятельно потребовали реставрации Бурбонов. Император не пришел к какому-либо немедленному решению. Отведя меня к оконному проему, выходившему на улицу, он сделал несколько замечаний, которые позволили мне догадаться, каким будет его решение. "Господин де Буррьен, - сказал он, - вы были другом Наполеона, и я тоже. Я был его искренним другом, но нет никакой возможности оставаться в мире с человеком такой недобросовестности". Эти последние слова открыли мне глаза; и когда обсуждались различные выдвинутые предложения, я ясно увидел, что Бонапарт, провозгласив себя императором, приготовил постель для бурбонов.

Последовало обсуждение трех возможных мер, о которых я упомянул выше и которые были предложены самим императором Александром. Я думал, если можно так выразиться, что его величество играет свою роль, когда, делая вид, что сомневается в возможности возвращения бурбонов, чего он желал больше всего на свете, он спросил г-на де Талейрана, какие средства он предполагает употребить для достижения этой цели? Помимо французов, на этой встрече присутствовали император Александр, король Пруссии, принц Шварценберг, М. Нессельроде, М. Поццо-ди-Борго и принц Лихтенштейн. Во время обсуждения Александр ходил с некоторым волнением. "Господа, - сказал он, обращаясь к нам на повышенных тонах, - вы знаете, что это не я начал войну; вы знаете, что Наполеон пришел, чтобы напасть на меня в моих владениях. Но нас влечет сюда не жажда завоеваний или желание мести. Вы видели, какие меры предосторожности я принял, чтобы уберечь вашу столицу, чудо искусства, от ужасов разграбления, которому ее могли бы подвергнуть обстоятельства войны. Ни я, ни мои союзники не участвуем в карательной войне, и я был бы безутешен, если бы в вашем великолепном городе было совершено какое-либо насилие. Мы ведем войну не против Франции, а против Наполеона и врагов французской свободы.

Вильгельм, и вы, принц (здесь император повернулся к королю Пруссии и принцу Шварценбергу, представлявшему императора Австрии), "вы оба можете засвидетельствовать, что чувства, которые я выражаю, принадлежат вам". Оба поклонились в знак согласия с этим замечанием Александра, которое его Величество несколько раз повторил разными словами. Он настаивал на том, что Франция должна быть совершенно свободной; и заявил, что, как только желания страны будут поняты, он и его союзники поддержат их, не стремясь отдавать предпочтение какому-либо конкретному правительству.

Тогда аббат де Прадт убежденным тоном заявил, что все мы роялисты и что чувства Франции совпадают с нашими. Император Александр, обращаясь к различным правительствам, которые могли бы подойти Франции, говорил о сохранении Бонапарта на троне, установлении регентства, выборе Бернадотта и отзыве бурбонов. Следующим выступил месье де Талейран, и я хорошо помню, как он сказал российскому императору: "Сир, возможно только одно из двух. У нас должен быть либо Бонапарт, либо Людовик XVIII. Бонапарт, если вы можете поддержать его; но вы не можете, потому что вы не одиноки.... У нас не будет другого солдата вместо него. Если нам нужен солдат, мы оставим того, кто у нас есть; он первый в мире. После него у любого другого, кого можно предложить, не нашлось бы и десяти человек для поддержки. Повторяю, сир, либо Бонапарт, либо Людовик XVIII. Все остальное - интрига. Эти замечательные слова принца де Беневенто произвели на Александра тот эффект, на который мы могли надеяться. Таким образом, вопрос упростился, сведясь теперь только к двум альтернативам; и поскольку было очевидно, что Александр не хотел иметь ничего общего ни с Наполеоном, ни с его семьей, он был сведен к единственному предложению о реставрации бурбонов.

Под давлением всех нас, за исключением г-на де Талейрана, который все еще хотел оставить нерешенным вопрос между Бонапартом и Людовиком XVIII, Александр, наконец, заявил, что он больше не будет вести переговоры с Наполеоном. Когда ему объяснили, что это заявление относилось только к Наполеону лично и не распространялось на его семью, он добавил: "Ни на кого из членов его семьи". Таким образом, уже 31 марта реставрацию Бурбонов можно было считать решенной.

Я не могу не упомянуть о поспешности, с которой Лабори, которого г-н де Талейран назначил секретарем Временного правительства, выбежал из квартиры, как только получил в свое распоряжение декларацию императора Александра. Он напечатал ее с такой быстротой, что в течение часа она была расклеена по всем стенам Парижа; и это, несомненно, произвело необычайный эффект. Пока еще ничто не давало оснований сомневаться в том, что Александр не сдержит своего слова. Парижский мирный договор нельзя было предвидеть; и были основания полагать, что Франция с новым правительством получит более выгодные условия, чем если бы союзники обошлись с Наполеоном. Но эта иллюзия быстро развеялась.

Вечером 31 марта я вернулся к господину де Талейрану. Я снова увидел императора Александра, который, подойдя ко мне, сказал: "Господин де Буррьен, вы должны возглавить Почтовое ведомство". Я не мог отклонить это конкретное приглашение со стороны царя; и, кроме того, Лавалетт отбыл накануне, и дело было бы на некоторое время приостановлено; обстоятельство, которое нанесло бы огромный ущерб реставрации, которой мы хотели способствовать.

Я сразу же отправился в отель на улице Ж.-Ж. Руссо, где, действительно, обнаружил, что не только не было приказа отправить почту на следующий день, но что оно было даже отменено. В тот вечер я пошел к администраторам, которые уступили моим просьбам, и,

поддержанный ими, на следующее утро я заставил всех клерков быть на своих постах. Я реорганизовал службу, и почта, как обычно, вышла 1 апреля. Таковы мои воспоминания о 31 марта.

Было создано Временное правительство, президентом которого был назначен г-н де Талейран. Другими членами были генерал Бернонвиль, граф Франсуа де Жокур, герцог Дальберг, женившийся на одной из фрейлин Марии Луизы, и Абби де Монтескье. Место канцлера ордена Почетного легиона было присвоено аббату де Прадту. Таким образом, среди членов Временного правительства было два аббата, и по странной случайности они оказались теми самими, кто служил мессу на Марсовом поле в день первой федерации.

Те, кто был недоволен событиями 31 марта, теперь не видели никакой надежды, кроме возможности того, что австрийский император отделится от своих союзников или, по крайней мере, не выступит с ними за восстановление власти бурбонов. Но этот монарх был воспитан на старой политике своей семьи и был проникнут традиционными принципами своего кабинета. Я точно знаю, что чувства и намерения австрийского императора полностью совпадали с чувствами и намерениями его Союзников. Желая выяснить правду по этому вопросу, я осмелился в разговоре с императором Александром намекнуть на услышанные мною сообщения о причине отсутствия австрийского императора. Я не помню точных слов ответа его Величества, но это позволило мне с уверенностью заключить, что Франциск II. ни в коей мере не возражал против свержения своего зятя и что его отсутствие на месте обсуждения было вызвано лишь чувством деликатности, вполне естественным в его положении.

Коленкур, посланный Наполеоном в ставку императора Александра, прибыл туда в ночь на 30 марта. Однако он добился встречи с царем только после того, как его Величество принял Муниципальный совет Парижа, главой которого был г-н де Шаброль. Сначала Александр, казалось, был несколько удивлен, увидев Муниципальный совет, который он принял не совсем так, как ожидалось; но эта холодность была лишь кратковременной, и впоследствии он обратился к Совету в очень любезной манере, хотя и не сделал ни малейшего намека на свои скрытые намерения.

Александр, питавший личное уважение к Коленкуру, принял его по-доброму, как подобает ему, но не как посланника Наполеона. "Вы пришли слишком поздно", - сказал царь. "Все кончено. Сейчас я ничего не могу вам сказать. Отправляйтесь в Париж, и я увижу вас там". Эти слова прекрасно просветили Коленкура относительно результатов его миссии. Его следующая встреча с императором Александром у месье де Талейрана состоялась только после заявления, упомянутого в моей предыдущей главе. Разговор, который они вели между собой, остался тайной, поскольку ни Александр, ни герцог Виченцкий не упоминали о нем; но из некоторых слов императора Александра были основания заключить, что он принял Коленкура скорее как частное лицо, чем как посла Наполеона, власть которого он, действительно, не мог признать после его заявления. Временное правительство было не совсем удовлетворено присутствием Коленкура в Париже, и российскому императору было сделано представление по этому поводу. Александр согласился с мнением Временного правительства, которое было выражено через посредство аббата де Прадта. Поэтому г-н де Коленкур, по желанию царя, вернулся к императору, находившемуся затем в Фонтенбло.

ГЛАВА XXXV.

1814.

Положение Бонапарта во время событий 30 и 31 марта—Его прибытие в Фонтенбло—План нападения на Париж— Прибытие войск в Фонтенбло—Обращение императора к гвардии— Решение сената о конфискации имущества—Письма Мармону— Переписка между Мармоном и Шварценбергом—Макдональд проинформирован об оккупации Парижа—Разговор между императором и Макдональдом в Фонтенбло—Письмо Бернонвиля— Отречение от престола при условии регентства—Желание Наполеона отозвать свой акт отречения—Макдональд Ней, Коленкура отправили в Париж, а Мармона освободил от своего обещания принц Шварценберг.

Утром 30 марта, когда битва у стен Парижа была в самом разгаре, Бонапарт все еще находился в Труа. Он покинул этот город в десять часов вечера в сопровождении только Бертрана, Коленкура, двух адъютантов и двух ординарцев. Первые десять лиг он преодолел не более чем за два часа, и он и его стройный эскорт проделали это путешествие, не меняя лошадей и даже не слезая. Они прибыли в Сенс в час дня. Все было в таком беспорядке, что было невозможно подготовить подходящий способ передвижения для императора. Поэтому ему пришлось довольствоваться жалкой кариолой, и в этом экипаже около четырех часов утра он добрался до Фруадманто, примерно в четырех лье от Парижа. Именно там император получил от генерала Бельяра, прибывшего во главе артиллерийской колонны, первые разведданные о битве за Париж. Он выслушал эту новость с напускным спокойствием, которое, вероятно, было сделано для того, чтобы не обескураживать окружающих. Он шел около четверти часа по большой дороге и именно после этой прогулки отправил Коленкура в Париж. После этого Наполеон отправился в дом почтмейстера, где приказал принести ему свои карты и, согласно обычаю, отметил различные позиции неприятельских войск сосной, верхушки которой были покрыты воском разных цветов. После этого описания работы, которую Наполеон выполнял каждый день, а иногда и по несколько раз в день, он отправился в Фонтенбло, куда прибыл в шесть утра. Он не приказал открыть большие покои замка, а поднялся в свою любимую маленькую квартирку, где заперся и оставался один в течение всего 31 марта.

Вечером император послал за герцогом Рагузским, который только что прибыл в Эссон со своими войсками. Герцог прибыл в Фонтенбло между тремя и четырьмя часами утра 1 апреля. Затем Наполеон получил подробный отчет о событиях 30-го числа от Мармона, чье доблестное поведение под Парижем он высоко оценил.

В Фонтенбло царили мрак и меланхолия, однако император все еще сохранял свою власть, и мне сообщили, что он некоторое время размышлял, следует ли ему отступить за Луару или немедленно отважиться на смелый удар по Парижу, что было бы ему гораздо больше по вкусу, чем смириться с шансами, которые могло вызвать неопределенное выжидание. Эта последняя мысль пришла к нему по душе, и он серьезно обдумывал свой план наступления, когда известие о 31-м и неудачном завершении миссии Коленкура дали ему понять, что его положение более отчаянное, чем он до сих пор представлял.

Тем временем головные части его колонн, которые император оставил в Труве, прибыли 1 апреля в Фонтенбло, войска прошли пятьдесят лье менее чем за три дня, что стало одним из самых быстрых маршей, когда-либо совершенных. 2 апреля Наполеон сообщил о событиях в Париже окружающим его генералам, порекомендовав им скрыть эту новость, чтобы она не

обескуражила войска, на которые он все еще полагался. В тот день, во время смотра войск, который происходил во дворе Дворца, Бонапарт собрал офицеров своей гвардии и обратился к ним со следующей речью:

Солдаты! враг обошел нас тремя маршами и овладел Парижем. Мы должны изгнать его оттуда. Французы, недостойные этого имени, эмигранты, которых мы простили, надели белую кокарду и присоединились к врагу. Негодяи получают награду за это новое преступление. Давайте поклянемся победить или умереть и обеспечить уважение к трехцветной кокарде, которая вот уже двадцать лет сопровождает нас на пути славы и почета.

Он также пытался убедить генералов поддержать его безумные планы в отношении Парижа, заставив их поверить, что он прилагал искренние усилия к заключению мира. Он заверил их, что выразил императору Александру свою готовность приобрести его ценой жертв; что он согласился отказаться даже от завоеваний, достигнутых во время Революции, и ограничиться старыми пределами Франции. "Александр, - добавил Наполеон, - отказался; и, не удовлетворившись этим отказом, он присоединился к партии эмигрантов, которых, возможно, я был неправ, простив за то, что они подняли оружие против Франции. Благодаря их вероломным намекам Александр разрешил водрузить на столице белую кокарду. Мы сохраним нашу и через несколько дней выступим маршем на Париж. Я полагаюсь на тебя".

Принимая во внимание безграничную привязанность гвардейцев к императору, неудивительно, что эти последние слова, произнесенные внушительным тоном, должны были вызвать чувство энтузиазма, почти электрического, у всех, к кому они были обращены. Старые соратники по славе своего вождя воскликнули в один голос: "Париж! Париж!" Но, к счастью, ночью генералы, посоветовавшись друг с другом, увидели ужасную пропасть, в которую они собирались низвергнуть Францию. Поэтому они решили в осторожных выражениях сообщить императору, что не подвергнут Париж разрушению, так что 3 апреля на смену безрассудному энтузиазму предыдущего дня пришли благоразумные идеи.

Остатки армии, собранной в Фонтенбло, которая была остатком 1 000 000 солдат, набранных в течение пятнадцати месяцев, состояли только из корпусов герцога Реджио (Удино), Нея, Макдональда и генерала Жерара, которые "в общей сложности не насчитывали 25 000 человек и которые, соединенные с оставшимися 7000 гвардейцев, не оставили императору располагаемых сил численностью более 32 000 человек". Ничто, кроме безумия или отчаяния, не могло натолкнуть на мысль о подчинении с такими скудными ресурсами иностранных масс, оккупировавших и окруживших Париж.

2 апреля сенат опубликовал "Senatus-consulte", объявляющий, что Наполеон лишился трона и отменяющий право наследования, которое было установлено в пользу его семьи. Вооруженное этим набором и не дожидаясь согласия Законодательного органа, которое было получено на следующий день, Временное правительство опубликовало обращение к французским армиям. В этом обращении войскам было сообщено, что они больше не являются солдатами Наполеона и что Сенат освободил их от присяги. Эти документы были широко распространены в то время и помещены во всех общедоступных журналах.

Обращение сената было разослано маршалам и, конечно, в первую очередь тем, кто находился ближе всего к столице; среди этих последних был и Мармон, чья верность императору, как мы уже видели, была подчинена только священным интересам его страны. Временное правительство поручило Монтессю передать обращение Мармону и

использовать такие аргументы, которые были рассчитаны на усиление тех чувств, которые восторжествовали над его самыми дорогими личными привязанностями. Я передал Монтессюи письмо Мармону, в котором писал:

"МОЙ ДОРОГОЙ ДРУГ, мой старый знакомый передаст вам воспоминания о нашей дружбе. Я верю, что он повлияет на ваше решение: одного слова будет достаточно, чтобы побудить вас пожертвовать всем ради счастья вашей страны. Чтобы добиться этой цели, вы, такой хороший француз и такой верный рыцарь, не побоитесь ни опасностей, ни препятствий. Твои друзья ожидают тебя, тоскуют по тебе и, я надеюсь, скоро обнимут тебя".

Монтессюи также взял один из них у генерала Десоля, которого Временное правительство назначило начальником Национальной гвардии вместо маршала Монси, покинувшего Париж в связи с оккупацией союзниками. Мы с генералом Десолем не передавали друг другу нашу переписку, но когда я впоследствии увидел письмо Десоля, я не мог не отметить совпадение нашего обращения к патриотизму Мармона. Принц Шварценберг также написал Мармону, чтобы побудить его поддержать пункт, который теперь стал делом Франции. На письмо принца Мармон ответил, что он склонен согласиться с союзом армии и народа, который предотвратил бы всякую возможность гражданской войны и остановил бы пролитие французской крови; и что он готов со своими войсками покинуть армию императора Наполеона при условии, что его войска могут удалиться с боевыми почестями и что безопасность и свобода императора гарантированы союзниками.

После того, как принц Шварценберг согласился на эти условия, Мармон оказался в обстоятельствах, которые вынудили его просить освободить его от своего обещания.

Мне довелось узнать, каким образом маршалу Макдональду сообщили о взятии Парижа. Прошло два дня без каких-либо известий от императора, когда он получил приказ, написанный рукой Бертье и сформулированный в следующих выражениях: "Император желает, чтобы вы останавливались везде, где вы можете получить этот приказ". После подписи Бертье в качестве постскрипума были добавлены следующие слова: "Вы, конечно, знаете, что враг овладел Парижем". Когда император таким образом с кажущейся небрежностью объявил о событии, которое полностью изменило положение дел, я убежден, что его целью было заставить маршала поверить, что он считает это событие менее важным, чем оно было на самом деле. Однако эта цель не была достигнута, поскольку я припоминаю, что слышал, как Макдональд говорил, что странный постскрипум Бертье и безразличный тон, которым он был высказан, наполнили его смесью удивления и тревоги. Маршал Макдональд тогда командовал арьергардом армии, оккупировавшей окрестности Монтеро. Через шесть часов после получения упомянутого здесь приказа Макдональд получил второй приказ, предписывающий ему привести свои войска в движение, и он узнал о намерении императора выступить на Париж со всеми своими оставшимися силами.

Получив второй приказ императора, Макдональд оставил свой корпус в Монтеро и поспешил в Фонтенбло. Когда он прибыл туда, император уже сообщил генералам, командовавшим дивизиями корпуса, собранного в Фонтенбло, о своем намерении выступить маршем на Париж. Встревоженные такой решимостью генералы, большинство из которых оставили в столице своих жен, детей и друзей, попросили Макдональда отправиться с ними, чтобы нанести визит Наполеону и попытаться отговорить его от этого намерения. - Господа, - сказал маршал, - в нынешнем положении императора такой ход событий может вызвать его

неудовольствие. Действовать следует осторожно. Предоставьте это мне, джентльмены, я пойду в замок.

Маршал Макдональд соответственно отправился во дворец Фонтенбло, где между ним и императором состоялся следующий разговор, и я прошу читателя иметь в виду, что он был передан мне самим маршалом. Как только он вошел в квартиру, в которой находился Наполеон, тот подошел к нему и спросил: "Ну, как идут дела?" — "Очень плохо, сир". — "Как? .. плохо! ... Каковы же тогда чувства вашей армии?" — "Моя армия, сир, совершенно обескуражена ... потрясена судьбой Парижа". — "Разве ваши войска не присоединятся ко мне в наступлении на Париж?" — "Сир, не думайте об этом. Если бы я отдал такой приказ своим войскам, я рисковал бы быть ослушавшимся". — "Но что же делать? Я не могу оставаться таким, какой я есть; у меня еще есть ресурсы и сторонники. Говорят, что союзники больше не будут вести со мной переговоры. Что ж! неважно. Я пойду на Париж. Я отомщу за непостоянство парижан и низость Сената. Горе членам правительства, которое они подлатали для возвращения своих бурбонов; это то, чего они с нетерпением ждут. Но завтра я встану во главе своей стражи, и завтра мы будем в Тюильри.

Маршал слушал молча, и когда, наконец, Наполеон несколько успокоился, он заметил: "Сир, тогда, по—видимому, вы не осведомлены о том, что произошло в Париже — о создании Временного правительства, и ..." — "Я все это знаю, и что дальше?" — "Сир, - добавил маршал, протягивая Наполеону бумагу, - вот кое-что, что скажет вам больше, чем я могу". Затем Макдональд представил ему письмо генерала Бернонвиля, в котором сообщалось об отречении императора, объявленном Сенатом, и о решении Сената лишить императора престола. о союзных державах, не вступающих в переговоры с Наполеоном или кем-либо из членов его семьи. "Маршал, - сказал император, прежде чем вскрыть письмо, — можно это прочесть вслух?" - "Конечно, сир". Затем письмо было передано Барре, который его прочитал. Человек, присутствовавший при этом, описал мне впечатление, которое чтение письма произвело на Наполеона. На его лице было то сильное сжатие черт, которое я часто замечал, когда его разум был встревожен. Однако он не утратил самообладания, которое действительно никогда не покидало его, когда политика или тщеславие требовали, чтобы он сохранил его; и когда чтение письма Бернонвиля было закончено, он притворился, что настаивает на своем намерении выступить маршем на Париж. - Сир, - воскликнул Макдональд, - от этого плана следует отказаться. Никто не обнажит меча, чтобы поддержать вас в подобном предприятии. После этого разговора между императором и Макдональдом вопрос об отречении начал серьезно обдумываться. Коленкур уже намекнул Наполеону, что в случае его личного отречения есть возможность склонить союзников согласиться на создание Регентского совета. Затем Наполеон решил подписать акт об отречении, который он сам составил в следующих выражениях:

Союзные державы заявили, что император Наполеон является единственным препятствием к восстановлению мира в Европе, император Наполеон, верный своей присяге, заявляет, что он готов сойти с трона, покинуть Францию и даже отдать свою жизнь за благополучие страны, которое неотделимо от прав его сына, прав регентства императрицы и поддержания законов Империи. Дано в нашем дворце Фонтенбло 2 апреля 1814 года.

(Подпись) НАПОЛЕОН.

После составления этого акта император вручил его маршалам со словами: "Вот, джентльмены! вы удовлетворены?"

Это отречение Наполеона, безусловно, было совершенно бесполезным, но в случае, если бы произошло что-то, что придало бы ему важность, этот акт мог бы оказаться совершенно иллюзорным. Большинству людей его значение могло показаться недвусмысленным, но не мне, который был так хорошо посвящен в хитрости, к которой мог прибегнуть Наполеон, когда это соответствовало его целям. Необходимо отметить, что Наполеон не говорит, что "он сходит с трона", но что "он готов сойти с трона". Это была уловка, с помощью которой он намеревался начать новые переговоры относительно формы и условий регентства его сына на случай, если союзные монархи согласятся с этим предложением. Это дало бы возможность выиграть время.

Он еще не оставил всяких надежд и поэтому с радостью принял разведданные, сообщенные ему генералом Алликсом. Генерал сообщил императору, что он встретил австрийского офицера, посланного Франциском II. князю Шварценбергу, и который положительно заверил его, что все, что произошло в Париже, противоречило желанию австрийского императора. То, что таково могло быть мнение офицера, возможно и даже вероятно. Но из материалов дела о миссии герцога де Кадоре (Шампани), о которой я сейчас расскажу, ясно, что офицер выразил всего лишь свое личное мнение. Однако, как только генерал Алликс сообщил эту, как он выразился, хорошую новость Наполеону, последний воскликнул, обращаясь к окружающим его людям: "Я же вам говорил, господа. Франциск II. не может зайти в своей вражде так далеко, чтобы свергнуть с престола свою дочь. Виченца, иди и попроси маршалов вернуть мой акт об отречении. Я отправлю курьера к австрийскому императору.

Так Бонапарт во время своего кораблекрушения оглядывался в поисках спасительной доски и пытался тешить себя иллюзиями. Герцог Виченцкий направился к маршалам Нею и Макдональду, которых он застал как раз садящимися в карету, направлявшуюся в Париж. Оба категорически отказались возвращать акт Коленкуру, заявив: "Мы уверены в согласии австрийского императора и берем все на себя". Результат доказал, что они были лучше информированы, чем генерал Алликс.

Во время беседы с маршалом Макдональдом, которая только что была описана, император сидел. Когда он принял решение подписать отречение, он встал и пару раз прошелся взад и вперед по своему кабинету. После того, как он составил и подписал акт, он сказал: "Джентльмены, интересы моего сына, интересы армии и, прежде всего, интересы Франции, должны быть защищены. Поэтому я назначаю своими уполномоченными при союзных державах герцога Виченцкого, князя Московского и герцога Рагузского... Вы удовлетворены? - добавил он после паузы. "Я думаю, что эти интересы переданы в надежные руки". Все присутствующие ответили в один голос. "Да, сир". Но как только был произнесен этот ответ, император бросился на маленький желтый диванчик, стоявший у окна, и, ударив себя рукой по бедру каким-то судорожным движением, воскликнул: "Нет, господа, я не желаю регентства! Со своей гвардией и корпусом Мармона я буду в Париже завтра". Ней и Макдональд тщетно пытались разуверить его в этом невыполнимом плане. Он встал в явно дурном настроении и, потирая голову, как обычно делал, когда бывал взволнован, громко и властно сказал: "Уходите".

Маршалы удалились, и Наполеон остался наедине с Коленкуром. Он сказал последнему, что больше всего в ходе только что состоявшегося разбирательства ему не понравилось чтение письма Бернонвиля. "Сир, - заметил герцог Виченца, - письмо было прочитано по вашему приказу". — "Это верно Но почему Макдональд не адресовал его непосредственно мне?"

— "Сир, сначала письмо было адресовано маршалу Макдональду, но адъютанту, который его вручил, было приказано передать его содержание Мармону при проезде через Эссон, потому что Бернонвиль не знал точно, где можно найти Макдональда". После этого краткого объяснения император, казалось, остался доволен и сказал Коленкуру: "Виченца, перезвони Макдональду".

Герцог Виченцкий поспешил за маршалом, которого нашел в конце дворцовой галереи, и привел его обратно к императору. Когда Макдональд вернулся в кабинет министров, теплота императора полностью улеглась, и он сказал ему с большим спокойствием: "Ну что, герцог Тарантумский, вы думаете, что регентство - единственно возможное?" — "Да, сир". - "Тогда я хочу, чтобы вы отправились с Неем к императору Александру, а не к Мармону; будет лучше, если он останется со своим корпусом, для которого его присутствие необходимо. Поэтому ты пойдешь с Ней. Я полагаюсь на тебя. Надеюсь, вы полностью забыли обо всем, что так долго разделяло нас". — "Да, сир, я не вспоминал об этом с 1809 года". — "Я рад этому, маршал, и должен признать, что был неправ". Разговаривая с маршалом, император проявил необычное волнение. Он подошел к нему и самым нежным образом пожал ему руку.

Три уполномоченных императора, то есть маршалы Макдональд и Ней, а также герцог Виченцкий сообщили Мармону, что они отобедают с ним, когда будут проезжать через Эссон, и ознакомят его со всем, что произошло в Фонтенбло. По прибытии в Эссон три имперских уполномоченных объяснили герцогу Рагузскому цель своей миссии и убедили его сопровождать их к императору Александру. Это вынудило маршала сообщить им, как он находится. Переговоры, которые Мармон начал и почти завершил с принцем Шварценбергом, были сведены на нет миссией, к которой он присоединился и которую он должен был сам объяснить командующему австрийской армией. Три маршала и герцог Виченцкий отправились в Пти-Бург, штаб-квартиру принца Шварценберга, и там принц освободил Мармона от данного им обещания.

ГЛАВА XXXVI.

1814.

Неожиданные поступления на почте—Прибытие уполномоченных Наполеона к г-ну де Талейрану—Совещание маршалов с Александром—Тревожные новости из Эссона—Храбрость Мармона—Белая кокарда и трехцветная кокарда— Успешная военная хитрость—Три правительства во Франции—Герцог де Кадор, посланный Марией Луизой императору Австрии— Воззвание Марии Луизы к французскому народу—Беседа императора Австрии с герцогом де Кадором—Заверения императора в дружбе с Наполеоном-М. Меттерних и М. Стадиони— Отъезд Марии Луизы в Орлеан—Визит Блюхера ко мне—Аудиенция короля Пруссии—Прием Его Величеством Бертье, Кларка и меня—Бернадотта в Париже —Крест Полярной звезды, подаренный мне Бернадотом.

После моего назначения генеральным директором Почтового отделения работа этого департамента продолжалась так же регулярно, как и раньше. Узнав, что большое количество перехваченных писем было выброшено, я отправил 4 апреля объявление в "Монитор", в котором говорилось, что письма в Англию и из других зарубежных стран, которые пролежали на почте более трех лет, будут пересылаться по соответствующим адресам. В результате Почтовое отделение получило квитанцию почти на 300 000 франков - факт, который может дать представление об огромном количестве перехваченных писем.

Ночью после публикации объявления меня разбудил экспресс от Временного правительства, в котором меня просили со всей возможной поспешностью проследовать в отель г-на де Талейрана. Я встал и немедленно отправился в путь, добравшись туда за несколько минут до прибытия уполномоченных императора. Я поднялся в салон на втором этаже, который был одной из анфилад апартаментов, занимаемых императором Александром. Маршалы удалились совещаться с монархом, и было бы трудно описать тревогу — или, я бы скорее сказал, оцепенение, — которое во время их отсутствия царило среди некоторых членов Временного правительства и других лиц, собравшихся в салоне, где я находился.

Пока маршалы были с Александром, я узнал, что они ранее беседовали с месье де Талейраном, который заметил им: "Если вы преуспеете в своих планах, вы скомпрометируете всех, кто встречался в этом отеле с 1 апреля, а их число немалое. Со своей стороны, не обращайтесь на меня внимания, я готов пойти на компромисс ". Вечер того дня я провел с господином де Талейраном, который затем в моем присутствии сказал императору Александру: "Поддержите ли вы Бонапарта? Нет, вы не можете и не хотите. Я уже имел честь сообщить вашему величеству, что у нас не может быть иного выбора, кроме как между Бонапартом и Людовиком XVIII; все остальное было бы интригой, а никакая интрига не может иметь силы поддержать того, кто может быть ее объектом. Бернадот, Эжен, Регентство - все эти предложения являются результатом интриг. В нынешних обстоятельствах ничто, кроме нового принципа, не является достаточно сильным, чтобы установить новый порядок вещей, который должен быть принят. Louis XVIII. это принцип".

Никто из членов Временного правительства не присутствовал на этой конференции, поскольку никто не желал каким-либо образом повлиять на решение главы коалиции по вопросу об этой важной миссии. Одного генерала Десолля в качестве командующего Национальной гвардией Парижа попросили присутствовать. Наконец маршалы вошли в салон, где мы находились, и их появление произвело впечатление, которое невозможно описать; но выражение недовольства, которое, как нам показалось, мы заметили на их лицах, вернуло надежду тем, кто в течение нескольких часов был жертвой дурных предчувствий. Макдональд, высоко подняв голову и, очевидно, находясь под влиянием сильного раздражения, подошел к Бернонвилю и обратился к нему таким образом в ответ на вопрос, который тот ему задал. - Не говорите со мной, сэр, мне нечего вам сказать. Вы заставили меня забыть о тридцатилетней дружбе! Затем, повернувшись к Дюпону, добавил: "Что касается вас, сэр, - продолжил он тем же тоном, - ваше поведение по отношению к императору не является великодушным. Я признаю, что он обошелся с вами сурово, возможно, он даже был несправедлив к вам в связи с делом Байлена, но как давно вошло в практику мстить за личную обиду за счет своей страны?"

Эти замечания были сделаны с такой теплотой и таким возвышенным тоном, что Коленкур счел необходимым вмешаться и сказал: "Не забывайте, господа, что это резиденция императора России". В этот момент г-н де Талейран вернулся после беседы с императором, которую он имел после ухода маршалов, и, подойдя к группе, образовавшейся вокруг Макдональда, сказал: "Господа, - сказал он, - если вы хотите спорить и дискутировать,

пройдите в мои апартаменты". - "Это было бы бесполезно", - ответил Макдональд. я и мои товарищи не признаем Временное правительство". Три маршала, Ней, Макдональд и Мармон, немедленно удалились вместе с Коленкуром и отправились в отель Ней, чтобы там ожидать ответа, который император Александр обещал дать им после консультации с королем Пруссии.

Такова была эта ночная сцена, которая обладала более драматическим эффектом, чем многие другие, разыгрываемые на сцене. В ней все было реально: от ее развязки зависело политическое состояние Франции и существование всех тех, кто уже заявил о себе в пользу бурбонов. Примечательным фактом, который служит ярким уроком для людей, склонных жертвовать собой ради любой политической цели, является то, что большинство из тех, кто тогда с риском для жизни требовал реставрации Бурбонов, последовательно впадали в немилость.

Когда маршалы и Коленкур ушли в отставку, нам всем не терпелось узнать, что произошло между ними и российским императором. Я узнал от Десолля, который, как я уже говорил, присутствовал на совещании в звании командующего Национальной гвардией Парижа, что маршалы были единодушны в том, чтобы убедить Александра принять регентство. Макдональд особенно горячо поддержал это предложение; и среди сделанных им замечаний, насколько я помню, Десоль упомянул следующее: "Я не уполномочен каким-либо образом заботиться о судьбе, уготованной императору. У нас есть все полномочия вести дела от имени регентства, армии и Франции; но император категорически запретил нам указывать что-либо, касающееся его лично". Александр просто ответил: "Это меня не удивляет". Затем маршалы, возобновив беседу, много говорили о том уважении, которым они обязаны военной славе Франции. Они всячески демонстрировали свое нежелание бросать семью человека, который так часто приводил их к победе; и, наконец, они напомнили императору Александру о его собственной декларации, в которой он провозгласил, как от своего имени, так и от имени своих союзников, что в их намерения не входило навязывать Франции какое бы то ни было правительство.

Десоль, который с самого начала заявлял о своей поддержке бурбонов, в свою очередь вступил в дискуссию с такой же горячностью, как и сторонники регентства. Он представил Александру, сколько людей будут скомпрометированы просто за то, что действовали или высказывали свое мнение под прикрытием его обещаний. Он повторил то, что уже было сказано Александру, а именно, что регентством на самом деле будет не кто иной, как переодетый Бонапарт. Однако Десоль признал, что мощное и убедительное красноречие маршала Макдональда произвело такой эффект, что Александр, казалось, заколебался; и, не желая давать маршалам решительный отказ, он прибегнул к уловке, с помощью которой ему позволили бы осуществить план, который он окончательно сформировал, не возлагая на себя ответственность за смену правительства. Десоль соответственно сообщил нам, что Александр, наконец, дал маршалам следующий ответ: "Господа, я не одинок; в деле такой важности я должен проконсультироваться с королем Пруссии, поскольку я обещал ничего не предпринимать, не посоветовавшись с ним. Через несколько часов вы узнаете мое решение". Именно этого решения маршалы и отправились дожидаться к Ней.

Большинство членов Временного правительства приписали уклончивый ответ императора Александра влиянию речи Десолля. Со своей стороны, хотя я отдаю должное манере, в которой он заявил о себе по этому важному поводу, я не приписываю его красноречию силу закрепления решения Александра, поскольку я хорошо знаю по опыту, как легко сделать вид, что государи принимают чей-либо совет, когда данный совет является именно тем, которому они хотят следовать. Судя по настроению Александра в то время, у меня не было

ни малейших сомнений относительно курса, который он в конечном итоге изберет, и я счел то, что он сказал о консультациях с королем Пруссии, просто вежливым предложением, с помощью которого он избежал неприятной задачи дать маршалам прямой отказ.

Поэтому я вернулся домой вполне удовлетворенный результатом визита императора Александра к королю Пруссии. От людей, окружавших царя, я знал, что он питал к Бонапарту ненависть, которая была слишком хорошо оправдана. Фридрих Вильгельм обладает слишком твердым характером, чтобы поддаться каким-либо соображениям, которые могли бы быть высказаны по этому поводу ему, как это было сделано с императором России. Но, помимо того, что у короля Пруссии были законные причины не любить Наполеона, политика в то время требовала, чтобы он выглядел его врагом, поскольку сделать это значило завоевать популярность среди своих подданных. Но королю Пруссии не нужно было действовать под диктовку политики; он следовал своему собственному мнению, отвергая предложения маршалов, что он и сделал без колебаний и с большой энергией.

Пока маршалы направлялись в Париж, Бонапарт стремился удостовериться, прошли ли его уполномоченные передовые посты иностранных армий, и в случае сопротивления он решил двинуться на Париж, поскольку не мог поверить, что упустил все шансы. Он послал адъютанта пожелать Мармону немедленно прибыть в Фонтенбло: нетерпение Наполеона было таково, что вместо того, чтобы дожидаться возвращения своего адъютанта, он отправил второго, а затем и третьего офицера с тем же поручением. Такая быстрая смена посланцев от императора встревожила генерала, командовавшего различными дивизиями корпуса Мармона в Эссоне. Они опасались, что императору известно о Соглашении, заключенном в то утро с принцем Шварценбергом, и что он послал за Мармоном с целью сделать ему выговор. Дело в том, что Наполеон ничего не знал об этом деле, поскольку Мармон, отбывая в Париж с Макдональдом и Неом, оставил приказ говорить, что он отправился инспектировать свои позиции. Сухам, Лебрен де Эссар и Бордсуль, которые дали свое согласие на Соглашение с принцем Шварценбергом, совещались в отсутствие Мармона и, возможно, не зная, что он был освобожден от своего обещания, и опасаясь мести Наполеона, они решили выступить походом на Версаль. Прибывшие туда войска, не обнаружив маршала во главе, сочли себя преданными, и среди них вспыхнул дух восстания. Один из адъютантов Мармона, которого он оставил в Эссоне, прилагал все усилия, чтобы предотвратить отход корпуса своего генерала, но, обнаружив, что все его усилия тщетны, он поспешил в Париж, чтобы сообщить маршалу о случившемся. Когда Мармон получил это известие, он завтракал у Нея с Макдональдом и Коленкур: они ждали ответа, который император Александр обещал им прислать. Марш его корпуса на Версаль поверг Мармона в отчаяние. Он сказал маршалам: "Я должен отправиться к своему корпусу и подавить этот мятеж"; и, не теряя ни минуты, он приказал подать карету и приказал кучеру ехать как можно быстрее. Он послал вперед одного из своих адъютантов, чтобы сообщить войскам о своем приближении.

Приблизившись на расстояние ста шагов к месту, где были собраны его войска, он обнаружил, что генералы, подчинявшиеся его приказам, двинулись ему навстречу. Они убеждали его не идти дальше, так как люди были в открытом восстании. "Я пойду в самую гущу их", - сказал Мармон. "Через мгновение они либо убьют меня, либо признают своим главнокомандующим": Он отправил другого адъютанта выстроить войска в боевом порядке. Затем, выйдя из кареты и сев на лошадь, он двинулся вперед один и таким образом обратился к своим войскам с речью: "Как! Здесь измена? Возможно ли, что вы отрекаетесь от меня? Разве я не ваш товарищ? Разве я не был двадцать раз ранен среди вас? . . . Разве я не

разделял ваши тяготы и лишения? И разве я не готов сделать это снова?" Тут Мармона прервал общий крик "Да здравствует Маршал! Vive le Marechal!"

Тревога, вызванная среди членов Временного правительства миссией маршалов, усилилась известием о мятеже войск Мармона. В течение всего дня мы находились в состоянии мучительной тревоги. Опасались, что мятежный дух может распространиться среди других частей армии и дело Франции снова окажется под угрозой. Но храбрость Мармона спасла все: невозможно передать, как его приняли у Талейрана, когда он рассказал подробности того, что произошло в Версале.

Вечером того дня, когда Мармон поступил так благородно, было предложено, чтобы армия приняла белую кокарду. В ответ на это предложение маршал сказал: "Господа, я заставил свои войска понять необходимость прежде всего служить Франции. Следовательно, они восстановили порядок, и теперь я могу отвечать за них. Но за что я не могу ответить, так это за то, чтобы заставить их отказаться от цветов, которые приводили их к победе последние двадцать лет. Поэтому не рассчитывайте на меня в том, что я считаю абсолютно враждебным интересам Франции. Я поговорю об этом с императором Александром". Таковы были слова Мармона. Все, казалось, согласилось с его мнением, и дискуссия прекратилась. Что касается меня, то из моих записей я вижу, что я решительно высказался в пользу предложения Мармона.

Поскольку мнение маршала было принято, по крайней мере временно, для Moniteur была подготовлена статья почти в следующих выражениях:

Белая кокарда в течение последних четырех дней была знаком выражения общественного мнения в пользу свержения деспотического правительства: это было единственное средство отличия сторонников восстановления старой династии, которой мы, наконец, обязаны успокоением. Но поскольку нынешнему правительству пришел конец, все цвета, отличные от наших национальных, бесполезны: поэтому давайте вернемся к тем, которые так часто приводили нас к победе.

Таков был дух статьи, хотя, возможно, приведенный выше текст может отличаться в нескольких словах. Он получил безоговорочное одобрение всех присутствующих. Поэтому я был крайне удивлен, просмотрев "Монитор" на следующий день, обнаружив, что статья не была помещена. Я не знал, какое придворное вмешательство помешало появлению этой статьи, но помню, что Мармон был очень недоволен ее отсутствием. Он пожаловался по этому поводу императору Александру, который пообещал написать, и действительно написал, Временному правительству, чтобы эта статья была включена. Однако оно так и не появилось, и через несколько дней мы получили разгадку загадки, как, возможно, смогли бы сделать раньше, если бы попытались. Император Александр также обещал написать графу д'Артуа и сообщить ему, что мнение Франции было в пользу сохранения трех цветов, но я не знаю, было ли написано это письмо, а если было, то какой ответ оно получило.

Маршал Журден, находившийся тогда в Руане, получил письмо, написанное без ведома Мармона, в котором сообщалось, что последний прикрепил к своему корпусу белую кокарду. Журден подумал, что ему не остается ничего другого, как последовать примеру Мармона, и объявил временному правительству, что в соответствии с решением герцога Рагузского он только что приказал своему корпусу носить белую кокарду. Теперь можно было смело смотреть в лицо Мармону, и когда он пожаловался Временному правительству на то, что

статья не была помещена в "Монитор", последовал ответ: "Сейчас она не может появиться. Вы видите, что маршал Журден надел белую кокарду: вы не дали бы армии два комплекта цветов!"

Мармон не мог ничего ответить на столь положительный факт. Лишь некоторое время спустя я узнал, что Журден решил развернуть белый флаг только при твердой уверенности в том, что Мармон уже сделал это. Таким образом, мы потеряли цвета, которые носил Людовик XVI, которые принял Людовик XVIII, когда был принцем, и в которых граф д'Артуа предстал перед парижанами по возвращении, ибо он вступил в столицу в форме Национальной гвардии. Мошенничество, разыгранное некоторыми членами Временного правительства, имело фатальные последствия; многих бед Франция могла бы избежать, если бы последовала совету Мармона.

Можно сказать, что в период распада империи во Франции существовало три правительства, а именно: временное правительство в Париже, правительство Наполеона в Фонтенбло и сомнительное и скоротечное регентство "Марии Луизы". Регентство вполне можно было бы назвать сомнительным и скоротечным, поскольку было так мало решено относительно курса, который должна была избрать императрица, что сначала предлагалось проводить ее в Орлеан, затем в Тур, и, наконец, она отправилась в Блуа. Неопределенность, царившая в отношении судьбы Марии Луизы, подтверждается документом, который находится в моем распоряжении и копий которого существует не так уж много. Это циркуляр, адресованный префектам господином де Монталиве, министром внутренних дел, сопровождавшим императрицу. В нем оставлен пробел для обозначения места нахождения правительства, куда префекты должны направлять свои сообщения. В имеющейся у меня копии пробел заполнен словом "Блуа" в рукописи.

Как только Мария Луиза узнала о событиях, произошедших вокруг Парижа, она послала за герцогом де Кадоре и вручила ему письмо, адресованное императору Австрии, в котором говорилось: "Отнесите это моему отцу, который должен быть в Дижоне. Я полагаюсь на вас в защите интересов Франции, императора и, прежде всего, моего сына". Конечно, доверие Марии Луизы было как нельзя лучше обеспечено, и эти великие интересы герцог де Кадоре защищал бы "si defendi possent".

После отъезда герцога де Кадоре Мария Луиза опубликовала следующее воззвание, обращенное к французскому народу:

ИМПЕРАТРИЦЕЙ-РЕГЕНТШЕЙ.

Прокламация

События войны отдали столицу во власть иностранцев. Император выступил на ее защиту во главе своих армий, которые так часто одерживали победы. Они лицом к лицу с врагом у стен Парижа. Из резиденции, которую я выбрал, и от министров императора будут исходить единственные приказы, которые вы можете признать. Каждый город, находящийся во власти иностранцев, перестает быть свободным, и каждый приказ, который может исходить от них, является языком врага или тем, что подходит для распространения его враждебных взглядов. Ты будешь верен своим клятвам. Вы прислушаетесь к голосу принцессы, которая была доверена вам по доброй воле и чья высшая гордость состоит в том, что она француженка и сопричастна судьбе суверена, которого вы добровольно выбрали. Мой сын был менее уверен в вашей привязанности во времена нашего процветания; его права и его личность находятся под вашей защитой.

(По приказу) МОНТАЛИВЕ.

(Подпись) МАРИЯ ЛУИЗА БЛУА, 3 апреля 1814 года.

Следует сделать вывод, что Регентство в течение трех дней приняло решение не покидать Блуа, поскольку в приведенном выше документе нет ни пробелов, ни слов, заполненных письменно. Воззвание императрицы, хотя и было мощным призывом к чувствам французского народа, не произвело никакого эффекта. Прокламация Марии Луизы была датирована 4 апреля, вечером этого дня Наполеон подписал условное отречение от престола, с судьбой которого читатель уже ознакомлен. Г-н де Монталиве передал прокламацию императрицы, сопровождаемую другим циркуляром, префектам, из которых ее получили очень немногие.

Г-н де Шампани, покинув Блуа с письмом, полученным им от императрицы, направился в ставку австрийского императора, тщательно избегая дорог, занятых казачьими войсками. Он прибыл, не без значительных трудностей, в Шансо, где ожидался Франциск II. . Когда император прибыл, о герцоге де Кадоре доложили и немедленно представили его величеству. Герцог провел несколько часов с Франциском II, не сумев добиться от него ничего, кроме справедливых протестов. Император всегда прикрывался обещанием, которое он дал своим союзникам, одобрить любые меры, которые они могут принять. Герцог не должен был покидать ставку императора в тот вечер, и в надежде, что его величество, возможно, еще подумает о критическом положении своей дочери, он попросил разрешения откланяться на следующее утро. Соответственно, он явился на прием к императору, когда возобновил свои усилия в поддержку притязаний Марии Луизы. "Я испытываю большую привязанность к своей дочери, а также к своему зятю", - сказал император. "Я ношу их обоих в своем сердце и пролил бы за них свою кровь" — "Ах, сир! - воскликнул г-н де Шампани, - в такой жертве нет необходимости". — "Да, герцог, я повторяю еще раз, я бы пролил свою кровь, я бы отдал свою жизнь за них, но я дал моим союзникам обещание не действовать без них и одобрять все, что они могут сделать. Кроме того, - добавил император, - мой министр, господин де Меттерних, отправился в их штаб, и я ратифицирую все, что он подпишет".

Когда герцог де Кадоре рассказал мне подробности своей миссии, в которой усердие не могло не сработать, я заметил, что он считает фатальным для Наполеона отсутствие г-на де Меттерниха и присутствие г-на Штадиона в ставке австрийского императора. Хотя, по всей вероятности, ничто не могло остановить ход событий, все же несомненно, что личные чувства двух австрийских министров по отношению к Наполеону сильно различались. Я не зайду слишком далеко, если утвержду, что, если отвлечься от политики, г-н де Меттерних был очень привязан к Наполеону. В подтверждение этого утверждения я могу процитировать факт, достоверность которого я могу гарантировать:

Когда господину де Меттерниху сделали комплимент по случаю замужества Марии Луизы, он ответил: "Внести свой вклад в мероприятие, получившее одобрение 80 000 000 человек, действительно достойно поздравлений". Такое замечание, открыто сделанное умным министром Венского кабинета министров, было хорошо рассчитано на то, чтобы угодить ушам Наполеона, от которого, однако, г-н де Меттерних в своих личных отношениях не скрывал правды. Я вспоминаю ответ, который после некоторого колебания дал г-н де Меттерних в Дрездене. "Что касается вас, - сказал император, - вы не пойдете на войну со мной. Невозможно, чтобы вы выступили против меня. Этого никогда не может быть". — "Сир, сейчас мы не совсем союзники, и через некоторое время мы можем стать врагами ". Этот намек был последним, который Наполеон получил от Меттерниха, и Наполеон, должно быть, был действительно слеп, если не воспользовался им. Что касается м. Стадиона, то он питал глубокую неприязнь к императору. Этот министр знал и не мог забыть, что его предыдущее исключение из Венского кабинета было вызвано всемогущим влиянием Наполеона.

Независимо от того, повлияло ли отсутствие Меттерниха на решение Франциска II или нет, несомненно, что этот монарх ничем не уступил настоятельным просьбам министра, который добросовестно выполнил возложенную на него деликатную миссию. Г-н де Шампани присоединился к императрице в Орлеане, куда она направилась после отъезда из Блуа. Он нашел Марию Луизу почти покинутой, все Высшие сановники империи последовательно вернулись в Париж после того, как направили свои представления Временному правительству.

Едва я приступил к исполнению своих обязанностей генерального почтмейстера, как утром 2 апреля был удивлен, увидев входящего в мой кабинет прусского генерала. Я сразу узнал в нем генерала Блюхера. Он командовал прусской армией в битве, которая произошла у ворот Парижа. "Сэр, - сказал он, - я считаю одной из своих первых обязанностей по прибытии в Париж поблагодарить вас за внимание, оказанное мне вами в Гамбурге. Мне жаль, что я не узнал раньше о вашем пребывании в Париже. Уверю вас, что если бы я был проинформирован об этом обстоятельстве раньше, капитуляция была бы произведена без нанесения удара. Сколько крови могло бы тогда быть пролито!" — "Генерал, - сказал я, - на чем вы основываете свою уверенность?" — "Если бы я знал, что вы были в Париже, я бы передал вам письмо к королю Пруссии. Этот монарх, которому известны ресурсы и намерения союзников, я уверен, уполномочил бы вас принять решение о приостановке вооружений до того, как окрестности Парижа станут театром военных действий". — "Но, - продолжал я, - несмотря на добрые намерения союзников, было бы очень трудно предотвратить сопротивление. Французская гордость, как бы ни была она раздосадована неудачами, воспротивилась бы такому шагу непреодолимыми препятствиями". — "Но, боже мой! вы бы увидели, что сопротивление таких огромных масс бесполезно". — "Вы правы, генерал; но честь Франции защищалась бы до последнего". — "Я полностью осознаю это; но, несомненно, вы заслужили достаточно славы!" — "И все же наша французская восприимчивость заставила бы нас смотреть на эту славу как на запятнанную, если бы Париж был оккупирован без защиты ... Но при нынешних обстоятельствах я очень рад, что вы остались довольны моим поведением в Гамбурге, поскольку это побуждает меня надеяться, что в Париже вы будете соблюдать ту же умеренность, которую я проявлял там. Прошли те времена, когда можно было сказать: горе побежденным". — "Вы правы; и все же, — добавил он, улыбаясь, - вы знаете, что нас называют северными варварами". - "Тогда, генерал, - возразил я, - у вас есть прекрасная возможность доказать, что это название - клевета".

Через несколько дней после визита Блюхера я имел честь быть допущенным на частную аудиенцию к королю Пруссии. Кларк и Бертье также были приняты на этой аудиенции, которая проходила в отеле принца Евгения, где проживал король Пруссии в Париже. Мы подождали несколько минут в гостиной, и когда Фредерик Вильгельм вышел из своего кабинета, я заметил на его лице выражение смущения и суровости, которые убедили меня, что он тщательно изучал свою роль, как это обычно делают великие личности в подобных случаях. Войдя в салон, король первым делом заметил Бертье, к которому он обратился с большой добротой, воздав хвалу французским войскам и похвалив маршала за его поведение во время войны в Германии. Бертье поблагодарил в ответ за эти вполне заслуженные похвалы, ибо, хотя он и не отличался силой понимания или энергией ума, все же он не был плохим человеком, и я знал много доказательств его хорошего поведения в завоеванных странах.

Поприветствовав Бертье, король Пруссии повернулся к Кларку, и на его лице немедленно появилось выражение недовольства. Он, очевидно, не забыл поведение Кларка в Берлине. Он напомнил ему, что тот сделал континентальную систему более отвратительной, чем она

была сама по себе, и что он не проявил никакой умеренности в исполнении своих приказов. "Короче говоря, - сказал его величество, - если у меня и есть вам какой-нибудь совет, так это никогда больше не возвращаться в Пруссию". Король произнес эти слова таким громким и решительным тоном, что Кларк был совершенно сбит с толку. Он произнес несколько невразумительных замечаний, которых, однако, Фридрих Вильгельм не заметил, ибо, внезапно повернувшись ко мне, он сказал с наигранной приветливостью: "Ах, господин де Буррьен, я рад видеть вас, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы повторить то, что я написал вам из Гонигсберга. Вы всегда оказывали защиту немцам и делали все, что могли, чтобы облегчить их положение. Я с большим удовлетворением узнал, что вы сделали для пруссаков, которых военная судьба загнала в Гамбург; и я с удовольствием говорю вам в присутствии этих двух джентльменов, что, если бы все французские агенты действовали так, как вы, нас, вероятно, здесь не было бы". Глубоким поклоном я выразил, насколько я польщен этим лестным обращением, и король, поприветствовав нас, удалился.

Примерно в середине апреля Бернадотт прибыл в Париж. Его положение стало двусмысленным, поскольку обстоятельства разрушили надежды, которые он мог бы зародить во время беседы с императором Александром в Обо. Кроме того, в некоторых официальных брошюрах он был представлен как предатель Франции, и среди некоторых почитателей нашей поруганной славы преобладало чувство раздражения, несправедливо направленное на Бернадотта.

Я даже помню, что Наполеон, прежде чем лишиться власти, устроил нечто вроде национального протеста со стороны полиции против королевского принца Швеции. Этот принц забронировал номер в отеле на улице Анжу, и слова "Долой предателя! долой клятвопреступника!" - кричали там; но это не имело никакого результата, поскольку было расценено всего лишь как оскорбление, вызванное духом мелкой мести.

Пока Бернадотт был в Париже, я видел его каждый день. Он лишь слегка скрывал от меня надежду, которую питал, правя Францией; и в многочисленных беседах, к которым приводили наши соответствующие занятия, я выяснил, хотя Бернадотт официально не говорил мне об этом, что когда-то он возлагал большие надежды на то, что станет преемником Наполеона.

Оказавшись, наконец, в своих последних укреплениях, он преодолел всю сдержанность и подтвердил все, что я знал об интервью с Або.

Я спросил Бернадотта, что он думает о проектах, которые приписывались Моро; правда ли, что он имел в его лице конкурента и не претендовал ли Моро на опасную честь управлять Францией: "Эти слухи, - ответил королевский принц Швеции, - лишены оснований: по крайней мере, я могу заверить вас, что в беседах, которые я вел с императором Александром, этот государь никогда не говорил ничего, что могло бы оправдать такое предположение. Я знаю, что император России хотел воспользоваться военными талантами Моро в начавшейся великой борьбе и дать возможность изгнанному генералу вернуться в свою страну в надежде, что, если война окажется удачной, он будет пользоваться почестями и привилегиями, подобающими его прошлым заслугам".

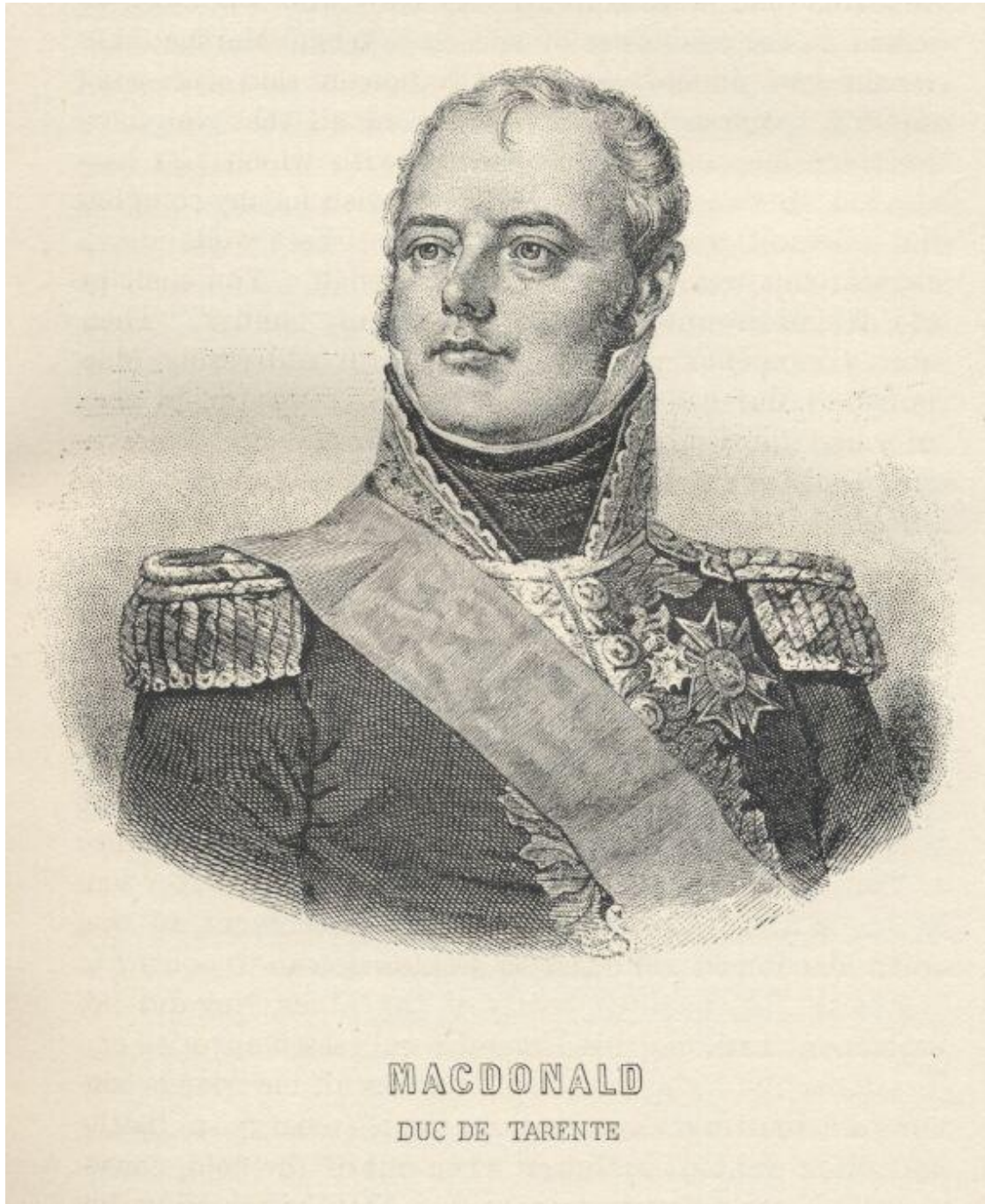
Бернадотт выразил мне удивление по поводу отзыва бурбонов и заверил меня, что он не ожидал, что французский народ с такой готовностью согласится на Реставрацию. Признаюсь, я был удивлен, что Бернадотт, с тем умом, которым, как я знал, он обладает, мог вообразить, что воля подданных имеет какое-либо влияние на смену правительства!

Во время своего пребывания в Париже Бернадот проявлял ко мне те же дружеские чувства, которые он выказывал мне в Гамбурге. Однажды я получил от него письмо, датированное Парижем, с которым он передал мне один из крестов Полярной звезды, оставленных в его распоряжении королем Швеции. Бернадотт был не очень доволен своей резиденцией в Париже, несмотря на дружбу, которую император Александр постоянно проявлял по отношению к нему. Через несколько дней он отправился в Швецию, предварительно попрощавшись с графом д'Артуа. Я не видел его после его прощального визита к графу, так что не знаю, о чем шел разговор между двумя принцами.

MARIE LOUISE.

EMPRESS OF FRANCE

6 avril 1814.

Les puissances alliées ayant proclamé que l'empereur Napoléon était le seul obstacle au rétablissement de la paix en Europe, l'empereur, fidèle à son serment déclare qu'il renonce pour lui et ses enfans, aux trônes de France et d'Italie, et qu'il, fidèle à son serment, n'est aucun sacrifice personnel même celui de la vie, qu'il ne soit prêt à faire aux intérêts de la France.

Fac Simile of the abdication of Napoleon in 1814.

6 Avril 1814.

Les puissances alliées ayant proclamé que l'empereur Napoléon était le seul obstacle au rétablissement de la paix en Europe, l'empereur, fidèle à son serment déclare qu'il renonce pour lui et ses enfans, aux trônes de France et d'Italie, et qu'il, fidèle à son serment, n'est aucun sacrifice personnel même celui de la vie, qu'il ne soit prêt à faire aux intérêts de la France.

SUCHET.
DUC D'ALBUFERA

Wellington

Blücher

GOUVION ST. CYR.

THE KING OF ROME

BESSIÈRES
DUC D'ISTRIE

ГЛАВА I.

1814.

Неизменная решимость союзников по отношению к Наполеону— Фонтенбло включен в пределы, подлежащие оккупации союзниками— Отъезд Александра из Парижа—Наполеон проинформирован о необходимости своего безоговорочного отречения—Макдональд и Ней снова отправлены в Париж—Предполагаемая попытка Наполеона отравиться—Прощальная беседа Макдональда с Наполеоном—Сабля Мурад—бея— Подписание акта о безоговорочном отречении—Спокойствие Парижа во время смены правительства-Указ императора России относительно Почты—Религиозная церемония на площади Людовика XV.—Прибытие о графе д'Артуа — Его въезде в Париж — Прибытии императора Австрии—Необычном собрании монархов во Франции—Визите императора Австрии к Марии Луизе—Ее беседе с императором Александром —Ее отъезде в Вену.

Когда Мармон покинул Париж после получения разведданных из Эссонна, маршалы Макдональд и Ней, а также герцог Виченцкий ждали императора Александра, чтобы узнать его решение, прежде чем он мог быть проинформирован о передвижении войск Мармона. Я сам отправился утром в отель месье де Талейрана, и именно там я узнал, как то, на что мы надеялись, стало фактом: вопрос был полностью решен. Император Александр вышел в шесть часов утра в резиденцию короля Пруссии на улице Бурбон. После этого оба монарха вместе отправились к г-ну де Талейрану, где они находились, когда прибыли уполномоченные Наполеона. Когда уполномоченные были представлены обоим государям, император Александр в ответ на их предложение ответил, что регентство невозможно, поскольку представления Временному правительству поступают отовсюду, и что, если армия сформирована вопреки желаниям, об этом следовало бы сообщить раньше. - Сир, - заметил Макдональд, - это было невозможно, поскольку ни один из маршалов не находился в Париже, и, кроме того, кто мог предвидеть, какой оборот примут дела? Могли ли мы представить себе, что необоснованная тревога вывела бы из Эссонна корпус герцога Рагузского, который в этот момент покинул нас, чтобы привести свои войска в порядок?" Эти слова не произвели никаких изменений в решимости государей, которые и слышать не хотели ни о чем, кроме безоговорочного отречения Наполеона. Прежде чем маршалы простились с императором Александром, они потребовали перемирия на сорок восемь часов, которое, по их словам, было необходимо для переговоров с Наполеоном об акте отречения. Эта просьба была удовлетворена без колебаний, и император Александр, показав Макдональду карту окрестностей Парижа, учтиво подал ему карандаш, сказав: "Вот, маршал, отметьте сами границы, которые должны соблюдаться двумя армиями". — "Нет, сир, - ответил Макдональд, - мы побежденная сторона, и вам надлежит отметить демаркационную линию". Александр решил, что правый берег Сены должен быть занят союзными войсками, а левый берег - французами; но было замечено, что такое расположение сопряжено с неудобствами, поскольку оно рассекло бы Париж надвое, и было решено, что линия должна обогнуть Париж. Мне сообщили, что на карте, отправленной в австрийский штаб для ознакомления принца Шварценберга с окончательно согласованными границами, Фонтенбло, ставка императора, каким-то хитрым способом была включена в эту линию. Австрийцы действовали в этом направлении настолько беспрекословно, что маршал

Макдональд был вынужден пожаловаться по этому поводу Александру, который устранил все препятствия.

Когда при обсуждении вопроса об отречении в соответствии с полученными им инструкциями Макдональд заметил императору Александру, что Наполеон ничего не желает для себя, "Заверьте его, - ответил Александр, - что для него будут созданы условия, достойные занимаемого им звания. Скажите ему, что, если он пожелает поселиться в моих Штатах, его будут хорошо принимать, хотя он и принес туда опустошение. Я всегда буду помнить дружбу, которая нас объединяла. Он получит остров Эльба или что-нибудь еще". После прощания с императором Александром 5 апреля уполномоченные Наполеона вернулись в Фонтенбло, чтобы отчитаться о своей миссии. В тот же день я встретился с Александром, и мне показалось, что вопрос о прекращении регентства снял с его души огромный груз. Мне сообщили, что он намеревался покинуть Париж через несколько дней и что он передал все полномочия господину Поццо-ди-Борго, которого он назначил своим уполномоченным при Временном правительстве.

В тот же день, 5 апреля, Наполеон инспектировал свои войска во дворе дворца Фонтенбло. Он заметил некоторую прохладу среди своих офицеров и даже среди рядовых, которые проявили такой энтузиазм, когда он инспектировал их 2 апреля. Эта перемена в поведении так сильно подействовала на него, что он недолго оставался на параде, а затем удалился в свои апартаменты.

Около часа ночи 6 апреля Ней, Макдональд и Коленкур прибыли в Фонтенбло, чтобы ознакомить императора с целью их миссии и чувствами, выраженными Александром, когда они прощались с ним. Маршал Ней был первым, кто объявил Наполеону, что союзники требуют его полного и безоговорочного отречения без каких-либо условий, за исключением его личной безопасности, которая должна быть гарантирована. Маршал Макдональд и герцог Виченцкий затем говорили о том же, но в более мягких выражениях, чем те, которые употреблял Ней, который был мало сведущ в вежливости речи. Когда маршал Макдональд закончил говорить, Наполеон сказал с некоторым волнением: "Маршал, я ценю все, что вы сделали для меня, и ту теплоту, с которой вы защищали моего сына. Они желают моего полного и безоговорочного отречения. . . . Очень хорошо. Я снова уполномочиваю тебя действовать от моего имени. Ты пойдешь и будешь защищать мои интересы и интересы моей семьи ". Затем, после минутной паузы, он добавил, все еще обращаясь к Макдональду: "Маршал, куда мне направиться?" Затем Макдональд сообщил императору, что Александр упомянул в гипотезе о своем желании жить в России. "Сир, - добавил он, - император России сказал мне, что он предназначил вам остров Эльба или что-то еще". — "Или что-то еще!" - поспешно повторил Наполеон. - "И что это за "что-то еще"?" — "Сир, я не знаю". — "Ах! несомненно, это остров Корсика, и он воздержался от упоминания о нем, чтобы избежать неловкости! Маршал, я предоставляю все вам.

Маршалы вернулись в Париж, как только Наполеон наделил их новыми полномочиями; Коленкур остался в Фонтенбло. По прибытии в Париж маршал Ней отправил своего представителя Временному правительству, так что, когда Макдональд вернулся в Фонтенбло, чтобы передать Наполеону окончательный договор союзников, Ней не сопровождал его, и император выразил удивление и недовольство его отсутствием. Ней, как сходятся во мнении все его друзья, тратил всю свою энергию в битве и часто нуждался в решительности, когда уходил с поля боя, поэтому я не был удивлен, обнаружив, что он присоединился к нам раньше некоторых других своих товарищей. Что касается Макдональда, то он был одним из тех великодушных людей, на которых те, кто причинил им зло, могут с наибольшей уверенностью положиться. Наполеон на собственном опыте убедился в этом. Макдональд

вернулся в Фонтенбло один, и когда он вошел в покои императора, то обнаружил его сидящим в маленьком кресле перед камином. Он был одет в утренний халат белого цвета и домашние туфли без чулок. Его локти покоились на коленях, а голова была подперта руками. Он был неподвижен и, казалось, погружен в глубокое раздумье. В комнате находились только два человека: герцог Бассано, стоявший на некотором расстоянии от императора, и Коленкур, стоявший у камина. Задумчивость Наполеона была настолько глубока, что он не услышал, как вошел Макдональд, и герцогу Виченцскому пришлось сообщить ему о присутствии маршала. - Сир, - сказал Коленкур, - герцог Тарантум привез на вашу подпись договор, который должен быть ратифицирован завтра. Затем император, словно очнувшись от летаргического сна, повернулся к Макдональду и просто сказал: "А, маршал! так вы здесь!" Выражение лица Наполеона так изменилось, что маршал, пораженный этой переменной, спросил как бы невольно: "Вашему величеству нездоровится?" — "Да, - ответил Наполеон, - я провел очень тяжелую ночь".

Император некоторое время продолжал сидеть, затем встал, взял договор, прочитал его, не делая никаких замечаний, подписал и вернул маршалу со словами: "Сейчас я недостаточно богат, чтобы вознаградить эти последние услуги". — "Сир, интерес никогда не руководил моим поведением". — "Я знаю это, и теперь я вижу, как я был обманут в отношении вас. Я также вижу замыслы тех, кто настроил меня против вас". — "Сир, я уже говорил вам, что с 1809 года я предан вам на всю жизнь". — "Я знаю это. Но поскольку я не могу вознаградить вас так, как хотел бы, позвольте мне в знак памяти, каким бы незначительным он ни был, заверить вас, что я всегда буду помнить об услугах, которые вы мне оказали". Затем, повернувшись к Коленкуру, Наполеон сказал: "Виченца, попроси саблю, которую подарил мне Мурад-бей в Египте и которую я носил в битве при горе Табор". Констан принес саблю, император взял ее из рук Коленкура и вручил маршалу. "Вот, мой верный друг, - сказал он, - награда, которая, я верю, доставит вам удовольствие". Макдональд, получив саблю, сказал: "Если когда-нибудь у меня будет сын, сир, это будет его самым драгоценным наследством. Я никогда не расстанусь с ним, пока жив". — "Дайте мне вашу руку, - сказал император, - и обнимите меня". При этих словах Наполеон и Макдональд нежно бросились друг другу в объятия и расстались со слезами на глазах. Такова была последняя беседа Макдональда с Наполеоном. Я получил вышеупомянутые сведения от самого маршала в 1814 году, через несколько дней после того, как он вернулся в Париж с договором, ратифицированным Наполеоном.

После того, как были гарантированы положения мирного договора, Наполеон подписал 11 апреля в Фонтенбло акт об отречении, который был составлен в следующих выражениях:—

"Союзные державы провозгласили, что император Наполеон является единственным препятствием к восстановлению мира в Европе, император Наполеон, верный своей присяге, заявляет, что он отказывается ради себя и своих наследников от тронов Франции и Италии и что нет такой личной жертвы, даже жизни, на которую он не готов пойти ради интересов Франции".

Только после того, как Бонапарт составил и подписал вышеупомянутый акт, маршал Макдональд направил Временному правительству свое признание, выраженное следующим достойным и простым образом:—

"Будучи освобожден от своей присяги в результате отречения императора Наполеона, я заявляю, что подчиняюсь действиям Сената и Временного правительства".

Следует отметить, что акт отречения Наполеона от престола был опубликован в "Монитор" 12 апреля, в тот самый день, когда граф д'Артуа въехал в Париж со званием генерал-лейтенанта королевства, присвоенным ему Людовиком XVIII. 12 апреля было также днем, когда императорская армия провела свое последнее сражение под Тулузой, когда французские войска под командованием Сульта заставили Веллингтона так дорого заплатить за его вступление на юг Франции.—[Битва при Тулузе произошла 10, а не 12 апреля н.э.]

Политические революции, как правило, бывают бурными, однако во время великих перемен 1814 года в Париже было совершенно спокойно, благодаря отличной дисциплине, поддерживаемой командующими союзными армиями, а также благодаря услугам Национальной гвардии Парижа, которая каждую ночь патрулировала улицы. Мои обязанности генерального директора Почтового отделения, конечно, вынудили меня отказаться от капитанских погон.

Когда я впервые получил свое назначение, я был несколько встревожен, услышав, что все дороги перекрыты иностранными войсками, особенно казаками, которые даже в мирное время очень готовы захватить любых лошадей, которые могут попасться им на пути. По моему ходатайству к императору Александру его Величество немедленно издал указ, строго запрещающий конфискацию лошадей или чего-либо, принадлежащего Почтовому ведомству. Указ был напечатан по приказу царя и подшит ко всем почтовым отделениям, и мы увидим, что после 20 марта, когда я оказался в затруднительном положении, один из почтмейстеров на Лилльской дороге выразил мне свою благодарность за мое поведение во время службы.

10 апреля в Париже состоялась церемония, о которой много говорили и которая, должно быть, произвела очень впечатляющее впечатление на тех, кто позволяет себе быть ослепленным простым зрелищем. Ранним утром несколько полков союзных войск заняли северную сторону бульвара, от места старой Бастилии до площади Людовика XV, посреди которой был воздвигнут алтарь квадратной формы. Туда прибыли союзные монархи, чтобы присутствовать при совершении мессы по обрядам греческой церкви. Я подошел к окну отеля морского министра, чтобы посмотреть на церемонию. После того как я прождал с восьми утра почти до двенадцати, представление началось с прибытия полудюжины греческих священников с длинными бородами, одетых так же богато, как первосвященники, участвующие в процессиях в опере. Примерно через три четверти часа после этой первой сцены пехота, сопровождаемая кавалерией, вступила в это место, которое через несколько мгновений было сплошь покрыто военными. Наконец появились союзные монархи в сопровождении блестящих жезлов. Они сошли с коней и направились к алтарю. Что показалось мне наиболее примечательным, так это глубокое молчание огромной толпы во время исполнения мессы. Все зрелище производило эффект тонко нарисованной панорамы. Что касается меня, то я должен признаться, что от всей души устал от церемонии и был очень рад, когда она закончилась. Я не мог восхищаться иностранной формой, которая сильно уступала нашей. Многие из них казались причудливыми и даже гротескными, и нет ничего более неприличного, чем видеть мужчину, затянутого в корсет до такой степени, что его фигура напоминает осу. Церемония, состоявшаяся два дня спустя, хотя и была менее помпезной, но носила гораздо более французский характер. В свите, которая 12 апреля на мгновение увеличилась вокруг графа д'Арто, по крайней мере, были воспоминания о стариках и надежды для каждого.

Когда после отъезда уполномоченных, которых Наполеон отправил к Александру для рассмотрения вопроса о регентстве, было окончательно решено, что союзные монархи не станут слушать никаких предложений Наполеона и его семьи, Временное правительство сочло, что пришло время просить, чтобы Месье своим присутствием придавал новый импульс сторонникам бурбонов. Аббатиса де Монтескье написала принцу письмо, которое было передано ему виконтом Сосфеном де Ларошфуко, одним из тех, кто в этих трудных обстоятельствах наиболее ревностно служил делу бурбонов. Во второй половине дня 11-го числа месье прибыл в загородный дом, принадлежащий мадам Шарль де Дам, где провел ночь. Весть о его прибытии распространилась по Парижу с быстротой молнии, и каждый желал отпраздновать его въезд в столицу. Национальная гвардия выстроилась в двойную линию от барьера Бонди до Собора Парижской Богоматери, куда принц должен был проследовать первым, соблюдая старый обычай, который, однако, стал очень редким во Франции за последние двадцать лет.

Г-н де Талейран в сопровождении членов Временного правительства, нескольких маршалов и генеральных офицеров, а также представителей муниципалитета во главе с префектом Сены прошел процессией за ограду, чтобы встретить месье. Г-н де Талейран от имени Временного правительства обратился к принцу, который в ответ сделал замечание, которое так часто повторялось: "Во Франции ничего не изменилось: стало всего на одного француза больше".

—[На самом деле граф д'Артуа никогда не произносил этих слов, и в данном случае мы можем проследить за созданием фразы. На самом деле Талейрану был дан такой ответ: "Сэр, и джентльмены, я благодарю вас; я слишком счастлив. Давайте продолжим; я слишком счастлив". Когда дневная работа была закончена, - Давайте посмотрим, - сказал Талейран. - Что сказал месье? Я мало что расслышал: он казался очень взволнованным и желал поторопиться, но если то, что он сказал, вас не устроит (Беньо), ответьте за него ... и я могу ответить, что месье примет это, и так основательно, что к концу пары дней он поверит, что добился своего, и он добьется своего: вы не будете иметь никакого значения ". После неоднократных попыток, отвергнутых Талейраном, Беньо, наконец, написал: "Больше никаких разделений. Мир и Франция! Наконец-то я вижу ее еще раз, и в ней ничего не изменилось, за исключением того, что здесь появился еще один француз". Наконец великий критик (Талейран) сказал: "На этот раз я уступаю; это действительно речь месье, и я отвечу за вас, что он тот человек, который ее произнес". Месье не побрезговал сослаться на это в своих ответах, и пророчество месье де Талейрана полностью сбылось (Beaugnot, vol. ii, с. 119)]—

Это замечание обещало многое. Затем граф Артуа верхом направился к барьеру Сен-Мартен. Я смешался с толпой, чтобы посмотреть на процессию и понаблюдать за настроениями зрителей. Рядом со мной стоял старый рыцарь Святого Людовика, которому вернули знаки отличия ордена, и который плакал от радости, снова увидев одного из бурбонов. Вскоре прибыла процессия, перед которой оркестр заиграл мелодию "Да здравствует Генрих Четвертый!" Я никогда прежде не видел месье, и его появление произвело на меня самое приятное впечатление. На его открытом лице было выражение той уверенности, которую его присутствие внушало всем, кто его видел. Его персонал был очень блестящим, учитывая, что он был собран без подготовки. Принц был одет в форму Национальной гвардии со знаками отличия ордена Святого Духа.

Я должен откровенно заявить, что там, где я видел проходящего месье, энтузиазм проявляла в основном его собственная свита и лица, которые, по-видимому, принадлежали к высшему

классу общества. Люди низшего разряда, казалось, были движимы любопытством и удивлением, а не какими-либо другими чувствами. Я должен добавить, что не без болезненного удивления я увидел эскадрон казаков, замыкавший процессию; и мое удивление было еще больше, когда я узнал от генерала Сакена, что император Александр пожелал, чтобы в тот день еще один француз был окружен только французами, и что в доказательство того, что присутствие бурбонов было сигналом примирения, его Величество приказал 20 000 союзным войскам покинуть Париж. Я не знаю, чему следует приписать присутствие казаков, но в то время это было неловкое обстоятельство, которым не преминули воспользоваться недоброжелатели.

Между въездом месье в Париж и прибытием императора Австрии прошло всего два дня. Этот монарх не пользовался популярностью среди парижан. Линия поведения, которую он избрал, была почти повсеместно осуждена, поскольку даже среди тех, кто наиболее горячо желал свержения с престола его дочери из-за своего отвращения к семье Бонапартов, было много тех, кто винил императора Австрии в поведении Марии Луизы: они хотели бы, чтобы ради чести Франциска II он безуспешно противодействовал падению династии, союз с которой он рассматривал как гарантию в 1809 году. Это было мнение, которое инстинктивно сформировалось у массы народа, ибо они судили об императоре Австрии по его характеру отца, а не по его характеру монарха; и поскольку права несчастных всегда священны во Франции, к Марии Луизе проявляли больший интерес, когда было известно, что она покинута, чем когда она была на пике своего великолепия. Франциск II. он не видел свою дочь с того дня, как она покинула Вену, чтобы соединить свою судьбу с судьбой повелителя половины Европы, и я уже рассказывал, как он воспринял миссию, которую Мария Луиза возложила на герцога де Кадоре.

Я был тогда слишком поглощен тем, что происходило в Париже и Фонтенбло, чтобы с таким же интересом наблюдать за всеми обстоятельствами, связанными с судьбой Марии Луизы, но я представлю читателю всю информацию, которую мне удалось собрать об этой принцессе в период, непосредственно предшествовавший ее отъезду из Франции. Она постоянно уверяла окружающих, что может положиться на своего отца. Следующие слова, которые были достоверно переданы мне, были адресованы ею офицеру, находившемуся в Блуа во время миссии г-на де Шампаньи. "Даже если союзные монархи намереваются свергнуть императора Наполеона, мой отец этого не потерпит. Когда он возводил меня на трон Франции, он двадцать раз повторил мне свою решимость поддержать меня на нем, а мой отец - честный человек. Я также знаю, что императрица и в Блуа, и в Орлеане выражала сожаление по поводу того, что не последовала совету членов Регентства, которые хотели, чтобы она осталась в Париже.

Покинув Орлеан, Мария Луиза направилась в Рамбуйе; и не в последнюю очередь необычным обстоятельством того богатого событиями периода было то, что монархи Европы, свергнутые с престола монархи Франции и те, кто приехал, чтобы вновь принять скипетр, собрались вместе в кольце на пятнадцать лье вокруг столицы. В Тюильри были Бурбоны, Бонапарт - в Фонтенбло, его жена и сын - в Рамбуйе, отвергнутая императрица - в Мальмезоне, в трех лье от него, а императоры России, Австрии и король Пруссии - в Париже.

Когда все ее надежды рухнули, Мария Луиза покинула Рамбуйе, чтобы вернуться в Австрию вместе со своим сыном. Она не получила разрешения увидеться с Наполеоном перед своим отъездом, хотя часто выражала желание на этот счет. Сам Наполеон понимал, какое смущение могло бы вызвать такое прощание, иначе он, без сомнения, сделал бы прощальную беседу с Марией Луизой одним из пунктов Парижско-Фонтенблоского мирного договора и своего окончательного акта отречения. В то время мне сообщили, что причиной,

не позволившей исполнить желание Марии Луизы, было опасение, что в результате одного из тех внезапных порывов, которые свойственны женщинам, она могла решить присоединиться к рухнувшему состоянию Наполеона и сопровождать его на Эльбу; а император Австрии хотел вернуть свою дочь обратно.

Дело дошло до этого момента, и не было никакой возможности отказаться ни от одного из решений, которые были приняты, когда австрийский император отправился навестить свою дочь в Рамбуйе. Помнится, в то время считалось невероятным, что император Александр сопровождает его в этом визите; и действительно, вид государя, который считался главой и арбитром коалиции, не мог быть приятен свергнутой императрице.

—[Меневаль (том ii. стр. 112), затем с Марией Луизой в качестве секретаря, которая приводит некоторые подробности своей беседы с императором Франциском 16 апреля, ничего не говорит о том, что царь был там; факт, который он наверняка отметил бы. Александр посетил ее только 19 апреля, а 22-го числа пришел черед короля Пруссии; но Бурьенн прав, говоря, что Мария Луиза горько жаловалась на то, что ей приходится принимать Александра, и считала, что отец вынудил ее сделать это. Бедный маленький король Рима, которому тогда было всего три года, тоже должен был предстать перед монархами. Он не был в восторге от своего дедушки, отметив, что тот некрасив. По словам Меневалья, Мария Луиза, похоже, в то время действительно стремилась присоединиться к Наполеону (Меневаль, том ii, стр. 94). Она покинула Рамбуйе 28 апреля, остановившись на один день в Гроссбуа, чтобы принять там своего отца и Бертье и попрощаться с несколькими людьми, приехавшими с этой целью из Парижа. 25 апреля она отправилась в Вену, а затем в Парму, государство, которое она получила по мирному договору 1814 и 1815 годов. Она поддавалась оказанному на нее влиянию, отдалась от Наполеона и в конце концов вышла замуж за своего камергера, графа де Нейпперга, австрийского генерала.]—

Два императора выехали из Парижа вскоре после друг друга. Император Австрии прибыл первым в Рамбуйе, где его дочь приняла его с уважением и привязанностью. Мария Луиза была счастлива видеть его, но не все слезы, которые она пролила, были слезами радости. После первого проявления сыновней привязанности она пожаловалась на ситуацию, в которую попала. Отец сочувствовал ей, но не мог утешить, поскольку ее несчастья были непоправимы. Ожидалось, что Александр прибудет немедленно, и император Австрии поэтому сообщил своей дочери, что русский монарх желает ее видеть. Сначала Мария Луиза решительно отказалась принять его и некоторое время настаивала на своем решении. Она сказала своему отцу: "Неужели он тоже сделает меня пленницей на твоих глазах? Если он войдет сюда силой, я удалюсь в свои покои. Полагаю, там он не посмеет последовать за мной, пока ты здесь ". Но нельзя было терять времени; Франциск II. я слышал, как экипаж российского императора проезжал по двору Рамбуйе, и его мольбы к дочери становились все настойчивее. Наконец она уступила, и император Австрии сам отправился встречать своего союзника и проводить его в салон, где оставалась Мария Луиза, из уважения к своему отцу. Однако она не дошла в своем почтении до того, чтобы оказать благосклонный прием тому, кого считала виновником всех своих несчастий. Она с заметной холодностью выслушала предложения и протесты Александра и просто ответила, что все, чего она желает, - это свободы вернуться к своей семье. Через несколько дней после этого болезненного интервью Мария Луиза и ее сын отправились в Вену.

—[Через несколько дней после этого визита Александр засвидетельствовал свое почтение другой жене Бонапарта, Жозефине. В этом великом крушении империй и королевств несчастная Жозефина, которая страдала из-за бросившего ее мужа, не была забыта. Одной из первых вещей,

которые сделал российский император по прибытии в Париж, было выставление гвардии для защиты своего прекрасного маленького дворца в Мальмезоне. Союзные монархи относились к ней с деликатностью и вниманием.

"Как только император Александр узнал, что императрица Жозефина прибыла в Мальмезон, он поспешил нанести ей визит. Невозможно быть более любезным, чем он был с ней. Когда в ходе беседы он говорил об оккупации Парижа союзниками и о положении императора Наполеона, это всегда было сказано совершенно взвешенным языком: он ни на мгновение не забывал, что говорит перед той, кто была женой его побежденного врага. Со своей стороны, бывшая императрица не скрывала нежных чувств, живой привязанности, которую она все еще питала к Наполеону. . . . В характере Александра, безусловно, было что-то возвышенное и великодушное, что не позволяло ему произнести ни единого слова, способного оскорбить несчастье; императрице оставалось вознести к нему только одну молитву, и это было за ее детей".] —

За этим визитом вскоре последовали визиты других союзных принцев.

"Король Пруссии и принцы, его сыновья, довольно часто приезжали, чтобы поухаживать за Жозефиной; они даже несколько раз обедали с ней в Мальмезоне; но император Александр приезжал гораздо чаще. Королева Гортензия всегда была со своей матерью, когда та принимала монархов, и помогала ей оказывать почести дому. Знаменитые иностранцы чрезвычайно восхищались Мальмезоном, который казался им очаровательным местом жительства. Особенно их поразили прекрасные сады и оранжереи".

Однако с этого момента здоровье Жозефины стремительно пошатнулось, и она не дожидаясь возвращения Наполеона с Эльбы. Она часто говорила своей служанке: "Я не знаю, что со мной, но временами на меня накатывают такие приступы меланхолии, что они убивают меня". Но на самом краю могилы она сохранила всю свою приветливость, всю свою любовь к одежде, а также изящество и ресурсы светского общества. Непосредственной причиной ее смерти стала сильная простуда, которую она подхватила, катаясь по парку Мальмезон в сырой холодный день. Она скончалась в полдень воскресенья, 26 мая, на пятьдесят третьем году жизни. Ее тело было забальзамировано и на шестой день после ее смерти помещено в склеп в церкви Рюэль, недалеко от Мальмезона. Похоронные церемонии были великолепны, но лучшей данью памяти Жозефины были слезы, с которыми ее дети, слуги, соседняя беднота и все, кто ее знал, провожали ее в могилу. В 1826 году Эжен Богарне и его сестры воздвигли над ее останками прекрасный памятник с простой надписью:

ЖОЗЕФИНЕ.

Юджин.

ГОРТЕНЗИЯ.

ГЛАВА II.

1814.

Италия и Эжен—Осада Данцика—Капитуляция завершена, но не ратифицирована—Рапп взят в плен и отправлен в Киев—Отказ Даву верить разведданным из Парижа—Планируемое убийство одного из французских принцев—Отъезд Даву и генерала Хогендорфа из Гамбурга—Дело при Манбрейе—Прибытие представителей союзных держав в Фонтенбло—Предпочтение, оказанное Наполеоном полковнику Кэмпбеллу—Обращение Бонапарта к генералу Колеру—Его прощание со своими войсками—Первый день путешествия Наполеона—Императорскую гвардию сменил генерал Кэмпбелл. Казаки—Интервью с Ожеро— Первые белые кокарды—Чучело Наполеона повешено в Оргоне—Его побег под видом курьера—Сцена в гостинице Ла Калад— Прибытие в Экс—Принцесса Полина—Наполеон отправляется на Эльбу—Его жизнь на Эльбе.

Теперь я должен обратить внимание читателя на Италию, которая была колыбелью славы Наполеона и куда он мысленно перенесся из дворца Фонтенбло. Эжену удалось сохранить свои средства обороны до апреля, но 7-го числа того же месяца, будучи положительно информированным о сокрушительных поражениях Франции, он оказался вынужден согласиться с предложениями маршала де Беллегарда об эвакуации Италии; а 10-го была заключена конвенция, в которой оговаривалось, что французские войска под командованием Эжена должны вернуться в пределы старой Франции. Пункты этой конвенции были приведены в исполнение 19 апреля.

—[Лорд Уильям Бентинк и сэр Эдвард Пеллью взяли Геную 18 апреля. Мюрат был на поле боя с австрийцами против французов.]—

Эжен, полагая, что миланский сенат благосклонно расположен к нему, обратился к этому органу с просьбой использовать свое влияние для получения согласия союзных держав на его дальнейшее пребывание во главе правительства Италии; но это предложение было отклонено сенатом. Чувство раздражения охватило общественное сознание Италии, и армия не успела пройти и трех маршей за пределы Мантуи, как в Милане вспыхнуло восстание. Министр финансов Пизна был убит, а его резиденция разрушена, и ничто не спасло бы вице-короля от подобной участи, если бы он находился в своей столице. Среди этого народного волнения и стремления итальянцев освободиться от французского владычества друзья Эжена считали, что ему повезло, что он смог присоединиться к своему тестю в Мюнхене почти инкогнито.

—[Через некоторое время после того, как Эжен посетил Францию и имел длительную аудиенцию у Людовика XVIII. Он представился этому монарху титулом своего отца - маркиза де Богарне. Король немедленно приветствовал его титулом месье Маршала и предложил, чтобы он проживал во Франции в этом звании. Но это приглашение Эжен отклонил, потому что как французский принц при павшем правительстве он командовал маршалами и поэтому не мог смириться с тем, чтобы быть последним по званию среди этих прославленных военачальников. Бурьен.]—

Таким образом, по прошествии девяти лет упала железная корона, которую Наполеон возложил себе на голову со словами: "Умри, мой дон, будь здоров".

Теперь я взгляну на дела Германии. Раппа не было во Франции в период падения империи. Он с необычайным мужеством и мастерством защищался от годичной осады Данцика. Наконец, доведенный до последней крайности и вынужденный сдаться, он открыл ворота города, которые не представляли собой ничего, кроме груды развалин. Рапп поставил условие, что гарнизон Данцига должен вернуться во Францию, и герцог Вюртембергский, командовавший осадой, согласился с этим условием; но российский император отказался утвердить его, и Рапп, не имея средств защиты, был взят в плен вместе со своими войсками; и препровожден в Киев, откуда он впоследствии вернулся в Париж, где я его и видел.

Гамбург все еще держался, но в начале апреля оттуда были получены сведения об экстраординарных событиях, избавивших Европу от ее угнетателя. Даву отказался поверить этой новости, которая сразу же разрушила все его надежды на власть и величие. Некоторое время в Гамбурге сохранялась эта слепота. Несколько лоточников, которые были отмечены полицией как распространители "Парижских новостей", были застрелены. Агент правительства публично объявил о своем намерении убить одного из французских принцев, на службе у которого он, как говорили, состоял в качестве пажа. Он сказал, что пойдет к его Королевскому высочеству и будет просить назначить его одним из своих адъютантов, и что, если ходатайство будет отклонено, а это, вероятно, так и будет, отказ только утвердит его в его намерениях.

Наконец, когда положение вещей стало вне всяких сомнений, Даву собрал войска, сообщил им о низложении императора, поднял флаг перемирия и направил своих сторонников Временному правительству. Все тогда думали о своей личной безопасности, не упуская из виду честно нажитое богатство. Бриллианты и другие ценные предметы небольшого объема были поспешно собраны и упакованы. Губернатор Гамбурга граф Хогендорф, который, несмотря на некоторые явные проявления сопротивления, слишком часто участвовал в суровых и возмутительных мерах, был первым, кто покинул город. Даву действительно поспешил увезти его, потому что он надел оранжевую кокарду и хотел увезти с собой свои голландские войска. Передав командование генералу Жерару, Даву покинул Гамбург и прибыл в Париж 18 июня.

Я оставил Наполеона в Фонтенбло. Срок его отъезда на Эльбу был близок: он был назначен на 17 апреля.

В тот день Мобрейль, человек, ставший, к сожалению, знаменитым, явился на Почту и попросил разрешения поговорить со мной. Он показал мне несколько письменных приказов, подписанных генералом Сакеном, командующим русскими войсками в Палсе, и бароном Бракенхаузенем, начальником штаба. В этих приказах говорилось, что Мобрейлю была поручена важная миссия, для выполнения которой он был уполномочен обратиться за помощью к русским войскам; и командирам этих людей было предписано предоставить в его распоряжение столько войск, сколько он сможет запросить. Мобрейль также был кавалером аналогичных приказов от генерала Дюпона, военного министра, и от М. Англес, временный генеральный комиссар полиции, который приказал всем остальным комиссарам подчиняться приказам, которые они могли получить от Мобрея. Увидев эти документы, в подлинности которых не было никаких сомнений, я немедленно приказал разным почтмейстерам незамедлительно предоставить Мобрею любое количество лошадей, которое ему может потребоваться.

Через несколько дней после этого мне сообщили, что целью миссии Мобрея было убийство Наполеона. Легко себе представить, каково было мое изумление, когда я услышал это, после того как я увидел подпись командующего русскими войсками и знал, как я знал, намерения

императора Александра. Дело в том, что я не верил и никогда не смогу поверить, что таково было намерение Мобрея. Этого человека обвинили в том, что он украл драгоценности королевы Вестфалии.

Наполеон, согласившийся проследовать на остров Эльба в соответствии с договором, который он ратифицировал 13-го числа, попросил, чтобы его сопровождали к месту высадки уполномоченные от каждой из союзных держав. Граф Шувалов был назначен Россией, полковник Нил Кэмпбелл - Англией, генерал Колер - Австрией, а граф Вальбург-Трюшесс - Пруссией. 16-го четверо уполномоченных впервые прибыли в Фонтенбло, где император, которого по-прежнему сопровождали генералы Друо и Бертран, на следующий день дал каждому частную аудиенцию.

Хотя Наполеон холодно принял уполномоченных, которых он сам просил, все же эта холодность проявлялась далеко не ко всем в одинаковой степени. Тот, кто испытал наилучший прием, был полковник Кэмпбелл, очевидно, потому, что на его лице виднелись следы ран. Наполеон спросил его, в каких сражениях он получил их и в каких случаях его награждали орденами, которые он носил. Затем он спросил его о месте его рождения, и, когда полковник Кэмпбелл ответил, что он шотландец, Наполеон поздравил его с тем, что он земляк Оссиана, его любимого автора, с поэзией которого, однако, он был знаком только через посредство жалких переводов. На этой первой аудиенции Наполеон сказал полковнику: "Я искренне ненавижу англичан. Я вел войну против вас всеми возможными средствами, но я уважаю вашу нацию. Я убежден, что в вашем правительстве больше великодушия, чем в каком-либо другом. Я хотел бы, чтобы меня доставил из Тулона на Эльбу английский фрегат".

Австрийских и российских уполномоченных приняли прохладно, но без каких-либо заметных признаков недовольства. Иначе обстояло дело с прусским комиссаром, которому он должным образом спросил: "Есть ли пруссаки в моем эскорте?" — "Нет, сир". — "Тогда почему вы берете на себя труд сопровождать меня?" — "Сир, это не труд, а честь". — "Это пустые слова; вам здесь нечего делать". — "Сир, я никак не мог отказаться от почетной миссии, которую доверил мне король, мой повелитель". При этих словах Наполеон повернулся спиной к графу Трюше.

Уполномоченные ожидали, что Наполеон будет готов выступить без промедления, но они были обмануты. Он попросил показать ему маршрут своего маршрута и пожелал внести в него некоторые изменения. Уполномоченные неохотно воспротивились его желанию, поскольку им было поручено относиться к нему со всем уважением и этикетом, подобающими монарху. Поэтому они отложили отъезд и, поскольку не могли взять на себя обязательство согласиться с изменениями, которых желал император, обратились за новыми распоряжениями. В ночь на 18 апреля они получили эти приказы, разрешающие им путешествовать любой дорогой, которую предпочтет император. Затем отъезд был окончательно назначен на 20-е число.

Соответственно, в десять утра 20-го числа экипажи были готовы, и императорская гвардия была выстроена в большом дворе дворца Фонтенбло, называемом Двор Шевалье Блан. Все население города и соседних деревень столпилось вокруг дворца. Наполеон послал за генералом Колером, австрийским комиссаром, и сказал ему: "Я поразмыслил о том, что мне следует делать, и я полон решимости не отступить. Союзники не верны своим обязательствам со мной. Поэтому я могу отменить свое отречение, которое было лишь условным. Прошлой ночью мне было доставлено более тысячи обращений: я призван вновь взять бразды правления в свои руки. Я отказался от своих прав на корону только для того,

чтобы предотвратить ужасы гражданской войны, поскольку никогда не имел в виду никакой другой цели, кроме славы и счастья Франции. Но, видя, как я сейчас понимаю, недовольство, вызванное мерами нового правительства, я могу объяснить своей Охране причины, побудившие меня отозвать свое отречение. Это правда, что численность войск, на которые я могу рассчитывать, едва ли превысит 30 000 человек, но мне будет легко увеличить их численность до 130 000. Знайте же, что я могу также, не задевая своей чести, сказать своей гвардии, что, не имея в сердце ничего, кроме покоя и счастья страны, я отказываюсь от всех своих прав и призываю свои войска последовать моему примеру и уступить желанию нации".

Я слышал эти слова, сказанные самим генералом Колером после его возвращения с задания. Он не скрыл смущения, вызванного этим неожиданным обращением; и я припоминаю, что в то время заметил, что если бы Бонапарт в начале парижской кампании отказался от своих прав и вернулся к званию гражданина, огромные массы союзников, должно быть, уступили бы усилиям Франции. Генерал Колер также заявил, что Наполеон жаловался на то, что Марии Луизе не разрешили сопровождать его; но в конце концов, уступив доводам окружающих, он добавил: "Что ж, я предпочитаю оставаться верным своему обещанию; но если у меня появятся новые основания для жалоб, я освобожусь от всех своих обязательств".

В одиннадцать часов граф де Бюсси, один из адъютантов императора, был послан великим маршалом (генералом Бертраном) объявить, что все готово к отъезду. "Должен ли я, - сказал Наполеон, - руководствоваться в своих действиях часами великого маршала? Я уйду, когда захочу. Возможно, я вообще не пойду. Оставь меня!"

Были соблюдены все формы придворного этикета, которые так любил Наполеон; и когда, наконец, он соблаговолил покинуть свой кабинет и пройти в гостиную, где ожидали уполномоченные; двери, как обычно, распахнулись, и был объявлен "Император"; но как только было произнесено это слово, он снова повернул назад. Однако вскоре он появился снова, быстро пересек галерею, спустился по лестнице и ровно в двенадцать часов встал во главе своей Стражи, словно на смотре во дворе Тюильри в блистательные дни консульства и Империи.

Затем произошла действительно трогательная сцена — прощание Наполеона со своими солдатами. Здесь я могу воздержаться от вдавания в какие-либо подробности, поскольку они известны везде и каждому, но я могу привести последнее обращение императора к своим старым товарищам по оружию, потому что оно принадлежит истории. Это обращение было произнесено голосом столь же твердым и звучным, каким Бонапарт обращался к своим войскам в дни своих триумфов. Оно было следующим:

"Солдаты моей Старой гвардии, я прощаюсь с вами. В течение двадцати лет я постоянно сопровождал вас на пути к почестям и славе. В эти последние времена, как и во времена нашего процветания, вы неизменно были образцом мужества и верности. С такими людьми, как вы, наше дело не могло быть проиграно, но война была бы бесконечной; это была бы гражданская война, и это повлекло бы за собой еще большие несчастья для Франции. Я пожертвовал всеми своими интересами ради интересов страны. Я ухожу, но вы, друзья мои, продолжите служить Франции. Я думал только о ее счастье.. Оно по-прежнему будет предметом моих желаний. Не сожалейте о моей судьбе: если я согласился выжить, то только для того, чтобы послужить вашей славе. Я намерен написать историю великих достижений, которые мы совершили вместе. Прощайте,

друзья мои. Если бы я мог прижать вас всех к своему сердцу!"

В течение первого дня вдоль дороги раздавались крики "Да здравствует Имперец!", и Наполеон, прибегнув к своему обычному притворству, осудил нелояльность народа своему законному суверену, что он сделал с плохо скрываемой иронией. Гвардия сопровождала его до Брайарса. Там Наполеон пригласил полковника Кэмпбелла позавтракать с ним. Он рассказал о последней войне в Испании и в лестных выражениях отозвался об английской нации и военных талантах Веллингтона. Однако к тому времени он, должно быть, уже слышал о битве при Тулузе.

В ночь на 21-е Наполеон ночевал в Невере, где был встречен одобрительными возгласами народа, который здесь, как и в нескольких других городах, смешивал свои возгласы в защиту своего покойного государя с проклятиями в адрес уполномоченных союзников. Он выехал из Невера в шесть утра 22-го числа. Теперь Наполеона больше не сопровождала гвардия, которую сменил корпус казаков; крики "Да здравствует Император!" соответственно прекратились, и он с огорчением услышал вместо них: "Да здравствуют союзники!" Однако мне сообщили, что в Лионе, через который император проезжал 23-го в одиннадцать часов вечера, крик "Да здравствует Император!" все еще раздавался среди групп, собравшихся перед почтовым отделением во время смены лошадей.

Ожеро, который все еще был республиканцем, хотя и принял от Наполеона титул герцога Кастильоне, всегда был в числе недовольных. После свержения императора он был одним из того значительного числа людей, которые стали роялистами не из любви к бурбонам, а из ненависти к Бонапарту. Он командовал войсками на юге, когда услышал о признании Наполеона невиновным, объявленном Сенатом, и был одним из первых, кто направил свое признание Временному правительству. Ожеро, который, как и все необразованные люди, во всем впадал в крайности, опубликовал от своего имени прокламацию, чрезвычайно жестокую и даже оскорбительную для императора. Знал ли Наполеон об этом воззвании, я не могу утверждать, но он притворился неосведомленным в этом вопросе, если ему сообщили об этом, ибо 24-го, встретив Ожеро на небольшом расстоянии от Валенса, он остановил свой экипаж и немедленно вышел. Ожеро сделал то же самое, и они сердечно обнялись в присутствии членов комиссии. Было замечено, что, отдавая честь, Наполеон снял шляпу, а Ожеро остался на своей. "Куда вы направляетесь?" - спросил император; "Ко двору?" — "Нет, я еду в Лион". — "Вы очень плохо вели себя со мной". Ожеро, обнаружив, что император обратился к нему во втором лице единственного числа, принял ту же фамильярность; таким образом, они беседовали так, как привыкли, когда оба были генералами в Италии. "На что вы жалуетесь?" - спросил он. "Разве не ваше ненасытное честолюбие привело нас к этому? Разве вы не пожертвовали всем ради этого честолюбия, даже счастьем Франции?" Я забочусь о бурбонах не больше, чем о вас. Все, что меня волнует, - это страна". При этих словах Наполеон резко отвернулся от маршала, приподнял перед ним шляпу и затем сел в свой экипаж. Комиссары и все лица из свиты Наполеона были возмущены, увидев, что Ожеро стоит на дороге, все еще прикрытый, заложив руки за спину, и вместо того, чтобы поклониться, просто презрительно отсалютовал Наполеону рукой. Именно в Тюильри эти надменные республиканцы должны были показать свой вид. Сделать это по дороге на Эльбу было подлым оскорблением, которое нанесли сами себе.

—[Следующее письмо, взятое из недавно опубликованных капитаном Бингхэмом отрывков из переписки первого Наполеона, красноречиво указывает на недавнее недовольство императора

маршалом Ожеро, когда он командовал Лионом во время "смертельной схватки" 1814 года: Маршалу Ожеро.

НОЖАН, 21 февраля 1814 года,

.... Что? через шесть часов после прибытия первых войск из Испании вас не было на поле боя! Шести часов отдыха было достаточно. Я выиграл битву при Науги с бригадой драгун, прибывшей из Испании, которая, покинув Байонну, не распрягала своих лошадей. Говорите, шести батальонам Нимской дивизии нужны одежда, снаряжение и муштра? Какие жалкие доводы вы мне приводите, Ожеро! Я уничтожил 80 000 врагов, а у призывников не было ничего, кроме рюкзаков! Национальные гвардейцы, скажете вы, достойны жалости; у меня здесь 4000 человек в круглых шляпах, без ранцев, в деревянных башмаках, но с хорошими мушкетами, и я получаю от них много пользы. Денег нет, вы продолжаете; и откуда вы надеетесь взять деньги? Вам нужны повозки, везите их куда сможете. У вас нет журналов; это слишком нелепо. Я приказываю вам через двенадцать часов после получения этого письма выйти на поле боя. Если ты все еще Ожеро из Кастильоне, сохраняй за собой командование, но если твои шестьдесят лет тяготят тебя, передай командование своему старшему генералу. Страна в опасности, и ее можно спасти только смелостью и расторопностью....

(Подпись) НАПОЛЕОН]—

В Валансе Наполеон впервые увидел французских солдат с белой кокардой на фуражках. Они принадлежали к корпусу Ожеро. В Оранже воздух оглашался мелодиями "Да здравствует король!". Тут веселость, настоящая или притворная, которую Наполеон проявлял до сих пор, начала покидать его.

Если бы император прибыл в Авиньон на три часа позже, нет никаких сомнений, что он был бы убит.—[Толпа роялистов в Авиньоне убила маршала Брюна в 1816 году.] —Он менял лошадей не в Авиньоне, через который проехал в пять утра, а в Сен-Андиоле, куда прибыл в шесть. Император, которому надоело сидеть в карете, вышел вместе с полковником Кэмпбеллом и генералом Бертраном и поднялся с ними на первый холм. Его камердинер, который тоже шел немного впереди, встретил одного из почтовых курьеров, который спросил его: "Это кареты императора, едущие сюда?" — "Нет, это экипажи союзников". — "Я говорю, что это кареты императора. Я старый солдат. Я служил в Египетской кампании и спасу жизнь моего генерала". — "Я еще раз говорю вам, что это не императорские экипажи". — "Не пытайтесь обмануть меня; я только что проходил через Орган, где был повешен император в виде чучела. Негодяи воздвигли эшафот и повесили человека, одетого во французскую форму, залитую кровью. Возможно, я попаду в беду из-за этой уверенности, но это неважно. Вы извлекаете из этого выгоду". Затем курьер пустился во весь опор. Камердинер отвел генерала Друо в сторону и рассказал ему, что он слышал. Друо сообщил об этом обстоятельстве генералу Бертрану, который сам рассказал о нем императору в присутствии комиссаров. Последний, справедливо возмущенный, устроил нечто вроде совета на большой дороге, и было решено, что император должен отправиться вперед без своей свиты. Камердинера спросили, есть ли у него в карете какая-нибудь одежда. Он достал длинный синий плащ и круглую шляпу. Предлагалось прикрепить к шляпе белую кокарду, но на это Наполеон не согласился. Он двинулся вперед в стиле курьера вместе с Амаудру, одним из двух всадников, сопровождавших его карету, и промчался через Оргон. Когда туда прибыли уполномоченные союзников, собравшееся население выкрикивало возгласы "Долой корсиканца! Долой разбойника!" Мэр Оргона (тот самый человек, которого я видел почти стоящим на коленях перед генералом Бонапартом по его возвращении из Египта) обратился к Пелару, камердинеру императора, и сказал: "Вы следите за этим негодяем?" —

"Нет, - ответил Пелар, - я прикомандирован к комиссарам союзных держав". — Ах! это хорошо! Я бы хотел повесить негодяя собственными руками.

- Ах! если бы вы знали, сэр, как этот негодяй обманул нас! Это я принял его по возвращении из Египта. Мы хотели вывести его лошадей и запрячь карету. Теперь я хотел бы отомстить за те почести, которые оказал ему в то время.

Толпа увеличивалась и продолжала кричать с такой яростью, которую могут представить себе те, кто слышал, как жители юга выражали в криках свою радость или ненависть. Некоторые, более свирепые, чем остальные, хотели заставить кучера Наполеона крикнуть "Да здравствует король!" Он мужественно отказался, хотя и пригрозил ударом сабли, когда, к счастью, карета была готова тронуться, он хлестнул лошадей и пустился во весь опор. Члены Комиссии не захотели завтракать в "Оргоне"; они заплатили за то, что было приготовлено, и взяли с собой немного прохладительных напитков. Экипажи догнали императора только в Ла-Каладе, куда он прибыл четверть часа назад вместе с Аморду.

Они нашли его стоящим у огня на кухне гостиницы и разговаривающим с хозяйкой. Она спросила его, скоро ли тиран пройдет тем путем? "Ах! сэр, - сказала она, - это полная чушь - говорить, что мы от него избавились. Я всегда говорил и всегда буду говорить, что мы никогда не будем уверены в том, что с ним покончено, пока он не будет положен на дно колодца, засыпанный камнями. Я бы хотел, чтобы он был в безопасности в колодце у нас во дворе. Видите ли, сэр, Директория отправила его в Египет, чтобы избавиться от него; но он вернулся снова! И он вернется снова, вы, может быть, уверены в этом, сэр; если только—" Тут добрая женщина, закончив снимать пену со своего горшка, подняла глаза и увидела, что вся компания стоит с непокрытыми головами, за исключением человека, к которому она обращалась. Она была сбита с толку, и смущение, которое она испытала из-за того, что так плохо отозвалась об императоре в присутствии самого императора, рассеяло весь ее гнев, и она расточала Наполеону и его свите всяческие знаки внимания и уважения. Немедленно был отправлен гонец в Экс, чтобы закупить ленты для изготовления белых кокард. Все экипажи были загнаны во двор гостиницы, и ворота были закрыты; хозяйка сообщила Наполеону, что с его стороны было бы неразумно проезжать через Экс, где население более 20 000 человек поджидало его, чтобы побить камнями.

Тем временем подали обед, и Наполеон сел за стол. Он превосходно скрывал волнение, которое не мог не испытывать, и некоторые люди, присутствовавшие при том знаменательном событии, заверили меня, что он никогда не был более приятным. Его беседа, обогащенная ресурсами его памяти и воображения, очаровала всех, и он заметил с напускным безразличием, которое, возможно, было наигранным: "Я полагаю, что новое французское правительство имеет виды на мою жизнь".

Уполномоченные, проинформированные о том, что происходит в Эксе, предложили направить мэру распоряжение о закрытии ворот и принятии мер по обеспечению общественного спокойствия. Около пятидесяти человек собрались вокруг гостиницы, и один из них вызвался отнести письмо мэру Экса. Уполномоченные приняли его услуги и в своем письме уведомили мэра, что, если ворота города не будут закрыты в течение часа, они выступят с двумя уланскими полками и шестью артиллерийскими орудиями и будут стрелять по всем, кто может им противостоять. Эта угроза возымела желаемое действие, и мэр вернулся за ответом, что ворота должны быть закрыты и что он возьмет на себя ответственность за все, что может произойти.

Опасность, угрожавшая императору в Эксе, была таким образом предотвращена; но нужно было отважиться и на другую. За те семь или восемь часов, что он провел в Ла-Каладе, вокруг

гостиницы собралось значительное количество людей, проявлявших всяческое расположение к какому-нибудь излишеству. Большинство из них держали в руках пятифранковые монеты, чтобы узнать императора по его изображению на монете. Наполеон, проведший две ночи без сна, находился в маленькой комнате, примыкающей к кухне, где он задремал, откинувшись на плечо своего камердинера. В минуту уныния он сказал: "Теперь я навсегда отрекаюсь от мира политики. Отныне я не буду испытывать никакого интереса ко всему, что может произойти. В Порто-Феррайо я, возможно, буду счастлив — счастливее, чем когда-либо! Нет! — если бы мне сейчас предложили корону Европы, я бы ее не принял. Я посвящу себя науке. Я был прав, никогда не уважая человечество! Но Франция и французский народ — какая неблагодарность! Мне противны амбиции, и я не желаю больше править!"

Когда настал момент отъезда, ему предложили надеть шинель и меховую шапку генерала Колера и сесть в экипаж австрийского комиссара. Император, переодетый таким образом, покинул гостиницу "Ла Калад", пройдя между двумя рядами зрителей. Обогнув стены Экса, Наполеон снова с огорчением услышал крики: "Долой тирана! Долой Николя!" - и эти крики разносились на расстоянии четверти лье от города.

Бонапарт, удрученный этими проявлениями ненависти, сказал тоном, в котором смешались печаль и презрение: "Эти провансальцы такие же яростные скандалисты, какими были раньше. Они учинили ужасную резню в начале Революции. Восемнадцать лет назад я прибыл в эту часть страны с несколькими тысячами человек, чтобы освободить двух роялистов, которые должны были быть повешены. Их преступление заключалось в том, что они носили белую кокарду. Я спас их; но мне не без труда удалось вырвать их из рук нападавших; и теперь, как вы видите, они возобновляют те же бесчинства против тех, кто отказывается носить белую кокарду". Примерно в лиге от Экса император и его свита нашли лошадей и эскорт жандармерии, которые доставили их в замок Люк.

Принцесса Полина находилась в загородной резиденции месье Шарля, члена Законодательного органа, недалеко от замка Люк. Услышав о несчастьях своего брата, она решила сопровождать его на остров Эльба и отправилась во Фрежюс, чтобы сесть вместе с ним на корабль. Во Фрежюсе император присоединился к полковнику Кэмпбеллу, который покинул конвой по дороге и привел в порт английский фрегат "Неустрасимый", которому было поручено доставить императора к месту его назначения. Несмотря на пожелание, которое он выразил полковнику Кэмпбеллу, он проявил явное нежелание подниматься на борт. Однако 28 апреля он отплыл к острову Эльба на английском фрегате, на котором тогда еще нельзя было сказать, что находились Цезарь и его состояние.

[3 мая 1814 года Бонапарт прибыл в пределах видимости Порто-Феррайо, столицы своей миниатюрной империи; но он приземлился только на следующее утро. Сначала он нанес короткий визит инкогнито в сопровождении отряда сержантов морской пехоты из "Неустрасимых". Затем он вернулся на борт к завтраку, а около двух часов дня совершил свой публичный выход, "Неустрасимый" отдал королевский салют.]

Во всех деталях своего поведения он уделял большое внимание поддержанию своего императорского достоинства. По прибытии он получил ключи от своего города Порто-Феррайо, а также поздравления губернатора, префекта и других высокопоставленных лиц и немедленно проследовал под парадным балдахином в приходскую церковь, которая

служила кафедральным собором. Там он услышал *Te Deum*, и утверждается, что лицо его было мрачным и меланхоличным, и что он даже прослезился.

Одной из первых забот Бонапарта было выбрать флаг для Эльбийской империи, и после некоторых колебаний он остановил свой выбор на "серебряном, на излучине гуля, или трех пчелах", как на гербовом знамени своего нового доминиона. Странно, что ни он, ни кто-либо из тех, с кем он консультировался, не знали, что у Эльбы был древний и своеобразный флаг, и еще более примечательно, что этот флаг был исключительно приспособлен к ситуации Бонапарта; это было не что иное, как "колесо — эмблема превратностей человеческой жизни, - говорит г-н Берно, - которую эльбийцы позаимствовали из египетских мистерий". Это самое любопытное совпадение из всех, которые, насколько мы помним, когда-либо встречались; поскольку медали Эльбы с эмблемой колеса хорошо известны, мы не можем не предположить, что Бонапарт был осведомлен об этом обстоятельстве; однако его изображают так, будто он тщетно наводил несколько тревожных справок о древнем гербе острова.

В течение первых месяцев его пребывания там его жизнь была, в общем, полна характерной активности и почти словоохотливой откровенности. Он давал обеды, бывал на балах, целыми днями разъезжал верхом по своему острову, планировал укрепления, акведуки, лазареты, гавани и дворцы; и уже на второй день после высадки снарядил экспедицию из дюжины солдат, чтобы завладеть маленьким необитаемым островом под названием Пьяноза, который лежит в нескольких лье от Эльбы; по этому поводу он добродушно сказал: "*Tout l'Europe dira que j'ai déjà fait une conquête*" (Вся Европа скажет, что я уже совершил завоевание). Причиной того, что остров Пианоза остался необитаемым, стало мародерство корсаров с берегов Берберии, от которых Бонапарт считал себя полностью защищенным 4-й статьей Фонтенблосского мирного договора.

Величайшее богатство Эльбы заключается в ее железных рудниках, которыми остров славился во времена Вергилия. Вскоре после своего прибытия Наполеон посетил рудники в сопровождении полковника Кэмпбелла и, узнав, что ежегодно на них добывается около 500 000 франков, радостно воскликнул: "Значит, это мои собственные!" Однако один из его последователей напомнил ему, что он уже давно распорядился этими доходами, передав их своему ордену Почетного легиона, на выплату пенсий и т.д. "Где была моя голова, когда я давал это разрешение?" - сказал он. "Но я издал много подобных глупых указов!"

Сэр Вальтер Скотт, рассказывая любопытный факт, совершает очень любопытную ошибку. "Чтобы возвеличить свою столицу, - говорит он, - обнаружив, что древнее название Порто-Феррайо было Комополи (город Комо), он повелел назвать его Космополи, или городом всех наций". Теперь старое название Порто-Феррайо на самом деле было не Комополи, а Космополи, и он получил это название от флорентийского Космо Медичи, к герцогскому дому которого принадлежала Эльба, как неотъемлемая часть Тосканы. Это название в равной степени означало город Космо, или город всех наций, и тщеславию Медичи, вероятно, льстило двойное значение этого названия. Но Бонапарт, конечно, возродил старое название и не добавил к нему ни одной буквы, чтобы подчеркнуть достоинство своей маленькой столицы.

Семейство Наполеона, хотя и сократилось до тридцати пяти человек, все еще представляло собой императорский двор. Формы и этикет Тюильри и Сен-Клу были сохранены в уменьшенном масштабе, но мебель и внутренние помещения дворца представлены как гораздо более скромные, чем у английского джентльмена обычного ранга. Телохранитель его Императорского величества императора Эльбы состоял примерно из 700 пехотинцев и 80

кавалеристов, и этой горстке войск Наполеон, казалось, уделял почти столько же внимания, сколько раньше уделял своей Великой армии. Солдаты постоянно упражнялись, особенно в метании дробы и гильз, и вскоре он начал присматривать хороших новобранцев.

Он заранее объявил, что будет устраивать приемы при дворе и принимать дам дважды в неделю; первый прием состоялся 7 мая, и собралось большое сборище. Сначала Бонапарт уделял большое внимание женщинам, особенно тем, кто обладал личной привлекательностью, и в своей быстрой манере спрашивал их, замужем ли они? сколько у них детей и кто их мужья? На последний вопрос он получил один универсальный ответ; случилось так, что каждая дама была замужем за торговцем, но когда далее выяснилось, что они были торговцами мясниками и торговцами-пекарями, его Императорское величество позволил себе выразить некоторое недовольство и поспешно удалился. 4 июня на борту британского фрегата был бал в честь дня рождения короля; вся красота и мода Эльбы были в сборе и танцевали с большим ликованием, когда около полуночи неожиданно появился Бонапарт на своей барже в маске, чтобы присоединиться к празднеству. Он был очень приветлив и посетил каждую часть корабля и все развлечения, которые были приготовлены для различных классов людей. В свой день рождения, 15 августа, он приказал мэру дать бал, и для этой цели должно было быть возведено временное здание, способное вместить 300 человек, а все развлечения, здание и все остальное, должны были осуществляться за счет самих жителей. Это были плохие условия, и, соответственно, мяч полностью провалился. Присутствовали мадам Мтир, мадам Бертран и две фрейлины, но не более тридцати прекрасных островитянок, и, как замечает автор "Маршрута", "Бал в честь триумфа Бонапарта без паруса".

Поднявшись во время экскурсии на вершину одного из самых высоких холмов острова, откуда со всех сторон было видно море, он с наигранной серьезностью покачал головой и воскликнул шутливым тоном: "Эх! il faut avouer que mon ile est bien petite."

На этой горе один из участников группы увидел маленькую церковь в почти недоступном месте и заметил, что это было самое неудобное место для церкви, поскольку, конечно же, ни одна община не могла посещать ее. "Именно по этой причине священнику удобнее, - ответил Бонапарт, - который может проповедовать все, что ему заблагорассудится, не опасаясь противоречий".

Когда они спускались с холма и встретили нескольких крестьян со своими козами, просивших милостыню, Бонапарт рассказал историю, которую нынешние обстоятельства заставили его вспомнить, что, когда он переправлялся через Большой Сен-Бернар, накануне битвы при Маренго, он встретил козопаса и вступил с ним в разговор. Пастух, не зная, к кому обращается, сокрушался о своей тяжелой участи и завидовал богатству некоторых людей, у которых действительно были коровы и кукурузные поля. Бонапарт спросил, не предложит ли какая-нибудь фея исполнить все его желания, о чем он попросит? Бедный крестьянин выразил, по его собственному мнению, несколько весьма экстравагантных желаний, таких как дюжина коров и хороший фермерский дом. Впоследствии Бонапарт вспомнил этот случай и поразил пастуха исполнением всех его желаний.

Но все его мысли и разговоры были не такими легкими и приятными, как эти. Иногда он пускался в рассказ о последней кампании, о своих собственных взглядах и надеждах, о дезертирстве своих маршалов, о взятии Парижа и, наконец, о своем отречении; об этом он мог говорить часами с большой серьезностью и почти яростью, проявляя в очень быстрой последовательности черты красноречия, военного гения, негодования, тщеславия и

эгоизма. В отношении аудитории, к которой он обращал эти тирады, он был не очень разборчив.

Основная сила его гнева, по-видимому, была направлена против маршала Мармона, которого, как и Ожеро, он иногда называл именами, слишком грубыми для повторения, и открыто обвинял в предательстве. Мармон, когда он больше не мог защищать Париж с оружием в руках, спас его почетной капитуляцией; он сохранил свою армию для службы своей стране, а когда все остальное было потеряно, принял меры для безопасности Бонапарта. К этому последнему условию, однако, Бонапарт притворился, что относится с презрением и негодованием.—[Редактор издания 1836 года.]

ГЛАВА III.

1814.

Изменения, вызванные временем — Переписка между Временным правительством и Хартвеллом — Прием Людовика XVIII в Лондоне — Его прибытие в Кале — Обращение Бертье к королю в Компьене — Мое представление его Величеству в Сент-Уане — Въезд Людовика XVIII в Париж — Неожиданное увольнение с должности — Отъезд М. де Талейрана на Венский конгресс — Признаки волнения — Невозможность увидеть М. де Блакаса — Эбби Флериэль — Письма без ответа — Мое письмо М. де Талейрану в Вену.

Нет силы более великой, чем сила, возникающая в результате изменений, произведенных временем. Мудрая политика заключается в управлении этой силой, но для этого необходимо знать потребности эпохи. По этой причине Людовик XVIII казался в глазах всех здравомыслящих людей монархом, специально созданным для тех обстоятельств, в которых мы оказались после падения Наполеона.

Зимой 1813-14 годов в Париже были распространены некоторые прокламации роялистов, и поскольку они содержали зародыши тех надежд, на реализацию которых была рассчитана Хартия, если бы она была приведена в исполнение, полиция воспротивилась их распространению, и я вспоминаю, что, чтобы увеличить количество экземпляров, мы с семьей ежедневно посвящали несколько часов их переписыванию. После окончательного заявления Александра между Временным правительством, Хартвеллом и Людовиком XVIII завязалась очень активная переписка. Он даже готовился отправиться в Бордо, когда узнал о событиях 31 марта. Это известие заставило короля изменить свое решение, и вскоре он оставил свою отставку, чтобы отправиться в Лондон. Louis XVIII. и принц-регент Англии обменялся орденами Святого Духа и Подвязки, и я полагаю, что могу подтвердить, что это был первый случай, когда кто-либо, кроме католического принца, был награжден орденом Святого Духа.

Louis XVIII. сел в Дувре на борт "Ройял Соверен" и высадился в Кале 24 апреля. Мне нет нужды вдаваться в описание энтузиазма, который вызывало его присутствие; это общеизвестно из отчетов журналов того времени. Совершенно очевидно, что все разумные люди с удовлетворением наблюдали, как принцы из Дома Бурбонов вновь взошли на трон своих предков, просвещенные опытом и несчастьями, которые, как заметил один древний философ, являются лучшими советчиками королей.

Я получил письмо, адресованное мне из Лондона герцогом де Дюрасом, в котором указывался маршрут, которым двигался Людовик XVIII. он должен был следовать из Кале в Париж: "После того рвения, месье, которое вы проявили на службе королю, я не сомневаюсь в вашей деятельности по предотвращению его страданий любым способом в момент, столь счастливый и интересный для каждого француза". Пожелания короля по этому поводу были скрупулезно выполнены, и я с удовольствием вспоминаю рвение, с которым мои указания выполнялись всеми сотрудниками Почтового ведомства. Его величество ненадолго остановился в Амьене, а затем проследовал в Компьень, куда министры и маршалы прибыли ранее, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение и заверить в своей верности. Бертье обратился к королю от имени маршалов и сказал, среди прочего, "что Франция, двадцать пять лет стонавшая под тяжестью обрушившихся на нее несчастий, с нетерпением ожидала счастливого дня, который, как она теперь видит, наступил". Бертье мог бы справедливо сказать "десять лет"; но в любом случае, даже если бы он сказал правду, это было бы неуместно в устах человека, которого император постоянно осыпал милостями: император Александр также отправился в Компьень на встречу с Людовиком XVIII, и два монарха обедали вместе.

Я не поехал в Компьень, потому что дела, которые мне постоянно приходилось выполнять, не позволяли мне покидать Париж на такой длительный срок, какой потребовался бы для этого путешествия, но я был в Сент-Уане, когда Людовик XVIII. прибыл 2 мая. Там я должен был поздравить себя с тем, что меня запомнил человек, которому мне посчастливилось оказать некоторую услугу в Гамбурге. Когда король вошел в гостиную, через которую ему предстояло пройти, чтобы пройти в столовую, М. Гюэ, узнав меня, сказал его величеству: "Вот господин де Буррьен". Затем король подошел ко мне и сказал: "Ах, господин де Буррьен, я очень рад видеть вас. Я знаю об услугах, которые вы оказали мне в Гамбурге и Париже, и мне доставит большое удовольствие выразить вам свою благодарность".

В Сент-Уане Людовик XVIII обнародовал декларацию, предшествовавшую Хартии и повторявшую чувства, выраженные королем двадцатью годами ранее в Кольмарской декларации. Также в Сент-Уэне Сенат представил ему проект Конституции, в котором этот орган, чтобы оправдать "в крайнем случае" свой титул консерватора, предусматривал сохранение своих доходов и пожертвований.

3 мая Людовик XVIII совершил свой торжественный въезд в Париж, герцогиня Ангулемская находилась в карете рядом с королем. Его Величество сначала проследовал в Собор Парижской Богоматери. Прибыв на Пон-Неф, он увидел модель статуи Генриха IV. заменен, на пьедестале которого появились следующие слова: "Людовико редуциус, Хенрикус редививус", которые были предложены М. де Лалли-Толлендалем и были гораздо предпочтительнее длинной и пространной надписи, сделанной для бронзовой статуи.

Въезд короля в Париж не вызвал такого энтузиазма, как въезд месье. В местах, через которые я проезжал 3 мая, изумление, казалось, было преобладающим чувством среди людей. Ослабление общественного энтузиазма стало более заметным вскоре после этого,

при Людовике XVIII. восстановил "красный корпус", который Людовик XVI. был подавлен задолго до революции.

Было немало необычного в том, что руководство правительством было поручено человеку, который не имел и не мог иметь никаких знаний о Франции. С самого начала г-н де Блакас демонстрировал министерское всемогущество. Когда 11 мая я отправился в Тюильри, чтобы, как обычно, вручить королю свой портфель в силу моей привилегии вести дела с государем, г-н де Блакас пожелал забрать у меня портфель, что показалось мне тем более удивительным, что в течение семи дней, в течение которых я имел честь общаться с Людовиком XVIII, его Величеству было угодно одарить меня множеством комплиментов. Сначала я отказался отдать портфель, но месье де Блакас сказал мне, что король приказал ему получить его; тогда я, конечно, уступил.

Однако вскоре я испытал на себе месть придворного, ибо через два дня после этого обстоятельства, то есть 13 мая, войдя в свой кабинет в обычное время, я машинально взял "Монитор", который обнаружил лежащим на моем столе. Наскоро пробежав его взглядом, каково же было мое изумление, когда я обнаружил, что граф Ферран был назначен директором Почтового отделения вместо меня. Такова была странная манера, с помощью которой г-н де Блакас заставил меня почувствовать обещанную благодарность государя. Конечно, после моих доказательств лояльности, которые год спустя обеспечили мне честь быть объявленным вне закона совершенно особым образом, у меня были основания жаловаться, и я мог бы сказать "Sic vos non vobis" так же справедливо, как Вергилий, когда он намекал на незаслуженные милости, оказанные Августом мавиям и бавиям своего времени.

Меры правительства вскоре вызвали жалобы во всех кварталах. Обычаи старой системы постепенно восстанавливались, и когда насмешки смешались с более серьезными соображениями, Париж быстро наводнили карикатуры и памфлеты. Однако спокойствие царило до сентября месяца, когда г-н де Талейран отбыл на Венский конгресс. Затем в Тюильри воцарился беспорядок. Каждый, чувствуя себя свободным от ограничений, желал поиграть в государственного деятеля, и Бог знает, сколько глупостей было совершено в отсутствие школьного учителя.

При слабом правительстве от недовольства до восстания всего один шаг, при таком слабоумном правительстве, как правительство Франции в 1814 году, после ухода г-на де Талейрана, заговоры имеют свободный простор. Летом 1814 года начались события, которые достигли своего апогея 20 марта 1815 года. Мне почти кажется, что я сплуну, когда я оглядываюсь назад на удивительную неспособность людей, которые тогда стояли во главе нашего правительства. Эмигранты, которые, как верно было сказано, ничему не научились и не забыли, вернулись со всеми абсурдными претензиями Кобленца. Их глупое тщеславие напомнило персонажа одного из романов Вольтера, который постоянно повторяет: "Un homme comme moi!" Эти люди были настолько поглощены своими мнимыми заслугами, что были слепы ко всему остальному. Они не только пренебрегли желаниями Франции, которая, свергнув Империю, надеялась вернуть себе свободу, но и проигнорировали все предупреждения, которые они получили.

Я вспоминаю одно обстоятельство, которое было хорошо рассчитано, чтобы возбудить подозрения. Принц Евгений предложил отправиться на воды Пломбьера, чтобы присоединиться к своей сестре Гортензии. Лошади, экипажи и один из адъютантов принца уже прибыли в Пломбьер, и его резиденция была подготовлена, но он не поехал. Эжен, без сомнения, получил известие об интригах своей сестры с некоторыми лицами из покойного двора Наполеона, которые в то время находились на водах, и поскольку он решил спокойно

проживать при дворе своего тестя; не вмешиваясь в государственные дела, он остался в Мюнхене. Этот факт, однако, остался незамеченным.

В конце 1814 года были заметны недвусмысленные признаки великой катастрофы. Примерно в то же время человек, которого я очень уважаю и с которым я всегда был в дружеских отношениях, сказал мне: "Ты видишь, как обстоят дела: они совершают ошибку за ошибкой. Вы должны быть убеждены, что такое положение вещей не может длиться долго. Между нами говоря, я придерживаюсь мнения, что все закончится в марте месяце; этот месяц исправит позор марта прошлого года. Тогда мы раз и навсегда избавимся от фанатизма и эмигрантов. Вы видите преобладающий невыносимый дух лицемерия и знаете, что влияние священников - самое ненавистное для нации из всех возможных. За последние восемь месяцев мы прошли долгий путь назад. Я боюсь, что вы раскаетесь в том, что принимали слишком активное участие в делах в начале текущего года. Вы видите, что мы пошли совсем не тем путем, который вы ожидали. Однако, как я часто говорил вам раньше, у вас были веские причины жаловаться; и, в конце концов, вы действовали в меру своих возможностей.

Я не придавал большого значения этому предсказанию изменений в марте месяце. Я, как и все, сожалел о немыслимых ошибках "Феррана и компании" и надеялся, что правительство постепенно вернется к тем принципам, которые были рассчитаны на то, чтобы примирить чувства народа. Через несколько дней после этого ко мне обратился другой мой друг. Он выполнял важные функции, и его имя было внесено в проскрипционный список. У него были претензии к правительству, которое отнюдь не было благосклонно настроено по отношению к нему. Я спросил его, как идут дела, и он ответил: "Очень хорошо; моим требованиям никто не возражает. У меня нет причин жаловаться". Это напомнило мне человека из "Писем Персан", который восхищался отличным порядком в финансах при Кольбере, потому что его пенсия выплачивалась быстро. Я поздравил моего друга с правосудием, которое правительство оказало ему, а также с правосудием, которое он оказал правительству, и заметил, что если бы по отношению ко всем был избран одинаковый курс, то все стороны быстро пришли бы к примирению. "Я так не думаю", - сказал мой друг. "Если правительство будет упорствовать в своем нынешнем курсе, оно, вероятно, не устоит, и мы снова получим императора". — "Это, - сказал я, - было бы очень большим несчастьем; и даже если бы таково было желание Франции, этому воспротивилась бы Европа. Вы, столь преданно привязанные к Франции, не можете быть равнодушны к опасности, которая будет угрожать ей, если присутствие Бонапарта снова вернет иностранцев. Можете ли вы вынести мысль о расчленении нашей страны?" — "На это они никогда не осмелились бы попытаться. Но мы с вами никогда не сможем прийти к согласию по вопросу об императоре и ваших бурбонах. Мы совершенно по-разному смотрим на этот вопрос. У вас были причины жаловаться на Бонапарта, но у меня были только причины быть довольным им. Но скажите мне, что бы вы сделали, если бы он вернулся?" — "Бонапарт возвращается!" — "Да". — "Честное слово, лучшее, что я мог бы сделать, это отправиться в путь как можно быстрее, и это, безусловно, то, что я должен сделать. Я совершенно убежден, что он никогда не простил бы мне ту роль, которую я сыграл в Реставрации, и я откровенно признаюсь, что я бы ни минуты не колебался, чтобы спасти свою жизнь, уехав из Франции". — "Что ж, вы ошибаетесь, ибо я убежден, что если бы вы причислили себя к числу его друзей, вы могли бы получить все, что пожелаете, — титулы, почести, богатство. В этом я мог бы вас заверить". — "Все это, должен вам сказать, меня не прельщает. Я люблю Францию так же горячо, как и вы, и я убежден, что она никогда не сможет быть счастлива при Бонапарте. Если он вернется, я уеду и буду жить за границей".

Это лишь часть разговора, который длился довольно долго, и, как это часто бывает после долгой дискуссии, мой друг остался при своем мнении, а я при своем. Однако это второе предупреждение, эта гипотеза о возвращении Бонапарта, заставила меня задуматься, и вскоре я получил еще один намек, который придал дополнительный вес предыдущим. Человек, с которым я был хорошо знаком и который, как я знал по его принципам и связям, был всецело предан королевскому делу, сообщил мне о некоторых экстраординарных обстоятельствах, которые, по его словам, встревожили его. Среди прочего он сказал: "Позавчера я встретил Шарля де Лабедойера, который, как вы знаете, мой близкий друг. Я заметил, что у него был взволнованный и рассеянный вид. Я пригласил его поужинать со мной, но он отказался, сославшись в качестве предлога на то, что нам не следует оставаться наедине. Затем он пригласил меня поужинать с ним вчера, поскольку хотел поговорить со мной. Я принял его приглашение, и мы долго беседовали о политических делах и положении Франции. Ты знаешь, что мои чувства совершенно противоположны его чувствам, поэтому мы спорили и пререкались, хотя по-прежнему остаемся очень хорошими друзьями. Но что меня тревожит, так это то, что на прощание Шарль пожал мне руку, сказав: "Прощай, завтра я уезжаю в Гренобль. Через месяц вы кое-что услышите о Шарле де Лабедуайере".

Эти три последовательных сообщения показались мне очень необычными. Первые два были сделаны мне лицами, заинтересованными в этом событии, а третье - тем, кто этого боялся. Все они поразительно совпадали с интригами в Плombsьере несколькими месяцами ранее. В январе месяце я решил рассказать об этом деле господину де Блакасу, который тогда обладал всем авторитетом и всей властью и только через посредство которого все могло дойти до государя. Едва ли мне нужно добавлять, что моим намерением было просто изложить ему факты, не называя лиц, от которых я их получил. В конце концов, однако, господин де Блакас не принял меня, и я имел честь поговорить только с его секретарем, которым, если этот факт заслуживает упоминания, был аббат по имени Флериэль. Этот персонаж, являвший собой выдающийся образец дерзости и самомнения, стал бы замечательным этюдом для поэта-комика. У него было все достоинство, присущее великому секретарю великого министра, и с напускным безразличием он сказал мне, что графа там нет, но господин де Блакас был там, и я это знал.

Будучи предан делу бурбонов, я счел своим долгом в тот же день написать мсье де Блакасу с просьбой о встрече; ответа я не получил. Через два дня после этого я написал второе письмо, в котором сообщал господину де Блакасу, что мне нужно сообщить ему нечто чрезвычайно важное; это письмо, как и первое, осталось незамеченным. Не в силах объяснить это странное обращение, я снова отправился в Павильон Флор и попросил аббата Флериэля объяснить мне, если он сможет, причину молчания его хозяина. "Сударь, - сказал он, - я получил ваши два письма и передал их графу; не могу сказать, почему он не прислал вам ответа; но господин граф так занят ... господин граф так перегружен делами, что" ... "Господин граф, возможно, раскается в этом. Доброе утро, сэр!"

Таким образом, я на личном опыте убедился в правдивости того, что я часто слышал о мсье де Блакасе. Этот фаворит, сменивший графа д'Аваре, пользовался полным доверием короля и сосредоточил верховную власть в своем собственном кабинете. Единственное средство передачи каких-либо сообщений Людовику XVIII. должен был передать его на имя мсье де Блакаса один из его самых близких друзей.

Будучи убежден в опасности, угрожавшей Франции, и неспособный прорвать блокаду, которую г-н де Блакас установил вокруг особы короля, я решил написать г-ну де Талейрану в Вену и ознакомить его с сообщениями, которые были сделаны мне. Г-н де Талейран переписывался непосредственно с королем, и я не сомневаюсь, что моя информация в

конце концов достигла ушей его Величества. Но когда Людовику XVIII. сообщили о том, что должно было произойти, было слишком поздно предотвращать опасность.

ГЛАВА IV.

1814-1815.

Побег с Эльбы — Его высадка близ Канн—Марш на Париж.

Примерно в середине лета Наполеона навестили его мать и сестра, принцесса Полина. Обе эти дамы обладали весьма значительными талантами к политической интриге, и, кроме того, природные способности в этом отношении не дремали и не были повреждены недостатком практики. В Полин эта утонченность была частично скрыта томностью и нерешительностью манер и временами напускала на себя "нежность", или почти детскую простоту; но это только еще больше сбивало людей с толку и делало ее утонченность более уверенной в своем действии. Полина тоже была красива, необычайно грациозна и обладала всей той силой обаяния, которая приписывалась семейству Бонапартов. Она с легкостью завоевывала сердца, и те, кого поработали ее чары, как правило, были готовы полностью посвятить себя ее брату. Она ездила между Неаполем и Эльбой и постоянно напоминала своему шурина Мюрату о том факте, что лев еще не мертв и даже не спит, а просто отступает, чтобы удобнее было броситься на свою добычу.

Приняв это решение и выбрав время, Наполеон до последнего момента хранил тайну своей экспедиции; и были найдены средства, чтобы в частном порядке произвести необходимые приготовления. Часть солдат была погружена на бриг под названием "Непостоянный", а остальные - на шесть небольших судов. Только когда все они были на борту, у солдат впервые возникло подозрение относительно намерений императора: 1000 или 1200 человек отплыли, чтобы вернуть себе Империю с населением в 30 000 000 человек! Он отправился в свое плавание в воскресенье, 26 февраля 1815 года, и на следующее утро в десять часов остров еще не скрылся из виду, к великому неудовольствию немногих друзей, которых он оставил там. В это время полковник сэр Нил Кэмпбелл отсутствовал в поездке в Ливорно, но, получив сообщение от французского консула и Спанокки, тосканского губернатора города, что Наполеон собирается отплыть на Континент, он поспешил обратно и погнался за небольшой эскадрой на военном шлюпе "Партридж", который крейсировал по соседству, но, задержанный из-за связи с французским фрегатом, прибыл в Антиб слишком поздно.

На борту брига ("Непостоянный"), на который сел Бонапарт, находилось от 400 до 500 человек. По пути они встретились с французским военным кораблем, с которым и заговорили. Охранникам было приказано снять фуражки и лечь на палубу или спуститься вниз, пока капитан обменивался несколькими словами с командиром фрегата, которого он

впоследствии предложил преследовать и захватить. Бонапарт отверг эту идею как абсурдную и спросил, зачем ему включать этот новый эпизод в свой план.

Когда они приближались к побережью Франции, император был в прекрасном расположении духа. Жребий был брошен, и он, казалось, снова стал самим собой. Он сидел на палубе и развлекал собравшихся вокруг него офицеров рассказом о своих кампаниях, особенно в Италии и Египте. Закончив, он заметил, что палуба заставлена несколькими большими сундуками, принадлежащими ему. Он спросил метрдотеля, что в них находится. Когда ему сказали, что они наполнены вином, он приказал немедленно вскрыть их, сказав: "Мы разделим добычу". Император сам руководил раздачей и раздавал своим товарищам бутылку за бутылкой, пока, устав от этого занятия, не позвал Бертрана: "Великий маршал, помоги мне, если можешь. Давайте поможем этим джентльменам. Когда-нибудь они помогут нам". Именно этим видом дружелюбия он пленил всех вокруг, когда выбирал. На следующий день он был занят различными приготовлениями и, среди прочего, диктовал полковнику Раулю прокламации, которые должны были быть выпущены при его высадке. В одном из них, заметив: "Мы должны забыть, что мы дали закон соседним народам", Наполеон остановился. "Что я сказал?" Полковник Рауль прочитал отрывок. "Остановитесь!" - сказал Наполеон. "Опустите слово "соседним"; скажите просто "народам"". Так проявилась его гордость, и его честолюбие, казалось, возродилось при одном воспоминании о его былом величии.

Наполеон без каких-либо происшествий высадился 1 марта в Каннах, небольшом морском порту в заливе Сен-Жуан, недалеко от Фрежюса, где он высадился по возвращении из Египта шестнадцать лет назад и откуда годом ранее отплыл на Эльбу. Небольшой отряд гвардейцев, представший перед соседним гарнизоном Антиба, был взят в плен генералом Корсеном, губернатором этого города. Кто-то намекнул, что было бы неправильно продолжать, пока они не освободят своих товарищей, но император заметил, что это неверно для оценки масштаба предприятия; перед ними было 30 000 000 человек, объединившихся для освобождения! Он, однако, послал офицера комиссариата попробовать, что тот мог сделать, крикнув ему вслепую: "Берегись, чтобы тебя тоже не взяли в плен!"

С наступлением темноты войска расположились бивуаком на берегу. Незадолго до этого к Наполеону привели форейтора в великолепной ливрее. Оказалось, что этот человек раньше был слугой императрицы Жозефины, а теперь состоял на службе у принца Монако, который сам был конюшим императрицы. Почтальон, выразив свое великое удивление, обнаружив там императора, заявил в ответ на заданные ему вопросы, что он только что приехал из Парижа; что на всем пути до самого Авиньона он не слышал ничего, кроме сожаления об отсутствии императора; что его имя постоянно передавалось из уст в уста; и что, проезжая через Прованс, он обнаружит, что все население готово сплотиться вокруг него. Мужчина добавил, что его расшитая ливрея часто делала его объектом одиозности и оскорблений на дороге. Это было свидетельство представителя простого класса общества: оно было очень отрадно для императора, поскольку полностью соответствовало его ожиданиям. Сам принц Монако, будучи представлен императору, был менее откровенен. Наполеон воздержался от расспросов о политических вопросах. Таким образом, беседа приняла более оживленный характер и полностью перешла на дам бывшего Императорского двора, о которых император был очень разборчив в своих расспросах.

Как только взошла луна, а это было около часа или двух ночи 2-го числа, биваки были разбиты, и Наполеон отдал приказ двигаться к Грассу. Там он ожидал найти дорогу, которую планировал во времена Империи, но в этом его постигло разочарование, поскольку бурбоны отказались от всех столь дорогостоящих работ из-за нехватки денег. Поэтому Бонапарту пришлось пройти через узкие ущелья, занесенные снегом, и он оставил в руках

муниципалитета свой лафет и две пушки, которые были доставлены на берег. В бюллетенях того дня это было названо захватом. Муниципалитет Грасса решительно поддерживал дело роялистов, но внезапное появление императора дало мало времени для колебаний, и они пришли выразить ему свою покорность. Пройдя через город, он остановился на небольшом возвышении немного дальше от него, где позавтракал. Вскоре его окружило все местное население, и он услышал те же чувства и те же молитвы, что и до того, как покинул Францию. Уже было составлено множество петиций, которые были представлены ему, как будто он приехал из Парижа и совершал экскурсию по департаментам. Один жаловался на то, что ему не выплачивали пенсию, другой - на то, что у него отобрали крест Почетного легиона. Некоторые из наиболее недовольных тайно сообщили Наполеону, что власти города настроены к нему очень враждебно, но что основная масса людей предана ему и только ждет, пока он повернется к ним спиной, чтобы избавиться от негодаев. Он ответил: "Не торопитесь. Пусть они испытают унижение, увидев наш триумф, не имея ничего, в чем нас можно было бы упрекнуть". Император двинулся вперед со всей быстротой, на какую был способен. "Победа, - сказал он, - зависела от моей скорости. Для меня Франция была в Гренобле. До этого места было сто миль, но я и мои спутники достигли его за пять дней; и при какой погоде и по каким дорогам! Я въехал в город как раз в тот момент, когда граф д'Артуа, предупрежденный по телеграфу, покидал Тюильри.

Сам Наполеон был настолько убежден в положении дел, что знал, что его успех никоим образом не зависит от сил, которые он может привести с собой. "Пикет" "рода войск", по его словам, был всем, что было необходимо. Все получилось так, как он предвидел. Сначала он признался, что был не лишен некоторой степени неуверенности и опасений. Однако по мере того, как он продвигался вперед, все население с энтузиазмом высказывалось в его пользу, но он не видел солдат. Только когда он прибыл между Мюром и Визиллем, в пяти или шести лье от Гренобля, и на пятый день после высадки, он встретил батальон. Командующий офицер отказался вести даже переговоры. Император, не колеблясь, двинулся вперед один, а 100 гренадеров маршировали на некотором расстоянии позади него, поменяв оружие местами. Вид Наполеона, его хорошо знакомого костюма и серой военной шинели произвел магическое действие на солдат, и они стояли неподвижно. Наполеон подошел прямо к ним и, обнажив грудь, сказал: "Пусть тот, у кого есть сердце, убьет своего императора!" Солдаты бросили оружие, их глаза увлажнились слезами, и со всех сторон раздались крики "Да здравствует Император!". Наполеон приказал батальону повернуть направо, и все двинулись дальше вместе.

Недалеко от Гренобля полковник Лабедойер, посланный во главе 7-го полка воспрепятствовать его переходу, присоединился к императору. Данный таким образом импульс в какой-то мере решил вопрос. Старший офицер Лабедойера тщетно пытался сдерживать свой энтузиазм и энтузиазм своих людей. Лабедойер охотно раздал им трехцветные кокарды, которые были спрятаны в углублении барабана, а белую кокарду они выбросили как знак позора своей нации. Крестьяне Дофини, колыбели Революции, выстроились вдоль обочины: они были взволнованы и сходили с ума от радости. Первый батальон, о котором только что говорилось, проявлял некоторые признаки колебания, но тысячи крестьян столпились вокруг него и своими криками "Да здравствует Император!" пытались подтолкнуть войска к принятию решения, в то время как другие, следовавшие в арьергарде Наполеона, поощряли продвижение его маленького отряда, уверяя их, что они добьются успеха. Наполеон сказал, что он мог бы взять с собой в Париж 2 000 000 этих крестьян, но тогда его называли бы "Королем Жакерии".

По дороге Наполеон издал две прокламации. Сначала он пожалел, что не напечатал их перед отъездом с Эльбы; но это нельзя было сделать без некоторого риска выдать его тайные замыслы. Он продиктовал их на борту судна, где каждый человек, умеющий писать, был занят их копированием. Эти копии вскоре стали очень редкими; многие из них были неразборчивы; и только когда он прибыл в Гэп 5 марта, он нашел средства напечатать их. С того времени они распространялись повсюду и читались с величайшей жадностью.

Обращение к армии считалось еще более виртуозным и красноречивым, и оно, безусловно, вполне соответствовало вкусу французских солдат, которым, как замечает Буррьен, удивительно нравятся высокопарность, метафоры и гиперболы, хотя они не всегда понимают, что они означают. Даже известный французский автор восхваляет это обращение как нечто возвышенное. "Обращение к армии, - говорит он, - полно энергии: оно не могло не взволновать воображение всех военных. Эта пророческая фраза: "Орел с национальным флагом будет перелетать со шпиля церкви на шпиль, пока не сядет на башни Собора Парижской Богоматери", - была до крайности счастливой".

Эти слова, несомненно, произвели огромное впечатление на французских солдат, которые повсюду кричали: "Да здравствует Император!" "Vive le petit Caporal!" "Мы умрем за нашего старого товарища!" - с самым неподдельным энтузиазмом.

Лабедойер вступил в бой на некотором расстоянии от Гренобля, но он не мог быть вполне уверен в гарнизоне этого города, которым командовал генерал Маршан, человек, решивший хранить верность своему последнему хозяину. Уже сгустились сумерки, когда Бонапарт прибыл к крепости Гренобль, где несколько минут стоял в болезненном напряжении и нерешительности.

Таким образом, 7 марта, с наступлением темноты, Бонапарт стоял перед стенами Гренобля. Он обнаружил, что ворота закрыты, а командир отказался их открывать. Гарнизон, собравшийся на крепостных валах, кричал "Да здравствует Император!" и пожимал руки сторонникам Наполеона через калитки, но уговорить их на большее было невозможно. Необходимо было взломать ворота, и это было сделано под дулами десяти артиллерийских орудий, заряженных картечью. Ни в одном из своих сражений Наполеон не представлял себе, что находится в такой большой опасности, как при въезде в Гренобль. Солдаты, казалось, повернулись к нему с яростными жестами: на мгновение можно было подумать, что они собираются разорвать его на куски. Но это были подавленные порывы любви и радости. Толпа понесла императора и его коня, и едва он успел перевести дух в гостинице, где остановился, как снаружи послышался усилившийся шум; жители Гренобля пришли предложить ему сломанные городские ворота, поскольку не могли вручить ему ключи.

От Гренобля до Парижа Наполеон больше не встречал сопротивления. В течение четырех дней его пребывания в Лионе, куда он прибыл 10-го числа, перед его окнами постоянно собиралось более 20 000 человек, чьи возгласы не прекращались. Никто бы никогда не предположил, что император хотя бы на минуту отсутствовал в стране. Он отдавал приказы, подписывал указы, проводил смотр войскам, как ни в чем не бывало. Военный корпус, государственные органы и все классы граждан с готовностью вышли вперед, чтобы выразить свое почтение и свои услуги. Граф д'Артуа, который поспешил в Лион, как герцог и герцогиня д'Огулемские поступили с Бурдо, подобно им, тщетно пытался оказать сопротивление. Конная национальная гвардия (которые были известными роялистами) покинула его в этот критический момент, и во время его бегства только один из них предпочел последовать за ним. Бонапарт отказался от предложенных ему услуг и с рыцарским чувством, достойным

упоминания, послал орден Почетного легиона единственному добровольцу, который таким образом продемонстрировал свою верность, последовав за герцогом.

Как только император покинул Лион, он написал Нею, который со своей армией находился в Лон-ле-Сольнье, чтобы тот прибыл и присоединился к нему. Нею удалился от двора, пообещав привезти Наполеона, "как дикого зверя в клетке, в Париж". Скотт оправдывает сердце Нея ценой его головы и воображает, что маршал был скорее увлечен обстоятельствами, тщеславием и непостоянством, чем вызван преднамеренным предательством, и вполне возможно, что эти протесты были искренне произнесены, когда Нею покидал Париж, но, зараженный пылом своих войск, он был не в состоянии противостоять заразе, столь гармонирующей со всем его прошлым, и нападать не только на своего лидера во время многих опасностей, но и на государя, который провел его карьеру через все ступени власти. армия.

Обстоятельства дела были таковы:—

11 марта Нею, находясь в Безансоне, узнал, что Наполеон находится в Лионе. Тем, кто сомневался, будут ли его войска сражаться против своих старых товарищей, он сказал: "Они будут сражаться! Я возьму мушкет у гренадера и сам начну действовать! Я вонзу свой меч по самую рукоять в тело первого человека, который не решится выстрелить. В то же время он написал военному министру в Париж, что надеется на удачное завершение этого безумного предприятия.

Затем он двинулся к Лон-ле-Сольнье, где в ночь с 13 на 14 марта, менее чем через три дня после своих яростных заверений в верности, он без колебаний получил письмо от Бонапарта, приглашавшего его, называя "Храбрейшим из храбрых", присоединиться к его штандарту. Нею откликнулся на это приглашение и опубликовал приказ дня, в котором объявил дело бурбонов, которое он поклялся защищать, проигранным навсегда.

В оправдание дезертирства Нея утверждается, что и его офицеры, и рядовые были неподвластны ему и решили присоединиться к своему старому Хозяину; но в этом случае он мог бы сложить командование и уйти в отставку таким же почетным образом, как это сделали маршалы Макдональд, Мармон и несколько других генералов. Но даже среди своих собственных офицеров Нею подавал пример, ибо многие из них, после тщетных увещеваний, отказались от своих командиров. Один из них разломил свой меч надвое и бросил обломки к ногам Нею, сказав: "Человеку чести легче разбить железо, чем нарушить свое слово".

Наполеон, находясь на острове Святой Елены, дал этим инцидентам совершенно иное толкование. По этому поводу он, как слышали, сказал: "Если я, за исключением Лабедойера, который примчался ко мне с энтузиазмом и привязанностью, и еще одного человека, который по собственной воле оказал мне важные услуги, почти все остальные генералы, которых я встречал на своем пути, проявляли нерешительность и неуверенность; они поддавались только присущему им импульсу, если на самом деле не проявляли враждебного чувства по отношению ко мне. Так было в случае с Неем, с Массеной, Сен-Сиром, Сультом, а также с Макдональдом и герцогом Беллуно, так что, если у бурбонов были основания жаловаться на полное дезертирство солдат и народа, они не имели права упрекать военачальников в заговоре против них, которые показали себя всего лишь детьми в политике и на которых не будут смотреть ни как на эмигрантов, ни как на патриотов".

Между Лионом и Фонтенбло Наполеон часто путешествовал на несколько миль впереди своей армии без какого-либо другого сопровождения, кроме нескольких польских улан. Его передовой отряд теперь обычно состоял из войск (ошибочно называемых королевскими),

которые случайно оказались перед ним на дороге, куда они были посланы, чтобы противостоять ему, и к которым были высланы гонцы, чтобы уведомить о приближении императора, чтобы они могли быть вполне готовы присоединиться к нему с соблюдением надлежащих военных церемоний. Повсюду исчезли белые флаги и кокарды; трехцветный цвет занял свое почетное место. Стояла весна, и, как и положено сезону, снова появился фиолетовый! Радость солдат и низших слоев общества была почти неистовой, но даже среди трудолюбивой бедноты было немало тех, кто сожалел о столь поспешном возвращении к старому порядку вещей — воинской повинности, войне и кровопролитию, в то время как в высших классах общества царил довольно общий ужас. Тщеславные, непостоянные солдаты, однако, не думали ни о чем, кроме своего императора, не видели перед собой ничего, кроме восстановления всех своих лавров, унижения Англии и полного поражения русских, пруссаков и австрийцев.

В ночь с 19 на 20 марта Наполеон достиг Фонтенбло и снова остановился, как это было у него в обычае раньше, короткими, быстрыми шагами пройдясь по старинным, но великолепным галереям этого старого дворца. Каковы, должно быть, были его чувства при повторном посещении комнаты, в которой, как говорят, год назад он пытался покончить с собой!

Людовик XVIII покинул Тюильрийский дворец почти в тот же час, когда Бонапарт вошел в Фонтенбло.

Самая безнадежная надежда бурбонов заключалась теперь в значительной армии, размещенной между Фонтенбло и Парижем. Тем временем две армии приблизились друг к другу у Мелена; армией короля командовал маршал Макдональд. 20-го числа его войска были выстроены в три линии, чтобы встретить захватчиков, которые, как говорили, наступали из Фонтенбло. Последовала долгая пауза напряженного ожидания, которая редко делает людей более восприимчивыми к сильным и внезапным эмоциям. Лесные поляны и подъем, ведущий к ним, были как на ладони у королевской армии, но создавали впечатление глубокого уединения. Воцарилась тишина, за исключением тех случаев, когда полковые музыкальные оркестры по команде офицеров, которые в целом оставались верными, заиграли арии из "Да здравствует Генрих Четвертый", "О Ричард", "Прекрасная Габриэль" и другие мелодии, связанные с делом и семьей Бурбонов. Эти звуки не вызвали соответствующих настроений у солдат.

Наконец, около полудня послышался конский топот. Появилась открытая карета, окруженная несколькими гусарами и запряженная четверкой лошадей. Она мчалась на полной скорости, и Наполеон, выпрыгнув из повозки, оказался в середине рядов, которые были сформированы, чтобы противостоять ему. Его сопровождающие соскочили с коней, смешались со своими старыми товарищами, и их увещевания оказали мгновенное действие на людей, чьи умы уже наполовину были настроены на достижение цели, которую они теперь выполняли. Раздался общий крик: "Да здравствует Наполеон!" Последняя армия бурбонов перешла на их сторону, и больше никаких препятствий между Наполеоном и столицей не существовало, и он снова — но ненадолго — стал правителем.

Людовик, сопровождаемый лишь несколькими придворными войсками, едва успел повернуться спиной к столице своих предков, как Лавалетт поспешил из укрытия и от имени Наполеона захватил Почту. Благодаря этой мере все королевские прокламации были перехвачены, и о восстановлении императора было объявлено во всех департаментах. Генерал Эксельманс, только что подтвердивший свою присягу Людовику, собственными руками сорвал белый флаг, развевавшийся над Тюильри, и водрузил трехцветное знамя.

Поздно вечером 20-го числа Бонапарт въехал в Париж в открытой карете, которая подъехала прямо к позолоченным воротам Тюильри. Он получил одобрительные возгласы военных и низших классов пригородов, но большинство респектабельных горожан смотрели на него в безмолвном изумлении. Тогда было совершенно очевидно, что он был отозван партией — партией, по правде говоря, многочисленной и могущественной, но не единодушным голосом нации. Энтузиазм его непосредственных приверженцев, однако, компенсировал молчаливость и вялость других. Они заполнили площадь Карусель, дворы и аллеи Тюильри; они так теснили его, что он был вынужден закричать: "Друзья мои, вы душите меня!" - и его адъютантам пришлось нести его на руках вверх по парадной лестнице, а оттуда в королевские покои. Было замечено, однако, что среди этих горячих друзей было много людей, которые первыми покинули его в 1814 году, и что эти люди были самыми восторженными в своих демонстрациях, самыми громкими в своих криках!

И вот Наполеон снова оказался в Тюильри, где даже больше, чем в Фонтенбло, его разум был переполнен глубокими и болезненными воспоминаниями прошлого! Через несколько ночей после своего возвращения туда он послал за мсье Хораном, одним из врачей, которые лечили Жозефину во время ее последней болезни. "Итак, господин Горан, — сказал он, — вы не покидали императрицу во время ее болезни?" - "Нет, сир".

"Что было причиной этой болезни?" — "Душевное смятение ... горе". — "Вы верите в это?" (и Наполеон сделал сильное ударение на слове "верю", пристально глядя в лицо доктора). Затем он спросил: "Она долго болела? Она сильно страдала?" — "Она проболела неделю, сир; ее величество почти не испытывала телесных болей". — "Видела ли она, что умирает? Проявила ли она мужество?" — "Знак, который ее величество сделала, когда больше не могла выражать свои чувства, не оставляет у меня сомнений в том, что она чувствовала приближение своего конца; она попыталась созерцать это без страха". — "Ну! — ну!" и тогда взволнованный Наполеон приблизился к М. Хоран, и добавил: "Вы говорите, что она была в горе; из-за чего это произошло?" — "Из-за мимолетных событий, сир; из-за положения вашего величества в прошлом году". — "Ах! тогда она говорила обо мне?" — "Очень часто". Тут Наполеон провел рукой по глазам, которые, казалось, наполнились слезами. Затем он продолжил. "Хорошая женщина! — Превосходная Жозефина! Она любила меня по—настоящему — она... разве не так? . . . Ах! Она была француженкой!" — "Да, сир, она любила вас и доказала бы это, если бы не боялась вызвать ваше неудовольствие: у нее была идея". — "Как? .. Что бы она сделала?" "Однажды она сказала, что как императрица Франции проедет через Париж в своей карете, запряженной восемью лошадьми, и со всеми своими домочадцами в парадных ливреях, чтобы присоединиться к вам в Фонтенбло и никогда больше вас не покидать". — "Она бы сделала это — она была способна на это!"

Наполеон снова проявил глубокое волнение, оправившись от которого, он задал врачу самые подробные вопросы о природе болезни Жозефины, друзьях и сопровождающих, которые были рядом с ней в час ее смерти, и поведении двух ее детей, Эжена и Гортензии.

ГЛАВА V.

1815.

Послание из Тюильри—Моя беседа с королем— Мое назначение на должность префекта полиции—Совет в Тюильри—Приказ об арестах—Побег Фуше—Даву не тронули—Разговор с мсье де Блакасом—Перехваченное письмо и потерянное время—Очевидное взаимопонимание между Мюратом и Наполеоном— Планы, разработанные на Эльбе—Мой отъезд из Парижа— Начальник почты Фин—Мое прибытие в Лилль—Людовик XVIII. задержанный на час у ворот—Его величество вынужден покинуть Францию—Мой отъезд в Гамбург—Герцог де Берри в Брюсселе.

Те, кто выступал против исполнения договора, заключенного с Наполеоном во время его отречения, были виновны в большой ошибке, поскольку предоставили ему прекрасный предлог покинуть остров Эльба. Подробности этого экстраординарного предприятия известны каждому, и я не буду повторять то, что было рассказано снова и снова. Что касается меня, то, как только я увидел, с какой быстротой Бонапарт продвигается к Лиону, и с каким энтузиазмом он был принят войсками и народом, я приготовился удалиться в Бельгию, чтобы там дожидаться развязки этой новой драмы.

Все приготовления к моему отъезду были завершены вечером 13 марта, и я был готов к отъезду, чтобы избежать преследований, которым, как я ожидал, я стану объектом, когда я получил сообщение из Тюильри, в котором говорилось, что король желает меня видеть. Я, конечно, не теряя времени, направился во Дворец и направился прямо к М. Хюэ, чтобы узнать у него, зачем за мной послали. Он занимал апартаменты, в которых я провел три самых напряженных и тревожных года своей жизни. Господин Гюэ, заметив, что я испытываю некоторую неловкость из-за того, что меня вызвали в Тюильри в столь поздний час, поспешил сообщить мне, что король желает назначить меня префектом полиции. Он проводил меня в покои короля, где его Величество обратился ко мне таким любезным, но внушительным тоном: "Господин де Буррьен, можем ли мы на вас положиться? Я многого ожидаю от вашего рвения и верности". — "У вашего величества, - ответил я, - не будет причин жаловаться на то, что я предал ваше доверие". — "Что ж, я восстанавливаю префектуру полиции и назначаю вас префектом. Делайте все, что в ваших силах, господин де Буррьен, при исполнении своих обязанностей; я рассчитываю на вас".

По странному совпадению, в тот самый день (13 марта), когда я получил это назначение, Наполеон, находившийся в Лионе, подписал указ, исключавший из-под амнистии, которую он даровал, тринадцать человек, среди которых было мое имя. Этот указ укрепил меня в предчувствиях, которые возникли у меня, как только я услышал о высадке Бонапарта. По возвращении домой из Тюильри после получения моего назначения множество идей теснилось в моей голове. В первый момент мною двигало только желание послужить делу короля, но я был встревожен, когда осознал степень ответственности, которую взял на себя. Однако я решил мужественно встретить возникшие трудности и должен сказать, что у меня были все основания быть довольным тем, как меня поддержал мсье Фудра, генеральный инспектор полиции.

Даже сейчас я преисполняюсь изумления, когда думаю о Совете, который состоялся в Тюильри вечером 13 марта в апартаментах господина де Блака. Невежество членов этого Совета относительно нашего положения и их уверенность в бесполезности мер, принятых ими против Наполеона, превосходят всякое представление.

Поверят ли мне, что те великие государственные деятели, которые контролировали телеграф, почту, полицию и ее агентов, деньги — короче говоря, все, что составляет власть, - просили меня сообщить им информацию о наступлении Бонапарта? Что я мог им сказать? Я мог только повторить сообщения, которые были распространены на Бирже, и те, которые я собрал здесь и там за последние двадцать четыре часа. Я не скрывал, что опасность была неминуемой и что все их предосторожности были бы бесполезны. Тогда возник вопрос о том, какой курс следует избрать королю. Было невозможно, чтобы монарх оставался в Столице, и все же, куда ему было идти? Один предложил, чтобы он отправился в Бордо, другой - в Вандею, третий - в Нормандию, а четвертый член Совета придерживался мнения, что короля следует проводить в Мелен. Я предполагал, что если где-нибудь и произойдет сражение, то, вероятно, в окрестностях этого города, но советник, высказавший это последнее предположение, заверил нас, что присутствие короля в открытой карете, запряженной восемью лошадьми, произведет чудесный эффект на умы войск. Этот проект был просто нелепым; остальные казались опасными и неосуществимыми. Я заявил Совету, что, учитывая положение вещей, необходимо отказаться от всякой идеи сопротивления силой оружия; что ни один солдат не выстрелит из мушкета и что было бы безумием пытаться смотреть на вещи по-другому. "Дезертирство, - сказал я, - неизбежно. Солдаты пропивают в своих казармах деньги, которые вы давали им несколько дней назад, чтобы купить их верность. Говорят, Людовик XVIII - очень порядочный человек, но "Да здравствует маленькая капораль!"

Сразу же после высадки Наполеона король отправил чрезвычайного курьера к Мармону, который находился в Шатийоне, куда он отправился, чтобы в последний раз попрощаться со своей умирающей матерью. Я видел его однажды после того, как у него была беседа с королем; по-моему, это было 6 или 7 марта. После некоторого разговора о высадке Наполеона и способах помешать ему добраться до Парижа, Мармон сказал мне: "Это то, на чем я особенно настаивал в беседе, которую я только что имел с королем. "Сир, - сказал я, - я не сомневаюсь в намерении Бонапарта прибыть в Париж, и лучшим способом помешать ему сделать это было бы, если бы ваше величество остались здесь. Необходимо обезопасить Тюильрийский дворец от внезапного нападения и подготовить его к сопротивлению осаде, при которой было бы необходимо использовать пушки. Вы должны запереться в своем дворце вместе со своими домочадцами и главными государственными чиновниками, в то время как герцог Ангулем должен отправиться в Бордо, герцог де Берри - в Вандею, а месье — во Франш-граф; но они должны отправиться в путь при свете дня и объявить, что собираются собрать защитников вашего Величества. - [Месье, брат короля, граф д'Артуа, впоследствии Карл X.]

"... Именно это я сказал королю сегодня утром и добавил, что отвечу за все, если моему совету последуют. Теперь я собираюсь дать указание моему адъютанту, полковнику Фабвье, составить план обороны ". Я не согласен с мнением Мармона. Вполне вероятно, что так было у Людовика XVIII. оставайся он во дворце, многочисленные случаи дезертирства, имевшие место до 20 марта, были бы пресечены, и некоторые люди не нашли бы столь удобного предлога для нарушения своих клятв верности. Также не может быть никаких сомнений в том, что Бонапарт хорошо бы подумал, прежде чем предпринимать попытку осады Тюильри.

—[Мармон (том vii. стр. 87) дает полные подробности своего плана обеспечения продовольствием и размещения гарнизонов в Тюильри, которые король должен был удерживать, пока его семья расселится по провинциям. В этой идее не было ничего странного, поскольку тот же совет дал генерал Матье Дюма ("Сувениры", том iii, стр. 564), человек, который вряд ли стал бы предлагать какие-либо опрометчивые планы. Жокур, писавший Талейрану, очевидно, верил в мудрость решения короля остаться, как и сам царь; см. Переписку Талейрана, том ii. стр. 94, 122,

129. Наполеон, несомненно, оказался бы в странном затруднении, но королю, способному принять такое решение, никогда не потребовалось бы его рассматривать.]—

Мармон поддержал его мнение, заметив, что восхищение и изумление, вызванные экстраординарным предприятием Наполеона и его стремительным маршем к Парижу, будут уравновешены интересом, вызванным почтенным монархом, бросающим вызов своему смелому сопернику и мужественно защищающим свой трон. Хотя я отдавал полную справедливость добрым намерениям герцога Рагузского, все же я не думал, что его совету можно последовать. Я выступал против этого, как я выступал против всех предложений, которые были сделаны на Совете относительно различных мест, в которые король должен удалиться. Я сам предложил Лилль как ближайший и представляющий наибольшую степень безопасности, особенно в первом случае.

Было уже за полночь, когда я покинул Совет Тюильри. Обсуждение закончилось, и, не придя к какому-либо конкретному решению, было решено, что различные мнения, которые были высказаны, должны быть представлены Людовику XVIII. чтобы его величество мог принять то, что покажется ему наилучшим. Король согласился с моим мнением, но действовать по нему стали только через пять дней.

Мое назначение в префектуру полиции было, как будет видно, запоздалой мерой, почти такой же запоздалой, как предложение Наполеона направить меня в качестве своего полномочного министра в Швейцарию. Вступая сейчас в должность, я был хорошо убежден в бесполезности любых усилий, которые могли бы быть предприняты для того, чтобы остановить развитие быстро приближающихся и угрожающих событий. Когда его величество ввели в кабинет короля, он спросил меня, что я думаю о положении дел. "Я думаю, сир, что Бонапарт будет здесь через пять или шесть дней". — "Что, сэр?" — "Да, сир". — "Но надлежащие меры приняты, необходимые приказы отданы, и маршалы верны мне". — "Сир, я не сомневаюсь ни в чьей верности; но я могу заверить ваше величество, что, поскольку Бонапарт высадился, он будет здесь в течение недели. Я знаю его, и ваше величество не может знать его так хорошо, как я; но я могу рискнуть заверить ваше Величество с такой же уверенностью, что его не будет здесь через шесть месяцев. Он будет поспешно совершен безрассудный поступок, который погубит его". — "Де Буррьен, я надеюсь на лучшее, но если несчастье снова вынудит меня покинуть Францию и сбудется ваше второе предсказание, вы можете положиться на меня". Во время этого короткого разговора король казался совершенно спокойным и смирившимся.

На следующий день я снова посетил Тюильри, куда в те опасные времена мне часто приходилось наведываться. В тот день я получил список из двадцати пяти человек, которых мне было приказано арестовать. Я взял на себя смелость заметить, что такая процедура была не только бесполезной, но и могла оказать очень пагубное воздействие в тот критический момент. Доводы, на которых я настаивал, возымели не совсем тот эффект, на который я рассчитывал. Тем не менее, были допущены некоторые послабления в отношении двадцати трех из двадцати пяти, но было заявлено, что Фуше и Даву должны быть арестованы без промедления. Король неоднократно повторял: "Я хочу, чтобы вы арестовали Фуше". — "Сир, я умоляю ваше величество рассмотреть бесполезность такой меры". — "Я намерен арестовать Фуше. Но я уверен, что вам будет его не хватать, потому что Андре не смог его поймать".

Мое ночное вступление в должность префекта полиции состоялось вскоре после полуночи. Я испытывал огромное отвращение к аресту Фуше, но поскольку приказ был отдан, не было

иного выхода, кроме как подчиниться ему. Я передал приказ М. Фудрас, который очень хладнокровно заметил: "Поскольку мы должны арестовать его, вам не нужно бояться, завтра мы его быстро схватим".

На следующий день мои агенты отправились в отель герцога Отранто на улице д'Артуа. Предъявив ордер, Фуше спросил: "Что это значит? Ваш ордер не имеет силы; это просто макулатура. Предполагается, что оно исходит от префекта полиции, но такого префекта нет ". По моему мнению, Фуше был прав, поскольку о моем назначении, которое состоялось ночью, не было официально объявлено. Как бы то ни было, после его отказа сдаться один из моих агентов обратился в штаб Национальной гвардии с просьбой о поддержке, в случае необходимости, вооруженных сил. Генерал Десоль отправился в Тюильри, чтобы получить приказ короля по этому поводу. Тем временем Фуше, который никогда не терял самообладания, поговорив с полицейскими, которые оставались с ним, притворился, что отступил в сторону по какой-то неотложной причине, но дверь, которую он открыл, вела в темный коридор, через который он проскользнул, оставив моих несчастных агентов бредущими ощупью в темноте. Что касается его самого, то он быстро добрался до улицы Тейбу, где сел в карету и уехал. Вот и вся история знаменательного ареста Фуше.

Что касается Даву, то я чувствовал, что у меня связаны руки по отношению к нему. Я не хочу притворяться великодушным, ибо признаю, что питал к нему неприязнь; но я не хотел, чтобы все подумали, что я действовал по отношению к нему из чувства личной мести. Поэтому я просто приказал следить за ним. Остальные двадцать три были для меня в этом вопросе такими, как будто их никогда не существовало; и некоторые из них, возможно, узнают, только прочитав мои Мемуары, какими опасными личностями они считались.

15 марта, после разговора, который, как я уже рассказывал, у меня состоялся с Людовиком XVIII, я отправился к г-ну де Блакасу и повторил ему то, что я сказал королю относительно уверенности в скором прибытии Бонапарта в Париж. Я сказал ему, что считаю необходимым посвятить то короткое время, которое еще в наших силах, предотвращению реакции против роялистов и сохранению общественного спокойствия до отъезда королевской семьи, и что я буду способствовать отъезду всех лиц, у которых были причины удалиться со сцены великих и, возможно, катастрофических событий, которые могут последовать. "Вы можете легко поверить, граф, - добавил я, - что, принимая во внимание важные интересы, которые мне поручены, я не склонен терять драгоценное время на арест лиц, список имен которых я получил. Осуществление такой меры было бы бесполезно; это ни к чему не привело бы, или, скорее, послужило бы раздражению общественного мнения. Моя убежденность в этом факте изгнала из меня всякую мысль о том, чтобы держать под стражей в течение четырех или пяти дней лиц, чье влияние, реальное или предполагаемое, равно нулю, поскольку Бонапарт находится в Осере. Простого надзора мне кажется достаточным, и этим я предлагаю ограничиться". — "Король, - ответил г-н де Блакас, - полагается на вас. Он знает, что, хотя прошло всего сорок восемь часов с тех пор, как вы приступили к своим обязанностям, вы уже оказали больше услуг, чем, возможно, осознаете. Затем я спросил г-на де Блакаса, не получал ли он каких-либо указаний о предполагаемом отъезде Бонапарта с острова Эльба в письмах или от секретных агентов. "Единственной положительной информацией, которую мы получили, - ответил министр, - было перехваченное письмо, датированное 6 февраля на Эльбе. Оно было адресовано М. ..., недалеко от Гренобля. Я покажу его вам." Мсье де Блакас выдвинул ящик своего письменного стола и достал письмо, которое отдал мне. Писатель поблагодарил своего корреспондента за информацию, которую тот передал "жителю Эльбы". Ему сообщили, что все готово к отъезду и что будет использована первая благоприятная возможность, но что сначала было бы желательно получить ответы на

некоторые вопросы, содержащиеся в письме. Эти вопросы касались полков, которые были отправлены на юг, и мест их расквартирования. Был задан вопрос, соответствовал ли выбор командиров тому, что было согласовано в Париже, и находится ли Лабедойер на своем посту. Письмо было довольно длинным, и на меня произвело впечатление то, как обсуждался план высадки на побережье Прованса. Были запрошены точные ответы по всем этим пунктам. Возвращая письмо господину де Блакасу, я заметил, что содержание письма требует принятия некоторых решительных мер, и спросил его, что было сделано. Он ответил: "Я немедленно отправил копию письма мсье д'Андре, чтобы он отдал приказ об аресте человека, которому оно было адресовано".

Имея возможность внимательно понаблюдать за работой бдительного и активного правительства, я был, должен признаться, немало поражен недостаточностью мер, принятых для разгрома этого хорошо спланированного заговора. Когда г-н де Блакас сообщил мне обо всем, что было сделано, я не смог сдержать возгласа удивления. "Ну, - сказал он, - и что бы вы сделали?" — "Во-первых, я бы не стал терять двадцать четыре часа, которые в такой критический момент были целым возрастом". Затем я объяснил план, который я бы принял. Через четверть часа после получения письма я послал бы в Гренобль надежных людей и, прежде всего, позаботился бы о том, чтобы дело не попало в руки полиции. Получив всю информацию от корреспондента в Гренобле, я бы заставил его написать письмо своему корреспонденту на Эльбе, чтобы умерить пыл Наполеона, сообщив ему, что переброска войск, о которой он говорил, не была осуществлена, что на ее осуществление потребуется восемь дней и что для успеха предприятия необходимо отложить отправку на несколько дней. Пока Бонапарт таким образом задерживался, я бы отправил на побережье Прованса достаточное количество людей, преданных королевскому делу, отправив в другом направлении полки, командиры которых были привлечены Наполеоном, поскольку в переписке должны быть раскрыты их имена. "Возможно, вы правы, сэр, - сказал месье де Блакас, - но что я мог поделать? Я здесь новичок. Полиция меня не контролировала, и я доверился господину д'Андре". — "Что ж, - сказал я, - Бонапарт будет здесь 20 марта". С этими словами я расстался с господином де Блакасом. Я заметил в нем большую перемену. Он уже в значительной степени утратил то высокомерие фаворитизма, из-за которого его так не любили.

Когда я приступил к своим обязанностям в префектуре полиции, зло было уже неизлечимо. Неисправимым эмигрантам требовался еще один урок, и временное возрождение Империи было неизбежно. Но если Бонапарта отозвали, то не из-за какой-либо привязанности к нему лично; не из-за какой-либо верности воспоминаниям Империи. Было решено любой ценой избавиться от этих слабоумных советников, которые думали, что могут обращаться с Францией как со страной, завоеванной эмигрантами. Народ был полон решимости освободиться от правительства, которое, казалось, намерено растоптать все, что было дорого Франции. При таком положении вещей некоторые смотрели на Бонапарта как на освободителя, но большинство смотрело на него как на орудие. В этом последнем персонаже его видели старые республиканцы и новое поколение, которые думали, что уловили проблеск свободы в обещаниях, и которые были достаточно слепы, чтобы поверить, что идол Франции будет восстановлен Наполеоном.

В феврале 1815 года, когда на Эльбе все готовилось к приближающемуся отъезду Наполеона, Мюрат обратился к венскому двору с просьбой разрешить провести маршем через австрийские провинции Верхней Италии армию, направленную на Францию. 26 числа того же месяца Бонапарт бежал с Эльбы. Эти два факта были неизбежно связаны друг с другом, поскольку, несмотря на экстравагантные идеи Мюрата, он никогда не мог тешить

себя надеждой заставить короля Франции простой силой оружия признать его продолжающееся владение неаполитанским тронem. Со времен возвращения Людовика XVIII. кабинет министров Тюильри никогда не рассматривал Мюрата ни в каком ином свете, кроме как как узурпатора, и я знаю из достоверных источников, что французские полномочные представители на Венском конгрессе были специально проинструктированы настаивать на том, что восстановление неаполитанского престола в пользу бурбонов Обеих Сицилий должно быть следствием восстановления трона Франции. Я также знаю, что это предложение встретило решительное сопротивление со стороны Австрии, которая всегда с завистью смотрела на оккупацию трех европейских тронов одним Домом Бурбонов.

Согласно информации, за достоверность которой я могу поручиться, Наполеон задумал на Эльбе следующие планы. Почти сразу после своего прибытия во Францию он должен был приказать маршалам, на которых он мог больше всего положиться, максимально защищать въезды на французскую территорию и подступы к Парижу, развернув тройную линию крепостей, опоясывающую север и восток Франции. Даву был "in petto" выделен для защиты Парижа. Он должен был вооружать жителей пригородов и, кроме того, иметь в своем распоряжении 20 000 человек Национальной гвардии. Наполеон, не будучи осведомленным о положении союзников, никогда не предполагал, что они смогут сосредоточить свои силы и выступить против него так быстро, как они это сделали. Он надеялся застать их врасплох и расстроить их планы, заставив Мюрата двинуться на Милан и подняв восстания в Италии. После того как Мюрат переправился через реку По и приблизился к столице Ломбардии, Наполеон с корпусами Суше, Брюна, Груши и Массены, усиленный войсками, направленными форсированными маршами в Лион, должен был перейти Альпы и произвести революцию в Пьемонте. Там, набрав свою армию и присоединившись к неаполитанцам в Милане, он должен был провозгласить независимость Италии, объединить всю страну под началом единого вождя, а затем выступить во главе 100 000 человек на Вену, через Юлийские Альпы, через которые победа привела его в 1797 году. Это было еще не все: многочисленные эмиссары, рассеянные по Польше и Венгрии, должны были разжигать раздор и поднимать крик о свободе и независимости, чтобы встревожить Россию и Австрию. Следует признать, что это было бы экстраординарное зрелище - увидеть, как Наполеон дарует свободу Европе в отместку за то, что ему не удалось поработить ее.

Посредством этих смелых маневров и обширных комбинаций Наполеон рассчитывал, что у него будет преимущество инициативы в военных операциях. Возможно, его гений никогда не проявлялся так полно, как в этой обширной концепции. Согласно этому плану, он должен был распространить свои операции на 500 лье от Остенде до Вены, через Альпы и Италию, обеспечить себя огромными ресурсами любого рода, помешать императору Австрии двинуть свои войска против Франции и, вероятно, заставить его прекратить войну, от которой пострадали бы исключительно наследственные провинции. Такова была радужная перспектива, представившаяся Наполеону, когда он ступил на борт судна, которое должно было доставить его с Эльбы во Францию. Но безумная поспешность Мюрата насторожила Европу, и блестящая иллюзия рассеялась, как сон.

Убедившись, что все спокойно и королевская семья в безопасности от любой опасности, я сам отправился в путь в четыре часа утра 20 марта, направляясь в Лилль. Ничего экстраординарного не происходило до тех пор, пока я не прибыл на почту в Финсе, перед которой было выстроено множество экипажей, прибывших раньше моего, и владельцы которых, как и я, с нетерпением ждали лошадей. Вскоре я заметил, что кто-то отозвал почтмейстера в сторону способом, который не казался полностью лишенным таинственности, и, признаюсь, я почувствовал некоторую тревогу. Я был в комнате, в которой

ждали путешественники, и мое внимание привлекла большая банкнота, прикрепленная к стене. Оно было напечатано на французском и русском языках и оказалось приказом дня, который мне посчастливилось получить от императора Александра об освобождении почтовых лошадей и т. Д. От реквизиции союзными войсками.

Я стоял и рассматривал счет, когда в комнату вошел почтмейстер и направился ко мне. "Сэр, - сказал он, - это приказ дня, который спас меня от разорения". — "Тогда, конечно, вы не причинили бы вреда человеку, которым он подписан?" — "Я знаю вас, сэр, я сразу узнал вас. Я видел вас в Париже, когда вы были директором Почтового отделения, и вы удовлетворили справедливое требование, которое я имел к вам. Теперь я пришел сказать вам, что в ваш калаш запрягают двух лошадей, и вы можете трогаться в путь во весь опор". Этот достойный человек предоставил в мое распоряжение двух единственных лошадей, имевшихся в его распоряжении; его сын исполнял обязанности фореитора, и я отправился в путь, к немалому неудовольствию некоторых путешественников, прибывших до меня и у которых, возможно, были такие же веские причины, как и у меня, избегать присутствия Наполеона.

Мы прибыли в Лилль в одиннадцать часов вечера 21-го. Здесь я столкнулся с другой неприятностью, хотя и не вызывающей тревоги. Городские ворота были закрыты, и мне пришлось довольствоваться жалким ночлегом в пригороде.

Я въехал в Лилль 22-го, а Людовик XVIII. прибыл 23-го. Его величество также обнаружил ворота закрытыми, и прошло более часа, прежде чем был получен приказ открыть их, поскольку герцог Орлеанский, командовавший городом, инспектировал войска, когда прибыл его величество. Король был прекрасно принят в Лилле. Действительно, появились некоторые признаки дезертирства, но следует признать, что офицеры старой армии были настолько жертвенны ради продвижения вернувшихся эмигрантов, что было вполне естественно, что первые приветствовали возвращение человека, который так часто приводил их к победе. Я остановился в отеле "Де Гран", разумеется, не составляя никаких прогнозов относительно будущей резиденции короля. Когда я увидел свиту его Величества, я спустился вниз и встал у дверей отеля, куда как только что прибыл Людовик XVIII. увидев меня, он выделил меня среди всех ожидавших его прибытия и, протянув мне руку для поцелуя, сказал: "Следуйте за мной, господин де Буррьен".

Войдя в приготовленные для него покои, король выразил мне свое одобрение моему поведению со времен Реставрации, и особенно в течение того короткого промежутка времени, когда я исполнял обязанности префекта полиции. Он оказал мне честь, пригласив меня позавтракать с ним. Разговор, естественно, зашел о событиях дня, о которых каждый из присутствующих говорил в соответствии со своими надеждами или страхами. Наблюдая за этим Людовиком XVIII. соглашаясь с обескураживающим взглядом Бертье на ситуацию, я осмелился повторить то, что уже сказал в Тюильри, а именно, что, судя по настроению государей Европы и полученной мною информации, представляется весьма вероятным, что его Величество снова сядет на свой трон через три месяца. Бертье грыз ногти, как делал, когда хотел покинуть египетскую армию и вернуться в Париж к объекту своего обожания. Бертье не питал особых надежд; он всегда был одним из тех людей, у которых меньше всего уверенности в себе и больше всего депрессии. Я понял, что король расценил мое замечание как один из тех комплиментов, которые он привык получать, и что у него не было большой уверенности в исполнении моего предсказания. Однако, желая сделать вид, что верит в это, он сказал то, на что более чем намекал ранее: "Господин де Буррьен, пока я король, вы будете моим префектом полиции".

Таково было твердое намерение Людовика XVIII. оставаться во Франции как можно дольше, но наполеоновская лихорадка, распространившаяся подобно эпидемии среди войск, заразила гарнизон Лилля. Маршал Мортье, командовавший войсками в Лилле, и герцог Орлеанский выразили мне свои вполне обоснованные опасения и неоднократно рекомендовали мне убедить короля как можно скорее покинуть Лилль, чтобы избежать каких-либо фатальных последствий. В течение двух дней, которые я провел с его Величеством, я умолял его уступить властным обстоятельствам, в которые он был поставлен. Наконец король с глубоким сожалением согласился уехать, и я покинул Лилль за день до назначенного отъезда его Величества.

В сентябре 1814 года король назначил меня временным поверенным в делах Франции в Гамбурге, но, не получив приказа вернуться на свой пост, я до сих пор не упоминал об этом назначении. Однако, когда Людовик XVIII. собирался покинуть Францию, он подумал, что мое присутствие в Гамбурге могло бы быть полезным для ознакомления его со всем, что могло бы заинтересовать его на севере Германии. Но опасность грозила не там. Следовало следить за двумя пунктами — штаб-квартирой Наполеона и королевским советом в Генте. Однако я, не теряя времени, отправился в город, где, как я был уверен, найду великое множество друзей. Проезжая через Брюссель, я остановился в отеле "Бельвю", куда герцог Беррийский прибыл вскоре после меня. Затем его Королевское высочество пригласил меня позавтракать с ним и беседовал со мной очень конфиденциально. После этого я продолжил свое путешествие.

ГЛАВА VI.

1815.

Послание мадам де Буррьен 20 марта — Ночной въезд Наполеона в Париж — Генерал Бектон, присланный Коленкурром моей семье — Воспоминание о старых преследованиях — Генерал Дризен — Разгадка загадки — Печати, наложенные на мои вещи — Бесплезные поиски — Преследование женщин — Мадам де Сталь и мадам де Рекамье — Париж в течение Ста дней — Федералисты и патриотические песни — Декларация полномочных представителей в Вене.

В Лилле и снова в Гамбурге я получал письма от своей семьи, которых ждал с большим нетерпением. В них содержались подробности того, что произошло со мной после возвращения Бонапарта в Париж. Через два часа после моего отъезда мадам де Буррьен также покинула Париж в сопровождении своих детей и направилась в приют, который был предложен ей в семи лье от столицы. Она оставила в моем доме в Париже свою сестру, двух своих братьев и свою подругу графиню де Нейи, которая жила с нами после своего возвращения из эмиграции.

В самое утро отъезда моей жены (а именно 20 марта) человек, с которым я всегда был в дружеских отношениях и который был всецело предан Бонапарту, прислал просьбу, чтобы мадам де Буррьен навестила его, поскольку он хотел поговорить с ней по самому важному и срочному делу. Моя невестка сообщила посыльному, что моя жена покинула Париж, но,

попросив подругу сопровождать ее, она сама отправилась к человеку, имя которого, вероятно, можно будет угадать, хотя я его и не упоминаю. Человек, пришедший с сообщением в мой дом, задал много вопросов сестре мадам де Бурьен по поводу моего отсутствия и посоветовал ей, прежде всего, уговорить меня не следовать за королем, заметив, что это дело Людовика XVIII. был совершенно потерян и что мне следовало бы спокойно удалиться в Бургундию, поскольку не было никаких сомнений в том, что я получу прощение императора.

Ничто не могло быть более мрачным, чем вступление Бонапарта в Париж. Он прибыл ночью, в густом тумане. Улицы были почти пустынные, и почти повсеместно в столице царил смутное чувство ужаса.

В девять часов того же вечера, в тот самый час, когда Бонапарт прибыл в Тюильри, дама, подруга моей семьи, сын которой служил в Молодой гвардии, позвонила и попросила о встрече с мадам де Бурьен. Она отказалась войти в дом, чтобы ее не увидели, и моя невестка спустилась в сад, чтобы поговорить с ней без света. Брат этой дамы был накануне вечером в Фонтенбло, чтобы встретиться с Бонапартом, и он передал своей сестре пожелание, чтобы я остался в Париже и сохранил свой пост в префектуре полиции, поскольку я был уверен в полном и безоговорочном помиловании.

Утром 21-го генерал Бектон, который с тех пор стал жертвой своих безумных предприятий, зашел ко мне домой и попросил разрешения поговорить со мной и мадам де Бурьен. Его приняли сестра и братья моей жены и заявили, что он прибыл от господина де Коленкура, чтобы возобновить гарантии безопасности, которые уже были мне даны. Признаюсь, я очень остро воспринял эти доказательства дружбы, когда они стали мне известны, но я ни на мгновение не раскаялся в принятом мною решении. Я не мог забыть ни интриг, объектом которых я был с 1811 года, ни постоянных угроз ареста, которые в течение того года не давали мне ни минуты покоя; и поскольку я теперь возвращаюсь к тому времени, я могу воспользоваться возможностью объяснить, как в 1814 году я познакомился с истинными причинами преследования, жертвой которого я стал. Человек, чье имя благоразумие запрещает мне упоминать, прислал мне следующее письмо, оригинал которого находится в моем распоряжении:

ГОСПОДИН ГЕРЦОГ ДЕ БАССАНО— Я посылаю вам несколько очень важных документов, касающихся съезда Бурьена, и прошу вас составить для меня конфиденциальный отчет по этому делу. Храните эти документы только для себя. Это дело требует строжайшей секретности. Все наводит меня на мысль, что Бурьенн провел серию интриг с Лондоном. Принесите мне отчет в четверг. Я молю Бога и т.д.

(Подпись) НАПОЛЕОН, ПАРИЖ, 25 декабря 1811г.

Теперь я мог ясно видеть то, что до сих пор было для меня окутано мраком; но я еще не был знаком с документами, упомянутыми в послании Наполеона. И все же, однако, причина его враждебности оставалась загадкой, которую я не мог разгадать, но некоторое время спустя я получил ее разгадку.

Генерал Дризен, который был губернатором Миттау при Людовике XVIII. проживал в этом городе, приехал в Париж в 1814 году. Я был хорошо знаком с ним в 1810 году в Гамбурге, где он прожил значительное время. Находясь в Миттау, он проникся рыцарской и восторженной

дружбой к королю Франции. Сначала мы не доверяли друг другу, но впоследствии между нами возникло самое сокровенное доверие. Генерал Дризен с уверенностью ожидал возвращения бурбонов во Францию, и в ходе наших частых бесед на его любимую тему он постепенно отбросил всякую сдержанность и, наконец, сообщил мне, что поддерживает переписку с королем.

Он сказал мне, что отправил Хартвеллу несколько проектов прокламаций, ни одной из которых, по его словам, король не удовлетворился. Когда он дал мне копию последнего из этих черновиков, я откровенно сказал ему, что вполне разделяю мнение короля относительно его непригодности. Я заметил, что если король однажды вернется во Францию и поступит так, как советовал генерал, он не удержится на троне и шести месяцев. Затем Дризен попросил меня продиктовать проект прокламации, соответствующий моим идеям. Я согласился сделать это при одном условии, а именно. что он никогда не упомянет моего имени в связи с этим бизнесом, ни в письменной форме, ни в разговоре. Генерал Дризен пообещал это, и тогда я продиктовал ему черновик, который я бы сейчас откровенно представил читателю, если бы у меня была его копия. Я могу добавить, что в различных прокламациях Людовика XVIII. Я заметил несколько отрывков, точно соответствующих проекту, который я продиктовал в Гамбурге.

В течение четырех лет, прошедших между моим возвращением в Париж и падением Империи, мне несколько раз приходило в голову, что генерал Дризен выдал мою тайну, и во время его самого первого визита ко мне после Реставрации, когда наш разговор случайно зашел о Гамбурге, я спросил его, не раскрыл ли он то, что я хотел, чтобы он скрыл? "Что ж, - сказал он, - теперь нет ничего плохого в том, чтобы сказать правду. После того как вы покинули Гамбург, король написал мне, спрашивая имя автора последнего черновика, который я ему послал, который сильно отличался от всего, что ему предшествовало. Я не ответил на этот вопрос, но король повторил его во втором письме и потребовал ответа, я был вынужден нарушить данное вам обещание и отправил на почту Гетенберга в Швеции письмо для короля, в котором я упомянул ваше имя".

Теперь тайна открылась мне. Я ясно увидел, что возбудило в уме Наполеона подозрение, что я веду интриги с Англией. У меня нет никаких сомнений относительно того, каким образом об этом деле стало ему известно. Король, должно быть, сообщил мое имя одному из тех лиц, положение которых ставило их выше подозрений в какой-либо измене доверию, и, таким образом, это обстоятельство должно было дойти до ушей Бонапарта. Это не просто гипотеза, поскольку я хорошо знаю, как быстро и достоверно Наполеон был проинформирован обо всем, что было сказано и сделано в Хартвелле.

Показав генералу Дризену обвинительное письмо Наполеона, он попросил меня доверить ему его на день или два, сказав, что покажет его королю на частной аудиенции. Его целью было услужить мне и возбудить интерес Людовика XVIII ко мне, кратко изложив ему все дело. Генерал подошел ко мне, когда я покидал Тюильри, и заверил меня, что король, ознакомившись с письмом, имел великодушие заметить, что я могу считать себя очень счастливым оттого, что меня не расстреляли. Я не знаю, был ли впоследствии проинформирован Наполеон о деталях этого дела, которое, конечно, не имело никакого отношения к каким-либо интригам с Англией и которое, в конце концов, было бы простым грешком по сравнению с поведением, которое я счел своим долгом принять во время Реставрации.

Тем временем мадам де Бурьен уведомила меня срочным письмом, что на имущество всех лиц, включенных в лионский декрет, а следовательно, и на мое имущество должны быть

наложены печати. Как только моя жена получила информацию об этом, она покинула свое убежище и отправилась в Париж, чтобы встретить шторм лицом к лицу. 29 марта, в девять часов вечера, агенты полиции явились в мой дом. Мадам де Буррьен протестовала против этой меры и неудобного часа, выбранного для ее исполнения, но все было напрасно, и не оставалось ничего другого, как подчиниться.

Но дело не закончилось первыми формальностями, выполненными альгвазилами Фуше. В течение мая было назначено семь человек для изучения моих бумаг, и среди инквизиторского септемвирата были два человека, хорошо известных и занимающих высокие посты. Один из них выполнил свое поручение, но другой, чувствуя связанную с этим ненависть, написал, что ему нездоровится, и так и не приехал. Таким образом, число моих инквизиторов "in domo" сократилось до шести. Они вели себя крайне грубо и выполняли свою миссию со строгостью, чрезвычайно болезненной для моей семьи. Они зашли в своих поисках так далеко, что обшарили карманы моей старой одежды и даже расстегнули подкладку. Все это было сделано в надежде найти что-то, что облекло бы меня в глазах нового хозяина Франции. Но меня нельзя было заставить врасплох, и перед отъездом из дома я принял такие меры предосторожности, чтобы совершенно успокоиться.

Однако те, кто решительно выступал против Наполеона, были не единственными людьми, у которых были причины быть встревоженными его возвращением. Даже женщины по системе инквизиции, недостойной императора, но, к сожалению, вполне согласной с его ненавистью ко всякой свободе, были приговорены к изгнанию и имели основания опасаться дальнейшей суровости. Исключительные поклонники Главы Империи должны одобрять все, что исходило от него, даже его суровость по отношению к беззащитному полу; они должны смеяться над страданиями женщины и гениального писателя, приговоренных без какого-либо суда к самому суровому наказанию, кроме смерти. Что касается меня, то я не видел ни справедливости, ни приятности в ссылке мадам де Шеврез за то, что у нее хватило смелости (а смелость тогда была редкостью даже среди мужчин) сказать, что она не создана для того, чтобы быть тюремщицей королевы Испании. По возвращении Наполеона с острова Эльба мадам де Сталь была в состоянии слабости, которое делало ее неспособной выносить какие-либо внезапные и сильные эмоции. Такое подорванное состояние здоровья было вызвано ее бегством из Коппета в Россию сразу после рождения сына, который был плодом ее брака с месье Рокка. Несмотря на опасность путешествия при таких обстоятельствах, она видела большую опасность в том, чтобы оставаться там, где она была, и отправилась в свое новое изгнание. Это изгнание было недолгим, но мадам де Сталь так и не оправилась от охватившей ее тревоги и усталости.

Имя автора "Коринны", естественно, вызывает в памяти имя подруги, которая была ей наиболее верна в несчастье и которая сама не была защищена от суровости Наполеона справедливым и всеобщим восхищением, объектом которого она была. В 1815 году мадам Рекамье не покидала Париж, в который она вернулась в 1814 году, хотя ее изгнание не было отменено. Я точно знаю, что Гортензия заверила ее в удовольствии, которое она испытает, приняв ее, и что мадам Рекамье, в качестве предлога для отказа от опасной чести, заметила, что она решила никогда больше не появляться в свете, пока ее друзья будут подвергаться преследованиям. Мемориал Святой Елены, ссылаясь на происхождение недоброжелательности главы Империи к обществу мадам де Сталь, мадам Рекамье и т.д., По-видимому, упрекает мадам Рекамье, "привыкшую, - говорится в Мемориале, - просить обо всем и добиваться всего", за то, что она потребовала не чего иного, как полного восстановления в должности своего отца. Каковы бы ни были притязания мадам Рекамье, Бонапарт, немало пристрастившийся к обычаю, на который он у нее жалуется, не смог бы с

благосклонностью обвинить ее в неблагодарности, если бы он, со своей стороны, не заявлял о чувстве, совершенно отличном от благодарности. Я был с Первым консулом в то время, когда месье Бернару, отцу мадам Римье, было предъявлено обвинение, и я не забыл, на каких условиях было бы предоставлено восстановление.

Частые беседы между мадам Рекамье и мадам де Сталь не были рассчитаны на то, чтобы склонить Наполеона к чувствам и мерам умеренности. Его все больше и больше раздражала эта дружба между двумя женщинами, возникшая ради общества друг друга; и во время одной из поездок мадам Рекамье в Коппе он сообщил ей через Фуше, что она вполне вольна отправиться в Швейцарию, но не возвращаться в Париж. - Ах, монсеньор! великому человеку можно простить слабость любить женщин, но не бояться их. Это был единственный ответ мадам Рекамье Фуше, когда она отправлялась в Коппет. Здесь я могу заметить, что личные предрассудки императора не носили бы упорного и жестокого характера, если бы некоторые из людей, его окружавших, не стремились их разжигать. Я сам стал жертвой этого. Привязанность Наполеона ко мне, возможно, взяла бы верх, если бы его снисходительность ко мне не подвергалась постоянной борьбе со стороны моих врагов вокруг него.

У меня не было возможности наблюдать облик Парижа в тот памятный период, вошедший в историю под названием Ста дней, но письма, которые я получал в то время, вместе со всем тем, что я слышал впоследствии, единодушно заверяли меня, что столица никогда не представляла такой печальной картины, как в течение этих трех месяцев. Никто не испытывал никакого доверия ко второму правлению Наполеона, и без всяких оговорок поговаривали, что Фуше, служа делу узурпации, тайно предаст его. На будущее смотрели с тревогой, а на настоящее - с неудовлетворенностью. Вид федератов, которые маршировали по предместьям и бульварам, выкрикивая "Республика навеки!" и "Смерть роялистам!", их кровавые песни, революционные мотивы, звучавшие в наших театрах, - все это приводило общественность в пугающее оцепенение, и развязки надвигающихся событий ждали с тревогой.

Одним из обстоятельств, которое в начале "Ста дней" больше всего способствовало раскрытию глаз у тех, кто все еще был ослеплен былой славой Наполеона, была уверенность, с которой он заявил, что императрица и его сын будут возвращены ему, хотя ничто не подтверждало этого заявления. Было очевидно, что он не мог рассчитывать ни на какого союзника; и, несмотря на огромную активность, с которой была создана новая армия, те люди, должно быть, были поистине слепы, если могли представить себе возможность его триумфа над Европой, снова вооруженной, чтобы противостоять ему. Я сожалел о неизбежных катастрофах, которые повлекло бы за собой смелое предприятие Бонапарта, но у меня были такие достоверные сведения относительно намерений союзных держав и духа, воодушевлявшего полномочных представителей в Вене, что я ни на минуту не мог усомниться в исходе конфликта: поэтому я несколько не удивился, когда получил в Гамбурге протоколы конференций в Вене в мае 1815 года.

Когда в Вене были получены первые сведения о высадке войск Бонапарта, следует признать, что на Конгрессе было сделано очень мало, поскольку меры, рассчитанные на восстановление прочного порядка вещей, могли быть сформулированы и приняты только обдуманно и по зрелом размышлении. Louis XVIII. он поручил своим Полномочным представителям защищать и поддерживать принципы справедливости и права наций, с тем чтобы обеспечить права всех сторон и предотвратить вероятность новой войны. Конгресс был занят этими важными вопросами, когда было получено известие об отходе Наполеона с Эльбы и его высадке в заливе Жуан. Затем Полномочные представители подписали протокол конференций, о которых я упоминал выше.

[ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРЕДЫДУЩЕЙ ГЛАВЕ.]

Следующее послание Наполеона маршалу Даву (приведено в переводе капитана Бингхэма, том iii, стр. 121), хотя и не имеет прямого отношения к предмету расследования герцога Бассано (стр. 256), возможно, найдет здесь место как свидетельство личных чувств императора к Бурьену. Как читатель, наверное, помнит, об этом уже упоминалось ранее в работе:

МАРШАЛУ ДАВУ. КОМПЬЕНЬ, 3 сентября 1811 года.

Я получил ваше письмо относительно мошенничества Бурьена в Гамбурге. Будет важно пролить свет на то, что он сделал. Арестуйте еврея Гумпрехта Мареса, конфискуйте его документы и поместите в одиночную камеру. Арестуйте нескольких других главных агентов Бурьена, чтобы раскрыть его деятельность в Гамбурге и хищения, которые он там совершил.

(Подпись) НАПОЛЕОН.

ГЛАВА VII.

—[Редактором издания 1836 года]—

1815.

Наполеон в Париже—Политические маневры—Встреча на Майском поле-Наполеон, либералы и умеренные конституционалисты-Его любовь к произволу сильна, как никогда — Париж во время Столетия— Подготовка к его последней кампании— Император покидает Париж, чтобы присоединиться к армии—Положение в Брюсселе— Обращение Наполеона к бельгийцам— Реальная численность французской и союзных армий —Обращение императора к французской армии.

Едва Наполеон воссел на свой трон, как обнаружил, что не может восстановить ту абсолютную власть, которой обладал до своего отречения в Фонтенбло. Он был вынужден подчиниться ограничению представительного правительства, но мы вполне можем поверить, что он только уступил, мысленно оговорив, что, как только победа вернется к его стандартам и его армия будет реорганизована, он отправит представителей народа обратно в их департаменты и сделает себя таким же абсолютным, каким он когда-либо был. Его временное подчинение действительно было обязательным.

Республиканцы и конституционалисты, которые помогали или не противодействовали его возвращению во главе с Карно, Фуше, Бенжаменом Константом и его собственным братом

Люсьеном (сторонником конституционных свобод), поддержали бы его только при условии его правления в качестве конституционного суверена; поэтому он провозгласил конституцию под названием "Дополнительный акт к конституциям Империи", которая очень напоминала хартию, дарованную Людовиком XVIII. годом ранее. Наследственная палата пэров должна была назначаться императором, Палата представителей избиралась коллегиями выборщиков и обновляться каждые пять лет, в которой должны были утверждаться все налоги, министры должны были нести ответственность, судьи несменяемы, право подачи петиций признавалось, а собственность объявлялась неприкосновенной. Наконец, французскую нацию заставили заявить, что она никогда не отзовет Бурбонов.

Еще не достигнув Парижа и отдыхая по пути с Эльбы в Лионе, втором городе Франции и древней столице франков, Наполеон организовал свое министерство и издал множество указов, которые показывают, как мало его разум был подготовлен к действиям, получившим большинство голосов в представительных собраниях.

Камбасерес был назначен министром юстиции, Фуше - министром полиции (благо для революционеров), Даву был назначен военным министром. Декрет за декретом издавались с быстротой, показывающей, с каким усердием Бонапарт использовал те напряженные часы на Эльбе, которые он, как предполагалось, посвятил составлению своих мемуаров. Они были составлены от имени "Наполеона, милостью Божьей, императора Франции" и датированы 13 марта, хотя были обнародованы только 21 числа того же месяца. Первый из этих указов отменил все изменения в судах общей юрисдикции, которые произошли во время отсутствия Наполеона. Второй указ заново изгнал всех эмигрантов, вернувшихся во Францию до 1814 года без надлежащих полномочий, и сместил всех офицеров, принадлежащих к классу эмигрантов, введенных в армию королем. Третий упразднил орден Святого Людовика, белый флаг, кокарду и другие королевские эмблемы и восстановил трехцветное знамя и имперские символы власти Бонапарта. Тем же указом была упразднена швейцарская гвардия и внутренние войска короля. Четвертый указ наложил арест на имущество бурбонов. Аналогичным Постановлением было наложено взыскание на восстановленное имущество семей эмигрантов.

Пятый лионский декрет упразднил древнее дворянство и феодальные титулы и официально утвердил владельцев национальных доменов в их владениях. (Этот указ был очень приемлем для большинства французов). Шестой объявлял приговор о ссылке в отношении всех эмигрантов, не вычеркнутых Наполеоном из списка ранее, до воцарения Бурбонов, к которому добавлялась конфискация их имущества. Седьмой декрет восстановил орден Почетного легиона во всех отношениях в том виде, в каком он существовал при императоре; объединив в его фонды конфискованные доходы бурбонского ордена Святого Людовика. Восьмой и последний декрет был самым важным из всех. Под предлогом того, что эмигранты, выступившие с оружием в руках против Франции, были введены в Палату пэров и что Палата депутатов уже заседала в установленный законом срок, она распустила обе палаты и созвала коллегии выборщиков Империи, с тем чтобы они могли провести в следующем месяце мае чрезвычайное собрание — Майское поле.

Это Национальное собрание, для которого Наполеон провозгласил прецедент в истории древних франков, должно было преследовать две цели: во-первых, внести такие изменения и реформы в Конституцию империи, какие сочтут целесообразными обстоятельства; во-вторых, оказать содействие в коронации императрицы Марии Луизы. О ее присутствии и о присутствии ее сына говорили как о чем-то, не допускающем сомнений, хотя Бонапарт знал, что надежды на их возвращение из Вены мало. Эти различные законодательные акты были хорошо рассчитаны на то, чтобы послужить делу Наполеона. Они льстили армии и в то же

время разжигали ее негодование против эмигрантов, намекая на то, что Людовик принес их в жертву интересам своих сторонников. Они предлагали республиканцам перспективу конфискации, проскрипций и государственного переворота, в то время как империалисты были довольны видом достаточных средств на пенсии, должности и почетные награды. Владельцам национальных доменов была обещана безопасность, парижанам - грандиозное зрелище на Майском поле, а. Мир и безмятежность Франции с момента прибытия императрицы и ее сына, которые, как уверенно утверждалось, были близки, были приняты Австрией как залог дружбы.

Наполеон в то же время стремился завоевать популярность среди простых людей — черни Сент-Антуанского предместья и других малоизвестных кварталов Парижа. В первый вечер своего возвращения, обходя сверкающий круг, собравшийся приветствовать его в Парадных покоях Тюильри, он продолжал повторять: "Господа, я всем обязан бедной и бескорыстной массе людей; именно они вернули меня в столицу. Все это сделали бедные младшие офицеры и простые солдаты. Я всем обязан простым людям и рядовым армии. Помните это! Я всем обязан армии и народу!" Некоторое время спустя он время от времени совершал прогулки верхом по Сент-Антуанскому предместью, но демонстрации толпы доставляли ему мало удовольствия, и в его обращениях к ним было легко уловить насмешку. У него были небольшие связи с деятелями Революции — свирепыми, кровожадными якобинцами, - но даже сейчас он не мог скрыть своего отвращения к ним и, к его чести, старался иметь с ними как можно меньше общего.

Когда Наполеон отправлялся в летнюю кампанию, он заранее позаботился о том, чтобы оставить большие суммы денег для "федералов"; в руках преданного Реала; под чье управление была передана толпа. Эти суммы должны были быть распределены в соответствующее время года, чтобы заставить людей кричать на улицах Парижа: "Наполеон или смерть". Он также оставил в руках Даву письменное разрешение на публикацию своих бюллетеней, многие пункты которых были написаны задолго до того, как начались сражения, которые они должны были описать. Он передал тому же маршалу план своей кампании, который он подготовил для обороны. Это не было доверено ему без указания строжайшей секретности, но говорят, что Даву сообщил об этом плане Фуше. Учитывая характер Даву, это маловероятно, но если это так, то далеко не невероятно, что Фуше сообщил о плане союзникам, с которыми, и особенно с князем Меттернихом, он, как хорошо известно, переписывался в то время.

Вскоре после прибытия императора в Париж Бенжамен Констан, умеренный и откровенный человек, был послан конституционной партией выяснить чувства и намерения Наполеона. Констан был сторонником конституционной свободы и давним противником Наполеона, стремительную карьеру деспотизма которого, оборванную мечом, он тщетно пытался остановить красноречием своего пера.

Беседа состоялась в Тюильри. Император, по своему обыкновению, начал разговор и до конца аудиенции держал его почти при себе. Он не пытался скрыть ни свои прошлые действия, ни нынешнее расположение духа.

"У нации, - сказал он, - была двенадцатилетняя передышка от всякого рода политической агитации, и в течение одного года она наслаждалась передышкой от войны. Этот двойной отдых породил тягу к деятельности. Для этого требуется, или кажется, что требуется, Трибуна и народные собрания. Они не всегда были нужны. Народ бросился к моим ногам, когда я принял бразды правления. Вы должны помнить об этом, кто устроил испытание оппозиции. Где была ваша поддержка — ваша сила? Нигде. Я взял на себя меньше полномочий, чем мне

предлагалось взять. Теперь все изменилось. Слабое правительство, выступающее против национальных интересов, привило этим интересам привычку защищаться и уклоняться от власти. Вкус к конституциям, к дебатам, к разглагольствованиям, похоже, возродился. Тем не менее, будьте уверены, всего этого желает меньшинство. Народ, или, если вам больше нравится это выражение, толпа, желает только меня. Вы бы сказали так, если бы только увидели эту толпу, нетерпеливо устремляющуюся по моим следам, спешащую вниз с вершин гор, зовущую меня, ищущую меня, приветствующую меня. По пути из Канн сюда я не побеждал — я управлял. Я не только (как утверждалось) император солдат; я император крестьян, плебеев Франции. Соответственно, несмотря на все, что произошло, вы видите, что люди возвращаются ко мне. Между нами есть симпатия. Это не так, как с привилегированными классами. Дворяне были у меня на службе; они толпились в моих приемных. Нет такого места, которое они не приняли бы или не просили. В моем окружении были Монморанси, Ноайи, Роганы, Бово, Монтемары. Но между нами никогда не было сердечности. Конь выполнил вираж — он был хорошо обкатан, но я почувствовал, как он задрожал подо мной. С людьми дело обстоит иначе. Популярная жилка отзывается на мою. Я поднялся из рядов народа: мой голос механически воздействует на них. Посмотрите на этих призывников, сыновей крестьян: я никогда не льстил им; я обращался с ними грубо. Они не стали меньше толпиться вокруг меня; они не перестали из-за этого кричать: "Да здравствует Император!" Дело в том, что между ними и мной одна и та же природа. Они смотрят на меня как на свою поддержку, как на защиту от дворян. Мне стоит только подать знак или хотя бы посмотреть в другую сторону, и дворяне будут вырезаны во всех провинциях. Как хорошо они справлялись с делами за последние десять месяцев! но я не желаю быть Королем толпы. Если есть средства управлять по конституции, то хорошо. Я мечтал о мировой империи, и для обеспечения этого мне была необходима полная свобода действий. Возможно, что конституция была бы лучше просто для управления Францией. Я мечтал о мировой империи, как кто бы не поступил на моем месте? Мир пригласил меня править им. Монархи и подданные одинаково ревностно склоняли шеи под моим скипетром. Я редко сталкивался с оппозицией во Франции, но все же я чаще сталкивался с ней со стороны каких-то безвестных и безоружных французов, чем со стороны всех этих королей, которые только что так решительно отказались от того, чтобы иметь равного себе из народа! Тогда посмотрите, что кажется вам возможным; сообщите мне ваши идеи. Общественная дискуссия, свободные выборы, ответственные министры, свобода прессы - я не возражаю против всего этого, особенно против свободы прессы; подавлять ее абсурдно. Я убежден в этом. Я человек из народа: если люди действительно хотят свободы, пусть они ее получают. Я признал их суверенитет. Справедливо, что я прислушиваюсь к их воле, более того, даже к их капризам. Я никогда не был расположен угнетать их ради своего удовольствия. Я замыслил великие замыслы; но судьба была против меня; я больше не завоеватель и не могу им быть. Я знаю, что возможно, а что нет. — У меня нет другой цели, кроме как возвысить Францию и даровать ей подходящее для нее правительство. У меня нет ненависти к свободе, я отбросил ее в сторону, когда она преградила мне путь, но я понимаю, что это значит; я воспитывался в ее школе; кроме того, пятнадцатилетний труд отменен, и возобновить его невозможно. Для этого потребовалось бы двадцать лет и жизни 2 000 000 человек были бы принесены в жертву. Что касается остального, я желаю мира, но я могу добиться его только путем победы. Я бы не стал внушать вам ложных ожиданий. Я позволю себе сказать, что переговоры продолжаются; их нет. Я предвижу тяжелую борьбу, долгую войну. Чтобы поддержать это, я должен быть поддержан нацией, но взамен, я верю, они будут ожидать свободы. Они ее получают: обстоятельства изменились. Все, чего я желаю, - это знать правду. Я старею. В сорок пять человек уже не тот, кем он был в тридцать. Покой, которым наслаждается

конституционный король, может меня и устраивать: для моего сына это, несомненно, будет лучше всего".

С этого замечательного адреса. Бенджамин Констант пришел к выводу, что никаких изменений во взглядах или чувствах Бонапарта в вопросах управления не произошло, но, будучи убежден, что обстоятельства изменились, он решил им соответствовать. Он говорит, и мы не можем сомневаться в этом, "что он слушал Наполеона с глубочайшим интересом, что в его речи чувствовались широта и величие манер и спокойная безмятежность на челе, увитом бессмертными лаврами".

Веря в полную несовместимость Наполеона и конституционного правительства, мы не можем ради справедливости не упомянуть, что причины, оттолкнувшие его от алтаря и святилища свободы, были сильны: настоящих любителей разумной и осуществимой свободы — сторонников конституционной монархии было мало — безумные ультралибералы, якобинцы, отбросы одной революции и провокаторы другой, были многочисленны, активны, шумны, и, преследуя разные цели, эти две партии, респектабельные и пользующиеся дурной репутацией, хорошие и плохие, смешались и спутались друг с другом.

14 мая, когда "федералы" выстроились в процессионном порядке и устроили то, что называлось торжественным празднеством, когда они двигались по бульварам ко двору Тюильри, они сочетали имя Наполеона с якобинскими проклятиями и революционными песнями. Напевы и слова, которые заставляли Париж трепетать до глубины души во время правления террора — "Марсельеза", "Карманьола", "Jour du departe", отвратительная песенка, смысл которой таков: "И внутренностями последнего из священников давайте задушим последнего из королей", - все это хором выкрикивала пьяная, грязная и разъяренная толпа. Много дней прошло с тех пор, как они осмелились публично петь эти богохульные и антиобщественные песни. Сам Наполеон, как только у него появилось достаточно сил, подавил их, и он так же гордился этим подвигом и своим триумфом над отбросами якобинцев, как и любой другой своей победой; и в этом он был прав, в этом он показал себя другом человечества. Когда шумная толпа приблизилась к триумфальной арке и парадному входу во дворец, он не мог скрыть своего отвращения. Его охрана была выстроена при оружии, и многочисленные артиллерийские орудия, уже заряженные, были выставлены на площадь Карусель. Он поспешно распустил этих опасных приверженцев, наградив их похвалой, деньгами и выпивкой. Вступив в тесный контакт с такой толпой, он не почувствовал, что его чувства отвечают чувствам населения! Подобно Франкенштейну, он ненавидел и боялся могучего монстра, которого сам создал.

Но не только толпа помешала либерализму или конституции Наполеона, хрупкому и сомнительному растению само по себе, которое требовало самого осторожного обращения, чтобы оно действительно пустило корни и выросло на такой почве: некоторые из его советников, называвших себя "философствующими государственными деятелями", посоветовали ему отказаться от стиля императора и принять стиль Верховного президента или лорда-генерала Республики! Раздраженный подобными ребячествами, в то время как враг с каждым днем приближался к границам, он удалился из Тюильри в сравнительно небольшой уединенный Елисейский дворец, где он избежал этих мечтателей-болтунов и снова почувствовал себя сувереном: запершись с Бенжаменом Константом и несколькими другими разумными политиками, он набросал набросок новой конституции, которая была не намного лучше и не намного хуже королевской хартии Людовика XVIII. Мы приводим краткое описание его основных особенностей.

Император должен был обладать исполнительной властью и осуществлять законодательную власть по согласованию с двумя Палатами. Палата пэров должна была быть наследственной и назначаться императором, и ее число было неограниченным. Вторая палата должна была избираться народом и состоять из 629 членов; никто не должен был быть моложе двадцати пяти лет. Президент должен был назначаться членами, но утверждаться императором. Члены должны были получать зарплату по ставке, установленной Учредительным собранием, которая должна была обновляться каждые пять лет. Император мог продлевать, откладывать или распускать Палату представителей, заседания которой должны были быть открытыми. Коллегии выборщиков сохранялись. Земельный налог и прямые налоги должны были устанавливаться только на год, косвенные налоги могли взиматься на несколько лет. Ни набор людей в армию, ни какой-либо обмен территорией не могли производиться иначе, как по закону. Налоги должны были быть предложены Палатой представителей. Ответственными должны быть министры. Судьи должны быть несменяемыми. Должны быть учреждены присяжные. Были признаны право на подачу петиций, свобода вероисповедания, неприкосновенность собственности. Свобода прессы предоставлялась под юридическую ответственность, а преступления, совершенные прессой, должны были рассматриваться судом присяжных. Ни одно место или часть территории не могла быть введена в осадное положение, за исключением случаев иностранного вторжения или гражданских беспорядков. Наконец, французский народ заявил, что делегирование им таким образом своих полномочий не должно рассматриваться как дающее право предлагать восстановление Бурбонов или любого принца из этой семьи на троне, даже в случае исчезновения императорской династии. Любое такое предложение было официально запрещено Палатам или гражданам, равно как и любая из следующих мер, а именно. восстановление прежнего феодального дворянства, феодальных и сеньориальных прав, десятины, любой привилегированной и господствующей религии, а также права на любое посягательство на безвозвратность продажи национальных товаров.

Вскоре после возвращения Наполеона с Эльбы, полагая, что невозможно заставить австрийского императора согласиться на воссоединение с ним его жены (а Мария Луиза не имела склонности к возобновлению супружеских отношений), Наполеон пробыл в Париже всего несколько дней, когда разработал план похищения из Вены и жены, и сына: в этом проекте сила была не менее необходима, чем военная хитрость. Множество французов обоего пола, очень преданных императору, который дал им звание и состояние, сопровождали Марию Луизу в 1814 году из Парижа в Блуа, а оттуда в Вену. Была начата переписка с этими людьми, которые всей душой участвовали в заговоре; они подделали паспорта, раздобыли ретрансляторы, лошадей; и в целом устроили дело так хорошо, что, если бы не один человек — тот, кто раскрыл весь план за несколько дней до того, как было решено привести его в исполнение, — вряд ли можно сомневаться в том, что план удался бы и что дочь Австрии и титулованный король Австрии придали бы такой престиж, какой могло бы придать их присутствие в Тюильри и на Майских полях. Как только император Австрии раскрыл этот заговор, который, в случае успеха, поставил бы его в очень неловкое положение, он отстранил весь французский народ от своей дочери, заставил ее снять гербы и ливреи Наполеона и даже отказаться от титула императрицы Франции: никакая сила, никакое искусство, никакая полиция не могли скрыть этого от жителей Парижа; которые, более того, и почти в то же время, были очень встревожены провалом попытки Мюрата в Италии, которая значительно увеличила мощь и политическое влияние Австрии. Избавившись от Мюрата, император Франциск получил возможность сосредоточить все свои силы в Италии и держать их в готовности к повторному вторжению во Францию.

"Наполеон, - говорит Лаваллетт, - несомненно, ожидал, что императрица и его сын будут возвращены ему; он обнародовал свои пожелания как несомненные, и предотвратить это было, по сути, худшим оскорблением, которое император Австрии мог нанести ему. Однако вскоре его надежда рухнула.

"Однажды вечером меня вызвали во дворец. Я нашел императора в тускло освещенной каморке, он грелся в углу у камина и, казалось, уже страдал от недомогания, которое впоследствии никогда его не покидало. "Вот письмо, - сказал он, - которое, по словам курьера из Вены, предназначено для вас — прочтите его". Сначала, взглянув на письмо, я подумал, что узнаю почерк, но так как оно было длинным, я прочитал его медленно и наконец перешел к главному. Автор сказал, что мы не должны рассчитывать на императрицу, поскольку она даже не пыталась скрыть свою неприязнь к императору и была склонна одобрить все меры, которые могли быть приняты против него; что о ее возвращении не следует и думать, поскольку она сама воздвигла бы величайшие препятствия на пути к этому; в случае, если бы это было предложено; наконец, что для него было невозможно скрыть свое возмущение тем, что императрица, всецело влюбленная в ..., даже не потрудились скрыть свое нелепое пристрастие к нему. Почерк письма был замаскирован, но не настолько, чтобы я смог определить, чье оно. Однако я обнаружил в том, как была выражена тайна, теплоту рвения и живописный стиль, которые не принадлежали автору письма. Читая это, я внезапно заподозрил, что это подделка, и намеревался ввести императора в заблуждение. Я поделился с ним этой идеей и опасностью, которую я увидел в этом мошенничестве. По мере того как я все больше и больше оживлялся, я находил достаточно веские причины, чтобы повергнуть самого императора в некоторую неуверенность. "Как это возможно, - сказал я, - что... было настолько неосторожно писать такие вещи мне, который не является его другом и который имел с ним так мало общего? Как можно предположить, что императрица при таких обстоятельствах настолько забылась, что проявила к вам отвращение и, более того, отдалась мужчине, который, несомненно, все еще обладает некоторой способностью нравиться, но который уже немолод, чье лицо обезображено и в чьей личности в целом нет ничего приятного?" "Но, - ответил император, - привязан ко мне; и хотя он не является вашим другом, постскрипtum достаточно объясняет мотив доверия, которое он вам оказывает". Следующие слова действительно были написаны внизу письма. о письме: "Я не думаю, что вам следует сообщать императору правду, но используйте ее так, как сочтете нужным". Однако я настаивал на том, что письмо было поддельным; и тогда император сказал мне: "Отправляйся в Коленкур. У него есть множество других, написанных тем же почерком. Пусть сравнение определит ваше мнение и мое.

Я пошел к Коленкуру, который с энтузиазмом сказал мне: "Я уверен, что письмо от ... и я нисколько не сомневаюсь в правдивости содержащихся в нем подробностей. Лучшее, что может сделать император, - это получить утешение; с этой стороны помощи ждать не приходится.

"Столь печальное открытие было очень болезненным для императора, ибо он был искренне привязан к императрице и все еще надеялся снова увидеть своего сына, которого любил самым нежным образом".

"Фуше был далек от того, чтобы желать возвращения императора. Он давно устал повиноваться и, кроме того, предпринял другой план, который был нарушен прибытием Наполеона. Император, однако, снова поставил его во главе полиции, потому что Савари был утомлен этой работой, а там требовался умелый человек. Фуше принял этот пост, но не отказался от своего плана свергнуть императора, чтобы поставить на его место либо своего сына, либо Республику под руководством президента. Он никогда не переставал

переписываться с князем Меттернихом и, если ему можно верить, пытался убедить императора отречься от престола в пользу своего сына. Таково было и мое мнение; но совет, исходивший из таких кругов, был небезопасен для человека, которому он был дан. Кроме того, поскольку этот совет был отклонен, обязанностью министра было либо больше не думать о своем плане, либо подать в отставку. Фуше, однако, остался в кабинете министров и продолжил свою переписку. Император, который почти не доверял ему, внимательно следил за ним. Однажды вечером у императора было много гостей в Елисейском дворце, и он сказал мне, чтобы я не возвращался домой, потому что он хотел поговорить со мной. Когда все ушли, император остановился с Фуше в апартаментах, соседних с теми, в которых находился я. Дверь оставалась полуоткрытой. Они ходили взад и вперед, очень спокойно разговаривая. Поэтому я был очень удивлен, когда через четверть часа услышал, как император серьезно сказал ему: "Ты предатель!" Почему вы остаетесь министром полиции, если хотите предать меня? От меня зависит, чтобы вас повесили, и все будут радоваться вашей смерти!" Я не слышал ответа Фуше, но беседа продолжалась более получаса, собеседники все это время ходили взад и вперед. Когда Фуше ушел, он весело пожелал мне спокойной ночи и сказал, что император вернулся в свои апартаменты.

На следующий день император рассказал мне о вчерашнем разговоре. "Я подозревал, - сказал он, - что этот негодяй переписывался с Веной. У меня был арестован банковский клерк, когда он возвращался из этого города. Он признал, что привез письмо для Фуше от Меттерниха и что ответ должен был быть отправлен в назначенное время в Бейль, где человек должен был ожидать подателя письма на мосту: "Я послал за Фуше несколько дней назад и продержал его три часа в моем саду, надеясь, что в ходе дружеской беседы он упомянет об этом письме при мне, но он ничего не сказал. Наконец, вчера вечером я сам затронул эту тему". (Здесь император повторил мне слова, которые я слышал накануне вечером: "Ты предатель" и т. Д.) Фактически, он признал, - продолжал император, - что получил такое письмо, но оно не было подписано и что он воспринял его как мистификацию. Он показал его мне. Теперь это письмо, очевидно, было ответом, в котором автор снова заявлял, что он больше ничего не будет слушать об императоре, но что, за исключением его персоны, было бы легко согласиться со всем остальным. Я ожидал, что император завершит свое повествование выражением своего гнева против Фуше, но наш разговор перешел на другую тему, и он больше о нем не говорил.

"Два дня спустя я отправился к Фуше, чтобы добиться возвращения в Париж офицера мушкетеров, который был сослан вдали от своей семьи. Я нашел его за завтраком и сел рядом с ним. Напротив него сидел незнакомец. "Вы видите этого человека?" - сказал он мне, указывая ложкой на незнакомца. "Это аристократ, бурбонист, шуан; это аббат, один из редакторов "Журнала дебатов", заклятый враг Наполеона, фанатичный сторонник бурбонов; он один из наших людей. Я взглянул на него. При каждом новом эпитете в адрес священника аббат склонял голову к своей тарелке с улыбкой жизнерадостности и самодовольства и с какой-то хитринкой. Я никогда не видел более позорного выражения лица. Вставая из-за стола, Фуше объяснил мне, каким образом все эти литературные камердинеры были его подчиненными, и хотя я признавал для себя, что система, возможно, была необходима, я едва ли знал, кто на самом деле был более презренным — негодяи, которые таким образом продали себя тому, кто заплатил больше, или министр, который хвастался, что купил их, как будто их приобретение было славным завоеванием. Судя по тому, что император рассказал мне о сцене, которую я описал выше, Фуше сказал мне: "Характер императора испорчен сопротивлением, которое он встречает, и он думает, что это моя вина. Он не знает, что у меня нет другой власти, кроме как через общественное мнение. Завтра я мог бы повесить перед своей дверью двадцать человек, вызывающих отвращение у общественного мнения, хотя я

не смог бы посадить в тюрьму на двадцать четыре часа ни одного человека, пользующегося этим благосклонностью. Поскольку я никогда не спешу высказываться, я промолчал, но, размышляя о том, что император сказал о Фуше, я нашел сравнение их двух речей замечательным. Учитель мог бы приказать повесить своего министра под аплодисменты публики, а министр мог бы повесить — кого? Возможно, самого учителя, и с таким же одобрением. Какая необычная ситуация! — и я считаю, что они оба были правы; до сих пор общественное мнение, справедливое в отношении Фуше, изменилось в отношении императора".

Гнев Наполеона обрушился только на Нижнюю палату, пэры которой, судя по характеру их состава, были достаточно самодовольны и пассивны. Подавляющее большинство из них на самом деле были всего лишь тенями, собравшимися вокруг солидных личностей Жозефа, Люсьена, Луи и Жерома Бонапартов, а также Сийеса, Карно и военных деятелей Революции. Как политический орган, Наполеон сам презирал их, и все же он хотел, чтобы нация уважала их. Но уважение было невозможно, и непостоянные парижане сделали пэров постоянным объектом своих острот. Парижские острословы применили следующую несколько остроумную игру слов. Лаллемана, Лабедегюра, Друо и Нея они называли *Las Quatre Pairs fides* (предатели), что в произношении может в равной степени означать четырех верных пэров или четырех вероломных мужчин. Печально известного Вандама и еще кого-то называли Парами-сиффлами, предвзятыми пэрами, или предвзятой парой, или (персифлами) мужчинами, ставшими объектами насмешек. Именно так вели себя низшие сословия, когда на карту было поставлено существование Франции.

К этому времени грозовая туча войны собралась и была готова разразиться. Как ни мало времени было в его распоряжении, Наполеон был готов встретить ее со своей обычной энергией. Огнестрельное оружие было одним из самых важных объектов внимания. Сабель было достаточно, но не хватало мушкетов. Императорские фабрики могли в обычное время производить ежемесячно 20 000 единиц нового оружия; благодаря чрезвычайной активности и предложенным стимулам это число удвоилось. Рабочие также были наняты для ремонта старых мушкетов. В этот знаменательный период в столице была проявлена та же активность, что и в 1793 году, и лучше направляемая, хотя и без того же конечного успеха. Еще одной трудностью было обмундирование армии, и с этой проблемой удалось справиться, предварительно авансировав крупные суммы денег производителям ткани. Подрядчики доставили 20 000 кавалерийских лошадей до 1 июня, 10 000 обученных лошадей были предоставлены спешенной жандармерией. К 1 июня было также доставлено двенадцать тысяч артиллерийских лошадей в дополнение к 6000, которыми армия уже располагала.

Легкость, с которой министры финансов и Казначейства покрывали все эти расходы, поразила всех, поскольку за все приходилось платить наличными. В то же время система общественных работ была возобновлена по всей Франции. "Легко видеть, - говорили рабочие, - что "великий подрядчик" вернулся; все было мертво, теперь все оживает".

"Мы только что узнали, - говорит писатель, находившийся в то время в Брюсселе, - что Наполеон покинул столицу Франции 12-го; 15-го частое прибытие курьеров вызвало крайнюю тревогу, и ближе к вечеру генерал Маффинг явился в отель герцога Веллингтона с депешами от Блюхера. Мы все знали, что враг находится в движении, и невежды не могли разгадать загадку герцога, спокойно отправившегося на бал к герцогу Ричмонду - его хладнокровие было выше их понимания. Если бы он остался в своем отеле, среди жителей, вероятно, возникла бы паника, которая помешала бы предполагаемому перемещению британской дивизии армии.

"Я вернулся домой поздно, и мы все еще обсуждали наше беспокойство, когда услышали звук трубы. Прежде чем солнце взошло в полном великолепии, я услышал приближающуюся военную музыку и вскоре увидел из своих окон, как проходит 5-я резервная часть британской армии; шотландская бригада шла первой во главе со своими благородными танами, волынщики играли свои несколько мелодий; за ними последовал 28-й, звуки их горнов более приятно ласкали слух. Каждый полк проходил один за другим под звуки своего оркестра".

Доблестный герцог Брауншвейгский был на балу в зале собраний на улице Дюкаль в ночь на 15 июня, когда в Брюсселе отчетливо прозвучали французские пушки, которые он услышал одним из первых. "Получив информацию о том, что мощные французские силы продвигаются в направлении Шарлеруа. "Тогда мне давно пора уходить", - воскликнул он и немедленно покинул бальный зал".

В четыре все свободные силы под командованием герцога Веллингтона были собраны вместе, но в такой спешке, что у многих офицеров не было времени сменить шелковые чулки и танцевальные туфли; а некоторые, совершенно одолеваемые сонливостью, спали на крепостных валах, все еще держа, однако, твердой рукой поводья своих лошадей, которые паслись рядом с ними.

Около пяти часов во всех направлениях раздалось слово "марш", и мгновенно показалось, что вся масса пришла в движение одновременно. Я беседовал с несколькими офицерами перед их отъездом, и, похоже, ни один из них не имел ни малейшего представления о приближающемся сражении.

"Герцог Веллингтон и его штаб покинули Брюссель только после одиннадцати часов, и только спустя некоторое время после их отъезда стало известно, что вся французская армия, включая сильный кавалерийский корпус, находится в нескольких милях от Катр-Бра".

ГЛАВА VIII.

—[Как и предыдущая, эта глава впервые появилась в издании 1836 года и не принадлежит перу М. де Буррьена.]—

1815. БИТВЫ ПРИ ЛИНЬИ И КАТР-БРА.

Теперь наступил момент для нанесения решающего удара, и, соответственно, рано утром 15-го вся французская армия пришла в движение. 2-й корпус проследовал к Маршьену, чтобы атаковать прусские аванпосты в Тюине и Лобе, чтобы обеспечить сообщение через реку Самбр между этими местами. 3-й корпус, прикрываемый кавалерией генерала Пажоля, наступал на Шарлеруа, за ним следовали императорская гвардия и 6-й корпус с необходимыми отрядами понтонье. Остальная часть кавалерии под командованием Груши также наступала на Шарлеруа, на флангах 3-го и 6-го корпусов. 4-му корпусу было приказано наступать на мост Шатле.

При приближении французского авангарда в течение всего утра продолжалась непрерывная перестрелка с пруссаками, которые, потеряв много людей, были вынуждены уступить численному превосходству. Генерал Зитен, сочтя невозможным из-за протяженности границы, которую он должен был прикрывать, остановить продвижение французов, отступил к Флерюсу по дороге на Шарлеруа, решительно сдерживая продвижение противника везде, где это было возможно. В результате неоднократных нападений, которым он подвергался, он понес значительные потери. Была почти середина дня, когда французская армия обеспечила проход через Шарлеруа, и генерал Зитен продолжил свое отступление к Флерюсу, где занял свою позицию на ночь. После оставления Зитеном в ходе его отступления шоссе, которое ведет в Брюссель через Катр-Бра, маршалу Нею, который только что был назначен командующим левым флангом французской армии, было приказано наступать по этой дороге на Госсели, и он обнаружил во Фрэсне часть армии герцога Веллингтона, состоящую из войск Нассау под командованием принца Бернарда Саксен-Веймарского, который после нескольких стычек удержал свою позицию. "Несмотря на все усилия французов в тот момент, когда время имело такое значение, они смогли продвинуться вперед только на пятнадцать английских миль в течение дня, имея при этом почти пятнадцать часов светлого времени суток".

Намерением Наполеона во время его операций в этот день было произвести разделение между английской и прусской армиями, в чем он почти преуспел. План Наполеона для достижения этой цели и его выполнение его армией были в равной степени достойны восхищения, но вряд ли генералы союзников были застигнуты врасплох, поскольку это был единственно вероятный курс, который мог избрать Наполеон. Его операционная линия проходила по прямой дороге на Брюссель, и там не было укрепленных сооружений, которые препятствовали бы его продвижению, в то время как из-за особенностей местности его многочисленная и превосходная кавалерия могла быть использована с большим эффектом.

Во французских отчетах маршала Нея сильно обвиняли в том, что он не занял Катр-Бра со всеми своими силами вечером 16-го. Ней, вероятно, мог бы отбросить войска Нассау при Катр-Бра и занять эту важную позицию, но, услышав сильную канонаду на своем правом фланге, где занял свою позицию генерал Зитен, он счел необходимым остановиться и отвести дивизию в направлении Флерюса. Наполеон сурово осудил его за то, что он буквально не выполнил его приказ и не продвинулся к Катр-Бра". Это обвинение составляет любопытный контраст с обвинением, выдвинутым против Груши, на которого Наполеон возложил вину за поражение при Ватерлоо, потому что он строго выполнил свой приказ, давая пруссаков у Вавра, не обращая внимания на канонаду слева от него, которая могла бы навести его на мысль, что в тот момент бушевало более важное противостояние между императором и Веллингтоном.

Было шесть часов вечера 16-го, когда герцог Веллингтон получил первые сведения о продвижении французской армии; но, однако, только к десяти часам до него дошла достоверная весть о том, что французская армия продвинулась на линию Самбры. Эта информация побудила его выдвинуть подкрепление к Катр-Бра, куда он сам прибыл рано утром 16-го и немедленно направился в Бри, чтобы совместно с маршалом Блюхером разработать меры по объединению их усилий. По движению значительных масс французов перед пруссаками было очевидно, что их первая крупная атака будет направлена против них самих. То, что это было целью Наполеона 16-го, возможно, видно из его приказов Нею и Груши повернуть пруссаков направо и выбить британцев с их позиций у Катр-Бра, а затем двинуться вниз по шоссе на Брай, чтобы эффективно разделить две армии. Соответственно, Ней был выделен для этой цели с 43 000 человек. В случае успеха маршала Нея он получил

бы возможность выделить часть своих сил с целью нанесения флангового удара по пруссакам в тылу Сен-Аменди, в то время как Наполеон лично направлял свои основные усилия против этой деревни, самой сильной в прусских позициях. Резерв Нея находился во Фрэсне, предназначенный либо для поддержки атаки на Катр-Бра, либо для атаки на Сент-Аман, а в случае полного успеха Нея - для обхода прусского правого фланга маршем на Бри.

ГЛАВА IX.

1815 ГОД - БИТВА При ВАТЕРЛОО.

Вот—вот должна была начаться одна из самых важных битв современности - борьба, которая на долгие годы должна была решить судьбу Европы. Наконец Наполеон и Веллингтон оказались друг напротив друга. Они никогда не встречались; военная репутация каждого из них была высочайшей,

—[Для получения полной информации о кампании при Ватерлоо см. "Историю войны во Франции и Бельгии в 1815 году" Сиборна с изложением английских современников; "Лекции Чесни о Ватерлоо", лучший английский современный отчет, который был принят пруссаками как почти отражающий их точку зрения; и "Ватерлоо" подполковника принца Эдуарда де ла Тур д'Овернь (Париж, Plon, 1870), который можно считать современным французским отчетом.

Оценивая эту кампанию, читатель не должен воспринимать ее как сражение двух разных армий - английской и прусской, - достижения которых следует сопоставлять друг с другом. Веллингтон и Блюхер действовали в полном согласии, редком даже для двух разных корпусов одной и той же страны, но практически беспрецедентном в случае двух армий разных наций. Таким образом, эти две силы превратились в одну армию, разделенную на два крыла, первое, левое (или прусское крыло) потерпело поражение от основных сил французов при Линьи 16 июня, правое (или английское крыло) отступило, чтобы удержать позиции при Ватерлоо, где к нему должно было присоединиться левое (или прусское крыло), и объединенные силы должны были сокрушить врага. Таким образом, нет вопроса о том, спасла ли прусская армия англичан своим прибытием, или англичане спасли пруссаков своим сопротивлением при Ватерлоо. Каждая армия хорошо и доблестно выполнила свою часть согласованной операции. Англичане никогда бы не сражались при Ватерлоо, если бы не полагались на прибытие пруссаков. Если бы пруссаки не подошли во второй половине дня 18 июня, англичане подверглись бы такой же большой опасности, столкнувшись в одиночку с массой французской армии, с какой пришлось бы столкнуться пруссакам, если бы они обнаружили англичан в полном отступлении. Исследовать относительные действия двух армий - это почти то же самое, что оценивать соответствующие достоинства двух прусских армий под Садовой, где одна удерживала австрийцев до прибытия другой. Также, читая множество интересных личных отчетов о кампании, лучше всего помнить, что мнения о шансах на успех в оборонительной борьбе склонны искажаться в зависимости от позиции наблюдателя, как, действительно, заметил генерал Грант в ответ на критику состояния его армии в конце первого

дня битвы при Шайло или высадки в Питтсбурге. Человек, находящийся в первой шеренге или боевой линии, видит, как отбивается атака за атакой. Он видит только часть своих потерь, и большинство раненых исчезают, и он также знает кое-что о потерях противника, видя мертвых перед собой. Воодушевленный соревнованием, он, таким образом, верит в успех. Человек, находящийся в тылу или наступающий с подкреплением, не испытывающий азарта борьбы, видит только длинную и увеличивающуюся колонну раненых, отставших и, возможно, летчиков. Он видит, как его товарищ падает, не имея возможности ответить на огонь. Он ничего не видит о соответствующих потерях противника и склонен смотреть на ситуацию с самым удручающим видом. Таким образом, англичане, читающие рассказы людей, сражавшихся при Ватерлоо, слишком склонны не верить описаниям того, что происходило в тылу армии, и думать, что жизнеподобная картина штата Брюссель, нарисованная Теккереем в "Ярмарке тщеславия", должна быть преувеличена. Действительно, в этой самой битве при Ватерлоо Зитен начал отступать, когда его помощь требовалась больше всего, потому что один из его адъютантов сообщил ему, что правое крыло англичан полностью отступает. "Этот неопытный молодой человек, - говорит Маффлинг, стр. 248, - принял большое количество раненых, которых отправляли в тыл для перевязки, за беглецов и, соответственно, составил ложный отчет". Кроме того, резервы мало что говорят о своей роли, а иногда и вообще не участвуют в сражении, и мало кто знает, что по крайней мере два английских полка, действительно присутствовавших на поле Ватерлоо, едва ли сделали хоть один выстрел до последнего наступления.

Герцог назвал армию худшей, которой он когда-либо командовал, и сказал, что если бы у него были его люди с полуострова, битва закончилась бы гораздо раньше. Но герцог, придерживавшийся ныне устаревших идей, не имел отборного корпуса. Каждый солдат, доверяя своим товарищам, сражался под командованием своих офицеров и под знаменами своего полка. Чего бы они ни не знали, солдаты знали, как умирать, и в конце дня куча мертвецов рассказала, где стоял каждый полк и батарея.]—

карьера обоих была отмечена знаменательной победой; Наполеон провел свои победоносные легионы через величественные Альпы, через север Италии, через Пруссию, Австрию, Россию и даже к подножию Пирамид, в то время как Веллингтон, который рано отличился в Индии, снискал бессмертную славу на полуострове, где он победил одного за другим любимых генералов Наполеона. Теперь ему предстояло испытать свою доблесть против их Хозяина.

Среди наиболее важных событий современности особое место занимает битва при Ватерлоо. Это кровопролитное столкновение наконец остановило поток безжалостных и хищнических амбиций французов, из-за которых было опустошено так много стран. С наступлением мира, который сразу же последовал за этим, в Европе было восстановлено доверие.

ГЛАВА X.

Интервью с Лаваллеттом—Разбирательство во Французской палате— Второе отречение Наполеона —Он удаляется в Рошфор, ведет переговоры с капитаном Мейтлендом и, наконец, садится на "Беллерофонт".

Одним из первых общественных деятелей, увидевших Наполеона после его возвращения из Ватерлоо, был Лаваллетт. "Я полетел, - говорит он, - в Елисейский дворец, чтобы повидаться с императором: он вызвал меня в свой кабинет и, как только увидел меня, вышел мне навстречу с ужасным эпилептическим смехом. "О, боже мой!" - сказал он, подняв глаза к небу и пройдясь два или три раза взад и вперед по комнате. Это проявление отчаяния было, однако, очень кратким. Вскоре к нему вернулось хладнокровие, и он спросил меня, что происходит в Палате представителей. Я не мог пытаться скрыть, что партийный дух там был доведен до предела и что большинство, казалось, было твердо намерено потребовать его отречения и объявить об этом сами, если он не уступит добровольно. "Как это?" - спросил он. "Если не будут приняты надлежащие меры, враг будет у ворот Парижа через восемь дней. Увы! - добавил он. - Неужели я приучил их к таким великим победам, что они не знали, как перенести одно несчастье? Что станет с бедной Францией? Я сделал для нее все, что мог! - Затем он глубоко вздохнул. Кто-то попросил разрешения поговорить с ним, и я оставил его, сказав, чтобы он вернулся позже.

"Я провел день в поисках информации среди всех своих друзей и знакомых. Я находил во всех них либо величайшее уныние, либо чрезмерную радость, которую они маскировали притворной тревогой и жалостью ко мне, которые я отвергал с большим негодованием. От Палаты представителей не следовало ожидать ничего благоприятного. Все они говорили, что желают свободы, но из-за двух врагов, которые, казалось, были готовы уничтожить ее, они предпочли иностранцев, друзей бурбонов, Наполеону, который мог бы еще продлить борьбу, но он один не нашел бы средств спасти их и воздвигнуть здание свободы. Палата пэров представляла собой гораздо более печальное зрелище. За исключением бесстрашного Тибодо, который до последнего момента с завидной энергией высказывался против бурбонов, почти все остальные не думали ни о чем другом, кроме как выйти из создавшегося положения с наименьшими потерями, какие только могли. Некоторые не прилагали усилий, чтобы скрыть свое желание снова согнуться под ярмом бурбонов".

Вечером по возвращении Наполеона в Париж он послал за Бенжаменом Константом, чтобы тот пришел к нему в Елисейский дворец около семи часов. Палаты провозгласили их постоянство, и предложения об отречении поступили императору. Он был серьезен, но спокоен. В ответ на несколько слов о катастрофе при Ватерлоо он сказал: "Этот вопрос касается больше не меня, а Франции. Они хотят, чтобы я отрекся от престола. Рассчитывали ли они на неизбежные последствия этого отречения? Армия сплачивается вокруг меня, вокруг моего имени: отделить меня от нее - значит распустить ее. Если я отрекусь от престола сегодня, через два дня у вас больше не будет армии. Эти бедолаги не понимают всех ваших тонкостей. Верят ли, что аксиомы метафизики, декларации правоты, разглагольствования с трибуны положат конец роспуску армии? Отвергнуть меня, когда я приземлился в Каннах, я могу себе представить возможным; бросить меня сейчас - вот чего я не понимаю. Когда враг находится на расстоянии двадцати пяти лиг, ни одно правительство не может быть свергнуто безнаказанно. Неужели кто-нибудь воображает, что иностранные державы будут покорены красивыми словами? Если бы они свергли меня с престола пятнадцать дней назад, в этом был бы какой-то дух; но как бы то ни было, я принимаю участие в том, на что нападают чужаки, значит, я принимаю участие в том, что Франция обязана защищать. Отказываясь от меня, она отказывается от себя, она признает свою слабость, она признает себя

побежденной, она льстит дерзости победителя. Меня низлагает не любовь к свободе, а Ватерлоо; это страх, и страхом этим воспользуются ваши враги. И тогда какое право имеет Палата требовать моего отречения? Поступая таким образом, он выходит за пределы своей законной сферы; у него нет полномочий. Это мое право, это мой долг - распустить его".

Затем он поспешно перебрал возможные последствия такого шага. Отделенный от Палат, он мог рассматриваться только как военный вождь; но армия была бы за него; она всегда была бы на стороне того, кто может повести ее против чужеземных знамен, и к этому можно было бы добавить всю ту часть населения, которая столь же могущественна и легко поддается руководству при таком положении вещей. Как будто случай хотел укрепить Наполеона в этом направлении мыслей, пока он говорил, проспект Мариньи огласился криками "Да здравствует Император!", толпа людей, в основном из бедняков и рабочего класса, устремилась вперед, полная дикого энтузиазма, и пыталась взобраться на стены, чтобы предложить Наполеону сплотиться и защитить его. Бонапарт некоторое время внимательно смотрел на эту группу. "Вы видите, что это так, - сказал он. - Это не те люди, которых я осыпал почестями и богатством. Чем эти люди обязаны мне? Я нашел их — я оставил их — бедными. Инстинкт необходимости просвещает их; голос страны говорит по месяцам; и если я захочу, если я позволю это, через час огнеупорные Камеры прекратят свое существование. Но жизнь человека не стоит покупать такой ценой: я вернулся с острова Эльба не для того, чтобы Париж был залит кровью: ему не понравилась идея бегства". "Почему бы мне не остаться здесь?" - повторил он. - Как ты думаешь, что они сделают с таким безоружным человеком, как я? Я поеду в Мальмезон: я смогу жить там на пенсии с друзьями, которые наверняка приедут повидаться со мной только ради меня самого".

Затем он с самодовольством и даже с какой-то веселостью описал этот новый вид жизни. Потом, отбросив мысль, которая звучала как простая ирония, он продолжил. - Если им не нравится, что я остаюсь во Франции, куда мне ехать? В Англию? Мое пребывание там было бы нелепым или вызывающим беспокойство. Я был бы спокоен; никто бы в это не поверил. Каждый туман подозревался бы в том, что он скрывает мою высадку на побережье. При первых признаках того, что кто-то в зеленом мундире выйдет из лодки, одна сторона улетит из Франции, другая выведет Францию из-под действия закона. Я должен был бы скомпрометировать всех и повторять: "Смотрите, он идет!" Я почувствовал бы искушение отправиться в путь. Америка была бы более подходящей; я мог бы жить там с достоинством. Но еще раз, чего тут бояться? Какой государь может, не причиняя себе вреда, преследовать меня? Одному я вернул половину его владений; как часто другой жал мне руку, называя меня великим человеком! А что касается третьего, может ли он находить удовольствие или честь в унижении своего зятя? Захотят ли они заявить перед лицом всего мира, что все, что они делали, было вызвано страхом? Что касается остального, я посмотрю: я не желаю применять открытую силу. Я пришел в надежде объединить наши последние ресурсы: они бросили меня; они делают это с той же легкостью, с какой приняли меня обратно. Что ж, тогда пусть они сотрут, если возможно, это двойное пятно слабости и легкомыслия! Пусть они прикроют его какой-нибудь жертвой, какой-нибудь славой! Пусть они сделают для страны то, чего не сделают для меня. Я сомневаюсь в этом. Сегодня те, кто выдает Бонапарта, говорят, что это делается для спасения Франции; завтра, выдав Францию, они докажут, что это было сделано для спасения их собственных голов".

Можно вкратце рассказать об унижительных сценах, быстро следовавших одна за другой и закончившихся безоговорочной капитуляцией Наполеона. Как только стало возможным после его прибытия в Париж, он собрал своих советников и заявил, что выступает за продолжение сопротивления. Вопрос, однако, заключался в том, поддержат ли его Палаты; и

Лафайет, будучи предательски проинформирован, как утверждает Фуше, о намерении распустить Палаты, использовал свое влияние, чтобы заставить палаты принять предложения, которые он им изложил. Этими действиями утверждалось, что независимость нации находится в опасности; заседания Палаты были объявлены постоянными, а все попытки ее распустить были объявлены государственной изменой. Предложения были приняты, и после того, как они были доведены до сведения Палаты пэров, этот орган также объявил себя постоянным. Каковы бы ни были намерения Бонапарта, теперь было очевидно, что больше не было никаких надежд на то, что он сможет сделать свою волю законом нации; поэтому после некоторых колебаний 22 июня он опубликовал следующую декларацию:

ЗА ФРАНЦУЗСКИЙ НАРОД,

ФРАНЦУЗЫ!— Начиная войну за сохранение национальной независимости, я полагался на объединение всех усилий, всех воль и согласие всех национальных властей. У меня были основания надеяться на успех, и я не обращал внимания на все заявления держав против меня. Мне кажется, обстоятельства изменились. Я приношу себя в жертву ненависти врагов Франции. Пусть они окажутся искренними в своих заявлениях и действительно направят их только против моей власти. Моя политическая жизнь окончена, и я провозглашаю своего сына под титулом:

НАПОЛЕОН II.,

ИМПЕРАТОР ФРАНЦИИ.

Нынешние министры временно сформируют Совет правительства. Интерес, который я проявляю к своему сыну, побуждает меня предложить Палатам без промедления сформировать Регентство на основании закона. Объединитесь все ради общественной безопасности, чтобы вы могли продолжать существовать как независимая нация.

(Подпись) НАПОЛЕОН.

Это заявление было доведено до сведения обеих палат, которые проголосовали за отправку депутации покойному императору, приняв это отречение, но в ходе их дебатов искусно избежали выдвижения кандидатуры его сына на престолонаследие. Палата представителей проголосовала за назначение Комиссии из пяти человек, трое из которых должны быть выбраны от этой Палаты и двое от Палаты пэров, с целью временного осуществления функций правительства, а также за то, чтобы министры продолжали выполнять свои соответствующие функции под руководством этой Комиссии. Лицами, выбранными Палатой представителей, были Карно, Фуше и Гренье, а пэрами - герцог Виченца (Коленкур) и барон Кинетт. Комиссия назначила пять человек в армию союзников с целью предложить мир. Однако решение победителей наступать на Париж придало этим процедурам мало значения.

Поведение Наполеона незадолго до и сразу после кризиса хорошо описано Лаваллеттом. "На следующий день, - отмечает он, - я вернулся к императору. Он получил самые позитивные отзывы о настроении в Палате представителей. Отчеты, однако, были переданы ему с некоторой сдержанностью, поскольку он, как мне показалось, не был убежден в том, что решение о его отречении действительно было принято, я был лучше информирован по этому вопросу и пришел к нему, не имея ни малейших сомнений в том, что единственное, что он мог сделать, это снова сойти с трона. Я сообщил ему все подробности, которые только что получил, и без колебаний посоветовал ему следовать единственно достойному для него пути. Он слушал меня с мрачным видом, и хотя он в какой-то мере владел собой, волнение его ума и осознание своего положения выдавали себя на его лице и во всех его движениях. "Я знаю, -

сказал я, - что ваше величество все еще может держать меч обнаженным, но с кем и против кого? Поражение охладило мужество каждого; армия все еще находится в величайшем замешательстве. От Парижа ничего нельзя ожидать, и государственный переворот 18 Брюмера не может быть возобновлен". — "Эта мысль, - ответил он, останавливаясь, - далека от моей головы. Я больше ничего не хочу слышать о себе. Но бедная Франция!" В этот момент вошли Савари и Коленкур и, верно изобразив раздражение депутатов, убедили его согласиться на отречение. Некоторые произнесенные им слова доказали нам, что он предпочел бы смерть этому шагу, но все же он решился.

"После совершения великого акта отречения он оставался спокойным в течение всего дня, давая свои советы о позиции, которую должна занять армия, и о том, каким образом следует вести переговоры с врагом. Он особенно настаивал на необходимости провозглашения своего сына императором, не столько ради блага ребенка, сколько с целью сосредоточения всей силы чувств и привязанностей. К сожалению, никто не захотел его слушать. Некоторые разумные и смелые люди, сплотившись, поддержали это предложение в обеих палатах, но страх сковал большинство; и среди тех, кто остался свободен от него, многие думали, что публичное провозглашение свободы и решимость защищать ее любой ценой заставят врага и бурбонов повернуть назад. Странная иллюзия слабости и недостатка опыта! Ее, однако, следует уважать, поскольку она имела своим источником любовь к своей стране; но, хотя мы извиняем это, можно ли это оправдать? Население столицы вернуло свой обычный вид, который заключался в полном безразличии, с решимостью кричать "Да здравствует король!" при условии, что король прибудет в хорошем сопровождении; ибо не следует судить обо всей столице по примерно одной тридцатой части жителей, которые призвали к оружию и горячо выступили против возвращения изгнанной семьи.

"23-го числа я вернулся в Елисейский дворец. Император два часа принимал ванну. Он сам перевел разговор на убежище, которое ему следовало бы выбрать, и заговорил о Соединенных Штатах. Я отверг эту идею без раздумий и с такой горячностью, которая удивила его. "Почему не в Америку?" - спросил он. Я ответил: "Потому что Моро ушел туда на пенсию". Замечание было резким, и я никогда бы не простил себе, что высказал его, если бы несколько дней спустя не отказался от своего совета. Он выслушал это без какого-либо явного недовольства, но я не сомневаюсь, что это произвело на него неблагоприятное впечатление. Я настоятельно настаивал на том, чтобы он выбрал Англию для получения убежища.

Император отправился в Мальмезон. Его сопровождали герцогиня де Сен-Ле, Бертран с семьей и герцог де Бассано. В тот день, когда он прибыл туда, он предложил мне сопровождать его за границу. Друо, - сказал он, - остается во Франции. Я вижу, военный министр желает, чтобы он не был потерян для своей страны. Я не смею жаловаться, но это большая потеря для меня; я никогда не встречал человека с лучшей головой или более честным сердцем. Этот человек был создан для того, чтобы стать премьер-министром где угодно. "В то время я отказался сопровождать его, сказав: "Моя жена в заключении; я не могу решиться оставить ее. Дайте мне немного времени, и я присоединюсь к вам, где бы вы ни были. Я оставался верен вашему величеству в лучшие времена, и вы можете рассчитывать на меня сейчас. Тем не менее, если бы моя жена не требовала всего моего внимания, мне было бы лучше поехать с вами, поскольку у меня есть печальные предчувствия относительно моей судьбы".

Император ничего не ответил, но по выражению его лица я понял, что он предвидел мою судьбу не лучше, чем я. Однако враг приближался, и в течение последних трех дней он обращался к Временному правительству с просьбой предоставить в его распоряжение

фрегат, на котором он мог бы отправиться в Америку. Ему это было обещано; на него даже настаивали, чтобы он отправился в путь; но он хотел вручить капитану приказ доставить его в Соединенные Штаты, и этот приказ не поступил. Мы все чувствовали, что задержка всего на один час может поставить под угрозу его свободу.

"После того, как мы обсудили эту тему между собой, я подошел к нему и решительно указал ему, насколько опасно было бы продлевать его пребывание. Он заметил, что не может уйти без приказа. "Тем не менее, уходите", - ответил я. Ваше присутствие на борту корабля все еще будет иметь большое влияние на французов; перережьте канаты, пообещайте деньги команде, и, если капитан будет сопротивляться, высадите его на берег и поднимите паруса. Я не сомневаюсь, что Фуше продал вас союзникам". — "Я тоже в это верю; но пойдите и сделайте последнюю попытку с морским министром". Я немедленно отправился к господину Декре. Он был в постели и слушал меня с безразличием, от которого у меня закипела кровь. Он сказал мне: "Я всего лишь министр. Поезжай к Фуше, поговори с правительством. Что касается меня, я ничего не могу поделать. Спокойной ночи. С этими словами он снова закутался в свои одеяла. Я оставил его; но мне не удалось поговорить ни с Фуше, ни с кем-либо еще. Было два часа ночи, когда я вернулся в Мальмезон; император был в постели. Меня впустили в его комнату, где я рассказал ему о результатах своей миссии и возобновил свои просьбы. Он выслушал меня, но ничего не ответил. Однако он встал и провел часть ночи, расхаживая взад и вперед по комнате.

Следующий день был последним в этой печальной драме. Император снова лег в постель и проспал несколько часов. Я вошел в его кабинет около двенадцати часов. "Если бы я знал, что вы здесь, - сказал он, - я бы вызвал вас". Затем он дал мне по вопросу, который интересовал его лично, некоторые инструкции, которые мне нет необходимости повторять. Вскоре после того, как я покинул его, полный тревоги за его судьбу, мое сердце было подавлено горем, но я все еще был далек от того, чтобы подозревать, до какой степени будут доведены как суровость судьбы, так и жестокость его врагов".

Все утро 29 июня большая дорога из Сен-Жермена оглашалась криками "Да здравствует Император!", исходившими от войск, проходивших под стенами Мальмезона. Около полудня прибыл генерал Беккер, посланный временным правительством. Он был назначен сопровождать Наполеона. Фуше знал, что у генерала Беккера были претензии к императору, и надеялся найти в нем добровольного посредника. Он был сильно обманут, поскольку генерал оказывал императору уважение, высоко ценимое за его честь. Время поджимало. Император в момент отъезда лично через генерала Беккера направил временному правительству послание, в котором предлагал выступить в качестве частного лица во главе войск. Он пообещал дать отпор Блюхеру, а затем продолжить свой путь. После отказа Временного правительства он покинул Мальмезон 29-го. Наполеон и часть его свиты отправились по дороге в Рошфор. 29 июня он ночевал в Рамбуйе, 30-го - в Туре, 1 июля прибыл в Ниор, а 3-го достиг Рошфора, на западном побережье Франции, с намерением бежать в Америку; но все западное побережье находилось под таким бдительным наблюдением британских военных кораблей, что после различных планов и ухищрений он был вынужден в отчаянии отказаться от этой попытки. Его поселили в доме префекта, на балконе которого он время от времени появлялся, чтобы отвечать на одобрительные возгласы народа.

Во время своего пребывания здесь французский морской офицер, командовавший датским торговым судном, щедро предложил некоторым приверженцам Наполеона помочь ему бежать. Он предложил встретиться с Наполеоном в одиночку и обязался скрыть свою личность настолько эффективно, чтобы она не поддавалась самому строгому контролю, и

предложил немедленно отплыть в Соединенные Штаты Америки. Он не требовал никакой другой компенсации, кроме небольшой суммы, чтобы возместить владельцам его корабля убытки, которые могло нанести им это предприятие. Бертран согласился на определенные условия.

Вечером 8 июля Наполеон достиг Фураса, повсюду получая свидетельства о своей привязанности. Он проследовал на борт "Заале", одного из двух фрегатов, назначенных Временным правительством для доставки его в Соединенные Штаты, и в ту ночь проспал на борту. На следующее утро очень рано он посетил укрепления этого места и вернулся на фрегат к обеду. Вечером 9 июля он отправил графа Лас Касеса и герцога Ровиго к командующему английской эскадрой с целью выяснить, получены ли паспорта, обещанные Временным правительством, которые позволяют ему отправиться в Америку. Был дан отрицательный ответ; в то же время было указано, что император подвергнется нападению английской эскадры, если попытается плыть под флагом перемирия, и было намекнуто, что каждое нейтральное судно будет осмотрено и, вероятно, отправлено в английский порт. Лас Кейсес утверждает, что капитан Мейтленд порекомендовал Наполеону отправиться в Англию, заверив его, что там он не столкнется с жестоким обращением. Затем английский корабль "Беллерофонт" бросил якорь на баскском рейде, в пределах видимости французских военных кораблей. Поскольку побережье, как мы уже говорили, было полностью блокировано английской эскадрой, император пребывал в нерешительности относительно курса, которым ему следует следовать. Были предложены нейтральные суда и "шассе-маре", укомплектованные молодыми морскими офицерами, и разработано множество других планов.

Наполеон высадился 12-го числа на острове Экс под одобрительные возгласы, раздававшиеся со всех сторон. Он покинул фрегаты, потому что они отказались выходить в море либо из-за слабых характеристик коменданта, либо вследствие получения им новых приказов от Временного правительства. Многие думали, что это предприятие может быть предпринято с некоторой вероятностью успеха; однако ветер постоянно дул не в ту сторону.

Лас Кейсес вернулся на "Беллерофонт" 14-го в четыре часа утра, чтобы узнать, был ли получен какой-либо ответ на сообщение Наполеона. Капитан Мейтленд заявил, что ожидает получить его с минуты на минуту, и добавил, что, если император затем отправится в Англию, он уполномочен доставить его туда. Более того, он добавил, что, по его собственному мнению, и с ним согласились многие другие присутствующие офицеры, он не сомневается, что к Наполеону в Англии будут относиться со всем возможным вниманием и уважением; что в Англии ни король, ни министры не пользовались такой произвольной властью, как на Континенте; что англичане действительно обладали благородством чувств и свободой мнений, превосходящих даже королевские. Лас Касес ответил, что он ознакомит Наполеона с предложением капитана Мейтленда, и добавил, что, по его мнению, император без колебаний отправится в Англию, чтобы иметь возможность продолжить свое путешествие в Соединенные Штаты. Он описал Францию, расположенную к югу от Луары, как охваченную волнением, надежды народа возлагались на Наполеона до тех пор, пока он был здесь; предложения, которые ему делали повсюду и в каждый момент; его твердую решимость не становиться предлогом для гражданской войны; великодушие, которое он проявил, отрекшись от престола, чтобы сделать заключение мира более осуществимым; и его твердую решимость отправиться в изгнание, чтобы сделать этот мир более быстрым и прочным.

Гонцы вернулись к своему Хозяину, который после некоторых сомнений отправил генерала Гурго со следующим хорошо известным письмом принцу-регенту:

РОШФОР, 13 июля 1815 года.

КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, став жертвой фракций, разделяющих мою страну, и враждебности величайших держав Европы, я завершаю свою политическую карьеру и, подобно Фемистоклу, приезжаю, чтобы разделить гостеприимство британского народа. Я ставлю себя под защиту их законов и требую этого от вашего королевского высочества как от самого могущественного, самого постоянного и самого великодушного из моих врагов.

(Подпись) НАПОЛЕОН.

Около четырех часов пополудни Лас Касес и Сэйвори вернулись на "Беллерофонт", где у них состоялся долгий разговор с капитаном Мейтлендом в присутствии капитанов Сарториуса и Гэмблера, которые оба заявляют, что Мейтленд неоднократно предупреждал сторонников Наполеона, чтобы они не допускали даже малейшей мысли о том, что он может предложить их Хозяину какие-либо обязательства, кроме простого заверения, что он доставит его в безопасности на английское побережье, где тот будет ожидать решения британского правительства.

Наполеон начал готовиться к отправке еще до рассвета 15-го числа. Пришло время ему это сделать, поскольку в Рошфор уже прибыл гонец с приказом арестовать его от нового правительства. Выполнение этого приказа было отложено генералом Беккером на несколько часов, чтобы дать Наполеону достаточно времени для побега. На рассвете он покинул "Эпервье", и команда корабля восторженно приветствовала его, пока лодка была в пределах слышимости. Вскоре после шести его приняли на борту "Беллерофонта" в почтительном молчании, но без тех почестей, которые обычно оказывают лицам высокого ранга. Бонапарт был одет в форму "кавалерийских егерей" Императорской гвардии и носил Большой крест Почетного легиона.

Войдя на судно, он снял шляпу и, обращаясь к капитану Мейтленду, сказал: "Я прибыл, чтобы вверить себя защите законов Англии". Манеры Наполеона были хорошо рассчитаны, чтобы произвести благоприятное впечатление на тех, с кем он беседовал. Он попросил представить его офицерам корабля и задал каждому различные вопросы. Затем он обошел корабль, хотя ему сообщили, что матросы занимались уборкой, и отметил все, что показалось ему отличающимся от того, что он видел на французских судах. Опрятный вид мужчин удивил его. "Затем он заметил, - рассказывает капитан Мейтленд, к чьему интересному повествованию мы отсылаем, - "Я не вижу достаточной причины, по которой ваши корабли могли бы с такой легкостью побеждать французские. Лучшие военные корабли на вашей службе - французы; французский корабль тяжелее во всех отношениях, чем один из ваших; на нем больше пушек, и эти пушки большего калибра, и на нем гораздо больше людей ". Его подробные расспросы доказали, что он уделял большое внимание французскому флоту.

В первое утро Наполеон позавтракал на английский манер, но, заметив, что его выдающийся пленник ел мало, капитан Мейтленд распорядился, чтобы на будущее горячий завтрак подавался на французский манер. "Суперб", адмиральский корабль, который видели утром, теперь приближался. Сразу же после постановки судна на якорь капитан Мейтленд поднялся на борт, чтобы дать отчет обо всем, что произошло, и получил одобрение адмирала за то, что он сделал. Во второй половине дня адмирал сэр Генри Хотэм был представлен Наполеону и приглашен им на ужин. Это было устроено, чтобы сделать его более приятным для

Наполеона, метрдотелем Бонапарта. Когда было объявлено об обеде, Наполеон прошел первым и сел в центре с одной стороны стола, предложив сэру Генри Хотэму занять место справа от него, а мадам Бертран - по левую руку. В этот день капитан Мейтленд занял свое место в конце стола, но на следующий день, по просьбе Наполеона, он занял место по правую руку от него, в то время как генерал Бертран занял первое место. Двое офицеров корабля ежедневно обедали с императором по специальному приглашению. Беседа Наполеона была оживленной. Он навел множество справок о семье и связях капитана Мейтленда и, упомянув лорда Лодердейла, который был направлен послом в Париж во время правления мистера Фокса, сделал этому аристократу несколько комплиментов и сказал о тогдашнем премьер-министре: "Если бы мистер Фокс был жив, до этого никогда бы не дошло; но его смерть положила конец всем надеждам на мир".

Однажды он приказал выставить свою походную кровать на обозрение английских офицеров. В двух небольших кожаных свертках лежало ложе некогда могущественного правителя Континента. Стальная кровать, которая в сложенном виде имела всего два фута в длину и восемнадцать дюймов в ширину, занимала один шкаф, в то время как в другом находились матрас и занавески. Все это было приготовлено таким образом, что было готово к употреблению через три минуты.

Наполеон высоко оценил морскую пехоту, несущую службу на "Беллерофонте", и, проходя через их ряды, воскликнул, обращаясь к Бертрану: "Как много можно было бы сделать с сотней тысяч таких солдат, как эти!" Обучая их упражнениям, он обратил внимание на контраст между атакой штыком, применяемой англичанами и французами, и заметил, что английский метод крепления штыка был ошибочным, поскольку в ближнем бою его можно было легко открутить. Посетив флагманский корабль адмирала Хотэма "Суперб", он проявил то же живое любопытство, что и в предыдущих случаях, и так же тщательно расспрашивал обо всем, что его окружало. Во время завтрака один из приближенных Наполеона, полковник Планат, был очень тронут и даже заплакал, став свидетелем унижения своего Господина.

По возвращении Бонапарта с "Суперба" на "Беллерофонт" последний корабль прошел погрузку и отплыл в Англию. Проходя на расстоянии кабельтова от "Превосходного", Наполеон спросил капитана Мейтленда, считает ли он это расстояние достаточным для боевых действий. Ответ английского офицера был характерен; он сказал императору, что половина дистанции или даже меньше подошла бы гораздо лучше. Говоря о сэре Сиднее Смите, Бонапарт повторил анекдот, связанный с его ссорой в Сен-Жан-д'Акре с этим офицером, который уже был рассказан в одном из примечаний ранее в этих томах. Похлопав капитана Мейтленда по плечу, он заметил, что, если бы не английский флот, он был бы императором Востока, но, куда бы он ни пошел, на пути у него обязательно стояли английские корабли.

"Беллерофонт" с Бонапартом на борту увидел побережье Англии в воскресенье, 23 июля 1815 года, а на рассвете 24-го судно приблизилось к Дартмуту. Не успел корабль бросить якорь, как капитану Мейтленду был доставлен приказ от Лорал Кейт, выдержкой из которого является следующее:

Выдержка из приказа адмирала виконта Кейта, Г. К. Б., адресованного капитану Мейтленду с корабля Его величества "Беллерофонт", датированного Виль де Пари, Амоаз, 23 июля 1815 г. Капитан Сарториус с корабля Его Величества "Слэни" доставил мне вчера вечером, в одиннадцать часов, вашу депешу от 14-го числа, уведомляющую меня о том, что Бонапарт предложил подняться на борт корабля, которым вы командуете, и что вы согласились на это с намерением проследовать в Торбей, где ожидать дальнейших распоряжений. Я, не теряя времени, переслал

ваше письмо через капитана Сарториуса лордам-комиссарам Адмиралтейства, чтобы их светлости могли через него ознакомиться со всеми обстоятельствами, имевшими место по случаю столь большой важности; и вы можете ожидать от их светлостей дальнейших указаний для вас. Вы должны оставаться в Торбее до получения таких приказов; а тем временем, в дополнение к указаниям, уже имеющимся в вашем распоряжении, вам самым решительным образом приказано не допускать ни одного человека на борт корабля, которым вы командуете, за исключением офицеров и матросов, составляющих его команду; и ни одному человеку, находящемуся на службе Его Величества или нет, который не принадлежит кораблю, не разрешается подниматься на борт ни с целью посещения офицеров, ни под каким бы то ни было предлогом, без специального разрешения либо лордов-комиссаров Адмиралтейства, либо от меня. Как я понял от капитана Сарториуса, генерал Гурго отказался передать письмо, которое ему было поручено передать принцу-регенту, кому бы то ни было, кроме Его Королевского Высочества, вы должны забрать его со "Слэни" на корабль, которым вы командуете, пока не получите указаний от Адмиралтейства по этому поводу, и приказать этому кораблю вернуться в Плимутский пролив, когда капитан Сарториус вернется из Лондона.

Примерно в это же время в некоторых английских газетах было заявлено, что остров Святой Елены станет местом ссылки бывшего императора, голое сообщение о чем, очевидно, причинило сильную боль Наполеону и его свите. Генерал Гурго был вынужден вернуться на "Беллерофонт", поскольку ему не разрешили сойти на берег, чтобы доставить письмо от Бонапарта принцу-регенту, которое ему было доверено. Корабль, на борту которого находился современный Александр, вскоре стал естественным объектом притяжения для всей округи, и его постоянно окружали толпы лодок. Наполеон часто показывался людям с берега, чтобы удовлетворить их любопытство. 25 июля число сторожевых катеров, окружавших судно, было значительно увеличено, и тревога пленников усилилась по мере того, как распространился слух о намерении переправить Бонапарта на остров Святой Елены.

В разговоре с капитаном Мейтлендом Наполеон, который, по-видимому, знал, что английские рыбаки объединили занятие контрабандой со своим обычным ремеслом, заявил, что многие из них были подкуплены им и помогли бежать французским военнопленным. Они даже предлагали передать Людовика XVIII в его власть, но так как они не отвечали за сохранность его жизни, Наполеон отклонил это предложение. После прибытия депеш из Лондона 26 июля "Беллерофонт" был переведен в Плимутский залив. Это движение еще больше привело в замешательство бывшего императора и его сторонников. Проходя мимо волнореза, Бонапарт не смог сдержать своего восхищения этой работой, которую он считал в высшей степени достойной общественного духа нации, и, упомянув о своих собственных усовершенствованиях в Шербуре, выразил опасения, что теперь они придут в упадок.

Лорд Кит приказал капитану Мейтленду проявлять максимальную бдительность, чтобы предотвратить побег его пленников, и с этой целью ни одной лодке не разрешалось приближаться к "Беллерофонту"; "Лиффи" и "Евротас" было приказано встать на якорную стоянку с каждой стороны корабля, а ночью были приняты дополнительные меры предосторожности.

27 июля капитан Мейтленд отправился к лорду Кейту, захватив с собой оригинал письма Бонапарта принцу-регенту, которое, поскольку генералу Гурго не разрешили доставить лично, Наполеон теперь пожелал передать через руки адмирала. Поскольку лорд Кейт

теперь получил инструкции от своего правительства относительно того, как следует обращаться с Наполеоном, он, не теряя времени, засвидетельствовал свое почтение павшему вождю.

31 июля поступил с нетерпением ожидаемый приказ английского правительства. В этом документе, в котором бывший император именовался "генералом Бонапартом", сообщалось, что он должен быть сослан на остров Святой Елены, место, которого он и его преданные сторонники больше всего боялись. Более того, было оговорено, что ему может быть разрешено взять с собой трех офицеров, своего врача и двенадцать слуг. Его собственному выбору был предоставлен выбор этих последователей, за исключением, однако, Савари и Лальманда, которым ни в коем случае нельзя было позволять в дальнейшем разделять его судьбу. Этот запрет вызвал серьезную тревогу у тех лиц, которые стали чрезмерно беспокоиться о том, как распорядиться ими в будущем, и заявили, что предать их мести бурбонов было бы нарушением веры и чести.

Сам Наполеон горько жаловался на свое предназначение и говорил: "Мысль об этом ужасна для меня. Быть помещенным на всю жизнь на остров в тропиках, на огромном расстоянии от любой суши, отрезанным от всякой связи с миром и от всего, что мне в нем дорого!—c'est pis que la cage de fer de Tamerlan. Я бы предпочел, чтобы меня выдали бурбонам. Среди прочих оскорблений, — сказал он, — но это всего лишь пустяк, очень второстепенное соображение — они называют меня Генералом! Они не могут иметь права называть меня генералом; с таким же успехом они могут называть меня "Архиепископом", потому что я был Главой как Церкви, так и Армии. Если они не признают меня императором, они должны признать меня первым советником; они направили ко мне послов в качестве таковых; и ваш король в своих письмах называл меня "Братом". Если бы они заключили меня в Лондонский Тауэр или одну из крепостей Англии (хотя и не то, на что я надеялся благодаря великодушию английского народа), у меня не было бы столько причин жаловаться; но сослать меня на остров в тропиках! С таким же успехом они могли бы сразу подписать мне смертный приговор, потому что человек с моим телосложением не может долго прожить в таком климате.

Высказавшись таким образом, он написал второе письмо принцу-регенту, которое было переслано через лорда Кита. Генералы Монтолон и Гурго придерживались мнения, что Бонапарт скорее покончит с собой, чем отправится на остров Святой Елены. Эта идея возникла из-за того, что кто-то слышал, как он решительно воскликнул: "Я не поеду на остров Святой Елены!" Генералы, действительно, заявили, что если бы он дал свое собственное согласие на такую ссылку, они сами помешали бы ему. Вследствие этой угрозы лорд Кит поручил капитану Мейтленду сказать этим джентльменам, что, поскольку английский закон присуждает убийц к смертной казни, преступление, которое они замыслили, неизбежно приведет их к виселице.

Рано утром 4 августа "Беллерофону" было приказано в любой момент быть готовым к выходу в море. Причина этого заключалась в обстоятельстве, которое бросается в глаза среди многих примечательных инцидентов, которыми характеризовалось прибытие Бонапарта к английскому побережью. До лорда Кита дошел слух, что был обеспечен "хабеас корпус" с целью освобождения Наполеона из-под стражи, в которой он тогда находился. Это, однако, оказалось повесткой для Бонапарта в качестве свидетеля на процессе в Суде королевской скамьи; и действительно, человек пытался попасть на борт "Беллерофонта", чтобы вручить документ; но его намерению помешали; хотя, если бы ему это удалось, повестка в суд в ситуации, в которой тогда находился бывший император, была бы бесполезной.

5-го числа капитан Мейтленд, будучи вызван на флагманский корабль "Лорд Кейт", сообщил генералу Бертрану, что он передаст адмиралу все, что Бонапарт (который выразил настоящее желание видеть его светлость), возможно, пожелает сказать ему. Бертран попросил капитана отложить его отъезд до завершения подготовки документа: "ПРОТЕСТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОКОЙНОГО ИМПЕРАТОРА ФРАНЦИИ и Т.Д."

Капитан Мейтленд отрицал, что какая-либо ловушка была расставлена для Бонапарта либо им самим, либо английским правительством, и заявил, что меры предосторожности для предотвращения побега Наполеона из Рошфора были приняты настолько тщательно, что избежать их было невозможно; и что беглец был вынужден сдаться английскому кораблю.

7 августа Бонапарт со свитой, которую он выбрал, был переведен с "Беллерофонта" на "Нортумберленд". Баржа лорда Кита была подготовлена для его перевозки на последнее судно, и его светлость присутствовал при этом событии. Была выставлена гвардия капитана, и когда Наполеон покидал "Беллерофонт", морские пехотинцы предъявили оружие, и, как обычно, в барабан забили, приветствуя генерала. Когда он прибыл на борт "Нортумберленда", эскадра была перегружена, и Наполеон отплыл к месту своего последнего изгнания и могилы.

—[Продолжение путешествия Наполеона см. в главе XIII.]—

ГЛАВА XI.

1815.

Мой отъезд из Гамбурга—Король в Сен—Дени—Фуше назначен министром полиции—Задержка въезда короля в Париж— Последствия этой задержки—Назначение Фуше герцогом Веллингтоном—Невозможность возобновить мою работу после—Высказывания Фуше по отношению к бурбонам—Его знаменитая приписка—Характер Фуше—Дискуссия о двух кокардах—Проявления общественной радости, подавленные Фуше—Состав нового министерства— Любезное внимание Блюхера—Англичане в Сен—Клу—Блюхер в кабинете Наполеона—Мой пленник стань моим защитником—Блюхер и собака трактирщика—Брачный контракт моей дочери—Строгий этикет—Мое назначение президентом коллегии выборщиков Йонны—Моя беседа с Фуше—Моя аудиенция у короля—Его Величество ознакомился с моим разговором с Фуше—Немилость герцога Отранто—Карно, обманутый Бонапартом—Мое избрание депутатом—Мой коллега месье Раудо—Мое возвращение в Париж—Сожаление, вызванное жертвой Нея—Благородное поведение Макдональда—Поездка с Раппом в Булонский лес де Булонь—Беседа Раппа с Бонапартом в 1815 году—Герцог де Берри и Рапп—Мое назначение на пост государственного министра—Мое имя начертано рукой Людовика XVIII.- Заключение.

Теперь исполнение моего предсказания было близко, ибо результат битвы при Ватерлоо позволил Людовику XVIII. вернуться в свои владения. Как только я услышал об отъезде короля из Гента, я покинул Гамбург и отправился в путь со всей возможной поспешностью в надежде добраться до Парижа вовремя, чтобы стать свидетелем въезда его Величества. Я прибыл в Сен-Дени 7 июля и, несмотря на развернувшиеся интриги, застал огромное количество людей, собравшихся для встречи с королем. Действительно, дом был так переполнен, что мне с величайшим трудом удалось раздобыть хотя бы маленькую мансарду для своего жилья.

Надев форму капитана Национальной гвардии, я немедленно отправился в королевский дворец. Салон был заполнен дамами и джентльменами, пришедшими поздравить короля с его возвращением. В Сен-Дени я нашел свою семью, которая, не зная, что я уехал из Гамбурга, была очень удивлена, увидев меня.

Они сообщили мне, что все парижане с нетерпением ждут возвращения короля — факт, о котором я мог судить по противодействию свободному выражению общественных чувств. Париж был объявлен на положении блокады, ворота были закрыты, и никому не разрешалось покидать столицу, особенно из-за барьера ла Шапель. Верно, что специальное разрешение могло быть получено, и с приемлемой легкостью, теми, кто желал покинуть город; но формы, которые необходимо было соблюдать при получении разрешения, удерживали массу людей от проезда в Сен-Дени, что, собственно, и было единственной целью постановления. Поскольку было решено навязать королю Фуше и трехцветную кокарду, было сочтено необходимым держать подальше от его Величества всех, кто мог бы убедить его сопротивляться предложенным мерам. Мадам де Bourrienne сказал мне, что от ее приезда в Сен-Дени она призвала М. Оттенон и М. Лефевр, врач короля, который и познакомил ее с тех роковых решений. Эти джентльмены, однако, заверили ее, что король решительно выступит против трехцветной кокарды, но выдвижение зловещего человека казалось неизбежным.

Фуше, министр полиции! Если бы я, подобно Дону Хуану, увидел движение статуи, я не был бы так ошеломлен, как когда услышал эту новость. Я не мог поверить в это, пока мне не повторили это разные люди. В самом деле, как я мог подумать, что в момент реакции король доверил бы самый важный министерский департамент человеку, аресту которого он сто дней назад придавал такое большое значение? к тому же человеку, которого Бонапарт назначил в Лионе на ту же должность! Это было немыслимо! Таким образом, менее чем за двадцать четыре часа одному и тому же человеку было поручено осуществить меры, самые противоположные друг другу, и служить интересам, самым противоречивым. Однажды он был министром узурпации, а на следующий день министром легитимности! Как я могу выразить, что я почувствовал, когда Фуше принес присягу на верность Людовику XVIII? когда я увидел, как король сжимает в своих руках руки Фуше! Я стоял рядом с месье де Шатобрианом, чьи чувства, должно быть, были схожи с моими, если судить по отрывку из его замечательного произведения "Монархия за пределами Хартии". "Около девяти вечера, - говорит он, - я был в одной из королевских прихожих. Внезапно дверь открылась, и я увидел, что входит Председатель Совета, опираясь на руку нового министра. О, Луи-ле-Дезире! О, мой несчастный хозяин! вы доказали, что нет такой жертвы, которую ваш народ не мог бы ожидать от вашего отеческого сердца!"

Фуше был полон решимости добиться своей реставрации так же, как и г-н де Талейран, который получил ее годом ранее; поэтому он ухитрился отсрочить въезд короля в Париж на четыре дня. Благоразумные члены Палаты пэров, которые не принимали участия в правительстве короля в 1814 году, были первыми, кто заявил, что в интересах Франции

ускорить въезд его Величества в Париж, чтобы помешать иностранцам воспользоваться своего рода правом завоевания в городе, который был жертвой гражданских разногласий и партийного влияния. Блюхер сообщил мне, что способ, которым Фуше ухитрился отсрочить возвращение короля, в значительной степени способствовал притязаниям иностранцев, которые, по его признанию, были очень рады видеть, что население Парижа разделилось во мнениях, и слышать тревожные крики, поднятые союзниками из предместий, когда король уже был в Сен-Дени.

Я точно знаю, что Людовик XVIII. не желал иметь ничего общего с Фуше и с негодованием отказался назначить его, когда его впервые предложили. Но он так благородно служил Бонапарту в течение Ста Дней, что было необходимо вознаградить его. Кроме того, Фуше заручился поддержкой влиятельной партии среди эмигрантов Сен-Жерменского предместья и обладал искусством быть незаменимым. Я слышал, как многие честные люди очень серьезно говорили, что именно ему было поручено спокойствие Парижа. Более того, Веллингтон был человеком, под влиянием которого, в частности, Фуше стал одним из советников короля. После всех льгот, которые оказали нам иностранцы, Фуше действительно был приемлемым подарком Франции и королю.

Я знал о влиянии герцога Веллингтона на дела второй Реставрации, но долгое время отказывался верить, что его влияние могло перевесить все серьезные соображения, выступавшие против такой совершенной аномалии, как назначение Фуше министром Бурбонов. Но я был обманут. Франция и король были обязаны ему введением Фуше в Совет, и я должен был поблагодарить его за невозможность возобновить ситуацию, от которой я отказался с целью последовать за королем в Бельгию. Мог ли я быть префектом полиции при министре, которого незадолго до этого я получил приказ арестовать, но который ускользнул от моих агентов? Это было невозможно. Король не мог предложить мне место префекта при Фуше, а если бы и предложил, я бы не смог его принять. Следовательно, я был прав, не полагаясь на данные мне заверения; но я признаю, что если бы мне сказали угадать причину, по которой они не могли быть реализованы, я бы никогда не подумал, что причиной могло быть назначение Фуше министром короля Франции. Поэтому поначалу обо мне, конечно, совершенно забыли, как это принято при дворах, когда верный подданный воздерживается от участия в сиюминутных интригах.

Я уже неоднократно высказывал свое мнение о мнимом таланте Фуше; но признание того, что его талант был столь велик, как предполагалось, было бы дополнительной причиной не доверять ему главную полицию королевства. Его принципы и поведение были уже достаточно известны. Никто не мог не знать, каких выражений он придерживался в отношении бурбонов и которыми он так же свободно пользовался после того, как стал министром Людовика XVIII. как тогда, когда он был министром Бонапарта. Всем было известно, что в его разговорах бурбоны были постоянной мишенью для его сарказмов, что он никогда не упоминал о них иначе, как с пренебрежением, и что он представлял их недостойными управлять Францией. Все, должно быть, знали, что Фуше в глубине души выступал за Республику, где ему могла бы быть отведена роль президента. Мог ли кто-нибудь забыть знаменитую приписку, которую он приложил к письму, написанному им из Лиона своему достойному другу Робеспьеру: "Чтобы достойно отметить праздник Республики, я приказал расстрелять 250 человек"? И на этого человека, самого яростного врага реставрации монархии, была возложена задача укрепить ее во второй раз! Но для описания этого нового Руфина потребовался бы другой Клавдиан!

Фуше никогда не рассматривал выгоду ни в каком ином свете, кроме как как средство причинить вред своему благодетелю. Король, обманутый, как и многие другие люди,

репутацией, которую создали ему сторонники Фуше, конечно, не знал, что Фуше всегда исполнял функции министра в своих собственных интересах, и никогда в интересах правительства, которое имело слабость доверить ему власть, всегда опасную в его руках. У Фуше были свои взгляды, но он не принадлежал ни к какой партии, и его политический успех объясняется готовностью, с которой он всегда служил партии, которая, как он знал, должна была восторжествовать и которую он сам, в свою очередь, сверг. Он сохранял свою популярность со времен крови и террора до счастливого времени второй Реставрации только тем, что бросал и приносил в жертву тех, кто был к нему привязан; и можно сказать, что его главной страстью было желание постоянных перемен. Ни один человек никогда не отличался большим легкомыслием или непостоянством ума. Во всем он рассчитывал только на себя, и этому эгоизму он приносил в жертву как подданных, так и правительства. Таковы были тайные причины власти, которой пользовался Фуше во время Конвента, Директории, Империи, Узурпации и после второго возвращения бурбонов. Он помогал основывать и уничтожать каждое из этих сменявших друг друга правительств. Характер Фуше совершенно уникален. Я не знаю другого человека, который, обремененный почестями и почти избежавший позора, прошел через столько насыщенных событиями периодов и принял участие в стольких потрясениях и революциях.

7 июля королю сообщили, что только Фуше может расчистить путь для его въезда в Париж, что только он может открыть ворота столицы и что только он обладает властью контролировать общественное мнение. Прием, оказанный королю на следующий день, предоставил возможность оценить истинность этих утверждений. Присутствие короля стало сигналом к чувству согласия, которое проявилось самым решительным образом. Я видел на бульварах, часто в компании друг с другом, людей, некоторые из которых вернули себе белую кокарду, в то время как другие все еще сохраняли национальные цвета, и гармония ни в малейшей степени не нарушалась этими различными значками.

Вернувшись к частной жизни исключительно благодаря присутствию Фуше в Министерстве, я поддался тому утешению, которое всегда остается недовольным. Я наблюдал за экстравагантностью и непоследовательностью, которые происходили вокруг меня, и за новыми безумствами, которые совершались каждый день; и должен признаться, что моему наблюдению представилась богатая и разнообразная картина. Король не вернул г-на де Блакаса. Его величество последовал благоразумному совету и по прибытии в Монс отправил незадачливого министра своим послом в Неаполь. Говорили о мести, и были некоторые люди, достаточно невнимательные, чтобы пожелать воспользоваться присутствием иностранцев для того, чтобы осуществить то, что они называли "концом Революции", как будто существовали какие-либо другие средства достижения этой цели, кроме откровенного принятия всего того хорошего, что произвела Революция. Иностранцы с удовлетворением наблюдали за нравом этих поверхностных людей, который, по их мнению, можно было обратить в их собственную пользу. Правда в том, что при второй Реставрации наши мнимые союзники оказались нашими врагами.

Если бы не они, если бы не их дурное поведение, их ненасытные требования, если бы не унижение, которое испытывали при виде иностранных пушек, установленных на улицах Парижа и под самыми окнами Дворца, дни, последовавшие за 8 июля, могли бы рассматриваться королевской семьей как сезон празднеств. Каждый день люди толпились в саду Тюильри и выражали свою радость пением и танцами под окнами короля.

Этот всплеск чувств, возможно, можно было бы счесть абсурдным, но он, по крайней мере, свидетельствовал об удовольствии, вызванном возвращением бурбонов.

Это проявление радости многими лицами обоего пола, большинство из которых принадлежали к лучшим слоям общества, вызвало недовольство Фуше, и он решил положить этому конец. Были наняты негодяи, которые смешивались с толпой и брызгали едкими жидкостями на платья женщин, некоторым из них даже было поручено совершать непристойные поступки, так что все респектабельные люди были изгнаны из садов из-за страха быть ранеными или оскорбленными: поскольку желалось вызвать волнение на глазах у короля и заставить его усомниться в реальности чувств, столь открыто выражаемых в его пользу, агенты полиции смешивали крик "Да здравствует Император!" с криком "Да здравствует король!", и это случалось чаще, чем когда-либо. Однажды печально известные агенты Фуше арестовали самых респектабельных людей и обвинили их в том, что они произносили мятежные крики. Один мой друг, чьи роялистские взгляды были хорошо известны и чей отец был убит во время революции, рассказал мне, что, прогуливаясь с двумя дамами, он услышал, как какие-то люди рядом с ним кричали "Да здравствует Император!" Это вызвало большой переполох. Часовой приблизился к месту происшествия, и сами эти люди имели наглость обвинить моего друга в том, что он виновен в издании оскорбительного крика. Напрасно свидетели утверждали ложность обвинения; его схватили и потащили на гауптвахту, и после нескольких часов содержания под стражей он был освобожден по ходатайству своих друзей. Благодаря таким жалким маневрам Фуше одержал победу. Он ухитрился заставить всех поверить, что он единственный человек, способный предотвратить беспорядки, единственным виновником которых он сам был: он взял под свой контроль полицию Тюильри. Пение и танцы прекратились, и Дворец погрузился в уныние.

Пока король находился в Сен-Дени, он вернул генералу Десолу командование Национальной гвардией. Генерал приказал немедленно открыть заграждения. В день своего прибытия в Париж король принципиально постановил, что трон должен быть окружен Тайным советом, членами которого должны были быть принцы и лица, которых его Величество мог бы назначить в будущем. Затем король назвал свое новое министерство, которое было составлено таким образом:

Принц Талейран, пэр Франции, председатель Совета министров и государственный секретарь иностранных дел.

Барон Луи, министр финансов.

Герцог Отранто, министр полиции.

Барон Паскье, министр юстиции и хранитель печати.

Маршал Гувийон Сен-Сир, военный министр.

Граф де Жокур, пэр Франции, морской министр.

Герцог де Ришелье, пэр Франции, министр королевского двора.

Портфель министра внутренних дел, от которого не сразу избавились, был временно передан министру юстиции. Но что больше всего порадовало общественность в составе этого нового министерства, так это то, что г-н де Блакас, ставший для всех таким ненавистным, был заменен г-ном де Ришелье, чье имя воскресло память о великом министре и который своим превосходным поведением на протяжении всей своей карьеры заслуживает того, чтобы его считали образцом чести и мудрости.

Было выражено общее удовлетворение назначением маршала Макдональда на должность великого канцлера ордена Почетного легиона вместо М. де Прадта. М. де Шаброль

восстановил префектуру Сены, которую в течение Ста дней занимал М. де Бонди, М. де Моле был назначен генеральным директором мостов и дамб. В префектуре полиции меня сменил г-н Деказ, а г-н Бенью сменил г-на Феррана на посту генерального директора Почтового отделения.

Я думаю, что именно 10 июля я отправился в Сен-Клу, чтобы нанести визит в знак благодарности Блюхеру. Мне сообщили, что, как только он узнал, что у меня есть дом в Сент-Клауде, он послал охранника охранять его. Этот спонтанный знак внимания вполне заслуживал благодарности, особенно в то время, когда было так много причин жаловаться на грабежи, практикуемые пруссаками. Мой визит к Блюхеру представил наблюдателям поразительный пример неустойчивости человеческого величия. Я нашел Блюхера, живущего как суверен во дворце Сен-Клу, где я так долго жил в окружении Наполеона, в период, когда он диктовал законы королям Европы, прежде чем сам стал монархом.

—[Англичане заняли Сент-Клауд после пруссаков. Мой большой дом, в котором были сделаны прививки детям графа д'Артуа, пользовался их уважением, но они занимали небольшой дом, составлявший часть поместья. Английский офицер, командовавший войсками, поставил охрану в большом доме. Однажды утром нам сообщили, что дверь взломали и украли ценное зеркало. Мы пожаловались командиру, и в ходе расследования этого дела выяснилось, что часовой сам совершил кражу. Этот человек предстал перед военным трибуналом и был приговорен к смертной казни - обстоятельство, которое, как можно естественно предположить, было для нас очень огорчительным. Мадам де Буррьен обратилась к командиру с просьбой о помиловании этого человека, но смогла добиться только отсрочки приговора. Полк отбыл несколько недель спустя, и мы так и не смогли узнать, какова была судьба преступника. —Буррьен.]—

В кабинете, в котором мы с Наполеоном провели так много напряженных часов и где зарождалось так много великих планов, я был принят человеком, который был моим пленником в Гамбурге. Прусский генерал немедленно напомнил мне об этом обстоятельстве. "Кто мог предвидеть, - сказал он, - что после того, как я был вашим пленником, я стану защитником вашей собственности? Вы хорошо относились ко мне в Гамбурге, и теперь у меня есть возможность отплатить вам за вашу доброту. Бог знает, к чему все это приведет! Одно, однако, несомненно, и это то, что союзники сейчас выдвинут такие условия, которые исключают всякую возможность опасности на долгое время вперед. Император Александр не хочет, чтобы французский народ слишком дорого искупал те несчастья, которые он нам причинил. Он приписывает их Наполеону, но Наполеон не может оплатить военные расходы, и кто-то должен их оплатить. На этот раз все было очень хорошо, но мы не можем оплатить расходы, связанные с возвращением во второй раз. Однако, - добавил он, - вы не потеряете ни одной своей территории; в этом я могу дать вам положительную гарантию. Император Александр несколько раз повторял в моем присутствии королю, моему повелителю: "Я чту французскую нацию и полон решимости, чтобы она сохранила свои старые границы".

Это те самые слова, которые Блюхер адресовал мне. Пользуясь дружескими чувствами, которые он выражал по отношению ко мне, я воспользовался возможностью упомянуть о жалобах, которые раздавались повсюду на плохую дисциплину в войсках под его командованием. "Что я могу сделать?" - сказал он. "Я не могу присутствовать везде, но уверяю вас, что в будущем и по вашей рекомендации я буду строго наказывать за любое неподобающее поведение, о котором мне станет известно".

Таков был результат моего визита к Блюхеру; но, несмотря на его обещания, его войска продолжали совершать самые отвратительные бесчинства. Таким образом, прусские войска оставили в окрестностях Парижа воспоминания, не менее отвратительные, чем те, которые вызваны поведением корпуса Даву в Пруссии. — Сейчас мне на память приходит один пример, о котором я здесь расскажу. Весной 1816 года, направляясь в Шеврез, я остановился в Пти-Бисетр, чтобы напоить свою лошадь. Я посидел несколько минут у дверей гостиницы, и большая собака, принадлежащая хозяину гостиницы, начала лаять и рычать на меня. Его хозяин, почтенного вида старик, воскликнул: "Успокойся, Блюхер!" — "Как получилось, что ты дал своей собаке такое имя?" — сказал я. - "Ах, сэр! это имя негодяя, который натворил здесь много бед в прошлом году. Вот мой дом; от них почти ничего не осталось, кроме четырех стен. Они сказали, что пришли ради нашего блага; но пусть они вернутся снова ... Мы будем следить за ними и проткнем их копьями, как диких кабанов в лесу". Дом бедняка, несомненно, хранил следы самого чудовищного насилия, и он проливал слезы, рассказывая мне о своих бедствиях.

Перед отъездом короля в Гент он согласился подписать брачный контракт между одной из моих дочерей и месье Массье де Клервалем, хотя последний в то время был всего лишь лейтенантом военно-морского флота. Днем, назначенным для подписания контракта, было воскресенье, 19 марта, и вполне можно себе представить, что в тех критических обстоятельствах, в которых мы тогда находились, о столь незначительном вопросе едва ли можно было думать. В июле я повторил свою просьбу к его Величеству, что вызвало серьезные дискуссии в Совете по церемониям. Чтобы какое-либо отклонение от законов строгого этикета не повлияло на судьбу монархии, было решено, что брачный контракт лейтенанта военно-морского флота может быть подписан только на мелкой сходке. Однако его Величество, вспомнив о данном мне обещании, решил, что подпись должна быть поставлена на торжественной церемонии. Хотя все это может показаться чрезвычайно нелепым, все же я должен признаться, что победа над этикетом доставила мне большое удовольствие.

Вскоре после этого король назначил меня членом государственного совета; титул, который я носил при Бонапарте с момента его вступления в должность в Тюильри, хотя я никогда не выполнял функций этой должности. В августе месяца, когда король принял решение создать новую Палату депутатов, я был назначен президентом коллегии выборщиков департамента Йонна. Как только мне сообщили о моем назначении, я обратился к г-ну де Талейрану за инструкциями, но он сказал мне, что в соответствии с намерениями короля я должен получить приказы от министра полиции. Я заметил господину де Талейрану, что вынужден отказаться от встречи с Фуше из-за ситуации, в которой мы оказались по отношению друг к другу. "Идите к нему, идите к нему, - сказал г-н де Талейран, - и будьте уверены, что Фуше ничего вам не скажет по этому поводу".

Мне было очень неприятно видеть Фуше, и поэтому я пошел к нему совершенно против своего желания. Естественно, я ожидал очень холодного приема. То, что произошло между нами, сделало нашу беседу чрезвычайно деликатной. Я зашел к Фуше в девять утра и застал его одного гуляющим в своем саду. Он принял меня так, как человек мог бы принять близкого друга, которого он давно не видел. Поразмыслив, я не очень удивился этому, поскольку прекрасно понимал, что Фуше мог заставить свою ненависть уступить место расчету. Он ни словом не обмолвился о своем аресте, и вполне можно предположить, что я не стремился перевести разговор на эту тему. Я спросил его, может ли он сообщить мне какую-либо информацию относительно выборов в Йонне. "Вовсе нет, - сказал он. - Выдвигайте свою кандидатуру, если сможете, только приложите все усилия, чтобы исключить генерала

Дефуино. Все остальное для меня безразлично". — "Какие у вас возражения против Десфурно?" — "Министерство его не примет".

Я уже собирался уходить, когда Фуше; перезвонил мне и сказал: "Почему вы так спешите? Вы не можете задержаться еще на несколько минут?" Затем он заговорил о первом возвращении бурбонов и спросил меня, как я мог так легко заставить себя действовать в их пользу. Затем он перешел к деталям, касающимся Королевской семьи, о которых я считаю своим долгом умолчать; однако можно добавить, что беседа длилась долго и, мягко говоря, была отнюдь не в пользу "божественного права".

Я считал своим долгом ознакомить короля с этим разговором, и поскольку теперь не было графа де Блакаса, который мог бы утаить правду и добрые советы от его Величества, я был, по моей первой просьбе, немедленно допущен в королевский кабинет. Я предусмотрительно умолчал о самых поразительных деталях, поскольку, если бы я дословно передал то, что сказал Фуше, Людовик XVIII. вряд ли поверил бы этому. Король поблагодарил меня за мое сообщение, и я понял, что он был убежден, что, дольше удерживая Фуше на своем посту, он станет жертвой министра, которого ему так скандально навязали 7 июля. Вскоре последовала немилость герцога Отранто, и я испытал удовлетворение от того, что внес свой вклад в устранение одного из зол, с которыми герцог Веллингтон посетил Францию.

Фуше был настолько очевидным предателем дела, которому он якобы служил, и Бонапарт был настолько убежден в этом, что во время "Ста дней", когда в присутствии Наполеона перечисляли министров короля в Генте, кто-то спросил: "Но где же министр полиции?"

- Э-эх! Парбле, - сказал Бонапарт, - это Фуше? С Карно было иначе, несмотря на несмываемое пятно его голоса: если бы он служил королю, его Величество мог бы положиться на него, но ничто не могло поколебать твердость его принципов в пользу свободы. Я узнал от человека, имевшего возможность быть хорошо информированным, что он не примет пост министра внутренних дел, который был предложен ему в начале "Ста дней", пока у него не состоится разговор с Бонапартом, чтобы выяснить, изменил ли он своим принципам. Карно верил в честные обещания Наполеона, который обманул его, как он обманывал других.

Вскоре после аудиенции у короля я отправился выполнять свои обязанности в департамент Йонна и удостоился чести быть избранным представлять моих соотечественников в Палате депутатов. Моим коллегой был месье Родо, человек, который в очень тяжелых обстоятельствах проявил доказательства мужества, смело продемонстрировав свою преданность королевскому правительству. Ниже приведены факты, которые я узнал в связи с этим эпизодом и которые я как можно скорее распространил среди избирателей, президентом которых я имел честь быть. Бонапарт, направлявшийся из Лиона в Париж после высадки в заливе Жуан, остановился в Авалоне и немедленно послал за мэром, г-ном Раудо. Он немедленно подчинился приказу. Оказавшись в присутствии Наполеона, он спросил: "Чего вы хотите, генерал?" Это прозвище вызвало недовольство Наполеона, который, тем не менее, задал несколько вопросов месье Раудо, который был готов услужить ему как путешественнику, но не служить ему как императору. Наполеон отдал ему несколько приказов, и этот достойный слуга короля ответил: "Генерал, я не могу получать от вас никаких приказов, ибо я не признаю никакого государя, кроме короля, которому я присягнул на верность". Затем Наполеон суровым тоном приказал г-ну Раудо удалиться, и мне нет нужды добавлять, что незадолго до этого он был уволен с поста мэра Авалона.

Выборы в Йонне закончились, и я вернулся в Париж, где в ожидании открытия сессии принимал участие в общественных делах только как любитель. Я был глубоко опечален,

увидев, что правительство прибегло к суровым мерам наказания за ошибки, которые было бы более разумной политикой приписать только неблагоприятным обстоятельствам того времени. Никакие соображения никогда не заставят меня перестать сожалеть о памяти Нея, который стал жертвой влияния иностранцев. Их целью, как намекнул мне Блюхер в Сен-Клу, было надолго лишить Францию возможности участвовать в войне, и они надеялись достичь этой цели, разжигая между королевским правительством и армией Луары тот дух раздора, который не могла не вызвать жертва при Нейе. У меня нет достоверных доказательств этого факта, но, по моему мнению, жизнь Нея была залогом благодарности, которую Фуше считал своим долгом выразить иностранному влиянию, сделавшему его министром.

Примерно в это же время я узнал факт, который не вызовет удивления, поскольку является еще одним доказательством рыцарской бескорыстности характера Макдональда. Когда в 1815 году несколько маршалов потребовали от союзных держав своих дарований в зарубежных странах, мадам Моро, которой король дал почетный титул "мадам Маршалша" и которая была подругой герцога Тарентского, написала без ведома Макдональда г-ну де Блакасу, нашему послу в Неаполе, умоляя его постараться сохранить для маршала дарование, данное ему в Неаполитанском королевстве. Как только Макдональду сообщили об этом обстоятельстве, он нанес визит мадам Моро, поблагодарил ее за добрые намерения, но в то же время сообщил ей, что ему следует полностью опровергнуть информацию о ее письме, поскольку содержащаяся в нем просьба полностью противоречит его принципам. Маршал действительно написал следующее письмо месье де Блакасу: "Спешу сообщить вам, сударь, что мадам Моро написала вам письмо не с моего согласия, и я прошу вас не предпринимать никаких шагов, которые могли бы вынудить меня к отказу. Король Неаполя не должен мне никакой компенсации за то, что я разбил его армию, произвел революцию в его королевстве и вынудил его удалиться на Сицилию. Такое поведение было вполне достойно человека, который последним покинул Наполеона в 1814 году и первым присоединился к нему, причем без желания принимать какое-либо назначение в 1815 году. Г-н де Блакас, который сам был сильно удивлен письмом Макдональда, передал его неаполитанскому королю, ответ которого заслуживает того, чтобы его записать. В нем говорилось следующее: "Если бы я не ввел для себя закон не признавать ни одного из французских пожертвований, поведение маршала Макдональда побудило бы меня сделать исключение в его пользу". Отрадно видеть принцев такими скрупулезными блюстителями законов, которые они сами для себя устанавливают!

Примерно в конце августа 1815 года, прогуливаясь по бульвару Капуцинок, я имел удовольствие встретить Раппа, которого давно не видел. Он только что вышел из дома художника Лагрене, который писал его портрет. Я шел пешком, а карета Раппа ждала, так что мы оба сели в нее и отправились прокатиться по Булонскому лесу. Нам было что сказать друг другу, потому что мы не встречались со времен великих событий, связанных с двумя Реставрациями. Причина этого заключалась в том, что в 1814 году я провел часть года в Сансе, а после событий марта 1815 года сам Рапп отсутствовал в Париже. Я нашел его совершенно смирившимся с изменением своего положения, хотя и позволил себе несколько клятв в адрес иностранцев. Рапп не был одним из тех генералов, которые предали короля 20 марта. Он сказал мне, что остался во главе дивизии, которой командовал в Экуэне, по приказу герцога де Берри, и что он передал ее военному министру только после отъезда короля. "Как вас принял Наполеон?" Спросил я. "Я ждал, пока он не послал за мной. Вы знаете, что я за человек: я ничего не смыслю в политике; не я. Я поклялся в верности королю. Я знаю свой долг, и я бы сражался против императора". — "В самом деле!" — "Да, конечно, я бы так и сделал, и я сам ему об этом сказал". — "Как! вы отважились зайти так далеко?" — "Чтобы быть уверенным. Я сказал ему, что мое решение было определенным. - Тьфу! ... -

сердито ответил он. - Я прекрасно знал, что ты настроен против меня. Если бы дело дошло до драки, я бы разыскал тебя на поле битвы. Я бы показал тебе голову Медузы. Вы бы осмелились выстрелить в меня?" — "Без сомнения", - ответил я. "Ах! parbleu, это уж слишком", - сказал он. - Но ваши войска не подчинились бы вам. Они сохранили всю свою привязанность ко мне". — "Что я мог поделать?" - продолжал я. "Вы отреклись от престола, вы покинули Францию, вы рекомендовали нам служить королю — и затем вы возвращаетесь! Кроме того, скажу вам откровенно, я не предвещаю ничего хорошего относительно того, что произойдет. У нас снова будет война. Франция сыта этим по горло. "На это, - продолжал Рапп, - он заверил меня, что у него другие мысли; что у него больше нет желания воевать; что он хотел бы править в условиях мира и посвятить себя исключительно счастью своего народа. Когда я намекнул на противодействие со стороны иностранных держав, он сказал, что заключал союзы. Затем он заговорил со мной о короле, и я сказал, что был им очень доволен; действительно, король оказал мне очень приятный прием по возвращении из Киева, и я не вижу причин, почему я должен жаловаться, когда ко мне так хорошо относятся. Во время беседы император высоко оценил поведение герцога Орлеанского. Затем он дал мне некоторое описание своего путешествия с острова Эльба и в Париж. Он пожаловался, что его обвинили в честолюбии; и, заметив, что я выгляжу удивленным и сомневающимся: "Что?" — он продолжил: "Значит, я честолюбив?" - И похлопал себя по животу обеими руками. "Может ли человек, - спросил он, - такой толстый, как я, быть честолюбивым?" Я не мог удержаться от того, чтобы не сказать: "Ах! Сир, ваше величество, несомненно, шутит". Однако он притворился серьезным и через несколько мгновений, заметив мои украшения, начал подтрунивать надо мной по поводу креста Людовика Святого и Креста Лилии, которые я все еще носил".

Я спросил Раппа, все ли верно из того, что говорилось об энтузиазме, который проявлялся на всем пути следования Наполеона от залива Жуан до Парижа. "Ma foi!" - ответил он. "Я был там не больше вас, но все, кто сопровождал его, заверили меня в правдивости опубликованных подробностей; но я припоминаю, как Бертран говорил, что однажды он опасался за безопасность императора, на случай, если бы появился какой-нибудь убийца. В Фоссаре, где император остановился позавтракать по пути в Париж, его эскорт был настолько утомлен, что не мог следовать за ним, так что некоторое время он был почти один на дороге, пока эскадрон, стоявший гарнизоном в Мелене, не встретил его и сопровождал в Фонтенбло. Что касается всего остального, то, судя по тому, что я слышал, император не подвергался никакой опасности.

Затем мы заговорили о нашем положении и об исключительных шансах нашей удачи. Рапп рассказал мне, как всего за несколько дней он перестал быть одним из недовольных, поскольку положение генералов, командовавших армейскими корпусами в кампании при Ватерлоо, в 1815 году сильно отличалось от того, что было в 1814 году. "Я решил, - сказал он, - вести спокойную жизнь, ни во что не вмешиваться и даже не носить свою форму. Поэтому с момента возвращения короля я ни разу не появлялся при Дворе; когда неделю назад, проезжая верхом в двухстах или трехстах шагах от этого места, я увидел на другой стороне аллеи группу всадников, один из которых галопом поскакал ко мне. Я сразу узнал герцога де Берри. "Как, монсеньор, это вы?" - воскликнул я. - Так и есть, мой дорогой генерал, и поскольку вы не хотите прийти к нам, я должен прийти к вам. Вы позавтракаете со мной завтра утром?" — "Мама! - продолжал Рапп, - что я мог сделать? Любезный тон, которым он сделал это приглашение, совершенно очаровал меня. Я поехал, и со мной обращались так хорошо, что я поеду снова. Но я ни о чем не буду просить: я только хочу убрать с дороги этих пруссаков и английских негодяев!" Я похвалил Раппа за его поведение и сказал ему, что невозможно, чтобы такой преданный и честный человек, как он, в тот или иной момент не

привлек внимание короля. Я имел счастье видеть, что это предсказание сбылось. С тех пор я регулярно виделся с Раппом всякий раз, когда нам обоим случалось бывать в Париже, что случалось довольно часто.

Я уже упоминал, что в августе месяце король назначил меня государственным советником. 19 числа следующего месяца я был назначен государственным министром и членом Тайного совета. Я могу завершить эти тома, рассказав об очень лестном для меня обстоятельстве, связанном с последним упомянутым назначением. Король поручил г-ну де Талейрану представить ему, в его официальном качестве председателя Совета министров, список лиц, которые могли бы быть сочтены подходящими в качестве членов Тайного совета. Король, прочитав список, сказал своему министру: "Но, господин де Талейран, я не вижу здесь имен двух наших лучших друзей, Буррьена и Алексиса де Ноай". — "Сир, я подумал, что их назначение будет более лестным, если исходить непосредственно от вашего величества". Затем король добавил мое имя к списку, а затем и графа Алексиса де Ноайля, так что оба наших имени написаны собственноручно Людовиком XVIII в первоначальном Указе.

Теперь я подвел к завершению свой рассказ об экстраординарных событиях, в которых я принимал участие либо как зритель, либо как актер, в течение своей удивительно разнообразной жизни, от которой теперь не осталось ничего, кроме воспоминаний.

—[Я исполнял функции государственного советника до 1818 года, когда появился Указ, объявляющий эти функции несовместимыми с титулом государственного министра— Буррьена.]—

ГЛАВА XII.

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ.

Необычайная быстрота событий в течение Четырехсот, или Ста Дней правления Наполеона в 1815 году, и поразительные изменения в ролях, которые ранее исполняли главные действующие лица, затрудняют рассмотрение этого периода как исторического; он больше напоминает серию внезапных театральных превращений, прерываемых лишь большой паузой, пока нация ждала новостей из армии.

Первая Реставрация Бурбонов была настолько неожиданной и осуществилась так быстро, что бонапартисты, да и вся Франция, едва успели осознать ситуацию, как Наполеон снова оказался в Тюильри; и в течение Столетия Jours и бонапартисты, и роялисты одинаково протирали глаза, спрашивая, проснулись ли они, и гадая, что было реальностью, а что сном, Империя или Реставрация.

Одновременно трудно и интересно пытаться проследить историю главных персонажей того периода; и читатель должен простить некоторые резкие переходы от человека к человеку и от группы к группе, в то время как необходимо привести подробности некоторых последующих перемещений семьи Бонапарт, чтобы дать правильное представление о странной перемене в их судьбе. Мы можем разделить персонажей, с которыми нам

приходится иметь дело, на пять групп— семья Бонапартов, маршалы, государственные деятели империи, бурбоны и союзные монархи. Одной фигуры и одного имени будет не хватать, но если мы опустим все описания бедной, истекающей кровью, изуродованной Франции, это всего лишь оставит ее в том забвении, в котором она была оставлена в то время всеми, кроме Наполеона.

Катастрофа 1814 года скорее рассеяла, чем сокрушила семью Бонапартов, и они сплотились сразу же по возвращении с Эльбы. Окончательное падение Империи обернулось для них полным крахом. Положения Фонтенблонского мирного договора, которые должны были обеспечить им содержание, не были выполнены, пока Наполеон все еще был скрытой силой, и после 1815 года бурбоны были только рады найти причину не выплачивать долг, который они решили никогда не погашать; любому из бурбонов в дни их бедствий было выгодно получить щедрость узурпатора, но было особое удовольствие в отказе платить цену, обещанную за его немедленное отречение.

Бегство Бонапартов в 1815 году было стремительным. Меттерних пишет Марии Луизе в июле 1815 года: "Мадам Мер и кардинал Феш вчера уехали в Тоскану. Мы не знаем точно, где находится Джозеф. Люсьен в Англии под вымышленным именем, Жером в Швейцарии, Луи в Риме. Королева Гортензия отправилась в Швейцарию, куда генерал де Флао и его мать последуют за ней. Мюрат, кажется, все еще в Тулоне; однако в этом нет уверенности." Приводился ли когда-нибудь подобный отчет о династии? Все они были среди великих людей Европы: в одно мгновение они стали беглецами, некоторые из них всю оставшуюся жизнь вели ожесточенную борьбу с нищетой. К счастью для них, папа римский, король Голландии и великий герцог Тосканский не были в тяжелых обязательствах перед Наполеоном и, таким образом, могли позволить себе предоставить его семье защиту, в которой им отказывали те монархи, которые считали себя обязанными искупить свое прежнее раболепие.

Когда высадился Наполеон, Мария Луиза находилась в Австрии и стремилась помочь принять все меры предосторожности, чтобы ее сына, молодого короля Рима, не увезли тайком к его отцу, чье состояние она поклялась разделить: сама она быстро попадала под влияние одноглазого австрийского генерала Нейпперга, только что овдовевшего, которому вскоре предстояло разделить с ней постель. К 1823 году она, казалось, полностью забыла о разных членах семьи Бонапарт, говоря о своей жизни во Франции как о "дурном сне". Она получила Великое герцогство Пармское, где правила до 1847 года, выйдя замуж в третий раз, как говорят, за графа Бомбеллеа, и умерла слишком рано, чтобы революция 1848 года изгнала ее из герцогства.

Есть что-то очень трогательное в большинстве из того, что мы знаем о бедном юном короле Рима, от его детского, но странно прозорливого сопротивления его переезду из Парижа в Блуа при приближении союзников в 1814 году до памятного послания, отправленного спустя годы колонне на Вандомской площади "его единственному другу в Париже".

В возрасте четырех лет Меневаль описывает его как нежного, но быстрого на ответы, сильного и с отличным здоровьем. "Светлые вьющиеся волосы, собранные в локоны, оттеняли свежесть лица, в то время как прекрасные голубые глаза подчеркивали его правильные черты: он был не по годам умен и знал больше, чем большинство детей старше его". Когда Меневаль — бывший секретарь его отца, оставивший свой пост в Австрии вместе с Марией Луизой, поскольку собирался воссоединиться с Наполеоном, — прощался с принцем в мае 1815 года, бедный маленький ребенок, оставшийся без матери, подвел меня к окну и, бросив на меня трогательный взгляд, тихо сказал: "Месье Мэва, скажите ему

(Наполеону), что я всегда горячо люблю его". Мы говорим "без матери", потому что Мария Луиза, похоже, отказалась от своего ребенка по велению политики, требующей тщательной охраны, так же легко, как она отказалась от своего мужа. "Если бы, - писала мадам де Монтескье, его гувернантка, - у ребенка была мать, я оставила бы его на ее руках и была бы счастлива, но она совсем не похожа на мать, она более безразлична к его судьбе, чем самый посторонний человек у нее на службе". Его дед, император Франциск, надо отдать ему справедливость, кажется, был действительно добр к юноше, и хотя в 1814, 1816 и 1830 годах он заботился о том, чтобы лишить его всех шансов на его славное наследство, все же, кажется, заботился о нем лично и всегда был добр к нему. Нет никакой правды в истории о том, что австрийцы пренебрегли его образованием и потворствовали разрушению его способностей. И его наставник, граф Морис Дитрихштейн, и маршал Мармон, беседовавший с ним в 1831 году, сходятся во мнении, что высоко отзываются о нем как о многообещающем человеке: свидетельства Мармона особенно ценны, поскольку показывают, что австрийцы не возражали против герцога Рейхштадтского (поскольку он был создан его дедом в 1818 году), узнав все, что мог, о жизни своего отца от одного из маршалов. В 1831 году Мармон описывает его так: "Я узнал в нем черты его отца, и в этом он больше всего походил на Наполеона. Его глаза, не такие большие, как у Наполеона, и глубоко запавшие в глазницы, имели то же выражение, тот же огонь, ту же энергию. Его лоб был похож на лоб его отца, так же как и нижняя часть лица и подбородок. Тогда у него был цвет лица, как у Наполеона в молодости, с той же бледностью и тем же цветом кожи, но все остальное его лицо напоминало его мать и Австрийский дом. Он был выше Наполеона примерно на три дюйма.

Пока герцог был жив, его имя, естественно, объединяло Бонапартов и упоминалось в некоторых из многочисленных заговоров против Бурбонов. В 1830 году Жозеф Бонапарт попытался получить разрешение австрийцев на выдвижение его племянника в качестве претендента на французский трон, освободившийся после бегства Карла X., но они крепко держали своего пленника. Очень интересный отрывок приводится в "Воспоминаниях Чарльза Гревилла", который говорит, что принц Эстерхази много рассказывал ему о герцоге Рейхштадтском, который, если бы был жив, вероятно, сыграл бы большую роль в мире. Он умер от преждевременного увядания, вызванного, по-видимому, перенапряжением и перевозбуждением; его таланты были очень заметны, он был "петри д'амбиции", боготворил память своего отца и по этой причине никогда не любил свою мать; его мысли постоянно были обращены к Франции, и когда он услышал о Июльских днях (свержении Карла X), он сказал: "Почему я не был там, чтобы воспользоваться своим шансом? Он выказывал огромную привязанность и благодарность своему деду, который, хотя и скрупулезно соблюдал все свои обязательства по отношению к Луи Филиппу, не мог не испытывать тайной гордости за честолюбивый гений сына Наполеона. Он был хорошо образован и день и ночь корпел над историей славной карьеры своего отца. Он получал удовольствие от военных упражнений и не только блистал во главе своего полка, но уже приобрел наследственное искусство втираться в доверие к солдатам". Далее Эстерхази описал, как герцог бросил все на балу, когда встретил там маршалов Мармона и Мейсона. "У него не было ни глаз, ни ушей, кроме них; с девяти вечера до пяти следующего утра он посвятил себя этим Маршалам". В его ответе на совет, данный Мармоном, когда герцог сказал, что он не позволит, чтобы монархи Европы выдвинули его кандидатуру, прозвучал настоящий наполеоновский отзвук. "Сын Наполеона должен быть слишком велик, чтобы служить орудием; и в событиях такого рода я хочу быть не авангардом, а резервом, то есть приходить на помощь, вызывая великие воспоминания".

Его смерть в 1832 году, 22 июля, в годовщину битвы при Саламанке, решила многие вопросы. Меттерних посетил герцога на смертном одре: "Это было душераздирающее зрелище. Я

никогда не помню, чтобы видел более скорбную картину разложения". Когда Франциску сообщили о смерти его внука, он ответил: "Я рассматриваю смерть герцога как благословение для него. Нанесла ли она ущерб общественному благу или нет, я не знаю. Что касается меня, я всегда буду оплакивать потерю моего внука".

Жозефина лежала в своей могиле в Рюэле, когда вернулся Наполеон. Она умерла 29 мая 1814 года в Мальмезоне, когда союзники выставляли себя в Париже. Кажется печальным, что она не дожила до того, чтобы насладиться триумфом, пусть и кратковременным, над своей австрийской соперницей. "По крайней мере, она, - искренне сказал Наполеон, - никогда бы не бросила меня".

Дочь Жозефины, Гортензия, разлученная со своим мужем Луи Бонапартом и провозглашенная Людовиком XVIII герцогиней Сен-Леу, находилась в Париже, вызывая большие подозрения у бурбонов, но на самом деле была вовлечена в судебный процесс со своим мужем по поводу опеки над ее сыновьями. Ей пришлось скрыться, когда пришло известие о высадке, но ее пустой дом, оставленный без присмотра, стал очень полезным для приема бонапартистов, которые хотели найти убежище, среди которых, как мы увидим, был, прежде всего, Фуше! Наполеон встретил Гортензию некоторыми упреками за то, что она приняла титул от бурбонов, но она оказала ему честь в Елисейском дворце, и им обоим следует отдать должное за то, что, несмотря на гнусную клевету об их отношениях, она была с ним до конца; и что одной из последних, кто обнял его в Мальмезоне перед тем, как он отправился на побережье, была его приемная дочь, ребенок его брошенной жены. Присутствие Гортензии в Париже было сочтено прусским губернатором слишком опасным, и ей было безапелляционно приказано уехать. Обращение к императору Франциску получило благоприятный ответ, но Франциск всегда уступал, когда речь заходила о каких-либо действиях против его зятя, и ей пришлось в кратчайшие сроки отправиться в странствия в Экс, Баден и Констанцию, пока щедрость маленького, но храброго кантона Тургау не позволила ей найти пристанище в замке Арненберг.

В 1831 году она потеряла своего второго сына, старшего из оставшихся в живых на тот момент, который умер от лихорадки во время попытки революции, в которой участвовали он и его младший брат, будущий Наполеон. III., были помолвлены. Она смогла посетить Францию инкогнито и даже повидаться с Луи Филиппом и его королевой; но вскоре ее присутствие в стране сочли опасным, и ее убедили уехать. В 1836 году последний ребенок Гортензии, Луи Наполеон, предпринял попытку устроить "эмель" в Страсбурге и был отправлен правительством в Америку. Она отправилась во Францию, чтобы ходатайствовать за него, а затем, измученная горем и тревогой, вернулась в Арненберг, куда ее сыну, будущему императору, удалось добраться вовремя только для того, чтобы увидеть ее смерть в октябре 1837 года. Она переспала с Жозефиной в Рюэле.

Брат Гортензии, принц Евгений, вице-король Италии, находился в Вене, когда вернулся Наполеон, и попал под подозрение союзников в том, что они сообщили императору о намерении убрать его с Эльбы. Он был задержан в Баварии своим тестем, королем, ко двору которого он удалился и который в 1817 году сделал его герцогом Лейхтенбергским и принцем Эйхштадтским. При покровительстве Баварии ему действительно удалось выжать из бурбонов около 700 000 франков из имущества своей матери. Первый приступ апоплексического удара поразил его в 1823 году, а от второго он скончался в феврале 1824 года в Мюнхене. Его потомки породнились с королевскими семьями Португалии, Швеции, Бразилии, России и Вартемберга; его внук сейчас (1884) носит титул Лейхтенберга.

За исключением Людовика, инвалида, все братья императора были рядом с ним на Сент-Джорсе, высшем мероприятии их семьи. Жозеф покинул Испанию вслед за Витторией и оставался в неудобном и непризнанном государстве недалеко от Парижа до тех пор, пока в 1814 году его снова не наняли на работу, и тогда, справедливо или нет, он призвал к переносу регентства из Парижа в Блуа. Затем он укрылся в своем замке Пранж в кантоне Во в Швейцарии, под пристальным наблюдением бурбонистов, которые боялись опасности со всех сторон, кроме реальной, и которые предпочитали охотиться на бонапартистов с места на место, вместо того чтобы делать их жизнь сносной, выполняя обязательства с ними.

В 1816 году, спасаясь от ареста, которым ему угрожали, после того, как написал письмо, призывающее Мюрата к действиям со смертельным исходом, Жозеф присоединился к Наполеону в Париже и появился на Майском поле, также заседал в Палате пэров, но, как и прежде, выдвигая нелепые претензии на свое неотъемлемое право на звание пэра и требуя особого места. На самом деле он никогда не мог осознать, насколько всецело обязан каким-либо положением брату, к которому хотел относиться как к равному.

Он оставался в Париже во время короткой кампании, а после Ватерлоо прятался в доме шведского посла, где жила его невестка, наследная принцесса Швеции, жена Бернадотта. Мюффлинг, прусский губернатор Парижа, хотел арестовать его, но поскольку губернатор не мог вторгнуться в жилище посла, ему пришлось обратиться к царю, который организовал побег бывшего короля до того, как губернатор смог его схватить. Жозеф отправился на побережье, в значительной степени следуя маршрутом Наполеона. Однажды его арестовали в Сент-Луисе, но ему разрешили продолжить путь, и он встретился со своим братом 4 июля в Рошфоре.

Для возможности побега Наполеона важно, что Жозефу удалось попасть на бриг "Коммерс" под именем "М. Бушар", и, хотя англичане трижды обыскивали корабль, 28 августа он добрался до Нью-Йорка, где его приняли за Карно. Его хорошо приняли, и, приняв титул графа де Сюрвилле, он сначала жил в Лэнсдауне, Фэрмаунт-парк, Филадельфия, где впоследствии всегда проводил часть года, находясь в Америке. Он также купил недвижимость в Пойнт-Бриз в Бордентауне, штат Делавэр, где построил дом с прекрасным видом на реку. Этот первый дом сгорел дотла, но он построил другой, где жил в некотором достатке и с большим комфортом, демонстрируя свои драгоценности и картины восхищенным соседям и проявляя доброту к бедным племянникам.

Известие об июльской революции 1830 года, свергнувшей Карла X. с трона, пробудило надежды Иосифа на семью, регентом которой он считал себя, и он обратился к Меттерниху с просьбой добиться от австрийского правительства разрешения или содействия в возведении его племянника, герцога Рейхштадтского, на трон Франции. Австрия даже не ответила.

В июле 1832 года Джозеф переправился в Англию, где встретил Люсьена, только что прибывшего из Италии и привезшего известие о смерти своего племянника. Разочарованный, он некоторое время оставался в Англии, но вернулся в Америку в 1836 году. В конце концов он покинул Америку и снова приехал в Англию, где у него случился паралитический инсульт, а в 1843 году он отправился во Флоренцию, где встретил свою жену после долгой разлуки.

Жозеф прожил достаточно долго, чтобы увидеть две попытки другого племянника, Луи Наполеона, в Страсбурге в 1836 году и в Булони в 1840 году, которые, по-видимому, были предприняты без его ведома и сильно удивили его. Он умер во Флоренции в 1844 году; сначала его тело было похоронено в Санта-Кроче, Флоренция, но в 1864 году его перевезли в

дом инвалидов. Его жена, бывшая королева, удалилась в 1815 году во Франкфурт и Брюссель, где ее хорошо принял король Вильгельм, и где она оставалась до 1823 года, когда уехала во Флоренцию и умерла там в 1845 году. Ее памятник находится в капелле Риккарди, Санта-Кроче, Флоренция.

Люсьен удалился в Рим в 1804 году, после создания Империи, и продолжал враждовать со своим братом, отчасти из-за его так называемых республиканских принципов, но главным образом из-за того, что он придерживался своего брака, своего второго брака с мадам Жубертон, - союза, который Наполеон упорно отказывался признавать, предлагая Люсьену что угодно, королевство или руку королевы (если мы примем во внимание Люсьена), если он только согласится на расторжение контракта.

В августе 1810 года, изображая беспокойство по поводу того, что Наполеон распространил свою власть на Рим, Люсьен отплыл в Америку, но был схвачен англичанами и доставлен сначала на Мальту, а затем в Англию, где провел годы до 1814 года в своего рода почетном плену, сначала в Ладлоу, а затем в Торнгроуве, недалеко от этого города.

В 1814 году Люсьен был освобожден, когда отправился в Рим, где его приветствовал добрый старый папа, который помнил о благах, дарованных Наполеоном Церкви, в то время как он забыл о нанесенных лично ему обидах; и упрямый республиканец, бывший "Брут" Бонапарт, принял титулы герцога Музиньяно и принца Канино.

В 1815 году Люсьен присоединился к своему брату, которого он хотел отречься от престола на Майском поле в пользу римского короля, предоставив свой меч только в распоряжение Франции. Этот шаг серьезно обсуждался, но, хотя он мог поставить союзников в более трудное положение, он, безусловно, был бы проигнорирован ими, по крайней мере, если бы какая-нибудь крупная победа не дала династии более прочную опору. После Ватерлоо он выступал за роспуск Палаты, но Наполеон потерял надежду и стал почти апатичным, в то время как на самого Люсьена, из-за его прежней связи с 18-м и 19-м Брюмерскими, Палата смотрела с большим недоверием, как, впрочем, и на его брата. Воспользовались его римским титулом, чтобы подразнить его за то, что он не француз, и все его усилия потерпели неудачу. В конце концов он сбежал и, не сумев переправиться в Англию или добраться до Рошфора, 12 июля добрался до Турина только для того, чтобы оказаться арестованным. Он оставался там до 15 сентября, когда ему разрешили поехать в Рим. Там он был интернирован и за ним тщательно наблюдали; действительно, в 1817 году папе римскому пришлось вмешаться, чтобы предотвратить его высылку на север Германии, настолько союзники беспокоились о безопасности марионетки, которую они посадили на трон Франции.

Смерть Наполеона в 1821 году освободила Люсьена и семью Бонапартов от постоянного надзора, осуществлявшегося за ними до тех пор. В 1830 году он купил поместье Кроче дель Бьякко недалеко от Болоньи. Бегство старшей ветви Бурбонов из Франции в 1830 году вселило в него надежды, и, как уже говорилось, в 1832 году он отправился в Англию, чтобы встретиться с Жозефом и спланировать какой-нибудь шаг по возвышению Наполеона II. к трону. Известие о смерти его племянника разрушило все надежды семьи, и, пробыв некоторое время в Англии, он вернулся в Италию, умер в Витербо в 1840 году и был похоронен в Канино, где покоится и его вторая жена. Люсьен имел вкус к литературе и был автором нескольких произведений, которым доброе потомство позволит умереть.

Луи Бонапарт бежал из своего Королевства Голландия в 1810 году, после короткого четырехлетнего правления, испытывая отвращение к тому, что от него требовали учитывать интересы брата, которому он был обязан своим тронном, и к тому, что от него требовали относиться к своей жене Гортензии с обычным уважением. Он нашел убежище в Австрии,

заставив этот двор сильно беспокоиться о том, как оказать ему то внимание, которого ожидал брат императора, и в то же время проявить подобающую холодность, которую Наполеон мог бы пожелать проявить к королевскому дезертиру. Благодаря предложениям Меттерниха они, по-видимому, успешно справились с этой задачей. Получив титул графа де Сен-Лен из поместья во Франции, Луи отправился сначала в Топлиц, затем в Грац, а в 1813 году нашел убежище в Швейцарии. В 1814 году он отправился в Рим, а затем во Флоренцию, где великий герцог Фердинанд с большой добротой принимал всех приехавших туда членов семьи.

Луи был наименее интересным членом семьи, и трудно оправдать его отсутствие во Франции в 1815 году. В конце концов, дар королевства не является таким непростительным преступлением, как разлучение братьев навсегда, и Наполеон, похоже, глубоко переживал то, как с ним обращался брат, к которому он относился как к отцу; тем не менее, плохое здоровье и естественный эгоизм инвалидов могут многое объяснить. В то время как его сын Луи Наполеон летал по Франции, совершая свои покушения, Людовик оставался в Римском дворце Французской академии, погруженный в беспокойство по поводу своего религиозного состояния. Он отрицал действия своего сына, но, возможно, это было связано с папой римским, который приютил его. Во всяком случае, странно отмечать разницу между отцом и двумя его сыновьями, которые достигли совершеннолетия и которые так доброжелательно отнеслись к революции.

В 1846 году Луи был болен в Ливорно, когда его сын сбежал из Хама, где он был заключен в тюрьму после покушения в Булони. Сыну было отказано в выдаче паспорта, чтобы уехать из Италии к отцу, и Луи умер в одиночестве 25 июля 1846 года. Он был похоронен в Санта-Кроче, Флоренция, но впоследствии тело было перевезено в деревенскую церковь Св. Леу Таверни, перестроенный его сыном Наполеоном III.

Жером, младший из всей семьи, "гардемарин", как любил называть его Наполеон, был зачислен на военно-морской флот, в профессии которого он, по слухам, отличился, покинув своего адмирала довольно своеобразным образом, напав на английский конвой и в конечном итоге спасшись от англичан, бежав в порт Конкарно, считавшийся недоступным. В то время для французского военного корабля возвращение домой было событием.

Джером навлек на себя гнев Наполеона, женившись на красивой молодой леди из Балтимора, некоей Мике Патерсон, но, будучи более послушным, чем Люсьен, он подчинился расторжению этого брака своим всемогущим братом, а в награду получил совершенно новое королевство Вестфалия и руку дочери короля Вартемберга, "самого умного короля в Европе", по словам Наполеона. Говорят, что Джером правил скорее как Гелиогабал, чем как Соломон, но у нового царства было преимущество в том, что оно начиналось с хороших администраторов и с примера "Кодекса".

В 1812 году Джерому было поручено командование правым крылом Великой армии в ее наступлении на Россию, но он не оправдал ожиданий своего брата, и вместо него командование принял Даву. Каждый король считает себя прирожденным генералом: чего бы еще они ни умели, война - это искусство, которое дается вместе с короной, и Джером, не желая служить под началом простого маршала, с отвращением удалился. В 1813 году у него хватило благоразумия отказаться от вероломного предложения союзников позволить ему сохранить свое королевство, если он присоединится к ним против своего брата, в ловушку, в которую попала его сестра Каролина в Неаполе.

После падения Наполеона Жером в качестве графа Граца отправился в Швейцарию, а затем в Грац и Триест.

Его жена, бывшая королева Екатерина, попала в руки Мобрея, офицера, посланного с таинственной миссией, которая, как полагают, предназначалась для убийства Наполеона, но результатом которой стало лишь похищение драгоценностей королевы и около 80 000 франков. Драгоценности были по большей части извлечены со дна Сены, но не наличные деньги.

В 1815 году Джером присоединился к своему брату и выступил на Майском поле. Однако, как истинный Бонапарт, его тщеславие было сильно задето тем, что ему, настоящему королю, пришлось сидеть на заднем сиденье кареты, в то время как его старший брат Люсьен, простой римский принц, занимал почетное место рядом с Наполеоном. В кампании при Ватерлоо ему была придана 6-я дивизия, входившая в состав корпуса Рейля, и с ним был отправлен генерал Гильемино, чтобы предотвратить любые неловкости 1812 года. Его дивизия вступила в бой с пруссаками 15 июня, и при Катр-Бра он был тяжело ранен. При Ватерлоо его дивизия формировала крайний левый фланг французской пехоты, напротив Гугомона, и участвовала в борьбе за этот пост. Какими бы ни были его недостатки, он, по общему признанию, храбро сражался. После битвы его брат передал ему командование армией, и ему было приказано прикрывать отступление к Лаону, которого он достиг 21 июня с 18 000 пехотинцев, 3000 кавалеристов и двумя собранными им батареями. Следует отметить, что это большая сила, чем, по словам Нейя, мог иметь Чемберс, даже Граучи (ни один из чьих людей не включен в список), а численность Джерома возросла до 25 000 пехотинцев и 6000 кавалеристов, когда он передал армию Сульту в Лаоне. Наполеон намеревался оставить Жерома командовать армией, но в конце концов забрал его в Париж.

Когда Наполеон покидал страну, посол Вюртемберга заверил Жерома, что он найдет убежище во владениях своего тестя; но когда он прибыл туда, ему сообщили, что, если он не желает, чтобы его, согласно первоначальным намерениям союзников, передали пруссакам и разлучили с женой, он должен подписать обязательство оставаться в Вюртемберге под строгим наблюдением. Затем он был заключен в тюрьму в Гуппингене, а затем в Эльвангене, где ему даже не разрешалось писать или получать письма, кроме как через капитана замка.

Отчасти проблемы Джерома были вызваны поведением его жены Кэтрин, которая считала, что, поскольку ее отец выдал Джерома замуж, поскольку она прожила семь лет как его жена и родила ему ребенка, она действительно была его женой и обязана оставаться с ним в его несчастьях! Королевская семья Вюртемберга, однако, следуя знаменитому примеру Австрии, смотрела на свою прошлую жизнь как на простое состояние наложницы, полезное для семьи и заслуживающее уважения, пока ее муж мог сохранять свое королевство, но которое должно было закончиться в тот момент, когда от Наполеона или его брата больше ничего нельзя было добиться. Было вполне прилично сохранить титул короля Вюртемберга, которым бывший герцог, а затем курфюрст был обязан изгнанию с острова Святой Елены, но король Фридрих и еще меньше его сын Вильгельм, сменивший его в 1816 году, не могли понять, как Екатерина цеплялась за своего мужа, когда он потерял свое королевство. "Я была королевой, я все еще жена и мать", - писала принцесса своему возмущенному отцу. Еще одна жалоба на эту необыкновенную принцессу заключалась в том, что она действительно видела Лас Кейса по его возвращении со острова Святой Елены и таким образом узнала новости об изгнании.

После постоянного жестокого обращения Джерому и его жене в качестве графа и графини Монфор, чин, который король Вюртембергский впоследствии повысил до принцкого, было разрешено отправиться в Хайнбург близ Вены, затем во Флоренцию, а позже в Триест, где Джером находился, когда умерла его сестра Элиза. В 1823 году им было разрешено поехать в Рим, а в 1835 году они отправились в Лозанну, где в том же году умерла его преданная жена. Джером отправился во Флоренцию и дожил до того, чтобы увидеть возрождение Империи и

снова насладиться званием французского принца. Он умер в 1860 году в замке Вильегени во Франции и был похоронен в доме инвалидов.

Мать императора Летиция в 1814 году сохранила свой титул Императрицы Мер и удалилась в Рим. Затем, в июне, она отправилась на Эльбу и оставалась там со своей дочерью Полиной до тех пор, пока Наполеон не отплыл во Францию. 2 марта 1814 года она отправилась с Эльбы в Сан-Виченцо близ Ливорно, а затем в Рим. Ее сын прислал за ней фрегат "Мельпомена", который был захвачен английским "Риволи"; другое судно, "Дриада", доставило ее во Францию, и она присоединилась к Наполеону в Париже. Мы должны с уважением относиться к этой простой старой леди, которая всегда была осторожной и бережливой, лишь наполовину веря в стабильность Империи; и, как истинная мать, всегда была наиболее внимательна к самому несчастному из своих детей. Ее жизнь была полна поразительных перемен; и, должно быть, было странно для женщины, за которой охотились на Корсике, которая сбежала из своего дома как раз вовремя, чтобы спасти свою жизнь от приверженцев Паоли, оказаться в великолепии Парижа. Она повидалась со своим сыном незадолго до того, как он уехал, как она думала, в Америку, а затем удалилась во дворец Ринуччини — ныне дворец Бонапарта - в Риме, где и умерла в 1836 году. Она стремилась присоединиться к Наполеону на острове Святой Елены и, пока Наполеон был жив, отказывалась простить свою дочь Каролину, жену Мюрата, за то, что она бросила своего брата. Она была похоронена в Альбано.

Младшая дочь Летиции, красивая, но хрупкая Полина, герцогиня Гвасталла, вышедшая замуж сначала за генерала Леклерка, а затем за принца Камилла Борджелле, находилась в Ницце, когда ее брат отрекся от престола в 1814 году. Она удалилась со своей матерью в Рим, а в октябре 1814 года отправилась на Эльбу, оставаясь там до отъезда Наполеона, за исключением того момента, когда ее отправили в Неаполь с посланием о прощении Мюрата. Между ней и полковником Кэмпбеллом произошла характерная сцена, когда английский комиссар прибыл и обнаружил, что Наполеон исчез. Полина до последнего делала вид, что ничего не знает о намерениях своего брата, и прижала руку полковника к своему сердцу, чтобы он почувствовал, как она взволнована. "Она не казалась такой", - говорит потрепанный старый полковник, который, похоже, не устоял перед ее чарами. Затем она уехала в Рим, а позже в Пизу. Ее здоровье пошатнулось, и, не имея возможности присоединиться к брату во Франции, она послала ему свое единственное средство помощи - свои драгоценности, захваченные при Ватерлоо. Ее предложение отправиться на остров Святой Елены, повторенное несколько раз, так и не было принято Наполеоном. Она умерла в 1825 году во Флоренции от чахотки, примирившись со своим мужем, с которым была разлучена с 1807 года. Она была похоронена в Санта-Мария-Маджоре, Рим.

Элиза, старшая сестра Наполеона, бывшая великая герцогиня Тосканская, герцогством этим она хорошо правила, будучи женщиной большого таланта, умерла первой из всех. В 1814 году она была вынуждена бежать от своего правительства и в сопровождении мужа попыталась добраться до Франции. Оказавшись отрезанной австрийцами, она укрылась в армии Ожеро, а затем вернулась в Италию. Она приняла титул графини де Кампиньяна и удалилась в Триест, недалеко от которого, в замке Сан-Андреа, под изнурительным наблюдением скончалась в 1820 году под присмотром своего мужа Феликса Бечокки и своей сестры Каролины. Ее памятник находится в часовне Баччокки в Сан-Петронио, Болонья.

Каролина, жена Мюрата, была единственной из семьи, кто не верил Наполеону. Очень амбициозная и забывшая, насколько она обязана Неаполитанским королевством своему

брату, она в 1814 году убедила Мюрата отделиться от Наполеона и, что еще хуже, напасть на Эжена, который удерживал север Италии от австрийцев. Она полагалась на официальный договор с Австрией, согласно которому Мюрат должен был сохранить за собой Неаполитанское королевство, и, возможно, также полагалась на добрые услуги своего бывшего поклонника Меттерниха. Когда состоялся Венский конгресс, французский министр Талейран сразу же начал настаивать на смещении Мюрата. Ничтожный договор не считался препятствием для посланных Небом избавителей Европы, и Мюрат, полагая, что его судьба решена, услышав о высадке Наполеона и подстегнутый вводящим в заблуждение письмом от Жозефа Бонапарта, немедленно выступил в атаку на австрийцев. Он был легко разбит австрийцами под командованием Нейпперга, будущего мужа Марии Луизы. Мюрат бежал во Францию, а Каролина сначала нашла убежище на английском военном корабле, "Огромном" существе, которому был обещан свободный проезд в Англию. Однако она была передана австрийцам, которые держали ее в заключении в Хайнбурге недалеко от Вены. В октябре 1815 года Мюрат высадился в Калабрии в последней отчаянной попытке вернуть себе трон. Он был арестован и немедленно расстрелян. После его убийства Каролине, принявшей титул графини Липона (анаграмма Неаполя), было разрешено уехать в Триест вместе с Элизой, Джеромом и его женой. Каролина была почти без средств к существованию, неаполитанские бурбоны отказались даже от собственности, которую она туда привезла. Она вышла замуж за генерала Макдональда. Когда Гортензию хоронили в Рюэле, Каролина получила разрешение присутствовать на печальной церемонии. В 1838 году она отправилась во Францию, чтобы попытаться получить пенсию, и ей удалось получить одну из 100 000 франков. Она умерла от рака желудка в 1839 году и была похоронена на Кампо Санто в Болонье.

Кардинал Феш, сводный дядя Наполеона, архиепископ Лионский, впавший в немилость у Наполеона за то, что встал на сторону папы римского и отказался принять парижский престол, на который он был назначен Наполеоном, удалился в Рим в 1814 году, где оставался до возвращения Наполеона, когда он отправился в Париж и принял звание пэра. После Ватерлоо он снова обратился за защитой к папе римскому и оставался в Риме до своей смерти в 1839 году, за несколько дней до смерти Каролины Бонапарт. Он был похоронен в Сан-Лоренцо в Лучине, Рим. В течение многих лет он был большим коллекционером картин, большое количество из которых (1200) он оставил городу Аяччо. Кардинал, совершая покупки в нужное время, когда мало у кого было достаточно досуга или денег, чтобы думать о картинах, собрал ценнейшую коллекцию. Это было продано в 1843-44 годах в Риме. Его содержимое сейчас является одним из величайших сокровищ в галереях Дадли-Хауса и маркиза Хартфордского, ныне сэра Ричарда Уоллеса. В большой коллекции обычно есть кое-какая мазня, но забавный пример партийного духа - обнаружить, что ценность его картин преуменьшается людьми, которые не желают допустить, чтобы у кого-либо, связанного с Наполеоном, был хотя бы художественный вкус. Он всегда отвергал требования Реставрации о том, что он должен отказаться от своей лионской кафедры, хотя при Луи Филиппе он предлагал сделать это и оставить свои картины Франции, если семье Бонапартов разрешат въезд во Францию: в этом было отказано.

Вряд ли можно отрицать, что судьба Бонапартов была тяжелой. Наполеон был бесспорным сувереном Франции в течение четырнадцати лет, Людовик был королем Голландии в течение четырех лет, Жером был королем Вестфалии в течение шести лет, Каролина была королевой Неаполя в течение семи лет. Если Наполеон утратил все свои права, покинув Эльбу после того, как союзники нарушили условия его отречения, все равно не было причин, по которым условия, установленные для других членов семьи, не должны были быть выполнены или, по крайней мере, им не был застрахован обычный доход. При всех недостатках Наполеона он

всегда был готов осыпать богатствами жертвы своей политики: — Монархи Континента ухаживали за Бонапартами и вступали в браки с ними во славу величия этой семьи: не было ни великодушия, ни мудрости в том, чтобы обращаться с ними как с преступниками в тот момент, когда фортуна отвернулась от них. На поведение союзников повлиял не просто принцип легитимности, поскольку король Саксонии сохранил свой трон только благодаря тому, что монархи поссорились из-за добычи. Если монархов нужно уважать как назначенных свыше, то нехорошо ставить их существование только в зависимость от исхода войны.

Нет ничего более странного в истории Сент-Джуров, чем та незначительная роль, которую сыграли в ней маршалы, те самые люди, которые в нашем сознании настолько отождествляются с Императором, что мы могли бы ожидать, что этот блестящий отряд сыграет самую заметную роль в его последней великой борьбе, уже не просто за победу, но за само существование. Описывая, как гвардия взойшла на роковой холм при Ватерлоо для своей последней битвы, казалось бы, вполне естественным привести длинный список старых исторических имен, которые возглавляли или, по крайней мере, сопровождали их; и читатель склонен спросить, где были люди, сами титулы которых напоминали о таких славных полях сражений, о таких достижениях и таких наградах, которыми осыпал человек, который в конце дня почти в одиночестве поехал навстречу смерти, от которой его спасла такая жестокая доброта?

В 1815 году в Бельгии было всего три маршала, и даже из них один лишь отсчитывал свое продвижение по службе с того самого года, поэтому вполне естественно, что французские писатели мечтают о том, каким мог бы быть ход битвы, если бы плюмаж Мюрата развевался вместе с кавалерией, если бы Мортье был в гвардии и если бы Даву или кто-то из его испытанных собратьев занял место Груши. Однако нет особых оснований для удивления по поводу отсутствия маршалов. Смерть, время и лишения сделали свое дело среди этого великого множества командиров. Некоторые были стариками, ветеранами революционных войн, когда их впервые произвели в маршалы в 1804 году; другие, такие как Массена, теперь были лишь развалинами самих себя; и еще до 1812 года Наполеон был поражен угасающей энергией некоторых из его первоначальных товарищей: действительно, для него было бы лучше, если бы он в 1813 году, как он уже наполовину решил, отбросил свою неприязнь к новым лицам и провел свои последние отчаянные кампании с молодыми людьми, которым еще предстояло выиграть состояние, оставив "Бертье охотиться в Гросбуа", а других маршалов наслаждаться своим благополучием. -заслуженный отдых в своих великолепных отелях в Париже.

Даву, герцог Ауэрштадтский, принц Экмюльский, чье имя следует правильно писать как Даву, был одним из главных персонажей конца столетия. Строгий и суровый, всегда державший свой корпус в хорошем порядке и проявлявший больше характера, чем большинство военных при Наполеоне, можно предположить, что завоеватель при Ауэрштадте претендовал на звание самого выдающегося из всех маршалов. В 1814 году он вернулся после защиты Гамбурга и оказался под градом обвинений, а бурбоны великодушно и неразумно оставили его без защиты за действия, которые, как они, должно быть, знали, были частью его обязанностей как губернатора осажденного города. В то время на него напали так, как будто его первой обязанностью было не удерживать позиции для Франции, а организовать систему помощи населению соседних стран на открытом воздухе и сдаться, как только у него закончатся деньги в правительственном сундуке и провизия на государственных складах. Обиженный и недовольный, практически объявленный вне закона, Даву все же не захотел участвовать в слишком поспешном предприятии братьев

Лальман, которые хотели, чтобы он возглавил военное восстание при приближении Наполеона; но он был с императором на следующий день после его прибытия в Париж.

Даву, возможно, ожидал высшего командования в армии, но, к его досаде, Наполеон остановил свой выбор на нем как на военном министре. В течение нескольких лет военный министр был немногим больше клерка, и от него не ожидали, что он будет иметь большое влияние на армию. Теперь Наполеону нужен был человек испытанной преданности и достаточно сурового характера, чтобы внушить благоговейный страх столице и беспокойным духам в армии. Поэтому Даву во многом против своей воли был вынужден довольствоваться наспех собранными силами, но его раздражало его положение; и характерно для него, что Наполеон в конце концов был вынужден послать ему самые официальные приказы, прежде чем угрюмый министр осуществил неудачное намерение императора передать командование Бурмону, которого Даву сильно и справедливо подозревал в предательстве. Когда Наполеон покинул столицу, Даву стал ее губернатором и оставался на своем посту равнодушным к интригам республиканцев и роялистов. Когда Наполеон вернулся после великой катастрофы, Даву высказался за единственно мудрую политику — сопротивление и отсрочку созыва фракционных палат. После отречения Наполеона Временное правительство по необходимости передало Даву командование армией, которая была сосредоточена вокруг Парижа.

Если бы Даву менее строго ограничивал себя своим солдатским долгом, если бы он больше брал на себя, имея под своим началом 100 000 человек, он мог бы спасти Францию от большей части ее последующего унижения или, по крайней мере, он мог бы сохранить жизни Нея и храбрецов, которых впоследствии перебили бурбоны. Перехитренный Фуше и не желавший сталкиваться с враждебностью Палаты представителей, Даву в конце концов согласился на капитуляцию Парижа, хотя сначала преподавал прусской кавалерии суровый урок. В то время как многие из его товарищей были вовлечены в великую борьбу за благосклонность или безопасность, суровый маршал отказался от своего министерства и, оказав последнюю в его силах услугу Франции, остановил дальнейшее бесполезное кровопролитие, отозвав армию, что было нелегкой задачей в их тогдашнем настроении, за Луару, где он держал в повиновении тех, кого роялисты называли "луарскими разбойниками", пока их не сменил Макдональд. Он был единственным из молодых маршалов, которого не судили в Испании, и до сих пор ему везло; но, хотя он не пользовался популярностью в армии, его характер и заслуги, кажется, указывают на то, что он наиболее подходит из всех маршалов для независимого командования. Если бы Наполеон добился успеха в 1812 году, Даву получил бы наместничество Польши; и он, вероятно, оставил бы более высокое имя в истории, чем другие люди, поставленные Наполеоном править своими отдаленными королевствами. В любом случае Франции и союзникам повезло, что человек с его характером руководил армией после отречения Наполеона; в противном случае вокруг Парижа развернулась бы бурная деятельность, поскольку только с величайшим трудом и силой своего авторитета и примера Даву удалось заставить армию отступить из столицы и постепенно принять белую кокарду. Когда его сменил Макдональд, он совершил работу, которую не смог бы выполнить ни один другой человек. Он протестовал против запрета, но было слишком поздно; его власть иссякла. В 1819 году он был прощен за свои заслуги перед Францией и стал пэром, но умер в 1823 году, когда ему было всего пятьдесят три года.

Среди маршалов, оказывавших активную поддержку Наполеону, Ней в глазах большинства играет ведущую роль; если бы только речь шла о его судьбе, которая слишком хорошо известна, чтобы о ней можно было здесь много говорить. В 1815 году Ней командовал во Франш-Конте, был призван в Париж и получил приказ отправиться в Безансон, чтобы

выступить во фланг Наполеону. Он начал, вполне вероятно, используя грубое хвастовство, впоследствии приписываемое ему как наиболее тяжким грехам, например, что "он вернул бы Наполеона в железной клетке". Предполагалось послать с Ней герцога де Берри, второго сына графа д'Артуа, и маршалу очень не повезло, что этого не было сделано. Не может быть никаких сомнений в том, что Ней говорил и действовал добросовестно, когда покидал Париж. Только один момент кажется решающим в этом. Ней нашел под своим командованием дивизионного генерала Бурмона, офицера хорошо известных роялистских взглядов, который одно время служил с вандейскими повстанцами, а затем дезертировал от Наполеона незадолго до Ватерлоо, хотя и умолял принять участие в кампании. Ней не только оставил Бурмона командовать, но и, требуя другого дивизионного генерала, вместо того чтобы выбрать бонапартиста, убедил Лекурба оставить свою отставку и присоединиться к нему. Теперь, хотя Лекурб был выдающимся генералом, особенно прославившимся горной войной — свидетельство тому его заслуги в 1799 году в Альпах над Люцерном, — Наполеон надолго оставил его без работы из-за его сильных республиканских взглядов и симпатий к Моро. Этих двух генералов, Бурмона и Лекурба, два отряда Нея как командующего, через которых только он мог общаться с войсками, он не только держал при себе, но и советовался до последнего, прежде чем выступить за Наполеона. Это было бы слишком опасно для хитрого политика, чтобы действовать вслепую, но Ней был хорошо известен своей чрезмерной откровенностью и импульсивностью. Если бы герцог де Берри поехал с ним, если бы Ней унес с собой такое свидетельство намерения бурбонов защищать свой трон, вполне вероятно, что он повел бы себя подобно Макдональду; и несомненно, что он добился бы не большего успеха. Сами бонапартисты опасались того, что они называли безрассудством Нея. Однако было сочтено, что лучше оставить герцога де Берри в безопасности.

Ней обнаружил, что его выдвинули как бы в одиночку против человека, к которому присоединялась вся Франция; он обнаружил, как и каждый офицер, посланный с подобной миссией, что солдаты просто ждали встречи с Наполеоном; и пока принцы искали безопасности, а солдаты строили заговоры против своих вождей, раздались призывы императора старинным трубным звуком. Орел должен был летать — нет, он перелетал с башни на башню, и победа приближалась стремительно. Был ли Ней тем человеком, который застрелит своего старого лидера? мог ли он, как он просил, остановить море своими руками? На суде его подчиненного Бурмона, который к тому времени продемонстрировал свою преданность бурбонам, пожертвовав своей воинской честью и дезертировав к союзникам, спросили, мог ли Ней заставить солдат действовать против императора. Он мог только предположить, что если бы Ней взял мушкет и сам бросился в атаку, мужчины последовали бы его примеру. "И все же, - сказал Бурмон, - я бы не осмелился утверждать, что он (маршал) победил бы". И кого Ней мог обвинить? Мы знаем, как Наполеон подошел к силам, посланным ему навстречу: он показал себя один перед своими собственными войсками. Ней намеренно убил своего старого командира? ожидал ли когда-нибудь какой-нибудь генерал пройти такое испытание? и можно ли поверить, что солдаты, которые увели сопротивляющегося Удино и преследовали летящего Макдональда, испытывали такое почтение к "Ружо", как они его называли, что стояли бы в стороне, когда он совершал это убийство? Вся эта идея абсурдна: как сказал сам Ней на суде, они бы "стерли его в порошок". Несомненно, почетным поступком для Нея было бы покинуть свой корпус, когда он потерял над ним контроль; но настаивать, как это было сделано впоследствии, на том, что он действовал по заранее обдуманному плану и что его пример имел такой вес, было бы лишь злонамеренной ложью. Сам император хорошо знал, как мало он обязан свободной воле своего маршала, и вскоре ему пришлось отослать его из Парижа, поскольку Ней, с болью в сердце, недовольный собой и обеими сторонами, высказал свое мнение со своей обычной

свободой. Сначала Нейю было приказано осмотреть границу от Дюнкерка до Бейла, а затем ему разрешили отправиться к себе домой. Он держался настолько отчужденно от Наполеона, что, когда он появился на Майском поле, император изобразил удивление, сказав, что, по его мнению, Ней эмигрировал. В последний момент маршал Мортье заболел. За Ней уже послали. Он поторопился, купив лошадей Мортье (предположительно, тех злополучных животных, которые погибли под ним при Ватерлоо), и добрался до армии как раз вовремя, чтобы получить командование левым крылом.

Хорошо подмечено, что те самые качества, которые делали Нея бесценным для обороны или службы в арьергарде, сыграли против него в таком сражении, как Катр-Бра. Великолепный командир корпуса, он не обладал командирским чутьем, чтобы окинуть поле боя взглядом и с первого взгляда оценить силу противника. В Бауцене в 1818 году его штаб не смог помешать ему свернуть с маршрута, который привел бы его в самый тыл противника, потому что, увидев противника и не в силах устоять перед желанием открыть ответный огонь, он свернул, чтобы немедленно вступить в бой. При Катр-Бра, не видя, с какими силами он вступил в бой, полагая, что вся английская армия с самого начала была у него в руках, он позволил в начале дня окружить себя простым заслоном из войск.

Мы не можем здесь вдаваться в подробности поведения Нея при Ватерлоо, за исключением указания на то, что обычно слишком мало значения придается тому факту, что английская кавалерия в счастливый момент атаковала и уничтожила артиллерию, которая подтягивалась для зачистки английских каре с близкого расстояния. При Ватерлоо, как и во многих других сражениях, описание поведения Нея больше напоминает поведение гомеровского героя, чем современного генерала. Идеальному полководцу современности, наблюдающему за битвой на расстоянии, спокойно взвешивающему ее ход, ненарушимо, если не считать отдаленных случайных выстрелов, странно сравнивать Нея, шатающегося через ворота Кенигсберга, всего в крови, в дыму и снегу, с мушкетом в руке, объявляющего себя арьергардом Франции, или появляющегося вторым Ахиллесом на валах Смоленска, чтобы подбодрить сдающиеся войска на гласисе, или среди бегущих войск при Ватерлоо, с непокрытой головой и сломанной шпагой, черного от пороха, пешего, его пятая лошадь погибла под ним, зная, что жизнь, честь и страна потеряны, все еще надеясь вопреки надежде и предпринимая еще одну последнюю отчаянную попытку. Если бы он умер— Ах! если бы он умер там, какая великолепная гробница могла бы воздвигнуться, славная как для Франции, так и для него, с простой надписью "Храбрейшему из храбрых".

Рано утром 19 июня небольшая группа офицеров, отступавших с поля боя, нашла Нея спящим в Маршьене, "впервые за четыре дня он отдохнул", и они не стали беспокоить его для получения приказаний. "И действительно, какой приказ мог отдать маршал Ней?" Катастрофа того дня, ошеломляющий ужас от бегства разбитой армии просто раздавили Нея морально, а также физически. Поднявшись в Зал заседаний, он осудил все попытки дальнейшего сопротивления. Он не знал, он не поверил бы, что Граучи в безопасности и что армия быстро собирается. Только что вернувшийся с поля боя, со всеми его следами, авторитет Нея был слишком велик для правительства. Напуганные друзья, замышлявшие роялистский заговор, вторили диким словам Нея, храброго только перед физической опасностью. Вместо того чтобы погибнуть на поле битвы, он жил, чтобы обеспечить возвращение Бурбонов, падение Бонапарта, свою собственную смерть и разорение Франции.

До того, как стало известно о его исключении из-под амнистии, Ней покинул Париж 6 июля и въехал в страну, почти не пытаясь скрыться, с официальными паспортами от Фуше. Капитуляция Парижа, казалось, заслонила его, и он так мало осознавал жажду роялистов его

крови, что дал знать о своем присутствии, рассказав о великолепной сабле, подаренной ему императором при его женитьбе и признанной по простому сообщению старого солдата принадлежащей Нею или Мюрату; и Ней сам впустил в дом отряд, посланный арестовать его 5 августа, и фактически отказался от предложения Эксельмана, через войска которого он проходил, освободить его. Никто в то время, кроме несчастных беженцев из Гента, не мог заподозрить после капитуляции, что для Нея существовала какая-то особая опасность, и очень трудно понять, по какому принципу бурбоны выбирали своих жертв или намечали жертвы. Друо, например, никогда не служил Людовику XVIII, он никогда не носил белую кокарду, он уехал из Франции с Наполеоном на Эльбу и служил там императору. В 1815 году он сражался под началом своего собственного государя. После Ватерлоо он употребил все свое огромное влияние, тем большее, что было связано с его положением, чтобы заставить гвардию отступить за Луару и подчиниться бурбонам. Именно потому, что Даву так нуждался в нем, Друо остался в армии. Ходульного Друо приговорили к смертной казни, но доказательства его положения были слишком вескими, чтобы Суд мог осудить его. Камбронн, еще один избранный, также отправился с Наполеоном на Эльбу. Сэвори, еще один избранный, присоединился к Наполеону, как в конечном итоге было признано, только тогда, когда он полностью взял бразды правления в свои руки. Бертран, осужденный на острове Святой Елены, находился в том же положении, что и Друо. На самом деле, если бы кто-нибудь составил список вероятных проскрипций и сравнил его с данными от 24 июля 1815 года, то, вероятно, нашлось бы несколько имен, общих для обоих, за исключением Лабедойера, Мутона Дюверне и др. Истина заключается в том, что бурбоны и, надо отдать им справедливость, еще в большей степени окружавшая их злобная банда посредственностей, жаждали крови. Даже они почувствовали весь позор перелета в Гент.

Пока они воспевали славу Реставрации, преданность народа, доблесть принцев, высадился Наполеон, Реставрация исчезла, как дурной сон, и принцы первыми проложили путь к границе. Протестовать против того, что имел место заговор и что заговорщики должны пострадать, было единственно возможным прикрытием позора роялистов, которые не могли видеть, что единственным заговором был всеобщий заговор нации против жалких людей, которые не знали, как управлять высокодуховным народом.

Ней, арестованный 5 августа, впервые предстал перед военным трибуналом 9 ноября, в состав которого вошли маршал Журден (президент), маршалы Массена, Ожеро и Мортье, генерал-лейтенанты Газан, Клапаред и Вилатт (члены). Монси отказался заседать, и Массена сослался на свои собственные ссоры с Неем в Испании, чтобы избавиться от этой задачи, но был вынужден остаться. Защищаемый обоими Берриерами, Ней, к сожалению, отрицал юрисдикцию военного трибунала над ним как над равным. По всей вероятности, Военный суд оправдал бы его. Слишком довольные в тот момент тем, что освободились от суда над своим старым товарищем, не понимая опасности судебного разбирательства, члены Суда большинством в пять голосов против двух признали себя некомпетентными, и 21 ноября Ней предстал перед Палатой пэров, которая 6 декабря вынесла ему приговор.

Умолять о пощаде своего храброго противника было бы настолько очевидным актом великодушия со стороны герцога Веллингтона, что мы, возможно, простили бы его за то, что он изучил причины невмешательства. Во-первых, герцог, похоже, придавал значение тому факту, что если бы Ней верил, что капитуляция накрыла его, он бы не прятался. Теперь, еще до того, как Ней узнал о своем исключении из-под амнистии, появляться в Париже было бы глупой бравадой. Кроме того, роялистская реакция была в самом разгаре, и когда толпы роялистов при попустительстве властей убивали маршала Брюна и нападали на всех видных сторонников Наполеона, для Нея вряд ли было подходящее время путешествовать с полной

помпой. Нельзя сказать, что, кроме капитуляции, герцог не нес никакой ответственности. Как правило, правительство, казнящее заключенного, может с некоторой силой, хотя и довольно жестоко, настаивать на том, что факт того, что они могут судить и казнить его, сам по себе показывает их полномочия на это. Бурбоны не могли даже использовать этот аргумент. Если бы союзники эвакуировали Францию, Луи ле Дезире заказал бы свой экипаж и был бы на границе до того, как они ее достигли. Если французы действительно произвели выстрелы, в результате которых погиб Ней, союзники, по крайней мере, разделили ответственность с французским правительством. Наконец, казалось бы, герцог попросил бы сохранить жизнь Нейю, если бы король, искусный в таких мелких уловках, намеренно не проявил к нему временную холодность. Мало кого из мужчин удержало бы от того, чтобы попросить о жизни собаки. Дело в том, что герцог Веллингтон был великим полководцем, он был целеустремленным и патриотично настроенным государственным деятелем, у него была тысяча добродетелей, но он никогда не был щедрым. Нельзя сказать, что он просто разделял чувства своей армии, поскольку некоторые из его офицеров готовились дать возможность Нейю сбежать, и Ней должны были охранять люди с хорошим положением, переодетые в форму рядовых. Присоединившись к Наполеону, Ней написал своей жене, думая о маленьких неприятностях, которые роялисты любили причинять людям, завоевавшем Континент. "Ты больше не будешь плакать, когда покинешь Тюильри". Несчастливая дама плакала сейчас, тщетно прося милосердия для своего мужа. Арестованный 5 августа, приговоренный 6 декабря, Ней был застрелен 7 декабря, и сам способ его казни показывает, что в лишении его жизни было гораздо больше мести, чем справедливости.

Если бы Ней был расстрелян, очевидно, что это должно было быть высшим актом справедливости. Если бы ни звание, ни заслуги преступника не спасли его, его смерть не могла бы быть слишком формальной, слишком торжественной, слишком публичной. Даже обычная военная казнь всегда проводится с серьезными и впечатляющими формами: проводится грандиозный парад войск, чтобы все могли своими глазами увидеть последний акт закона. После казни войска дефилируют мимо тела, чтобы все могли увидеть преступника действительно мертвым: ничего подобного в казни Нейя не было. Ранним утром 7 декабря 1815 года несколько случайных прохожих увидели небольшой отряд войск, ожидавший у стены Люксембургского сада. Подъехал фиакр, из которого вышел маршал Ней в штатском, сам удивленный повседневным видом этого места. Затем, когда офицер стрелявшей команды (ибо зрители теперь знали, что это был именно он) увидел, в кого именно он должен был стрелять, он, как говорят, совершенно окаменел; и его место занял пэр, один из судей Нейя, герцог де ла Форс. Ней упал при первом же залпе с шестью пулями в груди, тремя в голове и шее и одной в руке, и через четверть часа тело было убрано; "простой Мишель Ней", - как он сказал секретарю, произносившему его титул при зачитывании приговора, - "простой Мишель Ней, скоро превратившийся в небольшую пыль".

Коммунисты, пойманные с поличным на улицах Парижа в 1870 году, были убиты с едва ли меньшей формальностью, чем на месте смерти князя Московского и герцога Эльхингенского, и тогда правда стала очевидной. Бурбоны не могли, не осмеливались пытаться привести приговор закона в исполнение с помощью форм закона. Правительство не решилось позволить войскам или народу предстать перед маршалом. Формы закона не могли быть выполнены, требования мести могли быть выполнены. И если это можно счесть каким-либо преувеличением, то доказательство пагубных последствий этого убийства, поскольку его форма затрудняет называть его как-то иначе, у нас в руках. Было невозможно заставить общественность поверить, что Ней действительно был убит таким образом, и почти по сей день у нас появляются новые истории о том, что настоящий Ней был обнаружен в Америке. Дело, однако, действительно было сделано. Маршалы теперь знали, что, когда

принцы бежали, они сами должны были остаться, чтобы умереть за королевское дело; и Людовику наконец удалось предотвратить его возвращение в свое королевство среди обозов союзников, чтобы его не рассматривали просто как предмет для насмешек. Однако об одной детали казни Нея нам ничего не сообщается: мы не знаем, должна ли была его вдова, как и мадам Лабедуайер, заплатить по три франка за голову солдатам расстрельной группы, застрелившей ее мужа. Каковы бы ни были ошибки бурбонов, они, по крайней мере, проводили свои казни экономно.

Государственные деятели Франции, какими бы выдающимися они ни были, определенно не соответствовали ситуации ни в 1814, ни в 1815 году. Правда, в 1814 году они были почти ошеломлены крушением Империи и, как бы мало они ни предвидели реставрации Бурбонов, еще меньше они могли предвидеть необычайные безумства, которые должны были совершиться. В 1815 году было меньше оправданий их беспомощности, и, как бы они ни были напуганы массой врагов, которые обрушились на них, чтобы довершить катастрофу при Ватерлоо, все же обидно обнаружить, что некому было взять в руки штурвал власти и, противостоя союзникам, поставить надлежащие условия для Франции и для храбрых людей, которые сражались за нее. Непокоримый Даву был там со своими 100 000 человек, чтобы придать вес их словам, и полная беспомощность старшей линии Бурбонов была слишком явно продемонстрирована, чтобы сделать их возвращение неизбежным, так что нет причин сомневаться в том, что твердый сердцем патриот мог бы спасти Францию от большей части деградации и потерь, причиненных ей, когда союзники снова отдали ее на милость. По крайней мере, бурбоны могли бы быть лишены возможности отомстить, к которой они стремились, забрав часть лучшей крови Франции. Для Нея и его товарищей было бы лучше пасть в последней битве под Парижем, чем быть застреленными французами, ободренными присутствием иностранных войск.

Талейран, самая выдающаяся фигура среди государственных деятелей, был в отъезде. Его отсутствие в Вене во время первой реставрации, несомненно, было причиной многих совершенных тогда ошибок. Его способности, проявленные при Наполеоне, были сильно преувеличены, поскольку, как сказал герцог Веллингтон, было достаточно легко быть министром иностранных дел правительства, обладавшего военной мощью в Европе, но, по крайней мере, он был выше мелочей и нелепостей двора Бурбонов. Получив известие о высадке Наполеона, он, похоже, действительно поверил, что предприятие немедленно закончится катастрофой, и настаивал на объявлении вне закона человека, который ошеломил его богатством и который, в худшем случае, оставил его с позором спокойно владеть всем его нечестным путем нажитым богатством. Но по мере того, как могущество Наполеона становилось все более и более очевидным, поскольку, возможно, Талейран обнаружил, что австрийцы не столь тверды, какими хотели казаться, и поскольку он предвидел возможные шансы орлеанской семьи, он стал довольно прохладно относиться к королю, которому он недавно оплакивал тяготы разлуки со своим любимым монархом. Он внезапно обнаружил, что после Конгресса первой обязанностью дипломата было позаботиться о своей печени, и Карлсбад предложил ему приятное убежище, где он мог бы подождать, пока сможет поздравить победителя в борьбе.

Людовик был глубоко возмущен таким поведением своего министра иностранных дел, и когда Талейран наконец присоединился к нему, разрешив все свои сомнения, король воспользовался первой возможностью и отправил его в отставку, оставив спокойного Талейрана на этот раз заикаться от ярости. Однако вскоре Луис обнаружил, что он не был таким свободным агентом, каким считал. Союзники не хотели снова заменять свою марионетку на троне, и они смотрели на Талейрана и Фуше как на двух необходимых людей.

Талейран был немедленно восстановлен в должности и некоторое время оставался во главе министерства. Однако он не подходил для парламентского правления, был слишком беспечен в бизнесе и пытался добиться своих целей скорее хитроумными уловками, чем прямыми мерами. Что же касается состояния, в которое он привел правительство, то оно было удачно охарактеризовано г-ном Беньо. "До сих пор, - сказал он, - мы знали только три типа правительств— монархическое, аристократическое и республиканское. Теперь мы изобрели новую, о которой раньше никто не слышал, — Отцовскую анархию".

В сентябре 1815 года на выборах в Палату депутатов было больше роялистов, чем короля, и Талейран стремился завоевать популярность, свергнув Фуше. К его ужасу, оказалось, что, вполне удовлетворившись этим шагом, депутаты в следующий раз спросили, когда бывший епископ должен быть уволен. Воспользовавшись тем, что Талейран считал удачным способом заручиться решительной королевской поддержкой, пригрозив уйти в отставку, король заменил его герцогом де Ришелье. Было бы неплохо пошутить над герцогом и сказать, что он был человеком во Франции, который знал большую часть Крыма (герцог долгое время находился на русской службе с одобрения Наполеона), но Талейран был ошеломлен. Он получил при дворе ту же должность, которую занимал при Наполеоне, великого камергера, и впоследствии оставался сардоническим наблюдателем событий, не лишенной впечатлений фигурой, присутствовавшей на придворных церемониях и на обильных обедах короля и, вероятно, протянувшей руку помощи в 1830 году, чтобы свергнуть Карла X с трона. Июльская монархия отправила его послом в Англию, где он вмешался в местную политику, например, составив заговор против лорда Пальмерстона, резкие манеры которого ему не нравились; и в 1838 году он закончил свою странную жизнь с некоторым достоинством, будучи, как выразился один из его восхвалителей, верным каждому правительству, которому служил, до тех пор, пока было возможно их спасти.

К темной стороне характера Талейрана мы здесь не имеем никакого отношения; для наших целей достаточно сказать, что роль, которую ведущий государственный деятель Франции играл в течение столетия, была просто нулевой. В 1814 году он выпустил бразды правления из своих рук; в 1815 году он мог только следовать за королем, который даже отказался принять его совет относительно надлежащего способа возвращения во Францию, и хотя он снова стал главным министром, Талейран, как и Людовик XVIII, был обязан своим восстановлением в 1815 году исключительно союзникам.

Граф д'Артуа, брат короля, а позже и сам король как Карл X., был отправлен в Лион, куда герцог Орлеанский последовал за ним, и где оба принца встретились с маршалом Макдональдом. Маршал сделал все, что мог человек, чтобы сохранить верность солдат Бурбонам, но ему пришлось посоветовать принцам возвращаться в Париж, а ему самому пришлось спасаться бегством, когда он попытался лично остановить Наполеона. Затем герцога Орлеанского отправили на север удерживать Лилль, где король намеревался укрыться, а граф д'Артуа остался при Дворе.

Двор очень нуждался в деньгах, король и Кларк, герцог де Фельтр, военный министр, были единственными счастливыми обладателями экипажей. Они коротали время, как однажды с горечью заметил аббат Луи, говоря глупости, пока у них не появлялся шанс их совершить.

Граф д'Артуа, который, вероятно, мудро и, безусловно, осторожно, отказался идти с де Витролем расшевеливать юг, пока тот не обеспечит безопасность короля, в конце концов тоже отправился в Гент, в то время как герцог Беррийский находился в Алосте, неподалеку, с крошечной армией, состоящей из остатков Мезон дю Руа, о которых больше всего упоминалось в отчетах. Герцог Орлеанский, всегда вызывавший подозрения у короля,

покинул Францию вместе с королевской свитой, но отказался оставаться в Бельгии, поскольку утверждал, что это вражеская страна. Он переправился в Англию, где и остался, значительно усилив беспокойство Людовика, отказавшись присоединиться к нему.

Конец этих принцев хорошо известен. Людовик умер в 1824 году, оставив свой трон своему брату; но Карл занимал его только до 1830 года, когда после восстания, получившего название "три славных июльских дня", его вежливо выпроводили из Франции, и он нашел убежище в Англии. Герцог Ангулемский умер, не оставив потомства. Герцог де Берри был убит в 1820 году, но его вдова родила посмертного сына герцога де Бордо, или, для ярых роялистов, Генриха V. Хотя более известного нам как граф де Шамбор, который умер в 1883 году, не оставив потомства, положив конец тогдашней старшей линии Бурбонов и передав свои права семье Орлеанов. После падения власти Карла X герцог Орлеанский стал королем Франции, но был свергнут революцией 1848 года и умер беженцем в Англии. Поскольку три принца из Дома Конде, принц де Конде, его сын, герцог де Бурбон, и его внук, герцог Энгиенский, умерли, не оставив потомства мужского пола, этот благородный род вымер.

Когда 7 марта 1815 года известие о победе Наполеона с Эльбы достигло Вены, три главы союзников, императоры Австрии и России, а также король Пруссии, все еще находились там. Хотя говорили, что Конгресс танцевал, но не продвигался вперед, все же на самом деле была проделана большая работа, и известие о высадке Наполеона создало новые узы союза между союзниками, которые пресекли все дальнейшие шансы на разобщение и позволили им практически завершить свою работу к 9 июня 1815 года, хотя договоры требовали доработки в течение нескольких лет после этого.

Франция, Австрия и Англия вырвали большую часть Саксонии из пасти Пруссии, и Александр был вынужден оставить короля Саксонии править половиной своих бывших подданных, не избавив его, как он хотел, от боли такого унижения, отняв у него все. России пришлось довольствоваться значительным увеличением своих польских владений, получив большую часть Великого герцогства Вестфалия. Австрия, вероятно, неразумно отступила от своих бывших окраинных провинций в Швабии и Нидерландах, которые до революции неизбежно делали ее защитницей Европы от Франции, предпочтя захватить свои завоевания в Италии, завоевания, которые она постепенно утратила в наши дни; в то время как Пруссия, приняв Рейнские провинции, полностью заняла прежнее положение Австрии. Действительно, из того, каким образом Пруссия была, так сказать, разбросана по Германии после 1815 года, было очевидно, что ее судьба должна заключаться либо в том, чтобы быть раздавленной Францией, либо в том, чтобы, аннексировав государства, входящие в ее владения, стать доминирующей державой в Германии. Для нее было невозможно оставаться такой, какой ее оставили.

Союзники крепко связали Францию. У них не было желания снова идти на Париж, чтобы вернуть Людовика подданным, которые, к сожалению, возражали против подчинения этому желанному монарху. По второму Парижскому мирному договору, заключенному 20 ноября 1815 года, Франция должна была быть оккупирована войсками союзников на военных позициях на границе численностью не более 150 000 человек, отобранных из всех армий союзников, под командованием, которым в конечном итоге стал герцог Веллингтон. Первоначально оккупация не должна была превышать пяти лет, но в феврале 1817 года армия была сокращена на 30 000 человек, по одной пятой от каждого контингента; и по Экс-ла-Шапельскому мирному договору от 9 октября 1818 года Франция должна была быть эвакуирована к 30 ноября 1818 года.

Три монарха, вероятно, не жалели о завершении Конгресса ни на каких условиях. Александру надоело выставлять себя напоказ в салонах в своей любимой роли Агамемнона, щедрого по отношению к Трои, и он исчерпал свою первую популярность. Он был уязвлен, обнаружив, что некоторым из его любимых планов смело противостоят Талейран и Меттерних, и, действительно, ему не терпелось встретиться с последним в открытом бою. Франциску потребовалась вся твердость того, кого он называл своим богемским главой, чтобы противостоять угрозам, мольбам и обольщению, использованным для того, чтобы заставить его согласиться с низложением короля Саксонии и уничтожением саксонской национальности тем самым союзом, который заявлял, что борется только за права наций и их законных суверенов.

Все три монарха снова имели удовольствие въехать в Париж, но так и не насладились всей славой 1814 года. "Наши друзья, враги" тогда не были так популярны во Франции, и разграбление Лувра не понравилось даже роялистам. Иностранные монархи вскоре вернулись в свои собственные опустошенные и обнищавшие государства.

Впоследствии император Франциск спокойно правил до своей смерти в 1835 году, ему оставалось только помогать своему министру в подавлении случайных вспышек свободолюбия в Германии.

Король Пруссии вернулся с триумфом, завоеванным его отважными подданными, и в свете его новых почестей, по словам графини фон Восс, он был действительно красив. Теперь у него было свободное время, чтобы возобновить обсуждение униформы и работу по застегиванию и расстегиванию многочисленных пуговиц на своих панталонах, в которой его так грубо прервала Йена. Первый институт Zollverein, или торгового союза с несколькими государствами, постепенно расширявшийся, был мерой, которая многое сделала для объединения Германии. Вместе со своим братом-совереном он вновь посетил Париж в конце военной оккупации в 1818 году, оставаясь там дольше других, "потому что, - говорили парижане, - он нашел актера в маленьком театре, который сумел заставить его смеяться". Он умер в 1840 году. Его королева — как говорили, убитая горем — скончалась в 1810 году.

Александр по-прежнему был полон самых добрых намерений по отношению ко всем. Мир должен был стать свободным, счастливым и религиозным; но у него были довольно смутные представления о том, как должны были осуществляться его планы. Таким образом, характерно, что, когда его преемник пожелал провести торжественную коронацию в качестве короля Польши, оказалось, что Александр не предвидел трудностей, с которыми столкнулся, пытаясь организовать коронацию Суверена Греческой церкви в качестве короля Римско-католического государства. Страшный, но очень туманный Священный Союз был одним из немногих плодов видений Александра. Его разум описывается как проходящий регулярную серию стадий с каждым влиянием, под которым он действовал. Он закончил свою жизнь усталым, разочарованным, "обманутым во всем, отягощенным сожалениями"; вынужденный сокрушить те самые надежды своего народа, которые он поощрял, он умер в 1825 году в Таганроге, оставив свое новое Польское королевство на растерзание своим преемникам.

Второстепенные монархи не требуют особого упоминания. Они сохранили все титулы, полученные от Наполеона, и в то же время ликовали, освободившись от его тяжелой руки и жесткого надзора. Каждый получил свою долю, малую или большую, добычи, за исключением бедного короля Дании, который, будучи заверен Александром перед его отъездом, что он увез с собой все сердца, ответил: "Да, но не все души".

Восстановление многого плохого в старой системе (одна страна даже зашла так далеко, что восстановила пытки), непрекращающиеся атаки на свободу и все либеральные идеи, поскольку Вюртемберг был практически единственным государством, недовольным ужесточением узды, столь дорогой Меттерниху, — все это послужило подходящим комментарием к прокламациям, с помощью которых монархи травили свой народ против человека, которого они представляли как единственное препятствие на пути к свободе и миру в Европе. Во мраке и разочаровании народы сели зализывать свои раны: Презрение, проявляемое монархами ко всему, кроме права завоевания, то, как они относились к землям, отвоеванным у Наполеона, как к гигантскому "бассейну", который должен был быть разделен между ними, по стольким душам на каждого; их полная неспособность выполнить свои обещания своим подданным о предоставлении свободы, — все это медленно приносило свои плоды в последующие годы, и их последствия даже еще не исчерпаны. Право суверена владеть своими землями теперь, согласно публичному праву Европы, определялось его силой, права народа рассматривались как несуществующие. Поистине, как пела наша самая одаренная поэтесса...

Короли выползли наружу — народы сидели по домам,
И, обнаружив, что долгожданный мир
(покров, расшитый изношенными изображениями
божественных прав) слишком скуден, чтобы скрыть гибель
, От которой они страдали, лелеяли зерно, которое росло
От горящего хлеба до Ватерлоо".

ГЛАВА XIII

—[Эта глава, подготовленная редактором издания 1836 года, основана на "Мемориале" и работах О'Мира и Антоммарчи.]—

1815-1821.

Путешествие на остров Святой Елены—Личные качества императора—Прибытие в Джеймс—Таун—Временная резиденция Наполеона в Брайарсе—Переезд в Лонгвуд-Тамошний распорядок дня—Кампания в Италии—Прибытие сэра Хадсона Лоу—Неприятные отношения между императором и новым губернатором—Посетители на острове Святой Елены—Интервью капитана Бэзила Холла с Наполеоном—Анекдоты императора—Отъезд Лас Касеса и О'Мира—Прибытие из Европы—Физические привычки императора—Доктор Антоммарчи—Туалет императора—Создание нового епископства—Энергия императора с помощью лопата—Его усиливающаяся болезнь—Последние дни Наполеона—Его смерть—Похоронен на государственной службе—Военные похороны—Отчет Маршана о последних минутах жизни императора—Последние завещания Наполеона—Часы Риволи.

Осталось лишь вкратце коснуться заключительных сцен из жизни великого императора. В предыдущей главе мы рассказали о капитуляции Наполеона, его путешествии в Англию и переводе с "Беллерофонта" на "Нортумберленд". Последнее судно находилось в большом замешательстве из-за короткого уведомления, с которым оно вышло в море, и в течение двух первых дней команда была занята наведением порядка. Пространство за бизань-мачтой вмещало столовую шириной около десяти футов, тянувшуюся во всю ширину корабля, салон и две каюты. Император занимал каюту слева, в которой была поставлена его походная кровать; та, что справа, была отведена адмиралу. Было категорически предписано, чтобы салон был общим. Форма обеденного стола напоминала форму обеденного зала. Наполеон сидел спиной к салону; слева от него сидела мадам Бертран, а справа - адмирал, который вместе с мадам де Монтолон занимал одну сторону стола. Следующей за этой дамой, но в конце стола, был капитан Росс, командовавший кораблем, а на противоположном конце мсье де Монтолон, мадам Бертран и секретарь адмирала. Сторону стола, обращенную к императору, занимали великий маршал, полковник полевого полка Лас Касес и Гурго. Адмирал каждый день приглашал одного или двух офицеров на обед, и недавно сформированный оркестр 53-го полка играл во время ужина.

10 августа "Нортумберленд" вышел из Ла-Манша и потерял землю из виду. Курс корабля был рассчитан на то, чтобы пересечь Бискайский залив и обогнуть мыс Финистерре. Ветер был попутный, хотя и слабый, а жара невыносимой. Наполеон завтракал в своей каюте в неурочное время. Каждое утро он посылал за одним из своих слуг, чтобы узнать о дистанции, состоянии ветра и других деталях, связанных с их продвижением. Он много читал, к четырем часам оделся и затем вошел в общий салон; здесь он сыграл в шахматы с одним из участников вечеринки; в пять часов адмирал объявил, что обед подан. Хорошо известно, что Наполеон едва ли тратил на обед больше пятнадцати минут; здесь только на приготовление двух блюд ушло почти полтора часа. Это его серьезно раздражало, хотя черты его лица и манеры всегда демонстрировали совершенную невозмутимость. Ни новая система приготовления, ни качество блюд никогда не вызывали у него порицания. Ему прислуживали два камердинера, стоявшие за его стулом. Сначала у адмирала вошло в привычку предлагать императору несколько блюд, но благодарность последнего была выражена так холодно, что от этой практики отказались. С тех пор адмирал только указывал слугам, что предпочтительнее. Наполеон обычно молчал, как будто не был знаком с языком, хотя это был французский. Если он и заговаривал, то только для того, чтобы задать какой-нибудь технический или научный вопрос или обратиться с парой слов к тем, кого адмирал время от времени приглашал на обед.

Император встал сразу же после того, как был подан кофе, и вышел на палубу в сопровождении гранд-маршала и Лас Кейса. Это привело в замешательство адмирала Кокберна, который выразил свое удивление своим офицерам; но мадам Бертран, чей родной язык был английским, энергично ответила: "Не забывают, сэр, что ваш гость - человек, правивший значительной частью мира, и что когда-то короли боролись за честь быть допущенными к его столу". — "Совершенно верно", - подтвердил адмирал; и с тех пор он делал все возможное, чтобы соответствовать привычкам Наполеона. Он сократил время сидения за столом, заказав кофе для Наполеона и тех, кто сопровождал его, еще до того, как остальная компания закончила обед. Император оставался на палубе до наступления темноты. Вернувшись в кормовую каюту, он садился играть в "винг и унт" с кем-нибудь из своей свиты и обычно удалялся примерно через полчаса. Утром 15 августа вся его свита

попросила разрешения быть допущенными к нему. Он не знал о причине этого визита; это был его день рождения, который, казалось, совершенно вылетел из его памяти.

На следующий день они обогнули мыс Финистерре и до 21-го числа, миновав Гибралтарский пролив, продолжали свой путь вдоль побережья Африки к Мадейре. Наполеон обычно оставался в своей каюте все утро, и из-за сильной жары на нем было очень легкое платье. Он плохо спал и часто вставал ночью. Чтение было его главным занятием. Он часто посылал за графом Лас Кейсом, чтобы тот переводил все, что касалось острова Святой Елены или стран, мимо которых они проплывали. Наполеон обычно заводил разговор на какую-нибудь тему или вспоминал события какого-нибудь предыдущего дня, и, сделав восемь или девять оборотов по всей длине палубы, он усаживался на второе орудие от трапа по левому борту. Гардемарины вскоре заметили это привычное пристрастие, так что с тех пор пушка стала называться императорской пушкой. Именно здесь Наполеон часто часами беседовал с ними.

22 августа они приблизились к Мадейре и ночью вышли из порта. Они остановились на день или два, чтобы пополнить запасы провизии. Наполеону стало нехорошо. Поднялся внезапный шторм, и воздух наполнился мелкими частицами песка и удушливыми испарениями из африканских пустынь. Вечером 24-го они снова взвесились и продвигались гладко и быстро. Император добавил к своим развлечениям игру в пикет. Он был всего лишь неважным шахматистом, и на доске не было ни одного очень хорошего игрока. Он в шутку спросил: "Как получилось, что он часто побеждал тех, кто побеждал лучших игроков, чем он сам?" От игры "Винг и ун" отказались, так как они играли слишком высоко; а Наполеон питал большое отвращение к азартным играм. Однажды ночью негр выбросился за борт, чтобы избежать порки, что вызвало большой шум и суету. Молодой мичман, встретивший Лас Кейса, спускавшегося в каюту, и думавший, что тот собирается сообщить об этом Наполеону, схватил его за сюртук и озабоченным тоном воскликнул: "Ах, сэр, не тревожьте императора! Скажите ему, что шум вызван несчастным случаем!" В целом мичманы вели себя с подчеркнутым уважением и вниманием к Бонапарту и часто знаками или словами приказывали матросам не мешать ему: он иногда замечал это поведение и отмечал, что юношеские сердца всегда склонны к великодушию.

1 сентября они оказались на широте островов Кабо-де-Верд. Теперь все сулило благополучный переход, но время поджимало. Лас Касес взялся учить своего сына английскому языку, и император также выразил желание учиться. Однако вскоре ему это надоело, и он отложил учебу в сторону, и возобновилось это занятие лишь много времени спустя. Его манеры и привычки всегда были одинаковыми; он неизменно казался довольным, терпеливым и добродушным. Адмирал постепенно отбросил свою сдержанность и проявил интерес к своему великому пленнику. Он указал на опасность, которой подвергался выход на палубу после обеда из-за вечерней сырости: император тогда иногда брал его под руку и продлевал беседу, иногда затрагивая военно-морские дела, ресурсы Франции на юге и улучшения, которые он предполагал в портах и гаванях Средиземного моря, и все это адмирал выслушивал с глубоким вниманием.

Тем временем Наполеон заметил, что Лас Кейс был занят делом, и ознакомился с его дневником, которым не остался недоволен. Он, однако, заметил, что некоторые военные подробности и анекдоты дают лишь скудное представление о предмете войны: это впервые привело к предложению ему написать собственные мемуары. Наконец император принял решение, и в субботу, 9 сентября, он вызвал своего секретаря к себе в каюту и продиктовал ему некоторые подробности осады Тулона. Приблизившись к линии, они попали под пассаты, которые постоянно дуют здесь с востока. 16-го числа прошел сильный дождь, к

великой радости моряков, которым не хватало воды. Сильный дождь начался как раз в тот момент, когда император вышел на палубу, чтобы совершить свою послеобеденную прогулку. Но это не помешало ему заняться обычными физическими упражнениями; он просто потребовал свою знаменитую серую шинель, которую команда рассматривала с большим интересом.

23 сентября они перешли черту. Это был день большого веселья и беспорядка среди команды: это была церемония, которую английские моряки называют "крестинами". Никто не получает пощады, и с офицерами, как правило, обращаются более грубо, чем с кем-либо другим. Адмирал, который ранее развлекал себя тревожным описанием этой церемонии, теперь очень вежливо избавил своих гостей от неудобств и насмешек, связанных с ней. Наполеона неукоснительно уважали на протяжении всего этого сатурналийского праздника. Узнав о соблюдении приличий по отношению к нему, он приказал вручить гротескному "Нептуну" и его команде сотню Наполеонов, чему адмирал воспротивился, возможно, из соображений благоразумия, а также вежливости.

Из-за спешки, с которой они покинули Англию, покраска корабля была закончена совсем недавно, и это обстоятельство на два дня заперло Наполеона, у которого было очень острое обоняние, в его комнате. Теперь, в начале октября, они были загнаны в Гвинейский залив, где встретили французское судно, направлявшееся на остров Бурбон. Они поговорили с капитаном, который выразил свое удивление и сожаление, когда узнал, что на борту находится Наполеон. Ветер был попутный, и корабль продвигался мало. Матросы ворчали на адмирала, который отклонился от обычного курса. Наконец они приблизились к концу своего путешествия. 14 октября адмирал сообщил им, что рассчитывает в этот день приблизиться к острову Святой Елены. Едва они встали из-за стола, как до их ушей донесся крик "Земля!". Это произошло примерно через четверть часа после назначенного времени. Император поднялся на бак, чтобы осмотреть остров; но его все еще было едва различимо. На следующее утро, на рассвете, они могли видеть его довольно отчетливо.

Наконец, примерно через семьдесят дней после своего отъезда из Англии и через сто десять после выхода из Парижа, Наполеон достиг острова Святой Елены. В гавани находилось несколько судов эскадры, которые отделились от них и которые, как они думали, остались позади. Наполеон, вопреки обыкновению, рано оделся и вышел на палубу: он направился к трапу, чтобы осмотреть остров. Он увидел нечто вроде деревни, окруженной многочисленными бесплодными холмами, возвышающимися до облаков. Каждая платформа, каждое отверстие, выступ каждого холма были уставлены пушками. Император рассматривал перспективу в свою подзорную трубу. Выражение его лица не изменилось. Вскоре он покинул палубу и, послав за чемоданами, приступил к своей дневной работе. Адмирал, который сошел на берег очень рано, вернулся около шести сильно усталый. Он бродил по разным частям острова и, наконец, решил, что нашел жилище, которое подошло бы его пленникам. Дом нуждался в ремонте, который мог занять два месяца. Ему было приказано не позволять французам покидать судно до тех пор, пока не будет подготовлено жилье для их приема. Однако он под свою личную ответственность взялся высадить их на берег на следующий день.

16-го, после обеда, Наполеон в сопровождении адмирала и великого маршала Бертрана сел в лодку, чтобы отправиться на берег. Когда он проходил мимо, офицеры собрались на шканцах, а большая часть команды - на сходнях. Император, прежде чем сесть в шлюпку, послал за капитаном судна и простился с ним, пожелав ему в то же время передать свою благодарность офицерам и команде. Эти слова, казалось, произвели живейшее впечатление на всех, кто их понял или кому они были истолкованы. Остальные члены его свиты

высадились около восьми. Они нашли императора в отведенных ему апартаментах через несколько минут после того, как он поднялся в свои покои. Его поселили в чем-то вроде гостиницы в Джеймс-Тауне, состоящем всего из одной короткой улицы или ряда домов, построенных в узкой долине между двумя скалистыми холмами.

На следующий день император, великий маршал и адмирал, отправившись верхом посетить Лонгвуд, который был выбран в качестве резиденции императора, по возвращении увидели примерно в двух милях от города небольшую виллу с пристроенным к ней павильоном, резиденцию мистера Балькомба, островного торговца. Это место понравилось Наполеону, и адмирал придерживался мнения, что для него было бы лучше остаться здесь, чем возвращаться в город, где часовые у его дверей и собравшаяся вокруг толпа в некотором роде заперли его в комнате. Павильон представлял собой нечто вроде летнего домика на пирамидальном возвышении, примерно в тридцати-сорока шагах от дома, где семья привыкла отдыхать в хорошую погоду: он был нанят для временного пребывания императора, и он немедленно вступил в его владение. Из города вела каретная дорога, и долина в этой части была менее пересеченной. Вскоре послали за Лас Кейсом. Поднимаясь по извилистой дорожке, ведущей к павильону, он увидел Наполеона, стоявшего на пороге двери. Его тело было слегка согнуто, руки заложены за спину; на нем были его обычная простая форма и хорошо знакомая шляпа. Император был один. Ему захотелось немного прогуляться, но ни с одной стороны павильона, окруженного огромными обломками скалы, не было ровной площадки. Однако, взяв под руку своего спутника, он завел веселую беседу. Когда Наполеон собирался отойти ко сну, слуги обнаружили, что одно из окон рядом с кроватью открыто: они забаррикадировали его, как могли, чтобы не пропускать воздух, к воздействию которого император был очень восприимчив. Лас Касес поднялся в верхнюю комнату. Камердинеры лежали, растянувшись в своих плащах, на пороге двери. Такова была первая ночь, проведенная Наполеоном в Бриарсе.

Английский офицер был поселен с ними в доме в качестве охраны, а два унтер-офицера были размещены рядом с домом, чтобы наблюдать за их передвижениями. На следующий день Наполеон продолжил свою диктовку, которая заняла его на несколько часов, а затем отправился на прогулку в сад, где его встретили две мисс Балькомб, жизнерадостные девочки лет четырнадцати, которые преподнесли ему цветы и засыпали странными вопросами. Наполеона позабавила их фамильярность, к которой он был мало привычен. - Мы были на балу-маскараде, - сказал он, когда молодые леди удалились.

На следующий день на завтрак принесли цыпленка, которого император взялся разделать сам и был удивлен, что у него так хорошо получилось, поскольку прошло много времени с тех пор, как он делал так много. Кофе показался ему настолько плохим, что, попробовав его, он решил, что отравился, и отослал его прочь.

Утро проходило в делах; вечером Наполеон иногда отправлялся на соседнюю виллу, где молодые леди заставляли его играть в вист. Кампания в Италии была почти завершена, и Лас Касес предложил, чтобы другие сторонники Наполеона, проживавшие в городе, приходили каждое утро, чтобы помочь в переписывании Египетской кампании, Истории консульства и т.д. Это предложение понравилось бывшему императору, так что с тех пор один или двое из его свиты регулярно приходили писать под его диктовку и оставались обедать. Палатка, присланная полковником 53-го полка, была раскинута так, чтобы образовать продолжение павильона. Их повар поселился в Бриарсе. Из сундуков достали скатерть, расставили тарелки, и первый ужин после этих новых приготовлений превратился в своего рода праздник.

Однажды за обедом Наполеон, бросив взгляд на одно из блюд своего собственного походного сервиза, на котором был выгравирован королевский герб, воскликнул: "Как они это испортили!" - и не мог удержаться от замечания, что король очень спешил завладеть императорским блюдом, которое, конечно же, ему не принадлежало. Среди багажа был также шкаф, в котором хранилось несколько медальонов, подаренных ему папой римским и другими властителями, несколько писем Людовика XVIII, которое он оставил на своем письменном столе во время внезапного бегства из Тюильри 20 марта, и ряд других писем, найденных в портфеле г-на Де Блака, имевших целью оклеветать Наполеона.

Император никогда не одевался примерно до четырех часов, затем он гулял в саду, который был ему особенно приятен из—за своего уединения - английские солдаты были выведены по просьбе мистера Балькомба. Небольшая беседка была покрыта холстом, в ней стояли стул и стол, и здесь Наполеон продиктовал большую часть своих мемуаров. Вечером, когда он никуда не выходил, он обычно умудрялся продлить беседу до одиннадцати-двенадцати часов.

Таким образом, время шло без особого разнообразия и перерывов. Зимой погода стала восхитительной. Однажды, выполнив свою обычную задачу, Наполеон направился к городу, пока не оказался в пределах видимости дороги и кораблей. По возвращении он встретил миссис Балькомб и некую миссис Стюарт, которая возвращалась из Бомбея в Англию. Император беседовал с ней о нравах и обычаях Индии, а также о неудобствах длительного морского путешествия, особенно для дам. Он упомянул Шотландию, родину миссис Стюарт, разглагольствовал о гении Оссиана и поздравил свою прекрасную собеседницу с сохранением ее чистого северного цвета лица. Пока стороны были заняты этим, несколько тяжело нагруженных рабов прошли мимо них. Миссис Балькомб сделала им знак обойти, но Наполеон вмешался, воскликнув: "Уважайте ношу, мадам!" Когда он сказал это, шотландская леди, которая очень внимательно изучала черты лица Наполеона, прошептала своей подруге: "Боже мой! что за характер и что за выражение лица! Как это отличается от того представления, которое у меня сложилось о нем!"

Вскоре после этого Наполеон повторил ту же прогулку и вошел в дом майора Хадсона. Этот визит вызвал серьезную тревогу у официальных властей.

Губернатор давал бал, на который были приглашены французы; и Лас Касес примерно в то же время поехал в Лонгвуд посмотреть, насколько продвинулись приготовления к их приему. Отчет о его возвращении был не очень благоприятным. Они провели в Бриаре уже шесть недель, в течение которых Наполеон был почти так же ограничен, как на борту корабля. Это начало сказываться на его здоровье. Лас Касес высказал свое мнение, что император не обладал тем железным телосложением, которое ему обычно приписывали; и что именно сила его ума, а не тела помогала ему справляться с полевыми трудами и работой кабинета министров. Говоря на эту тему, сам Наполеон заметил, что природа наделила его двумя особенностями: первая заключалась в способности спать в любое время и в любом месте; вторая - в его неспособности к каким-либо излишествах ни в еде, ни в питье: "Если, - сказал он, - я хоть немного перехожу границы дозволенного, мой желудок немедленно взбунтуется". Он был подвержен тошноте по самым незначительным причинам и простуде при любой смене воздуха.

Заклученных перевезли в Лонгвуд 10 декабря 1815 года. В то утро Наполеон пригласил мистера Балькомба позавтракать с ним и беседовал с ним в очень веселой манере. Около двух доложили об адмирале Кокберне; он вошел с несколько смущенным видом. Вследствие ограничений, наложенных на него в Бриаре, и того, как обращались с членами его свиты,

проживавшими в городе, Бонапарт прекратил принимать адмирала; однако в данном случае он вел себя с ним так, как будто ничего не произошло. Наконец они покинули Терновник и отправились в Лонгвуд. Наполеон ехал верхом на лошади, маленьком, резвом и довольно красивом животном, которое привезли для него с Кейптауна. На нем была форма гвардейского егеря, и особенно выделялись его изящные манеры и красивое лицо. Адмирал был к нему очень внимателен. У входа в Лонгвуд они встретили вооруженную стражу, которая оказывала предписанные почести их прославленному пленнику. Его лошадь, непривычная к парадам и напуганная барабанной дробью, отказывалась проезжать через ворота, пока Наполеон не пришпорил ее, в то время как среди эскорта промелькнули многозначительные взгляды. Адмирал приложил немало усилий, чтобы указать на мельчайшие детали в Лонгвуде. Он лично руководил всеми приготовлениями, среди которых была и ванная комната. Бонапарт был всем доволен, и адмирал казался чрезвычайно довольным. Он ожидал раздражительности и презрения, но Наполеон проявил совершенное добродушие.

Вход в дом был через комнату, которая была только что построена для выполнения двойного назначения - прихожей и столовой. Эта комната вела в гостиную; за ней находилась третья комната, идущая в противоположном направлении и очень темная. Предполагалось, что здесь будут храниться карты и книги императора, но впоследствии оно было переоборудовано в столовую. Покои императора выходили в эти апартаменты с правой стороны и были разделены на две равные части, образуя кабинет и спальню; небольшая внешняя галерея служила ванной комнатой; напротив покоев императора, на другом конце здания, находились апартаменты мадам Монтолон, ее мужа и ее сына, впоследствии использовавшиеся как императорская библиотека. Отдельно от этой части дома располагалась небольшая квадратная комната на первом этаже, примыкающая к кухне, которая была отведена для Лас Кейсов. На окнах и кроватях не было занавесок. Мебель была убогой. Бертран и его семья жили на расстоянии двух миль, в местечке под названием Рутс Гейт. Генерал Гурго спал в палатке, а также мистер О'Мира и офицер, командовавший охраной. Дом был окружен садом. Впереди, разделенный довольно глубоким оврагом, располагался лагерь 53-й полк, разные части которого были размещены на соседних высотах.

Внутренний состав императора состоял из одиннадцати человек. Великому маршалу было поручено общее управление; господину де Монтолону - домашние заботы; Лас Касс должен был позаботиться о мебели и имуществе, а генералу Гурго - о конюшнях. Эти меры, однако, вызвали недовольство среди приближенных Наполеона. Лас Кассес признает, что они больше не были членами одной семьи, каждый прилагал все усилия, чтобы принести пользу всем. Они были далеки от того, чтобы практиковать то, что диктовала необходимость. Он также говорит: "Адмирал не раз в разгар наших споров с ним поспешно восклицал, что император, несомненно, самый добродушный, справедливый и разумный из всех".

По своему первому приезду он отправился посетить бараки, занимаемые несколькими китайцами, живущими на острове, и место под названием ферма Лонгвуд. Он пожаловался Лас Кейсам, что в последнее время они бездельничали; но постепенно их рабочий день и занятость стали постоянными. Поскольку кампания в Италии была закончена, Наполеон исправил ее и продиктовал другие темы. Это была их утренняя работа. Они ужинали между восемью и девятью часами, мадам Монтолон сидела справа от Наполеона, Лас Кассес - слева от него, а Гурго, Монтолон и сын Лас Кассеса - напротив. Запах краски еще не выветрился, и они побыли за столом не более десяти минут, а десерт был приготовлен в соседней комнате, где подали кофе и завязалась беседа. Читались сцены из Мольера, Расина и Вольтера; и всегда выражалось сожаление по поводу того, что у них нет экземпляра Корнея.

Затем они сыграли в "реверсис", который был любимой игрой Бонапарта в юности. Это воспоминание было ему приятно, и он думал, что сможет развлекаться им сколь угодно долго, но вскоре перестал обманываться. Его целью всегда было совершить "реверсис", то есть выиграть каждый трюк. Характер проявляется в самых незначительных инцидентах.

Наполеон прочитал клевету на себя и сравнил комплименты, которыми обменивались он и королева Пруссии, с жестоким поведением, приписываемым ему в английских газетах. С другой стороны, два простых матроса в разное время, пока он был в Лонгвуде и в Брайарсе, несмотря на приказы и рискуя всем, пробрались сквозь часовых, чтобы увидеть Наполеона. Увидев интерес, который они проявили к нему, он воскликнул: "Это фанатизм! Да, воображение правит миром!"

Инструкции английских министров относительно обращения с Наполеоном на острове Святой Елены были подготовлены с целью полной безопасности его личности. Английский офицер должен был постоянно находиться за его столом. Этот приказ, однако, не был приведен в исполнение. Офицер также должен был сопровождать Наполеона во всех его поездках; этот приказ был отменен в определенных установленных пределах, потому что Наполеон вообще отказался ездить верхом на таких условиях. Почти каждый день приносил с собой какой-нибудь новый повод для беспокойства и жалоб. Под окнами Наполеона и перед его дверями были выставлены часовые. Однако этот приказ, несомненно, был отдан для того, чтобы его не раздражало дерзкое любопытство. Французы, конечно, были лишены всякого свободного общения с жителями острова; но эта предосторожность была бесспорно необходима для безопасности личности императора. Las Cases жалуется, что пароли постоянно менялись, так что они жили в постоянном недоумении и опасении подвергнуться какому-нибудь непредвиденному оскорблению. "Наполеон, - продолжает он, - обратился с жалобой к адмиралу, которая не принесла ему никакого удовлетворения. В разгар этих жалоб адмирал пожелал представить Наполеону нескольких дам (прибывших в "Дорике"), но тот отказался, не одобряя такого чередования оскорблений и любезностей". Однако он согласился, по просьбе их полковника, принять офицеров 53-го полка. После того, как этот офицер откланялся, Наполеон продолжил прогулку по саду. Он ненадолго остановился, чтобы посмотреть на цветок на одной из клумб, и спросил своего спутника, не лилия ли это. Это была действительно великолепная лилия. Мысль, которая пришла ему в голову, была очевидна. Затем он рассказал о том, сколько раз его ранили, и сказал, что считалось, что он никогда не сталкивался с подобными несчастными случаями, поскольку держал их в секрете, насколько это было возможно".

Это было ближе к концу декабря. Однажды, после прогулки и кувыркания в грязи, Бонапарт вернулся и нашел пачку английских газет, которые великий маршал перевел ему. Это заняло его допоздна, и он забыл о своем ужине, обсуждая их содержание. После обеда Лас Касас хотел продолжить перевод, но Наполеон не позволил ему продолжать, сославшись на слабое состояние его глаз. "Мы должны подождать до завтра", - сказал он. Несколько дней спустя адмирал лично навестил его, и беседа прошла в приятной атмосфере. После некоторого оживленного обсуждения было решено, что Наполеон отныне будет свободно передвигаться по острову; что офицер должен следовать за ним только на расстоянии; и что посетителей следует допускать к нему не с разрешения адмирала как инспектора Лонгвуда, а с разрешения великого маршала, который должен был оказывать почести заведению. Эти уступки, однако, вскоре были отозваны. 30 числа этого месяца Пионтковский, поляк, который был оставлен позади, но чьи просьбы возобладали над английским правительством, присоединился к Бонапарту. В День Нового года вся их маленькая компания собралась вместе, и Наполеон, проникнувшись чувствами по этому поводу, попросил разрешения

позавтракать и провести его вместе. Каждый день появлялась какая-нибудь новая черта такого рода.

14 апреля 1816 года сэр Хадсон Лоу, новый губернатор, прибыл на остров Святой Елены. Эта эпоха важна, поскольку положила начало продолжающейся серии обвинений и встречных обвинений, которыми были постоянно заняты последние пять лет жизни Наполеона, к большому неудовольствию его самого и всех, кто с ним связан, и, возможно, к сокращению его собственного существования.

Было бы утомительно подробно описывать ход этой мелкой войны, но, поскольку тема заняла столь значительную часть жизни Наполеона, ее нельзя опускать. Чтобы избежать чего-либо, что может показаться предвзятым по отношению к Наполеону, подробности, если не указано иное, будут получены от Лас Кейс, его преданного поклонника.

Во время первого визита нового губернатора, который состоялся 16 апреля, Наполеон отказался принять его, потому что он сам был болен, а также потому, что губернатор заранее не попросил аудиенции. Во время второго визита губернатор был допущен к аудиенции, и Наполеон, похоже, с первого взгляда отнесся к этому предвзято, поскольку он заметил своей свите, что губернатор "отвратителен и у него самое уродливое выражение лица", хотя и признал, что ему не следует судить слишком поспешно. Дух отряда был продемонстрирован замечанием о том, что первые два дня были днями сражений.

Губернатор снова встретился с Наполеоном 30 апреля, и беседа была бурной. Наполеон спорил с губернатором о поведении союзников по отношению к нему, говорил, что они не имеют права распоряжаться им, который был им равным, а иногда и хозяином. Затем он разглагольствовал о вечном позоре, который англичане навлекли на себя, отправив его на остров Святой Елены; они хотели убить его медленной смертью: их поведение было хуже, чем поведение калабрийцев, застреливших Мюрата. Он говорил о трусости самоубийц, жаловался на малочисленность и ужасный климат острова Святой Елены и сказал, что было бы проявлением доброты немедленно лишить его жизни. Сэр Х. Лоу сказал, что деревянный дом, оборудованный всеми возможными удобствами, в то время находился на пути из Англии для его использования. Наполеон сразу отказался от этого и воскликнул, что ему нужен не дом, а палач и гроб; дом был насмешкой, смерть была бы одолжением. Через несколько минут после этого Наполеон взял несколько отчетов о кампаниях 1814 года, лежавших на столе, и спросил сэра Х. Лоу, написал ли он их. Лас Кейсес, сказав, что губернатор ответил утвердительно, заканчивает свой рассказ об интервью, но, по словам О'Мира, Наполеон сказал, что они были полны глупости и лжи. Губернатор, ответив гораздо мягче, чем дало бы большинство людей, удалился, а Наполеон разглагольствовал о зловещем выражении его лица, оскорбил его самым грубым образом и заставил своего слугу выбросить в окно чашку кофе за то, что она минуту стояла на столе рядом с губернатором.

Требовалось, чтобы все лица, посещавшие Лонгвуд или Хат-Гейт, докладывали губернатору или сэру Томасу Риду о беседах, которые они вели с французами. Вокруг Лонгвуд-хауса и его территории было выставлено несколько дополнительных часовых.

В очень сырую и туманную погоду Наполеон несколько дней не выходил из дома. Из Плантейшн-Хауса постоянно приходили одно за другим гонцы и письма. Губернатору, казалось, не терпелось увидеть Наполеона, и он явно не доверял ему, хотя жители Лонгвуда были уверены в его присутствии по звуку его голоса. У него были некоторые переговоры с графом Бертраном о необходимости, чтобы один из его офицеров ежедневно виделся с Наполеоном. Он также сам часто ездил в Лонгвуд, и наконец, после некоторых трудностей, ему удалось добиться свидания с Наполеоном в его спальне, которое длилось около

четверти часа. За несколько дней до того, как он послал за мистером О'Мира, он задал множество вопросов, касающихся пленника, несколько раз обошел вокруг дома и перед окнами, измерил и наметил план новой канавы, которую, по его словам, он вырыл бы, чтобы предотвратить проникновение скота на территорию.

Утром 5 мая Наполеон послал за своим хирургом О'Мира, чтобы тот явился к нему. Его ввели в спальню Наполеона, описание которой приводится следующим образом: "Она была примерно четырнадцать футов на двенадцать и десять или одиннадцать футов в высоту. Стены были обиты коричневым нанкином, оклеены обычной зеленой окантовочной бумагой и лишены плинтусов. Два маленьких окна без блоков, одно из которых было поднято и закреплено куском зазубренного дерева, смотрели в сторону лагеря 53-го полка. На окнах были занавески из белой длинной ткани, небольшой камин, потертая каминная решетка и такие же каминные щипцы, а также невзрачная деревянная каминная полка, выкрашенная в белый цвет, на которой стоял небольшой мраморный бюст его сына. Над каминной полкой висели портреты Марии Луизы и четыре или пять портретов юного Наполеона, один из которых был вышит руками его матери. Чуть правее висел также портрет императрицы Жозефины; а слева были подвешены набатные часы Фридриха Великого, полученные Наполеоном в Потсдаме; в то время как справа консульские часы с выгравированным шифром В висели на цепочке из заплетенных волос Марии Луизы, на булавке, воткнутой в нанковую подкладку. В правом углу стояла маленькая простая железная походная кровать с зелеными шелковыми занавесками, на которой ее хозяин почил на полях Маренго и Аустерлица. Между окнами стоял комод, а слева от двери, ведущей в соседнюю квартиру, стоял книжный шкаф с зелеными жалюзи. Четыре или пять плетеных стульев, выкрашенных в зеленый цвет, стояли тут и там по комнате. Перед задней дверью была ширма, затянутая нанкином, а между ней и камином - старомодный диван, покрытый белой длинной скатертью, на котором полулежал Наполеон, одетый в свой белый утренний халат, белые свободные брюки и чулки в одном флаконе, на голове у него был красный клетчатый платок, ворот рубашки расстегнут без галстука. Вид у него был меланхолический и встревоженный. Перед ним стоял маленький круглый столик с несколькими книгами, у подножия которого в беспорядке лежала на ковре грудa тех, которые он уже просмотрел, а на противоположной стороне дивана висел портрет императрицы Марии Луизы работы Изабель, держащей на руках своего сына. Перед камином стоял Лас Кейс, скрестив руки на груди и держа в одной из них какие-то бумаги. От всего бывшего великолепия некогда могущественного императора Франции не осталось ничего, кроме великолепного умывальника с серебряным тазом и кувшином для воды из того же металла в левом углу". Целью Наполеона, пославшего за О'Марой в этот раз, было спросить его, должен ли он в их будущих отношениях рассматривать его в свете шпиона и орудия губернатора или как его врача? Врач дал решительный и удовлетворительный ответ на этот вопрос.

"Во время короткой беседы, которую этот губернатор имел со мной в моей спальне, одной из первых вещей, которые он предложил, было отослать вас, - сказал Наполеон О'Мире, - и чтобы я назначил вместо вас его собственного хирурга. Он повторил это, и ему так хотелось добиться своей цели, что, хотя я наотрез отказал ему, когда он выходил, он обернулся и снова предложил это".

11-го числа губернатор издал прокламацию, "запрещающую любым лицам на острове отправлять письма или получать их от генерала Бонапарта или его свиты под страхом немедленного ареста и соответствующего обращения". Ничто не ускользало от бдительности сэра Хадсона Лоу. "Губернатор, - сказал Наполеон, - только что отправил Бертрону приглашение для генерала Бонапарта прибыть в Плантейшн-Хаус, чтобы

встретиться с леди Мойрой. Я сказал Бертрону, чтобы он не отвечал на это. Если бы он действительно хотел, чтобы я увидел ее, он бы ограничил доступ в "Плантейшн Хаус", но посылать такое приглашение, зная, что я должен быть начальником охраны, если хочу им воспользоваться, было оскорблением.

Вскоре после этого последовали Декларация союзников и Акты парламента, санкционирующие задержание Наполеона Бонапарта как военнопленного и нарушителя мира в Европе. Против Законопроекта, внесенного в Палату лордов, было два протеста - лорда Холланда и герцога Сассекского. Эти официальные документы не были направлены на то, чтобы смягчить гнев или поднять дух французов, перенесших свой плен.

В дополнение к страданиям собственного плена, Наполеону приходилось бороться с неуправляемым характером своих собственных сторонников. Как часто случается с мужчинами в подобных обстоятельствах, они иногда не соглашались между собой, и часть их раздражительности и дурного характера обрушивалась на их Начальника. Он принимал эти мелкие инциденты глубоко близко к сердцу. Однажды он с горечью сказал: "Я знаю, что я падший, но чувствовать это среди вас! Я знаю, что люди часто неразумны и склонны к оскорблениям. Поэтому, когда я не доверяю себе, я спрашиваю, стоило ли так обращаться со мной в Тюильри? Это мое испытание".

Сторонники Наполеона и другие приложили немало усилий, чтобы очернить личность сэра Хадсона Лоу и создать впечатление, что его единственной целью было досаждать Наполеону и сделать его жизнь невыносимой. И хотя можно усомниться в том, что сэр Хадсон Лоу был подходящим человеком, которого следовало поместить в деликатную ситуацию охраны павшего императора, нет сомнений, что ссоры и жалобы начались задолго до того, как этот офицер прибыл на остров; и характер этих жалоб показывает, что в лучшем случае заключенные были людьми, которых очень трудно было удовлетворить. Их содержание под стражей в "Брайарз" было одной из первых причин жалоб. Было заявлено, что император был там очень болен, что он был заключен "в клетку" без присмотра, что его свита была изолирована от него и что он был лишен физических упражнений. Несколькими страницами дальше в журнале судебных разбирательств Лас мы находим императора в добром здравии, и как только было объявлено, что Лонгвуд готов принять его, последовали утверждения, что тюремщики хотели заставить его пойти против его воли, что они хотели до предела усилить свою власть, что запах краски в Лонгвуде был очень неприятным и т.д. Сам Наполеон был вполне готов к отъезду и, казалось, был очень раздосадован, когда граф Бертран и генерал Гурго прибыли из Лонгвуда с известием, что это место пока непригодно для жизни. Его неудовольствие, однако, было гораздо серьезнее вызвано появлением графа Монтолона с информацией о том, что в Лонгвуде все было готово в течение нескольких минут после получения противоположных отчетов от Бертрана и Гурго. Вероятно, он понял, что его слуги шутят с ним, пытаясь заставить его поверить в то, что соответствовало их собственному удобству. Мы можем также отметить, что систематическое противодействие, которое было доведено до такой степени, против сэра Хадсона Лоу началось во время пребывания адмирала Кокберна. В его визитах было отказано; его обвинили в капризе, высокомерии и дерзости, и сам Наполеон прозвал его "Акулой"; вероятно, только его собственное спокойствие предотвратило более бурные вспышки гнева.

Наконец прибыл деревянный дом, и губернатор подождал Наполеона, чтобы посоветоваться с ним, как и где его следует возвести. Лас Касес, который слышал спор в соседней комнате, говорит, что он был долгим и шумным.

Он приводит подробности собственными словами Наполеона, и у нас есть преимущество сравнить его заявление с отчетом, переданным сэром Хадсоном Лоу британскому правительству от 17 мая 1816 года. Эти два рассказа различаются незначительно. Наполеон признает, что он был совершенно выведен из себя, что он встретил губернатора с его бурным выражением лица, яростно посмотрел на него и ничего не ответил на его сообщение о прибытии в дом, кроме многозначительного взгляда. Он сказал ему, что ничего не хочет и ничего не получит из его рук; что, по его предположению, его должны были умертвить ядом или мечом; применить яд будет трудно, но у него есть средства сделать это с помощью меча. Святыню его жилища не должно быть нарушено, и войска не должны входить в его дом иначе, как попирая его труп. Затем он сослался на приглашение, присланное ему сэром Хадсоном Лоузом встретиться с леди Лаудон в его доме, и сказал, что не может быть акта более утонченной жестокости, чем пригласить его к своему столу титулом "Генерал", чтобы выставить его объектом насмешек или развлечения для своих гостей. Какое право он имел называть его "генералом" Бонапартом? Он не хотел, чтобы ни он, ни кто-либо в мире лишил его достоинства. Он, конечно, снизошел бы до визита к леди Лаудон, если бы она была в пределах его досягаемости, поскольку он не придерживался строгого этикета в общении с женщиной, но он должен был считать, что оказывает ей честь. Он не считал себя военнопленным, но оказался в своем нынешнем положении в результате самого ужасного злоупотребления доверием. Сказав еще несколько слов, он отпустил губернатора, ни разу больше не упомянув о доме, который был целью визита. Здесь можно упомянуть о судьбе этого злополучного дома. Он был возведен после множества споров, но, к сожалению, был окружен покосившимся забором и декоративными перилами. Это сразу же связалось в сознании Наполеона с идеей укрепления; было невозможно избавиться от впечатления, что ров и частокол предназначались для защиты его личности. Как только стало известно о возражении, сэр Хадсон Лоу приказал выровнять площадку и убрать рельсы. Но прежде чем это было полностью завершено, здоровье Наполеона было слишком подорвано, чтобы допустить его переезд, и дом так и не был заселен.

Наполеон, по-видимому, чувствовал, что был слишком жесток в своем поведении. Несколько дней спустя, сидя за столом со своей свитой, он признался, что вел себя очень нехорошо и что в любой другой ситуации ему следовало бы краснеть за содеянное. "Я мог бы пожелать ради него, - сказал он, - увидеть, как он выказывает хоть каплю гнева, или с силой захлопнуть за собой дверь, когда он уходил". Эти несколько слов во многом раскрыли нам характер Наполеона: он любил запугивать, но его яростные высказывания были восприняты со спокойствием и решительной снисходительностью, к которым он был совершенно непривычен, и, следовательно, он становился все более сердитым по мере того, как на его гнев обращали меньше внимания.

Приведенных здесь примеров споров с сэром Хадсоном Лоу, вероятно, может быть достаточно: гораздо больше приводится Лас Кейсом, О'Мира и другими сторонниками Наполеона, и даже они всегда делают его агрессором. Сам Наполеон в минуты хладнокровия, казалось, признавал это; после самой ожесточенной ссоры с губернатором, произошедшей 18 августа 1816 года, которая полностью положила конец чему-либо подобающему вежливости между сторонами; он допускал, что очень плохо обращался с губернатором, что тот неоднократно и намеренно оскорблял его, и что сэр Хадсон Лоу ни в одном случае не проявил недостатка уважения, за исключением, возможно, того, что слишком резко удалился.

Были высказаны большие жалобы на скудость питания изгнанников; и они снова и снова утверждали, что им почти нечего есть. Вино тоже, как говорили, было отвратительным,

настолько плохим, что фактически его нельзя было пить; и из того, чем оно было, каждому человеку разрешалась только одна бутылка в день — норма, которую Лас Кейсес называет смехотворно маленькой. Оказанный таким образом нажим, но отчасти для пущего эффекта, Наполеон решил расходовать свою посуду ежемесячно; и поскольку он знал, что некоторые ост-индские капитаны предлагали до ста гиней за одну тарелку, чтобы сохранить память о нем, он решил, что все проданное должно быть разбито, гербы стерты и не осталось никаких следов, которые могли бы показать, что они когда-либо принадлежали ему. Единственными порциями, оставшимися нетронутыми, были маленькие орлы, которыми были украшены некоторые крышки для посуды. Эти последние фрагменты были объектами почитания приближенных Наполеона, на них смотрели как на реликвии, с чувством одновременно меланхолии и религиозности. Когда настал момент разбивать тарелки, Las Cases свидетельствует о болезненных эмоциях и настоящем горе, вызванных среди слуг. Они не могли без крайней неохоты заставить себя нанести удар молотком по этим предметам своего почитания.

Остров Святой Елены регулярно посещали ост-индские корабли на обратном пути, которые заходили туда, чтобы набрать воды и оставить порох для гарнизона. В таких случаях всегда находились люди, которым не терпелось навестить знаменитого пленника. Регламент этих визитов был рассчитан на то, чтобы уберечь Наполеона от раздражения праздным любопытством незнакомцев, к которым он питал большое отвращение. Те лица, которые желали прислуживать ему, были, в первую очередь, обязаны обращаться к губернатору, который сообщал их имена графу Бертрону. Этот джентльмен, как главный маршал двора, сообщил Наполеону пожелания этих лиц и в случае благоприятного ответа назначил время для свидания.

Те посетители, которых принимал Наполеон, были в основном высокопоставленными лицами, путешественниками из дальних стран или людьми, отличившимися в научном мире и способными сообщить интересную информацию в обмен на полученное удовлетворение. Некоторые из тех людей, которые были допущены к беседам с ним, опубликовали записи своей беседы, и все сходятся в том, что превозносят чрезвычайную грацию, приличия и видимость доброжелательности, проявленные Бонапартом во время проведения этих дамб. Его вопросы всегда задавались с большим тактом и по какому-нибудь предмету, с которым допрашиваемый был хорошо знаком, чтобы побудить его сообщить любую новую или любопытную информацию, которой он мог обладать.

Капитан Бэзил Холл, в августе 1817 года командовавший "Лирой", имел беседу с императором, о котором он говорит: "Бонапарт поразил меня тем, что значительно отличался от его изображений и бюстов, которые я видел. Его лицо и фигура выглядели гораздо шире и квадратнее — крупнее, действительно, во всех отношениях, чем любое изображение, с которым я встречался. Его полнота, о которой в то время повсеместно говорили как о чрезмерной, никоим образом не была примечательной. Напротив, его плоть выглядела упругой и мускулистой. На его щеках не было ни малейшего следа румянца; фактически, его кожа больше походила на мрамор, чем на обычную плоть. На его лбу не было заметно ни малейшей морщинки, ни малейшего намека на морщину в какой-либо части его лица. Его здоровье и бодрость духа, судя по внешнему виду, были превосходными, хотя в тот период в Англии считалось, что он быстро сдает из-за осложнения болезней и что его настроение совершенно испортилось. Его манера говорить была скорее медленной, чем обычной, и совершенно внятной; он с большим терпением и добротой ждал моих ответов на свои вопросы, и упоминание графа Бертрона потребовалось только один раз за весь разговор. Нельзя было не заметить блестящего, а иногда и ослепляющего выражения его глаз. Однако

это не было постоянным блеском, потому что он был замечателен только тогда, когда его возбуждал какой-то предмет, представляющий особый интерес. Невозможно представить себе выражение большей кротости, я бы даже сказал, благожелательности и доброты, чем то, которое играло на его лице в течение всего интервью. Следовательно, если в то время он был нездоров и пребывал в подавленном настроении, его способность владеть собой должна была быть еще более экстраординарной, чем принято считать, поскольку все его поведение, разговор и выражение лица указывали на совершенное здоровье и душевное равновесие".

Манера, которую Наполеон принимал во время случайных бесед с такими посетителями, была настолько противоположна той, которую он постоянно поддерживал по отношению к властям, под стражу которых он был помещен, что мы едва ли можем сомневаться, что он играл определенную роль в одной из таких ситуаций. Мистер Эллис высказал предположение, что он либо хотел посредством своих постоянных жалоб сохранить живой интерес к Англии, где, как он льстил себя надеждой, имелась партия, благосклонная к нему, либо что его беспокойный ум находил занятие в раздражении, которое он причинял губернатору. Каждая попытка примирения со стороны сэра Хадсона Лоу давала новые поводы для раздражения. Он отправил охотничьи ружья в Лонгвуд, и ответом на благодарность был ответ Наполеона, что посылать охотничьи ружья туда, где нет дичи, - оскорбление. Приглашение на бал вызвало бурное негодование французской стороны и было расценено как тяжкое оскорбление. Сэр Хадсон Лоу в свое время прислал из Англии разнообразную одежду и другие предметы, которые, по его мнению, могли пригодиться в Лонгвуде. Это сильно оскорбило их; по их словам, с ними обращались как с нищими; вещи следовало оставить в доме губернатора, а домочадцам почтительно разослать список, в котором говорилось, что такие вещи в их распоряжении, если они в них нуждаются.

Уже высказывалось мнение, что во многом это раздражение было вызвано оскорбленной гордостью приближенных Наполеона, которые поначалу были, безусловно, гораздо придиричливее его самого. Однажды он сам признался в этом в разговоре с О'Мирой. Он сказал: "Лас Кейсес, безусловно, был сильно раздражен сэром Хадсоном и внес существенный вклад в формирование впечатлений, существующих в моем сознании". Он приписал это чувствительному уму Лас Кейса, который, по его словам, был особенно восприимчив к жестокому обращению, которому подверглись Наполеон и он сам. Сэр Хадсон Лоу также чувствовал это и не раз отмечал, подобно сэру Джорджу Кокберну, что сам Наполеон всегда казался ему более разумным, чем окружающие его люди.

Плодотворным источником раздражения была решимость Наполеона ни на каких условиях не признавать себя пленником и его отказ подчиняться таким правилам, которые сделали бы его пребывание в плену менее обременительным. Не раз предлагалось прекратить присутствие офицера, если он позволит видеть себя один раз в день и пообещает не предпринимать никаких мер для побега. "Если бы он отдал мне весь остров, - сказал Наполеон, - при условии, что я дам слово не пытаться бежать, я бы этого не принял, потому что это было бы равносильно признанию себя пленником, хотя в то же время я не предпринял бы такой попытки. Я здесь по принуждению, а не по праву. Если бы меня взяли в плен при Ватерлоо, возможно, я бы без колебаний согласился на это, хотя даже в этом случае это противоречило бы международному праву, поскольку сейчас нет войны. Если бы они предложили мне разрешение на проживание в Англии на аналогичных условиях, я бы отказался от этого". Сама мысль о том, чтобы каждый день показываться офицеру, пусть и всего на мгновение, была отвергнута с негодованием. У него даже были заряженные пистолеты, чтобы застрелить любого, кто попытается вторгнуться в его частную жизнь. В

заметке в дневнике О'Мира говорится, что "император был настолько твердо убежден в том, что будет предпринята попытка насильственного вторжения в его личную жизнь, что вскоре после отъезда сэра Джорджа Кокберна он всегда держал в своих апартаментах четыре или пять пар заряженных пистолетов и несколько шпаг, которыми он был полон решимости расправиться с первым, кто войдет против его воли". Похоже, эта практика продолжалась до его смерти.

Наполеон продолжал проводить утро за диктовкой своих мемуаров, а вечера - за чтением или беседой. Он все больше любил Расина, но его любимым был Корнель. Он повторил, что, если бы он жил в свое время, он сделал бы его принцем. Он испытывал неприязнь к Вольтеру и находил значительные недостатки в его драмах, возможно, справедливо, поскольку они выражали мнения, а не чувства. Он критиковал своего Магомета и говорил, что тот выставил его просто самозванцем и тираном, не представляя его как великого человека. Это произошло из-за религиозных и политических антипатий Вольтера; ибо те, кто свободен от общепринятых предрассудков, приобретают вместо них другие собственные, к которым они столь же фанатичны и которые они выдвигают при любых обстоятельствах. Когда вечер прошел в беседе, не прибегая к книгам, он счел это выигранным очком.

Кто-то спросил императора, в каком величайшем сражении он участвовал, и он ответил, что трудно ответить на этот вопрос, не поинтересовавшись, что подразумевается под величайшим сражением. "О моих, - продолжал он, - нельзя судить отдельно: они составляли часть обширных планов. Следовательно, их следует оценивать по их последствиям. Битва при Маренго, исход которой так долго не решался, обеспечила нам господство над всей Италией. Ульм уничтожил целую армию; Йена положила к нашим ногам всю прусскую монархию; Фридланд открыл для нас Российскую империю; и Экмюль решил судьбу войны. Битва при Москве была той, в которой проявился величайший талант и благодаря которой мы получили наименьшее преимущество. Ватерлоо, когда все рухнуло, увенчало бы наши усилия победой, спасло бы Францию и принесло мир в Европу".

Мадам Монтолон спросила, какие войска он считает лучшими: "Те, которые побеждают, мадам", - ответил император. "Но, - добавил он, - солдаты капризны и непостоянны, как и вы, леди. Лучшими войсками были карфагеняне под командованием Ганнибала, римляне под командованием Сципиона, македонцы под командованием Александра и пруссаки под командованием Фридриха." Однако он считал, что французские солдаты были из всех остальных теми, кого легче всего было сделать лучшими, и поэтому их можно было сохранить. "С моей полной гвардией в 40 000 или 50 000 человек я бы предпринял марш по Европе. Возможно, возможно создать войска, столь же хорошие, как те, что составляли мою армию в Италии и при Аустерлице, но, конечно, никто никогда не сможет превзойти их".

Годовщина битвы при Ватерлоо произвела заметное впечатление на императора. - Непостижимый день! - сказал он удрученно. - Совпадение неслыханных судеб! Груши, Ней, Д'Эрлон — было ли это предательством или просто несчастьем? Увы! бедная Франция! Тут он закрыл глаза руками. "И все же, - сказал он, - все, на что было способно человеческое мастерство, было достигнуто! Не все было потеряно до того момента, когда все преуспело". Вскоре после этого, возвращаясь к этой теме, он воскликнул: "В ходе этой экстраординарной кампании, трижды, менее чем за неделю, я видел, как несомненный триумф Франции ускользал у меня сквозь пальцы. Если бы не предатель, я бы уничтожил врага в самом начале кампании. Я бы уничтожил его при Линьи, если бы только мое левое крыло выполнило свой долг. Я бы снова уничтожил его при Ватерлоо, если бы меня поддержало правое. Исключительное поражение, от которого, несмотря на самую роковую катастрофу, слава побежденных не пострадала".

Здесь мы приведем собственное мнение Наполеона о битве при Ватерлоо. "План сражения, - сказал он, - не будет в глазах историка отражать какую-либо заслугу лорда Веллингтона как генерала. Во-первых, ему не следовало давать сражение разделенными армиями. Они должны были объединиться и разбить лагерь до 15-го числа. В следующем бою выбор местности был неудачным, потому что, если бы его разбили, он не смог бы отступить, так как в его тылу была только одна дорога, ведущая через лес. Он также совершил ошибку, которая могла бы привести к уничтожению всей его армии, так и не начавшей кампанию и не втянутой в сражение; он позволил застать себя врасплох. 15-го я был под Шарлеруа и разбил пруссаков так, что он ничего об этом не знал. Я выиграл у него сорок восемь часов маневров, что было большой целью; и если бы некоторые из моих генералов проявили ту же энергию и гениальность, которые они проявляли в других случаях, я бы разбил его армию на части, даже не вступив в сражение. Но они были обескуражены и воображали, что повсюду видят армию в 100 000 человек, противостоящую им. У меня самого не было достаточно времени, чтобы уделять внимание мелочам в армии. Я рассчитывал застать Веллингтона врасплох и разобрать его во всех подробностях. Я знал о прибытии Бюлова в одиннадцать часов, но не придавал этому значения. У меня все еще было восемьдесят шансов из ста в мою пользу. Несмотря на огромное превосходство сил против меня, я был убежден, что одержу победу, у меня было около 70 000 человек, из которых 15 000 были кавалеристами. У меня было также 260 орудий; но мои войска были настолько хороши, что я считал их достаточными, чтобы победить 120 000 человек. Однако из всех этих войск я считал, что только англичане способны справиться с моими собственными. Об остальных я думал мало. Я полагаю, что англичан было от 35 000 до 40 000. Я считал их такими же храбрыми и хорошими, как мои собственные войска; английская армия в последнее время была хорошо известна на Континенте, и, кроме того, ваша нация обладает мужеством и энергией. Что касается пруссаков, бельгийцев и других, половины численности моих войск было достаточно, чтобы разбить их. Я оставил только 34 000 человек, чтобы позаботиться о пруссаках. Главными причинами проигрыша этого сражения были, во-первых, большое опоздание и небрежность Груши при выполнении его приказов; во-вторых, "кавалерийские гренадеры" и кавалерия под командованием генерала Гийо, которые у меня были в резерве и которые никогда не должны были покидать меня, вступили в бой без приказа и без моего ведома; так что после последней атаки, когда войска были разбиты и английская кавалерия продвинулась вперед, у меня не было ни одного кавалерийского корпуса в резерве, чтобы противостоять им, вместо одного, который, как я полагал, вдвое превосходил их численность. Вследствие этого англичане атаковали, добились успеха, и все было потеряно. Не было никаких средств для сплочения. Самый молодой генерал не совершил бы ошибки, оставив армию совершенно без резерва, что, однако, произошло здесь, в результате измены или нет, я не могу сказать. Это были две основные причины поражения в битве при Ватерлоо".

"Если бы лорд Веллингтон сам укрепился, - продолжал Наполеон, - я бы не атаковал его. Как полководец, его план не показал таланта. Он, безусловно, проявил большое мужество и упрямство; но даже из этого следует сделать небольшой вывод, если учесть, что у него не было средств к отступлению и что, если бы он предпринял попытку, ни один человек из его армии не спасся бы бегством. Во-первых, стойкости и храбрости его войск, ибо англичане сражались с величайшим мужеством и упрямством, он в основном обязан победой, а не своему собственному поведению как генерала; и затем, прибытию Блюхера, которому победа больше принадлежит, чем Веллингтону, и которому больше чести как генералу; потому что он, хотя и разбит накануне, собрал свои войска и ввел их в бой вечером. Однако я полагаю, - продолжал Наполеон, - что Веллингтон - человек большой твердости. Слава такой победы велика, но в глазах историка его военная репутация от этого ничего не выиграет".

"Я всегда был высокого мнения о ваших морях", - сказал однажды Наполеон О'Мире в разговоре, возникшем во время экспедиции в Алжир. "Когда я возвращался из Голландии вместе с императрицей Марией Луизой, мы остановились отдохнуть в Гиве. Ночью разразился сильный шторм с ветром и дождем, от которого река Маас так сильно вздулась, что снесло лодочный мост через нее. Мне очень хотелось поскорее уехать, и я приказал собрать всех лодочников в том месте, чтобы мне дали возможность переправиться через реку. Они сказали, что вода поднялась так высоко, что пройти ее будет невозможно раньше, чем через два-три дня. Я расспросил некоторых из них и вскоре выяснил, что они были моряками-пресноводцами. Затем я вспомнил, что в казармах находятся английские пленные, и приказал, чтобы несколько самых старых и лучших моряков из них были доставлены ко мне на берег реки. Вода была очень высокой, а течение быстрым и опасным. Я спросил их, могут ли они соединить несколько лодок вместе, чтобы я мог переправиться. Они ответили, что это возможно, но опасно. Я хотел, чтобы они приступили к этому немедленно. В течение нескольких часов им удалось осуществить то, что другие считали невозможным, и я переправился через реку еще до окончания вечера. Я приказал тем, кто работал над этим, получить каждому определенную сумму денег, костюм и свободу. Маршан был со мной в то время".

В декабре 1816 года Лас Касес был вынужден покинуть остров Святой Елены. Он написал письмо Люсьену Бонапарту и поручил слуге-мулату переслать его в Европу. Он был обнаружен; и поскольку он таким образом пытался вести (вопреки правилам острова) тайную переписку с Европой, Лас Касес и его сын были отправлены сначала на Кейп, а затем в Англию, где им разрешили высадиться только для отправки в Дувр и отправки в Остенде.

Вскоре после их прибытия на остров Святой Елены мадам Бертран родила сына, и когда Наполеон приехал навестить ее, она сказала: "Я имею честь представить вашему величеству первого французского подданного, который въехал в Лонгвуд без разрешения лорда Батерста".

Обычно предполагалось, что Наполеон верил в доктрину предопределения. Следующий разговор с Лас Кейсом ясно проясняет этот момент. "Скажите на милость, - сказал он, - не кажется ли вам, что я склонен верить в предопределение?" — "Да, сир; по крайней мере, многие люди". — "Ну и ну! пусть говорят, что им заблагорассудится, иногда может возникнуть соблазн внести свою лепту, и иногда это может оказаться полезным. Но что такое мужчины? Насколько легче завладеть их вниманием и поразить их воображение нелепостями, чем рациональными идеями! Но может ли человек в здравом уме хоть на мгновение прислушаться к такой доктрине? Либо предопределение признает существование свободы воли, либо отвергает ее. Если он признает это, то каким может быть заранее определенный результат, который простое решение, шаг, слово могут изменять до бесконечности? Если же предопределение, напротив, отвергает существование свободы воли, то это совсем другой вопрос; в таком случае ребенка нужно только бросить в колыбель, как только он родится, нет необходимости уделять ему хоть малейшую заботу, ибо, если будет окончательно решено, что он должен жить, он будет расти, хотя ему и не следует давать пищи. Вы видите, что такая доктрина не может быть поддержана; предопределение - это всего лишь слово, не имеющее значения. Сами турки, профессора предопределения, не убеждены в этой доктрине, поскольку в этом случае в Турции не существовало бы медицины, а человек, живущий на третьем этаже, не стал бы утруждать себя спуском по лестнице, а немедленно выбросился бы из окна. Вы видите, к какой череде абсурдов это приведет?"

Для этого мужчины характерны следующие черты характера. В повседневной жизни и в своей привычной беседе Наполеон искажал самые знакомые ему имена, даже французские;

однако этого не произошло бы ни по какому общественному поводу. Много раз во время прогулок было слышно, как он повторяет знаменитую речь Августа из трагедии Корнеля, и он никогда не упускал случая сказать: "Садись, Силла" вместо Цинны. Он часто придумывал имена в соответствии со своей фантазией, и когда он однажды их усвоил, они запечатлелись в его сознании, хотя он слышал их правильно по сто раз в день; но он был бы поражен, если бы другие использовали их так, как он их изменил. То же самое было и с орфографией; обычно он не обращал на это внимания, но если бы сделанные копии содержали какие-либо орфографические ошибки, он бы пожаловался на это. Однажды Наполеон сказал Лас Кейсу: "Ваша орфография неправильная, не так ли?" Этот вопрос вызвал саркастическую улыбку у человека, стоявшего рядом, который подумал, что это прозвучало как упрек. Император, видевший это, продолжил: "По крайней мере, я полагаю, что это не так, поскольку человек, занятый важными государственными делами, например, министр, не может и не нуждается в том, чтобы заниматься орфографией. Его идеи должны течь быстрее, чем его рука успевает их отследить, у него есть время только на то, чтобы сосредоточиться на главном; он должен складывать слова в буквы, а фразы в слова, и пусть писцы потом разбирают это". Наполеон действительно многое оставлял переписчикам; он был их мучением; его почерк действительно напоминал иероглифы — он часто сам не мог их расшифровать. Однажды сын Лас Касеса читал ему главу из Итальянской кампании; внезапно он резко остановился, не в силах разобрать написанное. "Маленький болван, - сказал Наполеон, - не может прочесть свой собственный почерк". — "Это не мой почерк, сир". — "А чей же тогда?" — "Вашего величества". — "Как же так, маленький плут; ты хочешь оскорбить меня?" Император взял рукопись, долго пытался прочесть ее и, наконец, отбросил, сказав: "Он прав; я сам не могу сказать, что там написано". Он часто посылал переписчиков в Лас-Вегас, чтобы те прочитали то, что он сам был не в состоянии расшифровать.

Сейчас мы приближаемся к последней меланхолической эпохе в жизни Наполеона, когда он впервые ощутил разрушительные последствия этой болезни, которая в конце концов положила конец его существованию. Случайные проявления этого присутствия проявлялись в течение нескольких лет, но его обычное здоровье всегда возвращалось после каждого приступа, и о его фатальной природе никто не подозревал, хотя сам Наполеон несколько раз говорил, что он умрет от скирруса привратника, болезни, которая убила его отца и которая, как объявили врачи Монпелье, будет передаваться по наследству в его семье. Примерно в середине 1818 года было замечено, что его здоровье постепенно ухудшается, и О'Мира счел нужным доложить губернатору о состоянии, в котором он находился. Даже в этих случаях Наполеон воспользовался возможностью возобновить свои притязания на титул императора. Он настоял на том, чтобы врач не отправлял никакого бюллетеня, если только он не назовет его в нем своим императорским титулом. О'Мира объяснил, что инструкции его правительства и приказы сэра Хадсона Лоу запрещают ему использовать этот термин, но все было напрасно. После некоторых затруднений было решено, что слово "пациент" следует использовать вместо титула генерала, который вызвал столько оскорблений, и эта замена устранила проблему.

Впоследствии О'Мира предложил обратиться за помощью к доктору Бакстеру, главному врачу острова, но от этого предложения Наполеон сразу отказался, заявив, что, хотя "это правда, что он выглядел честным человеком, он был слишком привязан к этому палачу" (Лоус), он также упорно отвергал помощь медицины и решил не заниматься физическими упражнениями на свежем воздухе до тех пор, пока его не вызовут часовые. На замечание о том, что его решимость может превратить излечимую болезнь в смертельную, он ответил: "По крайней мере, у меня будет утешение в том, что моя смерть будет вечным позором для английской нации, которая отправила меня в этот климат умирать от рук ..."

Важным событием в монотонной жизни Наполеона стало удаление О'Мира, который лечил его с момента прибытия на остров. Высылка этого джентльмена была вызвана подозрением в поведении, аналогичном тому, которое привело к прекращению дела Лас двадцатью месяцами ранее, а именно в ведении секретной переписки с лицами, находящимися за пределами острова. Наполеон горько жаловался на потерю своего лечащего врача, хотя, несомненно, очень редко прислушивался к его советам, и отверг как оскорбление предложенную помощь доктора Бакстера, намекнув, что губернатор желает, чтобы его жизнь была в его власти. Некоторое время спустя доктор Стоукс, военно-морской хирург, был вызван, но отозван и в конце концов предстал перед военным трибуналом за предоставление информации французам в Лонгвуде. После этого Наполеон выразил свою решимость больше не допускать визитов ни одного английского врача, и британское министерство обратилось к кардиналу Фешу с просьбой выбрать какого-нибудь известного врача в Италии, которого следовало бы отправить на остров Святой Елены для оказания помощи Наполеону. Выбор пал на доктора Антоммарчи, молодого хирурга, которого, соответственно, отправили на остров Святой Елены в сопровождении двух католических священников, аббатов Буонавити и Виньяле, и двух слуг, в соответствии с пожеланием Наполеона на этот счет. Отряд достиг острова 10 сентября 1819 года.

Во время своего первого визита император завалил Антоммарчи вопросами о его матери и семье, принцессе Юлии (жене Иосифа) и Лас Кейсах, которых Антоммарчи видел, проезжая через Франкфурт, с удовлетворением рассказал об уединении, которое он когда-то обдумывал на Корсике, вступил в некоторые дискуссии с врачом о его профессии, а затем обратил его внимание на детали своего расстройства. Пока он осматривал симптомы, император продолжал свои замечания. Иногда они были серьезными, иногда оживленными; доброта, возмущение, веселость поочередно выражались в его словах и выражении лица. "Ну, доктор! - воскликнул он. - каково ваше мнение? Должен ли я еще долго беспокоить пищеварение королей?" — "Вы переживете их, сир". — "Да, я верю вам; они не смогут запретить Европе распространять славу о наших победах, она пройдет сквозь века, она провозгласит победителей и побежденных, тех, кто был великодушен, и тех, кто не был таковым; судить будут потомки, я не боюсь их решения". — "Эта загробная жизнь принадлежит тебе по праву. Твое имя никогда не будут повторять с восхищением, не вспоминая тех бесславных воинов, которые так подло объединились против одного человека. Но вы еще не близки к своему концу, вам предстоит еще долгая карьера". — "Нет, доктор! Я не могу долго продержаться в этом ужасном климате". — "Ваше превосходное телосложение защищено от его пагубного воздействия". — "Когда-то это не уступало силе духа, которой наделила меня природа, но переход от активной жизни к полному уединению все испортил. Я растолстел, моя энергия иссякла, лук натянут". Антоммарчи не стал оспаривать мнение, которое было слишком хорошо обосновано, но перевел разговор на другую тему. "Я подчиняюсь, - сказал Наполеон, - вашему указанию. Позвольте медицине отдавать приказы, я подчиняюсь ее решениям. Я вверяю свое здоровье вашей заботе. Я обязан подробно рассказать вам о приобретенных мною привычках, о привязанностях, которым я подвержен.

"Часы, в которые я подчиняюсь предписаниям природы, вообще крайне нерегулярны. Я сплю, я ем в соответствии с обстоятельствами или ситуацией, в которой я нахожусь; обычно мой сон крепкий и безмятежный. Если боль или какой-либо несчастный случай прерывают его, я вскакиваю с постели, включаю свет, выхожу, принимаюсь за работу и фиксирую свое внимание на каком-нибудь предмете; иногда я остаюсь в темноте, меняю квартиру, ложусь в

другую кровать или растягиваюсь на диване. Я встаю в два, три или четыре часа ночи; я зову кого-нибудь составить мне компанию, развлекаю себя воспоминаниями или делами и жду возвращения дня. Я выхожу на улицу, как только появляется рассвет, совершаю прогулку, а когда показывается солнце, я возвращаюсь и снова ложусь спать, где остаюсь дольше или короче, в зависимости от того, каким обещает выдаться день. Если это плохо, и я чувствую раздражение и беспокойство, я прибегаю к методу, о котором только что упомянул. Я меняю позу, перехожу с кровати на диван, с дивана на кровать, ищу и нахожу некую степень свежести. Я не стану описывать вам свой утренний костюм; он не имеет ничего общего с теми страданиями, которые я переношу, и, кроме того, я не хочу лишать вас удовольствия от вашего удивления, когда вы увидите его. Благодаря этим хитроумным ухищрениям я дотягиваю до девяти-десяти часов, иногда позже. Затем я приказываю принести завтрак, который время от времени принимаю в ванной, но чаще всего в саду. Бертран или Монтолон составляют мне компанию, часто они оба. Врачи имеют право регулировать состав стола; будет уместно, если я расскажу вам о своем. Что ж, тогда тарелка супа, две тарелки мяса, одна тарелка овощей, салат, когда я могу его съесть, составляют весь сервиз; полбутылки кларета, который я разбавляю большим количеством воды, служит мне для питья; я выпиваю немного чистого к концу трапезы. Иногда, когда я чувствую усталость, я заменяю кларет шампанским, это верное средство для наполнения желудка".

Доктор выразил свое удивление воздержанностью Наполеона и ответил: "Во время маршей с итальянской армией я никогда не забывал приторочить к луке седла бутылку вина, немного хлеба и холодную птицу. Этого было достаточно для повседневных нужд — я даже могу сказать, что часто делился этим с другими. Таким образом я выигрывал время. Я ем быстро, мало пережевываю, мои приемы пищи не отнимают у меня много времени. Это не то, что вы одобрили бы больше всего, но в моей нынешней ситуации что это значит? У меня проблемы с печенью, болезнь, которая является распространенной в этом ужасном климате".

Антонмарчи, завоевав его доверие, теперь стал не только врачом, но и компаньоном императора и иногда читал вместе с ним. Он нетерпеливо перелистывал газеты, когда их доставляли, и свободно комментировал их содержание. "Забавно, - говорил он, - видеть, к каким мудрым мерам прибегают союзники, чтобы заставить людей забыть о моей тирании!" Однажды он почувствовал себя более вялым, чем обычно, и загорелся "Андромахой" Расина; он взял книгу, начал читать, но вскоре выпустил ее из рук. Он дошел до знаменитого отрывка, где мать описывает, что ей разрешают видеться с сыном раз в день.

Он был тронут, закрыл лицо руками и, сказав, что слишком взволнован, пожелал, чтобы его оставили в покое. Он успокоился, заснул, а когда проснулся, попросил позвать Антонмарчи еще раз. Он готовился побриться, и доктору было любопытно понаблюдать за операцией. Он был в рубашке, с непокрытой головой, рядом с ним стояли два камердинера, один из которых держал стакан и полотенце, другой - остальные приборы. Император намазал мылом одну сторону лица, отложил щетку, вытер руки и рот, взял бритву, смоченную в горячей воде, и с необычайной ловкостью побрил правую сторону. "Дело сделано, Новерраз?" — "Да, сир". — "Ну, тогда повернись лицом. Давай, негодяй, быстро, стой спокойно". Свет падал на левую сторону, которую после нанесения пены он побрил тем же способом и с той же ловкостью. Он провел рукой по подбородку. - Подними стакан. Я совершенно прав?" — "Совершенно верно". — "От меня не ускользнуло ни единого волоска, что скажете вы?" — "Нет, сир", - ответил камердинер. "Нет! Мне кажется, я вижу одно. Подними бокал, освети его получше. Как, негодяй! Лесть? Ты обманываешь меня на острове Святой Елены? На этой скале? Вы тоже соучастник. С этими словами он дал им обоим пощечину, рассмеялся и пошутил в самой приятной манере, какую только мог.

Почти невероятный пример решимости изгнанников нажать как можно больше врагов был продемонстрирован Антоммарчи по прибытии в Лонгвуд. Он утверждает, что прежде чем ему разрешили приступить к своим обязанностям хирурга, от него потребовали принести клятву, что он не будет вступать в сношения с англичанами и что он особенно будет избегать предоставления им малейшей информации о развитии беспорядков у Наполеона. Ему не разрешили увидеться со своим знаменитым пациентом до тех пор, пока не была принесена присяга. После получения такой клятвы от его врача у приближенных Бонапарта было мало оснований жаловаться, что они и сделали, на то, что английское правительство намеренно скрывало от всего мира истинное состояние его болезни. Более чем вероятно, что наблюдаемые постоянные попытки окружить их тайной, должно быть, имели тенденцию вызывать подозрения в побеге и, как следствие, усиливать строгость правил, установленных губернатором.

Вскоре после прибытия священников Наполеон решил, как мы можем предположить, отчасти в шутку, возвести одного из них в сан епископа и выбрал для епархии Джамну. "Последняя коробка, привезенная из Европы, была вскрыта, - говорит Антоммарчи. - в ней были вазы и церковные украшения. "Остановитесь, - сказал Наполеон, - это собственность Святого Петра; будьте осторожны, кто к ней прикасается; пошлите за аббатами — но, говоря об аббатах, знаете ли вы, что кардинал [Феш] - бедняга? Он посылает ко мне миссионеров и пропагандистов, как будто я кающийся грешник и как будто целая вереница их Высокопреосвященства не всегда посещала мою часовню. Я сделаю то, что он должен был сделать; у меня есть право на инвеституру, и я воспользуюсь им." Аббат Буонавита как раз входил в комнату. "Я дарю вам епископскую митру". — "Сир!" — "Я возвращаю ее вам; вы будете носить ее назло еретикам; они больше не отнимут ее у вас". — "Но, сир!" — "Я не могу добавить к этому такое богатое пособие, как для Валенсии, которое вам подарил Суше, но, во всяком случае, ваш престол получит ее". будьте защищены от возможных сражений. Я назначаю тебя епископом — дай—ка подумать - Джамны. Обширные страны, через которые протекает эта река, были готовы вступить в союз со мной — все было готово, все собирались выступить. Мы собирались нанести Англии последний удар". Речь завершилась приказом графу Монтолону раздобыть для аббата необходимое платье, чтобы вселить благоговейный трепет во всех еретиков. Итогом всего этого стало то, что алые и фиолетовые одежды, необходимые для того, чтобы снабдить нового епископа единственной ценной частью его мирских принадлежностей, его облачением, не могли быть приобретены на острове, и аббат остался аббатом, несмотря на инвеституру, и весь фарс был забыт.

Иногда мы видим Изгнанника в лучшем настроении, когда он прислушивается к голосу разума и меньше думает о неприятностях, неотделимых от состояния, до которого довели его амбиции или, как он сам всегда утверждал, судьба. Он долгое время запрещал себе заниматься физическими упражнениями, решив, как он выразился, не подвергать себя оскорблению из-за того, что его сопровождал в поездке британский офицер, или возможности быть брошенным вызовом часовому. Однажды, когда он пожаловался на свою малоподвижную жизнь, его лечащий врач порекомендовал упражняться в копании земли; Наполеон немедленно ухватился за эту идею со свойственным ему пылом. Новерраз, его егерь, который раньше привык к сельским занятиям, был удостоен звания главного садовника, и под его руководством Наполеон приступил к работе с большой энергией. Он послал за Антоммарчи, чтобы тот засвидетельствовал его недавно приобретенную ловкость в обращении с лопатой. "Ну, доктор, - сказал он ему, - доволен ли ты своим пациентом, достаточно ли он послушен? Это лучше, чем твои пилюли, Доттораччо; ты больше не будешь меня лечить". Сначала он быстро уставал и часто жаловался на слабость своего тела и хрупкость рук; но "ничего страшного, - сказал он, - я всегда приучал свое тело подчиняться

моей воле, и я заставлю его делать это сейчас и приучу к упражнениям". Вскоре ему понравилась его новая работа, и он заставил всех жителей Лонгвуда поступить на службу. Даже дамам было очень трудно уклониться от работы. Он смеялся над ними, убеждал их, умолял и использовал все свое искусство убеждения, особенно с мадам Бертран. Он заверил ее, что занятия садоводством намного лучше, чем все предписания врача, — что на самом деле это было одно из его предписаний. Но в данном случае его красноречие не возымело действия, и он был вынужден, хотя и с большой неохотой, отказаться от попыток привлечь леди-садовниц.

Но в награду у него были добровольные работники со стороны джентльменов. Антоммарчи говорит: "Император убеждал нас, возбуждал, и вскоре все вокруг нас приобрело другой вид. Здесь были раскопки, там - бассейн или дорога. Мы сделали аллеи, гроты, каскады; вид земли теперь приобрел некоторую жизнь и разнообразие. Мы посадили ивы, дубы, персиковые деревья, чтобы дать немного тени вокруг дома. Завершив декоративную часть наших трудов, мы перешли к полезной. Мы разделили землю, удобрили ее и засеяли в изобилии фасолью, горохом и всеми овощами, которые растут на острове." В ходе своих работ они обнаружили, что резервуар был бы очень полезен для хранения воды, которую можно было бы подавать по трубам из источника, расположенного на расстоянии 3000 футов.

Для этой трудоемкой попытки было абсолютно необходимо мобилизовать дополнительные силы, и в помощь им была привлечена группа китайцев, которых на острове много. Этих людей очень позабавил рабочий костюм Наполеона, который представлял собой куртку и широкие брюки, огромную соломенную шляпу, защищавшую его от солнца, и сандалии. Он пожалел тех бедолаг, которые страдали от солнечного зноя, и подарил каждому из них большую шляпу, похожую на его собственную. После долгих усилий бассейн был закончен, проложены трубы, и в него потекла вода. Наполеон заселил свой пруд золотыми рыбками, которых он поместил в него собственными руками. Он часами оставался у пруда, в то время как был так слаб, что едва мог поддерживать себя. Он развлекался тем, что следил за движениями рыб, бросал им хлеб, изучал их повадки, проявлял интерес к их любви и ссорам и с тревогой пытался найти точки сходства между их мотивами и мотивами человечества. Он часто посылал за своими помощниками, чтобы передать им свои замечания, и направлял их замечания на любые замеченные им особенности. Его любимцы, наконец, заболели, они боролись, плавали по воде и умирали один за другим. Это глубоко тронуло его, и он заметил Антоммарчи: "Вы очень хорошо видите, что со мной связана судьба. Все, что я люблю, все, что принадлежит мне, немедленно поражено: небеса и человечество объединяются, чтобы преследовать меня". С этого времени он навещал их ежедневно, несмотря на болезнь или плохую погоду, и его беспокойство не уменьшалось до тех пор, пока не было обнаружено, что медный цемент, которым было оштукатурено дно бассейна, отравил воду. Затем рыбу, которая еще не была мертвой, вынимали и складывали в кадку.

Наполеон, по-видимому, проявлял особый интерес к наблюдению за инстинктами животных и сравнению их действий и склонностей с человеческими. Дождливый день, в течение которого нельзя было приступить к рытью резервуара, дал повод для некоторых наблюдений за действиями множества муравьев, которые пробрались в его спальню, взобрались на стол, на котором обычно стоял сахар, и завладели сахарницей. Он не позволял мешать трудолюбивым маленьким насекомым выполнять их планы; но время от времени он передвигал сахар, следил за их маневрами и восхищался активностью и трудолюбием, которые они проявляли, пока они не находили его снова; на это у них уходило иногда даже два или три дня, хотя в конце концов им всегда это удавалось. Затем он наполнил таз водой,

но муравьи все равно добрались до него; в конце концов он применил уксус, и насекомые не смогли преодолеть новое препятствие.

Но слабая активность ума, которая теперь оставалась у него, вскоре сменилась вялостью и унынием болезни, с небольшими перерывами между явными страданиями и самым удручающим упадком духа. К концу 1820 года он ходил с трудом, и ему требовалась помощь даже для того, чтобы дотянуться до стула в своем саду. Он стал почти неспособен к малейшим действиям; его ноги отекали; боли в боку и спине усилились; его беспокоили тошнота, обильное потоотделение, потеря аппетита, и он был подвержен частым обморокам. "Вот я и здесь, доктор, - сказал он однажды, - в моем последнем гипсе. Энергии и сил больше не осталось: я сгибаюсь под тяжестью ... Я ухожу. Я чувствую, что мой час настал".

Несколько дней спустя, лежа на своем ложе, он с чувством рассказал Антоммарчи об огромной перемене, произошедшей в нем. Он на несколько мгновений оживил в памяти прошлые времена и сравнил свою былую энергию со слабостью, в которой он тогда тонул.

Известие о смерти его сестры Элизы также глубоко потрясло его. После борьбы со своими чувствами, которые почти одолели его, он встал, оперся на руку Антоммарчи и, пристально глядя на него, сказал: "Ну, доктор! видите ли, Элиза только что показала мне путь. Смерть, которая, казалось, забыла о моей семье, начала приближаться; моя очередь не за горами. Что вы думаете?" — "Вашему величеству ничто не угрожает: вы по-прежнему готовы к какому-нибудь славному предприятию". — "Ах, доктор! У меня нет ни сил, ни активности, ни энергичности; я больше не Наполеон. Ты тщетно пытаешься вселить в меня надежду, напомнить об уходящей жизни. Твоя забота ничего не может сделать вопреки судьбе: она непоколебима: ее решения обжалованию не подлежат. Следующий член нашей семьи, который последует за Элизой в могилу, - это великий Наполеон, которого едва ли существует, который сгибается под игом и который до сих пор держит Европу в тревоге. Посмотри, мой добрый друг, как я смотрю на свое положение! Что касается меня, то все кончено: я повторяю вам, мои дни скоро закончатся на этой жалкой скале". — "Мы вернулись, - говорит Антоммарчи, - в его комнату. Наполеон улегся в постель. "Закройте мои окна", - сказал он; предоставьте меня самому себе; я скоро пришлю за вами. Какая восхитительная вещь - отдых! Я бы не променял это ни на какие троны в мире! Какая перемена! Как я пал! Я, чья активность была безгранична, чей разум никогда не дремал, сейчас погрузился в летаргическое оцепенение, так что требуется усилие даже для того, чтобы поднять веки. Иногда я диктовал четырем или пяти секретаршам, которые писали так быстро, как только можно было произнести слова, но тогда я был НАПОЛЕОНОМ — теперь я больше никто. Мои силы, мои способности покидают меня. Я не живу — я просто существую".

С этого периода существование Наполеона, очевидно, подходило к концу, его дни были сочтены. Целые часы и даже дни проходили либо в мрачном молчании, либо в муках, сопровождаемых мучительным кашлем и всеми печальными признаками приближения смерти. 22 января 1821 года он предпринял последнюю попытку проехать несколько миль вокруг Лонгвуда, но это истощило его силы, и с тех пор его единственным занятием было катание в коляске. Даже это легкое движение вскоре стало слишком утомительным.

Теперь он сидел в своей комнате и больше не выходил из нее. Его расстройство и слабость усилились. Он все еще был в состоянии что-то есть, но очень мало и с худшим аппетитом, чем когда-либо. "Ах! доктор, - воскликнул он, - как я страдаю! Почему пушечные ядра пощадили меня только для того, чтобы я умер таким прискорбным образом? Я, который был таким активным, таким бдительным, теперь едва могу поднять веки!"

Его последний осмотр состоялся 17 марта. Болезнь усилилась, и сильно встревоженный Антоммарчи с некоторым трудом добился разрешения обратиться к английскому врачу. 26 марта он провел консультацию с доктором Арноттом из 20-го полка; но Наполеон по-прежнему отказывался принимать лекарства и часто повторял свою любимую поговорку: "Все, что должно произойти, записано, наш час отмечен, и не в нашей власти отнять у времени то, в чем нам отказывает природа". Ему становилось все хуже, и в конце концов он согласился на прием к доктору Арнотту, чей первый визит состоялся 1 апреля. Его ввели в затемненную палату пациента, в которую Наполеон не разрешил вносить свет, проверили его пульс и другие симптомы, и попросили повторить визит на следующий день. Теперь до смерти Наполеона оставалось меньше месяца, и хотя время от времени он говорил с тем красноречием и горячностью, которые так часто демонстрировал, его разум явно сдавал. Сообщение о появлении кометы было воспринято как свидетельство его смерти. Он был взволнован и эмоционально воскликнул: "Комета! это было предвестником смерти Цезаря".

3 апреля симптомы беспорядка стали настолько тревожными, что Антоммарчи сообщил Бертрону и Монтолону, что считает опасность, грозящую Наполеону, неминуемой и что Наполеону следует предпринять шаги для приведения своих дел в порядок. Теперь на него напали лихорадка и сильная жажда, которые часто прерывали его сон по ночам. 14-го Наполеон почувствовал себя лучше и поговорил с доктором Арноттом о достоинствах Мальборо, кампании которого он хотел, чтобы тот представил 20-му полку, узнав, что у них нет экземпляра в их библиотеке.

15 апреля двери Наполеона были закрыты для всех, кроме Монтолона и Маршана, и оказалось, что он составлял свое Завещание. 19-го числа ему стало лучше, боли прошли, он сел и немного поел. Он был в хорошем настроении и пожелал, чтобы ему почитали. Когда генерал Монтолон вместе с другими выразил свое удовлетворение этим улучшением, он мягко улыбнулся и сказал: "Вы обманываете самих себя, друзья мои: мне, это правда, несколько лучше, но я не меньше чувствую, что мой конец приближается. Когда я умру, у вас будет приятное утешение вернуться в Европу. Один встретится со своими родственниками, другой - с друзьями; а что касается меня, то я увижу своих храбрых товарищей по оружию на Елисейских полях. Да, - продолжал он, повысив голос, - Клебер, Дезэ, Бессьер, Дюрок, Ней, Мюрат, Массена, Бертье - все придут поприветствовать меня: они будут говорить со мной о том, что мы сделали вместе. Я расскажу им о последних событиях своей жизни. Увидев меня, они снова будут опьянены энтузиазмом и славой. Мы будем рассказывать о наших войнах со Сципионами, Ганнибалом, Цезарем и Фридрихом — это принесет нам удовлетворение, если только, - добавил он, горько рассмеявшись, - они внизу не встревожатся, увидев столько воинов, собранных вместе!"

Он обратился к доктору Арнотту, который вошел, пока он говорил, и рассказал об обращении, которое он получил из Англии, сказав, что она нарушила все священные права, взяв его в плен, что с ним следовало обращаться гораздо лучше в России, Австрии или даже Пруссии; что его намеренно отправили на ужасную скалу Святой Елены умирать; что его намеренно поместили в самое непригодное для жизни место этого негостеприимного острова и держали шесть лет взаперти, и что сэр Хадсон Лоу был его палачом. Он закончил следующими словами: "Вы умрете, как гордая Венецианская республика; и я, умирая на этой унылой скале, вдали от тех, кто мне дорог, и лишенный всего, завещаю позор и ужас моей смерти правящей семье Англии".

21-го числа Наполеон дал указания присутствовавшему при этом священнику относительно того, каким образом он будет похоронен после своей смерти; и, обнаружив, что его религиозный служитель никогда не совершал богослужение с такой торжественностью, он

дал самые подробные инструкции относительно способа его проведения. Впоследствии он заявил, что умрет, так как родился католиком, и пожелал, чтобы у его тела служили мессу и обычные церемонии совершались каждый день до его похорон. Выражение его лица было серьезным и судорожным; он увидел, что Антоммарчи наблюдает за его схватками, когда его взгляд уловил какой-то признак, который вызвал у него неудовольствие. "Ты выше этих слабостей; но чего бы ты хотел? Я не философ и не врач. Я верю в Бога; я исповедую религию моих отцов; не каждый может быть атеистом, кому заблагорассудится". Затем, обращаясь к священнику: "Я родился в католической религии. Я хочу выполнять обязанности, которые оно налагает, и получать помощь, которой оно управляет. Вы будете каждый день служить мессу в соседней часовне и в течение сорока часов будете приобщать к Святому Причастию. После моей смерти ты поставишь свой алтарь у моего изголовья в погребальной камере; ты продолжишь служить мессу и совершать все обычные церемонии; ты не прекратишь, пока я не буду предан земле". Аббат (Виньяле) удалился; Наполеон упрекнул своего соотечественника за его предполагаемое недоверие. "Можете ли вы довести это до такой степени? Можете ли вы не верить в Бога? Все свидетельствует о Его существовании; и, кроме того, величайшие умы думали именно так". — "Но, сир, я никогда не ставил это под сомнение. Я наблюдал за развитием лихорадки: вашему величеству показалось, что вы увидели в моих чертах выражение, которого не было у них". — "Вы врач, доктор", - со смехом ответил он. "Эти люди, - добавил он, наполовину про себя, - знакомы только с материей; они не поверят ни во что сверх этого".

Во второй половине дня 25-го ему стало лучше, но, когда он остался один, внезапное желание поесть овладело им. Он заказал фрукты, вино, попробовал печенье, затем проглотил немного шампанского, схватил гроздь винограда и разразился приступом смеха, как только увидел, что вернулся Антоммарчи. Врач приказал убрать десерт и придрался к метрдотелю; но дело было сделано, лихорадка вернулась и стала жестокой. Император сейчас находился на смертном одре, но он проявлял заботу о каждом. Он спросил Антоммарчи, удовлетворят ли английского врача 500 гиней и не хотел бы он сам служить Марии Луизе в качестве врача? "Она моя жена, первая принцесса в Европе, и после меня ты не должен служить никому другому". Антоммарчи выразил свою признательность. Лихорадка не ослабевала, сопровождаясь сильной жаждой и холодом в ногах. 27-го он решил перейти из маленькой комнаты в салон. Они готовились нести его. "Нет, - сказал он, - не раньше, чем я умру; пока будет достаточно, если вы поддержите меня".

Между 27-м и 28-м император провел очень тяжелую ночь; лихорадка усилилась, холод распространился по всему телу, силы совсем покинули его. Он сказал несколько ободряющих слов Антоммарчи; затем тоном совершенного спокойствия и самообладания передал ему следующие инструкции: "После моей смерти, которая не за горами, я хочу, чтобы вы вскрыли мое тело; я также хочу, нет, я требую, чтобы вы не позволяли ни одному английскому врачу прикасаться ко мне. Если, однако, вы сочтете необходимым иметь кого-то в помощниках, доктор Арнотт - единственный, кого я готов вам нанять. Далее, я желаю, чтобы вы извлекли мое сердце, поместили его в винный спирт и отнесли в Парму моей дорогой Марии Луизе: вы скажете ей, как нежно я любил ее, что я никогда не переставал любить ее; и вы сообщите ей все, чему вы были свидетелем, все, что относится к моему положению и моей смерти. Я рекомендую вам, прежде всего, тщательно осмотреть мой желудок, составить точный подробный отчет о нем, который вы передадите моему сыну. Рвотные позывы, которые следуют один за другим без перерыва, наводят меня на мысль, что желудок - это тот из моих органов, который в наибольшей степени поврежден, и я склонен полагать, что он поражен болезнью, которая свела моего отца в могилу, — я имею в виду рак нижней части живота. Что вы думаете? Поколебавшись, его врач продолжил: "Я не сомневался в

этом с тех пор, как обнаружил, что болезнь стала частой и упорной. Тем не менее, стоит отметить, что у меня всегда был железный желудок, что до недавнего времени я не испытывал неудобств от этого органа и что, хотя мой отец любил блюда с высокой приправой и спиртные напитки, я никогда не мог ими воспользоваться. Как бы то ни было, я умоляю, я заклинаю вас ничем не пренебрегать при таком обследовании, чтобы, когда вы увидите моего сына, вы могли сообщить ему о результатах ваших наблюдений и указать на наиболее подходящие средства лечения. Когда меня не станет, ты отправишься в Рим; ты найдешь мою мать и мою семью. Вы дадите им отчет обо всем, что вы наблюдали относительно моего положения, моего расстройства и моей смерти на этой отдаленной и жалкой скале; вы скажете им, что великий Наполеон скончался в самом плачевном состоянии, желая всего, предоставленный самому себе и своей славе". Было десять часов утра; после этого лихорадка спала, и он впал в нечто вроде дремоты.

Император провел очень тяжелую ночь и не мог уснуть. У него закружилась голова, и он говорил бессвязно; тем не менее лихорадка утихла. К утру его начала мучить икота, температура усилилась, и он стал бредить. Он рассказал о своей жалобе и призвал Бакстера (врача губернатора) явиться и убедиться в правдивости его сообщений. Затем, внезапно представив себе присутствие О'Мира, он представил себе диалог между ними, бросающий тень ненависти на английскую политику. Лихорадка спала, его слух стал отчетливым; он успокоился и вступил в дальнейший разговор о том, что будет сделано после его смерти. Он почувствовал жажду и выпил большое количество холодной воды. "Если бы судьба решила, что я выздоровею, я бы воздвиг памятник на том месте, где бьет эта вода.: Я бы увенчал фонтан в память об утешении, которое он мне даровал. Если я умру, и они не наложат запрет на мои останки, как наложили запрет на мою личность, я пожелаю быть похороненным вместе со своими предками в соборе Аяччо на Корсике. Но если мне не позволено упокоиться там, где я родился, что ж, тогда пусть они похоронят меня в том месте, где течет эта прекрасная и освежающая вода". Впоследствии эта просьба была удовлетворена.

Он оставался почти в том же состоянии в течение нескольких дней. 1 мая он почти весь день бредил и страдал от ужасной рвоты. Он принял два маленьких печенья и несколько капель красного вина. На 2-й день он был довольно спокоен, и тревожные симптомы немного уменьшились. Однако в два часа дня у него случился приступ лихорадки, и он снова впал в бред. Он говорил сам с собой о Франции, о своем дорогом сыне, о некоторых своих старых товарищах по оружию. Временами он, очевидно, воображал поле битвы. "Штенгель! - восклицал он. - Дезэ! Массена! Ах! победа заявляет о себе! бегите—бросайтесь вперед — бросайтесь в атаку!— они наши!"

"Я слушал, - говорит доктор Антоммарчи, - и следил за развитием этой мучительной агонии в глубочайшем отчаянии, когда Наполеон, внезапно собравшись с силами, спрыгнул на пол и решительно направился в сад, чтобы прогуляться. Я подбежал, чтобы заключить его в объятия, но его ноги подогнулись под тяжестью его тела; он упал навзничь, и я испытал унижение оттого, что не смог предотвратить его падение. Мы подняли его и умоляли снова лечь в постель; но он никого не узнавал и начал бушевать и впадать в неистовую ярость. Он был без сознания и с тревогой хотел прогуляться по саду. Однако в течение дня он стал более собранным и снова заговорил о своей болезни и точном анатомическом исследовании своего тела, которое он хотел бы провести после смерти. Ему показалось, что это может пригодиться его сыну. "Врачи Монпелье, - сказал он Антоммарчи, - объявили, что цирроз привратника будет передаваться по наследству в моей семье; их отчет, я полагаю, находится в руках моего брата Луи; попросите его и сравните с вашими собственными наблюдениями за моим случаем, чтобы мой сын мог быть спасен от этой жестокой болезни. Вы увидите его,

доктор, и укажете ему, что лучше всего сделать, и спасете его от жестоких страданий, которые я сейчас испытываю. Это последняя услуга, о которой я прошу вас". Позже в тот же день он сказал: "Доктор, я очень болен — я чувствую, что скоро умру".

Последний раз Наполеон говорил, если не считать нескольких коротких бессвязных слов, 3 мая. Это было во второй половине дня, и он попросил своих сопровождающих на случай потери сознания не подпускать к нему ни одного английского врача, кроме доктора Арнотта. "Я собираюсь умереть, - сказал он, - а вы вернуться в Европу; я должен дать вам несколько советов относительно линии поведения, которой вы должны придерживаться. Вы разделили мое изгнание, вы будете верны моей памяти и не сделаете ничего, что может ей повредить. Я санкционировал все надлежащие принципы и внедрил их в свои законы и поступки; я не упустил ни одного из них. Однако, к сожалению, обстоятельства, в которые я попал, были тяжелыми, и я был вынужден действовать со всей строгостью и отложить осуществление своих планов. Наши дела пошли наперекосяк; я не смог натянуть тетиву, и Франция была лишена либеральных институтов, которые я намеревался ей дать. Она судит обо мне снисходительно; она благодарна за мои намерения; она дорожит моим именем и моими победами. Подражайте ее примеру, будьте верны мнениям, которые мы отстаивали, и той славе, которую мы приобрели: любой другой путь может привести только к стыду и замешательству".

С этого момента, похоже, Наполеон не проявлял никаких признаков понимания того, что происходило вокруг него. Его слабость усиливалась с каждым мгновением, и мучительная икота продолжалась до тех пор, пока не наступила смерть. За день до этого события страшная буря угрожала уничтожить все в Лонгвуде. Плантации были вырваны с корнем, и особенно бросалось в глаза, что ива, под которой Наполеон обычно сидел, наслаждаясь свежим воздухом, упала. "Казалось, - говорит Антоммарчи, - что ничто из того, чем император дорожил, не переживет его". В день его смерти мадам Бертран, которая не отходила от его постели, послала за своими детьми, чтобы в последний раз попрощаться с Наполеоном. Последовавшая за этим сцена была трогательной: дети подбежали к кровати, поцеловали руки Наполеона и залили их слезами. Один из детей упал в обморок, и всех пришлось уносить с места происшествия. "Мы все, - говорит Антоммарчи, - смешивали наши стенания с их жалобами: все мы испытывали одну и ту же тоску, одно и то же жестокое предчувствие приближения рокового момента, которое с каждой минутой ускорялось". Любимый камердинер Новерраз, который уже некоторое время был тяжело болен, когда услышал о состоянии, в котором находился Наполеон, приказал отнести себя вниз и вошел в комнату в слезах. Его с большим трудом уговорили покинуть комнату: он был в бреду, и ему казалось, что его хозяину угрожает опасность, и он взывал к нему о помощи; он сказал, что не оставит его, но будет сражаться и умрет за него. Но Наполеон был теперь нечувствителен к слезам своих слуг; он почти не разговаривал в течение двух дней; ранним утром он произнес несколько отрывистых фраз, среди которых можно было различить только "tete d'armee", последнее, что слетело с его губ и указывало на содержание его фантазий. День прошел в конвульсивных движениях и тихих столах, иногда с громким визгом, и мрачная сцена закончилась незадолго до шести вечера. Легкая пена покрыла его губы, и его больше не было.

После того, как он был мертв около шести часов, Антоммарчи приказал тщательно вымыть тело и переложить на другую кровать. Затем душеприказчики приступили к изучению двух дополнений, которые было предписано вскрыть сразу после кончины императора. В одном говорилось о чаевых, которые он предназначал из своего личного кошелька разным членам своей семьи, и о милостыне, которую он хотел раздать беднякам острова Святой Елены; в

другом содержалось его последнее желание, чтобы "его прах покоился на берегах Сены, среди французского народа, который он так сильно любил". Исполнители уведомили об этой просьбе губернатора, который заявил, что по его приказу тело должно было оставаться на острове. На следующий день, сняв гипсовый слепок с лица Наполеона, Антоммарчи приступил к вскрытию тела в присутствии сэра Томаса Рида, нескольких штабных офицеров и восьми медиков.

Император предназначал свои волосы (которые были каштанового цвета) для подарков разным членам своей семьи, и они были срезаны и сохранены для этой цели.

За последние несколько месяцев он заметно похудел. После смерти его лицо и тело были бледными, но без изменений и не имели трупного вида. Его физиономия была прекрасна, глаза быстро закрывались, и можно было сказать, что император не умер, а погрузился в глубокий сон. Его рот сохранил свое миловидное выражение, хотя одна сторона была скривлена в горькой улыбке. На его теле было видно несколько шрамов. При вскрытии оказалось, что печень не поражена, но обнаружен рак желудка, который он сам подозревал и от которого умерли его отец и две его сестры. Закончив этот болезненный осмотр, Антоммарчи извлек сердце и поместил его в серебряную вазу, наполненную винным спиртом; затем он приказал камердинеру одеть тело так, как он привык при жизни императора, с большим орденом Почетного легиона на груди, в зеленую форму полковника гвардейских егерей, украшенную орденами Почетного легиона и Железной короны, длинные сапоги с маленькими шпорами и, наконец, в свою треуголку. В таком виде Наполеон был удален во второй половине дня 6-го числа из зала, в который немедленно хлынула толпа. Полотно, которым было произведено вскрытие тела, хотя и было запачкано кровью, было поспешно схвачено, разорвано на куски и роздано прохожим.

Наполеон покоился в своей маленькой спальне, превращенной в погребальную камеру. Она была завешена черной тканью, привезенной из города. Это обстоятельство первым известило жителей о его смерти. Труп, который не был забальзамирован и отличался необычайной белизной, был положен на одну из складных кроватей, окруженную маленькими белыми занавесками, служившими саркофагом. Синий плащ, который был на Наполеоне в битве при Маренго, прикрывал его. Ноги и руки были свободны; на левом боку висела шпага, а на груди - распятие. На некотором расстоянии стояла серебряная ваза с сердцем и желудком, которые не разрешалось вынимать. В задней части головы находился алтарь, где священник в ризе и стихаре читал обычные молитвы. Все члены свиты Наполеона, офицеры и слуги, одетые в траур, остались стоять слева. Доктору Арнотту было поручено следить за тем, чтобы не было предпринято никаких попыток вынести тело.

В течение нескольких часов толпа осаждала двери; их впустили, и они созерцали бездыханные останки Наполеона в почтительном молчании. Первыми были допущены офицеры 20-го и 66-го полков, затем остальные. На следующий день (7-го) толпа была еще больше. Антоммарчи не разрешили взять с собой в Европу сердце Наполеона; он поместил его и желудок в две вазы, наполненные спиртом и герметично закупоренные, по углам гроба, в который положили труп. Это был цинковый каркас, обтянутый белым атласом, в котором лежал матрас с подушкой. Поскольку на голове у него не было места для шляпы, ее положили к его ногам вместе с несколькими орлами, французскими монетами, отчеканенными во время его правления, табличкой с выгравированным на ней гербом и т.д. Гроб был закрыт, тщательно запаян, а затем закреплен в другом ящике из красного дерева, который был заключен в третий, сделанный из свинца, который последним был закреплен в четвертом из красного дерева, который был запечатан и закреплен шурупами. Гроб был выставлен на том же месте, что и тело, и также был накрыт плащом, который был на

Наполеоне во время битвы при Маренго. Похороны были назначены на завтра, 8 мая, и войска должны были присутствовать утром, к рассвету.

Все происходило соответственно: губернатор прибыл первым, контр-адмирал вскоре после него, и вскоре все представители власти, гражданские и военные, собрались в Лонгвуде. День был погожий, люди заполнили дороги, с высот доносилась музыка; никогда еще в этих отдаленных краях не было столь печального и торжественного зрелища. В половине первого гренадеры взялись за гроб, с трудом подняли его и перенесли на большую аллею в саду, где их ожидал катафалк. Его поместили в карету, накрыли покрывалом из фиолетового бархата и плащом, который герой носил при Маренго. Домочадцы императора были в трауре. Кавалькада была организована по приказу губернатора следующим образом: аббат Виньяле в священническом облачении, рядом с ним молодой Анри Бертран, несущий асперсориум; доктора Арнотт и Антоммарчи, лица, которым поручено присматривать за катафалком, запряженным четырьмя лошадьми под предводительством конюхов и в сопровождении двенадцати гренадеров без оружия с каждой стороны; эти последние должны были нести гроб на плечах, как только неровности дороги помешают катафалку двигаться дальше; молодой Наполеон Бертран, которому было поручено следить за катафалком, и Маршан, оба пешком и рядом с катафалком; графы Бертран и Монтолон верхом на лошадях непосредственно за катафалком; часть двора императора; графиня Бертран со своей дочерью Гортензией в коляске, запряженной двумя лошадьми, ведомыми за руки ее слугами, которые шли рядом с обрывом; лошадь императора, ведомую его пикером Аршамбо; офицеры морской пехоты верхом и пешими; офицеры штаба верхом на лошадях; члены совета острова в колясках. подобным образом; генерал Коффин и маркиз Мончену верхом; контр-адмирал и губернатор верхом; жители острова.

Поезд, отправившийся в таком порядке из Лонгвуда, прошел мимо казарм и был встречен гарнизоном численностью около 2500 человек, выстроившимся слева от дороги до самых ворот Хижины. Военные оркестры, размещенные на разных расстояниях, еще больше усиливали поразительную торжественность этого события своими скорбными песнями. Когда поезд проехал, войска последовали за ним и сопровождали его до места захоронения. Драгуны прошли первыми. Затем последовали 20-й пехотный полк, морская пехота, 66-й полк добровольцев острова Святой Елены и, наконец, рота Королевской артиллерии с пятнадцатью орудиями. Леди Лоу и ее дочь находились на обочине дороги у ворот Хат в открытом экипаже, запряженном парой лошадей. Их сопровождали несколько слуг в трауре, которые следовали за процессией на некотором расстоянии. Пятнадцать артиллерийских орудий были расставлены вдоль дороги, и артиллеристы стояли на своих постах, готовые открыть огонь. Продвинувшись примерно на четверть мили за ворота Хижины, катафалк остановился, войска остановились и выстроились в боевую линию на обочине дороги. Затем гренадеры подняли гроб на плечи и понесли его таким образом к месту погребения по новому маршруту, который был специально проложен по склону горы. Все сопровождающие вышли, дамы вышли из своих экипажей, и процессия последовала за трупом, не соблюдая никакого установленного порядка.

Графы Бертран и Монтолон, Маршан и молодой Наполеон Бертран несли четыре угла покрова. Гроб был установлен сбоку от могилы, завешенной черным. Рядом виднелись шнуры и блоки, которые должны были опустить его в землю. Затем гроб открыли, аббат Виньяле повторил обычные молитвы, и тело опустили в могилу ногами на восток. Затем артиллерия произвела три салюта подряд по пятнадцать залпов в каждом. Во время процессии адмиральский корабль время от времени производил двадцатипятиминутный залп. Огромный камень, который должен был быть использован при строительстве нового

дома императора, теперь использовался для закрытия его могилы и опускался до тех пор, пока не уперся в прочную каменную стену, чтобы не касаться гроба. Когда могила была закрыта, толпа ухватилась за ивы, которые прежде присутствие Наполеона уже сделало объектами почитания. Каждый жаждал завладеть веткой или несколькими листьями этих деревьев, которые отныне должны были осенять могилу этого великого человека, и сохранить их как драгоценную реликвию столь памятного события. Губернатор и адмирал пытались предотвратить это безобразие, но тщетно. Губернатор, однако, впоследствии окружил это место баррикадой, где поставил охрану, чтобы не пускать посторонних. Гробница императора находилась примерно в лиге от Лонгвуда. Она имела четырехугольную форму, более широкую сверху, чем внизу; глубина около двенадцати футов. Гроб был установлен на двух прочных кусках дерева и отсоединен по всей окружности.

Соратники Наполеона вернулись во Францию, и остров постепенно вернулся к своему прежнему спокойному состоянию, в то время как плачущие ивы над могилой охраняли прах человека, для которого Европа была слишком мала.

ЗАКЛАДКИ электронного ТЕКСТОВОГО РЕДАКТОРА:

Секту нельзя уничтожить пушечными ядрами

Способность заставить предположить, что он действительно обладал талантом

Абсурдность вмешательства в мелочи

Больше восхищался им за то, чего у него хватило мужества не делать

Всегда предлагал то, на что, как он знал, нельзя было с честью согласиться

Благословение старика еще никому не вредило

Воодушевленный несчастливым рвением

Похоронен с целью быть выкопанным

Клеветать на такие могущественные чары

Причина войны между Соединенными Штатами и Англией

Завоевание можно рассматривать только как гений разрушения

Требуя всего, чтобы ничего не получить

Умру молодым, и у меня будет хоть какое-то утешительное размышление

Каждый раз, когда мы вступаем с ними в войну, мы учим их, как победить нас

Не может быть атеистом каждый, кто хочет

Поезжайте в Англию. Англичане любят спорящих политиков
Бог в своей милости избрал Наполеона своим представителем на земле
Становился все более злым по мере того, как его гнев становился все менее заметным
Ничему не научился и ничего не забыл
Я создавал совершенов, но сам не желал быть одним из них
Я не живу — я просто существую
Идеологи
Бессмертие - это воспоминание, которое человек оставляет
Короли чувствуют, что они рождены генералами: чего бы еще они ни умели делать
Целовать ноги пап при условии , что у них связаны руки
Пусть женщины занимаются своим вязанием
Злобе доставляет удовольствие очернять характеры выдающихся людей
Составители фраз
Более славно заслужить скипетр, чем обладать им
Самые знаменитые люди проигрывают при ближайшем рассмотрении
Необходимо позволить людям и вещам идти своим чередом
Во Франции ничего не изменилось: стало всего на одного француза больше
Укрась мундиры моих добродетельных республиканцев золотым галуном
Религия полезна правительству
Права на несчастье всегда священны
Что- то такое соблазнительное в народном энтузиазме
Поражайте их воображение нелепостями, а не рациональными идеями
Подчиняться событиям, чтобы казалось, что он ими командует
Склонность продавать шкуру медведя перед его убийством
То утешение, которое всегда остается недовольным
Будуар часто был прочнее шкафа
Желание и реальность были для него одним и тем же
Те, кто свободен от общепринятых предрассудков, приобретают других
Не оставлять после себя никаких следов своего существования
Мирные договоры не менее губительны, чем войны
Договор, согласно обычаю, назывался бессрчным

Мелочи , удостоенные слишком большого внимания

С ними подружились, чтобы они не стали врагами

Когда у человека так много денег, он не мог получить их честно

Будет действовать тем больше, чем больше мы уступаем

Поддаваться иллюзии, когда правда не удовлетворяла